

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2020. 57(3)
РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

А. А. Черкасов (г. Волгоград, Россия)
гл. редактор – д-р ист. наук

Е. Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону, Россия)
зам. гл. редактора – д-р ист. наук

С. И. Дегтярев (г. Сумы, Украина)
д-р ист. наук

В. Г. Иванцов (г. Сочи, Россия)
канд. ист. наук

Т. А. Магсумов (г. Набережные Челны,
Россия)
канд. ист. наук

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Редакционный совет:

Д. Даровец (г. Венеция, Италия)

П. Джозефсон (г. Вотервилль, США)

Р. Марвик (г. Ньюкасл, Австралия)

Р. В. Метревели (г. Тбилиси, Грузия)

Б. Н. Миронов (г. Санкт-Петербург, Россия)

Дж. Санборн (Пенсильвания, США)

В. Сандерлэнд (г. Цинциннати, США)

С. Г. Суляк (г. Тирасполь, Молдавия)

С. Ф. Фоминых (г. Томск, Россия)

Г. Чжан (г. Чанчунь, Китай)

Ф. Б. Шенк (г. Базель, Швейцария)

М. Шмигель (г. Банска Быстрица, Словакия)

Учредитель – International Network Center for Fundamental and Applied Research, США
Издатель – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Словакия

Адрес для писем:

831 04, Словакия, г. Братислава – Нове Место,
ул. Стара Вайнорска, 1367/4

Подписано в печать 01.09.2020 г.
Формат 21 × 29,7/4.

Заказ № 62.

Тел.: +421 940 136139 (Словакия)
Тел.: +7 918 2019719 (Россия)
E-mail: bylyegody.incfar@gmail.com
Сайт журнала: <http://ejournal52.com>

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай I, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография из серии «Виды Российской империи»

BYLYE GODY. 2020. 57(3)
RUSSIAN HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

A. A. CHERKASOV (VOLGOGRAD, RUSSIA)
Editor in Chief – Dr. (History)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)
Deputy Editor in Chief – Dr. (History)

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE)
Dr. (History)

V. G. IVANTSOV (SOCHI, RUSSIA)
PhD (History)

T. A. MAGSUMOV (NABEREZHNYE CHELNY,
RUSSIA)
PhD (History)

This journal is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Editorial Board:

D. DAROVEC (VENICE, ITALY)

S. F. FOMINYKH (TOMSK, RUSSIA)

P. JOSEPHSON (WATERVERVILLE, USA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)

Publisher – International Network Center for Fundamental and Applied Research, USA
Co-publisher – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Slovak Republic

Postal Address:

1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava –
Nove Mesto, 831 04

Approved for printing 1.09.2020

Order № 62.

Тел.: +421 940 136139 (Slovak Republic)
Tel.: +7 918 2019719 (Russia)
E-mail: bylyegody.incfar@gmail.com
Website: <http://ejournal52.com>

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:

Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas I is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskaya Gubernia (Black Sea Province) emblem
and photo from the series «The views of the Russian Empire»

C O N T E N T S

ARTICLES

Nuremberg Jetons as Cultural and Chronological Markers of the Russian Period in Western Siberia A.A. Pushkarev	919
The First Russian Lithuanists: the Karamzin's Case A.Yu. Dvornichenko, R.-E.A. Kudrayvtseva	930
Psychological Factors in Suicides Among the Indigenous People of the Arctic Zone of Western Siberia in the XVII – XIX centuries (Based on Materials from the Regional Archives) E.A. Naumenko	944
The Islands in a Cultural Landscape of Lower Tom River Region in the XVII–XVIII centuries E.V. Vodyasov	952
The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 3 A.A. Cherkasov, S.N. Bratanovskii, M.A. Ponomareva, L.G. Zimovets	960
Jonathan Clark's «Confessional State»: Concept and Discussion M.S. Stetkevich, T.V. Chumakova, E.S. Stetkevich	973
Tax Receipts in Prikamye from House and Trade Baths in the 1720–1780s A.A. Kosmovskaya	982
Stavropol Kalmyk Regiment in the Napoleonic Wars: Military Awards of Their Members U.B. Ochirov	993
Kalmyk Cavalry in the Russo-Turkish War of 1735–1739: Campaign of 1736 V.T. Tepkeev	1003
Russian Army as a Phenomenon of Empire: Analysis of Historiography T.A. Volodina, K.A. Podrezov, T.A. Taruntaeva	1011
Traditions of the Military Service Group in the Investigation Materials of the (Un)baptized Kalmyk, 1746: the Experience of Social Regulation in the Russian Empire A.S. Ryazhev	1025
Formation of a System of Material Support and Encouragement of Civil Servants of the Russian Empire at the end of the 18th – first half of the 19th centuries S.I. Degtyarev, O.G. Tkachenko, L.G. Polyakova, D.I. Stepanova	1034
The Origins of the English Counterrevolution in the Context of a Comparative Analysis of the Main Interpretations of the American Revolution of the XVIII century L.V. Sidorenko	1045
The Evolution of the Orthodox Parish on the Territory of Yenisei Siberia in the late XVIII – first half of the XIX century N.L. Khait, A.P. Dvoretzkaya, D.N. Gergilev, O.V. Konovalova	1055
The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 3 A.M. Mamadaliev, D.V. Karpukhin, N.V. Svechnikova, A. Médico	1065
The Aristocratic Groups of Dagestan in Relations with the Russian Empire and the Imamate in the first half of the XIX century D.V. Ovsjannikov	1085
The Trade Communication in the Kyrgyz Steppe (first half of the XIX century): Some Characteristic Features B.A. Bulgarova, V.V. Barabash, V.L. Muzykant, K.E. Kasymalieva	1093

Antiquities of the Kazakh Steppes in Travel Notes of the Russian Researcher I.P. Shangin T.V. Koshman, M.K. Khabdulina	1101
The System of Public Education in the Orenburg Cossack Army (1820–1917). Part 1 T.A. Magsumov, T.E. Zulfugarzade	1113
Act Materials as a Historical Source about the Functions and Personnel of Siberia Local Authorities in the 19th century T.G. Karchaeva, A.S. Kovalev, N.R. Novosel'tsev, M.P. Yatsenko	1124
Charity as the Demonstration of Mentality of the Merchant Class and Entrepreneurs of Russia in the XIX century A.G. Gryaznukhin, T.V. Gryaznukhina, L.V. Belgorodskaya, L.F. Malyutina	1132
Social Portrait of the Population of Ukrainian Provinces in the middle of the 19th century (Based on Materials from the «Military Statistical Review of Russian Empire») A.E. Lebid, A.V. Honcharenko, N.A. Shevchenko	1142
The Natural Resource Potential of the Central Asian Outskirts Regional Development in the Plans of Russian Imperial Political Elite (second half of the 19th – early 20th centuries) Yu.A. Lysenko	1158
“Turned the Ruble over the Entire Cossack Economy”: the Evolution of the Don Cossack Households in 1860–1890 A.Yu. Peretyatko	1168
Literary Enlightenment in the Russian Province in the second half of the 19 th century (the Examples of the Don Cossack Host and the Kamishin Region) A.A. Solovyev, A.V. Zakharov, N.L. Vinogradova, L.S. Solovyeva	1179
Prostitution and Russian Society in the second half of the XIX and early XX centuries E.M. Berestova, A.M. Subbotina	1186
The Organizational Potential of the Societies of Agricultural Colonies and Craft Shelters at the Stage of Formation (on the Example of Siberia at the end of the 19th – beginning of the 20th century) N.V. Pashina, T.A. Kattsina, L.E. Mezit, V.I. Fedorchenko.....	1194
Women in the service of Russian Ministry of Internal Affairs (second half of the XIX – early XX centuries) V.A. Veremenko	1202
The Beginning of the “Big Game” (“Shadow Games”) in Central Asia through the Prism of the Fate of Individual Residents of Orenburg in the nineteenth century E.I. Mayorova, R.V. Shagiyaeva, M.A. Khvatova, A.M. Fathutdinova	1218
The Russian Spiritual Mission in Japan and the Role of Nikolai Kasatkin K.T. Zhumagulov, R.O. Sadykova	1232
The Russo-Turkish War of 1877–1878: the Hostilities in the Black Sea Region K.V. Taran, S.D. Ludwig	1217
Locking Device of the Kalita Moneybag at the Late Middle Ages (According to the Materials of the Settlement Isker – the Capital of the Siberian Khanate) A.A. Adamov	1255
Influence of Railways on the Development of the Settlement Network in Astrakhan Province (the last quarter of the XIX – beginning of the XX century) S.S. Belousov	1264
National Policy of Alexander III: an Attempt to Form an “Imperial Identity” V.V. Titov	1270

Russian Collections in the Museum of Russian Studies of the Imperial Kazan University E.G. Guschina, T.T. Titova, A.I. Khairullina, A.Kh. Mingaliev	1281
From the History of the Alexander Nevsky Cathedral in Tsaritsyn City (1888–1932) I.N. Litvinova	1290
The Practice of Office Work in the Semirechensk Region in the late XIX – early XX centuries F.N. Miymanbaeva, N.K. Alpysbayeva, E.T. Kartabaeva, G.Zh. Oten	1299
The Galilee School District of the Imperial Orthodox Palestine Society in the 1892–1914: Russian Employees of Inspectorate P.V. Fedotov	1309
The Russian Empire’s Scientific Heritage: V.V. Bartold and Central Asia A.A. Nurzhanov, G.A. Kaldybaeva, I.V. Krupko	1317
Evolution of Robert Vipper’s Opinion of Early Christian History during his First Professorship in Moscow (1897–1922) D.A. Bratkin, D.I. Weber, V.A. Perestoronin	1327
Russian Concessions on the Yalu River, 1897–1903: Who and How Formed the Opinion of Nicholas II about the "Korean Vector" of Imperial Politics in the Far East on the Eve of the Russo-Japanese War P.N. Dudin	1340
The Steamers of the Merchant I.I. Bodalev: the Arguments for the Shipbuilding and His Shipping Company on the Izhevsk Pond N.W. Mitiukov, S.L. Bautina	1359
Russian Neo-Populists the First Quarter of the XXth century in Inter-Party Relation and Interpersonal Relationships O.L. Protasova	1367
The German Soldier in the “Enemy Image” in Russian Propaganda during the First World War (on the Proclamation Materials) O.A. Arshintseva, V.N. Kozulin, P.V. Ulyanov, Yu.G. Chernyshov	1378
Charitable Activity in the Left Bank Ukrainian Provinces during the First World War L.I. Rozhkova, S.A. Shestakova, I.I. Kharchenko, N.N. Kuzmenko	1387
Peasantry of the Altai Province and Cooperation (Based on the Materials of the All-Russian Agricultural Census of 1917) V.N. Razgon, K.A. Pozharskaya, A.V. Razgon	1400
East European Historical Society (2015–2020): Foundation and Development O.V. Natolochnaya, Yu.N. Makarov, R.M. Allalyev, V.A. Svechnikov	1409

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 919-929. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.919
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

ARTICLES

Nuremberg Jetons as Cultural and Chronological Markers of the Russian Period in Western Siberia

Andrey A. Pushkarev^{a, *}

^aTomsk State University, Russian Federation

Abstract

Nuremberg jetons are coin-shaped pieces that were minted in Nuremberg and originally used as counters on a special board called an abacus. At the turn of the 16th and 17th centuries, the jetons began to be imported in large volumes into the Russian State, where they were in great demand among indigenous peoples of the Volga Region, Western and Eastern Siberia. They used the jetons as badges and pendants to decorate their clothes.

The paper focuses on studying the Nuremberg jetons as chronological markers that can be used to date changes in cultures of indigenous and Russian populations of Western Siberia from the late 16th to the early 19th centuries.

Based on the numismatic analysis of a collection of jetons from Western Siberia, three “waves” of their importation to the region were identified: the “first wave” jetons date back to 1554–1635; the “second wave” jetons – to the 1650s–1700s; the “third wave” jetons – to 1775–1793. A study of numismatic catalogs and written sources established a connection between the identified “waves” and the history of coinage and supplies of the jetons from Nuremberg.

The territorial and chronological analysis of the sources revealed some distribution patterns of the jetons from various periods in certain historical and cultural zones of Western Siberia. The “first wave” jetons have been shown to appear mainly in the southern taiga zone of Western Siberia. The distribution area of the “second wave” artifacts in the Irtysh River Region remained the same. In the Ob River Region, it moved north – to the Narym and Surgut Ob Region. The “third wave” jetons were found further north – in the Surgut- and Lower Ob Region.

The findings of this study concerning the existence of the Nuremberg jetons in Western Siberia can be further used to create fractional chronology of archaeological and ethnographic sites in the region. This, in turn, will provide more detailed insights into cultural changes in the communities of Western Siberia in certain periods of its development.

Keywords: nuremberg jetons, Western Siberia, Russian period in Siberia, chronology, numismatics, archaeology.

1. Введение

Приход русского населения на территорию Западной Сибири и последующее ее освоение внесло кардинальные изменения в жизнь индигенного населения региона. Очень важным для изучения является период конца XVI–XVIII вв. – времени глубокой трансформации материальной и духовной культуры народов, населяющих Западную Сибирь. Для изучения этих процессов главными источниками

* Corresponding author

E-mail addresses: supdrong@gmail.com (A.A. Pushkarev)

являются археологические и этнографические материалы, так как письменные свидетельства малочисленны и фрагментарны, особенно это касается XVII века. В свою очередь, изучение археологических и этнографических источников имеет свои сложности, одной из которых является их датировка. За редким исключением, основными датирующими предметами в археологических материалах рассматриваемого периода являются русские монеты и нюрнбергские жетоны.

Нюрнбергские жетоны являются монетовидными знаками, которые чеканились в г. Нюрнберге и изначально использовались в качестве инструмента счета на специальной доске, называемой аба́кус (аба́ка). С конца XVI – начала XVII вв. жетоны начали в значительных объемах ввозить на территорию Российского государства, где они имели большой спрос у индигенного населения Поволжья, Западной и Восточной Сибири. Здесь жетоны использовались в качестве нашивок и подвесок для украшения костюма.

В точности датировки жетоны ничем не уступают, а в некоторых случаях даже превосходят монеты. Особенность жетонов заключается в том, что их ввозили в Западную Сибирь как меновой товар, что делает их потенциально более точными источниками для датировки, чем монеты, которые могли иметь длительный срок использования в качестве денежного средства.

2. Материалы и методы

Коллекция нюрнбергских жетонов, обнаруженных в Западной Сибири, является эталонной для изучения их истории на территории всего Российского государства. Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, западносибирская коллекция хронологически охватывает весь период массового ввоза жетонов и в целом датируется в пределах 1554–1793 гг. Во-вторых, коллекция репрезентативна в количественном отношении: на сегодняшний день в регионе выявлено 256 нюрнбергских жетонов, что составляет 36,1 % от всех экземпляров, обнаруженных на территории Российского государства. В-третьих, коллекция характеризуется широким территориальным охватом и разнообразием типов объектов, на которых обнаружены жетоны, – 37 археологических памятников: 30 могильников, 2 поселения, 3 русских города-острога, 2 русские деревни; 1 этнографическое святилище, а также на 1 предмете из этнографической коллекции (без локализации).

Нами проведено углубленное изучение коллекции нюрнбергских жетонов, обнаруженных в Западной Сибири, с целью выявления хронологических особенностей их ввоза и функционирования на территории региона. Исследование состоит из двух частей – в первой производится нумизматический анализ источниковой базы, где изучаются особенности нюрнбергских жетонов разных хронологических периодов в тесной связи с историей их чеканки и поставок из Западной Европы. Во второй части эти данные соотносятся с картой распределения находок жетонов в Западной Сибири и анализируются культурно-хронологические особенности их бытования на территории региона.

3. Обсуждение

Историография темы, связанной с изучением нюрнбергских жетонов на территории Российского государства, в том числе Западной Сибири, детально рассмотрена в предыдущих публикациях (Пушкарев, 2013; Пушкарев, 2015; Пушкарев, 2019).

Исследователи всегда отмечали ценность жетонов для определения датировки и хронологии археологических памятников эпохи русского освоения Западной Сибири. Однако для изучения нюрнбергских жетонов ранее практически не привлекалась литература, опубликованная за рубежом на иностранных языках (Mitchiner, 1988; Stalzer, Koenig, 1989; Groenendijk, Levinson, 2015; Press, 2015). Из-за этого в отечественной научной среде до сих пор отсутствовало целостное понимание того, что представляли собой жетоны на территории Западной Европы, как со временем менялись их функции и по каким причинам их начали экспортировать на территорию Российского государства, включая Западную Сибирь. Отсутствие доступа к актуальной зарубежной литературе вынужденно приводило к значительным ошибкам в атрибуции, особенно в датировке жетонов, обнаруженных на территории региона.

Актуальной также являлась проблема отсутствия единого каталога жетонов, обнаруженных в Западной Сибири. Информация о них была рассредоточена по большому количеству разнотипных публикаций, при этом качество описания источников сильно варьировало.

Использование широкого круга отечественной и зарубежной научной литературы, а также создание единого каталога позволило взглянуть на феномен нюрнбергских жетонов обобщенно, оценить количество источников и проследить их динамику во времени.

4. Результаты

Нумизматический анализ источников. На сегодняшний день на территории Западной Сибири выявлено 256 экземпляров жетонов, для 242 из них точно определены мастера, которые их чеканили. Из оставшихся 14 экземпляров для 4 определена принадлежность к одному из двух или трех мастеров, а для 10-ти жетонов мастера не идентифицированы. Практически все жетоны отчеканены в мастерских г. Нюрнберга – 97,5 %. Оставшиеся 2,5 % произведены в г. Фюрте, который располагается

в непосредственной близости от Нюрнберга (в 6 км). Здесь основоположником производства жетонов и наиболее известным мастером являлся Iohann Christian Reich. Хотя формально этот мастер работал в другом городе, его продукция была идентична нюрнбергской. В связи с этим жетоны из Нюрнберга и Фюрта рассматриваются нами как единый тематический материал под общим определением – нюрнбергские жетоны.

Жетоны конца XVI–XVIII вв., обнаруженные на территории Западной Сибири, отчеканены 25 мастерами (Таблица 1).

Таблица 1. Мастера, чеканившие нюрнбергские жетоны, обнаруженные в Западной Сибири

№	Имя мастера	Годы работы	№	Имя мастера	Годы работы
1	Lauffer Wolf I	мастер 1554 – умер 1601	14	Dietzel Iohann Iakob	мастер с 1711 – посл. упом. в 1748
2	Krauwinkel Hans	мастер 1586 – умер 1635	15	Hofmann Wolf Hieronymus	мастер с 1719 – посл. упом. в 1756
3	Lauffer Hans I	мастер 1607 – умер 1632	16	Dorn Iohann(Hans) Albrecht	мастер с 1732 – умер в 1783
4	Schultes Hans III	мастер 1608 – посл. упом. 1612	17	Vogel Iohann Adam	мастер с 1737 – посл. упом. в 1760
5	Lauffer Wolf II	мастер 1612 – умер 1651	18	Dietzel Iohann Adam	мастер с 1746 – умер в 1762 (или 68)
6	Lauffer Conrad	мастер 1637 – умер 1668	19	Vogel Paulus Iacob	мастер с 1764 – посл. упом. в 1768
7	Lauffer Wolf III	мастер 1650 – умер 1670	20	Höger Georg	мастер с 1764 – посл. упом. в 1788
8	Lauffer Cornelius	мастер 1658 – умер 1711	21	Reich Iohann Christian	медальер с 1758 – умер в 1814
9	Hörauff Hans Ulrich	мастер 1663 – умер 1678	22	Kunstmann Iohann Georg	мастер с 1761 – умер в 1780
10	Lauffer Lazarus Gottlieb	мастер 1663 – умер 1709	23	Kunstmann Iohann Conrad	мастер с 1780 – умер 1782(или 83)
11	Weidinger Hans (Iohann)	мастер 1670 – умер 1727	24	Dorn Ulrich	подмастерье в 1783
12	Höger Iohann Conrad	мастер 1705 – умер 1743	25	Lauer Ernst Ludwig Sigmund	мастер с 1783 по 1829
13	Weidinger Iohann Friedrich	мастер 1710 – посл. упом. 1765			

Судя по археологическим материалам, на протяжении конца XVI–XVIII вв. жетоны завозились в Западную Сибирь неравномерно. Объемы ввоза нюрнбергских жетонов наглядно отражает построенный нами график (Рисунок 1).

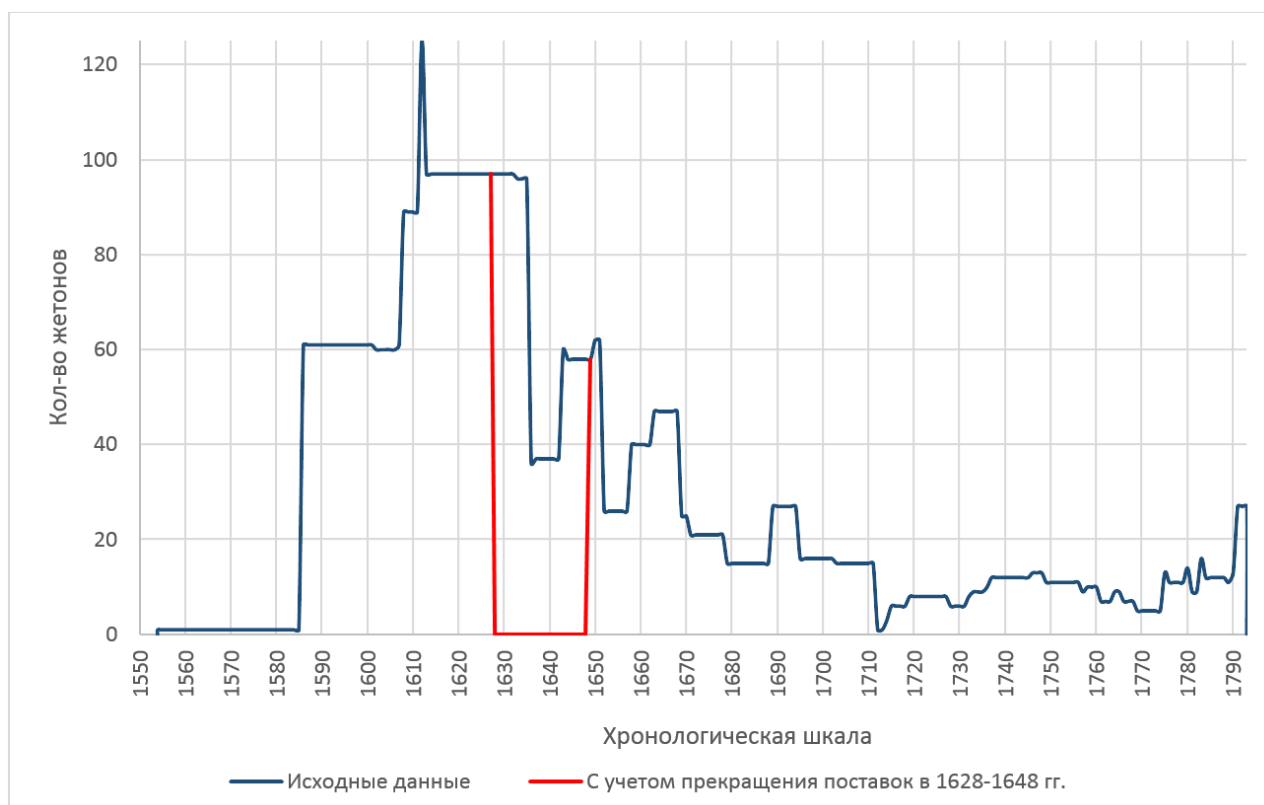

Рис. 1. Количественное распределение нюрнбергских жетонов конца XVI–XVIII вв. из памятников Западной Сибири, в зависимости от дат их чеканки

Особенностью построения графика является то, что жетоны имеют датировки, которые варьируются в пределах от 1 до 53 лет. Сложность заключалась в сведении их к единым значениям на общем графике. Проблема была решена следующим образом: для каждого года хронологической шкалы мы определили количество жетонов, которые включают его в пределах своей датировки и эти значения использовали для построения графика.

На [Рисунке 1](#) в области 1585–1635 гг. находится пик значений количества экземпляров, что соответствует датировкам жетонов нюрнбергских мастеров Lauffer Wolf I, Krauwinkel Hans, Lauffer Hans I, Schultes Hans III и Lauffer Wolf II. Они вкпе составили 127 экз. или 52,5 % от общего количества идентифицированных жетонов (242 экз.) и обнаружены на 18 памятниках. Экземпляры этих мастеров мы условно назовем жетонами «первой волны». Необходимо отметить, что график начинается с 1554 г., так как этот год является нижней границей датировки самого раннего жетона (мастер Lauffer Wolf I), однако в соответствии с письменными источниками жетоны могли завозить в Западную Сибирь не ранее 1590-х гг. – времени начала освоения этой территории русским населением.

В области датировок 1630-х гг. наблюдается резкое уменьшение количества жетонов, причины которого кроются в истории их производства и поставок из г. Нюрнберга. В 1618 году началась Тридцатилетняя война, из-за которой были нарушены торговые связи на территории всей Западной Европы. Курфюрство Бавария и непосредственно Нюрнберг находились в самом эпицентре военных действий, и город был фактически отрезан от самых важных торговых путей ([Поршнева, 1976](#); [Parker, 1997](#)).

В Общем реестре нидерландского монетного двора имеется документ, датированный 1628 г., в котором упоминаются семь торговцев нюрнбергскими жетонами в Амстердаме ([Van Kerkwijk, 1926: 101-107](#)). Из этого же документа известно, что торговля с Нюрнбергом была настолько сложной во время войны (Тридцатилетняя война 1618–1648 гг.), что один из их представителей, Zacharias Jansz, попросил разрешения чеканить копии нюрнбергских жетонов, используя которые, торговцы могли торговать по-прежнему. Он получил разрешение и производил жетоны с изображением «державы в драйпассе» и чередующихся корон и лилий, похожие на те, что чеканили мастера Schultes и Krauwinkel. Из документа 1628 г. мы узнаем, что до начала Тридцатилетней войны торговля в Амстердаме нюрнбергскими жетонами велась достаточно активно, так как ею занималось семь торговцев. Можно предположить, что торговля жетонами имела для них существенное значение, раз перебои с их поставкой являлись серьезной проблемой. Также из документа следует, что, по крайней мере, с 1628 г., а возможно и ранее, жетоны из Нюрнберга перестали поступать в Нидерланды. Проблемы с их поставками могли продолжаться вплоть до подписания Вестфальского мирного

договора в 1648 г., а возможно и позднее. Любопытно, что нидерландских копий на территории Русского государства не встречено ни одного экземпляра. Вероятно, отчеканенные в Нидерландах жетоны шли в первую очередь на нужды окружающих ее стран и до Руси не доходили.

Проблемы с поставками жетонов из Нюрнберга коснулись и других крупных европейских стран. Так, в Англии, по данным государственной археологической базы Portable Antiquities Scheme, находки нюрнбергских жетонов, датируемые первой и второй половиной XVII в., различаются более чем в 20 раз – 2643 и 119 экз. соответственно ([Portable Antiquities Scheme, 2020](#)).

Учитывая тот факт, что Нидерланды и Англия в начале XVII в. были ведущими поставщиками европейских товаров на территорию Руси ([Флоря, 1973](#)), можно предполагать, что поставки нюрнбергских жетонов прекратились и на территорию Русского государства. По описанным выше свидетельствам прекращение поставок жетонов начинается не позднее 1628 г. (возможно и ранее) и продолжается, вероятно, до конца 1648 г. (подписание Вестфальского мира). На [Рисунке 1](#) этот временной этап выделен красным цветом.

Далее на [Рисунке 1](#) выделяется область 1650-х – 1700-х гг., которая соответствует датировкам нюрнбергских жетонов мастеров Lauffer Conrad, Lauffer Wolf III, Lauffer Cornelius, Hörauff Hans Ulrich, Lauffer Lazarus Gottlieb и Weidinger Hans (Iohann). Они вкуче составили 60 экз. или 24,8 % от общего количества идентифицированных жетонов и были обнаружены на 15 памятниках. Экземпляры этих мастеров мы условно назовем жетонами «второй волны». Их количество варьируется от 15 до 47 экз. в разные годы, и к началу XVIII в. прослеживается тренд к уменьшению.

По письменным источникам, в Нюрнберге после смерти самого активного мастера Hans Krauwinkel в 1635 г. его бизнес переходит в собственность его шурина Georg Laufer. После этого в Нюрнберге стала доминировать семья Laufer, продолжившая чеканку жетонов вплоть до начала XVIII в. Ее бизнес прерывается в 1716 г., когда последний мастер из семьи – Hans Lauffer II – уезжает из Нюрнберга. Судя по имеющимся данным, у него скопилось большое количество долгов перед кредиторами ([Mitchiner, 1988: 516](#)).

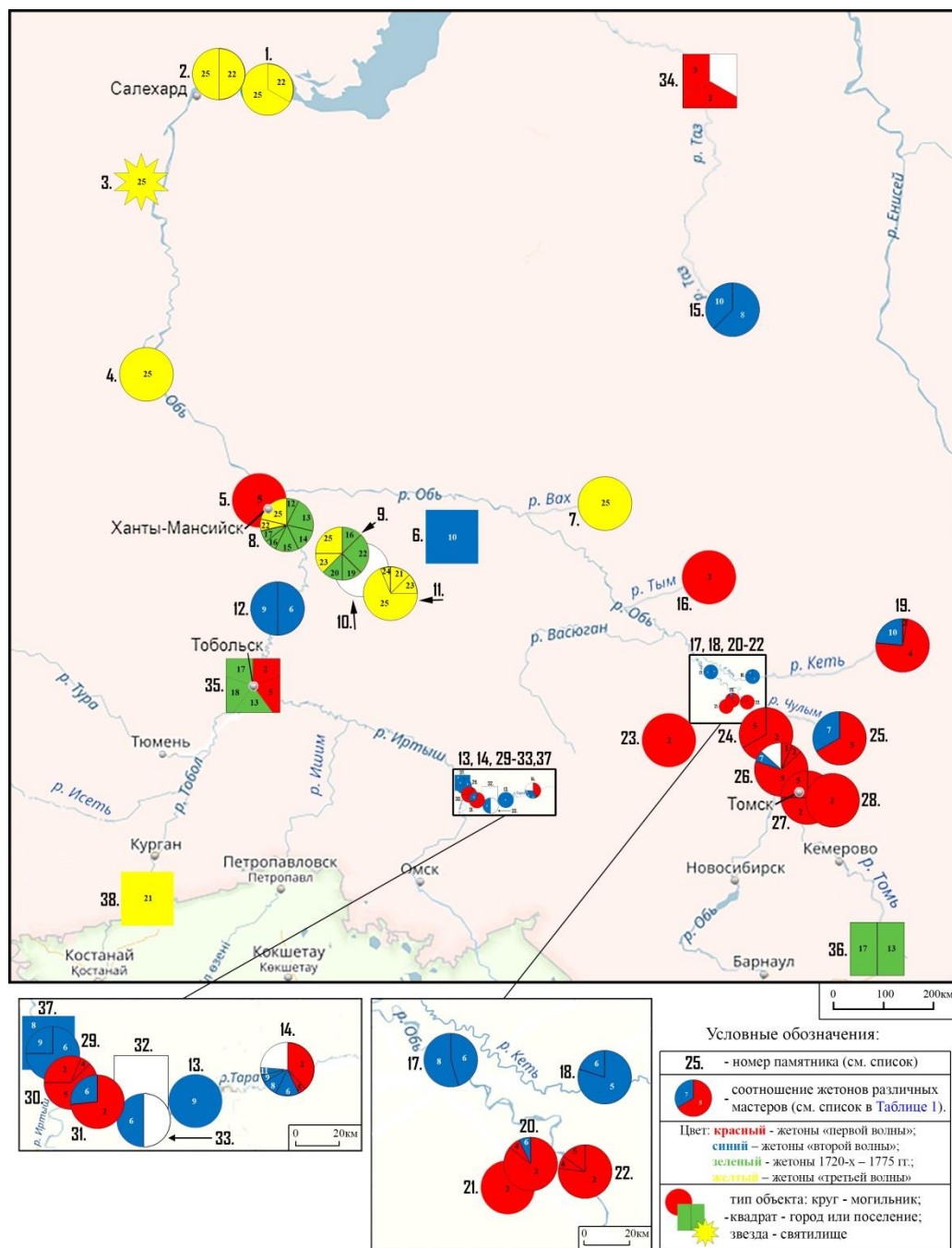
На [Рисунке 1](#) область 1720-х – первой половины 1770-х гг., соответствует датировкам нюрнбергских жетонов мастеров Weidinger Iohann Friedrich, Dietzel Iohann Iacob, Hofmann Wolf Hieronymus, Dorn Iohann(Hans)Albrecht, Vogel Iohann Adam, Dietzel Iohann Adam, Vogel Paulus Iacob и Höger Georg. Они вкуче составили 18 экз., или 7,4 % от общего количества жетонов, и обнаружены на 4 памятниках. Судя по всему, эти жетоны эпизодически завозили на территорию Западной Сибири, хотя массового распространения они не имели.

По письменным источникам и жетонам, представленным в нумизматическом каталоге в 1720-е – первой половине 1770-х гг. в производстве жетонов в Нюрнберге какие-либо семьи уже не доминируют, а появляется большое количество самостоятельных мастеров. Ассортимент продукции у них был значительно скромнее, чем в предыдущий период ([Mitchiner, 1988: 521-543](#)).

На [Рисунке 1](#) в области 1775 г. количество жетонов увеличивается и в начале 1790-х достигает пикового значения в 27 экз., что в 2 раза больше, чем в любом десятилетии предшествующего полувека. Область 1775–1793 гг. соответствует датировкам нюрнбергских жетонов мастеров Reich Iohann Christian, Kunstmann Iohann Georg, Kunstmann Iohann Conrad, Dorn Ulrich, Lauer Ernst Ludwig Sigmund. Они вкуче составили 37 экз., или 15,3 % от общего количества идентифицированных жетонов, и обнаружены на 9 памятниках. Экземпляры указанных мастеров мы условно назовем жетонами «третьей волны».

По письменным источникам, в 1770-е – 1790-е гг. отмечается увеличение производства жетонов в Нюрнберге – у мастеров, работавших в это время, значительно расширяется ассортимент их продукции ([Mitchiner, 1988: 539-549, 594-597](#)). Среди мастеров необходимо особенно выделить Ernst Ludwig Sigmund Lauer из Нюрнберга и Iohann Christian Reich из Фюрта, которые являлись признанными лидерами в производстве жетонов в указанное время ([Mitchiner, 1988: 544](#)). В руках этих деятельных мастеров и предпринимателей чеканка жетонов обрела буквально второе дыхание. Одной из главных задач для них являлся поиск новых рынков сбыта для своей продукции, и, судя по всему, Российская империя стала одним из них. Жетоны указанных мастеров в значительном количестве встречены в Поволжье, Восточной Сибири и других территориях Российского государства ([Пушкарев, 2019](#)).

После жетонов «третьей волны» идет полное исчезновение нюрнбергских жетонов как на территории Западной Сибири, так и всего Российского государства. Ключевым является 1793 г., когда ведущие нюрнбергские мастера Iohann Christian Reich и Ernst Ludwig Sigmund Lauer отказались от производства дешевых «Rechenpfennigen» и перешли на чеканку более качественных «“thick Parisian style” jetons» (жетоны толстые «Парижского стиля»). Они производились с помощью парового пресса из более дорогих сплавов ([Mitchiner, 1988: 544, 594](#)). Увеличение качества, а также веса жетонов, несомненно, повлекло за собой и увеличение их стоимости. Возможно, по этой причине русские купцы перестали закупать нюрнбергские жетоны и окончательно обратились к жетонам отечественного производства, которые во множестве встречены в археологических и этнографических материалах Поволжья и Западной Сибири ([РЭМ. Кол. #8762–27814. № 5276; Ожередов, Пушкарев, 2005](#)).

Памятники: **1.** Пайхата-Халайт, могильник; **2.** Халас-Пугор, могильник; **3.** Святилище в п. Анжигорт; **4.** Перегребное-9, грунтовый могильник; **5.** Байбалаковский, грунтовый могильник; **6.** Угутское-21, селище; **7.** Могильник у д. Охтеурье; **8.** Чага, могильник; **9.** Кинтусовское-1, кладбище; **10.** Кинтусовский-4.3, могильник; **11.** Соровское, кладбище; **12.** Солянковский, грунтовый могильник; **13.** Льнозавод-4, курганный могильник; **14.** Кыштовка-2, курганный могильник; **15.** Кикки-Акки, грунтовый могильник; **16.** Бедеревский Бор-2, грунтовый могильник; **17.** Мигалка, грунтовый могильник; **18.** Елтыревский-2, курганный могильник; **19.** Лукьяновский-1, курганный могильник; **20.** Барклай, курганный могильник; **21.** Прорвинский, курганный могильник; **22.** Тискинский, курганный могильник; **23.** Гребенщиковский, курганный могильник; **24.** Остяцкая Гора-2, курганный могильник; **25.** Балагачевский, курганный могильник; **26.** Козюлинский, курганный могильник; **27.** Тоянов Городок, курганный могильник; **28.** Томский Лагерный-1 курганный могильник; **29.** Чеплярово-27, курганно-грунтовый могильник; **30.** Окунево-7, курганно-грунтовый могильник; **31.** Бергамак-2, курганно-грунтовый могильник; **32.** Черталинское-1, поселение; **33.** Черталинский, могильник; **34.** Мангазея, город; **35.** Тобольск, город; **36.** Кузнецк, город; **37.** Ананьино, деревня; **38.** Сосновая Отнога, деревня

Рис. 2. Карта-схема распределения находок нюрнбергских жетонов на территории Западной Сибири

Территориально-хронологический анализ источников. Нюрнбергские жетоны на территории Западной Сибири встречены на 37 археологических памятниках и 1 этнографическом святилище (Рисунок 2). Все они расположены в бассейнах двух самых крупных рек Западной Сибири – Оби (с притоками Томь, Чулым, Кеть) и Иртыша (с притоками Тобол, Тара). Большинство жетонов выявлено на памятниках индигенного населения: 235 экз. (91,8 %) на 30 могильниках; 1 экз. (0,4 %) на святилище; 2 экз. (0,8 %) на 2 поселениях и 3 экз. (1,2 %) на этнографическом предмете без локализации. Значительно меньше жетонов обнаружено на памятниках, связанных с русским населением: 10 экз. (3,9 %) на 3 русских острогах и 5 экз. (1,9 %) на территории 2 русских деревень.

Относительно народов Западной Сибири находки жетонов распределяются следующим образом: 92 экз. обнаружено на объектах, связанных с селькупам (10 могильников), 78 экз. – ханты (12 могильников, 1 поселение, 1 святилище и 1 предмет из этнографической коллекции), 72 экз. – татарами (8 могильников, 1 поселение), 14 экз. – русскими (3 города и 2 деревни).

Самой южной, точнее юго-восточной точкой обнаружения единичных нюрнбергских жетонов в Западной Сибири является русский город Кузнецк, где они обнаружены в объектах XVIII в. Эти жетоны отчеканены мастерами Johann Friedrich Weidinger и Johann Adam Vogel. Артефакты найдены только в культурном слое самого города, и не известно ни одной находки в памятниках автохтонного шорского населения. Вероятно, это объясняется их слабой изученностью, в частности, до настоящего времени не выявлено ни одного могильника кузнецких татар XVII–XVIII вв. В литературе имеются только упоминания об отдельных могилах, предположительно этого или немного более позднего периода, случайно разрушенных в ходе строительных работ, которые также не обследовались археологами (Ширин, 2010: 9).

На юго-западе ареала аналогичная интерпретация возможна относительно материалов из русской деревни Сосновая Отнога, где обнаружено 4 жетона мастера Johann Christian Reich. Правда, в данном случае более аргументировано объяснение об использовании жетонов в качестве сувениров самими русскими крестьянами, переселенными из Псковской губернии (Маслюженко, Достовалов, 2014: 251).

Северо-запад ареала распространения жетонов ограничен хантыйскими могильниками Халас-Пугор (3 экз.), Пайхата-Халайт (2 экз.) и святилищем в п. Анжигорт (1 экз.). На северо-востоке ареала, обособленно и на значительном расстоянии от всех других памятников с жетонами находится русский город-острог Мангазея. В целом, северная граница ареала проходит в лесотундровой полосе – в контактной зоне между таежным оседлым населением и кочевниками тундры. На обширной территории расселения ненцев от Кольского полуострова до Таймыра имеется лишь находка одного нюрнбергского жетона на святилище о. Вайгач (Хлобыстин, 1990: 128). Это прежде всего связано с малой изученностью ненецких погребений и практикуемым обрядом наземного захоронения.

На карте памятников с нюрнбергскими жетонами в Западной Сибири (Рисунок 2) четко выделяется область, в которой сосредоточено 89,5% (229 экз.) их находок. Ее южный предел проходит по границе лесостепной и таежной зон Западной Сибири, где расположены памятники Томского Приобья и северной части Барабинской лесостепи. Данные территории являются контактными между степным кочевым и таежным оседлым населением, поэтому здесь отмечается смешение различных элементов культуры. Северная граница рассматриваемой области массового нахождения жетонов проходит на уровне слияния Оби и Иртыша.

Время бытования нюрнбергских жетонов в Западной Сибири охватывает практически два столетия, однако относительно отдельных ее территорий оно существенно различается. Для определения этих различий мы проведем территориальный анализ жетонов в зависимости от их датировки.

Жетоны «первой волны» имели самый большой ареал распространения: от Мангазеи (р. Таз) на севере, до могильников на р. Тара и в Томском Приобье на юге. Однако, если мы учтем только жетоны из памятников, связанных с индигенным населением Западной Сибири, то северная граница их распространения значительно сдвинется на юг – до места слияния Оби и Иртыша. При этом южная граница останется там же.

Ареал наибольшей концентрации жетонов все той же «первой волны» ограничивается двумя зонами: первая – на р. Тара, которая является территорией расселения тарских татар и южных ханты. Вторая зона – Причудлымье, Томское и Нарымское Приобье – территория расселения чулымских тюрок, томских татар и селькупов.

Жетоны «второй волны», отчеканенные в 1650-х – 1700-х гг., имели схожий ареал распространения, однако имелись и некоторые особенности. Самая северная находка жетонов этого периода отмечена на грунтовом могильнике Кикки-Акки на р. Таз. Этническую принадлежность этого памятника связывают с тазовскими селькупам. По мнению этнографов и археологов, эта группа селькупов в XVII–XVIII вв. переселилась с территории Нарымского Приобья сначала на р. Вах и затем на р. Таз. (Piezonka et al., 2020: 190). Любопытно, что в могильнике Кикки-Акки обнаружены нюрнбергские жетоны мастера Lauffer Lazarus Gottlieb с изображениями английского короля Вильгельма III и его жены Марии II, которые датируются 1689–1694 гг. Идентичные жетоны на территории Западной Сибири известны только в Нарымском Приобье на селькупском могильнике

Лукьяновский-1 (р. Кеть) (Боброва А.И. Пушкарев, 2004: 349-350). Возможно, указанные жетоны попали на р. Таз вместе с группами селькупского населения, мигрировавшими из Нарымского Приобья (Poshekhonova et al., 2020).

Ситуация с южной границей распространения жетонов сложнее. На территории Томского Приобья подавляющее большинство жетонов имеют датировки не позднее 1651 г. и только один – 1650–1670 гг. При этом более поздних экземпляров не встречено вовсе. Жетоны с датировками после 1670 г. встречены еще севернее – в районе слияния р. Обь и Кеть (Мигалка, грунтовый могильник) и на самой р. Кеть (Лукьяновский-1, курганный могильник).

На р. Тара ситуация была несколько иной: здесь границы распространения жетонов «второй волны» практически оставались в тех же пределах, что и их предшественников.

Ареал распространения нюрнбергских жетонов, отчеканенных в 1720-е гг. и позднее, сильно отличается от экземпляров более раннего времени. Северная граница их распространения сдвигается еще севернее – до устья р. Обь. Если брать в расчет только памятники, связанные с индигенным населением Западной Сибири, то южная граница распространения жетонов проходит в Сургутском Приобье и низовьях р. Иртыш. Данная зона является территорией расселения ханты. На юге Западной Сибири жетоны с датировками позднее 1720-х гг. обнаружены только на объектах, связанным с русским населением (Тобольск, Кузнецк, Сосновая Отнога).

На территории Западной Сибири не обнаружено ни одного нюрнбергского жетона с датировкой позднее 1793 г. Вероятно, из-за увеличения стоимости нюрнбергские жетоны перестали пользоваться спросом и их заменили жетоны отечественного производства. Наиболее ярко этот процесс виден на материалах самых поздних погребальных комплексов ханты (могильник Чага, кладбища Кинтусовское-1 и Соровское), где одновременно встречены и нюрнбергские, и отечественные жетоны.

5. Заключение

В результате проведения нумизматического анализа нюрнбергских жетонов, обнаруженных в Западной Сибири, выявлено три «волны» их привоза, которые связаны историей производства и поставок жетонов из Нюрнберга. «Первая волна» – жетоны 1554–1635 гг., они составляют половину всех экземпляров из Западной Сибири. В указанное время в Нюрнберге был максимальный пик производства жетонов, и большую их часть чеканили мастера из семей Krauwinkel, Lauffer и Schultes. Верхнюю хронологическую границу «первой волны» можно сдвинуть до 1628 г. – документально подтвержденный факт прекращения поставок жетонов из Нюрнберга.

«Вторая волна» начинается с окончания Тридцатилетней войны и охватывает период с 1650-х по 1700-е гг. В этот период основное производство жетонов сосредоточено в руках семьи Lauffer. «Третья волна» – это жетоны 1775–1793 гг., ведущими мастерами в эти годы являлись Johann Christian Reich и Ernst Ludwig Sigmung Lauer.

Территориально-хронологический анализ распространения жетонов в Западной Сибири позволил выявить следующие закономерности. Основная масса жетонов «первой волны» выявлена в южно-таежной зоне Западной Сибири. Позднее территория распространения жетонов постепенно отдалялась на север, однако в разных историко-культурных зонах это происходило по-разному. На территории Томского Приобья практически все жетоны относятся к «первой волне», а экземпляры «второй волны» встречены севернее – в Нарымском Приобье. В Прииртышье, на р. Тара, напротив, жетоны «первой и второй волн» встречаются на одной и той же территории.

Преимущественная зона распространения жетонов с датировками 1720-х – первой половины 1770-х гг., а также жетонов «третьей волны» сдвигается еще севернее – в Сургутское и Нижнее Приобье. Исключением являются находки в русских поселениях: городах Тобольск, Кузнецк и деревне Сосновая Отнога.

6. Благодарности

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Литература

Боброва, Пушкарев, 2004 – Боброва А.И. Пушкарев А.А. Счетные пфенниги 17 века в Нарымском Приобье / *Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времен до современности: Материалы XLIV Региональной археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых*. Кемерово: Изд-во КемГУ, 2004. С. 348-350.

Маслюженко, Достовалов, 2014 – Маслюженко Д.Н., Достовалов С.Г. Счетные жетоны из д. Сосновая Отнога Курганского уезда Тобольской губернии // *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. 1. С. 250-252.

Ожередов, Пушкарев, 2005 – Ожередов Ю.И., Пушкарев А.А. Немецкие и российские жетоны с территории Западной Сибири: XVIII век (к вопросу систематизации и интерпретации) // *Социогенез в Северной Азии: Сборник научных трудов*. Иркутск, 2005. Ч. 1. С. 366-373.

Поршнев, 1976 – Поршнев Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М.: Наука, 1976. 436 с.

Пушкарев, 2013 – Пушкарев А.А. Западноевропейские счетные жетоны из погребальных археологических комплексов Сибири: Историографический обзор // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2013. № 6 (26). С. 130-134.

РЭМ. Кол. #8762–27814. № 5276 – Набедренное украшение мордвы «Пулагай». Мордва-эрзя // *Русский этнографический музей*. Коллекция музея народов #8762–27814. Кол. № 5276.

Флоря, 1973 – Флоря Б.Н. Торговля России со странами Западной Европы в Архангельске (конец XVI – начало XVII вв.) // *Средние века*. 1973. Вып. 36. С. 129-151.

Хлобыстин, 1990 – Хлобыстин Л.П. Древние святилища острова Вайгач // *Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики*. М: НИИ культуры, 1990. С. 120-135.

Ширин, 2010 – Ширин Ю.В. Результаты археологических разведок в бассейне р. Кондомы // *Из кузнецкой старины*. Новокузнецк: Изд-во ООО «Полиграфист», 2010. Вып. 1. С. 4-42.

Groenendijk, Levinson, 2015 – Groenendijk F., Levinson R. A. Nürnberger Rechenpfennige – Nuremberg Jetons: Die Familie Lauffer. München: Staatliche Münzsammlung München, 2015. Vol. 2: The Lauffer family ca 1554–1712. Mit Nachträgen zu Band I with Supplement. 256 p.

Mitchiner, 1988 – Mitchiner M. Jetons, Medallets and Tokens. London: B.A. Seaby Ltd, 1988. Vol. 1: Medieval period & Nuremberg. 704 p.

Parker, 1997 – Parker G. The Thirty Years' War, 2nd ed. New York: Routledge, 1997. 336 p.

Piezonka et al., 2020 – Piezonka H., Poshekhonova O., Adaev V. et al. Migration and its effects on life ways and subsistence strategies of boreal hunter-fishers: Ethnoarchaeological research among the Selkup, Siberia // *Quaternary International*. 2020. №541 pp. 189–203.

Portable Antiquities Scheme, 2020 – База данных Portable Antiquities Scheme [Электронный ресурс]. URL: <https://www.finds.org.uk> (дата обращения: 15.05.2020).

Poshekhonova et al., 2020 – Poshekhonova O., Zubova A., Sleptsova A. Origins of the Northern Selkups Based on Anthropological Data // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 1. С. 152–170.

Press, 2015 – Press W. Die relativ seltenen Rechenpfennige des Hans Ulrich Hörauf aus Nürnberg // *Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte*. 2015. Vol. 65. pp. 181–209.

Pushkarev, 2015 – Pushkarev A.A. Nuremberg Counting Jetons of XVI–XIX centuries: from Western Europe to Western Siberia // *Bylye Gody*. Vol. 4 (38). Pp. 825-833.

Stalzer, Koenig, 1989 – Stalzer F. Koenig A. Rechenpfennige. Band 1. Nürnberg. Signierte und zuweisbare Gepräge. Die Familien Schultes, Koch und Krauwinkel. (Kataloge der Staatlichen Münzsammlung München). 1. Lieferung. München: Staatliche Münzsammlung München, 1989. 167 p.

Van Kerkwijk, 1926 – Van Kerkwijk A.O. Neurenberger Rekenpenning in 1628 te Amsterdam door Zacharias Jansz vervaardigd // *Jaarboek Koninklijk Nederlands Genootschap voor Munt- en Penningkunde*. 1926. № 13. pp. 101–107.

References

Bobrova, Pushkarev, 2004 – Bobrova A.I. Pushkarev A.A. (2004) Schetnye pfennigi 17 veka v Narymskom Priob'e [17th century counting pfennigs of Narym Ob region]. *Traditsionnye kul'tury i obshchestva Severnoi Azii s drevneishikh vremen do sovremennosti: Materialy XLIV Regional'noi arkheologo-etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh*. Kemerovo. Pp. 348-350. [in Russian]

Florya, 1973 – Florya B.N. (1973). Torgovlya Rossii so stranami Zapadnoi Evropy v Arkhangel'ske (konets XVI – nachalo XVII v.) [Russian trade with the countries of Western Europe in Arkhangelsk (late XVI – early XVII centuries)]. *Srednie veka*. Vol. 36. Pp. 129-151. [in Russian]

Groenendijk, Levinson, 2015 – Groenendijk F., Levinson R. A. (2015). Nürnberger Rechenpfennige – Nuremberg Jetons: Die Familie Lauffer. München. Vol. 2: The Lauffer family ca 1554–1712. Mit Nachträgen zu Band I with Supplement. 256 p.

Khlobystin, 1990 – Khlobystin L.P. (1990). Drevnie svyatilishcha Vaigacha [Ancient sanctuaries of Vaigach]. *Problemy izucheniya istoriko-kul'turnoi sredy Arktiki*. Moscow. Pp. 120-135. [in Russian]

Maslyuzhenko, Dostovalov, 2014 – Maslyuzhenko D.N., Dostovalov S.G. (2014). Schetnye zhetony iz d. Sosnovaya Otnoga Kurganskogo uezda Tobol'skoi gubernii [Counting jetons from the village of Sosnovaya Otaga, Kurgan district, Tobolsk province]. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk. Tyumen'. Ekaterinburg. Vol. 1. Pp. 250-252. [in Russian]

Mitchiner, 1988 – Mitchiner M. (1988). Jetons, Medallets and Tokens. London. Vol. 1: Medieval period & Nuremberg. 704 p.

- [Ozheredov, Pushkarev, 2005](#) – Ozheredov Yu.I., Pushkarev A.A. (2005). Nemetskie i rossiiskie zhetony s territorii Zapadnoi Sibiri: XVIII vek (k voprosu sistematizatsii i interpretatsii) [German and Russian jetons from Western Siberia: the 18th century (on the issue of systematization and interpretation)]. *Sotsiogenez v Severnoi Azii: sbornik nauchnykh trudov Irkutsk*. Ch. 1. Pp. 366-373. [in Russian]
- [Parker, 1997](#) – Parker G. (1997). *The Thirty Years' War*, 2nd ed. New York. 336 p.
- [Piezonka et al., 2020](#) – Piezonka H., Poshekhonova O., Adaev V. et al. (2020). Migration and its effects on life ways and subsistence strategies of boreal hunter-fishers: Ethnoarchaeological research among the Selkup, Siberia. *Quaternary International*. №541. Pp. 189-203.
- [Porshnev, 1976](#) – Porshnev B.F. (1976). Tridsatiletnyaya voyna i vstuplenie v nee Shvetsii i Moskovskogo gosudarstva [The Thirty Years War and the entry of Sweden and the Moscow State into it]. Moscow. 436 p. [in Russian]
- [Portable Antiquities Scheme, 2020](#) – Portable Antiquities Scheme Database [Electronic resource]. URL: <https://www.finds.org.uk> (date of access: 15.05.2020).
- [Poshekhonova et al., 2020](#) – Poshekhonova O., Zubova A., Sleptsova A. (2020) Origins of the Northern Selkups Based on Anthropological Data. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 25, № 1. Pp. 152–170.
- [Press, 2015](#) – Press W. (2015) Die relativ seltenen Rechenpfennige des Hans Ulrich Hörauf aus Nürnberg. *Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte*. Vol. 65. pp. 181–209.
- [Pushkarev, 2013](#) – Pushkarev A.A. (2013). Zapadnoevropeiskie schetnye zhetony iz pogrebal'nykh arkheologicheskikh kompleksov Sibiri: Istoriograficheskii obzor [Western European counting jetons from the burial archaeological complexes of Siberia: Historiographic review]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. Nr 6(26). Ppp. 130-134. [in Russian]
- [Pushkarev, 2015](#) – Pushkarev A.A. (2015). Nuremberg Counting Jetons of XVI–XIX centuries: from Western Europe to Western Siberia. *Bylye Gody*. Vol. 4 (38). Pp. 825-833.
- [Pushkarev, 2019](#) – Pushkarev A.A. (2019). Nuremberg Jetons of XVI–XIX centuries in Russia. *Bylye Gody*. Vol. 3 (53). Pp. 921-934.
- [REM. Kol. #8762–27814. № 5276](#) – Nabedrennoe ukrashenie mordvy «Pulagai». Mordva-erzya [Mounted snails of the Mordvians – “Pulagai”. Mordva-Erzya]. *Russkii etnograficheskii muzei*. Kolleksiya muzeya narodov #8762–27814. Kol. № 5276. [in Russian]
- [Shirin, 2010](#) – Shirin Yu.V. (2010). Rezul'taty arkheologicheskikh razvedok v basseine r. Kondomy [Archaeological Survey Results in the Kondoma River Basin]. *Iz kuznetskoi stariny*. Novokuznetsk. Vol. 1. Pp. 4-42. [in Russian]
- [Stalzer, Koenig, 1989](#) – Stalzer F., Koenig A. (1989). Rechenpfennige. Band 1. Nürnberg. Signierte und zuweisbare Gepräge. Die Familien Schultes, Koch und Krauwinkel. (Kataloge der Staatlichen Münzsammlung München). Lieferung. München. 167 p.
- [Van Kerkwijk, 1926](#) – Van Kerkwijk A.O. (1926). Neurenberger Rekenpenning in 1628 te Amsterdam door Zacharias Jansz vervaardigd. *Jaarboek Koninklijk Nederlands Genootschap voor Munt- en Penningkunde*. № 13. Pp. 101–107.

Нюрнбергские жетоны как культурно-хронологические маркеры эпохи русского освоения западной Сибири

Андрей Александрович Пушкарев^{a, *}

^a Томский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Нюрнбергские жетоны являются монетовидными знаками, которые чеканились в г. Нюрнберге и изначально использовались в качестве инструмента счета на специальной доске, называемой аба́кус (аба́ка). С конца XVI – начала XVII вв. жетоны начали в значительных объемах ввозить на территорию Российского государства, где они имели большой спрос у индигенного населения Поволжья, Западной и Восточной Сибири. Здесь жетоны использовались в качестве нашивок и подвесок для украшения костюма.

В статье сделан акцент на изучение нюрнбергских жетонов как хронологических маркеров, которые позволяют датировать изменения в культурах индигенного и русского населения Западной Сибири на протяжении периода с конца XVI до начала XIX вв.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: supdron@gmail.com (А.А. Пушкарев)

На основе нумизматического анализа коллекции нюрнбергских жетонов из Западной Сибири выделены три «волны» их привоза на территорию региона: первая – жетоны с датировками 1554–1635 гг., вторая – 1650–1700-х гг. и третья – 1775–1793 гг. Изучение нумизматических каталогов и письменных источников позволило установить связь между выявленными «волнами» и историей чеканки и поставок жетонов из Нюрнберга.

Территориально-хронологический анализ источников выявил особенности распределения находок жетонов различных периодов в отдельных историко-культурных зонах Западной Сибири. Установлено, что жетоны «первой волны» появились преимущественно в южно-таежной зоне Западной Сибири. Территория распространения находок «второй волны» в Прииртышье осталась прежней, а в Приобье она передвинулась севернее – в Нарымское и Сургутское Приобье. Жетоны третьей «волны» обнаружены еще севернее – в Сургутском и Нижнем Приобье.

Выявленные в исследовании особенности бытования нюрнбергских жетонов на территории Западной Сибири в дальнейшем могут быть использованы для построения дробной хронологии археологических и этнографических памятников региона. Это, в свою очередь, позволит более детально изучать процессы культурных изменений в сообществах Западной Сибири в отдельные периоды ее освоения.

Ключевые слова: нюрнбергские жетоны, Западная Сибирь, русское освоение Сибири, хронология, нумизматика, археология.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 930-943. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.930
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The First Russian Lithuanists: the Karamzin's Case

Andrey Yu. Dvornichenko ^{a, *}, Regina-Elizaveta A. Kudrayvtseva ^a

^a Saint Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

This article is devoted to the analyses of the views of the prominent Russian historian N. M. Karamzin connected with a history of Great Duchy of Lithuania (GDL) before the Union of Lublin (1569) during a period of independently development of this state, because the next period is a separate theme. The authors show that these views are complex and having not a single meaning. We must have in mind that historian himself developed together with his main work: "The History of Russian State". In the first volume one can notice some lack of knowledge concerning Lithuanian-Russian history, but already in the second volume and in the further volumes he constantly presents for us this history. GDL became in his book one of the main actors of Russian history. And what is more that one can see to some degree a bifurcation of his consciousness in connection with GDL. From one side, this state was an enemy of Muscovy, which took some territories, which had had been the State property of Muscovy. But from an other side, Lithuania itself have united vast Russian lands and transformed in so called "Lithuanian Russia". Such bifurcation keeps before the rain of Ivan the Terrible. In consideration of a reach historiographies and sources base in Karamzin's book, we can tell about him as a notable lithuanist. His work is a significant stage in development of Russian scholar in this field, which flourished during second part of 19th century.

Keywords: Lithuanistic, N.M. Karamzin and his "The History of Russian State", Great Duchy of Lithuania and Russia, reach historiographies and sources base.

1. Введение

Творчество Николая Михайловича Карамзина явно относится к разряду «нашего всего», и, как ко всему нашему, у нас отношение к этому творчеству очень противоречивое, «в движении времени» уж точно (Сапченко, 2006: 7-24). Между тем изучение его наследия оставляет желать лучшего. На смену проникновенному (иногда – натужно) перестроечному восхищению пришло, если не забвение, то очень дозированное внимание. Карамзин же достоин большего: без его произведений, всей его деятельности и даже жизни не понять законов развития культуры России, не говоря уж об истории накопления исторических знаний.

Но нас в данном случае интересует хоть и важный, но конкретный факт его творчества: занятия литуанистикой. Под ней мы понимаем комплекс знаний о литовско-русской истории, в первую очередь до 1569 г., когда Великое княжество Литовское и Польша объединились в одно государство – Речь Посполитую. Две географические части этой истории оказываются на поверку столь слиты, что многие и не хотят выделять такую науку – литуанистику. Во всяком случае энциклопедии тут пасуют и просвещать нас не хотят. Приходится это брать на себя и рассуждать о пользе данного ответвления исторической науки (см., напр.: Дворниченко, Кудрявцева, 2019). Впрочем, вслед за не столь уж давним предшественником Карамзина вполне можно сказать, что об этой пользе «не потребно

* Corresponding author

E-mail addresses: a.dvornichenko@spbu.ru (A.Yu. Dvornichenko), aethel@yandex.ru (R.-E. A. Kudrayvtseva)

толковать, которое всяк видеть и осмусьтать может».¹ И хоть В.Н. Татищев сказал это об истории в целом, но вполне можно отнести и к нашему предмету.

2. Материалы и методы

Образ Карамзина-литуаниста – сложен и неоднозначен. И как уже отмечено, не изучен. В последние годы лишь М.Б. Свердлов сделал несколько наблюдений над текстом «Истории государства Российского» именно в связи с литовско-русской историей (Свердлов, 2018: 169, 260, 265-267), да А.И. Филюшкин касался взглядов историографа на Ливонскую войну (Филюшкин, 2013: 253-254). Напрямую к взглядам Карамзина обращался (в том числе в своей кандидатской диссертации) калининградский историк М.Е. Мегем, но, как нам видится, недооценил историографа в качестве литуаниста (Мегем, 2011: 144-155).

История ВКЛ для Карамзина, как и для его предшественников, еще не стала отдельным предметом изучения. Она теснейшим образом переплетается с российской историей в целом. Можно заметить и определенные противоречия в подходах к ВКЛ у великого историка. В.А. Кучкин подметил, что историограф, «...встречаясь со все возрастающим числом княжеских завещаний и междукняжеских договоров и знакомясь с ними, вынужден был делать частные выводы, расхоdivшиеся с его общими воззрениями на русскую историю...» (Кучкин, 1993: 465). Следует также иметь в виду и то, что Карамзин рос и развивался вместе со своим произведением – делом всей его жизни. Знания его росли и вместе с этим ростом могли меняться далеко не только «частные выводы»... Как увидим, были противоречия, вызванные и другими причинами. В общем, с материалами понятно – это «История государства Российского», что же касается метода, то он должен быть комплексным. Нужно погрузиться в текст Карамзина, не забывая при этом и о контексте, т.е. состоянии науки его времени, его предшественниках и современниках.

3. Обсуждение и результаты

Впервые само слово «Литва» у историографа появляется в связи с описанием места обитания славян: «сей народ был прежде мало известен Грекам, обитая во глубине России, Польши, Литвы, Пруссии, в странах отдаленных» (Карамзин, 1989а: 40). Рассуждая же о народах иноплеменных, которые жили в древности в «России», Карамзин допускает ошибку, которую, между прочим, не допускали его предшественники. Он пишет: «Нестор именует еще Летголу (Ливонских Латышей), Зимголу (В Семигалии), Корсь (в Курляндии) и Литву, которые не принадлежат к Финнам, но вместе с древними Прусами составляют народ Латышский» (Карамзин, 1989а: 51).² Это не было оговоркой: в большей части первого тома историк сохраняет веру в такую этническую принадлежность литовцев.³ Это, конечно, лучше, если бы он спутал их с эстами! Интересно, что в это время он еще не знает хорошо известной легенды о происхождении литовцев от римлян, а приводит «древнее предание Латышей», считавших, что их первый правитель, по имени Видвут, царствовал на берегах Вислы, здесь народ свой сформировал и населил им Литву, Пруссию, Курляндию и Летландию, где ими управлял священник Кривее (Карамзин, 1989а: 52).

Эта латышская «ориентация» преследует историка и дальше в этом томе: идет ли речь (по Стрыйковскому) о «латышском» боге Ладо, которого почитают в Литве и Самогитии, или о диком, но мужественном народе «латышском» – ятвягах (Карамзин, 1989а: 80, 145; 228 прим. 205). Видимо, о языковых семьях представление было еще смутным: тех же эстов он отнес к германским народам. Напрасно мы будем искать у Карамзина и характеристики племенного (родового) быта литовцев. Впрочем, не будем предъявлять к историографу завышенные требования, ведь это и сейчас крайне сложная проблема (Дворниченко, 2015: 152-160).

Но уже на этом этапе мощный ум Карамзина, его научная прозорливость служат ему и читателю добрую службу. Да и потом – век-то уже девятнадцатый, не шестнадцатый уж точно и даже не восемнадцатый! Он не хочет, подобно М. Стрыйковскому, допустить, что в Литву ушли аланы, ведь аланы – северокавказские жители. Он не согласен и с В. Н. Татищевым в том, что кривичи – сарматы. Славяне они, и «владение сего народа столь обширно, что литовцы всю Россию называли землей Кривичей» (Карамзин, 1989а: 185 прим. 40; 196 прим. 70; 273 прим. 388). Но, в целом, в первом томе Карамзин в качестве литуаниста слаб. Еще раз он упоминает Литву, когда рассуждает об обширных пределах «России», превосходившей едва ли не все европейские государства (Карамзин, 1989а: 163).

¹ В.Н. Татищев и сам внес значительный вклад в литуанистику, собственно, он был одним из первопроходцев (См.: Дворниченко А.Ю. У истоков литуанистики: век «осмнадцатый» (в печати).

² В этой ситуации его спор со знаменитым И.Х. Гаттерером, который посчитал «латышей» сарматами, кажется несколько комичным (Карамзин, 1989а: Прим. 80, с. 212).

³ Говоря о происхождении литовцев, он пишет: «Когда Готфы удалились к пределам Империи, тогда Венеды и Финны заняли юго-восточные берега моря Балтийского и смешались с остатками первобытных Готфов, начали истреблять леса для хлебопашества и прозвались Латышами или обитателями земель расчищенных: ибо “лата” знаменует на языке Литовском “расчищение”» (Карамзин, 1989а: 52).

Да еще повторяя сомнительное сообщение того же М. Стрыйковского о том, что «Поляки, Русь, Литва и Мазуры обыкли бяху купли шкурками совершать» (Карамзин, 1989а: 307 прим. 524).

Ситуация улучшается ко второму тому. Здесь уже в начале, рассказав о войне Ярослава с ятвягами, литвой и мазовшанами,¹ историограф в одном из своих знаменитых примечаний пишет о литовцах, справедливо заявляя, что «мнимые древние известия о происхождении Великого Герцогства (простим ему это «герцогство» – Авт.) Литовского баснословны и явно основаны на догадках». Под огнем критики оказывается теперь ему уже известная «римская» легенда, выводящая правящую династию Литвы из Италии.² Критика несколько архаична: «Сколько же веков жил Палемон с детьми своими, если Август, Нерон или Аттила заставили его бежать из Италии, если внуки (курсив везде Карамзина – Авт.) Палемоновы господствовали в Литве около половины XI столетия». Достается и «Стриковскому», и «сметливому Кояловичу». Для девятнадцатого века хотелось бы чего-нибудь большего, но вывод вполне правомерен: история Палемона есть сказка, а литовцы упоминаются в Кведлинбургской летописи под 1009 г. А из других летописцев никто ранее Нестора о литве не говорит (Карамзин, 1991: 20; 204 прим. 35).³

Теперь со знанием дела, как рыба в воде ориентируясь в историографии (вот это эволюция!), Карамзин рассуждает и о «латышской голяди», стараясь определить место «Галиндии», повествует о борьбе русских князей с литовцами (Карамзин, 1991: 45; 231 прим. 110; 107, 173, 234 прим. 114; 289 прим. 253; 339 прим. 386). Отмечает и такую «новину»: «В сих ничтожных, однако ж кровопролитных распрях, Литовцы служили Кривским владетелям как их подданные» (Карамзин, 1991: 183; 346 прим. 407). Литва могла быть союзником и других князей (Карамзин, 1991: 191, 353 прим. 423).

Карамзин почувствовал и начало коренного изменения ситуации. Он так ее определил: «В сие время Россия западная узнала новых врагов, опасных и жестоких. Народ Литовский, в течение стапятидесяти лет подвластный ее Князьям, дикий, бедный, платил им дань шкурами, даже лыками и вениками», а теперь стал тревожить набегами «области Российские» (Карамзин, 1991: 389).⁴ Конечно, назад его тянут эти пресловутые «веники», но «скромного обаяния» М. Меховского в этом вопросе мало кто мог избежать, даже такой критично настроенный к легендам историк, как И.Н. Болтин (Болтин, 1794: 390). Успехам литовцев способствовали «непрестанные наши междоусобия, разделение земли Кривской и слабость каждого Удела в особенности». Отмечает Карамзин и отличную военную подготовку литовцев. Историк не упускает, пожалуй, ни одного сообщения о борьбе с литвой, хвалит позицию, например, князя Рюрика Ростиславича, который «ходил с войском на Литву, как бы предвидя, что она будет для нашего отечества еще опаснее половцев». Князь Ярослав Владимирович вместе с полоцкими князьями согласился идти «на Литву или Чудь» (Карамзин, 1991: 393; 401, 551 прим. 86). Впрочем, ситуация по-прежнему неоднозначна: те же полочане действуют вместе с литвой, а «двинского князя» Всеволода немецкому епископу Альберту всерьез пришлось отваживать от союза с литовцами, причем от этого союза плохо приходилось не только немцам, но и «россиянам» (Карамзин, 1991: 411, 556 прим. 101; 435, 572 прим. 150). А «Черниговские владетели счастливо воевали с Литвою», как и другие русские князья и земли (Карамзин, 1991: 414, 558 прим. 109). Выдающимся борцом с наступлением литвы был Роман Галицкий (Карамзин, 1991: 416; 560-561 прим. 114). Кстати, в этом примечании Карамзин не только приводит летописные сообщения, но и старается исправить ту ошибку, которую допустил М. Стрыйковский, а у него взял и наш В.Н. Татищев.⁵ Знаменитая поговорка («Романе! Худым живеша, Литвою ореша») относится не к Роману смоленскому, а именно к Роману Галицкому.

И все-таки до XIII в. историк не склонен преувеличивать литовскую угрозу. В разделе «Состояние России с XI до XIII века» он отмечает, что рыцари немецкие вытеснили новгородцев и кривичей из Ливонии, но далее не могли продвинуться, а «Литовцы были не что иное, как смелые грабители. Других опаснейших врагов отечество наше тогда не знало» (Карамзин, 1991: 465).

Качественно ситуация начинает меняться именно в XIII столетии. Литовские набеги продолжаются и становятся все более интенсивными: никогда еще не причиняли столь великого зла

¹ «Здесь под именем литвы должно разуметь жителей северо-восточной Пруссии и нынешней Литовской губернии, особенно ее северной части: ибо южная принадлежала к земле ятвяжской» (Карамзин, 1991: 20).

² К высказываниям Карамзина по поводу этой легенды, которую он знал в изложении Стрыйковского, впервые обратился Н.Н. Улащик (Улащик, 1985: 169).

³ Карамзин развенчал Стриковского в части «внуков Палемона» и в другом месте (Карамзин, 1991: Прим. 122, с. 236).

⁴ Интересно, что ссылается он в этом случае на всегдашнего «Стриковского» и ливонскую хронику И.Д. Грубера, вспоминает и «Слово о полку Игореве» (Карамзин, 1991: Прим. 65, с. 536). Более подробно «Слово», в том числе и касательно деяний литвы, он пересказывает в специальном разделе о «состоянии России» (Карамзин, 1991. Там же. С. 476-477).

⁵ На ошибку «последнего летописца» обратил внимание П.П. Толочко, совсем недавно писал о ней А.В. Горовенко (Горовенко, 2019: 288).

«Государству российскому» (Карамзин, 1991: 490; 621 прим. 313).¹ Этими набегами озабочены новгородцы, но и других «соседей» эти набеги ужасали. Этот народ «занимался единственно земледелием и войною; презирал мирные искусства гражданские, но жадно искал плодов их в странах образованных и хотел приобретать оные не меною, не торговлею, а своею кровию». Русские князья вместо того, чтобы «истребить гнездо разбойников и покорить их землю», только гонялись за литовцами, а те вскоре «одержали совершенную победу над сильною ратию Ливонских Рыцарей», в которой сам магистр положил голову со многими витязями немецкими и псковитянами, бывшими в их войске.²

Борьба с литвой продолжается до конца третьего тома: с «хищными Ятвягами и Литовцами» борется и побеждает знаменитый Даниил Романович (Карамзин, 1991: 504). В третьем томе впервые появляется (правда, в примечании) и Миндовг, а также Новгородок Литовский (Карамзин, 1991: 634-635 прим. 646). Наше представление об интересах Карамзина было бы не полным, если не вспомнить, что он постоянно рассматривает (а мы не рассматриваем, поскольку это сейчас к нашей теме относится лишь касательно) сюжеты, связанные с теми землями, которые в дальнейшем войдут в состав ВКЛ. Подход его к социально-политическому строю этих земель вполне «демократический» (Дворниченко, 2017: 41-48).³

Конфронтация с литвой прослеживается Карамзиным и в следующем – четвертом томе. Это не просто противостояние: литва становится, если выражаться по-современному, постоянным актором российской истории. Вот «литовцы, обрадованные бедствием России, завладели большею частию Смоленской области» – с ними пришлось «разбираться» самому Ярославу Всеволодовичу. А вот Даниил воспользовался отсутствием Ростислава, который пошел на литву со всеми боярами, и «обступил» Галич. Историк констатирует: «Литовцы беспрестанными набегами тревожат сию часть России» (Карамзин, 1992: 8, 27). То они с немцами и чудью опустошают берега Луги, то разбили Ярослава Владимировича, пал от них и московский князь. Впрочем, и против них находится антидот, прежде всего в лице великого Александра Невского (или его сына Василия) или того же могущественного Даниила. Монголы также оказываются достойным соперником литвы, хотя попытки натравить степняков на литовцев дорого стоили самим «россиянам» (Карамзин, 1992: 20-21, 41, 44, 49-51; 72-73, 82, 198-199; 202 прим. 91; 207-210 прим. 102).

Карамзин, двигаясь по хронологической канве, добирается до Миндовга («В Литве господствовал тогда славный Миндовг...»), и тут мы видим целую россыпь литуанистических наблюдений. И неважно, что они в примечаниях... Собственно, это даже лучше: ведь считается, что именно в примечаниях у Карамзина сосредоточена наука (Рубинштейн, 2008: 199).⁴ Историографу приходится констатировать тот факт, что «действительные исторические предания народа Литовского начинаются около сего времени, и неясность их еще более затмила от пустых догадок Историка Стриковского» (Карамзин, 1992: 212-213 прим. 103). Сам Карамзин добросовестно пытается разобраться в этих преданиях, сопоставляя сомнительные «догадки» М. Стрыйковского с не менее проблемными версиями Воскресенской летописи. И везде находит несоответствия! Опираясь на широкий круг источников и литературы, он пишет о важнейших событиях литовско-русской истории, таких как королевский титул Миндовга (Карамзин, 1992: 50). Некоторые наблюдения его вполне убеждают, например, в том, что «Товтивил господствовал в Полоцке с согласия тамошних граждан».

¹ Что подразумевает историограф под этим самым «Государством» – отдельный вопрос, к которому уже приходилось обращаться (Дворниченко, 2017: 41-48).

² Там же. С. 501. Здесь Карамзин, конечно, имеет в виду битву под Шавли (Шауляем), но такого названия он не знает. Пытается разобраться, где она была, взяв за основу сообщение Псковской архивной летописи, что литва «избиша Псковичь на Камне». В Литве два местечка называются «Камнями»: недалеко от Бреста и в Оршанском повете (Карамзин, 1991: Прим. 344, с. 630). Выбор историк не делает, отбросив-таки идею, что этот «Камень» был в «области Псковской, за рекою Великой» (так было в «Прибавлениях» к VIII тому второго издания «ИГР» (См.: Карамзин Н.М., 1991: Варианты и разночтения к тому III. С. 657, 57*). Здесь авторитетом для историографа был известный З. Ходаковский. Это интересный опыт исторического краеведения. Глухо говорит он об этой битве и в другом месте: «Ливонские рыцари после несчастной битвы с Литвою присоединились к славному Немецкому Ордену», после чего литовская угроза, впрочем, как русская и датская, для ордена ослабли (Карамзин, 1992: 17-18). В целом Карамзин стал неплохо разбираться в битвах, полемизируя с такими авторами, как Й.Г. Арндт и Х. Кельх (Карамзин, 1992: 186; Карамзин, 1993: 293 и др.).

³ Карамзин вспоминает и знаменитый татищевский сюжет о Святохне, в котором демократический строй Полоцкой земли представлен столь ярко. Подход его категоричен: «Я не нашел о том ни слова в летописях» (Карамзин, 1991: Прим. 208, с. 599).

⁴ Сейчас, правда, установлено, что это не просто «добротная систематизированная сводка фактического материала». В ней борются две тенденции: стремление к обогащению документальной базы и подчинение повествования идеям автора, что, в свою очередь, приводит и к текстуальным умолчаниям, и к «своеобразному редактированию текста» (Козлов, 1999: 164-165).

А как не согласиться с таким пассажем: «Кем построен Новгородок, не знаем; вероятно, Россиянами» (Карамзин, 1992: 214 прим. 107; 213 прим. 104).

В своей приятной для чтения манере писателя-сентименталиста Карамзин описывает литовские «мятежи», так же, как прежде в примечаниях, стараясь отделить аутентичные события от явно выдуманных. Особенно интересно его авторское эссе (в примечаниях) о смерти Миндовга (Карамзин, 1992: 61-62; 221 прим. 127; 58-60; 218-220 прим. 119-120) и, вообще, о Миндовге, «мятежи», битва под Раковором, эпопея с Довмонтом – все это сплетается в яркую (это ж писатель-то какой!), буквально цветную картину литовско-русской истории.

Через несколько страниц встречаем раздел: «Происшествия в Западной России». Интересно, что здесь впервые находим у Карамзина не только литовцев, Литву или Литовскую землю (Карамзин, 1992: 207 прим. 102), но «сильное Княжество Литовское», вырастающее из тех же литературных рассказов о об убийстве князем Львом князя Войшелка, которому то княжество и досталось. Убийный князь – фигура, с точки зрения россияна, привлекательная, поскольку хотел соединить кровь Св. Владимира с кровью славного Миндовга. Нельзя не отметить, что проблема генезиса литовского государства явно меньше волнует историографа, чем недавнего его предшественника А.Л. Шлецера, о работе которого он, кстати, не знал (см. ниже).

Литовско-русская история оживает под пером Карамзина: монголы снова идут на Литву и заставляют присоединиться и русских. Осадили Новгородок и Гродно, но пруссы, которым литовцы предоставили убежище в своих землях, оказались на высоте положения: кроме добычи в окрестностях, ничего союзники не получили. Излагая эту историю и по ходу дела разбираясь в ее нюансах, историк, похоже, окончательно решил проблему, которую не могли решить в предшествующем столетии. Речь идет о ясах, которых историки «осмнадцатого» столетия связывали с литовцами и ятвягами. Карамзин в рассказе о «россиянах» в Дагестане расставляет все точки над і: потомки сарматов ясы никакого отношения ни к литовцам, ни к ятвягам не имеют (Карамзин, 1992: 73, 77; 233 прим. 157). Карамзин и дальше не только живо излагает литовско-русскую историю, но старается разобраться в ее секретах, в ее героях, будь это князь Довмонт или Давыд.

Чем глубже Карамзин погружается в литовско-русскую историю, тем сложнее его историческому сознанию справиться с феноменом Литовско-Русского государства. С одной стороны, над ним довлеет старая теория трех столиц: литовцы – завоеватели, из-за которых «наше отечество утратило, и надолго свою древнюю столицу» (Киев – Авт.), а вся древняя область Кривская, или нынешняя Белоруссия,¹ уже совершенно зависела от Гедимины, а вообще, Литвой были отторжены лучшие области России. Но при этом оказывается, что тот же Гедимин «правил новыми подданными благоразумно, уважая их древние гражданские обыкновения, покровительствуя Веру Греческую и не мешая народу зависеть в церковных делах от Митрополита Московского». При этом граждане Волыни «... гнушаясь насилием папистов, славили терпимость Литовского Правления» (Карамзин, 1992: 122-127, 158). Гедимин, назвав себя «Великим Князем Литовским и Российским», и князей русских не изгонял, «оставляя им Уделы наследственные».²

Так было и при Ольгерде (Карамзин, 1992: 158, 316 прим. 350). Да и вообще, может быть, «чуждость южных областей» стала проявляться раньше литовского натиска – откуда тогда в войсках Гедимины русские (Карамзин, 1992: 124).³ В примечаниях историк разбирает легенды о Гедимине и, полемизируя с предшественниками, высказывает вполне убедительные мысли о нем, о его политике, об основании Вильны и т.д. (Карамзин, 1992: 279-282 прим. 265-274; 285 прим. 277).

Историка нового столетия уже не удивляет, в отличие от его предшественников прошлого столетия, что князь Александр принят на Псков «из литовской руки». С Гедимином подружился и Новгород, и из его руки принял на пригороды князя. Столь же восторженную характеристику, как и Гедимину (даже, пожалуй, и получше), историк дает его старшему сыну Ольгерду, с помощью «наших летописей» поправляя сведения о нем Я. Длугоша (Карамзин, 1992: 151, 306 прим. 333). Внимательно Карамзин следит за делами правления в Литовской земле.

Подмеченное нами некое раздвоение сознания у Карамзина продолжается и даже усиливается. С одной стороны, он пишет о том, что Димитрий мог хотеть «возвратить отечеству прекрасные земли, отторженные Литвою от России», с другой – он употребляет такое понятие, как «Россия Литовская» («Литовская Россия») (Карамзин, 1993: 21, 33, 89, 140), воочию показывая, что государственное образование это создавалось отнюдь не только насилием. «Смоленск и Брянск уже давно зависели некоторым образом от Литовского Княжения, как союзник слабый обыкновенно зависит от

¹ В первом издании у Карамзина была «Белороссия», но слово исправлено в списке опечаток (Карамзин Н.М. Варианты и разночтения. Глава VIII. С. 340).

² В связи с этой мыслью историографа С.Б. Свердлов верно подметил, что тут намечено будущее исследовательское направление в изучении Литовского государства, составной частью которого стали западнорусские земли (Свердлов, 2018: 260).

³ Там же. С. 124. Великий магистр уже при Ольгерде «одержал над Литвою блестящую победу, горестную для Витебска, Полоцка и Смоленска, ибо жители сих городов сражались под знаменами Ольгерда» (Карамзин, 1992: 155, прим. 336, с. 308; 340, с. 311-312).

сильного», но, дав такое определение, он тут же отмечает, что Брянск, устав от «мятежного безначалия», присоединился к Литве (Карамзин, 1992: 168). Города древней земли Вятчей поддались Витовту не только неволею, но и волею! (Карамзин, 1993: 89). А сам-то этот «сын Кестутиев» стал «Монархом всей южной России, оставляя Василию бедный Север». Когда Витовт встретился с Василием I «на берегах Угры», его войско состояло из полков киевских, смоленских – «и тщетно Свидригайло искал изменников в стане Литовском: самые Россияне, служа Витовту, готовы были мужественно ударить на полки Великокняжеские (Василия – Авт.)» (Карамзин, 1993: 106).

Характеристику Ольгерда больше украшает не то, что он, как и все остальные великие литовские князья, «хитрый», а то, что «более двадцати лет, воюя непрестанно, купил себе славу Героя». Это при нем остановили натиск монголов в битве у Синих Вод, это он наносил страшные удары орденским братьям. А когда он идет на Москву, то в войсках его (чувствуется, что Карамзину трудно это признать) идут русские, тот же князь смоленский, который соединил свою дружину с полками литовскими. Да и полководцы россиян (Дмитрия Донского) уже не признают «тамошних обитателей единокровными братьями», дозволяют воинам «пленять и грабить» (Карамзин, 1993: 14, 33). Этим-то, конечно, знатоков русской истории не удивишь: вспомним борьбу волостей (городов-государств) в Киевской Руси. Но здесь этот этос отношений уже привязан к двум существующим политическим системам, двум формирующимся государственным образованиям: Великому княжеству Литовскому и Московскому государству. Такое «раздвоение сознания» для литуанистики особенно дорогого стоит, если мы отстранимся и вспомним, что из-под пера историографа выходило не что иное, как «национальный нарратив», для которого была характерна, по замечанию С.И. Маловичко, «идеализация своего народа» (Прошлое для настоящего..., 2020: 161-162). Крайне интересно в этой связи, что и история Польши (И. Лелевель), и история Литвы (С. Даукантас) будут соиздаваться под сильным влиянием Карамзина!

Отметим и большое внимание (как всегда) Карамзина к деталям литовско-русской истории. Наш историк критикует «литовского» историка, т.е. М. Стрыйковского, который вместо трех походов на Москву описал только один, украсив его многими «художественными» деталями (Ольгерд въезжает в Кремль, ударяет копьём в стену «на память Москве и вручает красное яйцо Дмитрию). Смех у историографа вызвало и то, что «Стрыйковский» именуется московского князя Семечком (Симеоновичем?) и полагает, что Ольгерд ходил к Москве в 1332 году (Карамзин, 1993: 23-24, 233 прим. 30). На эту деталь стоит обратить внимание, поскольку наш историограф покусился тут на давнюю традицию. М. Стрыйковский передал этого «Семечку» А. Кояловичу, а тот – автору самого крупного сочинения о ВКЛ в XVIII в. – А.Л. Шлецеру.¹

Историограф не выпускает ВКЛ из поля исторического зрения: в ней междоусобие – переворот Ягайло. Наверное, отдельное исследование стоило бы посвятить Куликовской битве в освещении историографа. По наблюдению В.А. Кучкина, в основу ее освещения он положил «Сказание о Мамаевом побоище», именно из «Сказания» он взял не только факты, но и архаические объяснения замыслов Мамаю, а также планов рязанского и литовского великих князей (Кучкин, 1993: 463). Получается, что в этом он не очень-то ушел вперед от М.М. Щербатова (Щербатов, 1781: 125). Интересны даже мелкие ремарки Карамзина: например, «великолепный литовский князь Остей, вероятно, Димитрием посланный».

По достоинству Карамзин оценил такое событие, как крещение Литвы, которое привело ее «в число Держав Христианских», но имело «огорчительные следствия для Россиян», поскольку Ягайло сделался гонителем православия (Карамзин, 1993: 56-57, 255 прим. 109). «...Литовцев ставили в ряды целыми полками: священники кропили их святою водою и давали имена христианские...» – одно имя целому полку. Один из сравнительно недавних комментаторов Карамзина («ведущий специалист по его творчеству») увидел здесь некий фарс: «Карамзин, не скрываясь, высмеивает Ягайло и крещение»; «откровению, свободному религиозному акту учеников Христа Карамзин противопоставляет тоталитарно-механический обряд, превратившийся в пародию» (Карамзин, 2005: 592). Зря А.Ф. Смирнов приписал все это Карамзину – тот просто писал в рамках традиции, заложенной Я. Длугошем, не зная более древних свидетельств (Fijalek, 1987: 142-143).

Когда историограф повествует об известных зверствах смоленского князя Святослава во время нападения на Мстиславль, от пронизательного взгляда его не ускользает то, что обращался-то он так именно с «Россиянами» (Карамзин, 1993: 58). Тут нельзя не видеть отголоски той же межволостной борьбы, уходящей корнями в Киевскую Русь (Дворниченко, 2013а). Дмитрий на поражение своего союзника Святослава не реагирует, он, вообще, не «хотел раздражать Литвы» (Карамзин, 1993: 63). Эти отношения между формирующимися государствами постоянно в поле зрения историка, включая, как и прежде, многие колоритные детали литовско-русской истории: он не забывает ни о Марии Кейстутьевне – жене тверского князя, ни, тем более, о Софье Витовтовне – супруге Василия Дмитриевича. Да и просто «Дела Литовские» требуют самого пристального внимания, прежде всего

¹ См. (Рогов, 1966: 174). По поводу этого злополучного «Семечки» А.И. Рогов выдвинул предположение, что здесь у Стрыйковского (а от него эта ошибка перешла к последующим историкам) имеется в виду Шемяка.

сам Витовт, который славился разумом и мужеством, князь «тогда славнейший из Государей северной Европы» (правда, для России был ужаснее Гедимины и Ольгерда) (Карамзин, 1993: 73, 139).

Длящаяся тема – Витовт и новгородцы, которые занимают особое место в этом межгосударственном раскладе сил. Не случайно Витовт «грозил Новгородцам, как державе особенной». Литва и псковичи – еще одна постоянная тема. Тут тоже была своя специфика, поскольку отношения литвы и псковичей во многом определялись отношениями последнего с их «братьями» новгородцами и Москвой (Карамзин, 1993: 92, 116; 286 прим. 172; 301-302 прим. 217; 103-104, 192-193 и др.) Ну и, конечно, Витовт и монголы. Карамзин, описав трагедию на Ворскле, пронизательно пишет о неоднозначном воздействии этого события на «Россиян». И такое воздействие вполне укладывается в русло его представлений о «Литовской России». С одной стороны, русские утешались, что силы опасной Литвы ослабели и при этом боялись нового тиранства ханов, но, с другой стороны, они жалели тех многочисленных русских, которые пали под знаменами литовскими (Карамзин, 1993: 96).

Повестью дальше о политике великого Витовта, историк рисует картину, далекую от однозначного противостояния двух враждебных сил. И князя Лугвеня, Ольгердова сына, россияне любят, да и у самого Витовта есть сторонники, которые сдают ему Смоленск. Впрочем, и Витовт проводит «благоразумную политику», даря жителям Смоленска льготы. Неудивительно, что он на 110 лет утвердил город за Литвой. Карамзина, конечно, больше интересуют проблемы взаимоотношений ВКЛ и Московии. Совсем кратко сообщает он о Грюнвальде, по ходу дела закладывая легенду, которая тиражируется до наших дней: Витовт одержал победу над немцами в битве «единственно храбростию верных ему смоленских полков (курсив наш – Авт.)» (Карамзин, 1993: 101).¹ В связи с уже известным нам «раздвоением сознания» Карамзина стоит и редкая для него попытка рассуждать в духе альтернативной истории. Прав ли был Василий I, не допустил ли ошибки по отношению к Витовту, разбитому на Ворскле ханом? Надо было ударить на Литву, чтобы соединить южную Россию с северной, а после тем удобнее свергнуть иго ханское. Но все ли обстоятельства нам известны? Князь московский, государь шести или семи нынешних губерний в северной России, имел ли способ сокрушить Витовта, который властвовал над ее лучшей многолюднейшей половиной и над всей Литвой, располагал также силами Польши. К тому же отношения были столь близки, что с 1408 г. князья жили в непрерывном согласии, а свою семью Василий «приказал» «брату и тестю» Витовту (Карамзин, 1993: 121-123).²

После смерти Василия Дмитриевича литовско-русская история у Карамзина сначала не отходит на задний план. Он излагает и политику «хитрого Витовта» в церковных делах; не забывает и о военных действиях со стороны Литвы, ярко рисует съезд «венценосцев и князей» в Литве в 1430 г. (Карамзин, 1993: 127-128, 136-138). Однако вскоре он сосредотачивается на московской первой смуте, лишь эпизодически вспоминая о похожих событиях в ВКЛ, связанных с именем князя Свидригайло. Литва все чаще упоминается в качестве убежища для опальной знати или, наоборот, «выхода» знати отсюда: сюда бежал Басенок, выехал отсюда Александр Чарторижский и др. Правда, и обмен послами происходит. А главное, Карамзин по-прежнему всерьез считает, что без ВКЛ адекватно не понять истории Восточной Европы: Улусы и Литва ограничивали круг политики России, а «начало Крымской Орды» во многом уходит корнями в политику Литвы (Карамзин, 1993: 199).

Но вот пришла эпоха Ивана III, и «отселе История наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки Княжеские, но деяния Царства» (Карамзин, 1989b: Стб. 6). Такие монархически-патриотические восторги не могли не сказаться и на восприятии ВКЛ. Происходит явный сдвиг в сторону трактовки его сугубо как объекта завоевания: «от пределов Литвы и Новагорода до Сибири». Тема борьбы, войны будет звучать вплоть до конца освещения интересующей нас эпохи, варьируясь так или иначе. Казимир – «естественный враг Москвы» – в этой своей «естественности» вполне идентичен ордынским ханам (Карамзин, 1989b: Стб. 33, 56). Уже и дружить с другими государственными образованиями, типа Твери или Венгрии, Москве приходится именно против ВКЛ. Даже первый договор с Австрией содержит статью против Литвы. А дружба Литвы – это враги самодержавия, да и России вообще (Карамзин, 1989b: Стб. 134, 81, 89), тем более что «грозное Московское Самодержавие» уже многих сделало своей жертвой: «С обеих сторон недоброжелательствовали друг другу, стараясь вредить тайно и явно». Карамзин рассказывает о важном для понимания и истории ВКЛ, и литовско-московских отношений «заговоре князей» 80-х гг. XV в. (Карамзин, 1989b: Стб. 106, 130)³. ВКЛ уже окончательно стало местом убежища для всех тогдашних московских диссидентов. Связь с Литвой для московских правителей может служить даже просто поводом для репрессий: «великий князь сменил архиепископа Феофила, будто бы за тайную связь с Литвой» (Карамзин, 1989b: Стб. 86, 113, 129).

¹ Сам он битву не описывает и даже не дает ее названия, а отсылает к хронике Ф.К. Гадебуша (Gadebusch, 1780).

² Карамзина при этом очень удивило, что и Василий II Васильевич «приказал супругу и детей своих Королю Польскому Казимиру, называя его братом (курсив Карамзина – Авт.)» (Карамзин, 1993: 194).

³ См. об этом заговоре: (Дворниченко, 2013b).

Конечно, Карамзин был во многом прав: эпоха формирования новых государств Восточной Европы входила в решающую стадию. Они не только враждовали, но и обменивались послами (Карамзин, 1989b: Стб. 11-12, 54, 138, 154, 204 и др.). Они становились главными акторами в политической жизни Восточной Европы. Ярче всего это проявилось в ситуации с Великим Новгородом, при описании захвата которого Москвой историк весьма подробно рассказывает о ВКЛ и даже приводит текст договора с Казимиром, который он нашел в Пушкинском собрании Двинских грамот (Карамзин, 1989b: Стб. 21-22, прим. 42. Стб. 12-14). Но Казимир и с псковитянами заигрывал (Карамзин, 1989b: Стб. 54).

Однако прежние представления историка отнюдь не исчезли бесследно, как не исчезла и историческая реальность, которую они отражали. Новгородцы приняли князя Михаила Олельковича, брат которого Симеон «правил в Киеве с честью и славою, подобно древним князьям Владимирова племени». В таком восприятии литовско-русского князя Карамзин вполне един с летописцами (Карамзин, 1989b: Стб. 18. Прим. 34. стб. 10).

По-прежнему живет понятие «южная Литовская Россия», которую надо теперь завоевывать, или просто «Литовская Россия» (Карамзин, 1989b: Стб. 133, 182, 184). Ситуация меняется на глазах историка: «время уже приучило Северную Россию смотреть на Литовскую, как на чуждую землю; в обычаях и нравах сделалась перемена и связь единокровства ослабела» (Карамзин, 1989b: Стб. 153). Однако не столь уж она и «ослабела». Российский правитель, думая «единственно о выгодах государственных», натравил на Киев Менгли-Гирея, а потом еще и получил от него в подарок золотые святыни, похищенные из Киево-Печерской Лавры. Православные же москвитяне оскорблены тем, что Россия насылает варваров на единоверных – жечь и грабить святыни, древнейшие памятники нашего христианства (Карамзин, 1989b: Стб. 107). Да и то, что тому же Новгороду Великому можно избирать только одного из двух государей: литовского или московского – вряд ли случайно! Позиция самого историка, конечно же, промосковская, но вдумайтесь в такие слова: «К счастью, наследники Витовтовы не наследовали его души, и Бог даровал России Иоанна» (Карамзин, 1989b: Стб. 85-86). Продолжая эту мысль, можно сказать, что, если бы наследовали, а бог бы не даровал, то была бы у нас сейчас столица не Москва, а Вильнюс! Впрочем, мы, как и Карамзин, не большие поклонники альтернативной истории...

Карамзин следит за событиями в ВКЛ, пусть и в связи с ситуацией литовско-русских отношений, «Литва – главный предмет политики государя: «Так было до 1492 года, когда важная перемена случилась в Литве и переменяла систему России», – речь идет о смерти Казимира и возведении на литовский престол его сына Александра и одновременно возведении Альбрехта на польский престол. Должное внимание историк уделит и браку дочери Ивана и великого князя литовского Александра – «народ Литовский» (русский?) в Смоленске, Полоцке, Витебске весело торжествовал: «сим брачным союзом возобновляется древняя связь между единоплеменными народами» (Карамзин, 1989b: Стб. 163, 157). Ничего, конечно, из этого не вышло. А вот и еще одна удивительная коллизия: Константин Острожский «брат Россиян в Церкви, но страшный враг их в поле» (Карамзин, 1989b: Стб. 185).

Ко времени Василия III Ивановича система государств в Восточной Европе столь укрепилась, государства эти так развились, что Карамзин – певец государства именно Российского – на нем и концентрирует основное внимание. ВКЛ интересуется лишь в связи с противостоянием с Московией. Историограф живописует гонения на греческую веру в ВКЛ, описывает войну – победы и поражения той и другой стороны. Война эта, «славная для Иоаннова оружия, придала нам еще более важности и знаменитости» (Карамзин, 1989b: Стб. 182, 205). Вот Александр стал (по смерти Альбрехта) королем и Польши. Можно смело сказать, что отношения с ВКЛ – главный тренд внешней политики при Иване III. Ситуация не меняется и при Василии III Ивановиче.¹ Первый позыв в отношениях с ВКЛ у нового русского правителя – вполне в духе прежних представлений. После смерти в 1506 г. Александра молодой московский царь обращается к сестре – вдовствующей Елене – помочь ему стать королем Литвы и Польши. У Карамзина свой комментарий: «Литва и Россия не могли действительно примириться иначе, как составив одну державу. Василий хотел отвратить бедствия двух народов, которые в течение трех следующих веков резались между собою, споря о древних и новых границах. Сия кровопролитная тяжба могла прекратиться только гибелью одного из них» (Карамзин, 1989c: Стб. 10). Мы теперь можем вздохнуть с облегчением: ни один, вроде, пока не погиб... Но преемником уже был объявлен Сигизмунд, который, в свою очередь, предложил Василию вечный мир с условием, что он отпустит литовских пленников и отдаст те места, которыми завладели россияне уже после шестилетнего перемирия. По мнению Карамзина, «сие требование казалось умеренным», но только не Василию. В общем, опять ничего путного не вышло, а вскоре все снова вышло из-под контроля: Константин Острожский, нарушив клятву, бежал из Московии в Литву, а Михаил Глинский поднял мятеж в Литве и убежал в Московию. В войне двух родственных государств огромную роль играла и

¹ Седьмой том практически и начинается с встречи Василия с литовским послом, которому руки российский правитель не подал, поскольку в ВКЛ «свирепствовали заразные болезни» (Карамзин, 1989c: Стб. 9). Интересно, соблюдал ли он «социальную дистанцию»?

татарская Таврида, за союз с которой приходилось постоянно бороться. Положение уже было такое, что, как бы удачно не ложились карты в сторону мира, «не долго Россия и Литва могли наслаждаться миром» (Карамзин, 1989с: Стб. 11-19, 30). И снова война! После Ведроши наступил триумф литовцев под Оршей: они «никогда не одерживали такой знаменитой победы над Россиянами». И вот уже Константин Острожский «русским языком славит Бога за истребление Россиян». Нет конца этой сваре – уже и барон С. Герберштейн от императора Максимилиана едет мирить непримиримых исторических родичей (Карамзин, 1989с: Стб. 43, 51). Вот оно как: «Сия десятилетняя война, славная для Сигизмунда громкою победой Оршинскою, а для нас полезная приобретением Смоленска, для обоих же государств равно опустошительная». И Карамзину тут остается только поплакать по поводу гибели Немецкого (Тевтонского) ордена, который он всегда воспевал, называя «славным» и т.д. (Карамзин, 1989с: Стб. 71-72). Вот и пойми нашего историка-патриота нам, воспитанным на гениальном в своей наивности фильме С. Эйзенштейна! Война продолжалась и дальше, причем на Тавриду российская власть тогда не претендовала, политика ограничивалась Литвой: «там видели мы прочные, естественные, языком и Верою утверждаемые приобретения, нужные для могущества России» (Карамзин, 1989с: Стб. 76).

Без ВКЛ историю Московии не понять ни на каком уровне. После смерти Василия III все переживали о судьбах государства: никогда Россия не имела такого малолетнего властителя (Иван – будущий Грозный) и «не видала своего кормила государственной власти в руках юной жены и чужеземки литовского ненавистного рода» (Карамзин, 1989д: Стб. 5). А главный предмет политики – снова ВКЛ, наряду с Тавридой и Казанью. И вот уже строятся на литовской границе крепости, вот уже идет «война Литовская» с успехом для россиян (Карамзин, 1989д: Стб. 15, 19, 22-24). И хоть с успехом, но «вечного мира» хотят обе стороны. Но, как всегда, не «согласились в условиях», и уже Иоанн ищет здесь себе невесту (Карамзин, 1989д: Стб. 46-47).

Смена власти и декораций: Сигизмунд умер, а Август больше думал о делах любовных. Но лет через пять его правления встали те же проклятые вопросы: к взаимным территориальным претензиям добавилось неприятие титула новоиспеченного российского царя. В общем, перемирие (какой уж тут «вечный мир»!) заключили на прежних условиях. Потом его продлили и даже предложили Августу союз против хана. Это «...предложение столь радостно удивило Короля, Вельмож, народ, связанный с нами узами единокровия и Веры, что Посланника Московского» в Литве носили на руках. Говорили с жаром о христианском братстве, вспоминали судьбу Греции, ... но все обоюдное расположение исчезло, как мечта, – дела снова запутались, и древняя ненависть воспрянула. Виной была Ливония. Но ведь ясно было, что война Ливонская произведет Литовскую, хоть москвиты и согласились придерживаться того перемирия до 1562 г. (Карамзин, 1989д: Стб. 72, 156-157, 176).¹

В знаменитом девятом томе эта война и началась, хоть и шла вяло. Шла она параллельно с ужасавшим впечатлительного историографа перерождением Ивана, все больше превращавшегося в «тирана, который из Слободского своего вертепа свирепо глядел на Москву» (Карамзин, 1989е: Стб. 9, 57). Тут уж Карамзину окончательно не до Литвы: того, что там происходит внутри, он практически не касается, объяснив униатский процесс лишь желанием не имевшего детей Сигизмунда неразрывным соединением Литвы с Польшею утвердить их могущество, чтобы та и другая держава не избрала себе после его смерти особенного властителя (Карамзин, 1989е: Стб. 71). Конечно, воплотить в жизнь это намерение было крайне трудно, поскольку, по наблюдению историографа, вельможи литовские жили в вечной вражде между собою.

Литва в качестве врага повсюду: даже Стамбулу помогает осуществить неудачную Астраханскую операцию (Карамзин, 1989е: Стб. 74, 76). Впереди еще много событий той несчастной для России, менее славной для Батория, чем постыдной для Иоанна, войны (Карамзин, 1989е: 206). Но, во-первых, это уже другая эпоха – после Люблинской унии, а во-вторых, сведений о Литве у Карамзина все меньше и меньше...

Еще один вопрос, который встает в конце рассмотрения взглядов Карамзина, связан с изучением им той историографии и тех источников, которые он имел в своем распоряжении. Правда, этот вопрос мог бы стать предметом анализа в отдельной статье. И все-таки мы здесь не можем не отметить весьма широкий их круг. Польских историописателей он знает практически всех. М. Стрыйковский – «Историк-Поэт, ибо он писал отчасти стихами» – для него часто объект критики, порой весьма конструктивной, хотя западнорусские летописи историограф знает только в изложении знаменитого мазовшанина. Знаком наш историограф и с творчеством главного толкователя Стрыйковского – А. Кояловича, неоднократно ссылается и на более скандального «продолжателя» мазовшанина – А. Гваньини. Карамзин знаком и с ранними ливонскими хрониками, и с германскими

¹ Все предыдущее изложение не позволяет согласиться с А.И. Филюшкиным в том, что Карамзин сделал главным противником России в сконструированной им «Ливонской» войне Речь Посполитую потому, что она при нем была самым актуальным противником России (Филюшкин, 2015: 3-4). Такое внимание именно к «Литовской войне» проистекало из глубокого анализа Карамзиным всего исторического процесса.

авторами уже XVIII в., среди которых Й.Г. Арндт, Х. Кельх, Ф.К. Гадебуш и др. Что касается славного А.Л. Шлецера, то неоднократные ссылки на его работы показывают, что историограф знал его «Allgemeine Nordische Geschichte», но, к сожалению, не имел представления о другой его работе (собственно главном труде о Литве XVIII века) – «Истории Литвы» (Schlözer, Gebhardi, 1785).¹

Что касается использования Карамзиным великорусских летописей, то, например, Ростовская летопись – крупный летописный свод, в котором были объединены два источника: московский свод 1479 г. и новгородский владычный свод, который доводит изложение до 1539 г. (Шахматов, 1904) – отнюдь не идеальный источник по истории ВКЛ. Впрочем, проблема «Карамзин – русские летописи» уже не раз рассматривалась в научной литературе, а мы хотим сказать о явной заслуге Карамзина. В его «Истории» часто фигурирует актовый материал, полученный им из Кенигсбергского архива (Карамзин, 1993: 256; 292; 333 и др.). Это документы, скопированные в 1808–1816 гг. экспедицией прибалтийского дворянства под руководством ландрата В.Ф. Унгерн-Штернберга. Данные копии не разысканы (Карамзин, 1992: 345-346; Карамзин, 1993: 407). Это чрезвычайно важные для познания ВКЛ источники, которые принадлежали архиву магистров Тевтонского ордена. Ныне оригиналы их хранятся в Берлине в Секретном государственном архиве Фонда «Прусское культурное наследие».²

4. Заключение

Историю российской литуанистики обычно начинают с работ одного из отцов-основателей петербургской исторической школы Н.Г. Устрялова, устанавливая, таким образом, хронологический репер этого начала примерно на середине XIX столетия. «Случай» Карамзина показывает, что это неверно. Комплексный подход к изучению источниковой базы, постоянный интерес к теме, а главное, ментальность уже нового «длинного девятнадцатого века», пусть и его начала, которая позволила покуситься на многие легенды (хоть и далеко не на все) – все это позволяет говорить о серьезном вкладе Карамзина в становление российской литуанистики. Отношение великого историографа к истории ВКЛ отнюдь не было прямолинейным и однозначным. И тем не менее, продолжая наработки ученых уже прошлого «осмнадцатого» столетия, он фактически закладывал основы дальнейшего развития российской литуанистики. Много, как и в восприятии «государства Киевская Русь» (Дворниченко, 2017), он воспринимал на уровне интуиции, что мы назвали своего рода «раздвоением сознания», многого еще не знал, кое-чему не придавал должного значения. Но воздадим должное этому «последнему русскому летописцу и первому историку» (А.С. Пушкин).

5. Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда в рамках гранта «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.». Проект No 19-18-00073.

Литература

Горовенко, 2019 – Горовенко А.В. Василий Татищев и «древние летописи»: домонгольская Русь глазами первого русского историка. СПб.: «Изд-во Олега Абышко», 2019. 416 с.

Дворниченко, 2013а – Дворниченко А.Ю. Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI–XV веках. М.: Весь Мир, 2013. 232 с.

Дворниченко, 2013б – Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI века). Очерки истории общины, сословий и государственности. М.: Издательство Аргамак-Медиа, 2013. 204 с.

Дворниченко, 2015 – Дворниченко А.Ю. Племенные структуры и славянские политогенезы (Реплика) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana / Петербургские славянские и балканские исследования. 2015. № 2. С. 152-160.

Дворниченко, 2017 – Дворниченко А.Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.: ЕВРАЗИЯ; М.: ИД Клио, 2017. 559 с.

Критические примечания генерал-майора Болтина, 1794 – Критические примечания генерал-майора Болтина на второй том Истории князя Щербатова. СПб., 1794. 479 с.

Карамзин, 1989а – Карамзин Н.М. История государства Российского в 12 томах. Т. I. М.: Наука, 1989. 643 с.

Карамзин, 1989б – Карамзин Н.М. История государства Российского // История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 гг. в трех книгах с приложением «Ключа» П.М. Строева. Кн. 2. Т. V, VI, VII, VIII. М.: «Книга», 1989. Т. VI. Стб. 5-228.

¹ Интересно, что Карамзин неоднократно ссылается и на работы «соавтора» Шлецера по данной работе (это, собственно, две работы под одной обложкой) – известного немецкого историка Л.А. Гебгарди, но также не на эту работу.

² См. о судьбе архива: (Forstreuter, 1955).

- Карамзин, 1989с** – Карамзин Н.М. История государства Российского // История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 гг. в трех книгах с приложением «Ключа» П.М. Строева. Кн. 2. Т. V, VI, VII, VIII. М.: «Книга», 1989. Т. VII. Стб. 5-142.
- Карамзин, 1989d** – Карамзин Н.М. История государства Российского // История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 гг. в трех книгах с приложением «Ключа» П.М. Строева. Кн. 2. Т. V, VI, VII, VIII. М.: «Книга», 1989. Т. VIII. Стб. 5-188.
- Карамзин, 1989е** – Карамзин Н.М. История государства Российского // История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 гг. в трех книгах с приложением «Ключа» П.М. Строева. Кн. 3. Т. IX, X, XI, XII. М.: «Книга», 1989. Т. IX. Стб. 1-280.
- Карамзин, 1991** – Карамзин Н.М. История государства Российского в 12 томах. Т. II–III. М.: Наука, 1991. 828 с.
- Карамзин, 1992** – Карамзин Н.М. История государства Российского в 12 томах. Т. IV. М.: Наука, 1992. 480 с.
- Карамзин, 1993** – Карамзин Н.М. История государства Российского в 12 томах. Т. V. М.: Наука, 1993. 560 с.
- Карамзин, 2005** – Карамзин Н.М. История Государства Российского: XII томов в 3-х книгах. Книга 2. Т. V–VIII. Послесловие, комментарии А.Ф. Смирнова. Илл. Б. Чорикова. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 640 с.
- Козлов, 1999** – Козлов В.П. Российская археография в конце XVIII – первой четверти XIX века. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. 415 с.
- Кучкин, 1993** – Кучкин В.А. Конец «темного периода» русской истории // Карамзин Н.М. История государства Российского в 12 томах. Т. V. М.: Наука, 1993. С. 446-479.
- Мегем, 2011** – Мегем М.Е. Образ средневековой Литвы в историографии первой половины XIX века // *Вестник РГУ им. И. Канта*. 2011. № 12. С. 144-155.
- Прошлое для настоящего, 2020** – Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности: Коллективная монография / Под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. 464 с.
- Рогов, 1966** – Рогов А.И. Русско-польские связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его хроника). М.: Изд-во «Наука», 1966. 310 с.
- Рубинштейн, 2008** – Рубинштейн Н.Л. Русская историография. 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 938 с.
- Сапченко, 2006** – Сапченко Л.А. Н.М. Карамзин в движении времени // Карамзин: pro et contra. СПб.: РХГА, 2006. С. 7-24.
- Свердлов, 2018** – Свердлов М.Б. История России в трудах Н.М. Карамзина. СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с.
- Улащик, 1985** – Улащик Н.Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М.: «Наука», 1985. 262 с.
- Филошкин, 2013** – Филошкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы. Балтийский вопрос во второй половине XVI в. глазами современников и потомков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 880 с.
- Филошкин, 2015** – Филошкин А.И. Как изучать Ливонскую войну (историографические заметки) // *Российская история*. 2015. № 4. С. 3-17.
- Шахматов, 1904** – Шахматов А.А. О так называемой Ростовской летописи // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1904. Кн. I. С. 9-182.
- Щербатов, 1781** – Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. IV. От начала царствования великого князя Дмитрия Ивановича, проименованного Донской, до царствования царя Иоанна Васильевича. Ч. I. От начала царствования великого князя Дмитрия Ивановича, проименованного Донской, до царствования великого князя Иоанна Васильевича. СПб., 1781. Кн. 9. 598 с.
- Gadebusch, 1780** – Gadebusch F.K. Livländische Jahrbücher. Erster Theil. Letzterer Abschnitt von 1400 bis 1561. Riga: Hartknoch, 1780. 570 p.
- Dvornichenko, Kudrayvtseva, 2019** – Dvornichenko A.Yu., Kudrayvtseva R.-E.A. The Phenomenon of Great Duchy of Lithuania in a Scholar Discourse on the Boundary of Millenniums // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 53. Is. 3: 935-955.
- Forstreuter, 1955** – Forstreuter K. Das Preußische Staatsarchiv in Königsberg. Ein geschichtlicher Rückblick mit einer Übersicht über seine Bestände (Veröffentlichungen der Niedersächensischen Archivverwaltung. H. 3. Göttingen, 1955. 114 p.
- Fijałek, 1987** – Fijałek J. Kościół Rzymskokatolicki na Litwie // *Chrzstianizacja Litwy*. Kraków: Społeczny Instytut Wydawniczy ZNAK, 1987. Pp. 129-318.
- Schlözer, 1785** – Schlözer August L. Gebhardi Ludwig Albrecht. Geschichte von Littauen, Kurland und Liefland. Halle, 1785. 300 p.

References

- Dvornichenko, 2015** – *Dvornichenko A.Yu.* (2015). Plemennye struktury i slavyanskie politogenezy (Replika) [Tribal structures and Slavic politogenesis (Some remarks)]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. Peterburgskie slavyanskie i balkanske issledovaniya*. № 2. Pp. 152-160. [in Russian]
- Dvornichenko, 2013a** – *Dvornichenko A.Yu.* (2013). Gorodskaya obshchina Verkhnego Podneprov'ya i Podvin'ya v XI – XV vekakh [Urban community of the Upper Dnieper and Podvina in the XI-XV centuries]. Moscow: Ves' Mir. 232 p. [in Russian]
- Dvornichenko, 2013b** – *Dvornichenko A.Yu.* (2013). Russkie zemli Velikogo knyazhestva Litovskogo (do nachala XVI v.). Ocherki istorii obshchiny, soslovij i gosudarstvennosti [Russian lands of the Grand Duchy of Lithuania (until the beginning of the 16th century). Essays on the history of the community, estates and statehood]. Moscow: Argamak-Media. 240 p. [in Russian]
- Dvornichenko, 2017** – *Dvornichenko A.Yu.* (2017). Zerkala i himery. O vozniknovenii drevnerusskogo gosudarstva [Mirrors and chimeras. About the emergence of the old Russian state]. Moscow: Klio; St. Petersburg: Evraziya. 559 p. [in Russian]
- Dvornichenko, Kudrayvtseva, 2019** – *Dvornichenko A.Yu., Kudrayvtseva R.-E.A.* (2019). The Phenomenon of Great Duchy of Lithuania in a Scholar Discourse on the Boundary of Millenniums. *Bylye Gody*. Vol. 53. Is. 3: 935-955.
- Fijalek, 1987** – *Fijalek J.* (1987). Kościół Rzymskokatolicki na Litwie. *Chrzstianizacja Litwy*. Kraków: Społeczny Instytut Wydawniczy ZNAK, pp. 129-318.
- Filyushkin, 2013** – *Filyushkin A.I.* (2013). Izobretaya pervuyu voynu Rossii i Evropy. Baltiiskii vopros vo vtoroi polovine XVI v. glazami sovremennikov i potomkov [Inventing the first war between Russia and Europe. Baltic question in the second half of the XVI century through the eyes of contemporaries and descendants]. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 880 p. [in Russian]
- Filyushkin, 2015** – *Filyushkin A.I.* (2015). Kak izuchat' Livonskuyu voynu (istoriograficheskie zametki) [How to Study the Livonian War (Historiographical Notes)]. *Rossiiskaya istoriya*. № 4. Pp. 3-17. [in Russian]
- Forstreuter, 1955** – *Forstreuter K.* (1955). Das Preußische Staatsarchiv in Königsberg. Ein geschichtlicher Rückblick mit einer Übersicht über seine Bestände (Veröffentlichungen der Niedersächsischen Archivverwaltung. H. 3. Göttingen, 114 p.
- Gadebusch, 1780** – *Gadebusch F.K.* (1780). Livländische Jahrbücher. Erster Theil. Letzterer Abschnitt von 1400 bis 1561. Riga: Hartknock, 570 p.
- Gorovenko, 2019** – *Gorovenko A.V.* (2019). Vasilii Tatishchev i «drevnie letopisi»: domongol'skaya Rus' glazami pervogo russkogo istorika [Vasily Tatishchev and "ancient chronicles": pre-Mongol Russia through the eyes of the first Russian historian]. St. Petersburg: «Izdatel'stvo Olega Abyshko». 416 p. [in Russian]
- Karamzin, 1989a** – *Karamzin N.M.* (1989). Istoriya gosudarstva Rossiiskogo v 12-ti tomakh [History of the Russian state in 12 volumes]. Vol. I. Moscow: Nauka, 643 p. [in Russian]
- Karamzin, 1989b** – *Karamzin N.M.* (1989). Istoriya gosudarstva Rossiiskogo [History of the Russian state]. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1842-1844 gg. v trekh knigakh s prilozheniem «Klyucha» P. M. Stroeva. Kn. 2. T.V, VI, VII, VIII. Moscow: «Kniga», vol. VI. Stb. 5-228. [in Russian]
- Karamzin, 1989c** – *Karamzin N.M.* (1989). Istoriya gosudarstva Rossiiskogo [History of the Russian state]. Karamzin N. M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1842-1844 gg. v trekh knigakh s prilozheniem «Klyucha» P.M. Stroeva. Kn. 2. T.V, VI, VII, VIII. Moscow: «Kniga», vol. VII. Stb. 5-142. [in Russian]
- Karamzin, 1989d** – *Karamzin N.M.* (1989). Istoriya gosudarstva Rossiiskogo [History of the Russian state]. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1842-1844 gg. v trekh knigakh s prilozheniem «Klyucha» P. M. Stroeva. Kn. 2. T.V, VI, VII, VIII. Moscow: «Kniga», vol. VIII. Stb. 5-188. [in Russian]
- Karamzin, 1989e** – *Karamzin N.M.* (1989). Istoriya gosudarstva Rossiiskogo [History of the Russian state]. Karamzin N. M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1842-1844 gg. v trekh knigakh s prilozheniem «Klyucha» P.M. Stroeva. Kn. 3. T. IX, X, XI, XII. Moscow: «Kniga», vol. IX. Stb. 1-280. [in Russian]
- Karamzin, 1991** – *Karamzin N.M.* (1991). Istoriya gosudarstva Rossiiskogo v 12-ti tomakh [History of the Russian state in 12 volumes]. Vol. II – III. Moscow: Nauka, 828 p. [in Russian]
- Karamzin, 1992** – *Karamzin N.M.* (1992). Istoriya gosudarstva Rossiiskogo v 12-ti tomakh [History of the Russian state in 12 volumes]. Vol. IV. Moscow: Nauka, 480 p. [in Russian]
- Karamzin, 1993** – *Karamzin N.M.* (1993). Istoriya gosudarstva Rossiiskogo v 12-ti tomakh [History of the Russian state in 12 volumes]. Vol. V. Moscow: Nauka, 560 p. [in Russian]
- Karamzin, 2005** – *Karamzin N.M.* (2005). Istoriya Gosudarstva Rossiiskogo: XII tomov v 3-kh knigakh [History of the Russian State: XII volumes in 3 books]. Book 2. Vol. V-VIII. Posleslovie, kommentarii A. F. Smirnova. Moscow: OLMA-PRESS, 640 p. [in Russian]

Kozlov, 1999 – *Kozlov V.P.* (1999). Rossiiskaya arkheografiya v kontse XVIII – pervoi chetverti XIX veka [Russian archeography in the late 18th – first quarter of the 19th century]. M.: Rossiisk. gos. gumanit. un-t, 415 p. [in Russian]

Kriticheskie primechaniya, 1794 – Kriticheskie primechaniya general-maiora Boltina na vtoroi tom Istorii knyazya Shcherbatova [Critical notes by Major General Boltin on the second volume of the History of Prince Shcherbatov]. (1794). St. Petersburg, 479 p. [in Russian]

Kuchkin, 1993 – *Kuchkin V.A.* (1993). Konets «temnogo perioda» russkoi istorii [The end of the "dark period" of Russian history]. Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo v 12-ti tomakh. Vol. V. Moscow: Nauka, pp. 446-479. [in Russian]

Megem, 2011 – *Megem M.E.* (2011). Obraz srednevekovoi Litvy v istoriografii pervoi poloviny XIX veka [The image of medieval Lithuania in the historiography of the first half of the 19th century]. *Vestnik Kant Russian state university*. №12. Pp. 144-155. [in Russian]

Proshloe dlya nastoyashchego, 2020 – Proshloe dlya nastoyashchego: Istoriya-pamyat' i narrativy natsional'noi identichnosti: kollektivnaya monografiya [The Past for the Present: History-Memory and Narratives of National Identity: A Collective Monograph]. Ed by L. P. Repinai. (2020). Moscow: Akvilon, 464 p. [in Russian]

Rogov, 1966 – *Rogov A.I.* (1966). Russko-pol'skie svyazi v epokhu Vozrozhdeniya (Strykovskii i ego khronika) [Russian-Polish relations during the Renaissance (Strykovsky and his chronicle)]. Moscow: Nauka, 310 p. [in Russian]

Rubinshtein, 2008 – *Rubinshtein N.L.* (2008). Russkaya istoriografiya [Russian historiography]. 2-e izdanie. St.Petersburg: Saint Petersburg university press, 938 p. [in Russian]

Sapchenko, 2006 – *Sapchenko L.A.* (2006). N. M. Karamzin v dvizhenii vremeni [N.M. Karamzin in the movement of time]. *Karamzin: pro et contra*. St.Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities Russian Christian Academy for the Humanities press. Pp. 7-24 [in Russian]

Schlözer, 1785 – *Schlözer August L.* (1785). Gebhardi Ludwig Albrecht. Geschichte von Littauen, Kurland und Liefland. Halle, 300 p.

Shakhmatov, 1904 – *Shakhmatov A.A.* (1904). O tak nazyvaemoi Rostovskoi letopisi [About the so-called Rostov chronicle]. *Chteniya v Imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostei Rossiiskikh pri Moskovskom universitete*. Book I, pp. 9-182. [in Russian]

Shcherbatov, 1781 – *Shcherbatov M. M.* (1781). Istoriya Rossiiskaya ot drevneishikh vremen. T. IV. Ot nachala tsarstvovaniya velikogo knyazya Dmitriya Ivanovicha, proimenovannogo Donskoi, do tsarstvovaniya tsarvya Ioanna Vasil'evicha. Chast' I. Ot nachala tsarstvovaniya velikogo knyazya Dmitriya Ivanovicha, proimenovannogo Donskoi, do tsarstvovaniya velikogo knyazya Ioanna Vasil'evicha [Russian history from ancient times. Vol. IV. From the beginning of the reign of Grand Duke Dmitry Ivanovich, named Donskoy, to the reign of Tsar John Vasilyevich. Part I. From the beginning of the reign of Grand Duke Dmitry Ivanovich, named Donskoy, to the reign of Grand Duke John Vasilyevich]. St.Petersburg. Book 9. 598 p. [in Russian]

Sverdlov, 2018 – *Sverdlov M.B.* (2018). Istoriya Rossii v trudakh N.M. Karamzina [The history of Russia in the works of N.M. Karamzin]. St.Petersburg: Nestor-Istoriya, 368 p. [in Russian]

Ulashchik, 1985 – *Ulashchik N.N.* (1985). Vvedenie v izuchenie belorussko-litovskogo letopisaniya [Introduction to the study of the Belarusian-Lithuanian chronicle]. Moscow: Nauka, 262 p. [in Russian]

Первые российские литуанисты: случай Н.М. Карамзина

Андрей Юрьевич Дворниченко ^{a, *}, Регина-Елизавета Антоновна Кудрявцева ^a

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу воззрений знаменитого российского историка Н.М. Карамзина на проблемы литовско-русской истории эпохи, предшествующей заключению Люблинской унии 1569 г. Авторы показывают, что образ Карамзина-литуаниста сложен и неоднозначен. Следует иметь в виду, что Карамзин рос и развивался вместе со своим произведением – делом всей жизни. Если в первом томе историку еще явно не хватает знаний по литовско-русской истории, то, начиная со второго тома, история формирующегося Литовско-Русского государства (Великого княжества Литовского) постоянно находится в поле зрения историка. Карамзин прослеживает конфронтацию с Литвой, но это не просто противостояние: Литва становится, если выразиться по-современному, постоянным актором российской истории. Более того, авторы статьи обнаруживают своего рода раздвоение сознания Карамзина касательно ВКЛ. С одной стороны, оно

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.dvornichenko@spbu.ru (А.Ю. Дворниченко), aethel@yandex.ru (Р-Е.А. Кудрявцева)

является враждебной силой по отношению к «России» и «Россиянам», над ним довлеет старая теория трех столиц: литовцы – завоеватели, из-за которых «наше отечество утратило, и надолго свою древнюю столицу». С другой стороны, Литва и литовцы сами являются средоточием центростремительных тенденций, они объединяют южнорусские земли, созидавая «Литовскую Россию». Такое «раздвоение сознания» у Карамзина сохраняется даже для эпохи Ивана III и Василия III, практически исчезая уже к временам Ивана Грозного. Учитывая богатую историографическую и источниковедческую основу труда великого историографа, можно говорить о его творчестве как о важной ступени в развитии российской литуанистики, которая расцветет во второй половине XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: литуанистика, Н.М. Карамзин и его «История государства Российского», Великое княжество Литовское и Русское, историографическая и источниковедческая основа.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 944-951. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.944
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Psychological Factors in Suicides Among the Indigenous People of the Arctic Zone of Western Siberia in the XVII – XIX centuries (Based on Materials from the Regional Archives)

Evgeny A. Naumenko ^{a, *}

^aYugra State University, Russian Federation

Abstract

The authors of the article analyze the attempts of missionaries to overcome suicidality among the indigenous peoples of the North through the implementation of two different religious and economic models: "Orthodox" and "Muslim." While Christian influence was spreading through the missionary work of the Russian Orthodox Church in the Arctic regions, Muslim influence, coming from Siberian Tatars, was hidden. Both groups of missionaries have faced certain cultural peculiarities of northern peoples where suicide was not a sin, moreover, in some situations – was even the preferred behavior. In both missionary models, it was assumed that conversion to the new faith would introduce a taboo on suicide among indigenous peoples. However, Christianization did not solve the problem, but partially caused an increase in suicidality. The authors analyze historical sources taking into account the opinions of the peoples of the North themselves and come to the conclusion that one of the reasons for suicides is the syncretic nature of beliefs that developed in the conditions of Christianization. Orthodox beliefs were not yet deep enough to perceive suicide as a sin, but they changed the lives of indigenous peoples, partially severing them from their natural habitat and creating a set of socio-economic problems. Thus, the "Orthodox" model of suicide prevention did not lead to success. The "Muslim" model, having more ancient roots in the region, was based on norms shared with indigenous peoples: the Siberian Tatars also had idols and elements of shamanism. The encounter took place during the common opposition to Christian missionary work. As a result, some groups of Northern peoples have completely converted to Islam. In contrast to Orthodoxy, this transition was not superficial, which ensured the rejection of suicides.

Keywords: suicide, indigenous peoples, Christianity, Orthodoxy, Islam, Arctic, Yugra, missionary work.

1. Введение

Повышенная суицидальность народов Севера – одна из актуальнейших проблем, пока не решенная ни в одном, даже самом благополучном государстве мира. Суициды носят не просто ситуативный, а системный характер, причем их количество таково, что влияет на уровень смертности в регионах проживания в целом (Тарская и др., 2009: 62). В условиях Западной Сибири первыми эту проблему заметили религиозные миссионеры. Как ислам, так и христианство запрещают суицидальное поведение, поэтому народы Севера, принимая новую для себя веру, должны были отказаться от ряда прежних представлений о смерти. Однако это получалось далеко не всегда, и эффективность миссионерской политики отличалась в разных группах коренного населения.

Суициды преследовали носителей традиционных культур независимо от их материального положения, социального статуса и семейного благополучия, что подчеркивает отсутствие прямой связи самоубийств с факторами исключительно финансового или личного характера. Поиск причин этого явления вывел ученых на гипотезу о связи суицидов народов Севера с их интуитивным

* Corresponding author

E-mail addresses: hea2004@mail.ru (E.A. Naumenko)

восприятием мира (Sumarokov et al., 2015: 224) и, следовательно, на особенности этнической психологии. Изучение исторического ракурса проблемы поможет верифицировать высказанную гипотезу и, соответственно, скорректировать механизмы воздействия на традиционные культуры с целью предотвращения самоубийств.

Цель статьи – на основе архивных документов проанализировать психологические факторы суицидального поведения коренных народов Севера в XVII–XIX вв. на территории Арктической зоны Западной Сибири.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования включает две группы.

1) Архивные материалы. К ним относятся материалы Государственного архива Тюменской области, включая его подразделение в г. Тобольске. В комплексе эти материалы можно разделить на три подгруппы: а) путевые журналы и отчетность Обдорской миссии (Обдорск – современный Салехард) с описанием жизни остяков, вогулов и самоедов¹; б) метрические книги православных церквей и мечетей, содержащие данные о смертности/суицидальности коренного населения; в) письменные документы (прошения, объяснения) народов Севера с описанием причин и фактов их гибели. Сложность работы с архивными материалами состоит в том, что священники и чиновники скрывали уровень суицидов в среде коренных народов, т.к. при обнародовании реальной картины становилась очевидной неэффективность миссионерской политики.

2) Этнографические материалы, включающие две группы. Первая – этнографические данные XVII–XVIII вв. об особенностях жизнедеятельности народов Севера, что можно интерпретировать как благоприятные для суицидов факторы, а также информация о случаях самоубийств. Вторая группа – полевые материалы, собранные автором в среде обских угров в 2019 г.: описание случаев суицидальных попыток, обстоятельств их совершения, частота повторяемости в конкретных семьях, роль шаманских практик «отведения (предотвращения) смерти», а также причины суицидов с точки зрения носителей северных культур. Обе группы этнографических источников не противоречат друг другу – в целом это дает возможность использования полевых материалов для изучения прошлого.

Среди методов исследования использованы: 1) метод *актуализации*, позволивший спроецировать современную картину суицидов у народов Севера на процессы, происходившие в XVII–XIX вв.: несмотря на изменение социально-экономических условий, культурно-психологические доминанты, связанные с суицидами, сохранились до наших дней; 2) *сравнительно-исторический метод*: сопоставление данных о суицидальности в двух исследуемых группах – исламизированных и христианизированных народах Севера – позволит выяснить механизмы и степень воздействия мировых религий на предотвращение самоубийств в Арктической зоне в рассматриваемый период.

В качестве методологии исследования используется теория фронта Ф. Тернера с точки зрения Дж. Ронды, который на примере североамериканских индейцев пришел к выводу, что эффективность миссионерства в схожих племенах может разительно отличаться из-за незаметных пришлому населению особенностей традиционных культур, поэтому для объективной оценки миссий нужно глубоко изучить религиозные представления аборигенов и посмотреть на ситуацию с их точки зрения (Ronda, 1977). Этот взгляд позволил понять степень и направленность культурного конфликта в процессе исламизации и христианизации народов Севера и, соответственно, определить причины разной эффективности этих миссий в процессе предотвращения суицидов.

3. Обсуждение

Рассматриваемая тема в предложенном ракурсе пока не обсуждалась; сравнение эффективности мусульманской и христианской миссий в предотвращении суицидов народов Севера не проводилось. Опубликованные работы касаются суицидальности финно-угорских народов в целом и характеризуют современное состояние проблемы: собрана статистика, выявлены причины, обозначены и приняты профилактические меры (Петренко, 2015 и др.). Ряд исследователей обратил внимание на роль эмоциональности народов Севера в их поведенческих практиках и восприятии мира (Молданова, 2006; Tkachev et al., 2018 и др.). Исторический ракурс проблемы показан исключительно в русле этнографических материалов об отношении к смерти (Семенова, 2017 и др.), а также т.н. «исторического горя» – стресса от насильственной христианизации и ассимиляции (Herne et al., 2014); ученые также справедливо указывают на сохранение представлений о суициде как норме (Положий, 2002 и др.). Однако в настоящее время становится очевидным, что при объяснении самоубийств апеллировать исключительно к этим представлениям является поверхностным взглядом. На повестку дня вышел вопрос, не провоцируют ли суицидальность сами меры по борьбе с суицидами, создавая у народов Севера внутренний психологический конфликт? В этом ракурсе научных работ пока нет, а выполненное историческое исследование дает начало научной дискуссии.

¹ Остяки – ханты, вогулы – манси, самоеды – ненцы.

4. Результаты

На протяжении нескольких веков коренные народы Севера, проживавшие на территории современного Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов, находились под разнонаправленным миссионерским воздействием. Если история ислама в регионе имеет древние корни, уходящие в XIV в., то православие активизировалось после похода Ермака. Духовные лица находились в составе русских переселенцев уже на рубеже XVI–XVII вв.; в 1621 г. был назначен первый архиепископ Сибирский и Тобольский Киприан и миссионерская деятельность получила импульс на государственном уровне (Харина, 2015: 106). Когда священники столкнулись с практикой самоубийств, эффективность религиозного воздействия означала не просто «спасение душ», но и сохранение жизней.

У коренных народов Севера сформировались особые представления о смерти, которые психологически смягчали как собственную попытку суицида, так и потерю близких. В разных культурах Севера присутствует общая идея: физическая смерть не означает окончательную смерть – она лишь является переходом, который обеспечивает лучшую «жизнь» в привычной среде, но без обременения земными проблемами. Считается, что умерший плывет по теплой реке туда, где нет ледяной пустыни, где все цветет и греет, а душа, оторвавшись от тела, «отдыхает» там до возвращения в свою семью и т.д. (Волдина, 2009: 228; ПМА, 2019 и др.). В культурах народов Севера суициды не только не считались грехом, а наоборот, при некоторых жизненных обстоятельствах были предпочтительным поведением. Арктика диктовала свои правила выживания, поэтому анализ архивных источников позволяет выявить несколько стандартных психологических ситуаций, которые провоцировали самоубийства.

Первая ситуация – это опасение остаться без шансов на выживание в условиях арктической зимы. В докладах миссионеров Обдорской миссии описаны страдания священников из-за снега, холода и ветра, когда им приходилось объезжать юрты аборигенов или плыть к ним по Карскому морю (ГАТО в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 26. Д. 707). Народы Севера жили так постоянно, ежедневно рискуя жизнью. Священник Н. Герасимов в 1872 г. отмечал: «Иностранцы все на рыбалке, мы их не дождались. Рыболовные места надымцев в дальних расстояниях от их кочевий, поэтому они отлучаются на 1,5 суток, а в случае непогоды их не бывает по несколько суток» (ГАТО в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 26. Д. 707. Л. 122). В случае непогоды возвращались не все по причине случайной гибели или вынужденных суицидов. Н. Витсен в конце XVII в. оставил свидетельство: «Если охотника застигнет сильный мороз и пурга, так как в этих местах на Оби иногда невероятно сильные морозы и снегопады, тогда они часто в отчаянии снимают свой кафтан, бросаются ногами в глубокий снег и замерзают, как бы добровольно. Они обнажаются, чтобы скорее, без долгих мучений, покончить с жизнью» (Витсен, 1692).

Косвенным подтверждением такого поведения являются статистические данные о смертности крещеных остяков. В частности, в метрической книге по Березовскому уезду (включая Обдорск) за 1770 г. пик смертности пришелся на февраль – 13 чел., в то время как в остальные месяцы – до 3 чел.; основная часть умерших находилась в возрасте 22–38 лет и представляла мужскую часть населения (ГАТО в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 4. Л. 5). Февраль – это зимнее время с низкими температурами, осложненное сильными арктическими ветрами и быстрыми изменениями погоды; в охотничьих календарях народов Севера февраль фигурирует как время начала охоты (Вртанесян, 2014). Следовательно, это самое опасное для мужчин-остяков время, когда объективно возрастала их смертность, и свидетельство Н. Витзена вполне объясняет мотивы возможных суицидов.

Вторая психологическая ситуация, влекущая самоубийства, – потеря близких, вследствие чего родственники принимают решение «уйти» вслед за умершими. Периодически обские угры испытывали эпидемии черной оспы, холеры, чумы и других заболеваний. В 1855 г. в условиях очередной эпидемии священник зафиксировал смертные случаи в семье крещеных остяков Мугульковых (Обдорская церковь). Ситуация развивалась в течение одного дня – 10 марта. Сначала от «горячки» умерла девочка 3-х лет Ирина Мугулькова, после чего покончили жизнь самоубийством «от удушения» ее родители Иван 29 лет и Ирина 28 лет (ГАТО в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 97. Л. 489). Через несколько дней в этой же семье ситуация повторилась: 15 марта у вдовы Марфы Афонасьевны Мугульковой умер младенец Георгий, на следующий день, 16 марта – сын Михаил 17 лет и дочь Елена 8 лет, а 17 марта – сын Иосиф 14 лет. Как следствие – суицид матери (ГАТО в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 97. Л. 489). В рассматриваемом году в районе Обдорска уровень смертности остяков от эпидемии и суицидов по сравнению с русским населением показан в Таблице 1. Списки умерших поименные, поэтому погрешность минимальная; 34 умерших остяков из 41 находились в трудоспособном возрасте от 14 до 50 лет (ГАТО в г. Тобольске. Ф. 704. Оп. 1. Д. 56. Л. 547-552об.).

Таблица 1. Духовная роспись Березовского ведомства Обдорской Петропавловской церкви за 1855 г. (чел.)

Категории населения	Всего	Родилось	Умерло	Доля умерших за год
Духовные лица	19	1	1	1/19
Казаки	24	0	2	1/12
Купцы	17	0	2	1/17
Мещане	120	4	8	1/15
Крестьяне	20	1	2	1/10
Ясашные остяки	118	1	41	около 1/3

Высокая смертность подтверждается и свидетельствами современников. Священник Евфимий Пономарев, приехав в Параватские юрты в 1863 г., удивился, что «при проверке духовной росписи умерших оказалось много», в то время как родилось всего 5 младенцев (ГАТО в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 25. Д. 127. Л. 403-404). Получалось, что в середине XIX в. коренные народы Севера, находившиеся в непосредственной юрисдикции своих церквей, в годы эпидемий вымирали с катастрофической скоростью.

Архивные материалы не позволяют точно определить масштаб суицидальности народов Севера, т.к. священники не всегда отражали это в отчетах. В документах иногда отсутствуют причины смерти, а отпевания проводились в двух случаях: если в местах поселения стояла православная церковь и работал священник; если представитель миссии, передвигаясь по тундре за своей кочующей паствой, случайно заставал смерть прихожанина. В качестве исключения документы Обдорской миссии зафиксировали случай, когда священник Евфимий Пономарев в 1863 г. в Параватских юртах отпел всех умерших за год «заочно», но не смог указать их точное число (ГАТО в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 25. Д. 127. Л. 403).

Потеря близких как психологический фактор суицида также прослеживается при анализе социальных норм, касающихся престарелых членов рода. В частности, в хантыйском языке есть понятие *толумты*, в смысловой интерпретации означающее «старческий маразм, до которого нельзя доживать, надо жизнь прекращать раньше». Предполагается: если человек умер в состоянии *толумты*, то в течение года он заберет с собой более молодого родственника (ПМА, 2019). Со слов информантов, «это правило реально действует», и они сами не хотели бы дожить до такого состояния, поэтому нужно «что-то придумать, чтобы умереть раньше».

Это явление связано с третьим психологическим фактором – опасением престарелых членов рода стать дополнительной материальной нагрузкой на семью. В процессе миссионерства XVII–XVIII вв. выяснилось, что самоубийства стариков регулировали численность рода, т.к. недостаток пропитания означал гибель всех. Народы Севера полностью зависели от природы и погодно-климатических условий, поэтому богатство рыбных ресурсов Оби и местной фауны зачастую снижалось природными катаклизмами, и род начинал голодать. Такой период отразился в фольклорном стихе казымских хантов «Хулыен шэкъу хэлум ол, дантыен шэкъу хэлум ол», означающий «Три года беды, без рыбы» (ПМА, 2019). Кроме этого случая, в 1640-х гг. (в течение нескольких лет подряд) был невозможен рыбный промысел из-за «большой воды» (наводнения), при этом погибла часть оленей, исчезли некоторые звери. В результате, по описанию самих пострадавших, «...многие обдорские остяки с женами и детьми с голоду померли, а иные, наша братья, остяки, жены и дети свои для голоду продавали в работу» (Обдорский, 2004: 25-26).

У самоедов Арктики представления были более категоричными. По информации Витзена в конце XVII в., «...у этого народа отвратительный обычай: они часто убивают своих стариков и людей, изнуренных трудом, потому что они более не способны работать и не могут ходить и грести. Либо они их бросают в воду и топят, либо сворачивают им шею, как мне рассказал один русский кормчий, Родион Иванов, который это сам видел дважды около устья Оби. Это делают дети со своими родителями» (Витзен, 1692). Кроме этого, Витзен утверждает о наличии фактов каннибализма у самоедов, когда они съедали своих родителей и детей (Витзен, 1692).

В этих условиях самоубийства стариков рассматривались как норма, но далеко не все престарелые ее придерживались. Принятие православия (или ислама) снимало с них ответственность за последствия *толумты*, а также за материальную нагрузку на семью, и таковых было немало. В частности, в метрических книгах Обдорской и Назымской волостей Березовского уезда Тобольской губернии зафиксирован возраст умерших: все они записаны как «новокрещенные остяки». У народов Севера не было понятия «возраст», т.к. время жизни фиксировалось по многочисленным стадиям взросления и умирания, но отраженные в метрических книгах даже приблизительные «лета» являются убедительным фактом, что в середине XVIII в. у остяков принятие православия перед смертью не было редким явлением (Таблица 2) (ГАТО в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 2. Л. 27-100). Кроме снятия социальной ответственности за *толумты*, переход в православие решал проблему реинкарнации: душа навсегда уходила в рай, больше не возвращаясь к жизни в Арктике.

Таблица 2. Возрастной состав «новокрещеных остяков», по данным церковных метрических книг Обдорской и Назымской волостей

Год	Умершие в возрасте старше 50 лет		Умершие в возрасте 20–50 лет		Умершие в возрасте младше 20	
	Общее число (чел.)	Возраст умерших (лет)	Общее число (чел.)	Возраст умерших (лет)	Общее число (чел.)	Возраст умерших (лет)
1749	9	60, 60, 63, 65, 65, 66, 76, 82, 83	-	-	1	4
1750	10	52, 54, 60, 60, 60, 63, 70, 70, 70, 73	1	27	6	1, 3, 14, 15, 16, 19
1752	8	56, 65, 70, 72, 73, 76, 78, 80	3	20, 25, 50	1	14
1753	8	53, 55, 55, 58, 65, 67, 70, 77	1	40	1	6

К концу XVIII в. священники могли давать уже более точные данные о возрасте остяков, крещенных десятилетия назад. Стало очевидно, что престарелых в возрасте 70–80 лет в реальности очень мало. По исповедным росписям Обдорской церкви за 1795 г. старшим членам поселений (юрт) исполнилось: Шуганские юрты – 59 лет (муж.) и 56 лет (жен.), Сгличиковы юрты – 41 год и 56 лет соответственно, Рятчиковы юрты – 54 и 35, Разбойниковы юрты – 51 и 61, Обчаякины юрты – 57 и 61, Вайкуловы юрты – 63 и 37 и т.д. (ГАТО в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 27. Л. 18-27). Небольшой возраст старшего поколения можно связать, кроме иных факторов, с суицидами стариков: даже в обрывочных архивных данных встречаются высокие цифры. В частности, метрическая книга Обдорской церкви за 1846 г. в разделе «умершие» в январе и феврале зафиксировала 6 смертей, 3 из которых относились к мещанам, а 3 – к остякам 60, 66 и 74 лет. Все остяки повесились, т.е. смертность от суицидов в этот период составила 100 % (ГАТО в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 84. Л. 24 об.). Умершие не являлись «новокрещеными», т.е. принятие православия ими было обусловлено не духовным выбором перед смертью, а иными факторами.

Проблемой суицидов народов Севера были обеспокоены не только православные миссионеры, но и мусульманские (сибирские татары). В результате в Арктической зоне Западной Сибири сложилось две модели предотвращения самоубийств: «христианская» и «мусульманская». Они были близки по содержанию (суициды объявлялись грехом; оказывалась материальная поддержка новообращенным), но отличались по механизмам и условиям реализации, что привело к различным результатам.

«Христианская модель» функционировала открыто и предполагала сохранение этнической культуры народов Севера и их традиционных занятий; это исходило из политики Российского государства – пополнение казны драгоценной пушниной. Власть понимала, что при изменении образа жизни остяков, вогулов и самоедов объем пушнины сократится. Церковь сосредоточилась на материальной и духовной (психологической) помощи народам Севера: первоначально брала на себя содержание и образование мальчиков для их дальнейшей работы священниками, разрешала хантыйским девочкам из бедных семей жить и питаться при монастырях, особенно в условиях голода, и т.д.; позднее эта практика стала распространяться и на взрослое население. На Ямале построили несколько монастырей; самый влиятельный из них – мужской Свято-Троицкий монастырь – был основан в середине XVII в. на территории бывшего остякского княжества Конда (позднее – Кондинск), где также проживали вогулы и самоеды. По данным Г.Ф. Миллера, в I половине XVIII в. вокруг монастыря находилось 15 дворов бобылей из крещеных остяков, а при монастыре жило 13 остякских мальчиков (Обдорский, 2004: 282); по сведениям П.А. Абрамова, в 1849 г. в монастырях Березовского края проживал 71 остякский мальчик и только 34 русских (Обдорский, 2004: 287).

При реализации «христианской модели» снижение числа суицидов могло произойти при условии, что новообращенные действительно станут православными, отказавшись от мифологического мировоззрения и прежних представлений о смерти. Однако при сохранении прежней хозяйственной деятельности это оказалось невозможным для всего рода; более того, в условиях христианизации появился новый фактор, провоцировавший суициды. Полевые материалы автора, полученные при беседе с казымскими хантами, выявили у них сложный культурно-психологический комплекс представлений и эмоций: «Самоубийства происходят, когда люди находятся одновременно в двух мирах – хантыйском и русском. Эти миры полярные и несопоставимые, они ненавидят друг друга и раздирают людей изнутри» (ПМА, 2019). Если учитывать этот фактор, то христианизация народов Севера не только не сняла проблему самоубийств,

а обострила ее, т.к. поставила новообращенных в условия, при которых им приходилось существовать в двух культурных пространствах, не совместимых психологически. В этих условиях меры материальной и психологической поддержки со стороны православной церкви изначально представляются малоэффективными.

«Мусульманская модель» носила скрытый характер, не зависела от государственных экономических интересов и оказалась более радикальной, сопровождаясь не просто исламизацией народов Севера, а их активной тюркизацией («отатарчиванием»). Эта модель основывалась на многочисленных совпадающих с обско-угорской культурой норм: наличие кукол-идолов и других норм шаманизма, сходство экономических представлений и семейных отношений, адаптированность к природно-климатическим условиям и т.д. (Naumenko et al., 2016). Однако прежние мусульманские миссионерские форпосты, созданные среди народов Севера, были заняты христианами (пример – Конда), а в условиях православной государственности татары не могли действовать открыто. Сохранять этническую идентификацию исламизируемых народов было бессмысленно и опасно: мусульманское миссионерство в России запрещалось и влекло уголовное наказание. Поэтому в процессе «отатарчивания» род занятий народов Севера менялся, ханты и манси переходили к земледелию и постепенно сливались с сибирскими татарами (Naumenko et al., 2019).

Последние исламизированные обские угры приняли этноним «заболотные татары» (Адаев, 2012). У них изменилось мифологическое мировоззрение и отношение к смерти: анализ метрических книг мечетей на этой территории не содержит случаев суицида вообще (ГАТО. Ф. И-255. Оп. 6. Д. 3, 12, 23, 36, 45, 54, 61, 72). Полевые материалы зафиксировали у них более низкий, чем у хантов, уровень суицидальности и в настоящее время. Если у хантов он остается высоким (пример: из пяти мальчиков-друзей подросткового возраста на сегодняшний в живых осталось только двое, а трое погибли в результате самоубийства) (ПМА, 2019), то среди исламизированных «заболотных татар» полевые исследования автора подобных случаев не зафиксировали.

5. Заключение

Результаты реализации двух моделей религиозного миссионерства в Арктической зоне Западной Сибири выявили наличие серьезной проблемы: меры по предотвращению суицидов могут провоцировать самоубийства, т.к. идет воздействие на глубинные механизмы психики, незаметные для государственной власти. Эффективными оказались радикальные меры, связанные с изменением мифологического мировоззрения и образа жизни народов Севера, но это повлекло их полную ассимиляцию. Поэтому для преодоления суицидальности народов Севера необходимо найти баланс в подходах, способах, методах и финансовых затратах, планируемых для решения проблемы.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Проект 20-013-00423 «Статусные значения интуитивности в суицидальной зависимости личности в условиях Арктического региона».

Литература

Адаев, 2012 – Адаев В.Н. Последние угры Заболотья: информация XVIII–XX вв. / Сулеймановские чтения (пятнадцатые). Всероссийская научно-практическая конференция «Социально-демографическое и культурное состояние сибирских татар». Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2012. С. 71.

Витзен, 2019 – Витзен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. [Электронный ресурс]. URL: <http://zz-project.ru/n-vitsen-severnaya-i-vostochnaya-tartariya/923-o-narodakh-ostyakakh-ili-o-zemle-ostyakii> (дата обращения: 10.11.2018).

Волдина, 2009 – Волдина Т.В. Представления о реинкарнации в традиционной культуре казымских ханты // Языки и культуры финно-угорских народов в условиях глобализации: Материалы IV Всероссийской конференции финно-угроведов. Ханты-Мансийск, 2009. С. 226-229.

Вртанесян, 2014 – Вртанесян Г.С. Средневековые кольцевые календари Урала и Сибири // Вестник угроведения. 2014. № 2 (17). С. 96-108.

ГАТО – Государственный архив Тюменской области.

ГАТО в г. Тобольске – Государственный архив Тюменской области в г. Тобольске.

Молданова, 2006 – Молданова Т.А. Сновидения в культуре хантов // Этнографическое обозрение. 2006. № 6. С. 38-47.

Обдорский, 2004 – Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сборник документов. Екатеринбург: «Тезис», 2004. 200 с.

Петренко, 2015 – Петренко Д.С. Бич алкоголизма и эпидемия суицидов у коренных малочисленных народов Севера: стратегия противостояния // Актуальные проблемы социально-гуманитарных знаний. М., 2015. С. 33-37.

Положий, 2002 – Положий Б.С. Суициды в контексте этнокультурной психиатрии // Психиатрия и психофармакотерапия. 2002. № 6. С. 245-247.

- ПМА, 2019** – Полевые материалы автора, 2019. Информант Молданова Татьяна Александровна, г. Ханты-Мансийск.
- Семенова, 2017** – Семенова Н.Б. Современные стратегии профилактики суицида у коренных народов: обзор зарубежной литературы // *Суцидология*. 2017. Т. 8. № 2 (27). С. 3-19.
- Тарская и др., 2009** – Тарская Л.А., Гоголев А.И., Ельчинова Г.И., Егорова А.Г., Лимборская С.А. Этническая геномика якутов (народа саха): генетические особенности и популяционная история. М.: Наука, 2009. 271 с.
- Харина, 2016** – Харина Н.С. Начало христианизации коренных народов Обского севера // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2016. Т. 8. № 6–1. С. 105-110.
- Naumenko et al., 2016** – Naumenko O.N., Naumenko E.A., Bortnikova Ju.A. Multiculturalism of Tatar-Christians in Western Siberia as a result of confessional policy in the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2016. No 41. Vol. 3. Pp. 594-599.
- Naumenko et al., 2019** – Naumenko O.N., Bortnikova Ju.A., Naumenko E.E. The currency of the Russian empire in the culture of the Yugra indigenous peoples: practical aspects of colonialism and reflections on multiculturalism // *Social Evolution and History*. 2019. Vol. 18. Vol. 1. Pp. 157-179.
- Ronda, 1977** – Ronda J. P. «We Are Well as We Are»: An Indian Critique of Seventeenth-Century Christian Missions // *WMQ*. 1977. Vol. 34. No. 1. Pp. 66-82.
- Sumarokov et al., 2015** – Sumarokov Y.A., Brenn T., Kudryavtsev A.V., Nilssen O. Variations in suicide method and in suicide occurrence by season and day of the week in Russia and the Nenets Autonomous okrug, Northwestern Russia: a retrospective population-based mortality study // *BMC Psychiatry*. 2015. Vol. 15. P. 224.
- Tkachev et al., 2018** – Tkachev B., Fedulov I., Moldanova T., Tkacheva T. Everyday Ethnocultural Adaptation of Newly Arrived and Indigenous Populations in Yugra / SHS Web of Conferences. 2018. 50: 01184. [Electronic resource]. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2018/11/shsconf_cildiah2018_01184.pdf (date of access: 10.11.2018).
- Herne et al., 2014** – Herne M.A., Bartholomew M.L., Weahkee R.L. Suicide mortality among American Indians and Alaska Natives, 1999–2009 // *Am. J. Public Health*. 2014. Vol. 104. Pp. 36-42.

References

- Adaev, 2012** – Adaev V.N. (2012). Poslednie ugry Zabolot'ya: informaciya XVIII – XX vv. [The Last Ugrians of Zaboloty: XVIII – XX centuries]. Sulejmanovskie chteniya (pyatnadczaty`e). Vserossijskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Social'no-demograficheskoe i kul'turnoe sostoyanie sibirskix tatar». Tyumen': Izd-vo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Pp. 7-13. [in Russian]
- GATO** – Gosudarstvennyi arkhiv Tyumenskoj oblasti [The state archive of the Tyumen region].
- GATO in Tobolsk** – Gosudarstvennyi arkhiv Tyumenskoj oblasti v g. Tobol'ske [The state archive of the Tyumen region in Tobolsk].
- Herne et al., 2014** – Herne M.A., Bartholomew M.L., Weahkee R.L. (2014). Suicide mortality among American Indians and Alaska Natives, 1999–2009. *Am. J. Public Health*. Vol. 104. Pp. 36-42.
- Moldanova, 2006** – Moldanova T.A. (2006). Snovideniya v kul'ture khantov [The Dreams in the culture of the Khanty]. *Etnograficheskoe obozrenie*. No 6. Pp. 38-47. [in Russian]
- Naumenko et al., 2016** – Naumenko O.N., Naumenko E.A., Bortnikova Ju.A. (2016). Multiculturalism of Tatar-Christians in Western Siberia as a result of confessional policy in the Russian Empire. *Bylye Gody*. Vol 41. Is. 3. Pp. 594-599.
- Naumenko et al., 2019** – Naumenko O.N., Bortnikova Ju.A., Naumenko E.E. (2019). The currency of the Russian empire in the culture of the Yugra indigenous peoples: practical aspects of colonialism and reflections on multiculturalism. *Social Evolution and History*. Vol. 18. No. 1. Pp. 157-179.
- Obdorskij, 2004** – Obdorskij kraj i Mangazeya v XVII veke. Sbornik dokumentov. [Obdorsky edge and Mangazeya in XVII century. Collection of documents]. Ekaterinburg: «Tezis», 2004. 200 p. [in Russian]
- Petrenko, 2015** – Petrenko D.S. (2015). Bich alkogolizma i epidemiya suitsidov u korennykh malochislennykh narodov Severa: strategiya protivostoyaniya [The scourge of alcoholism and the suicide epidemic among indigenous small-numbered peoples of the North: a strategy of confrontation]. Aktual'nye problemy sotsial'no-gumanitarnykh znaniy. M. Pp. 33-37. [in Russian]
- PMA, 2019** – Polevye materialy avtora, 2019. Informant Moldanova Tat'yana Aleksandrovna, g. Khanty-Mansiisk [Field materials, 2019. The informant Moldanova Tatiana, the city of Khanty-Mansiysk].
- Polozhij, 2002** – Polozhij B.S. (2002). Suitsidy v kontekste etnokul'turnoi psixiatrii [Suicides in the context of ethno-cultural psychiatry]. *Psixiatriya i psixofarmakoterapiya*. № 6. Pp. 245-247. [in Russian]
- Ronda 1977** – Ronda J. P. (1977). «We Are Well as We Are»: An Indian Critique of Seventeenth-Century Christian Missions. *WMQ*. Vol. 34. No. 1. Pp. 66-82.
- Semenova, 2017** – Semenova N.B. (2017). Sovremennye strategii profilaktiki suitsida u korennykh narodov: obzor zarubezhnoi literatury [Modern strategies for preventing suicide in indigenous peoples: review of foreign literature]. *Suicidologiya*. Vol. 8. No 2 (27). Pp. 3-19. [in Russian]
- Sumarokov et al., 2015** – Sumarokov Y.A., Brenn T., Kudryavtsev A.V., Nilssen O. (2015). Variations in suicide method and in suicide occurrence by season and day of the week in Russia and the Nenets

Autonomous okrug, Northwestern Russia: a retrospective population-based mortality study. *BMC Psychiatry*. Vol. 15. P. 224.

Tarskaya i dr., 2009 – Tarskaya L.A., Gogolev A.I., El'chinova G.I., Egorova A.G., Limborskaya S.A. (2009). Etnicheskaya genomika yakutov (naroda saxa): geneticheskie osobennosti i populyacionnaya istoriya [Ethnic genomics of the Yakuts (Sakha people): genetic features and population history] M.: Nauka. 271 p. [in Russian]

Tkachev et al., 2018 – Tkachev B., Fedulov I., Moldanova T., Tkacheva T. (2018). Everyday Ethnocultural Adaptation of Newly Arrived and Indigenous Populations in Yugra. *SHS Web of Conferences*. 50: 01184. [Electronic resource]. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2018/11/shsconf_cildiah2018_01184.pdf (date of access: 10.11.2018).

Vitzen, 2019 – Vitzen N. (2019). Severnaya i Vostochnaya Tartariya, vklyuchayushhaya oblasti, raspolozhennyye v severnoj i vostochnoj chastyax Evropy i Azii [Northern and Eastern Tartary, including areas located in the Northern and Eastern parts of Europe and Asia]. [Electronic resource]. URL: <http://zz-project.ru/n-vitsen-severnaya-i-vostochnaya-tartariya/923-o-narodakh-ostyakakh-ili-o-zemle-ostyakii> (date of access: 11.11.2018). [in Russian]

Voldina, 2009 – Voldina T.V. (2009). Predstavleniya o reinkarnacii v tradicionnoj kul'ture kazymckix xanty [Representations of reincarnation in the traditional culture of the Khanty-kazimskys]. *Yazyki i kul'tury finno-ugorskix narodov v usloviyax globalizacii: Materialy IV Vserossijskoj konferencii finno-ugrovedov*. Khanty-Mansiysk. Pp. 226-229. [in Russian]

Vrtanesyan, 2014 – Vrtanesyan G.S. (2014). Srednevekovye kol'tsevye kalendari Urala i Sibiri [Medieval ring calendars of the Urals and Siberia]. *Vestnik ugrovedeniya*. No 2 (17). Pp. 96-108. [in Russian]

Xarina, 2016 – Xarina N.S. (2016). Nachalo khristianizatsii korennykh narodov Obskogo severa [The Beginning of Christianization of the indigenous peoples of the Ob North] *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'*. Vol. 8. No 6–1. Pp. 105-110. [in Russian]

Психологические факторы суицидов в среде коренного населения Арктической зоны Западной Сибири в XVII–XIX вв. (по материалам региональных архивов)

Евгений Александрович Науменко ^{a, *}

^a Югорский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются попытки миссионеров преодолеть суицидальность в среде коренных народов Севера через реализацию двух разных религиозно-экономических моделей: «православной» и «мусульманской». Христианское влияние осуществлялось путем миссий Русской православной церкви в регионы Арктики, а мусульманское имело скрытый характер и шло от сибирских татар. Обе группы миссионеров столкнулись с особенностями культуры народов Севера, в которой самоубийство не является грехом, а в некоторых случаях – даже предпочтительным поведением. При реализации обеих миссионерских моделей предполагалось, что переход в новую веру введет табу на суициды у коренных народов. Однако христианизация не решила проблему и частично вызвала рост суицидальности. Авторы анализируют исторические источники с учетом мнения самих народов Севера и приходят к выводу, что одна из причин суицидов – синкретичный характер верований, сложившийся в условиях христианизации. Православные верования еще не были настолько глубоки, чтобы воспринимать суицид как грех, но они изменили жизнь коренных народов, частично оторвав их от естественной среды обитания и создав комплекс социально-экономических проблем. Таким образом, «православная» модель предотвращения самоубийств не привела к успеху. «Мусульманская» модель, имея в регионе более древние корни, была основана на общих с коренными народами нормах: у сибирских татар тоже существовали идолы и элементы шаманизма. Сближение происходило на фоне общего противодействия христианскому миссионерству. В результате некоторые группы народов Севера полностью перешли в ислам. В отличие от православия, этот переход не был поверхностным, что обеспечило отказ от суицидов.

Ключевые слова: суицид, коренные народы, христианство, православие, ислам, Арктика, Югра, миссионерство.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: hea2004@mail.ru (Е.А. Науменко)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 952-960. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.952
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Islands in a Cultural Landscape of Lower Tom River Region in the XVII–XVIII centuries

Evgeny V. Vodyasov ^{a, *}

^aTomsk State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the islands of the Lower Tom River Region and their role in the life support system of the Tomsk Tatars in the XVII–XVIII centuries. The main difficulty in studying island landscapes is associated with the lack of such direction as ‘island archeology’ in Siberia. The weak interest of scientists in this topic can be explained by the annual flooding of the islands during the spring, which for many archaeologists is a marker of a not promising search for island archaeological sites. However, the islands with rich vegetation were well suited for summer settlements for the economic model of the Tomsk Tatars. The basis of the economy of the Tomsk Tatars was cattle breeding with a predominance of horses, so the floodplain and island lands in the summer seasons served not only as an important natural resource, but also as a place for seasonal migrations. Such a model led to the fact that the same population lived in different places, depending on the time of the year – in winter yurts, usually located on high terraces and having fortifications, and summer yurts located in a floodplain or on islands.

Based on the various sources, it is proved that the Tatar population used the islands for arable land, mowing, pastures and places of seasonal summer settlements. The total area of the developed islands of the Lower Tom River Region is about 100 square km. Today, 7 islands are known where, with a high degree of probability, summer settlements could be located, but archaeological search has never been carried out so far. For the first time, archaeological finds from the Enekov Island are published, proving the permanent seasonal habitat of the Tatar population here in the XVII–XVIII centuries. The settlement on Enekov Island is unique in that its materials clearly trace the initial stage of penetration of Russian ceramics into the cultural environment of Tomsk Tatars, which ultimately led to the complete disappearance of molded ceramics. The main conclusion is made that the islands are extremely promising areas for searching for new archeological sites despite the fact that in the spring they are flooded with high water.

Keywords: Lower Tom River Region, Tomsk Tatars, XVII-XVIII centuries, Islands, Island archeology, Landscape Archeology.

1. Введение

Острова играли важную роль в освоении татарским населением сибирских ландшафтов. Их использовали под пашни, покосы, пастбища и места летних сезонных стоянок. Как показывают исторические, картографические и археологические материалы, острова являются очень перспективными зонами для поиска новых памятников археологии. Несмотря на это, острова до сих пор не становились предметом отдельного исследования и целенаправленные археологические работы на них не велись. Известен всего один случай в Нижнем Притомье (Энеков остров), где были проведены археологические разведки. Как будет показано ниже, они увенчались успехом: были найдены летние островные юрты эуштинских татар, археологические материалы которых публикуются здесь впервые.

* Corresponding author

E-mail addresses: vodiasov_ev@mail.ru (E.V. Vodyasov)

Возможно, отсутствие в Сибири такого направления, как «островная археология» объясняется ошибочным распространенным мнением о том, что острова не пригодны для жизни, так как их ежегодно затапливает большая вода в сезон паводков. Для некоторых моделей жизнеобеспечения это действительно так. Например, ни одной русской деревни на островах Нижнего Притомья так и не появилось, начиная с XVII в. Другое дело – сезонность, заложенная в основе ведения хозяйства татар. Такая модель приводила к тому, что одно и то же население обитало в разных местах, в зависимости от времени года: в зимних юртах, расположенных, как правило, на высоких террасах и имевших укрепления, и летних юртах, находящихся в пойме или на островах (Зайцева, Водясов, 2016). Основу хозяйства томских татар составляло скотоводство с преобладанием лошадей, поэтому пойменные и островные угодья в летние сезоны служили не только важным природным ресурсом для разведения лошадей, но и местом сезонных перекочевок.

Данная статья посвящена островам Нижнего Притомья и их культурно-исторической значимости в жизни томских татар. Однако выбранной в качестве примера территорией Нижнего Притомья тема не исчерпывается. Хочется надеется, что приведенные ниже материалы станут хорошим стимулом для поиска и изучения островных памятников археологии не только в Нижнем Притомье, но и в других регионах Сибири. Для удобства изложения и чтения материала каждому острову в статье отведен свой раздел.

2. Результаты

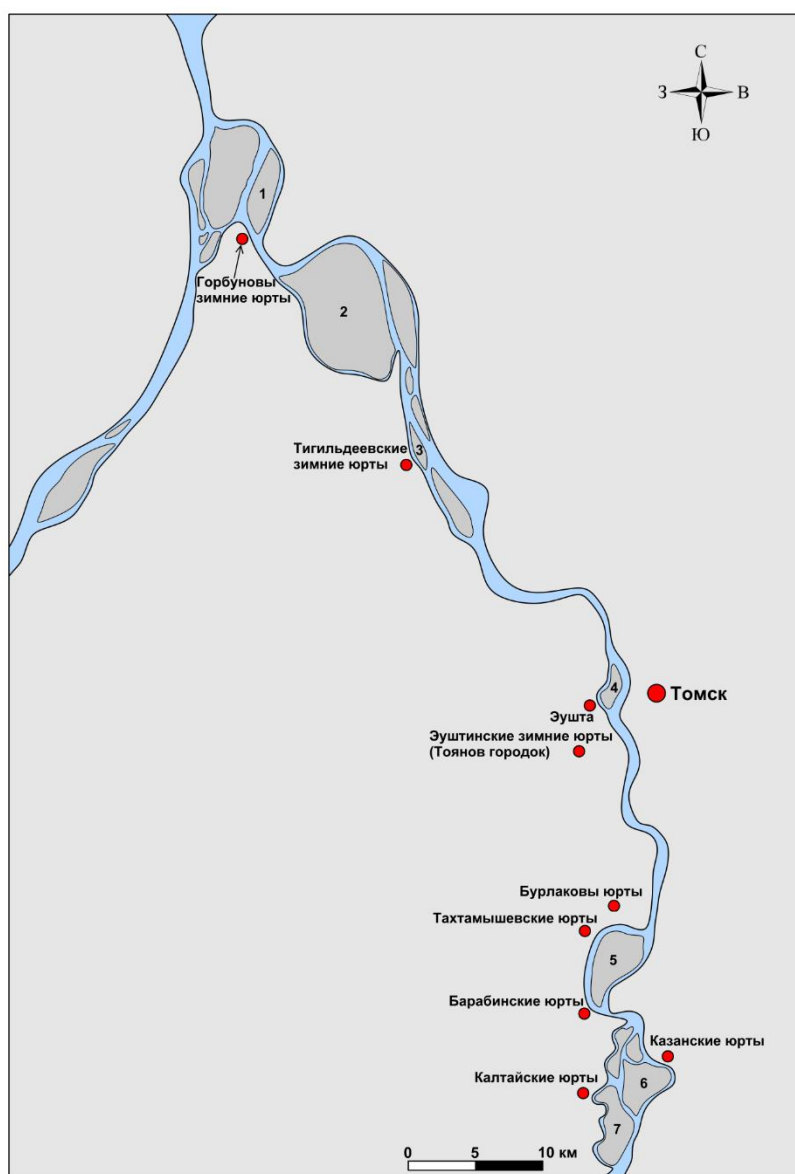

Рис. 1. Острова и татарские юрты Нижнего Притомья XVII–XIX вв., упоминаемые в статье. 1 – Горбунов остров, 2 – Иштанский остров, 3 – Еловый остров, 4 – Энеков остров, 5 – Зырянский остров, 6 – Большой остров, 7 – Калтайский остров

Энеков остров площадью около 2,7 кв. км расположен в черте города Томска рядом с деревней Эушта ([Рисунок 1](#)). Остров известен в первую очередь тем, что в XVII–XVIII вв. на нем располагались летние юрты эуштинских татар, проживавших зимой в Тоянском городке напротив Томска ([Зайцева, Водясов, 2016](#)). Именно князь Тоян в 1603 г. отправился в Москву с челобитной, после чего напротив его городка через реку Томь возник новый русский город – Томск ([Водясов, Зайцева, 2016](#); [Vodyasov, Zaitceva, 2018](#)). По новым археологическим данным, недавно введенным в научный оборот, зимние юрты эуштинских татар в Тоянском городке датируются серединой XV – началом XVIII вв. ([Водясов, Пушкарев, 2019](#)).

Энеков остров (как и одноименная протока, отделяющая остров от левого берега Томи) получил свое название в честь есаула томских татар Енека Каргачакова, по всей видимости, владевшего этим местом в начале XVII в. ([Волков, 2015](#)). Проплывавший мимо острова Г.Ф. Миллер в 1740 г. отметил в путевом дневнике, что на острове находится всего несколько домов эуштинских татар, занимающихся рыбной ловлей. Он также указал, что большая часть татар летом обитает на острове Большой Луг рядом с устьем р. Кисловка ([Миллер, 1996](#)). Сейчас эта местность не является островом из-за сильного обмеления Томи в XX в., хотя возможно также, что Г.Ф. Миллер, выплывший из Томска 24 мая, застал высокую воду, превратившую участки поймы Томи в острова. Примечательно, что ранее С.У. Ремезов в 1699–1701 г. изобразил летние эуштинские юрты примерно в том же месте, которое описал Г.Ф. Миллер (рядом с устьем Кисловки), а через столетие татары снова вернулись на остров. Документ Томской городской думы от 1791 г. гласил, что татар-эуштинцев в Тоянском городке осталось всего 4–5 дворов, поскольку остальные съехали на остров вниз по Томи на три версты от прежнего места жительства ([Емельянов, 1978](#)), что указывает на Энеков остров (расстояние от Тоянова городка до острова – около 3,7 км).

В 1912 г. А.В. Адрианов отмечал, что летом татары съезжаются не на остров, а в низину на место современной деревни Эушта ([Адрианов, 1912](#)). В конце XIX в. на острове уже никто не жил: в 1898 г. С.К. Кузнецов указал в своем археологическом отчете, что на Энековом острове имеются только следы татарских поселений ([Кузнецов, 1890](#)).

Таким образом, исторические данные демонстрируют, что летние эуштинские юрты не имели «точного адреса» и на протяжении XVII–XVIII вв. неоднократно меняли свое местоположение в пределах нижнего течения р. Кисловка (Энеков остров, Большой Луг, Эушта).

В 2000 г. археологом М.Ф. Сайфульмулюковым был обнаружен на острове археологический памятник – поселение Энеково ([Сайфульмулюков, 2000](#)). В 2002 г. М.Ф. Сайфульмулюков раскопал на поселении одно жилище. К сожалению, из-за трагической гибели автор раскопок не успел написать отчет и опубликовать материалы. Полученная археологическая коллекция хранится в Музее г. Северска и имеет коллекционный номер 5252.

В данной статье мы приводим показательные археологические находки из раскопа М.Ф. Сайфульмулюкова и наших полевых разведочных работ, проведенных на острове в 2019 г. ([Рисунок 2](#)).

Среди находок 2019 г. особо выделяются железная панцирная пластина от доспеха ([Рисунок 2, 1](#)) и серебряная копейка Алексея Михайловича Романова (1645–1676 гг.) ([Рисунок 2, 8](#)), указывающие на то, что в середине XVII в. здесь могли проживать в том числе служилые татарские люди. Вызывает интерес глиняное пряслице, орнаментированное со всех сторон ([Рисунок 2, 6](#)). Наличие фрагмента удила и множества костей лошадей в шурфе 2019 г. подтверждают письменные источники о коневодческой направленности в хозяйстве эуштинских татар.

Весь керамический материал поселения Энекова можно разделить на две группы: местная лепная керамика и русская гончарная посуда. Всего нами учтен 621 фрагмент керамики (519 фрагментов из коллекции № 5252, хранящейся в Музее г. Северска и 102 фрагмента из шурфа № 2, заложённого нами на поселении в 2019 г.).

Местная лепная керамика (577 ед.) преобладает на памятнике и составляет 92,9 % от всей керамики. У большинства сосудов срез венчика орнаментирован чаще всего оттисками гребчатого штампа либо косыми насечками ([Рисунок 3, 9-10](#)). По шейкам сосудов нанесен орнамент в виде ямок, отпечатков уголков гребенки. Тулово орнаментировано рядами косых оттисков гладкого или гребчатого штампа, а также углом гребенки, образующей характерный мотив – «треугольники». Точно такая же керамика найдена в Тоянском городке ([Водясов, Пушкарев, 2019](#)), в целом характерная для позднесредневековых комплексов Томского Приобья.

Рис. 2. Находки на поселении Энеково

1, 4-5, 8-10 – находки 2019 г.; 2-3, 6-7 – находки 2002 г.

1 – фрагмент железной пластины от доспеха, 2 – фрагмент железных удил, 3 – железный ключ, 4-5 – железные иглы, 6 – глиняное пряслице, 7 – каменное точило, 8 – серебряная копейка Алексея Михайловича, 9-10 – венчики керамических сосудов

Вторая группа малочисленна и представлена русской серой лощеной керамикой (44 ед.), что составляет 7,1 % от всех учтенных фрагментов. Русская керамика за исключением двух ручек от кружек представлена плоскодонными горшками, сделанными из хорошо обожженной глины. На поселении Энеково преобладали сосуды с отогнутыми наружу венчиками. На изломе на 4 фрагментах фиксируется три слоя (серый или темно-серый – в центре, светло-коричневый – по краям), что может быть связано с кратковременным (неполным) обжигом (Коваль, 2016: 13). Остальные фрагменты на изломе имеют однородный цвет от светло-коричневого до светло-серого. На основе многочисленных аналогий подобная серолощенная керамика может быть датирована в Западной Сибири в пределах XVII в. (Визгалов, Пархимович, 2004: 88; Балюнов, 2018). По археологическим и историческим данным, поселение Энеково следует датировать XVII–XVIII вв. Важная его особенность заключается в том, что в его археологических материалах мы видим начальный этап проникновения русской керамики в местную культурную среду, что в итоге привело к полному исчезновению лепной посуды. Другого такого памятника, где бы фиксировалась начальная стадия вытеснения татарских керамических традиций, в Нижнем Притомье пока не обнаружено. При этом весьма показателен тот факт, что в Тояновом городке русская посуда ни разу не встретилась археологам (Vodyasov, Zaitceva, 2018). Вероятно, это может объясняться тем, попадание русской керамики на Энеков остров произошло уже после того, как зимние юрты в Тояновом городке были большей частью заброшены.

Поселение Энеково является единственным археологическим памятником в Нижнем Притомье, обнаруженным на острове. Пример успешного поиска и раскопок летних юрт на Энековом острове призван еще раз подчеркнуть большую перспективность обнаружения татарских поселений и на других островах.

Горбунов остров площадью около 8 кв. км находится в устье Томи напротив деревни Козюлино. По указаниям Г.Ф. Миллера в 1740 г. на восточной части острова, немного выше впадения р. Мурашка в Лабазную протоку, расположены летние юрты эуштинских татар, состоящие из 6 жилищ (Миллер, 1996). Летние островные юрты находились напротив зимних Горбуновых юрт через Томь, которые в начале XVII в. соотносились с Ашкинеевым городком (Емельянов, 1978), где правил эуштинский князь Ашкиней. Первое упоминание Горбуновых юрт в исторических источниках относится к 1611 г. (Миллер, 2000: 257-258). В 1629 г. Ашкинеев городок подвергся известному нападению черных калмыков, которые многих татар ранили, некоторых взяли в плен, а также угнали лошадей (Водясов, Зайцева, 2016). Естественно, находясь в устье Томи, на важном водном «перекрестке» из Оби в город Томск, Ашкинеев городок и летние островные юрты имели важное

геополитическое значение, так как в случае опасности горбуновские татары могли предупредить томское население о военных вторжениях с севера по Томи.

Археологические изыскания на острове не проводились, поэтому поиск летних юрт горбуновских татар и открытие здесь нового археологического поселения весьма перспективен.

Иштанский остров находится посреди Томи между современными деревнями Нагорный Иштан и Кижирова и занимает площадь около 53 кв. км, являясь крупнейшим островом Нижнего Притомья. Какое-то время островом владел татарин Ишпердей из Тигильдеевых юрт, однако в середине XVII в. он продал островные угодья служилому человеку Федору Пушину, который в свою очередь пожертвовал приобретенные земли Томскому Богородице-Алексеевскому мужскому монастырю в 1653 году (Беликов, 1898: 11). В том же году монастырь прикупил еще множество земель на острове. Как видно из документов, Иштанский остров является перспективным местом обнаружения татарских островных юрт и следов летних жилищ. В случае нахождения здесь татарского поселения середина XVII века станет верхней границей его датировки, поскольку после указанного времени татары островом не владели.

Еловый остров находится напротив бывших зимних Тигильдеевых юрт, расположенных на противоположном берегу от современной деревни Чернильщикова. Остров имеет площадь около 2 кв. км. На острове в первой половине XVII в. располагались летние юрты и луга томских татар, переезжавших зимой в укрепленное место, известное как Евагин городок. Именно в этом городке многие томские татары впервые присягнули Русскому государству в 1611 году (Миллер, 2000: 257-258). Во второй половине XVII в. есаул Каутан Ишпердеев (вероятно, сын Ишпердея – бывшего хозяина Иштанского острова) вместе с другими служилыми татарами отдал томскому конному казаку за долги четвертую часть Тигильдеевского острова, расположенного напротив зимних юрт и являвшегося вотчинным местом томских татар (Люцидарская, 1992: 71). Благодаря этому документу, мы как раз и можем предполагать, что местом летних юрт тигильдеевских татар служил Еловый остров. В итоге островное место полностью отошло русскому населению. К слову заметим, что этот же есаул Каутан (Куутат) Ишпердеев в 1685/1686 гг. продал служилым казакам свое другое вотчинное место на Оби близ современного села Старая Шегарка, что говорит о достаточно широких владениях тигильдеевских татар (Волков, 2015: 103).

В 1701 г. С.У. Ремезов (*Чертежная книга Сибири...*, 1701) отметил на своей карте Еловый остров, но Тигильдеевские юрты обозначил не на нем, а на левом берегу Томи ровно через протоку (Рисунок 3).

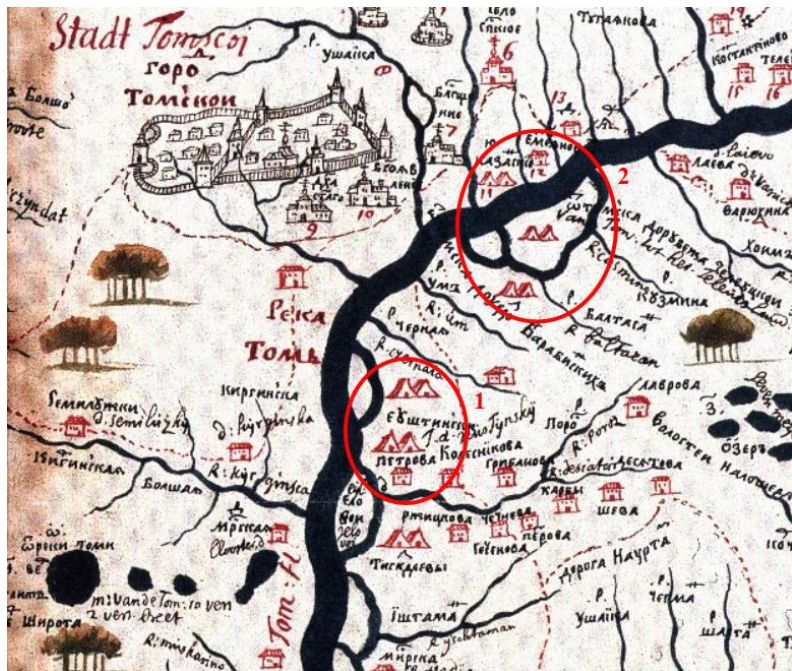

Рис. 3. Острова в окрестностях Томска на карте С.У. Ремезова 1701 г.

1 – Эуштинские юрты; 2 – Казанские, Барабинские юрты и летние юрты на Зырянском острове

В 1740 г. Г.Ф. Миллер никакого поселения на Еловом острове также не наблюдал, а в самих Тигильдеевых юртах на левом берегу Томи отметил всего 6 жилищ эуштинских татар (Миллер, 1996). Археологические работы на Еловом острове не проводились, хотя исторические документы позволяют считать остров перспективным местом нахождения летних Тигильдеевских юрт, верхняя граница которых определяется концом XVII века.

Зырянский остров площадью около 13 кв. км лежит на Томи между деревнями Тахтамышшево и Коларово (**Рисунок 1**). На карте С.У. Ремезова, созданной в промежутке 1699–1701 гг. (**Рисунок 3**), на острове изображены летние юрты. Вероятно, в конце XVII в. они уже существовали. Более подробная информация об освоении Зырянского острова содержится в материалах Первой подушной переписи населения России 1720 года (**Малиновский, Томилов, 1999**). В первой четверти XVIII в. остров использовался под пашни и сенные покосы татарами четырех населенных пунктов: Тахтамышшевские, Бурлаковы (ныне дер. Черная Речка), Калтайские и Барабинские юрты. Больше всех островом владели татары Тахтамышшевских юрт: 14 семей имели свои пашни и покосы. Из Бурлаковых юрт таких семей было две, а из Калтайских и Барабинских юрт только по одной семье имели свои пашни и сенные покосы. Пашни на Зырянском острове занимали в общей сложности 30 га, а на покосах татары заготавливали 800 копен сена на год. Помимо этого, около 40 га острова составляли дикие, нераспаханные угодья, которыми владели исключительно татары Тахтамышшевских юрт.

Интересно, что в микротопонимии Зырянского острова есть место, которое называется «Кырык былын», что переводится как «поле в 40 га». Другой луг носит название «Унбер былын» или «поле в 11 га». Помимо этого, на острове есть участки, которые с татарского переводятся как «Поле Гончара» и «Поле Рамазана» (**Камалетдинова, 1996: 104**). Как видно, топонимика острова отражает наличие в прошлом здесь земельных наделов и пашен.

Таким образом, Зырянский остров использовался под пашни и покосы татарами различных юрт, начиная как минимум с конца XVII в. Надо заметить, что Зырянский остров является единственным в Нижнем Притомье, на котором С.У. Ремезов изобразил летние юрты, что делает их поиск актуальным и перспективным.

Калтайский остров площадью около 10 кв. км расположен за Паньковой протокой, отделяющей остров от левого берега р. Томь, на котором находится село Калтай (**Рисунок 1**). По данным Первой подушной переписи населения России 1720 года (**Малиновский, Томилов, 1999**) как минимум 20 га острова использовалось под пашни. При этом островом совместно владели татары трех населенных пунктов: Калтайские юрты (4 пашни), Казанские юрты (6 пашен) и Бурлаковы юрты (1 пашня). На покосах татары заготавливали в общей сложности 275 копен сена на год.

В Первой подушной переписи упоминаются также **Сороткулин остров**, которым владели татары Казанских юрт с 1675 г. и **Остров у Светлой курьи**, также принадлежавший татарам Казанских юрт (**Малиновский, Томилов, 1999: 466-470**). Точное местоположение этих островов установить затруднительно из-за отсутствия точных географических привязок. Вероятно, одним из этих островов может являться **Большой остров**, расположенный как раз напротив Казанских юрт (**Рисунок 1**).

3. Заключение

Анализ исторических, картографических и археологических данных дает бесспорные доказательства широкого освоения татарами близлежащих островов, которые, являясь одновременно местом летних юрт, пастбищ, пашен и покосов, служили важнейшим ресурсом в системе жизнеобеспечения татарского населения. Общая площадь освоенных островов Нижнего Притомья составляет около 100 кв. км. Сегодня известно 7 островов, где с большой долей вероятности могли располагаться летние юрты, а это значит, что велика возможность обнаружения новых памятников археологии. К тому же, скорее всего, таких освоенных островов было больше, так как не все они попали на страницы истории. Яркий пример – Энекова острова с его многочисленными находками XVII–XVIII вв. – еще раз подтверждает необходимость развития такого направления, как «островная археология».

4. Благодарности

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Литература

Адрианов, 1912 – Адрианов А.В. Томская старина. Томск: Типо-лит. Сибирского Т-ва Печатного дела, 1912. 83 с.

Балюнов, 2018 – Балюнов И.В. Тобольская керамическая посуда конца XVI–XVII века: опыт классификации // *Вестник НГУ. Серия «История, филология»*. 2018. Т. 17. № 5: Археология и этнография. С. 120-129.

Беликов, 1898 – Беликов Д.Н. Старинные монастыри Томского края. Томск: Пар. типо-лит. П.И. Макушина, 1898. [Электронный ресурс]. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000218628> (дата обращения: 03.01.2019).

Визгалов, Пархимович, 2008 – *Визгалов Г.П., Пархимович С.Г.* Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. 296 с.

Водясов, Зайцева, 2016 – Водясов Е.В., Зайцева О.В. Хронограф «Тоянова городка»: к истории зуштинских татар в XVII–XVIII вв. // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2016. № 2 (40). С. 93–100.

Водясов, Пушкарев, 2019 – Водясов Е.В., Пушкарев А.А. Время «Тоянова городка»: новые нумизматические находки и радиоуглеродные данные // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2019. № 61. С. 142–151.

Волков, 2015 – Волков В.Г. Территория расселения и основные группы зуштинцев в XVII–XVIII веках // *Вестник ТГПУ*. 2015. 2 (155). С. 102–106.

Емельянов, 1978 – Емельянов Н.Ф. Татары Томского края в феодальную эпоху // *Этнокультурная история населения Западной Сибири*. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 73–87.

Зайцева, Водясов, 2016 – Зайцева О.В., Водясов Е.В. Локализация зимней ставки князя Тояна // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2016. № 3 (41). С. 94–99.

Камалетдинова, 1996 – Камалетдинова З.С. Тюркско-татарская микротопонимия окрестностей г. Томска (словарь) // *Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея: Сб. статей* / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. С. 99–112.

Коваль, 2016 – Коваль В.Ю. Первичная фиксация массового керамического материала (на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы). М.: Изд-во ИА РАН, 2016. 128 с.

Кузнецов, 1890 – Кузнецов С.К. Отчет об археологических разысканиях в окрестностях Томска, произведенных летом 1889 г. // *Известия Томского университета*. Томск, 1890. Кн. 2. С. 123–200.

Люцидарская, 1992 – Люцидарская А.А. Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки. XVII – начало XVIII в. Новосибирск: «Наука», 1992. 200 с.

Малиновский, Томилов, 1999 – Малиновский В.Г., Томилов Н.А. Томские татары и чулымские тюрки в первой четверти XVIII века: хозяйство и культура (по материалам Первой подушной переписи населения России 1720 года). Новосибирск: Наука. Сиб. Предприятие РАН, 1999. 536 с.

Миллер, 2000 – Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд-ие 2-е, дополненное. Т. 2. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 796 с.

Миллер, 1996 – Миллер Г.Ф. Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 г. // *Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера* / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. С. 172–186. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller_4/text9.phtml?id=10288 (дата обращения: 03.01.2019).

Сайфулмулюков, 2000 – Сайфулмулюков М.З. Отчет о работе отряда археологической экспедиции Музея г. Северск. Северск, 2000. Архив Музея г. Северск № 190/1943/1785.

Чертежная книга Сибири..., 1701 – Чертежная книга Сибири 1701 г., составленная 1699–1700 гг. С.У. Ремезовым и его сыновьями. Собр. Н.П. Румянцева. Ф. 256. № 346.

Vodyasov, Zaitceva, 2018 – Vodyasov E.V., Zaitceva O.V. Results of Interdisciplinary Research of Hillfort «Toyanov Gorodok» // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 48. Is. 2. Pp. 456–464.

References

Adrianov, 1912 – Adrianov A.V. (1912). Tomskaya starina [Tomsk antiquity]. Tomsk: Tipo-lit. Siberian T-va of the Press, 83 p. [in Russian].

Balyunov, 2018 – Balyunov I.V. (2018). Tobol'skaya keramicheskaya posuda kontsa XVI – XVII veka: opyt klassifikatsii [Tobolsk ceramic ware of the end of the 16th - 17th centuries: classification experience]. *Vestn. NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*, T. 17, Nr 5: Arkheologiya i etnografiya, pp. 120–129. [in Russian]

Belikov, 1898 – Belikov D.N. (1898). Starinnye monastyri Tomskogo kraya [Ancient monasteries of the Tomsk region]. Tomsk: Par. tipo-lit. P.I. Makushina. [Electronic resource]. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000218628> (date of access: 03.01.2019).

Chertezhnaja kniga Sibiri, 1701 – Chertezhnaja kniga Sibiri 1701 g., sostavlennaja 1699–1700 gg. S.U. Remezovym i ego synov'jami [Drawing book of Siberia in 1701, compiled 1699–1700. S.U. Remezov and his sons]. Sbr. N.P. Rumyantsev. F. 256. No. 346. [in Russian]

Emel'yanov, 1978 – Emel'yanov N.F. (1978). Tatory Tomskogo kraya v feodal'nyu epokhu [Tatars of the Tomsk Territory during the feudal era]. *Etnokul'turnaya istoriya naseleniya Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, pp. 73–87. [in Russian].

Kamaletdinova, 1996 – Kamaletdinova Z.S. (1996). Tyurksko-tatarskaya mikrotoponimiya okrestnostei g. Tomska (slovar') [Turkic-Tatar microtoponymy of Tomsk suburbs (dictionary)]. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo ob'edinennogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya: Sb. statei*. Otv. red. Ya.A. Yakovlev. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, pp. 99–112. [in Russian]

Koval', 2016 – Koval' V.Yu. (2016). Pervichnaya fiksatsiya massovogo keramicheskogo materiala (na pamyatnikakh epokhi Srednevekov'ya i rannego zheleznoogo veka lesnoi zony Vostochnoi Evropy) [Primary fixation of mass ceramic material (on the sites of the Middle Ages and early Iron Age of the forest zone of Eastern Europe)]. М.: Изд-во ИА РАН, 128 p. [in Russian]

Kuznetsov, 1890 – Kuznetsov S.K. (1890). Otchet ob arkheologicheskikh razyskaniyakh v okrestnostyakh Tomska, proizvedennykh letom 1889 g. [Report on archaeological searches in the vicinity of

Tomsk, made in the summer of 1889]. *Izvestiya Tomskogo universiteta*. Tomsk, Kn. 2, pp. 123-200. [in Russian]

Ljucidarskaja, 1992 – *Ljucidarskaya A.A.* (1992). Starozhily Sibiri. Istoriko-jetnograficheskie ocherki. XVII – nachalo XVIII v. [Old-timers of Siberia. Historical and ethnographic essays]. Novosibirsk: «Nauka», 200 p. [in Russian]

Malinovskij, Tomilov, 1999 – *Malinovskij V.G., Tomilov N.A.* (1999). Tomskie tatory i chulymskie tjurki v pervoj chetverti XVIII veka: hozjajstvo i kul'tura (po materialam Pervoj podushnoj perepisi naselenija Rossii 1720 goda) [Tomsk Tatars and Chulym Turks in the first quarter of the 18th century: economy and culture (based on the materials of the First per capita census of the Russian population in 1720)]. Novosibirsk: Nauka. Sib. Predpriyatje RAN, 536 p. [in Russian]

Miller, 1996 – *Miller G.F.* (1996). Puteshestvie po vode vniz po Tomi i Obi ot Tomska do Naryma. 1740 g. [Water travel down Tom and Ob from Tomsk to Narym. 1740]. Sibir' XVIII veka v putevykh opisaniyakh G.F. Millera. Otv. red. N.N. Pokrovskii. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, pp. 172-186. [Electronic resource]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller_4/text9.phtml?id=10288 (date of access: 01.01.2019). [in Russian]

Miller, 2000 – *Miller G.F.* (2000). Istorija Sibiri. Izd-je 2-e, dopolnennoe [History of Siberia. Issue 2nd, supplemented]. Izd-je 2-e, dopolnennoe. T. 2. M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 796 p. [in Russian]

Sajful'muljukov, 2000 – *Sajful'muljukov M.Z.* (2000). Otchet o rabote otrjada arheologicheskoi jekspedicii Muzeja g. Seversk [Report on the work of the archaeological expedition of the Museum of Seversk]. Seversk, 2000. Arkhiv Muzeja g. Seversk. No. 190/1943/1785. [in Russian]

Vizgalov, Parkhimovich, 2008 – *Vizgalov G.P., Parkhimovich S.G.* (2008). Mangazeya: novye arheologicheskie issledovaniya (materialy 2001–2004 gg.). [Mangazeya: new archaeological research (materials 2001-2004)]. Ekaterinburg; Neftejugansk: Magellan, 296 p. [in Russian]

Vodyasov, Pushkarev, 2019 – *Vodyasov E.V., Pushkarev A.A.* (2019). Vremya «Toyanova gorodka»: novye numizmaticheskie nakhodki i radiouglerodnye dannye [The time of “Toyanov Gorodok”: new numismatic finds and radiocarbon data]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*. № 61, pp. 142-151. [in Russian]

Vodyasov, Zaitceva, 2016 – *Vodyasov E.V., Zaitceva O.V.* (2016). Khronograf «Toyanova gorodka»: k istorii eushtinskikh tatar v XVII–XVIII vv. [Chronicles of Toyan's Town: On the History of Eushta Tatars in the 17th–18th Centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*. № 2 (40), pp. 93-100. [in Russian]

Vodyasov, Zaitceva, 2018 – *Vodyasov E.V., Zaitceva O.V.* (2018). Results of Interdisciplinary Research of Hillfort «Toyanov Gorodok». *Bylye Gody*. Vol. 48, Is. 2, pp. 456-464.

Volkov, 2015 – *Volkov V.G.* (2015). Territorija rasseleniya i osnovnye gruppy eushtintsev v XVII–XVIII vekakh [The territory of settlement and the main groups of Eushtin Tatars in the XVII–XVIII centuries]. *Vestnik TSPU*. № 2 (155), pp. 102-106. [in Russian]

Zaitceva, Vodyasov, 2016 – *Zaitceva O.V., Vodyasov E.V.* (2016). Lokalizatsiya zimnei stavki knyazya Toyana [Locating the Winter Stavka of Knyaz Toyan]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*. № 3 (41), pp. 94-99. [in Russian]

Острова в культурном ландшафте Нижнего Притомья в XVII–XVIII вв.

Евгений Вячеславович Водясов ^{a, *}

^a Томский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена островам Нижнего Притомья и их роли в системе жизнеобеспечения томских татар в XVII–XVIII вв. Главная сложность в изучении островных ландшафтов связана с отсутствием в Сибири такого направления, как «островная археология». Слабый интерес ученых к этой теме может объясняться ежегодными затоплениями островов в период половодья, что для многих археологов является маркером неперспективного поиска островных памятников археологии. Однако для хозяйственной модели томских татар острова с богатой растительностью хорошо подходили для летних поселений. Основу их хозяйства составляло скотоводство с преобладанием лошадей, поэтому пойменные и островные угодья в летние сезоны служили не только важным природным ресурсом, но и местом сезонных перекочевок. Такая модель приводила к тому, что одно и то же население обитало в разных местах в зависимости от времени года – в зимних юртах, расположенных, как правило, на высоких террасах и имевших укрепления, и летних юртах, находящихся в пойме или на островах.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vodiasov_ev@mail.ru (Е.В. Водясов)

На основе корпуса различных источников в статье доказано, что татарское население использовало острова под пашни, покосы, пастбища и места летних сезонных стоянок. Общая площадь освоенных островов Нижнего Притомья составляет около 100 кв. км. Сегодня известно 7 островов, где с большой долей вероятности могли располагаться еще не найденные археологами летние юрты. В статье впервые публикуются археологические находки из Энекова острова, доказывающие постоянное сезонное обитание татарского населения здесь в XVII–XVIII вв. Поселение на Энековом острове уникально тем, что в его материалах отчетливо прослежен начальный этап проникновения русской керамики в культурную среду томских татар, что в итоге привело к полному исчезновению лепной посуды. Сделан основной вывод о том, что острова являются крайне перспективными зонами для поиска новых памятников археологии, несмотря на то, что весной их затапливает высокая вода.

Ключевые слова: Нижнее Притомье, томские татары, XVII–XVIII вв., острова, островная археология, ландшафтная археология.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 961-972. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.961
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 3

Aleksandr A. Cherkasov ^{a, b, c, *}, Sergei N. Bratanovskii ^{d, e}, Marina A. Ponomareva ^f,
Ludmila G. Zimovets ^g

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c American Historical Association, Washington, USA

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^e Institute of State and Law of RAS, Moscow, Russian Federation

^f Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^g Sochi State University, Sochi, Russian Federation

Abstract

The article deals with the system of public education on the territory of the Voronezh province in 1703–1917. In this part of the work, the attempt is made to restore the picture of the activity of the public education system in the period of 1900–1917, as well as to assess its effectiveness. As research materials, we used documents from the Russian state historical archive (Saint Petersburg, Russian Federation), statistical data from the Memorial books of the Voronezh province, as well as from the most submissive report of the chief prosecutor of the Holy Synod.

In conclusion, the authors state that the system of public education on the territory of the Voronezh province in the period of 1900–1917 experienced an unprecedented rise: a network of educational institutions was created, which included higher, secondary, special and lower levels of education. The number of educational institutions increased from 1,691 to 2,548, with a sharp increase in the quality of education, more than 350 domestic peasant literacy schools were abolished, and the number of high schools, as well as educational institutions for training teachers, increased sharply. There was a sharp increase in the number of children enrolled in educational institutions (102 thousand students – in 1900, 223 thousand – in 1914). This made it possible to put more than 90 % of boys and about 45 % of girls at their desks out of the total number of school-age children by 1914. Due to this, by 1915 it was possible to organize educational institutions and train teaching staff sufficient for the introduction of universal primary education in the region.

Keywords: public education, Voronezh province, statistical data, educational institutions, women's education.

1. Введение

В истории Воронежской губернии имеется довольно много белых пятен, и, пожалуй, одной из них является то, что она была первой из губерний Российской империи, которая в 1915 г. сообщила, что ее сеть начальных училищ достаточна для введения всеобщего начального образования¹ (Из «объяснительной записки...», 1916: 165). Несомненно, это был большой успех и губернской администрации, и местной дирекции народных училищ, и в целом Российской империи. В данной части статьи хотелось бы рассмотреть процесс развития системы народного просвещения на

* Corresponding author

E-mail addresses: a.cherkasov@incfar.net (A.A. Cherkasov)

¹ Напомним, что, согласно данным Всероссийской переписи населения 1897 г., грамотным (т.е. умеющим читать и писать) был всего 21 % населения (Общий свод, 1905: 39-40).

территории Воронежской губернии в период 1900–1917 гг. Это время интересно тем, что с 1908 г. русское правительство приступило к 10-летней программе введения в Российской империи всеобщего начального образования. Ранее нами был рассмотрен период с начала XVIII века до 1900-го года (Cherkasov et al., 2020; Cherkasov et al., 2020a).

2. Материалы и методы

В качестве материалов исследования нами были использованы документы Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), статистические данные из Памятных книжек Воронежской губернии, а также из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода.

Совокупность научных методов, применяемая в исследовании: многофакторность и интегрированность, периодизация, типологизация, сравнение и пр. – обеспечивают надежность результатов изучаемой проблемы. Исследование имеет междисциплинарный характер, базирующийся на принципе компаративистики, который позволит выявить различные уровни информативности источника, а также сопоставить сведения разных источников о той или иной исследуемой проблеме. В работе нашли применение междисциплинарный и комплексный подходы к изучению темы народного образования на территории Воронежской губернии, которые позволили взглянуть на развитие системы народного просвещения комплексно, с учетом внутренних и внешних факторов.

3. Обсуждение

Историография системы народного образования Российской империи разнообразна. Она начала создаваться в дореволюционный период, некоторое освещение получила в советское время, и интерес к ней возник вновь в постсоветский период.

Дореволюционная историография. В это время исследователи занимались общими вопросами образования в России. Так, например, М.Ф. Владимирский-Буданов обратился к теме взаимодействия государства и народного образования с XVIII века до учреждения министерств (Владимирский-Буданов, 1874); С.С. Князьков и Н.И. Сербов изучали историю народного образования России до эпохи Александра II (Князьков, Сербов, 1910); С.В. Рождественский рассматривал деятельность Министерства народного просвещения в связи со 100-летием его учреждения (Рождественский, 1902).

Изучение системы народного просвещения Воронежской губернии предполагает опору на краеведческие издания. Существует целая группа публикаций по истории различных учебных заведений, которые находились на территории Воронежской губернии. Здесь необходимо перечислить труды по истории Воронежской мужской гимназии (Пантелеевский, 1901), Воронежской духовной семинарии (Никольский, 1898; Никольский, 1901), Михайловского кадетского корпуса (Зверев, 1895), Воронежской учительской семинарии (Литвинов, 1911), частных учебных заведений (Веселовский, 1864).

Советская историография. В данный период системой народного образования Российской империи заниматься было бесперспективно, так как существовала политическая установка, что царская Россия была малограмотной. В связи с этим возвышалась роль большевиков, которые несли грамотность в массы, чем объясняется сравнительно небольшое количество работ по дореволюционной школе. Тем не менее, некоторые авторы занимались вопросами подготовки кадров в царской России (Паначин, 1979), народным образованием на территории Воронежской области (Винокуров, 1954).

Постсоветская историография. На современном этапе к общероссийской проблематике обращались такие исследователи, как И.В. Фомичев (Фомичев, 1996), А.Ю. Бутов (Бутов, 1991). Ученые рассматривали народное образование Воронежской губернии (Пыльнев, Рогачев, 1997; Пыльнев, 2009), а также других регионов Российской империи, например, центральных губерний – Вологодской (Cherkasov et al., 2019; Cherkasov et al., 2019a; Cherkasov et al., 2019b; Cherkasov et al., 2019c), Вятской (Magsumov et al., 2018), Виленской (Natolochnaya et al., 2019; Natolochnaya et al., 2019a), а также Донской области (Peretyatko, Zulfugarzade, 2017; Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a; Peretyatko, Zulfugarzade, 2019; Peretyatko, Zulfugarzade, 2019a).

4. Результаты

К 1900 г. система народного образования на территории Воронежской губернии состояла из средних, специальных, духовных, низших и начальных учебных заведений.

Средние учебные заведения были представлены Михайловским кадетским корпусом, духовной семинарией, мужскими и женскими гимназиями и прогимназиями, епархиальным женским училищем, а также реальным училищем. В 1907 г. на территории губернии возникло первое коммерческое училище, в 1908 г. было открыто первое среднее механико-техническое училище, а в 1913 г. – первый учительский институт. С 1900 г. происходил рост и количества других средних учебных заведений, о масштабах которого свидетельствуют данные таблицы 1.

Таблица 1. Среднее образование на территории Воронежской губернии в 1900–1914 гг. (Памятная книжка, 1902: 54; [Памятная книжка, 1903: 61](#); [Памятная книжка, 1904: 59](#); [Памятная книжка, 1905: 62](#); [Памятная книжка, 1906: 56-57](#); [Памятная книжка, 1907: 54](#); [Памятная книжка, 1908: 57](#); [Памятная книжка, 1909: 59](#); [Памятная книжка, 1910: 62](#); [Памятная книжка, 1910: 60](#); [Памятная книжка, 1911: 59](#); [Памятная книжка, 1913: 57-58](#); [Памятная книжка, 1914: 58](#); [Памятная книжка, 1915: 58](#); [Памятная книжка, 1916: 56-57](#))

Годы	Михайловский корпус	Духовная семинария	Мужская гимназия	Мужская прогимназия	Женская гимназия	Женская прогимназия	Епархиальное женское училище	Ремесленное училище	Коммерческое училище	Механико-техническое училище	Учительский институт	Всего
1900	1	1	2	2	3	7	1	1	-	-	-	18
1901	1	1	2	2	3	7	1	1	-	-	-	18
1902	1	1	2	2	4	9	1	2	-	-	-	22
1903	1	1	3	1	4	9	1	2	-	-	-	22
1904	1	1	3	1	5	8	1	2	-	-	-	22
1905	1	1	3	1	6	7	1	2	-	-	-	22
1906	1	1	3	1	7	6	1	2	-	-	-	22
1907	1	1	3	1	9	5	1	2	1	-	-	24
1908	1	1	5	-	12	3	1	4	1	1	-	29
1909	1	1	6	-	12	5	1	4	1	1	-	32
1910	1	1	6	-	12	5	1	6	1	1	-	34
1911	1	1	6	1	14	5	1	6	1	1	-	37
1912	1	1	7	1	17	3	1	5	2	1	-	39
1913	1	1	8	1	20	2	1	5	3	1	1	44
1914	1	1	8	1	20	2	1	5	3	1	1	44

Анализируя [Таблицу 1](#), нужно отметить, что количество учебных заведений увеличилось практически в 3 раза. Рост более чем в 6 раз показали женские гимназии, в 5 раз – реальные училища, в 4 раза мужские гимназии. В течение 1900–1914 гг. только в 1900–1901 и 1913–1914 гг. не наблюдалось количественного или качественного изменения средних учебных заведений.

Важно отметить, что в 1900 г. в средних учебных заведениях обучалось 6123 человека, а в 1914 г. – 14991 человек ([Памятная книжка, 1916: 56-57](#)). Таким образом, число обучающихся в них возросло более чем в 2 раза.

По состоянию на 1913 г. только в городе Землянске Воронежской губернии не было ни одного среднего заведения, в то время как начали появляться женские гимназии даже в больших слободах ([Памятная книжка, 1915: 58](#)).

Специальные учебные заведения губернии в 1900 г. были представлены учительской семинарией, железнодорожным техническим училищем, фельдшерской земской школой, школой рисования, школой наездников, школой лесных кондукторов, сельскохозяйственной школой 1-го разряда, школой ремесленных учеников, а также низшей школой ремесленных учеников.

В последующие годы происходило наращивание специальных учебных заведений. Так, в 1903 г. открылась Воронежская торговая школа, в 1907 г. – первая музыкальная школа. В 1908 г. был предпринят неудачный опыт создания коннозаводского училища, которое в следующем году закрылось. В 1909 г. начало свою работу среднее механико-техническое училище, в том же году возникло первое коммерческое училище, а также предпринимались попытки открытия узкопрофильных школ, например кройки и шитья (просуществовала 4 года) и регентской (действовала только 2 года). В 1910 г. на территории губернии открылась школа садоводства, огородничества и пчеловодства. В 1913 г., в год празднования 300-летия царствования Дома Романовых, в губернии были созданы учительский институт и 4 организации по проведению педагогических курсов. В 1914 г. были открыты сразу 6 начальных сельскохозяйственных школ.

Таблица 2. Специальные учебные заведения на территории Воронежской губернии в 1900–1914 гг. (Памятная книжка, 1902: 54-55; [Памятная книжка, 1903: 61](#); [Памятная книжка, 1904: 59](#); [Памятная книжка, 1905: 63](#); [Памятная книжка, 1906: 57-58](#); [Памятная книжка, 1907: 55](#); [Памятная книжка, 1908: 58](#); [Памятная книжка, 1909: 59-60](#); [Памятная книжка, 1910: 63](#); [Памятная книжка, 1910: 60-61](#); [Памятная книжка, 1911: 59](#); [Памятная книжка, 1912: 58](#); [Памятная книжка, 1913: 60](#); [Памятная книжка, 1914: 60](#); [Памятная книжка, 1915: 59-60](#); [Памятная книжка, 1916: 58](#))

Годы	Учит. семинария	Жд технич. уч.	Фельдшер. зем. школа	Школа рисования	Школа наездников	Лесная школа	Сельскохоз. школа	Школа ремес. ученик.	Низшая ремес. школа	Город. торговая школа	Музыкальная школа	Коннозав. училище	Сред. механ.-тех. уч.	Коммерч. училище	Школа кройки	Регентская школа	Школа садоводства	Учительский институт	Педагогические курсы	Начал. сельхоз. школа	Всего
1900	1	1	2	1	1	1	1	1	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	11
1901	1	1	2	1	1	1	1	1	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	11
1902	1	1	2	1	1	1	1	1	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	13
1903	1	1	2	1	1	1	1	1	5	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	15
1904	1	1	2	1	1	1	1	-	4	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	13
1905	1	1	2	1	1	1	1	-	4	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	13
1906	1	1	2	1	1	1	1	-	4	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	13
1907	1	1	2	1	1	1	1	-	5	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	15
1908	1	1	2	-	1	1	2	-	6	1	2	1	-	-	-	-	-	-	-	-	18
1909	1	1	2	1	1	1	2	-	10	1	2	-	1	1	1	1	-	-	-	-	26
1910	1	1	2	1	1	1	2	-	10	1	2	-	1	1	1	1	-	-	-	-	27
1911	1	1	2	2	1	1	2	-	8	1	2	-	1	1	1	-	1	-	-	-	25
1912	2	1	3	2	1	1	3	-	11	1	2	-	1	2	1	-	1	-	-	-	32
1913	2	1	4	2	1	1	3	-	9	1	2	-	1	3	-	-	1	1	4	-	35
1914	3	1	3	2	1	1	2	-	10	1	2	-	1	3	-	-	1	1	4	6	42

Из приведенных данных [Таблицы 2](#) видно, что в 1900 г. специальное образование на территории Воронежской губернии не имело большого распространения. Так, в 1900 году общее количество учеников специальных учебных заведений составляло чуть более 700 ([Памятная книжка, 1902: 54-55](#)). К 1914 г. число специальных учебных заведений возросло почти в 4 раза, а количество учащихся достигло 2959 человек, то есть также увеличилось в 4 раза ([Подсчитано нами по: \[Памятная книжка, 1916: 58\]\(#\)](#)). В 1914 г., помимо ремесленных школ, имелись ремесленные отделения и в начальных училищах: так, например, в Воронежском уезде – при первом Чижевском и Тавровском начальных училищах со специальностями столярно-токарной и слесарно-кузнечной; в Бирюченском уезде – при Муховском училище со специальностями кузнечной и слесарной; в Валуйском уезде – при Уразовском 2-классном (кузнечно-слесарной), Нехаевском (сапожной и портновской), Николаевском (столярно-токарной), Краснянском (сапожной и портновской) и Валуйском женском училище (портновской); в Новохоперском уезде – при Тихвинском и первом Макаровском со столярной специальностью, при втором Калмыковском училище со столярной и кузнечно-слесарной специальностью и при Каменско-Садовском училище – с сапожным мастерством. Всего ремесленные отделения имелись при 12 училищах. Сапожное и шорное мастерства преподавались также при Боровском и Никандровском училищах Нижнедевицкого уезда особыми мастерами на средства попечительницы этих училищ, а при Подболотном училище того же уезда была открыта для детей-школьников сапожно-башмачная мастерская ([Памятная книжка, 1916: 58-59](#)).

Интересным представляется также то, что резко возросло количество учебных заведений по подготовке народных учителей: так, если в 1911 г. была только одна учительская семинария, то к 1914 г. их уже стало три, а помимо этого, работали учительский институт и 4 организации, которые проводили педагогические курсы. Таким образом, количество учреждений по подготовке народных учителей для начальных школ за несколько предвоенных лет увеличилось в 8 раз! Они стали настоящей кузницей педагогических кадров для реализации проекта введения всеобщего начального образования.

Что касается низшего и начального образования на территории Воронежской губернии: если в начале изучаемого периода низшие заведения (городские, уездные, приходские училища, частные учебные заведения и 2-классные народные училища) выделялись из общего количества учебных заведений, то уже с 1907 г. отдельной статистики не велось и начальные школы относились к низшим учебным заведениям. Именно поэтому мы свели все учебные заведения в одну [Таблицу 3](#).

Таблица 3. Количество учебных заведений и численность учащихся в 1900–1914 гг. (Памятная книжка, 1902: 54-55, 68-69; Памятная книжка, 1903: 61, 72-73; Памятная книжка, 1904: 58, 60, 76-77; Памятная книжка, 1905: 62-63, 106-107; Памятная книжка, 1906: 56, 58, 100-101; Памятная книжка, 1907: 54-55, 80-81; Памятная книжка, 1908: 57-58, 96-97; Памятная книжка, 1909: 59-60, 118-119; Памятная книжка, 1910: 41, 62-63, 122-123; Памятная книжка, 1910: 39, 60-61, 128-129; Памятная книжка, 1911: 40, 59-60, 124-125; Памятная книжка, 1913: 39, 57-59, XXXVIII-XXXIX; Памятная книжка, 1914: 40, 58-59, 124-127; Памятная книжка, 1915: 40, 58-59, XXXVIII-XLI; Памятная книжка, 1916: 39, 56-57, XXXVIII-XLI)

Годы	Численность населения	Количество уч. заведений					Количество учащихся			Количество учащихся на 1 учебное заведение
		МНП	Духовное ведомство		Прочие	Всего	Мальч.	Девоч.	Всего	
			Церк.-приход.	Школы грам.						
1900	2755445	676	896	119	1691	79264	23638	102902	60,1	
1901	2807926	730	918	117	1765	83238	26113	109351	61,9	
1902	2853552	764	931	121	1816	85562	29470	115032	63,3	
1903	2934034	806	949	123	1878	91606	33717	125323	66,7	
1904	3012831	856	936	131	1923	102285	36282	138567	72,0	
1905	3068978	777	903	136	1816	107748	41763	149511	82,3	
1906	3134762	778	879	138	1795	116439	45112	161551	90,0	
1907	3206179	841	848	141	1830	116337	44610	160947	87,9	
1908	3262632	931	849	141	1921	119017	44951	163968	85,3	
1909	3305644	1062 ¹	851	64	1977	122371	47355	169726	85,8	
1910	3457920	1165	864	67	2096	126788	50418	177203	84,5	
1911	3512743	1291	826	65	2182	131764	55160	186924	85,6	
1912	3569932	1431	796	72	2299	137843	59106	196949	85,6	
1913	3621907	1562	798	84	2444	145099	73343	218442	89,3	
1914	3669505	1652	804	92	2548	151369	71933	223302	87,6	

Анализируя [Таблицу 3](#), необходимо обратить внимание на то, что рост количества учебных заведений на территории Воронежской губернии за 15 лет был не особо интенсивным: число школ увеличилось на 67 %. Однако этот период был временем качественного роста учебных заведений. Происходило сокращение школ грамоты за счет организации обучения в одноклассных учебных заведениях, многократно увеличивалось количество гимназий, специальных учебных заведений. Все это в целом позволило увеличить число обучающихся со 102 тыс. в 1900 г. до 223 тыс. – в 1914 г.

В 1912 г. в Воронеже возникло и первое высшее учебное заведение: им стал сельскохозяйственный институт императора Петра I. Таким образом, учебные заведения губернии могли вести подготовку по всем уровням образования: высшему, среднему и низшему.

Согласно данным Министерства народного просвещения на 1 января 1915 г., в Воронежской губернии насчитывалось 327290 детей в возрасте от 8 до 11 лет, из них охвачено начальной школой было только 196038 детей (РГИА. Ф. 733. Оп. 207. Д. 39. Л. 1). Число детей школьного возраста традиционно оценивалось в 9 %. Для исчисления этого процента использовались данные на 1 января 1914 г., то есть показатели общего состава населения за 1913 г., который составлял тогда 3621907 человек.

За 1915 г. статистики по учебным заведениям на территории Воронежской губернии не обнаружено, тем не менее известно, что в том году губернская дирекция народных училищ завершила все работы по подготовке к введению всеобщего начального образования. Для того чтобы сделать приблизительный расчет достигнутых показателей в 1915 г., нужно понимать, что в сметах 1914 г. на 1915 г. сильного сокращения расходов на народное образование еще не было, более того, Воронежская

¹ С 1909 г. в общее число начальных училищ МНП начали включаться все школы данного ведомства, включая низшие, частные, римско-католические, воскресные, а также городские училища.

губерния не была прифронтовой территорией. Используя эти вводные, мы можем взять средний рост количества учащихся и количества школ за два последних года. Средний ежегодный рост за указанный период составлял для школ – 124, для мальчиков – 6763, а для девочек – 6413, а общее среднее количество – 13176 детей. Однако здесь нужно учитывать, что в 1913 г. был беспрецедентный рост количества учащихся девочек – 14237, а в 1914 г. произошло сокращение на 1410 человек, то есть вполне вероятно, что в 1915 г. был повторен показатель 1913 г., чтобы приблизиться к реализации проекта о всеобщем начальном образовании. Итак, опираясь на средние показатели за два года, можно смоделировать число учащихся и школ в 1915 г. Так, примерное количество школ в 1915 г. должно было составлять 2672, а учащихся 236478, из них 158132 мальчика и 78346 девочек. Если учесть, что на территории Воронежской губернии наблюдалось примерно равное соотношение лиц мужского и женского пола, то мы должны исчислять общее количество детей школьного возраста по 163645 лиц мужского и женского пола. Таким образом, из 163645 мальчиков уже были охвачены школой 158132 человека, что составляло 96,6 %. По девочкам статистика была значительно хуже: из 163645 девочек охвачены школой были только 78346, что составляло 47,8 %; причиной явилась крестьянская психология об отсутствии необходимости начальных знаний для будущих матерей и хозяек. Решить данную проблему должен был Закон о всеобщем обязательном начальном образовании, для чего необходимы были только преподавательские кадры и запасные места в учебных заведениях.

Для определения запасного количества мест в школах нужно обратиться к статистике о количестве учащихся на одно учебное заведение. Так, согласно данным [Таблицы 3](#), в 1906 г. количество учащихся на одно заведение достигало 90 человек. Однако нужно понимать, что число учащихся в школах МНП и церковно-приходских было разным. Так, на 1914 г. в 1652 начальных школах губернии было 149973 ученика или 90,7 человека на одну школу, а в 804 церковно-приходских школах училось 54298 учеников или 67,5 человека. Низкое количество учащихся в школах духовного ведомства, на наш взгляд, автоматически становилось запасным фондом для введения Закона (См. [Таблица 4](#)).

Таблица 4. Учебные заведения духовного ведомства 1900–1914 гг. ([Всепопданнейший отчет, 1903: 64-65](#); [Всепопданнейший отчет, 1905: 64, 70](#); [Всепопданнейший отчет, 1905а: 64, 70](#); [Всепопданнейший отчет, 1909: 118, 122, 126, 134](#); [Всепопданнейший отчет, 1910: 208-209, 224-225, 244-245](#); [Всепопданнейший отчет, 1911: 214-215, 238-239](#); [Всепопданнейший отчет, 1913: 106-107](#); [Всепопданнейший отчет, 1913а: 172-173, 200-201](#); [Всепопданнейший отчет, 1915: 116-117](#); [Всепопданнейший отчет, 1916: 118-119](#))

Годы	Число школ						Всего учащихся			Количество учащихся на 1 школу	
	Церковно-приходских					Школ грамоты	Итого	Мальчиков	Девочек		Итого
	Церковно-учительских	Второклассных	Двухклассных	Одноклассных	Образцовых ¹ и воскресных						
1900	-	5	2	505	2	378	892	27457	9998	37455	41,9
1901	6		2	542	2	356	908	27703	12185	39888	43,9
1902		5		595	2	333	935	28900	14239	43139	46,1
1903		5		607	-	344	956	31651	15117	46768	48,9
1904		5		606	-	300	911	31765	15505	47270	51,8
1905		13		604	3	282	902	33349	18481	51830	57,4
1906		13		602	4	260	879	34724	18758	53482	60,8
1907		13		608	3	224	848	33566	17142	50708	59,7
1908		12		634	4	202	852	33886	16826	50712	59,5
1909		12		778	3	56	849	33512	17220	50732	59,7
1910		13		779	2	52	846	32914	17976	50890	60,1

¹ Образцовые училища при духовных семинариях, женских духовных училищах.

1911	15	772	2	36	825	32568	18263	50831	61,6
1912	15	767	2	19	803	31227	18401	49628	61,8
1913	17	767	3	15	802	31054	19405	50459	62,9
1914	18	769	3	16	806	31442	22245	53687	66,6

Важно отметить, что в 1900 г. на одно второклассное училище приходилось 97 учеников, на одно двухклассное – 139, на одно одноклассное – 49, на одно образцовое училище – 48, а на одну школу грамоты – всего 30 человек (Подсчитано нами: [Всепопданнейший отчет, 1903: 64-65](#)).

Анализируя таблицу 4, важно обратить внимание на то, что система церковно-приходских школ в 1900–1914 гг. продолжала развиваться и если с 1909 г. рост одноклассных учебных заведений практически прекратился, то происходило качественное улучшение системы церковно-приходских школ, а именно увеличение количества учеников на одну школу, увеличения количества двухклассных учебных заведений, а также постоянное сокращение количества домашних крестьянских школ грамоты. Интерес представляет и гендерное соотношение учеников церковно-приходских школ, которое было более сбалансированным. Если сравнивать сведения таблиц 3 и 4, то можно обратить внимание на некоторые отклонения в данных. Дело в том, что во всепопданнейших отчетах обер-прокурора сводные данные по губернии указаны вместе с церковно-учительскими, воскресными и второклассными училищами, тогда как в памятные книжки эта информация не включалась.

В период Первой мировой войны шла большая работа по реорганизации значительной части одноклассных школ (обоих ведомств) в двухклассные, что и создавало, по нашему мнению, дополнительный запас мест для введения Всеобщего начального образования на территории Воронежской губернии. Оценивая эти факторы, дирекция народных училищ и объявила о готовности губернии к введению Всеобщего начального образования.

5. Заключение

Подводя итоги, важно отметить, что система народного образования на территории Воронежской губернии в период 1900–1917 гг. пережила беспрецедентный подъем: была создана сеть учебных заведений, которая включала в себя высшую, среднюю, специальную и низшую ступени образования. Количество учебных заведений в это время увеличилось с 1691 до 2548, при этом резко возросло качество обучения, были упразднены более 350 домашних крестьянских школ грамоты, резко возросло количество гимназий, а также учебных заведений по подготовке учительского персонала. Наблюдалось резкое увеличение числа детей, обучающихся в учебных заведениях (102 тыс. учеников – в 1900 г., 223 тыс. – в 1914 г.). Это позволило к 1914 г. от общего количества детей школьного возраста посадить за парты более 90 % мальчиков и около 45 % девочек. Благодаря этому, уже к 1915 г. удалось создать учебные заведения и подготовить педагогический персонал, достаточные для введения в регионе Всеобщего начального образования.

Литература

- [Бутов, 1991](#) – *Бутов А.Ю.* Народное учительство в России в общественно-педагогическом движении конца XIX – начала XX вв. М., 1991.
- [Веселовский, 1864](#) – *Веселовский Г.* Из истории частных школ в Воронеже // *Русский вестник*. 1864. № 6.
- [Винокуров, 1954](#) – *Винокуров С.В.* Народное образование в Воронежской области. Воронеж, 1954.
- [Владимирский-Буданов, 1874](#) – *Владимирский-Буданов М.Ф.* Государство и народное образование с XVIII века до учреждения министерства. СПб., 1874.
- [Всепопданнейший отчет, 1903](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1900 год. СПб., 1903.
- [Всепопданнейший отчет, 1905](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1901 год. СПб., 1905.
- [Всепопданнейший отчет, 1905а](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1902 год. СПб., 1905.
- [Всепопданнейший отчет, 1909](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1903–1904 гг. СПб., 1909.
- [Всепопданнейший отчет, 1910](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 гг. СПб., 1910.
- [Всепопданнейший отчет, 1911](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1908–1909 гг. СПб., 1911.
- [Всепопданнейший отчет, 1913](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1910 г. СПб., 1913.
- [Всепопданнейший отчет, 1913а](#) – Всепопданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1911–1912 гг. СПб., 1913.

- Всеподданнейший отчет, 1915** – Всеподданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1913 г. СПб., 1915.
- Всеподданнейший отчет, 1916** – Всеподданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1914 г. Петроград, 1916.
- Зверев, 1895** – *Зверев С.Е.* К юбилею Михайловского Воронежского кадетского корпуса (8 ноября 1845 г. – 8 ноября 1895 г.). Воронеж, 1895.
- Из «Объяснительной записки...», 1916** – Из «Объяснительной записки к смете министерства народного просвещения на 1916 г.» // Журнал министерства народного просвещения. 1916. № 8. С. 159-176.
- Князьков, Сербов, 1910** – *Князьков С.С., Сербов Н.И.* Очерки истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II. М., 1910.
- Литвинов, 1911** – *Литвинов В.В.* Воронежская учительская семинария (1875–1910 гг.). Исторический очерк // Памятная книжка Воронежской губернии за 1911 год. Воронеж, 1911. С. 16-162.
- Никольский, 1898** – *Никольский П.* История Воронежской духовной семинарии. Воронеж, 1898.
- Никольский, 1901** – *Никольский П.* Воронежская духовная семинария за 150 лет своего существования // Памятная книжка Воронежской губернии за 1900 год. Воронеж, 1901. С. 37-44.
- Общий свод, 1905** – Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 29 января 1897 г. СПб., 1905.
- Памятная книжка Воронежской губернской гимназии, 1891** – Памятная книжка Воронежской губернской гимназии. Воронеж, 1891.
- Памятная книжка, 1901** – Памятная книжка Воронежской губернии на 1901 г. Воронеж, 1901.
- Памятная книжка, 1902** – Памятная книжка Воронежской губернии на 1902 г. Воронеж, 1902.
- Памятная книжка, 1903** – Памятная книжка Воронежской губернии на 1903 г. Воронеж, 1903.
- Памятная книжка, 1904** – Памятная книжка Воронежской губернии на 1904 г. Воронеж, 1904.
- Памятная книжка, 1905** – Памятная книжка Воронежской губернии на 1905 г. Воронеж, 1905.
- Памятная книжка, 1906** – Памятная книжка Воронежской губернии на 1906 г. Воронеж, 1906.
- Памятная книжка, 1907** – Памятная книжка Воронежской губернии на 1907 г. Воронеж, 1907.
- Памятная книжка, 1908** – Памятная книжка Воронежской губернии на 1908 г. Воронеж, 1908.
- Памятная книжка, 1909** – Памятная книжка Воронежской губернии на 1909 г. Воронеж, 1909.
- Памятная книжка, 1910** – Памятная книжка Воронежской губернии на 1910 г. Воронеж, 1910.
- Памятная книжка, 1911** – Памятная книжка Воронежской губернии на 1911 г. Воронеж, 1911.
- Памятная книжка, 1912** – Памятная книжка Воронежской губернии на 1912 г. Воронеж, 1912.
- Памятная книжка, 1913** – Памятная книжка Воронежской губернии на 1913 г. Воронеж, 1913.
- Памятная книжка, 1914** – Памятная книжка Воронежской губернии на 1914 г. Воронеж, 1914.
- Памятная книжка, 1915** – Памятная книжка Воронежской губернии на 1915 г. Воронеж, 1915.
- Памятная книжка, 1916** – Памятная книжка Воронежской губернии на 1916 г. Воронеж, 1916.
- Паначин, 1979** – *Паначин Ф.Г.* Педагогическое образование в России: Историко-педагогические очерки. М., 1979.
- Пантелеевский, 1901** – *Пантелеевский Н.Н.* Материалы по истории Воронежской гимназии // Памятная книжка Воронежской губернии за 1900 год. Воронеж, 1901. С. 1-36.
- Пыльнев, 2009** – *Пыльнев Ю.В.* Воронежская губернская (1-я мужская) гимназия. Воронеж, 2009.
- Пыльнев, Рогачев, 1997** – *Пыльнев Ю.В., Рогачев С.А.* Школы и просвещение Воронежского края в XVIII веке. Воронеж, 1997.
- Рождественский, 1902** – *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1801–1902. СПб., 1902.
- Фомичев, 1996** – *Фомичев И.В.* Развитие общеобразовательной школы в России до 1917 г. Воронеж, 1996.
- Cherkasov et al., 2019** – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G.* Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(1): 208-214.
- Cherkasov et al., 2019a** – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G.* (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(2): 418-424.
- Cherkasov et al., 2019b** – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G.* (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(3): 624-637.
- Cherkasov et al., 2019c** – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G.* Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 4 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(4): 973-983.
- Cherkasov et al., 2020** – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A.* The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 202-211.

[Cherkasov et al., 2020a](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A. The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 56(2): 428-436.

[Magsumov et al., 2018](#) – Magsumov T.A., Artemova S.F., Balanyuk L.L. (2018). Regional problems of public schools in the Russian Empire in 1869-1878 (using an example of the Vyatka Province) // *European Journal of Contemporary Education*. 2018. 7(2): 420-427.

[Mamadaliyev et al., 2019](#) – Mamadaliyev A.M., Svechnikova N.V., Miku N.V., Médico A. The German System of Public Education in the Period between the 15th and Early 20th Centuries. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(2): 445-453.

[Natolochnaya et al., 2019](#) – Natolochnaya O.V., Bulgarova B.A., Denisenko V.N., Volkov A.N. The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(3): 655-664.

[Natolochnaya et al., 2019a](#) – Natolochnaya O.V., Bulgarova B.A., Voropaeva Yu.A., Volkov A.N. The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(4): 964-972.

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2017](#) – Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. (2017). Project of reforms proposed for the don public education in the first half of 1860: A.M. Dondukov-Korsakov, Kh.I. Popov, N.I. Krasnov // *European Journal of Contemporary Education*. 2017. 6(4): 817-829.

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a](#) – Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. Higher and secondary education of the don cossacks in the context of the epoch: The time of the great reforms // *European Journal of Contemporary Education*. 2017. 6(2): 367-377.

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2019](#) – Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. «66 % of Literacy among the Male Population of School Age Brings it Closer to Common Education» vs «in the Largest Villages, it was Difficult to Meet a Literate Person»: the Main Statistical indicators of Primary Education among Don Cossacks in the XIX c. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(2): 454-465.

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2019a](#) – Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. «66 % of Literacy among the Male Population of School Age Brings it Closer to Common Education» vs «in the Largest Villages, it was Difficult to Meet a Literate Person»: the Main Statistical indicators of Primary Education among Don Cossacks in the XIX c. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(3): 664-676.

References

[Butov, 1991](#) – Butov A.Yu. (1991). Narodnoe uchitel'stvo v Rossii v obshchestvenno-pedagogicheskom dvizhenii kontsa XIX – nachale XX vv. [Public education in Russia in the socio-pedagogical movement of the late XIX – early XX centuries]. M. [in Russian]

[Cherkasov et al., 2019](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(1): 208-214.

[Cherkasov et al., 2019a](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 8(2): 418-424.

[Cherkasov et al., 2019b](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 8(3): 624-637.

[Cherkasov et al., 2019c](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G. (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 4. *European Journal of Contemporary Education*. 8(4): 973-983.

[Cherkasov et al., 2020](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A. (2020). The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 202-211.

[Cherkasov et al., 2020a](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A. (2020). The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 56(2): 428-436.

[Fomichev, 1996](#) – Fomichev I.V. (1996). Razvitie obshcheobrazovatel'noi shkoly v Rossii do 1917 g. [The development of a comprehensive school in Russia until 1917]. Voronezh. [in Russian]

[Iz «ob'yasnitel'noi zapiski...», 1916](#) – Iz «Ob'yasnitel'noi zapiski k smete ministerstva narodnogo prosveshcheniya na 1916 g.» [From the “Explanatory Note to the Estimates of the Ministry of Education for 1916”]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1916. № 8. Pp. 159-176. [in Russian]

[Knyaz'kov, Serbov, 1910](#) – Knyaz'kov S.S., Serbov N.I. (1910). Ocherki istorii narodnogo obrazovaniya v Rossii do epokhi reform Aleksandra II [Essays on the history of public education in Russia before the era of the reforms of Alexander II]. M. [in Russian]

[Litvinov, 1911](#) – Litvinov V.V. (1911). Voronezhskaya uchitel'skaya seminariya (1875–1910 gg.). Istoricheskii ocherk [Voronezh Teachers' Seminary (1875–1910). Historical essay]. Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii za 1911 god. Voronezh, pp. 16-162. [in Russian]

[Magsumov et al., 2018](#) – *Magsumov T.A., Artemova S.F., Balanyuk L.L.* (2018). Regional problems of public schools in the Russian Empire in 1869-1878 (using an example of the Vyatka Province). *European Journal of Contemporary Education*. 7(2): 420-427.

[Mamadaliyev et al., 2019](#) – *Mamadaliyev A.M., Svechnikova N.V., Miku N.V., Médico A.* (2019). The German System of Public Education in the Period between the 15th and Early 20th Centuries. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(2): 445-453.

[Natolochnaya et al., 2019](#) – *Natolochnaya O.V., Bulgarova B.A., Denisenko V.N., Volkov A.N.* (2019). The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(3): 655-664.

[Natolochnaya et al., 2019a](#) – *Natolochnaya O.V., Bulgarova B.A., Voropaeva Yu.A., Volkov A.N.* (2019). The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 8(4): 964-972.

[Nikol'skii, 1898](#) – *Nikol'skii P.* (1898). Istoriya Voronezhskoi dukhovnoi seminarii [History of the Voronezh theological seminary]. Voronezh. [in Russian]

[Nikol'skii, 1901](#) – *Nikol'skii P.* (1901). Voronezhskaya dukhovnaya seminariya za 150 let svoego sushchestvovaniya [Voronezh theological seminary for 150 years of its existence]. Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii za 1900 god. Voronezh, pp. 37-44. [in Russian]

[Obshchii svod..., 1905](#) – *Obshchii svod po imperii rezul'tatov razrabotki dannykh pervoi vseobshchei perepisi naseleniya, proizvedennoi 29 yanvarya 1897 g.* [The general summary of the results of the development of data for the first General population census, conducted on January 29, 1897]. SPb., 1905. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1901](#) – Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii na 1901 g. [Memorial book for residents of the Voronezh province for 1901]. Voronezh, 1901. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1901](#) – Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii na 1901 g. [Memorial book for residents of the Voronezh province for 1901]. Voronezh, 1901. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1902](#) – Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii na 1902 g. [Memorial book for residents of the Voronezh province for 1902]. Voronezh, 1902. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1902](#) – Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii na 1902 g. [Memorial book for residents of the Voronezh province for 1902]. Voronezh, 1902. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1903](#) – Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii na 1903 g. [Memorial book for residents of the Voronezh province for 1903]. Voronezh, 1903. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1904](#) – Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii na 1904 g. [Memorial book for residents of the Voronezh province for 1904]. Voronezh, 1904. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1905](#) – Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii na 1905 g. [Memorial book for residents of the Voronezh province for 1905]. Voronezh, 1905. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1906](#) – Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii na 1906 g. [Memorial book for residents of the Voronezh province for 1906]. Voronezh, 1906. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1907](#) – Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii na 1907 g. [Memorial book for residents of the Voronezh province for 1907]. Voronezh, 1907. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1908](#) – Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii na 1908 g. [Memorial book for residents of the Voronezh province for 1908]. Voronezh, 1908. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1909](#) – Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii na 1909 g. [Memorial book for residents of the Voronezh province for 1909]. Voronezh, 1909. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1910](#) – Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii na 1910 g. [Memorial book for residents of the Voronezh province for 1910]. Voronezh, 1910. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1911](#) – Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii na 1911 g. [Memorial book for residents of the Voronezh province for 1911]. Voronezh, 1911. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1912](#) – Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii na 1912 g. [Memorial book for residents of the Voronezh province for 1912]. Voronezh, 1912. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1913](#) – Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii na 1913 g. [Memorial book for residents of the Voronezh province for 1913]. Voronezh, 1913. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1914](#) – Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii na 1914 g. [Memorial book for residents of the Voronezh province for 1914]. Voronezh, 1914. [in Russian].

[Pamyatnaya knizhka, 1915](#) – Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii na 1915 g. [Memorial book for residents of the Voronezh province for 1915]. Voronezh, 1915. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1916](#) – Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii na 1916 g. [Memorial book for residents of the Voronezh province for 1916]. Voronezh, 1916. [in Russian]

[Panachin, 1979](#) – *Panachin F.G.* (1979). Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii: Istoriko-pedagogicheskie ocherki [Pedagogical education in Russia: Historical and pedagogical essays]. M. [in Russian]

[Pantelevskii, 1901](#) – *Pantelevskii N.N.* (1901). Materialy po istorii Voronezhskoi gimnazii [Materials on the history of the Voronezh gymnasium] Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii za 1900 god. Voronezh. Pp. 1-36. [in Russian]

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2017](#) – *Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E.* (2017). Project of reforms proposed for the don public education in the first half of 1860: A.M. Dondukov-Korsakov, Kh.I. Popov, N.I. Krasnov. *European Journal of Contemporary Education*. 6(4): 817-829.

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a](#) – *Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E.* (2017). Higher and secondary education of the don cossacks in the context of the epoch: The time of the great reforms. *European Journal of Contemporary Education*. 6(2): 367-377.

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2019](#) – *Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E.* (2019). «66 % of Literacy among the Male Population of School Age Brings it Closer to Common Education» vs «in the Largest Villages, it was Difficult to Meet a Literate Person»: the Main Statistical indicators of Primary Education among Don Cossacks in the XIX c. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(2): 454-465.

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2019a](#) – *Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E.* (2019). «66 % of Literacy among the Male Population of School Age Brings it Closer to Common Education» vs «in the Largest Villages, it was Difficult to Meet a Literate Person»: the Main Statistical indicators of Primary Education among Don Cossacks in the XIX c. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 8(3): 664-676.

[Pyl'nev, 2009](#) – *Pyl'nev Yu.V.* (2009). Voronezhskaya gubernskaya (1-ya muzhskaya) gimnaziya [Voronezh provincial (1st male) gymnasium]. Voronezh. [in Russian]

[Pyl'nev, Rogachev, 1997](#) – *Pyl'nev Yu.V., Rogachev S.A.* (1997). Shkoly i prosveshchenie Voronezhskogo kraia v XVIII veke [Schools and enlightenment of the Voronezh region in the XVIII century]. Voronezh. [in Russian]

[Rozhdestvenskii, 1902](#) – *Rozhdestvenskii C.B.* (1902). Istoricheskii obzor deyatelnosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1801–1902 [Historical review of the activities of the ministry of education. 1801–1902]. SPb. [in Russian]

[Veselovskii, 1864](#) – *Veselovskii G.* (1864). Iz istorii chastnykh shkol v Voronezhe [From the history of private schools in Voronezh]. *Russkii vestnik*. № 6. [in Russian]

[Vinokurov, 1954](#) – *Vinokurov C.B.* (1954). Narodnoe obrazovanie v Voronezhskoi oblasti [Public education in the Voronezh region]. Voronezh. [in Russian]

[Vladimirskii-Budanov, 1874](#) – *Vladimirskii-Budanov M.F.* (1874). Gosudarstvo i narodnoe obrazovanie s XVIII veka do uchrezhdeniya ministerstva [State and public education from the XVIII century to the establishment of the ministry]. SPb. [in Russian]

[Voronezhskoe zemstvo, 1891](#) – Voronezhskoe zemstvo 1865-1889 gg. Istoriko-statisticheskii obzor [Voronezh Zemstvo 1865–1889. Historical and statistical review]. Voronezh, 1891. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1903](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1900 g. [The most submissive report of the chief prosecutor of the Holy Synod for the department of orthodox confession for 1900]. SPb., 1903. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1905](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1901 g. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodox confession for 1901]. SPb., 1905. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1905a](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1902 g. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodox confession for 1902]. SPb., 1905. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1909](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1903–1904 gg. [The most submissive report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodox confession for 1903–1904]. SPb., 1909. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1910](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1905–1907 gg. [The most submissive report of the chief prosecutor of the Holy Synod for the department of orthodox confession for 1905–1907]. SPb., 1910. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1911](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1908–1909 gg. [The most submissive report of the chief prosecutor of the Holy Synod for the department of orthodox confession for 1908–1909]. SPb., 1911. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1913](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1910 g. [The most substantial report of the chief prosecutor of the Holy Synod for the department of orthodox confession for 1910]. SPb., 1913. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1913a](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1911–1912 gg. [The most authentic report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodox confession for 1911–1912]. SPb., 1913. [in Russian]

[Vsepoddanneishii otchet, 1915](#) – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1913 g. [The most subordinate report of the chief prosecutor of the Holy Synod for the department of orthodox confession for 1913]. SPb., 1915. [in Russian]

Vsepoddanneishii otchet, 1916 – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1914 g. [The most subordinate report of the chief prosecutor of the holy synod for the department of orthodox confession for 1914]. SPb., 1916. [in Russian]

Zverev, 1895 – *Zverev S.E.* (1895). K yubileyu Mikhailovskogo Voronezhskogo kadetskogo korpusa (8 noyabrya 1845 g. – 8 noyabrya 1895 g.) [To the anniversary of the Mikhailovsky Voronezh Cadet Corps (November 8, 1845 – November 8, 1895)]. Voronezh. [in Russian]

Система народного просвещения на территории Воронежской губернии в 1703–1917 гг. Часть 3

Александр Арвелодович Черкасов ^{a, b, c, *}, Сергей Николаевич Братановский ^{d, e},
Марина Александровна Пономарева ^f, Людмила Григорьевна Зимовец ^g

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Американская историческая ассоциация, Вашингтон, США

^d Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Институт государства и права РАН, Москва, Российская Федерация

^f Финансовый университет при Правительстве РФ, Российская Федерация

^g Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается система народного образования на территории Воронежской губернии в 1703–1917 гг. В данной части работы сделана попытка восстановить картину деятельности системы народного просвещения в период 1900–1917 гг., а также дать оценку ее эффективности. В качестве материалов исследования нами были использованы документы Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), статистические данные из Памятных книжек Воронежской губернии, а также из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода.

В заключении авторы отмечают, что система народного образования на территории Воронежской губернии в период 1900–1917 гг. пережила беспрецедентный подъем: была создана сеть учебных заведений, которая включала в себя высшую, среднюю, специальную и низшую ступени образования. Количество учебных заведений увеличилось с 1691 до 2548, при этом резко возросло качество обучения, были упразднены более 350 домашних крестьянских школ грамоты, резко возросло количество гимназий, а также учебных заведений по подготовке учительского персонала. Наблюдалось резкое увеличение количества детей, обучающихся в учебных заведениях (102 тыс. учеников – в 1900 г., 223 тыс. – в 1914 г.). Это позволило к 1914 г. от общего количества детей школьного возраста посадить за парты более 90 % мальчиков и около 45 % девочек. Благодаря этому, уже к 1915 г. удалось создать учебные заведения и подготовить педагогический персонал, достаточные для введения в регионе всеобщего начального образования.

Ключевые слова: народное просвещение, Воронежская губерния, статистические данные, учебные заведения, женское образование.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.cherkasov@incfar.net (А.А. Черкасов)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 973-981. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.973
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Jonathan Clark's «Confessional State»: Concept and Discussion

Mikhail S. Stetckevich ^a, Tatiana V. Chumakova ^{a, *}, Elena S. Stetckevich ^b

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

^b North-West Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation

Abstract

The name of the British historian Jonathan Clark in Russia is known only to specialists in English history of the XVIII – XIX centuries. Meanwhile, his writings generated a heated debate and led to a partial revision of some established ideas. According to Clark, in England of the «long XVIII century», which lasted from the end of the XVII century until 1832, there was an «old order», based on a continued strong monarchy, cultural hegemony of the landed elite and the dominance of the Church of England. Historian uses the term «confessional state» to characterize this dominance. According to Clark, the main opponents of the «confessional state» were dissenters, whose opposition to the «old order» was based on theological grounds. Clark was heavily criticized for replacing economic reductionism, which he strongly opposed, with theological reductionism (J. Innes, R. Davis). It was emphasized that the opposition of dissenters can be explained not only by theological reasons (J. Phillips, R. Davis). F. O’Gorman, P. Corfield, E. Thompson pointed out to Clark that the «confessional state» did not exist in reality. J. Bradley, J. Phillips objected to the thesis of the «cultural hegemony» of Anglicanism. Ultimately, only a few researchers (N. Yates, W. Gibson) have shown a willingness to support the concept of a «confessional state». Nevertheless, Clark's extremely sharpened concept led to serious historiographic shifts. Researchers abandoned to underestimate the role of religion in the era of the «long XVIII century», starting to create synthetic works in which politics, culture, theology, and Economics are considered as part of a single complex.

Keywords: Clark Jonathan, religious studies, confessional state, English historiography, The Church of England, dissenters.

1. Введение

Имя Джонатана Чарльза Дугласа Кларка (род. в 1951 г.) в России известно преимущественно специалистам по проблемам английской истории XVIII–XIX вв. И даже среди них число тех, кто рассматривает концепции Кларка как серьезный стимул для собственных интерпретаций событий, весьма невелико. Причины такой ситуации, на наш взгляд, очевидны. Почти во всех трудах Кларка присутствует тезис о доминирующем влиянии религии на общественно-политическое развитие стран европейской культуры. А именно религиозные аспекты истории XVIII–XIX вв., вопросы влияния религии на политический процесс были темами, совершенно обойденными вниманием отечественной, в особенности – советской историографии. Положение стало медленно меняться лишь в последние полтора–два десятилетия. Данным обстоятельством определяется основная цель статьи: проанализировать процесс обсуждения одной из дискуссионных концепций, сформулированных Дж. Кларком, – о существовании в Англии XVIII – первой трети XIX вв. «конфессионального государства». Актуальность темы определяется значительным влиянием этого концепта на процесс изучения истории Англии данного периода.

* Corresponding author

E-mail addresses: t.chumakova@spbu.ru (T.V. Chumakova)

2. Материалы и методы

В качестве источников статьи, с одной стороны, выступили труды британского историка Джонатана Дугласа Кларка второй половины XX – начала XXI вв., посвященные анализу влияния религиозных процессов на политическую, социальную и экономическую историю Англии в период так называемого «долгого XVIII века». С другой – работы российских и зарубежных ученых, занимающихся исследованиями английской истории данного периода, в той или иной степени содержащие отклики на концепцию и научные взгляды Кларка. При подготовке статьи были использованы комплексный подход с целью выявления в современной историографии основных точек зрения относительно концепции Кларка, а также проблемно-хронологический, историко-типологический, историко-критический методы, а также метод контент-анализа.

3. Обсуждение

Отечественные историки, как правило, характеризуют взгляды и концепции Кларка предельно кратко, хотя в последнее время упоминания о них стали более частыми (Согрин и др., 1991; Соловьева, 2000; Семенов, 2008; Айзенштат, 2009), а оценки – более позитивными. Наиболее подробно о Кларке писал А.Б. Соколов, отметивший, что о бурной дискуссии по поводу его работ, «к сожалению, почти неизвестно в нашей историографии» (Соколов, 2012: 333). Эта ситуация резко контрастирует с положением, сложившимся в современной западной историографии. Его весьма красноречиво характеризует высказывание Дж. Блэка: «В какой бы точке земного шара не встретились два специалиста по британской истории XVIII в., они не могут обойтись без обсуждения Дж. Кларка и его трудов» (Black, 1988: 51). В занимающей почти тысячу страниц коллективной монографии под редакцией М. Бентли, прослеживающей развитие историографии с древнейших времен до современности, Дж. Кларку отведено чуть более трех из них, что свидетельствует о значимости этой фигуры. Долгое время преподававший в Кембридже и Оксфорде, а ныне являющийся профессором английской истории в Канзасском университете Дж. Кларк характеризуется как исследователь «ревизионистской школы», склонной к радикальному пересмотру устоявшихся концепций, и в то же время по причине постоянных язвительных нападок на коллег как «возможно, заслуживший наибольшую ненависть современный историк». Отмечено, что его взгляд на английскую историю никем не был принят полностью, хотя некоторые исследователи разделили его частично (Companion, 1997: 373).

В трудах Дж. Кларка сформулировано много оригинальных, но чрезвычайно спорных идей и тезисов. Например, Американская революция США интерпретируется им как продолжение конфликта XVII в. между англичанами и радикальными протестантами, перенесенного в Новый Свет (Clark, 1994). Концепция секуляризации объявляется Кларком полностью иллюзорной, поскольку упадка социальной, политической значимости религии, религиозных институтов как общей тенденции, по его мнению, не существует (Clark, 2012). В данной статье будет рассмотрен только один из сформулированных Кларком концептов – «конфессионального государства», вызвавший наибольший отклик в англоязычной исследовательской среде.

4. Результаты

Идея «конфессионального государства» развивается Кларком прежде всего в вышедшей двумя изданиями монографии «Английское общество. Идеология, социальная структура и политическая практика при старом порядке» (Clark, 1985; Clark, 2000). Это понятие распространяется автором на весьма длительный период английской истории, который, благодаря, в том числе, и его усилиям, называют «долгим XVIII веком». Здесь получила продолжение линия, начатая Ф. Броделем и Э. Хобсбоумом, использовавшими с целью обозначения определенного периода исторического развития, выходящего за рамки календарного столетия, понятия «долгий XVI век» и «долгий XIX век».

В первом издании «Английского общества» в качестве точки отсчета «долгого XVIII века» Кларком берется «Славная революция» 1688–1689 гг., во втором – реставрация монархии и возвращение династии Стюартов (1660). Конечная дата, 1832 г. – осуществление первой парламентской реформы, остается неизменной. В любом случае, историк полагает уместным использование применительно к Англии этого времени термина «старый порядок» (Ancien Regime), появившегося в годы Французской революции и употреблявшегося первоначально для характеристики предшествовавшего ей строя, а затем – и при рассмотрении европейских абсолютистских режимов XVIII века.

Первое издание «Английского общества», имевшее острополюемический характер, было направлено против представителей «вигской интерпретации истории» (Г. Баттерфилд, Л. Нэмир и др.) и историков, близких к марксистскому направлению (К. Хилл, Э. Хобсбоум). Первых Кларк критикует за стремление рассматривать «долгий XVIII век» сквозь призму викторианской эпохи, видя в нем «прогресс», развитие рационализма, конституционных форм и либеральных идей. Вторые

же, по его мнению, абсолютизировали социально-экономические моменты, в частности урбанизацию и индустриализацию, уровень капиталистического развития страны в целом (Clark, 1985: 3-11).

Напротив, по мнению Кларка, английское общество рассматриваемого периода обладало следующими важнейшими характеристиками: оно было англиканским, аристократическим и монархическим (Clark, 1985: 7). Как он полагает, историки сильно преувеличили степень ограниченности института монархии, культурная гегемония «сельских джентльменов» была неоспорима, а Церковь Англии являлась важнейшим цементирующим «старый порядок» институтом (Clark, 1985: 70-103, 122-132, 265-273), именно ей, как и религии в целом, Кларк уделяет первостепенное внимание. Эта тенденция обозначилась им в опубликованном еще в 1984 г. большом обзоре книг по проблемам британской социальной истории XVIII в. Он проникнут мыслью о необходимости при осуществлении исторического анализа отдавать приоритет видению современниками происходящих событий, отказаться от доминирования экономической каузальности и интегрировать религию в социальную историю (Clark, 1984).

В «Английском обществе» Кларк уже выдвигает тезис о том, что на протяжении всего «долгого XVIII века» Англия была «конфессиональным государством», в котором приоритет и влияние Церкви Англии были неоспоримыми. Однако авторитет Церкви подтачивался радикальными протестантами – диссентерами (нонконформистами), пользовавшимися, согласно «Акту о веротерпимости» (1689), свободой вероисповедания. Именно в диссентерах, особенно антитринитариях, Кларк видит основную движущую силу борьбы за изменение «старого порядка» (Clark, 1985: 69, 277). Зародившееся в последней трети XVIII в. радикальное движение, конечной целью которого была реформа избирательной системы, представляло собой, по мнению британского историка, преимущественно религиозный, а не светский феномен (Clark, 1985: 278).

Парламентскую реформу 1832 г. Кларк отказывается признать ее закономерным результатом продвижения либеральной точки зрения: «разрушение англикано-аристократической гегемонии в 1828–1832 гг. было отнюдь не неизбежным» (Clark, 1985: 383). Он отводит важнейшую роль субъективному фактору: расколу в рядах правивших на протяжении нескольких десятилетий тори (он именуется «внутренним предательством»), открывшему дорогу к власти вигам, из конъюнктурных соображений выдвинувшим лозунг парламентской реформы (Clark, 1985: 409). Поддерживая сформулированную еще в 1950-е гг. Дж. Бестом концепцию «конституционной революции» 1828–1832 гг. (Best, 1959), Кларк полагает более значимыми ее первые два акта – отмену «Актов о проверке и корпорациях», ограничивавших права диссентеров (1828), и эмансипацию (наделение избирательными правами) католиков (1829), поскольку именно они разрушили «конфессиональное государство» (Clark, 1985: 419).

Таким образом, согласно Кларку, основными противостоящими друг другу силами на протяжении «долгого XVIII века» были государственная церковь – важнейшая несущая конструкция «старого порядка» – и ее приверженцы, с одной стороны, а с другой – противники «конфессионального государства» – диссентеры (Clark, 1985: 324, 383, 400-419).

Естественно, столь критически заостренная монография, автор которой не только открыто объявил себя «ревизионистом» (Clark, 1985: 1), но и поставил задачу «разрушить привычные представления об Англии XVIII в. как эпохе буржуазного индивидуализма» (Clark, 1985: IX-X), не могла не вызвать полемических откликов. Наиболее развернутый из них последовал со стороны преподавателя Оксфордского университета Дж. Иннес, специализирующейся на изучении социальной истории Британии. Ее обзор книги Кларка был опубликован в мае 1987 г. на страницах журнала «Паст энд презент», находившегося под сильным влиянием историков левой ориентации. Признав справедливость некоторых упреков Кларка в адрес своих предшественников, Иннес вместе с тем отвергла его общую концепцию. По ее мнению, историк представил на страницах книги не объемную панораму картины бурно развивающегося общества, а «маленькую» пасторальную Англию, несомненно, существовавшую, но в весьма ограниченном масштабе (Innes, 1987: 199-200). Применение Кларком к Англии понятий «старый порядок» и «конфессиональное государство» Иннес также считает необоснованным. Она подчеркивает: «Взгляд сквозь религиозную призму позволяет обнаружить некоторые важные вещи. Но он способен дать далеко не полную, а иногда и искаженную картину» (Innes, 1987: 193). Если даже диссентерская неортодоксальность относительно англиканства и политический радикализм были тесно связаны, то это еще не означает, что первое определяло второе. В движении за реформы участвовали и англикане, в том числе представители духовенства, а само оно было порождено целым комплексом причин нерелигиозного характера: высоким налогообложением, стремлением исправить недостатки административно-управленческой системы, искоренить коррупцию и др. (Innes, 1987: 189-190).

По мнению Иннес, не имеется свидетельств того, что англичане ощущали себя живущими в «конфессиональном государстве». Существовавшая монополия англикан на занятие должностей подвергалась эрозии, что вызывало периодические кампании под лозунгом «Церковь в опасности!» (Innes, 1987: 189). Хотя официальные рамки религиозной терпимости были достаточно узкими, на практике она была значительно шире (Innes, 1987: 192). Поэтому стремление Кларка представить

историю «долгого XVIII века» как религиозное противостояние англикан и нонконформистов кажется Иннес совершенно неосновательным.

Кларк не стал медлить с ответом, который успел попасть в ноябрьский 1987 г. выпуск «Паст энд презент». Он откровенно заявил, что рассматривает свои книги «как набор гипотез, которые могут быть подвергнуты критике и усовершенствованы последующими исследованиями» (Clark, 1987: 195). Историк подчеркнул отсутствие стремления «открывать Америку» и создавать целостную социальную историю Англии соответствующего периода. Он желал лишь обратиться к темам, которые представлялись ему важными и обойденными исследовательским вниманием (Clark, 1987: 195-196). Такие понятия, как «старый порядок», «аристократическое общество», «конфессиональное государство», объяснил Кларк, использовались им не как четкие категории, а как возможные обозначения, а потому он не стремился к законченным дефинициям (Clark, 1987: 198-199). Не отказываясь от употребления понятия «конфессиональное государство», Кларк тем не менее параллельно использовал другую, менее жесткую формулировку: «почти конфессиональное государство» (Clark, 1987: 199), говоря пока и об официальной монополии англиканства, и о его культурной гегемонии. Соглашаясь с Иннес в том, что религию не стоит рассматривать в качестве ключа к пониманию всех проблем, он подчеркнул, что приоритетное внимание к ней может оказаться для историка настоящим окном в мир реальности (Clark, 1987: 204).

Активное обсуждение концепции Кларка, помимо многочисленных рецензий в газетах и журналах, продолжилось на страницах журнала «Парламентари пейпас», где были опубликованы материалы симпозиума, участники которого достаточно решительно осудили концепции Кларка, особенно идею применимости к Англии понятия «старый порядок» (Symposium..., 1988). В 1989 г. журнал «Альбион» отвел почти целый номер публикациям, под разными углами зрения рассматривавшим вопрос о существовании в Англии «конфессионального государства». Все они в той или иной степени отвергали концепт Кларка. Дж. Бредли, рассмотрев проповеди англиканских священников в период Войны за независимость США, пришел к выводу о существовании серьезного разрыва между пастырями, утверждавшими необходимость субординации и подчинения власти, и паствой, значительная часть которой отвергала эти идеи (Bradley, 1989). Дж. Мани также обратил внимание на большое различие во взглядах между теми, кого Кларк именует «клерикальной интеллигенцией», и рядовыми прихожанами. По его мнению, конфессиональные различия в политике не стоит преувеличивать (Money, 1989: 404). Эту же идею активно развил Дж. Филлипс. Обращаясь к опубликованным дневникам англиканских священников XVIII – начала XIX вв. (С. Скиннера, Дж. Вудфорда, С. Мэя и др.), он находит многочисленные примеры того, как «уважение (к священнику) легко сменялось пренебрежением» (Phillips, 1989: 448). Переход в ряды диссентеров, реальный или формальный, в некоторых случаях был вызван отнюдь не теологическими, а экономическими причинами: нежеланием делать взносы в пользу государственной церкви, платить десятину (Phillips, 1989: 434, 440-442). Поэтому, по мнению Филлипса, «конфессиональное государство» Кларка – «вымысел» (Phillips, 1989: 448).

Завершила же данный выпуск «Альбиона» статья самого Кларка под названием «Английский старый порядок и конфессиональное государство», целью которой была демонстрация неразрывности этих понятий. Кларк настаивает на том, что развитие промышленности, финансов и торговли и, соответственно, появившиеся вследствие этого социальные группы не создавали альтернативы «старому порядку», а скорее коррелировали с ним. Например, возникшее во второй половине XVIII века евангелическое движение в Церкви Англии, воспринятое «средним классом», включало в себя элементы традиционной англиканской практики и вполне сочеталось с гегемонией традиционной элиты (Clark, 1989: 454).

Пытаясь объяснить, какой смысл он вкладывает в понятие «конфессиональное государство», Кларк избирает апофатический метод, отвергая такие его характеристики, как принадлежность всего населения страны к одной церкви, постоянное посещение им храмов этой церкви, полный контроль духовенства над общественной мыслью. Этим параметрам, возможно, соответствовало государство, сохранявшееся до конца средневековой эпохи, но не позже (Clark, 1989: 458). В то же время Кларк избежал четкого формулирования тезиса о том, что же именно он понимает под английским «конфессиональным государством». Из его рассуждений, сопровождающихся ссылками на свидетельства современников, в том числе принадлежавших к «среднему классу», можно заключить, что центральным моментом является англиканская «гегемония», причем не столько юридическая, сколько культурная, и признание ее большей частью общества (Clark, 1989: 454-468).

Дальнейшие уточнения были сделаны Кларком в 1992 г. Если в предшествующей статье акцент был сделан на англиканской «культурной гегемонии», то теперь ее рамки фактически расширяются еще больше и внимание обращается на сплочение всех английских христиан в ответ на вызовы Французской революции (Clark, 1992: 138). Выводы о постепенном падении значимости религиозных аргументов в политической риторике под влиянием секуляризации, сделанные в опубликованной в 1989 г. монографии Р. Хола (Hole, 1989), Кларк решительно отверг (Clark, 1992: 138). Признавая, что система «конфессионального государства» «не была в полном порядке» к 1832 г., исследователь по-прежнему считает «конституционную революцию» отнюдь не результатом глубинных процессов,

а следствием определенной расстановки сил, достаточно неожиданно сложившейся в правящей элите (Clark, 1992: 137).

Наконец, во втором, значительно увеличенном по объему и несколько видоизмененном издании «Английского общества», концепция «конфессионального государства» подверглась дальнейшему смягчению. Теперь Кларк придает меньшее, чем ранее, значение культурной «гегемонии» англиканства, констатируя даже секулярность повседневной жизни (Clark, 2000: 30). Но при этом им отмечаются непопулярность атеизма, доминирование представлений о том, что именно религия является основанием законов, справедливого управления, свободы, общественной морали и благочестия (Clark, 2000: 26-34). В новом издании книги Кларк, оценивая результаты «конституционной революции», убрал слова о «неожиданном внутреннем предательстве» (раскол тори) как второй, наряду с «постепенной эрозией социальной, религиозной и политической гегемонии», ее существенной причине, заменив их менее определенной формулировкой «неожиданный коллапс» (Clark, 2000:548). Однако тезис о корреляции политических конфликтов с англикано-диссентерским противостоянием сохранился в полной мере. Конфессиональная принадлежность рассматривается Кларком как наиболее значимый фактор, повлиявший на электоральное поведение в период борьбы за парламентскую реформу 1832 г. (Clark, 2000: 30, 548).

На протяжении конца XX – начала XXI вв. концепты Кларка о «конфессиональном государстве» и «старом порядке» продолжали бурно обсуждаться. Профессор истории в Манчестерском университете Ф. О'Горман, в отличие от Филлипса, считает «конфессиональное государство» не «вымыслом», а реально существовавшим феноменом, но только до начала XVIII в. (O'Gorman, 2016: 172). В дальнейшем, после прихода к власти вигов и принятия «Акт об освобождении от ответственности» (начиная с 1710-х гг.), приоткрывших для диссентеров возможность участвовать в политической жизни, «конфессиональное государство» стало уходить в прошлое (одна из глав монографии О'Гормана носит название «Отступление от конфессионального государства, 1756–1820» (O'Gorman, 2016: 303). Ревизионизм Кларка, по мнению О'Гормана, явился «здоровой коррекцией» существовавшей недооценки роли англиканства и лояльности по отношению к нему (O'Gorman, 2016: 178). Подрывали конфессиональное государство скорее не внешние факторы – секуляризм, урбанизация, радикальный реформизм, а внутренние – развитие деизма, светский контроль над назначением на церковные должности, «самодовольство», появление методистского и евангелического движений (O'Gorman, 2016: 179).

О'Горман отказывается от рассматривания нонконформистов, подобно Кларку, в качестве важнейшей силы, оппонировавшей «старому порядку». По его мнению, в событиях 1831–1832 гг. решающую роль сыграл альянс диссентеров, принадлежавших к «среднему классу», вигов и агитаторов из низших слоев населения (O'Gorman, 2016: 172-173, 177-178, 261, 315-316). В другой работе, специально посвященной концепту «старого порядка», О'Горман критиковал Кларка более решительно, отвергая в том числе и идею «конфессионального государства», делая акцент на том, что она присутствовала главным образом в сознании тех, кто верил в его существование: духовенства георгианской Англии и части правящей элиты (O'Gorman, 1998: 32-33).

Американский исследователь Р. Дэвис отдает должное блестящей эрудиции Кларка, видя его заслугу в фокусировании внимания на роли религии в «долгом XVIII веке» (Davis, 1990: 48). Но если Кларк обвиняет своих предшественников в экономическом редуционизме, то ему можно бросить упрек в редуционизме теологическом (Davis, 1990: 41). Признавая связь между диссентерством и политическим радикализмом, Дэвис видит ее в том, что нонконформисты, являясь частью «среднего класса», выражали его стремление к реформам в наиболее решительной форме (Davis, 1990: 43).

К несколько иной аргументации прибегает признанный специалист по социокультурной истории Англии «долгого XVIII века» П. Корфилд. Несмотря на то, что Церковь Англии, будучи, несомненно, «Церковью большинства», не обладала инструментами для принудительного установления своего доминирования, поэтому ничего похожего на абсолютистское «конфессиональное государство» не существовало (Corfield, 1995: 14-15). Напротив, можно говорить о существовании в Англии значительного религиозного плюрализма, отмеченного в том числе такими современниками, как австрийские монархи Мария-Терезия и Иосиф II (Corfield, 1995: 16-17). Поэтому, по мнению Корфилд, реалиям XVIII в. соответствовала следующая конструкция: «плюралистическое общество и не-деноминационное протестантское государство, в котором, по крайней мере в теории, существовала конфессиональная исполнительная власть» (Corfield, 1995: 17-18).

Гораздо более комплиментарно оценил «Английское общество» профессор Эксетерского университета Дж. Блэк, подчеркнув, что Кларк «выдвинул смелый тезис, побуждающий к дебатам, и помог обратить внимание на ряд важных малоисследованных тем» (Black, 1988: 51). Считая вполне допустимым применение к Англии термина «старый порядок», естественно, с оговорками о наличии здесь его особой модели, Блэк отмечает выявление Кларком значительного влияния англиканской идеологии как на приходском, так и на законодательном уровне (Black, 1988: 49). Блэк осуществляет компаративный анализ концепций Кларка и Л. Колли, которая в работе «Британцы: изобретение нации» подчеркнула интегрирующую роль протестантизма, сплотившего в своем антикатолическом варианте англичан, шотландцев, валлийцев в единое целое и ставшего фундаментом британской

идентичности (Colley, 1992). Блэк полагает, что обе концепции страдают односторонностью: подобно тому как Кларк фактически проигнорировал феномен антикатолицизма, считая определяющими англикано-диссентерские противоречия, Колли предпочла их не заметить и склонилась к абсолютизации протестантской гомогенности (Black, 1998: 54-63). В действительности же, по мнению Блэка, в зависимости от ситуации на передний план выходили то одни, то другие конфессиональные противостояния, а подведение под национальную идентичность как англиканского (Кларк), так и протестантского (Колли) фундамента является слишком прямолинейным шагом (Black, 1998: 64).

Тему «протестантского государства» развивает Э. Томпсон. Он справедливо отмечает, что интересы Кларка сосредоточены на изучении того, во что люди верили и о чем думали, тогда как его оппоненты концентрировались на изучении того, что они делали в действительности (Thompson, 2007: 88). И если английским реалиям термин «конфессиональное (англиканское) государство» хотя бы в некоторой степени соответствует, то к Британии в целом он совершенно не применим (Thompson, 2007: 89-95). Здесь, помня о наличии диссентеров и государственной кальвинистской Церкви в Шотландии, имеет смысл говорить о «протестантском государстве», противостоявшем европейским католическим странам, в первую очередь – Франции (Thompson, 2007: 96-106). Таким образом, по мнению Томпсона, в области британской внешней политики именно протестантизм, а не просто англиканство, являлся точкой опоры (Thompson, 2007: 108-109).

5. Заключение

Несмотря на то, что с момента первого издания «Английского общества» прошло уже более тридцати лет, обсуждение выдвинутых Кларком концептов «старого порядка» и «конфессионального государства» продолжается. В последнее время оно находит выражение преимущественно в формулировании своего отношения к ним практически любым автором, пишущим о проблемах английской истории «долгого XVIII века». Если верить словам Кларка о том, что его целью было выдвижение гипотез, порождающих дискуссию и стимулирующих дальнейшие научные изыскания, то она была достигнута, причем блестящим образом. В середине прошлого столетия Дж. Китсон Кларк призывал «вернуть религию ... в картину жизни Англии XIX века» (Kitson Clark, 1962: 25), и во многом благодаря Джонатану Кларку это возвращение состоялось.

Можно согласиться с теми историками, которые упрекают Кларка в абсолютизации роли религиозного фактора. Немногие исследователи (У. Гибсон, Н. Йетс (Gibson, 1995; Yates, 2014: 198-199) разделяют его концепт «конфессионального государства» как культурно-политической гегемонии англиканских воззрений или рассматривают теологические воззрения диссентеров как важнейшую причину их оппозиционности «старому порядку» (Э. Уотерман (Waterman, 2004: 47-54)). Как мы могли убедиться, взгляды самого Кларка на «конфессиональное государство» претерпели определенную эволюцию. Возможно, более соответствующим действительности был бы термин «полуконфессиональное государство», употребленный Дж. Бестом еще в 1950-е гг. (Best, 1959: 229) и подчеркивающий, с одной стороны, государственный статус и доминирующее положение Церкви Англии, а с другой – наличие достаточно широкой веротерпимости. Важными представляются и попытки некоторых авторов, в частности П. Корфилд, предложить новые формулировки для характеристики сложившейся в Англии «долгого XVIII века» конфессиональной ситуации.

Но главное, на наш взгляд, заключается в другом. Как отмечает Н. Эстон, несмотря на дискуссионность концепции Кларка, «его влияние оказалось значительным, и теперь любая попытка оспорить тезис о том, что религия занимала центральное место в георгианской Англии, выглядит по меньшей мере странно» (Aston, 2017: 52). Дж. Сэк, принимающий концепт конфессионального государства лишь частично, тем не менее пишет о «кларкитской революции» в историографии (Sack, 1993: 36). Действительно, появившиеся в последние три десятилетия труды англоязычных авторов (достаточно упомянуть имена Б. Хилтона, Ф. О'Гормана, Дж. Сэка, Э. Уотермана) свидетельствуют о том, что время, когда религия в эпоху «долгого XVIII века» рассматривалась как нечто маргинальное, безвозвратно прошло, уступив место эпохе синтетических трудов, в которых политика, культура, теология, экономика рассматриваются как части единого комплекса. Заслуга в этом Дж. Кларка выглядит несомненной. Можно выразить надежду на то, что знакомство с трудами и концепциями Дж. Кларка окажет стимулирующее воздействие и на отечественное англоведение.

6. Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 18-011-00241 «От эрастианизма к трактарианизму: Церковь Англии в конце XVIII – первой половине XIX вв.».

Литература

Айзенштат, 2009 – Айзенштат М.П. Власть и общество Британии 1750–1850 гг. М.: ИВИ РАН, 2009. 398 с.

Семенов, 2008 – Семенов С.Б. Радикальное движение и борьба за парламентскую реформу в Англии во второй половине XVIII в. Самара: Издательство Самарского государственного педагогического университета, 2008. 360 с.

- Согрин и др., 1991** – Согрин В.В., Зверева Г.И., Репина Л.П. Современная историография Великобритании. М.: Наука, 1991. 226 с.
- Соколов, 2012** – Соколов А.Б. «Замечательный и нередкий пример запутанности мыслей»: о статье М.И. Бацера «Две английские революции» как историографическая проблема // *Диалог со временем*. 2012. Вып. 38. С. 324-342.
- Соловьева, 2000** – Соловьева Т.С. Религиозная политика либеральных тори в Англии (20-е гг. XIX в.) М.: МГУ, 2000. 222 с.
- Aston, 2017** – Aston N. High Church Presence and Persistence in the Reign of George III (1760–1811) // *The Oxford Handbook of the Oxford movement* / Brown S., Nockles P., Pereiro J. Eds. Oxford: University Press, 2017. Pp. 52-66. 666 p.
- Best, 1959** – Best G.F.A. The Constitutional Revolution, 1828-1832, and its consequences for the Established Church // *Theology*. 1959. Vol. 62. № 468. Pp. 226-234.
- Black, 1988** – Black J. England's Ancien Regime? // *History Today*. 1988. Vol. 38. № 3. Pp. 43-51.
- Black, 1998** – Black J. Confessional State or Elect nation? Religion and Identity in Eighteenth-Century England // *Protestantism and National Identity, 1650–1850*. Claydon T., McBride I. – eds. Cambridge: University Press, 1998. Pp. 53-74. 317 p.
- Bradley, 1989** – Bradley J. The Anglican Pulpit, the Social Order, and the Resurgence of Toryism during the American Revolution // *Albion*. 1989. Vol. 21. pp. 361-388.
- Clark, 1984** – Clark J.C.D. Review: Eighteenth-Century Social History // *The Historical Journal*. 1984. Vol. 27. № 3. pp. 773-788.
- Clark, 1985** – Clark J.C.D. English Society, 1688 – 1832. Ideology, Social Structure and Political Practice during the Ancien Regime. Cambridge, 1985. xiii + 449 p.
- Clark, 1987** – Clark J.C.D. On Hitting the Buffers: The Historiography of England's Ancien Regime. A Response // *Past and Present*. 1987. № 117. pp. 195-207.
- Clark, 1989** – Clark J.C.D. England's Ancien Regime as a Confessional State // *Albion*. 1989. Vol. 21. pp. 450-474.
- Clark, 1992** – Clark J.C.D. Reconceptualizing Eighteenth-Century England // *British Journal for Eighteenth-Century Studies*. 1992. Vol. 15. Pp. 135-39.
- Clark, 1994** – Clark J.C.D. The Language of Liberty 1660–1832: Political Discourse and Social Dynamics in the Anglo-American World. Cambridge: University Press, 1994. 404 p.
- Clark, 2000** – Clark J.C.D. English Society, 1660-1832: Religion, Ideology, and Politics during the Ancien Regime. Cambridge: University Press, 2000. xii +596 p.
- Clark, 2012** – Clark J.C.D. Secularization and Modernization: the failure of a “Grand Narrative” // *The Historical Journal*. 2012. Vol. 55. Pp. 161-94.
- Colley 1992** – Colley L. Britons: Forging the Nation, 1707-1837. Yale: University Press, 1992. 442 p.
- Companion, 1997** – Companion to Historiography. Bentley M. Ed. London: Routledge, 1997. 1024 p.
- Corfield, 1995** – Corfield P. Georgian England: One State, Many Faiths // *History Today*. 1995. Vol. 45. Pp. 14-21.
- Davis, 1990** – Davis R.W. The Politics of the Confessional State, 1760-1832 // *Parliamentary History*. 1990. Vol. 9. Pp. 38-49.
- Gibson, 1995** – Gibson W. The Achievement of the Anglican Church, 1689-1800: The Confessional State in Eighteenth-Century England. Lewiston: Edwin Mellen, 1995. 231 p.
- Hole, 1989** – Hole R. Pulpits, Politics and Public Order in England, 1760–1832. Cambridge: University Press, 1989. 326 p.
- Innes, 1987** – Innes J. Jonathan Clark, Social History and England's “Ancien Regime”. Review article // *Past and Present*. 1987. № 115. pp. 165-200.
- Kitson Clark, 1962** – Kitson Clark G. The Making of Victorian England. London: Routledge, 1962. 328 p.
- Money, 1989** – Money J. Provincialism and The English «Ancien Regime»: Samuel Pipe-Wolferstan and «The Confessional State», 1776-1820 // *Albion*. 1989. Vol. 21. pp. 389-425.
- Phillips, 1989** – Phillips J. The Social Calculus: Deference and Defiance in Later Georgian England // *Albion*. 1989. Vol. 21. pp. 426-449.
- O’Gorman, 1998** – O’Gorman F. Eighteenth-Century England as an Ancien Régime // *Hanoverian Britain and Empire: Essays in Memory of Philip Lawson*. Taylor S., Connors R., Jones C. – eds. Rochester, N.Y.: Boydell & Brewer. 1998. Pp. 23-36. 348 p.
- O’Gorman, 2016** – O’Gorman F. The Long XVIII Century: British political and social history, 1688-1832. London: Bloomsbury, 2016. 460 p.
- Sack, 1993** – Sack J. From Jacobite to Conservative: Reaction and Orthodoxy in Britain, c. 1760–1832. New York: Cambridge: University Press, 1993. 292 p.
- Symposium..., 1988** – Symposium: Revolution and Revisionism // *Parliamentary History*. 1988. Vol. 7. Part 2. pp. 328-338.
- Thompson, 2007** – Thompson A. Early Eighteenth-century Britain as a Confessional State // *Cultures of Power in Europe During the Long Eighteenth Century*. Scott H., Simms B. – eds. Cambridge: University Press, 2007. pp. 86-109. 382 p.

Waterman, 2004 – Waterman A.M.C. Political economy and Christian theology since the Enlightenment. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. 333 p.

Yates, 2014 – Yates N. Eighteenth-Century Britain: Religion and Politics, 1714-1815. London: Routledge, 2014. 272 p.

References

Aizenshtat, 2009 – Aizenshtat M.P. (2009). Vlast' i obshchestvo Britanii 1750–1850 gg. [Power and Society in Britain 1750-1850]. M.: Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, 398 p. [in Russian]

Aston, 2017 – Aston N. (2017). High Church Presence and Persistence in the Reign of George III (1760–1811). The Oxford Handbook of the Oxford movement. Brown S., Nockles P., Pereiro J. Eds. Oxford: University Press, pp. 52-66. 666 p.

Best, 1959 – Best G.F.A. (1959). The Constitutional Revolution, 1828-1832, and its consequences for the Established Church. *Theology*. Vol. 62. № 468. Pp. 226-234.

Black, 1988 – Black J. (1988) England's Ancien Regime? *History Today*. Vol. 38. № 3. Pp. 43-51.

Black, 1998 – Black J. (1998). Confessional State or Elect nation? Religion and Identity in Eighteenth-Century England // Protestantism and National Identity, 1650–1850. Claydon T., McBride I. Eds. Cambridge: University Press, pp. 53-74. 317 p.

Bradley, 1989 – Bradley J. (1989). The Anglican Pulpit, the Social Order, and the Resurgence of Toryism during the American Revolution. *Albion*. Vol. 21. Pp. 361-388.

Clark, 1984 – Clark J.C.D. (1984). Review: Eighteenth-Century Social History. *The Historical Journal*. Vol. 27. № 3. pp. 773-788.

Clark, 1985 – Clark J.C.D. (1985). English Society, 1688 – 1832. Ideology, Social Structure and Political Practice during the Ancien Regime. Cambridge, xiii + 449 p.

Clark, 1987 – Clark J.C.D. (1987). On Hitting the Buffers: The Historiography of England's Ancien Regime. A Response. *Past and Present*. №. 117. pp. 195-207.

Clark, 1989 – Clark J.C.D. (1989). England's Ancien Regime as a Confessional State. *Albion*. Vol. 21. Pp. 450-474.

Clark, 1992 – Clark J.C.D. (1992). Reconceptualizing Eighteenth-Century England. *British Journal for Eighteenth-Century Studies*. Vol. 15. Pp. 135-39.

Clark, 1994 – Clark J.C.D. (1994). The Language of Liberty 1660–1832: Political Discourse and Social Dynamics in the Anglo-American World. Cambridge: University Press, 404 p.

Clark, 2000 – Clark J.C.D. (2000). English Society, 1660-1832: Religion, Ideology, and Politics during the Ancien Regime. Cambridge: University Press, xii +596 p.

Clark, 2012 – Clark J.C.D. (2012). Secularization and Modernization: the failure of a “Grand Narrative”. *The Historical Journal*. Vol. 55. Pp. 161-94.

Colley 1992 – Colley L. (1992). Britons: Forging the Nation, 1707-1837. Yale: University Press, 442 p.

Companion, 1997 – Companion to Historiography (1997). Bentley M.- ed. London: Routledge, 1024 p.

Corfield, 1995 – Corfield P. (1995). Georgian England: One State, Many Faiths // *History Today*. Vol. 45. pp. 14-21.

Davis, 1990 – Davis R.W. (1990). The Politics of the Confessional State, 1760-1832. *Parliamentary History*. Vol. 9. pp. 38-49.

Gibson, 1995 – Gibson W. (1995). The Achievement of the Anglican Church, 1689-1800: The Confessional State in Eighteenth-Century England. Lewiston: Edwin Mellen, 231 p.

Hole, 1989 – Hole R. (1989). Pulpits, Politics and Public Order in England, 1760–1832. Cambridge: University Press, 326 p.

Innes, 1987 – Innes J. (1987). Jonathan Clark, Social History and England's “Ancien Regime”. Review article. *Past and Present*. № 115. Pp. 165-200.

Kitson Clark, 1962 – Kitson Clark G. (1962). The Making of Victorian England. London: Routledge, 328 p.

Money, 1989 – Money J. (1989). Provincialism and The English «Ancien Regime»: Samuel Pipe-Wolferstan and «The Confessional State», 1776-1820. *Albion*. Vol. 21. pp. 389-425.

O’Gorman, 1998 – O’Gorman F. (1998). Eighteenth-Century England as an Ancien Régime. Hanoverian Britain and Empire: Essays in Memory of Philip Lawson. Taylor S., Connors R., Jones C. Eds. Rochester, N.Y.: Boydell & Brewer. Pp. 23-36. 348 p.

O’Gorman, 2016 – O’Gorman F. (2016). The Long XVIII Century: British political and social history, 1688-1832. London: Bloomsbury, 460 p.

Phillips, 1989 – Phillips J. (1989). The Social Calculus: Deference and Defiance in Later Georgian England // *Albion*. Vol. 21. pp. 426-449.

Sack, 1993 – Sack J. (1993). From Jacobite to Conservative: Reaction and Orthodoxy in Britain, c. 1760–1832. New York: Cambridge: University Press, 292 p.

Semenov, 2008 – Semenov S.B. (2008). Radikal'noe dvizhenie i bor'ba za parlamentskuyu reformu v Anglii vo vtoroi polovine XVIII v. [The radical movement and the struggle for Parliamentary reform in

England in the second half of the XVIII century Samara: Izdatel'stvo Samarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 360 p. [in Russian]

Sogrin et al., 1991 – Sogrin V.V., Zvereva G. I., Repina L. P. (1991). *Sovremennaya istoriografiya Velikobritanii*. [Contemporary historiography of Great Britain]. M.: Nauka, 226 p. [in Russian]

Sokolov, 2012 – Sokolov A. B. (2012). «Zamechatel'nyi i neredkii primer zaputannosti myslei»: o stat'e M.I. Batsera «Dve angliiskie revolyutsii» kak istoriograficheskaya problema» [“A wonderful and non uncommon example of confusion of thoughts”: About the article by M. I. Bacer's "Two English Revolutions" as a Historiographical Problem"]. *Dialog so vremenem*. Is. 38. Pp. 324-342. [in Russian]

Solovyova, 2000 – Solovyova T. S. (2000). *Religioznaya politika liberal'nykh tori v Anglii (20-e gg. XIX v.)* [The Religious Policy of the Liberal Tories in England in 1820 s.]. M.: Moskow State University, 222 p. [in Russian]

Symposium..., 1988 – Symposium: Revolution and Revisionism (1988). *Parliamentary History*. Vol. 7. Part 2. Pp. 328-338.

Thompson, 2007 – Thompson A. (2007). *Early Eighteenth-century Britain as a Confessional State // Cultures of Power in Europe During the Long Eighteenth Century*. Scott H., Simms B. Eds. Cambridge: University Press, pp. 86-109. 382 p.

Waterman, 2004 – Waterman A.M.C. (2004). *Political economy and Christian theology since the Enlightenment*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 333 p.

Yates, 2014 – Yates N. (2014). *Eighteenth-Century Britain: Religion and Politics, 1714-1815*. London: Routledge, 272 p.

«Конфессиональное государство» Джонатана Кларка: концепт и дискуссия

Михаил Станиславович Стецкевич ^a, Татьяна Витаутасовна Чумакова ^{a,*}, Елена Сергеевна Стецкевич ^b

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

^b Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российская Федерация

Аннотация. Имя британского историка Джонатана Кларка в России известно только специалистам по английской истории XVIII–XIX вв. Между тем его труды породили бурную дискуссию и привели к частичному пересмотру некоторых устоявшихся представлений. По мнению Кларка, в Англии «долгого XVIII века», длившегося с конца XVII в. до 1832 г., существовал «старый порядок», основанный на сохранявшейся сильной монархии, культурной гегемонии землевладельческой элиты и доминировании Англиканской церкви. Для его характеристики Кларк использует термин «конфессиональное государство». Главными оппонентами «конфессионального государства» Кларку представляются радикальные протестанты-диссентеры, противостояние которых «старому порядку» базировалось на теологических основаниях. Кларк был подвергнут жесткой критике за замену экономического редукционизма, против которого он решительно выступал, редукционизмом теологическим (Дж. Иннес, Р. Дэвис). Подчеркивалось, что оппозиционность диссентеров можно объяснить отнюдь не только теологическими причинами (Дж. Филлипс, Р. Дэвис). Ф. О'Горман, П. Корфилд, Э. Томпсон указывали Кларку, что «конфессиональное государство» не существовало в реальности. Дж. Бредли, Дж. Филлипс возражали против тезиса о «культурной гегемонии» англиканства. В конечном счете лишь немногие исследователи (Н. Йетс, У. Гибсон) проявили готовность поддержать концепт «конфессионального государства». Тем не менее, предельно заостренная концепция Кларка привела к серьезным историографическим сдвигам. Исследователи отказались от недооценки роли религии в эпоху «долгого XVIII века», приступив к созданию синтетических трудов, в которых политика, культура, теология, экономика рассматриваются как части единого комплекса.

Ключевые слова: Джонатан Кларк, религиоведение, конфессиональное государство, английская историография, Церковь Англии, диссентеры.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: t.chumakova@spbu.ru (Т.В. Чумакова)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 982-992. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.982
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Tax Receipts in Prikamye from House and Trade Baths in the 1720–1780s

Anna A. Kosmovskaya ^{a, b, *}

^a Perm State Institute of Culture, Russian Federation

^b Perm State Pharmaceutical Academy of the Ministry of Health of the Russian Federation, Russian Federation

Abstract

Tax revenues from house and trade baths were one of the salary fees in the 18th century. Taxes from commercial baths had a long history and were collected for several centuries. The taxes from the house baths were a tax innovation during the reign of Peter I, caused by the lack of funds in the budget. Taxes from the baths have not been studied in detail in historiography. The author of the article reconstructed the salary from house and trade baths on a specific territory of the Prikamye, characterizes the composition of taxpayers and assesses the amount of bath fees in the total amount of tax receipts to the provincial offices of the Kama region. Based on the available data, it was concluded that it is difficult to keep track of bath taxes in the offices, problems with the assessment of accounting objects and the presence of some arrears. The author of the article estimates the receipts from the baths as insignificant in the general structure of receipts of the provincial offices of Prikamye. Despite this, even in the 1760–1770s local officials kept a strict record of receipts from the baths. The tax from house baths was abolished in 1775, trade baths continued to be paid at a later time, although the share of monetary receipts was less than 1 % of the budget of local authorities. The long existence of various small fees is explained by the desire of the authorities to replenish the state budget by any means and the absence of a strict tax system in the 18th century. Numerous small fees could be called differently in different provinces of the empire, which made it difficult to record them and further cancel them locally.

Keywords: financial policy, Prikamye, 18th century, tax receipts, voivodship chancellery, Peter I, house baths, trade baths.

1. Введение

Активная внешняя политика при Петре I привела к росту государственных расходов. Прежняя финансовая система, сложившаяся еще в XVII в., уже не справлялась с новыми экономическими реалиями. Эксплуатация монетной регалии, функционирование государственных монополий на соль и алкогольные напитки, а также изобретение новых налогов, ненадолго увеличивавших поступления в бюджет, лишь частично покрывали затраты на войны и текущие государственные расходы. Правительство Петра I изыскивало все новые способы снабжения армии и флота, что определило в конечном итоге налоговую реформу по введению подушной подати.

Региональный аспект подобных сборов долгое время оставался в стороне от внимания исследователей. Последнее обстоятельство связано с трудоемкостью сбора информации по отдельным мелким окладным и неокладным сборам, фрагментарностью источниковой базы и зачастую ее слабой сохранностью. Анализ поступлений в бюджет по таким частным сборам позволяет исследователю не только оценить качество работы уездных канцелярий (собираемость налога, отсутствие недоимки), но и представить некоторые социальные аспекты налогообложения.

* Corresponding author

E-mail addresses: akosmovskaya@list.ru (A.A. Kosmovskaya)

Ряд источников, выявленных автором настоящей статьи, отображает социальный состав плательщиков в конкретном регионе – на территории Прикамья (Соликамский, Чердынский и Кунгурский уезды). Последние данные могут косвенно характеризовать социальную базу налогоплательщиков и обозначить дополнительные источники дохода уездного населения (например, содержание торговых бань).

Среди интересных налогов, которые пока что детально не рассматривались в историографии, существовали появившиеся в ходе петровских реформ сборы с домовых бань (другой вид сбора с бань – обложение торговых бань – был введен раньше).

Баннные сборы на протяжении XVIII в. претерпевали некоторую эволюцию. Рассмотрение количества налоговых поступлений с бань на территории Прикамья в 1720–1770 гг., оценка своевременности платежей и примерного состава плательщиков является целью данной статьи. Налоговые сборы были в юрисдикции местных органов власти – уездных канцелярий, которые возглавлялись воеводами. В исследуемый период на территории Прикамья существовали воеводские канцелярии в Соликамске и Кунгуре. 27 января 1781 г. Соликамская (с 1737 г. – Кунгурская, с 1766 г. – Пермская) провинция Казанской губернии вошла в состав созданного Пермского наместничества. Воеводы управляли Чердынским, Соликамским и Кунгурским уездами.

2. Материалы и методы

2.1. Исследование сборов с домовых и торговых бань на территории Прикамья предполагает использование материалов нескольких фондов РГАДА (Российского государственного архива древних актов).

Выбранный хронологический период обусловлен сохранностью источниковой базы и существованием исследуемого явления. Информация о сборах представлена в фондах 439, 444, 576, 955. Основными материалами, использованными в ходе анализа сборов, являются следующие документы: счетные выписки, годовые рапорты и рапорты отпусков, экстракты, счета, выписки из текущей документации, приходные и расходные книги, настольные реестры канцелярских сборов и другие. Информация, представленная в фондах, часто фрагментарна, за некоторые годы источники не сохранились. Несмотря на это, в целом оклад можно восстановить и определить своевременность платежей баннных сборов.

2.2. Методология представлена совокупностью общих и специальных методов исторического исследования. Содержание источников и их особенности определили применение сравнительно-сопоставительного метода, выявляющего содержание разнообразных материалов. Сравнительно-исторический метод использовался в процессе пространственно-горизонтального изучения документации Соликамской и Кунгурской (в дальнейшем – Пермской) канцелярий. Аналитический метод был применен при систематизации и оценке баннных сборов в конкретных местностях, а сравнительно-классификационный – в процессе исследования поступлений с налогооблагаемых объектов.

3. Обсуждение

Реформа подушной подати и реорганизация финансовых центральных институтов как важнейших составляющих новой экономической политики Петра I получили достаточно подробное рассмотрение в историографии. Подготовка финансовых реформ и их реализация в центральных учреждениях, а также доходная и расходная части государственного бюджета конца XVII – начала XVIII вв. были исследованы П.Н. Милюковым (Милюков, 1905). Подготовку подушной реформы, переписи населения и результаты изменения системы обложения в 1720-е гг. изучил Е.В. Анисимов (Анисимов, 1982). Гораздо слабее в отечественной историографии представлены отдельные виды налоговых поступлений, которые внедрялись Петром I для оперативного пополнения казны. При этом локальные сборы (на рыбные ловли, домовые бани, валежные и т.п.), которые поступили в ведомство Ижорской канцелярии, оказались живучими и просуществовали почти до губернской реформы Екатерины II. В материалах XVIII в. подобные мелкие сборы фигурируют под названием «канцелярских» (отсылка к канцеляриям, в которых они собирались). Количество мелких сборов было значительно (более 40), в различных губерниях они могли носить разные названия, что затрудняло их отмену. Попытку систематизации канцелярских сборов предпринял С.М. Троицкий. Он подразделял их на три основных вида: 1) промыслово-подходные налоги (с промыслов, с торговых бань и бань разночинцев и т.д.); 2) оброчные сборы или статьи (рыбные ловли, покосы, опять же торговые бани, положенные на оброк); 3) пошлины со сделок и т.д. (Троицкий, 1966: 192).

В зарубежной историографии представлена только общая характеристика налоговых сборов Российского государства в XVIII в. В работах Р. Gatrell (Gatrell, 2012), А. Kahan (Kahan, 1985), Ch. Tilly (Tilly, 1990) исследуются отдельные вопросы реформ налогообложения в контексте усиления централизации власти.

Вопросы общероссийского и регионального управления рассматривались в работах дореволюционных и современных специалистов, в частности Б.Н. Чичерина (Чичерин, 1856),

И.А. Андриевского (Андриевский, 1864), А.Д. Градовского (Градовский, 1868), Е.В. Анисимова (Анисимов, 1999).

Проблемы развития экономики Прикамья изучали Н.В. Устюгов (Устюгов, 1957) и А.А. Преображенский (Преображенский, 1972). Исследователи представили в своих работах общую картину развития Прикамья в эпоху формирования абсолютной монархии. А.Н. Куломзин характеризовал финансовую политику в царствование императрицы Екатерины II (Куломзин, 1880).

Специально налоговая политика Российского государства изучалась в трудах З.В. Дмитриевой, С.А. Козлова (Дмитриева, Козлов, 2019: 62-74), Л.А. Муравьевой (Муравьева, 2007: 90-98), А.А. Космовской (Космовская, 2018: 164-174). Функционирование домовых и торговых бань в XVIII в. анализировалось с позиции их необходимости для воинских частей (Дуров, 2013). Несмотря на наличие исследований, посвященных налоговым сборам в Российском государстве, сборы с домовых и торговых бань не получили детального рассмотрения в историографии.

4. Результаты

Для начала следует определиться с терминологией, которая встречается в источниках XVIII в. В документации воеводских канцелярий Прикамья существуют два вида налогооблагаемых объектов.

Первая категория – это традиционная домовая баня в виде хозяйственной постройки в селах и деревнях, посадах городов.

Вторая категория – торговые бани. Сборы с них отдавались на откуп в ходе публичных торгов. Подобные сборы существовали и до петровских реформ. Изначально денежные поступления с торговых бань учитывались в Приказе Большой казны, потом были переданы в Конюшенный приказ. После учреждения специальных органов для сбора оброчных денег, с 1704 г. сборы с бань поступили в Ижорскую (Ингерманландскую) канцелярию и Семеновскую приказную палату. Общее распоряжение о переоброке было сделано 21 января 1704 г., после чего отдельные виды оброка были переданы в заведование лицам, подчиненным Семеновской приказной палате (Милуков, 1905). Отдельные лица руководили различными канцеляриями: конской, мельничной, банной, рыбной, ясашной, медовой, постоялой. С учреждением специальных коллегий сборы банных денег стали учитываться в Камер-коллегии (ПСЗ. Т. V. № 3466, п. 14. С. 767). В Камер-коллегии (и ее одноименной наследнице, созданной в правление Анны Иоанновны) пытались привести в порядок запущенные финансовые дела и взыскать недоимки по сборам налогов. Неоднократные попытки составления точной отчетности о деятельности «прежней Камер-коллегии» успеха не имели.

Законодательная база для сборов с домовых бань начала формироваться в начале XVIII в. Указ Петра I от 9 февраля 1704 г. предписывал стольнику Алексею Синявину переписать «Всего Московского Государства» бани и установить новый окладный денежный оброк с их владельцев. С бояр, окольных чинных, думных дворян и гостей собирали по 3 руб., стольники, дворяне, купцы, дьяки и подьячие приказов, церковные чины, дети боярские и некоторые другие категории населения платили по 1 руб., а с крестьян сбор был минимальным – по 15 коп. в год. Штрафы для тех, кто без подачи информации в Ижорскую канцелярию, строил себе баню, составляли 50 руб. (Дуров, 2013: 61). Такие крупные сборы вызвали негативную реакцию плательщиков, что повлекло снижение оклада в течение нескольких последующих лет.

Указом от 5 января 1705 г. денежный оброк по 15 коп. с бани устанавливался для детей боярских, однодворцев, ямщиков, церковников, «маломочных и скудных служивых», драгун, пушкарей и «иных нижних чинов людей». Торговые люди, имевшие «пожитков» менее 50 руб., платили 15 коп., а 50 руб. и более – 1 руб. с бани в год (Дуров, 2013: 62).

Указ от 12 июня 1705 г. снижал оброк с домовых бань до 10 коп. с различных категорий крестьян. На следующий день, 13 июня 1705 г., согласно приговору А.Д. Меншикова, изменился порядок платежа. С домовой бани, у которой было несколько владельцев, собирали оброк как «с одного человека за одну баню» (ПСЗ. Т. IV. № 2058. С. 309; № 2060. С. 310).

В 1724 г. по окладным сборам «с домовых бань разночинцев» в Российской империи был получен доход в размере 40293,505 руб., а с крестьянских домовых бань – 26609,64 руб. (ПСЗ. Т. VII. № 4548. С. 340). В 1724 г. сбор денег с крестьянских домовых бань был отменен. Прочие категории плательщиков продолжали вносить сборы за домовые бани до 1775 г. Документация воеводских канцелярий Прикамья дает представление о сборах 1723–1775 гг.

К началу 1720-х гг. в местных канцеляриях отчетность представляла собой некую комбинацию счетных списков XVII в. и табличной отчетности XVIII в. Записи об оброке прослеживаются с 1723 г. в документации фонда 955. Несмотря на то, что еще в 1704–1705 гг. домовые бани (а торговые намного ранее) были переведены на оброк, царское правительство интересовалось новыми и старыми неучтенными объектами налогообложения.

11 декабря 1723 г. местным воеводам указывали, что в имениях баронов Строгановых некоторые «доходные бани... были неросписные и збору с них в казну не бывало» (РГАДА. Ф. 955. Оп. 1. Д. 3. Л. 35). Необходимо было неучтенные объекты налогообложения «описать и отдать на откуп охочим людям из наддачи с публичного торгу» (РГАДА. Ф. 955. Оп. 1. Д. 3. Л. 35). В городе Соликамске упоминаются остаточные от 1722 г. доходы «с мытья торговой бани» – 11,2 руб. Эти деньги могли

быть собраны либо в 1723 г., либо их не отправили в центральные учреждения после сбора 1722 г. На текущий 1723 г. с домовых бань было собрано 52 руб. (РГАДА. Ф. 955. Оп. 1. Д. 4. Л. 96об.-97).

Сведения об остатке подтверждаются косвенными данными в виде содержания книги записной входящих и исходящих бумаг. Ведение 5 января 1723 г. от целовальника Пантелея Казанцова рентмейстеру Дмитрию Сергеевичу Шетневу также содержит информацию о том, что «от прошлого 1722 г. остаточных денежной казны неокладных доходов в нынешней 1723 г. Соли Камской с мытья торговых бань 11 руб. 6 алтын 4 деньги» (11,2 руб.) (РГАДА. Ф. 955. Оп. 1. Д. 8. Л. 1).

Данные о середине 1720-х гг. представлены в счетных выписках «из книг 1725 г. денежной казны кроме золота и ясака провинции Соли Камской капитана рентмейстера Дмитрия Шетнева». Здесь местные счетчики не озадачились разделить оброчные сборы, внося их в одну категорию крепостных, поэтому оценить оклад не представляется возможным («на 1724 г. с оброчных домовых бань, с шустовских ленвенских варниц, рыбных ловель... – 339,02 руб.» (РГАДА. Ф. 955. Оп. 1. Д. 16. Л. 30об.).

В 1725 г. «с домовых бань, повалешные, печатные и другие мелкие пошлины» были собраны в размере 37,255 руб. (РГАДА. Ф. 955. Оп. 1. Д. 16. Л. 31об.). Это только часть сборов, которые потом продолжали поступать на протяжении года.

Документация 1730-х гг. дает возможность сделать выводы о размере окладов по всей территории Прикамья. Годовой оклад Кунгурского уезда составлял 43,4425 руб. с мытья торговых бань и 69 руб. с домовых рублевых бань (к тому времени крестьяне уже не платили и 10 коп. с домовой бани, поэтому данные платежи в основном собраны с чиновников и священнослужителей). Как собирались деньги, показывает [Таблица 1](#).

Таблица 1. Годовой экстракт рапорта Кунгурского воеводского правления канцелярии 1736 г. (РГАДА. Ф. 444. Оп. 1. Д. 102. Л. 170 об.-171)

Окладные сборы	Оклад годовой, руб.	Взято, руб.	Донять, руб.	С настоящим в сборе, руб.
С мытья торговых бань	43,4425	43,4425		43,4425
С домовых рублевых бань	69	64	5	64
Всего окладных	27946,5475	23366,71875	4579,82875	23504,39875

В общей структуре окладных доходов сборы с бань составляют 0,4 %.

Недоимочность практически не прослеживается (за прошлые 1732–1735 гг. она не показана), оставшиеся 5 руб. могли быть взяты и в текущем, и в будущем году. Возможно, отсутствие недостачи связано и с учетом бань в ходе правления Анны Иоанновны, и с временной приостановкой взимания недоимки.

Теперь реконструируем оклад Соликамской канцелярии. К ее юрисдикции относились Чердынский и Соликамский уезды с городами и часть владений знаменитой династии Строгановых.

В годовом рапорте 1738 г. показан оклад, а также отсутствие недоимки за прошлые 1732–1735 гг. ([Таблица 2](#)).

Таблица 2. Годовой экстракт Соликамской канцелярии 1738 г. (РГАДА. Ф. 444. Оп. 1. Д. 124. Л. 72-73)

	Оклад годовой, руб.	Взято, руб.	Донять, руб.	С настоящим в сборе, руб.
Окладные сборы	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.
С мытья торговых бань	42,4775	23,3025	19,175	23,3025
С домовых рублевых бань	21	21		21
Всего окладных	18984, 99875	16274,3325	2710,67125	16396,085

Согласно данным [Таблицы 2](#), оклад в Соликамском уезде составлял с торговых бань – 42,4775 руб., с домовых бань – 21 руб. Как и в Кунгурском уезде, сборы с бань составляют ничтожную сумму в окладе – 0,33 %.

Недобренные деньги потом досылались с выборными должностными лицами в воеводские канцелярии. Доношение № 13, поданное 30 апреля 1735 г. в провинциальную канцелярию Соликамска из ратуши этого же города показывает, как осуществлялся прием средств. «В поданном Соли Камской земского старосты Никиты Осинцова доношении во оную ратушу написано... собрано де Соли Камской с посадских людей на сей 1735 г. в первую генварную треть в канцелярской збор, а имянно с домовых бань, что по рублю с бани 7,03 руб. серебрянными рублевыми монетами, которые

денги у Соли Камской в ратуше приняты и в приход записаны, и оные денги посланы при сем доношении во оную провинциальную канцелярию оной же ратуши с целовальником Петром Колмогоровым. Того ради Соли Камской провинциальную канцелярию покорно прошу о приеме оных денег по даче» (РГАДА. Ф. 444. Оп. 1. Д. 115. Л. 156).

Таким образом, совокупный оклад с торговых бань в Прикамье – 85,92 руб., а с домовых бань – 90 руб. Эта информация будет в дальнейшем важной, поскольку воеводские канцелярии Соликамска и Кунгура в конце 1730-х гг. будут соединены под управлением воевод Пермской провинциальной канцелярии в Кунгуре.

В донесениях Соликамской воеводской канцелярии 1738 г. оказался реестр остаточных от прошлого 1737 г. в нынешний 1738 г. разных сборов денежной казны. В остатке от 1737 г. в Соликамске было 13,9 руб., в вотчинах Строгановых – 12,2, итого с торговых бань – 26,1 руб. В Соликамске с домовых рублевых бань было в остатке 13,97 руб. (РГАДА. Ф. 444. Оп. 1. Д. 125. Л. 3 об., 50б.).

Эти данные подтверждаются годовым рапортом 1738 г. В остатке от 1737 г. с торговых бань в Соли Камской было 13,9 руб., с вотчин господ баронов Строгановых в селе Новом Усолье откупные – 12,2 руб., итого с торговых бань 26,1 руб. перешло от 1737 г. в 1738 г. В посаде Соликамска с домовых бань остаток составил 13,97 руб. (РГАДА. Ф. 444. Оп. 1. Д. 124. Л. 4-50б.).

Рассмотрим, как осуществлялся сам сбор с бань. Об этом дают представление приходные и расходные книги провинциальных канцелярий. Например, «книга приходная Пермской провинциальной канцелярии таможенных, кабацких и канцелярских сборов свозной и с приписных к Пермской провинции городов денежной казны 1747 г.» зафиксировала следующие записи.

20 января 1747 г. по доношению Соликамской канцелярии было принято денежной казны, «оставшейся за штатом доходов, подлежащих в государственную статс-контору таможенных, кабацких и канцелярских сборов присланного из той канцелярии счетчика Соли Камской посадского Егора Емельянова, а именно на 1745 г.» с новоусольской торговой бани 18,3025 руб. 24 апреля 1747 г. по доношению Соликамской канцелярии счетчика посадского Федота Смиринина, «а именно на 1746 г. с домовых бань 45,175 руб.» (РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 75. Л. 10б., 3).

В книге расходной «Пермской провинциальной канцелярии 1747 г.» было также записано, что второй посылки со счетчиком Соли Камской Федотом Смириним, а именно с оброчных статей из соликамского магистрата с домовых бань было послано 45,175 руб.» (РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 76. Л. 30б.). Записи документации дублируются в различной отчетности, поскольку центральным учреждениям постоянно требовались данные о сборах в уездных канцеляриях.

В настольном реестре 1747 г. с домовых бань было собрано 17 руб., а с домовых бань, мельниц и рыбных ловель учтено совокупно 6,345 руб. (РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 77. Л. 6 об.-300б.).

Рапорт канцелярии Соликамска, «сочиненный по статской форме, о приходе и расходе разных сборов денежной и ясашной казны декабря месяца 1748 г.», подтверждает размер годового оклада, учтенный в 1730-е гг.: с торговых бань – 42,4775 руб., с домовых бань – 21 руб. (РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 72. Л. 8).

В 1749 г. по книге окладной приходной Соликамской канцелярии при воеводе Демиде Аркатове 1749 г. оклад обозначен в том же размере (РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 79), как и в книге Соликамской канцелярии сборам денежной казны 1755 г. (РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 158).

Таблица 3. Сборы по приходной книге Соликамской канцелярии 1755 г.

Тип	Оклад, руб.	Приход, руб.
С торговых бань	24,1725	8,06
	18,3025	2,0325
		3,045
		2,0325
		4,065
		4,0625
		3,06
С домовых бань	21	7,03

Косвенно отсутствие недостачи по налогам отражается в доимочных книгах. Например, «Книга Соликамской воеводской канцелярии доимочная коликое число на прошлые голы и настоящий 1758 г. надлежит взыскать...» показывает, что с торговой бани недоимка была крайне незначительна – 0,0175 руб. (РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 239. Л. 90б.).

В 1750–1760-е гг. оклад с домовых бань в Пермской канцелярии изменяется в большую сторону. В настольном реестре прихода и расхода таможенных, кабацких и канцелярских сборов учтено только остаточных средств от 1758 г. с домовых бань 27,5 руб. отдельно и еще 8,35 руб. сборов вместе с мельницами. Это только те суммы, которые остались в 1759 г. после отправки казны (РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 133. Л. 4 об.-310б.).

«Ведомость денежной казны, коликое число кабацких и канцелярских сборов имеется в остатке, а какие по званию сборы января 2 дня 1764 г.» содержит данные о том, что от 1763 г. с торговой бани окладных доходов было 14,48 руб., с домовых бань – 35 руб. (РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 165. Л. 1-10б.).

В 1764 г. в доимке с домовых рублевых бань с 1744 по 1764 гг. Пермская провинциальная канцелярия учла 10,9425 руб. (РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 165. Л. 50б.). К 1765 г. часть доимки уже собрали, как видно из «книги приходной Пермской провинции из доимки таможенных, кабацких и канцелярских сборов 1765 г.». Доимка с домовых бань составила 7 руб. (РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 190. Л. 11-120б.). Здесь мы можем проанализировать состав должников: это священнослужители («Кунгурского Благовещенского собору с дьячка Петра Афанасьева сына Красильникова на 1763–1764 гг. по рублю на год, Кунгурского уезда села Комарова с дьякона Григорья Кротова на 1764 г., села Преображенского с попа Емельяна Карепинова на 1764 г., Чусовского Нижнего городка с дьякона Александра Ушакова на 1762–1763 гг. по рублю на год, села Табарского с попа Ивана Мухина на 1764 г. один рубль).

В «настольном реестре Пермской провинциальной канцелярии для записи остаточной от 1765 г. кабацких и канцелярских сборов денежной казны 1766 г.» расписано, что с домовых бань теперь собирается значительно больше средств, чем в 1730-е гг. В графе прихода («колико для отдачи в казну объявлено») учтено 148,5 руб. с домовых бань, из них было собрано в текущем году 129,1 руб. Некоторая часть оклада с домовых бань учтена вместе с другими источниками дохода – «с медеплавленых печек и мельниц, рыбных ловель, печатных, с домовых бань и т.д.». Здесь было принято дополнительно 270,335 руб. (РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 203. Л. 11 об.-420б.). Часть из этих средств также относится к домовым баням.

Теперь немного об основных плательщиках сбора с домовых бань. В основном в Прикамье ими являлись священнослужители и чиновники. Для анализа была использована книга приходная Пермской провинциальной канцелярии из доимки кабацких и канцелярских сборов 1766 г.

В доимке по окладу на 1766 г. за прошлые годы числилось с учетом постепенного погашения с домовых бань 113 руб. В основном долги были отмечены 1765 г., когда плательщики просто не успевали внести деньги. Долги более 10 руб. отмечались за подьячими и посадскими людьми. 18 священнослужителей задолжали в среднем 1–2 руб., за редким исключением (Кунгурского Благовещенского собору с дьячка Петра Афанасьева сына Красильникова на 1763–1765 гг. по рублю на год – 3 руб., города Кунгура Успенской церкви с попа Иоанна Васильева на 1761–1765 гг. – 5 руб., Тихвинского девичьего монастыря с дьякона Михаила Васильева на 1762–1765 гг. – 3 руб.) (РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 202. Л. 110б.). Жители посада и разные местные чиновники оплачивали сборы с домовых бань не столь аккуратно. Например, часть долгов даже списали. «С домовых рублевых бань прежде вступивших в окладной по указу 1761 г. октября 25 дня государственной камер коллегии денег за пустотою до указа взыскивать не велено» (РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 202. Л. 11 об.-14 об.):

Таблица 4. Суммы доимки с местных жителей по домовым баням

С подьячих:	Руб.
Кирилла Веселкова на 1744–1765 гг.	22
Ивана Бабкина на 1744–1765 гг.	22
Василья Красноперова на 1747–1765 гг.	19
Григорья Шавкунова на 1762–1765 гг.	4
Семена Кадешникова на 1762–1765 гг.	4
Афанасия Красильникова на 1762–1765 гг.	5
Комиссара Григорья Попова на 1762–1765 гг.	4
С кунгурцев посадских:	
Тимофея Валуева на 1762–1764 гг.	3
Григорья Проурзина на 1762–1764 гг.	3

В недоимке осталось на 1766 г. 113 руб. За «показанного комиссара на 1765 г.» был принят 1 руб. В течение года недоимка собиралась очень активно. Например, с пермского горного начальства и сотрудников Пермской провинциальной канцелярии средства были собраны (Таблица 5):

Таблица 5. Сборы доимки с пермского горного начальства (РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 202. Л. 170б.)

В доимке по окладу:	Собрано
Обергитерфорвалтера Ивана Княгинкина	1
В должности секретаря управителя Петра Веселкова	1
За канцеляриста Лариона Пестелева	1
При доме графа И.Г.Чернышева	1

Секунд-майора Георгия Чуровского	1
За отставного прапорщика Кирилла Ковина	1
Канцеляриста Исаака Рязанова	1
Канцеляриста Петра Меншенина	1
Пермского духовного правления канцеляриста Ивана Полева	1
Отставного графа Семеновского полку капрала Федора Соколова	1
Его сиятельства князя Михаила Михайловича Голицына	1

Пермское горное начальство расплатилось за домовые бани в следующем же году. Священнослужители тоже заплатили недостающие рубли за бани. Фактически исследуемый документ представляет собой перепись священнослужителей Прикамья, что может являться предметом самостоятельного исследования. Например, Успенской церкви дьячки Иван Ильиных, Михаил Луканин, пономарь Павел Ситников, Тихвинского девичья монастыря дьячок Михаил Посохин, Соборной Благовещенской церкви трапезник Петр Гуляев, праздноживущий церковник Иван Калашников, в вотчинах госпожи баронессы Марфы Артемьевны Строгановой и князя М.М. Голицына (в селе Сергинском) поп Кирилл Коровин и дьякон Григорий Коровин, в Чусовском Нижнем городке поп Гаврила Варушкин, пономарь Иван Варушкин, дьячок Иван Коровин – все расплатились с канцелярией.

Примерный состав плательщиков – 78 священнослужителей и 23 гражданских лица – показывает, что в основном в Пермскую провинциальную канцелярию данные сборы платили служители церкви (РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 202. Л. 19-31об.). В итоге 94 руб. было оперативно собрано с домовых бань в 1766 г.

Согласно настольному реестру прихода и расхода питейных и канцелярских сборов 1768 г., в остатке от 1767 г. с домовых рублевых бань был 1 руб. (РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 282. Л. 1).

В окладе с домовых бань (по данным Пермской провинциальной канцелярии) находилось 114 руб. Вместе с другими налогами учтены еще мельницы и прочие окладные сборы (всего 45,33 руб.) (РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 282. Л. 10 об.-32об.).

Увеличение сборов с домовых бань в Прикамье связано с составлением окладной книги в 1760-е гг. После положения в оклад новых бань суммы сборов по Соликамскому уезду меняются в большую сторону. Согласно ведомости 1772 г. по Соликамскому уезду, общий оклад на 1772 г. составил (с купечества тоже собирали по 1 руб.) 158 руб. Из них 30 руб. в текущем году «было взято», а по поводу остальных 128 руб. посылался нарочный «с понуждением».

Социальный состав плательщиков также меняется. В городе Соликамске заплатили сбор с домовых бань 3 священнослужителя, 88 жителей посада, в основной своей массе – купцы, 6 солепромышленников. По Соликамскому уезду собрали 21 руб. со священнослужителей. В городе Чердыни 30 руб. заплатили представители купечества, а в уезде – 8 церковников (РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 439. Л. 33 об.-38).

В распоряжении автора имеются данные и об окладе в Пермской провинциальной канцелярии, которая собрала деньги с домовых бань в Кунгурском уезде. Посчитаем сборы с домовых бань в Кунгуре и уезде, а также их оклад по ведомости и рапорту 1772 г. (РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 439. 1772 г. Л. 23 об.-38об.).

Как выяснилось, после переобработки 1760-х гг. домовые бани стали приносить больше денег не только в Соликамской, но и в Пермской провинциальной канцелярии. В городе Кунгуре и уезде собиралось по окладу 228 руб. в год. Социальный состав плательщиков был крайне разнообразным, но преобладали священнослужители, посадские люди и чиновники. Всего с домовых бань в 1772 г., по данным Пермской провинциальной канцелярии, было собрано 154 руб., а в доимке числилось 74 руб. (которые традиционно вносили и в начале следующего года).

Эти данные соотносятся с более ранней документацией. По материалам приходной книги разных канцелярских сборов Пермской провинциальной канцелярии на 1770 г., оклад с домовых бань составлял более 161 руб. для территории Кунгурского уезда (РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 365. Л. 1).

Таблица 6. Книга приходная Пермской провинциальной канцелярии неокладных разных канцелярских сборов на 1770 г.

Приход из остатка:	Руб.
Остаточных с домовых рублевых бань на 1768 г.	28
Сбор на 1769 г.:	
С домовых рублевых бань	161
Итого окладных	18810,4825

Проанализируем теперь отдельно данные по Соликамской воеводской канцелярии в 1774–1775 гг., согласно «годовому рапорту Соликамской воеводской канцелярии о приходе и расходе и об остатке и канцелярских разных сборов денежной казны 1775 г.» (РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 509).

Рассмотрим сначала остаток денежной казны с 1774 г. по 1775 г. С домовых рублевых бань на 1774 г. в остатке было 32 руб. С чердынского магистрата с домовых бань собиралось 10,15 руб. Они же состояли в доимке. На 1775 г. «содержащихся на вере Соликамского магистрата по городу Соликамску с торговой бани» 24,7025 руб. не были получены. Промемории с напоминанием о долгах успеха не имели (РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 509. Л. 103-106).

Годовой оклад на 1775 г. с торговых бань в Соликамском уезде составлял примерно 42,5 руб. Последние годы по этому сбору копилась недоимка. На 1771, 1772 гг. в окладе на каждый год числилось по 21,6275 руб., деньги были не собраны. В 1773, 1774 гг. оклад составлял 45,8025 в год (также недобор). В документе были прокомментированы причины недобора: «Сообщалось промемориями в Соликамский магистрат, нарочный посылался в принуждение, но денег прислано не было» (РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 509. С. 114).

С домовых бань по городам Чердыни и Соликамску с уездами на 1774 г. было 90 руб. в окладе. 64 руб. было собрано, 26 – числилось в недоимке (РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 509. Л. 115об.).

Требованиям времени данные сборы с домовых бань, по всей видимости, уже не отвечали, что явилось одной из причин отмены сборов с бань. Императрица Екатерина II Указом от 17 марта 1775 г. объявляла: «Отрешаем сбор с домовых бань в городах и уездах с помещиков и вотчинников и всякого чина и звания людей и церковных причетников, и повелеваем онаго впредь не собирать и не платить» (ПСЗ. Т. XX. № 14275. С. 85).

С торговыми банями дела обстояли примерно таким же образом. На протяжении исследуемого периода сборы с торговых бань оставались в среднем на одном уровне, но к началу 1770-х гг. начала накапливаться некоторая недоимка. В дальнейшем с торговых бань сборы сохранились. Годовой рапорт Соликамской воеводской канцелярии 1776 г. содержит информацию о состоящих в окладе (и оказавшихся в доимке) «на вере Соликамского магистрата по городу Соликамску с торговой бани» 24,705 руб. (РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 510. Л. 36). Впрочем, за прошлые годы недобор не указан, так что вполне возможно, что местные жители расплатились с этой доимкой.

5. Заключение

Сборы с домовых бань были положены в оклад в начале XVIII в. в ходе реформ Петра I. Торговые бани облагались налогами и ранее. Новые объекты налогообложения должны были учитываться и поступать в оклад, но на протяжении первых 30–40 лет исследуемого периода данные сведения отследить трудно (рост сборов незаметен). Банные сборы на протяжении 1720–1770-х гг. пытались упорядочить. Обер-прокурор Сената А.А. Маслов в предложении Сенату 24 января 1734 г. отмечал, что рост недоимки по канцелярским сборам происходит не только из-за плохой работы местной администрации, но и из-за отсутствия в течение более 30 лет ревизии источников дохода. А.А. Маслов предложил провести учет наемных изб и бань, а впоследствии каждые 3 или 5 лет организовывать переосвидетельствование и убирать лишние из оклада. 11 февраля 1734 г. Сенат приостановил взимание недоимки по баннным сборам и произвел перепись бань. В ходе переписи 1734–1736 гг. обнаружилось, что количество бань мало увеличилось (Троицкий, 1966: 195).

Баннные сборы на территории Прикамья обычно собирались вовремя. Только в 1770-е гг. начала накапливаться недоимка по денежным поступлениям с торговых бань. Необходимо упомянуть о значимости баннных сборов в общей структуре доходов государства и их собираемости. С.М. Троицкий отмечает, что удельный вес канцелярских сборов в бюджете государства в 1720–1760-е гг. составлял незначительные суммы (20–50 тыс. каждый сбор), а взимание сопровождалось хронической недоимкой в размере 40–60 % оклада (Троицкий, 1966: 193). Как видно из приведенных выше данных, в Прикамье подобная недоимочность не фиксировалась. Но первое утверждение верно для исследуемой территории. Баннные сборы к концу XVIII в. стали еще незначительнее в общей структуре доходов канцелярии (0,25 %). Только по Соликамскому уезду окладные сборы составляли на 1776 г. 54300,885 руб. «во взятие» (РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 510. С. 114. Л. 37об.). Если оценить поступления с торговых и домовых бань в общей совокупности окладных доходов в Прикамье, то они составят менее 1 %.

Впоследствии правительство уделяет все меньше внимания канцелярским сборам. Помимо запутанности и явной неактуальности некоторых сборов, имелась и еще одна причина: развитие товарно-денежных отношений во второй половине XVIII в. Соответственно, структура доходов государственного бюджета претерпевает эволюцию. Увеличивается доля косвенных сборов. Из общей суммы платежей одного условного работника-крестьянина в 1724 г. 56,9 % составляли прямые налоги (подушная подать и окладные сборы), а 33,9 % – косвенные (таможенные пошлины, соль, водка). В 1769 г. эти цифры составляли соответственно 45,78 % и 44,71 % (Троицкий, 1966: 219). При такой разнице цифр нагружать канцелярию мелким и кропотливым подсчетом канцелярских сборов было нерационально. Правительство Екатерины II закономерно отменило часть мелких прямых сборов, положенных в оклад. Торговые бани продолжили свое существование в XIX в. на новых условиях.

Баннные домовые сборы являлись, наряду с другими мелкими канцелярскими сборами, примером активной налоговой политики Петра I, который изыскивал любые способы пополнения бюджета. Живучесть мелких сборов объясняется отсутствием строгой системы налогов в XVIII в. Многочисленные реформы, экстренные попытки быстрого получения средств в бюджет (эксплуатация монетной регалии, соляная и винная монополии и т.п.) оставляли систематизацию канцелярских сборов «на потом». Когда рост недоимочности стал очевидным, правительство обратило внимание и на эту сферу. И мелкие сборы один за другим ушли в прошлое.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-60007.

Литература

Андриевский, 1864 – Андриевский И.А. О наместниках, воеводах и губернаторах. Рассуждения. СПб.

Анисимов, 1982 – Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России, 1719–1728 гг. Л.: Наука.

Анисимов, 1999 – Анисимов Е.В. Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII в. М.: НЛО.

Градовский, 1868 – Градовский А.Д. История местного управления в России. СПб.: Типография Головина. Т. 1.

Дмитриева, Козлов, 2019 – Дмитриева З.В., Козлов С.А. История российского налогообложения в XVI–XVIII веках в контексте проблемы «налоги–войны» // *Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки*. 2019. № 3. С. 62–74.

Дуров, 2013 – Дуров И.Г. Русская баня – незаменимое народное средство личной гигиены и поддержания здоровья военных и морских чинов в XVIII веке / *Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды Четвертой Международной научно-практической конференции, 15–17 мая 2013 года*. СПб., Ч. II. С. 54–98.

Космовская, 2018 – Космовская А.А. Эффективность налоговой политики Российского государства (проблемы недоимочности в Соликамском уезде в XVII–XVIII веках) // *Вестник Пермского университета. История*. Вып. 4 (43). С. 164–174.

Куломзин, 1880 – Куломзин А.Н. Финансовые документы царствования императрицы Екатерины II. СПб.: Типография В. Безобразова и компании, 1880–1885. Т. 28: Т. 1. XXXIV.

Милюков, 1905 – Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб.: Книгоиздательство М.В. Пирожкова.

Муравьева, 2007 – Муравьева Л.А. Налоги и налогообложение в России первой четверти XVIII века // *Финансы и кредит*. № 20. С. 90–98.

Преображенский, 1972 – Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М.: Издание Института истории Академии наук СССР, 1972. 392 с.

ПСЗ – Полное Собрание Законов Российской империи (ПСЗ).

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Троицкий, 1966 – Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М.: Наука.

Устюгов, 1957 – Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке: к вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 336 с.

Чичерин, 1856 – Чичерин Б.Н. Областные учреждения в России в XVII в. М.: Тип. Александра Семена.

Gatrell, 2012 – Gatrell P. The Russian fiscal state, 1600–1914 // *The Rise of The Fiscal State in Eurasia* / Ed. P. O'Brien, B. Yun-Casalilla. Cambridge, pp. 200–201.

Kahan, 1985 – Kahan A. The Plow, the Hammer, and the Knout: An Economic History of Eighteenth-Century Russia. Chicago.

Tilly, 1990 – Tilly Ch. Coercion, Capital, and European States, AD 990–1990 (Studies in Social Discontinuity). Basil Blackwell, Cambridge.

References

Andrievskiy, 1864 – Andrievskiy I.A. (1864). O namestnikakh, vovodakh i gubernatorakh. Rassuzhdeniya [On the governors, governors and governors. Reasoning]. St. Petersburg, Russia. [in Russian]

Anisimov, 1999 – Anisimov E.V. (1999). Dyba i knut: politicheskiy sysk i russkoe obshchestvo v XVIII v. [Dyba and whip: political investigation and Russian society in the XVIII century]. NLO, Moscow, Russia. [in Russian]

- Anisimov, 1982** – *Anisimov E.V.* (1982). Podatnaya reforma Petra I. Vvedenie podushnoy podati v Rossii, 1719–1728 gg. [Subsequent reform of Peter I. Introduction of the poll tax in Russia, 1719–1728]. Nauka, Leningrad, Russia. [in Russian]
- Chicherin, 1856** – *Chicherin B.N.* (1856). Oblastnye uchrezhdeniya v Rossii v XVII v. [Regional institutions in Russia in the XVII century]. Moscow, Russia. [in Russian]
- Gatrell, 2012** – *Gatrell P.* (2012). “The Russian fiscal state, 1600–1914”, in *The Rise of The Fiscal State in Eurasia*, Cambridge univ. press, Cambridge, Great Britain, pp. 200–201.
- Gradovskiy, 1868** – *Gradovskiy A.D.* (1868). Istoriya mestnogo upravleniya v Rossii [History of Local Government in Russia], Tipografiya Golovina, St. Petersburg, Russia, T. 1. [in Russian]
- Durov, 2013** – *Durov I.G.* (2013). Russkaya banya – nezamenimoe narodnoe sredstvo lichnoy gigieny i podderzhaniya zdorov'ya voennykh i morskikh chinov v XVIII veke. [Russian bath – an irreplaceable folk remedy for personal hygiene and maintaining the health of military and naval ranks in the 18th century]. *Voyna i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy: Trudy Chetvertoy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 15-17 maya 2013 goda*, ch. II, pp. 54–98. [in Russian]
- Kahan, 1985** – *Kahan A.* (1985). The Plow, the Hammer, and the Knout: An Economic History of Eighteenth-Century Russia, Univ. of Chicago press, Chicago, USA.
- Kosmovskaja, 2018** – *Kosmovskaja A.A.* (2018). “Effectiveness of Russian tax policy (the problem of tax arrears in Solikamsk uezd in the 17th and 18th centuries)”. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriya»*, Вып. 4 (43), pp. 164–174. [in Russian]
- Kulomzin, 1880** – *Kulomzin A.N.* (1880). Finansovye dokumenty tsarstvovaniya imperatritsy Ekateriny II [Financial documents of the reign of Empress Catherine II]. Tipografiya V. Bezobrazova i kompanii, St. Petersburg, Russia, XXXIV. [in Russian]
- Milyukov, 1905** – *Milyukov P.N.* (1905). Gosudarstvennoe khozyaystvo Rossii v pervoy chetverti XVIII stoletiya i reforma Petra Velikogo [State economy of Russia in the first quarter of the 18th century and the reform of Peter the Great]. Knigoizdatel'stvo M.V. Pirozhkova, St. Petersburg, Russia. [in Russian]
- Murav'eva, 2007** – *Murav'eva L.A.* (2007). Nalogi i nalogooblozhenie v Rossii pervoj chetverti XVIII veka [Taxes and taxation in Russia in the first quarter of the 18th century]. *Finansy i kredit*, № 20, pp. 90–98. [in Russian]
- Preobrazhenskij, 1972** – *Preobrazhenskij A.A.* (1972). Ural i Zapadnaja Sibir' v konce XVI – nachale XVIII veka [Ural and Western Siberia at the end of the XVI – beginning of the XVIII century]. Izdanie Instituta istorii Akademii Nauk SSSR, Moscow. [in Russian]
- PSZ** – Polnoe Sobranie Zakonov Rossiyskoy imperii (PSZ) [Complete Collection of Laws of the Russian Empire].
- RGADA** – Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian state archive of ancient acts].
- Tilly, 1990** – *Tilly Ch.* (1990). Coercion, Capital, and European States, AD 990–1990 (Studies in Social Discontinuity). Basil Blackwell, Cambridge.
- Troitskiy, 1966** – *Troitskiy P.M.* (1966). Finansovaya politika russkogo absolyutizma v XVIII veke [The financial policy of Russian absolutism in the 18th century]. Nauka, Moscow, Russia. [in Russian]
- Ustjugov, 1957** – *Ustjugov N.V.* (1957). Solevarennaja promyshlennost' Soli Kamskoj v XVII veke: k voprosu o genezise kapitalisticheskikh otnoshenij v russkoj promyshlennosti [The salt industry of Kama Salt in the 17th century: the question of the genesis of capitalist relations in Russian industry]. Izd-vo Akad. nauk SSSR, Moscow, Russia. [in Russian]

Налоговые поступления с домовых и торговых бань на территории Прикамья в 1720–1770 гг.

Анна Алексеевна Космовская ^{a, b, *}

^a Пермский государственный институт культуры, Российская Федерация

^b Пермская государственная фармацевтическая академия Министерства здравоохранения Российской Федерации, Российская Федерация

Аннотация. Налоговые поступления с домовых и торговых бань составляли один из окладных сборов в XVIII в. Налоги с торговых бань имели длительную историю и взимались несколько столетий. Сборы с домовых бань представляли собой налоговую инновацию в правление Петра I, вызванную недостатком денежных средств в бюджете. Сборы с бань детально в историографии не исследовались. Автором статьи реконструирован оклад с домовых и торговых бань на конкретной территории Прикамья, охарактеризован состав налогоплательщиков и произведена оценка суммы банных сборов в общем количестве налоговых поступлений в воеводские канцелярии Прикамья.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: akosmovskaya@list.ru (А.А. Космовская)

На основе имеющихся данных сделан вывод о сложности учета банных сборов в канцеляриях, проблемах с оценкой объектов учета и присутствии некоторой недоимочности. Автор статьи оценивает поступления с бань как незначительные в общей структуре поступлений воеводских канцелярий Прикамья. Несмотря на это, даже в 1760–1770-е гг. местные чиновники вели строгий учет поступлений с бань. Сбор с домовых бань был отменен в 1775 г., торговые бани продолжали оставаться в окладе и в более позднее время, хотя удельный вес денежных поступлений составлял менее 1 % бюджета местных органов власти. Длительное существование различных мелких сборов объясняется стремлением властей любыми способами пополнить государственный бюджет и отсутствием строгой системы налогов в XVIII в. Многочисленные мелкие сборы могли называться в разных губерниях империи иначе, что затрудняло их учет и дальнейшую отмену на местах.

Ключевые слова: финансовая политика, Прикамье, XVIII век, налоговые поступления, воеводская канцелярия, Петр I, домовые бани, торговые бани.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 993-1002. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.993
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Stavropol Kalmyk Regiment in the Napoleonic Wars: Military Awards of Their Members

Utash B. Ochirov ^{a, *}

^a Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

Stavropol Kalmyk Host was formed in the 1730s from Kalmyk Christians that had settled in the Middle Volga around the fortress then referred to as Stavropol-on-Volga (present-day Tolyatti). The host was functioning as a Cossack one but its members were equalized in rights with those of the Don Host only in the early 19th century. Units of the host served to patrol borders and act as policemen, in extreme cases yielding a complete regiment for Russia's wars in Europe. However, Stavropol warriors initially received no military decorations for their deeds of valor since they were not viewed as common soldiers, services of Cossack officers being identified as *zauriyad*, i.e., were actually discharging functions of officers but without any official military ranks and related social privileges (including titles of nobility).

The situation changed during the Napoleonic Wars. Since 1807, the unranked started receiving a special military decoration, and *zauriyad* officers were granted officership and opportunities to be bestowed (i.e., enlisted as members of) Russian Imperial orders. In the War of 1806–1807, Stavropol Kalmyk Host participated in final combats only, but spent the whole of the 1812–1814 campaign in military expeditions. In 1812, Stavropol Kalmyks got in line with M. Platov and F. Wintzingerode's 'flying' squads. In 1813, they would block a number of fortresses and later joined M. Miloradovich's corps (combined Russian-Prussian army) and A. de Langeron's group of corps (Silesian army). In 1814, they witnessed the end of the war sieging the Fortress of Mainz. Unfortunately, the inefficient bureaucratic procedures resulted in that quite a number of military decorations were delivered either in bad time – or failed to reach the addressees at all.

Keywords: Napoleonic Wars, Russian army, irregular cavalry, ethnic military units, Stavropol Kalmyk Regiment, Order of St. George, Order of St. Vladimir, Order of St. Anna, *zauriyad* officers, Cossacks.

1. Введение

В период междоусобиц в калмыцких улусах отдельные роды, группы или семьи, потерпев поражение, иногда покидали пределы ханства. В большинстве своем они поселялись на территории Донского Войска или принуждались к принятию крещения. Царская администрация иногда возвращала беглецов в калмыцкие улусы, но крещеные калмыки считались вышедшими из ханской юрисдикции и возврату не подлежали. Крещеные калмыки несли казачью службу в Уральском войске, Чугуевском, Николаевском (Дмитриевском), Острогужском полках и др. В 1731–1735 гг. во время мятежа Дондук-Омбо количество калмыков, бежавших из разоренных улусов в приграничные с ханством города, возросло. В 1736 г. в Астрахани, Царицыне, Дмитриевске и Саратове насчитывалось 1446 семей, состоявших из 5383 калмыков (Джунджузов, 2014: 86). Царское правительство, стремясь накануне войны с турками вернуть в Россию бежавшие на Кубань улусы под руководством нойона (владельца) Дондук-Омбо, предложило ему ханский престол. Мятежник согласился, но выдвинул ряд условий, в том числе потребовав вернуть крещеных калмыков или удалить их из приграничных с ханством губерний.

Правительство переселило крещеных калмыков в Среднее Поволжье, образовав из них войско

* Corresponding author

E-mail addresses: utash-ochirov@yandex.ru (U.B. Ochirov)

по казачьему образцу вокруг специально выстроенной крепости Ставрополь-на-Волге (ныне г. Тольятти). Ставропольские калмыки получили земельные наделы, в период командировок им выдавалось жалованье, провиант и фураж. Командный состав войска, состоявший в основном из представителей родовой знати (нойонов и зайсангов), жалованье получал постоянно. Ставропольские калмыки ежегодно направляли команды для несения пограничной службы на Оренбургской и Илецкой линиях. Также они могли использоваться для несения полицейской службы (например, на Макарьевской ярмарке), для подавления крестьянских бунтов и конвоирования рекрутских команд. Кроме того, войско могло направлять пятисотенный полк к западным границам для участия в войнах России в Европе. В 1753 г. Ставропольский полк был направлен на службу в Лифляндию, а в 1757–1758 гг. участвовал в Семилетней войне, отличившись в ряде боев. Все воины полка были отмечены денежной наградой «не в зачет жалованья». В 1790 г. 150 ставропольских калмыков вместе с башкирами и оренбургскими казаками были включены в особый отряд, направленный на войну со шведами, а затем до 1792 г. служивший в Двинской армии (Максимов, Очиров, 2012: 126-128, 140).

Первоначально численность ставропольских калмыков росла: междуусобицы в ханстве продолжались, после падения Джунгарского ханства и подавления восстания Амурсаны в 1756–1758 гг. в войско были направлены почти 3 тыс. беженцев-джунгаров, которых удалось принудить к крещению. К 1760 г. численность ставропольских калмыков выросла до 11,5 тыс. чел. Однако в период правления хана Дондук-Даши ситуация в ханстве стабилизировалась и ставропольские калмыки начали возвращаться в улусы, вновь переходя в буддизм. Особенно тяжелый урон войску нанесло восстание Е.И. Пугачева, в котором большая часть ставропольцев поддержала мятежников. В 1776 г., уже после ликвидации Калмыцкого ханства, прием крещеных калмыков в войско был прекращен (Максимов, Очиров 2012: 129-130, 138). В 1798 г. после кантонной реформы оренбургского военного губернатора О.А. Игельстрома в Ставропольском войске числилось всего 2869 мужчин, включая детей и стариков (ПСЗРИ, 1830: 971). По штату войско состояло из одного тысячного полка, который отправлял на службу половину своего состава. В войске, помимо атамана и полковника, было 10 есаулов, 10 сотников, 10 хорунжих, 40 урядников, 1 квартирмейстер, а также чиновники канцелярии (два советника, секретарь и переводчик) (Максимов, Очиров 2012: 142-144).

2. Материалы и методы

Источниковой базой для данной статьи послужили делопроизводственная переписка, наградные документы и послужные списки офицеров и урядников Ставропольского полка, хранящиеся в фондах Российского государственного военно-исторического архива (г. Москва) и Научного архива КалмНЦ РАН (г. Элиста). Следует заметить, что наградная документация в делах РГВИА за редким исключением не выделена в отдельные фонды или дела, поэтому выявить ее возможно только путем сплошного просмотра дел того или иного соединения, в котором воевал Ставропольский полк. Единственным исключением являются послужные списки офицеров и урядников войска, в которых есть сведения об их участии в сражениях и наградах.

В ходе исследования использовались как общенаучные методы анализа, синтеза и обобщения, так и специально-исторические методы. Особенности источниковой базы обусловили применение проблемно-хронологического метода. Процедура поиска предусматривали сплошной просмотр документальных комплексов соответствующих соединений и выявление наградной документации. Процедура переписки по наградным делам в то время была отработана не до конца, поэтому не всегда можно понять: реализованы ли наградные представления, и если да, то вручены ли эти награды. Для решения этой проблемы пришлось использовать сравнительно-сопоставительный метод, сверяя найденные сведения с послужными списками.

3. Обсуждение

В историографии наполеоновских войн в XIX в. Ставропольский калмыцкий полк (как, впрочем, и все иррегулярные части) практически не изучался. В работах того времени название этой части можно было встретить лишь в расписаниях армий. Первая работа, посвященная Ставропольскому калмыцкому полку, появилась лишь спустя 100 лет после начала войны 1812–1814 гг. Ее автором стал председатель Ставропольской губернской архивной комиссии Г.Н. Прозрителев, который ввел в научный оборот большой комплекс документов из Военно-ученого архива (далее – ВУА). Среди опубликованных документов были представления к наградам или сведения о награждениях, в том числе и с указанием номеров наград (Прозрителев, 1912). К сожалению, ученый-архивист не избежал ошибок. Например, он полагал, что ставропольские калмыки – это Большедербетовский улус Ставропольской губернии или что Ставропольский полк участвовал во взятии Парижа, учитывая наличие у воинов-большедербетовцев 55 медалей «За взятие Парижа». В том же году вышла работа Е.Ч. Чонова, который в целом опирался на тот же комплекс документов, что и Прозрителев, однако он правильно связал Ставропольский полк со средневожскими калмыками (Чонов, 1912).

После революции 1917 г. и депортации калмыцкого народа в Сибирь в 1943 г. исследования по этой тематике прекратились. Лишь во 2-й пол. XX в. появились работы Т.И. Беликова,

М.Л. Кичикова, К.П. Шовунова (Беликов, 1960; Кичиков, 1964; Шовунов, 1990), был издан первый сборник документов об участии калмыцких полков в войне 1812–1814 гг. (Калмыки, 1964). В этих трудах был введен в оборот большой массив документов из фондов РГВИА, но их авторы во многом опирались на работы своих предшественников и в ряде случаев повторили их ошибки. При этом в историю награждений воинов Ставропольского полка за подвиги в кампаниях 1807, 1812–1814 гг. ничего нового, по сравнению с исследованием Г.Н. Прозрителева, они не внесли.

В начале XXI в. российская наполеонистика сделала значительный шаг вперед. Появились новые исследования, которые позволили устранить существовавшие ошибки и уточнить историю участия Ставропольского полка в наполеоновских войнах (Калинин, 2007; Кузнецов, 2008; Попов 2011; Максимов, Очиров, 2012; Рахимов, 2013; Джунджузов, 2014).

4. Результаты

В XVIII в. воины Ставропольского полка, даже особо отличившиеся в бою, орденами не награждались. Рядовым они не полагались вовсе, а офицеры считались служащими зауряд, то есть исполняли офицерские обязанности, но действительных офицерских чинов, дающих право на сословные привилегии, в том числе дворянство, не имели. Лишь самые высокопоставленные офицеры войска изредка получали действительные чины «Табеля о рангах».

Однако в начале XIX в. ситуация стала меняться. В 1807 г. для награждения рядовых был введен Знак отличия Военного ордена («солдатский Георгий»). Почти в то же время было осуществлено массовое присвоение действительных чинов зауряд-офицерам Ставропольского войска, что давало право награждать их российскими орденами. 2 ноября 1803 г. император утвердил прошение ставропольского атамана подпоручика К.К. Баглюнова об уравнивании его офицеров в классах с другими казачьими войсками. Чиновники Ставропольского войска условно приравнивались: атаман – к армейскому подполковнику, полковник и советники – майору, ассессор и есаулы – капитану, сотники – поручику, хорунжие – корнету, квартирмейстер – квартирмейстеру регулярных войск, а урядники – унтер-офицеру. В этих званиях они считались служившими зауряд, но тем же указом чиновникам Ставропольского войска присвоили действительные чины: атаману Баглюнову (ветерану шведской кампании, прослужившему в подпоручиках 13 лет) – армейского майора, 33 чиновникам (полковнику, двум советникам, всем есаулам, сотникам и хорунжим) – армейских прапорщиков, еще 3 (квартирмейстеру, секретарю и переводчику) – чиновников 14-го класса (РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 216. Л. 326–328). Однако в дальнейшем массовые производства в действительные чины не осуществлялись. В результате смены поколений к началу войны 1812–1814 гг. большинство ставропольских офицеров вновь служили зауряд.

Тем же указом предписывалось офицеров назначать только из аристократов: «всем им быть из природных того же войска и преимущественно из рода владельцев и Зайсангов» (ПСЗРИ, 1830: 973–974). Однако к тому времени на командные посты стали назначаться и простолюдины. При этом офицеры в большинстве своем назначались на должности не из-за своей родовитости или фаворитизма, а исходя из наличия опыта службы, прежде всего боевой. При этом аристократы могли начинать свою службу урядниками (эта должность принципиально ничем не отличалась от офицерских чинов, являясь лишь нижней ступенькой карьерной лестницы), а то и вовсе рядовыми. Согласно послужному списку 1783 г., в войске из 41 чиновника (без учета урядников и толмачей) 12 были нойонами (в том числе 8 – джунгарскими), 17 – зайсангами (1 – джунгарским), 12 – рядовыми (в том числе 3 ротмистра и 3 хорунжих) (НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 69. Л. 2–13). Мало того, сравнение послужных списков чиновников Ставропольского войска за 1783, 1799, 1803 и 1812 гг. показывает, что доля простолюдинов в его составе увеличивалась и выросла к началу войны до 53 %, то есть указ императора был фактически проигнорирован. Раскладка командного состава Ставропольского войска на 1812 г. по социальному происхождению приведена в Таблице 1.

Таблица 1. Социальное происхождение командного состава Ставропольского калмыцкого войска к началу 1812 г.

	администрация	есаулы	сотники	хорунжие	урядники	всего
из волжских нойонов	1	–	2	–	4	7
из джунгарских нойонов	–	–	2	–	–	2
из волжских зайсангов	3	6	4	2	11	26
из джунгарских зайсангов	–	1	–	–	3	4
из рядовых	9	4	2	8	21	44
итого	13	11	10	10	39	83

Всего к началу 1812 г. в командном составе Ставропольского калмыцкого войска было 83 чиновника (полковой командир, 11 есаулов, 10 сотников, 10 хорунжих, 1 квартирмейстер, 39 урядников, 2 советника, секретарь, переводчик, 2 толмача, 5 писарей), не считая двух учителей,

бывших не из «природных того же войска» (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3003. Л. 3-25).

В ходе наполеоновских войн офицеры Ставропольского полка (при наличии действительных чинов) могли быть награждены только орденами Георгия 4-го класса, Владимира 4-й степени, Анны 2-го класса, Анны 3-го класса и Золотой саблей с надписью «За храбрость». Кроме того, их могли повысить в звании или отметить «благоволением императора».

Первая война России с наполеоновской Францией началась в 1805 г. Российское командование поначалу недооценило значение иррегулярной конницы и направило в Австрию всего 10 Донских казачьих полков. Нехватка легкой конницы не позволила командованию российской армии организовать плотную завесу прикрытия и вскрыть все передвижения противника, что сыграло свою роль в проигрыше войне третьей коалиции. Однако Россия сразу же активно включилась в создание четвертой коалиции. В кампании 1806 г. в составе российской армии было уже 14 Донских полков (в том числе 8 – в казачьем корпусе М.И. Платова). Осознав значение и полезность иррегулярной конницы, российское командование стало активно ее усиливать: в армию было вызвано еще 14 Донских полков, а в ноябре 1806 г. вышли указы о наборе 10 Башкирских, Тептярского, 10 Калмыцких, Ставропольского, 2 Уральских и 2 Оренбургских казачьих полков (Максимов, Очиров, 2012: 269, 373).

Ставропольский полк во главе с атаманом майором К.К. Баглюновым уже 18 декабря 1806 г. выступил в поход. 24 мая 1807 г. он вместе с двумя Башкирскими полками прибыл в армию Л.Л. Беннигсена (Кузнецов, 2008: 284-285). В одном из документов, хранящихся в РГВИА, в числе других офицеров, награжденных за Гейльсберг и Фридланд, указаны и воины Ставропольского калмыцкого полка (РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 752. Л. 35-37 об.), однако в описаниях сражений национальные полки не упоминались. После разгрома при Фридланде армия Беннигсена начала отходить, прикрываясь корпусами П.И. Багратиона и М.И. Платова. В состав последнего 4 июня влились Ставропольский калмыцкий, 1-й и 2-й Башкирские полки, которые в тот же день приняли участие в сражении под Велау. Башкиры засыпали противника стрелами, а затем конники обрушились на французов копеейной атакой (Рахимов, 2011: 13-14). 31 июля после заключения мира Башкирские и Ставропольский полк направились домой. Атаман майор К.К. Баглюнов, полковой командир прапорщик И.М. Анчуков и есаул В.Ф. Барышевский были награждены орденами Св. Анны 3-го класса (РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 752. Л. 35-39 об.). Сведений о других награждениях в Ставропольском полку у нас нет, и, скорее всего учитывая короткий срок командировки, их и не было.

К следующей войне с Наполеоном Российской империя готовилась заранее. Ставропольский калмыцкий полк был мобилизован по указу от 7 апреля 1811 г., и уже 25 мая выступил в Серпухов. В его составе насчитывалось 578 бойцов, в том числе 17 офицеров (командир, квартирмейстер, по 5 есаулов, сотников и хорунжиев), 20 урядников, 1 писарь, 540 рядовых (РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 510. Л. 624-625). Сначала полком командовал атаман подпоручик В.Ф. Барышевский 1-й (ветеран кампании 1807 г.). Однако в пути произошла потрава лугов. Вины атамана в этом не было, но М.Б. Барклай-де-Толли, не дожидаясь результатов расследования, отстранил Барышевского и зауряд-есаула прапорщика А.А. Лузанова. 3 августа 1811 г. новым командиром полка стал капитан П.И. Диомидий, грек по национальности (Прозрителев 1912, [I]: 96-100, 105-107).

К тому времени Ставропольский полк испытывал серьезные трудности с подбором командного состава. Три есаула и один сотник находились под следствием еще с 1807 г., но до его окончания их вакансии занимать было нельзя. Отстранение есаула Лузанова, смерть есаула Габунова и увольнение есаула Барышевского 2-го (брата атамана) создали дефицит командных кадров. В Ставрополе остался всего один опытный есаул и один опытный сотник, которым пришлось нести все тяготы пограничной и внутренней службы. Все остальные офицеры, включая хорунжих, были произведены из урядников или канцеляристов в 1810–1812 гг. Поэтому командование стало заполнять вакансии путем повышения служащих в полку ветеранов. В результате почти все сотники в походе были произведены в есаулы, почти все хорунжие – в сотники, а новых хорунжих назначили из числа урядников.

К началу войны 1812–1814 гг. Ставропольский полк имел следующий командный состав:

- полковой командир – капитан Павел Диомидий;
- зауряд-есаулы – Андрей Баглюнов, Яков Тандукатаев (оба – армии прапорщики с 1803 г.), Василий Даржаев, Николай Дандаров, Михаил Беков (последние трое произведены в есаулы уже в походе);
- зауряд-сотники Сидор Харчисов (армии прапорщик с 1803 г.), Григорий Ильцхаев, Степан Медечиев, Иван Харабатаров, Федор Шарапов, Василий Лекбедондоков, Герасим Соломов (последние пятеро были произведены уже в походе: трое – 28 августа 1811 г. и двое – 8 февраля 1812 г.);
- зауряд-хорунжие Прокофий Нармаев, Потап Зундуев, Трофим Бюргетов, Иван Батырев 4-й (первые двое были произведены 9 мая 1810 г., а последние двое – уже в походе, 28 августа 1811 г.).

В данном случае очень интересна возрастная характеристика офицеров Ставропольского полка, приведенная в Таблице 2. Видно, что большая часть урядников – это молодежь (практически без боевого опыта), в то время как офицеры относились к более старшим возрастам и имели хороший опыт боевой службы, в том числе и в кампании 1807 г.

Таблица 2. Возраст командного состава Ставропольского полка к началу 1812 г.

	от 19 до 24 лет	от 25 до 32 лет	от 33 до 39 лет	от 40 лет и выше	всего
есаулы	–	2	–	3	5
сотники	1	2	2	2	7
хорунжие	1	1	2	–	4
урядники	12	6	2	1	21
итого	14	11	6	6	37

В марте 1812 г. Ставропольский полк был направлен из Московской губернии в 1-ю Западную армию М.Б. Барклая-де-Толли, где поступил в состав казачьего корпуса М.И. Платова. Начало войны он встретил на берегу Немана.

Вместе с корпусом Платова, временно переданного во 2-ю армию, полк участвовал в боях 16 июня у д. Лососня, 21 июня – у д. Закревщицна, 27 и 28 июня – у м. Мир. В первый день боев под Миром 2,5 казачьих и 3 национальных (в том числе Ставропольский) полка Платова разбили 29-ю легкую кавалерийскую бригаду К. Турно. На следующий день к полю боя подошли еще большие силы, но к вечеру Платов вновь разбил поляков, на сей раз 4-ю легкую кавалерийскую дивизию А. Рожнецкого, потерявшую почти треть своего состава (Булдыменко, Кузнецов, 2002: 50). Это была первая победа в Отечественной войне 1812 г., и командование в наградах не скупилось. Багратион назначил в сотню каждого полка, участвовавшего в сражении 27 июня, по 3 Знака отличия Военного ордена, а в сотню каждого полка, участвовавшего в сражении 28 июня, – по 4 Знака отличия (Отечественная война, 1910: 271-272). Теоретически Ставропольскому полку полагалось 35 «солдатских Георгиев», но он так и не получил их. Награды офицерам до полка, хоть и с опозданием, но все же дошли: Диомидий был произведен в следующий чин (но узнал об этом, когда уже был майором, поэтому 28 января 1813 г. он стал подполковником), зауряд-есаулы Даржаев, Дандаров, зауряд-сотники Лекбедондоков, Медечиев и Соломов получили действительный чин хорунжего (РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. о. Д. 48. Л. 40-40 об.).

Тем временем Барклай-де-Толли, сильно нуждавшийся в иррегулярной коннице, приказал Багратиону вернуть корпус Платова. 17 июля казаки, пройдя под самым носом французов, присоединились к 1-й армии.

21 июля Ставропольский полк в составе бригады И.Д. Иловайского 4-го был включен в летучий корпус генерал-майора Ф.Ф. Винцингероде, в составе которого сражался почти до конца кампании 1812 года.

27 июля в ходе боя за Велиж полк Диомидия атаковал итальянских конных егерей и далматинских вольтижеров со стороны Витебска и «неожиданным нападением привел неприятеля в расстройство» (Попов, 2010: 41). Затем корпус Винцингероде действовал на коммуникациях противника между Витебском и Смоленском, а с 13 по 30 августа – в окрестностях городов Белый и Руза, осуществляя разведку, срывая фуражировку противника, захватив сотни пленных (Попов, 2011: 24-35). Для борьбы с ним Наполеон направил значительные силы, а 15-я итальянская дивизия Д. Пино на день опоздала к «битве у Москвы-реки». Таким образом, ставропольские калмыки, не участвуя в Бородинском сражении, внесли свой посильный вклад в эту битву.

31 августа полк в составе корпуса Винцингероде сражался с авангардом 4-го армейского корпуса вице-короля Е. Богарне при Звенигороде, а затем до 3 сентября – в стычках на подступах к Москве (Попов, 2011: 37-44). За отличия в боях от Велижа до Звенигорода 18 ставропольцев были награждены Знаками отличия Военного ордена. Зауряд-сотник хорунжий Медечиев был награжден Анненским оружием (единственный орден, полученный ставропольцами за кампанию 1812 г.), а зауряд-сотники Ильцхаев и Шарапов получили 14-й класс по «Табели о рангах» (РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. о. Д. 48. Л. 40 об.).

После оставления Москвы корпус Винцингероде прикрывал северное направление на Петербург и Ярославль, при этом «полк калмыков» находился «на дороге из Клина в Дмитров» (Попов, 2011: 58). Одновременно с этим в окрестности Москвы направлялись конные партии, которые вели налеты на вражеские обозы, фуражиров и мародеров. 25 сентября «летучий корпус» имел стычки с 13-й дивизией А.Ж. Дельзона, а в ночь с 1 на 2 октября Винцингероде, узнав об отходе Дельзона из Дмитрова, с лейб-казачьим и Ставропольским калмыцким полками, двумя эскадронами драгунов и двумя эскадронами гусаров атаковал неприятеля и захватил более 100 повозок обоза и 38 пленных (Максимов, Очиров 2012: 330). Через 2 дня Ставропольский полк был направлен в Волоколамск, а затем в ходе серии стычек очистил от противника Рузу. 9 октября Винцингероде выехал на переговоры в Москву, но был взят в плен. Новым командующим «летучего корпуса» стал генерал-майор П.В. Голенищев-Кутузов.

12 октября ставропольцы в составе авангарда В.Д. Иловайского 12-го были направлены через Гжатск и Духовщину для преследования неприятеля, нависая над наполеоновской армией с севера. В ходе преследования Ставропольский полк участвовал в непрерывных стычках с врагом, в том числе

27 октября близ Духовщины (с 4-м корпусом Е. Богарне). В ходе этого боя вице-королю пришлось бросить застрявший на переправе через р. Вопь обоз и 87 орудий. За бои с 9 октября по 8 ноября 1812 г. Голенищев-Кутузов представил к Знаку отличия Военного ордена урядника Андрияна Шармакова, который, «находясь во многих сражениях, всегда впереди охотником, действовал отлично, очень храбро и неустрашимо, чем самым подавал пример своим сотоварищам» (Прозрителев, 1912, [III]: 53). 20 марта 1813 г. управляющий Военным министерством А.И. Горчаков сообщил Голенищеву-Кутузову, что император Александр I утвердил это представление, но к тому времени Ставропольский полк действовал в другом соединении, и награда не нашла своего героя.

В начале ноября полк Диомидия в составе бригады Иловайского 12-го был направлен в группу корпусов П.Х. Витгенштейна. Главная армия, в течение долгого времени преследовавшая Наполеона, нуждалась в отдыхе, поэтому преследование остатков противника возложили на более «свежие» армии П.В. Чичагова и П.Х. Витгенштейна, которых усилили летучими корпусами М.И. Платова и П.В. Голенищева-Кутузова. В период с 17 по 28 ноября калмыки в авангарде Витгенштейна преследовали остатки баварских войск генерала К.Ф. Вреде. В одном из боев под Вильно ставропольцы разгромили большую колонну, захватив в плен 7 офицеров и 120 нижних чинов. Генерал-майор Ф.В. Ридигер представил к наградам капитана Диомидия (к ордену Св. Владимира 4-й степени) и зауряд-есаула (хорунжего) Дандарова (РГВИА. Ф. 103. Оп. 208в. Св. 50. Д. 3. Л. 25 об.), но эти представления не были реализованы. С 29 ноября по 4 декабря полк Диомидия преследовал французов по дороге из Вильно в Ковно и далее до Немана, к началу декабря в составе авангарда генерал-майора Д.Д. Шепелева вышел к границе, а уже 14 декабря в составе отряда Голенищева-Кутузова участвовал в бою с войсками маршала Э.Ж. Макдональда у Тильзита. 22 декабря Ставропольский полк пересек границу, а 26 – вошел в Тильзит (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3085. Л. 5-8). 16 декабря 1812 г. капитан Диомидий был произведен в майоры.

Заграничный поход Ставропольский полк начал с нехарактерного для иррегулярной конницы занятия – блокады крепостей: с 4 января по 2 февраля 1813 г. в составе корпуса Ф.Ф. Левиза он участвовал в осаде Данцига, 20 февраля в составе авангарда Г.Н. Репнина вошел в Берлин, с 1 марта в составе отряда Б.Б. Гельфрейха участвовал в блокаде Кюстрина, а 24 марта был переведен в отряд Э.Ф. де Сен-При, блокировавшего крепость Глогау.

Лишь весной 1813 г. полк Диомидия вернулся в Главную армию Витгенштейна. Калмыки наконец смогли заняться более привычными занятиями: лихими налетами и действиями в авангарде и арьергарде. С 20 апреля по 22 мая полк Диомидия был в отряде генерал-майора Г.А. Эммануэля корпуса генерала от инфантерии М.А. Милорадовича. 20 апреля Наполеон выиграл генеральную битву при Люцене, в которой корпус Милорадовича не участвовал, но в наградных документах офицеров Ставропольского полка обозначено их участие в битве под Люценом в составе отряда Эммануэля. Главная армия начала отход на укрепленные позиции за Шпрее под прикрытием арьергарда Милорадовича. В ходе отступления ставропольцы участвовали в боях 29 апреля при Вейссиге, 30 апреля у Штольпена, 6 мая при Нейкирхене. 11 нижних чинов были представлены к Знакам отличия Военного ордена, но лишь три младших урядника получили эту награду.

8–9 мая произошло генеральное сражение под Бауценом, вновь выигранное Наполеоном. Левфланговому корпусу Милорадовича пришлось два дня отражать сильные атаки корпусов Н.Ш. Удино и О.Ф. Мармона. Отряд Эммануэля, прикрывавший левый фланг Милорадовича, неоднократно ходил в контратаки против вражеской конницы. В ходе одной из атак группа из 14 калмыков уничтожила 24 солдата неприятеля, а 52 (в том числе 2 офицеров) – взяли в плен. По итогам сражения 24 ставропольца были награждены Знаками отличия Военного ордена: 10 – за бой 8 мая, 14 – за бой 9 мая (РГВИА. Ф. 103. Оп. 208в. Св. 47. Д. 5 (7). Л. 312-312 об.). Союзной армии, которую теперь возглавил Барклай-де-Толли, вновь пришлось отступать, при этом необходимо было форсировать ряд рек. Ставропольцы вновь сражались в арьергарде, в том числе на переправе через Нейсе 11 мая у Радмерица, 14 мая при Лаубане, 18–20 мая у г. Яуэр. 19 ставропольцев были представлены Эммануэлем к награждению Знаками отличия Военного ордена, но они их так и не получили (часть представленных оказалась награждена за другие бои).

По итогам всей серии боев четыре старших урядника были представлены к наградам, но двое из них уже имели «Георгиевские кресты», поэтому наградили только Андрияна Шармакова (не знавшего о своем награждении за бои осенью 1812 г.) и Лавра Анчукова. Всего за бои весной 1813 г. в Ставропольском полку Знаками отличия были награждены 29 человек. Следует отметить, что эти 29 крестов прислали уже после окончания войны – 27 июня 1814 г., причем не по именному списку, а на весь полк. Ответ Диомидия старшему адъютанту 1-го корпуса подполковнику Яковлеву с приложением списка награжденных и номеров наград датирован 10 ноября 1814 г. Видимо, те, кто был представлен в мае 1813 г., но не награжден, погибли или умерли (в документах эти фамилии более не встречаются), а их награды передали другим отличившимся.

Что касается офицеров, то представления на них по итогам впечатляющей серии боев Витгенштейн утвердил без изменений. Диомидий был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени, зауряд-есаулы (и хорунжие) Даржаев и Дандаров, хорунжий Шаратов, чиновники 14-го класса зауряд-есаул Беков и зауряд-сотник Ильцхаев – орденами Св. Анны 3-го класса (РГВИА.

Ф. 103. Оп. 208в. Св. 47. Д. 5 (7). Л. 312-312 об.; Св. 50. Д. 3. Л. 190, 193 об.-194).

В июле 1813 г. в период Плейсвицкого перемирия Ставропольский полк был включен в состав корпуса А.Ф. Ланжерона Силезской армии Г.Л. Блюхера (Богданович, 1863: 678). К началу августа полк, не имевший пополнений в течение всей войны, имел в своем составе 11 обер-офицеров, 18 урядников, 320 казаков и 380 лошадей (РГВИА. Ф. 103. Оп. 208г. Св. 8. Д. 35. Ч. 2. Л. 6 об.-7).

После завершения перемирия Наполеон, стремясь разбить союзников по частям, обрушил все силы на армию Блюхера. Иррегулярная конница вновь сыграла большую роль в прикрытии отхода. С 6 августа по 3 сентября (до ранения) Диомидий командовал казачьей бригадой, а временно командующим Ставропольским полком стал есаул В.А. Даржаев. В составе летучего отряда генерал-майора П.С. Кайсарова полк 6, 8, 9 и 11 августа принимал участие в боях под Ленгом. За проявленную храбрость и мужество в этих боях есаул Даржаев был повторно награжден орденом Св. Анны 3-го класса, а урядник Федор Кедесенов произведен в хорунжие (Прозрителев, 1912, [III]: 44).

Тем временем Наполеон, поняв бесперспективность преследования Блюхера, отошел с гвардией и несколькими корпусами в Саксонию, оставив против Силезской армии Бобрускую армию маршала Э.Ж. Макдональда. С 13 по 16 августа ставропольцы участвовали в бою при м. Гиршберг и стычках при переправе противника через р. Бобр. 14 августа Блюхер в битве на Кацбахе наголову разбил неприятеля, а затем организовал активное преследование армии Макдональда. С 28 августа по 1 сентября полк Даржаева сражался при Лебау и Хохкирхене, 3 сентября – при Пуцкау (РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. о. Д. 107. Ч. 49. Л. 3-5). За отличия в боях в Силезии в августе–сентябре 1813 г. генерал Ланжерон с разрешения Блюхера награждал Знаками отличия урядника Андрияна Шармакова (№ 36093) и казака Василия Егемелова (Эмгенова, № 36094), которые 10 ноября 1814 г. получили аналогичные награды за весенние бои (РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. о. Д. 72. Л. 65, 68, 341, 343).

После поражений у Гросс-Беерена, Кульма и на Кацбахе Наполеон все свои силы сконцентрировал вокруг Дрездена. Союзники приняли решение обойти его и перерезать в Лейпциге основную коммуникационную линию, связывающую Дрезден с Францией. Богемская и Польская армии начали обход с юга, а Силезская армия должна была соединиться с Северной армией и обойти Наполеона с севера. Во время марш-маневра на левом фланге Силезской армии была выстроена кавалерийская завеса против разведывательных поисков и набегов вражеской кавалерии. В составе этой завесы был и Ставропольский полк, который в период с 21 по 28 сентября числился в кавалерийском корпусе барона Ф.К. Корфа и был командирован в летучим отрядом Д.М. Юзefовича по дороге к Торгау. 22 сентября полк участвовал в бою при Доличе и захвате редута, 23 сентября – в боях у Пидны, Цинны, Заптица и захвате еще трех редутов, 26 сентября сражался при Кельчау, под стенами крепости Торгау, при занятии Эйленбурга, 27 сентября – у Шильды. Бои были весьма тяжелыми. Например, в ходе боя у Шильды 4 драгунских и 1 калмыцкий полк сражались с 10 кавалерийскими (в том числе 2 карабинерными и 4 кирасирскими) полками из 2-го кавалерийского корпуса О.Ф. Себастьяни и нанесли им поражение. Кавалерийская завеса справилась со своей задачей и обеспечила движение Силезской и Северной армий к Лейпцигу. За отличия в этом рейде Ланжерон в январе 1814 г. представил сотника Медечиева к званию есаула, а урядника Шармакова, который «в аванпостах и в ударах был примером храбрости и деятельности» (и уже трижды награжденного «солдатскими Егориями»), – к званию хорунжего. Однако представление на Медечиева было отклонено Барклаем-де-Толли 8 апреля 1814 г. с незаслуженно резкой резолюцией «Пустое дело оставить без уважения» (Прозрителев, 1912, [III]: 46).

4–7 октября ставропольцы сражались в «Битве народов» под Лейпцигом, действуя в составе корпуса Ланжерона на северном направлении, однако какие-либо подробности их участия неизвестны, кроме того, что весь состав полка показал «пример служения воинскому долгу». Не удалось пока найти и сведения об их награждениях за участие в «Битве народов», за исключением рядового И.И. Байжихаева, получившего Знак отличия Военного ордена.

После сражения при Лейпциге полк преследовал французов до Рейна.

Наполеон, вернувшись во Францию, развернул большую часть своих сил вдоль Рейна, пытаясь выиграть время для набора новых войск. Ключевым узлом обороны участка 4-го корпуса Ш.А. Морана стала крепость Майнц, осаду которой поручили корпусу Ланжерона. С 24 декабря 1813 г. в блокаде Кастеля и Майнца участвовал и Ставропольский полк Даржаева (в составе казачьей бригады Диомидия). Однако Блюхер полагал, что отвлекать корпуса ветеранов на осаду крепостей бессмысленно, и заменил корпус Ланжерона на более слабый 5-й Германский корпус Ф.Э. Саксен-Кобургского, усилив его казачьей бригадой Диомидия. Гарнизон Майнца почти вдвое превосходил осаждающих, и в этих условиях роль конницы, способной быстро перемещаться вдоль ретраншементов, оказалась весьма заметной. Майнц сдался лишь 11 апреля 1814 г. (уже после отречения Наполеона и завершения войны). По итогам блокады командир полка есаул Даржаев был удостоен монаршего благоволения, а хорунжий Батырев – награжден орденом Св. Анны 3-го класса (РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. о. Д. 25. Л. 68, 70, 70 об., 71).

Еще одним ставропольцем, награжденным за кампанию 1814 г., стал сотник С.А. Медечиев, который был назначен адъютантом командира кавалерийского корпуса барона Ф.К. Корфа. 23 февраля он участвовал в сражении при Краоне, а 13 марта отличился в сражении у Фер-

Шампенуаза, за что и был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом (РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. о. Д. 94. Л. 10, 18).

Сведений о выбывших офицерах у нас нет, но в ведомостях по итогам кампании 1812 г. указано, что убитых офицеров не было (трое получили ранения). В сохранившихся месячных рапортах между мартом и июнем 1813 г. исчезает зауряд-хорунжий Бюретов, которого уже летом сменил повышенный из урядников Кедесенов. В августе 1813 г. прапорщик Баглунов был направлен в Вагенбург и на службу обратно не вернулся. В 1814 г. из списков офицеров исчезли прапорщики Тандукатаев, Харчисов и хорунжий Лекбедондоков. В послужном списке войска за 1815 г. никого из убывших пяти офицеров нет.

5. Заключение

Награждений в кампанию 1807 г. было слишком мало, чтобы делать какие-то обобщения. Однако служба Ставропольского полка в войне 1812–1814 гг. дает гораздо больше возможностей для анализа. В ходе этой войны в полку служило 17 офицеров-калмыков (без учета командира-грека), из которых как минимум 10 получили действительные офицерские чины, а еще 3 имели их до войны. Трое офицеров производства 1803 г. наград в ходе войны не имели, а из 10 офицеров, произведенных в период войны, 7 (то есть почти $\frac{2}{3}$) были награждены орденами Св. Анны 3-го класса (в том числе В.А. Даржаев – дважды, по ошибке). Один из них (С.А. Медечиев) был также награжден орденом Св. Владимира 4-й степени, а Даржаев отмечен монаршим благоволением. Характерно, что из 7 награжденных офицеров 5 были простолюдинами, 1 – джунгарским нойоном (Медечиев), 1 – зайсангом (М.М. Беков). Если говорить о возрасте (по данным на 1812 г.), то из 7 награжденных четверо были в возрасте от 29 до 32 лет, остальные – в возрасте 53, 47 и 24 лет.

Что касается нижних чинов, то в документах их награды отразились неполно, а послужные списки заполнялись только на урядников. По неполным данным войны Ставропольского полка были награждены 86 Знаками отличия Военного ордена (в том числе по ошибке А. Шармаков – трижды, Л. Анчуков и В. Эмгенов – дважды). К сожалению, из-за бюрократических проволочек и незнания правил награждения не все награды дошли до героев, поэтому реально награжденных нижних чинов в полку оказалось гораздо меньше.

Война 1812–1814 гг. показала явное несовершенство орденой системы России, которая заметно ограничивала возможности для многократных награждений отличившихся воинов, особенно нижних чинов и обер-офицеров.

6. Благодарности

Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации АААА-А17-117030910096-7).

Литература

Беликов, 1960 – Беликов Т.И. Участие калмыков в войнах России в XVII, XVIII и первой четверти XIX веков. Элиста: Калмгосиздат, 1960. 144 с.

Богданович, 1863 – Богданович М.И. История войны за независимость Германии по достоверным источникам. СПб.: Типография Штаба Военно-Учебных Заведений, 1863. Т. I. X, X, 691 с.

Булдыменко, Кузнецов, 2002 – Булдыменко П.В., Кузнецов П.Е. Польская кавалерия в бою под Миром в 1812 г. // Воин. 2002. № 10. С. 44-50.

Джунджузов, 2014 – Джунджузов С.В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XX века). Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2014. 434 с.

Калинин, 2007 – Калинин С.Е. Ставропольское калмыцкое войско // Рейтар. 2007. № 38. С. 26-38.

Калмыки, 1964 – Калмыки в Отечественной войне 1812 года. Сборник документов, Элиста: Калмгосиздат, 1964. 163 с.

Кичиков, 1964 – Кичиков М.Л. Введение // Калмыки в Отечественной войне 1812 года: Сборник документов. Элиста: Калмгосиздат, 1964. С. 7-16.

Кузнецов, 2008 – Кузнецов В.А. Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара–Челябинск: Челябинский ЦНТИ, 2008. 478 с.

Максимов, Очиров, 2012 – Максимов К.Н., Очиров У.Б. Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2012. 519 с.

НА КалмНЦ РАН – Научный архив Калмыцкого научного центра РАН.

Отечественная война, 1910 – Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Отд. I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Т. XIII. Боевые действия в 1812 г. (Июнь месяц). СПб.: Типография «Бережливость», 1910. XXVI, 417, XXXII с.

ПСЗРИ, 1830 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. XXVII. 1802–1803. 1196 с.

Попов, 2010 – Попов А.И. Боевые действия под Велижем в 1812 году // Воин. 2010. № 9. С. 41-48.

- Попов, 2011** – *Попов А.И.* «Летучий корпус» генерала Ф. Винцингероде в 1812 г. М.: ООО «Книга», 2011. 104 с.
- Прозрителев, 1912** – *Прозрителев Г.Н.* Военное прошлое наших калмык // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. Вып. 3. Ставрополь: Губ. правление, 1912. С. 1-232.
- Рахимов, 2013** – *Рахимов Р.Н.* Национальная конница императора Александра I в наполеоновских войнах. 1807–1814 гг. М.: ООО «ИД «Клио», 2013. 104 с.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Чонов, 1912** – *Чонов Е.* Калмыки в русской армии XVII в., XVIII в. и 1812 год. Пятигорск: Г.А. Сукиасянц, 1912. 71 с.
- Шовунов, 1990** – *Шовунов К.П.* Во славу Отечества. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 60 с.

References

- Belikov, 1960** – *Belikov T.I.* (1960). Uchastie kalmykov v voynakh Rossii v XVII, XVIII i pervoy chetverti XIX vekov [Kalmyks in Russia's wars: 17th c., 18th c., and mid-1820s]. Elista. 144 p. [in Russian]
- Bogdanovich, 1863** – *Bogdanovich M.I.* (1863). Istoriya voyny za nezavisimost' Germanii po dostovernym istochnikam [History of the War for independence of Germany: reliable sources]. St. Petersburg. Vol. I. X, X, 691 p. [in Russian]
- Buldymenko, Kuznetsov, 2002** – *Buldymenko P.V., Kuznetsov P.E.* (2002). Pol'skaya kavaleriya v boyu pod Mirom v 1812 g. [Polish cavalry in the Battle of Mir (1812)]. *Voin.* 2002. No. 10. Pp. 44-50. [in Russian]
- Dzhundzhuzov, 2014** – *Dzhundzhuzov S.V.* (2014). Kalmyki v Srednem Povolzh'e i na Yuzhnom Urale: imperskie mekhanizmy akkul'turatsii i problema sokhraneniya etnicheskoy identichnosti (seredina 30-kh godov XVIII – pervaya chetvert' XX veka) [Kalmyks in the Middle Volga and Southern Urals: imperial acculturation mechanisms and the problem of preserving ethnic identity (mid-1730s – mid-1920s)]. Orenburg. 434 p. [in Russian]
- Kalinin, 2007** – *Kalinin S.E.* (2007). Stavropol'skoe kalmytskoe voysko [Stavropol Kalmyk Host]. *Reytar.* No. 38. Pp. 26-38. [in Russian]
- Kalmyki, 1964** – *Kalmyki...* (1964). Kalmyki v Otechestvennoy voyne 1812 goda. Sbornik dokumentov [Kalmyks in the Patriotic War of 1812: collected documents]. Elista. 163 p. [in Russian]
- Kichikov, 1964** – *Kichikov M.L.* (1964). Vvedenie [Foreword]. Kalmyki v Otechestvennoy voyne 1812 goda: sbornik dokumentov [Kalmyks in the Patriotic War of 1812: collected documents]. Elista. Pp. 7–16. [in Russian]
- Kuznetsov, 2008** – *Kuznetsov V.A.* (2008). Irregulyarnye voyska Orenburgskogo kraya [Irregular troops of Orenburg province]. Samara–Chelyabinsk. 478 p. [in Russian]
- Maksimov, Ochirov, 2012** – *Maksimov K.N., Ochirov U.B.* (2012). Kalmyki v napoleonovskikh voynakh [Kalmyks in the Napoleonic Wars]. Elista. 519 p. [in Russian]
- NA KalmNTs RAN** – Nauchnyj arkhiv Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN [Scientific Archive of Kalmyk Scientific Center of RAS]. [in Russian]
- Otechestvennaya voyna, 1910** – *Otechestvennaya voyna...* (1910). Otechestvennaya voyna 1812 goda. Materialy VUA. Otd. I. Perepiska russkikh pravitel'stvennykh lits i uchrezhdeniy. T. XIII. Boevye deystviya v 1812 g. (Iyun' mesyats) [Patriotic War of 1812. Papers of the Military Training Archive. Section I. Correspondence between Russian executives and institutions. Vol. XIII. Combat actions of 1812: June]. St. Petersburg. XXVI, 417, XXXII p. [in Russian]
- PSZRI, 1830** – *Polnoe sobranie...* (1830). Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. One]. St. Peterburg. Vol. XXVII. 1802–1803. 1196 p. [in Russian]
- Popov, 2010** – *Popov A.I.* (2010). Boevye deystviya pod Velizhem v 1812 godu [Velizh combat actions in 1812]. *Voin.* No. 9. Pp. 41-48. [in Russian]
- Popov, 2011** – *Popov A.I.* (2011). «Letuchiy korpus» generala F. Vincingerode v 1812 g [F. Wintzingerode's 'flying squad' in 1812]. Moscow. 104 p.
- Prozritelev, 1912** – *Prozritelev G.N.* (1912). Voennoe proshloe nashikh kalmyk [Military past of our Kalmyks]. *Trudy Stavropol'skoy uchenoy arkhivnoy komissii.* Is. 3. Stavropol. Pp. 1-232. [in Russian]
- Rakhimov, 2013** – *Rakhimov R.N.* (2013). Nacional'naya konnica imperatora Aleksandra I v napoleonovskikh voynakh. 1807–1814. [National cavalry of Emperor Alexander I in the Napoleonic wars. 1807–1814]. Moscow. 104 p. [in Russian]
- RGVIA** – Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv [Russian State Archive of Military History]. [in Russian]
- Chonov, 1912** – *Chonov E.* (1912). Kalmyki v russkoy armii XVII v., XVIII v. i 1812 god [Kalmyks in the Russian army: 17th c., 18th c., and 1812]. Pyatigorsk. 71 p. [in Russian]
- Shovunov, 1990** – *Shovunov K.P.* (1990). Vo slavu Otechestva [In the name of the glory of Motherland]. Elista. 60 p. [in Russian]

Награждения воинов Ставропольского калмыцкого полка в период наполеоновских войн

Уташ Борисович Очиров^{а, *}

^а Калмыцкий научный центр РАН, Российская Федерация

Аннотация. Ставропольское калмыцкое войско было создано из крещеных калмыков в 1730-х гг., поселенных на средней Волге вокруг крепости Ставрополь-на-Волге (ныне г. Тольятти). Войско было создано на правах казачьего, но его служащих окончательно унифицировали в правах с Донским Войском в начале XIX в. Ставропольское войско ежегодно несло пограничную и полицейскую службу, но в экстренных случаях выделяло полк для участия в войнах России в Европе. Однако за боевые отличия воины-ставропольцы в XVIII в. орденами не награждались, так как рядовым они не полагались, а казаки офицеры служили зауряд, то есть исполняли офицерские обязанности, но действительных офицерских чинов, дающих право на сословные привилегии, в том числе дворянство, не имели.

Ситуация изменилась в эпоху наполеоновских войн. С 1807 г. рядовых воинов стали награждать специальным знаком отличия, а зауряд-офицеры стали получать действительные офицерские чины и право на награждение орденами Российской империи. В войне 1806–1807 гг. Ставропольский полк участвовал лишь в заключительных боях, но в следующую войну 1812–1814 гг. он провоевал от первого до последнего дня. В 1812 г. ставропольцы сражались в составе «летучих» корпусов М.И. Платова и Ф.Ф. Винцингероде, в 1813 г. участвовали в блокаде ряда крепостей, а затем действовали в составе корпуса М.А. Милорадовича соединенной русско-прусской армии и группы корпусов А.Ф. Ланжерона Силезской армии, в 1814 г. завершили войну блокадой крепости Майнц. К сожалению, из-за бюрократических ошибок награды иногда приходили поздно или не были получены вовсе.

Ключевые слова: наполеоновские войны, русская армия, иррегулярная конница, национальные части, Ставропольский калмыцкий полк, орден Св. Георгия, орден Св. Владимира, орден Св. Анны, зауряд-офицеры, казаки.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: utash-ochirov@yandex.ru (У.Б. Очиров)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1003-1010. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1003
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Kalmyk Cavalry in the Russo-Turkish War of 1735–1739: Campaign of 1736

Vladimir T. Tepkeev ^{a, *}

^a Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article examines in detail the participation of the Kalmyk cavalry in the military campaign of 1736 in the framework of the Russo-Turkish War of 1735-1739. This topic was superficially covered in the works of most researchers, who only briefly covered the main events of the participation of Kalmyks in this war. The aim of the work is to introduce into scientific circulation new information on the circumstances of the preparation and participation of the Kalmyk cavalry in the 1736 campaign. The main source base for this work was the materials of the National Archives of the Republic of Kalmykia, where documents relating to the correspondence of Khan Donduk-Ombo with regional administrations in southern Russia were postponed. Their analysis led to the conclusion that the active and massive participation of Kalmyks in the Russian-Turkish war was the result of the decision of the Russian government to vest the governor of the Khanate Donduk-Ombo with power, since it was he who was able to ensure the advance of the Kalmyk cavalry in the Kuban direction in order to cover the left flank of the Donskoy army. In 1736, Kalmyk cavalry twice made campaigns in the Kuban region, causing considerable damage to the enemy. The participation of the Kalmyk cavalry in the 1736 campaign was highly appreciated by Empress Anna Ioannovna, who in March 1737 granted the Donduk-Ombo Khan's title.

Keywords: Kalmyks, the Russian-Turkish war, the Crimean Khanate, Kuban Nogai, Don Cossacks.

1. Введение

Более вековая история Калмыцкого ханства отображена во многих источниках и с XVIII в. была объектом пристального внимания разных исследователей. Исключением не стала и такая интересная тема, как военная история калмыков, в том числе и их участие в русско-турецких войнах XVII–XVIII вв. Так получилось, что большинство авторов лишь обзорно освещали тему участия калмыков в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг., поэтому в данной статье, которая является продолжением предыдущих публикаций (Тепкеев, 2019; Тепкеев, 2020), автором будет подробно рассмотрено участие калмыцкой конницы только в кампании 1736 г.

В истории русско-турецких конфликтов война 1735–1739 гг. не относится к числу успешных, но именно в ходе нее русской армии впервые удалось вторгнуться на Крымский полуостров. В военном плане Россия не была достаточно готова к серьезному вооруженному конфликту с Османской империей, что отразилось на формировании задач военной кампании: добиться возврата Азова, отменить Прутский договор 1711 г. и укрепить южное российское порубежье.

Формально необъявленная война началась для России 23 июля 1735 г. Командующий русскими войсками генерал-фельдмаршал Христофор Антонович Миних получил правительственное указание начать военные действия против Османской империи и Крымского ханства, но кампания началась крайне неудачно. 20-тысячное войско генерала М.И. Леонтьева даже не дошло до Перекопа и было вынуждено возвратиться. Однако даже этот неудавшийся маневр все-таки сумел сорвать закавказский поход Каплан-Гирея и вынудить его вернуться в Крым.

* Corresponding author

E-mail addresses: vtv75@mail.ru (V.T. Tepkeev)

Эти обстоятельства, а также наступавшая зима вызвали временную паузу на театре военных действий. С начала войны русские войска были разделены на две армии – Днепровскую и Донскую. Необходимость ослабить крымские силы и прикрыть русские войска, собиравшиеся осадить Азов, обязывала российское командование в 1736 г. направить Днепровскую армию генерал-фельдмаршала Миниха в Крым. Донская армия под командованием генерал-фельдмаршала П.П. Ласси должна была взять Азов и затем поспешить на помощь Миниху (Петрухинцев, 1998: 64).

В условиях жесткой конфронтации и борьбы за власть внутри Калмыцкого ханства, когда большинство калмыцких владельцев последовало за Дондук-Омбо и в 1731 г. откочевало на Кубань под протекторат крымского хана, российское правительство было заинтересовано в скорейшем разрешении неурядиц. Российское правительство старалось преодолеть политический раскол и объединить все имеющиеся военные силы Калмыцкого ханства для выступления против Крыма. Осуществление этого плана возможно было путем смены власти непопулярного в народе хана Церен-Дондука (1724–1735 гг.) на авторитетного среди калмыков Дондук-Омбо. Именно он был в состоянии обеспечить активное участие калмыцкой конницы в русско-турецкой войне.

Когда императрица Анна Иоанновна в 1735 г. предоставила ему гарантии безопасности в случае возвращения и пост наместника ханства, Дондук-Омбо с улусами возвращается с Кубани на Волгу, что вызвало настоящий переполох в крымском дворе. Попытки хана Каплан-Гирея вернуть обратно калмыцкого владельца, предоставив ему большие подарки и титул сераскера «над всем кубанским и калмыцким народом», не имели успеха (Бакунин 1995: 149).

14 ноября 1735 г. на р. Сарпа произошла встреча Дондук-Омбо с астраханским губернатором Иваном Петровичем Измайловым (1731–1735 гг.). Дондук-Омбо присягнул на верность российской императрице, а губернатор провозгласил его наместником калмыцкого народа, что стало достижением давней цели владельца. Однако главным условием соглашения было вступление калмыцких войск в русско-турецкую войну.

2. Материалы и методы

Материалы Национального архива Республики Калмыкия стали основной источниковой базой. В фонде И-36 («Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе») отложились уникальные документы XVIII в. астраханской и царицынской администраций по «калмыцким делам», а также личные письма Дондук-Омбо и других владельцев о подготовке и ходе кубанских походов в оригинале и переводах.

В работе с архивным материалом применялся историко-сравнительный метод, с помощью которого автор сопоставил хронику участия калмыцкой конницы в военной кампании 1736 г. на основе совпадающих сведений, которые содержатся в большинстве источников. Это позволило избежать односторонности в рассмотрении исторических событий.

3. Обсуждение

Изучение истории Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. требует самого серьезного внимания, поскольку результаты исследования будут способствовать более ясному пониманию важных закономерностей истории отечественного военного искусства и международной политики XVIII в. (Михайлов, 2012: 346). Участие калмыцкой конницы в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. отражено в нескольких работах обзорного характера (Батыров, 2006; Джунджузов, Любичанковский, 2019; Очиров, 2009; Цюрюмов, 2001; Цюрюмов, 2005; Цюрюмов, 2007; Цюрюмов, Батыров, 2006). Высоко оценивая боевые качества калмыцкой конницы в русско-турецких войнах, В.А. Потто писал: «Нельзя отрицать того громадного значения, которое имели калмыки при наших операциях на Кубани» (Потто, 1889: 59). Подробно описал военную кампанию 1736 г. военный историк А.К. Баиов, однако он поверхностно осветил действия калмыцкой конницы в весеннюю кампанию, которую считал неудачной, и ничего не сказал о ее действиях на Кубани в осенне-зимний период (Баиов, 1906: 296, 297). Более подробно осветил участие калмыков в этой кампании П.Г. Бутков, в целом посчитав его успешным (Бутков, 1869: 197-202).

4. Результаты

В военно-стратегических планах русского командования кампания 1736 г. заключалась в достижении конкретной цели, чтобы добиться контроля над устьем Дона и овладеть Крымом. В начале марта 1736 г. командующий русскими войсками генерал-фельдмаршал Миних составил подробный план кампании, согласно которому Днепровская армия под его командованием выступала на крымское направление, а Донская армия под началом генерала П.П. Ласси должна была действовать на азовском направлении.

Согласно общему плану, казаки и калмыки должны были действовать на кубанском направлении для прикрытия левого фланга Донской армии. Оказавшись под мощным ударом, кубанцы не имели бы возможность оказать какую-либо поддержку турецкому Азову. Для проведения наступательной операции поддержку должны были оказать кабардинцы, терские, гребенские и сулакские казаки. Но главной ударной силой выступала все-таки калмыцкая конница Дондук-Омбо.

Весной 1736 г. калмыцкое войско собиралось выдвинуться на Кубань, но, следуя калмыцко-крымскому договору, Дондук-Омбо предварительно послал на Кубань официальное объявление войны, которое больше выглядело как предупреждение о готовящемся вторжении. По сведениям, полученным в Царицыне, в течение зимы 1735/36 года и уже перед самым походом Дондук-Омбо неоднократно отправлял к кубанским ногайцам посланников с объявлением: «Идет татар воевать по наряду от российской стороны, и дабы они, татары, со всяким поспешением убирались и кочевали бы в дали к горам». Многие кубанцы поспешили последовать совету калмыцкого правителя, что, по мнению очевидцев, позволило им избежать больших потерь во время весеннего вторжения калмыков на Кубань (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 78. Л. 26-26 об.).

Официальное послание Дондук-Омбо об объявлении войны доставил на Кубань крымский татарин Тугул Дархан в сопровождении шести калмыков. Послание было доставлено только ногайскому племени хатай-кыпчак. Основное содержание письма носило предупреждающий характер о начале русско-турецкой войны и калмыцком походе на Кубань. Поскольку российские войска еще не подошли, Дондук-Омбо советовал кубанцам как можно быстрее от них скрыться (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 79. Л. 127).

Данный поступок абсолютно соответствовал внешнеполитической традиции калмыков того времени. Еще в 1711 г. калмыцкий хан Аюка накануне русско-турецкой войны 1710–1711 гг. в своем письме к астраханскому обер-коменданту М.И. Чирикову ставил его в известность о существовании калмыцко-крымского договора о мире. Однако в случае русско-турецкой войны этот договор расторгался по обоюдному согласию (Новолетов, 1884: 11).

12 апреля 1736 г. официально Россия объявила войну Турции, хотя российские войска еще в марте приступили к осаде турецкой крепости Азов. Калмыцкое войско выступило в поход 3 апреля, и переход расстояния от реки Сарпа до Кубани, как сообщала в письме ханша Джан, у калмыков занял ровно 21 день. Также она сообщала, что, несмотря на предпринятые оборонительные меры кубанских Батура Азамата Сан-мирзы, Арслан-мирзы и других владельцев, Дондук-Омбо сумел их до смерти разгромить, а их жен и детей взял в полон (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 81. Л. 140).

По другим данным, полученным из калмыцких улусов, первое боестолкновение калмыков с кубанцами произошло в верховьях реки Орпа, расположенных в ста верстах от Кубани. Здесь калмыками в лесу был обнаружен и разбит улус кубанских ногайцев, насчитывавший 3 тыс. кибиток. Все мирзы и мужское население этого улуса были перебиты, а в полон захвачено 10 тыс. женщин и детей (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 81. Л. 140 об.-141).

В «Материалах» П.Г. Буткова сообщается, что первым пострадало от войска Дондук-Омбо ногайское племя навруз-улу, насчитывавшее 5 тыс. кибиток. Эти кубанские ногайцы не успели вовремя скрыться от калмыков и в междуречье Кубани и Орпа соорудили укрепление в три ряда из арб и телег. Оставшись у Кубани, Дондук-Омбо направил против лагеря ногайцев своего сына Галдан-Нормо во главе 20-тысячного войска. Калмыкам пришлось брать его штурмом, атаковав со всех сторон в пешем порядке. Несмотря на потери в живой силе, ногайский лагерь был полностью уничтожен, а все его защитники мужского пола были перебиты, в том числе «знатный во всей Кубанской орде» Батыр-Азамат с 23 мирзами. По данным П.Г. Буткова, всего было взято в плен калмыками около 20 тыс. женщин и детей (Бутков, 1869: 185).

Силы сторон были неравными, поскольку общая численность калмыков, по данным калмыцкой стороны, составляла 27 тыс. человек, в состав которой входили 22-тысячное войско Дондук-Омбо и 5 тыс. человек владельца Лубжи, сына Дорджи Назарова (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 81. Л. 141). Однако донской старшина Данила Ефремов рапортовал, что Дондук-Омбо выступил на Кубань с 40-тысячным войском (Бутков, 1869: 185). Как видим, цифры сильно разнятся, хотя, согласно первоначальному плану командования, на кубанском направлении должны были действовать 20 тыс. калмыков и 4 тыс. донских казаков (Баиов, 1906: 296). Очевидно и то, что главной ударной силой на этом направлении выступала именно калмыцкая конница.

После первого боестолкновения Дондук-Омбо расположил основные свои силы в верховьях реки Егорлык, близ Кубани, где дал отдохнуть войскам после длительного перехода и ожидал подхода донских казаков старшины Ивана Краснощекова и кабардинских владельцев с войском. Согласно плану, они совместными усилиями должны были перейти Кубань и вторгнуться на основную территорию Кубанской орды (Бутков, 1869: 185).

Некоторые из кубанских мирз, такие как Бек-Улу-Мус и Кара-Улу-Мус, узнав о приходе калмыцкого войска, засели в осаду в верховьях реки Инджик, но при этом поспешили отправить посланцев к Дондук-Омбо с согласием принять российское подданство. Калмыцкий правитель отправил к указанным мирзам своих представителей с объявлением, чтобы они избежали разорения своих улусов путем немедленного перехода под власть императрицы (Бутков, 1869: 185-186).

Во время отдыха высланная вперед разведка донесла, что в 160 верстах от калмыцкого лагеря кочевали четыре ногайских улуса племени салтан-улу общей численностью примерно 30 тыс. кибиток. Дондук-Омбо сразу принял решение выдвинуть войска в этом направлении. Укрепившись в труднодоступном месте, ногайцы отказывались вступать в какие-либо переговоры. Внушительные силы оборонявшихся ногайцев заставили калмыков перейти к длительной осаде. Появление 20 мая

донских и терских казаков с войсковым старшиной Иваном Краснощековым и полторатысячного отряда кабардинцев во главе с М. Кургокиным и К. Атажукиным резко изменило обстановку, и объединенные силы перешли в наступление (Цюрюмов, Батыров, 2006: 56). В ходе непрекращающихся атак кубанские мирзы на 37-й день осады вынуждены были пойти на переговоры, соглашаясь принять российское подданство (Баиов, 1906: 297).

200 ногайских мирз четырех фамилий вместе со своим салтаном письменно подписали присягу верности, предоставив в аманаты своих сыновей. Мирзы также получили заверение от российской стороны, что по окончании войны они будут находиться под защитой россиян и не будут выданы туркам. Ногайским владельцам было приказано кочевать по рекам Терек, Малка и Кума, близ российской границы, куда они немедленно стали перекочевывать (Бутков, 1869: 186-187). По сведениям Дондук-Омбо, он взял в аманаты четырех человек у четырех ногайских фамилий и передал их Даниле Ефремову. Также указанные ногайцы обязывались кочевать в Кабарде и давать дань Дондук-Омбо, как ранее они выплачивали его деду, хану Аюке (Цюрюмов, Батыров, 2006: 56-57).

Несмотря на этот военный успех, далеко не все кубанцы были приведены в подданство, поэтому императрица Анна Иоанновна приказала продолжить поход с целью покорения оставшихся ногайцев (Баиов, 1906: 297). Около 15 тыс. кубанцев присоединилось к объединенному войску «для поиска» оставшихся кубанских ногайцев, скрывшихся в горах у темиргоевцев и бестенейцев (Бутков, 1869: 186-187). Движение на юг войска Дондук-Омбо привело к тому, что без боя ему сдалось и ногайское племя казбулат-улу. Только после этого калмыки вернулись в свои улусы (Цюрюмов, Батыров, 2006: 56-57).

Когда в мае русская армия, осаждавшая Азов, получила известие об успешных действиях калмыков и казаков на Кубани, это вызвало всеобщее ликование в войсках. Генерал-фельдмаршал П.П. Ласси в «Журнале военных действий при осаде крепости Азова» сообщал, что о победе калмыков и казаков на Кубани, в ходе которой было побито 30 000 «кочевых татар» и в плен взято до 10 тысяч человек, им стало известно 7 мая. Это радостное известие произвело удручающее впечатление на защитников турецкой крепости и лишило их последней надежды на помощь со стороны кубанских ногайцев (Богуславский, 1892: 11-12). 19 июня азовский паша сдал крепость фельдмаршалу П.П. Ласси.

Весенний успех на Кубани подтолкнул главнокомандующего Х.А. Миниха к идее, что для борьбы с кубанскими ногайцами необходимо укрепить казаков и калмыков некоторым числом регулярных войск с артиллерией, освободившихся после взятия Азова. Таким образом, можно было часть калмыцкой конницы перекинуть на крымское направление (Баиов, 1906: 297). Однако этот план был отложен на осень, и реализовался он только в следующую военную кампанию.

Перерыв в боевых действиях был вынужденной мерой, который сопровождался в начале лета уходом калмыков в свои улусы. Во-первых, бассейн реки Кубань дважды в год сильно разливался: в первый раз – с апреля и до середины мая в результате весеннего таяния снегов, а во второй – с середины июня и до середины августа, но уже с таянием горных снегов (Бутков, 1869: 200). В эти периоды, как правило, местные ногайцы старались откочевать в горные районы, что также накладывало отпечаток на организацию военных походов в этот регион калмыков и их союзников.

Во-вторых, калмыцкие улусы требовали безопасности с восточного направления. В начале лета от казахов вернулись калмыцкие посланцы с неутешительными вестями об отказе казахских владельцев от переговоров с калмыками (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 79. Л. 126 об.). Дондук-Омбо спешит обратно в свои улусы, так как подобное поведение казахской стороны походило на объявление войны.

Здесь сыграло свою роль еще и влияние на калмыцкого правителя кабардинских князей, особенно клана Атажукиных, которые приходились ему сватами. Они всячески выступали против похода калмыков на кубанцев (Цит.: Цюрюмов, Батыров, 2006: 57).

В результате весеннего похода калмыков азовская операция русской армии увенчалась успехом. В Петербурге высоко оценили военный вклад калмыков в начало кампании и были довольны его «знатным поиском над кубанцами». Императрица Анна Иоанновна указом от 11 августа повелела ежегодно и пожизненно выдавать Дондук-Омбо, сверх прежнего оклада, дополнительно 2500 руб. и 1000 четвертей ржаной муки. Ежегодного денежного довольствия также получали и другие калмыцкие владельцы: Дорджи Назаров с детьми – 600 руб., Бокшурга, Галдан-Нормо и Четер – по 300 руб., Солом-Дорджи – 200 руб., Лекбей, Сербет и Бату – по 100 руб. Этим же указом Дондук-Омбо и другим калмыцким владельцам теперь надлежало продолжить кампанию и отправить сильный корпус в Крым (Полное..., 1830: 897-898).

Дондук-Омбо через ногайских пленников узнал, что его весенний поход не достиг особых результатов, поскольку ногайцы продолжали кочевать по Кубани, сжали весь свой хлеб и заготовили на зиму сено. Более того, они активно проводили подготовку и намеревались идти в набег на Дон. Также кубанский пленник поведал калмыкам об отступлении из Крыма русской армии Миниха (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 78. Л. 129 об.).

В Царицыне через калмыцких информаторов стало известно, что в конце августа к Дондук-Омбо прибыли кубанские посланцы. 14 сентября калмыцкий правитель отправил на Кубань уже своих представителей – Тогмута и Хунгарыка. Подробности этих переговоров были не известны.

В частных беседах со своими людьми Дондук-Омбо указывал на невозможность продолжения своего участия в военной кампании, так как предполагал, что на него готовится нападение со стороны Церен-Дондука и Петра Тайшина (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 78. Л. 131-131 об.).

Тем не менее 20 сентября донской старшина Данила Ефремов сообщал в Царицын о готовности Дондук-Омбо уже в начале октября выступить с войском из улусов в новый кубанский поход совместно с донскими казаками. По указу императрицы 3 тыс. казаков должны были выступить с калмыками в кубанском направлении. Местом сбора двух войск стороны определили урочище в верховьях реки Кагальник (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 78. Л. 106).

В сентябре Дондук-Омбо снова отправил в кубанском направлении разведывательный отряд из 15 человек для захвата «языков». Однако его постигла неудача, так как при столкновении с кубанцами он был полностью уничтожен. В плен был взят только калмык Даржа, которого вскоре переправили в Крым. Он был удостоен встречи с крымским ханом, который через него отправил к Дондук-Омбо письмо, доставленное в конце ноября к калмыцкому правителю. В нем новый крымский хан Фетих-Гирей II напоминал Дондук-Омбо, как он во время бегства с Волги нашел прибежище на Кубани и защиту крымского хана, а также дал присягу, «что им, крымцов и кубанцов, никакой противности не чинить». Крымский хан упрекнул его в нарушении своей присяги и советовал ему оставить свои попытки нападений на ханских подданных. Жесткий ответ Дондук-Омбо к хану сводился к тому, что ранее он должен был вынужденно кочевать на крымской земле, а теперь ему необходимо так поступать, «спасая живот свой» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 78. Л. 220-220 об.).

Сборы в поход проходили крайне медленно, поскольку продолжала сохраняться угроза казахского набега. Уход большей части калмыцкого мужского населения на войну приводил к упадку и разорению хозяйств. В октябре Дондук-Омбо был вынужден возобновить подготовку к кубанскому походу, так как на него постоянно оказывалось давление со стороны правительства и донского казачества (Цюримов, Батыров, 2006: 58). По войску циркулировали слухи о поимке двух казахских посланцев, направлявшихся на Кубань с вестью, что казахи якобы готовы выступить с кубанцами против калмыцких улусов. Правда, по сведениям калмыцких информаторов в Царицыне, инициатором слухов был сам Дондук-Омбо, «чтоб тем отговариваяся, на Кубань в поход не итти». Сведения о выводе русской армии Миниха из Крыма теперь серьезно беспокоили калмыцкую сторону, которая в этих изменившихся условиях не хотела окончательно ссориться с кубанскими ногайцами (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 78. Л. 220 об.).

8 октября из кубанского плена к Дондук-Омбо вернулись его люди, еще летом отправленные им в разведку, но разбитые кубанцами. Неизвестные кубанские мирзы, чьи улусы располагались на левобережье Кубани и Лабы, отправили с ними письма к калмыцкому правителю с просьбой принять их под свое подданство: «за тем, что де с ним, Дондук Омбою, и с русскими людьми воеватца не могут». Это и стало своего рода сигналом начала выступления калмыцкого войска на Кубань. Ввиду сохранявшейся угрозы казахского нападения Дондук-Омбо приказал начать и завершить кубанский поход в два месяца (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 78. Л. 216-216 об.).

В Царицыне получили сведения, что 15 октября Дондук-Омбо с войском выступил из улусов на Кубань. Как сообщал калмыцкий правитель, в кубанский поход они вышли практически со всеми имеющимися силами. Поэтому он требовал от царицынских и астраханских властей полностью обеспечить безопасность калмыцких улусов, на что получил полное заверение (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 78. Л. 178).

К сожалению, в материалах Национального архива Республики Калмыкия не удалось обнаружить сведения по осенне-зимней кампании калмыков на Кубани в 1736 г. По материалам П.Г. Буткова, по дороге к калмыцкому войску присоединились донские казаки во главе с полковниками Д. Ефремовым и И. Краснощековым, и объединенный корпус насчитывал уже 25 тыс. человек. 19 ноября объединенные силы калмыков и казаков выступили на Кубань, и 30 числа они подошли к р. Егорлык (Бутков, 1869: 200).

Отправленная вперед калмыцкая разведка обнаружила в междуречье Кубани и Лабы кочующих ногайцев-едишкульцев, одну из сильных ногайских орд, которая в состоянии была выставить на поле боя до 20 тыс. конницы. Они избежали весеннего погрома, поскольку ранее кочевали в горах. Из-за отсутствия кормов они вынуждены были перегнать лошадей и скот на правобережье Кубани. С целью прикрыть свои улусы от набегов неприятеля ногайцы в труднопроходимых местах, ведущих к их кочевью, соорудили укрепления (Бутков, 1869: 200).

Общее калмыцко-донское командование приняло решение – крупную партию донских казаков выдвинуть с разведывательной целью в качестве авангарда вперед, а основные силы калмыцкой конницы прикрывали бы им тыл. В ходе ночной атаки с 1 на 2 декабря донские казаки захватили передовое укрепление кубанцев. Тысячный гарнизон его был весь уничтожен, кроме командира, который был сразу же отправлен для допроса в калмыцкий лагерь. Получив сведения о расположении кубанских ногайцев, Дондук-Омбо сразу же атаковал кубанцев с разных направлений. Для этого ему пришлось разделить свое войско на несколько равночисленных отрядов, которые одновременно со всех сторон ударили по кубанцам и добились победы. По сведениям П.Г. Буткова,

Дондук-Омбо прошел всю территорию по реке Кубани до Азовского моря и опустошил Кубанскую орду (Бутков, 1869: 200-201).

Не устояла перед калмыками и казаками и крепость Копыл – столица кубанского сераскера, которая была разорена до основания. Жившие в его окрестностях некрасовские казаки вынуждены были бежать в горы. Попытки их убедить вернуться в «родное отечество» не возымели действие, и в назидание за это был сожжен один из их городков (Бутков, 1869: 201).

Весь поход продолжался в течение двух недель – с 1 по 14 декабря. По мнению самого Дондук-Омбо, он еще никогда не одерживал такой победы. Потери кубанцев составили около 30 тыс. человек. Только на полях сражений они потеряли 15 тыс. человек, многие утонули при попытке переплыть разлившуюся Кубань. Трофеи калмыков составили 20 тыс. лошадей и большое количество скота, более 10 тыс. ногайских женщин и детей было взято в плен (Бутков, 1869: 201-202).

Отправив значительную часть трофеев в свои улусы, Дондук-Омбо не спешил возвращаться и расположился с войском в укрепленном лагере вдоль Кубани. Узнав о приближении 3-тысячного отряда кубанцев, он выслал навстречу им калмыцкий отряд, который окончательно их разбил и обратил в бегство (Бутков, 1869: 202).

Это было последнее боестолкновение на Кубани калмыцкой конницы в рамках военной кампании 1736 г. Дондук-Омбо вернулся в свои улусы, поскольку над ними постоянно висела угроза казахского набега с восточного направления. И в январе 1737 г. эти набеги произошли дважды: 13 и 22 января (Кундакбаева, 2005: 206-207).

5. Заключение

В заключение отметим, что активное участие калмыцкой конницы в кампании 1736 г. было обусловлено, в первую очередь, решением российского правительства наделить властью наместника ханства Дондук-Омбо. Выбор его кандидатуры имел решающее значение в русско-калмыцких отношениях в тот период, так как именно он был в состоянии обеспечить на кубанском направлении наступление калмыков при поддержке донских казаков, чтобы прикрыть левый фланг Донской армии П.П. Ласси. Смена политической ориентации в пользу России требовала от Дондук-Омбо не только военной активизации в начавшейся кампании, но и достижения реальных успехов на полях сражений. В течение всей кампании 1736 г. калмыцкая конница успешно провела боевые действия на территории Кубани, дважды совершив походы в этот регион, что значительно облегчило положение Донской армии П.П. Ласси в период осады и взятия турецкого Азова. Российское командование по достоинству отметило действия калмыцкой конницы на Кубани и уже в следующую кампанию 1737 г. рассчитывало на военный ресурс калмыков на крымском направлении. В конечном итоге участие калмыцкой конницы в кампании 1736 г. было высоко оценено правительством и императрицей Анной Иоанновной, доказательством чему может послужить тот факт, что уже в марте 1737 г. государыня пожаловала Дондук-Омбо ханский титул.

6. Благодарности

Исследование проведено в рамках госзадания № АААА-А19-119011490038-5 (сбор материала) и при финансовой поддержке гранта в № 075-15-2019-1879 форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (подготовка статьи).

Литература

Баиов, 1906 – Баиов А.К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг. Первые три года войны Т. 1. СПб.: Электро-тип. Н.Я. Стойковой, 1906. 828 с.

Бакунин, 1995 – Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.

Батыров, 2006 – Батыров В.В. Участие калмыков в русско-турецкой войне 1735–1739 гг. // Восточные исследования в Калмыкии. Элиста: Издательство Калмыцкого университета, 2006. С. 27-34.

Богуславский, 1892 – Богуславский Л.А. История Апшеронского полка. 1700–1892. Т. 1. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1892. 566 с.

Бутков, 1869 – Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Ч. 1. СПб., 1869.

Джунджузов, Любичанковский, 2019 – Джунджузов С.В., Любичанковский С.В. Влияние Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. на выстраивание отношений империи с кочевыми народами Южного Урала и Центральной Азии (по материалам Оренбургской экспедиции) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2019. № 3. С. 494-524.

Кундакбаева, 2005 – Кундакбаева Ж.Б. «Знаком милости Е.И.В...». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 303 с.

Михайлов, 2012 – Михайлов А.А. Русско-турецкая война 1736–1739 гг.: историографический аспект / *Война и оружие: Новые исследования и материалы*. Труды Третьей международной научно-практической конференции, 16–18 мая 2012 г. СПб., 2012. Ч. II. С. 332–348.

НА РК – Национальный архив Республики Калмыкия.

Новолетов, 1884 – Новолетов М.Г. Калмыки. Исторический очерк. СПб.: Тип. В. Демкина, 1884. 79 с.

Очиров, 2009 – Очиров У.Б. Участие калмыков в войнах 1724–1771 гг. // *История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: В 3-х т.* Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. Т. 1. С. 410–420.

Петрухинцев, 1998 – Петрухинцев Н.Н. Война с пространством // *Родина*. 1998. № 5–6. С. 62–66.

Полное..., 1830 – Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. IX. 1733–1736. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1016 с.

Потто, 1889 – Потто В.А. Два века Терскаго Казачества (1577–1801). Т. 2. Владикавказ: Электротечатня Типографии Терскаго Областного Правления, 1912. 256 с.

Цюрюмов, 2001 – Цюрюмов А.В. Калмыки в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. / *Актуальные вопросы российской военной истории: Материалы Двадцать третьей всероссийской заочной научной конференции*. СПб.: Нестор, 2001. С. 27–28.

Цюрюмов, 2007 – Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. 464 с.

Цюрюмов, 2005 – Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.: хроники династийных междоусобиц. Элиста: Джангар, 2005. 160 с.

Цюрюмов, Батыров, 2006 – Цюрюмов А.В., Батыров В.В. Калмыцкое ханство в российско-крымских отношениях (XVIII в.). Элиста: АОр «НПП «Джангар», 2006. 95 с.

Терпеев, 2019 – Терпеев V.T. Kalmyks, Kazakhs and Kuban Nogais in the Campaign of 1738: One of the Little-Known Pages of the Russian-Turkish War of 1735–1739 // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 54. Is. 4: 1459–1469. DOI: 10.13187/bg.2019.4.145

Терпеев, 2020 – Терпеев V.T. 'By Order of Her Imperial Majesty, He is deployed in the Kuban Region to Search out Local Tatars'. The Russo-Turkish War of 1735–1739: Kalmyk Troops in the Campaign of 1739 // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 55. Is. 1: 23–30. DOI: 10.13187/bg.2020.1.23

References

Baïov, 1906 – Baïov A.K. (1906). Russkaya armiya v tsarstvovanie imperatritsy Anny Ioannovny. Voina Rossii s Turtsiei v 1736–1739 gg. Kampaniya 1739 g. [The Russian army in the reign of Empress Anna Ioannovna. The war of Russia with Turkey in 1736–1739]. Vol. 1. SPb.: Elektro-Tipografiya N.YA. Stoikovoi. 398 p. [in Russian]

Bakunin, 1995 – Bakunin V.M. (1995). Opisanie kalmytskikh narodov, a osoblivo iz nih torgoutskogo, i postupkov ih hanov i vladel'tsev [The Description of the Kalmyk peoples, and especially of them the Torgout peoples, and the deeds of their khans and owners]. 2-e izd. Elista: Kalm. kn. izd-vo. 153 p. [in Russian]

Batyrov, 2006 – Batyrov V.V. (2006). Uchastie kalmykov v russko-turetskoi voine 1735–1739 gg. [The participation of the Kalmyks in the Russian-Turkish war of 1735–1739]. *Vostokovednye issledovaniya v Kalmykii*. Elista: Izdatel'stvo Kalmytskogo universiteta. Pp. 27–34. [in Russian]

Boguslavskiy, 1892 – Boguslavskiy L.A. (1892). Istoriya Apsheron'skogo polka. 1700–1892 [The History of the Absheron Regiment]. vol. 1. SPb.: Tip. Ministerstva Putey Soobshcheniya. 566 p. [in Russian]

Butkov, 1869 – Butkov P.G. (1869). Materialy dlya novoi istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 god [The materials for the new history of the Caucasus]. p. 1. SPb. [in Russian]

Dzhundzhuzov, Lyubichankovskii, 2019 – Dzhundzhuzov S.V., Lyubichankovskii S.V. (2019). Vliyanie Russko-turetskoi voiny 1735–1739 gg. na vystraivanie otnoshenii imperii s kochevymi narodami Yuzhnogo Urala i Tsentral'noi Azii (po materialam Orenburgskoi ekspeditsii) [The influence of the Russo-Turkish War of 1735–1739 on building relations of the empire with the nomadic peoples of the South Urals and Central Asia]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov*. Seriya: Istoriya Rossii. № 3. Pp. 494–524. [in Russian]

Kundakbaeva, 2005 – Kundakbaeva Zh.B. (2005). «Znakom milosti E.I.V...». Rossiya i narody Severnogo Prikaspiya v XVIII veke [Russia and the peoples of the Northern Caspian in the XVIII century]. M.: AIRO-XXI; SPb.: Dmitriy Bulanin. 303 p. [in Russian]

Mikhailov, 2012 – Mikhailov A.A. (2012). Russko-turetskaya voina 1736–1739 gg.: istoriograficheskii aspekt [The Russian-Turkish war of 1736–1739: the historiographic aspect]. *Voina i oruzhie: Novye issledovaniya i materialy*. Trudy Tret'ei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 16–18 maya 2012 g. SPb., 2012. Ch. II. Pp. 332–348. [in Russian]

НА РК – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya [The National Archive of the Republic of Kalmykia]. [in Russian]

Novoletov, 1884 – Novoletov M.G. (1884). Kalmyki. Istoricheskiy ocherk [Kalmyks. Historical Sketch]. SPb.: Tip. V. Demkina. 79 p. [in Russian]

Ochirov, 2009 – Ochirov U.B. (2009). Uchastie kalmykov v voynakh 1724–1771 gg. [Participation of the Kalmyks in the wars of 1724–1771]. *Istoriya Kalmykii s drevneishikh vremen do nashikh dnei: v 3-kh t.* Elista: GU «Izdatel'skii dom «Gerel». Vol. 1. Pp. 410–420. [in Russian]

Petrukhintsev, 1998 – Petrukhintsev N.N. (1998). Voyna s prostranstvom [War on space]. *Rodina.* № 5–6. Pp. 62–66. [in Russian]

Polnoe..., 1830 – Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoi imperii, s 1649 goda [The Complete collection of laws of the Russian Empire]. T. IX. 1733–1736. SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830. 1016 p. [in Russian]

Potto, 1889 – Potto V.A. (1889). Dva veka Terskago Kazachestva (1577–1801). [Two centuries of the Terek Cossacks]. vol. 2. Vladikavkaz: Elektropechatnaya Tipografiya Terskago Oblastnogo Pravleniya, 1912. 256 p. [in Russian]

Тепкеев, 2019 – Тепкеев В.Т. (2019). Kalmyks, Kazakhs and Kuban Nogais in the Campaign of 1738: One of the Little-Known Pages of the Russian-Turkish War of 1735–1739. *Bylye Gody.* Vol. 54. Is. 4: 1459–1469. DOI: 10.13187/bg.2019.4.145

Тепкеев, 2020 – Тепкеев В.Т. (2020). 'By Order of Her Imperial Majesty, He is deployed in the Kuban Region to Search out Local Tatars'. The Russo-Turkish War of 1735–1739: Kalmyk Troops in the Campaign of 1739. *Bylye Gody.* Vol. 55. Is. 1: 23–30. DOI: 10.13187/bg.2020.1.23

Tsyuryumov, 2001 – Tsyuryumov A.V. (2001). Kalmyki v Russko-turetskoi voine 1735–1739 gg. [Kalmyks in the Russian-Turkish war of 1735–1739]. *Aktual'nye voprosy rossiiskoi voennoi istorii: Materialy Dvadsat' tret'ei Vseros. zaoch. nauch. konf.* SPb.: Nestor. Pp. 27–28. [in Russian]

Tsyuryumov, 2005 – Tsyuryumov A.V. (2005). Kalmytskoe khanstvo v 1724–1741 gg.: khroniki dinastiinykh mezhdousobits [Kalmyk Khanate in 1724–1741: Chronicles of dynastic civil strife]. Elista: Dzhangar. 160 p. [in Russian]

Tsyuryumov, 2007 – Tsyuryumov A.V. (2007). Kalmytskoe khanstvo v sostave Rossii: problemy politicheskikh vzaimootnoshenii [The Kalmyk Khanate within Russia: Problems of Political Relations]. Elista: ZAO «NPP «Dzhangar». 464 p. [in Russian]

Tsyuryumov, Batyrov, 2006 – Tsyuryumov A.V., Batyrov V.V. (2006). Kalmytskoe khanstvo v rossiisko-krymskikh otnosheniyakh (XVIII v.) [The Kalmyk Khanate in Russian-Crimean Relations (XVIII century)]. Elista: AO «NPP «Dzhangar». 95 p. [in Russian]

Калмыцкая конница в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг.: кампания 1736 г.

Владимир Толтаевич Тепкеев ^{a, *}

^a Калмыцкий научный центр РАН, Российская Федерация

Аннотация. В статье подробно рассматривается участие калмыцкой конницы в военной кампании 1736 г. в рамках Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Данная тема поверхностно освещалась в работах большинства исследователей, которые лишь вкратце осветили основные события участия калмыков в этой войне. Целью работы является введение в научный оборот новых сведений об обстоятельствах подготовки и участия калмыцкой конницы в кампании 1736 г. Основной источниковой базой для данной работы послужили материалы Национального архива Республики Калмыкия, где отложились документы, касающиеся переписки хана Дондук-Омбо с региональными администрациями на юге России. Их анализ позволил прийти к выводу, что активное и массовое участие калмыков в русско-турецкой войне стало результатом решения российского правительства наделить властью наместника ханства Дондук-Омбо, поскольку именно он был в состоянии обеспечить наступление калмыцкой конницы на кубанском направлении, чтобы прикрыть левый фланг Донской армии. В 1736 г. калмыцкая конница дважды совершила походы в кубанский регион, нанеся противнику значительный ущерб. Участие калмыцкой конницы в кампании 1736 г. было высоко оценено императрицей Анной Иоанновной, которая в марте 1737 г. пожаловала Дондук-Омбо ханский титул.

Ключевые слова: калмыки, русско-турецкая война, Крымское ханство, кубанские ногайцы, донские казаки.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tvt75@mail.ru (В.Т. Тепкеев)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1011-1024. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1011
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Russian Army as a Phenomenon of Empire: Analysis of Historiography

Tatiana A. Volodina ^{a, *}, Konstantin A. Podrezov ^a, Tamara A. Taruntaeva ^a

^a Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

The article deals with analyzing the historiography, which is devoted to studying the role and significance of the army in the context of Russian development as Empire. The authors study the approaches and assessments that have been shown by researchers in relation to the factor of language, confession and origin "heterogeneity" of Russian army during XVIII-XIX centuries. The research sources are the works of Russian historians beginning from the XIX century and up to the present day. Some works of contemporary Western researchers also came to the attention of the authors. As a result the authors distinguish the factors which made an impact upon a reconfiguration of research "methodological optics": practical issues in forming and using national units in military forces, understanding the causes of the collapse of Russian army during the Great War, anti-Imperial consideration of Soviet historiography, "complimentary" ethnocentric approach of the late Soviet and post-Soviet time, attention to the phenomenon of Empire in nowadays studies. The authors point out the role of Western historiography as an additional incentive that disposes Russian historians to move away from the "battle" paradigm of studying army to conceptual understanding of the relationship between the army, state and society. However, according to the authors of the article, it was the collapse of the USSR, that had been crucial in changing the focus of research attention.

Keywords: historiography, Russian army of XVIII-XIX centuries, Russian empire, integration instrument, state-building.

1. Введение

Название данной статьи требует пояснения. В ней сделана попытка проанализировать изучение в исторической науке российской армии в контексте того, что она в период XVIII – начала XX вв. представляла собой важнейший институт империи. При этом термин «империя» употребляется здесь без всякой позитивной или негативной коннотации, а как научная категория, обозначающая обширное государство с сильной вертикалью власти, объединяющее в своих пределах различные в культурном, языковом, религиозном и этническом плане племена и народы. Мы попытаемся проанализировать, ставился ли в исторической науке вопрос о формировании и функционировании той армии, в которой, перефразируя А.С. Пушкина, должен был служить «всяк сущий в ней язык, и гордый внук славян, и финн, и ныне дикой тунгус, и друг степей калмык»?

2. Материалы и методы

Как в любом историографическом исследовании источниками выступают работы историков. В данной статье рассмотрена дореволюционная, эмигрантская, советская и современная историография. Авторы придерживаются широкой трактовки в понимании предмета историографии, связывая его с историей идей и интеллектуальной историей. Такой подход требует учитывать взаимодействия, возникающие между историческими концепциями и теми социальными,

* Corresponding author

E-mail addresses: volodina.tatiana2016@yandex.ru (T.A. Volodina), kpodrezov@yandex.ru (K.A. Podrezov), lady.taruntaeva@yandex.ru (T.A. Taruntaeva)

политическими и культурными контекстами, в которых эти концепции рождаются (Володина, 2000). Историография в этом случае рассматривается не только как некий комплекс академических исследований, но и в качестве неотъемлемой части социокультурной системы общества.

3. Обсуждение и результаты

Военно-историческая проблематика всегда привлекала внимание российских и советских историков. Однако в их работах рассматривалась в первую очередь «батальная» сторона вопроса: история сражений, войн, полководческого искусства, порядок организации и снабжения войск. Имперский же контекст армии очень редко затрагивался учеными, хотя в реальности гибкая и дифференцированная политика привлечения на военную службу представителей различных этнических и конфессиональных групп играла немалую роль не только как инструмент усиления самой армии, но и как средство внутренней стабилизации государства, а также как мощный интеграционный фактор. Работ же, которые ставили бы своей целью анализ историографии по данной проблематике, просто не существует.

Дореволюционная, эмигрантская и советская историография в лице ее ярчайших представителей дает немало примеров обобщающих работ по истории российской армии. Среди авторов, посвятивших себя этой проблематике, можно назвать Д.Ф. Масловского, П.О. Бобровского, А.И. Михайловского-Данилевского, К.А. Баиова, А.А. Керсновского, Л.Г. Бескровного, П.А. Зайончковского и др.

Необходимо сразу отметить, что у дореволюционных историков проблема «имперскости» армии вообще не находилась в фокусе исследовательского внимания. Они изучали ход военных кампаний (А.И. Михайловский-Данилевский, А.К. Баиов), историю военного законодательства и подготовки военных кадров (П.О. Бобровский), развитие военного искусства и источниковедческие аспекты военной истории (Д.Ф. Масловский). Вопросы «разноплеменности» армии, если и затрагивались этими историками, то только в части выполнения задач конкретной военной кампании. Д.Ф. Масловский, например, специально обращал внимание на использование в ходе Семилетней войны различных этнических формирований (сербов, венгров, грузин, казаков, башкир, татар, калмыков) (Масловский, 1886: 43-55). Однако в центре его внимания оказываются лишь соображения эффективного использования плюсов этих частей (лучшая кавалерийская подготовка) и микширования минусов (низкая управляемость и дисциплина). Большую трудность, по мнению Масловского, представляла уже задача провести эти части на театр военных действий из-за «опасения нашего правительства подвергнуть разорению свои земли при преследовании массы крайне своевольных всадников, в особенности крайне опасных при неумении обходиться с ними» (Масловский, 1886: 50). В таком же ключе строил свое повествование и А.К. Баиов о русско-турецкой войне 1736–1739 гг. Он достаточно подробно излагал методы, при помощи которых фельдмаршал Миних стремился максимально эффективно использовать для пользы кампании иррегулярные части (донских, слободских и запорожских казаков, калмыков, венгров, сербов, валахов), и с какими трудностями при этом сталкивался (Баиов, 1906: 83-90). Однако автор исследования, отмечая, что Миних отдал приказ привлекать к военным действиям только крещеных калмыков, или же указывая, что, несмотря на раздачу запорожцам ценной пушнины, те сохраняли «ветреное состояние», не пытаясь проанализировать общий алгоритм привлечения на службу различных этноконфессиональных групп (Баиов, 1906: 89-90).

Решение вопроса – как строить армию в империи – занимало в XIX столетии в первую очередь военных специалистов, а не историков. Для них это являлось не столько предметом анализа, сколько практической задачей. Подчас это приводило к появлению трудов, которые еще нельзя назвать историческим исследованием, но которые ясно демонстрируют, что такой анализ проводился, и в первую очередь военными специалистами (Риттих, 1875).

Особняком среди обобщающих работ по истории русской армии стоит 4-томный труд А.А. Керсновского, над которым он работал в эмиграции в период с 1933 по 1938 годы (Керсновский, 1994). Ввиду отсутствия у автора возможности пользоваться архивными источниками и разнообразным историографическим материалом, его работа выглядит не совсем академической, это скорее подробное и насыщенное фактами публицистическое повествование об истории русской армии в императорский период – от Петра I до 1917 г. Для автора история русской армии представляет собой «историю жизни... и дел русского народа», которая неотделима от военной и политической истории страны (Керсновский, 1994: 329). Для Керсновского на первый план выходит политика правительства в контексте военных усилий народа, причем именно русского народа. Всех остальных он просто не замечает. Как священный завет, он пишет в 1939 г.: «Русскую кровь – только за русские интересы» (Керсновский, 1939). При этом Керсновский даже не задается вопросом: «А если кровь не русская, но пролита за Россию?» Для него, скорее, естественным является подход: тот, кто проливает кровь за Россию, – русский.

Для Керсновского «империя» есть производное от «императора», а вовсе не от «разноплеменности». Человек с польской и греческой кровью в жилах, Керсновский в своей работе выступает яростным и последовательным русским националистом. Он как будто выставляет

огромный счет империи за то, что она помешала становлению русского национального государства, и в этом видит одну из главных причин революционной катастрофы 1917 года. «Великая Империя мало что делала для народного образования и решительно ничего не сделала для народного воспитания. Ни священник приходской школы, ни учитель министерской не объясняли детям великого прошлого их страны, не учили знать её и любить. Из тысячи новобранцев девятьсот не знали цветов русского знамени. А как зовут Царя, они узнавали, присягая ему. От своих офицеров и унтер-офицеров – единственных воспитателей 150-миллионного русского народа – они получали то, что давало им силы умирать героями за эту мало им известную Родину. Народ не учили любить свою страну. Неудивительно, что он в конце концов любил лишь свою деревню, до которой “немцу всё равно не дойти”, да и в деревне лишь свою избу» (Керсновский, 1994: 328).

Концептуальный подход Керсновского объясним глубокой личной травмой участника Белого движения и эмигранта, который в своей работе пытался найти ответ на самый главный и мучительный для него вопрос: почему империя рухнула, если она была так сильна? И почему даже армия, которая была становым хребтом этой империи, не смогла ее спасти?

Крупным исследователем военно-исторической проблематики являлся Л.Г. Бескровный, который работал уже в рамках советской идеологической парадигмы. Именно поэтому в трудах этого ученого столь большое внимание уделяется военно-экономическому фактору: развитию материальных ресурсов, состоянию промышленности и транспорта, социальным противоречиям в обществе (Бескровный, 1958). Впрочем, следует отметить, что профессиональное становление Бескровного пришлось уже на 1930–1940-е гг., в связи с чем ему удалось избежать нигилистических увлечений историков-марксистов 1920-х гг., в координатах мышления которых армия царской России являлась, прежде всего, инструментом самодержавного угнетения и имперской агрессии, поэтому роль ее принижалась, а слабость и поражения этой армии рассматривались как явления положительные. Для Бескровного же армия – это в первую очередь слава и достояние России. Он глубоко изучает общие вопросы организации и комплектования армии, ее управления и боевой подготовки кадров. В силу этого в работах Бескровного, хотя и встречаются факты, свидетельствующие о гетерогенном составе армии, но только в виде констатации, о них всегда говорится мимоходом, как о чем-то незначительном.

Значимое место в ряду военно-исторических исследований советского времени занимают работы П.А. Зайончковского. Они в гораздо меньшей степени грешат идеологическими клише. Высшая бюрократия царской России под пером этого историка отнюдь не выглядит сборищем узколобых «защитников феодально-крепостнического строя», напротив, их отличает высокий интеллектуальный потенциал, искреннее стремление работать на пользу страны и решать труднейшие проблемы, с которыми эта страна сталкивается в своем развитии. Собственно, благодаря этому, работы Зайончковского и остаются до сих пор в багаже всех исследователей, занимающихся военной историей. Внимание историка привлекает российская армия в период великих реформ и в конце XIX в., когда после убийства Александра II произошла смена внутривосточного курса страны (Зайончковский, 1952, 1973).

Зайончковский не ставил специальной целью исследование армии как феномена империи, но, верный принципам историзма, не мог и не хотел обойти молчанием те коллизии, которые приходилось разрешать правительству при проведении в жизнь всеобщей воинской повинности. Именно поэтому он раскрывает логику споров вокруг принципов локально-территориального комплектования воинских частей. С точки зрения быстроты мобилизации в случае военной угрозы было бы, например, эффективнее, чтобы части, расположенные на Кавказе, комплектовались из уроженцев Кавказа. Однако опыт польского восстания 1863 г. остужал прагматизм реформаторов, и они устанавливали принцип: «Все войска должны пополняться рекрутами и отпускными так, чтобы 75 % комплектования производить уроженцами внутренних губерний, т.е. русскими, а остальную четверть пополнять жителями пограничных местностей» (Зайончковский, 1952: 270).

Зайончковский обращает внимание и на то, что принцип «всеобщности» имел территориальные и этнические изъятия. Так, устав 1874 г. не распространялся на Закавказье, Туркестан, Приморье и северные районы Сибири; от призыва освобождалось местное нерусское население некоторых регионов, а уроженцы других (Финляндия, казачьи области) отбывали службу по особым правилам (Зайончковский, 1973: 115). Историк анализирует национальный состав офицерского корпуса российской армии, специально уделяя внимание процентным квотам и секретным инструкциям, которыми правительство стремилось обеспечить лояльность воинских соединений имперскому центру (Зайончковский, 1973: 196–202).

В целом работы Зайончковского свидетельствуют о том, что правительственные верхи при реформировании армии уже хорошо отдавали себе отчет, что военная служба является в определенной мере инструментом интеграции в общеимперское тело представителей разноплеменных частей. Иначе непонятно, зачем вообще государственные мужи ломали себе голову над принципами реализации военной реформы на окраинах империи, если потребности армии вполне покрывались и без этого. Сам Зайончковский приводит данные, что из всего потенциального контингента призывников на действительную военную службу зачислялись ежегодно только

27–30 %. Больше Военному министерству просто было не нужно (Зайончковский, 1952: 308). При этом военное руководство прекрасно осознавало «особый состав солдатской массы» (30 % не знало русского языка, высокий процент неграмотных) и отдавало себе отчет, что армия после милютинской реформы должна, помимо прочего, играть и роль своеобразной «школы» для подданных империи (Зайончковский, 1973: 291).

Работы Зайончковского посвящены, прежде всего, политике государства в военной сфере, это взгляд сверху, из министерских кабинетов Петербурга, хотя у него иногда и прорывается постановка вопросов совершенно иного плана. В примечаниях, например, историк отправляет вопрос о том, кого считать русским: «Наибольшую трудность представляет собой определение национальности лиц, принадлежавших к православному вероисповеданию, но носящих немецкие или польские фамилии, а иногда и отчества. В данном случае я отношу их к русским, так как критерий отбора здесь совершенно неясен. Что представляет собою это лицо: русского с иностранной фамилией или немца или поляка, числящегося православным?» (Зайончковский, 1973: 196). Впрочем, нужно признать, что при всех отмеченных нами ценных наблюдениях Зайончковского, эти сюжеты находились для него на периферии исследовательского внимания.

Возникает закономерный вопрос: почему в работах как дореволюционных, так и советских историков проблема армии в качестве именно имперского института практически игнорировалась? Думается, ответ прост и заключается он в природе самой исторической науки. Историки задают прошлому те вопросы, которые ставит перед ними настоящее. Пока империя сильна и исполнена мощи, пока центробежные тенденции не угрожают ей всерьез, эти вопросы попросту не актуализируются в историческом знании. Яркой иллюстрацией подобного типа мышления выглядит пророческая записка П.Н. Дурново, которую он подал Николаю II в феврале 1914 г. (Дурново, 1922). Рисуя последствия возможной войны для России, он предвидит национальные волнения на окраинах (Польша, Финляндия, Кавказ, Украина). Однако Дурново уверен, что с этим страна справится. Она не справится с другим – с хаосом анархии и социальной революцией, которые неизбежно ожидают Россию в случае затяжной войны и поражений на фронтах. Дурново не опасался распада империи, он предвидел крушение строя. Аналогичной выглядела и ситуация в глазах советских историков. Пусть сама постановка вопроса об СССР как империи была невозможна по цензурным и идеологическим соображениям, но столь же невозможной представлялась им и вероятность распада страны. В различных юбилейных или коллективных сборниках, посвященных военно-исторической проблематике, на первый план выходил патриотически-интернациональный нарратив – как в совместной защите отечества крепла дружба народов СССР.

Ситуация коренным образом изменилась к началу 1990-х годов. Здесь взаимно наложились влияние нескольких факторов. Во-первых, рухнули цензурно-идеологические ограничения. Во-вторых, отечественные историки получили доступ к зарубежной научной литературе, где в непривычных категориях концептуализировалась история России именно как история империи; сначала эти сочинения читались на иностранных языках, но вскоре появились и переводы (А. Каппелер, Дж. Хоскинг, Д. Ливен, М. фон Хаген, Э. Таден и др.). Довольно скоро и внутри страны появились историки, которые начали плодотворно изучать проблемы империи и национальной идентичности (А.И. Миллер, Л.Е. Горизонтов, М.Д. Долбилов и др.). Родился даже специальный периодический орган «Ab Imperio», который стал играть роль своеобразного центра притяжения и пространства дискуссий для тех, кто занимался исследованием имперских феноменов. Однако все это были причины внешнего характера. Главным фактором, который обусловил острый интерес к изучению имперской проблематики, стал, безусловно, распад СССР. Историки стали свидетелями масштабных драматических событий и глубоких дезинтеграционных процессов. Все это заставляло их обращаться к осмыслению закономерностей и причин этого феномена, тех угроз и возможных последствий, которые он с собой несет. Реалии современности актуализировали изучение прошлого. «Сова Минервы», говоря словами Гегеля, опять «вылетела только в сумерки».

Методологическая «переоснастка» проявилась в стремлении историков уйти от привычной «батальной» и внешнеполитической парадигмы к военно-исторической проблематике. Выразилось это, например, во внимании к истории военной повседневности, микроистории и историко-антропологическому подходу в военно-исторических исследованиях. Ученые, работающие в данной парадигме, тяготеют к научной школе «Военно-историческая антропология и психология», основателем которой явилась Е.С. Сеньявская.

Однако изучение армии в качестве важнейшего института империи все еще остается в тени. Монографические исследования, посвященные данной теме, пока так и не появились. Среди современной историографии можно выделить определенные группы работ, различающиеся по формату и фокусу зрения. Так, среди исследований, посвященных различным аспектам развития и жизнедеятельности российской армии в целом, проявляется интерес и к анализу фактора «разноплеменности» этой армии. И.Г. Дуров, например, изучая процесс организации чинопроизводства в армии эпохи Петра I, невольно касается и рассмотрения наличия в этой армии различных социально-этнических групп и в целом феномена иностранцев в армии Российской империи (Дуров, 2013). В статье Д.Г. Целорунго (Целорунго, 2012) и монографии С.В. Волкова

(Волков, 2003), посвященных набору рекрут, службе нижних чинов и офицерского корпуса, в поле зрения исследователей попадает и специфика их национального, конфессионального и социального состава. Исследования М.И. Ивашко, посвященные роли церкви и духовенства в российской армии, неизбежно затрагивают и религиозную политику государства по отношению к военным, которые принадлежали к различным конфессиям. В фокус внимания исследователя попадают взаимоотношения православных и иноверцев, которые вместе служили в армии и на флоте, процентное соотношение солдат и офицеров, принадлежавших к различным конфессиям, а также положение и особенности службы неправославного духовенства в воинских частях (Ивашко, 2003). Кроме того, отдельный интерес представляют работы, где авторами демонстрируется участие различных народов России в знаменательных событиях военной истории нашей страны, в частности статья Л.В. Выскочкова, в которой показывается национальный характер Отечественной войны 1812 года и совместное участие на полях сражений представителей разных народов империи (Выскочков, 2012).

Вторую группу исследований составляют многочисленные работы, в фокусе внимания которых находится определенная этническая группа, входившая в том или ином качестве в состав вооруженных сил империи или принимавшая участие в различных военных кампаниях. Как правило, авторы этих исследований тяготеют к региональным научно-исследовательским центрам тех республик или краев, где компактно проживает определенная этническая общность. Отличительной чертой такого рода «этноцентристских» работ является определенный «комплиментарный» характер, авторы в первую очередь стремятся рассказать о воинских подвигах, мужестве и героизме «нашего народа». Концептуального осмысления проблем, которые возникают в процессе строительства армии в империи, мы здесь не найдем.

В эту парадигму попадает целый комплекс исследований, посвященных, в частности, истории казачьего сословия. В работах О.В. Агафонова (Агафонов, 1995), Е.И. Лаптевой, Л.П. Рожковой (Лаптева, Рожкова, 2012) можно проследить не только особенности устройства казачьих военных формирований, историю участия казаков в регулярных и иррегулярных частях, но и характер их взаимоотношений с русским населением, инородцами и иноверцами империи. Впрочем, главный смысл подобных работ – убедить, что казачество внесло весомую лепту в историю силы и славы российской армии.

Схожий характер носят и многочисленные труды, посвященные участию татар, калмыков, башкир и представителей других национальностей в имперской армии. Существует ряд исследований по инкорпорации в тело империи крымских татар и роли армейского фактора в этом процессе. К таким работам можно отнести статьи А.А. Бобкова (Бобков, 2006) и Х.М. Абдуллина (Абдуллин, 2007). Complimentarность прослеживается и в этих работах и подчас выглядит достаточно искусственно. Так, А.А. Бобков, рассказывая о крымскотатарских дивизионах XVIII столетия, которые просуществовали всего несколько лет да еще и успели за это время взбунтоваться, делает вывод о том, что они «принесли существенную пользу», воспитав национальные офицерские кадры, которые оказали России неоценимую помощь (Бобков, 2006: 7). Этот лестный вывод у автора ничем не подтвержден, а у других исследователей мы находим совершенно противоположную картину военной доблести крымскотатарских дивизионов, которые, кстати, формировались на добровольной основе и получали денежное жалованье. Среди дивизионов, направленных к польской границе, «сразу за Перекопом начались волнения, грабеж местного населения и повальное дезертирство. Два дивизиона, опасаясь наказания за совершенные по дороге преступления, бежали в Польшу и бродили по ней, пока не оказались в Пруссии, откуда их вышпроводили под конвоем» (Лапин, 2012: 105).

Изучением участия калмыцкого народа в вооруженных силах империи занимались К.П. Шовунов (Шовунов, 1992), К.Н. Максимов, У.Б. Очиров (Максимов, Очиров, 2012), Д.А. Сусеева (Сусеева, 2012) и другие авторы, по большей части связанные с научными центрами Калмыкии. Зачастую, правда, эти работы написаны в методологических рамках «батальной истории», когда на фоне действий корпусов и армий авторы стремятся конкретизировать участие в военных операциях калмыцких полков. При этом по части изложения материала и концептуальных подходов эти исследователи активно используют работы своих предшественников: книгу Е.Ч. Чонова, напечатанную в 1912 г., и монографию Т.И. Беликова, вышедшую в 1965 г. Для своего времени работы этих авторов действительно выглядели вполне достойно, но они оба строили свой нарратив в первую очередь как историю мужества и героизма калмыков, приходивших на помощь России. Принципиальная разница заключалась лишь в том, что у Чонова верховная власть проявляла к калмыкам «любовное и заботливое отношение» (Чонов, 2006: 29), а у Беликова – «политика великодержавного шовинизма, проводимая царским правительством, попирала интересы и права калмыков и ставила их в крайне тяжелое положение» (Беликов, 1965: 99).

Притягательность подобного «комплиментарного» нарратива и стремление продемонстрировать героизм предков приводят на поле данной проблематики краеведов, писателей и журналистов, причем их работы зачастую содержат даже научно-справочный аппарат и внушительный перечень источников и литературы. Впрочем, характерными чертами таких работ все равно являются высокий уровень компилятивности и слабость источниковедческого анализа. Так, в

книге краеведа И.Р. Габдуллина делается попытка проследить вхождение татарской знати в корпорацию российского дворянства посредством военной службы (Габдуллин, 2006). Автор подробно разбирает особенности привлечения на службу различных групп татарского народа, выделяя их как по религиозному (крещеных и мусульман), так и по территориальному признаку (татары Касимовского ханства, Мещерского края, Казанского, Хлыновского, Уфимского, Романовского и Ярославского уездов). Он анализирует организацию этой службы, распределение новобранцев, возможности их карьерного продвижения. Именно от татарских предков, поступивших на военную службу, утверждает он, ведут свою родословную сотни русских дворянских родов, которые веками играли видную роль в жизни страны (Габдуллин, 2006: 4).

Не является профессиональным историком и С.Г. Асфатуллин, красочно и эмоционально описавший участие башкир в войне 1812 года (Асфатуллин, 2000). Книга позиционируется им как историко-документальное исследование, однако она в большей степени является проекцией ментальных установок самого автора. Под его пером башкирские всадники выглядят не просто отличными воинами, но и «рыцарями без страха и упрека». Исполненные сочувствия и милосердия к мирным жителям, они с истинным самопожертвованием вступают в схватку с врагом, будучи вооружены только луком и стрелами.

Необходимо признать, что подобный массив «комплиментарной» историографии является неизбежным и даже необходимым спутником любой актуальной военно-исторической проблематики. Такого рода работы свидетельствуют, с одной стороны, о повышенном интересе к данным темам в общественном сознании, а с другой – создают некое ментальное поле, отталкиваясь от которого, профессиональные историки переходят к следующей ступени – более глубокой и обобщающей разработке интересующей их проблематики.

Среди работ, которые отличаются более широкой постановкой вопроса и более высоким уровнем концептуального обобщения, можно, в частности, указать исследования Р.Н. Рахимова (Рахимов, 2007, 2014–2015, 2018–2020), который в своей монографии «На службе у «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII – первой половине XIX в.» стремится выйти за рамки чисто фактологического изучения башкирских воинских формирований и предпринимает попытку сравнительно-исторического анализа путей и форм интеграции различных народов в социокультурное поле империи (Рахимов, 2014). В целом необходимо отметить, что «башкирский кейс» является одним из наиболее глубоко разработанных в плане влияния военного фактора на процесс интеграции башкир в состав Российской империи. Это, очевидно, можно объяснить несколькими факторами. С одной стороны, драматическими коллизиями, которые сопровождали процесс интеграции воинственного народа, то и дело восстававшего против правительственного центра в течение XVII–XVIII вв., в социокультурное поле империи. С другой – несомненным успехом этой интеграции, благодаря гибкому использованию имперским центром патриархальных военно-демократических устоев самого башкирского общества. Вся разница между исследователями состоит в том, что одни этот процесс оценивают позитивно (Рахимов, 2015), а другие подчеркивают, что военная служба была лишь инструментом в руках правительства в целях ассимиляции башкир и утраты ими этнического самосознания (Мурзатов, 2017). Однако мы не найдем в историографии внятного ответа на вопрос о том, какую роль сыграла организация башкирского войска в феномене башкирских восстаний: то ли боевой опыт башкирских всадников способствовал ожесточенности этих выступлений, то ли, наоборот, привел к их затуханию во второй половине XVIII столетия?

Безусловным успехом следует признать и опыт коллективной монографии «Казачество в тюркском и славянском мирах» (Грибовский, Трепавлов, 2018: 804), которая объединила авторов из разных стран в стремлении проанализировать развитие феномена казачества в координатах длительного хронологического периода и в пространстве огромных просторов Евразии, тем самым продемонстрировав синергетический эффект в результате объединения различных локальных историй. Отношение к армии и военной силе России у народов, входивших в состав русского государства, затрагивается и в монографии В.В. Трепавлова (Трепавлов, 2007).

Отдельную группу образуют работы, повествующие о службе в русской армии евреев. В конце XIX – начале XX вв. в отечественной исторической науке появились фигуры авторов-евреев, которые целенаправленно акцентировали свое внимание на истории российского еврейства, и в частности – на вовлечении евреев в российскую армию: С.М. Дубнов (Дубнов, 1923), Ю.И. Гессен (Гессен, 1914), С.М. Гинзбург (Гинзбург, 1912) и др. Эта русско-еврейская историография концептуально оформлялась под воздействием нескольких факторов. В силу остроты еврейского вопроса в политической жизни дореволюционной России, широкой вовлеченности еврейской интеллигенции в либерально-революционное движение, а также в связи с распространением среди еврейской молодежи идеологии сионизма – в работах этих историков распространение воинской повинности на евреев рассматривалось в первую очередь как невиданная жестокость и издевательства, имевшие своей целью крещение и полную русификацию евреев. В советское время, начиная с 1930-х гг., темы, связанные с историей еврейства, стали рассматриваться как «неудобные». Историки внутренним

чутьем ощущали: «ходить бывает склизко по камешкам иным» – и предпочитали не связываться с потенциально дискомфортной проблематикой.

В последние десятилетия ситуация изменилась: публикации, посвященные жизни еврейского народа в России, и в частности участию евреев в армии, стали достаточно многочисленными. Условно их можно разделить на две группы, которые тяготеют к двум противоположным подходам: 1) военная служба была чудовищным инструментом угнетения и русификации евреев (Локшин, 2012); 2) государственная политика была хотя и жесткой, но по-своему оправданной, т.к. именно благодаря военной службе представители еврейского сообщества включались в модернизационные процессы, гражданские структуры империи и преодолевали социальную и культурную изоляцию (Петровский-Штерн, 2003). Монография Петровского-Штерна вообще выглядит непривычно на общем фоне традиционной историографии, оплакивающей горестную участь еврейских солдат. Вероятно, эта концептуальная независимость автора связана с личными особенностями его судьбы: Петровский-Штерн в профессиональном отношении формировался еще в советском обществе (Киевский университет и МГУ), затем, эмигрировав в США, работал в университетских центрах различных стран. В плане понимания семантики русскоязычных источников и социокультурных смыслов общественных взаимоотношений в России этот американский историк, безусловно, не являлся «иностранцем». Одновременно с этим личный жизненный и профессиональный опыт подталкивал его к тому, чтобы подняться над этноцентристским подходом. С точки зрения Петровского-Штерна, привлечение евреев в российскую армию сыграло роль наиболее эффективного инструмента для достижения чрезвычайно важной цели – «превратить евреев России, изолированных от жизни русского общества, решительно отличающихся от населения империи по языку и культуре и все еще живущих по законам Речи Посполитой XVI–XVIII вв., в совершенно новый тип современного еврейства: в русских евреев» (Петровский-Штерн, 2003: 9).

В историографических обзорах традиционно всегда обращается внимание на то, что есть в научной исторической литературе, посвященной той или иной проблематике. Однако не менее важным представляется выделить и то, чего в ней нет. В отличие от сюжетов, связанных с военной службой евреев, казаков, башкир, татар или калмыков, в современной научной литературе практически отсутствуют исследования, посвященные военной службе чувашей, удмуртов, тунгусов, эвенков, сербов, греков и других представителей этнических общностей. Эта «фигура умолчания» в каждом случае имеет свои причины и резоны.

Земледельческие народы Поволжья в XVIII–XIX вв. не имели «военно-демократической», «конно-кавалерийской» или «феодально-родовой» специфики в своем общественном устройстве, к тому же они раньше вошли в состав ядра русского государства. В силу этих причин имперскому центру не было нужды «искать» особые формы национальных войсковых формирований для привлечения их в ряды российской армии. Малочисленные народы Сибири были столь «малочисленны» и разбросаны по огромным таежным просторам, что терялся практический смысл их призыва как таковой. А греки, сербы и венгры, которые активно привлекались на военную службу в XVIII в., достаточно быстро прошли путь аккультурации и ко времени образования СССР не «претендовали» на создание каких-либо национально-территориальных автономий. Равным образом, не были созданы и соответствующие научно-исследовательские структуры, которые целенаправленно концентрировали бы внимание на «мужестве и героизме наших предков». Поэтому столь немногочисленны статьи, посвященные положению переселенцев с Балкан, их особому устройству в Новороссийском крае, анализу специфики их военных формирований (Артамонов, 2011; Танин, 2009; Пинчук, 2012; Арш, 1969). По большому счету лишь необычно звучащие фамилии русских генералов XIX в. (Милорадович, Депрерадович, Вуич) остались у нас как напоминание об имперском проекте создания Новой Сербии.

В качестве отдельной группы следует выделить и немногочисленные работы, посвященные службе поляков и финнов в армии Российской империи. Эти исследования имеют специфику в силу того, что этноцентристский «комплиментарный» подход в данном случае не востребован и не работает. А значит, во весь рост перед исследователями встает вопрос изучения механизмов взаимодействия имперского центра и территорий, отличающихся от ядра государства вектором своего культурного развития. Необходимым становится концептуальное осмысление вовлечения людских ресурсов этих земель в общие военные структуры империи, анализ целей, задач и результатов этого процесса, понимание причин достижений и неудач. Так, некоторые исследователи рассматривают процесс привлечения поляков в военные структуры империи (Ващенко, 2000; Дмитриев, 2014; Адрилайнен, 2017), уделяя особое внимание изменению принципов вовлечения поляков в вооруженные силы, характеристике состояния и организации вооруженных сил в период существования Царства Польского и в более позднее время. Положение финского народа в имперской армии представлено лишь одной работой В.В. Лапина «Финляндия в военной системе Российской империи», где автор всесторонне рассматривает правовой и военный статус княжества Финляндского, выделяет различные формы участия его населения в вооруженных силах России и анализирует причины, в силу которых имперский центр фактически потерял здесь неудачу в плане мобилизации людских ресурсов (Лапин, 2014).

Вообще работы В.В. Лапина на сегодняшний день представляют собой наиболее глубокую попытку осмысления армии империи как мощного интеграционного механизма (Лапин, 1991, 1994, 2001a, 2001b, 2002, 2008, 2012, 2014, 2016, 2019). В статьях этого исследователя стал выкристаллизовываться новый подход, рассматривающий изучение российской армии как института, способного проводить гибкую политику и реализовывать глубокие социокультурные задачи внутреннего развития России. Начало этому положила статья В.В. Лапина «Армия империи – империя в армии», в которой автор заявлял об уникальности имперского государственного строительства и огромных адаптационных возможностях империи, что непосредственно находило свое воплощение в армии, превращая ее из «инструмента внешней политики в инструмент внутренней» (Лапин, 2001b: 109-110).

Наряду с работами отечественных историков, в последние десятилетия особый вклад в изучение российской армии в парадигме социокультурной истории вносят и зарубежные ученые. Среди таких исследований следует, в первую очередь, отметить значимые работы американских историков (Меннинг, 2016; Кеер, 1985; Wirtschafter, 1990; Pintner, 1984). При всех различиях этих ученых в выборе тем и хронологических периодов в изучении российской армии их объединяет одна важная черта – изучение армии как важнейшего фактора не только внешней политики, но и внутреннего развития российского общества и государства. На существенные отличия западной историографии в исследовательских подходах к изучению армии еще в 1990-е гг. указал В.В. Лапин (Лапин, 1994). Некоторые из работ зарубежных историков переведены на русский язык, другие доступны лишь на языке оригинала. Пытаясь концептуально ответить на вопрос о роли армии в российской истории и специфических чертах влияния армейского фактора на российское общество, многие из них в той или иной степени затрагивают и вопрос об имперском характере армии. Особенно заметными в этой связи выступают работы Дитриха Байрау и Альфреда Рибера. Немецкий историк Дитрих Байрау во многом продолжает и развивает традиции школы П.А. Зайончковского, под руководством которого он работал во время своей стажировки в СССР в 1970-е гг. Фундаментальная монография Байрау «Армия и общество в дореволюционной России» рассматривает развитие российской армии в широкой связи с политической, экономической и социальной жизнью страны (Weigau, 1984). Небольшая часть этой работы в качестве отдельной статьи увидела свет в переводе на русский язык (Байрау, 1997). Байрау задается принципиальным вопросом о влиянии процессов «гражданзации» общества и формирования нации на российскую армию в пореформенное время. Немецкого историка в этой связи интересует проблема: возможно ли было вообще такое преобразование без развала империи и ее армии? С его точки зрения, главной причиной краха страны и армии были не капиталистические или национальные противоречия, а культурно-социальный дуализм общества (разграничение на «белую» и «черную» кость), не преодоленный даже в результате реформ 1860-х гг. Именно поэтому, по мнению Байрау, столь успешной оказалась «интернациональная этика, которая ставила своей целью преодоление раскола на классы и этносы», а Красная рабоче-крестьянская армия, уже с иным идеологическим обоснованием, сумела победно «продолжить традицию империи, создав культ военного дела и власти» (Байрау, 1997: 36).

Не менее интересный концептуальный подход наметил и американский историк Альфред Рибер, предложив в качестве эффективного инструмента для изучения проблемы армии в империи использовать методы компаративистики (Rieber, 2015). В статье, которая по формату представляет собою скорее историческое эссе, Рибер попытался наметить пути возможного сравнительно-исторического исследования «национализации» армии в ходе модернизации и потрясений трех империй – Российской, Австро-Венгерской и Османской. По мнению историка, именно компаративистика может стать плодотворным инструментом для концептуального понимания схожих и специфических черт роли армии в имперских структурах в ходе их модернизационной трансформации. Рибер утверждает, что исследователи «неоправданно мало внимания уделяют армии, которая, наряду с бюрократией и идеологией, входит в число трех столпов имперского правления и которая проходит свой путь развития в результате взаимодействия имперских процессов и процессов национализации, начиная с XVII столетия и до первой мировой войны» (Rieber, 2015: 594).

4. Заключение

Подводя итоги, следует сделать вывод о том, что критическая масса материалов и исследований касательно феномена армии в Российской империи уже накоплена для того, чтобы перейти к другому, более высокому уровню концептуального осмысления ее роли во внутреннем социокультурном развитии имперского организма в целом. На повестке дня стоит задача перехода от общетеоретических рассуждений о природе и типологии империй к конкретным историческим исследованиям концептуального уровня. Историкам предстоит в ходе этих исследований искать ответы на непростые вопросы. Насколько успешной была армия в роли «школы нации»? Каковы были инструменты вовлечения нерусских народов в российскую армию, каков был алгоритм поиска и выработки этих инструментов? В чем состояла основная цель подобного вовлечения: в удовлетворении военных потребностей или в интеграционных процессах, протекавших в империи?

Насколько эффективными были результаты такого вовлечения в военно-практическом смысле и в контексте общеимперской интеграции? Как должна была действовать империя, привлекая как русское, так и нерусское население на военную службу, чтобы в дальнейшем избежать потрясений? Почему в одном случае политика правительства приводила к повышенному уровню лояльности, в другом – к ускорению процесса интеграции, а в третьем – к фатальным последствиям?

Литература

- Абдуллин, 2007** – Абдуллин Х.М. Воинская служба крымских татар в Российской империи // *Военно-исторический журнал*, 2007. № 1. С. 49-54.
- Агафонов, 1995** – Агафонов О.В. Казачьи войска Российской империи. М., 1995.
- Андрилайнен, 2017** – Андрилайнен С.В. Русская армия в Царстве Польском в 1831–1856 годах // *Научный диалог*. 2017. № 3. С. 106-118.
- Артамонов, 2011** – Артамонов В.А. Сербы и турецко-русская война 1710–1713 гг. // *Институт российской истории РАН*, 2011. Т. 13. № 3 (2). С. 333-341.
- Арш, 1969** – Арш Г.Л. Греческая эмиграция в Россию в конце XVIII – начале XIX в. // *Советская этнография*, 1969. № 3. С. 85-95.
- Астафуллин, 2000** – Астафуллин С.Г. Северные амурцы в Отечественной войне 1812 года. Уфа, 2000.
- Баиов, 1906** – Баиов А.К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг. Т. 2. СПб., 1906.
- Байрау, 1997** – Байрау Д. Империя и ее армия // *Новый часовой*. 1997. № 5. С. 19-39.
- Беликов, 1965** – Беликов Т.И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVII – начало XIX вв.). Элиста, 1965. 180 с.
- Бескровный, 1958** – Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. М., 1958.
- Бескровный, 1958** – Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М., 1958.
- Бобков, 2006** – Бобков А.А. Таврические конные дивизионы: К истории крымских татарских иррегулярных формирований российской императорской армии в 1784–1796 гг. // *Военно-исторический журнал: Интернет-приложение*. 2006. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://books.reenactor.ru/?bookid=624> (дата обращения: 08.08.2020).
- Ващенко, 2000** – Ващенко А.В. Правовой статус Царства Польского в составе Российской империи, 1815–1830 гг. М., 2000.
- Волков, 2003** – Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 2003.
- Володина, 2000** – Володина Т.А. О расширении предмета историографических исследований (к постановке вопроса) // *Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко*. М., 2000. С. 312-320.
- Высочков, 2012** – Высочков Л.В. «Война теперь не обыкновенная, а национальная»: народы России в Отечественной войне 1812 года / Материалы Всероссийской научной конференции (г. Элиста, 11–12 сентября 2012 г.). Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, 2012. С. 18-24.
- Габдуллин, 2006** – Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006.
- Гессен, 1914** – Гессен Ю.И. История евреев в России. СПб., 1914.
- Гинзбург, 1912** – Гинзбург С.М. Отечественная война 1812 года и русские евреи. СПб., 1912.
- Грибовский, Трепавлов, 2018** – Грибовский В.В., Трепавлов В.В. (Ред.). Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018.
- Дмитриев, 2014** – Дмитриев Д.Г. Поляки на службе в царской армии накануне Первой мировой войны (к вопросу о векторе социальной мотивации) // *Славянский альманах*. 2014. С. 134-141.
- Дубнов, 1923** – Дубнов С.М. Новейшая история еврейского народа: От революции 1789 г. до мировой войны 1914 г. В 3-х т. Берлин, 1923.
- Дурново, 1922** – Дурново П.Н. Записка П.Н. Дурново // *Красная новь*, 1922. № 6. С. 178-199.
- Дуров, 2013** – Дуров И.Г. Организация военного чиновничества в русской регулярной армии и военно-морском флоте в эпоху Петра Великого // *Менишниковские чтения*. СПб., 2013. № 4 (11). С. 71-124.
- Зайончковский, 1952** – Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952.
- Зайончковский, 1973** – Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. М., 1973.
- Ивашко, 2004** – Ивашко М.И. Межконфессиональный мир в армии и на флоте: исторический опыт // *Журнал личной, национальной и коллективной безопасности*. 2004. № 3. С. 566-573.
- Керсновский, 1939** – Керсновский А.А. Мировая война. Краткий очерк. К 25-летию объявления войны. Белград, 1939.
- Керсновский, 1994** – Керсновский А.А. История русской армии. М.: Голос, 1994. Т. 4.
- Куприянова, 2008** – Куприянова О.И. Иностранцы на государственной службе в России в XVIII в.: правовой статус // *Вестник Московского университета. Право*, 2008. № 5. С. 78-90.

- Лапин, 1991** – Лапин В.В. Военные расходы России в XIX в. // *Проблемы социально-экономической истории России. К 100-летию со дня рождения Б.А. Романова*. СПб., 1991. С. 148-160.
- Лапин, 1994** – Лапин В.В. Армия дореволюционной России в современной западной историографии // *Государственные институты и общественные отношения в России XVIII–XX вв. в зарубежной историографии*. СПб. 1994. С. 7-31.
- Лапин, 2001a** – Лапин В.В. Национальные формирования в Кавказской войне // *Россия и Кавказ. Сквозь два столетия*. СПб., 2001. С. 108-126.
- Лапин, 2001b** – Лапин В.В. Армия в империи – империя в армии: организация и комплектование вооруженных сил России в XVI – начале XX вв. // *Ab Imperio*. Т. 4. С. 109-140.
- Лапин, 2008** – Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008.
- Лапин, 2012** – Лапин В.В. Проблемы использования людских ресурсов национальных окраин Российской империи для комплектования вооруженных сил в конце XVIII – первой четверти XIX века // *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета*. 2012. № 11. С. 100-107.
- Лапин, 2014** – Лапин В.В. Финляндия в военной системе Российской империи // *Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории*. 2014. № 1. С. 98-120.
- Лапин, 2016** – Лапин В.В. Армия Российской империи как школа нации / *Военная история России XIX–XX веков. Материалы IX Международной военно-исторической конференции*. 2016. С. 3-12.
- Лапин, 2019** – Лапин В.В. Армия России как имперский интеграционный механизм // *Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории*. 2019. № 1 (21). С. 302-313.
- Лаптева, Рожкова, 2012** – Лаптева Е.В., Рожкова Л.П. К вопросу об истории российского казачества // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*, 2012. № 4. С. 60-67.
- Локшин, 2012** – Локшин А.Е. Рекрутская повинность и обращение евреев в христианство при Николае I // *Вопросы истории*. М., 2012. № 7. С. 77-85.
- Максимов, Очиров, 2012** – Максимов К.Н., Очиров У.Б. Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста, 2012. 518 с.
- Масловский, 1886** – Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 1: Поход Апраксина в Восточную Пруссию (1756–1757 гг.). М., 1886. 678 с.
- Меннинг, 2016** – Меннинг Брюс У. Пуля и штык. Армия Российской империи 1861–1914. М., 2016. 423 с.
- Муртазов, 2017** – Муртазов Т.Г. Милитаризация и войны как фактор ассимиляции башкир в прошлом // *Ватандаш*. 2017. № 6. С. 126-133.
- Петровский-Штерн, 2003** – Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии: 1827–1914. М., 2003. 556 с.
- Пинчук, 2012** – Пинчук С.А. Греки Российской империи в войне 1812 года // *Война и мир, 2012*. № 12. С. 55-67.
- Рахимов, 2007** – Рахимов Р.Н. Поход башкирской команды в Польшу в 1771 году // *Вестник Башкирского университета*, 2007. № 1. С. 113-117.
- Рахимов, 2014a** – Рахимов Р.Н. На службе у «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII – первой половине XIX в. М., 2014. 542 с.
- Рахимов, 2014b** – Рахимов Р.Н. Западные мифы о народах России: от «диких башкир» к «полуазиатским ордам» // *Проблемы национальной стратегии*. 2014. № 6 (27). С. 190-206.
- Рахимов, 2015** – Рахимов Р.Н. Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII в. как фактор интеграции в империю // *Проблемы национальной стратегии*. 2015. № 3 (30). С. 229-247.
- Рахимов, 2018** – Рахимов Р.Н. Национальные формирования в российской императорской армии // *Русский сборник. Т. XXVI. Россия и Война. Международный научный сборник в честь 75-летия Брюса Меннинга*. М., 2018. С. 122-144.
- Рахимов, 2019** – Рахимов Р.Н. Бенкендорф и его башкиры. Мемориализация освобождения Нидерландов в 1813 г. // *Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XXII Международной научной конференции. Министерство культуры Российской Федерации; Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник*. 2019. С. 285-290.
- Рахимов, 2020** – Рахимов Р.Н. Обер-офицеры тептярских конных полков. Сословный парадокс на юго-восточном фронтире России // *Мусульманин на службе Российской империи (к 200-летию Мирсалиха Бекчурина)*. 2020. С. 57-71.
- Риттих, 1875** – Риттих А.Ф. Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения Европейской России. СПб., 1875. 352 с.
- Сусеева, 2012** – Сусеева Д.А. Об участии калмыков в походах русской армии (по данным писем калмыцких ханов и их русских переводов XVIII в.) // *Отечественная война 1812 года и Заграничный поход 1813–1814 гг.: проблемы истории и историографии*. 2012. С. 106-114.

Танин, 2009 – Танин С.Ю. Русский Белград. М., 2009. 301 с.

Трепавлов, 2007 – Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. 253 с.

Трепавлов, 2009 – Трепавлов В.В. «Национальная политика» в многонациональной России XVI–XIX веков // *Историческая психология и социология истории*. 2009. Т. 2. № 1. С. 60-73.

Целорунго, 2012 – Целорунго Д.Г. Социальный и антропологический облик рекрутов российской армии эпохи Отечественной войны 1812 года // *Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук*. Сыктывкар; Вологда, 2012. Вып. 9. С. 15-23.

Чонов, 2006 – Чонов Е. Калмыки в русской армии XVII в., XVIII в. и 1812 год. Элиста, 2006. 72 с.

Шовунов, 1992 – Шовунов К.П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII – XIX в.). Элиста, 1992. 317 с.

Бейрау, 1984 – Beyrau D. Militär und Gesellschaft im vorrevolutionären Russland (Beiträge zur Geschichte Osteuropas, Bd.15). Köln, 1984. 504 S.

Кеер, 1985 – Keep John L. H. Soldiers of the tsar :Army and society in Russia, 1462-1874. Oxford, 1985. 431 p.

Pintner, 1984 – Pintner W. The Burden of Defence in Imperial Russia // *The Russian Review*. Vol. 43. 1984. pp. 231-259

Rieber, 2015 – Rieber A.J. Nationalizing Imperial Armies: A Comparative and Transnational Study of three Empires // *Nationalizing Empires* / Edited by Alexei Miller and Stefan Berger. Central European University Press. 2015. pp. 593-628.

Wirtschaftler, 1990 – Wirtschaftler E.K. From Serf to Russian Soldier. Princeton, 1990. 214 p.

References

Abdullin, 2007 – Abdullin Kh.M. (2007). Voinskaya sluzhba krymskikh tatar v Rossijskoj imperii [Military service of the Crimean Tatars in the Russian Empire]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. №1. Pp. 49-54. [in Russian]

Agafonov, 1995 – Agafonov O.V. (1995). Kazach'i vojska Rossijskoj imperii [Cossack troops of the Russian Empire]. М. [in Russian]

Andrilajnen, 2017 – Andrilajnen S.V. (2017). Russkaya armiya v Tsarstve Pol'skom v 1831-1856 godakh [Russian army in the Kingdom of Poland in 1831-1856]. *Nauchnyj dialog*. № 3. Pp. 106-118. [in Russian]

Artamonov, 2011 – Artamonov V.A. (2011). Serby i turetsko-russkaya vojna 1710-1713 gg. [The Serbs and the Turkish-Russian war of 1710-1713]. *Institut rossijskoj istorii RAN*. Т. 13. № 3(2). Pp. 333-341. [in Russian]

Arsh, 1969 – Arsh G.L. (1969). Grecheskaya eh migratsiya v Rossiyu v kontse XVIII – nachale XIX v. [Greek emigration to Russia in the late XVIII-early XIX century]. *Sovetskaya eh nografija*. № 3. Pp. 85-95. [in Russian]

Astafullin, 2000 – Astafullin S.G. (2000). Severnye amury v Otechestvennoj vojne 1812 goda. [Northern cupids in the Patriotic war of 1812]. Ufa. [in Russian]

Baiov, 1906 – Baiov A.K. (1906). Russkaya armiya v tsarstvovanie imperatritsy Anny Ioannovny. Vojna Rossii s Turtsiej v 1736-1739 gg. [The Russian army in the reign of the Empress Anna Ioannovna. Russia's war with Turkey in 1736-1739]. Т.2. SPb. [in Russian]

Bajrau, 1997 – Bajrau D. (1997). Imperiya i ee armiya [The Empire and its army]. *Novyj chasovoj*. №5. Pp. 19-39. [in Russian]

Belikov, 1965 – Belikov T.I. (1965). Kalmyki v bor'be za nezavisimost' nashej Rodiny (XVII – nachalo XIX vv.) [The Kalmyks in the struggle for the independence of our Motherland (XVII – early XIX centuries)]. Элиста. [in Russian]

Beskrovnyj, 1958 – Beskrovnyj L.G. (1958). Russkaya armiya i flot v XIX veke [Russian army and Navy in the XIX century]. М. [in Russian]

Beskrovnyj, 1958 – Beskrovnyj L.G. (1958). Russkaya armiya i flot v XVIII veke [Russian army and Navy in the XVIII century]. М. [in Russian]

Beyrau, 1984 – Beyrau D. (1984). Militär und Gesellschaft im vorrevolutionären Russland [Army and society in pre-revolutionary Russia]. Köln. [in German]

Bobkov, 2006 – Bobkov A.A. (2006). Tavricheskie konnye diviziony: K istorii krymskikh tatarskikh irregulyarnykh formirovanij Rossijskoj imperatorskoj armii v 1784-1796 gg. [Tauride horse divisions: On the history of the Crimean Tatar irregular formations of the Russian Imperial army in 1784-1796]. *Voенно-istoricheskij zhurnal: Internet-prilozhenie*. № 2. [Electronic resource]. URL: <http://books.reenactor.ru/?bookid=624> (date: 08.08.2020). [in Russian]

Chonov, 2006 – Chonov E.Ch. (2006). Kalmyki v russkoj armii XVII v., XVIII v. i 1812 god. [Kalmyks in the Russian army of the XVII century, XVIII century and 1812]. Элиста. [in Russian]

- Dmitriev, 2014** – *Dmitriev D.G.* (2014). Polyaki na sluzhbe v tsarskoj armii nakanune Pervoj mirovoj vojny (k voprosu o vektore sotsial'noj motivatsii) [Poles serving in the tsarist army on the eve of the First world war (on the question of the vector of social motivation)]. *Slavyanskij al'manakh*. Is. 1-2. Pp. 134-141. [in Russian]
- Dubnov, 1923** – *Dubnov S.M.* (1923). Novejshaya istoriya evrejskogo naroda: Ot revolyutsii 1789 g. do mirovoj vojny 1914 g. [Modern history of the Jewish people: from the revolution of 1789 to the world war of 1914]. Vol.1-3. Berlin. [in Russian]
- Durnovo, 1922** – *Durnovo P.N.* (1922). Zapiska P.N. Durnovo [The note of P.N. Durnovo]. *Krasnaya nov'*. № 6. Pp. 178-199. [in Russian]
- Durov, 2013** – *Durov I.G.* (2013). Organizatsiya voennogo chinoproizvodstva v russkoj reguljarnoj armii i voenno-morskom flote v ehpkhu Petra Velikogo [Organization of military ranks promotion in the Russian regular army and Navy in the era of Peter the Great]. *Menshikovskie chteniya*. SPb. № 4 (11). Pp. 71-124. [in Russian]
- Gabdullin, 2006** – *Gabdullin I.R.* (2006). Ot sluzhilykh tatar k tatarskomu dvoryanstvu [From the serving Tatars to the Tatar gentry]. M. [in Russian]
- Gessen, 1914** – *Gessen Yu.I.* (1914). Istoriya evreev v Rossii [History of the Jews in Russia]. SPb. [in Russian]
- Ginzburg, 1912** – *Ginzburg S.M.* (1912). Otechestvennaya vojna 1812 goda i russkie evrei [The Patriotic war of 1812 and Russian Jews]. SPb. [in Russian]
- Gribovskij, Trepavlov, 2018** – *Gribovskij V.V., Trepavlov V.V.* (Eds.) (2018). Kazachestvo v tyurkskom i slavyanskom mirakh [Cossacks in the Turkic and Slavic worlds]. Kazan'. [in Russian]
- Ivashko, 2004** – *Ivashko M.I.* (2004). Mezkhkonnessional'nyj mir v armii i na flote: istoricheskij opyt [Interfaith peace in the Army and Navy: historical experience]. *Zhurnal Lichnoj, Natsional'noj i Kollektivnoj Bezopasnosti*. № 3. Pp. 566-573. [in Russian]
- Keep, 1985** – *Keep J.* (1985). Soldiers of the Tsar :Army and society in Russia, 1462-1874. Oxford press.
- Kersnovskij, 1939** – *Kersnovskij A.A.* (1939). Mirovaya vojna. Kratkij ocherk. K 25-letiyu ob'yavleniya vojny [World war. Brief sketch. On the 25th anniversary of the Declaration of war.]. Belgrad. [in Russian]
- Kersnovskij, 1994** – *Kersnovskij A.A.* (1994). Istoriya russkoj armii [History of the Russian army]. M. T. 4. [in Russian]
- Kupriyanova, 2008** – *Kupriyanova O.I.* (2008). Inostrantsy na gosudarstvennoj sluzhbe v Rossii v XVIII v.: pravovoj status [Foreigners in the government service in Russia in the XVIII century: legal status]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Pravo*. № 5. Pp. 78-90. [in Russian]
- Lapin, 1991** – *Lapin V.V.* (1991). Voennye raskhody Rossii v XIX v. [Military expenditures of Russia in the XIX century]. Problemy sotsial'no-ehkonomicheskoj istorii Rossii. K 100-letiyu so dnja rozhdeniya B.A. Romanova. SPb. Pp. 148-160. [in Russian]
- Lapin, 1994** – *Lapin V.V.* (1994). Armija dorevoljucionnoj Rossii v sovremennoj zapadnoj istoriografii [The army of pre-revolutionary Russia in present Western historiography]. Gosudarstvennye instituty i obshhestvennye otnosheniya v Rossii XVIII-XX vv. v zarubezhnoj istoriografii. SPb. Pp. 7-31. [in Russian]
- Lapin, 2001a** – *Lapin V.V.* (2001). Natsional'nye formirovaniya v Kavkazskoj vojne [National formations in the Caucasian war]. Rossiya i Kavkaz. Skvoz' dva stoletiya. SPb. Pp.108-126. [in Russian]
- Lapin, 2001b** – *Lapin V.V.* (2001). Armija imperii, imperiya v armii: organizatsiya i komplektovanie vooruzhennykh sil Rossii v XVI – nachale XX vv. [The army of the Empire, the Empire in the army: organization and recruitment of the Russian armed forces in the XVI-early XX centuries]. *Ab Imperio*. №4. Pp. 109-140. [in Russian]
- Lapin, 2008** – *Lapin V.V.* (2008). Armija Rossii v Kavkazskoj vojne XVIII-XIX vv. [Russian army in the Caucasus war of the XVIII-XIX centuries]. SPb. [in Russian]
- Lapin, 2012** – *Lapin V.V.* (2012). Problemy ispol'zovaniya lyudskikh resursov natsional'nykh okrain Rossijskoj imperii dlya komplektovaniya vooruzhennykh sil v kontse XVIII – pervoj chetverti XIX veka [Problems of using the human resources of the national borderlands of the Russian Empire to recruit the armed forces at the end of the XVIII – first quarter of the XIX century]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*. № 11. Pp. 100-107. [in Russian]
- Lapin, 2014** – *Lapin V.V.* (2014). Finlyandiya v voennoj sisteme Rossijskoj imperii [Finland in the military system of the Russian Empire]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal: issledovaniya po rossijskoj i vseobshhej istorii*. № 1. Pp. 98-120. [in Russian]
- Lapin, 2016** – *Lapin V.V.* (2016). Armija Rossijskoj imperii kak shkola natsii [The army of the Russian Empire as the nation's school]. *Voennaya istoriya Rossii XIX-XX vekov. Materialy IX Mezhdunarodnoj voenno-istoricheskij konferentsii*. Pp. 3-12. [in Russian]
- Lapin, 2019** – *Lapin V.V.* (2019). Armija Rossii kak imperskij integratsionnyj mekhanizm [The Russian army as an Imperial integration mechanism]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal: issledovaniya po rossijskoj i vseobshhej istorii*. № 1 (21). Pp. 302-313. [in Russian]

- Lapteva, Rozhkova, 2012** – *Lapteva E.V., Rozhkova L.P.* (2012). K voprosu ob istorii rossijskogo kazachestva [To the question of the history of the Russian Cossacs]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. №4. Pp. 60-67. [in Russian]
- Lokshin, 2012** – *Lokshin A.E.* (2012). Rekrutskaya povinnost' i obrashhenie evreev v khristianstvo pri Nikolae I [Recruit service and conversion of the Jews to Christianity under Nicholas I]. *Voprosy istorii*. № 7. Pp. 77-85. [in Russian]
- Maksimov, Ochirov, 2012** – *Maksimov K.N., Ochirov U.B.* (2012). Kalmyki v napoleonovskikh vojnakh [Kalmyks in the Napoleonic wars]. Elista. [in Russian]
- Maslovskij, 1886** – *Maslovskij D.F.* (1886). Russkaya armiya v Semiletnyuyu vojnu. Vyp. 1: Pokhod Apraksina v Vostochnuyu Prussiyu (1756-1757 gg.) [Russian army in the seven Years' war. Issue 1: Apraksin's Campaign in East Prussia (1756-1757)]. M. [in Russian]
- Menning, 2016** – *Menning B.U.* (2016). Pulya i shtyk. Armiya Rossijskoj imperii 1861-1914 [The bullet and the bayonet. The army of the Russian Empire, 1861-1914]. M. [in Russian]
- Murtazov, 2017** – *Murtazov T.G.* (2017). Militarizatsiya i vojny kak faktor assimilyatsii bashkir v proshlom [Militaryization and wars as a factor of assimilation of Bashkirs in the past]. *Vatandash*. №6. Pp. 126-133. [in Russian]
- Petrovskij-Shtern, 2003** – *Petrovskij-Shtern J.* (2003) Evrei v russkoj armii: 1827–1914 [Jews in the Russian army: 1827-1914]. M. [in Russian]
- Pinchuk, 2012** – *Pinchuk S.A.* (2012). Greki Rossijskoj imperii v vojne 1812 goda [The Greeks of the Russian Empire in the war of 1812]. *Vojna i mir*. № 12. Pp. 55-67. [in Russian]
- Pintner, 1984** – *Pintner W.* (1984). The Burden of Defence in Imperial Russia. *The Russian Review*. Vol. 43. Pp. 231-259
- Rakhimov, 2007** – *Rakhimov R.N.* (2007). Pokhod bashkirskoj komandy v Pol'shu v 1771 godu [Campaign of the Bashkir troops in Poland in 1771]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. №1. Pp. 113-117. [in Russian]
- Rakhimov, 2014a** – *Rakhimov R.N.* (2014) Na sluzhbe u «Belogo tsarya». Voennaya sluzhba nerusskikh narodov yugo-vostoka Rossii v XVIII – pervoj polovine XIX v. [In the service of the "White Tsar". Military service of non-Russian peoples of the South-East of Russia in the XVIII – first half of the XIX century]. M. [in Russian]
- Rakhimov, 2014b** – *Rakhimov R.N.* (2014). Zapadnye mify o narodakh Rossii: ot «dikikh bashkir» k «poluaziatskim ordam» [Western myths about the peoples of Russia: from "wild Bashkirs" to "semi-Asian hordes"]. *Problemy natsional'noj strategii*. № 6 (27). Pp. 190-206. [in Russian]
- Rakhimov, 2015** – *Rakhimov R.N.* (2015). Voennaya sluzhba nerusskikh narodov yugo-vostoka Rossii v XVIII v. kak faktor integratsii v imperiyu [Military service of non-Russian peoples of the South-East of Russia in the XVIII century as a factor of integration into the Empire]. *Problemy natsional'noj strategii*. №3(30). Pp. 229-247. [in Russian]
- Rakhimov, 2018** – *Rakhimov R.N.* (2018). Natsional'nye formirovaniya v rossijskoj imperatorskoj armii [National formations in the Russian Imperial army]. *Russkij sbornik*. T. XXVI. Rossiya i Vojna. Mezhdunarodnyj nauchnyj sbornik v chest' 75-letiya Bryusa Menninga. M. Pp.122-144. [in Russian]
- Rakhimov, 2019** – *Rakhimov R.N.* (2019). Benkendorf i ego bashkiry. Memorializatsiya osvobodzheniya Niderlandov v 1813 g. [Benckendorf and his Bashkirs. Memorialization of the liberation of the Netherlands in 1813]. *Otechestvennaya vojna 1812 goda Istochniki. Pamyatniki. Problemy. Materialy XXII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii*. M. Pp. 285-290. [in Russian]
- Rakhimov, 2020** – *Rakhimov R.N.* (2020). Ober-ofitsery teptyarskikh konnykh polkov. Soslovnyj paradoks na yugo-vostochnom frontire Rossii [Chief officers of teptyar horse regiments. Estate paradox on the South-Eastern frontier of Russia]. *Musul'manin na sluzhbe Rossijskoj imperii (k 200-letiyu Mirsalikha Bekchurina)*. Ufa. Pp. 57-71. [in Russian]
- Rieber, 2015** – *Rieber A.J.* (2015). Nationalizing Imperial Armies: A Comparative and Transnational Study of three Empires // *Nationalizing Empires* / edited by Alexei Miller and Stefan Berger. Central European University Press. Pp. 593-628.
- Rittikh, 1875** – *Rittikh A.F.* (1875). Plemennoj sostav kontingentov russkoj armii i muzhskogo naseleniya Evropejskoj Rossii [Ethnic composition of the Russian army contingents and the male population of European Russia.]. SPb. [in Russian]
- Shovunov, 1992** – *Shovunov K.P.* (1992). Kalmyki v sostave rossijskogo kazachestva (vtoraya polovina XVII – XIX v.) [Kalmyks as a part of the Russian Cossacks (the second half of the XVII-XIX century)]. Elista. [in Russian]
- Suseeva, 2012** – *Suseeva D.A.* (2012). Ob uchastii kalmykov v pokhodakh russkoj armii (po dannym pisem kalmytskikh khanov i ikh russkikh perevodov XVIII v.) [About the part of the Kalmyks in Russian army campaigns (according to the letters of the Kalmyk khans and their Russian translations of the XVIII century)]. *Otechestvennaya vojna 1812 goda i Zagranichnyj pokhod 1813-1814 gg.: problemy istorii i istoriografii*. Pp. 106-114. [in Russian]
- Tanin, 2009** – *Tanin S.Yu.* (2009). Russkij Belgrad [Russian Belgrad]. M. [in Russian]

Trepavlov, 2007 – Trepavlov V.V. (2007). «Belyj tsar'»: obraz monarkha i predstavleniya o poddanstve u narodov Rossii XV-XVIII vv. ["White Tsar": the image of the monarch and the idea of citizenship among the peoples of Russia of the XV-XVIII centuries]. M. [in Russian]

Trepavlov, 2009 – Trepavlov V.V. (2009). «Natsional'naya politika» v mnogonatsional'noj Rossii XVI-XIX vekov ["National policy" in multinational Russia of the XVI-XIX centuries]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*. T. 2. №1. Pp. 60-73. [in Russian]

Tselorungo, 2012 – Tselorungo D.G. (2012). Sotsial'nyj i antropologicheskij oblik rekrutov rossijskoj armii ehpokhi Otechestvennoj vojny 1812 goda [Social and anthropological look of recruits of the Russian army during the Patriotic war of 1812]. *Trudy Komi otdeleniya Akademii voenno-istoricheskikh nauk. Syktyvkar; Vologda.Vyp. 9*. Pp. 15-23. [in Russian]

Vaschenko, 2000 – Vaschenko A.V. (2000) Pravovoj status Tsarstva Pol'skogo v sostave Rossijskoj imperii, 1815-1830 gg. [Legal status of the Kingdom of Poland in the Russian Empire, 1815-1830]. M. [in Russian]

Volkov, 2003 – Volkov S.V. (2003). Russkij ofiterskij korpus [Russian officer corps]. M. [in Russian]

Volodina, 2000 – Volodina T.A. (2000). O rasshirenii predmeta istoriograficheskikh issledovanij (k postanovke voprosa) [On expanding the subject of historiographical research (Raising the question)]. *Problemy istochnikovedeniya i istoriografii. Materialy II Nauchnykh chtenij pamyati akademika I.D. Koval'chenko*. M. Pp. 312-320. [in Russian]

Vyskochkov, 2012 – Vyskochkov L.V. (2012). «Vojna teper' ne obyknovennaya, a natsional'naya»: narody Rossii v Otechestvennoj vojne 1812 goda ["The war is no longer ordinary, but national": the peoples of Russia in the Patriotic war of 1812]. *Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferentsii (g. Elista, 11–12 sentyabrya 2012 g.)*. Kalmytskij institut gumanitarnykh issledovanij RAN. Pp. 18-24. [in Russian]

Wirtschaftler, 1990 – Wirtschaftler E.K. (1990). From Serf to Russian Soldier. Princeton.

Zajonchkovskij, 1952 – Zajonchkovskij P.A. (1952). Voennye reformy 1860-1870 godov v Rossii [Military reforms of 1860-1870 in Russia]. M. [in Russian]

Zajonchkovskij, 1973 – Zajonchkovskij P.A. (1973) Samoderzhavie i russkaya armiya na rubezhe XIX-XX stoletij. 1881-1903. [Autocracy and the Russian army at the turn of the XIX-XX centuries. 1881-1903]. M. [in Russian]

Российская армия как феномен империи: анализ историографии

Татьяна Андреевна Володина ^{a, *}, Константин Андреевич Подрезов ^a,
Тамара Александровна Тарунтаева ^a

^a Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Российская Федерация

Аннотация. В работе проводится анализ историографии, посвященный изучению специфики роли и значения армии в контексте имперского развития России. Авторы прослеживают подходы и оценки, которые проявлялись в исторических исследованиях по отношению к фактору языковой, конфессиональной и этнической «разноплеменности» вооруженных сил российской империи в период XVIII–XIX вв. Источниками исследования выступают работы отечественных историков, начиная с XIX столетия и по настоящее время. В результате анализа авторы выделяют те факторы, в результате которых происходила перенастройка «методологической оптики» исследователей: практические вопросы использования национальных формирований в российской армии, осмысление причин краха вооруженных сил России в ходе Первой мировой войны и революции, антиимперский подход советской историографии, «комплиментарные» этноцентристские оценки позднесоветского и постсоветского времени, общее внимание к феномену империи в современных исследованиях. Авторы подчеркивают и значение западной историографии, играющей роль дополнительного стимула, который подвигает российских историков отходить от «батальной» парадигмы изучения армии в сторону концептуального осмысления взаимоотношений армии, государства и общества. Однако, по мнению авторов статьи, главным фактором в изменении фокуса исследовательского внимания явился распад СССР.

Ключевые слова: историография, российская армия XVIII–XIX веков, империя, интеграционный инструмент, государственное строительство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: volodina.tatiana2016@yandex.ru (Т.А. Володина), kpodrezov@yandex.ru (К.А. Подрезов), lady.taruntaeva@yandex.ru (Т.А. Тарунтаева)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1025-1033. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1025
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Traditions of the Military Service Group in the Investigation Materials of the (Un)baptized Kalmyk, 1746: the Experience of Social Regulation in the Russian Empire

Andrey S. Ryzhev ^{a, *}

^a Kalmyk scientific center of the Russian Academy of Sciences, Department of History, Archeology and Ethnology, Russian Federation

Abstract

The article mainly concentrates on the state measures relative the new (created from the 30s through the 40s of the 18th century) military service strata, especially in final years of the Empress Anna Ioannovna's reign and the first half of the Empress Elizaveta Petrovna's reign. The regulatory role of social policy of the Russian Empire in the early Modern Time influenced the inner state of the ethno-confessional groups is investigated for the first time in historiography. The proposed research bases on the materials of the history of the one of largest military service estates of mentioned years the Volga Stavropol' Kalmyks which remain generally are unknown to current day. The article based on rich sources describes the process of forming the Stavropol' Kalmyk host as result of convertation of the of a part of the Kalmyk elite led by noyon Baksadai-Dordji – Prince Peter Taishin to Orthodoxy, the christening and inclusion in the host of a number of prominent representatives of the then Kalmyk aristocracy and their entourage also traces in the article. Most attention is paid to the characteristics of social relations among baptized Kalmyks, and the preservation of traditional norms and obligations of the upper and lower levels of society is demonstrated. The research reveals the support of the existing social relations by the Russian authorities, which are focused on protecting the social privileges of the nobility, regardless of their religion. The author states in conclusion that the change of the confession did not affect the social status of new-christened aristocrats their previous horizontal connections. As result baptized and unbaptized parts of the Kalmyk nobility coexisted on equal terms, without antagonism within the complex service relationship that supported the religious policy and was the basis of Imperial political and military system.

Keywords: the Russian Empire, early Modern Times, Empress Anna Ioannovna, Empress Elizaveta Petrovna, convert prince Peter Taishin/Daichin (noyon Baksadai-Dordji), military service estates, ethno-confessional groups, Stavropol' Kalmyk host, social relations, religious policy.

1. Введение

Интеграция окраин выступала устойчивой тенденцией курса Российской империи в раннее Новое время. Давно установлено, что она дала себя знать в период Северной войны в отношениях верховной власти с дворянством – корпорации остзейских нобилей включились в его состав с гарантиями привилегий и вероисповедной автономии (Зутис, 1946). В наши дни сделан следующий шаг: показано, что более широкую сферу, определявшую место недворянских сословий в военно-политической системе, имперский «интегризм» охватил позже, в 30-е гг. XVIII в. (Азнабаев, 2005: 173-193).

Государство решало тогда на окраинах задачу пополнения иррегулярных войск новыми контингентами (Годовова, Васильев, 2019: 9-11) и потому допускалась толерантность. Но имел место и иной процесс – насаждение христианства, создание групп новокрещенов с закреплением их

* Corresponding author

E-mail addresses: riazhev@yandex.ru (A.S. Ryzhev)

сословной и этноконфессиональной специфики. Отсюда вопрос о соседстве подобных тенденций актуален и требует изучения, особенно с учетом того, что веротерпимость вскоре превратилась в важную часть политики монархии.

Крупнейшей служилой группой выступали крещеные калмыки. Принятие калмыками христианства, особенно низами, к тому времени приобрело известный масштаб: последним оно давало разрыв с прежними обязательствами и личной зависимостью. С конца XVII в. крещеные калмыки охраняли границу на слободских землях близ г. Чугуев. В указанное время пришел черед нести повинность новому воинству – ставропольским калмыкам.

Центром их размещения в 1737–1738 гг. была избрана крепость Ставрополь-на-Волге. Идею создать подобное подразделение подал Баксадай Доржи, внук хана Аюки, крестившийся и получивший в 1724 г. новые титул и имя – князь Петр Петрович Тайшин. В продвижении замысла он опирался на хана Дондук-Омбо, которому помогал в ходе смуты в Калмыцком ханстве. Необходимо отметить и заслугу главы Оренбургской комиссии В.Н. Татищева, в сложный период жизни (под угрозой опалы и казни) выдержавшего уровень политической задачи (Анисимов, 2019: 317-319). В 1737 г. П.П. Тайшин умер, вместо него назначили вдову Церен Янжи, крещеную в 1735 г. при дворе под именем княгини Анны Андреевны Тайшиной, но в 1742 г. не стало и ее.

Уход родовитых калмыков, годных возглавить ставропольских поселенцев, повлек в 1745 г. реорганизацию последних – превращение в корпус под началом оренбургского губернатора для усиления оренбургских и яицких казаков. Единицей корпуса служила рота. Командиром войска состоял комендант Ставрополя. Он же возглавлял совещательный и распорядительный орган – войсковой суд, который был аналогом и ханского суда Зарго, и, по словам П.И. Рычкова, советов влиятельных казаков – «генеральной старшины». В 1750-е гг. войско оказалось наиболее крупным калмыцким образованием вне ханства и одной из самых больших иррегулярных частей, уступавших численностью лишь донским казакам (Волжские..., 2011: 30, 119). Это делает ставропольский пример репрезентативным для понимания не только курса властей в отношении аналогичных групп (нагайбаков, крещеных горцев), но и взаимодействия в государстве в конце 30–40-е гг. XVIII в. веротерпимости и христианизации.

2. Материалы и методы

Важнейшую роль в изучении истории ставропольских калмыков играют источники официального происхождения. Это, прежде всего, документы учреждений, характеризующие внутренние процессы развития войска. Для анализа социальной ситуации и вероисповедной обстановки в Ставропольском войске первостепенное значение имеет комплекс документов следствия Оренбургской губернской канцелярии по обвинению в ренегатстве крещеного калмыка Яблока Баркеева (Волжские..., 2011: 168-173, 283-284). Важны также документы делопроизводства органов управления Оренбургским краем о социальном положении верхушки Ставропольского войска и отношении властей к ее социальным претензиям (Волжские..., 2011: 51-52, 69-72, 89-92, 98-121, 174-176, 194-196, 266, 268-269, 273-280, 285, 292-293). В целом документы раскрывают контакты групп крещеной и некрещеной калмыцкой аристократии, усилия властей по налаживанию их взаимодействия на пограничной службе, и отсюда значение материалов трудно переоценить.

Опубликованное законодательство (ПСЗ) характеризует шаги государства по обустройству калмыков Ставрополя, включению их в защиту границ.

Инструментарий исследования охватил методы анализа источников и обобщения полученных данных. Анализ был направлен на повышение информативности и выявление содержательных линий между документами разного профиля. Для обобщения информации применялся проблемно-хронологический метод, позволивший охарактеризовать аспекты внутренней ситуации в войске и связанные с этим религиозные и социальные вопросы.

3. Обсуждение

В изучении ставропольских калмыков возникла традиция историографии, продолжающаяся и поныне (Ряжев, 2012б; Кабытов, Дубман, 2016: 109-112). Налицо и специальные работы об офицерском составе войска, месте ставропольских калмыков в этноконфессиональной ситуации второй трети XVIII в. на юго-востоке России (Ряжев, 2012а; Ряжев, 2016).

В 2000-е гг. в литературу вошла концепция фронта (Каппелер, 2003: 59-62), которой оказались подчиненными и труды о христианизации калмыков и кочевой миссии в улусе князя Тайшина (Орлова, 2006: 45-52; Джунджужов, Любичанковский, 2017; 2018). Имеется опыт осмысления крещения П.П. Тайшина в русле имперской политики (Sunderland, 2004: 49-52). Он восходит к концепции российского колониализма с присущей ей трактовкой движения границ на юго-восток как экспансии, имевшей к концу XVIII в. законченный западный, или европейский тип, примером чего (в ряду других примеров) и обозначен Ставрополь-на-Волге (Khodarkovsky, 2002: 206-207). Недифференцированность высказанных оценок сразу вызвала вопросы (Le Donne, 2002: 765). С тем, что политика России на «собственном Востоке» отличалась европоцентризмом, спорить трудно, но проявлялся он лишь в XIX в., и более на Кавказе, в Туркестане (Russia's Orient, 1997).

Раньше ресурсы России такого не позволяли, к тому же степная ситуация всегда складывалась отнюдь не под диктовку России, это был трудный диалог сторон (Леонтьева, 2012: 33).

Следует подчеркнуть историографическое значение издания документов о ставропольских калмыках: в нем, в частности, показано, что непроходимая граница между крещеной и некрещеной частью калмыцкого общества в раннее Новое время отсутствовала (Волжские..., 2011: 38). К этому нужно добавить то, что для определенной части калмыцкой верхушки выбор между христианством и буддизмом в борьбе за власть в степи имел альтернативу: влияние мусульман в Калмыцком ханстве для XVIII в. – ненулевая величина (Kitinov, 2016: 41).

4. Результаты

Прежде всего, о расследовании Оренбургской губернской канцелярии, материалы которого и легли в основу данной работы: 20 июня 1746 г. ставропольский ротмистр Данила Дерету подал в канцелярию «доношение» о задержании крещеного калмыка Яблака Баркеева и «об отдаче оного калмыка ко мне». «В прошлом 1736 году в вешное время», – указывал офицер, – «помянутой калмык Яблак» бежал от Дерету и принял православие: «Ушед из Калмыцкой орды (ханства – Авт.), ведомства моего зайсангства улуса Цатала..., в Астрахане и крестился з братом своим... Габайгом, с которого времени я ево нигде не видывал, но сего июня 10 числа... в Оренбурге... усмотрел на базаре...». На очной ставке, проведенной 9 июля, офицер добавил подробности побега: «Оной де калмык Ибалак Баркеев с братом свои Габангом подлинно в Астрахани крещен, бежав из их Калмыцкой орды с отцом и матерью...». Родители беглецов, «когда он, Деретю, еще в той орде был..., в Астрахани померли..., и как де он, Деретю, из орды в Астрахань для обыску их приехал, и... оного Ибалака нашед, хотел их обоих взять обратно в орду...». Однако беглецы, став христианами, по закону не подлежали возврату: «он, Ибалак, ему, Деретю, сказал, что он и з братом крещен, и показывал... крест, почему де он их в орду и взять не мог и паки один возвратился...» (Волжские..., 2011: 168, 170).

Увидев своего человека теперь, ротмистр начал розыск: «...поехал о том объявить... войсковому есаулу Григорью Даши Замсе, и 11 числа сего ж июня с... есаулом тем... спрашивали у... яицких казаков атамана Федора Карманова, где... Яблак находится...». Но тот, видимо, почуяв недоброе, скрылся: атаман «объявил» о нем, что «живет при Яицком войске, а сего де июня 12 числа уехал возвратно...». Повод для розыска нашелся такой, что Яблак Баркеев жил бок о бок и служил в Яицком городке с некрещеными калмыками, скрыв прежнее крещение, встретив же бывшего хозяина, который ныне тоже крещен, и не желая разоблачения, может бежать. «Того ради, – настаивал Дерету, – всепокорно прошу, дабы повелено было о сыску оного калмыка Яблака здесь в Оренбурге помянутому атаману Карманову объявить, и естли... заподлинно уехал..., то о присылке... послать указ...». (Волжские..., 2011: 168, 283).

Обвинение звучало серьезно, и Оренбургская канцелярия распорядилась «к Войску Яитскому послать указ, велеть показанного калмыка..., отыскав, для исследования о нем, как он крестился и потом от... крещеных калмык отлучился, и в каком состоянии ныне живет, то есть не отринул ли он от той восприятой веры, прислать сюда... под караулом...» (Волжские..., 2011: 169-170).

Яблака взяли и доставили, но дело вскоре зашло в тупик: казак наотрез отказался признать обвинение Д. Дерету. На допросе в Яицком городке «он, Ибалак, показал, что брата ево, которой [якобы] с ним крещен и живет в Яитском городке, зовут Генбенем, а не Габангом... и что де он, Ибалак, ... улуса не Цатана и не ево, Деретю, ведомства..., что подлинно де он в Астрахани крещен не был и показанного де Деретю в Астрахани он не видал, и яко был крещен не сказывал и креста не показывал..., и в Яицком де городке он, Ибалак, крещеным себя никогда не называл» (Волжские..., 2011: 171-172).

Ротмистр настаивал на своем: «...Он, Деретю, ссылается на Астраханскую губернскую канцелярию, в которой, уповает, что крещеным калмыкам реэстры имеются, и сверх же того про то ево, Ибалака... крещение знают ставропольские... зайсанги Николай Пюрбу да... войсковой ясаул Григорей Дайши Замсо, и в том на них шлетца...». Категорически отвергал он и попытку беглеца отрицать прежнее социальное состояние: «...а что де он, Ибалак, показал..., то де... напрасно, а подлинно оного брата ево зовут Габангом, а Генбенем де разве того брата зовут, которой не крещен и был в орде, и что де... Ибалак, показывает, якоб он улуса не Цатана..., но улуса Охабама и ведомства зайсанга Дондуца, то де... напрасно, но подлинно улуса оного Цатана и ведомства ево, Деретю, природной...». К тому же ранее на следствии «оной Ибалак», подчеркивал Дерету, соглашался с тем, что «...был улуса дяди ево, Деретю, Геге Менко...», в чем может уверить и отец Данилы Дерету: «...после смерти... дяди оные ведомства по наследству достались отцу ево, Деретю, зайсангу Дюренгу...» (Волжские..., 2011: 171).

Подобное расхождение повлекло очную ставку. На ней «Данила Деретю показал то ж, что и в улике своей... и в том на Астраханскую губернскую канцелярию, тако ж и на зайсанга Николая Пюрбу и на... ясаула Григорья Дайши Замсо ссылаетца, да сверх того... ис поселенных при Чернореченской крепости калмык Лоузанг Шелен сказывал ему, Деретю, при переводчике Ерофееве, что и оной Ибалак крещен, и потому де он, Лоузанг, знает, что он, Ибалак... сам назывался крещеным...». Но на

своем стояла и другая сторона: «Балак Баркеев на очной ставке показал все то ж...», при этом и у него оказался свидетель: «...а что де он, Ибалак, по природе... не Цатанова улуса и ни ево, Деретю, ни дяди ево, Геге Менки, ведомства, но улуса Ахабомбы и... зайсанга Дондупа, в том ссылаетца на владельца, находящегося для вывода в орду калмык ныне в Яицком городке Гемчина Лубжина». Апеллировал он и к Лоузангу Шелену: «...в Яицком де городке он, Ибалак, крещеным себя никогда не называл, и в том на онго Лоузанга и шлетца...». Лоузанга Шелена вызвали на очную ставку «по общей ссылке ротмистра Данилы Деретю и калмыка Ибалака Баркеева». Свидетель взял сторону последнего: «...ротмистру Деретю он, Лоузанг, якобы оный калмык Иблак крещен, никогда... не сказывал, и оный Ибалак крещен ли, про то он, Лоузанг, не знает» (*Волжские...*, 2011: 171-172).

Для установления истины потребовались сведения со стороны. В указе Оренбургской губернской канцелярии от 23 июля 1746 г. по этому поводу говорится: «В Астраханскую губернскую канцелярию писать промеморию..., чтоб благоволено было... со имеющимися крещеным калмыкам записками справитесь, показанной Яблак в Астрахани з братом его Габангом или Генбелем крещен был ли, и о том сюда уведоमितь...». Следовало получить сведения и от «показанного... владельца Эмчина Лубжина, коего оный Яблак улуса...». По указу надлежало выведывать исподволь: «...и зайсанга якобы того от себя, а не по указу спросить, и потом об оном также справясь, как онго Яблакова брата в Яицком городке зовут, Генбелем ли, или Габангом, сюда репортовать...». Подследственного до получения бумаг отпустили на поруки некрещеных сослуживцев – яицких казаков-калмыков (*Волжские...*, 2011: 173, 284). Чем закончилось следствие, неизвестно, данных о том, смог ли доказать Д. Дерету, что Я. Баркеев вышел из его улуса, крестился, стал ренегатом, нет.

Перейдем, однако, к основаниям претензий Дерету. До крещения он, как и заявлял на следствии, располагал зависимыми людьми. Об этом же он сообщал в доношении на имя императрицы от 2 января 1744 г. по поводу права на людей, покинувших степи, принявших православие, наряду с ним, и прибывших в Ставрополь – «собственного моего аймака тритцать кибиток, о которых никто со мной спорить не может...». На следствии Дерету утверждал: владельческие права имели наследственный характер – эти люди достались «отцу ево, Деретю, зайсангу Деренгу», а затем перешли к нему (*Волжские...*, 2011: 89, 171).

В свое время Дерету вошел в число доверенных людей П.П. Тайшина и был с ним вплоть до смерти того в Петербурге. В дальнейшем он продолжал считаться своим среди зайсангов князя, составивших в Ставрополе окружение А.А. Тайшиной. Пользовался он и расположением самой княгини. С другой стороны, Дерету, пребывая в степи, поддерживал отношения с некрещеными родственниками покойного князя.

Смерть княгини вновь поставила перед властями необходимость выбрать главного над ставропольскими калмыками. Наиболее вероятным правителем выглядел владелец Тундут, родственник П.П. Тайшина. В 1743 г. Тундут ради разрешения жить в Ставрополе приезжал в Санкт-Петербург и перешел в православие с новыми именем и титулом – князь Петр Торгоутский. Данила Дерету сопровождал его в поездке и крестился с ним (*Волжские...*, 2011: 89). Но Петра Торгоутского вскоре не стало.

Уход видных патронов – и Тайшиных, и Торгоутского – не ослабил связей Дерету с калмыцкой верхушкой, крещеной и некрещеной. Его позиции в этой среде были сильными также благодаря тому, что Дерету сохранил и привез в Ставрополь ханскую печать – пожалование Далай-ламы хану калмыков Аюке. В ходе степной смуты 1720–1730-х гг. она побывала у Петра Тайшина, затем у Петра Торгоутского, от которого и досталась Дерету (*Волжские...*, 2011: 91; *Ряжев, 2016: 51-54*). Для калмыков в целом столь важная инсигния имела сакральный характер и сообщала авторитет тому, у кого законно находилась.

Дерету, после смерти Петра Торгоутского уехавший в Ставрополь, не порывал с некрещеной родней: на очной ставке он упоминал об отце, «которой и ныне в орде находитца еще жив» (*Волжские...*, 2011: 171), так что было кому осведомлять Дерету о делах в степи. После князя Петра Торгоутского в поле зрения администрации, искавшей приемлемую кандидатуру в Ставрополь, попали еще два знатных калмыцких владельца: Чидан Дербетев, брат Анны Тайшиной, и Аюша, брат Тундута – Петра, женатый на вдове хана Церен-Дондука, после крещения – князь Павел Торгоутский. Хранителя печати Дерету оба отлично знали, и он вполне мог оказать влияние на их решение идти именно в Ставрополь. Особенно это касается Чидана, еще в 1743 г. желавшего «с улусом... по крещении жить и служить на Дону». Год спустя, приняв православие в Ставрополе, Чидан стал титуловаться князем Никитой Тайшиным, аналогичное назначение получил и Аюша – Павел. Не исключено, что Д. Дерету состоял в родстве с Ч. Дербетевым, во всяком случае, они носили одинаковую фамилию: последнего в документах также называли Дерету (*Волжские...*, 2011: 100-101, 107, 277). В этом плане решение властей направить Чидана туда, где он мог найти родственников, представляется обоснованным.

Налицо нерядовое происхождение и связь Д. Дерету с калмыцкой верхушкой, соответственно, утвержденная обычаем привычка главенствовать над простонародьем. Приезд в Ставрополь отнюдь не ослабил подобной мотивации. Сюда Дерету явился позже других из ближнего круга четы Тайшиных, и потому вакансии в войсковом суде для него уже не нашлось – их заняли ставропольские

калмыки «первого часа». Вместе с тем его положение нельзя назвать низким: ротмистры относились к узкой группе старших офицеров в номенклатуре войска. Данный чин было не зазорно иметь и детям ханской крови, что позже своим примером показал старший сын Ч. Дербетева (о нем ниже).

В структуре управления ротмистрам отводились важные функции: они возглавляли отряды войска в боях и походах. Составитель штата войска П.И. Рычков предполагал «всех крещеных калмык... на 8 станиц (рот – Авт.) разделить..., и у каждой... быть ротмистру, харунжему и ясаулу...». При этом «указ с прописанием их должностей», дабы «доброго порядка наблюдать и о всем, что когда будет происходить, в калмыцкой суд доносить», надлежало дать именно ротмистрам, отвечавшим за вверенные роты (Волжские..., 2011: 119, 175).

Строевые офицеры делились на разряды по размеру годового оклада. Двум ротмистрам первого разряда полагалось по 30 руб. в год, троем второго разряда – по 25, еще троем, записанным в третий разряд – по 20 руб. (Волжские..., 2011: 120). Ступенчатость рангов была заложена в штат не случайно. Она предполагала пополнение командного состава выходцами из верхушки «в том рассуждении, чтоб впредь из знатных людей, пребывающих во оные, вместишь и без чинов бы не иметь для избежания между ими ссор и непорядков...» (Волжские..., 2011: 119). В случае Данилы Дерету предположение осуществилось вполне: он, как мелкий душевладелец и человек известный, со связями, занял место в первом разряде, получив тем самым возможность не стоять на равной ноге с прочими офицерами, хорунжими и есаулами, особенно людьми более низкого состояния или выслужившимися простолюдинами.

Среди сподвижников П.П. Тайшина, приносивших присягу императрице Анне Ивановне накануне выдачи Жалованной грамоты княгине А.А. Тайшиной в 1737 г., Д. Дерету не значился. Не упоминался он и в более пространный перечень зайсангов того же года. Это объяснимо – списки фиксировали крещеных на то время зайсангов, Дерету же крестился позже. Но он присутствовал в списке войсковых чинов 1744 г. – получателей имущества покойной княгини (Волжские..., 2011: 52, 70, 112). Заслугой зайсанга перед властями, укреплявшей его статус, явилась передача в Иностранную коллегию ханской печати, которую желал получить наместник Калмыцкого ханства Дондук-Даши (Ряжев, 2016: 55, 58-59). Одним словом, место в узком кругу наиболее важных персон Ставропольского войска ротмистр занимал по праву.

Дело Я. Баркеева со всей убедительностью дает понять, что для Д. Дерету переход в православие отнюдь не нес прекращения прежних отношений господства-подчинения. Представители верхов, как правило, крестились вместе со своими людьми, родственниками (в основном по нисходящей линии) и сохраняли влияние на них. Таким же манером принял православие и Дерету, и для него добиваться сохранения за ним его людей было вполне естественным.

В этом состоял смысл названного выше доношения на имя императрицы: «Я, низжайший..., приехал ко двору Вашего Императорского Величества для восприятия святого крещения, а ныне я... отпускаюсь в Ставрополь. И понеже по приезде моем сюда (в Санкт-Петербург – Авт.) собственного моего аймака тритцать кибиток, о которых никто со мной спорить не может, в Астрахани восприяв святое крещение, пришли в Ставрополь, и ныне оными владеют приведший их... в Ставрополь двоюродной мой брат Пюрбу и собственного моего аймака человек Хашка. Того ради... всеподданейше прошу... моих собственных людей мне пожаловать ...» (Волжские..., 2011: 89). Дело Я. Баркеева показывает: своих принципов Данила Дерету держался твердо.

Ставропольская верхушка отличалась сплоченностью, и поэтому претензии ротмистра находили ее понимание. Не случайно, что встретив в Оренбурге своего человека, Дерету для возврата его в подчинение обратился к есаулу Дайши-Замсо – одному из лидеров войсковой «олигархии». На следствии Я. Баркеев отмечал стговор офицеров, обусловленный их общими интересами: «...и на показанных от него, Дерету, свидетелей ставропольских крещеных зайсанги Николая Пюрбу да ясаула Григорья Дайшу Замсо он не шлетца, понеже оные, яко одной с оным Дерету компании, показать могут всячески...» (Волжские..., 2011: 172). Он был абсолютно прав: именно сближение Данилы Дерету с той частью калмыцкой знати, которая с 1720-х гг. избрала христианство одним из орудий в борьбе за власть и привилегии в степи, а затем и за ее пределами, в том числе в Ставрополе, определяла социальные претензии, выдвинутые ротмистром в затеянном им расследовании.

В бесспорном существовании традиционных представлений в отношении простонародья, свойственных ставропольским командирам и казавшихся им вечными, убеждает более поздний документ. Речь идет о доношении княгини Веры Дондуковой в Коллегию иностранных дел от 19 июня 1752 г. Здесь княгиня просила направить на службу в Оренбург ее зятя, ротмистра И.Н. Дербетева-старшего, «и о переводе с ним в Оренбург из Ставрополя тритцати кибиток крещеных калмык с зайсангом Федором Соломом, которые ему (зятю – Авт.) после отца его, владельца Никиты Дербетева, достались по наследству» (Волжские..., 2011: 194).

Вера Дондукова – одна из крупных личностей ойратского мира в то время. Кабардинка, с рождения носившая имя Джан, вдова хана Дондук-Омбо, она стала фактической создательницей кризиса 1739–1741 гг. в Калмыцком ханстве, причем настолько активной и яркой, что русское начальство, чтобы упрочить позиции ее противника – наместника (позже хана) Дондук-Даши, удалило ее в Москву, а затем и Санкт-Петербург. В 1744 г. она приняла православие, получив новое

имя и княжеский титул. Упомянув «владельца Никиту Дербетова», княгиня допустила анахронизм: речь идет о Чидане Дербетева, превратившегося в князя Никиту Тайшина, так что брак ее дочери со здешним ротмистром не выглядел мезальянсом – зять также происходил из ханского рода. Вера Дондукова и после крещения вмешивалась в дела калмыков, патронируя людей Дондук-Омбо, соответственно, людей П.П. Тайшина. Отсюда со ставропольской верхушкой она была связана прочно, и ее просьба о сохранении наследственного владения людьми отражает обычаи данной среды.

И, наконец, о позиции государства применительно к правам в войске. Власти обозначили замену прежних порядков новыми. Знаменательная декларация возникла именно после обращения Дерету на Высочайшее имя, отразившись в указе Коллегии иностранных дел оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву от 9 января 1744 г.: «...В Ставрополе освидетельствовать определенными в чины и прочими зайсанги, до кого именно те тритцать кибиток принадлежат, и то свидетельство подлинное прислать сюда, в Коллегию Иностранных дел, а между тем как теми тритцатью кибитками, так и крещеными калмыки до действительного владения и взятия с них по древним калмыцким обычаям подати, никого не допускать, ибо всех крещеных калмык надобно числить, как и чогуевских, казаками, и определенным в чины зайсангам ими только командовать...» (Волжские..., 2011: 90). Но из быта и сознания калмыцкой аристократии традиционные установки уходили нелегко, порою и вовсе не уходили. Поэтому властям пришлось мириться с сохранением прежних социальных отношений у крещеных калмыков и даже признавать их.

Логику отступления закона перед социальной практикой вполне отражает один из важнейших законов о ставропольских калмыках – указ Сената от 15 февраля 1745 г. «О правилах содержания и управления Ставропольской крепости и поселенных при оной калмыках». В нем имелась отсылка к указу Иностранной коллегии, но при этом оговаривалось, что провозглашенный принцип «только командовать» вызывает опасения, «дабы чрез то лучших и заслуженных людей фамилии в презрение и уничтожение не приходили...», чего государство допустить тогда не могло (ПСЗ. Т. 12: 314).

Пример капитуляции закона перед обычаем дала сама же Иностранная коллегия, согласившаяся на просьбу В. Дондуковой: «вышеписанному зайсангу Федору Соломому с тритцетью кибитками калмык в Оренбург перейти дозволить» (Волжские..., 2011: 194-195). Правда, губернатор И.И. Неплюев исполнение задержал. В указе его походной канцелярии от того же 2 сентября 1752 г. значится: «до переведения... тритцети кибиток калмык..., о том надлежащее рассмотрение и определение учинено будет им, тайным советником Неплюевым, по возвращении» из столицы лично (Волжские..., 2011: 196). Но случилось это лишь потому, что И.И. Неплюев всегда тормозил переводы живой силы из Ставрополя: он не желал ослаблять корпус, созданный для выполнения особых задач по защите границы на юго-востоке. В итоге незабываемость декларируемых норм ставилась под вопрос и войсковой верхушкой, и властями, смотревшими на нарушения сквозь пальцы.

5. Заключение

Государство, таким образом, охраняя прежний социальный уклад, выступало главным консерватором в новокрещенских сообществах. Ту же роль, как известно, оно играло и в отношении нехристианских обществ и этносов, давая им широкую административную и религиозную автономию. Теперь становится понятным еще одно измерение подобной роли: подбирая и сплачивая социальный материал, по разным причинам выпавший, вышедший из названных обществ, задавая ему траекторию в рамках налагаемых служебных обязательств, власти снимали общественное брожение, снижали угрозу социальной деструкции в нехристианской этнической среде.

Соответственно, крещение выступало средством адаптации этнических страт, «отколовшихся» от целого, к новым условиям, нежели разложения целого. Для социальной верхушки адаптация была предельно мягкой. Смена религии, вхождение в крещеную кочевую знать с переходом в служилое состояние (и на оседлое положение) могли быть более или менее длительными, но не нарушали прежних горизонтальных связей, не отнимали у аристократов-новокрещенцов возможности взаимодействовать с родственниками и старым окружением, не делали изгоем, не выключали из прежней жизни. Принятие господствующей религии представителями калмыцкой аристократии не задевало их социального статуса, не лишало привычного образа жизни и властвования над зависимыми людьми. Представленные выше беглые опыты реконструкции биографий зайсанга-ротмистра Данилы Дерету, нойона Чидана Дербетева – Никиты Тайшина говорят именно об этом, как и хорошо известный в науке пример жизни ханского внука П.П. Тайшина.

Рычагов же воздействия на прежнюю жизнь у новокрещенцов не возникало. Крещение не давало перевеса над некрещеной знатью, не возвышало над ней. Крещеная и некрещеная знать оставались равней, что обеспечивало их мирное, без антагонизма, сосуществование в рамках единого комплекса обязанностей, выстроенного государством. В этом для своего времени, для 30–40-х гг. XVIII в., и состояло регулятивное воздействие на этнические отряды, инкорпорируемые в состав служилого люда, имперской социальной политики.

6. Благодарности

Исследование проведено в рамках государственной субсидии по проекту «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ АААА-А19-119011490038-5).

Литература

- [Азнабаев, 2005](#) – *Азнабаев Б.А.* Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). Уфа, 2005. 228 с.
- [Анисимов, 2019](#) – *Анисимов Е.В.* Дело о доносе В.Н. Татищева 1738 г. // *Quaestio Rossica*. 2019. № 1. С. 315-336.
- [Волжские.., 2011](#) – Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. – первая половина XIX в. Документы и материалы. Т. 1. Ставропольское калмыцкое войско в середине 30-х – 60-е гг. XVIII в. Ростов-на-Дону, 2011. 320 с.
- [Джунджузов, Любичанковский, 2017](#) – *Джунджузов С.В., Любичанковский С.В.* Миссионерская деятельность Никодима Ленкеевича в Калмыцком ханстве (1725–1734 годы) // *Новый исторический вестник*. 2017. № 3 (53). С. 172-191.
- [Годовова, Васильев, 2019](#) – *Годовова Е.В., Васильев И.Ю.* Обзор современных публикаций, посвященных исследованию этнического состава казачьих войск // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2019. Т. 25. № 3. С. 7-15.
- [Зутис, 1946](#) – *Зутис Я.Я.* Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946. 649 с.
- [Кабытов, Дубман, 2016](#) – *Кабытов П.С., Дубман Э.Л.* О некоторых аспектах взаимодействия государства и локальных этноконфессиональных групп в истории юго-востока Европейской России (дискуссионные вопросы имперской политики аккультурации и сохранения этнической идентичности в научных трудах С.В. Джунджузова) // *Известия Самарского научного центра РАН*. 2016. Т. 18. № 6. С. 106-113.
- [Каппелер, 2003](#) – *Каппелер А.* (2003). Южный и восточный фронт России в XVI–XVIII веках // *Ab Imperio*. № 1. С. 47-65.
- [Леонтьева, 2012](#) – *Леонтьева О.Б.* Национальная и конфессиональная политика Российской империи в современной историографии // *Вестник Самарского государственного университета*. 2012. № 8–2 (99). С. 27-46.
- [Орлова, 2006](#) – *Орлова К.В.* История христианизации калмыков: середина XVII – начало XX в. М., 2006. 205 с.
- [ПСЗ](#) – Первое полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 12 (1744–1748). СПб, 1830. 960 с.
- [Ряжев, 2012а](#) – *Ряжев А.С.* Командный состав Ставропольского калмыцкого войска в военной и вероисповедной политике государства: от Семилетней войны до эпохи 1812 г. // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2012. № 2. С. 27-32.
- [Ряжев 2012б](#) – *Ряжев А.С.* Ставропольское калмыцкое войско (1737–1843 гг.): опыт изучения новых источников // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2012. № 3. С. 13-18.
- [Ряжев, 2016](#) – *Ряжев А.С.* Судьба печати калмыцкого хана: этноконфессиональные процессы на юго-востоке России в 30–60-е гг. XVIII в. // *Magna adurguit: historia studiorum*. 2016. № 1. С. 50-60.
- [Dzhundzhuzov, Lyubichankovskiy, 2018](#) – *Dzhundzhuzov S.V., Lyubichankovskiy S.V.* The Influence of the Imperial Policy of Acculturation on the Formation and Evolution of the Power Elite among the Stavropol Christened Kalmyks (1737–1842) // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 49. Is. 3: 970-979. DOI: 10.13187/bg.2018.3.970
- [Khodarkovsky, 2002](#) – *Khodarkovsky M.* Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington–Indianapolis, 2002. 290 p.
- [Kitinov, 2016](#) – *Kitinov B.* Shakur Lama: The last attempt to build the Buddhist State // *Buddhism in Mongolian History, Culture and Society*. Ed. by Vesna A. Wallace. New York. Pp. 37-52.
- [Le Donne, 2002](#) – *Le Donne*. John P. Michael Khodarkovsky. “Russia's steppe frontier. The making of a colonial empire, 1500-1800” // *Cahiers du monde russe*. 2002. 43/4. Pp. 763-765.
- [Russia's Orient, 1997](#) – *Russia's Orient*. Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917 / ed. by D. Brower and E. J. Lazzarini. Bloomington, 1997. 368 p.
- [Sunderland, 2004](#) – *Sunderland W.* Taming the wild field: colonization and Empire on the Russian steppe. Ithaca; London, 2004. XVII, 239 p.

References

- [Anissimov, 2019](#) – *Anissimov E.V.* (2019). Delo o donose V.N. Tatischeva 1738 g. [The case of V.N. Tatischev's denunciation, 1738]. *Quaestio Rossica*. № 1. Pp. 315-336. [in Russian]
- [Aznabaev, 2005](#) – *Aznabaev B.A.* (2005). Integratsiya Bashkirii v administrativnuyu strukturu Rossijskogo gosudarstva (vtoraya polovina XVI – pervaya tret' XVIII vv.). [Integration of Bashkiria into the administrative structure of the Russian state (from the second half of the 16th through the first third of the 18th century)]. Ufa. 228 p. [in Russian]

- [Djundjuzov, Lyubichankovsky, 2017](#) — *Dzhundzhuzov S.V., Lyubichankovsky S.V.* (2017). Missionerskaya deyatelnost' Nikodima Lenkeevicha v Kalmyckom hanstve (1725–1734 gody). [Missionary activity of Nikodim Lenkeevich in the Kalmyk Khanate, 1725–1734]. *Novyi istoricheskii vestnik*. Vol. 53. № 3. Pp. 172–191. [in Russian]
- [Dzhundzhuzov, Lyubichankovskiy, 2018](#) — *Dzhundzhuzov S.V., Lyubichankovskiy S.V.* (2018). The Influence of the Imperial Policy of Acculturation on the Formation and Evolution of the Power Elite among the Stavropol Christened Kalmyks (1737–1842). *Bylye Gody*. Vol. 49. Is. 3: 970–979. DOI: 10.13187/bg.2018.3.970
- [Godovova, Vasil'ev, 2019](#) — *Godovova E.V., Vasil'ev I.Yu.* (2019). Obzor sovremennykh publikatsii, posvyashchennykh issledovaniyu etnicheskogo sostava kazach'ih voisk. [Review of contemporary publications on the study of the ethnic composition of Cossack hosts]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*. Vol. 25. № 3. Pp. 7–15. [in Russian]
- [Kabytov, Dubman, 2016](#) — *Kabytov P.S., Dubman E.L.* (2016). O nekotorykh aspektakh vzaimodeistviya gosudarstva i lokalnykh etnokonfessionalnykh grupp v istorii yugo-vostoka Evropeiskoi Rossii (diskussionnyye voprosy imperskoi politiki akkulturratsii i sohraneniya etnicheskoi identichnosti v nauchnykh trudakh S.V. Dzhundzhuzova). [About some aspects of the interaction of the state and local ethno-confessional groups in the history of the South-East of European Russia (debatable issues of the Imperial policy of acculturation and preservation of ethnic identity in the scientific works of S.V. Dzhundzhuzov)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN*. Vol. 18. № 6. Pp. 106–113. [in Russian]
- [Kappeler, 2003](#) — *Kappeler A.* (2003). Yuzhny i vostochny *frontir* Rossii v XVI–XVIII vekah. [Southern and Eastern frontier of Russia from the 16th through the 18th century]. *Ab Imperio*. № 1. Pp. 47–65. [in Russian]
- [Khodarkovsky, 2002](#) — *Khodarkovsky M.* (2002). Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington–Indianapolis. XIV, 290 p.
- [Kitinov, 2016](#) — *Kitinov B.* (2016). Shakur Lama: The last attempt to build the Buddhist State// Buddhism in Mongolian History, Culture and Society. Ed. by Vesna A. Wallace. New York. Pp. 37–52.
- [Le Donne, 2002](#) — *Le Donne* (2002). John P. Michael Khodarkovsky, “Russia's steppe frontier. The making of a colonial empire, 1500–1800”. Bloomington–Indianapolis, Indiana University Press, 2002, 290 p. and maps. *Cahiers du monde russe*. 43/4. Pp. 763–765.
- [Leont'eva, 2012](#) — *Leont'eva O.B.* (2012). Natsional'naya i konfessional'naya politika Rossiiskoi imperii v sovremennoi istoriografii. [National and religious policy of the Russian Empire in contemporary historiography]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 8–2 (99). Pp. 27–46. [in Russian]
- [Orlova, 2006](#) — *Orlova K.V.* (2006). Istoriya hristianizatsii kalmykov: seredina XVII – nachalo XX v. [The history of the Christianization of Kalmyks: from the mid of the 17th through the beginning of the 20th century] Moscow. 205 p. [in Russian]
- [PSZ](#) — Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. [Complete collection of laws of the Russian Empire] Saint-Petersburg, 1830. Vol. 12 (1744–1748). 960, I p. [in Russian]
- [Russia's Orient, 1997](#) — *Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917* (1997). Ed. by D. Brower and E. J. Lazzarini. Bloomington. 368 p.
- [Ryazhev, 2012a](#) — *Ryazhev A.S.* (2012). Komandnyi sostav Stavropol'skogo kalmytskogo voiska v voennoi i veroispovednoi politike gosudarstva: ot Semiletnei voiny do epohi 1812 g. [The command staff of the Stavropol Kalmyk host in the military and religious policy of the state: from the Seven Years War to the era of 1812]. *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. № 2. Pp. 27–32. [in Russian]
- [Ryazhev, 2012b](#) — *Ryazhev A.S.* (2012). Stavropol'skoe kalmytskoe voisko (1737–1843 gg.): opyt izucheniya novykh istochnikov [The Stavropol Kalmyk host, 1737–1843: experience of studying new sources]. *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. № 3. Pp. 13–18. [in Russian]
- [Ryazhev, 2016](#) — *Ryazhev A.S.* (2016). Sud'ba pečati kalmytskogo hana: etnokonfessional'nye protsessy na yugo-vostoke Rossii v 30–60-e gg. XVIII v. [The fate of the Kalmyk Khan's seal: ethno-confessional processes in the South-East of Russia in the 30s. – 60s. of the 18th century]. *Magna adurguit: historia studiorum*. № 1. Pp. 50–60. [in Russian]
- [Sunderland, 2004](#) — *Sunderland, W.* (2004). Taming the wild field: colonization and Empire on the Russian steppe. Ithaca; London. XVII, 239 p.
- [Volzhskie..., 2011](#) — *Volzhskie stavropolskie kalmyki: seredina 30-h gg. XVIII v. – pervaya polovina XIX v. Dokumenty i materialy, T. 1. Stavropolskoe kalmytskoe voisko v seredine 30-h – 60-e gg. XVIII v.* [The Volga Stavropol Kalmyks: From the mid-1730s through the first half of the 19th century. Documents and materials. Vol. 1. The Stavropol Kalmyk host from the mid-1730s through 1760s] Rostov-na-Donu, 2011. 320 p. [in Russian]
- [Zutis, 1946](#) — *Zutis Ya.Ya.* (1946). Ostzeiskii vopros v XVIII veke [Ostsee/Baltic issue in the 18th century]. Riga. 649 p. [in Russian]

Традиции служилой группы в материалах следствия 1746 г. о (не)крещеном калмыке: опыт социального регулирования в Российской империи

Андрей Сергеевич Ряжев ^{а, *}

^а Калмыцкий научный центр Российской академии наук, отдел истории, археологии и этнологии, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена политике государства применительно к новым (возникшим в 30–40-е гг. XVIII в.) служилым слоям, особенно в заключительные годы пребывания на троне Анны Иоанновны и первую половину правления Елизаветы Петровны. Впервые в историографии изучена регулятивная роль социальной политики Российской империи раннего Нового времени, влиявшая на внутреннюю ситуацию в этноконфессиональных группах. Исследование базируется на материалах истории одной из крупнейших таких групп в изучаемые годы – волжских ставропольских калмыков, во многом остающихся неизвестными по сей день. На богатой основе источников в статье обозначен процесс становления Ставропольского калмыцкого войска в результате перехода части калмыцкой верхушки во главе с тайшей Баксадаем Доржи – князем П.П. Тайшиным – в православие, прослежено крещение и включение в войско видных представителей калмыцкой аристократии и их окружения. Наибольшее внимание уделено характеристике общественных отношений среди крещеных калмыков, показано сохранение традиционных норм и обязательств верхов и низов общества. Выявлена поддержка сложившегося социального уклада российскими властями, ориентированными на защиту привилегий знати независимо от ее конфессиональной принадлежности. В итоге автор констатирует, что смена исповедания не затрагивала социального статуса аристократов-новокрещеных и не нарушала их прежних связей, в результате крещеная и некрещеная части калмыцкой знати на равных, без антагонизма, сосуществовали в рамках комплекса обязанностей, подкрепленного вероисповедной политикой и служившего базой имперской военно-политической системы.

Ключевые слова: Российская империя, раннее Новое время, Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, князь П.П. Тайшин (тайша Баксадай Доржи), служилые сословия, этноконфессиональные группы, Ставропольское калмыцкое войско, социальные отношения, вероисповедная политика.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: riazhev@yandex.ru (А.С. Ряжев)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1034-1044. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1034
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Formation of a System of Material Support and Encouragement of Civil Servants of the Russian Empire at the end of the 18th – first half of the 19th centuries

Sergey I. Degtyarev ^{a, b, *}, Olena G. Tkachenko ^a, Lyubov G. Polyakova ^{b, c, d}, Diana I. Stepanova ^e

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^d East European History Society, Russian Federation

^e Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the formation of the system of material support and motivation of civil servants of the Russian Empire from the end of the XVIII to the middle of the XIX centuries. The study was conducted on the example of ukrainian provinces that were part of the Russian Empire during the study period. In particular, the attention is paid to such types of material motivation as wages (salary), other monetary payments, gifts, etc. The authors conclude that during the first half of the XIX century the rewards and incentives that the government applied to civil servants were finally systematized and regulated by law. The leading place among them was occupied by material incentives.

The encouragement of officials was one of the mechanisms by which the continuous functioning of the Empire's bureaucracy was ensured. On the lands recently incorporated into the Russian Empire, service incentives could also play the role of one of the elements of the policy of incorporating the elites of these regions into the social and administrative structure of the empire.

In general, during the first half of the XIX century, incentives for civil servants of the Russian Empire were finally systematized. There was a specific set of them and the conditions under which they were applied.

Keywords: official, Ukraine, Russian Empire, reward, salary, gift.

1. Введение

Во второй половине XVIII века бюрократический аппарат Российской империи начинает активно разрастаться. Последняя четверть этого столетия ознаменовалась целым рядом административных реформ. Появляется разветвленная сеть органов власти и управления центральных, городского, уездного, губернского уровней. Количество государственных служащих постоянно увеличивается. Административная система, начало которой было положено «Учреждением о губерниях» 1775 года, постепенно распространяется по всем землям империи, в том числе и в национальных регионах, которые были недавно инкорпорированы в состав российского государства или присоединялись со временем.

Безусловно, правительство было заинтересовано в эффективном функционировании постоянно увеличивающегося бюрократического аппарата, на который была возложена большая политическая ответственность за дальнейшее сохранение власти монарха, государственной целостности. Сделать это было возможно лишь путем создания стабильно действующих системы контроля за деятельностью государственных органов всех уровней, а также мотивационной системы (комплекса поощрений и наказаний) для всех служащих, обеспечивающих работу государственных ведомств.

* Corresponding author

E-mail addresses: starsergo2014@gmail.com (S.I. Degtyarev)

В частности, поощрения чиновников всегда были одним из механизмов, с помощью которого обеспечивалось непрерывное функционирование бюрократического аппарата любого государства. Поэтому изучение тех видов поощрений, которые применялись к государственным служащим в прошлом, и эффекта, который они имели, является актуальным направлением научных исследований. В связи с этим и целью данной работы является определение и анализ видов материальных поощрений, применяемых правительством Российской империи по отношению к гражданским служащим, их влияние на общественное и материальное положение чиновников в конце XVIII – первой половине XIX веков. Исследование проводилось на примере украинских губерний, входивших в изучаемый период в состав Российской империи.

2. Материалы и методы

Во время работы над статьей нами были использованы результаты исследований ученых, напрямую или опосредованно посвященных вопросам мотивирования чиновников Российской империи за выполнение ими служебных обязанностей. Эти работы помогли определиться с методологией, применяемой в процессе проведения исследования.

Также были привлечены малоизвестные архивные источники, позволившие ввести в научный оборот неизвестный фактологический материал. Прежде всего, это документы Центрального государственного исторического архива Украины в г. Киеве и Государственного архива Харьковской области (г. Харьков, Украина). Кроме того, нами использовались исторические источники, опубликованные в «Сборнике Императорского русского исторического общества», «Журнале Министерства народного просвещения», нормативные акты из «Полного собрания законов Российской империи» и др.

Методологической основой статьи стали общенаучные и специальные принципы и методы научного познания. В частности, использованы принципы историзма, системности, объективности. Они позволили выделить и проанализировать суть исследуемой проблемы, определить специфику, характерную для отдельных регионов Российской империи. Применение принципа исторического антропологизма обусловлено тем, что центральным ориентиром статьи является человеческая общность, которая выступает носителем конкретных ценностей и традиций, выполняет определенные функции, – чиновники. Историко-юридический метод позволил применить нормативную базу изучаемого периода в качестве исторического источника, более объективно реконструировать реалии, в которых существовал бюрократический аппарат.

3. Обсуждение

Многие аспекты истории бюрократического аппарата Российской империи становились предметом научных исследований. Особенно популярной эта тема является в последние несколько десятилетий, на что уже неоднократно обращали внимание некоторые ученые (Lebid et al., 2019; Lebid et al., 2020). Классическими стали работы ученых второй половины XX века П. Зайончковского, Н. Ерошкина, С. Троицкого, Л. Шепелева (Зайончковский, 1978; Ерошкин, 1981; Троицкий, 1974; Шепелев, 1999), а также их западных коллег В. Пинтнера, Х. Беннета, Дж. Хассела, Г. Яни (Pintner, 1970; Pintner, 1980; Bennett, 1993; Hassell, 1970; Yaney, 1973) и др. В 2000-х годах разносторонне обозначенную тематику изучали Л. Писарькова, Г. Султангалиева, В. Иванов, Ю. Бодрова, А. Титова и многие другие (Писарькова, 1995; Писарькова, 2004; Sultangalieva et al., 2017; Иванов, 2012b; Бодрова, 2017; Титова, 2014).

Материальное обеспечение чиновников Российской империи в целом или отдельных регионов государства, а также механизмы поощрения государственных служащих исследовали И. Минеева, А. Мещеряков, Т. Козельчук, В. Иванов, Ю. Гончаров (Минеева, 2017; Мещеряков, 2014; Козельчук, 2015; Иванов, 2012a; Гончаров, 2002). Нами тема поощрения чиновников Российской империи непосредственно затрагивалась в одном из разделов монографии (Дегтярев, 2014a: 258-303), и поверхностно некоторых аспектов проблемы мотивации таких служащих мы касались в ряде статей (Degtyarev, 2014; Degtyarev, 2015). В некоторых из них мы указываем тот факт, что поощрения, применяемые в присоединенных к Российской империи национальных регионах в отношении чиновников из числа представителей местного населения, могли также использоваться правительством как инструмент социальной инкорпорации или унификации (Degtyarev, 2013; Дегтярев, 2014b; Дегтярев, 2016).

4. Результаты

По отношению к чиновникам гражданских государственных учреждений Российской империи применялся целый ряд наград и поощрений, которые должны были стимулировать служащих выполнять свои обязанности максимально качественно. Кроме чинов и орденов, существовало немало других, столь же эффективных, видов мотивации. В течение второй половины XVIII – первой половины XIX веков от некоторых из них государство отказывалось, вводя в практику новые. Можно говорить о том, что фактически в течение указанного периода произошло становление системы поощрений государственных служащих.

Для стимулирования деятельности бюрократического аппарата была создана система мер поощрения чиновников кроме оклада, который определялся специальными штатами по каждому ведомству. Основными из них были так называемое «Высочайшее благоволение» (благодарность монарха), чины, ордена, назначения аренд и пожалования земель, подарки от имени императора, одноразовые денежные премии.

Чтобы поощрить к гражданской службе, в первую очередь дворян, государство начало стимулировать ее жалованьем, которое выплачивалось чиновникам. Это определенным образом содействовало росту заинтересованности в получении должностей в государственных учреждениях среди незажиточного дворянства и представителей других, менее привилегированных социальных групп. Фактически жалование стало видом поощрения к службе. Российский историк культуры Ю. Лотман определил чиновника Российской империи как «человека жалования», материальное положение которого непосредственно зависело от государства. Он был связан с административной машиной и не мог без нее существовать (Лотман, 1996: 26).

Расценивать жалование не только как оплату труда, но и как вид награды нам позволяют, например, случаи, когда повышение чиновника в чине заменялось на увеличенное жалование (Троицкий, 1974: 263). Предоставление чина формулировалось как «награждение чином». Таким образом, когда такое награждение заменялось повышением платы, то фактически один вид награды заменялся на другой и саму плату можно рассматривать тоже как вид награды – поощрение оставаться на той же должности или в том же чине. Во второй половине XVIII века также практиковалось увольнение в отставку с сохранением жалования именно за хорошую службу, то есть оно сохранялось как награда. На украинских землях в середине XVIII века жалованием награждались очень немногие чиновники. Да и получить его чаще всего могли лишь гражданские служащие временных российско-украинских учреждений Левобережной Украины или российских учреждений Слободской Украины.

Материальное положение гражданских чиновников во второй половине XVIII века было лучше, чем в первой половине XIX века. Это объясняется тем, что бумажные деньги (ассигнационный рубль) в 1768–1786 годах по своей стоимости равнялись серебряным (а именно ассигнациями чиновники чаще получали жалование). Со временем темп выпуска ассигнаций государством стал резко увеличиваться, и уже в 1811 году по покупательной способности жалование чиновников составляло лишь 25 % от суммы, предусмотренной штатами XVIII века (Писарькова, 1995: 150). Так, по состоянию на 1797 год оклад канцеляристов, подканцеляристов и копиистов уездных учреждений в левобережных украинских губерниях составлял соответственно 70, 50 и 40 рублей в год (ЦГИАУК. Ф. 1336. Оп. 4. Д. 1413: 65 об.). Но с началом XIX века эти деньги стали постепенно обесцениваться. В 1827 году оклады канцеляристов были увеличены и даже некоторые канцелярские служащие низших разрядов стали получать паевые деньги, а также на обмундирование (Писарькова, 1995: 150). В это время чиновники VI–VIII классов, служившие в губернских учреждениях, в среднем получали от 250 до 600 руб. в год. В уездных учреждениях служащие VIII–IX классов получали 250–300 руб. в год (Зайончковский, 1978: 74). С 1805 года жалование чиновникам выдавалось ежемесячно (Писарькова, 1995: 150).

14 апреля 1830 года чрезвычайное собрание Государственного совета рассмотрело вопрос о повышении жалования чиновникам, которые долгое время служили на одной должности. Данный вопрос был инициирован министром народного просвещения, который предлагал императору, кроме общепринятых наград, поощрять педагогических служащих постепенными повышениями окладов по мере выслуги 5, 10 лет и т.д. Николай I позитивно воспринял эту идею и даже хотел применить ее в отношении всех гражданских чиновников. Но Государственный совет не мог быстро принять соответствующее решение, поскольку не владел информацией о том, какие расходы понесет государственная казна вследствие таких повышений жалования. Вопрос был отложен (СИРИО, 1894: 420).

Размеры окладов учителей и профессоров во второй четверти XIX века оставались приблизительно на уровне окладов чиновников среднего звена других ведомств (Зайончковский, 1978: 78). Поэтому остановимся отдельно на вопросе материальной обеспеченности чиновников образовательного ведомства. Они полностью зависели от государства, которое назначало им жалование, могло материально мотивировать и т.п. Но в отличие от чиновников других государственных ведомств, служащие сферы образования некоторое время имели неопределенный статус, а как следствие, сначала не было и четко определенной системы окладов для них. Лишь училищный устав 1786 года впервые определял годовые оклады учителям народных училищ. Они зависели от уровня учебного заведения и должности, которую занимал служащий. Так, в главном народном училище самое большое жалование получал директор – 600 руб., учителя старших классов – 400 руб., учителя 2-х классов – 200 руб., 1-х классов – 150 руб., преподаватели иностранных языков – 300 руб., рисования – 150 руб. (Морозова, 2007: 113). Лучшее материальное обеспечение учителей было предусмотрено Уставом 1828 года. Значительно были расширены права на пенсионное обеспечение педагогических чиновников. Наиболее обеспеченными среди педагогического чиновничества были служащие университетов. П. Зайончковский называл размеры окладов учителей

и профессоров. Старшие учителя гимназий получали в основном 393 руб. в год (32 руб. 50 коп. в месяц). Профессора, которые имели чин статского советника, получали от 30 до 160 руб. в месяц. Например, профессор Харьковского университета А. Мицкевич получал 1142 руб. жалованья и 142 руб. так называемых квартирных денег в год (Зайончковский, 1978: 78).

В целом же в первой трети XIX века большинство чиновников получали уже очень незначительные оклады (в основном по причине обесценивания ассигнационного рубля), которых часто не хватало для пропитания. Касательно канцелярских служащих, то за 30–40 руб. в год они были вынуждены отдавать службе много времени. Многие из современников описывали в своих воспоминаниях тяжелое положение мелкого чиновничества в этот период. Они подтверждали, что копиисты, подканцеляристы, канцеляристы часто были вынуждены существовать на 1–4 руб. в месяц; были случаи, когда они приходили на службу по очереди, так как имели одну пару сапог или одежду на двоих; неженатые иногда жили прямо в канцеляриях, поскольку не могли нанять жилье. Все это подкреплялось и инфляционными процессами в экономике империи, о которых мы уже упоминали (Зайончковский, 1978: 72–73).

Важное место в качестве награды за чиновничью службу занимали разные виды денежных выплат: различные надбавки (квартирные, столовые, разъездные, прогонные, фуражные деньги, добавки к жалованью ведомственные, доплатные за службу в окраинных регионах империи и т.д.), премии и другие (Ерошкин, 1978: 77). За качественное исполнение служебных обязанностей чиновников и канцелярских служащих, вместо чинов и орденов, можно было награждать денежными премиями. При этом размер последних мог быть «соразмерным как с жалованьем, им [чиновником] получаемым, так и с заслугами, кои обратили на них внимание начальства».

Для поощрения наиболее достойных гражданских чиновников к дальнейшей службе позволялось предоставлять им дополнительное жалованье (так называемое «прибавочное»), которое по размеру могло равняться полной или половинной пенсии, которую они бы получили в случае выхода на нее (СИРИО, 1891: 185). 29 марта 1830 года на заседании Государственного совета император поддержал идею награждать за выслугу лет дополнительным жалованьем всех, кто служил по так называемой «ученой части»: за 5 лет – 25 %, за 10 – 50 %, за 15 – 75 %, за 20 – 100 %. Учитель татарского языка Симферопольского уездного училища Сеит-Абдула Челеби в 1820 году за добросовестное исполнение служебных обязанностей был награжден годовым окладом жалованья (ГАХО. Ф. 667. Оп. 285. Д. 20: 12 об.-13).

Денежные единовременные премии, согласно Уставу о гражданской службе, могли выдаваться в размере, не превышающем годового оклада награждаемого чиновника. Так, в конце 1839 года такую награду получил канцелярист Винницкого земского суда Галузинский (ЖМВД, 1839: СХХІ).

Существовали и другие варианты материальных выплат, кроме указанных. Такого понятия, как социальная помощь еще не существовало, но, если чиновник качественно выполнял свою работу и учреждение это признавало, он мог получить льготное материальное содержание, например, в случае болезни. Так, учитель 2-го класса Глуховского уездного училища губернский секретарь М. Колмаков через посредничество почетного смотрителя просил на время его болезни сохранить ему выплату жалованья, поскольку «по причине семейственной... жизни и продолжающейся столь уже давно во всем дороговизны, недостаточного состояния и не имею к улучшению оного других способов, кроме учительского жалованья. К поправлению же моего здоровья нужна немалозначущая издержка денег». При этом и сам почетный смотритель этого училища, и директор учебных заведений Черниговской губернии характеризовали М. Колмакова как порядочного и добросовестного служащего (ГАХО. Ф. 667. Оп. 283. Д. 153: 9–10 об., 12–12 об.).

Что касается денежной награды за службу по выборам (на некоторые должности служащие избирались, а не назначались), то долгое время ее практически не существовало. Со временем устанавливалось правило, что предводители дворянства как чиновники для управления делами дворянских обществ исполняли свои обязанности бесплатно (все они были зажиточными помещиками), а те выборные чиновники, которые заведовали разными частями местного управления, получали жалованье. Так, в Полтавской губернии для этого с податного населения взимался специально назначенный налог: с 1802 года – по 1,5 коп. с души, а до 1818 года он вырос до 5 коп. Но этих денег, как правило, не хватало. В первые годы XIX века 31 чиновник судебного ведомства Полтавской губернии не получал жалованья за несколько лет (при этом лишь 6 из них жаловались на это, прося вернуть деньги). Рассматривая эту проблему, дворянское собрание решило за этих чиновников, что каждый из них, «имея состояние, не заботясь о жалованьи, искало только доверия дворянства, чтобы быть избранным и, служа, довольствоваться получением высочайше установленных наград» (и это при том, что чинами и орденами награждали таких чиновников тоже крайне редко) (Павловский, 1906: 92).

Хотя губернские и уездные предводители дворянства многих губерний с начала XIX века служили бесплатно, но вопрос о назначении им жалованья время от времени поднимался. Например, в 1838 году роменское и прилукское дворянство Полтавской губернии ходатайствовало перед правительством о назначении своим предводителям жалованья и пенсии за счет государства. Один раз дворянство даже указало, что жалованье губернского предводителя (маршала) должно быть

таким же, как и у губернатора, а у уездных – как у вице-губернатора (в таком случае понадобилась бы сумма в 19800 руб. в год). Но все попытки добиться таких выплат были безуспешными (Павловский, 1906: 96-97).

12 февраля 1829 года Харьковское губернское дворянское собрание решило назначить для всех предводителей дворянства в губернии жалованье: губернскому – 1000 руб. в год, уездным – по 450 руб. Для этого было решено обложить дополнительной повинностью (налогом) каждую ревизскую душу (по 3 коп. с души). Но все же эти попытки не удалось воплотить в жизнь, и все предводители служили бесплатно (Илляшевич, 1885: 101-102). Некоторые дворянские собрания пытались обойти этот запрет, выплачивая своим избранникам определенные деньги, завуалированные под компенсацию затрат на разъезды, на содержание канцелярий и т.п. Например, в Полтавской губернии предводителям выплачивались так называемые столовые деньги (Корелин, 1978: 40).

Время от времени правительство все же поощряло выборных чиновников. Чаще это делалось, естественно, по отношению к лицам, избранным в дворянские сословные органы управления. В украинских губерниях подобные награждения также имели место. Чаще упоминания о них встречаются во второй четверти XIX века. В частности, серия таких награждений произошла в 1844–1845 годах в Киевской, Подольской и Волынской губерниях (ЦГИАУК. Ф. 442. Оп. 1. Д. 5783).

Что касается чиновников, избранных из числа купцов и мещан, то вопрос их статуса обсуждался еще в процессе подготовки губернской реформы 1775 года. Новгородский губернатор Я. Сиверс предлагал дать всем выборным представителям от мещан чины и казенное жалованье, а также ряд льгот: право носить шпагу, первые места на собраниях, освобождение домов от постоя и др. (Павлова-Сильванская, 1964: 476-477). Подобные требования имели место и во многих наказах для Уложенной комиссии. Некоторые из них со временем были воплощены в жизнь.

В целом денежные поощрения были наиболее распространенным видом стимулирования гражданских служащих, особенно в первой половине XIX века, когда более престижные награды получать стало намного тяжелее, а экономическая ситуация в государстве ухудшилась. Большинство этих выплат фактически играли роль поощрения. Государственная служба, особенно в провинциях, не была популярной. Дворянство мечтало сделать себе карьеру в столицах или хотя бы занять высокие должности в государственных учреждениях губернского уровня. Указанные же надбавки к жалованью, командировочные деньги, а со временем право на пенсию должны были привлечь в государственные учреждения первой инстанции (городского или уездного уровней) внимание хотя бы мелкого дворянства.

По отношению к чиновникам применялся также целый ряд других поощрений. Наиболее желанными наградами по службе были упомянутые выше пожалования землями, выплаты помощи, медали, знаки, подарки и т.д. В 1798 году один чиновник Новороссийской губернии, пребывая в чине коллежского советника, «за ревность к службе, верность и усердие пожалован в Белорусской губернии деревнями» (в то время это была уже крайне редкая награда) (Панкеев, 2011). В первой половине XIX века земельное пожалование как вид награды теряет свое значение (существовало лишь как поощрение за особые государственные заслуги и применялось крайне редко). Хотя единичные случаи таких пожалований были. Правда имения давались теперь в аренду, а не в наследственное владение. Так, статский советник Болшин получил имение в с. Мухоеды на Киевщине сроком на 12 лет (ЦГИАУК. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1624).

Если говорить о предшествующих временах, то по отношению к чиновникам-украинцам, которые происходили из казацкой старшины, во второй половине XVIII века практика награждения землями применялась, вероятно, чаще, чем к чиновникам не украинского происхождения (исключением здесь являются высшие сановники и лица, приближенные к монарху). По нашему мнению, это был один из методов инкорпорационной политики Российской империи по отношению к украинским землям и населению. К слову, этот метод стал применяться здесь еще с первой половины XVIII века. Объяснить это можно следующим образом: российское правительство «жаловало» казацкую старшину ранговыми землями, которые были во временном владении казаков – на период службы. Теперь же старшина получала эти земли в вечное владение, что привлекало ее на сторону российского правительства. Все это сужало возможности казацкой высшей администрации (которая также эти земли получала) применять к своим служащим земельные поощрения, а у тех исчезал стимул служить этой администрации. Таким образом, углублялся раскол в среде украинского общества. Казацкая старшина еще больше обогащалась, рядовое население, в первую очередь простые казаки и крестьянство, беднело, и усиливалась его зависимость от зажиточной части населения, то есть украинское общество начинало трансформироваться и приближаться к российской социальной схеме.

Отдельным видом служебного стимулирования были различные подарки. В разные времена этот вид поощрения применялся правительством неодинаково. Причем подарками могли награждаться чиновники как от имени правительства или лично монарха, так и от местного общества (дворянства, мещан и т.д.). Во времена Александра I вручение должностным лицам подарков было более реальным, чем в последующие времена. Князь Куракин, приобретя в Полтаве за 8 тыс. руб. дом

для воспитания там детей бедных дворян, заслужил этим признание местного дворянства, которое подарило князю золотую табакерку с бриллиантами, которая стоила ... 30 тыс. руб. (Павловский, 1906: 130).

В XIX веке государство уже начало следить за тем, чтобы чиновничество награждалось только им. Принятие подарков должностными лицами сурово запрещалось. Исследователь И. Павловский приводит два примера, когда полтавское дворянство хотело отблагодарить подарками некоторых чиновников. Первый случай произошел в 1847 году, когда дворяне Прилукского уезда Полтавской губернии пожелали поднести серебряную вазу Д.С. Горленко, который занимал должность прилукского предводителя в течение 1829–1844 годов. Но вручить этот подарок было нельзя без согласия дворянского собрания (согласие должно быть изъявлено единогласно или не менее чем 2/3 голосов), члены которого не поддержали желания прилукских дворян (150 голосов против 88). А поскольку вазу приобрели на так называемые подписные средства, то собрание постановило их вернуть подписчикам. Другой случай произошел приблизительно в то же время. Дворяне Кобелякского уезда также захотели подарить вазу П. Потоцкому, который долго занимал в этом уезде различные должности, в том числе уездного судьи. Губернский предводитель дворянства не позволил этого сделать, сославшись на запрет подносить «начальствующим лицам подарка» (Павловский, 1906: 99). В эпоху Николая I даже для вручения приветственного адреса нужно было специальное разрешение дворянского собрания.

Но существовали и другие подарки. Их ценность была различной, в зависимости от того, кому они предназначались. Награждение ими происходило непосредственно от имени государства (императора, членов его семьи, губернатора и т.д.). Ценными подарками награждались, как правило, чиновники, которые занимали высокие должности в системе государственного управления, причем и губернского, и уездного уровня. Такие служащие могли получать золотые перстни, часы, табакерки, украшенные драгоценными камнями или императорскими вензелями, миниатюрные портреты императора (такой подарок считался очень престижным, так как расценивался как знак внимания самого монарха) и другие ценные вещи. Гражданским чиновникам низших рангов дарили также часы, перстни, табакерки, но выполненные проще и без украшения драгоценностями. Эти чиновники награждались так называемыми «обыкновенными подарками». Известно, что в середине XIX века награждение подарками, например, педагогов совершалось за счет штатных средств (из бюджетных остатков) учебных заведений или из остатков средств, выделенных на содержание пансионеров (ЖМНП, 1853: 183-184). В зависимости от рода деятельности служащий мог получить в подарок книги или инструменты, которые могли помочь ему выполнять служебные функции.

Спектр подарков был достаточно широким и полный их перечень определить очень тяжело. Даже когда решение о таких поощрениях публиковались в официальных печатных органах (журналах министерств внутренних дел, юстиции, народного просвещения и др.), в текстах чаще указывалось лишь что-то подобное «награжден подарком» или «представлен к награждению подарком». Несколько больше света на данный вопрос проливают формулярные списки чиновников, где, как правило, четко указывалось, каким именно подарком и за что был награжден служащий.

5. Заключение

Таким образом, мы можем выделить достаточно большое количество видов служебных поощрений, которые государство применяло по отношению к чиновничеству. Все они должны были укреплять бюрократическую систему Российской империи, делать из каждого служащего послушного исполнителя монаршей воли. Но система наград и поощрений в империи появилась не одномоментно, а эволюционировала долгое время. Существенные изменения в ней произошли именно в течение исследуемого времени – в конце XVIII – первой половине XIX веков. После административных реформ, инициированных Екатериной II, бюрократический аппарат Российской империи начал быстро разрастаться, его функции усложнялись. К тому же бюрократическая система была унифицирована по единому образцу во всех регионах многонационального государства. Чтобы обеспечить многочисленным государственным учреждениям необходимым количеством чиновников, имперское правительство использовало различные методы поощрений за службу.

С начала XIX века правительство, с одной стороны, усложняет возможность получить чины, ордена и совсем отменяет земельные пожалования и награждения крепостными, но с другой – более широко используются награждения именно материальные. Это определенным образом связано с быстрым увеличением бюрократического аппарата и вхождением в него все большего количества представителей непривилегированных слоев населения. Такие изменения были характерными для всех регионов Российской империи, в частности для украинских губерний. Фактически в течение первой половины XIX века награды и поощрения, которые правительство применяло по отношению к чиновникам гражданской службы, были окончательно систематизированы – появились их конкретный набор и условия, при которых они применялись.

Литература

- Бодрова, 2017** – Бодрова Ю.В. Благосостояние провинциальной бюрократии по материалам Тверской губернии первой половины XIX в. // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: «История»*. 2017. № 4. С. 58-71.
- ГАХО** – Государственный архив Харьковской области.
- Гончаров, 2002** – Гончаров Ю.М. Материальное положение чиновничества Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2002. № 4.
- Дегтярьов, 2014a** – Дегтярьов С.І. Цивільне чиновництво України у кінці XVIII – першій половині XIX ст.: Монографія. Суми: ТОВ «Друкарський дім «Папірус», 2014. 472 с.
- Дегтярев, 2014b** – Дегтярев С.И. Унификация бюрократических систем Бессарабии и Малороссии в период их интеграции в состав Российской империи в конце XVIII – первой трети XIX вв. // *Русин*. 2014. 35 (1). С. 91-104.
- Дегтярев, 2016** – Дегтярев С.И. Чины как инструмент национально-унификационной политики Российской империи на землях Левобережной Украины, Кавказа, Бессарабии (конец XVIII – первая половина XIX вв.) // *Русин*. 2016. 43 (1). С. 177-195.
- Ерошкин, 1981** – Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты: (Первая половина XIX века). М.: Мысль, 1981. 252 с.
- ЖМВД, 1839** – Общий циркуляр по Министерству Внутренних Дел о награждении, определении и увольнении должностных лиц, в Октябре и Ноябре 1839 г. // *Журнал Министерства Внутренних Дел*. Ч. XXXIV. 1839. Распоряжения. С. СХХ-СХХХ.
- ЖМНП, 1853** – Циркулярное предложение Окружным Начальником по поводу вопроса о порядке назначения подарков Училищным Чиновникам на счет экономических сумм Пансионеров // *Журнал Министерства Народного Просвещения*. Ч. LXXVIII. СПб.: В Типографии Императорской Академии Наук, 1853. Отд. I. С. 183-184.
- Зайончковский, 1978** – Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.
- Иванов, 2012a** – Иванов В.А. Уровень материального обеспечения местного чиновничества в России в середине XIX в. (опыт статистического анализа) // *Власть*. 2012. № 8. С. 122-124.
- Иванов, 2012b** – Иванов В.А. Служебная пригодность или личные симпатии начальника: окладное содержание служащих местных государственных учреждений России в середине XIX в. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России»*. 2012. № 1. С. 20-31.
- Илляшевич, 1885** – Илляшевич Л.В. Краткий очерк истории Харьковского дворянства. Харьков: Типография М. Зильберберга, 1885. 168+36 с.
- Козельчук, 2015** – Козельчук Т.В. Материальное положение провинциальных чиновников (на примере Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX века) // *Вестник Курганского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2015. № 5. Выпуск 11. С. 19-25.
- Корелин, 1978** – Корелин А.П. Институт предводителей дворянства. О социальном и политическом положении дворян // *История СССР*. № 3. 1978. С. 31-48.
- Лотман, 1996** – Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПб, 1996. 399 с.
- Мещеряков, 2014** – Мещеряков А.В. Уровень материального положения чиновников ключевых институтов управления Оренбургского края во второй половине XIX – начале XX в. // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2014. Т. 16. № 3. С. 402-408.
- Минеева, 2017** – Минеева И.А. Система поощрений государственных чиновников в России XVIII – XIX веков // *Успехи современной науки и образования*. 2017. Том 8. № 2. С. 49-51.
- Морозова, 2007** – Морозова В.В. Правовой и социальный статус учителей дореволюционной России. Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Нижний Новгород, 2007. 277 с.
- Павлова-Сильванская, 1964** – Павлова-Сильванская М.П. Социальная сущность областной реформы Екатерины II // *Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.)*. Сборник статей к 75-летию со дня рождения и 45-летию научной и педагогической деятельности Б.Б. Кафенгауза. М.: Издательство «Наука», 1964. С. 460-491.
- Павловский, 1906** – Павловский И.Ф. К истории полтавского дворянства 1802–1902 г. Очерки по архивным данным. Выпуск первый. Полтава: Электрич. типо-литогр. Торгового Дома И. Фришберг и С. Зорохович, 1906. 277+XLI с.
- Панкеев, 2011** – Групові формулярні списки чиновництва Новоросійської губернії за 1798 рік / Упорядник Панкеев О.С. Запоріжжя, 2011. 125 с.
- Писарькова, 1995** – Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX века // *Человек*. 1995. № 4. С. 147-158.
- Писарькова, 2004** – Писарькова Л.Ф. Чиновник на службе в конце XVII – середине XIX веков // *Отечественные записки*. 2004. № 2.
- СИРИО, 1891** – Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 74. Журналы Комитета учрежденного высочайшим рескриптом 6 Декабря 1826 года. СПб.: В Государственной Типографии, 1891. 502 с.

СИРИО, 1894 – Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 90. Бумаги Комитета учрежденного высочайшим рескриптом 6 Декабря 1826 года. СПб.: В Государственной Типографии, 1894. 621+6 с.

Титова, 2014 – Титова А.А. Быт и традиции в структуре менталитета социальных и профессиональных групп городского населения российской провинции в конце XIX – начале XX вв. // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 6. Часть 4. С. 845-850.

Троицкий, 1974 – Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М.: Издательство «Наука», 1974. 396 с.

Фролова, 2006 – Фролова Т.А. Социокультурный облик чиновничества Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Омск, 2006. 185 с.

ЦГИАУК – Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве.

Шепелев, 1999 – Шепелев Л.Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб.: «Искусство-СПБ», 1999. 479 с.

Bennett, 1993 – Bennett H.A. Chiny, ordena, and officialdom // *Russian officialdom: the bureaucratization of the Russian society from the seventeenth to the twentieth century* / Ed. by Walter McKenzie and Don Karl Rowney. London, 1993. Pp.162-189.

Degtyarev, 2013 – Dyagterev S.I. Incorporation of Ukrainian officialdom into bureaucratic system of the Russian empire during under the rule of Catherine II // *Bylye Gody*. 2013. 27(1). Pp. 16-25.

Degtyarev, 2014 – Degtyarev S. Violations of Law in the Bureaucrats Community and Their Perception by the Ukrainian and Russian People in the Late XVIII – First Half of XIX Centuries. *Bylye Gody*. 2014. Vol 32(2). Pp. 155-161.

Degtyarev, 2015 – Degtyarev S.I. Public and State Significance The Ranks of the Table of Ranks in the Russian Empire at the End of XVIII – the First Half of the XIX Centuries // *Bylye Gody*. 2015. 38(4). Pp. 865-875.

Hassell, 1970 – Hassell J. The Implementation of the Russian Table of Ranks during the Eighteenth Century // *Slavic Review*. 1970. Vol.XXIX. №2. Pp. 283-299.

Lebid et al., 2019 – Lebid A., Shevchenko N., Chuikov O., Svechnikov V. The Officialdom of the Russian Empire: A Modern Historiography of the Issue. Part I // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 54. Is. 4. Pp. 1490-1505.

Lebid et al., 2020 – Lebid A., Shevchenko N., Chuikov O., Svechnikov V. The Officialdom of the Russian Empire: a Modern Historiography of the Issue. Part II // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 55. Is. 1. Pp. 115-129.

Pintner, 1970 – Pintner W.M. The Social Characteristics of the Early 19th Century Russian Bureaucracy // *Slavic Review*. 1970. Vol.XXX. №3. Pp. 429-443.

Pintner, 1980 – Pintner W. The evolution of civil officialdom, 1755-1855 // *Russian officialdom from the 17th through the 20th centuries: The bureaucratization of Russian society*. Ed. by Pintner W., Rowney D.K. Chapel Hill, 1980. Pp. 190-226.

Sultangalieva et al., 2017 – Sultangalieva G.S., Dalayeva T.T., Malikov B.U. Understanding of Kazakh volost by Russian officials of the XIX century // *Bylye Gody*. 2017. №46(4). Pp. 1322-1332.

Yaney, 1973 – Yaney G.L. The Systematization of Russian Government: Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711-1905. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 1973. 430 p.

References

Bennett, 1993 – Bennett H.A. (1993). Chiny, ordena, and officialdom. *Russian officialdom: the bureaucratization of the Russian society from the seventeenth to the twentieth century*. Ed. by Walter McKenzie and Don Karl Rowney. London, 1993. Pp. 162-189.

Bodrova, 2017 – Bodrova Yu.V. (2017). Blagosostoyanie provintsialnoy byurokratii po materialam Tverskoy gubernii pervoy poloviny XIX v. [The welfare of the provincial bureaucracy based on the Tver province the first half of the XIX century.]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya»*. № 4. Pp. 58-71. [in Russian]

Degtyarev, 2013 – Dyagterev S.I. (2013). Incorporation of Ukrainian officialdom into bureaucratic system of the Russian empire during under the rule of Catherine II. *Bylye Gody*. 27(1). Pp. 16-25.

Degtyarev, 2014a – Degtyarev S.I. (2014). Tsyvilne chynovnytstvo Ukrainy u kintsi XVIII – pershii polovyni XIX st.: monohrafiia [Civil Officialdom in Ukraine at the End of the 18th – the Beginning of the 19th Centuries: Monograph]. Sumy: TOV «Drukarskyi dim «Papyrus»». 472 p. [in Ukrainian]

Degtyarev, 2014b – Degtyarev S.I. (2014). Unifikatsiya byurokraticheskikh sistem Bessarabii i Malorossii v period ikh integratsii v sostav Rossiyskoy imperii v kontse XVIII – pervoy treti XIX vv. [Unification of bureaucratic systems of Bessarabia and Malorossiia during their integration into the Russian Empire in the late of XVIII – the first third of the XIX cent.]. *Rusin*. 35(1). Pp. 91-104. [in Russian]

Degtyarev, 2014 – Degtyarev S. (2014). Violations of Law in the Bureaucrats Community and Their Perception by the Ukrainian and Russian People in the Late XVIII – First Half of XIX Centuries. *Bylye Gody*. Vol 32(2). Pp. 155-161.

Degtyarev, 2015 – *Degtyarev S.I.* (2015). Public and State Significance The Ranks of the Table of Ranks in the Russian Empire at the End of XVIII – the First Half of the XIX Centuries. *Bylye Gody*. 38(4). Pp. 865-875.

Degtyarev, 2016 – *Degtyarev S.I.* (2016). Chiny kak instrument natsional'no-unifikatsionnoy politiki Rossiyskoy imperii na zemlyakh Levoberezhnoy Ukrainy, Kavkaza, Bessarabii (konets XVIII – pervaya polovina XIX v.) [Ranks (chiny) as an instrument of national and unification policy of the Russian Empire in the Left-bank Ukraine, Caucasus and Bessarabia (the end of XVIII – the first half XIX centuries)]. *Rusin*. 43(1). Pp. 177-195.

Frolova, 2006 – *Frolova T.A.* (2006). Sotsiokulturnyy oblik chinovnichestva Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv. [The sociocultural image of the bureaucracy of Western Siberia in the late XIX – early XX centuries]: diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Omsk. 185 p. [in Russian]

GAHO – Gosudarstvennyy arhiv Harkovskoy oblasti [State Archives of Kharkiv region]. [in Russian].

Goncharov, 2002 – *Goncharov Yu.M.* (2002). Materialnoe polozhenie chinovnichestva Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [The financial situation of Siberian officials in the second half of the XIX – early XX centuries.]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. №4. [in Russian]

Hassell, 1970 – *Hassell J.* (1970). The Implementation of the Russian Table of Ranks during the Eighteenth Century. *Slavic Review*. Vol. XXIX. №2. Pp. 283-299.

Illyashevich, 1885 – *Illyashevich L.V.* (1885). Kratkiy ocherk istorii Kharkovskogo dvoryanstva [A brief outline of the history of the Kharkov nobility]. Kharkov: Tipografiya M. Zilberberga. 168+36 p. [in Russian]

Ivanov, 2012a – *Ivanov V.A.* (2012). Uroven materialnogo obespecheniya mestnogo chinovnichestva v Rossii v seredine XIX v. (opyit statisticheskogo analiza) [The level of material support of local bureaucracy in Russia in the middle of the XIX century (experience of statistical analysis)]. *Vlast*. №8. Pp. 122-124. [in Russian]

Ivanov, 2012b – *Ivanov V.A.* (2012). Sluzhebnyaya prigodnost ili lichnyie simpatii nachalnika: okladnoe sodержanie sluzhaschih mestnyih gosudarstvennyih uchrezhdeniy Rossii v seredine XIX v. [Office suitability or personal preferences of the boss: salary of employees of local state institutions of Russia in the middle of the XIX century]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družbyi narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. №1. Pp. 20-31. [in Russian]

Korelin, 1978 – *Korelin A.P.* (1978). Institut predvoditeley dvoryanstva. O sotsialnom i politicheskom polozhenii dvoryan [Institute of the leaders of the nobility. On the social and political situation of nobles]. *Istoriya SSSR*. №3. Pp. 31-48. [in Russian]

Kozelchuk, 2015 – *Kozelchuk T.V.* (2015). Materialnoe polozhenie provintsialnyih chinovnikov (na primere Tobolskoy gubernii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka) [The financial situation of provincial officials (on the example of the Tobolsk province of the second half of the XIX – early XX centuries)]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Gumanitarnyye nauki»*. № 5. Vyipusk 11. Pp. 19-25. [in Russian]

Lebid et al., 2019 – *Lebid A., Shevchenko N., Chuikov O., Svechnikov V.* (2019). The Officialdom of the Russian Empire: a Modern Historiography of the Issue. Part I. *Bylye Gody*. Vol. 54. Is. 4. Pp. 1490-1505.

Lebid et al., 2020 – *Lebid A., Shevchenko N., Chuikov O., Svechnikov V.* (2020). The Officialdom of the Russian Empire: a Modern Historiography of the Issue. Part II. *Bylye Gody*. Vol. 55. Is. 1. Pp. 115-129.

Lotman, 1996 – *Lotman Yu.M.* (1996). Besedy o russkoy kulture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka) [Conversations about Russian culture: Life and traditions of the Russian nobility (XVIII – beginning of the XIX century)]. SPb.: Iskusstvo-SPb. 399 p. [in Russian]

Mescheryakov, 2014 – *Mescheryakov A.V.* (2014). Uroven materialnogo polozheniya chinovnikov klyuchevyih institutov upravleniya Orenburgskogo kraya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [The level of financial situation of officials of key management institutions of the Orenburg Territory in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. T. 16, № 3. Pp. 402-408. [in Russian]

Mineeva, 2017 – *Mineeva I.A.* (2017). Sistema pooschreniy gosudarstvennyih chinovnikov v Rossii XVIII – XIX vekov [The system of rewards for government officials in Russia of the 18th-19th centuries]. *Uspehi sovremennoy nauki i obrazovaniya*. Tom 8. №2. Pp. 49-51. [in Russian]

Morozova, 2007 – *Morozova V.V.* (2007). Pravovoy i sotsialnyy status uchiteley dorevolutsionnoy Rossii [Legal and social status of teachers of pre-revolutionary Russia]: diss. ...kand. yurid. nauk: 12.00.01. Nizhniy Novgorod. 277 p. [in Russian]

Pankieiev, 2011 – Hrupovi formulirani spysky chynovnytstva Novorosiiskoi hubernii za 1798 rik [Formal lists of bureaucracy of the Novorossiysk province for 1798]. Uporiadnyk *Pankieiev O.S.* Zaporizhzhia, 2011. 125 p. [in Ukrainian]

Pavlova-Silvanskaya, 1964 – *Pavlova-Silvanskaya M.P.* (1964). Sotsialnaya sushchnost oblastnoy reformy Yekateriny II [The social essence of the regional reform of Catherine II]. *Absolyutizm v Rossii (XVII-XVIII vv.)*. Sbornik statey k semidesyatiletiiyu so dnya rozhdeniya i sorokapyatiletiiyu nauchnoy i pedagogicheskoy deyatelnosti B.B. Kafengauza. M.: Izdatelstvo "Nauka". Pp. 460-491. [in Russian]

Pavlovskiy, 1906 – *Pavlovskiy I.Fr.* (1906). K istorii poltavskogo dvoryanstva 1802-1902 g. Ocherki po arkhivnym dannym [On the history of the Poltava nobility 1802-1902. Essays on archival data]. Vypusk pervyy. Poltava: Elektrich. tipo-litogr. Torgovogo Doma I. Frishberg i S. Zorokhovich. 277+XLI p. [in Russian]

- Pintner, 1970** – *Pintner W.M.* (1970). The Social Characteristics of the Early 19th Century Russian Bureaucracy. *Slavic Review*. Vol. XXX. №3. Pp. 429-443.
- Pintner, 1980** – *Pintner W.* (1980). The evolution of civil officialdom, 1755-1855. Russian officialdom from the 17th through the 20th centuries: The bureaucratization of Russian society. Ed. by Pintner W., Rowney D.K. Chapel Hill, 1980. Pp. 190-226.
- Pisarkova, 1995** – *Pisarkova L.F.* (1995). Rossiyskiy chinovnik na sluzhbe v kontse XVIII – pervoy polovine XIX veka [Russian official in the service at the end of the XVIII – first half of the XIX century]. *Chelovek*. №4. Pp. 147-158. [in Russian]
- Pisar'kova, 2004** – *Pisar'kova L.F.* (2004). Chinovnik na sluzhbe v kontse XVII – seredine XIX veka [The official in the service in the late XVII – mid XIX century]. *Otechestvennyye zapiski*. №2. [in Russian]
- Shepelev, 1999** – *Shepelev L.Ye.* (1999). Chinovnyy mir Rossii: XVIII – nachalo XX v. [The official world of Russia: XVIII – beginning of XX century]. SPb.: «Iskusstvo-SPB». 479 p. [in Russian]
- SIRIO, 1891** – Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. T.74. Zhurnaly Komiteta uchrezhdenogo vysochayshim reskriptom 6 Dekabrya 1826 goda. SPb.: V Gosudarstvennoy Tipografii, 1891. 502 p. [in Russian]
- SIRIO, 1894** – Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. T.90. Bumagi Komiteta uchrezhdenogo vysochayshim reskriptom 6 Dekabrya 1826 goda. SPb.: V Gosudarstvennoy Tipografii, 1894. 621+6 p. [in Russian]
- Sultangalieva et al., 2017** – *Sultangalieva G.S., Dalayeva T.T., Malikov B.U.* (2007). Understanding of Kazakh volost by Russian officials of the XIX century. *Bylye Gody*. №46(4). Pp. 1322-1332.
- Titova, 2014** – *Titova A.A.* (2014). Byit i traditsii v strukture mentaliteta sotsialnykh i professionalnykh grupp gorodskogo naseleniya rossiyskoy provintsii v kontse XIX – nachale XX vv. [Life and traditions in the structure of the mentality of social and professional groups of the urban population of the Russian province in the late XIX – early XX centuries.]. *Fundamentalnyye issledovaniya*. № 6. Chast 4. Pp. 845-850. [in Russian]
- Troitskiy, 1974** – *Troitskiy S.M.* (1974). Russkiy absolyutizm i dvoryanstvo v XVIII v. Formirovanie byurokratii [Russian absolutism and the nobility in the 18th century. The formation of bureaucracy]. M.: Izdatelstvo «Nauka». 396 p. [in Russian]
- TsGIAUK** – Tsentralnyi gosudarstvennyi istoricheskiy arhiv Ukrainy v g. Kiev [The Central State Historical Archive of Ukraine in Kyiv]. [in Russian]
- Yaney, 1973** – *Yaney G.L.* (1973). The Systematization of Russian Government: Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711-1905. Urbana; Chicago: University of Illinois Press., 430 p.
- Yeroshkin, 1981** – *Yeroshkin N.P.* (1981). Krepostnicheskoe samoderzhavie i ego politicheskie instituty: (Pervaya polovina XIX veka) [The feudal autocracy and its political institutions: (First half of the 19th century)]. M.: "Mysl". 252 p. [in Russian]
- Zayonchkovskiy, 1978** – *Zayonchkovskiy P.A.* (1978). Pravitelstvennyy apparat samoderzhavnoy Rossii v XIX v. [The government apparatus of autocratic Russia in the 19th century]. M.: "Mysl". 288 p. [in Russian]
- ZhMVD, 1839** – Obshchiy tsirkulyar po Ministerstvu Vnutrennikh Del o nagrazhdenii, opredelenii i uvolnenii dolzhnostnykh lits, v Oktyabre i Noyabre 1839 g. [General Circular of the Ministry of the Interior on the awarding, determination and dismissal of officials, in October and November 1839]. *Zhurnal Ministerstva Vnutrennikh Del*. Ch. XXXIV. 1839. Rasporyazheniya. Pp. CXX-CXXX. [in Russian]
- ZhMNP, 1853** – Tsirkulyarnoe predlozhenie Okruzhnym Nachalnikom po povodu voprosa o poryadke naznacheniya podarkov Uchilishchnym Chinovnikam na schet ekonomicheskikh summ Pansionov [Circular proposal by the District Chief on the issue of the procedure for assigning gifts to School Officers at the expense of economic amounts of Pensions]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya*. Ch. LXXVIII. SPb.: V Tipografii Imperatorskoy Akademii Nauk, 1853. Otd. I. Pp. 183-184. [in Russian]

Становление системы материального обеспечения и поощрения гражданских чиновников Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX вв.

Сергей Иванович Дегтярев ^{a, b, *}, Елена Григорьевна Ткаченко ^a, Любовь Георгиевна Полякова ^{b, c, d}, Диана Игоревна Степанова ^e

^a Сумский государственный университет, Сумы, Украина

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^d Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

^e Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: annnamisu@gmail.com (С.И. Дегтярев)

Аннотация. Статья посвящена становлению системы материального обеспечения и мотивации чиновников гражданских ведомств Российской империи с конца XVIII до середины XIX веков. Исследование проводилось на примере украинских губерний, входивших в изучаемый период в состав Российской империи. В частности, внимание уделено таким видам материальной мотивации, как заработная плата (жалованье), другие денежные выплаты, подарки и т.п. Авторы делают вывод о том, что в течение первой половины XIX в. награды и поощрения, которые правительство применяло по отношению к гражданским чиновникам, были окончательно систематизированы и регламентированы законодательно. Ведущее место среди них занимали именно материальные поощрения.

Поощрение чиновников было одним из механизмов, с помощью которого обеспечивалось непрерывное функционирование бюрократического аппарата империи. На недавно включенных в состав Российской империи землях служебные поощрения также могли играть роль одного из элементов политики инкорпорации элит этих регионов в общественную и управленческую структуру империи.

В целом в течение первой половины XIX века поощрения по отношению к государственным служащим Российской империи были окончательно систематизированы. Появились их конкретный набор и условия, при которых они применялись.

Ключевые слова: чиновник, Украина, Российская империя, награда, жалованье, подарок.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1045-1054. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1045
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Origins of the English Counterrevolution in the Context of a Comparative Analysis of the Main Interpretations of the American Revolution of the XVIII century

Leonid V. Sidorenko ^{a, *}

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The aim of this article is to analyze the origins of counterrevolution by the metropolis in the American Revolution of the XVIII century by comparing two main historiographical interpretations of this event: as a socio-economic phenomenon and as a colonial revolt. Counterrevolution is understood as a sum of decisions of the metropolis and their ideological bases directed against the actions and ideology of the colonists. The research tasks include an overview of the two main interpretations of the American Revolution; a description of the grounds for the English response to the activity of the colonists; examination of the problems in the metropolis that led to specific proportions of counter-revolutionary forces in it; a description of figures who can be considered counter-revolutionaries in English politics. The novelty of this article is to examine the American Revolution of the XVIII century through the counter-revolutionary response and the internal situation in the metropolis, what allows to be distant from the American-centered view on the events of the war of independence of the United States. The article concludes that despite the importance of socio-economic interpretation of the American Revolution, it is useless to search the origins of the British counter-revolution. Only a view at the events as an anti-colonial revolt allows us to find and analyze the origins of the counterrevolution in the metropolis, which should be sought in the challenge to the system of relations between Great Britain and the colonies by the colonists, who put forward new ideas for understanding the Constitution and raised painful issues of taxation and representation. So the English counter-revolution is seen as an attempt to preserve the old constitutional and political system, which was unsuccessfully attacked not only by the Americans, but also by internal radical forces. This led to the preservation of pre-revolutionary principles of representation and government, only slightly changed by moderate reforms of the aristocratic opposition.

Keywords: the American Revolution, counter-revolution, colonies, metropolis, Rockingham Whigs, system of government, representation.

1. Введение

Американская революция XVIII века является одним из самых изученных подобного рода явлений в мировой истории, но вместе с тем и одним из самых дискуссионных. На протяжении более двух столетий историки разных стран обращаются к темам генезиса, хода и последствий этого важного для мировой истории события. Однако, вероятно, по причине яркой и убедительной победы колонистов тема контрреволюции фактически не фигурирует в исторической литературе, хотя успех американцев был достигнут в результате напряженной борьбы с ведущей колониальной империей того периода.

Анализ контрреволюций и контрреволюционных проявлений невозможен без понимания сущности породивших их революций или революционных движений. Однако в случае с восстанием североамериканских колоний Англии имеется объективная сложность из-за различных

* Corresponding author

E-mail addresses: l.sidorenko@spbu.ru (L.V. Sidorenko)

интерпретаций произошедших событий. В науке оформились два основных историографических направления, чьи сторонники имеют различные подходы к оценке Американской революции XVIII века. В советской историографии и среди «прогрессивных» историков Запада преобладал взгляд на революцию как на проявление глубинных преобразований в социально-политической сфере, более важных, чем получение независимости. В то же время консервативные ученые, напротив, настаивали на ограниченности революционных процессов (Согрин, 2005: 84). Для них было характерно отрицание революции в Америке в современном смысле этого слова – признавалась только успешная война за независимость, избавившая страну от британского контроля, но сохранившая ее общественное устройство неизменным. Этот тезис дополнялся идеей о том, что американское восстание являлось консервативным движением, призванным лишь защитить старые свободы колонистов от новых требований метрополии (Palmer, 1968: 34). Эти два взгляда на Американскую революцию подразумевают и две разные трактовки проявления исходящей из метрополии контрреволюции, что требует их более глубокого рассмотрения.

Целью данной статьи является анализ истоков английской контрреволюции в контексте сравнения подходов двух магистральных историографических интерпретаций событий 1770–1780-х гг. в Америке как социально-экономического феномена и как просто колониального мятежа. При этом под контрреволюцией понимается совокупность современных революции решений метрополии и их идейных оснований, направленных против действий и идеологии колонистов, расшатывавших имперскую систему. Задачи исследования включают обзор положений двух главных интерпретаций Американской революции; описание оснований для английского ответа на активность колонистов; разбор проблем в метрополии, предопределивших расстановку в ней контрреволюционных сил, а также раскрытие фигур английской политики, могущих быть причисленными к контрреволюционерам. Новизна данной статьи заключается в рассмотрении Американской революции через контрреволюционный ответ и внутреннюю обстановку в метрополии, а не в колониях, что позволяет дистанцироваться от американоцентристского взгляда на события эпохи войны за независимость США.

2. Материалы и методы

Методология решения задач статьи основана на традиционных принципах историзма и объективности. В исследовании автор применил привычные историко-типологический и сравнительно-исторический методы, наиболее важным из которых стал последний, позволивший провести сравнительную оценку важности двух интерпретаций Американской революции для поиска истоков британской контрреволюции. Также в работе использовался историко-описательный метод, позволивший выделить проявления контрреволюции со стороны метрополии. Для решения исследовательских задач статьи особое внимание было уделено литературе, которая включает исследования как зарубежных историков Американской революции (Б. Байлин, Т. Барроу, Ф. Блэк, Ч. Бонвик, Д. Варман, Дж. Вуд, Р. Вейр, Р. Гоуч, Дж. Грин, Л. Кохен, П. Маршалл, Р. Моррис, Р. Нисбет, Р. Палмер, Б. Смит), так и отечественных (В.В. Согрин, А.А. Фурсенко). Также была использована литература по проблемам Великобритании в период Войны за независимость (Дж. Буллион, Г. Гаттридж, И. Грубер, Дж. Кайт, И. Ретейн, С. Уэбб, Д. Фагерсторм, Н. Филлипс, К. Хэй), среди авторов которой отдельно стоит выделить классиков политической истории (Г. Дикинсон, Й. Кристи), что позволило интерпретировать события в метрополии с точки зрения их радикализма и контрреволюционности.

3. Обсуждение

Понимание Американской революции XVIII века в качестве социально-экономического феномена имеет много подводных исследовательских камней и менее очевидно для западных ученых, подчеркивавших, как, например, Ханна Аренд, ее ориентацию на свободу индивида и ограничение власти. Социальный вопрос, под которым Аренд имела в виду народные представления о бедности и дифференциацию классов и богатства, в отличие от европейских революций, не имел значения для Америки (Nisbet, 1977: 64). Безусловно, данный тезис не означает полного отсутствия социальных движений в революционное время. Только до конца 1770-х гг. историки фиксируют более 30 продовольственных бунтов, произошедших в пяти северных и двух южных штатах (Smith, 1994: 3). Стоит обратить внимание и на то, что главными центрами антибританского протеста являлись крупные города, где рост нелегальных организаций вроде «Сынов свободы» осуществлялся благодаря мастерским всех разрядов, то есть за счет активной низовой группы в общественной иерархии (Фонер, 1978: 87). Однако социальное измерение революции представляется второстепенным, если рассматривать события рубежа 1770–1780-х гг. как общие для колоний и метрополии. Чтобы социальные волнения в Америке приобрели ценность для анализа контрреволюции по ту сторону Атлантики, они должны были быть подкреплены аналогичными выступлениями в Великобритании, имевшими разрушительный характер для будущего ее социального устройства. Но таких выступлений, в отличие от политических, не наблюдалось. С этой точки зрения контрреволюционный ответ англичан не подразумевал социальных мер, а всегда существовавшее

недовольство низов колониального общества являлось лишь инструментом в политической игре против метрополии. Поэтому выглядит несколько чрезмерной критика со стороны патриарха отечественной американистики В.В. Согрина историка из США Д. Бурстина, якобы упустившего «классовое содержание английского колониального господства и классовый смысл антиколониальной революции» (Согрин, 1983: 35). Хотя, безусловно, колониальное общество не было лишено многих социальных противоречий, антиколониальное движение американцев не пересекалось с социальными интересами метрополии, а обосновывалось политическими теориями, взятыми из идеологии Просвещения.

Показательно, что к 1780 г., когда перспективы победы становились все более очевидными, американская элита отступила от своей ранней поддержки народной политики, а Континентальный конгресс стал искать опору среди лиц богатых и консервативных (Smith, 1994: 34). Низы общества, выступавшие топливом революции, больше не требовались. Впрочем, строгой зависимости между величиной состояния и степенью патриотичности не существовало, чаще играли роль другие факторы, например религия. Так среди лоялистов было много состоятельных квакеров, но богатые баптисты и пресвитериане стали поддерживать революцию, в то время как американские англикане предпочли дистанцироваться от событий (Gough, 1981: 244). Важно, что упомянутые выше группы диссентеров имелись и в метрополии, что не позволяет оценивать их предпочтения как сугубо американские в своей основе – скорее, большую роль играла интерпретация общественно-политических идей в местных условиях.

Иное положение религиозных деноминаций колониального общества не позволяет в полной мере применить к оценке Американской революции и знаменитую концепцию историка Дж.К.Д. Кларка, считавшего Англию XVIII в. типичным «старым режимом» с доминировавшими королем, аристократией и официальной церковью, роль которой была чрезвычайно велика в идейном прикрытии роли монарха в управлении и обосновании послушания подданных. Эта картина плохо вписывалась в колониальную Америку с совершенно другим типом общества (Bullion, 1999: 67). Ни здесь, ни в метрополии революция не поменяла общественного режима (США и Великобритания сохранили развитие в рамках присущих им социально-экономических и политических тенденций), что не позволяет ей приписать черты той «буржуазности», что была характерна для Великой Французской революции. Даже если в метрополии существовал «старый режим», колонисты прежде всего боролись не за его уничтожение в Великобритании, а за сохранение собственного типа развития общества, принципиально отличавшегося от британского.

Ограниченная роль социального фактора важна и с той точки зрения, что если Американскую революцию нельзя квалифицировать как классовую войну, потому что слишком много представителей разных слоев общества находились с обеих сторон, то ее следует признать классическим примером гражданской войны (Morris, 1962: 20), возникшей на основе политических расхождений, что ограничивало контрреволюционный ответ метрополии. В самом деле, в войне за независимость было сложно провести четкие отличия «мы» и «они». Для британцев это означало отсутствие ясности относительно того, кем являлись американцы – врагами или братьями. Эта тема оставалась дискуссионной и после войны, так как на каждый довод о схожести американцев и англичан можно было найти аргумент об их отличии, вытекающий из географических условий и политической специфики (Wahrman, 2001: 1238, 1240). Но все-таки общего было больше. Хотя в колониальном населении имелись неанглийские элементы, большинство колонистов было того же происхождения, что и их правители в метрополии: англичане в колониях управлялись англичанами в метрополии. Результатом этого стал высокий уровень трений между ними, что сопровождалось настойчивым отстаиванием колонистами своих прав, прежде всего в английской традиции (Barrow, 1968: 456). Таким образом, в изучении контрреволюции первична система взаимоотношений между метрополией и колониями, что делает именно колониальную интерпретацию Американской революции единственно правильной для оценки того, как ответили англичане.

В ее случае проявления английской контрреволюции должны быть связаны исключительно с политическими подходами к теории и практике управления. Ключевым становится вопрос налогообложения, в котором колонисты считали, что парламент не имел права ни облагать их налогами, ни регулировать их внутренние дела. Но поскольку король и подавляющее большинство членов парламента полагали, что они могут издавать обязательные для колоний законы при любых условиях, ни одно британское министерство не осмеливалось принять американские притязания (Gruber, 1965: 226), в этом, по сути, заняв контрреволюционную позицию, но позицию «техническую», основанную лишь на отказе слушать оппонентов. Осознанной английская контрреволюция стала в результате ответа на действия колонистов, ставших теоретизировать свои шаги, как, например, в знаменитой «Декларации независимости» 1776 года.

Ее авторы пытались оправдать отделение Америки на том основании, что оно было исторически необходимо, для чего требовалось сформулировать не только причины, оправдывавшие это отделение, но и некий свод общих правил для защиты революции. Взяв за идейную основу теорию общественного договора, отцы-основатели предписали народу не только право, но и обязанность восстать против правительства, неспособного обеспечить счастье людей и их

неотъемлемые права, исходящие из законов природы и Бога (Cohen, 1978: 491). «Декларация независимости» не стала фиксацией уже достигнутого, а, скорее, являлась своеобразным обещанием американскому народу, притом далеким от полного выполнения. Правовые гарантии не были реализованы и в статьях конфедерации, фактической конституции США военного времени (Фурсенко, 1977: 100). Но даже в декларативной форме американская революционная идеология потребовала осознанного британского ответа, хотя бы потому, что колонисты поставили под сомнение традиционное английское понимание конституции: если ранее под ней имелась в виду совокупность английских биллей, законов, прецедентов и колониальные хартии, то с началом революции она стала отождествляться с компактным и единым документом, принятым по итогам демократической процедуры при участии народа (Согрин, 2005: 88). Это был серьезный удар по политической теории и практике в метрополии, где конституция была лишь идейным фоном реальной политики, определяемой текущим соотношением сил элит в парламенте. Американцы перезапустили конституционный процесс, выдвинув совершенно новые идеи и более четкое понимание, как интерпретировать конституцию. В этом смысле борьба американской революции и английской контрреволюции шла, прежде всего, не на полях сражений, а в идейной и политической сфере.

Историки Американской революции не могут игнорировать влияния идей на развитие событий, что заметно на контрасте с ситуацией в метрополии, где общественная обстановка была отличной от американской и более стабильной. Если в английском устоявшемся обществе идеология стала некой привычкой, предлагавшей готовые объяснения, то в неустроенном обществе колоний, где вопросов задавалось больше, чем давалось ответов, идеи были по-настоящему живыми и творческими (Wood, 1966: 24). Именно это придало революционной идеологии ее яркость, сделав английский ответ на интеллектуальном уровне блеклым. При этом революционная идеология не была полным новшеством, а опиралась и на старые идеи английской оппозиционной интеллигенции. Но если та лишь мечтала об изменениях, американцы могли действовать. Если английская оппозиция в острых дебатах тщетно агитировала за частичные реформы, касавшиеся состава парламента, свободы прессы, регулярной армии и коррупции, американские лидеры начали систематически реализовывать самые широкие возможности всего спектра радикальных идей (Bailin, 1973: 26). Впрочем, преувеличивать решимость отцов-основателей не стоит: многие из них были радикалами в действии, но консерваторами в теории: Вашингтон, Франклин, Джон Адамс, даже Джефферсон не поддаются однозначной идейной классификации (Marshall, 1962: 53). В их революционном действии можно обнаружить попытку решить наскоком то, на что в метрополии не решались десятилетиями. Отсюда английская контрреволюция должна видеться как консервация политической системы и противодействие попыткам американцев изменить ее, прежде всего на уровне управления Британской империи, что автоматически бросало вызов системе власти в самой метрополии.

4. Результаты

Однако рассмотрение Американской революции как первого шага в процессе демонтажа имперских структур Нового времени и формирования национального государства требует определенной осторожности, ведь она, как первое из многих подобных событий, несколько отличалась от последовавших за ней (Greene, 2000: 93). Отличительной чертой английской колонизации была ее двойственность, так как английская имперская политика являлась в той же степени военной, что и коммерческой. Кроме этого, взаимоотношения Англии и ее колоний основывались на множестве почти семейных и локальных связей, скрепленных общей идеологией (Webb, 1977: 2), что типично для ситуации с развитием переселенческих колоний, в которых первое время сохраняются очень сильные связи с метрополией как политические, так и экономические.

В самом деле, характер первой Британской империи с ее акцентом на коммерческом росте, а не на имперской эффективности, с высокой степенью самоуправления, предоставленной колонистам еще задолго до Американской революции, создал адекватные средства для перехода от колониального статуса к государственности. В сущности, к 1760 г. самоуправление в Америке, будучи еще неполным, зашло очень далеко (Barrow, 1968: 455). Из-за недостатка ресурсов метрополии власть империи оказалась рассредоточенной между центром и периферией. Таким образом, империя была свободным объединением самоуправляющихся частей, в которой границы конституции и законности определялись не принуждением, а диалогом (Greene, 2000: 95), но диалогом трудным. Метрополия никогда не оставляла попыток обуздать колониальные легислатуры и подтвердить зависимость колоний от Англии. Всегда удаленные от центра власти, колонисты оставались зависимы от трансатлантических связей, через которые они пытались предсказывать решения в Лондоне, где не доверяли компетентности местных властей. Это способствовало тому, что вплоть до середины XVIII в. элитарный статус индивида в колониях был возможен только через службу в институтах метрополии (Weir, 1976: 684, 689). Однако после окончания Семилетней войны, когда финансово обессиленная метрополия решила на проведение более жесткой фискальной политики в колониях, американцам не оставалось ничего другого, как начать защищать себя, первоначально задавая понятные, но неприятные для англичан вопросы.

Считая себя равноправными членами британской нации, колониальные теоретики на Акт о гербовом сборе ответили требованием предоставить им те же права налогообложения и представительства, которые они считали частью правовой системы метрополии. Но, переосмыслив империю как конфедерацию суверенных государств, связанных друг с другом только их верностью короне, колонисты пошли далее и отступили от условностей английской политической мысли, но эти отступления не сделали радикализм Американской революции непонятным для жителей других частей британского мира (Gould, 1999: 484).

Понимание английской контрреволюции может быть более внятным, если изучить революционные (с точки зрения их близости к позиции колонистов) элементы в метрополии, которые оказывали заметное влияние на политическую повестку дня в королевстве. Главную роль среди них играли радикалы, которые, как и американские патриоты, считали, что свобода в империи подверглась покушению со стороны министров и короля. И хотя большинство из них из-за опасения насилия толпы стремились избежать революции как способа преобразований (Hay, 1994: 301), вопросы, которые они задавали британскому правительству, были очень созвучны запросам колонистов. Близко к радикалам примыкали «друзья Америки», чьи памфлеты в первую очередь критиковали американскую политику Великобритании. Поэтому они оправдывали усилия колонистов в защите их прав и свобод, поддерживая американский лозунг «нет налогов без представительства» (что определялось осознанием несправедливой избирательной системы в масштабах всей империи, включая метрополию). Поэтому большинство из них выступало против «нестерпимых актов» 1774 г. и желало отмены большей части антиамериканских законов, принятых с 1763 г. (Dickinson, 2010: 9). Но делалось это не столько из-за горячей поддержки дела американской независимости, сколько из-за осознания общих проблем в системе управления империи, из-за чего английская контрреволюция для американцев оборачивалась консервативным курсом метрополии.

Ключевой проблемой внутренней политики Великобритании, поднятой американцами, стал вопрос о налогообложении и избирательном праве. В XVIII в., благодаря колонистам, доктрина суверенного народа стала представлять серьезную угрозу традиционной доктрине суверенитета парламента. Лозунг «нет налогов без представительства», взятый американцами на вооружение, подводил к мысли о равенстве прав голоса всех мужчин (Dickinson, 1976: 204). Но если радикалы видели в нем вызов устаревшей избирательной системе, повинной в несправедливом представительстве народа в палате общин, то главная системная оппозиционная группа в парламенте – виги Рокингема – сочувствовала Америке потому, что видела в ней сопротивление возрождению королевской прерогативы и деспотизму министров, более опасных для нации, чем проблема представительства. В целом каждый политик интерпретировал американскую проблему в своих собственных понятиях, и эти интерпретации были далеки друг от друга (Guttridge, 1934: 13). При этом не стоит забывать, что внутренние проблемы не могли заставить большинство англичан отказаться от имперского патриотизма по мере расширения войны.

Показательно, что как только радикалы добились успеха в рамках чисто британского «Дела Уилкса» на выборах в 1774 г., обострившийся имперский кризис начал размывать их народную поддержку. После того как «нестерпимые акты» и вооруженный ответ колонистов на них поставили проблему сохранения институционального единства империи, многие сочувствовавшие колонистам и защищавшие их как союзников в сохранении конституционных идеалов жители метрополии стали испытывать к ним неприязнь (Christie, 1977: 226). Этому способствовал и тот факт, что в правительстве имелись здравомыслящие люди, не отвергавшие мирного урегулирования конфликта. Глава министерства лорд Норт согласился бы на компромисс, например по налогообложению Америки, но без изменений конституции, через парламентское решение (Gruber, 1965: 226). Но главной причиной отчуждения от колонистов стало вступление в конфликт Франции, старого традиционного противника, что изменило характер войны, превратившейся из гражданской в международную, что способствовало объединению разных сил, не считаясь с разногласиями по американскому вопросу (Fagerstrom, 1954: 271). Даже король Георг III изменил видение этого конфликта, трансформировавшегося из колониального спора в глобальную борьбу за сохранение позиций империи. Если первоначально ни один политик не был более, чем он, убежден в необходимости предотвращения распада Первой Британской империи, что стало бы серьезным бедствием (Bullion, 1994: 305), в новых обстоятельствах король понимал, что придется пожертвовать мятежными колониями, ставшими разменной монетой в большой войне – пожертвовать их зависимостью от метрополии, но не стратегической важностью позиций в Северной Америке в целом (Bullion, 1999: 78).

Таким образом, интернационализация войны в Америке сделала ранее колониальный мятеж глобальной войной за сохранение могущества Британской империи. Но это не означало устранения внутренних факторов нестабильности, т.к. проблема модернизации методов управления в метрополии не исчезла. Для снижения недовольства в стране потребовалось провести реформы, например, «экономическую реформу» Э. Берка, включавшую Билль Крю о лишении налоговых чиновников избирательных прав, Билль Клерка об исключении подрядчиков из палаты общин и Акт Берка об упразднении многочисленных должностей и синекур, а также ограничение королевских

пенсий. В 1780 г. сторонники «экономической реформы» открыто признавали, что их главной целью была не экономия бюджета, а уменьшение влияния исполнительной власти в нижней палате, что было представлено как программа очищения конституции (Christie, 1956: 144). При этом рокингемиты не продолжали дело американцев в метрополии: эти меры являлись прагматической реакцией на давление в условиях войны, не став частью систематических попыток изменить политику или структуру государства. Лишь в контексте векового промежутка их можно считать частью медленного процесса модернизации Англии (Bailin, 1973: 25). Виги Рокингема ухватилась за «экономическую реформу» не только как за метод борьбы с министерством Норта, но и как за альтернативу парламентской реформе. Рокингем сделал все возможное, чтобы не допустить ее, выдвинув идею, что «экономической реформы» будет достаточно для уменьшения влияния короны до необходимого уровня, не вмешиваясь в метод выбора членов парламента (Reitan, 1966: 330). Поэтому слабость позиции рокингемитов состояла в том, что они не могли быть искренними в атаке на влияние короны, борясь с которым они пропорционально усиливали менее пагубное с их точки зрения влияние аристократии, которую и представляли (Phillips, 1961: 258). Парадоксально, но во внутренней политике метрополии рокингемиты выступили как настоящие революционеры, совершив еще один шаг в изменении баланса власти между короной и парламентом, при этом став скрытыми контрреволюционерами в рамках Американской революции, исказив первоначальный лозунг американцев и отказавшись от решения поднятой ими проблемы неравного представительства, заменив ее во внутренней повестке на борьбу с прерогативами монарха. Впрочем, по внешним признакам реальными контрреволюционерами выступили не они.

Хотя в «Декларации независимости» главным виновником всех бедствий колонистов был объявлен Георг III, на деле настоящим антигероем войны за независимость стал государственный секретарь по делам колоний Джордж Жермен, виконт Сэквилл, с ноября 1775 г. по февраль 1782 г. выступавший главным организатором борьбы с мятежными колониями. Если Американскую революцию рассматривать как движение за независимость североамериканских колоний, тогда контрреволюция, безусловно, имела своим лицом Жермена. Он выступал в пользу Декларативного акта и против отмены гербового сбора, считая, что снисходительность порождает проблемы. Он поддержал в 1774 г. «Нестерпимые акты», настаивая, чтобы колонисты признали верховенство парламента (Gruber, 1965: 229). В американской политике Жермен был ястребом, полагая, что ничего, кроме военной силы, не сможет привести к урегулированию. Поэтому он выступал против изменений в конституционном устройстве империи, полагая, что американцам необходимо помешать «украсть конституцию, на которую они не имеют права» (Guttridge, 1927: 24). Впрочем, Жермен не озаботился каким-либо оформлением своих контрреволюционных взглядов – для него борьба с революцией означала прямой силовой ответ.

Однако в самом начале войны в Северной Америке Жермен недооценил серьезность восстания и был уверен в быстрой и легкой победе, даже после того как оно затянулось на два года. При этом его самоуверенность в начале войны разделяло значительное число его подчиненных, веривших в военную победу (Kyte, 1948: 102). По своим качествам Жермен мало соответствовал занимаемому посту. Импульсивный и самоуверенный, но любящий порядок и пунктуальность, он неохотно признавал критику в свой адрес и альтернативные мнения на проблемы его ведомства. Упрямый до крайности, он был подвержен приступам гнева, явно вредившим министерству Норта. При этом у Жермена имелся и личный интерес к американскому восстанию: в войне он увидел шанс искупить свою военную репутацию, которая была разрушена в 1760 г., когда он был осужден за трусость и признан «непригодным служить Его Величеству в любом военном качестве» в ходе так называемого Минденского дела (Guttridge, 1927: 26). Таким образом, его контрреволюция являлась слишком прямолинейной: он просто стремился блокировать силой все мероприятия американцев, не уделяя внимания идейной составляющей. Но это и не удивительно – дать достойное идеологическое обоснование британской позиции, обойдя при этом острые углы внутренней политики, мог только по-настоящему выдающийся политик.

В этом плане более опасным для колонистов контрреволюционером можно считать самого лояльного к ним политика Уильяма Питта-старшего. Хотя он поддержал отмену Акта о гербовом сборе на том основании, что парламента не мог обложить колонии налогом без их согласия, фактически поддержав как конституционный лозунг «никаких налогов без представительства», на деле в вопросах безопасности Питт считал метрополию главой всей Британской империи, надеясь, что колонисты добровольно пойдут на увеличение своих налогов ради нужд обороны империи, как это было в Семилетней войне. Но то, что было разумно в 1750-х гг., спустя два десятилетия отдавало открытой реакцией, т.к. подразумевало сохранение колоний в составе империи и противоречило всему ходу развития событий (Dickinson, 2010: 4). Ведь мысль о том, что империя развалится из-за отделения Америки, была ему совершенно противна (Christie, 1979: 247). Кто знает, если бы не слабое здоровье и скорая смерть, Питт мог бы стать для колонистов самым опасным британским политиком, так как, защищая имперские интересы, он в целом понимал запросы американцев и вполне мог предложить эффективный компромисс.

5. Заключение

Показательно, что борьба с контрреволюцией в американском обществе не прекратилась и после окончания войны за независимость, когда, казалось бы, все задачи по преодолению колониального гнета были успешно решены, что свидетельствует о том, что английская контрреволюция была представлена не только королевской администрацией, но и системой управления. В новых реалиях середины 1780-х гг. поддержание революционных принципов стало частью идеологии антифедералистов, считавших целью революции сохранение местного самоуправления и его прав от посягательств центральной тираничной власти. Отстаивая полномочия штатов и свободы народа, антифедералисты противостояли федералистам примерно так же, как ранее в войне боролись с принципами управления метрополией колониями: в обоих случаях американцы сопротивлялись новшествам, отстаивая старую властную модель (Black, 1973: 170, 172). В конечном итоге, хотя в этом споре победили федералисты, а старые колониальные элиты сохранили власть и к концу XVIII в., изменилось многое: власть имущие оказались в большей зависимости от общества, а ставшая главенствующей федералистская концепция управления в 1790-х гг. сильно отличалась от аристократической модели современной ей Англии. В сравнении с колониальным периодом общественные ценности резко изменились. Народ стал считаться главным источником легитимности (Bonwick, 1986: 372-373). То, что американцы считали наследием английской контрреволюции, к концу восемнадцатого столетия было окончательно побеждено в США, в то время как британцы сохранили старую дореволюционную модель управления страной фактически нетронутой и лишь слегка модернизированной.

Подводя итоги статьи, можно выделить следующее. Несмотря на важность социально-экономической интерпретации Американской революции, в целом она оказывается бесполезной для поиска истоков английской контрреволюции из-за отсутствия общих социальных проблем и запросов колонистов и жителей метрополии. Даже если в последней существовал «старый режим», колонисты боролись не за его уничтожение, а за сохранение собственной модели развития общества, хотя и не лишенной внутренних социальных противоречий. Истоки контрреволюционного ответа метрополии следует искать в том вызове системе взаимоотношений между Великобританией и колониями, который бросили колонисты. Будучи частью одного с британцами политико-конституционного механизма, они выдвинули новые идеи понимания конституции, параллельно поднимая болезненные в метрополии вопросы налогообложения и избирательной системы в лозунге «нет налогов без представительства», оказавшемся слишком острым, чтобы его игнорировать. Отсюда английская контрреволюция видится как попытка консервации старой конституционной и политической системы, оказавшейся под ударом не только со стороны американцев, но и внутренних сил радикальной направленности. Однако последние оказались слишком слабы, а позже и деморализованы превращением внутреннего конфликта в глобальную войну с традиционными внешними врагами – Францией и Испанией. Ответ британской аристократической оппозиции, не готовой к пересмотру выгодной ей избирательной системы, был сведен к так называемой «экономической реформе», перераспределившей влияние между институтами монархии и парламента, что было революционно для метрополии, но не в рамках Американской революции. Неготовность английской элиты менять систему управления сказалось и на лидерах английской контрреволюции: главный британский ястреб Жермен не мог предложить никакой альтернативы, кроме прямого силового ответа и борьбы за сохранение старых алгоритмов управления империи и метрополии. Таким образом, истоки английской революции можно найти лишь в рамках колониальной интерпретации Американской революции.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00383.

Литература

- Согрин, 1983 – Согрин В.В. Буржуазные революции в США: общее и особенное // *Вопросы истории*. 1983. № 3. С. 32-46.
- Согрин, 2005 – Согрин В.В. Война США за независимость как социально-политическая революция // *Новая и новейшая история*. 2005. № 3. С. 84-98.
- Фонер, 1978 – Фонер Ф.С. Рабочие и Американская революция XVIII века // *Вопросы истории*. 1978. № 1. С. 73-91.
- Фурсенко, 1977 – Фурсенко А.А. «Свобода» и «Права человека» в американской революции XVIII века // *Вопросы истории*. 1977. № 5. С. 89-103.
- Barrow, 1968 – Barrow T.C. The American Revolution as a Colonial War for Independence // *The William and Mary Quarterly*. 1968. Vol. 25. № 3. Pp. 452-464.
- Bailin, 1973 – Bailin B. The Central Themes of the American Revolution. An Interpretation // *Essays on the American Revolution*. / Ed. by Stephen G. Kurtz and James H. Hutson. Williamsburg: University of North Carolina Press – Institute of Early American History and Culture, 1973. Pp. 3-31.

- Black, 1973** – Black F.R. The American Revolution as “Yardstick” in the Debates on the Constitution, 1787-1788 // *Proceedings of the American Philosophical Society*. 1973. Vol. 117. № 3. Pp. 162-185.
- Bonwick, 1986** – Bonwick C. The American Revolution as a Social Movement Revisited // *Journal of American Studies*. 1986. Vol. 20. № 3. American Politics and Political Culture. Pp. 355-373.
- Bullion, 1994** – Bullion J.L. George III on Empire, 1783 // *The William and Mary Quarterly. Third Series*. 1994. Vol. 51. № 2. Pp. 305-310.
- Bullion, 1999** – Bullion J.L. The “Ancien Regime” and the Modernizing State: George III and the American Revolution // *Anglican and Episcopal History*. 1999. Vol. 68. № 1. Pp. 67-84.
- Christie, 1977** – Christie I.R. British Politics and the American Revolution // *Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies*. 1977. Vol. 9. № 3. Pp. 205-226.
- Christie, 1956** – Christie I.R. Economical Reform and 'The Influence of the Crown', 1780 // *The Cambridge Historical Journal*. 1956. Vol. 12. № 2. Pp. 144-154.
- Christie, 1979** – Christie I.R. The Earl of Chatham and American Taxation, 1774-1775 // *The Eighteenth Century*. 1979. Vol. 20. № 3. Pp. 246-259.
- Cohen, 1978** – Cohen L.H. The American Revolution and Natural Law Theory // *Journal of the History of Ideas*. 1978. Vol. 39. № 3. Pp. 491-502.
- Dickinson, 1976** – Dickinson H.T. The Eighteenth-Century Debate on the Sovereignty of Parliament // *Transactions of the Royal Historical Society. Fifth Series*. 1976. Vol. 26. Pp. 189-210.
- Dickinson, 2010** – Dickinson H.T. The Failure of Conciliation: Britain and the American Colonies 1763-1783 // *The Kyoto Economic Review*. 2010. Vol. 79. № 2 (167). Pp. 2-20.
- Fagerstrom, 1954** – Fagerstrom D.I. Scottish Opinion and the American Revolution // *The William and Mary Quarterly*. 1954. Vol. 11. № 2. Scotland and America. Pp. 252-275.
- Gough, 1981** – Gough R. Can a Rich Man Favor Revolution? The Case of Philadelphia in 1776 // *Pennsylvania History: A Journal of Mid-Atlantic Studies*. 1981. Vol. 48. № 3. Pp. 235-250.
- Gould, 1999** – Gould E.H. A Virtual Nation: Greater Britain and the Imperial Legacy of the American Revolution // *The American Historical Review*. 1999. Vol. 104. № 2. Pp. 476-489.
- Greene, 2000** – Greene J.P. The American Revolution // *The American Historical Review*. 2000. Vol. 105. № 1. Pp. 93-102.
- Gruber, 1965** – Gruber I.D. Lord Howe and Lord George Germain, British Politics and the Winning of American Independence // *The William and Mary Quarterly*. 1965. Vol. 22. № 2. Pp. 225-243.
- Guttridge, 1927** – Guttridge G.H. Lord George Germain in Office, 1775-1782 // *The American Historical Review*. 1927. Vol. 33. № 1. Pp. 23-43.
- Guttridge, 1934** – Guttridge G.H. The Whig Opposition in England during the American Revolution // *The Journal of Modern History*. 1934. Vol. 6. № 1. Pp. 1-13.
- Hay, 1994** – Hay C.H. Catharine Macaulay and the American Revolution // *The Historian*. 1994. Vol. 56. № 2. Pp. 301-316.
- Kyte, 1948** – Kyte G.W. Plans for Reconquest of the Rebellious Colonies in America // *The Historian*. 1948. Vol. 10. № 2. Pp. 101-117.
- Marshall, 1962** – Marshall P. Radicals, Conservatives and the American Revolution // *Past & Present*. 1962. № 23. Pp. 44-56.
- Morris, 1962** – Morris R.B. Class Struggle and the American Revolution // *William and Mary Quarterly*. 1962. Vol. 19. № 1. Pp. 3-29.
- Nisbet, 1977** – Nisbet R. Hannah Arendt and the American Revolution // *Social Research*. 1977. Vol. 44. № 1. Hannah Arendt. P. 63-79.
- Palmer, 1968** – Palmer R.R. The American Revolution in a Comparative Light // *Jahrbuch fur Amerikastudien*. 1968. Bd. 13. Pp. 34-42.
- Phillips, 1961** – Phillips N.C. Edmund Burke and the County Movement, 1779-1780 // *The English Historical Review*. 1961. Vol. 76. № 299. Pp. 254-278.
- Reitan, 1966** – Reitan E.A. The Civil List in Eighteenth-Century British Politics: Parliamentary Supremacy versus the Independence of the Crown // *The Historical Journal*. 1966. Vol. 9. № 3. Pp. 318-337.
- Smith, 1994** – Smith B.C. Food Rioters and the American Revolution // *The William and Mary Quarterly*. 1994. Vol. 51. № 1. Pp. 3-38.
- Wahrman, 2001** – Wahrman D. The English Problem of Identity in the American Revolution // *The American Historical Review*. 2001. Vol. 106. № 4. Pp. 1236-1262.
- Webb, 1977** – Webb S.S. Army and Empire: English Garrison Government in Britain and America, 1569 to 1763 // *The William and Mary Quarterly. Third Series*. 1977. Vol. 34. № 1. Pp. 1-31.
- Weir, 1976** – Weir R.M. Who Shall Rule at Home: The American Revolution as a Crisis of Legitimacy for the Colonial Elite // *The Journal of Interdisciplinary History*. 1976. Vol. 6. № 4. Interdisciplinary Studies of the American Revolution. Pp. 679-700.
- Wood, 1966** – Wood G.S. Rhetoric and Reality in the American Revolution // *The William and Mary Quarterly*. 1966. Vol. 23. № 1. Pp. 3-32.

References

- Barrow, 1968** – Barrow T.C. (1968). The American Revolution as a Colonial War for Independence. *The William and Mary Quarterly*. Vol. 25. № 3. Pp. 452-464.
- Bailin, 1973** – Bailin B. (1973). The Central Themes of the American Revolution. An Interpretation. Essays on the American Revolution. Ed. by Stephen G. Kurtz and James H. Hutson. Williamsburg: University of North Carolina Press – Institute of Early American History and Culture. Pp. 3-31.
- Black, 1973** – Black F.R. (1973). The American Revolution as “Yardstick” in the Debates on the Constitution, 1787-1788. *Proceedings of the American Philosophical Society*. Vol. 117. № 3. Pp. 162-185.
- Bonwick, 1986** – Bonwick C. (1986). The American Revolution as a Social Movement Revisited. *Journal of American Studies*. Vol. 20. № 3. American Politics and Political Culture. Pp. 355-373.
- Bullion, 1994** – Bullion J.L. (1994). George III on Empire, 1783. *The William and Mary Quarterly*. Third Series. Vol. 51. № 2. Pp. 305-310.
- Bullion, 1999** – Bullion J.L. (1999). The “Ancien Regime” and the Modernizing State: George III and the American Revolution. *Anglican and Episcopal History*. Vol. 68. № 1. Pp. 67-84.
- Christie, 1977** – Christie I.R. (1977). British Politics and the American Revolution. *Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies*. Vol. 9. № 3. Pp. 205-226.
- Christie, 1956** – Christie I.R. (1956). Economical Reform and 'The Influence of the Crown', 1780. *The Cambridge Historical Journal*. Vol. 12. № 2. Pp. 144-154.
- Christie, 1979** – Christie I.R. (1979). The Earl of Chatham and American Taxation, 1774-1775. *The Eighteenth Century*. Vol. 20. № 3. Pp. 246-259.
- Cohen, 1978** – Cohen L.H. (1978). The American Revolution and Natural Law Theory. *Journal of the History of Ideas*. Vol. 39. № 3. Pp. 491-502.
- Dickinson, 1976** – Dickinson H.T. (1976). The Eighteenth-Century Debate on the Sovereignty of Parliament. *Transactions of the Royal Historical Society. Fifth Series*. Vol. 26. Pp. 189-210.
- Dickinson, 2010** – Dickinson H.T. (2010). The Failure of Conciliation: Britain and the American Colonies 1763-1783. *The Kyoto Economic Review*. Vol. 79. № 2 (167). Pp. 2-20.
- Fagerstrom, 1954** – Fagerstrom D.I. (1954). Scottish Opinion and the American Revolution. *The William and Mary Quarterly*. Vol. 11. № 2. Scotland and America. Pp. 252-275.
- Foner, 1978** – Foner F.S. (1978). Rabochie i Amerikanskaja revoljucija XVIII veka [Workers and the American revolution of the Eighteenth century]. *Voprosy istorii*. № 1. Pp. 73-91. [in Russian]
- Fursenko, 1977** – Fursenko A.A. (1977). «Svoboda» i «Prava cheloveka» v amerikanskoj revoljucii XVIII veka [“Freedom” and “Human Rights” in the American revolution of the XVIII century] *Voprosy istorii*. № 5, pp. 89-103. [in Russian]
- Gough, 1981** – Gough R. (1981). Can a Rich Man Favor Revolution? The Case of Philadelphia in 1776. *Pennsylvania History: A Journal of Mid-Atlantic Studies*. Vol. 48. № 3. Pp. 235-250.
- Gould, 1999** – Gould E.H. (1999). A Virtual Nation: Greater Britain and the Imperial Legacy of the American Revolution. *The American Historical Review*. Vol. 104. № 2. Pp. 476-489.
- Greene, 2000** – Greene J.P. (2000). The American Revolution. *The American Historical Review*. Vol. 105. № 1. Pp. 93-102.
- Gruber, 1965** – Gruber I.D. (1965). Lord Howe and Lord George Germain, British Politics and the Winning of American Independence. *The William and Mary Quarterly*. Vol. 22. № 2. Pp. 225-243.
- Guttridge, 1927** – Guttridge G.H. (1927). Lord George Germain in Office, 1775-1782. *The American Historical Review*. Vol. 33. № 1. Pp. 23-43.
- Guttridge, 1934** – Guttridge G.H. (1934). The Whig Opposition in England during the American Revolution. *The Journal of Modern History*. Vol. 6. № 1. Pp. 1-13.
- Hay, 1994** – Hay C.H. (1994). Catharine Macaulay and the American Revolution. *The Historian*. Vol. 56. № 2. Pp. 301-316.
- Kyte, 1948** – Kyte G.W. (1948). Plans for Reconquest of the Rebellious Colonies in America. *The Historian*. Vol. 10. № 2. Pp. 101-117.
- Marshall, 1962** – Marshall P. (1962). Radicals, Conservatives and the American Revolution. *Past & Present*. № 23. Pp. 44-56.
- Morris, 1962** – Morris R.B. (1962). Class Struggle and the American Revolution. *William and Mary Quarterly*. Vol. 19. № 1. Pp. 3-29.
- Nisbet, 1977** – Nisbet R. (1977). Hannah Arendt and the American Revolution. *Social Research*. Vol. 44. № 1. Hannah Arendt. Pp. 63-79.
- Palmer, 1968** – Palmer R.R. (1968). The American Revolution in a Comparative Light. *Jahrbuch fur Amerikastudien*. Bd. 13. Pp. 34-42.
- Phillips, 1961** – Phillips N.C. (1961). Edmund Burke and the County Movement, 1779-1780. *The English Historical Review*. Vol. 76. № 299. Pp. 254-278.
- Reitan, 1966** – Reitan E.A. (1966). The Civil List in Eighteenth-Century British Politics: Parliamentary Supremacy versus the Independence of the Crown. *The Historical Journal*. Vol. 9. № 3. Pp. 318-337.
- Smith, 1994** – Smith B.C. (1994). Food Rioters and the American Revolution. *The William and Mary Quarterly*. Vol. 51. № 1. Pp. 3-38.

- [Sogrin, 1983](#) – *Sogrin V.V.* (1983). *Burzhuaznye revoljucii v SShA: obshhee i osobennoe* [Bourgeois revolutions in the USA: General and Special]. *Voprosy istorii*. № 3. Pp. 32-46. [in Russian]
- [Sogrin, 2005](#) – *Sogrin V.V.* (2005). *Vojna SShA za nezavisimost' kak social'no-politicheskaja revoljucija* [The US War of independence as a socio-political revolution]. *Novaja i novejschaja istorija*. № 3. Pp. 84-98. [in Russian]
- [Wahrman, 2001](#) – *Wahrman D.* (2001). The English Problem of Identity in the American Revolution. *The American Historical Review*. Vol. 106. № 4. Pp. 1236-1262.
- [Webb, 1977](#) – *Webb S.S.* (1977). Army and Empire: English Garrison Government in Britain and America, 1569 to 1763. *The William and Mary Quarterly, Third Series*. Vol. 34. № 1. Pp. 1-31.
- [Weir, 1976](#) – *Weir R.M.* (1976). Who Shall Rule at Home: The American Revolution as a Crisis of Legitimacy for the Colonial Elite. *The Journal of Interdisciplinary History*. Vol. 6. № 4. Interdisciplinary Studies of the American Revolution. Pp. 679-700.
- [Wood, 1966](#) – *Wood G.S.* (1966). Rhetoric and Reality in the American Revolution. *The William and Mary Quarterly*. Vol. 23. № 1. Pp. 3-32.

Истоки английской контрреволюции в контексте сравнительного анализа главных интерпретаций Американской революции XVIII века

Леонид Владимирович Сидоренко ^{a, *}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Цель данной статьи заключается в анализе истоков контрреволюции со стороны метрополии в ходе Американской революции XVIII в. через сравнение двух магистральных историографических интерпретаций этого события – как социально-экономического феномена и как колониального мятежа. При этом под контрреволюцией понимается совокупность решений метрополии и их идейных оснований, направленных против действий и идеологии колонистов. Задачи исследования включают обзор положений двух главных интерпретаций Американской революции; описание оснований для английского ответа на активность колонистов; разбор проблем в метрополии, предопределивших расстановку в ней контрреволюционных сил; раскрытие могущих считаться контрреволюционерами фигур английской политики. Новизна данной статьи заключается в рассмотрении Американской революции XVIII века через контрреволюционный ответ и внутреннюю обстановку в метрополии, что позволяет дистанцироваться от американоцентристского взгляда на события войны за независимость США. В статье делается вывод, что, несмотря на важность социально-экономической интерпретации Американской революции, она оказывается бесполезной для поиска истоков английской контрреволюции. Только взгляд на события рубежа 1770–1780-х гг. как на антиколониальное выступление позволяет найти и проанализировать истоки контрреволюции в метрополии, которые следует искать в вызове системе взаимоотношений между Великобританией и колониями со стороны колонистов, выдвинувших новые идеи понимания конституции и поднявших болезненные в метрополии вопросы налогообложения и представительства. Отсюда английская контрреволюция видится как попытка консервации старой конституционной и политической системы, оказавшейся под ударом не только со стороны американцев, но и внутренних сил радикальной направленности, которые, однако, не смогли как американцы добиться успеха, что привело к консервации дореволюционных принципов представительства и системы управления, лишь незначительно измененных умеренными реформами аристократической оппозиции.

Ключевые слова: Американская революция, контрреволюция, колонии, метрополия, виги Рокингема, система управления, представительство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: l.sidorenko@spbu.ru (Л.В. Сидоренко)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1055-1064. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1055
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Evolution of the Orthodox Parish on the Territory of Yenisei Siberia in the late XVIII – first half of the XIX century

Nadezhda L. Khait^a, Anna P. Dvoretzkaya^{a, *}, Denis N. Gergilev^a, Olga V. Konovalova^{a, b}

^a Siberian Federal University, Institute for the Humanities, Russian Federation

^b Siberian law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, Russian Federation

Abstract

The article discusses the functioning of the Orthodox parishes of Yenisei Siberia, shows the dependence of this process on the frontier location of the region and the cathedral beginning of life of the local community. Attention is drawn that at the considered time the vertical line “parish – diocese” is being built. It should be noted that due to the significant mobility of the parishes, their network was formed and constantly expanded, the number of parishioners increased.

Parish management was bureaucratic, which affected the relationship between the episcopate and parishioners. The remoteness of the region from all the diocesan departments of Siberia, a rare visit to parishes by bishops, and the maintenance of clergy by communities led to significant parish autonomy. The parishioners quite actively defended their power in the parish in the field of managing church property, land, the church building, the choice of the church elder and the builder of the church.

Most of the northern and southern parishes of Yenisei Siberia had an indigenous population. However, while in the north, there were few cases of Christianization, in the south there was a process of religious interaction between Russian and autochthonous peoples.

Keywords: Russian Orthodox Church, Orthodox parish, believers, clergy, Siberian dioceses at the end of the XVIII – the first half of the XIX century.

1. Введение

В течение XVIII в. статус православного прихода, в том числе сибирского, изменился, что было связано с жесткой регламентацией его жизни государством. Синодальная реформа Петра I и церковные реформы Екатерины II привели к тому, что приход становится низшим звеном в административно-церковном управлении, а сам процесс институализации официального православия приводит к выстраиванию вертикали «центр–периферия» подобно светскому управлению. Идея церковной «общины», сплоченной вокруг своего пастыря и приходского храма, перестает поддерживаться государством. Приход потерял экстрарелигиозные функции, нарастала борьба между епископатом и прихожанами за власть в приходе (Freeze, 1976; Фриз, 2019: 20, 26).

Государство пыталось регламентировать деятельность приходов. Были введены церковные «штаты» – количество клира и его содержание, церковные же учреждения приобретали чисто исполнительский характер. Церкви перевели на самообеспечение (Асочакова, 2018: 9-11).

Все эти изменения коснулись и жизни и устройства сибирского прихода, имея, однако, ряд характерных особенностей, связанных с мобильностью населения Приенисейской Сибири, особенностями распространения православия среди автохтонного населения. Позднее, только к 60-м гг. XIX в., формирование структуры управления приходами на рассматриваемой территории,

* Corresponding author

E-mail addresses: advoreckaya@mail.ru (A.P. Dvoretzkaya)

их отдаленность от центра привели к тому, что многие церковные решения принимались по-прежнему соборно.

Изучение данных процессов позволит более полно представить эволюцию сибирского прихода как конфессионального сообщества верующих в конце XVIII – первой половине XIX вв. и внесет важный вклад в изучение характера изменений, протекающих в управлении ими, на локальном уровне.

2. Материалы и методы

В данной работе основным историческим материалом для исследования стали документы Российского государственного исторического архива (ФКУ РГИА), региональных государственных архивов: делопроизводственные документы Синода и духовных правлений, материалы о функционировании приходов и строительстве церквей, клировые ведомости отдельных приходов, а также летопись А.И. Кытманова.

Цель проведенной работы – проследить тенденции формирования и развития православных приходов как институционального компонента в системе государственно-церковного управления и их роль в общественной жизни Приенисейского края.

В своем анализе авторы следуют принципам историзма, научной объективности. В статье на основе теории социальных систем определяются особенности развития религиозных институтов в локальном социуме. Теория фронта позволяет рассмотреть социальные перемещения людей на горизонтальном и вертикальном уровнях и их адаптацию к новому месту, в результате чего формировались новые православные общины, возникали взаимосвязи с окружающей средой и народами, населяющими данную территорию. Сочетание макро- и микроанализа, историко-сравнительный метод позволяют вычлнить типические черты северных и южных фронтирных территорий.

3. Обсуждение

Работы дореволюционных сибирских историков указывают на сложность управления обширной и отдаленной территорией Приенисейского края (Мюсарев, 1897; Касьянов, 1884: 4-7). В исследованиях А.В. Дулова и А.П. Санникова, О.Н. Устьянцевой, О.П. Цысь сделаны выводы о превалировании личностного начала в управлении приходами и церковными округами (Дулов, Санников, 2006; Санников, 2016; Устьянцева, 2007: 3-26; Цысь, 2017). Правовые основы прозелетизма православной церкви на восточных окраинах России изложены в работах В.Ю. Софронова и Н.Л. Хаит (Софронов, 2007; Хаит, 2017).

В.Н. Асочакова рассматривает христианизацию юга Приенисейской Сибири сквозь призму взаимодействия двух культур – русской и автохтонной – и формирование к середине XIX в. смешанной русско-хакасской христианской общины (Асочакова, 2018). При изучении северного религиозного фронта в основном затрагивается миссионерская деятельность в регионе (Выдрин, 2015). В работе А.П. Дворецкой и Н.В. Гониной подчеркивается значение енисейских храмов для формирования приходов на севере региона (Dvoretckaya et al., 2017).

Однако специальных исследований, в которых раскрываются методы и механизмы епархиального управления приенисейскими приходами, особенности взаимодействия церковного центра и периферии, пока не проведено.

4. Результаты

Православные храмы и монастыри на канонической территории Енисейской епархии начали основываться еще в первой четверти XVII в. одновременно с освоением Сибири. Динамика образования приходов совпадала с увеличением в первую очередь русского, а не ясачного населения. Появление православных приходов в Приенисейском крае, так же, как и повсеместно в Сибири, было напрямую связано с расселением верующих по территории региона, проникновением православной культуры (Словцов, 1886: 36). В Приенисейской Сибири XVIII в. вместе с возникновением новых русских поселений происходило учреждение прихода, а затем выстраивалось управление им. Приверженность христианству поддерживалась в стенах прихода. Именно здесь происходили передача основ вероучения, форм народного благочестия и укрепление верующего в православии.

Приход в Приенисейской Сибири, как и повсеместно в Российской империи, был низшей административно-церковной единицей, которая связывалась в цепь «приход – духовное правление – епархия». Приход рассматривался как церковный округ населения, имеющий свой храм с причтом. В зависимости от количества прихожан причт может состоять из священника, дьякона и псаломщика, а в меньших приходах – из священника и псаломщика (Иванов, 1914: 51).

К концу XVIII в. приенисейские приходы входили в состав обширной Тобольской епархии. В Приенисейском крае в это время существовало 62 прихода, из них в Енисейском уезде 18 сельских и 5 городских церквей; соответственно: в Красноярском – 15 и 2 церкви; в Канском уезде – 8 приходов и 1 церковь; в Ачинском уезде – 8 приходов и 1 церковь; в Минусинском уезде – 6 приходов и 1 церковь; 1 приход в Туруханском крае (Краткое описание приходов..., 1995).

Преимущественная часть православных приходов в Сибири формировалась по северорусскому образцу. Социальный состав прихожан был разнородным. В приходах, центром которых был завод, население отличалось особенной пестротой: в таких приходах жили служащие заводских контор, работники и крестьяне окрестных деревень. Приходские общины с центром в крепостях первоначально были более однородными и состояли из служилых, но в дальнейшем стали включать и земледельцев. В отдельных приходах Приенисейского края среди прихожан были и новокрещенные ясачные. Перемещения жителей отдельных селений из одного прихода в другой происходили постоянно и были обусловлены разными причинами. Переход был возможен с разрешения архиерея, для церковной администрации наиболее важным было сохранение количества дворов в старом и новом приходах (Асочакова, 2009: 24).

Важной особенностью в управлении церковью в Приенисейском крае стала удаленность приходов от центра епархиального управления в Тобольске. Это обстоятельство обусловило участие местной светской власти в решении вопросов церковной жизни, что сопровождалось конфликтами, злоупотреблениями, задержкой с выплатой руги. Административный принцип, основанный на фискальных и полицейско-административных целях, был положен в основу не только светского районирования Сибири, но и церковного управления.

Границы приходов и территориально-административных единиц в Сибири в XVIII – первой четверти XIX в. чаще всего не совпадали. В церковных приходах могли состоять жители селений, принадлежащих разным волостям, округам, губерниям и даже епархиям. Дробить приходы не разрешалось, потому что после отмены со второй четверти XVIII в. казенной руги на прихожанах лежала обязанность содержать свой клир, а в случае раздробления прихода это стало бы затруднительным.

Однако к 1830-м гг. складывается окончательно ведомственная (линейная) структура управления. Границы приходов, благочиний, епархий перекраивались под светское административно-территориальное деление (Касьянов 1884: 4-7).

Отдаление церковных административно-территориальных единиц от населенных пунктов Приенисейской Сибири не способствовало успешной церковной деятельности на местах, подрывало материальную и организационную основу приходов. Для облегчения взаимодействия епархии и прихода была введена промежуточная административно-управленческая единица: духовное правление. Архиереи самостоятельно принимали решения о границах духовных правлений, их количестве и расположении административных центров. Межевания проводились постоянно. К концу XVIII в. на территории Приенисейской Сибири действовали Енисейское, Красноярское и Туруханское духовные правления (заказы), подчинявшиеся Тобольской духовной консистории.

Деятельность и обязанности глав духовных правлений регламентировались разного рода инструкциями. Круг обязанностей заказчиков был достаточно обширен: они следили за состоянием и чистотой церквей, наблюдали за изготовлением и реализацией церковных свечей, а также были обязаны не допускать распространения «раскольничьих» учений, заниматься рассмотрением жалоб и прошений прихожан, контролировать поведение духовенства.

Одной из важнейших функций, осуществляемых заказчиками, являлась реализация денежных сборов в казну епископа, который включал окладные суммы, а также средства за копирование официальных указов и манифестов. Данный сбор пополнял доходы архиерейского приказа и консистории. Сбор и учет средств были делом ответственным, пунктуальность, честность – качества, которые ценились в заказчике и позволяли судить о его административно-управленческих способностях. Во всех делах заказчикам оказывали помощь приходские священники. Эта помощь была особенно важна при осуществлении разъездов по территории духовного правления. Для того чтобы объехать и проверить все церкви округа, требовалось не менее полугода, поэтому при каждой приходской церкви предписывалось содержать транспортные средства – подводы и сани, а также лошадей для путешествия от церкви до церкви (РГИА. Ф. 796. Оп. 49. Д. 208. Л. 11 об.).

Приходов было мало, и располагались они далеко друг от друга, поэтому были достаточны самостоятельны. Самый дальний на юге – шушенский Петропавловский приход – располагался в 546 верстах от губернского города, от уездного Минусинска – в 55 верстах (Краткое описание приходов..., 1995: 196-197). На севере город Енисейск и его приходы находились в 333 верстах от Красноярска. Село Ворогово и местная церковь – в 748 верстах от Красноярска и в 415 – от Енисейска. Хатанга – в 2949 верстах от Красноярска, в 2620 – от Енисейска и в 1535 верстах от Туруханска (Краткое описание приходов..., 1995: 198, 209, 235).

Визиты владык в столь удаленные приходы были нечасты. Шушенский приход впервые посетил епископ Иркутский, Нерчинский и Якутский Преосвященный Михаил в 1824 г., в 1835 г. в приходе побывал Преосвященный Агапит, епископ Томский и Енисейский. Трижды, в 1842, 1844 и 1853 г., посещал приход Томский епископ Афанасий. В 1856 г. приход осмотрел епископ Томский Парфений, однако он приезжал в приход без свиты, поэтому богослужений не проводил (ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 516. Л. 34).

В начале XIX в. церковное административное управление приходами Приенисейского края претерпело изменение. Указом Св. Синода от 24 февраля 1824 г. «для единообразного соединения в

порядке с гражданским управлением и по причине отдаленности Енисейского духовенства от Тобольска» к Иркутской епархии отчислены приходы на территории Енисейской губернии (ЕЕВ. 1885. № 2: 29-30).

Исходя из Таблицы 1, на 1823 г. в трех уездах вновь созданной Енисейской губернии (без южных волостей) было 58 церквей, наибольшее число – в Красноярском уезде, наименьшее – в Туруханском. В них – 123 777 прихожанина. В среднем на 1 церковь приходилось более 1 тыс. прихожан, что значительно превышало рекомендованную численность жителей в приходе. Наиболее обеспеченным церквями был Енисейский уезд, наименее – Красноярский.

Таблица 1. Количество церквей в населенных пунктах вновь выделенной Енисейской губернии (без южных волостей)

Регион	количество церквей в городе/уезде	количество дворов	жителей, м/ж
Красноярск и уезд	4/13	9742	40191/43138
Енисейск и уезд	8/28	4830	16453/18669
Туруханск и уезд	1/ 4	531	2569/2454
Итого	13/45	15103	59513/64264

Составлено по: РГИА. Ф. 796. Оп. 105. Д. 678. Л. 46 об.

В 1834 г. приходы были переданы вновь учрежденной Томской епархии (выделена из состава Тобольской епархии). В Енисейской губернии в это время насчитывалось 101 церковь (Мюсарев, 1887: 2). Значительное увеличение количества церквей и приходов при них произошло в 1850-е гг. после выхода в свет распоряжения Синода об устройстве сибирских епархий. К 1856 г. в Енисейской губернии уже существовало 143 храма (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2798. Л. 14).

Важную роль в деятельности прихода играла доступность храма для верующих. Мелкие поселения (до 25 дворов), а также значительная часть средних (до 100 дворов) не имели приходских храмов. Лишь население в крупных селах могло их содержать. Так, количество дворов в близлежащих от Красноярска приходах колебалось от 152 дворов в Ладейском до 273 в Арейском. Одним из самых небольших был Езагашский заводской приход: он составлял всего 60 дворов (ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 104. Л. 1-5). Даже к концу рассматриваемого периода доля крупных сел колебалась от 12,6 % от общего числа сельских поселений в Енисейском уезде до 22,3% – в Ачинском уезде (Оглезнева, 2005: 129).

Как видно из Таблицы 2 размер прихода постоянно возрастал, несмотря на то, что из него постепенно с середины XIX в. начинают выделяться новые административно-церковные единицы.

Таблица 2. Численность дворов и населения Петропавловского прихода села Шушенского в первой половине XIX в.

Год	Число дворов	Мужчин	Женщин
1810	224	858	948
1837	318	1994	1693
1852	602	2737	2470

Составлено по: ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 398. Л. 20б.-3; Ф. 674. Оп. 1. Д. 104. Л. 190б.-20. Д. 260. Л. 150б.-16.

Важной проблемой для прихода оставалось строительство храма, который удовлетворял духовные потребности людей, был центром религиозной и культурной жизни прихожан. Церкви строились в основном на добровольных началах. Но они воспринимались не столько как места отправления религиозного культа, сколько как объекты собственности, коллективное наследство, которое достанется потомкам. Все богатство и роскошь храма были общим достоянием, в которое каждый вносил свою лепту.

Из переписки прихожан с духовными правлениями о строительстве церквей в Приенисейском крае следует, что главными основаниями прошения о строительстве церкви являлись: удаленность от уже имеющейся церкви; неудовлетворительное состояние путей сообщения, не позволявшее прихожанам в распутицу посещать храм; пожар или обветшание старой церкви; строительство культовых сооружений в тех пунктах, где ясачное население обращалось в православие. Обычно с подобными просьбами прихожане вместе с церковным старостой и причтом обращались в заказное правление, но разрешение на строительство правомочен был дать только епархиальный архиерей. В 1723 г. Синод разрешил «строить церкви только в деревнях, находящихся в дальнем разстоянии от существующих церквей... и имеющих от 60 до 80 дворов», что было подтверждено указом 25 ноября

1757 г. Теперь архиерей мог разрешить строить церковь при условии, что от селений до старой церкви расстояние было больше 20 верст (ПСЗРИ, 1754–1757: 824–825).

Рост числа населенных пунктов в Приенисейском крае привел к тому, что многие из них находились далеко от уже существующей приходской церкви, что обусловило появление множества прошений о постройке церквей «за дальностию». В 1788 г. жители д. Курбатовой и других десяти деревень Красноярской округи просили «дозволения о построении в оной Курбатовой деревне за дальностию от приходской церкви, вновь каменного здания во имя архистратига Божия Михаила церкви» (РГИА. Ф. 796. Оп. 69. Д. 189. Л. 1). Епископ доносил, что означенная деревня с приписываемыми к ней 10 деревнями состоит в приходе Кольванской губернии, округи г. Красноярска, села Балыхтинского при Введенской церкви. Расстояние в 40 верст, весенние паводки и распутица приводили жителей окрестных деревень к крайней нужде, и больные оставались без покаяния, а многие младенцы умирали без крещения. Согласно сведениям епископа, общее количество жителей 11 деревень составляла 936 душ обоего пола, что было выше, чем положено (РГИА. Ф. 796. Оп. 69. Д. 189. Л. 2-2 об.).

Церкви строились десятилетиями. В 1775 г., после 17 лет строительства, была освящена Ужурская Петропавловская церковь. Верхушка инородческого общества – «князцы Янгулов, Курчаков, Арышкаев по согласованию с общинами деревень Андроновой, Усть-Изыкчульской, Байтатской, Усть-Сосновской, Васильевской и Лопатинской» – подала прошение Тобольскому и Сибирскому митрополиту Павлу о постройке церкви возле реки Ужур (ГАТ. Ф. 156. Оп. 1. 1760. Д. 11. Л. 12).

Постройка каменных церквей была настоятельной потребностью, так как деревянные постоянно подвергались пожарам. В 1805 г. сгорела деревянная Арейская Троицкая церковь. Как указано в рапорте священников И. Дягилева и И. Парфенова в Красноярское духовное правление от 24 февраля 1805 г., «...состоящая в том селе ветхая двухэтажная деревянная церковь сего февраля 18-го числа по полудни в 1-м часу сгорела. Причину тому полагаем такову, что сторож церковный по истоплении печи вышел в квартиру обедать, и в то время усмотрено обывателями, что из трапезы, где печь стояла, показался дым углами, и по открытии трапезных дверей означенный сторож, первый войдя в трапезу, был охвачен пламенем и в скорости по вытаскивании его оттуда помер; а потому из верхней только церкви можно было выбрать некоторые вещи, но из нижней ничего...» (ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 329. Л. 56). Сгорело все, кроме колокольни, на которой осталось четыре колокола. Иконы, книги, вещи, оставшиеся после пожара, были перенесены во вновь строящуюся церковь (ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 329. Л. 58-58 об.).

В 1832 г. до основания сгорела Хантайская Введенская церковь. Архиерей после этого случая даже выслал указ в Енисейское духовное правление об обязанности церковной стражи следить за отоплением и об осмотре всех печей в деревнях (Кытманов, 2016: 228).

Возведение храма способствовало консолидации общины вокруг прихода. В это время складывался церковный актив во главе со священником и церковным старостой, община несла сообща финансовое бремя. Все дела строительства церкви разбирались на сельских сходах. Проследим этот процесс на примере Арейской Троицкой церкви.

В 1795 г. по приговору прихожан настоятель Троицкой церкви Иван Парфенов был избран церковным строителем, в обязанность которого входили сбор денежных средств, поиск мастеров-строителей, ведение с ними денежных расчетов. В помощники ему были определены крестьяне Петр Многогрешный и Алексей Ерохин (ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 329. Л. 66).

Новая каменная церковь была заложена 10 октября 1798 г. – «двухэтажная с наименованием вверху Животворящей Троицы, а внизу Пресвятой Богородицы честного ее Покрова и в реестре значится из погоревшей верхней деревянной Троицкой церкви Святой Антиминс вынесен, в нижней сгорел» (ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 329. Л. 59 об.).

Как указано в рапорте священников И. Дягилева и И. Парфенова от 24 февраля 1805 г., «[...] А как: в оном селе созидается вновь каменная церковь двухэтажная и хотя верхняя немного и колокольня не окончены, но в нижней вытуньковано иконостас [...] резной и устроятся в оной иконы, которые в скорости имеют быть готовы. Посему Красноярское духовное правление покорнейше просим об освящении той каменной внизу построенной церкви, так и о взятии из церковной суммы денег [...] из церковной суммы имеется 529 руб. и 60 коп.» (ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 329. Л. 56-57).

Далее, в 1806 г., прихожане на свои средства продолжали доделывать церковь. Для этой цели ими было куплено: «слуды 2 пуда 10 фунтов, железа 12 пудов, извести 1200 пудов, кирпичей 17 тыс., гвоздей [...] неизвестно какое количество» (ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 329. Л. 65-67).

В 1809 г. община сменила строителя церкви. На это место был выбран крестьянин с. Арейского Петр Степанович Терской, «поведения доброго и имеет домоводство, скотоводство и хлебопашество и ни в каких подозрениях не был» (ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 329. Л. 80).

Известно, что и позднее, 30 января 1822 г., был подписан приговор крестьянских обществ Залеевской волости, в котором крестьяне «учинили выбор в помощь строителю Осипу Степанову сыну Близнаевскому для приведения в должный порядок церкви» и избрали крестьян деревни Еловой Алексея Таскина и Установой Василия Голегина (ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 521а. Л. 8).

Еще в 1838–1841 гг. прихожане продолжали собирать деньги на окончание верхнего Троицкого придела (ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 777. Л. 5).

С конца XVIII в. возросла роль добровольных частных пожертвований на церковное строительство. Так, каменная Кежемская Спасская церковь с южным придельным храмом Казанской богородицы была заложена в 1785 г. Здание строилось на средства енисейского купца Ивана Артемьевича Тулунина (Шумов, 2015: 42).

В Канском уезде в честь благодетеля бывшего поручика И.П. Михалева получил свое название Михалевский Николаевский приход. Он после пожара 1775 г., уничтожившего деревянный храм, «своим коштом» выстроил новую каменную церковь (Краткое описание приходов..., 1995: 63).

В 1828 г. в с. Кашиношиверском енисейским купцом З. Толстых была построена каменная церковь. Прихожане кашиношиверской церкви обязались платить на ругу по 2 руб. с человека от 15 до 60-летнего возраста. В 1829 г. при постройке каменных церквей Спасской в с. Усть-Тунгусском и Николаевской с приделом Св. Александра Невского в Каменском заводе А.И. Кытманов в своей летописи особо отметил заслуги председателя казенной палаты Пестова по обустройству этих церквей и сбору пожертвований на них. На государственные деньги была построена «богатая ризница», значительные пожертвования сделали откупщик князь Голицын, купцы Хорошев и Сидор Щеголев. Всего было собрано 20 000 руб. (Кытманов, 2016: 221, 225).

Строительство храмов, которые возводились на пожертвования прихожан, также могло идти много лет. Так, Енисейская Захарьевская церковь, освященная в 1860 г., строилась почти 70 лет. Она имела с двух сторон деревянные галереи, но не была защищена от сырости и потому в скором времени после постройки обвалилась, так что целой осталась только средняя часть. Церковь была исправлена на средства купца Баландина; вместо боковых галерей устроены боковые приделы с новыми иконостасами. Возобновление церкви стоило Баландину более 10 тыс. руб. серебром (Кытманов, 2016: 380).

Постепенно в первой половине XIX в. возведение храмов уже было полностью возложено на местное население, которое должно было за свой счет ремонтировать ветхие или возводить новые каменные строения. Немногочисленное бедное местное население нередко было не способно собрать средства на ремонт этих строений. Например, прихожан Туруханского Успенского и Преображенского приходов приходилось принуждать церковной администрации к исправлению ветхих церковных зданий (Кытманов, 2016: 103).

Еще одной проблемой, которая разрешалась приходом, являлось содержание духовенства. Долгое время духовенство не получало денежное вознаграждение от государства – «от казны», существовало за счет платы прихожан за требы. Ему выделялась также пашенная и сенокосная земля. Причем земля закреплялась за церковью, а не за представителями духовенства. «Пашенная земля остается без возделывания, сенокосной же пользуются семьями», – говорилось в клировых ведомостях шушенской Петропавловской церкви за 1832 г. Всего на весь местный причт тут имелось 33 десятины пашенной и сенокосной земли (ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 104. Л. 16). Кроме того, прихожане платили своеобразный налог духовенству – хлебную ругу, которую те получали зерном: священнику 240 пудов, а псаломщику 84 пуда (ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 4. Л. 20, 39-40). С 1844 г. приходскому духовенству стали выплачивать государственное жалованье: священникам от 140 до 212 руб. серебром в год; дьяконам – 80; дьячкам – 40 и пономарям – 32 (Асочакова, 2018: 24).

Однако расходы превышали доходы, и поступающих денежных средств и пропитания, вероятно, не хватало для сельской жизни. Из прошения священника шушенской Петропавловской церкви Георгия Пудовикова за 1841 г. узнаем: «Кратковременные же горькие опыты убедили меня в невозможности или в крайней мере в чрезвычайной трудности вести жизнь сельскую. Причины: чрезвычайная скудность сельских денежных доходов – 10–15 руб. в месяц на шесть священников; оставление своими прихожанами пасущих без всяких помещений деревенских; замена хлебной руги, единственного безболезненного источника жизни духовенства, пахотными землями, которые при большом изобилии вольных пахотных земель в Сибири не имеют той важности и пользы, которую имеют они в Великорусских губерниях» (ГАТО. Ф. 170. Оп. 11. Д. 74. Л. 1-1 об.).

Приход играл значительную роль в инкорпорации разноплеменного местного населения в состав Российской империи. В Туруханском уезде первые приходы появились еще в начале XVIII в. – Туруханский Преображенский и Верхне-Инбатский Успенский. Храмы с образовавшимися при нем приходскими общинами являлись основой православного ландшафта на севере Приенисейской Сибири. Приходские церкви в столь удаленном регионе, каким был Туруханский край, являлись и частью административной государственной структуры (Краткое описание приходов..., 1995: 228). Развитие северных приходов шло медленно. Только к началу XIX в. в регионе открылся для окормления наиболее удаленных поселений, расположенный еще дальше на север Тазовский Николаевский приход, а в 1836 г. начал функционировать Дудинский Введенский приход (Краткое описание приходов..., 1995: 232-235).

В большинстве северных приходов присутствовало православное коренное население, занесенное в церковные документы как «ясажные», однако его доля оставалась небольшой. К примеру, в Тазовском приходе с 1804 по 1838 гг. было крещено всего 13 инородцев (Выдрин, 2015: 318).

Миссионерская деятельность до середины XIX в. почти отсутствовала. Секуляризационные реформы, хозяйственно-экономические трудности, разноподчиненность приходов, удаленность от епархиальных центров негативно сказались на ходе миссионерской работы. Играли негативную роль и суровые климатические условия, ввиду которых священнослужители неохотно ехали в этот регион, непродуманная и неопределенная политика государства по миссионерскому вопросу на севере Приенисейского края, незнание местных языков, верований и обычаев, а также кочевой образ жизни местного населения. Ситуация несколько изменилась только в 1850 г., когда по ходатайству епископа Томского и Енисейского Афанасия была образована Туруханская походная Николаевская церковь по примеру походных церквей Якутии (Выдрин, 2015: 318-319).

Долгое время не могли найти для Туруханской миссии священнослужителей. Только в 1852 г. к церкви были определены священники Иоанн Зеленецкий и Илья Новоспаский. Миссии удавалось выжить только за счет немногочисленных священников-миссионеров, которые от казны получали дом, продукты питания и жалованье (Выдрин, 2015: 320).

На юге Приенисейской Сибири шла активная христианизация коренного населения, которая проводилась чаще всего приходскими священниками. Центрами православия стали Ужурская и Аскизская церкви. По данным В.Н. Асочаковой, в конце XVIII в. приходе этих церквей доля обращенных в православие инородцев составляла 91 % – в Ужурском и 73,3 % – Аскизском приходах. Существенное количество «ясачных» относилось к Бараитскому (55 %), Минусинскому (60 %), Абаканскому (22 %) приходам. Таким образом, число новокрещенных хакасов по Хакасско-Минусинскому краю в 1764 г. составляло 39,2 % от общего числа «ясачных», а к концу XVIII в. она сократилась до 28 %, что составляло более 4000 человек (Асочакова, 1999: 17).

Миссионерская деятельность вплоть до середины XIX в. полностью возлагалась на приходы и священников. Во второй половине XIX в. приходы утрачивают смешанный характер. Часть новокрещенных растворилась, ассимилировалась с православным русским населением, а большинство выделилось в отдельные приходы. При этом политика в данной области не носила характера цивилизационного выбора. Не было насильственной христианизации, не отнималось право выбора у коренных народов, не искоренялся хакасский шаманизм и основанная на нем культура.

Однако русские, являясь носителями иной цивилизационной модели общества, в местном населении не видели и равноправных партнеров. По отношению к нему преобладал патернализм, когда «младшим братьям» предоставлялись налоговые льготы, особый статус ясачных земель, освобождение от воинской повинности (Асочакова, 2011: 469-471).

5. Заключение

Таким образом, изменения в церковном управлении, произошедшие в XVIII в., привели к постепенному выделению территории Приенисейской Сибири из Тобольской митрополии и формированию вертикали власти на уровне епархии: первоначально Иркутской, позднее – Томской. Одновременно шло формирование местных церковных округов. К середине XIX в. возможно говорить о складывании не только стабильного административно-церковного управления, но и формировании постоянной и расширяющейся сети приходов.

Стиль управления приходами носил формальный бюрократический характер, когда отсутствовало личное общение архиерея со своей паствой, а все дела на местах с помощью циркуляров и инструкций решали духовные правления. Удаленность же региона от всех епархиальных кафедр Сибири консервировала многие черты приходской жизни, характерной особенностью которой по-прежнему оставалась приходская автономия – церковное самоуправление приходских общин почти без вмешательства епархиальной церковной власти. Все решения общиной принимались на мирских сходах, постановления которых формулировались в письменных приговорах.

Главной функцией прихода оставались строительство и поддержание благоустройства церкви. Сама же церковь строилась для религиозного общения и в большинстве возводилась всей общиной на собранные ею средства на общей крестьянской земле, поэтому нередко воспринималась как мирская собственность.

Община достаточно легко отдала епархиальной власти функцию выборности и надзора за причтом, наблюдения над отпращиванием религиозных потребностей прихожан, но энергично защищала свое право распоряжения церковным имуществом, землей, выбором церковного старосты и строителя церкви. Управление церковно-хозяйственными делами являлось самым важным и главным делом церковного старосты. Кроме этого, он, являясь представителем прихода, созывал сход для обсуждения приходских вопросов, ходатайствовал перед епархиальными властями о церковных нуждах и строительстве новой церкви.

Участие причта в делах религиозной общины во многом зависело от его авторитета в глазах прихожан. Духовенство, затерянное в далеких приходах без епархиальной власти, во всем зависело от своей паствы. Главным доходом священников были вознаграждение его за труды (совершение богослужений и таинств) и использование церковной земли, что позволяло вести безбедное существование.

На севере региона небольшое количество приходов и малочисленность общин при них не давали возможности создать стабильные административно-церковные структуры, что сказывалось на самом состоянии христианской миссии. Отсутствовали и благоприятные условия для культовой и внекультовой деятельности, что не позволяло постоянно окормлять паству и закрепить даже основы православия среди инородцев.

Еще одной отличительной особенностью управления приходами являлась их мобильность. Увеличение числа населения и его естественный прирост вели к постоянному дроблению приходов и образованию в пределах мира новой религиозной общины в связи с ее удаленностью от уже существующей церкви. Однако темпы роста населения не поспевали за открытием приходов, и постоянно ощущался их недостаток в духовном окормлении паствы.

Литература

Асочакова, 2009 – Асочакова В.Н. Роль приходских общин новокрещенных в распространении православия в Хакасско-Минусинском крае в XVIII – первой четверти XIX в. // *Вестник Челябин. гос. ун-та*. Вып. 30. История. 2009. № 6 (144). С. 23-28.

Асочакова, 2018 – Асочакова В.Н. К истории православия в Хакасии (XVII–XIX вв.). Абакан: Бригантина, 2018. 195 с.

Выдрин, 2015 – Выдрин Е.В. Миссионеры Туруханского края в 1850–1870-е гг. // XV Красноярские краевые Рождественские образовательные чтения. Красноярск: Изд. дом «Восточная Сибирь», 2015. С. 318-322.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Дулов, Санников, 2006 – Дулов А.В., Санников А.П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2006. Ч. 1. 293 с. Ч. 2. 319 с.

ЕЕВ – Енисейские епархиальные ведомости.

Иванов, 1914 – Иванов П.А. Реформа прихода: ист.-канон. исслед. о правосл. рус. церк. приходе в связи с предположенной реорганизацией его на древнерус. началах. Томск: тип. приюта и Дома трудолюбия, 1914. [2], IV, 182, III с.

Касьянов, 1884 – Касьянов В. Краткие сведения об открытии Енисейской епархии // *ЕЕВ*. 1884. № 1. С. 4-7.

Краткое описание приходов..., 1995 – Краткое описание приходов Енисейской епархии. Репринтное издание 1916 года. Красноярск: КО РФК «Краевед», 1995. 243 с.

Кытманов, 2016 – Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии, 1594–1893 годы. Красноярск: СФУ, 2016. 888 с.

Мюсарев, 1897 – Мюсарев А.А. Краткий историко-статистический очерк Томской епархии [Томск: Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1897]. 76 с.

Оглезнева, 2005 – Оглезнева Г.В. Условия деятельности православной церкви в Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX веков: региональные особенности / *Конфессии народов Сибири в XVII – начале XX вв.: развитие и взаимодействие: Материалы Всероссийской научной конференции (3–4 февраля 2005 г.)*. Иркутск: Оттиск, 2005. С. 128-134.

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской Империи.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Санников, 2016 – Санников А.П. Церковь, общество и государство на восточных окраинах Российской империи в XVII–XVIII веках. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. 311 с.

Словцов, 1886 – Словцов П.А. История Сибири: От Ермака до Екатерины II. М.: Вече, 2006. 505 с. [3].

Софронов, 2007 – Софронов В.Ю. Христианизация Тобольского Севера. Тобольск: ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2007. 103 с.

ГАТ – Государственный архив Тобольска.

ГАТО – Государственный архив Томской области.

Устьянцева, 2007 – Устьянцева О.Н. Система управления Томской епархии в XIX – начале XX в. // *Русская православная церковь юга Западной Сибири*. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. С. 3-26.

Фриз, 2019 – Фриз Г.Ф. «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи: Сборник статей. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 352 с. (Эпоха войн и революций; вып. 12).

Хаит, 2017 – Хаит Н.Л. Конфессиональная политика в Сибири в правление Екатерины II // *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. № 4 (30). 2017. С. 120-127.

Цысь, 2017 – Цысь О.П. Организация управления институтами Русской православной церкви на Тобольском Севере в XIX – начале XX вв.: очерки истории. Монография. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. ун-та, 2017. 272 с.

Шумов, 2015 – Шумов К.Ю. Спасская церковь в селе Кежма Красноярского края // *Живет облик родины с нами*. Красноярск: Амальгама, 2015. С. 42-43.

[Dvoret'skaya et al., 2017](#) – *Dvoret'skaya A. P., Gonina N. V., Gaydin S.T.* The place and role of the cathedral in the socio-cultural life of the provincial town of the late XIX – Early XX centuries (on the example of Yeniseisk) // *Bylye Gody*. Vol. 44. Is. 2. Pp. 576-585.

[Freeze, 1976](#) – *Freeze G.L.* The Disintegration of Traditional Communities: The Parish in Eighteenth-Century Russia // *The Journal of Modern History*. Vol. 48. 1976. № 1, March. Pp. 32-50.

References

[Asochakova, 2009](#) – *Asochakova V.N.* (2009). Rol' prikhodskikh obshchin novokreshchenykh v rasprostraneniye pravoslaviya v Khakassko-Minusinskom krae v XVIII – pervoi chetverti XIX v. [The role of parish communities of the newly baptized in the spread of Orthodoxy in the Khakass-Minusinsk Territory in the 18th – first quarter of the 19th centuries]. *Vestnik Chelyabinsk. gos. un-ta*. Vyp. 30. Istoriya. № 6 (144). Pp. 23-28. [in Russian]

[Asochakova, 2018](#) – *Asochakova V.N.* (2018). K istorii pravoslaviya v Khakasii (XVII–XIX vv.) [To the history of Orthodoxy in Khakassia (XVII – XIX centuries)]. Abakan: Brigantina. 195 p. [in Russian]

[Dulov, Sannikov, 2006](#) – *Dulov A.V., Sannikov A.P.* (2006). Pravoslavnaya tserkov' v Vostochnoi Sibiri v XVII – nachale XX vekov [The Orthodox Church in Eastern Siberia in the XVII – early XX centuries]. Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta. Ch. 1. 293 p.; Ch. 2. 319 p. [in Russian]

[Dvoret'skaya et al., 2017](#) – *Dvoret'skaya A.P., Gonina N.V., Gaydin S.T.* (2017). The place and role of the cathedral in the socio-cultural life of the provincial town of the late XIX – Early XX centuries (on the example of Yeniseisk). *Bylye Gody*. Vol. 44. Is. 2. Pp. 576-585.

[EEV](#) – Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti. [in Russian]

[Freeze, 1976](#) – *Freeze G.L.* (1976). The Disintegration of Traditional Communities: The Parish in Eighteenth-Century Russia. *The Journal of Modern History*. Vol. 48. 1976. № 1, March. Pp. 32-50.

[Friz, 2019](#) – *Friz G.F.* (2019). «Gubitel'noe blagochestie»: Rossiiskaya tserkov' i padenie imperii: sbornik statei. [Destructive Piety: The Russian Church and the Fall of the Empire: A Collection of Articles]. SPb.: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 352 p. (Epokha voyn i revolyutsii; vyp. 12). [in Russian]

[GAKK](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia [State archive of the Krasnoyarsk Krai]. [in Russian]

[GAT](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Tobol'ska [State Archive of Tobolsk]. [in Russian]

[GATO](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State archive of the Tomsk region]. [in Russian]

[Ivanov, 1914](#) – *Ivanov P.A.* (1914). Reforma prikhoda: ist.-kanon. issled. o pravoslav. rus. tserk. prikhode v svyazi s predpolozhennoi reorganizatsiei ego na drevne-rus. Nachalakh [Reform of the parish: source-canon. researched about orthodoxy. Russian church. parish in connection with the alleged reorganization of it into ancient Rus. beginnings]. Tomsk: tip. priyuta i Doma trudolyubiya. [2], IV, 182, III p. [in Russian]

[Kas'yanov, 1884](#) – *Kas'yanov V.* (1884). Kratkie svedeniya ob otkrytii Eniseiskoi eparkhii [Brief information about the opening of the Yenisei diocese]. *EEV*. № 1. Pp. 4-7. [in Russian]

[Khait, 2017](#) – *Khait N.L.* (2017). Konfessional'naya politika v Sibiri v pravlenie Ekateriny II [Confessional policy in Siberia during the reign of Catherine II]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*. № 4 (30). Pp. 120-127. [in Russian]

[Kratkoe opisanie prikhodov..., 1995](#) – *Kratkoe opisanie prikhodov Eniseiskoi eparkhii* [A brief description of the parishes of the Yenisei diocese]. Reprintnoe izdanie 1916 goda. Krasnoyarsk: KO RFK «Kraeved», 1995. 243 p. [in Russian]

[Kytmanov, 2016](#) – *Kytmanov A.I.* (2016). Kratkaya letopis' Eniseiskogo uezda i Turukhanskogo kraia Eniseiskoi gubernii, 1594–1893 god [Brief annals of the Yenisei Uyezd and Turukhansk Territory of the Yenisei Province, 1594–1893]. Krasnoyarsk: SFU. 888 p. [in Russian]

[Myusarev, 1897](#) – *Myusarev A.A.* (1897). Kratkii istoriko-statisticheskii ocherk Tomskoi eparkhii [A brief historical and statistical sketch of the Tomsk diocese]. Tomsk: Parovaya tipo-litografiya P.I. Makushina, 1897. 76 p. [in Russian]

[Oglezneva, 2005](#) – *Oglezneva G.V.* (2005). Usloviya deyatel'nosti pravoslavnoi tserkvi v Vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov: regional'nye osobennosti [The conditions of the Orthodox Church in Eastern Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries: regional features]. *Konfessii narodov Sibiri v XVII – nachale XX vv.: razvitie i vzaimodeistvie: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (3–4 fevralya 2005 g.)*. Irkutsk: Ottisk. Pp. 128-134. [in Russian]

[PSZRI](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. [in Russian]

[RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive]. [in Russian]

[Sannikov, 2016](#) – *Sannikov A.P.* (2016). Tserkov', obshchestvo i gosudarstvo na vostochnykh okrainakh Rossiiskoi imperii v XVII–XVIII vekakh [Church, society and state on the eastern outskirts of the Russian Empire in the XVII – XVIII centuries]. Irkutsk: Izd-vo IGU. 311 p. [in Russian]

Shumov, 2015 – *Shumov K.Yu.* (2015). Spasskaya tserkov' v sele Kezhma Krasnoyarskogo kraya [Spasskaya Church in the village of Kezhma, Krasnoyarsk Territory]. Zhivet oblik rodiny s nami. Krasnoyarsk: Amal'gama. Pp. 42-43. [in Russian]

Slovtsov, 1886 – *Slovtsov P.A.* (1886). Istoriya Sibiri: Ot Ermaka do Ekateriny II [History of Siberia: From Ermak to Catherine II]. M.: Veche, 2006. 505 p. [3]. [in Russian]

Sofronov, 2007 – *Sofronov V.Yu.* (2007). Khristianizatsiya Tobol'skogo Severa [Christianization of the Tobolsk North]. Tobol'sk: TGPI im. D. I. Mendeleeva. 103 p. [in Russian]

Tsys', 2017 – *Tsys' O.P.* (2017). Organizatsiya upravleniya institutami Russkoi Pravoslavnoi tserkvi na Tobol'skom Severe v KhIKh – nachale XX vv.: ocherki istorii [Organization of the management of the institutes of the Russian Orthodox Church in the Tobolsk North in the 19th and early 20th centuries: essays on history]. Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevart. un-ta. 272 p. [in Russian]

Ust'yantseva, 2007 – *Ust'yantseva O.N.* (2007). Sistema upravleniya Tomskoi eparkhii v XIX – nachale XX v. [The management system of the Tomsk diocese in the 19th – early 20th centuries]. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' yuga Zapadnoi Sibiri. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. Pp. 3-26. [in Russian]

Vydrin, 2015 – *Vydrin E.V.* (2015). Missionery Turukhanskogo kraya v 1850–1870-e gg. [Missionaries of the Turukhansk Territory in the 1850–1870s]. XV Krasnoyarskie kraevye Rozhdestvenskie obrazovatel'nye chteniya. Krasnoyarsk: Izd. dom «Vostochnaya Sibir'», 2015. Pp. 318-322 [in Russian]

Эволюция православного прихода на территории Приенисейской Сибири в конце XVIII – первой половине XIX вв.

Надежда Леонидовна Хаит ^a, Анна Павловна Дворецкая ^{a, *}, Денис Николаевич Гергилев ^a, Ольга Викторовна Коновалова ^{a, b}

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Сибирский юридический институт МВД РФ, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается характер функционирования православных приходов Приенисейской Сибири, показывается зависимость данного процесса от фронтального расположения региона и соборного начала жизни местного сообщества. Обращается внимание на то, что в рассматриваемое время выстраивается вертикаль «приход–епархия». Необходимо отметить, что благодаря значительной мобильности приходов сформировалась и постоянно расширялась их сеть, увеличивалось количество прихожан.

Управление приходами носило бюрократический характер, что сказывалось на взаимоотношениях епископата и прихожан. Удаленность региона от всех епархиальных кафедр Сибири, редкое посещение приходов епископами, содержание духовенства общинами привели к значительной приходской автономии. Прихожане достаточно активно отстаивали свою власть в приходе в области распоряжения церковным имуществом, землей, зданием церкви, выбором церковного старосты и строителя церкви.

В большинстве северных и южных приходов Приенисейской Сибири присутствовало коренное население. Однако, если на севере случаи христианизации были единичными, то на юге активно шел процесс религиозного взаимодействия русского и автохтонных народов.

Ключевые слова: Русская православная церковь, православный приход, верующие, духовенство, сибирские епархии в конце XVIII – первой половине XIX вв.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: advoreckaya@mail.ru (A.P. Dvoretzkaya)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1065-1084. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1065
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 3

Anvar M. Mamadaliev ^{a, b, *}, Dmitrii V. Karpukhin ^c, Natalia V. Svechnikova ^d, Aude Médico ^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^e University of Geneva, Geneva, Switzerland

Abstract

The article is devoted to the development problem of the education system in the Caucasus at the end of the existence of the Russian Empire, i.e. during the reign of Nicholas II. The geographical range is limited by the territory of the Tiflis province. In this part, we consider the development of the education system before the adoption of the law from May 3, 1908, which changed the approach to the primary education system, so the chronological framework is designated by 1894–1907 years. The article analyzes statistical source data on the number of educational institutions and their “rank” level (primary, secondary, higher), the level of accessibility (for example, Tiflis province), as well as the problems and quality of the functioning of the educational system of the province in the transition from absolute monarchy to constitutional, as well as the Russian-Japanese War and World War I. Such documents as the Complete collection of laws of the Russian Empire, acts of the Caucasian Archeographic Commission, the First General population census of the Russian Empire in 1897 (Vol. 18), “A set of statistical data on the population of Transcaucasia, with a complete alphabetical index of cities and villages of the region” (1894), Reports of the Trustees of the Caucasian school district for 1894–1907 and etc. were used as sources.

Keywords: the system of russian education, Tiflis province, public education system, public schools.

1. Введение

Как указывалось нами в первой и второй частях данной серии статей (Mamadaliev et al., 2020; Mamadaliev et al., 2020a), некоторые исследователи процесс внедрения российской образовательной системы на Кавказе справедливо делят на соответствующие этапы; в частности, период завершения процесса интеграции учебных заведений Кавказа в систему народного просвещения Российской империи приходится на 1872–1917 гг. (Shevchenko et al., 2016: 364). Однако принципы правления Александра II (1855–1881), Александра III (1881–1894) и Николая II (1894–1917) весьма сильно различались. Либеральные начинания Александра II были достаточно бесцеремонно нивелированы системой контрреформ Александра III, что не могло не отразиться соответствующим образом на системе образования в целом, и деятельности образовательных учреждений (особенно высших и средних) в частности. Николай II, пришедший на смену скоропостижно скончавшемуся Александру III, первоначально придерживался курса своего отца; однако демографический «взрыв» в 1890-х – начале 1900-х годов (особенно в южных регионах страны и на Черноморье), бурно развивающиеся капиталистические отношения, фундамент которых был заложен еще реформами Александра II, а также неудачная русско-японская война заставили императора встать на путь реформирования государства, главным результатом которого стало превращение абсолютной монархии в де-факто

* Corresponding author

E-mail addresses: anvarm@mail.ru (A.M. Mamadaliev)

конституционную. Появившиеся невиданные доселе такие общественные элементы, как многопартийность, Государственная дума, средства массовой информации и другие либеральные институты не могли не найти свое отражение и в образовательной системе государства. В данной, завершающей серию статье анализируется окончание процесса интеграции системы образования Кавказа в общероссийскую, а также особенности функционирования образовательных учреждений Тифлисской губернии в новых социально-экономических реалиях конца XIX – начала XX веков.

В этой, третьей по счету части работы мы рассмотрим развитие системы образования до принятия фундаментального закона от 3 мая 1908 года, который фактически ввел всеобщее начальное образование в Российской империи; следовательно, хронологические рамки данной статьи можно обозначить как 1894–1907 годы. Начиная с 1908 года, система образования значительно изменилась, и этому периоду (1908–1917 годы) будет посвящена отдельная публикация.

2. Материалы и методы

Материалом для данной статьи послужили положения, указы и прочие документы монаршей власти, регламентирующие работу образовательной системы, а также дореволюционные статистические отчеты.

Подробный анализ источниковой базы был дан в первой части нашей работы, в частности и использованных в данной статье актов Кавказской археографической комиссии (применительно к анализируемому хронологическому периоду – 1866–1904) (АКАК), Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. (т. 18, 1905) (Перепись), а также Полного собрания законов Российской империи (ПСЗРИ) и др.

Для более полного освещения периода интеграции образовательной системы Кавказа в общероссийскую в 1894–1917 годах были дополнительно привлечены следующие источники:

1. Обзоры Тифлисской губернии, изданные в Тифлисе отчеты губернатора Тифлисской губернии в соответствующих годах. В рамках нашей статьи отчеты губернаторов – коллежского асессора, князя Г.Д. Шервашидзе, действительного статского советника и младшего брата известного композитора А.И. Чайковского, действительного статского советника А.А. Алымова, действительного статского советника, графа В.Ф. Тизенгаузена, статского советника К.К. Стефановича, коллежского советника, а позднее – статского советника В.В. Алышевского, коллежского советника А.Г. Чернявского – представляют значительный интерес, так как содержат в себе, помимо прочего, ценную информацию о деятельности образовательной системы (Обзор, 1884–1912).

2. Статистические и аналитические отчеты попечителей Кавказского учебного округа К.П. Яновского, М.Р. Завадского и Н.Ф. Рудольфа за 1894–1912 годы. Они опубликованы как отдельным изданием, так и в извлечениях в Журналах Министерства народного просвещения за 1897–1914 годы и дают возможность не только понять особенности развития системы образования Тифлисской губернии, но и провести сравнительно-исторический анализ с предыдущими и последующими периодами (Кавказский учебный округ в 1894 г., 1897; Кавказский учебный округ в 1896 г., 1898; Кавказский учебный округ в 1897 г., 1899). Отметим, что в 1902–1904 годах выдержки из отчетов попечителя образовательного округа составлялись и публиковались А.А. Ильиным¹ в Журнале Министерства народного просвещения; так как они представляют собой наиболее ценные для нас извлечения, мы также пользовались и ими (Ильин, 1904а; Ильин, 1904б; Ильин, 1906).

В данной статье мы апеллировали и к другим источникам, однако в рамках данной работы уделять им более пристальное внимание считаем нецелесообразным.

3. Обсуждение

Подробный историографический обзор нами был сделан в первой части. Дополнительно в данной части мы проанализировали несколько дореволюционных, весьма интересных с точки зрения предмета нашего исследования трудов.

Особую ценность представляют публикации историка и этнографа Сергея Васильевича Фарфоровского, который, в числе прочего, успел поработать педагогом в Кавказском учебном округе (в 1905–1906 годах преподавал русский язык в Майкопском реальном училище). Поэтому статьи его посвящены прежде всего народному образованию народов Кавказа, в которых автор выявляет особенности педагогической деятельности в регионе, а также проблемы интеграции системы образования округа в общероссийскую. С.В. Фарфоровский также приводит ценную статистическую информацию. Нами были проанализированы два его труда, опубликованные в Журнале Министерства народного просвещения – пожалуй, главном «педагогическом вестнике» Российской империи. В первой статье исследуются проблемы народного образования среди кочующих народов Северного Кавказа в результате приобщения их к современному быту; в ней, помимо освещения

¹ Указанного автора не следует путать с картографом и издателем, генералом-лейтенантом Алексеем Афиногеновичем Ильиным (1834–1889), который занимался изданием географических, исторических и военно-педагогических трудов, однако к деятельности системы образования на Кавказе имел весьма опосредованное отношение.

исторических, этнологических, социальных, экономических и статистических данных, анализируются и особенности интеграции процессов воспитания и обучения некоторых кочевых коренных кавказских народов с общеимперской системой образования (Фарфоровский, 1909). Вторая статья, хоть и посвящена проблемам образования в другом, кубанском регионе, но опосредованно затрагивает статистику и аналитику Кавказского учебного округа в целом (Фарфоровский, 1912).

Значительный интерес представляет и серия статей А.А. Богоявленского, также опубликованная в Журналах Министерства народного просвещения. Несмотря на то, что предметом этих трудов являются статистические, финансовые и организационные проблемы библиотечного дела в начальных училищах Кавказского учебного округа, тем не менее они затрагивают и особенности деятельности данного вида учебных заведений как в округе в целом, так и в Тифлисской губернии в частности. Также автором исследуется взаимосвязь между количеством учащихся, качеством образования и содержанием библиотечного фонда в губернии (Богоявленский, 1911; Богоявленский, 1912a; Богоявленский, 1912b; Богоявленский, 1912c; Богоявленский, 1913).

Помимо указанных, в данном исследовании нами использованы труды С.В. Рождественского «Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802–1902» (Исторический обзор..., 1902), П. Зажаева «Городские училища по положению 1872 года в России и на Кавказе» (Зажаев, 1909) и др. Среди работ советского периода в рамках заявленной темы были проанализированы «Материалы по истории осетинского народа» (составитель В.С. Гальцев) и статьи сборника «Народное образование и педагогическая мысль России кануна и начала империализма: малоисследованные проблемы и источники» (Народное образование, 1980) применительно к началу XX века. Из современных работ были рассмотрены статьи А.А. Черкасова (Cherkasov, 2011), Н.А. Шевченко, Е.В. Видищевой, О.В. Емельяновой (Shevchenko et al, 2016), О.В. Натолочной, Н.И. Крюковой, С.И. Буслаева (Natolochnaya et al., 2016), Л.С. Гатаговой (Гатагова, 1993), Е.И. Кобахидзе (Кобахидзе, 2015), И. Шиукашвили, М. Гогитидзе (Gogitidze, Shiukashvili, 2016), Т.А. Магсумова (Magsumov et al., 2018, Magsumov et al., 2020) и др.

4. Результаты

Географические рамки данной серии статей – Тифлисская губерния, созданная как административная единица в 1846 году и просуществовавшая до 1917 года и развала империи. Крупнейшими населенными пунктами ее стали (по состоянию на момент переписи в 1897 году) г. Тифлис (административный центр, 160 тыс.), г. Ахалцих (15,5 тыс.), г. Телав (14 тыс.), г. Гори (10 тыс.), г. Сигнах (9 тыс.), Ахалкалаки (5,5 тыс.), с. Шулаверы (4,5 тыс.), г. Душет (2,5 тыс.), г. Закагалы (3 тыс.) и с. Тионети (1 тыс.). Хронологические рамки данной статьи – 1894–1907 годы, то есть период завершения интеграции учебных заведений Кавказа (1872–1917 гг.; Shevchenko et al, 2016: 364) в систему народного просвещения Российской империи до принятия закона от 3 мая 1908 года; с учетом того, что события, произошедшие в период правления Николая II, коренным образом повлияли на ход российской истории (и это не могло не отразиться на системе образования, особенно в южных провинциях), мы отграничили данный период в отдельный подэтап (1894–1917 годы) и решили посвятить ему две отдельные статьи. Одна из них (часть 3) освещает период 1894–1907 годов, который условно можно назвать подготовкой к введению всеобщего начального образования; вторая статья (часть 4) анализирует период с 1908 по 1917 годы – то есть время действия закона от 03.05.1908 года, который де-факто ввел всеобщее обязательное начальное образование в Российской империи – за 11 лет до декрета Совета народных комиссаров РСФСР от 26 декабря 1919 года «О ликвидации безграмотности в РСФСР».

Согласно энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона, в Тифлисской губернии к концу 19-го столетия (в 1898 году) насчитывалось 357 учебных заведений, в которых училось 29 тысяч учащихся, из которых 19,4 тысячи мальчиков и 9,6 тысяч девочек. В губернии действовали три мужских гимназии, одно реальное училище, шесть средних женских учебных заведений, педагогический (учительский) институт, три ремесленных училища, 189 начальных училищ Министерства народного просвещения, 120 учебных заведений прочих ведомств (Брокгауз–Ефрон, 1901: 266). Однако основная часть средних (и одно высшее) учебных заведений была основана в предыдущие периоды, в конце XIX – начале XX веков появились лишь три мужские гимназии (4-я, 5-я и 6-я), грузинская дворянская гимназия, построенная на пожертвование частных лиц (строительство началось в 1899 году), а также две женские гимназии в Тифлисе (4-я и 5-я) – сегования попечителей Я.М. Неверова (в должности с 1864 по 1878 годы) и К.П. Яновского (в должности с 1878 по 1901 годы) по факту гендерной «несправедливости» в образовательной системе Кавказского учебного округа правительством в итоге были услышаны и количество женских учебных заведений стало постепенно расти. Безусловно, сыграл свою роль и демографический «взрыв» в южных регионах, в том числе и в Тифлисской губернии, где прирост населения (наряду с Черноморской и Кутаисской губерниями) был наиболее значительным. Это вынуждало правительство открывать новые учебные заведения, в том числе – и с «прицелом» на будущее, так как «оседлый» миграционный рост, как известно, в недалеком будущем влечет за собой и естественный прирост населения.

Отчет по 1896 году свидетельствует об увеличении количества и учебных заведений, и учебных классов в округе; отмечается, что все гимназии имеют полный восьмиклассный состав. «...Приготовительные (подготовительные – Авт.) классы существуют при всех гимназиях и прогимназиях, а в трех Тифлиских и Бакинских гимназиях эти классы состоят из прогрессивных отделений, младшего и старшего...» ([Кавказский учебный округ в 1896 г., 1898: 29](#)). При этом «...параллельные отделения имеются, главным образом, при младших, более многолюдных классах, и доходят в Тифлиской 1-ой гимназии – до VIII класса, в Тифлиской 2-ой – до VII, ... в Тифлиской 3-ей – до II класса», что говорит о хорошей наполняемости классов и достаточном количестве учащихся. О количестве учащихся в пределах класса точных сведений нет, как и о нехватке учебных мест. В отличие от отчетов Я.М. Неверова, который эту информацию указывал, и, следовательно, была возможность отследить данный критерий, К.П. Яновский со своими помощниками эти сведения умышленно или неумышленно указывал далеко не всегда. Поэтому достоверно понять, хватало ли мест все желающим или нет, достаточно сложно.

Вместе с количеством учеников неизбежно росло и число педагогов и административных работников. К 1 января 1897 года на службе только гимназий и прогимназий учебного округа состояло 386 человек, из которых 5 почетных попечителей, 11 директоров, 15 инспекторов, 13 законоучителей, 132 учителя языков и наук, 7 педагогов рисования и чистописания, 29 помощников классных наставников, а также 79 прочих служащих, к которым относили учителей музыки, танцев, врачей, «письмоводителей» и пр. Количество личного состава учебного округа в сравнении с предыдущим годом увеличилось на 46 человек ([Кавказский учебный округ в 1896 г., 1898: 33](#)).

Отдельно велась статистика и по пропущенным преподавателями урокам, которые по округу в целом составляют 2,48 % от общего их количества, однако применительно к Тифлиской губернии такой статистики в нашем распоряжении не имеется. Оговаривается и факт замещений: «в значительном большинстве случаев (учащимся – Авт.) давались другие более или менее производительные занятия, и без всяких занятий они оставались только в 1053 случаях, что составляет 37,4 % всех пропущенных уроков или около 0,9 % общего числа данных уроков» ([Кавказский учебный округ в 1896 г., 1898: 33](#)). Безусловно, такой скрупулезный подход прямо говорит о большом внимании руководства к проблеме качества обучения. Велась статистика и по отчислениям за неуспеваемость («малоуспеваемость»): в частности, в Тифлисском реальном училище процент отчисленных по этому критерию составил 1,39 %.

Поведение учеников также находилось под пристальным вниманием: два балла (неудовлетворительно) получили только 6 учеников Екатеринодарской гимназии, отметку «3» имели 133 учащихся, «4» – 766 учеников, а абсолютное большинство в 4876 человек имели высшую оценку «5». Количество взысканий ученикам было отмечено в 493 случаях, 51 учащийся были отчислены (0,88 % от общего числа). Особо отмечено, что больше всего занятий пропустили ученики 1-й Тифлиской и Кутаисской гимназий ([Кавказский учебный округ в 1896 г., 1898: 33](#)). Сравнительно благоприятно оценивается и эпидемиологическая ситуация: в реальных училищах было зарегистрировано только 11 «смертных случаев»: три ученика умерли от скарлатины и дифтерита, три от чахотки, остальные – «...от разных болезней (воспаления легких, воспаления брюшины, острого ревматизма, разрыва сердца)» ([Кавказский учебный округ в 1896 г., 1898: 42-43](#)).

Безусловно, в сфере наших интересов оказалось и развитие женского образования в конце XIX века: инициатор кардинального реформирования системы образования император Александр II Освободитель (не без деятельного участия своей супруги Марии Александровны) старался сделать образование общедоступным, равным и всесословным. Однако вплоть до революции 1917 года и создания советской системы образования мальчики и девочки по давним традициям обучались не только раздельно, но и в различных учебных заведениях.

Всего в Кавказском учебном округе по состоянию на 1 января 1897 года имелось 18 женских учебных заведений: 11 гимназий и 7 прогимназий с количеством в 5 346 и 990 учениц соответственно ([Кавказский учебный округ в 1896 г., 1898: 44](#)). Среди указанного количества в 1-й Тифлиской женской гимназии было 872 ученицы, во 2-й Тифлиской – 613, в Тифлисском заведении св. Нины – 477, 3-й Тифлиской – 303. Большинство учащихся женского пола были православного вероисповедания (69,6 %), при этом армяно-григорианская православная религия выделялась в отдельную (19,6 % учениц данного вероисповедания). Католиков насчитывалось 4 %, протестанток – 2,2 %, иудеек – 3,8 %, мусульманок – 0,4 %, представительниц других религий – 0,4 % ([Кавказский учебный округ в 1896 г., 1898: 44](#)).

По сословному происхождению учащиеся женского пола Кавказского учебного округа распределялись следующим образом: более половины учащихся относились к дворянскому сословию (52 %), к духовенству – 2,8 %, дочерей почетных граждан и купцов 1-й гильдии было 4,5 %, крестьян – 2,3 %, нижних чинов и казаков – 4,1 %, иностранок – 1,6 %, прочих городских сословий – 32,7 % ([Кавказский учебный округ в 1896 г., 1898: 44](#)). К сожалению, по указанному источнику отграничить представительниц Тифлиской губернии невозможно. Примечательно, что крестьянки также имели доступ к обучению и могли получать образование, что было практически невозможно до реформ

Александра II. Даже контрреформы Александра III не смогли полностью искоренить доступ самых низших сословий к образованию, и с каждым годом их представителей среди получающих образование подданных стало неуклонно расти. Власть в лице правительства Николая II, который первоначально придерживался курса своего отца, понимая неизбежность научно-технического прогресса и, как следствие, повышения уровня образованности населения как необходимый фактор усвоения новых знаний, впоследствии старалась не только не препятствовать, но и поощрять указанную тенденцию. Средняя по округу стоимость обучения одной ученицы оценивалась в 66 рублей ([Кавказский учебный округ в 1896 г., 1898: 46](#)). Всего же в 1896 отчетном году только из средних образовательных учреждений округ выпустил 1069 учениц, в то время как количество «абитуриенток», то есть поступивших на учебу девушек, оказалось на порядок выше – 1 703 чел. ([Кавказский учебный округ в 1896 г., 1898: 44](#)), причем такая динамика с середины 90-х годов XIX века стала носить перманентный характер, что прямо говорит о развитии женского образования в России.

Поведение учащихся-девушек округа в целом оценивалось как отличное (97,8 % имели отметку «5»); в 1896 году было «уволено из заведений за неодобрительное поведение» только две ученицы ([Кавказский учебный округ в 1896 г., 1898: 45](#)).

Персонал женских гимназий округа включал в себя 748 человек; руководство, и в особенности педагогический состав, в большинстве своем состояли из лиц женского пола. Почетных попечителей и попечительниц, председателей и членов попечительских советов насчитывалось 198 человек; директоров, инспекторов и председателей педагогических советов – 18, начальниц – 17, законоучителей – 43, учителей – 159, учительниц – 171, воспитательниц, надзирательниц и пепиньерок¹ – 94, врачей – 11, письмоводителей и делопроизводителей – 5, прочих должностных лиц – 32. На заработную плату сотрудникам расходовалось почти 60 % всех средств, на ремонтные и арендные платежи – 21 %, на содержание воспитанниц пансионеров – чуть более 10 % ([Кавказский учебный округ в 1896 г., 1898: 46](#)).

Несколько слов о деятельности располагавшегося в административном центре Тифлисской губернии Александровского учительского института, который открылся как школа в 1866 году и был преобразован в высшее учебное заведение в 1872 году. Помещение арендовалось у вдовы купца Зетцера за 3 580 рублей в год. На содержание института государство ежегодно выделяло 32 551 руб.; сумма сборов от платы за обучение составляла 3 438 руб., за содержание частных воспитанников – 4 088 руб. Общая сумма поступлений составила на 1 января 1897 года 41 245 руб., израсходовано 38 270 руб.; «профицит» бюджета института составил 2 975 руб. Наиболее крупной расходной статьёй стало содержание воспитанников (7 784 руб.): в среднем по 145 рублей на воспитанника ежегодно ([Кавказский учебный округ в 1896 г., 1898: 46](#)).

Основной библиотечный фонд института включал в себя 3 149 наименований при общем количестве в 5 747 томов, ученический – 611 названий при 962 томах. Имелся в наличии кабинет физики, включавший в себя 7 приборов метеорологических станций, 149 прочих машин и приборов.

Количество учителей и администрации на службе в институте было 14 человек при 95 учащихся в начале учебного года (и 91 в конце). Среди учащихся института 15,4 % составляли дворяне, 3,3 % – духовенство, нижних чинов и казаков – 15,4 %, иностранцев – 1,1 %. Основную массу составляли представители городских сословий (40,6 %) и, что особенно примечательно, крестьяне (24,2 %). По критерию вероисповедания абсолютное большинство учеников принадлежали к православным (85,7 %), к армяно-григорианским православным – 11 %, к католикам, протестантам и мусульманам – по 1,1 % ([Кавказский учебный округ в 1896 г., 1898: 46-47](#)).

Помимо основных дисциплин, с 1895 года ученики занимались «выкормкою шелковичного червя», «метеорологическими наблюдениями под контролем Тифлисской обсерватории», а с октября 1896 года учащимся стали преподавать еще и «обязательный курс занятий ручным трудом» ([Кавказский учебный округ в 1896 г., 1898: 47](#)). Что касается поведения, то абсолютное большинство каких-либо взысканий не имело (91,2 % были аттестованы оценкой «отлично»). Пансионеров при институте насчитывалось 62 человека, 30 из которых содержалось за счет казны; поведение их также оценивалось как «вполне удовлетворительное», за «исключением двух случаев обнаружения» учеников в нетрезвом виде.

Развитие экономики и производства в пореформенный период потребовало не только расширения сети реальных училищ, но и специализированных, так называемых промышленных училищ, которых к 1897 году в Кавказском округе было 10. Однако, в отчетах попечителя округа особо оговорено, что учебных заведений, организованных в соответствии с действующими основными положениями о промышленных училищах, было только пять; остальные, включая Тифлисское Михайловское промышленное училище, действовали на основании собственных, «особых о них положений и уставов» ([Кавказский учебный округ в 1896 г., 1898: 54](#)).

¹ Выпускница, окончившая среднее закрытое учебное заведение и оставленная при нем для педагогической практики.

Понимая важность развития образования в регионах, особенно в Кавказском, правительство Николая II усиленно вкладывало деньги в образовательную сферу, несмотря на стремительное нарастание напряженности на Дальнем Востоке ввиду обострения отношений с Японией из-за активного включения России в борьбу за раздел не только «китайского пирога», но еще и «корейского», а также «традиционно» непростые отношения с Великобританией. Огромная, по нашему мнению, заслуга в таком положении дел принадлежала не только Ивану Давыдовичу Делянову (министру просвещения в 1882–1897 годах), но и Сергею Юльевичу Витте (министру финансов в 1892–1903 годах), который старался «сэкономить» на военной сфере,¹ но поддерживал как экономическую, так и социальную сферу, в том числе – образовательную. Отчет попечителя Кавказского образовательного округа за 1897 год указывает в том числе и на этот факт: «...общая сумма поступлений за истекшие 18 лет увеличилась почти втрое (1 681 и 4 764 тысяч руб.); отпуска (расходы – Авт.) от казны увеличились почти на 80 % (888 и 1 493 тысяч руб.), ассигнования городского и сельских обществ – вчетверо (300 и 1 144 тысяч руб.), сбор за учение и воспитание – почти впятеро (275 и 1 317 тысяч руб.)» ([Кавказский учебный округ в 1897 г., 1899: 59](#)). Безусловно, заслуга в таком положении не только указанных выше чиновников и их предшественников, но и лично императоров, которые прекрасно понимали необходимость образованности населения и смогли создать соответствующую позитивную тенденцию. Плата за обучение в 1896–1897 годах осталась неизменной ([Кавказский учебный округ в 1897 г., 1899: 60](#)).

Общее количество учащихся в округе за два года (с 1896 по начало 1898) увеличилось до 126 067 человек. Если в это число включить учеников прочих учебных заведений, которые не подчинялись непосредственно администрации образовательного округа (частные и иностранные учебные заведения, церковно-приходские школы и пр.; сюда не входили еврейские и мусульманские школы), то количество их достигнет 181 685 человек. Общее количество всех учащихся в округе (вместе с еврейскими и мусульманскими школами) достигало 209 353 человек ([Кавказский учебный округ в 1897 г., 1899: 67](#)).

Примечательно, что женское образование лучше всего развивалось именно в Тифлисской губернии. По состоянию на 1 января 1898 года на 100 учеников-мальчиков приходилось 53 ученицы – весьма достойный показатель, учитывая кавказскую специфику менталитета населения (в качестве сравнения: «аутсайдером» в этом плане была Эриванская губерния, где на 100 учащихся мальчиков приходилось только 16 девочек, а в среднем по округу было 100 к 31) ([Кавказский учебный округ в 1897 г., 1899: 65](#)).

Также именно в Тифлисской губернии и ее административном центре располагались наиболее крупные в округе образовательные учреждения. Если в среднем по округу в учебных заведениях среднего уровня образования насчитывалось по 682 учащегося, то в Тифлисской 1-й женской гимназии было 981 ученица, в Тифлисской 1-й и 2-й гимназиях соответственно 790 и 708 учащихся (из мужских средних учебных заведений самой крупной была Бакинская мужская гимназия с 808 учащимися, которая, впрочем, «недалеко ушла» от 1-й Тифлисской – Авт.), Тифлисская 2-я женская гимназия – 685 учениц, Тифлисская 3-я мужская – 609, Тифлисское реальное училище – 546 ([Кавказский учебный округ в 1897 г., 1899: 66](#)).

Еще один любопытный, на наш взгляд, критерий развития образования – это соотношение количества учащихся к общему числу населения губернии. В источнике указано соотношение к 10 тысячам жителей. Так, в Кавказском округе лидировала Черноморская губерния («государственных» учащихся – 274, вкуче с учащимися «прочих» заведений – 362 на 10 тыс. человек), на втором месте шла Тифлисская губерния с соотношением 204 «государственных» ученика, 269 с учетом «прочих» и 280 с учетом общего количество всех учащихся на 10 тысяч человек ([Кавказский учебный округ в 1897 г., 1899: 67](#)). Очередной пример того, что задача развития образования «вширь» реализовывалась и администрация от сферы образования, ведя подобную статистику, отчитывалась о результативности своей работы и выполнении возложенных на нее задач.

¹ Причем военно-морской; по мнению некоторых дореволюционных историков и экспертов в области военно-морского дела (см., в частности, Н.Л. Кладо ([Klado, 1905](#)), В.И. Семенов ([Семенов, 1907](#)) и др.), которые включают С.Ю. Витте в список виновников поражения в русско-японской войне; помимо прочих причин, в том числе и нецелесообразная и неразумная экономия бюджетных денег на строительстве флота и обустройстве военно-морских баз во Владивостоке и Порт-Артуре привела Россию к разгрому. Советские историки (в частности, А.Н. Степанов, А.С. Новиков-Прибой и др.) «идут» еще дальше, обвиняя уволенного в 1903 году с должности министра финансов Витте не только в военном, но и, как прямое следствие военных неудач, – в «социальном» «разгроме», имея в виду начавшуюся под конец войны революцию 1905–1907 годов. Некоторые биографы С.Ю. Витте (в частности, С.В. Ильин ([Ильин, 2012](#)) и др.) предполагают, что одной из главных причин его «почетной» отставки с поста министра финансов стала «невнимательность» к военной сфере.

Отчет попечителя от 1897 года содержит весьма ценные заключения (то есть вывод), по которым можно сделать не только анализ статистических данных, но и понять проблемы образовательной системы в округе.

В частности, прямо говорится о необходимости расширения русификации региона (этот же, собственно, процесс активно проходил и после присоединения к России во второй половине XIX века территорий Средней Азии): «Для полного объединения края с Империей, равно как и для смягчения нравов края, надо расширить влияние русской школы; войска и земская стража оказываются бессильными там, где не победило воздействие образования» (*Кавказский учебный округ в 1897 г., 1899: 69*). Технологии «ментального завоевания», которые с успехом использовались и используются в независимых государствах-республиках бывшего СССР, как видим, прекрасно понимали и применяли и в Российской империи. Далее К.П. Яновский продолжает: «Результаты получились бы совсем иные, когда бы большая часть расходов на земскую стражу была употребляема на устройство и содержание школ, но только школ правильных, с дополнительным обучением садоводству, пчеловодству, шелководству и вообще тем профессиям, распространение коих в населении способствовало бы улучшению его материального состояния» (*Кавказский учебный округ в 1897 г., 1899: 69-70*). Данный тезис подчеркивает мысль не только о переориентировании средств и «борьбе» за бюджетные деньги, что имело место во все времена, начиная от возникновения первых государств, но и, главное, о практической ориентации с учетом региональной специфики.

В связи с этим автор отчета предлагает ряд мер (пунктуация оригинала сохранена – Авт.): «Исходя из слов Высочайшего повеления 12-го августа 1898 г., г. (*осподин*) попечитель предлагает ряд соответствующих мероприятий: так как многочисленное войско является тяжелым бременем для государства, пекущегося об образовании подданных, так как, с одной стороны, отвлекает большую часть доходов государства, а, с другой стороны, лучших людей отнимает от образования и делает их в это отношении вполне бесполезными, – потому полезнее было бы уменьшить число войска и увеличить его качество: не только физические, но и умственные и нравственные, – этого можно достигнуть только распространением образования при неуклонной совместной работе ведомств военного и народного просвещения. С этой целью г. попечитель, между прочим, предложил со своей стороны расширить военный элемент в образовании подведомственных ему учреждений» (*Кавказский учебный округ в 1897 г., 1899: 70*). Невооруженным глазом видно проникновение в «административные умы» идей С.Ю. Витте о «всемерной экономии», причем за счет военных расходов, а также некоторые менторские нотки у составителя отчета (разумеется в сравнении с предыдущими!) в отношении молодого Николая II, что совершенно не прослеживалось в аналогичных докладах «самовластному» Александру III.

Указывается также необходимость увеличения числа учебных заведений; надо полагать, что региональной «образовательной» администрацией темпы развития образования в Кавказском округе представлялись явно недостаточными: «Признавая необходимость, по крайней мере, в 7 раз увеличить число учебных заведений в крае, г. попечитель указывает на целый ряд местных источников, которые могли бы дать средства для образования» (*Кавказский учебный округ в 1897 г., 1899: 70*). Внимание акцентируется и на развитии технического образования: «С целью распространения технических знаний, г. попечитель находит желательным постепенное открытие при реальных училищах двух и трехлетних курсов технических знаний (например, архитектурного, механического, горного, химического, агрономического и пр.)» (*Кавказский учебный округ в 1897 г., 1899: 70*). Ну и «традиционное» чиновничье желание распространить свою власть более широко: «Желательно объединение в руках министерства народного просвещения заведывания образованием во **всех** (выделено в источнике – Авт.) местных учебных заведениях, которыми теперь заведуют 8 министерств» (*Кавказский учебный округ в 1897 г., 1899: 70*).

Не обошлось и без просьб об улучшении материального обеспечения учителей и образовательной администрации: «Необходимо улучшить материальное положение учителей и других лиц учебного ведомства, так как штаты, постоянно увеличивавшиеся с 1804 г. до 1864, – с тех пор, то есть более, чем за 30 лет, не увеличивались». Также содержалось вполне целесообразное требование о сокращении «бумажной» работы: «Желательно уменьшить количество канцелярской переписки, которая тяжелым бременем ложится на служащих». (*Кавказский учебный округ в 1897 г., 1899: 70*). В конце отчета говорится о частных мерах, которые в целом были вполне логичны, однако «усложняли жизнь» правительству по организации образовательной сферы: «Наконец, г. попечитель указал на желательность двух следующих частных мер: 1) необходимо упорядочить выдачу жалованья учителям начальных училищ, которые зависят от обществ и от их неаккуратности по несколько месяцев не получают жалованья, – для устранения такого положения дел общественный сбор на содержание школ должны взимать вместе с податями, 2) учителям и учительницам начальных училищ, получившим надлежащее педагогическое образование, необходимо исходатайствовать служебные права и права на пенсию» (*Кавказский учебный округ в 1897 г., 1899: 70-71*). К.П. Яновскому на момент составления данного отчета было 75 лет и, судя по особенностям изложения доклада, он не особо боялся потерять свою должность. Однако этот момент не заставил себя долго ждать: в 1901 году в возрасте 78 лет он был «почетно» переведен на должность члена департамента

промышленности, наук и торговли в Государственном совете, позднее был назначен членом Особого присутствия для обсуждения проекта уголовного уложения, а в 1902 году был возведен в чин действительного тайного советника – за полгода до смерти. Похоронен в г. Сухум.

В 1901 году на должность попечителя Кавказского учебного округа был назначен Михаил Ромуальдович (Ромулович) Завадский, однако был в ней недолго, так как в 1906 году был назначен сенатором и уехал в столицу, оставив «пост» Н.Ф. Рудольфу, отслужившему вплоть до развала империи в 1917 году. На основе их отчетов попробуем вкратце осветить основные изменения до 1907 года включительно, которые касались как образовательного округа в целом, так и, прежде всего, системы образования Тифлисской губернии. Говоря о М.Р. Завадском, нельзя не отметить его огромный вклад не только на посту попечителя, но и как педагога, публициста и издателя. В частности, по его инициативе и под его руководством была создана азбука и грамматика для многих народов Кавказа, которые на тот момент не имели собственной письменности; по его инициативе был издан 6-томный труд П.К. Услара «Этнография Кавказа. Языкознание», помимо прочего, включавший в себя словари абхазского, убыхского, сванского, чеченского, аварского, лезгинского, табасаранского и других языков малых народов Кавказа; сложно переоценить важность данного труда в деле интеграции кавказских этносов в общероссийскую семью. На должности попечителя он имел непререкаемый авторитет не только среди педагогического состава и администрации округа, но и учащихся, которые обращались к нему в любых «неразрешимых» вопросах (в частности, во время революции 1905–1907 годов учащиеся Владикавказской гимназии телеграммой обращались к нему с просьбой защитить «против разных несправедливостей гимназического начальства» ([Революция 1905–1907 годов на Тереке, 1980: 39](#)).

Описанием самых важных моментов на основе отчетов М.Р. Завадского занимался А.А. Ильин, подписываясь как «А.А.И.»; эти статьи публиковались в Журналах Министерства народного просвещения. Автор указывает, что «...для распространения начального народного образования, имелись следующие учебные заведения.

- 1) Александровский учительский институт в Тифлисе с 88 учениками.
- 2) 5 учительских семинарий с 365 учащимися.
- 3) 59 городских училищ с 14 455 учащимися.
- 4) 4 горские школы с 518 учащимися.
- 5) 6 Мариинских женских училищ с 1257 учащимися.
- 6) 21 промышленное училище с 1492 учащимися.
- 7) 1875 начальных училищ, из которых 960 приходилось на 3 губернии Северного Кавказа и 915 – на 8 губерний Закавказья» ([Ильин, 1904а: 104](#)).

По состоянию на 1902 год Александровский учительский институт из 88 учащихся выпустил 23 учителя с высшим образованием. Расходы на содержание оценивались в 46 199 рублей, из которых 32 541 руб. (или 71,4 %) был выделен из бюджета. Таким образом, в год на одного ученика приходилось 528 руб. расходов. Национальный состав выпускников 1902 года: абсолютное большинство (16 человек) были русскими, 4 грузина и 4 армянина; из них 18 получили места в дирекциях Кавказского округа, 4 – в других округах ([Ильин, 1904а: 105](#)). Предполагаем, что местное (в основном – грузинское) население больше предпочитало занятие традиционными сельскохозяйственными промыслами и военным делом, поэтому высшее образование старались получить очень немногие. Вместе с тем «институтское» образование, как и сам институт, современниками причислялись к средним, а не к высшим учебным заведениям: «Средних учебных заведений, к которым причислены учительская семинария и учительский институт, в округе было 67...» (из отчета попечителя за 1904 год – Авт.) ([Ильин, 1906: 37](#)).

Общий бюджет городских училищ насчитывал 558 994 руб., из которых бюджетными были лишь 155 322 руб. Наиболее дорого в округе обходилось содержание 2-го Тифлисского училища (29 622 руб.), дешевле всего – Армавирского (всего лишь 179 руб.) ([Ильин, 1904а: 106](#)).

В 1904 и 1905 годах вновь поступивших в гимназии учеников было 1840 человек или 50,8 %. Если сравним с предыдущими отчетами (см. выше), то увидим значительный прирост. Не все выдерживали выпускные экзамены: из 582 учеников завершающего 8 класса были допущены до «испытания» 496 чел., а выдержали его 475 учащихся или 95,7 % ([Ильин, 1906: 37](#)). В современных отечественных средних учебных заведениях процент успешно сдавших выпускные экзамены достигает практически 100 %, в то время как нынешнее качество образования в большинстве случаев у многих людей вызывает лишь иронию (особенно обучавшихся в советское время)...

По национальному составу по состоянию на 1905 год из общего количества учащихся в Кавказском образовательном округе русских было 36,9 %, армян – 29,5 %, грузин – 16,2 %, татар – 3,4 %, евреев – 5,3 %, горцев – 2,1 %, других национальностей – 6,6 %. Как видно из статистики, представители армянской национальности были весьма заинтересованы в получении образования и грамотности ([Ильин, 1906: 37](#)).

Ассигнования, полученные как от государства, так и из прочих источников (оплата за обучение, пожертвования и другие сборы), увеличивались с каждым годом: в частности, в 1896 году на содержание только 14 гимназий и прогимназий округа поступило 849 207 рублей, что на 37 406 больше предыдущего года. Половину стоимости их содержания оплатил бюджет (50,6 % суммы), значительную часть – ¼ (24,2 %) – составила оплата за обучение учащихся, 1/10 часть оплатили частные пансионеры (11,6 %), еще меньше – сборы от городских обществ (6,8 %). Другие официальные источники оказались совсем мизерными в сравнении с упомянутыми ([Кавказский учебный округ в 1896 г., 1898: 31](#)). Оплата за обучение в сравнении с 60-ми годами XIX века незначительно подросла; в частности, в 3-й Тифлисской гимназии она составляла от 66 до 70 рублей ([Кавказский учебный округ в 1896 г., 1898: 32](#)).

Постепенно меняется и дотационная конъюнктура: активно развивающаяся Ставропольская губерния требовала средств на содержание гимназий (Ставропольская гимназия получила 74 609 руб.), Тифлисская 1-я гимназия оказалась на третьем месте (62 885 руб.) после Кутаисской гимназии (69 070 руб.) ([Кавказский учебный округ в 1896 г., 1898: 31](#)). Однако, как видим, суммы приблизительно сходны и отследить стоимость содержания в перерасчете на одного обучающегося по данному отчету попечителя не представляется возможным.

Отчеты попечителей подтверждают поступательный рост учебных заведений. В частности, в следующем, 1897 году, количество таковых по округу увеличилось на 166 – до 1486 ([Кавказский учебный округ в 1897 г., 1899: 57](#)).

Улучшалось и оснащение учебных заведений. В частности, кабинеты физики (в источнике – «физические кабинеты»; сюда включали также «химические» и «естественно-исторические кабинеты») всего учебного округа включали 26 836 наименований различных приборов (в среднем по 571 штуку на одно учебное заведение) на сумму 205 216 руб. (в среднем на одно учебное заведение – 4 366 руб.). Стоимость всех кабинетов всех учебных заведений округа увеличилась до 248 525 руб. Появился новый критерий – «стоимость учебно-вспомогательного учреждения»; в совокупности по округу она составляла 1 612 560 руб. ([Кавказский учебный округ в 1897 г., 1899: 59](#)).

Вместе с тем нельзя всецело говорить о том, что образование стало более доступным, так как стоимость обучения хоть и медленно, но перманентно повышалась. В частности, в сравнении с 1896 годом в следующем, 1897 году, оплата за обучение в среднем выросла до 80 рублей в средних учреждениях, 30 рублей в низших учебных учреждениях, в начальных – до 45 рублей ([Кавказский учебный округ в 1897 г., 1899: 60](#)). В частных образовательных организациях оплата доходила до 240 рублей, но ее в нашу статистику мы не включаем, так как, во-первых, их было относительно немного в сравнении с государственными, во-вторых, учебные курсы у «частников» строились по собственной программе и не отражали в полной мере тенденции развития общеимперской системы образования.

При этом стоимость (то есть расход на обучение) одного учащегося в средних учебных заведениях Кавказского учебного округа составляла 95 руб., в низших – 45 руб., в частных в среднем – 43 руб., в начальных – 14 руб. Как видим, государство старалось «по максимуму заработать» на начальных учебных заведениях, низшие училища и средние учебные заведения дотировались. Самый высокий расход на обучение имел место как раз в Тифлисской губернии: образование одного будущего учителя в учительском институте в Тифлисе обходилось в 334 рубля, а в Закавказской учительской семинарии, основанной в 1876 году и расположенной в г. Гори, равнялось 312 рублям. Это, видимо, определяется тем, что для подготовки преподавателей требовался широкий круг высокооплачиваемых узкопрофильных специалистов, а также широкий перечень оборудования и учебных пособий. Наименьшие затраты на получение подданными среднего образования были в городских училищах (34 руб.) и мореходных классах (22 руб.). Содержание пансионеров в средних учебных заведениях обходилось учреждениям в 237 рублей при плате от 80 до 300 руб. за место в пансионе, в низших – 127 рублей при плате от 60 до 140 рублей ([Кавказский учебный округ в 1897 г., 1899: 60](#)). Таким образом, каждое учреждение имело свою «пансионную» цену и при ее формировании учитывалось множество факторов: стоимость аренды помещения (если таковая имелаась), общий уровень благосостояния жителей населенного пункта и пр.

Исследователи отмечают (см., например, [Богоявленский, 1911](#); [Богоявленский, 1912а](#)), что о «благополучии» образовательного департамента (дирекции) косвенно может говорить содержание библиотечного фонда, а именно – количество библиотечных экземпляров (в том числе и на количество преподаваемых дисциплин), широта освещаемых библиотечным фондом наук, а также качество и глубина содержания отдельно взятых книг и учебных пособий. И в этом отношении Тифлисская дирекция выгодно отличалась от других «образовательных» регионов Кавказского учебного округа. Так, по состоянию на 1 января 1895 года средняя стоимость библиотечного фонда в округе составляла в мужской гимназии 27 337 руб., при этом фонд Тифлисской 1-й мужской гимназии оценивался в 46 247 руб., Ставропольской – 36 909 руб., Кутаисской – 33 328 руб. ([Кавказский учебный округ в 1894 г., 1897: 53-54](#)); в других гимназиях, вероятно, стоимость библиотечного фонда была еще меньше. Средняя стоимость изданий в библиотеках реальных училищ была 26 839 руб., колеблясь «от 24 и за 80 тысяч, кроме Ставропольского – на 1 566 руб.», при этом книжный фонд

библиотеки в Тифлисском реальном училище оценивался в значительные 83 271 руб. В женских гимназиях и прогимназиях средняя стоимость библиотечного фонда была 9 099 руб. и 1 761 руб. соответственно, при этом в 1-й Тифлисской женской гимназии – 20 574 руб. (библиотечный фонд прочих – от 1 тыс. до 15 тыс. рублей). Исключением на этом фоне выглядит только 3-я Тифлисская женская гимназия с библиотекой на сумму в 848 руб., что может объясняться ее недавним открытием. Ремесленные училища Тифлисской губернии также не были «обделены вниманием»: стоимость учебного имущества в среднем варьировалось от 3 тыс. до 15 тыс. рублей, в Тифлисском же училище таковая составляла 20 948 руб. ([Кавказский учебный округ в 1894 г., 1897: 53-54](#)).

По этим сведениям, полагаем, можно сделать вывод о том, что Тифлисская дирекция и подчиненные ей учебные заведения остро не нуждались в средствах и прочем материальном обеспечении; более того, с учетом демографической ситуации и важности региона (как в промышленном, так и военном и социальном отношениях) есть все основания полагать, что образовательные учреждения Тифлисской губернии дотировались государством приоритетно, хотя в источниках этот момент прямо никак не оговаривается.

Интересен тот факт, что заключительный абзац педагогического отчета 1894 года содержит в себе не только политический «реверанс» монаршей особе, но и проливает свет на факты «добровольного» изыскания средств у своих сотрудников и учащихся на развитие образования: «Конец отчетного 1894 года омрачен был тяжким постигшим Россию несчастьем – болезнью и кончиной Монарха, светлый образ Которого запечатлен был в сердцах учащихся и учащихся недавним посещением многих Кавказских учебных заведений. Стремясь увековечить память в Боге почившего Государя Императора Александра III, учебные заведения Кавказского округа приняли живое участие в составлении капитала для сооружения в Москве памятника и на образование стипендий Его Имени для детей бедных родителей. С упованием обращаясь к Августейшему Первенцу Его, ныне благополучно царствующему Государю Императору, отдельные общества в ознаменование вступления Его на царство и совершившегося бракосочетания составили приговоры об обложении себя сбором денег на содержание новых школ и расширение существующих» ([Кавказский учебный округ в 1894 г., 1897: 68](#)). Популярный и поныне бюрократический способ «поиска» финансовых ресурсов «внутри» своего ведомства в действии...

Вместе с тем система «вспомоществования» давала весьма приличные суммы. В Кавказском учебном округе общества вспомоществования существовали при семи гимназиях и одной (Пятигорской) прогимназии, главной целью которых было оказание помощи в оплате обучения ученикам из небогатых семей. У некоторых гимназий цели были шире. В частности, при 2-й Тифлисской гимназии, которая «не располагает нужными ...средствами», благотворительное гимназическое общество оказывало материальную помощь непосредственно заведению, в том числе – даже на строительство здания гимназического пансиона и больничного здания при нем. За все время существования благотворительные общества в Кавказском учебном округе смогли собрать 174 074 руб. – очень крупная по тем временам сумма, из которой 89 590 были потрачены на учебные пособия учащимся, 49 377 – на другие надобности и 35 107 еще «имеются в наличности» ([Кавказский учебный округ в 1896 г., 1898: 32](#)).

Следует несколько слов сказать и про дисциплинированность Тифлисского департамента «управления образованием». Как отмечает в своем отчете за 1894 год попечитель Кавказского учебного округа К.П. Яновский, «...относительно мусульманских и еврейских школ новые сведения были получены только по одной Тифлисской дирекции, а по остальным дирекциям или вовсе не представлено сведений, или повторены прошлогодние данные» (орфография источника сохранена – Авт.) ([Кавказский учебный округ в 1894 г., 1897: 51](#)).

Разумеется, исследование будет неполным без анализа отчета попечителя Н.Ф. Рудольфа за последний анализируемый в данной статье отчетный период – 1907 год. Попробуем вкратце осветить основные его статистические данные.

Сразу же обратим внимание на огромный по тем временам документооборот, на проблему величины которого указывал в свое время М.Р. Завадский: согласно журналу регистрации, за календарный 1907 год зарегистрировано было 23 931 входящих и 23 820 исходящих документов ([Кавказский учебный округ в 1907 г., 1908: 1](#)).

К началу 1907 года в округе было 17 мужских гимназий и 6 прогимназий; ровно через год их количество увеличилось на одну, соответственно до 18 и 7. Тифлис как региональный центр лидировал по количеству мужских гимназий и прогимназий: в нем находилось 4 гимназии и 1 прогимназия, в то время как в следующих по количеству центрах – только две (2 гимназии в Екатеринодаре, 1 гимназия и 1 прогимназия в Баку) ([Кавказский учебный округ в 1907 г., 1908: 1](#)).

Количество классов за отчетный год также увеличилось с 280 до 306 ([Кавказский учебный округ в 1907 г., 1908: 3-4](#)).

Библиотечный фонд в фундаментальных библиотеках гимназий и прогимназий округа включал 50 020 наименований книг («названий») в 125 384 томах со стоимостью в 197 716 руб.; в отчетном году общая стоимость «гимназических» изданий в округе увеличилась на 4 485 руб. Наиболее богатой, как и прежде, была 1-я Тифлисская гимназия, причем не только в части книг, но еще и по количеству наглядных пособий. Ученические библиотеки, разумеется, были скромнее и состояли из 35 136 названий в 59 442 томах при стоимости в 51 817 руб. ([Кавказский учебный округ в 1907 г., 1908: 5](#)). При двух Тифлиских, а также Ставропольской, Кутаисской и Эриванской гимназиях существовали и «пансионные» библиотеки. Разумеется, чем «моложе» было учебное заведение, тем скуднее, как правило, была его библиотека. В частности, одной из наиболее «бедных» ученических библиотек была 4-я Тифлисская.

Количество служащих мужских гимназий и прогимназий увеличилось до 660 человек, что даже по сравнению с предыдущим 1907 годом больше на 48 ([Кавказский учебный округ в 1907 г., 1908: 9](#)), причем вакантных мест к концу 1907 года не было ([Кавказский учебный округ в 1907 г., 1908: 12](#)).

Общее количество мальчиков в мужских гимназиях и прогимназиях было 10 902 чел. Мальчики и девочки обучались, как и раньше, отдельно, однако в округе исключением стала Сочинская мужская прогимназия, где в качестве эксперимента в 1907 году было введено совместное обучение учеников и учениц. Таким образом, в учебных заведениях данного типа была и 21 ученица ([Кавказский учебный округ в 1907 г., 1908: 14](#)).

В мужских гимназиях по-прежнему большинство составляли православные христиане (6125 чел.), на втором месте – представители армяно-григорианской церкви (2842). Иудеев насчитывалось 692 чел., мусульман – 609, католиков – 400. Если рассматривать сословный состав учащихся, то больше всего было детей-представителей мещан и цеховых рабочих (3 361 чел.) на втором месте – учащихся-потомков личных дворян и чиновников (2 814 чел.), на третьем, что примечательно, – детей крестьян, на четвертом – почетных граждан и купцов (1167) ([Кавказский учебный округ в 1907 год, 1908: 15-16](#)). По национальностям, большую часть учащихся мужских гимназий и прогимназий составляли русские (41,4 %), на втором месте были армяне (26,4 %), на третьем – грузины (17,7 %) ([Кавказский учебный округ в 1907 год, 1908: 16](#)).

В реальных училищах по округу к 1908 году количество учеников достигло 6 801, что по сравнению с 1907 годом было больше на 333 чел. Православных из них было 4 392, армяно-григорианских православных – 1 019, мусульман – 791, иудеев – 256, католиков – 175. Сословное представительство: дети потомственных дворян – 486, личных дворян и чиновников – 1567, мещан и цеховых – 2049, крестьян – 1163, почетных граждан и купцов – 728, духовенства – 251, казаков – 403, иностранцев – 62, прочих – 92. Национальный состав: русские – 3303 (48,6 %), армяне – 1038 (15,2 %), грузины – 842 (12,4 %), горцы – 580 (8,5 %), татары – 454 (6,6 %), другие – 956 (8,7 %) ([Кавказский учебный округ в 1907 г., 1908: 38-39](#)). По количеству учащихся Тифлиское реальное училище было на третьем месте (758 чел.) после Бакинского (846) и Кутаисского (763) ([Кавказский учебный округ в 1907 г., 1908: 40](#)). Оплата в Тифлиском училище составляла 80 рублей, что было по округу весьма высоко (самым дорогим училищем было Темрюкское (86 руб.), самым дешевым – Темир-Хан-Шуриновское (30 руб.) ([Кавказский учебный округ в 1907 г., 1908: 48](#)).

Активно развивалось и женское образование. Так, к 1907 году в округе действовало женских 32 гимназии и 10 прогимназий, а к 1908 году их количество увеличилось до 33 и 12 соответственно ([Кавказский учебный округ в 1907 г., 1908: 50](#)). Больше всего женских гимназий было в Тифлиской губернии, в самом Тифлисе насчитывалось 5 гимназий и заведение св. Нины с курсом гимназии. Общее число учениц к 1 января 1908 года составляло 16 649 чел., увеличившись в сравнении с предыдущим годом на 1011 чел. ([Кавказский учебный округ в 1907 г., 1908: 58, 63](#)). Количество служащих составляло 1411 чел. (1255 чел. в гимназиях и 156 чел. в прогимназиях). Наибольший прирост учащихся-девочек закономерно пришелся на Тифлискую губернию. Наиболее крупными женскими гимназиями были опять-таки Тифлиские: 2-я женская Тифлисская – 1021 чел., 1-я женская Тифлисская – 897 чел. (на третьем месте располагалась Владикавказская женская гимназия с числом учащихся в 888 чел.) ([Кавказский учебный округ в 1907 г., 1908: 64](#)). По вероисповеданию большинство учениц были православными христианками (11 282 чел.), по сословному признаку большая часть – дочери мещан и цеховых (5 305 чел.). Более половины всех учениц были русскими по национальности (8 655 чел. или 52 %) ([Кавказский учебный округ в 1907 г., 1908: 65](#)). Аттестаты в 1907 году получили 94,4 % сдававших выпускные экзамены учениц.

Попробуем вышеуказанные данные свести в общую таблицу для наглядного представления развития системы народного образования в Российской империи в 1894–1907 годах (применительно к Кавказскому учебному округу в целом).

Таблица 1. Количество средних учебных заведений и их учащихся на территории Кавказского учебного округа с 1894 по 1907 годы (по состоянию на 1 января отчетного года) (Отчет попечителя, 1894; Отчет попечителя, 1895; Отчет попечителя, 1896; Отчет попечителя, 1898; Отчет попечителя, 1899; Отчет попечителя, 1900; Отчет попечителя, 1904; Отчет попечителя, 1907)

Годы	Количество учебных заведений							Количество учащихся		
	Гимназий		Прогимназий		Реальные училища	Учительский институт	Учительские семинарии	Мальчиков	Девочек	Всего
	Мужских	Женских	Мужских	Женских						
1894	9	11	3	5	8	1	4	7110	4917	12027
1895	9	11	3	7	8	1	4	7497	5276	12773
1896	10	11	4	7	8	1	4	8139	5702	13841
1898	14	14	2	7	9	1	4	10242	8151	18801
1899	14	14	2	8	9	1	4	11336	8697	20033
1900	12	17	1	7	10	1	4	11786	9627	21413
1904	12	20	1	5	12	1	4	н/д	н/д	н/д
1907 ¹	18	33	7	10	16	1	5	18145	16649	34794

Как видно из данных, приведенных в **Таблице 1**, количество учащихся постоянно увеличивалось и на протяжении анализируемых 13 лет не было ни одного года, чтобы общее количество обучающихся уменьшилось. Если брать статистику по низшим учебным заведениям (городские училища, горские и начальные школы и др.), то там картина будет еще более впечатляющей. То же касается и других учебных заведений, причем, если в определенный год учреждений какого-либо типа стало меньше (например, мужских гимназий в 1900 г. или женских прогимназий в 1904 г.), то общее количество не только не уменьшилось, но и увеличилось. Объяснение простое: учебное заведение трансформировалось в другое или повысилось в уровне (например, в том же 1904 году две женские прогимназии повысились до уровня гимназий). Всего же с 1894 по 1907 годы количество учащихся средних учебных заведений увеличилось с 12027 до 34794, то есть практически в три раза! Без преувеличения такой успех правительства Николая II и его лично, а также образовательной администрации Кавказского учебного округа можно назвать великолепным, особенно учитывая крайне болезненную во всех отношениях для России русско-японскую войну и Первую русскую революцию.

Таблица 2. Процентное соотношение распределения учащихся средних учебных заведений училищ Кавказского учебного округа по национальностям с 1894 по 1907 годы (по состоянию на 1 января отчетного года)² (Отчет попечителя, 1894; Отчет попечителя, 1895; Отчет попечителя, 1896; Отчет попечителя, 1898; Отчет попечителя, 1899; Отчет попечителя, 1900)

Годы	Русские	Грузины	Армяне	Татары	Горцы	Другие национальности
1894	50	10,1	23,4	3,5	4,7	н/д
1895	46,3	14,7	24	3,5	3,7 ³	6,1 ⁴
1896	45,3	19,1 ⁵	26,1	3,4 ¹	4,3 ²	н/д ³

¹ Статистика указана по состоянию на 31 декабря 1907 года.

² Применительно к учащимся гимназий и прогимназий, реальных училищ как наиболее многочисленных заведений. В женских гимназиях статистика по национальному признаку приводилась не всегда.

³ Данные неполные и приведены применительно к реальным училищам. По другим перечисленным учебным заведениям в отчете попечителя статистика не приводится.

⁴ Данные неполные и приведены применительно к реальным училищам. По другим перечисленным учебным заведениям в отчете попечителя статистика не приводится.

⁵ Статистика приведена лишь применительно к гимназиям, прогимназиям; по другим учебным заведениям данных нет.

1898 ⁴	50,4	18,8	17,4	3,3	2,8	7,3
1899 ⁵	49,9	18,7	18,5	3,3	2,7	7,4
1900 ⁶	48,8	19,2	17,5	3,2	2,9	7,4

Данные **Таблицы 2** наглядно показывают, что основным заказчиком образовательных услуг в средних учебных заведениях было русскоязычное население. Процентное соотношение от года к году менялось незначительно и всегда составляло около половины всех обучающихся. Процент грузинского населения, желающего получить образование, увеличился за 6-летний период (1894–1900) в два раза, в то время как процент учащихся армянской национальности несколько упал (однако в технически ориентированных, а также в низших учебных заведениях перманентно рос, что, вероятно, связано с сугубо практическими целями получения образования данной этнической группы; подобная ситуация складывалась и у горцев).

Таблица 3. Процентное соотношение распределения учащихся средних учебных заведений Кавказского учебного округа по вероисповеданию с 1894 по 1907 годы (по состоянию на 1 января отчетного года)⁷ (Отчет попечителя, 1894; Отчет попечителя, 1895; Отчет попечителя, 1896; Отчет попечителя, 1898; Отчет попечителя, 1899; Отчет попечителя, 1900)

Годы	Православные	Католики	Армяно-григориане	Протестанты	Иудеи	Мусульмане	Другие исповедания
1894 ⁸	61	н/д	23	н/д	н/д	н/д	н/д
1895	64,5	2,5 ⁹	24	0,8 ¹⁰	1,6 ¹¹	4,5 ¹²	0,8 ¹³
1896	60	2,9 ¹⁴	25,3	2 ¹⁵	2,4	6,2	0,7 ¹⁶
1898 ¹⁷	68,9	1,7	17,1	3,7	1,2	5,4	2
1899 ¹⁸	68,7	1,8	17,7	3,3	1,3	5,2	2
1900 ¹⁹	68,5	1,7	17,8	3	1,4	5,6	2

¹ Статистика приведена лишь применительно к гимназиям, прогимназиям; по другим учебным заведениям данных нет.

² Данные неполные и приведены применительно к реальным училищам. По другим перечисленным учебным заведениям в отчете попечителя статистика не приводится.

³ Применительно к гимназиям и прогимназиям в отчете указано лишь количество учащихся из еврейских семей (3,2 %), другие национальности не указаны. В реальных училищах к числу «прочих национальностей» отнесено 4 %.

⁴ Статистика приведена по всем учащимся округа.

⁵ Статистика приведена по всем учащимся округа.

⁶ Статистика приведена по всем учащимся округа.

⁷ Применительно к учащимся гимназий и прогимназий, реальных училищ как наиболее многочисленных заведений.

⁸ Отчет попечителя Кавказского учебного округа за 1894 год не делает четких разделений по религиозному признаку, выделяя из всех только две наиболее крупные группы.

⁹ Применительно к реальным училищам. По другим перечисленным учебным заведениям в отчете обобщенных данных не приводится (только по конкретным учебным заведениям).

¹⁰ Применительно к реальным училищам. По другим перечисленным учебным заведениям в отчете обобщенных данных не приводится (только по конкретным учебным заведениям).

¹¹ Применительно к реальным училищам. По другим перечисленным учебным заведениям в отчете обобщенных данных не приводится (только по конкретным учебным заведениям).

¹² Применительно к реальным училищам. По другим перечисленным учебным заведениям в отчете обобщенных данных не приводится (только по конкретным учебным заведениям).

¹³ Применительно к реальным училищам. По другим перечисленным учебным заведениям в отчете обобщенных данных не приводится (только по конкретным учебным заведениям).

¹⁴ Применительно к реальным училищам. По другим перечисленным учебным заведениям в отчете обобщенных данных не приводится (только по конкретным учебным заведениям).

¹⁵ Применительно к реальным училищам. По другим перечисленным учебным заведениям в отчете обобщенных данных не приводится (только по конкретным учебным заведениям).

¹⁶ Применительно к реальным училищам. По другим перечисленным учебным заведениям в отчете обобщенных данных не приводится (только по конкретным учебным заведениям).

¹⁷ Статистика приведена по всем учащимся округа.

¹⁸ Статистика приведена по всем учащимся округа.

¹⁹ Статистика приведена по всем учащимся округа.

Статистический анализ данных количества учащихся по конфессиональному признаку наглядно демонстрирует превалирование православных христиан. Безусловно, православие являлось одним из скрепов тогдашнего общества, несмотря на то, что «уваровская» формула «православие, самодержавие, народность» 2-й четверти XIX века давно ушла в прошлое. Исходя из указанной в таблице 3 информации легко сделать вывод о том, что «конфессиональное» процентное соотношение обучающихся практически не менялось и было сильно привязано к национальному признаку. С учетом этого факта можно сделать и другой вывод: в течение анализируемого периода доступ к образованию для всех сословий был одинаковым и соотношение незначительно менялось лишь в зависимости от количества поступивших учеников определенной национальности.

Таблица 4. Сословное распределение учащихся средних учебных заведений Кавказского учебного округа с 1894 по 1907 годы (по состоянию на 1 января отчетного года)¹ (Отчет попечителя, 1894; Отчет попечителя, 1895; Отчет попечителя, 1896; Отчет попечителя, 1898; Отчет попечителя, 1899; Отчет попечителя, 1900)

Годы	Потомственные дворяне	Дети личных дворян и чиновников	Дети мещан и цеховых рабочих	Дети купцов	Дети духовенства	Дети почетных граждан	Иностранцы	Дети крестьян	Прочие
1894	н/д	58 ²	30,7 ³	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
1895	н/д	35,8 ⁴	39,8 ⁵	н/д	2,6 ⁶	н/д	0,9 ⁷	34 ⁸	н/д
1896	н/д	37	39,8 ⁹	н/д	2,1 ¹⁰	н/д	1,4 ¹¹	24,7 ¹²	н/д
1898 ¹³	н/д	10,4	23,9	н/д	1,7	н/д	0,7	63,3	н/д
1899 ¹⁴	н/д	9,8	23,1	н/д	1,6	н/д	0,6	64,9	н/д
1900 ¹⁵	н/д	9,4	23,1	н/д	1,8	н/д	0,5	65,2 ¹⁶	н/д

Разграничивать учащихся по сословному признаку оказалось весьма непростым (да и неточным) делом, так как источник не всегда указывал конкретное сословие (например, несколько

¹ Применительно к учащимся гимназий, прогимназий и реальных училищ.

² В отчете 1894 года нет деления дворян на потомственных и личных. Условно мы отнесли этот показатель к личным дворянам, которых было больше, чем потомственных.

³ В отчете 1894 года нет деления по конкретным сословиям, проживавшим в городах (купцы, иностранцы, мещане, рабочие, купцы, духовенство и др.). Условно мы отнесли этот показатель к наиболее многочисленному городскому сословию – мещанам и цеховым рабочим.

⁴ Данные по гимназиям и реальным училищам; в реальных училищах детей дворян было мало (13,8 %), в гимназиях – более 55 % (Отчет попечителя, 1895).

⁵ По аналогии с отчетом 1894 года в данную категорию причислены указанные в отчете 1895 года «городские сословия», так как более четкого деления не проводилось.

⁶ Применительно к реальным училищам. По другим перечисленным учебным заведениям в отчете обобщенных данных не приводится (только по конкретным учебным заведениям).

⁷ Применительно к реальным училищам. По другим перечисленным учебным заведениям в отчете обобщенных данных не приводится (только по конкретным учебным заведениям).

⁸ Применительно к реальным училищам. По другим перечисленным учебным заведениям в отчете обобщенных данных не приводится (только по конкретным учебным заведениям).

⁹ Статистика рассчитана по аналогии с предыдущими отчетами.

¹⁰ Применительно к реальным училищам. По другим перечисленным учебным заведениям в отчете обобщенных данных не приводится (только по конкретным учебным заведениям).

¹¹ Применительно к реальным училищам. По другим перечисленным учебным заведениям в отчете обобщенных данных не приводится (только по конкретным учебным заведениям).

¹² Применительно к реальным училищам. По другим перечисленным учебным заведениям в отчете обобщенных данных не приводится (только по конкретным учебным заведениям).

¹³ Статистика приведена по всем учащимся округа.

¹⁴ Статистика приведена по всем учащимся округа.

¹⁵ Статистика приведена по всем учащимся округа.

¹⁶ В отчете вносятся сюда сельские сословия, а также дети нижних чинов и казаков.

сословий были объединены как «городские», куда могли входить и чиновники, и купцы, и разночинцы («мещане»), и рабочие). Более того, в отчетах нет единообразия: применительно к одному учреждению определенное сословие автор выделяет, применительно к другому – нет. Поэтому некоторые графы всецело заполнены меткой «н/д» («нет данных» – Авт.), а некоторые графы отнюдь не претендуют на точность, ибо из текста отчета нет возможности точно определить, сколько было среди учащихся детей потомственных дворян, а сколько – из семей родителей, имеющих личное дворянство. Однако данная информация в общих чертах может дать представление о социальном заказчике образовательных услуг. В частности, резко увеличилось количество крестьянского населения, вплоть до 2/3 от общего числа людей, желающего получить образование, – факт, который невозможно было представить себе еще 40 лет назад, – еще одна неоспоримая заслуга правительства Николая II.

5. Заключение

Подытоживая сказанное, отметим ключевые моменты, обозначенные выше:

1. В период с 1894 по 1907 годы система образования развивалась перманентно и поступательно: охват населения образованием увеличивался с каждым годом.
2. Администрация Кавказского образовательного округа в целом, и Тифлисской дирекции в частности, всецело «отрабатывали» задачу правительства – расширение образования не столько «вглубь», сколько «вширь», стараясь дать населению хотя бы минимальный уровень грамотности (основы арифметики и языкознания).
3. В период «всемерной экономии», которую «проповедовал» С.Ю. Витте, управляющая образованием администрация «проталкивала» идею о необходимости «образовательного» воздействия на массы, нежели содержание военной силы. Правительство, судя по отчислениям на систему образования в округе, всецело эту идею не поддержало, хотя ассигнования все же увеличило.
4. Основную часть финансирования «бюджетных» учреждений составляли выделяемые из казны ассигнования, однако государство покрывало расходы отнюдь не в 100-процентном объеме. Помощь в финансировании оказывали городские общества, благотворители, а также родители самих учащихся, что было «обычным делом».
5. Несмотря на кавказскую специфику менталитета и миф «о ненужности» образования женщинам, количество женских образовательных учреждений в Кавказском учебном округе, и в особенности Тифлисской губернии, не только не было меньше, но в случаях с гимназиями и прогимназиями было даже больше, чем мужских. Не будет, пожалуй, преувеличением тезис о том, что среднее женское образование развивалось стремительно; более того, в качестве эксперимента в Сочинской гимназии впервые на Кавказе было введено совместное обучение учащихся обоих полов.
6. На протяжении исследуемого периода поступательно росло количество обучающихся из числа крестьян, что может напрямую говорить о реализации принципа всесословности и всеобщности образования; не будет, по нашему мнению, преувеличением тезис о том, что к 1908 году была подготовлена база к внедрению общеобязательного всеобщего начального образования.
7. Большинство обучающихся были православными христианами и русскими по национальности, то есть количество русскоязычных жителей было весьма велико и именно они были главными «заказчиками» образовательных услуг. Однако неуклонно растет и число коренных местных народов Кавказа и Закавказья, желающих получить образование; больше других к этому стремились армяне и грузины, в меньшей степени – представители удаленных горских населенных пунктов. Соответственно, процентное соотношение количества русскоязычных подданных постепенно уменьшается.
8. К среднему гуманитарному образованию больше тяготело русскоязычное население, в то время как представители коренных народов Кавказа и Закавказья больше стремились к точным наукам: процент обучающихся в реальных и городских училищах выше, чем в учреждениях с гуманитарным уклоном.

Литература

- АКАК** – Акты, собранные Кавказской комиссией. Т. 8. Тифлис, 1881.
- Богоявленский, 1911** – Богоявленский А.А. Библиотечное дело в начальных училищах Кавказского учебного округа // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1911. № 6.
- Богоявленский, 1912a** – Богоявленский А.А. Библиотечное дело в начальных училищах Кавказского учебного округа // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1912. № 5.
- Богоявленский, 1912b** – Богоявленский А.А. Библиотечное дело в начальных училищах Кавказского учебного округа (продолжение) (Черноморская губерния в т.ч.) // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1912. № 6.
- Богоявленский, 1912c** – Богоявленский А.А. Библиотечное дело в начальных училищах Кавказского учебного округа (продолжение) // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1912. № 12.

[Богоявленский, 1913](#) – Богоявленский А.А. Библиотечное дело в начальных училищах Кавказского учебного округа (продолжение) // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1913. № 1.

[Брокгауз–Ефрон, 1901](#) – Тифлисская губерния // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907. Т. 65. СПб., 1901.

[Всеобщая перепись населения, 1897](#) – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Том 18. Тифлисская губерния / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905.

[Гатагова, 1993](#) – Гатагова Л.С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М.: Россия молодая, 1993.

[Деятельность Кавказского учебного округа за 1908–1912 гг., 1914](#) – Деятельность Кавказского учебного округа за 1908–1912 гг. // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1914. № 8.

[Зажаев, 1909](#) – Зажаев П. Городские училища по положению 1872 года в России и на Кавказе // На Кавказе. 1909. № 4.

[Зейдлиц, 1894](#) – Зейдлиц Н.К. Свод статистических данных о населении Закавказья, с полным алфавитным указателем городов и деревень края. Тифлис, 1894.

[Ильин, 1904b](#) – Ильин А.А. Кавказский учебный округ в 1903 г. // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1904. № 11.

[Ильин, 1904a](#) – Ильин А.А. Кавказский учебный округ в 1902 г. // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1904. № 6.

[Ильин, 1906](#) – Ильин А.А. Кавказский учебный округ в 1904 г. // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1906. № 5.

[Ильин, 2012](#) – Ильин С.В. Витте. Изд. 2-е, испр. М.: Молодая гвардия, 2012.

[Исторический обзор..., 1902](#) – Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 / Сост. С.В. Рождественский. СПб., 1902.

[Кавказский учебный округ в 1894 г., 1897](#) – Кавказский учебный округ в 1894 // *Журнал Министерства народного просвещения*. Январь. 1897.

[Кавказский учебный округ в 1894 г., 1897](#) – Кавказский учебный округ в 1894 г. // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1897. № 1.

[Кавказский учебный округ в 1896 г., 1898](#) – Кавказский учебный округ в 1896 г. // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1898. № 3.

[Кавказский учебный округ в 1897 г., 1899](#) – Кавказский учебный округ в 1897 г. // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1899. № 2.

[Кавказский учебный округ в 1907 г., 1908](#) – Отчет о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа за 1907 год. Тифлис, 1908.

[Кобахидзе, 2015](#) – Кобахидзе Е.И. Законодательство 1840–1870-х гг. в области образования как фактор интеграции кавказской школы в российскую систему народного просвещения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. *Вопросы теории и практики*. 2015. № 10. Ч. 3.

[Материалы по истории..., 1942](#) – Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории завоевания осетин русским царизмом / Сост. В.С. Гальцев. Орджоникидзе, 1942. Т. II.

[Народное образование, 1980](#) – Народное образование и педагогическая мысль России кануна и начала империализма (Малоисследованные проблемы и источники). Сборник научных трудов. / Под ред. Э.Д. Днепров. М., 1980.

[Обзор, 1884–1912](#) – Обзор Тифлисской губернии. Тифлис: Тип. канцелярии Наместника Кавк., 1884–1912.

[Отчет попечителя, 1894](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1894 г. Тифлис, 1895.

[Отчет попечителя, 1895](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1895 г. Тифлис, 1896.

[Отчет попечителя, 1896](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1896 г. Тифлис, 1897.

[Отчет попечителя, 1898](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1898 г. Тифлис, 1899.

[Отчет попечителя, 1899](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1899 г. Тифлис, 1900.

[Отчет попечителя, 1900](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1900 г. Тифлис, 1901.

[Отчет попечителя, 1904](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1904 г. Тифлис, 1905.

[Отчет попечителя, 1907](#) – Отчет попечителя Кавказского учебного округа «О состоянии учебных заведений» за 1907 г. Тифлис, 1908.

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи.

Революция 1905–1907 годов на Тереке, 1980 – Революция 1905–1907 годов на Тереке. Документы и материалы в 2-х томах. Том 1 / Сост. А.К. Джанаев и др. Орджоникидзе: Ир, 1980.

Семенов, 1907 – Семенов В.И. Расплата. СПб.: Тип. Т-ва М.О. Вольф, 1907.

Фарфоровский, 1909 – Фарфоровский С.В. Народное образование среди кочующих народов Северного Кавказа в связи с современным их бытом (Ставропольская губерния) // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1909. № 9.

Фарфоровский, 1912 – Фарфоровский С.В. Народное образование в Кавказском учебном округе (Кубань) // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1912. № 4.

Федорченко, 2003 – Федорченко В.И. Императорский Дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий. Т. 2. Красноярск: Бонус, 2003.

Cherkasov, 2011 – Cherkasov A.A. All-Russian Primary Education (1894-1917): Developmental Milestones // *Social Evolution & history*. 2011. № 2 (10).

Gogitidze, Shiukashvili, 2016 – Gogitidze M., Shiukashvili I. To the Issue on the History of the Cadet Corps in Tiflis // *Voennyi Sbornik*. 2016. Vol.(12), Is. 2.

Klado, 1905 – Klado N. The Russian navy in the Russo-Japanese war. London: G. Bell, 1905.

Magsumov et al., 2018 – Magsumov T.A., Artemova S.F., Ustinova O.V., Vidishcheva E.V. Public education system in the Caucasus region in the 1850s: Unification and regulation of educational process // *European Journal of Contemporary Education*. 2018. 7(3): 598-607.

Magsumov et al., 2020 – Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E. The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 221-234.

Mamadaliyev et al., 2020 – Mamadaliyev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 235-247.

Mamadaliyev et al., 2020a – Mamadaliyev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 56. Is. 2. 9(1): 530-540.

Natolochnaya et al., 2016 – Natolochnaya O.V., Kryukova N.I., Buslaev S.I. The development of the public education system in the Caucasus in the pre-revolutionary period (1905–1917 years) // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 39, Is. 1.

Shevchenko et al., 2016 – Shevchenko N.A., Vidishcheva E.V., Emelyanova O.V. The Establishment of the System of Public Education in the Caucasus (1802–1917 years): the Characteristic Features // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 40, Is. 2.

References

АКАК – Акты, собранные Кавказской комиссией [Acts collected by the Caucasus commission]. Т. 8. Тифлис, 1881. [in Russian]

Bogoyavlenskii, 1911 – Bogoyavlenskii A.A. (1911). Bibliotechnoe delo v nachal'nykh uchilishchakh Kavkazskogo uchebnogo okruga [Librarianship in primary schools of the Caucasian educational district]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo prosveshcheniya*. № 6. [in Russian]

Bogoyavlenskii, 1912a – Bogoyavlenskii A.A. (1912). Bibliotechnoe delo v nachal'nykh uchilishchakh Kavkazskogo uchebnogo okruga [Librarianship in primary schools of the Caucasian educational district]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo prosveshcheniya*. № 5. [in Russian]

Bogoyavlenskii, 1912b – Bogoyavlenskii A.A. (1912). Bibliotechnoe delo v nachal'nykh uchilishchakh Kavkazskogo uchebnogo okruga (prodolzhenie) (Chernomorskaya guberniya v tch) [Librarianship in primary schools of the Caucasian educational district (continuation) (including the Black sea province)]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo prosveshcheniya*. № 6. [in Russian]

Bogoyavlenskii, 1912c – Bogoyavlenskii A.A. (1912). Bibliotechnoe delo v nachal'nykh uchilishchakh Kavkazskogo uchebnogo okruga (prodolzhenie) [Librarianship in primary schools of the Caucasian educational district (continuation)]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo prosveshcheniya*. № 12. [in Russian]

Bogoyavlenskii, 1913 – Bogoyavlenskii A.A. (1913). Bibliotechnoe delo v nachal'nykh uchilishchakh Kavkazskogo uchebnogo okruga (prodolzhenie) [Library science in the primary schools of the Caucasian educational district (continued)]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo prosveshcheniya*. № 1. [in Russian]

Brokgauz-Efron, 1901 – Tiflisskaya guberniya [Tiflis province]. *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona*: v 86 t. (82 t. i 4 dop.). SPb., 1890-1907. Т. 65. SPb., 1901. [in Russian]

Cherkasov, 2011 – Cherkasov A.A. (2011). All-Russian Primary Education (1894-1917): Developmental Milestones. *Social Evolution & history*. № 2 (10).

Deyatel'nost' Kavkazskogo uchebnogo okruga za 1908-1912 gg., 1914 – Deyatel'nost' Kavkazskogo uchebnogo okruga za 1908-1912 gg. [Activities of the Caucasian educational district for 1908-1912]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo prosveshcheniya*. 1914. №8. [in Russian]

Farforovskii, 1909 – Farforovskii S.V. (1909). Narodnoe obrazovanie sredi kochuyushchikh narodov Severnogo Kavkaza v svyazi s sovremennym ikh bytom (Stavropol'skaya guberniya) [Public education among

the nomadic peoples of the North Caucasus in connection with their modern life (Stavropol province)]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo prosveshcheniya*. № 9. [in Russian]

[Farforovskii, 1912](#) – *Farforovskii S.V.* (1912). Narodnoe obrazovanie v Kavkazskom uchebnom okruge (Kuban') [Public education in the Caucasian educational district (Kuban)]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo prosveshcheniya*. № 4. [in Russian]

[Fedorchenko, 2003](#) – *Fedorchenko V.I.* (2003). Imperatorskii Dom. Vydayushchiesya sanovniki: Entsiklopediya biografii [Imperial House. Outstanding Dignitaries: Encyclopedia of Biographies]. T. 2. Krasnoyarsk: Bonus. [in Russian]

[Gatagova, 1993](#) – *Gatagova L.S.* (1993). Pravitel'stvennaya politika i narodnoe obrazovanie na Kavkaze v XIX v. [Government policy and public education in the Caucasus in the XIX century]. M.: Rossiya molodaya. [in Russian]

[Gogitidze, Shiukashvili, 2016](#) – *Gogitidze M., Shiukashvili I.* (2016). To the Issue on the History of the Cadet Corps in Tiflis. *Voennyi Sbornik*. Vol.(12), Is. 2.

[Il'in, 1904a](#) – *Il'in A.A.* (1904). Kavkazskii uchebnyi okrug v 1902 g. [Caucasian educational district in 1902]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo prosveshcheniya*. № 6. [in Russian]

[Il'in, 1904b](#) – *Il'in A.A.* (1904). Kavkazskii uchebnyi okrug v 1903 g. [Caucasian educational district in 1903]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo prosveshcheniya*. № 11. [in Russian]

[Il'in, 1906](#) – *Il'in A.A.* (1906). Kavkazskii uchebnyi okrug v 1904 g. [Caucasian educational district in 1904]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo prosveshcheniya*. № 5. [in Russian]

[Il'in, 2012](#) – *Il'in S.V.* (2012). Vitte [Vitte.]. Izd. 2-e, ispr. M.: Molodaya gvardiya. [in Russian]

[Istoricheskii obzor, 1902](#) – Istoricheskii obzor deyatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1802–1902 [A historical review of the activities of the Ministry of Education]. Sost. S.V. Rozhdestvenskii. SPb., 1902. [in Russian]

[Kavkazskii uchebnyi okrug v 1894 g., 1897](#) – Kavkazskii uchebnyi okrug v 1894 [Caucasian educational district in 1894]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Yanvar'. 1897. [in Russian]

[Kavkazskii uchebnyi okrug v 1894 g., 1897a](#) – Kavkazskii uchebnyi okrug v 1894 g. [Caucasian educational district in 1894]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo prosveshcheniya*. 1897. № 1. [in Russian]

[Kavkazskii uchebnyi okrug v 1896 g., 1898](#) – Kavkazskii uchebnyi okrug v 1896 g. [Caucasian educational district in 1896]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo prosveshcheniya*. 1898. № 3. [in Russian]

[Kavkazskii uchebnyi okrug v 1897 g., 1899](#) – Kavkazskii uchebnyi okrug v 1897 g. [Caucasian educational district in 1897]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo prosveshcheniya*. 1899. № 2. [in Russian]

[Kavkazskii uchebnyi okrug v 1907 g., 1908](#) – Otchet o sostoyanii uchebnykh zavedenii Kavkazskogo uchebnogo okruga za 1907 god [Report on the state of educational institutions of the Caucasus educational district for 1907]. Tiflis, 1908. [in Russian]

[Klado, 1905](#) – *Klado N.* (1905). The Russian navy in the Russo-Japanese war. London: G. Bell.

[Kobakhidze, 2015](#) – *Kobakhidze E.I.* (2015). Zakonodatel'stvo 1840–1870-kh gg. v oblasti obrazovaniya kak faktor integratsii kavkazskoi shkoly v rossiiskuyu sistemu narodnogo prosveshcheniya [Legislation of the 1840–1870s in the field of education as a factor in the integration of the Caucasian school in the Russian system of public education]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. № 10. Ch. 3. [in Russian]

[Magsumov et al., 2018](#) – *Magsumov T.A., Artemova S.F., Ustinova O.V., Vidishcheva E.V.* (2018). Public education system in the Caucasus region in the 1850s: Unification and regulation of educational process. *European Journal of Contemporary Education*. 7(3): 598-607.

[Magsumov et al., 2020](#) – *Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E.* (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 221-234.

[Mamadaliev et al., 2020](#) – *Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A.* (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 235-247.

[Mamadaliev et al., 2020a](#) – *Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A.* (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2. *Bylye Gody*. Vol. 56. Is. 2. 9(1): 530-540.

[Materialy po istorii, 1942](#) – Materialy po istorii osetinskogo naroda: sbornik dokumentov po istorii zavoevaniya osetin russkim tsarizmom [Materials on the history of the Ossetian people: a collection of documents on the history of the conquest of ossetians by Russian tsarism]. Sost. V.S. Gal'tsev. Ordzhonikidze, 1942. T. II. 360 p. [in Russian]

[Narodnoe obrazovanie, 1980](#) – Narodnoe obrazovanie i pedagogicheskaya mysl' Rossii kanuna i nachala imperializma (Maloissledovannye problemy i istochniki) [Public education and pedagogical thought of Russia on the eve and beginning of imperialism (Little explored problems and sources)]. Sb. nauchnykh trudov. Pod red. E.D. Dneprova. M., 1980. [in Russian]

[Natolochnaya et al., 2016](#) – *Natolochnaya O.V., Kryukova N.I., Buslaev S.I.* (2016). The development of the public education system in the Caucasus in the pre-revolutionary period (1905–1917 years). *Bylye Gody*. Vol. 39, Is. 1.

- Obzor, 1884-1912** – Obzor Tiflisskoi gubernii [Review of the Tiflis province]. Tiflis: Tip. kantselyarii Namestnika Kavk., 1884-1912. [in Russian]
- Otchet popechitelya, 1894** – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1894 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district “On the state of educational institutions” for 1894]. Tiflis, 1895. [in Russian]
- Otchet popechitelya, 1895** – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1895 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district “On the state of educational institutions” for 1895]. Tiflis, 1896. [in Russian]
- Otchet popechitelya, 1896** – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1896 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district “On the state of educational institutions” for 1896]. Tiflis, 1897. [in Russian]
- Otchet popechitelya, 1898** – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1898 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district “On the state of educational institutions” for 1898]. Tiflis, 1899. [in Russian]
- Otchet popechitelya, 1899** – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1899 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district “On the state of educational institutions” for 1899]. Tiflis, 1900. [in Russian]
- Otchet popechitelya, 1900** – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1900 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district “On the state of educational institutions” for 1900.]. Tiflis, 1901. [in Russian]
- Otchet popechitelya, 1904** – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1904 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district “On the state of educational institutions” for 1904]. Tiflis, 1905. [in Russian]
- Otchet popechitelya, 1907** – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga «O sostoyanii uchebnykh zavedenii» za 1895 g. [Report of the trustee of the Caucasian educational district “On the state of educational institutions” for 1895]. Tiflis, 1908. [in Russian]
- PSZRI** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. [in Russian]
- Revolyutsiya 1905-1907 godov na Tereke, 1980** – Revolyutsiya 1905-1907 godov na Tereke. Dokumenty i materialy v 2-kh tomakh. Tom 1 [Revolution of 1905-1907 on the Terek. Documents and materials in 2 volumes. Vol. 1]. Sost. A.K. Dzhanayev i dr. Ordzhonikidze: Ir, 1980. [in Russian]
- Semenov, 1907** – *Semenov V.I.* (1907). Rasplata [Reckoning]. SPb.: Tip. T-va M.O. Vol'f. [in Russian]
- Shevchenko et al., 2016** – *Shevchenko N.A., Vidishcheva E.V., Emelyanova O.V.* (2016). The Establishment of the System of Public Education in the Caucasus (1802–1917 years): the Characteristic Features. *Bylye Gody*. Vol. 40. Is. 2.
- Vseobshchaya perepis' naseleniya, 1897** – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. Tom 18. Tiflisskaya guberniya [The First General census of the population of the Russian Empire in 1897. Volume 18. Tiflis Province]. Pod red. N.A. Troinitskogo. SPb.: Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del, 1905. [in Russian]
- Zazhaev, 1909** – *Zazhaev P.* (1909). Gorodskie uchilishcha po polozheniyu 1872 goda v Rossii i na Kavkaze [City schools on the state of 1872 in Russia and the Caucasus]. Na Kavkaze. № 4. [in Russian]
- Zeidlits, 1894** – *Zeidlits, N.K.* (1894). Svod statisticheskikh dannykh o naselenii Zakavkaz'ya, s polnym alfavitnym ukazatelem gorodov i dereven' kraja [A set of statistical data on the population of Transcaucasia, with a complete alphabetical index of cities and villages of the region]. Tiflis. [in Russian]

Система народного образования в Тифлисской губернии в период 1802–1917 гг. Часть 3

Анвар Мирзахматович Мамадалиев ^{a, b, *}, Дмитрий Вячеславович Карпунин ^c,
Наталья Викторовна Свечникова ^d, Ауде Медико ^e

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^d Российский экономический университет им. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Женевский университет, Женева, Швейцария

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: anvarm@mail.ru (А.М. Мамадалиев)

Аннотация. Статья посвящена проблеме развития системы образования Кавказа на закате существования Российской империи, то есть в период правления Николая II. Географические рамки ограничены территорией Тифлисской губернии. В данной части рассматривается развитие системы образования до принятия закона от 3 мая 1908 года, который изменил сам подход к системе начального образования, поэтому хронологические рамки обозначены 1894–1907 годами. В статье анализируются статистические источниковые данные о количестве учебных заведений и их «ранговом» уровне (начальные, средние, высшие), уровне доступности (на примере Тифлисской губернии), а также проблемы и качество функционирования образовательной системы губернии в условиях перехода от абсолютной монархии к конституционной, а также русско-японской и Первой мировой войн. В качестве источников были привлечены такие документы, как Полное собрание законов Российской империи, акты Кавказской археографической комиссии, Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. (т. 18), «Свод статистических данных о населении Закавказья, с полным алфавитным указателем городов и деревень края» (1894), Отчеты попечителей Кавказского учебного округа за 1894–1907 годы и др.

Ключевые слова: система образования Российской империи, Тифлисская губерния, система народного просвещения, народные школы.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1085-1092. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1085
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Aristocratic Groups of Dagestan in Relations with the Russian Empire and the Imamate in the first half of the XIX century

Dmitry V. Ovsjannikov ^{a, *}

^a St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

The article refers to the problem of the ruling aristocratic groups in Dagestan in the first half of the XIX century. The attention is paid to the issues related to the relations of representatives of the mountain nobility with the Russian military administration and with the structures of Muslim statehood (Imamate) in the specified period. The opus presents the results of an analysis of military-political events during which the region became part of the Russian Empire. Particular (Special) attention is paid to the issue of the struggle for power and the subsequent change of traditional power groups in Dagestan. It is concluded that this process took place not only under the pressure of Russian military officials who doubted the loyalty of the mountain aristocracy, but also due to the fact that only a few of the representatives of nobility were able to integrate into the new system of power relations within the framework of the Imamate. The question also arises of the degree of influence of individual owners and their relatives on the genesis of the Imamate and its further functioning, including the extent to which their actions contributed to the spread of the ideas of muridism in Dagestan and Chechnya. The novelty of the study is seen in an attempt to present these events using the terminological apparatus adequate to describe the Islamic society. The work is relevance due to the acute controversy taking place in the scientific community on the role of individual historical figures in these events and ambiguous interpretations of their heritage. All this is analyzed on the basis of a system-historical approach, using the achievements of social science and attracting a wide range of material, including unpublished archival sources.

Keywords: Russian Empire, Caucasus, Dagestan, Imamate, aristocracy, the ruling groups, highlanders.

1. Introduction

At the beginning of the XIX century the Russian Empire continued to build up its presence and dominance in the Northeast Caucasus. This process took place against the backdrop of confrontation with Qajar Persia and the Ottoman Empire. The glorious victory of Russian arms was crowned by the Gulistan Peace Treaty, signed in October 1813. The Shah renounced his claims to Dagestan and accepted its annexation to Russia.

During this period, pressure grew on indigenous aristocratic groups from the unions of rural communities in Dagestan. The level of public solidarity (what Ibn Khaldun called *asabiyya*) in the free communities of highlanders began to surpass the cohesion among the quasi-feudal lords. The accessibility of firearms for the highlanders-community members eliminated the power monopoly of the Dagestani rulers. At the same time, the demographic growth of the highlander population was facilitated by the introduction from the Transcaucasus to Interior or Nagorny (upland/mountain) Dagestan at the end of the XVIII century high-yielding agricultural crops (rice and corn) (Khapizov, 2013: 63).

* Corresponding author

E-mail addresses: d.ovsiannikov@spbu.ru (D.V. Ovsjannikov)

We must turn to the calculations given by A.P. Tormasov for 1811, S.M. Bronevsky at the beginning of the 1820s and A.V. Komarov in the mid-1860s to estimate the approximate size and age and gender composition of the population of Dagestan at the beginning of the XIX century.

According to Tormasov, in average, there were 6 people per family household in Dagestan, and this indicator applies to both the plain and mountainous areas of the region. However, about a number of districts, such as Avar Khanate and Shamkhalate of Tarki, as well as Kayak and Tabasaran Tormasov directly wrote that «their possessions ... are not numbered» and only «should roughly assume» how many people actually lived there (Tormasov, 1958: 237-238). Bronevsky's information is less precise, but he dispenses with assumptions and provides complete information only on the number of households and families, which complicates the calculation of the population (Bronevsky, 1823: 58-59). Finally, according to Komarov's data in the mid-1860s on average, there were more than 4.58 people per household in Dagestan (Komarov, 1869: 123).

It should be mentioned that the calculations above are largely evaluative, and also take into consideration the dynamics of hostilities in the Caucasus. Thus, it makes sense to say that in the first quarter of the XIX century with the traditional birth rate and before the start of large-scale hostilities («The Caucasian War»), every fourth inhabitant of Dagestan belonged to the category of youth.

Based on this, as a hypothesis, let us turn to the empirical model of J. Goldstone (Goldstone, 1991: 2-3). According to his calculations (the case of the Peasant War in Germany and the French Revolution), if the share of youth in the social structure exceeds 25 %, then this becomes not sufficient, but a necessary condition for social cataclysm. This kind of commotion was the process of changing the ruling groups in the Dagestani society, which coincided with the integration of the region into the Russian Empire. This led to changes that were revolutionary. However, as A. Toynbee noted, «any revolution is a search for a new elite». The former aristocratic rulers were losing power, but they still continued to play a significant role in events.

Based on a wide range of sources, we will try to analyze the role of the Dagestani aristocracy as a relatively closed ruling group in terms of class in the confrontation between the Russian Empire and the Imamate. We will also try to identify the reasons for the systemic crisis of this social group, which demonstrated itself in their «izmelchanie» (degradation) and the subsequent elimination of possessions by the tsarist power. To understand the motives of the behavior of this or that aristocrat in the course of military and political events, we will provide information about his origin and the degree of kinship with other representatives of the Dagestan nobility.

2. Materials and methods

A common feature of the most studies on the Caucasus is the transfer to the Caucasian society the concepts that are alien to its nature, taken from the European experience of comprehending the socio-historical process. This, in our opinion, prevents the allocation of systemic qualities and system-forming elements inherent only to it (Caucasian society). In many respects, modern authors have not gone beyond the class approach and continue to follow in the mainstream of the traditional Marxist «five-member» system. Alternatively, we will proceed from the fact that Sunni Islam, which underwent qualitative changes under the influence of the Naqshbandiyya tariqat (Sufi order), becomes an essential characteristic of the social life of the highlanders of Dagestan during this period. The new stage of the Islamization of the region also transformed the system of power relations, which turned out to be even more densely incorporated into Islam according to the principle of Euler's circles. It was these parameters that gave the Caucasian society a new trajectory of historical movement towards the end of the 1820s. However, the inability to fit this trajectory into the logic of the evolution of the Russian system, which was much stronger, more complex and larger, caused the duration and painfulness of Dagestan's entry into Russia. Since the research is of a historical and sociological nature, we used the achievements of such representatives of social science as B. Moore, Jr., G. Standing and the above-mentioned J. Goldstone.

As sources, we used unpublished archival documents extracted from the funds of the Central State Historical Archives of Georgia (CSHAG) and the Russian State Historical Archives (RSHA). Important information is contained in a report written in 1843 by the captain of the General Staff A.K. Vranken. The document is an example of the tactical vision of the military planning authorities of the Russian Empire of the operational situation during the Caucasian War.

3. Discussion

In Russian historiography, attention to the quasi-feudal groups of Dagestan is observed, as a rule, in the context of research on regional history. The Dagestan nobility fell into the optics of researchers studying the history of individual state formations in the region. Soviet historical science reduced the strategy of autocracy in the Caucasus to the search for support in the face of the «reactionary feudal elements» of the mountain society, which, in turn, used the Russian bayonet to strengthen control and exploitation of ordinary bridles, appropriating an already small «surplus» product (Magomedov, 1957; Khashaev, 1961). A contribution to the study of this problem was also made in the post-Soviet period. New sources were introduced into scientific circulation and a significant number of works were published on the problem of the ruling aristocratic circles. The works of T.M. Aitberov, Sh.M. Khapizov, B.G. Aliev, in which the social nature of the khan's families of Dagestan is analyzed in detail, including their relationships, family ties, as well as

their role in the military-political events associated with the entry of the region into the Russian Empire are of interest for our article (Aitberov, 1990; Aitberov, 2017; Khapizov, 2013; Aliev, 2006). The outstanding ethnographer Yu.Yu. Karpov made a great contribution to the understanding of the specifics of social relations of the mountaineers of the Caucasus, including the potestary problem (Karpov, 2016).

Within the framework of foreign studies, it is worth noting the works of individual English-speaking authors about the integration of the Caucasus into the Empire, which touches the problem of the indigenous elites of the region (Khodarkovsky, 2008). At the same time, we tried to take into account the works that allow us to understand the specifics of social changes in Dagestan, as well as to determine the place of these changes in a number of similar processes associated with the reaction to the «civilizing» actions of European powers taking place in other regions of the Muslim world (Kisriev, 2006; Keddie, 1994).

Thus, we have not identified any separate studies on this historical plot, which, despite its seeming narrowness, is in many ways an issue of the decisive importance for the history of Dagestan's entry into Russia.

4. Results

By the beginning of the XIX century, there were about two dozen estates in Dagestan, located in the plains and foothills. Most of the rulers of Northern and Nagorny Dagestan were representatives of the Shamkhal clan and its lateral branches. Shamkhal's residence was located in Tarki. At the same time, the ownership of Mekhtuly was virtually independent of him, as well as biliks in Buinak, Karabudakhkent, Kazanishchi and beyond the river Sulak (Endirey, Aksay and Kostek Principalities). The power of the Shamkhal was limited by other members of the clan and was not hereditary until the arrival in the region of the Russian Empire (Magomedov, 1957: 189). At the beginning of the XIX century the Nutsal of Avaria, whose possession was located in the interfluvium of the Avar and Andiy koisu, and the residence in Khunzakh, was the Paraul bek Sultan-Akhmed from the clan of khans of Mehtuly, married to Pakhu-bike, the daughter of the late Avar Nutsal Uma-khan the Great. The relatives of Sultan-Akhmed were the rulers of Mekhtuly and Dzhengutay and also descended from the Shamkhal root (Mekhtulinskiy hany, 1869: 3). In central Dagestan since the XVII century power belonged to the khans of Gazikumukh, who were the younger branch of the Shamkhal clan. In 1812, from the lands on the Kyura plane, Agul, Koshan, Kurakh and Richin rural communities that were previously part of the Gazikumukh Khanate, the Russian military administration separated the Kyura Khanate. Aslan Khan (with the rank of colonel in the Russian army) was appointed its ruler. In alliance with the Russians, he confronted his uncle, the strong-willed and enterprising Surkhay-khan, the ruler of Gazikumukh, who was an implacable enemy of Russia (A.K., 1869: 19-20).

Analyzing the possessions of Southern Dagestan, we will dwell our attention in more detail on the Ilisu Sultanate, whose rulers have replaced the rulers of Tsakhur. The sultans were elected at gatherings from the representatives of the dynasty, and the election was a kind of compromise with the Tsakhur communities (jamaats). Until 1830, Ahmad-Khan was the sultan. After the death of Ahmad-Khan and his eldest son Musa, another son, Daniyal-bek, became sultan, whose maternal grandfather was Surkhay-khan Gazikumukh. (Linevich, 1873: 37).

It should be noted that the development of structures of the feudal type had a characteristics different from the European «standard», and, therefore, it is incorrect to call this system feudal. A low degree of social stratification was an essential characteristic of the historically established social relations in Dagestan. One of the manifestations of the peculiarity of potestary relations was the absence of entitlement, mentioned above. «The temporary dominion of the khans was based only on their personal power or on moral influence», – noted D.A. Milyutin (Milyutin, 1850: 13). Moreover, it was precisely the «moral influence» strengthened by the construction of a genealogy to glorious ancestors that allowed the rulers to claim power not only on the plain, but also (albeit nominally) in the mountainous regions. Those it can be argued that the power of local rulers was patrimonial. The symptomatic characteristic given by General R.F. Rosen to the system of power in Avaria: «... the government of Avaria is public, while the khan, as if out of mercy and according to customs, is given a small share of his crops and herds for feeding» (Rosen, 1958: 291). The source of power, in contrast to Western Europe, in Dagestan was the highlander community (jamaat), whose decisions were made at gatherings similar to those of the ancient ecclesia. In large settlements, such as Khunzakh, the community acted not as a vassal of the ruler, but as his partner. It was the jamaat that endowed Nutsal with the right to collect taxes from subordinate villages (Aitberov, 1990: 9-17). In turn, even before the coming Russia to Dagestan, there was a kind of infiltration of the aristocracy into the top of the rural communities, which was facilitated by the tradition of the Avar Nutsals (*bal*) (Aitberov, Khapizov, 2017: 25). The descendants and relatives of the Nutsals moved to remote villages as hereditary «commandants» and also became hereditary rural foremen. The mountainous areas were controlled by the unions of rural communities, which were highlander polities, which were virtually not subject to the plane rulers. The khans were unable to subdue the mountain jamaats by force. However, the tradition described above contributed to the inclusion of rural communities in the orbit of influence of the Dagestani rulers within the framework of union relations.

However, a serious external influence from the Russian Empire led to changes in the existing system of social relations. To gain a foothold in the integrated territories, Russia tried to find the support among the rulers of Dagestan. If they entered the Russian service, they received patronage in return for civil strife and

the threat of a Persian invasion. In these conditions, the aristocrats sought to expand their influence on rural communities, which had previously successfully repulsed them. So the already mentioned Aslan-khan for almost 20 years contested in his favor the arable land in the Quba province (CSHAG coll. 2. aids. 1. fol. 774. L. 2–55), and Danial-bek had land claims to the inhabitants of the Jar (CSHAG coll. 2. aids. 1. fol. 10322). But at the same time, in the 1810s some of the rulers of Dagestan tried to defend the independence of external relations, which they were deprived when they received Russian titles. Many of them have developed stable ties with both Turkish and Persian border officials, and they have benefited from such a «multi-vector» policy. An example of such a ruler was Surkhay-khan. The aristocracy of Dagestan found itself socially squeezed by the Russian Empire on the one hand, which meant the prospect of being included in the Russian noble corporation (which was partially hindered by the Muslim religion), on the other hand, it was pressured by the expanded unions of rural communities, armed and ready to defend freedom.

The Russian command did not intend to endure such a khan's freedom for a long time. In 1816 A.P. Ermolov was appointed commander of the Separate Georgian Corps (renamed the Separate Caucasian Corps in 1820) and continued the course of P.D. Tsitsianov based on forceful methods. This led to the fact that in the summer of 1818 an uprising of part of the Dagestan rulers broke out against the Russian administration. The so-called «khan movement» was headed by Sultan-Ahmed-khan of Avar, his brother Hasan, Khan of Mekhtuly and Surkhay, Khan of Gazikumukh. The Khans called for a ghazavat to gather the highlander masses around them (Narodno-osvoboditel'naya, 2005: 19). However, after a series of defeats from the Russian troops during 1819, the khan's coalition collapsed, and the most militant of the leaders – Surkhay-khan - escaped to Persia. From that moment on, a clear course of the Russian administration was traced to reshape the political map of the region to suit its needs.

In January 1820 Aslan, Khan of Kyura was appointed the Khan of Gazikumukh, as a reward for helping the Russian troops (CSHAG coll. 2. aids. 1. fol. 1009. p. 1). He persistently and consistently strove to expand his possessions, using the reputation of a loyal ruler for Russia. At the same time, the cruelty of the khan was widely known, which he easily got away with. A contemporary of events A. Omarov mentioned a case in the Lak aul, where the khan and his nukers «dragged the women, took the chickens from the highlanders and reveled» (Omar-ogly, 1868: 30–31). Aslan-khan's commitment to Russia was largely formal and pragmatic. «His constant policy was to make himself necessary for the Russian government, but not to allow us to strengthen in Dagestan», – wrote about him Captain A.K. Vranken (RSHA coll.1268. aids 1. fol. 545. p. 19). At the same time, the Russian troops by the very fact of potential interference served as support for such rulers. From them, the Russians received help in the form of fodder, provisions and the participation of militia units in actions against the non-peaceful highlanders.

Another rebellious leader, Hasan, Khan of Mehtuly, was replaced by the loyal Ahmad-khan, who faithfully served the tsar for more than 20 years, «understood the Dagestanis well, was strict with them to the point of cruelty and generous to the point of wastefulness». After his death in 1843, without a firm ruling hand, the Mekhtulins began not to regularly expose the militia, to deserted from its ranks, and in July of the same year, a battalion of the Apsheron regiment was sent to punish the inhabitants of the village of Kaka-Shura, which was part of the Mehtuly Khanate, who raised revolt against the captain Ali-Sultan, the owner of them (RSHA coll.1268. aids1. fol. 545. p. 28).

Tarki shamkhals Mekhti and his sons Suleiman and Abu Muslim were the most consistent supporters of Russia. At the same time, the «weak character and mind», as well as the lack of «love and respect» of their subjects made them an unnecessary link in the management chain. A contemporary noted that the Kumyks «are more willing to have direct relations with the Russians than with their ruler, who often withholds part of the money that comes from the treasury for carts, food delivery, etc.» (RSHA coll.1268. aids1. fol. 545. p. 28–29). Thus, the weak rulers did not meet the requirements of the Russian command and did not properly control their subjects. The era of truly strong rulers who could unite Dagestani uzdens (free community members) around themselves ended in the XVIII century. Charismatic figures like Uma-khan or Surkhay-khan were gone to the past. And by the end of the 1820s the sermons of Magomed Yaragsky and the spread of the Naqshbandiyya tariqat in Dagestan drew a line under the bygone era.

So, in the 1820s a movement for the introduction of Sharia law in Dagestan and Chechnya was unfolding. This movement aimed at eliminating the khan's power, which controlled by the Russians. The confrontation with Russia and the khans bore the character of a gazavat. The former ruling groups were losing their necessity and legitimacy in the mind of the highlanders. Earlier, the leaders of the «khan's movement» in 1818–1819. have already tried to play the Islamic card, calling for gazavat. However, such appeals from the lips of the rulers were not able to win over to their side the large unions of rural communities. The Dagestani rulers were in a state of «cold war» with them. And in turn, rural communities, fighting the khans, sought to expand their territory and solve the problem of land-hunger. This is reflected in Dagestan folklore («The Legend of the Brave Khochbar»). This confrontation continued and even intensified with the spread of the Naqshbandiyya tariqat. In the arabographic Dagestan literature, we find the fixation of a sharply negative attitude towards the native aristocracy from the part of the murids. The main accusations boiled down to the facts that the khans are henchmen of the «infidels» (Russians), adhere to adats and do not correspond to the moral canons of Islam, are slaves to their vices (al-Karakhi, 1941: 33–34; Genichutlinsky, 1992: 58–59).

The central event in changing power relations in Dagestan was the ruination of the Nutsal ruling house. The second imam Gamzat-bek, the son of Aliskander-bek (an associate of Uma-khan the Great), was brought up in the Nutsal house. However, in August 1834 he occupied Khunzakh with an army. At the same time, the murids dealt with the female ruler Pakhu-bike (the widow of one of the leaders of the «khan's movement» in 1818-1819, Nutsal Sultan-Ahmed-khan, who died in 1826) and her elder sons Abu-Sultan and Uma-khan. The youngest son Bulach was previously taken by Imam Gamzat-bek as an amanat during negotiations and taken to the village Gotsatl. The massacre in Khunzakh, initialized by the murids, led to the fact that the people of Avaria were divided into supporters of the Nutsal government and supporters of the imam. Most of the first party (primarily the residents of Khunzakh) supported the candidacy of Bulach-khan. Perhaps for this reason, in 1843, Shamil razed Khunzakh to the ground, as punishment for its inhabitants for refusing to support the murids. However, there was also another contender for the Nutsal – the young Fet-Ali-bek, the grandson of Nutsal Gebek. The imam managed to usurp the Nutsal power. Gamzat-bek was a native of the nobility and, perhaps, therefore, sought to seize power in Khunzakh, using Sharia as a pretext for realizing his ambitions. Adherence to Sharia and ghazavat became instruments for achieving this power. But on September 19, 1834, he was killed in the mosque of Khunzakh by Usman and Hadji Murad. They were the foster brothers of the children of Pakhu-bike. The murids were put to flight and left Khunzakh, but Bulach-khan died tragically, never returning to Khunzakh from Gotsatl. As a result, the actual control of Avaria was in the hands of Aslan-khan, who had long been striving towards this goal (his mother was the sister of Uma-khan the Great). Previously, he supported the candidacy of Bulach-khan. Aslan reasonably believed that the Russian administration would approve him in the rank of atalyk at the minor Nutsal. However, his power was relatively short-lived: Aslan-khan died in 1836, being the ruler of significant territories of Dagestan. Sic transit Gloria mundi. Further struggle within the mountain aristocracy will unfold for the possession of Kumukh as the old residence of the shamkhals.

After the death of Aslan-khan, the Kyura and Gazikumukh possessions passed to his sons Nurtsal-khan and Magomed-Mirza-khan, who died in turn, and in 1839 the administration of the Kyura khanate was entrusted to Garun-bek. He was one of the 12 sons of Tagir-bek, Aslan-khan's brother. Aslan Khan's widow Ummu Kulsum-bike became the ruler of Gazikumukh. Among her assistants was Mahmud-bek (Garun-bek's brother), who was reputed to be a fool and a drunkard (RSHA coll.1268. aids1. fol. 545. p. 20). Another contender for the khanate was Abd-ar-Rahman-khan, the son of Umar-bek (brother of Aslan-khan and Tagir-bek). As the captain of the Russian army, Abd-ar-Rahman has established himself as well-meaning and loyal to the Russian government. However, he was not distinguished by courage and «did not know how to acquire either people's love or even respect» (RSHA coll. 1268. aids1. fol. 545. p. 20-21).

Certain aristocrats also became murids of the Naqshbandiyya tariqat and advocated gazavat. Another son of Tagir-bek, Hadji-Yakhya, tried to introduce Sharia law in Dagestan, thereby opposing himself to most of his relatives. His brother Mahmud-bek and father Tagir-bek persuaded Hadji -Yahya not to oppose Russia and vouched for him before the Russian command. However, Hadji-Yakhya could not keep his promise and went over to Shamil's camp. His connections with the brothers Mahmud-bek and Garun-bek allowed the murids to enter Kumukh without a fight, where Shamil installed Haji-Yakhya naib (A.K., 1869: 38). The surrender of the fortifications with the Russian garrison and ammunition to Shamil in 1842 was a real disaster for the Russians. After the expulsion of the murids by the troops of M.Z. Argutinsky-Dolgorukov Garun-bek was arrested and taken to Tiflis, where over time he managed to whitewash himself (A.K., 1869: 39). The ruler of the Kyura Khanate was appointed his brother – lieutenant Yusuf-bek, who was the sworn enemy of their cousin Abd-ar-Rahman, who was appointed the ruler of Gazikumukh. Family ties played an important role in this appointment. This happened with the filing of the female ruler Ummu Kulsum-bike, whose sister, Rukiyat-bike, was the mother of Abd-ar-Rahman.

Another contender for power in Gazikumukh was the Ilisu sultan Daniyal-bek. For a long time he was assessed by the Russian command as a person «very valuable» in the indirect management of the region. Given his «far-sighted mind, strong will and insatiable ambition», the Russian administration was confident in his predictability (RSHA coll.1268. aids1. fol. 545. p. 15). He tried to spread his influence in Dagestan not only with the help of the Russians, but also using dynastic connections. So, he became related with Aslan-khan, and later married the daughter of the deceased Akhmad-khan Mehtuly. Daniyal-bek was an insidious politician, an example of which is his skillful play on the contradictions of the Magomed, the Qadi of Akusha and Aslan, the Qadi of Tsudakhar (RSHA coll. 1268. aids1. fol. 545. p. 15). In 1842, General E.A. Golovin petitioned for the granting of Daniyal-bek by Gazikumukh possession with complete freedom of internal police orders, trial and punishment, excluding serious criminal offenses subject to military court (Linevich, 1873: 41). However, with the head of the Jar-Belokan district, Major General G.E. Schwartz, to whom he had to report directly, Daniyal-bek could not agree (Linevich, 1873: 42). He promised to gather militia detachments to assist the spring-summer expedition of the Russian troops in 1844. In exchange for this, he bargained for the privileges indicated above, with the preservation of him in the hereditary administration the Ilisu Sultanate. However, with the appointment of Abd-ar-Rahman-khan as an assistant to the female ruler Ummu Kulsum-bike, the sultan's claims to get possession of Gazikumukh were rejected. Not having received what he wanted from the Russian command, in June 1844 he went over to the side of Shamil and

became a mudir. Later, he will give his daughter Karimat in marriage to the eldest son of Shamil Gazi-Magomed, thereby continuing to build a power base, relying on a kindred environment.

Representatives of the Dagestan aristocracy who went over to Shamil's side (Hadji-Yakhya, Daniyal-bek, etc.) sought to realize their claims to possessions ruled by their ancestors. Less noble, but ambitious aristocrats close to the Nutsal family (Gamzat-bek, Hadji-Murat) also tried to take power into their own hands. Not having received what was expected from the Russians, they began to realize themselves within the framework of the Imamate, but even there their power was limited to the corporation of Ulama (Islamic theologians), and the naibs were destined to be in the shadow of the imam. Their death as an estate was inevitable.

5. Conclusion

Summing up, it should be noted that it is inappropriate to reduce the events of the Caucasian War to a dichotomous confrontation between Russia and the highlanders. Considering the processes of social transformation in the Caucasus, we can observe a complex picture of the struggle for domination within the Dagestani society, which was burdened by the Russian expansion. So, Imam Shamil in 1836 wrote to the commander of the Russian troops in Dagestan, General F.K. Klucky-von-Klugenau: «... I ask one thing: do not prevent us from fighting among ourselves. The bravest will remain the victor, the unbridled will humble themselves, power and order will prevail, and then, by God's help, there will be general peace» (Drozdov, 1899: 280).

That part of the aristocracy (Shamkhals of Tarki, Abd ar-Rahman-khan, etc.), which was not noticed in treason to the king and connivance on the murids, did not enjoy authority among the subjects. On the territory formally controlled by the Russians, unrest of the highlanders often arose, who were more impressed by the militant murids.

Another part of the rulers entered the service of Russia, but they were unreliable and, at an opportunity, tried to benefit from aiding the murids and from helping the Russians. Thus, Garun-bek, Mahmud-bek, Daniyal-bek, Qadis of Akusha and Tsudakhar were noticed in betrayal. At the same time, the soft attitude towards them on the part of the ranks of the empire is surprising. When they repent and promised not to repeat their «mistakes», they were forgiven and often even promoted. There were, of course, tragic subjects (the fate of Hadji-Murat), but the scenario described above was more typical. This can be explained both by the shortage of Russian administrative personnel in the region, and by the imperial tradition of consolidating their power in the newly annexed regions, relying on the ruling elites. It should be borne in mind that this process stretched out in time and therefore, the steps of the Russian command were overly cautious, and sometimes did not differ in the sequence of decisions.

Finally, a number of representatives of the privileged groups of Dagestani society took an active part in the gazavat against the Russian Empire. The integration of Dagestan into the empire led to a breakdown of the established social (including potestary) relations in Caucasian society. The former ruling groups, on the one hand, were losing their authority in the eyes of the highlanders, and on the other, they were gradually eliminated by the Russian administration. The latter took place by accepting mountain rulers into the Russian service and paying pensions to members of their families, viz. turning them into salaried officials (from the elite to the salariate, in terms of the British sociologist G. Standing). Caucasian aristocrats who passed to Shamil were included in the administrative structures of the Imamate. Former khans and chunks held positions of naibs and mudirs. As a rule, their appointment to certain regions was determined by Shamil's aspirations to pacify the territories that became part of the Imamate and could be successfully controlled by the murids while leaving their usual power in the person of people close to the ruling clan (Hadji-Murat in Avaria, Hadji-Yakhya in Gazikumukh). At the same time, the noble origin of the khans did not particularly affect the level of the office to which they were appointed by the imam, and their authority among the subjects of the Imamate. Ulama, who, as a rule, came from the environment of free rural community members, enjoyed significantly great influence in the Imamate.

And the Russian Empire failed to find the key to attracting the old ruling groups to its side, successful cases did not constitute the majority. The reasons for this should be seen in the fact that the rhetoric of Islamic preaching was more understandable and effective for mobilizing the highlanders. Orthodox Russia was more difficult to perceive for the Muslims of Dagestan. Even the last descendants of the rulers of Gazikumukh and Avaria, on whose territory Shamil could not gain a foothold for a long time, Jafar and Fet-Ali, respectively, eventually became supporters of the gazavat and died during the events of 1877, which became the tragic epilogue of the confrontation of 1820s – 1850s in Dagestan. After the military conquest, administrative transformations were carried out, as a result of which the former possessions were included in the Dagestan region, formed in 1860. In the 1860s the last rulers, despite their loyalty to the empire, would renounce their ownership rights, and the patrimonies themselves would be abolished (the Khanate of Kyura in 1864, the Khanate of Mehtuly and Shamkhalate of Tarki in 1867). The Russian government itself was unable to painlessly include the highlanders in the Russian statehood for a number of reasons. An alternative to joining the European Christian empire for the Caucasus was the Islamic path and the construction of a Muslim statehood. Calls for equality and asceticism of the Naqshbandiyya tariqat were adopted by a number of representatives of the aristocratic class, who played a noticeable and at times even decisive role in the

Sharia movement in the North-Eastern Caucasus. At one time, the American sociologist B. Moore, Jr. noted that «the wellsprings of human freedom lie not only where Marx saw them, in the aspirations of classes about to take power, but perhaps even more in the dying wail of a class over whom the wave of progress is about to roll» (Moore, 1966: 505). Of course, it is necessary to clarify that the concept of linear progress is not inherent in Islam – this is the prerogative of Christian Europe. However, this biting remark quite accurately characterizes what happened to the aristocracy of Dagestan in the XIX century (her death in historical terms), and what will happen to her, according to the logic of development, in the XX century (physical death). The owners have ceased to correspond to the circumstances and challenges of the new era that has come. Those who made a choice not in favor of Russia had to perish. As the Romans said, «Vae victis». Those who chose the service of the empire extended their lives in the physical, but not in the social sense, and, becoming servants of the tsar, they lost hereditary rights in the territories that became the administrative units of Russia.

References

- Ajtberov et al., 2017 – Ajtberov T.M., Hapizov Sh.M. (2017). K voprosu o proiskhozhdenii aristokraticeskikh familij v severnoj chasti gornoj Avarii [To the issue of the origin of aristocratic families in the northern part of the mountain Avaria]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo centra*. № 67. Pp. 25-36. [in Russian]
- Ajtberov, 1990 – Ajtberov T.M. (1990). Drevnij Hunzah i hunzahcy [Ancient Khunzakh and Khunzakh people]. Mahachkala. [in Russian]
- Aliev, 2006 – Aliev B.G. (2006). Tradicionnye instituty upravleniya i vlasti Dagestana. XVIII – pervaya polovina XIX vv. [Traditional institutions of government and government of Dagestan. XVIII – first half of XIX centuries]. Mahachkala. [in Russian]
- al-Karahi, 1941 – al-Karahi M.T. (1941). Hronika Muhammeda Tahira al-Karahi o dagestanskikh vojnah v period Shamilya [Chronicle of Muhammad Tahir al-Karahi about the Dagestan wars during the Shamil period]. M.; L. [in Russian]
- Bronevskij, 1823 – Bronevskij S.M. (1823). Novejschie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze, sobrannye i popolnennye Semenom Bronevskim. Ch. 1 [The latest geographical and historical news about the Caucasus, collected and supplemented by Semyon Bronevsky. Part 1]. M. [in Russian]
- CSHAG – Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Gruzii [Central State Historical Archives of Georgia]. [in Russian]
- Drozdov, 1899 – Drozdov I. (1899). Nachalo deyatelnosti Shamilya (1834-1836 gg.) [The beginning of Shamil's activity (1834-1836)]. *Kavkazskij sbornik*. T. 20. Pp. 251-296. [in Russian]
- Genichutlinskij, 1992 – Genichutlinskij H. (1992). Istoriko-biograficheskie i istoricheskie ocherki [Historical, biographical and historical essays]. Mahachkala. [in Russian]
- Goldstone, 1991 – Goldstone J.A. (1991). Revolution and rebellion in the early modern world. Berkeley.
- Hapizov, 2013 – Hapizov Sh.M. (2013). Uma-nucal (Umahan) Velikij (oчерk istorii Avarskogo nucal'stva vtoroj poloviny XVIII v.) [Uma-nutsal (Umakhan) the Great (essay on the history of Avar nutsalism in the second half of the 18th century)]. Mahachkala. [in Russian]
- Hashaev, 1961 – Hashaev H.-M.O. (1961). Obshchestvennyj stroj Dagestana v XIX veke [The social structure of Dagestan in the 19th century]. M. [in Russian]
- Karpov, 2016 – Karpov Yu.Yu. (2016). Liderstvo i potestarnost' v tradicionnom gorsko-kavkazskom obshchestve [Leadership and Potestarity in the Traditional Mountain-Caucasian Society]. *Rannie formy potestarnoj organizacii*. SPb. Pp. 62-73. [in Russian]
- Keddie, 1994 – Keddie N.R. (1994). The revolt of Islam, 1700 to 1993: Comparative Considerations and Relations to Imperialism. *Society of Comparative Study of Society and History*. 36 (3). Pp. 463-487.
- Khodarkovsky, 2008 – Khodarkovsky M. (2008). The indigenous elites and the construction of ethnic identities in the North Caucasus. *Russian History*. 35 (1-2). Pp. 129-138.
- Kisriev et al., 2006 – Kisriev E.F., Ware R.B. (2006). Russian hegemony and Islamic resistance: ideology and political organization in Dagestan 1800–1930. *Middle Eastern Studies*. 42 (3). Pp. 493-504.
- Komarov, 1869 – Komarov A.V. (1869). Spiskov naselennykh mest Dagestanskoj oblasti [Lists of settlements of the Dagestan region]. *Sbornik statisticheskikh svedenij o Kavkaze*. T. 1. Tiflis: pp. 1-123. [in Russian]
- Linevich, 1873 – Linevich I.P. (1873). Byvshee Elisujskoe sultanstvo [Former Elysou Sultanate]. *Sbornik svedenij o kavkazskikh gortsakh*. №7. Pp. 1-54. [in Russian]
- Magomedov, 1957 – Magomedov R.M. (1957). Obshchestvenno-ekonomicheskij i politicheskij stroj Dagestana v XVIII – nachale XIX vekov [Socio-economic and political system of Dagestan in the XVIII – early XIX centuries]. Mahachkala. [in Russian]
- Mekhtulinskie hany, 1869 – Mekhtulinskie hany (1969). [Mehtuli khans]. *Sbornik svedenij o kavkazskikh gortsakh*. №2. Pp. 1-16. [in Russian]
- Milyutin, 1850 – Milyutin D.A. (1850). Opisanie voennykh dejstvij 1839 goda v Severnom Dagestane. [Description of military operations in 1839 in Northern Dagestan]. SPb. [in Russian]

[Moore, 1966](#) – *Moore Jr.B.* (1966). *The Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World.* Boston.

[Narodno-osvoboditel'naya, 2005](#) – *Narodno-osvoboditel'naya bor'ba Dagestana i Chechni pod rukovodstvom imama Shamilya. Sbornik dokumentov* (2005). [People's liberation struggle of Dagestan and Chechnya under the leadership of Imam Shamil. Collection of documents]. M. [in Russian]

[Omar-ogly, 1868](#) – *Omar-ogly A.* (1868). *Vospominaniya mutalima* [Memories of the mutalim]. *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh.* №1. pp. 13-64. [in Russian]

[RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. [in Russian]

[Rozen, 1958](#) – *Rozen R.F.* (1958). *Opisanie Chechni i Dagestana. 1830 g.* [Description of Chechnya and Dagestan. 1830]. *Istoriya, geografiya i etnografiya Dagestana XVIII–XIX vv.* pp. 282-292. [in Russian]

[Tormasov, 1958](#) – *Tormasov A.P.* (1958). *Vedomost' o chisle naroda v Gruzii i v drugih oblastyah, knyazhestvah i hanstvah, v poddanstve Rossii sostoyashchih* [A statement on the number of people in Georgia and in other regions, principalities and khanates, which are citizens of Russia]. *Istoriya, geografiya i etnografiya Dagestana XVIII–XIX vv.* Pp. 237-238. [in Russian]

[A.K., 1869](#) – *A.K. Kazikumuhskie i Kyurinskie hany (s rodoslovnnoj i tablicej)* [Kazikumukh and Kyurin khans (with pedigree and table)]. *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh.* №2. Pp. 1-44. [in Russian]

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1093-1100. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1093
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Trade Communication in the Kyrgyz Steppe (first half of the XIX century): Some Characteristic Features

Bella A. Bulgarova ^{a, *}, Victor V. Barabash ^a, Valerii L. Muzykant ^a, Kairkul E. Kasymalieva ^a

^a Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russian Federation

Abstract

This paper examines the features of trade and communication in the Kyrgyz steppe during the first half of the XIX century. The attention is paid to measures to protect trade routes from nomad attacks, to the means of communication, as well as to the slave trade and its main driving forces.

There were used as materials the sources of personal origin of travelers and emissaries who visited Central Asia in the XIX century. The another source for our research was collections of documents. When solving research problems, we used general scientific traditional methods of analysis, synthesis, concretization and generalization. The historical-comparative method is of great importance in the study, which made it possible to look at the events in Central Asia through comparison with similar events at this time in the Caucasus.

The authors concluded that in the first half of the XIX century in the Kyrgyz steppe (in Central Asia), trade was a very important source of income for the indigenous population. Due to the regional characteristics (the presence of nomads), trade routes were constantly under threat of blocking, and trade caravans were under threat of looting. The intrigues of the rulers of the Bukhara and Khiva khanates played an important role in curbing the region's trade relations with other countries. In an effort to prevent each other from strengthening, they created terms for looting trade caravans, as well as carrying out raids on neighboring countries in order to capture people. Subsequently, the captured prisoners became one of the most important goods on the territory of the Kyrgyz steppe, which encouraged the capture of slaves, the slave trade and the use of slave labor in agriculture. It is also important to emphasize that many socio-economic processes in Central Asia were identical to those in the Caucasus (Circassia and Abkhazia).

Keywords: Kyrgyz steppe, XIX century, Russian Empire, caravan, trade, communication, slave trade.

1. Введение

Торговые отношения и коммуникация между территориями являлись и являются важным инструментом для создания крепких социально-экономических связей как для разных регионов одного государства, так и для разных стран. На международном уровне торговая коммуникация позволяет не только экспортировать и импортировать товары, но и осуществлять обмен цивилизационный, в том числе развивать языковую коммуникацию. В связи с этим важное значение имели специалисты, которые выполняли роль не только торговцев и дипломатов, но и переводчиков и переговорщиков, знающих особенности общения и быта разных народов. От характера коммуникации нередко зависел исход той или иной торговой сделки. Серьезный языковой барьер не способствовал ускорению развития взаимовыгодных отношений.

Под Киргизской степью мы понимаем территорию, которая находилась между Уральскими горами на юге. Ныне это территория северного и западной части центрального Казахстана и российского Южного Урала и степных районов Западной Сибири.

* Corresponding author

E-mail addresses: bulgarova-ba@rudn.ru (B.A. Bulgarova)

2. Материалы и методы

В качестве материалов были использованы источники личного происхождения путешественников и эмиссаров, посетивших Среднюю Азию в XIX веке. Здесь необходимо назвать работы Е.К. Мейендорфа «Путешествие из Оренбурга в Бухару» (Мейендорф, 1975), А. Вамбери «Путешествие по Средней Азии» (Вамбери, 1865), а также труд Н.Н. Муравьева-Карсского «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах, гвардейского Генерального Штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров» (Муравьев-Карсский, 1822). Другим источником для данного исследования были сборники документов. Так, например, нами привлекался сборник документов по истории Казахской ССР «Материалы по истории Казахской ССР. 1785–1828 гг.» (Материалы по истории..., 1940).

При решении исследовательских задач применялись общенаучные традиционные методы анализа, синтеза, конкретизации и обобщения. Важное значение в исследовании имеет историко-сравнительный метод, благодаря которому оказалось возможным взглянуть на события в Центральной Азии через сопоставление с аналогичными событиями в это время на Кавказе.

3. Обсуждение

Вопросы торговых и коммерческих коммуникаций на территории Киргизской степи затрагивались в многочисленных исследованиях, посвященных изучению современной территории Казахстана, как дореволюционными и советскими исследователями, так и современными. К дореволюционным работам мы можем отнести переизданную работу по истории Хивинских походов М. Терентьева (Терентьев, 2010).

Из работ советского периода выделяются труды Н.А. Халфина «Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.)» (Халфин, 1974), М.И. Сладковского «История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.)» (Сладковский, 1977), Н.Г. Апполовой «Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в.» (Апполова, 1960), Е. Бекмаханова «Казахстан в 20–40 гг. XIX в.» (Бекмаханов, 1947), С.З. Зиманова «Политический строй Казахстана в конце XVIII века и первой половине XIX века» (Зиманов, 1960).

В современный период проблемам политического устройства азиатских ханств и защиты торговых караванов в Азии посвятила свои труды Yu.A. Lysenko (Lysenko, 2019; Lysenko, 2018). Вопросам российско-китайской торговли в Центральной Азии уделила внимание С.Б. Кожирова (Кожирова, 2000).

Важно понимать, что социальные процессы на территории Центральной Азии были во многом похожи на аналогичные процессы, происходящие в это время на Кавказе, а именно на территории Черкесии. Так, например, вопросы привлечения на службу черкесской аристократии рассматривались в работах авторского коллектива во главе с А.А. Черкасовым (Cherkasov et al., 2014; Cherkasov et al., 2015; Cherkasov et al., 2015b; Cherkasov et al., 2018a). Этот же авторский коллектив предпринимал попытки оценки демографического состава обществ в Черкесии, Абхазии, Мингрелии (Cherkasov et al., 2016; Cherkasov et al., 2016a; Cherkasov et al., 2018). Вопросами ответных мероприятий на нападения на русскую территорию занималась авторская группа во главе с Г. Раевичем (Rajović et al., 2017; Rajović et al., 2018).

Важной составной частью торговли в Азии и на Кавказе была работоторговля. Вопросами работоторговли на Кавказе активно занимались Е.И. Иноземцева (Inozemtseva, 2019), А.А. Черкасов (Cherkasov et al., 2017), В.Е. Возгрин (Vozgrin, 2018), М. Шмигель (Smigel, Cherkasov, 2016), С.Л. Дударев (Dudarev, 2018) и др.

4. Результаты

С первой половины XVIII века сношения Российской империи с ханствами Киргизской степи главным образом обеспечивались с помощью торговых караванов, которые численностью в 50–60 верблюдов отправлялись, как правило, в июле–августе; в Кульджу и Чугучак они выходили из Семипалатинска, Петропавловска и Усть-Каменогорска; в Хиву и Бухару – из Оренбурга, Орска и Троицка. Время следования каравана составляло 50–60 дней. На зимовку они оставались в центральноазиатских владениях, а в Россию возвращались в марте следующего года (Сладковский, 1977: 213).

Сразу же после начала торговых сношений между русскими и Киргизской степью на повестку дня встал вопрос защиты торговых караванов от разграбления разнообразными кочевниками. Традиция нападения на русские торговые караваны в Киргизской степи была давней: так, еще в 1730-е гг. они, несмотря на вооруженную охрану, подвергались систематическим разграблениям. По этой причине развитие торговых коммуникаций в Киргизской степи стало первоочередной задачей для Российской империи, которая принимала различные шаги по сближению с лидерами Киргизской степи, как и позднее на Кавказе эти представители пользовались самыми разнообразными благами вплоть до получения жалованья и пособий от русской администрации (Cherkasov et al., 2015: 541-548).

В 1803 г. на пути в Бухару была разграблена русская торгово-дипломатическая миссия Я.П. Гавердовского (Lysenko, 2019: 141). Важно пояснить, что на данную миссию министр коммерции Российской империи Н.П. Румянцев возлагал большие надежды, так как она должна была выяснить объем возможного торгового оборота. К дипломатической миссии, которая выехала из Оренбурга в Бухару 23 июля 1803 г., присоединился караван русских купцов, который вез на 55 верблюдах товаров более чем на 250 тыс. руб. 6 сентября миссия подверглась нападению азиатцев во главе с ханом Абулгазы Каиповым. Караван был практически полностью разграблен, а сам поручик Гавердовский был вынужден 30 сентября вернуться в Оренбург.

Известия о разграблении русской торгово-дипломатической миссии вызвало значительный резонанс в Российской империи. Уже в конце 1803 г. в Санкт-Петербург были приглашены родственники хана Абулгазы Каипова, которые всячески отрицали участие знати в этом набеге. Однако следствие по этому делу проводили и местные власти, например военный губернатор Оренбургского края Г.С. Волконский. Уже в конце 1803 г. Г.С. Волконский докладывал, что из 41 рода Младшего жуза, которые занимались торговлей или обменом товарами с русскими, 10 родов систематически имели побочный бизнес – нападение на караваны (Материалы по истории..., 1940).

Сбыт награбленного осуществлялся на рынках Бухары и Хивы. Нельзя не отметить и другой весьма распространенный вид нападения, который назывался барымта, его особенностью являлся насильственный угон лошадей. Такие нападения, как правило, осуществлялись ночью, когда злоумышленники подкрадывались к пасущимся лошадям и похищали их. Важно понимать, что барымта и в Азии, и на Кавказе была нормой социальных отношений. И если за кражу скота у сородичей, согласно адатам, наказывали, то за кражу скота или лошадей у любых торговцев местные жители наказания не несли.

Налоги в ханствах Киргизской степи платились практически со всего, в том числе с дележа добычи. Так, например, в Хивинском ханстве большая часть совершавших набеги на соседние территории относилась к туркменам, которые осуществляли налеты на персидские земли. По возвращении в Хиву они обязаны были отдавать пятую долю всей захваченной добычи: рабов и наложниц, лошадей, верблюдов, скота, купеческих товаров и денег, разумеется, если они не успевали утаить награбленное (Муравьев-Карский, 1822: 82).

Во время нападений на караваны в 1820-е гг. именно хивинцы отличались большой сплоченностью, их отряды иногда достигали численности в 4–5 тыс. человек. Тактика такого нападения всегда строилась на внезапности. Хищники наводили панику криком и воем, верблюды, реагируя на шум, разбегались по степи и становились легкой добычей. Лучшим средством, чтобы предотвратить такое замешательство, – это заставить животных опуститься на задние ноги: тогда верблюдов с трудом можно поднять, но в условиях набега на это просто не хватало времени. Нужно понимать, что участь каравана в степи без верблюдов была незавидной, что означало гибель (Мейендорф, 1975: 32).

К 1820 г. движение караванов в степи было практически парализовано. Даже такие меры, как сопровождение караванов султанами Младшего и Среднего жузов, были неэффективны. Для обеспечения безопасности торговых караванов от Бухары до Сырдарьи и обратно было предложено сопровождать войскам эмира, а от Сырдарьи до Оренбурга и обратно их охраняли бы царские войска. Однако бухарские власти отклонили это предложение. В 1822 и 1824 гг. были утверждены уставы о сибирских и оренбургских казаках, которыми была ликвидирована ханская власть в Среднем и Младшем жузах, а также введена российская административно-территориальная, судебная и налоговая системы (Lysenko, 2019: 142).

Торговые коммуникации с ханствами Киргизской степи имели важное значение для Оренбургского края и ряда граничащих с ним областей. Из Киргизской степи доставлялось большое количество продовольствия и сырья для местной промышленности, что значительно упрощало проблемы снабжения отдаленных областей и обеспечивало занятость населения.

Нередко жители Киргизской степи нападали и на вооруженные караваны. Так, в 1824 г. было нападение хивинцев на русский караван полковника Циолковского, следовавший в Бухару под вооруженным конвоем из 625 человек при двух орудиях (Lysenko, 2019: 144).

По состоянию на 1830 год только Малый жуз, который располагал наименьшим количеством домашнего скота, в год продавал Российской империи: 400 тыс. овец на 2,6 млн руб., 100 тыс. овечьих шкур на 60 тыс. руб., 10 тыс. пудов овечьего сала на 55 тыс. руб., 4 тыс. пудов козьего пуха на 80 тыс. руб., 15 тыс. конских кож на 25 тыс. руб., 3 тыс. лошадей на 100 тыс. руб. и 5 тыс. заячьих шкурок на 5 тыс. руб. Общая стоимость товаров составляла 2,9 млн руб. В обмен на это российские купцы продавали азиатскому населению хлеб, различные ткани, железную, медную посуду и другие изделия (Халфин, 1974: 36). Важно отметить и то, что коренное население азиатских жузов участвовало также в перевозке купеческих товаров, что составляло еще одну отрасль его доходов. Однако нельзя умолчать о том, что среди населения были и те, кто занимался грабежом торговых караванов, причем вне зависимости от того, чьи были это караваны, русские или азиатские.

Важная роль в коммерческих коммуникациях отводилась Хивинскому ханству Киргизской степи. Причиной этому была близость Хивы к торговым путям, ведущим к другим ханствам

Киргизской степи. Хивинцы торговали прежде всего с Бухарой, приобретали там местные товары и везли их вместе с предметами собственного промысла (в первую очередь с хлопчатой бумагой) в Россию до Оренбурга или в Астрахань через Мангышлак и Каспийское море. Понятно, что такие торговые связи были важны и выгодны для обеих сторон, однако в Киргизской степи единого мнения на этот счет не существовало, так как, как бы ни выгодна была торговля с Российской империей, в Киргизской степи всегда находились люди, которые предпочитали длительной трудозатратной торговой работе один вооруженный набег. Нередко инициаторами или подстрекателями для набега на караван или Урало-Иртышскую оборонительную линию выступали сами правители Хивы (например Сеид Мухаммед Рахим-хан), которые адресовывали эту мысль киргизским батырам, а после удачного рейда скупали у них живой товар. Понятно, что такая политика наносила существенный урон русско-бухарским экономическими связям (например, разграбление каравана в 1825 г.).

Уже в 1820-е гг. российская администрация применила против азиатцев Киргизской степи тактику, успешно апробированную на Кавказе, – проведение репрессалий (Rajović et al., 2017: 1261-1274; Rajović et al., 2018: 153-160) против племен или родов, участвующих в нападениях на русские караваны. Так, в 1822 г. после похода в земли таблуклинцев генерал-губернатор Западной Сибири П.М. Капцевич отмечал, что у враждебных родов конфисковано 1340 лошадей, 560 верблюдов, 830 голов крупного рогатого скота, а также 26 тыс. баранов. Эта информация была доведена до всех султанов Киргизской степи, чтобы уберечь их от необдуманных действий (Lysenko, 2019: 145). Аналогичные меры предпринимала и оренбургская администрация, которая в 1825 г. осуществила репрессалии против разбойников под предводительством Юлашана: было захвачено 128 пленных. Аналогичные меры были предприняты и в 1836 г. для наказания рода адаевцев. Захваченные азиатцы в последующем были выменяны на русских пленников, и эта практика была также характерна для Азии и Кавказа. Однако будет несправедливо не отметить, что для наказания разбойников использовались только русские армейские и казачьи формирования. В 1836 г. для наказания казахов, ограбивших торговый караван в Больших Барсуках, был направлен отряд башкирских охотников численностью в 1 тыс. человек: наказание оказалось чувствительным, причем русской казне эта экспедиция обошлась совершенно бесплатно (Терентьев, 2010: 37).

Налеты на караваны продолжались и в 1840-е гг. Так, например, 7 января 1843 г. киргизы-адаевцы захватили хивинский торговый караван (142 верблюда с товарами русских, казахов и хивинских купцов). В это же время лишились своего имущества два татарских купца, следовавших в Среднюю Азию. Весной 1843 г. хивинцы разграбили бухарский караван, убив почти всех купцов. В это же время вооруженный отряд казахского султана Кенисары Касымова разграбил караван из 1 тыс. верблюдов, который следовал из Ташкента в Петропавловск. Информация об этом случае практически остановила работу торгового пути через Ташкент (Халфин, 1974: 42-43).

При рассмотрении проблем, которые возникали в торговых отношениях между Российской империей и ханствами Киргизской степи, следует обратить внимание на характерные особенности политической обстановки в Средней Азии. Важно понимать, что кочевые народы находились под воздействием среднеазиатских ханств – Хивы, Бухары и Коканда. В этих краях практически не прекращались войны и междоусобные раздоры. Правители ханств были заинтересованы в использовании военных ресурсов кочевников, привлечении их на свою сторону в борьбе с противником. Наиболее интенсивными здесь были усилия Хивы, ее правящие круги стремились подчинить себе местное население. Одним из методов достижения этой цели было столкновение друг с другом различных родов и племен. Блокада торговых путей представлялась правителям Хивы подходящим способом нанести урон экономике соперника – Бухарского ханства. Для этих целей привлекались все, кого можно было использовать: от казахов и туркмен до каракалпаков. Участь захваченных в плен была незавидной. Так, А. Вамбери описывает как в Хиву были приведены около 300 пленных туркмен, которые напали на торговый караван (по большей части хивинских узбеков) и разграбили его. Они были разделены на две группы: до 40 лет и старше. Первая часть была продана в рабство, а остальные казнены. Казни осуществляли через повешение, однако часто перед этим выкалывали глаза. Для женщин была особая казнь: их зарывали по грудь в землю около вислиц, а потом забрасывали твердыми земляными комьями (кезек), так как в Хиве не было камней (Вамбери, 1865: 73). Аналогичная казнь женщин была и Кокандском ханстве. Наказание 17-летней девушки, пойманной за прелюбодеяние, описывает в своем дневнике путешествия Ф. Назаров: «Ее (жертву) вывели, вырыли на площади яму и закопали по груди в землю. Палач первым ударил несчастную камнем в голову, а потом и весь народ побивал ее камнями и размозжил всю голову; родственники вырыли тело и похоронили» (Назаров, 1968: 53).

Налеты практически на всех соседей и на караваны способствовали захвату пленников и работорговле. Венгерский путешественник А. Вамбери отмечал в своих путевых заметках, что в Средней Азии существовали невольничьи рынки, переполненные рабами, которые являлись предметом купли и продажи (Вамбери, 1865: 157-158). Вот как описывает подобный рынок в Бухаре А. Вамбери: «Здание (имеется в виду здание рынка – Авт.), образующее четырехугольник, заключает в себя от 30 до 35 келий. Три оптовых торговца... наняли это здание для того, чтобы помещать в нем

несчастных, отчасти составляющих собственных и отчасти переданных им на комиссию. Как известно, каракчи, не способные долго ждать, предпочитали продавать своих рабов туркменам, имеющим в своем распоряжении больше средств. Эти туркмены привозят их в Бухару и пользуются немалой прибылью при этом, потому что покупают их из первых рук. Людей в Бухаре и Хиве продают от трех до шестидесяти лет, если только у них нет каких-нибудь недостатков и увечий. Сообразно с правилами религии, рабами могут быть только неверующие; но бухарец, только по внешности набожный, набирает рабов не только из шиитов персов, но даже многих учителей суннитского толка, заставляя их посредством побоев и разных притеснений – объявлять себя шиитами. Только одни евреи считаются негодными, или лучше сказать, недостойными быть рабами, – способ выражения отвращения, в сущности вовсе не неприятный для сынов Израиля, потому что, хотя туркмены и завладевают их собственностью, но их самих не трогают. Прежде и индусы составляли исключение. В последнее время, когда они хлынули через Герат в Бухару, Текке или Сарик постановили новые законы, несчастных поклонников Вишну сравнивали с мусульманами шиитами и принялись сначала грабить их, а потом и обращать в рабов.

Раб при продаже подвергается публичному осмотру; продавец должен ручаться, что у него нет ни нравственных, ни телесных недостатков. Для самого раба нет счастливее того момента, когда он выходит из рук торговца рабами, потому что какое бы тяжелое обращение не ожидало его у нового хозяина, все же это лучше, чем быть предметом торга, выставленным в лавке.

Цены на рабов изменяются сообразно с политическими обстоятельствами туркмен; например, в настоящее время (имеется в виду 1863 год – Авт.) самая высокая цена взрослого человека от 40 до 50 тилла (от 21 до 36 фунтов стерлингов), а после победы, когда было взято в плен 18 тыс. персов, человека можно было купить за 3 или 4 тилла» (Вамбери, 1865: 99).

Эти же требования к качеству «живого товара» были и на невольничьих рынках Кавказа, откуда купленные работоторговцами люди отвозились морем в Турцию и Египет (Cherkasov et al., 2017: 860).

В Хиве похитители привозили невольников на площадь и окружали себя ими. Потом приходили купцы и оценивали товар, без разбора пола и возраста. Выше всего ценились русские. Работоторговцами высоко ценилась русская смышленность, расторопность и сила. За молодого и здорового русского платили по местному курсу более 1 тыс. рублей ассигнациями. Персов продавали за меньшую сумму, а стоимость курда была еще ниже. Что же касается женщин, то персидские женщины ценились дороже русских (Муравьев-Карский, 1822: 100).

Как и на Кавказе за каждого пленника сначала требовали выкуп, и если родственники или друзья не могли выплатить его, то пленника продавали в рабство (Вамбери, 1865: 32). А. Вамбери отмечал, что во время его пребывания в Гемюштепе не проходило ночи без выстрела со стороны моря, что означало прибытие разбойничьего судна с добычей, а на следующее утро он отправлялся к «ночным героям» за десятиной в пользу дервишей (Вамбери, 1865: 33).

5. Заключение

Подводя итоги, важно отметить, что в первой половине XIX века в Киргизской степи (на территории Центральной Азии) торговля составляла весьма важный источник дохода коренного населения. Благодаря региональным особенностям (наличию кочевников), торговые пути постоянно находились под угрозой блокирования, а торговые караваны – под угрозой разграбления. Важную роль в сдерживании торговых связей региона с другими странами играли интриги правителей Бухарского и Хивинского ханств. Стремясь не допустить усиления друг друга, они создавали условия для грабежей торговых караванов, а также осуществления налетов на сопредельные страны с целью захвата людей. В последующем захваченные пленники становились одним из наиболее главных товаров на территории Киргизской степи, что поощряло рабозахват, работоторговлю и применение рабского труда в сельском хозяйстве. Важно также подчеркнуть, что многие социально-экономические процессы на территории Центральной Азии были идентичны тем, которые происходили на территории Кавказа (Черкесия и Абхазия).

6. Благодарности

Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

Литература

- Апполова, 1976 – Апполова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. Москва, 1976. 371 с.
- Бекмаханов, 1947 – Бекмаханов Е.Б. Казахстан в 20–40 гг. XIX в. М., 1947. 230 с.
- Вамбери, 1865 – Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. СПб., 1865.
- Зиманов, 1960 – Зиманов С.З. Политический строй Казахстана в конце XVIII века и первой половине XIX века. Алма-Ата. 1960. 247 с.
- Кожирова, 2000 – Кожирова С.Б. Российско-китайская торговля в Центральной Азии (вторая половина XIX – начало XX в.). Астана, 2000. 138 с.

- Материалы по истории..., 1940 – Материалы по истории Казахской ССР. 1785–1828 гг. М., 1940. Т. 4. 543 с.
- Мейендорф, 1975 – Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. 183 с.
- Муравьев-Карский, 1822 – Муравьев-Карский Н.Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах, гвардейского Генерального Штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. М.: Типография Августа Семена, 1822.
- Сладковский, 1977 – Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1977. 440 с.
- Терентьев, 2010 – Терентьев М. Хивинские походы русской армии. М., 2010. 448 с.
- Халфин, 1974 – Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М., 1974. 406 с.
- Cherkasov et al., 2014 – Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V. The “Nobility” and “Commoners” in Ubykh Society: The Reasons behind the Social Conflict // *Bull. Georg. Natl. Acad. Sci.* 2014. .8(3): 64-72.
- Cherkasov et al., 2015 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Kryukova N.I., Molchanova V.S. (2015). The Moving of the Ubykhs to the Russian Service as a Result of the Peace Initiatives in the First Half of the 1840s years // *Bylye Gody.* 2015. (3). 37: 541-548.
- Cherkasov et al., 2015b – Cherkasov A.A., Shmigel M., Bratanovskii S.N., Molchanova V.S. Jikis and Jiketi in Conditions of War and Peace (1840–1860 years) // *Bylye Gody.* 2015. 38(4): 888-893.
- Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Shmigel M., Molchanova V.S. Demographic characteristics of the Aristocratic Abkhazia in 1800–1860 years // *Bylye Gody.* 2016. (1). 39: 53-66.
- Cherkasov et al., 2016a – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The Demographic Characteristics of the Tribes of the Black Sea Region in the first half of the XIX century // *Bylye Gody.* 2016. (2), 40: 382-391.
- Cherkasov et al., 2017 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The list of captives from the Turkish vessel *belifte* as a source of information on the slave trade in the north-western caucasus in the early 19th century // *Annales-Anali za Istrske in Mediteranske Studije – Series Historia et Sociologia.* 2017. 27(4): 851-864.
- Cherkasov et al., 2018 – Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskii S.N., Valleau A. The Abkhazian and Mingrelian principalities: Historical and demographic research // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Istorija.* 2018. 63(4): 1001-1016.
- Cherkasov et al., 2018a – Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskiy S.N., Smigel M. The Evolution of the Circassians’ Oaths in the Context of Changing Religious Views in 1800-1855 // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya.* 2018. 23(4): 40-50.
- Dudarev, 2018 – Dudarev S.L. F.V. Totoev about Slavery in Chechnya in the Historical Past // *Slavery: Theory and Practice.* 2018. 3(1): 18-30.
- Inozemtseva, 2019 – Inozemtseva E.I. Features of the Socio-Legal Status of Slaves in the Feudal Northeast Caucasus from the Perspective of Customary Law and Religious Beliefs // *Slavery: Theory and Practice.* 2019. 4(1): 4-19.
- Lysenko, 2018 – Lysenko Yu.A. «Deputative missions» of the Kazakh khans, sultans and family governs in the court of the Russian emperors in the first half of the 19th century // *Bylye Gody.* 2018. № 50(4). pp. 1518-1529.
- Lysenko, 2019 – Lysenko Yu.A. The Problem of Security of Trade Caravans in Russian-Kazakh Relations in the first half of the XIX century // *Bylye Gody.* 2019. Vol. 51. Is. 1. Pp. 138-148.
- Rajović et al., 2017 – Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M.. The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part I // *Bylye Gody.* 46(4): 1261-1274.
- Rajović et al., 2018 – Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M. The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part II // *Bylye Gody.* 47(1): 153-160.
- Smigel, Cherkasov, 2016 – Smigel M., Cherkasov A.A. The Slavery in Circassia and the United States (1850–1860-ies years): General and Special // *Bylye Gody.* 2016. 42(4): 1182-1197.
- Vozgrin, 2018 – Vozgrin V.E. The Modern Times Slavery in the Countries of Black Sea and South Europe // *Slavery: Theory and Practice.* 2018. 3(1): 4-17.

References

- Appolova, 1976 – Appolova N.G. (1976). Khozyaistvennoe osvoenie Priirtysh'ya v kontse XVI – pervoi polovine XIX v. [The economic development of the Irtysh region at the end of the 16th – first half of the 19th century]. Moskva. 371 p. [in Russian]
- Bekmakhanov, 1947 – Bekmakhanov E.B. (1947). Kazakhstan v 20–40 gg. XIX v. [Kazakhstan in the 20-40s XIX century]. M. 230 p. [in Russian]

[Cherkasov et al., 2014](#) – Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V. (2014). The “Nobility” and “Commoners” in Ubykh Society: The Reasons behind the Social Conflict. *Bull. Georg. Natl. Acad. Sci.* 8(3): 64-72.

[Cherkasov et al., 2015](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Kryukova N.I., Molchanova V.S. (2015). The Moving of the Ubykhs to the Russian Service as a Result of the Peace Initiatives in the First Half of the 1840s years. *Bylye Gody.* (3). 37: 541-548.

[Cherkasov et al., 2015b](#) – Cherkasov A.A., Shmigel M., Bratanovskii S.N., Molchanova V.S. (2015). Jikis and Jiketi in Conditions of War and Peace (1840–1860 years). *Bylye Gody.* 38(4): 888-893.

[Cherkasov et al., 2016](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Shmigel M., Molchanova V.S. (2016). Demographic characteristics of the Aristocratic Abkhazia in 1800–1860 years. *Bylye Gody.* (1). 39: 53-66.

[Cherkasov et al., 2016a](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. (2016). The Demographic Characteristics of the Tribes of the Black Sea Region in the first half of the XIX century. *Bylye Gody.* (2), 40: 382-391.

[Cherkasov et al., 2017](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. (2017). The list of captives from the Turkish vessel *belifte* as a source of information on the slave trade in the north-western caucasus in the early 19th century. *Annales-Anali za Istrske in Mediteranske Studije – Series Historia et Sociologia.* 27(4): 851-864.

[Cherkasov et al., 2018](#) – Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskii S.N., Valleau A. (2018). The Abkhazian and Mingrelian principalities: Historical and demographic research. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Istoriya.* 63(4): 1001-1016.

[Cherkasov et al., 2018a](#) – Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskiy S.N., Smigel M. (2018). The Evolution of the Circassians’ Oaths in the Context of Changing Religious Views in 1800-1855. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya.* 23(4): 40-50.

[Dudarev, 2018](#) – Dudarev S.L. (2018). F.V. Totoev about Slavery in Chechnya in the Historical Past. *Slavery: Theory and Practice.* 3(1): 18-30.

[Inozemtseva, 2019](#) – Inozemtseva E.I. (2019). Features of the Socio-Legal Status of Slaves in the Feudal Northeast Caucasus from the Perspective of Customary Law and Religious Beliefs. *Slavery: Theory and Practice.* 4(1): 4-19.

[Khalfin, 1974](#) – Khalfin N.A. (1974). Rossiya i khanstva Srednei Azii (pervaya polovina XIX v.) [Russia and the Khanates of Central Asia (first half of the 19th century)]. M. 406 p. [in Russian]

[Kozhirova, 2000](#) – Kozhirova S.B. (2000). Rossiisko-kitaiskaya trgovlya v Tsentral'noi Azii (vtoraya polovina XIX – nachalo KhKh v.) [Russian-Chinese trade in Central Asia (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Astana. 138 p. [in Russian]

[Lysenko, 2018](#) – Lysenko Yu.A. (2018) «Deputative missions» of the Kazakh khans, sultans and family governs in the court of the Russian emperors in the first half of the 19th century. *Bylye Gody.* № 50(4). pp. 1518-1529.

[Lysenko, 2019](#) – Lysenko Yu.A. (2019). The Problem of Security of Trade Caravans in Russian-Kazakh Relations in the first half of the XIX century. *Bylye Gody.* Vol. 51. Is. 1. Pp. 138-148. [in Russian]

[Materialy po istorii..., 1940](#) – Materialy po istorii Kazakhskoi SSR [Materials on the history of the Kazakh SSR]. 1785–1828 gg. M., 1940. T. 4. 543 p. [in Russian]

[Meiendorf, 1975](#) – Meiendorf E.K. (1975). Puteshestvie iz Orenburga v Bukharu [A journey from Orenburg to Bukhara]. M. 183 p. [in Russian]

[Murav'ev-Karsskii, 1822](#) – Murav'ev-Karsskii N.N. (1822). Puteshestvie v Turkmeniyu i Khivu v 1819 i 1820 godakh, gvardeiskogo General'nogo Shtaba kapitana Nikolaya Murav'eva, poslannogo v sii strany dlya peregovorov [Travel to Turkmenistan and Khiva in 1819 and 1820, by the Guards General Staff of Captain Nikolay Muravyov, sent to these countries for negotiations]. M.: tipografiya Avgusta Semena. [in Russian]

[Rajović et al., 2017](#) – Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M. (2017). The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part I. *Bylye Gody.* 46(4): 1261-1274.

[Rajović et al., 2018](#) – Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M. (2018). The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part II. *Bylye Gody.* 47(1): 153-160.

[Sladkovskii, 1977](#) – Sladkovskii M.I. (1977). Istoriya trgovno-ekonomicheskikh otnoshenii narodov Rossii s Kitaem (do 1917 g.) [The history of trade and economic relations between the peoples of Russia and China (until 1917)]. M. 440 p. [in Russian]

[Smigel, Cherkasov, 2016](#) – Smigel M., Cherkasov A.A. (2016). The Slavery in Circassia and the United States (1850–1860-ies years): General and Special. *Bylye Gody.* 42(4): 1182-1197.

[Terent'ev, 2010](#) – Terent'ev M. (2010). Khivinskie pokhody russkoi armii [Khiva campaigns of the Russian army]. M. 448 p. [in Russian]

[Vamberi, 1865](#) – Vamberi A. (1865). Puteshestvie po Srednei Azii [A journey through Central Asia]. SPb. [in Russian]

Vozgrin, 2018 – Vozgrin V.E. (2018). The Modern Times Slavery in the Countries of Black Sea and South Europe. *Slavery: Theory and Practice*. 3(1): 4-17.

Zimanov, 1960 – Zimanov S.Z. (1960). Politicheskii stroi Kazakhstana v kontse XVIII veka i pervoi polovine XIX veka [The political system of Kazakhstan at the end of the 18th century and the first half of the 19th century]. Alma-Ata. 247 p. [in Russian]

Торговая коммуникация в Киргизской степи (первая половина XIX века): некоторые характерные особенности

Белла Ахмедовна Булгарова ^{а, *}, Виктор Владимирович Барабаш ^а, Валерий Леонидович Музыкант ^а,
Кайркул Эсенгуловна Касымалиева ^а

^а Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматриваются особенности торговли и коммуникации в Киргизской степи в период первой половины XIX века. Уделено внимание мерам по защите торговых путей от нападений кочевников, особенностям коммуникации, а также работоторговле и ее главным движущим силам.

В качестве материалов были использованы источники личного происхождения путешественников и эмиссаров, посетивших Среднюю Азию в XIX веке. Другим источником для нашего исследования были сборники документов. При решении исследовательских задач применялись общенаучные традиционные методы анализа, синтеза, конкретизации и обобщения. Важное значение в работе имеет историко-сравнительный метод, благодаря которому оказалось возможным взглянуть на события в Центральной Азии через сопоставление с аналогичными событиями, происходившими в это же время на Кавказе.

В заключении авторы пришли к выводу, что в первой половине XIX века в Киргизской степи (на территории Центральной Азии) торговля составляла весьма важный источник дохода коренного населения. Благодаря региональным особенностям (наличию кочевников), торговые пути постоянно находились под угрозой блокирования, а торговые караваны – под угрозой разграбления. Важную роль в сдерживании торговых связей региона с другими странами играли интриги правителей Бухарского и Хивинского ханств. Стремясь не допустить усиления друг друга, они создавали условия для грабежей торговых караванов, а также осуществления налетов на сопредельные страны с целью захвата людей. В последующем захваченные пленники становились одним из наиболее главных товаров на территории Киргизской степи, что поощряло рабозахват, работоторговлю и применение рабского труда в сельском хозяйстве. Важно также подчеркнуть, что многие социально-экономические процессы на территории Центральной Азии были идентичны тем, которые были на территории Кавказа (Черкесия и Абхазия).

Ключевые слова: Киргизская степь, XIX век, Российская империя, караван, торговля, коммуникация, работоторговля.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: bulgarova-ba@rudn.ru (Б.А. Булгарова)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1101-1112. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1101
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Antiquities of the Kazakh Steppes in Travel Notes of the Russian Researcher I.P. Shangin

Tatyana V. Koshman ^{a, *}, Maral K. Khabdulina ^a

^a L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article is devoted to the results of the first major reconnaissance expedition deep into the Kazakh steppes in 1816. The geological and geographical expedition led by I.P. Shangin was aiming for the exploration and fixation of polymetallic ores in Kazakhstan. However, thanks to the versatile personality of I.P. Shangin, a highly educated, thoughtful researcher, this expedition became also historical-ethnographic and archaeological. It also covered the description of ancient monuments, places of worship, the ruins of ancient buildings, faced along the expedition route. The article provides a brief description of the route that stretched across almost the entire territory of Kazakhstan - from the northern edge of the steppe strip to the Northern Balkhash area. The return trip from the Kyzyltau mountains lead to the North-East, to the Irtysh, the area of modern city of Pavlodar. The main attention is paid to the characterization of modern archaeological research of Saryarka steppe's objects, noted by I.P. Shangin. In conclusion, it is indicated that the high effectiveness of the scientific expedition is associated with the personality of its leader – I.P. Shangin, as a prominent representative of a nascent Russian Scientific school of Natural scientists.

Keywords: I.P. Shangin, Kazakh steppes, ore deposits, archaeological site, research, Batagai, Nura, Akmola, Bozok.

1. Введение

Казахская степь была включена в состав Российской империи во второй половине XVIII в. С этого времени начинается активное исследование рудных богатств, изучение географии, природы «киргиз-кайсацких земель». Одновременно с выполнением стратегических задач по выявлению залежей полиметаллических руд шло накопление знаний по географии, этнографии, культуре, истории, демографической емкости, хозяйственной специфике кочевой степи. Полученные сведения в виде описания древних памятников, караванных путей, рек, рудников, исторической топографии встречаются в трудах первых путешественников, чиновников, служилых людей. Их отчеты носят в большей мере информативный характер, связанный с задачей освоения колониальных окраин, но параллельно несут в себе сведения социально-экономической характеристики региона (Акишев, 2005: 15-19).

2. Материалы и методы

Материалами для данной статьи, прежде всего, являются дневниковые записи экспедиции И.П. Шангина. Отрывки из дневника путешествия были опубликованы в 1820 году издателем Г.И. Спасским на страницах журнала «Сибирский вестник» (Извлечение из описания..., 1820), частично изданы в журнале «Вестник Европы» под названием «Дневные записки путешествия в степи киргиз-кайсаков Средней орды Колывано-Воскресенских заводов берггешворена Ивана Шангина 1816 г.» (Шангин, 2006). Известно, что отчеты, карты и документы путешествия хранятся в

* Corresponding author

E-mail addresses: tatyanakoshman@mail.ru (T.V. Koshman)

Барнаульском краевом архиве и неоднократно являлись предметом изучения и анализа (Курькина, 2003: 9-12).

В основу исследования был положен принцип историзма, что позволило рассматривать взаимосвязи фиксации и исследования объектов в различные периоды с учетом тех или иных исторических условий с современными научными подходами. Характер источниковой базы определил общенаучные методы, такие как анализ, синтез, обобщение. В то же время проблемно-хронологический метод позволил определить хронологические рамки существования памятников и их фиксации с изменениями в научной трактовке. Использование сравнительно-исторического метода дало результаты при определении местоположения памятников, зафиксированных в дневниковых записках и подтвержденных археологическими исследованиями XX века.

3. Обсуждение

В течение ряда лет в исследованиях по истории Казахской степи в большей степени освещались вопросы колониальной и переселенческой политики, рассматривались темы социально-правовой истории казахского общества. Заметный интерес к трудам дореволюционного периода сегодня проявляется в связи с изучением феномена номадизма. Дореволюционная историография весьма разнообразна, и есть возможность получения достаточно широкого круга источников по рассматриваемой теме. Информативный характер содержат труды российских чиновников и путевые записки Н.И. Красовского (Красовский, 1868), И.А. Кастанье (Кастанье, 1910), Ю. Шмидта (Шмидт, 1894), Л. Мейера (Мейер, 1865), Г.В. Генса (Генс, 1908), А.И. Левшина (Левшин, 1996), позволяющие представить общую картину Казахской степи с ее огромными просторами, условиями жизни и быта населения. Отдельно можно выделить большой комплекс картографических материалов (Россия. Географическое описание..., 1913; Атлас Азиатской России..., 1914), часть из которых опубликована в приложениях к отчетам. Картографические материалы дали возможность конкретизировать маршрут и объекты, описанные в записках, и в целом являются важным историческим источником (Жумекенова, Садыков, 2018). Все это позволило определить и обозначить на карте названия и непосредственно исторические объекты.

Нужно отметить интерес исследователей к вопросу о местонахождении и изучении тех культурных объектов, описание которых встречается в очерках и отчетах. Это работы археологов и этнографов А.Х. Маргулана (Маргулан, 1949), К.А. Акишева (Акишев, 2005), Г.Б. Здановича (Зданович, 1980), М.К. Хабдулиной (Хабдулина, 2017), Ж.О. Артыкбаева (Артыкбаев, 2017), М.К. Семби (Семби, 2012) и др. Тем не менее можно сказать, что нет комплексной, обобщающей работы, позволяющей с точностью определить местоположение историко-культурных объектов, которые были зафиксированы в отчетах и дневниках.

4. Результаты

Первая крупномасштабная экспедиция по разведке геологических богатств казахских степей была организована в 1816 г. по заданию генерал-губернатора Западной Сибири и просьбе правления Кольвано-Воскресенских заводов. Россия испытывала нужду в свинцовых и медных рудах для развития военной промышленности. Сведения о крупных залежах свинцовых руд близ реки Кара-Тургай (в Улытау) и Кокчетавском округе, в местах удобных для транспортировки по Тоболу, Ишиму были получены от экспедиций 1813, 1815 г. С целью проверки и фиксации полученных данных и была организована экспедиция И.П. Шангина. На протяжении всего пути И.П. Шангин вел подробный дневник, где фиксировал все, что привлекало его внимание, записывал названия географических объектов, подробно описывал рельеф местности, собирал историко-этнографические сведения.

Иван Петрович Шангин (1784–1822 гг.) коренной сибиряк, представитель славной династии ученых-естествоиспытателей Шангиных, получил прекрасное образование в Петербургском горном кадетском корпусе. По окончании его в 1804 г. был прикомандирован в Нерчинский округ, одновременно осваивал в Барнауле плавильное дело. До 1814 г. принимал участие в ботанических и минералогических экспедициях по Кузнецкому Алатау и Западным Саянам. Составил геодезическую карту выходов цветного камня, сделал краткое описание орографии Западных Саян (Бурштейн, 2013: 186-187). За 10 лет службы на Алтае он стал первоклассным специалистом, разведчиком недр Восточной Азии.

Экспедиция 1816 г. – первая прекрасно организованная и оснащенная научными кадрами разведывательная экспедиция в казахские степи. В ее составе были специалисты горного дела, по поиску рудников, сбору и описанию флоры, фауны, составлению гербариев, лаборанты, умеющие делать анализ руд, промывать золото, картографы, чертежники, взрывники, переводчики, даже цирюльник-фельдшер и охрана из 200 казаков. Организацией экспедиции ведал Ф.К. Набоков, майор с 32-летним стажем военной службы.

Путешествие длилось 5 месяцев: с 1 мая по 26 сентября 1816 г. Тремя отрядами экспедиция вышла из трех крепостей Сибирской военной линии: из крепости Св. Петра, Пресновской и Пресногорьковской. Маршрут следования был составлен военными и определен геологическими задачами: поиском и осмотром известных и вновь открытых рудных залежей. Были намечены

основные пункты подробного осмотра, поэтому трасса маршрута, хотя и имеет меридиональное направление, тем не менее, в ней присутствуют зигзагообразные отрезки, возвращения (Красовский, 1868). Это было связано с отсутствием географических карт территории казахских степей и отсутствием надежных астрономических инструментов.

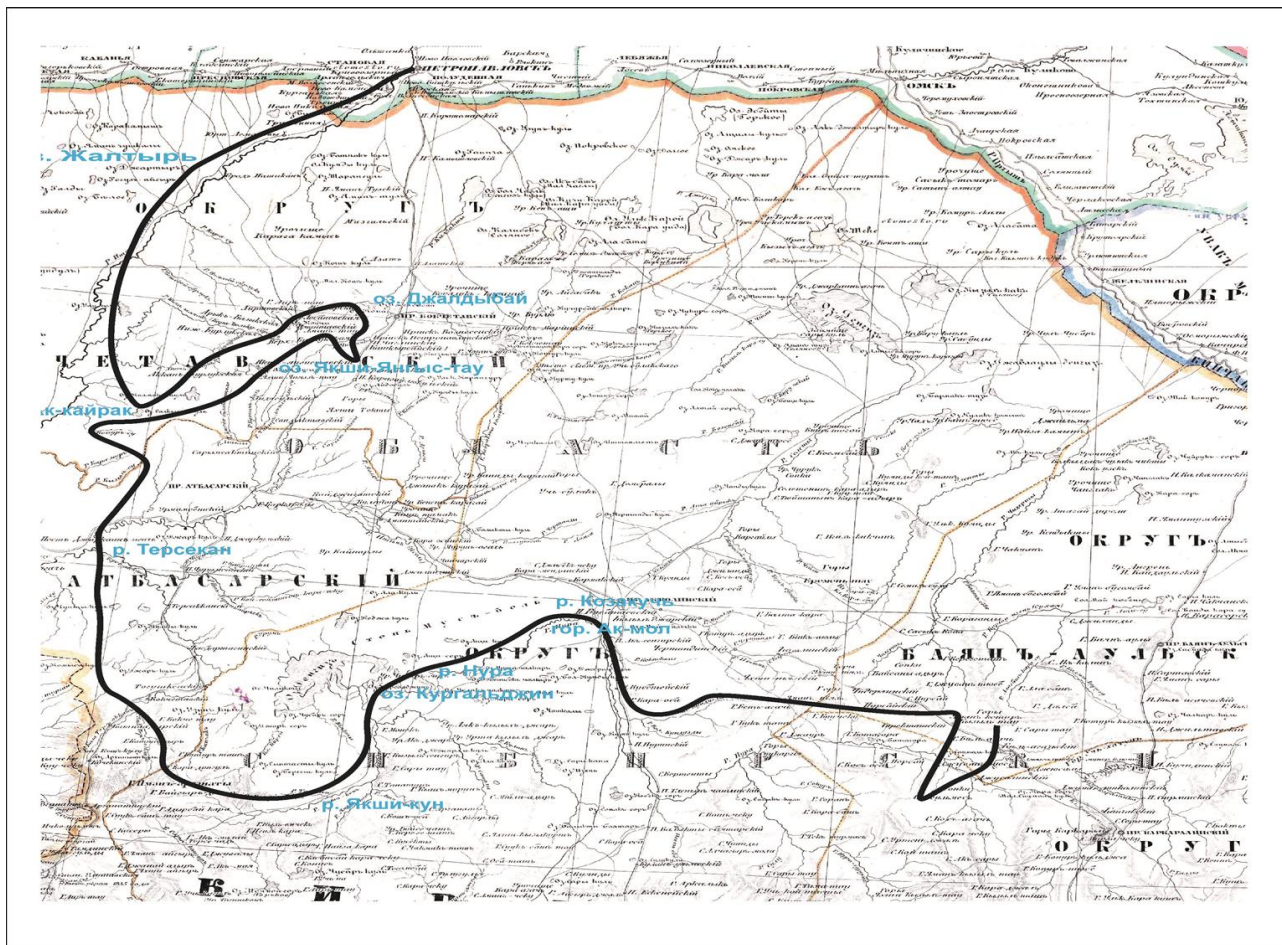

Рис. 1. Реконструкция трассы маршрута экспедиции И.П. Шангина 1816 г. на картах XIX в.

По окончании экспедиции в сентябре 1816 г. в кратком рапорте на имя генерал-лейтенанта Г.И. Глазенапа, командира Сибирского военного корпуса, И.П. Шангин пишет об открытии и фиксации 32 «рудников» и «приисков», о выявлении медистых песчаников, руды железа, вольфрамита, залежей драгоценных камней. По сути, это было открытие огромной рудной провинции между Уралом и Алтаем (Бурштейн, 2013: 190). Для нужд военного ведомства были подготовлены материалы для геодезических карт территории казахских степей от Тургая до Иртыша, которые позже были систематизированы и опубликованы (Россия. Географическое описание..., 1913).

Таким образом, геолого-географическая цель экспедиции достигнута. Однако результаты ее выходят далеко за пределы поставленных стратегических задач. Благодаря личности научного руководителя – ученого-натуралиста, военного инженера И.П. Шангина – экспедиция по праву может считаться первой историко-этнографической, археологической экспедицией в степях Казахстана.

Экспедиция 1816 г. в глубь казахских степей длилась 5 месяцев и прошла практически меридионально по западной части «Казахского нагорья» от северной границы, отмеченной в те годы Тоболо-Ишимской линией военных укреплений, до северного Прибалхашья (Извлечение из описания..., 1820). Отряды пересекли с севера на юг четыре ландшафтные зоны Северного и Центрального Казахстана, включая и пустыню Бетпакадалу. Обратный путь пролегал от гор Кызылтас (северное Прибалхашье) на северо-восток, к Иртышу, к форпосту Коряковскому (современный г. Павлодар). Пройдено было более 3 тысяч километров.

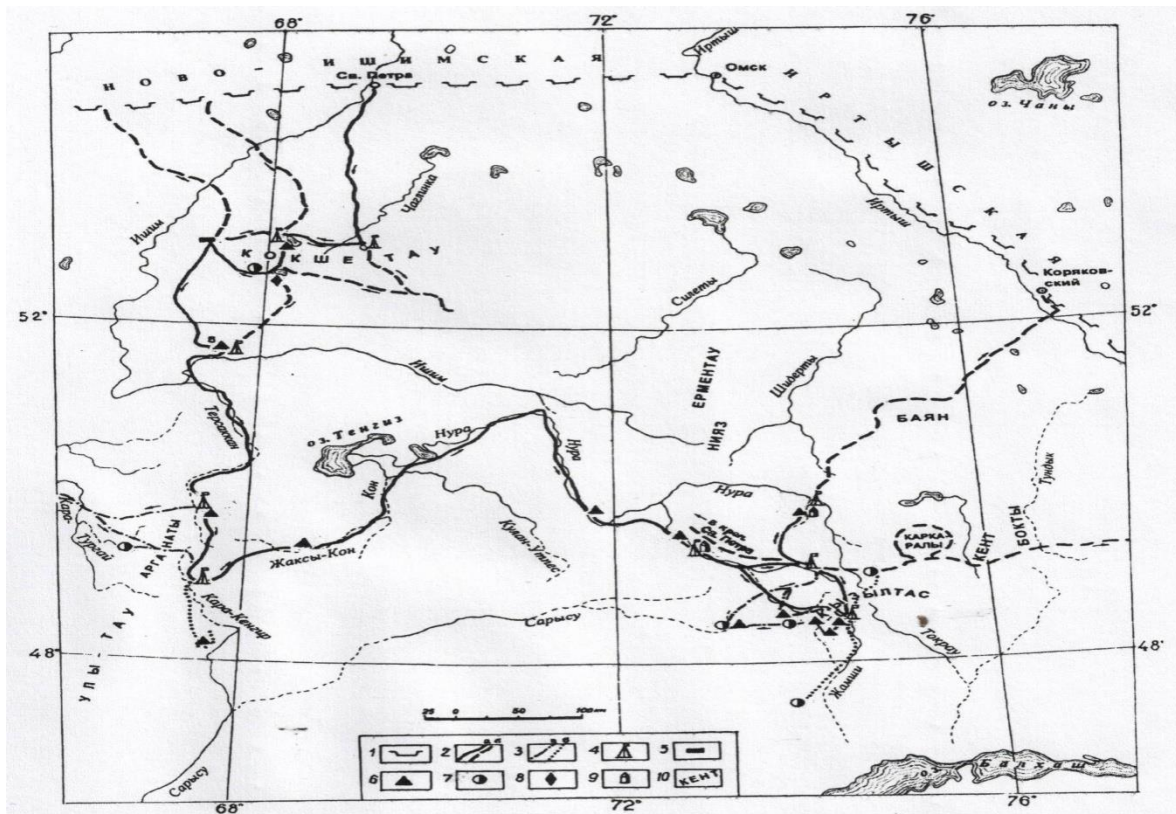

Рис. 2. Маршруты экспедиции Ф. Набокова – И.Шангина 1816 г. (по: Бурштейн, 2013: 188)

На этом протяжении отмечено большое количество древних объектов, многие из них описаны в дневниках И.П. Шангина, записаны легенды и предания казахов. Важное значение имеет топонимика, этнографические зарисовки хозяйства казахов, художественные этюды о природных красотах края. Все это может быть предметом отдельных анализов.

Мы остановимся на археологических памятниках, отмеченных в «дневных записках» путешествия и ставших объектами современных исследований. Трассу маршрута можно разбить на несколько отрезков, разграниченных длительными остановками и подробным осмотром местности. Состав экспедиции иногда делился на отдельные отряды и следовал своим маршрутом для более полного охвата разведанной территории. Первая встреча трех отрядов произошла через 300 верст на озере Зеренде в районе Кокшетауских гор. Здесь подробную разведку на медь, серебро провели на озерах и в горах Имантау, Якши-Янгыстау (совр. Жаксы-Жангыстау).

При обследовании озера Якши-Янгыстау в его западной части был обнаружен небольшой полуостров, на котором внимание привлек каменный вал. И.П. Шангин фиксирует его размеры: «...около сажени высотой, преграждающий начало сего полуострова и низведенный к воде по ту и другую сторону онога». Участники экспедиции, осмотрев местность, пришли к выводу, что первоначальная высота вала была значительно выше. Детальный осмотр показал, что вал состоял из четырехугольных порфиритовых камней, доставленных с восточного берега озера. И.П. Шангин, не являясь специалистом в области истории, высказал предположение, что это укрепление мог использовать отряд Бегичева от набегов «киргизцев» (Шангин, 2006: 93).

В XX в. данный полуостров, как и берега живописного озера Жаксы-Жангыстау, неоднократно были осмотрены археологическими экспедициями. Впервые это было сделано в 1954–1955 гг. Многочисленные курганные могильники, залежи меди, следы древних разработок были нанесены на Археологическую карту Казахстана 1960 г. (лист 10, квадраты В 11-12) (АКК, 1960: 81-82). В 1980 г. на полуострове западного берега озера, образованного береговой линией озера и поймой реки Аканбурлук отрядом Урало-Казахстанской археологической экспедиции были раскопаны 7 курганов и небольшой участок поселения эпохи бронзы. По вещам могильники датированы ранним железным веком и ранним средневековьем (Зданович, 1980: 35-46).

Осмотрев озеро Якши-Янгыстау, экспедиция И. Шангина направилась на юго-запад по речке Ак-Кайрак до впадения ее в Ишим. На левом берегу р. Ак-Кайрак открыт медный прииск. Кроме описания выходов меди и геологического строения скалистых берегов речки, И.П. Шангин упоминает о развалинах полевых укреплений (Шангин, 2006: 107-108). Он пишет: «На сем расстоянии среди открытой степи проезжали остатки разделившихся стен древних полевых укреплений. Четыре из оных в расстоянии друг от друга не с большим на 100 сажень лежат от севера к югу линией зигзага,

пятое расположено позади оных против самой середины от берега реки в 1000 саженьях, шестое в 2,5 верстах к востоку против одного из крайних укреплений.

Каждое при первом взгляде представляет фигуру несовершенного правильного эллипса. Две противоположные, вытянутые полудугой с выдавшимися несколько внешними углами стены концами своими не соединяются, но разделены к западу пространством 25 сажень. К востоку около 60. Западные и восточные концы стен оканчиваются остатками четырехугольных башен. Посреди западных башен, в пустом между оными пространстве, находилась в каждом укреплении четырехугольной фигуры, посредине преградой разделенной, несколько большей величины развалившаяся башня» (Шангин, 2006: 108). И.П. Шангин, опираясь на предания киргизов, предположил, что эти конструкции воздвигнуты калмыками для защиты от нападения киргиз-кайсаков.

В 1955 г. этот древний объект был зафиксирован целинной экспедицией К.А. Акишева (Археологическая карта Казахстана, 1960: 83. № 1029). Следующий этап археологического изучения начался после переноса столицы Казахстана из Алматы в Акмолу (Нур-Султан), и в Центральном Казахстане развернулись масштабные работы по поиску древних и средневековых городищ. В поиск были включены объекты, упомянутые в дневных записках 1816 г. экспедиции И.П. Шангина. В 1999 г. древний памятник был заново обследован К.А. Акишевым (Хабдулина, 2017: 124). Оказалось, что это не укрепление, а удивительно точно описанные 5 курганов «с усами». При осмотре 1999 г. часть камней была уже выкорчевана, и комплекс имел уже не столь рельефный вид. Позднее, в 2004 г., отряд Ишимской археологической экспедиции раскопал один из курганов «с усами». В насыпи были найдены фрагменты скелета лошади и фрагменты сосуда (Свиридов, 2004: 45-51).

После переправы через Ишим отряд И.П. Шангина 200 верст следовал вверх по течению р. Терсаккан в район гор Улытау. Перевалив реку Кара Кенгир, экспедиция вышла к притоку р. Сарысу и поставила здесь лагерь. Это был главный пункт проверки сведений о древних медных копях и разработках свинцовой руды с содержанием серебра. Указывались топонимы: гора Кургасын, река Кара Тургай. О больших запасах свинца и меди было известно еще с конца XVIII в., со времени путешествия в киргиз-кайсацкую степь Н.П. Рычкова (Рычков, 1772: 58). Сопка Кургасын, где в древние времена добывали свинцовую руду, содержащую серебро, получила свое название не случайно. «Коргасын» с казахского так и переводится – свинец. Здесь И. Шангин по древним копиям и отвалам у р. Жезды составил «петрографический план» месторождений.

Через полтора столетия после экспедиции И.П. Шангина геолог К.И. Сатпаев в жезказганских степях, осматривая отвалы древних способов добычи и обогащения медной руды, напишет: «По самым скромным подсчетам из джезказганских разностей добыто в древности не менее 1 млн тонн медной руды» (Сатпаев, 1941: 80).

В дневнике И. Шангина указано об осмотре на правом берегу р. Якши-кун (Жаксы Кон) двух древних зданий в «30 верстах одно от другого». «Первое из обожженного кирпича, с четырехугольным основанием и куполом. Второе из необработанных плит известкового камня круглой формы, заканчивающееся полушарием. Каждое имеет отверстие, обращенное к полудню и к северу. Наличие шеста на обоих, обвитых лоскутами и лошадиными волосьями, свидетельствует о почитании данных святилищ» (Шангин, 2006: 136). Эти культовые строения являются частью насыщенного древними памятниками Улытауского региона. В 1946 г. Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция под руководством А.Х. Маргулана установила, что эти реки являлись трассами древних караванных путей, и зафиксировала в регионе Улытау огромное количество разнообразных видов древних памятников от каменного века до нового времени. А.Х. Маргулан написал, что Улытау – важный узел караванных дорог и один из крупных хозяйственно-культурных очагов древнего Дешт-и-Кипчака (Маргулан, 1949: 35).

Еще одним объектом исследования И.Шангина на реке Якши-кун стала пещера, где, по мнению местного населения, обитал «чрезмерной величины змей». Данная пещера вызывала страх у местного населения звуками, издававшимися изнутри. Обследования пещеры показало, что она имеет два отверстия, которые внутри соединяются, что приводит к появлению свистящих и воющих звуков от задувающего в отверстия ветра (Шангин, 2006: 134).

И.П. Шангин записал легенду о хозяине и покровителе этого края змее Айдахаре, которому каждый год пригоняли в дар несколько лошадей. В какой-то момент змей погубил сына местного бая Кудайберли и, лишившись своего хвоста, больше никогда не выходил из пещеры. Свистящий звук из пещеры наводил ужас и страх на местное население. В настоящее время сохранился фрагмент устного предания о пещере и его хозяине Айдахаре (Артыкбаев, 2017). В XX веке перед разрушенным входом в пещеру карагандинскими археологами были найдены кремневые отщепы, что позволяет считать, что здесь находился древний рудник эпохи неолита (Кукушкин и др., 2016: 30-31).

После разведки в горах Арганаты, описания медистых песчаников Жиланды, древних копей и отвалов на реке Жезды экспедиция по реке Жаксы Кон повернула на северо-восток к Коргалджинской впадине и в начале августа вышла к низовьям реки Нуры (Извлечение из описания..., 1820: 58). В отличие от выжженной, пустынной зоны Улытау-Жезказгана в бассейне Нуры был корм для лошадей и пресная вода. Следующий значительный отрезок пути экспедиция

шла по Нуре. Отряд двигался левым берегом Нуры с «чистой и изобильною подножным кормом степью», мимо многочисленных казахских аулов, «содержащих, по примерному исчислению, до четырех тысяч кибиток». Вдали на возвышениях темнели несметные табуны лошадей, рогатого скота и баранов» (Шангин, 2006: 142).

За двенадцать дней (4–15 августа) путешественники дошли до истоков реки Нуры. И.П. Шангин описывает ее начало: «Малая Нура бьет ключом из горы и, падая на каменный помост, образует водоем. Оттуда верст на 50 продолжается оврагами, и потом уже, от впадения ключа и речки из горы Кызыл-Тау, начинается ее правильное течение» (Шангин, 2006: 147).

Близ города Нур-Султана Нура близко подходит к Ишиму. Здесь их разделяет пространство в 40 км. В историко-географическом аспекте пространство между двумя реками закономерно является важным узлом караванных и миграционных трасс. И на самом деле здесь в древности и средние века пересекались караванные тропы степного Шелкового пути. Об этом свидетельствует концентрация археологических памятников в Нура-Ишимском междуречье. Попутно обследованные здесь «развалины древних городов и молитвенных храмов» в наши дни стали объектом научных исследований.

Остановимся на наиболее ярких из них. Это средневековые культовые мемориалы, известные как городище Ботагай, мавзолей Жанибек Шалкар и городище Бозок.

Батагай. Один из наиболее популярных средневековых объектов степной части Казахстана. Расположен он в низовьях реки Нуры, в 2 км к востоку от поселка Коргалжын Акмолинской области. Известность памятника обусловлена упоминанием его в многочисленных трудах путешественников, географов, военных XVIII–XIX вв. как «великого города в устье Нуры». Рычков дает следующее описание: «Татагай, развалины великого города в киргиз-кайсацкой Средней орде, на реке Нуре, впадающей в озеро Каргалджин, от устья оной реки верст с тридцать. По признакам был сей город положением верстах на десяти, и еще видны тут четвероугольные палаты, наподобие замка, так велики, что вокруг сажень на триста. Тут же одна мечеть, и весьма много развалившегося каменного строения» (Рычков, 1762: 185–186). Поиски этого загадочного города ведутся до сих пор.

И.П. Шангин не первый, кто побывал на Батагае, но оставил свое описание «полуразрушенных палат». Кастанье в своих исследованиях о данном объекте писал: «По признакам был сей город положением в верстах на десяти» (Кастанье, 2007: 109). В дневнике И.П. Шангина написано, что в начале августа экспедиция продолжила свой путь вдоль Нуры. У третьего озера, через которое протекала река Нура, внимание экспедиции привлекли развалины древнего городища. «4 августа поутру экспедиция продолжила путь подле двух озер, через которые протекала река Нура и остановилась при втором из них для роздыха; в 3 часа пополудни встречено было третье озеро, имеющее до 10 верст в окружности, и при нем развалины древнего города (Ботакая, по замечанию Ф. Набокова), простирающиеся к Нуре» (Шангин, 2006: 127).

Вот как описывает развалины древнего сооружения И. Шангин: «Оно построено из кирпича, внутри его находятся столпы, покрытые алебастровой штукатуркой, равно как и стены, имеющие вместо связей четырехугольные сосновые брусья в 2 вершка в поперечнике, для большей прочности обожженные и покрытые камышем. Близь сего храма приметны следы другого подобного, а далее в восточную и западную стороны находится множество развалившихся зданий, из коих некоторых основания составляет до 300 сажень в длину и в совокупности издали представляются известковыми горами» (Шангин, 2006: 91).

В 1947 г. Батагай был осмотрен А.Х. Маргуланом, и он отметил, что следов города здесь нет, видны развалины погребальных сооружений (Маргулан, 1966: 29). Центрально-Казахстанской археологической экспедицией были открыты конструкции мавзолея из жженого кирпича, описаны размеры и виды кирпичей. Севернее мавзолея обнаружена печь для обжига глазурованных кирпичей (Семби, 2015: 187). По полученным чертежам специалисты «Казреставрации» в 2012 г. восстановили облик мавзолея. Это портално-купольный мавзолей с нишами по сторонам от входа, углубленного внутрь помещения Предварительная датировка XV в.

Рис. 3. Реконструкция мавзолея Батагай

В 1997 г. археологический памятник осмотрел К.А. Акишев. По его мнению, развалы десятков прямоугольных и округлых строений – это городское предместье (Акишев, 2008: 23).

Таким образом, сохраняется загадка функциональной принадлежности памятника. На современной поверхности видны руины древних сооружений, на многих из них проглядывают жженые кирпичи (Тлеугабулов, 2019: 128).

Рис. 4. Некрополь Батагай (2018 г.). Вид сверху

Батагай расположен на главной ветке караванных путей и, вне сомнения, являлся пунктом остановки караванов, следующих по трассам степного Шелкового пути.

Мавзолей Жанибек Шалкар. Возможно этот объект упомянут в дневных записках И. Шангина следующим абзацем. 6 августа экспедиция продолжала путь мимо «продолжающихся беспрерывно развалин древнего города. Проводник Биймурза принес командиру отряда майору Набокову кирпич, покрытый зеленой муравой, который взял он из развалин некоторого храма. К сожалению, отряду предстоял длинный путь к подземным кладовым, и у него не было возможности уделить должное внимание развалинам, которые хранили в себе неизвестные страницы прошлого этого края» (Шангин, 2006: 130).

Мавзолей Жанибек расположен на высоком коренном берегу озера Жанибек Шалкар, в 20 км восточнее села Коргалжын. Озеро является природной котловиной, образованной в русле реки Нуры. На распаханной поверхности береговой сопки объект фиксировался как невысокое всхолмление, покрытое значительным количеством фрагментов жженого кирпича, а также осколков глазурованной плитки со штампованным орнаментом. Данный объект был исследован отрядом НИИ археологии им. К.А. Акишева в 2009–2010 гг. (Хабдулина и др., 2011). В результате раскопок было открыто основание и фрагменты стен двухкамерного портално-купольного мавзолея.

Археолого-архитектурные параллели и полихромный декор позволили отнести мавзолей к типу элитных мемориалов XIV–XV вв. и идентифицировать его как мавзолей Жанибек-султана – основателя Казахского ханства. (Хабдулина, 2015: 102). Таким образом, недалеко от Батагая на левом берегу Нуры обнаружен еще один культовый мемориал XIV–XV вв. Мавзолей Жанибек-Шалкар вошел в сводку золотоордынских мавзолеев, сделанных Э.Д. Зиливинской (Зиливинская, 2014: 144).

Двигаясь вверх по Нуре, отряд И.П. Шангина вышел к месту, где река Нура наиболее близко подходит к реке Ишим. Здесь их разделяет пространство в 40 км, пронизанное несколькими степными речками. Самой крупной является речка Козыкош. В дневнике упоминается, что эта речка «Кузукуч», «соединяющая Ишим с Нурую», была осмотрена вместе с Набоковым в сопровождении 12 казаков. «Сия речка течет в Нуру только весною, а осенью пересыхает и вода остается в одних глубоких оврагах». Осмотрев берега речки Кузукуч, вышли к сопке Акмола (Тай-тюбе). Интерес вызывает следующая запись: «... в 25 верстах от роздыха, на протоке реки Нуры остановились, имея в виду гору Акмолу, получившую сие название от имеющихся на ней киргизских кладбищ со стоящими выбеленными известью надгробными памятниками» (Шангин, 2006: 94). Это одно из первых упоминаний о местности, которое было положено в основу названия крепости Акмола. Последующие исследователи неоднократно будут ссылаться на записи Шангина, как первого исследователя, обнаружившего сопку Акмола и наметившего место будущей крепости.

В 1830 г. по генеральным картам, составленным экспедицией И.П. Шангина, на правом берегу р. Ишим, у брода Караоткель был построен казачий форпост Акмолинск (ныне г. Нур-Султан). Брод Кара-Уткуль (Караоткель) позже будет упоминаться в работе Ю. Шмидта (Шмидт, 1894: 103). Местность, намеченная под военную крепость как оптимальная с геостратегических позиций, получила подтверждение в существовании здесь средневекового городища Бозок VIII–XV вв. Городище Бозок имеет фортификационные укрепления, находится в левой пойменной долине р. Ишим, в настоящее время оказался в черте города Нур-Султан. Возведение крепостных сооружений относится к (VII)–VIII вв., т.е. к древнетюркской эпохе (Хабдулина, Орлова, 2010: 162).

В данном случае можно провести историческую параллель. Российские военные, осваивая новые территории, строили в стратегически важных местах форпосты для дальнейшего продвижения в неизвестные края (Генс, 1908). Аналогичная ситуация была и у древних тюркоязычных племен. Осваивая неизвестные степные просторы, они также закреплялись в местах, оптимальных с военных и экономических позиций.

Городище Бозок был открыт в 1998 г. К.А. Акишевым. Раскопки его продолжались в течение 1999–2015 гг. Общая площадь памятника, включая и ирригационные сооружения, около 40 га. Изучена архитектура и конструкция оборонительных сооружений, жилые и погребальные конструкции, открыты две кирпичеобжигательные печи, раскопаны фундаменты мавзолеев из жженого кирпича, раскопано 72 погребения XIII–XIV (XV) вв. Археологическими и естественнонаучными методами памятник датирован VIII–XV вв. (Хабдулина, 2016: 233).

Городище Бозок выполнял функцию ставки, резиденции и культового центра древних тюрков. Выбор места определен нахождением на кратчайшем расстоянии между двумя речными системами: Нуруй и Ишимом и возможностью контроля караванной торговли. С глубокой древности верховья Ишима пересекали широтные и меридиональные торговые трассы степного Шелкового пути. Здесь фиксируется пучок транзитных караванных путей, проходят кратчайшие пути миграционных потоков.

Последняя длительная остановка экспедиции И.П. Шангина была в предгорье Кызылтау. Приближалась осень, ночи стали прохладные. Лошади в обозе изнемогали. Для ускорения дела и осмотра как можно большей территории экспедиция разбилась на три отряда и обследовала горы Кызылтау, Бугулы. Один отряд по реке Жамши спустился до Северного Прибалхашья. Инженеры не успевали «сочинять чертежи приисков» и составлять карту путей. «Поистине богата

рудопоявлениями меди, свинца и серебра эта земля! – удивлялись Шангин и Набоков. – Где ни копни, везде руда, везде кладовые» (*Извлечение из описания...*, 1820: 128). Несмотря на трудности, с которыми столкнулась экспедиция, Иван Шангин был удовлетворен результатами в части поиска и обследования месторождений медных и свинцовых руд.

С началом осени экспедиция подошла к концу. 7 сентября 1816 года выстрелы из орудия ознаменовали ее окончание и отряды отправились в обратный поход: отряд под командованием Набокова – к крепости Петропавловской, второй отряд – к форпосту Коряковскому, а третий – к форпосту Семиарскому.

5. Заключение

Анализируя результаты изучения материалов экспедиции И. Шангина, можно сделать вывод, что экспедиция 1816 г. является первым крупным научным предприятием по выявлению рудных богатств казахских степей. Результат экспедиции – топографические и петрографические карты, детальные планы, «Дневные записки», коллекции пород и руд, гербарии, открытие множества месторождений, составление первых гидро- и орографических карт степных просторов Казахстана, первые пейзажные зарисовки Сарыарки. Главная геолого-географическая цель экспедиции достигнута.

Одновременно с открытием крупной рудной провинции между Уралом и Алтаем эта экспедиция по праву является первой историко-этнографической, археологической экспедицией в казахские степи. Главную роль в этом сыграла личность научного руководителя И.П. Шангина – высокообразованного, вдумчивого исследователя, яркого представителя зарождающейся научной школы российского востоковедения.

Попутно обследованные руины древних памятников показали глубину исторического прошлого Казахстана, размах и значимость событий, уходящих в глубину забытых столетий.

Дневные записки путешествия дали импульс к организации современных поисковых работ. Многие из них вошли в число сакральных объектов Республики Казахстан. В настоящее время по программе «Культурное наследие» ведется активная работа по реконструкции исторических объектов, описанных в дневниковых записях берггешворена Ивана Шангина. В марте 2018 года вышло Постановление Правительства Казахстана о создании на месте знаменитого средневекового городища Бозок Национального парка «Историко-культурный музей-заповедник Бозок». Так претворяется в жизнь вклад Ивана Шангина в изучение древностей казахских степей.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации научного проекта по гранту Комитета науки МОН РК: АРО5133813 «Сакральный ландшафт Сарыарки в археологическом контексте: генезис, типология и семантика».

Литература

Акишев, 2005 – Акишев К.А. История археологических исследований в Центральном Казахстане (XVIII – первая половина XIX вв.) / *Евразийский ежегодник: Сборник научных статей, посвященный памяти Кимая Акишевича Акишева*. Астана, 2005. С. 15-29.

Акишев, 2008 – Акишев К.А. Предварительные итоги раскопок средневекового городища Бозок (1999–2001 гг.) // *Бозок в панораме средневековых культур Евразии*. Астана, 2008. С. 20-24.

Артыкбаев, 2017 – Артыкбаев Ж.О. Загадка пещеры дракона. Электронный журнал e-истори 23.08.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://e-history.kz/ru/publications/view/3429> (дата обращения: 01.06.2020)

Археологическая карта Казахстана, 1960 – Археологическая карта Казахстана. Реестр. Алма-Ата, 1960. 450 с., илл., карты.

Бурштейн, 2013 – Бурштейн Е.Ф. Дела и судьбы Шангиных. Часть 2. Младшее поколение // *Пространство и время*. 2013. № 4 (14). С. 185-194.

Генс, 1908 – Генс Г.В. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 19. Москва, 1908. 278 с.

Зданович, 1980 – Зданович Г.Б. Могильник и поселение Якши-Янгизтау // *Отчет. Полевые археологические исследования Урало-Казахстанской археологической экспедиции в 1980 году*. Том V. Челябинск, 1980. С. 35-46.

Зиливинская, 2014 – Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой орды. Ч. 1. Культурное зодчество. Казань, 2014. 228 с., илл.

Извлечение из описания..., 1820 – Извлечение из описания экспедиции в Киргизскую степь // *Сибирский Вестник*. СПб., 1820. Часть 9. С. 2-145.

Кастанье, 2007 – Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. 2-е изд. Алматы, 2007. 511 с.

Красовский, 1868 – Красовский Н.И. Область Сибирских киргизов / *Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба*. В III частях. СПб., 1868. Ч. I. 451 с.

- Кукушкин и др., 2016 – Кукушкин И.А., Шашенов Д.Т., Кукушкин А.И. и др. Археологическая карта Нурунского района Карагандинской области. Караганды, 2016. 141 с.
- Курныкина, 2003 – Курныкина Г.И. «Дневные записки» И.П. Шангина как исторический источник / Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур: Материалы Четвертой международной научно-практической конференции. Барнаул, 2003. С. 9-12.
- Левшин, 1996 – Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, 1996. 656 с.
- Маргулан, 1949 – Маргулан А.Х. Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1947 г. // Известия АН КазССР. Серия археологическая. 1949. Вып. 2. С. 3-36.
- Мейер, 1865 – Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства / Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1865. 288 с.
- Россия. Географическое описание..., 1913 – Россия. Географическое описание Российской империи по губерниям и областям с географическими картами. СПб., 1913. 286 с.
- Рычков, 1762 – Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым, ч. 1 и 2. СПб., 1762. 331 с.
- Рычков, 1772 – Рычков Н.П. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргиз-Кайсацкую степь в 1771 году. СПб., 1772. 104 с.
- Сатпаев, 1941 – Сатпаев К.И. Доисторические памятники в Джезказганском регионе // Народное хозяйство. 1941. № 1. С. 80-87.
- Свиридов, 2004 – Свиридов А.Н. Курганы с «усами» из Акмолинской области (по результатам работы Ишимской археологической экспедиции) // Ахинжановские чтения – 2004. Алматы, 2004. С. 45-51.
- Семби, 2015 – Семби М.К. Мавзолей Ботагай – памятник средневековой казахской архитектуры (краткая история исследования) // Национально-освободительная борьба казахского народа. Булантинская битва. Астана, 2015. С. 149-154.
- Тлеугабдулов, 2019 – Тлеугабдулов Д.Т. Исследование средневековых культовых памятников Акмолинского Приишимья (по материалам разведки 2018 г.) // Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. Серия «История». 2019. № 3 (94). С. 121-129.
- Хабдулина, Орлова, 2010 – Хабдулина М.К., Орлова Л.А. Некоторые результаты исследования городища Бозок // Мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасы бойынша 2009 жылғы. Археологиялық зерттеулер жайлы есеп. Алматы, 2010. С. 161-163.
- Хабдулина, 2016 – Хабдулина М.К. Формирование культурного ландшафта городища Бозок // Экология древних и традиционных обществ: Материалы V Международной научной конференции. Вып. 5. Ч. 1. Тюмень, 2016. С. 232-235.
- Хабдулина, 2017 – Хабдулина М.К. К.А. Акишев и Ишимская археологическая экспедиция / Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: Сборник научных статей, посвященный 70-летию организации ЦКАЭ АН Казахстана. Алматы, 2017. Т. 1. С. 119-125.
- Хабдулина и др., 2011 – Хабдулина М.К., Кожамжаров К.Т., Ярыгин С.А. и др. Культовые памятники Тенгиз-Коргалжинской впадины. Астана, 2011. 208 с.
- Шангин, 2006 – Шангин И.П. Дневные записки путешествия в степи киргиз-кайсаков Средней орды Кольвано-Воскресенских заводов берггешворена Ивана Шангина 1816 г. // Астана. История столицы и края XVII–XIX вв. Астана, 2006. С. 13-152.
- Шмидт, 1894 – Шмидт Ю. Очерк Киргизской степи к югу от Арало-Иртышского водораздела в Акмолинской области. Омск, 1894. [2], IV, 149 с., 8 л., ил., карт.
- Zhumekenova, Sadikov, 2018 – Zhumekenova D.E., Sadikov T.S. The Maps of the XIX century as a Source of Historical Toponymy of Kazakhstan // Bylye Gody. 2018. Vol. 47. Is. 1.pp. 161-171.

References

- Akishev, 2005 – Akishev K.A. (2005). Istoriya arkheologicheskikh issledovaniy v Tsentral'nom Kazakhstane (XVIII- pervaya polovina XIX vv.) [The history of archaeological research in Central Kazakhstan (XVIII-first half of the XIX centuries)]. Evraziiskii ezhegodnik: Sbornik nauch.statei, posvyashchennoi pamyati ... Kimalya Akishevicha Akisheva. Astana, pp. 15-29. [in Russian]
- Akishev, 2008 – Akishev K.A. (2008). Predvaritel'nye itogi raskopok srednevekovogo gorodishcha Buzok (1999–2001 gg.) [Preliminary results of excavations of the medieval settlement of Buzok (1999–2001)]. Buzok v panorame srednevekovykh kul'tur Evrazii. Astana, pp. 20-24. [in Russian]
- Artykbaev, 2017 – Artykbaev Zh.O. (2017). Zagadka peshchery drakona. Elektronnyi zhurnal e-khitori 23.08.2017. [Electronic resource]. URL: <https://e-history.kz/ru/publications/view/3429> (date of access: 01.06.2020). [in Russian]
- Arkheologicheskaya karta Kazakhstana, 1960 – Arkheologicheskaya karta Kazakhstana. Reestr [Archaeological map of Kazakhstan. Registry]. Alma-Ata, 1960. 450 p., ill., karty. [in Russian]

Burshtein, 2013 – *Burshtein E.F.* (2013). Dela i sud'by Shanginykh. Chast' 2. Mladshee pokolenie [The affairs and fate of the Shangins. Part 2. The younger generation]. *Prostranstvo i vremya*. № 4 (14). pp. 185-194. [in Russian]

Gens, 1908 – *Gens G.V.* (1908). Trudy Orenburgskoy uchenoy arhivnoy komissii. [Works of Orenburg scientific archive commission]. Vypusk 19. Moskva, 278 p. [In Russian]

Iz vlechenie iz opisaniya..., 1820 – Iz vlechenie iz opisaniya ekspeditsii v Kirgizskuyu step' [Extraction from the description of the expedition to the Kyrgyz steppe]. *Sibirskii Vestnik*. SPb. 1820. Chast' 9. pp. 2-145. [in Russian]

Khabdulina, Orlova, 2010 – *Khabdulina M.K., Orlova L.A.* (2010). Nekotorye rezul'taty issledovaniya gorodishcha Bozok [Some results of the study of the settlement of Bozok]. *Memlekettiқ «Mädeni myra» bađdarlamasy boiynsha 2009 zhylǵy. Arkheologiyalyқ zertteuler zhaily esep*. Almaty. pp. 161-163. [in Russian]

Khabdulina, 2016 – *Khabdulina M.K.* (2016). Formirovanie kul'turnogo landshafta gorodishcha Bozok [The formation of the cultural landscape of the settlement of Bozok]. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv: materialy V Mezhdunar. nauchnoi konferentsii*. Tyumen', Vyp. 5. Ch. 1. pp. 232-235. [in Russian]

Khabdulina, 2017 – *Khabdulina M.K.* (2017). K.A. Akishev i Ishimskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya [K.A. Akishev and the Ishim Archaeological Expedition]. *Arkheologicheskoe nasledie Tsentral'nogo Kazakhstana: izuchenie i sokhranenie: sb.nauch.statei, posvyashchennyi 70-letiyu organizatsii TsKAE AN Kazakhstana*. Almaty, T. 1, pp. 119-125. [in Russian]

Khabdulina i dr., 2011 – *Khabdulina M.K., Kozhamzharov K.T., Yarygin S.A. i dr.* (2011). Kul'tovye pamyatniki Tengiz-Korgalzhinskoi vpadiny [Religious monuments of the Tengiz-Korgalzhinsky depression]. Astana, 208 p. [in Russian]

Krasovskii, 1868 – *Krasovskii N.I.* (1868). Oblast Sibirskih kirgizov [Region of the Siberian Kirghiz] // *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami Generalnogo shtaba*. [Material for geography and statistic of Russia, collected by the officers of General staff]. In 3 parts. St. Petersburg, Ch. I. 451 p. [in Russian]

Kukushkin i dr., 2016 – *Kukushkin I.A., Shashenov D.T., Kukushkin A.I. i dr.* (2016). *Arkheologicheskaya karta Nurinskogo raiona Karagandinskoi oblasti* [Archaeological map of the Nurinsky district of Karagandy region]. Karagandy, 141 p. [in Russian]

Kurnykina, 2003 – *Kurnykina G.I.* (2003). «Dnevnye zapiski» I.P. Shangina kak istoricheskii istochnik ["Day notes" of I.P. Shangin as a historical source]. *Rossiya, Sibir' i Tsentral'naya Aziya: vzaimodeistvie narodov i kul'tur: Mat-ly Chetvertoi mezhdunar. nauchno-praktich. konf.* Barnaul. Pp. 9-12. [in Russian]

Levshin, 1996 – *Levshin A.I.* (1996). *Opisanie kirgiz – kazachih ili kirgiz-kaysackih ord i stepei*. [Description of Kirghiz-Kazakh or Kirghiz-Kaisack Hordes and Steppes]. Almaty. 656 p. [in Russian]

Margulan, 1949 – *Margulan A.Kh.* (1949). Otchet o rabotakh Tsentral'no-Kazakhstanskoi arkheologicheskoi ekspeditsii 1947 g. [Report on the work of the Central Kazakhstan Archaeological Expedition of 1947]. *Izvestiya AN KazSSR. Seriya arkheologicheskaya*. Vyp. 2. Pp. 3-36. [in Russian]

Meier, 1865 – *Meier L.* (1865). Kirgizskaya step Orenburgskogo vedomstva [Kirghiz steppe of Orenburg department]. *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami Generalnogo shtaba*. St. Petersburg, 288 p. [in Russian]

Rossiya. Geografiya opisaniya..., 1913 – *Rossiya*. Geograficheskoe opisanie Rossiyskoe Imperii po guberniyam i oblastyam s geograficheskimi kartami. [Russia. Geographical description of Russia Empire in provinces and regions with geographical maps]. St. Petersburg, 1913. 286 p. [in Russian]

Rychkov, 1762 – *Rychkov P.I.* (1762). Topografiya Orenburgskaya, to est' obstoyatel'noe opisanie Orenburgskoi gubernii, sochinennoe kollezhskim sovetnikom i imperatorskoi Akademii nauk korrespondentom Petrom Rychkovym [Topography of Orenburg, that is, a detailed description of the Orenburg province, composed by the collegiate adviser and the Imperial Academy of Sciences correspondent Peter Rychkov], ch. 1 i 2. SPb., 331 p. [in Russian]

Rychkov, 1772 – *Rychkov N.P.* (1772). Dnevnye zapiski puteshestviya kapitana Nikolaya Rychkova v Kirgiz-Kaisatskuyu step' v 1771 godu [Daytime notes of Nikolai Rychkov's journey to the Kirghiz-Kaisatsky steppe in 1771]. SPb., 58 p. [in Russian]

Satpaev, 1941 – *Satpaev K.I.* (1941). Doistoricheskie pamyatniki v Dzhezkazganskom regione [Prehistoric monuments in the Dzhezkazgan region]. *Narodnoe khozyaistvo*. № 1. pp. 80-87. [in Russian]

Sembi, 2015 – *Sembi M.K.* (2015). Mavzolei Botagai – pamyatnik srednevekovoi kazakhskoi arkhitektury (kratkaya istoriya issledovaniya) [The Botagai Mausoleum is a monument of medieval Kazakh architecture (a brief history of the study)]. *Natsional'no-osvoboditel'naya bor'ba kazakhskogo naroda. Bulantinskaya bitva*. Astana, pp. 149-154. [in Russian]

Shmidt, 1894 – *Shmidt Yu.* (1894). Ocherk Kirgizskoi stepi k yugu ot Aralo-Irtyshskogo vodorazdela v Akmolinskoi oblasti [An essays of the Kyrgyz steppe South of the Aral-Irtysh watershed in the Akmola region]. Omsk, 149 p., kart. [in Russian]

[Sviridov, 2004](#) – *Sviridov A.N.* (2004). Kurgany s «usami» iz Akmolinskoi oblasti (po rezul'tatam raboty Ishimskoi arkheologicheskoi ekspeditsii) [Mounds with a "mustache" from the Akmola region (based on the results of the work of the Ishim archaeological expedition)]. *Akhinzhanovskie chteniya* – 2004. Almaty, pp. 45-51. [in Russian]

[Tleugabulov, 2019](#) – *Tleugabulov D.T.* (2019). Issledovanie srednevekovykh kul'tovykh pamyatnikov Akmolinskogo Priishim'ya (po materialam razvedki 2018 g) [The study of medieval cult monuments of Akmola Priishimye (based on intelligence from 2018)]. *Vestnik KazNu im. Al'-Farabi. Seriya istoriya*. № 3 (94). pp. 121-129. [in Russian]

[Shangin, 2006](#) – *Shangin I.P.* (2006). Dnevnye zapiski puteshestviya v stepi kirgiz-kaisakov Srednei ordy Kolyvano-Voskresenskikh zavodov berg-geshvorena Ivana Shangina 1816 g. [Daytime travel notes in the steppes of the Kyrgyz Kaisaks of the Middle Horde of the Kolyvano-Voskresensky factories of Berg-Geshvoren Ivan Shangin 1816]. Astana. *Istoriya stolitsy i kraya XVII-XIX vv.* Astana, pp. 13-152. [in Russian]

[Zdanovich, 1980](#) – *Zdanovich G.B.* (1980). Mogil'nik i poselenie Yakshi-Yangiztau [The burial ground and the settlement of Yakshi-Yangiztau]. *Otchet. Polevye arkheologicheskie issledovaniya Uralo-Kazakhstanskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1980 godu. Tom V.* Chelyabinsk, pp. 35-46. [in Russian]

[Zhumekenova, Sadikov, 2018](#) – *Zhumekenova D.E., Sadikov T.S.* (2018). The Maps of the XIX century as a Source of Historical Toponymy of Kazakhstan. *Bylye Gody*. Vol. 47. Is. 1. pp. 161-171

[Zilivinskaya, 2014](#) – *Zilivinskaya E.D.* (2014). Arkhitektura Zolotoi ordy [Architecture of the Golden Horde]. Ch. 1. Kul'tovoe zodchestvo. Kazan, 228 p. [in Russian]

Древности казахских степей в путевых записках российского исследователя И.П. Шангина

Татьяна Васильевна Кошман ^{a, *}, Марал Калымжановна Хабдулина ^a

^a Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан

Аннотация. Статья посвящена результатам первой крупной разведывательной экспедиции 1816 г. в глубь казахских степей. Экспедиция под руководством И.П. Шангина носила геолого-географический характер, главной целью имела разведку и фиксацию полиметаллических руд Казахстана. Однако, благодаря разносторонней личности И.П. Шангина, как высокообразованного, вдумчивого исследователя, эта экспедиция стала и историко-этнографической, археологической. Она описала и древние памятники, культовые объекты, развалины старинных сооружений, встреченные по пути следования экспедиции. В статье приведено краткое описание маршрута, протянувшегося практически через всю территорию Казахстана, от северной кромки степной полосы до Северного Прибалхашья. Обратный путь пролег от гор Кызылтау на северо-восток, к Иртышу, в район современного города Павлодара. Основное внимание уделено характеристике современных археологических исследований объектов степной Сарыарки, отмеченных в путевых записках И.П. Шангина. В заключение указано, что высокая результативность научной экспедиции связана с личностью ее руководителя И.П. Шангина, как яркого представителя зарождающейся российской научной школы естествоиспытателей.

Ключевые слова: И.П. Шангин, казахские степи, рудные залежи, археологический памятник, исследование, Батагай, Нура, Акмола, Бозок.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tatyanakoshman@mail.ru (Т.В. Кошман)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1113-1123. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1113
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The System of Public Education in the Orenburg Cossack Army (1820–1917). Part 1

Timur A. Magsumov ^{a, b, c, *}, Teymur E. Zulfugarzade ^d

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russian Federation

^d Russian Economic University named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article considers the system of public education on the territory of the Orenburg Cossack army in the pre-revolutionary period. This part of the article analyzes the period of 1820–1900. There were used as materials different statistical data. These are the address-calendars and memorable books of the Orenburg province for different years, regulations, as well as specialized literature.

The statistical method is widely used in this work. So, the authors made samples from a statistical array of various reporting documents: the number of military schools, students and their gender balance. This allowed us to calculate the average number of students per military school. Also, the use of this method allowed authors to identify the characteristic features of the evolution of the system of public education in the territory of the Orenburg Cossack army in the period 1820–1900.

In conclusion, the authors state that the system of public education on the territory of the Orenburg Cossack army had its own regional features, which related to teaching along with civil and military disciplines. At the same time, a bet was made on the creation of a teaching corps from among the Orenburg Cossacks themselves. During the period under review, namely 80 years (1820–1900), there was a gradual development of the network of military schools, as well as an increase in the students' number. By the turn of 1900 the Holy Synod is also beginning to take an active part in public education issues with the help of an extensive network of parochial schools.

Keywords: Orenburg Cossack army, public education, Russian Empire.

1. Введение

Оренбургское казачье войско, согласно официальным документам, ведет свою историю с 1574 г., то есть с момента основания острога воеводой И.Г. Нагимом. Однако первые казаки на территории Оренбургского края появились только во второй половине 1730-х гг. В связи региональными особенностями оренбургские казаки не имели единого места проживания, их поселения и войсковые организации находились на обширной территории от Волги до Сибири. Лишь в 1803 г. войско было реорганизовано и сведено в одно целое. В 1865 г. территория Оренбургского войска была объединена с территорией Оренбургской губернии, губернатор которой исполнял обязанности и наказного атамана.

2. Материалы и методы

Материалами для подготовки статьи послужили различные статистические материалы. Это адрес-календари и памятные книжки Оренбургской губернии за разные годы ([Адрес-календарь, 1888](#); [Адрес-календарь, 1893](#); [Адрес-календарь, 1895](#); [Адрес-календарь, 1897](#); [Адрес-календарь 1898](#); [Адрес-](#)

* Corresponding author

E-mail addresses: nabonid1@yandex.ru (T.A. Magsumov)

календарь, 1900; Адрес-календарь, 1901), нормативные акты (Иркутские епархиальные ведомости, 1884), а также специализированная литература (Стариков, 1891).

В работе широко применен статистический метод. Так, нами были сделаны выборки из статистического массива разнообразной отчетной документации: о количестве войсковых училищ, численности учеников и их гендерному составу. Это позволило высчитать среднее значение числа учеников на одну войсковую школу. Также применение данного метода позволило выявить характерные особенности эволюции системы народного просвещения на территории Оренбургского казачьего войска в период 1820–1900 гг.

3. Обсуждение

Система народного образования на территории Оренбургского казачьего войска в 1820–1917 гг. до настоящего времени не была предметом самостоятельного исследования. Различные авторы обращались к системе образования только в контексте краеведческих исследований либо с эпизодическим освещением некоторых частей этой системы или периодов. Так, например, изучению развития системы начального народного образования в Оренбургской и Уфимской губерниях в начале XX века уделила внимание А.В. Суворова (Суворова, 2015). К теме деятельности оренбургских властей по просвещению инородцев в период второй половины XIX века обращались исследователи С.А. Алешина, С.И. Ковальская (Алешина, Ковальская, 2018). Еще более частные вопросы, такие как становление оренбургской женской гимназии, рассматривал С.В. Любичанковский (Любичанковский, 2013), а приобщение учащихся к литургической практике в женских учебных заведениях изучали О.А. Смирнова, А.Г. Глухов (Смирнова, Глухов, 2017). Имеет также отношение к теме работа М.А. Шицковой о роли библиотек в распространении книг на территории Оренбургской губернии в дореволюционный период (Шицкова, 2015).

Систему народного просвещения на территории казачьих областей изучали В.С. Молчанова в Кубанской (Molchanova et al., 2019; Molchanova et al., 2019a; Molchanova et al., 2020) и А.Ю. Перетятко в Донской областях (Peretyatko, Zulfugarzade, 2019; Peretyatko, Zulfugarzade, 2019a).

В то же время ученые обращались и к изучению систем народного образования других регионов Российской империи в указанное время: Т.А. Магсумов – на территории Вятской (Magsumov et al., 2018), а авторский коллектив во главе с О.В. Натолочной – Виленской губерний (Natolochnaya et al., 2019; Natolochnaya et al., 2019a; Natolochnaya et al., 2020), исследованию Харьковского учебного округа уделили внимание С.И. Дегтярев и Л.Г. Полякова (Degtyarev, Polyakova, 2020).

4. Результаты

Оренбургское казачье войско, впрочем, как и другие казачьи войска Российской империи, в момент своего создания находилось на весьма низком уровне грамотности населения. В качестве примера можно привести следующие данные: в 1754 г. из 1380 исетских казаков не было ни одного грамотного, то есть умевшего писать и считать. Немного лучше обстояли дела в городе Оренбурге, так как в их числе были казаки, переведенные из Самары и Уфы, происходившие из дворянских родов и иноземцев. Будет верным пояснить, что до XIX века оренбургские казаки не имели специальных учебных заведений, а получали начальное образование, как и в большинстве мест российской глубинки и немного ранее в Европе благодаря найму «грамотеев» для нужд первоначального образования (Cherkasov et al., 2019; Cherkasov et al., 2019a; Mamadaliev et al., 2019).

Создание первых школ в Оренбургском казачьем войске можно отнести к 1819–1822 гг. Первым на важность обучения грамоте казаков обратил внимание император Александр I, который запросил сведения о всех учебных заведениях, находящихся в пределах Оренбургского войска. Сразу после этого начальник штаба отдельного Оренбургского корпуса предписал войсковой канцелярии учредить школы во всех пяти кантонах войска, а также при каждом казачьем полку.

25 октября 1821 года начальник 2-го кантона, майор Беккер, просил разрешения у войсковой канцелярии на учреждение в станице Коельской школы для обучения детей по методу Беля и Ланкастера и предлагал взять лес на строительство здания из станичных дач, деньги же на приобретение необходимых предметов и материалов собрать по подписке с жителей. Проект этот войсковая канцелярия представила командиру корпуса, который 31 декабря 1821 года утвердил его. Этим было положено первое основание станичным школам (Стариков, 1891: 171).

В следующем году по этому примеру было создано 16 школ в станицах Миясской, Эткульской, Еманжелинской, Чебаркульской, Уйской, Бакалинской, Алексеевской, Красно-Самарской, Борской, Тоцкой, Олшанской и Оренбургской. В 1831 г. было открыто еще 6 школ. В 1838 году их общее количество достигло 30, а в них учащихся было 913. Спустя 3 года, в 1841 году, школ уже было 21 с 1073 учащимися. В следующие 7 лет образование продолжало проникать в оренбургские казачьи станицы, и к 1848 году школ было создано уже 69, таким образом был достигнут показатель – одна школа на одну станицу (Стариков, 1891: 171).

Изначально жалование учителей определялось из войскового капитала, но уже в 1868 г. отпуск этот из войсковых денег был отменен и отнесен на общественные суммы. После отмены крепостного права, как и в других регионах Российской империи, начало развиваться женское образование –

открываться женские школы. Так, уже в 1871 г. насчитывалось в войске 179 школ, из которых 129 мужских с 3760 учащимися и 50 женских с 1035 учащимися (Стариков, 1891: 171).

Важно пояснить, что войсковая администрация одновременно с увеличением сети народных школ принимала меры к открытию подобных учебных заведений и в поселках, где жили преимущественно инородцы – ногайбаки. При помощи школы предполагалось дать молодому инородческому населению грамоту, что позволяло быть более востребованным на местном рынке труда, но при этом по возможности привить религиозно-нравственные понятия. Будет справедливо отметить, что такие школы могли открываться только в случае, если местное население будет самостоятельно ходатайствовать об их открытии. К концу 1880-х гг. школы были созданы во всех инородческих поселках Оренбургской губернии.

В 1872 г. произошло резкое увеличение школ в пределах Оренбургского войска: их число было доведено до 300 мужских при 8769 учениках и до 119 женских с 2241 ученицей (Стариков, 1891: 172). С этого времени войсковая администрация стала больше времени уделять вопросам народного образования в войске, требуя, чтобы каждый казак был обучен грамоте. Если же призываемые в строй казак оказывался неграмотен к началу своей службы, то он обязывался учиться за собственный счет.

Необходимо понимать, что процесс открытия новых школ требовал значительных ассигнований как на строительство новых школ, наем прислуги, приобретения инвентаря и учебных пособий, так и на содержание учителей¹.

Рассмотрим статистические данные о развитии системы народного просвещения на территории Оренбургской губернии в период 1870–1889 гг. (Таблица 1).

Таблица 1. Количество войсковых школ и учащихся в Оренбургской губернии в 1870–1889 гг. (Стариков, 1891: 173; Адрес-календарь, 1893: 116; Адрес-календарь, 1895: 21; Адрес-календарь, 1897: 5, 32; Адрес-календарь 1898: 5, 31; Адрес-календарь, 1900: ведомость о числе учебных заведений; Адрес-календарь, 1901: ведомость о распределении жителей, ведомость о числе учебных заведений)

Годы	Общее число жителей		Общее число школ				Общее число учащихся			
	Мужского пола	Женского пола	Мужских	Женских	Смешанных	Всего	Мальчиков	Девочек	Всего учащихся	Учащихся на школу
1870	122405	125515	110	42	-	152	3473	942	4415	29
1871	124475	128453	129	50	-	179	3760	1035	4795	26
1872	Сведений нет		265	104	-	369	Сведений нет			
1873	128172	132044	315	154	-	469	11815	3596	15411	32
1874	130610	134279	-	-	-	484	17209	4842	22051	45
1875	132201	136952	284	144	42	470	13054	4865	18919	38
1876	133336	138231	268	146	53	467	13148	5298	18446	39
1877	136311	141713	273	144	50	467	12465	5882	18347	39
1878	140060	143310	272	144	55	471	12940	6122	19062	41
1879	141061	145312	255	145	72	472	13283	6159	19444	41
1880	141908	148890	260	138	74	472	13283	6159	19444	41
1881	144095	151166	245	141	81	467	14169	5958	20127	43
1882	148647	154721	208	135	122	465	14578	6352	20930	45
1883	155291	159674	210	142	129	471	15793	7330	23163	49
1884	149866	157198	194	144	137	475	15063	6993	22056	46
1885	153624	160450	188	143	147	478	16780	7647	24427	51
1886	157729	164700	178	139	156	473	15818	7259	23077	49
1887	161524	164851	176	136	150	462	15925	7144	23069	50
1888	165203	173807	158	129	176	463	16451	7414	23865	52
1889	171338	175773	160	129	176	465	16451	7414	23865	52
1892	168044	177708	Сведений нет			455	18305	9012	27317	60
1893	171653	178644	Сведений нет			451	19013	9602	28615	60
1894	173006	182415	Сведений нет			452	19267	9856	29123	64
1896	185913	190263	Сведений нет			460	20886	10029	30915	67

¹ Учитель на территории Оренбургского войска имел годовое жалованье в 80 руб. и в качестве натурального продукта получал 50 пудов пшеницы (Стариков, 1891: 172).

1897	195692	199112	Сведений нет	462	21234	9977	31211	67
1899	-	-	Сведений нет	485	20087	9684	29771	61
1900	203589	204364	Сведений нет	511	22957	12713	35670	69

Таблица 1 представляет значительный интерес для понимания социальных процессов на территории губернии. Так, например, согласно ее данным, можно наблюдать гендерный дисбаланс, который являлся характерным для многих регионов Российской империи (Magsumov et al., 2020; Magsumov et al., 2020a). В населении Оренбургской губернии количество женщин преобладало над количеством мужчин.

В 1870 г. на 1 школу приходился 1631 человек населения губернии, за последующие 4 года произошел значительный рывок на nive начального образования, и в 1874 г. показатель на одну школу составлял уже 547 учащихся, то есть количество школ увеличилось в 3 раза. Однако благодаря естественному приросту населения к 1889 г. показатель одна школа к количеству населения все время увеличивался и к 1889 г. достиг значения в 746 человек, а в 1900 г. – 798 чел., то есть распространение школ было явно недостаточным. Это было бы так, если не учитывать мощную сеть церковно-приходских и сельских школ, которые развивались в 1890-х гг. весьма активно.

С 1875 г. в Оренбургской губернии появились смешанные школы для мальчиков и девочек, спустя 10 лет их число превысило количество женских, а в 1888 г. – и мужских школ, что свидетельствовало о распространении смешанных школ на территории губернии.

Интересными представляются данные о соотношении мальчиков и девочек в начальных школах губернии. Так, в 1870 г. девочки составляли 21 % от всех учащихся, в 1874 г. их число поднялось до 22 %, в 1882 – 30 %, в 1889 г. достигло 31 %, а в 1900 г. – 35 % от всех учащихся. Данная динамика свидетельствует о медленном распространении женского образования.

Интерес представляет и количество учащихся на одну школу. В 1870–1871 гг. этот показатель не достигал и 30 чел. (находился в пределах от 26 до 29 человек), но уже в 1878 г. это число превысило 40, а с 1887 г. дошло до отметки 50 и более человек на одну школу. При этом количество школ практически не изменялось (цифры варьировались в пределах 460–470). В 1892 г. средняя наполняемость школы достигла 60 чел., а к 1900 г. – почти 70, в абсолютных цифрах – 69,8 чел.

Помимо этого, необходимо учитывать, что данная статистика касалась только начальных школ Оренбургского казачьего войска. Так, например, кроме них в 1882 г. в губернии было 98 сельских школ, находящихся в ведении дирекции народных училищ, 12 частных училищ, 6 церковно-приходских и одно – при соборной мечети. Все эти заведения вместе обучали еще 4334 учащихся (Адрес-календарь, 1888: ССХХІХ). Общее же количество учебных заведений, включая средние, средне-специальные, низшие и начальные, составляло в 1882 г. 635 при 29643 учащихся, из которых 21437 мальчиков и 8206 девочек (Адрес-календарь, 1888: ССХХІХ).

Региональной спецификой школ на территории Оренбургского казачьего войска было то, что в них пристальное внимание уделялось, кроме общеобразовательных целей, подготовке казаков к несению военной службы. Именно поэтому приоритетным было развитие таких качеств, как смелость, ловкость и лихость.

Вопрос воспитания автоматически упирался в проблему педагогических кадров. Лучший преподавательский состав можно было получить только путем дополнительного финансового стимулирования. С 1872 г. на дополнительные нужды учителей ежегодно из войсковой казны выделялось 3 тыс. руб. (Стариков, 1891: 174). В 1876 г. войсковое правительство предприняло серьезные шаги к тому, чтобы обучение в начальных школах вели учителя из числа казачьего населения. Специально для этого было получено правительственное разрешение на обучение за войсковой счет 30 казачьих воспитанников в Благовещенской учительской семинарии. Важно пояснить, что, имея по 30 стипендиатов в семинарии, при трехгодичном курсе обучения в ней войско рассчитывало постепенно обеспечить учителями все мужские школы.

Эта региональная специфика отразилась и на преподаваемых дисциплинах. Так, к общепринятым дисциплинам – Закон Божий, чтение и письмо, арифметика – добавились еще и строевая часть. Мальчики в свободное от классных занятий время обучались кавалерийскому строю, гимнастике, ружейным приемам, сборке и разборке казачьей винтовки, владению пашкой и пикой. Одновременно со строевым образованием их учили петь боевые песни, а также рассказывали им события из боевой жизни войска и т.п.

Несколько слов необходимо также сказать об обучении детей войсковых чиновников Оренбургского войска. Так, первым заведением в регионе для детей офицеров и чиновников стало учрежденное в Оренбурге в 1824 г. Неплюевское военное училище. Однако нужно понимать, что число вакансий в нем для Оренбургского войска было невелико – всего две, в 1842 г. войско получило квоту на 7 дополнительных мест. Помимо этого, в том же 1841 г. было выделено 10 вакансий в столичных корпусах, а затем увеличено число вакансий в Неплюевском училище, переименованном сначала в кадетский корпус, затем преобразованном в военную гимназию, а в 1884 году – снова в кадетский корпус. Кроме того, в 1885 г. было дано 10 вакансий в Казанской гимназии, а для девиц в 1849 году было удовлетворено ходатайство на 10 вакансий в Оренбургском девичьем училище,

переименованном потом в Оренбургский Николаевский институт. В 1865 году войско имело для воспитания детей войсковых чиновников следующие вакансии: в строительном училище – 2, в Орловском Бахтина и Полоцком кадетских корпусах – 10, в Неплюевском кадетском корпусе – 30 и в Казанской гимназии – 10.

С открытием в Оренбурге гимназий военной и гражданской стипендиаты Оренбургского войска из Орловской, Полоцкой и Казанской гимназий были переведены в оренбургские. К 1 января 1891 года Оренбургское казачье войско располагало стипендиями для воспитания детей войсковых чиновников и простых казаков в следующих учебных заведениях (Таблицы 2, 3, 4, 5).

Таблица 2. Вакансии Оренбургского казачьего войска в высших учебных заведениях (Стариков, 1891: 176)

В высших учебных заведениях	Число стипендий	Число учащихся за счет			
		казны	войскового капитала	общественных сумм и родителей	Итого
В Академии ген. штаба	-	1	-	-	1
В Императорском Московском университете	1	-	1	-	1
В Казанском университете	9	-	9	1	10
В Харьковском вет. институте	-	-	-	1	1
В Петербургском лесном институте	1	-	1	-	1
Итого	11	1	11	2	14

Таблица 3. Вакансии Оренбургского казачьего войска в средних учебных заведениях (Стариков, 1891: 176-177)

В средних учебных заведениях	Число стипендий	Число учащихся за счет			
		казны	войскового капитала	общественных сумм и родителей	Итого
В Михайловском артиллерийском училище	-	2	-	-	2
В Первом Павловском военном училище	-	1	-	-	1
Во Втором Константиновском	-	5	-	-	5
В Третьем Александровском	-	5	-	-	5
В Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе	54	1	54	2	57
Во Втором Оренбургском кадетском корпусе	8	-	3	1	4
Оренбургском учительском институте	-	1	-	-	1
Итого	62	15	110	11	136

Таблица 4. Вакансии Оренбургского казачьего войска в низших учебных заведениях (Стариков, 1891: 177)

В низших учебных заведениях	Число стипендий	Число учащихся за счет			
		казны	войскового капитала	общественных сумм и родителей	Итого
В Оренбургском юнкерском училище	70	-	49	-	49
В фельдшерской школе	15	1	15	3	19
В Оренбургск. ремесленном училище	9	-	8	2	10
В Уфимском землемерном училище	2	1	2	-	3
В городских народных училищах	-	-	-	66	66
В станичных (начальных) народных школах	-	-	-	16313	16313
Итого	96	2	74	16384	16460

Таблица 5. Вакансии Оренбургского казачьего войска для лиц женского пола (Стариков, 1891: 177)

В низших учебных заведениях	Число стипендий	Число учащихся за счет			
		казны	войскового капитала	общественных сумм и родителей	Итого
В Оренбургском Николаевском институте	10	1	10	8	19
В женской гимназии	11	1	33	10	44
В прогимназии	-	-	-	9	9
В городских народных училищах	-	-	-	15	15
В станичных и поселковых школах	-	-	-	7788	7788
Итого	21	2	43	7830	7875

В 1892 г. количество учебных заведений на территории губернии составляло 616 при 40311 учащихся (Адрес-календарь, 1893: 116). В 1893 г. открываются 244 церковно-приходские школы, в результате общее количество учебных заведений достигает 854 при 51016 учащихся (Адрес-календарь, 1894: ведомость 10). В 1894 г. число церковно-приходских школ увеличилось еще на 27, при этом количество войсковых школ увеличилось только на 1 (Адрес-календарь, 1895: 21). В 1896 г. число церковно-приходских школ достигло 341, а общее количество учебных заведений на территории губернии возросло до 974 (Адрес-календарь, 1897: 32). В 1900 г. количество церковно-приходских школ в губернии превысило количество школ Оренбургского войска: насчитывалось 526 церковно-приходских школ и 511 начальных училищ войска (Адрес-календарь, 1901: ведомость о числе учебных заведений).

В целом же к 1900 г. Оренбургская губерния располагала значительным числом учебных заведений (Таблица 6).

Таблица 6. Количество учебных заведений и учащихся на территории Оренбургской губернии в 1900 г. (Адрес-календарь, 1901: ведомость о числе учебных заведений)

Название учебных заведений	Число заведений	Число учащихся			
		Мужчин	Женщин	Всего	На одно заведение
Реальное училище	1	364	-	364	364
Мужская гимназия	2	593	-	593	296,5
Кадетский корпус	2	609	-	609	304,5
Духовная семинария	1	238	-	238	238
Киргизская учительская школа с одноклассным училищем	1	61	-	61	61
Казачье юнкерское училище	1	81	-	81	81
Женский институт императора Николая I	1	-	229	229	229
Женская гимназия	1	-	451	451	451
Женская прогимназия	3	-	627	627	209
Епархиальное женское училище	1	-	261	261	261
Духовное училище	2	339	-	339	169,5
Ремесленное училище	1	170	-	170	170
Городское училище по положению 1872 г.	6	778	-	778	129,6
Низшая ремесленная школа	1	21	-	21	21
Мужское приходское училище	16	2023	-	2023	126,4
Женское приходское училище	12	-	1483	1483	123,5
Смешанное приходское училище	2	66	60	126	63
Двухклассное сельское	8	1332	14	1346	168
Одноклассное (мужское)	5	474	-	474	94,8
Одноклассное (женское)	9	-	578	578	64,2
Одноклассное (смешанное)	117	6022	732	6754	57,7
Воскресная школа	16	422	605	1027	64,1
Частная III разряда (начальная) (смешанная)	6	57	48	105	17,5
Иностранческая (христианская)	4	116	35	151	37,7
Иностранческая (магометанская)	24	940	58	998	41,5
Еврейская хедер	1	20	-	20	20
Начальное училище и школа в немецких колониях	17	376	307	683	40,1
Училище казачьего войска	511	22957	12713	35670	69,8
Церковно-приходская школа	526	13463	5879	19342	36,7
Итого	1298	51522	24080	75602	58,2

Сравнивая [Таблицу 1](#) и [6](#), можно заметить постоянный рост количества учащихся в начальных войсковых школах. К 1900 г. этот показатель практически достиг отметки в 70 чел. на школу. Однако то же самое нельзя сказать о церковно-приходских школах, средний показатель которых в это время составлял только 36 человек, то есть в два раза ниже. На наш взгляд, причины этого были в сугубо историческом аспекте. Дело в том, что масштабная работа по созданию правильной сети церковно-приходских школ началась только в 1884 г., то есть с момента издания «Правил о церковно-приходских школах»¹. Иными словами, данным учебным заведениям требовалось еще пройти тот путь, который с 1820 гг. проходили, например, войсковые учебные заведения.

5. Заключение

Подводя итоги, можно отметить, что система народного просвещения на территории Оренбургского казачьего войска имела региональные особенности, которые относились к преподаванию, наряду с гражданскими, и военных дисциплин. При этом делалась ставка на создание преподавательского корпуса из среды самих оренбургских казаков. На протяжении рассматриваемого периода, а именно 80 лет (1820–1900 гг.), происходило постепенное развитие сети войсковых школ,

¹ Этим положением были созданы одноклассные и двухклассные начальные школы в местностях, где никаких школ еще не имелось ([Иркутские епархиальные ведомости. 22 сентября 1884 года](#)).

а также увеличение количества учащихся. К рубежу 1900 г. активное участие в вопросах народного образования начинает принимать и Святейший Синод при помощи разветвленной сети церковно-приходских школ.

Литература

- Стариков, 1891** – *Стариков Ф.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1891.
- Адрес-календарь, 1888** – Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1888 год. Оренбург, 1888.
- Адрес-календарь, 1893** – Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1894 год. Оренбург, 1893.
- Адрес-календарь, 1894** – Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1895 год. Оренбург, 1894.
- Адрес-календарь, 1895** – Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1896 год. Оренбург, 1895.
- Адрес-календарь, 1897** – Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1898 год. Оренбург, 1897.
- Адрес-календарь, 1898** – Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1899 год. Оренбург, 1898.
- Адрес-календарь, 1900** – Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1901 год. Оренбург, 1900.
- Адрес-календарь, 1901** – Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1902 год. Оренбург, 1901.
- Иркутские епархиальные ведомости, 1884** – Иркутские епархиальные ведомости. 22 сент. 1884 года.
- Алешина, Ковальская, 2018** – *Алешина С.А., Ковальская С.И.* Деятельность оренбургских властей по просвещению «иностранцев» во второй половине XIX века // *Новый исторический вестник*. 2018. № 4 (58). С. 6-18.
- Смирнова, Глухов, 2017** – *Смирнова О.А., Глухов А.Г.* Приобщение учащихся к литургической практике в учебно-воспитательной деятельности оренбургской женской гимназии и прогимназии // *Вестник Оренбургской духовной семинарии*. 2017. № 1 (7). С. 435-443.
- Шицкова, 2015** – *Шицкова М.А.* Роль библиотек в развитии книгораспространения в Оренбургской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*. 2015. № 4 (44). С. 15-19.
- Суворова, 2015** – *Суворова А.В.* Развитие системы начального образования в Оренбургской и Уфимской губерниях (начало XX в. – 1914 г.). Челябинск, 2015.
- Любичанковский, 2013** – *Любичанковский С.В.* Становление оренбургской женской гимназии на рубеже 1860–1870-х гг. // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2013. 15 (5). С. 24-27.
- Mamadaliyev et al., 2019** – *Mamadaliyev A.M., Svechnikova N.V., Miku N.V., Médico A.* The German System of Public Education in the Period between the 15th and Early 20th Centuries. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(2): 445-453.
- Cherkasov et al., 2019** – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G.* Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(1): 208-214.
- Cherkasov et al., 2019a** – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G.* Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(2): 418-424.
- Magsumov et al., 2020** – *Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E.* The System of Public Education in Magsum Oblast in the Period 1878–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 221-234.
- Magsumov et al., 2020a** – *Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E.* The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(2): 459-472.
- Molchanova et al., 2019** – *Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I.* The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1 // *Bylye Gody*. 2019. 53(3): 1049-1058.
- Molchanova et al., 2019a** – *Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I.* The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2 // *Bylye Gody*. 2019. 54(2): 1524-1536.
- Molchanova et al., 2020** – *Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I.* The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3 // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 88-104.

Peretyatko, Zulfugarzade, 2019 – Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. «66 % of Literacy among the Male Population of School Age Brings it Closer to Common Education» vs «in the Largest Villages, it was Difficult to Meet a Literate Person»: the Main Statistical indicators of Primary Education among Don Cossacks in the XIX c. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(2): 454-465.

Peretyatko, Zulfugarzade, 2019a – Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. «66 % of Literacy among the Male Population of School Age Brings it Closer to Common Education» vs «in the Largest Villages, it was Difficult to Meet a Literate Person»: the Main Statistical indicators of Primary Education among Don Cossacks in the XIX c. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(3): 664-676.

Magsumov et al., 2018 – Magsumov T.A., Artemova S.F., Balanyuk L.L. Regional problems of public schools in the Russian Empire in 1869-1878 (using an example of the Vyatka Province) // *European Journal of Contemporary Education*. 2018. 7(2): 420-427.

Natolochnaya et al., 2019 – Natolochnaya O.V., Bulgarova B.A., Denisenko V.N., Volkov A.N. The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(3): 655-664.

Natolochnaya et al., 2019a – Natolochnaya O.V., Bulgarova B.A., Voropaeva Yu.A., Volkov A.N. The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(4): 964-972.

Natolochnaya et al., 2020 – Natolochnaya O.V., Svechnikov V.A., Posokhova L.A., Allalyev R.M. The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 248-254.

Degtyarev, Polyakova, 2020 – Degtyarev S.I., Polyakova L.G. The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(2): 451-458.

References

Adres-kalendar', 1888 – Adres-kalendar' i spravocnaya knizhka Orenburgskoi gubernii na 1888 god [Address-calendar and reference book of the Orenburg province for 1888]. Orenburg, 1888. [in Russian]

Adres-kalendar', 1893 – Adres-kalendar' i spravocnaya knizhka Orenburgskoi gubernii na 1894 god [Address-calendar and reference book of the Orenburg province for 1894]. Orenburg, 1893. [in Russian]

Adres-kalendar', 1894 – Adres-kalendar' i spravocnaya knizhka Orenburgskoi gubernii na 1895 god [Address-calendar and reference book of the Orenburg province for 1895]. Orenburg, 1894. [in Russian]

Adres-kalendar', 1895 – Adres-kalendar' i spravocnaya knizhka Orenburgskoi gubernii na 1896 god [Address-calendar and reference book of the Orenburg province for 1896]. Orenburg, 1895. [in Russian]

Adres-kalendar', 1897 – Adres-kalendar' i spravocnaya knizhka Orenburgskoi gubernii na 1898 god [Address-calendar and reference book of the Orenburg province for 1898]. Orenburg, 1897. [in Russian]

Adres-kalendar', 1898 – Adres-kalendar' i spravocnaya knizhka Orenburgskoi gubernii na 1899 god [Address-calendar and reference book of the Orenburg province for 1899]. Orenburg, 1898. [in Russian]

Adres-kalendar', 1900 – Adres-kalendar' i spravocnaya knizhka Orenburgskoi gubernii na 1901 god [Address-calendar and reference book of the Orenburg province for 1901]. Orenburg, 1900. [in Russian]

Adres-kalendar', 1901 – Adres-kalendar' i spravocnaya knizhka Orenburgskoi gubernii na 1902 god [Address-calendar and reference book of the Orenburg province for 1902]. Orenburg. [in Russian]

Aleshina, Koval'skaya, 2018 – Aleshina S.A., Koval'skaya S.I. (2018). Deyatel'nost' orenburgskikh vlastei po prosveshcheniyu «inorodtsev» vo vtoroi polovine XIX veka [The activities of the Orenburg authorities to educate the "foreigners" in the second half of the 19th century]. *Novyi istoricheskii vestnik*. № 4(58). Pp. 6-18. [in Russian]

Cherkasov et al., 2019 – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(1): 208-214.

Cherkasov et al., 2019a – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 8(2): 418-424.

Degtyarev, Polyakova, 2020 – Degtyarev S.I., Polyakova L.G. (2020). The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 451-458.

Irkutskie eparkhial'nye vedomosti, 1884 – Irkutskie eparkhial'nye vedomosti. 22 sent. 1884 goda. [in Russian]

Lyubichankovskii, 2013 – Lyubichankovskii S.V. (2013). Stanovlenie orenburgskoi zhenskoi gimnazii na rubezhe 1860 – 1870-kh gg. [The formation of the Orenburg female gymnasium at the turn of the 1860s – 1870s]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*. 15(5). Pp. 24-27. [in Russian]

- [Magsumov et al., 2018](#) – *Magsumov T.A., Artemova S.F., Balanyuk L.L.* (2018). Regional problems of public schools in the Russian Empire in 1869–1878 (using an example of the Vyatka Province). *European Journal of Contemporary Education*. 7(2): 420–427.
- [Magsumov et al., 2020](#) – *Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E.* (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 221–234.
- [Magsumov et al., 2020a](#) – *Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E.* (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 459–472.
- [Mamadaliyev et al., 2019](#) – *Mamadaliyev A.M., Svechnikova N.V., Miku N.V., Médico A.* (2019). The German System of Public Education in the Period between the 15th and Early 20th Centuries. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(2): 445–453.
- [Molchanova et al., 2019](#) – *Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I.* (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1. *Bylye Gody*. 53(3): 1049–1058.
- [Molchanova et al., 2019a](#) – *Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I.* (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2. *Bylye Gody*. 54(2): 1524–1536.
- [Molchanova et al., 2020](#) – *Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I.* (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 3. *Bylye Gody*. 55(1): 88–104.
- [Natolochnaya et al., 2019](#) – *Natolochnaya O.V., Bulgarova B.A., Denisenko V.N., Volkov A.N.* (2019). The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(3): 655–664.
- [Natolochnaya et al., 2019a](#) – *Natolochnaya O.V., Bulgarova B.A., Voropaeva Yu.A., Volkov A.N.* (2019). The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 8(4): 964–972.
- [Natolochnaya et al., 2020](#) – *Natolochnaya O.V., Svechnikov V.A., Posokhova L.A., Allalyev R.M.* (2020). The History of the Public Education System in Vilna Governorate (the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries). Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 248–254.
- [Peretyatko, Zulfugarzade, 2019](#) – *Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E.* (2019). «66 % of Literacy among the Male Population of School Age Brings it Closer to Common Education» vs «in the Largest Villages, it was Difficult to Meet a Literate Person»: the Main Statistical indicators of Primary Education among Don Cossacks in the XIX c. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(2): 454–465.
- [Peretyatko, Zulfugarzade, 2019a](#) – *Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E.* (2019). «66 % of Literacy among the Male Population of School Age Brings it Closer to Common Education» vs «in the Largest Villages, it was Difficult to Meet a Literate Person»: the Main Statistical indicators of Primary Education among Don Cossacks in the XIX c. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 8(3): 664–676.
- [Shitskova, 2015](#) – *Shitskova M.A.* (2015). Rol' bibliotek v razvitií knigorasprostraneniya v Orenburgskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [The role of libraries in the development of book distribution in the Orenburg province in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Chelyabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv.* № 4(44). Pp. 15–19. [in Russian]
- [Smirnova, Glukhov, 2017](#) – *Smirnova O.A., Glukhov A.G.* (2017). Priobshchenie uchashchikhsya k liturgicheskoi praktike v uchebno-vospitatel'noi deyatel'nosti orenburgskoi zhenskoi gimnazii i progimnazii [Introducing students to liturgical practice in the teaching and educational activities of the Orenburg women's gymnasium and progymnasium]. *Vestnik Orenburgskoi dukhovnoi seminarii.* № 1(7). Pp. 435–443. [in Russian]
- [Starikov, 1891](#) – *Starikov F.* (1891). Istoriko-statisticheskii ocherk Orenburgskogo kazach'ego voiska [Historical and statistical sketch of the Orenburg Cossack army]. Orenburg. [in Russian]
- [Suvorova, 2015](#) – *Suvorova A.V.* (2015). Razvitie sistemy nachal'nogo obrazovaniya v Orenburgskoi i Ufimskoi guberniyakh (nachalo XX v. – 1914 g.) [The development of the primary education system in the Orenburg and Ufa provinces (early XX century – 1914)]. Chelyabinsk. [in Russian]

Система народного образования в Оренбургском казачьем войске (1820–1917 гг.). Часть 1

Тимур Альбертович Магсумов ^{a, b, c, *}, Теймур Эльдарович Зульфугарзаде ^d

^aМеждународный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^bВолгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^cНабережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны, Российская Федерация

^dРоссийский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается система народного образования на территории Оренбургского казачьего войска в дореволюционный период. В данной части работы анализируется период 1820–1900 гг. Источниками для подготовки статьи послужили различные статистические материалы: адрес-календари и памятные книжки Оренбургской губернии за разные годы, нормативные акты, а также специализированная литература.

В работе широко применен статистический метод. Так, были сделаны выборки из статистического массива разнообразной отчетной документации: о количестве войсковых училищ, численности учеников и их гендерному составу, что позволило высчитать среднее значение количества учеников на одну войсковую школу. Также применение этого метода дало возможность выявить характерные особенности эволюции системы народного просвещения на территории Оренбургского казачьего войска в период 1820–1900 гг.

В заключении авторы отмечают, что система народного просвещения на территории Оренбургского казачьего войска имела региональные особенности, которые относились к преподаванию, наряду с гражданскими, и военных дисциплин. При этом делалась ставка на создание преподавательского корпуса из среды самих оренбургских казаков. На протяжении рассматриваемого периода, а именно 80 лет (1820–1900 гг.), происходило постепенное развитие сети войсковых школ, а также увеличение количества учащихся. К рубежу 1900 г. активное участие в вопросах народного образования начинает принимать и Святейший Синод при помощи разветвленной сети церковно-приходских школ.

Ключевые слова: Оренбургское казачье войско, народное образование, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nabonid1@yandex.ru (Т.А. Магсумов)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1124-1131. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1124
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Act Materials as a Historical Source about the Functions and Personnel of Siberia Local Authorities in the 19th century

Tatyana G. Karchaeva ^{a, *}, Alexander S. Kovalev ^{a, b}, Nikolai R. Novosel'tsev ^a, Mikhail P. Yatsenko ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva, Russian Federation

Abstract

The article shows the experience of using assembly materials as historical sources on the history of Russia during the period of the empire. On the basis of the archival documents presented for the first time, the significance of traces and agreements of the population in the study of the issues of defining the functions and establishing the staff of local government bodies in Siberia in the 19th century was proved. The source of the work was previously unpublished wills, donation records, letters of attorney (letters of trust) of the residents of the Minusinsk district of the Yenisei province, drawn up in the Minusinsk district government and the Minusinsk district court, as well as formulary lists of local officials who certified and testified to such documents. By analyzing the act books of public places of different levels of government (Yenisei provincial government, Minusinsk district court, Minusinsk district government, Abakan volost government), the prevalence and proven mechanism for providing the population with such a service due to the absence of notarial structures in Siberia until 1897 were proved. The representativeness of act materials as sources for establishing the names of employees of local authorities is shown on the example of the will of a retired non-commissioned officer A. M. Kvashonkin (1839), the power of attorney of the Yekaterinburg merchant A.Ya. Kharitonov (1839) and a donation record of a well-known public figure, who was in exile in Siberia, M. V. Butashevich-Petrashevsky (1860). The subsequent application of data from the formal lists of officials made it possible to detail the facts of their biographies as representatives of the service class. All this made it possible to reconstruct the historical reality of the Russian Empire at the provincial level.

Keywords: historical source, act materials, officials, civil servants, M. V. Butashevich-Petrashevsky, notary, Minusinsky district, Yenisei province, Siberia, Russian Empire.

1. Введение

Научное освещение опыта изучения исторических источников помогает современным исследователям точнее установить путь и формы их использования. Исторические источники разнообразны. Согласно классификации И.Д. Ковальченко, сделки и соглашения относятся к актовым материалам и представляют собой правовые документы, фиксирующие в юридической форме отношения между отдельными лицами (Ковальченко, 2003: 137). Данного вида источники периода Российской империи позволяют выявить исторические факты в мельчайших подробностях и одновременно с высокой степенью требуемого обобщения. Одним из таких вопросов может стать история государственной службы, история чиновничества, история правительственных учреждений.

Цель работы – обобщить опыт использования актовых материалов для определения и конкретизации направлений деятельности местных органов власти в Сибири и установления их кадрового состава.

* Corresponding author

E-mail addresses: tatyana-verkhoturova@yandex.ru (T.G. Karchaeva)

Хронологические рамки исследования – 1822–1897 гг. – обусловлены периодом функционирования сибирских правительственных структур после реформ М.М. Сперанского (1822 г.) и до введения судебного и нотариального положений (1897 г.). Следует отметить, что до начала реализации в сибирских губерниях судебной реформы Александра II окружные суды, наравне с окружными правлениями, были подотчетны своим окружным начальникам и, соответственно, губернской администрации, следовательно, могли именоваться местными правительственными структурами (Жулаева и др., 2019: 41).

Территориальные границы определены южными районами так называемой Енисейской Сибири – Минусинским округом Енисейской губернии. На сегодняшний день обозначенная территория почти соразмерна Минусинскому району Красноярского края и Республике Хакасия в целом.

Следует отметить, что в данной статье не была рассмотрена деятельность инородческих органов управления (степных дум и инородных управ), участвовавших в регистрации имущественных прав коренного населения (инородцев), так как этот вопрос является самостоятельной темой исследования и уже рассмотрен в публикациях данного авторского коллектива (Карчаева, 2019: 92-98; Карчаева и др., 2020: 27-57).

2. Материалы и методы

Источниковой базой работы послужили ранее не опубликованные архивные документы Российского государственного исторического архива (далее – РГИА), Государственного архива Красноярского края (ГАКК) и Национального архива Республики Хакасия (РХ «Национальный архив»). Основные материалы исследования – это сделки и соглашения жителей Минусинского округа Енисейской губернии, официально оформленные Минусинским окружным правлением и Минусинским окружным судом, позволившие определить направления деятельности и имена должностных лиц, подписывавших и регистрировавших подобные документы. Для конкретизации кадрового состава названных местных правительственных структур использовались формулярные списки чиновников, содержащие подробную информацию об их жизни и службе.

Актовые материалы и формулярные списки подняты из фонда РГИА № 1349 «Формулярные списки чинов гражданского ведомства (коллекция)», фондов ГАКК № 115 «Минусинский окружной суд», № 160 «Енисейская губернская казенная палата», № 296 «Качинская инородная управа», № 595 «Енисейское губернское управление», а также из фонда РХ «Национальный архив» № И-7 «Бейское волостное правление Минусинского окружного управления Минусинского округа Енисейской губернии». Заметим, что рассмотренные сделки и соглашения представлены частноправовыми актами, так как представляют собой отношения между частными лицами (людьми, организациями, исключая учреждения публичной власти).

Методологическая основа работы предполагает использование общенаучных и специально-исторических методов познания. С помощью анализа и синтеза выявлены исторические факты из текстов рассмотренных исторических источников. Проблемно-хронологический и ретроспективный методы позволили воссоздать и описать историческую действительность относительно темы исследования. Осмысление собранного материала осуществлено на основе принципов историзма и научной объективности.

3. Обсуждение

Изучение истории местной власти в Сибири приобрело значимый интерес среди ученых, краеведов и общественности (Базаров, Курас, 2018; Anisimova et al., 2018; Karchaeva et al., 2019; Malyutina et al., 2019; Gryaznukhina et al., 2017; Чуб, 2018). Вопросы деятельности и кадрового состава правительственных структур в дореволюционный период истории зачастую рассматриваются историками с позиции их многофункциональности (Дамешек, Дамешек, 2019). Исследованиями доказана практика регистрации имущественных сделок и соглашений в XIX в. неспециализированными государственными учреждениями, уполномоченными выполнять нотариальные функции (Друзьяка, Дударенок, 2018; Жулаева и др., 2019; Карчаева, 2019). Обращение в этом вопросе к национальным районам Сибири обусловлено потребностями науки и общества (Бывшев и др., 2019). Благодаря проекту Федеральной нотариальной палаты «Золотые страницы нотариата» (г. Москва) история нотариального дела Красноярского края и Республики Хакасия стала самостоятельным предметом исследования (Карчаева, 2019; Жулаева и др., 2019; Карчаева и др., 2020).

4. Результаты

4.1. Сделки и соглашения как источник о деятельности местных органов власти в Сибири

В XIX в. государственные учреждения губернского, окружного и волостного звеньев управления в Сибири характеризовались многофункциональностью, обусловленной малым количеством правительственных структур и низкой плотностью населения на огромной территории (Базаров,

Курас, 2018: 94). В период Российской империи население южной части Енисейской губернии, кроме того, было еще и многонациональным. В Минусинском округе бок о бок с русским населением проживали народы, именуемые енисейскими киргизами, абаканскими и минусинскими татарами. В связи с этим на территории Минусинского округа Енисейской губернии, а именно после реализации в 1822 г. сибирских реформ М.М. Сперанского, действовало две системы управления: степное (родовое) – в лице степных дум и инородных управ для коренных жителей (инородцев); окружное и волостное – для крещеного оседлого (русского) населения. К последним относились преимущественно крестьяне (старожилы, переселенцы) и новокрещенцы, принявшие христианскую религию и православную веру Российской империи.

В условиях освоения южных территорий Енисейской губернии население большинства волостей в Минусинском округе было русским, из него 37,5 % – старожильческим, 20,7 % – переселенческим (Баранцева, 2011: 37).

Для жителей Минусинского округа Енисейской губернии удостоверение, засвидетельствование, совершение купчих крепостей, духовных завещаний, доверенностей (верящих писем), дарственных записей, заемных писем и т.п. осуществлялись, во-первых, в Енисейском губернском правлении (в городе Красноярске), во-вторых, в Минусинском окружном правлении и Минусинском окружном суде, в-третьих, в наиболее приближенных к населению волостных правлениях.

Архивные материалы свидетельствуют об исполнении местными правительственными структурами в Сибири пошагового порядка подготовки и оформления актов документов.

Во-первых, сделки и соглашения оформлялись в учреждениях на гербовой бумаге, писались должностными лицами разборчивым почерком. Однако в волостном правлении акты для записи подобного вида документов велись в упрощенном порядке: записывались дата, наименование документа и размер взысканной пошлины за оказанную услугу (ГАКК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Л. 1). В свою очередь, служащие канцелярии Минусинского окружного суда и Минусинского окружного правления вели «книги для записи предъявленных к засвидетельствованию и совершению разных актов» более упорядоченно: обязательно к вышеуказанным сведениям дополнительно записывались имена и социальное положение всех участников сделки или соглашения, а также прописывалось имя лица, получившего выданный документ (РХ «Национальный архив». Ф. И-7. Оп. 1. Д. 3. Л. 1). Разница в оформлении объяснялась уровнем учреждения и требованиями к его работе в структуре местной власти (Karchaeva et al., 2019: 189).

Также акты книги регулярно проверялись бухгалтерами Енисейской казенной палаты, а с 1866 г. – Минусинским окружным казначейством, которые следили за юридической и бухгалтерской правильностью их составления (ГАКК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Л. 30 об.). Ревизоры, секретари и контролеры расписывались на каждой странице актовой книги, а на последней странице производили запись, например, как в «Книге на записку условий и договоров 1872 г.»: «Книга сия в Енисейской Контрольной Палате обревизована, и замечания изложены в учетном реестре за №48, при коем она и возвращается. Марта 1 дня 1872 года. Старший Ревизор (подпись). Секретарь (подпись)» (ГАКК. Ф. 296. Оп. 1. Д. 7. Л. 4 об.).

«Добавочная книга Минусинского окружного суда для записи предъявленных к засвидетельствованию и совершению разных актов за 1839 г.» содержит текст духовного завещания жителя Абаканской волости – отставного унтер-офицера А.М. Квашонкина. Документ был зарегистрирован заседателем актов Минусинского окружного суда и показывает, с одной стороны, важность совершения завещания для людей того времени, с другой – отработанный механизм его удостоверения для должностных лиц присутственных мест (ГАКК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-2 об.).

Из содержания завещания 1839 г. следует, что отставной унтер-офицер Александр Михайлович Квашонкин оставил своей жене в наследство жилой дом, хозяйственные постройки для домашнего скота и прочее имущество, находившиеся в селе Усть-Абаканском (ныне город Абакан): «Дом на Георгиевской улице, на который я имею законную выпись, данную мне из Минусинского окружного суда за подписом присутствующих, а равно и скотоприютитель, и на всё моё имение, какое только в доме есть. Сие рассудилось мне распределить собственно жене моей Авдотье, по хорошему поведению и смирному характеру и старанию к домообзаводству достойную, по каковым обстоятельствам, я надеюсь, что она данное ей в потомственное владение имение моё будет сохранять и приобретать трудами своими к оному приращению. И за всем тем надеюсь, что она будет поминать во вечном благоденстве душу мою; сыновей же моих родных, приписанных к роте военных кантонистов, как-то Василия и Михаила, до срочного времени по данным им от начальства билетам и по поступлении их в военную службу, наградить их как долг родительский повелевает, а дочь родную Марью, оставшуюся после меня тоже воспитывать до совершенного возраста её и припокоить. А более наградою им оставляю своё родительское благословение, присовокупляю еще к сему, что и все мои родственники, какие только найдутся, отнюдь завещанным моим имением не владеть, не вступаться, и дела в том нет. К сему духовному завещанию отставной унтер-офицер Александр Михайлович Квашонкин своеручно подписуюсь» (ГАКК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-2об.).

В XIX в. среди жителей южных территорий Енисейской Сибири определенную популярность приобрели доверенности, называемые по законодательству того времени «верящими письмами» или «верительными письмами». В полномочия местных органов власти входило их удостоверение.

Анализ архивных материалов показал, что в Минусинском окружном суде удостоверялись многочисленные доверенности между «находчивыми» купцами и другими «деловыми людьми», пустившимися за удачей в «золотую лихорадку». Яркий пример этому – доверенность 1839 г., записанная также в актовой книге Минусинского окружного суда (ГАКК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Л. 7 об.-8). Она была составлена екатеринбургским купцом А.Я. Харитоновым и выдана екатеринбургскому мещанину А.П. Севрюгину для занятия золотодобычей в Ачинском и Минусинском округах Енисейской губернии. Текст документа гласит: «Милостивый государь мой Антон Павлович! По данному мне позволению от Господина Министра финансов для отыскания и разработки золотосодержащих песков по Восточной и Западной Сибири и главного начальника Алтайских Горных заводов 29 ноября 1835 года и полученному от последнего из них дозвоительному свидетельству февраля 14 дня 1836 года. Прошу вас заняться отысканием золота с нужными для дела того людьми по Ачинскому и Минусинскому округам. (...) В чем я вам верю и что в силу сего закона учинить спорить и прекословить не буду, а признавать должен. Ясно то сим учиним написано литер А. Я. Х., тому верить – Андрей Яковлев Харитонов, Екатеринбургский 2-й гильдии купец» (ГАКК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Л. 7 об.-8).

В Государственном архиве Красноярского края в «Книге на записку актов, предъявленных для засвидетельствования», составленной Минусинским окружным судом в январе–декабре 1860 г., сохранилась запись от 8 декабря 1860 г. за № 11 с текстом «Дарственной записки» М.В. Буташевич-Петрашевского – видного общественного деятеля и сторонника движения народничества, отбывавшего ссылку в Минусинском округе Енисейской губернии в 1856–1866 г. (ГАКК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 5. Л. 1).

Дарственная денежных средств, полагавшихся его сестре – «действительной статской советнице Александре Васильевне Буташевич-Петрашевской», подтверждает непростую жизнь, с которой встретился известный во всей России общественный деятель во время пребывания в Сибири. В тексте источника указано, что М.В. Буташевич-Петрашевский дарил пятую часть от не имевшихся у него 10 000 рублей, которые он рассчитывал получить в результате положительного решения судебного разбирательства, причиной которого был конфликт с местным иркутским чиновником Григорием Марсовичем Пермыкиным по причине не выплаченных последним денег за оказанные юридические услуги (ГАКК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 5. Л. 1 об.). Но, как известно, М.В. Буташевич-Петрашевский – сын придворного царского врача, крестник самого императора Александра I, юрист по образованию – так и не сумел добиться от Иркутского губернского суда судебного решения в свою пользу. Данное обстоятельство стало одной из причин кончины известного общественного деятеля в политической сибирской ссылке.

Таким образом, рассмотренные актовые материалы доказали причастность губернских, окружных и волостных правлений и окружных судов к оформлению имущественных сделок и соглашений среди населения. В условиях отсутствия в Сибири до 1897 г. нотариальных структур, широко распространенных к этому времени в Центральной России, данные учреждения брали на себя полномочия оформления духовных завещаний, верящих писем (доверенностей), договоров дарения, купли-продажи и прочих актовых документов.

4.2. Сделки и соглашения как источник о кадровом составе местных правительственных структур

Рассмотренные актовые материалы доносят до нас, современников, информацию о жизни людей периода Российской империи. За указанными в сделках и соглашениях именами должностных лиц скрываются люди со своими индивидуальными судьбами, в данном случае – чиновники местного звена управления.

На основе анализа завещания отставного унтер-офицера А.М. Квашонкина (1839 г.) установлены имена свидетелей, присутствующих при его составлении: губернский регистратор Иван Александров – соляной пристав Минусинского окружного правления; коллежский секретарь Алексей Петрович Побединский – секретарь Минусинского земского суда; канцелярист Александр Дмитриевич Шашин – бухгалтер Минусинского окружного казначейства; представитель духовной власти Константин Яковлевич Угрюмов – священник церкви города Минусинска. Они подтверждали: «Лицо, предъявившее нам завещание, есть точно то самое, коим оно сделано и подписано» (ГАКК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Л. 2).

В качестве примера местного чиновника, участвовавшего в официальной регистрации названного актового документа, рассмотрен бухгалтер Минусинского окружного казначейства Александр Дмитриевич Шашин. Согласно составленным на него формулярным спискам, он происходил из династии гражданских служащих, был уроженцем города Минусинска Енисейской губернии, по сословию – дворянин, по вероисповеданию – православный. На момент составления формулярного списка в 1850 г. ему было 34 года, а в 1851 г. – полных 35 лет. К этому времени местный чиновник был женат, детей не было, в «благоприобретенной» собственности в городе Минусинске у

него находился деревянный дом. Начал службу А.Д. Шашин в малолетнем возрасте (восьми или девяти лет от роду), как указано в формуляре, в 1824 г., будучи приписанным к Минусинскому окружному казначейству после «частного обучения наукам». В 1826 г. он стал подканцеляристом, в 1831 г. – канцеляристом, в 1833 г. назначен на должность журналиста, через год получил первый классный чин коллежского регистратора, в 1836 г. исправлял должность бухгалтера в Минусинском окружном казначействе. В чине коллежского секретаря в 1850 г. он перевелся на должность ассессора Енисейской казанной палаты. На этом месте годовой размер оплаты его труда составлял 633 руб., из них 350 руб. было жалованье, 283 руб. – столовые (на питание). При этом какие-либо провинности или награды по службе у него отсутствовали (ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 156. Л. 55 об.-57; РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. 1850. Ч. 1. Д. 892. Л. 572об.).

В свою очередь, его отец – Дмитрий Гаврилович Шашин – был именитым чиновником, кавалером орденов Святого Владимира IV ст., Святого Станислава III ст., обладателем темно-бронзовой медали «В память войны 1853–1856 гг.». По его формулярному списку установлено, что в течение 30 лет – с 1823 г. и, как минимум, до 1853 г. – он находился в должности Минусинского окружного казначея (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 53. Л. 1-10б.). Согласно формулярному списку отца, интересующий нас Александр Дмитриевич Шашин, подписавший в качестве бухгалтера Минусинского окружного казначейства в 1839 г. завещание А.М. Квашонкина, уже к 1853 г. занимал должность красноярского окружного казначея. Другие трое его братьев также были устроены на гражданскую службу по Министерству финансов: Павел Дмитриевич в свои 29 лет был канским окружным казначеем, 26-летний Петр Дмитриевич – красноярским винным приставом, Венедикт Дмитриевич (24 года) – журналистом Минусинского окружного казначейства. Младший брат Илья Дмитриевич (20 лет) в 1853 г. на гражданской службе не числился (РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. 1853. Д. 2281. Ч. 1. Л. 927об.).

Следующий рассмотренный актовъ документ – дарственная запись М.В. Буташевич-Петрашевского (1860 г.), заверенная в Минусинском окружном суде, – была записана в книгу актов исполнявшим должность секретаря Немчиновым, подписана окружным судьей Ананьиним и заседателем суда Девятовым (фамилии без указания имени и отчества – Авт.). В документе сказано: «К сей дарственной записи поселенец Михайло Васильевич Буташевич-Петрашевский руку приложил. (...) Сия дарственная запись у крепостных дел сего суда явлена и в книгу на записку крепостных актов подлинником под № 11 записана. (...) При чем взыскана пошлина за записку акта три рубля серебром. Подлинную подписали – окружной судья Ананьин, заседатель актов Девятов, за секретаря – Немчинов. И приложена казенная печать» (ГАКК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 5. Л. 1).

Безусловно, дарственная запись М.В. Буташевич-Петрашевского – интереснейший источник прежде всего потому, что ее автор – значимый в отечественной истории человек. При этом секретарь Минусинского окружного суда, Михаил Алексеевич Немчинов, записавший в актовую книгу его дарственную, был среднестатистическим примером чиновника местного звена управления. Заметим, подробнее количественные данные о кадровом составе высших, средних и низших чиновников Енисейской губернии XIX – начала XX вв. представлены в монографии одного из членов авторского коллектива (Карчаева, 2017: 126-146).

Согласно формулярному списку 1869 г., секретарь Минусинского окружного суда М.А. Немчинов на момент свидетельства дарственной записи М.В. Буташевич-Петрашевского находился в возрасте 28 лет, имел чин коллежского регистратора. Будучи сыном канцелярского служителя, православным по вероисповеданию, он поступил на гражданскую службу в 1849 г., то есть так же, как описанный в первом примере чиновник, восьми–девяти лет от роду. Первым местом его службы по гражданскому ведомству стала должность писца в Енисейском губернском суде. Не имевший какого-либо документа об образовании, М.А. Немчинов был лишен возможности быстрого продвижения по карьерной лестнице. При наличии вакантных мест в провинции им было принято решение переезда из губернского города Красноярска в окружной город Минусинск. По прибытии он был назначен на должность секретаря в Минусинский окружной суд, к 1869 г. уже занимал должность заседателя этого суда, его общее казенное содержание составляло 561 руб. в год (350 руб. – оклад, 150 руб. – столовых, 61 руб. 25 коп. – за 10-летний срок службы в Сибири). К этому времени Михаил Алексеевич Немчинов не имел ни наследственного, ни приобретенного недвижимого имущества, при этом был женат, имел троих детей (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 25. Л. 20-30об.).

Следует указать, что один из его сыновей станет продолжателем династии местных сибирских чиновников Немчиновых. Так, Валентин Михайлович Немчинов, 1865 или 1866 года рождения, начал гражданскую службу в 1884 г. после окончания шести классов Омской военной гимназии. Отказавшись от службы по ведомству Генерального штаба, он поступил в штат Енисейской контрольной палаты (по Министерству финансов), однако, через два года был оставлен за штатом по случаю ее упразднения, но с 1887 г. вновь зачислен канцелярским служителем второго разряда в штат Енисейского губернского суда, затем переведен в Красноярский окружной суд, в котором на момент составления формуляра 1889 г., то есть спустя пять лет после поступления на гражданскую службу, в возрасте 24-х лет занимал должность столоначальника (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 294. Л. 4-6).

Таким образом, удостоверявшие и свидетельствовавшие сделки и соглашения местные чиновники Минусинского округа Енисейской губернии были среднестатистическими представителями служилого сословия в Сибири. В исследованиях уже доказано, что, несмотря на сложности комплектования за Уралом кадров местных правительственных учреждений, чиновников не руководящих должностей в Енисейской губернии можно охарактеризовать профессионально пригодными. Несмотря на низкий уровень образования, служебную протекцию и более молодой возраст, чем у коллег на аналогичных должностях в Центральной России, окружные чиновники в Сибири справлялись с широким кругом обязанностей.

5. Заключение

Рассмотренные актовые материалы – завещание отставного унтер-офицера А.М. Квашонкина (1839 г.), доверенность екатеринбургского купца А.Я. Харитонову (1839 г.), дарственная запись М.В. Буташевич-Петрашевского (1860 г.), официально оформленные в Минусинском окружном суде и Минусинском окружном правлении, – это интереснейшие источники по истории Российской империи XIX в.

Процедура удостоверения завещаний, доверенностей, дарственных записей и прочих сделок и соглашений была типичной для должностных лиц местных органов государственной власти в Сибири. Данное обстоятельство объяснялось отсутствием здесь нотариальных структур до 1897 г. Рассмотренные примеры официального оформления имущественных прав населения Енисейской губернии показали участие в этом правительственных учреждений на губернском, окружном и волостном уровнях власти. Наиболее востребованными были окружное правление и окружной суд, что объяснялось высоким качеством предоставляемых услуг и территориальной близостью.

Рассмотренные актовые материалы позволили выявить имена должностных лиц, уполномоченных к засвидетельствованию и удостоверению завещаний, дарственных записей, доверенностей и прочих подобных документов. Анализ их формулярных списков показал, что к этому делу привлекались секретари, бухгалтеры, столоначальники, заседатели судов. Как правило, названные чиновники были среднего возраста, имели домашнее или частное образование, значительный опыт службы, поступив на нее в малолетнем возрасте, были представителями наследственной бюрократии, сформировавшейся из приезжих в Сибирь беспоместных дворян.

6. Благодарности

Исследование подготовлено при участии Нотариальной палаты Красноярского края (г. Красноярск), Нотариальной палаты Республики Хакасия (г. Абакан) и Федеральной нотариальной палаты (г. Москва) по проекту «Золотые страницы Российского нотариата».

Литература

Базаров, Курас, 2018 – Базаров Б.В., Курас Л.В. Сибирский регионализм как фактор устойчивости Российской империи в трудах профессора Л.М. Дамешека (к 70-летию доктора исторических наук, профессора Дамешека Льва Михайловича) // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «История»*. 2018. Т. 24. С. 93-107.

Баранцева, 2011 – Баранцева Н.А. Этносоциальные и этнодемографические процессы на юге Сибири в конце XIX – конце XX вв. Абакан: Изд-во ГОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2011. 208 с.

Бывшев и др., 2019 – Бывшев В.И., Пантелеева И.А., Парфентьева К.В., Бакирт Д.А. Результаты поддержки гуманитарных научных исследований на территории Красноярского края в рамках региональных конкурсов «Российское могущество прирастает будет Сибирью и Ледовитым океаном» 2016–2018 гг. // *Северные архивы и экспедиции*. 2019. № 3 (2). С. 59-69.

Временные правила..., 1896 – Временные правила о применении судебных уставов к губерниям и областям Сибири // *ПСЗ РИ*. Собр. 3. Т. 16. Ч. 1, 2. 13 мая 1896. № 12932.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Дамешек, Дамешек, 2019 – Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Азиатское приграничье и внешнеполитические полномочия генерал-губернаторов Азиатской России // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2019. № 61. С. 21-25.

Друзьяка, Дударенок, 2018 – Друзьяка А.В., Дударенок С.М. Институт нотариата на Дальнем Востоке России и в Маньчжурии (1879–1930-е гг.) // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2018. № 2 (45). С. 76-83.

Жулаева и др., 2019 – Жулаева А.С., Карчаева Т.Г., Северьянов М.Д. История нотариата Приенисейской Сибири (XVIII–XX вв.). Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2019. 262 с.

Карчаева, 2017 – Карчаева Т.Г. Енисейская губернская администрация: численность и состав (1822–1917 гг.). Красноярск: Изд-во СФУ, 2017. 252 с.

Карчаева, 2019 – Карчаева Т.Г. Роль инородческих органов власти в имущественных отношениях хакасов в 1822–1913 гг. (исторический аспект) // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «История»*. 2019. Т. 29. С. 91-99.

Карчаева и др., 2020 – Карчаева Т.Г., Северьянов М.Д., Жулаева А.С., Задорин А.В. Нотариат Республики Хакасия: история и современность (Золотые страницы российского нотариата). Абакан, 2020. 248 с.

Ковальченко, 2003 – Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. 485 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

РХ «Национальный архив» – Национальный архив Республики Хакасия.

Чуб, 2018 – Чуб Н.В. Кадровая деятельность губернских органов России XIX в. в фондах федерального и региональных архивов // *Вестник архивиста*. 2018. № 2. С. 343-351.

Anisimova et al., 2018 – Anisimova L.J., Andusev B.E., Akhtamov E.A. The Problems of Socialization of the Convicts in Old Resident Community in the Yenisei Region of Siberia in the XIX century // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 48. Is. 2. Pp. 728-735.

Vititneva et al., 2020 – Vititneva E. V., Lushchaeva G. M., Pahomova N. V., Lushchaeva M.D. The violations of public order by students of the Imperial Tomsk University and its regulation in the late XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 55. Is. 1. pp. 242-249.

Karchaeva et al., 2019 – Karchaeva T. G., Gergilev D. N., Luschaeva G. M. Hereditary Bureaucracy in East Siberian Government from XIX to the early XX century: Statistical Analysis on the Materials of the Yenisei Province // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1. Pp. 188-197.

Malyutina et al., 2019 – Malyutina L. F., Gergilev D. N., Gryaznukhin A. G., Zhabaeva L. B. Social Thought in Russia of Its Czarist-Era about the Place of Siberia in the State Structure of the Country // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 54. Is. 4. pp. 1429-1438.

References

Anisimova et al., 2018 – Anisimova L.J., Andusev B.E., Akhtamov E.A. (2018). The Problems of Socialization of the Convicts in Old Resident Community in the Yenisei Region of Siberia in the XIX century. *Bylye Gody*. Vol. 48. Is. 2. Pp. 728-735.

Baranceva, 2011 – Baranceva N.A. (2011). Etnosocial'nye i etnodemograficheskie processy na jube Sibiri v konce XIX – konce XX vv. [Ethnosocial and ethnodemographic processes in the South of Siberia in the late XIX – late XX centuries]. Abakan: Izdvo GOU VPO «Hakasskij gosudarstvennyj universitet im. N.F. Katanova». 208 p. [in Russian]

Bazarov, Kuras, 2018 – Bazarov B.V., Kuras L.V. (2018). Sibirskij regionalizm kak faktor ustojchivosti Rossijskoj imperii v trudah professora L. M. Damesheka (k 70-letiju doktora istoricheskikh nauk, professora Damesheka L'va Mihajlovicha) [Siberian regionalism as a stability factor for the Russian Empire in the works of L. M. Dameshek (toward the 70th anniversary of d.sc. in history, professor Dameshek Lev Mikhailovich)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija*. Vol. 24. Pp. 93-107. [in Russian]

Byvshev et al., 2019 – Byvshev V.I., Panteleeva I.A., Parfent'eva K.V., Baksht D.A. (2019). Rezul'taty podderzhki gumanitarnykh nauchnykh issledovaniy na territorii Krasnoyarskogo kraja v ramkakh regional'nykh konkursov «Rossiiskoe mogushchestvo prirastat' budet Sibir'yu i Ledovitym okeanom» 2016–2018 gg. [Results of support of the humanitarian scientific studies conducted within “The Power of Russia will Grow through Siberia and the Arctic Ocean” Regional Contests held in 2016-2018 in the Krasnoyarsk Territory]. *Severnye arkhivy i ekspeditsii severnye arkhivy i ekspeditsii*. Vol. 3 (2). Pp. 59-69. [in Russian]

Chub, 2018 – Chub N.V. (2018). Kadrovaja dejatel'nost' gubernskih organov Rossii XIX v. v fondah federal'nogo i regional'nyh arhivov [Human resource management in the Russian gubernia institutions of the 19th century in the fonds of federal and regional archives]. *Vestnik arhivista*. №2. Pp. 343-351. [in Russian]

Dameshek, Dameshek, 2019 – Dameshek L.M., Dameshek I.L. (2019). Aziatskoe prigranich'e i vneshnepoliticheskie polnomochiya general-gubernatorov Aziatskoj Rossii [Asian frontier and the foreign policy powers of the governor-generals in Asian Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*. Vol. 61. Pp. 21-25. [in Russian]

Druzyaka, Dudarenok, 2018 – Druzyaka A.V., Dudarenok S.M. (2018). (Institut notariata na Dal'nem Vostoke Rossii i v Man'chzhurii (1879–1930-e gg.)) [Institute of the notariate in the Russian Far East and Manchuria (1879–1930s)]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. Vol. 45. № 2. Pp. 76-83. [in Russian]

ГАКК – Gosudarstvennyy arhiv Krasnoyarskogo kraja [State archive of the Krasnoyarsk Krai].

Karchaeva et al., 2019 – Karchaeva T.G., Gergilev D.N., Luschaeva G.M. (2019). Hereditary Bureaucracy in East Siberian Government from XIX to the early XX century: Statistical Analysis on the Materials of the Yenisei Province. *Bylye Gody*. Vol. 51. Is. 1. Pp. 188-197.

Karchaeva et al., 2020 – Karchaeva T.G., Sever'yanov M.D., Zhulaeva A.S., Zadorin A.V. (2020). Notariat Respubliki Khakasiya: istoriya i sovremennost'. (Zolotyie stranitsy rossiiskogo notariata) [Notary of the Republic of Khakassia: history and modernity. (Golden pages of the Russian notary)]. Abakan. 248 p. [in Russian]

Karchaeva, 2017 – Karchaeva T.G. (2017). Enisejskaya gubernskaya administraciya: chislennost' i sostav (1822–1917 gg.) [The Enisei province administration: number and composition from 1822 to 1917]. Krasnoyarsk: Izd-vo SFU. 252 p. [in Russian]

Karchaeva, 2019 – Karchaeva T.G. (2019). Rol' inorodcheskix organov vlasti v imushhestvenny`x otnosheniyax xakasov v 1822–1913 gg. (istoricheskij aspekt) [The role of foreign authorities in the property relations of the Khakas in 1822–1913 (a historical aspect)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija*. Vol. 29. Pp. 91–99. [in Russian]

Koval'chenko, 2003 – Koval'chenko I.D. (2003). Metody istoricheskogo issledovaniya [Methods of historical research]. M.: Nauka. 485 p. [in Russian]

Malyutina et al., 2019 – Malyutina L.F., Gergilev D.N., Gryaznukhin A.G., Zhabaeva L.B. (2019). Social Thought in Russia of Its Czarist-Era about the Place of Siberia in the State Structure of the Country. *Bylye Gody*. Vol. 54. Is. 4. Pp. 1429–1438.

RGIA – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arhiv [Russian State history archive].

RKh Natsional'nyi arkhiv – Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Khakasiya Natsional'nyi arkhiv [State Treasury Institution of the Republic of Khakassia "National Archive"].

Vititneva et al., 2020 – Vititneva E.V., Lushchaeva G.M., Pahomova N.V., Lushchaeva M.D. (2020). The violations of public order by students of the Imperial Tomsk University and its regulation in the late XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. Vol. 55. Is. 1. Pp. 242–249.

Vremenny`e pravila..., 1896 – Vremenny`e pravila o primenenii sudebny`x ustavov k guberniyam i oblastyam Sibiri [Provisional Rules on the Application of Judicial Regulations to the Provinces and Regions of Siberia]. PSZ RI. Sobr. 3. Vol. 16. Ch. 1, 2. 13 maya 1896. Nr 12932. [in Russian]

Zhulaeva i dr., 2019 – Zhulaeva A.S., Karchaeva T.G., Sever'yanov M.D. (2019). Istoriya notariata Prienisejskoj Sibiri (XVIII–XX vv.) [History of the Notariat of the Yenisei Siberia (XVIII–XX centuries)]. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t. 262 p. [in Russian]

Актовые материалы как исторический источник о функциях и кадровом составе местных органов власти в Сибири XIX в.

Татьяна Геннадьевна Карчаева ^{a, *}, Александр Сергеевич Ковалев ^{a, b},
Николай Рзавич Новосельцев ^a, Михаил Петрович Яценко ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Российская Федерация

Аннотация. В статье показан опыт использования актовых материалов как исторических источников по истории России в период империи. На основе впервые представленных архивных документов доказано их значение в исследовании вопросов определения функций и установлении кадрового состава местных органов государственной власти в Сибири XIX в. Источниковой базой работы послужили ранее не опубликованные завещания, дарственные записи, доверенности (верящие письма) жителей Минусинского округа Енисейской губернии, оформленные в Минусинском окружном правлении и Минусинском окружном суде, а также формулярные списки местных чиновников, удостоверявших и свидетельствовавших подобные документы. Путем анализа актовых книг присутственных мест разного уровня власти (Енисейского губернского правления, Минусинского окружного суда, Минусинского окружного правления, Абаканского волостного правления) доказаны распространенность и отработанный механизм предоставления населению Сибири подобной услуги ввиду отсутствия до 1897 г. нотариальных структур. Репрезентативность актовых материалов как источников для установления имен служащих местных органов власти показана на примере завещания отставного унтер-офицера А.М. Квашонкина (1839 г.), доверенности екатеринбургского купца А.Я. Харитоновой (1839 г.) и дарственной записи известного общественного деятеля, отбывавшего ссылку в Сибири, М.В. Бутаевич-Петрашевского (1860 г.). С помощью применения данных из формулярных списков чиновников авторами статьи были детализированы факты их биографий как представителей служебного сословия. Все это позволило реконструировать историческую действительность Российской империи на уровне сибирской провинции.

Ключевые слова: исторический источник, актовые материалы, чиновничество, государственные служащие, М.В. Бутаевич-Петрашевский, история нотариата, Минусинский округ, Енисейская губерния, Сибирь, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tatyana-verkhoturova@yandex.ru (T.G. Karchaeva)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1132-1141. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1132
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Charity as the Demonstration of Mentality of the Merchant Class and Entrepreneurs of Russia in the XIX century

Alexander G. Gryaznukhin ^{a, *}, Tatiana V. Gryaznukhina ^a, Lyudmila V. Belgorodskaya ^a, Larisa F. Malyutina ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The object of interest of this project is charity in Russia which is viewed as a social phenomenon. The origins and types of activity of charity providers which at first was unorganized and consisted of almsgiving and donations for the benefit of the church are shown in historic contest. The reasons due to which the merchants started taking up the leading positions in this type of activity by the XIX century are revealed. Also the numerical and comparative analysis of the merchant class in the regions has been performed, during which it has been determined that the number of merchants in both European Russia and Siberia was much less than that of other social groups. The source of merchant class formation from the peasantry and bourgeois class allows making statements regarding its mentality based on the commitment to customs and traditions. It has been determined that it is especially clearly in evidence regarding the Old Belief class. The analysis of the incentives to conduct charity shows the absence of regional differences between them. They included both lucrative and selfish incentives and humanistic ones based on the sincere desire to help. The determining criteria were the personal characteristics of the donors. Charity was a way of possible rehabilitation of the merchant class in the eyes of the society for the wealth accumulated using unjust ways and therefore motivated the activity of the merchant ways. The correctness of the theoretical conclusions is approved by the facts from the life of the most well-known charity providers of Russia. The article also deals with patronage as the type of charity, its role in the lives of artists and general preservation of the cultural heritage.

Keywords: charity, patrons, merchants, entrepreneurs, artists, collectors, Russia, Siberia.

1. Введение

Благотворительность как социальное явление в последнее время вызывает все больший интерес со стороны исследователей, так как вопросы, связанные с ее проблемами с течением времени не утрачивают своей актуальности. Под благотворительностью понимается, прежде всего, система мер, направленных на оказание помощи людям, находящимся в тяжелых жизненных обстоятельствах в связи с состоянием своего здоровья или пострадавшим от стихийных бедствий. Эта адресная помощь помогала в какой-то степени решению определенных общественных проблем. В качестве благотворителей могло выступать как государство, так и отдельные представители общества или организации в целом, но главным было то, что суть их деятельности от этого не менялась. В ходе исследования проблемы возникает вопрос: насколько благотворительность являлась характерной чертой русского народа, насколько она выражала его ментальность и могла ли она быть интегрирующей силой, способной объединить различные общественные слои. Или же, напротив, оставаясь делом частным, она являлась лишь результатом личной инициативы и потребностей делать

* Corresponding author

E-mail addresses: agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), tag-kras@mail.ru (T.V. Gryaznukhina), blv.kr@yandex.ru (L.V. Belgorodskaya), malyutina_48@mail.ru (L.F. Malyutina)

добро, быть сострадательным и милосердным. Обращаясь к истокам благотворительности, можно увидеть, что первоначально она проявлялась в неорганизованных формах, таких как подача милостыни и пожертвований в пользу церкви. Ее связь на этом первом этапе становления с этическими и морально-нравственными нормами христианства очевидна. Первые богадельни и больницы возникали, как правило, при монастырях. Петр I пытался ликвидировать нищенство, запретив специальными указами частную благотворительность, желая взять ее под контроль государства. В эпоху Екатерины II, напротив, благотворительность всячески поощрялась. Представители купечества за благотворительную деятельность могли стать «почетными гражданами». Расцвет благотворительной деятельности в России приходится на вторую половину XIX в. и связано это, прежде всего, с ускорением развития предпринимательской деятельности в пореформенный период. Наиболее частым проявлением благотворительности было возведение медицинских учреждений, поддержка богаделен и приютов, открытие различных учебных заведений, библиотек, назначение стипендий. Как форму благотворительности можно рассматривать меценатство, которое в качестве объекта своего внимания рассматривает в первую очередь искусство и литературу. Прежде чем говорить о размерах и значимости благотворительности, необходимо выяснить социальный и численный состав людей, которые могли позволить себе заниматься этим видом деятельности. В России XIX века основной социальной группой, которая имела средства для помощи нуждающимся, было купечество. Однако, согласно статистическим данным, оно отнюдь не являлось доминирующей частью населения страны. Согласно переписи 1897 г. купцов в России было 281 179 человек, на каждую тысячу человек приходилось всего 2 купца. Незначительным был удельный вес купечества и в Сибири, хотя оно представляло доминирующую часть в сословном составе сибирской интеллигенции (Karchaeva et al., 2017: 88), которая «была близка с народом и являлась носителем его мироощущений и эстетических понятий» (Gryaznukhina et al., 2017: 817). В середине века в сибирских губерниях проживало 3189 человек купеческого сословия. В Омске по переписи 1877 г. доля купечества составляла 1,48 % (Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015: 976). В Енисейской губернии в 1891 г. проживало 1168 человек, принадлежавших к купеческому сословию (Памятная книжка..., 1892: 84-85). Если учесть, что отнюдь не все они были склонны к благотворительности, то значимость и масштаб этому движению могли придать объемы денежных средств, потраченных на общественные нужды.

Необходимо также отметить, что купечество занимало лидирующую позицию в делах благотворительности в силу объективно сложившихся исторических предпосылок. Дело в том, что большинство купеческих династий происходило из среды старообрядцев. Это династии Морозовых, Рябушинских, Щукиных, Третьяковых, Солдатенковых, Хлудовых, Прохоровых, Шелапутиных. Старообрядцы традиционно держались своих корней, веря в незыблемость раз и навсегда установленных моральных и этических норм. Гонимые властями, они понимали, что выжить могут только благодаря непрерывному труду, взаимопомощи и поддержке друг друга. Осознание этого и определило их менталитет. Этические и моральные нормы старообрядцев способствовали их экономическому процветанию. Бережливость, осуждение расточительства, отказ от каких-либо излишеств способствовали более быстрому накоплению первоначального капитала. И уже к середине XIX в. купцы-старообрядцы, являясь в большинстве своем выходцами из крестьян, занимали ведущие позиции в столичном бизнесе, располагая миллионными оборотами. Готовность делиться с ближними определялась отношением к богатству, которое рассматривалось как некое испытание, посланное человеку свыше. Способность отдавать, иногда даже необходимое себе, в старообрядческой среде рассматривалась как вполне определенная моральная норма. Благотворительность, таким образом, стала являться естественной потребностью, органично входившей в традиционный уклад жизни старообрядцев.

Любое общественное движение, как правило, имеет не только вполне определенные цели, но и мотивы, которые побуждают к достижению этих целей. Благотворительность в этом плане не является исключением. И если на первом этапе преобладали религиозные мотивы: потребность человека жить в гармонии со своей совестью реализовывалась в пожертвовании храмам и строительстве церквей, то с середины XIX в. начинают преобладать мотивы социальные. Общественное признание и уважение для многих представителей купечества становились значимым фактором, определявшим стиль их жизни. Традиционно настороженное отношение общества к накопленному богатству подталкивало предпринимателей к благотворительности как способу каким-либо образом оправдать это богатство. Гуманистическими мотивами, выражавшимися в стремлении хоть как-то облегчить жизнь неимущих слоев, к сожалению, руководствовались лишь немногие предприниматели. Морозовых, Мамонтовых, Третьяковых России явно не хватало. Многие руководствовались чисто эгоистическими мотивами, стремясь посредством благотворительности получить какие-либо финансовые привилегии, звания, чины. Развитие капитализма в Российской империи способствовало обострению конкурентной борьбы. Представители крупной буржуазии хорошо понимали, что для выхода из нее победителем необходимо новое оборудование, а значит и квалифицированные рабочие. Поэтому они не жалели денег на реорганизацию производства и развитие коммерческого образования, выплаты студенческих стипендий. В данном случае частные

интересы – иметь возрастающую прибыль – совпадали с гуманистическими интересами: дать образование рабочему, повысить зарплату, улучшить условия труда и тем самым повысить производительность его труда.

2. Материалы и методы

В качестве источников в ходе работы над данной темой были использованы материалы из государственного архива Иркутской области (г. Иркутск, Россия), государственного архива Красноярского края (г. Красноярск, Россия), Российского государственного архива литературы и искусства (г. Москва, Россия), воспоминания, заметки, очерки людей, живших в исследуемый период и являвшихся очевидцами явлений и процессов того времени.

Использование научных методов анализа, синтеза и обобщения позволило обеспечить объективный подход при освещении вопросов благотворительности в России. Проблемно-хронологический метод дал возможность проследить эволюцию благотворительной деятельности, а также причины лидирующего положения купечества в этой сфере к середине XIX в. Сравнительно-исторический метод позволил проанализировать процессы, происходившие в России и Сибири, выявить их закономерности и различия между ними. Используемый в статье материал рассматривается в контексте социально-экономических процессов в стране, что соответствует принципу историзма.

3. Обсуждение

Актуальность проблемы благотворительности в России подтверждается количеством публикаций, вышедших в последнее время. Особую ценность, однако, представляют книги и воспоминания, написанные людьми, являвшимися свидетелями событий той эпохи. Достаточно полное представление о жизненном укладе Москвы, составе ее населения, в частности о быте купеческого сословия, дает известное литературное произведение «Москва и москвичи» (Гиляровский, 1986). О состоянии театрального искусства и личных отношениях с меценатом С. Мамонтовым говорится в воспоминаниях Ф. Шаляпина (Шаляпин, 1991). А. Боткина, дочь П. Третьякова, повествует в своей книге о многих интересных подробностях из жизни и коллекционной деятельности отца, его отношениях с художниками (Боткина, 1986). О роли меценатов в развитии новых направлений в искусстве писал А. Бенуа в своих воспоминаниях (Бенуа, 1980). Исчерпывающую характеристику С. Морозову как меценату и предпринимателю дал в своих очерках М. Горький (Горький, 1988). И. Попов, редактор «Восточного обозрения», в своих записках сообщил о многих фактах из жизни иркутского купечества (Попов, 1989). Использование статистических данных позволяет сделать выводы о составе и численности купеческого сословия (Памятная книжка..., 1892; Рубакин, 1912; Сутягина, 2020).

Ряд статей посвящен теоретическому осмыслению вопроса благотворительности. Мотивы предпринимательской деятельности рассматриваются в статье Ю. Тазьмина (Тазьмин, 2002). Проблемы структурно-количественных параметров субъектов социальной помощи и благотворительности в Енисейской губернии на протяжении ее существования (1822–1917 гг.) освещены в монографии Т.А. Катциной (Катцина, 2017). Несомненный интерес представляет дискуссионный диалог создателей словаря по истории купечества о сибирской идентичности купеческого сословия (Комлева и др., 2015). Вопросам создания предпринимательского имиджа посредством благотворительности посвящена статья Н. Щитовой (Щитова, 2012). О социальном статусе российских промышленников, роли государства в предпринимательской деятельности говорится в труде А. Верещагина и Р. Хайртдинова (Верещагин, Хайртдинов, 2009).

4. Результаты

Уже к середине XIX века купеческое сословие, имея огромные финансовые возможности, задавало тон жизни как в столицах, так и в далекой Сибири. Дворцы, украшавшие города, постепенно переходили в руки купцов. «Исчезли с фронтонов дворянские гербы, появились на стенах вывески новых домовладельцев: Солодовниковы, Голофтеевы, Цыплаковы, Шелапутины, Хлудовы, Обидины, Лапины...» (Гиляровский, 1986: 101). Образовался Купеческий клуб, в котором купцы весело проводили свой досуг, тратя огромные деньги на изысканные обеды, стремясь перещеголять друг друга. А потом мчались к «Яру» продолжать веселый разгул. Пожалуй, только в русском характере могут сходиться такие крайности, как способность бездумно тратить деньги и в то же время не забывать о нищих и убогих. Примером этого может служить жизнь братьев Ляпиных, завсегдатаев Купеческого клуба. Происходили они из крестьян, но случай помог им разбогатеть. Они открыли общежитие, где бесплатно проживали студенты, существовало оно десятки лет. Многим известным адвокатам, докторам и художникам «Ляпинка» дала жизненный старт, некоторым она просто спасла жизнь. Разбогатевшая благодаря текстильному производству династия Рябушинских проявляла заботу о своих рабочих. При фабрике они содержали больницу, богадельню, ясли, школу, открыли народную столовую, в которой нуждающиеся получали бесплатные обеды. После пожара, уничтожившего текстильные фабрики, производство было восстановлено в модернизированном виде, за границей были закуплены станки, построена электрическая

станция (Лопухина, 2003: 271, 273). В этом они были не одиноки. Еще в 40-е годы купцы Бахрушины реорганизовали производство выделки шерсти, обновив оборудование, установив паровую машину, проведя воду из Москвы-реки, затратив на реконструкцию 100 тыс. руб. (Лопухина, 2003: 163). Но это того стоило, с одной стороны, увеличивало прибыль, с другой – облегчало труд рабочих, а также свидетельствовало о стойкости и верности тем принципам, на которых строился семейный бизнес купечества. Много почетных чинов и званий имели члены семьи Рябушинских за свою благотворительную деятельность. Многим они помогли бескорыстно, занимались коллекционированием, организовывали научные экспедиции, открывали училища для детей, издавали газету «Утро России» и журнал «Золотое Руно», устраивали художественные выставки, после революции открыли дом для престарелых эмигрантов около Ниццы.

Значительными в области благотворительности были заслуги купцов Бахрушиных. 300 тыс. руб. они пожертвовали на возведение народного дома, предназначенного для проведения досуга детей и подростков, 600 тыс. руб. – на приют для мальчиков, построили больницу, детский и родильный приюты, ремесленную школу, дом для лишившихся кормильцев детей и вдов, 500 тыс. руб. пожертвовали на приют-колонию для беспризорных детей (Лопухина, 2003: 165-69). И это еще далеко не полный список жертвований семьи Бахрушиных. Причем основанные ими учреждения они содержали до самой своей смерти и оставляли капитал, который обеспечивал дальнейшее существование этих заведений.

Система образования была основным направлением благотворительной деятельности богатого купца П. Шелапутина. Ведя скромный образ жизни, он жертвовал огромные суммы на строительство учебных заведений. На его средства в Москве были построены классическая гимназия, педагогический институт, реальное училище, затем еще три ремесленных училища, в которых учились дети мастеровых. Происходя из крестьян, обладая жизненной смекалкой, он понимал необходимость связи обучения с жизнью. В 1896 г. на его средства был открыт Гинекологический институт. Не оставлял он своим вниманием престарелых сиделок и больных, сирот и калек, приюты и богадельни для которых он строил в своем кунцевском имении и в имении Покровское-Фили. Не чужды ему были и ценности эстетические. Значительные пожертвования, сделанные Музеем изящных искусств, позволили создать там зал Лисиппа. Всего же на благотворительные цели П. Шелапутин потратил более трех миллионов рублей (Лопухина, 2003: 313).

Не только в столицах купечество задавало тон жизни. Купцы далекого Сибирского региона, несмотря на то, что они были малочисленной купечества европейской части России, по размаху своей предпринимательской и благотворительной деятельности ничуть не уступали им. Благодаря разработке золотых приисков, лидировало в этом плане иркутское купечество. Записки И. Попова, редактора газеты «Восточное обозрение», помогают воссоздать картину культурной жизни Иркутска второй половины XIX в. На нужды образования сибиряков казна фактически не тратила никаких средств. И проблемы просвещения местного населения, таким образом, полностью решались благодаря личной инициативе жертвователей. Так, значительны были пожертвования купца М. Бутина. На его деньги были открыты 10 школ в селах, реальное училище в Нерчинске, он материально поддерживал Приамурский отдел РГО, музеи в Чите и Нерчинске, обеспечивал организацию экспедиций, вкладывал деньги на устройство Восточносибирского отдела Нижегородской выставки. Оставив жене 100 тысяч рублей, все заработанные капиталы он завещал передать для развития образовательных учреждений. Н. Трапезников пожертвовал Иркутску на дело образования 10 миллионов, создал и финансировал промышленное училище. И. Хаминов финансировал содержание женских прогимназии и гимназии. Е. Медведникова основала сиропитательный дом, Ю. Базанова построила воспитательный дом и детскую больницу европейского уровня (Попов, 1989: 17). По инициативе и на средства П. Кузнецова в 1845 г. был основан женский девичий институт (Попов, 1989: 135).

Заниматься благотворительной деятельностью считалось престижным. Это давало определенные привилегии, позволяло быть на виду, поэтому число обществ постоянно увеличивалось. Так, в Енисейской губернии в 1913 г. было 27 благотворительных обществ, а через два года, в 1915 г. их было уже 34 (ГАИО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 116. Л. 21). Красноярский купец П. Кузнецов и канский купец Г. Машаров вложились по три тысячи рублей каждый в открытие детского приюта, который содержался на пожертвования купцов И. Окулова, Н. Токарева, супругов Щеголевых. После пожара в приюте в 1881 г. попечительница Е. Кузнецова отстроила его заново на свои деньги. Он получил название Владимирского. Обучались в нем девочки азам грамотности, также им прививали навыки, необходимые для реальной жизни. В 1874 г. было открыто ремесленное училище для мальчиков. Щедро делились своим богатством купцы Щеголевы. 1 200 000 рублей внесли они в фонд города (ГАИО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 116. Л. 24). На их деньги был восстановлен Кафедральный собор, за их счет раздавали муку погорельцам Енисейска в 1869 г. Также они содержали женскую гимназию, богадельню, ремесленное училище, пожертвовали деньги на строительство семинарии, открыли Сиропитательный дом, где воспитывались и получали профессию девочки (ГАИО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 116. Л. 40). Кроме этого, деньги жертвовались городской бедноте, больным или получившим ранения солдатам (Мешалкин, 1995: 87).

Понимая, что развитие региона невозможно без людей образованных, сибирские

предприниматели значительные суммы жертвовали на учебные заведения. 100 тысяч рублей Томскому университету пожертвовал купец А. Сибиряков. Своим вниманием он не оставлял университет и впоследствии. В дар учебному заведению была преподнесена библиотека поэта В. Жуковского, сформированы его музейные фонды, кроме того, Сибиряков финансировал торговые и научные экспедиции. Примерно 1,5 млн рублей было потрачено им на благотворительные нужды (Разумов, 1999: 124). Образованным и разносторонне развитым человеком был красноярский купец П. И. Кузнецов. Трижды красноярцы избирали его городским головой. Большое пожертвование он сделал Красноярскому уездному училищу, оплачивал обучение В. Сурикова в Академии художеств, участвовал в Амурской экспедиции, собрал коллекцию сибирских древностей и даровал их Иркутскому и Минусинскому музеям, часть коллекций поступила в фонды музея Томского университета. Финансовую поддержку университету продолжали оказывать и его сыновья (Черняк, Дмитриенко, 2016: 157). Невозможно в ограниченном объеме статьи перечислить все благодеяния сибирских купцов. И хотя купеческих династий, имеющих возможность делать столь крупные пожертвования, было в Сибири немного, их деятельность имела большое значение для региона. Совершая благое дело, купечество включалось в общественную жизнь. Но бывало и так, что «купцы принимали в общественной деятельности активное участие для приобретения места в более высоком «статусном» сословии, за что они были согласны понести значительные убытки деньгами, временем, усилиями» (Tuman-Nikiforova, 2016: 700). Обратной стороной благотворительности можно считать и вызывающее поведение жертвователей. Так, купцы Енисейской губернии делали большие пожертвования и в то же время за карточными играми проигрывали огромные деньги, устраивали пьяные кутежи (ГАКК. Ф. 595. Оп. 3. Д. 231. Л. 106).

Не только богатые купцы, но и простые городские жители часто откликались на призывы о помощи в решении каких-либо общественных проблем. Обычно в таких случаях открывалась подписка. В 1890 г. в Иркутске сгорел театр, построенный на пожертвования. Генерал-губернатор обратился к горожанам с просьбой о новых пожертвованиях. Откликнулось 19 человек, собрали сумму 141 600 рублей. Театр должен был принадлежать городской думе (ГАИО. Ф. 123. Оп. 2. Д. 13). В 1901 г. в Иркутске открылись музыкальные классы, но свою деятельность они могли осуществлять только благодаря помощи со стороны общества. Чтобы как можно больше горожан узнало о классах, о них написали городские газеты (ГАИО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 204).

Благотворительность сибирского купечества, как, впрочем, и российского, складывалась из нескольких составляющих. Она была выгодна, так как, поощряясь государством, позволяла удовлетворить личные амбиции; была вынужденной, так как пожертвования на образование обеспечивало производство квалифицированных кадров, что понимали наиболее дальновидные купцы. Она удовлетворяла интеллектуальные запросы образованной части предпринимателей, которая, организуя экспедиции, поддерживая музеи, библиотеки, театры, занимаясь коллекционированием, способствовала сохранению культурного наследия; приносила морально-нравственное удовлетворение посредством раздачи милостыни нищим, строительства богаделен, пожертвований церкви.

Меценатство как форма благотворительности было довольно широко распространено в России, хотя меценатов уровня С.И. Мамонтова и П.М. Третьякова было немного. 42 года занимался коллекционированием Павел Михайлович. Не раз сомневался он в правильности выбранного им дела: «несколько раз брало сомнение, – и все-таки продолжаю... и продолжаю пополнять свое собрание без уверенности в пользе дела, – но с любовью, потому что искренно люблю музеи и коллекции» (Боткина, 1986: 228). Любовь к искусству и желание поделиться этой любовью являлось основным мотивом его деятельности. Руководствуясь чувством любви к искусству, Третьяков выстраивал свои отношения с его создателями, художниками. Никому не отказывал он в помощи. Принимал деятельное участие в судьбе Верещагина, ссужал художника деньгами (одолжил ему десять тысяч рублей), хотя в то время сам находился в весьма стесненном положении (Боткина, 1986: 154). Морально и материально Третьяков постоянно поддерживал Крамского. В письмах к художнику он неоднократно спрашивался, не нужны ли тому деньги, хотя Крамской и так должен был ему и вряд ли мог отдать долг. Заболевшему туберкулезом Перову предложил пожить на своей даче в Куракине (Боткина, 1986: 193, 199). Являясь поклонником таланта Репина, он покупал многие его работы. Достоянное место в его коллекции заняли картины Сурикова. Ссужал деньгами Чайковского, музыку которого любил. Суждения П.М. Третьякова о картинах были независимы от каких-либо авторитетов. По многим вопросам он не соглашался с Л.Н. Толстым, так они разошлись в оценке картины Н.Н. Ге «Что есть истина?». Толстой считал «эту картину эпохой в христианском, т.е. истинном искусстве», и был очень разочарован, когда Третьяков ее не купил (Боткина, 1986: 227). Не оставлял меценат своим вниманием и ученых. В 1876 г. по просьбе И. Тургенева он оказал помощь Н. Миклухо-Маклаю, которому для продолжения работы экспедиции было необходимо 6000 рублей. Купец К. Солдатенков, к которому обращались до Третьякова, отказал в просьбе (Боткина, 1986: 236). Кроме этого, он был попечителем Арнольдовского училища для глухонемых. История создания этого училища сама по себе может проиллюстрировать способность русского человека к благотворительности. Сам Арнольд, сын учителя математики, был глухим. Решив помочь подобным

себе, он вложил свои средства в создании школы, но прогорел, так как шли к нему люди бедные и несостоятельные. Вот тут-то и понадобилась помощь Третьякова, который при училище построил даже больницу, часто бывал там и каждую весну сам принимал экзамены (Боткина, 1986: 256). Движимый любовью к искусству, считая художников великими тружениками, обладая отнюдь не огромными средствами, но имея способность сочувствовать и сострадать, Павел Михайлович, сам по себе будучи человеком скромным и непритязательным, сумел прожить свою жизнь так, что любой человек, услышавший фамилию «Третьяков», не спросит, кто это такой, ибо в России имя это известно всем.

Масштаб благотворительности и меценатства Саввы Мамонтова трудно переоценить. Его страстная любовь к искусству предопределила всю его жизнь. Это было не просто увлечение, в служении искусству заключался смысл всей его жизни. А строительство железных дорог – это только вынужденная необходимость, которая давала возможность отдавать оставшееся от службы время тому, к чему стремилась душа. Являясь натурой необыкновенно одаренной, он имел прекрасно развитый художественный вкус, брал уроки у М. Антокольского, сам пробовал лепить и, возможно, стал бы хорошим скульптором, если бы на это оставалось свободное время. Но все-таки главным для него был театр, а точнее опера. Петербургский императорский театр задавал тон всей театральной жизни России. Директор Всеволожский говорил, «что когда представляют русскую оперу, то на сцене отвратительно пахнет щами и гречневой кашей. Как только начинают играть русскую увертюру, самый воздух в театре пропитывается перегаром водки...» (Шалапин, 1991: 43). И вот именно против этого предвзятого мнения решил восстать Мамонтов, открыть для широкой публики имена русских композиторов, примером доказать, что русская опера не хуже итальянской. Сочетать предпринимательскую деятельность с увлечением искусством было очень трудно, но для Мамонтова, страстно мечтавшего о создании собственного театра, ничего невозможного уже не было. Воспользовавшись тем, что в 1882 г. императором была отменена государственная театральная монополия, в 1885 г. он открыл свой театр. Главным советником и помощником в этом деле выступил друг и единомышленник В. Поленов. Савва Иванович вникал во все детали, касавшиеся постановки спектакля, от декораций и костюмов до тонкостей психологического образа героя. Однако первые спектакли шли фактически при пустом зале. Но он верил в правоту своего дела и не сдавался. Первый триумф выпал на долю «Снегурочки». Присутствовавший на спектакле В. Суриков был в состоянии восторга и разразился неистовыми аплодисментами (Копшицер, 1972: 108). Но, тем не менее, чтобы не разориться, необходимо было приглашать иностранных актеров, ставить итальянскую оперу. Публика не готова была к столь радикальным переменам, не ожидала ничего интересного от русской оперы, весьма неохотно шла на ее спектакли. Решив создать русский оперный театр, Мамонтов противопоставил себя императорским театрам. Второй сезон прошел удачно, причем в репертуаре лидировали русские оперы (Копшицер, 1972: 179). Успеху способствовало также то, что на подмостки театра вышел Ф.И. Шалапин. Федор Иванович от природы имел прекрасный голос, но Мамонтову нужно было вложить в него немало сил, энергии и времени, чтобы из Шалапина сделать Шалапина. Сам певец никогда не отрицал этого, хотя и поступил впоследствии с ним, мягко говоря, очень некрасиво. Он отмечал, что «великую роль сыграл в моей жизни этот замечательный человек» «очень хорошего и тонкого вкуса» (Шалапин, 1991: 50-51). С триумфом прошли гастроли театра в Петербурге. Деятельность Мамонтова на театральной ниве стимулировала деятельность русских композиторов, наконец-то появился театр, который ставил их оперы. Всю подвижническую деятельность Мамонтова в театральной сфере можно рассматривать как подвиг, совершенный им во имя русского искусства. А ведь, кроме этого, было еще Абрамцево, купленное у Аксаковых и ставшее художественной Меккой России. Многие художники нашли там и кров, и дом, понимание, сочувствие и дружеское участие. Завсегдатаями усадьбы были Репин, Нестеров, Поленов, Серов. Неизвестно как сложились бы судьбы Васнецова и Коровина, если бы не поддержка Мамонтова. Не говоря уже о Врубеле, который буквально голодал в Киеве, не понятый и не востребованный никем. И только Мамонтов, сумевший оценить его талант по достоинству, протянул ему руку помощи, пригласил в Абрамцево и заказал декорации для оперного спектакля.

У Саввы Ивановича Морозова поистине было чутье на все новое, смелое, талантливое. Так он ответил согласием на просьбу С. Дягилева финансировать «Мир искусства», неизвестный тогда никому журнал, но отстаивавший новые эстетические идеалы, новое понимание роли искусства. Финансовую поддержку журналу оказывала также княгиня М.К. Тенишева, известная в Петербурге меценатка. В 1898 г. она и коммерции советник С. Мамонтов получили свидетельство о праве издавать журнал «Мир искусства» (РГАЛИ, Ф. 776. Оп. 8. Д. 1151. Л. 14). Княгиня занималась коллекционированием, покупая на выставках рисунки и акварели, но, по мнению А. Бенуа, делалось это «нелепым, чисто дилетантским образом». По просьбе княгини Бенуа должен был привести в порядок ее коллекцию, которая, по мнению художника, была хаотичной и хранилась в недостойных произведений искусства условиях. Многие в коллекции олицетворяло для него «вздор и безвкусице» (Бенуа, 1980: 52, 55). Подобное отношение к коллекционированию для Бенуа было неприемлемо. А если вспомнить трепетное отношение к картинам П. Третьякова, то возникает вполне резонный вопрос, что руководило Тенишевой, истинная любовь к искусству или дань моде и желание быть на

виду. Однако русской культуре, безусловно, есть за что сказать спасибо княгине. Именно ее усилиями Талашкино стало одним из культурных центров России. Здесь были устроены мастерские для обучения крестьян резьбе по дереву, собрана богатая коллекция русского народного творчества, построено здание школы, 20 учеников она брала на полное свое обеспечение, при школе была библиотека. Тенишева открыла бесплатную рисовальную студию, помогала Смоленскому учительскому институту, финансировала археологические раскопки, во время войны с Японией в Талашкино открыла лазарет для раненых (Лопухина, 2003: 339-340, 346). Всю жизнь Мария Клавдиевна отстаивала свою независимость и самостоятельность через свою деятельность, которая заключалась в служении искусству и благодаря которой имя ее навсегда вошло в историю русской культуры.

Нижегородская ярмарка и Сухаревка были источниками пополнения коллекций Петра Щукина, основу которой составляли предметы декоративно-прикладного искусства, книги, личные архивы, гравюры. В 1896 г. меценат открыл музей для посетителей. Подарил он свои коллекции Историческому музею, но с условием, что музей будет носить его имя (Лопухина, 2003: 319). Его брату Сергею мы обязаны тем, что в России находится богатейшая коллекция художников-импрессионистов, картины которых он приобретал, руководствуясь личным вкусом. Выставки картин устраивал в своем доме и сам проводил экскурсии. Коллекцию решил передать в дар Москве. Частный музей П. Карабанова, состоявший из ювелирных изделий и предметов старины, всегда был открыт для посетителей (Лопухина, 2003: 104). Серьезно увлекаясь искусством, Ф. Прянишников собрал коллекцию русской живописи. Румянцевскому музею собранную коллекцию русской живописи передал К. Солдатенков. Собираательством занимались Хлудовы. Прекрасную коллекцию зарубежных картин имел Д. Боткин. Сибирскому купцу В. Сукачеву мы обязаны тем, что созданный на основе его коллекции Иркутский художественный музей и сейчас является богатейшим собранием картин за Уралом. Его картинная галерея была доступной для посетителей. Для восполнения пробела иностранной живописи Сукачев заказывал копии картин в музеях Мюнхена и Флоренции. Савва Морозов вкладывал деньги в Московский художественный театр, так как был убежден, «что этот театр сыграет решающую роль в развитии сценического искусства» (Горький, 1988: 202). Он присутствовал на репетициях, обсуждал репертуар и декорации, участвовал в распределении ролей, финансировал реконструкцию здания театра.

Коллекционирование и собирательство, благодаря деятельности предпринимателей, занимало довольно широкую нишу в истории русской культуры XIX века. Мотивы, побуждавшие к этой деятельности, могли быть разными. Но чаще всего это было все-таки искреннее увлечение искусством, а не данью моде или просто выгодным вложением денег в картины и предметы старины. С уверенностью об этом можно говорить, учитывая тот факт, что почти все коллекции были открыты для публичного обозрения. Желание поделиться радостью от общения с прекрасным, стремление воздействовать на формирование эстетических вкусов публики можно рассматривать как благотворительность в духовном плане. Кроме этого, деятельность меценатов помогала художникам выжить, стимулировала их на создание новых произведений, способствовала сбережению культурного достояния, концентрируя в определенных руках уже созданное.

5. Заключение

Лидирующее положение в общественно-экономической жизни России второй половины XIX века занимало купечество. Уступая по численности другим социальным слоям, но обладая инициативой и предприимчивостью, оно сумело сосредоточить в своих руках огромные финансовые потоки и тем самым влиять на жизнь страны настолько, насколько это было возможно в России. Благотворительная деятельность купечества была обусловлена его социальным происхождением из крестьянской среды, в которой коллективизм и взаимопомощь определялись самим духом общины. Особенно ярко это проявлялось в старообрядческой среде. И хотя главным жертвователем выступало купечество, но и простой народ, принимая участие в судьбе страждущих, перед большими праздниками собирал подаюния и отправлял их в тюрьмы арестантам, или, как говорили тогда, «несчастненьким». А что, если не чувство сострадания, заставляло москвичей и крестьян окрестных деревень ждать за заставой, на Владимирке, партии арестованных, отправляемых в Сибирь, и раздавать им подаюния. Выходит, что чувство сострадания, стимулирующее благотворительность, было присуще изначально русскому народу (и, следовательно, купцам как выходцам из его недр). Но справедливо ли будет способствовать формированию очередного стереотипа о том, что благотворительность есть форма проявления русской ментальности. Как же тогда другие примеры из истории. Так, Тимофей Морозов считался крупным жертвователем: при мануфактуре у него были больница, училище, библиотека, богадельня, но это не мешало хозяину снижать зарплату, повышать штрафы рабочим, протест которых против произвола вылился в «морозовскую стачку» 1885 г. Получалось, что, давая одним, приходилось отбирать у других. И это не единичный пример оборотной стороны благотворительности. Видимо, поэтому общественность настороженно относилась к купцам, не всегда веря в искренность их намерений. Поддержку репутации посредством пожертвований можно считать одним из мотивов благотворительности.

Сибирское купечество, как и российское, руководствовалось в целом теми же мотивами в своей

благотворительной деятельности. Как личные и эгоистические, религиозные и коммерческие, так и гуманистические, основанные на личных морально-нравственных качествах, мотивы лежали в основе их предпринимательства. Уступая в численности российскому купечеству, купцы-сибиряки были более самостоятельными и независимыми, так как в связи с отсутствием дворянского сословия они занимали лидирующие позиции в общественной и экономической жизни региона.

Благотворительность как явление социальное нельзя оценивать однозначно. Многих проблем она просто не могла решить, но, какими бы ни были ее мотивы, бесспорным остается то, что расцвет русской культуры второй половины XIX века во многом обязан деятельности меценатов и благотворителей.

Литература

- Бенуа, 1980 – Бенуа А.Н. Мои воспоминания: в 5 кн. М., 1980. Кн. 4, 5. 743 с.
 Боткина, 1986 – Боткина А.П. Павел Михайлович Третьяков. М., 1986. 286 с.
 Верещагин, Хайрtdинов, 2009 – *Верещагин А.С., Хайрtdинов Р.Х.* История российского предпринимательства: от истоков до начала XX века. Уфа, 2009. 245 с.
 ГАИО – Государственный архив Иркутской области.
 ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
 Гиляровский, 1986 – *Гиляровский В.А.* Москва и москвичи. Иркутск, 1986. 352 с.
 Горький, 1988 – *Горький А.М.* Собр. соч. в 8 т. Т. 3. М., 1988. 443 с.
 Катцина, 2017 – *Катцина Т.А.* Общественное призрение и благотворительность в Енисейской губернии (1822–1917 гг.). Красноярск, 2017. 199 с.
 Комлева и др., 2015 – *Комлева Е., Зиновьев В., Журавель О.* «Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири»: возвращенные имена и раскрытые судьбы // *Quaestio Rossica*. 2015. № 2. С. 251-266.
 Копшицер, 1972 – *Копшицер М.И.* Савва Мамонов. М. 1972. 251 с.
 Лопухина, 2003 – *Лопухина Е.М.* Самые знаменитые меценаты России. М., 2003. 384 с.
 Мешалкин, 1995 – *Мешалкин П.Н.* Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей: Вторая половина XIX – начало XX в. Красноярск, 1995. 155 с.
 Памятная книжка..., 1892 – Памятная книжка Енисейской губернии 1891 года. Красноярск, 1892. 176 с.
 Попов, 1989 – *Попов И.И.* Забытые иркутские страницы. Записки редактора. Иркутск, 1989. 384 с.
 Разумов, 1999 – *Разумов О.Н.* Александр Михайлович Сибиряков – предприниматель, меценат, исследователь // *Вестник Томского государственного университета*. 1999. Т. 268. С. 123-126.
 РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.
 Рубакин, 1912 – *Рубакин Н.А.* Россия в цифрах. СПб., 1912. 216 с.
 Тазьмин, 2002 – *Тазьмин Ю.Н.* Меценатство и благотворительность в России. К вопросу о мотивациях // *Социологические исследования*. 2002. № 2 (214). С. 92-97.
 Черняк, Дмитриенко, 2016 – *Черняк Э.И., Дмитриенко Н.М.* И.П. Кузнецов – красноярский историк и музейвед // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 409. С. 157-163.
 Шаляпин, 1991 – *Шаляпин Ф.И.* Маска и душа. М., 1991. 318 с.
 Щитова, 2012 – *Щитова Н.Г.* Благотворительность и меценатство как составляющие предпринимательского имиджа // *Вестник МГУКИ*. 2012. № 2 (46). С. 216-219.
 Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015 – *Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V.* Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries // *Bylye Gody*. 2015. 38(4), pp. 972-981.
 Gryaznukhina et al., 2017 – *Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Gaydin S.T., Reut G.A.* The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia's eyes // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45. Is. 3, pp. 811-820.
 Karchaeva et al., 2017 – *Karchaeva T.G., Gergilev D.N., Severyanov M.D.* Who were the Clerks in Siberia? Professional Characteristics of Russian Empire Local Governmental Officials from the 19th to the early 20ies century // *Bylye Gody*. 2017. 43(1). Pp. 86-93.
 Tuman-Nikiforova, 2016 – *Tuman-Nikiforova I.O., Fedorchenko V.I., Pashina N.V., Krylov I.I.* Social Activities of the Merchants Guild the Yenisei Province in the second half of XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2016. 41 (3). Pp. 698-704.

References

- Benua, 1980 – *Benua A.N.* (1980). *Moi vospominaniya* [My memoirs]: v 5 kn. M., 1980. Kn. 4, 5. 743 p. [in Russian]
 Botkina, 1986 – *Botkina A.P.* (1980). *Pavel Mikhailovich Tret'yakov* [Pavel Mikhailovich Tretyakov]. Moscow. 286 p. [in Russian]
 Chernyak, Dmitrienko, 2016 – *Chernyak E.I., Dmitrienko N.M.* (2016). I.P. Kuznetsov – krasnoyarskii istorik i muzeved [I.P. Kuznetsov – Krasnoyarsk historian and museologist]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 409. pp. 157-163. [in Russian]
 Shalyapin, 1991 – *Shalyapin F.I.* (1991). *Maska i dusha* [Mask and shower.]. Moscow. 318 p. [in Russian]

- Shchitova, 2012** – *Shchitova N.G.* (2012). Blagotvoritel'nost' i metsenatstvo kak sostavlyayushchie predprinimatel'skogo imidzha [Charity and patronage as components of an entrepreneurial image]. *Vestnik MGUKI*. № 2(46), pp. 216-219. [in Russian]
- GAIO** – Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti [State archive of the Irkutsk region].
- GAKK** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State archive of the Krasnoyarsk Krai].
- Gilyarovskii, 1986** – *Gilyarovskii V.A.* (1986). Moskva i moskvichi [Moscow and Muscovites]. Irkutsk. 352 p. [in Russian]
- Gor'kii, 1988** – *Gor'kii A.M.* (1988). Sobr. soch. v 8 tt. [Collected works in 8 vols]. T. 3. Moscow. 443 p. [in Russian]
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015** – *Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V.* (2015). Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries. *Bylye Gody*. 38(4), pp. 972-981.
- Gryaznukhina et al., 2017** – *Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Gaydin S.T., Reut G.A.* (2017). The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia' eyes. *Bylye Gody*. 45 (3), pp. 811-820.
- Karchaeva et al., 2017** – *Karchaeva T.G., Gergilev D.N., Severyanov M.D.* (2017). Who were the Clerks in Siberia? Professional Characteristics of Russian Empire Local Governmental Officials from the 19th to the early 20ies century. *Bylye Gody*. 43(1), pp. 86-93.
- Kattsina, 2017** – *Kattsina T.A.* (2017). Obshchestvennoe prizrenie i blagotvoritel'nost' v Eniseiskoi gubernii (1822-1917 gg.) [Public charity and charity in the Yenisei province (1822-1917)]. Krasnoyarsk, 199 p. [in Russian]
- Komleva i dr., 2015** – *Komleva E., Zinov'ev V, Zhuravel' O.* (2015). «Entsiklopedicheskii slovar' po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri»: vozvrashchennyye imena i raskrytye sud'by [“Encyclopedic dictionary of the history of merchants and Commerce in Siberia”: returned names and revealed destinies]. *Quaestio Rossica*. № 2, pp. 251-266. [in Russian]
- Kopshitser, 1972** – *Kopshitser M.I.* (1972). Savva Mamontov. Moscow. 251 p. [in Russian]
- Lopukhina, 2003** – *Lopukhina E.M.* (2003). Samye znamenitye metsenaty Rossii [The most famous patrons of Russia]. Moscow. 384 p. [in Russian]
- Meshalkin, 1995** – *Meshalkin P.N.* (1995). Metsenatstvo i blagotvoritel'nost' sibirskikh kuptsov-predprinimatelei: Vtoraya polovina XIX – nachalo XX v. [Patronage and charity of Siberian merchants and entrepreneurs: the Second half of the XIX – beginning of the XX century]. Krasnoyarsk. 155 p. [in Russian]
- Pamyatnaya knizhka..., 1892** – Pamyatnaya knizhka Eniseiskoi gubernii 1891 goda [Commemorative book of the Yenisei province in 1891]. Krasnoyarsk, 1892. 176 p. [in Russian]
- Popov, 1989** – *Popov I.I.* (1989). Zabytye irkutskie stranitsy. Zapiski redaktora [Forgotten Irkutsk pages. Editor's notes]. Irkutsk. 384 p. [in Russian]
- Razumov, 1999** – *Razumov O.N.* (1999). Aleksandr Mikhailovich Sibiryakov – predprinimatel', metsenat, issledovatel' [Alexander Mikhailovich Sibiryakov-entrepreneur, philanthropist, researcher]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, V. 268, pp. 123-126. [in Russian]
- RGALI** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva [Russian state archive of literature and art].
- Rubakin, 1912** – *Rubakin N.A.* (1912). Rossiya v tsifrakh [Russia in numbers]. Saint-Petersburg. 216 p. [in Russian]
- Taz'min, 2002** – *Taz'min Yu.N.* (2002). Metsenatstvo i blagotvoritel'nost' v Rossii. K voprosu o motivatsiyakh [Patronage and charity in Russia. To the question of motivation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. № 2(214), pp. 92-97. [in Russian]
- Tuman-Nikiforova, 2016** – *Tuman-Nikiforova I.O., Fedorchenko V.I., Pashina N.V., Krylov I.I.* (2016). Social Activities of the Merchants Guild the Yenisei Province in the second half of XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 41 (3), pp. 698-704.
- Vereshchagin, Khairtdinov, 2009** – *Vereshchagin A.S., Khairtdinov R.Kh.* (2009). Istoriya rossiiskogo predprinimatel'stva: ot istokov do nachala XX veka. Ufa. 245 p. [in Russian]

Благотворительность как проявление ментальности купечества и предпринимателей России в XIX веке

Александр Григорьевич Грязнухин ^{a, *}, Татьяна Владимировна Грязнухина ^a, Людмила Вениаминовна Белгородская ^a, Лариса Федоровна Малютина ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина), blv.kr@yandex.ru (Л.В. Белгородская), malyutina_48@mail.ru (Л.Ф. Малютина)

Аннотация. Объектом внимания в данной работе является благотворительность в России, которая рассматривается как социальное явление. В историческом контексте показаны истоки и формы деятельности благотворителей, которая в первоначальном виде имела неорганизованный характер и заключалась в раздаче подаваний и пожертвований в пользу церкви. Выявлены причины, по которым лидирующие позиции в этом виде деятельности к XIX веку стало занимать купечество. Также проведен численный и сравнительный анализ купеческого сословия по регионам, в ходе которого установлено, что купцы как в европейской части России, так и в Сибири значительно уступали по численности другим слоям населения. Источник формирования купечества из крестьянского и мещанского сословий позволяет говорить о его менталитете, основанном на верности обычаям и традициям. Установлено, что особенно четко это прослеживается в старообрядческой среде. Анализ мотивов, побуждавших заниматься благотворительной деятельностью, показывает отсутствие региональных различий мотиваций. Среди них присутствовали как корыстно-эгоистические мотивы, так и гуманистические, основанные на искреннем желании помочь. Определяющим критерием при этом являлись личные качества жертвователей. Благотворительность выступала как способ возможной реабилитации купечества в глазах общества за неправедным путем накопленное богатство и тем самым мотивировала деятельность купечества. Правильность теоретических выводов подтверждается фактами из жизни наиболее известных благотворителей России. В статье рассматривается также меценатство как форма благотворительности, его роль в жизни художников и в сохранении культурного наследия в целом.

Ключевые слова: благотворительность, меценаты, купечество, предприниматели, художники, коллекционеры, Россия, Сибирь.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1142-1157. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1142
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Social Portrait of the Population of Ukrainian Provinces in the middle of the 19th century (Based on Materials from the «Military Statistical Review of Russian Empire»)

Andrii E. Lebid ^{a, b, *}, Anatolii V. Honcharenko ^c, Natal'ya A. Shevchenko ^{b, d}

^a Sumy State University, Ukraine

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Sumy National Agrarian University, Ukraine

^d Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The paper explores «Military Statistical Review of Russian Empire» as a source on social and economic history of Ukrainian provinces in the middle of the 19th century. The authors look into the history of creation, structure, presentation plan and the character of information presented in the Reviews. The people who compiled this historical source are indicated and a brief information about them is given. Based on the analysis of reviews of the Ukrainian provinces, a social portrait of the local population was compiled, it takes into account its ethnic, religious and social affiliation.

The social portrait of the population of Ukrainian provinces was compiled on the basis of the description of life and customs of the local population in «Military Statistical Review of Russian Empire», as well as the level of its education and intelligence via analysis of data on the number and types of educational establishments available in the Ukrainian provinces, the number of students who studied there, the ratio to the total population of the province, and number of the teaching staff. The student-teacher ratio is calculated. The data is generalized for each of the provinces: Right-bank, Left-bank, South-Ukrainian and Ukraine as a whole.

Keywords: military-statistical review, Ukrainian provinces, social portrait, education system, level of education.

1. Введение

«Военно-статистическое обозрение Российской империи» является важным историческим источником, содержащим бесценные статистические данные по социально-экономической истории Российской империи середины XIX века. Обозрение издавалось по предписанию (Высочайшему повелению) императора Российской империи при Первом отделении Департамента Генерального штаба.

Эти данные представляют собой военно-топографические описания территориально-административных единиц империи, содержащие информацию об особенностях их социально-экономического развития: промыслов, сельского хозяйства, промышленности и торговли; с указанием числа заводов, фабрик, торговых заведений и другой статистической информации.

Кроме того, Обозрение содержит сведения о местном населении регионов империи, его численности, нравах, обычаях, особенностях быта и др. Отдельные разделы Обозрения посвящены описанию уровня образованности и религиозности местных жителей. Таким образом, Обозрение является важным источником об особенностях психологии и ментальности населения Российской

* Corresponding author

E-mail addresses: schwarzschanenreich@gmail.com (A. Lebid)

империи, что выступает ценным ресурсом в контексте реализации центральными властями функций управления регионами.

Предметом нашего исследования является рассмотрение особенностей социального портрета, уровня образованности населения украинских губерний середины XIX века, проанализированных на материалах военно-статистической информации, представленной в описаниях Генерального штаба.

Территориальные границы, представленные в исследовании, охватывают 9 украинских губерний: Правобережные – Киевскую, Волынскую и Подольскую; Южно-Украинские – Херсонскую, Таврическую и Екатеринославскую; Левобережные – Харьковскую, Черниговскую и Полтавскую – за период с 1848 по 1851 гг., когда, собственно, и были составлены Обзорения этих губерний.

Социальный портрет местного населения сформирован на основании описаний в Обзорениях их быта и нравов, а также уровня «умственной» образованности. Критерием последнего послужили данные о количестве и типах учебных заведений в конкретно взятой губернии, численности учащихся в них и их соотношение с общей численностью населения губернии; численности учительско-преподавательского состава; подсчитано количество учащихся, приходящихся на одного педагогического работника.

Отдельные Обзорения содержат перечень учебных заведений, подведомственных Министерству народного просвещения Российской империи, Министерству государственных имуществ Российской империи, Военному министерству Российской империи, а также заведений, находящихся под Высочайшим покровительством и непосредственным управлением Императора.

2. Материалы и методы

В качестве материалов для подготовки статьи были проанализированы статистические данные из 10, 11 и 12 томов «Военно-статистического обзорения Российской империи», в которых содержится информация по украинским губерниям за 1848–1851 гг. ([Военно-статистическое обзорение..., 1848–1851](#)).

В основу данной работы были положены методы научного исследования: системный, использование которого дало возможность комплексного и всестороннего анализа поставленной научной проблемы; метод компаративного, сравнительного анализа особенностей социального портрета населения украинских губерний в середине XIX столетия; проблемно-ситуационный и историко-ситуационный методы для определения социального портрета местного населения в общеимперском контексте; биографический метод. Кроме того, исследование было проведено на принципах междисциплинарности, системности, объективности, исторического антропологизма.

3. Обсуждение

Исследование социальной истории является мощнейшим интеллектуальным направлением в контексте глобальной новой исторической науки, предложившей метод тотального изучения человеческих сообществ как истории их социальных и культурных трансформаций, опротестовывая обезличивание истории как таковой.

В этом контексте ценнейшими представляются источники, содержащие сведения по социальной истории: народонаселению, демографии, социальному составу, повседневности, обычаях, нравах и других вопросах, раскрывающих особенности жизни и быта населения украинских губерний в обозначенный период.

В этом ключе необходимо отметить, что III и V разделы анализируемого нами «Военно-статистического обзорения Российской империи» как раз и содержат сведения по интересующим нас вопросам, а именно: об общей численности народонаселения по отдельным губерниям и областям Российской империи; их этническому, социальному, религиозному составу; уровню образованности и др.

Таким образом, анализируемый исторический источник позволит на основании широкого спектра статистической информации сформировать комплексный социальный портрет населения украинских губерний, учитывая исторические, культурные и социально-экономические предпосылки его формирования.

Следует отметить, что изучение социальной истории Российской империи достаточно широко представлено в современной исторической науке: см. наше историографическое исследование по этому вопросу на примере чиновничества Российской империи ([Lebid et al., 2020a](#); [Lebid et al., 2020b](#)). В этом контексте следует также упомянуть научные работы Б. Миронова, в которых он, используя в том числе и широкий статистический материал, в частности и Обзорение, провел фундаментальное исследование социальной истории Российской империи с конца XVII в. по 1917 г. ([Миронов, 2000](#); [Миронов, 2014](#)).

В этом аспекте труд Б.Н. Миронова примечателен тем, что ему «удалось глубоко проанализировать принципы и технологии управления этноконфессиональным разнообразием и трансформацией традиционных социокультурных институтов» ([Verniaev, 2016](#)), проанализировать исторический процесс с позиции законов и принципов исторической психологии ([Shkuratov, 2016](#)), развития человеческого капитала ([Potkina, 2016](#)).

В целом же, что касается анализа военно-топографических описаний как источника по истории Российской империи середины XIX века, а также других статистических источников, проанализированные нами научные работы можно условно разделить на несколько групп: первую – составляют работы, в той или иной степени посвященные анализу статистических источников как таковых, без привязки конкретно к Обозрению. Кроме упомянутых уже работ Б. Миронова, к этой группе можно отнести труды М. Зайцева (Зайцев, 2015), Э. Коршунова (Коршунов и др., 2019), И. Петровой (Петрова, 2013), В. Цубенко (Цубенко, 2011) и др.

К примеру, в работах М. Зайцева рассматриваются статистические издания Министерства внутренних дел XIX века, содержащие данные о городских поселениях (Зайцев, 2015). И. Петрова в своих исследованиях проанализировала становление и развитие системы военно-топографических обследований в Российской империи XIX в. (Петрова, 2013). Э. Коршуновым была рассмотрена деятельность российского Генерального штаба по военно-статистическому и военно-географическому изучению Российской империи (Коршунов и др., 2019). Статистические исследования российского Военного министерства были проанализированы в работах А. Перетягко (Перетягко, 2020). И. Лейман были выявлены исторические предпосылки создания Военно-статистического обозрения Российской империи (Лейман, 2019а).

Другую группу работ представляют научные труды, посвященные анализу статистической информации по конкретным регионам. К ней необходимо отнести работы М. Колесниковой, проанализировавшей краеведческие и топографические описания Северного Кавказа как жанра провинциальной историографии второй половины XIX – начала XX в. (Колесникова, 2011); Е. Бережок, исследовавшей военно-топографические описания прибрежных территорий Черного моря, опубликованные в рамках изучения Генеральным штабом русско-турецких войн конца XVIII – начала XIX веков (Бережок, 2010) и других авторов.

Кроме того, в работах И. Петровой и Л. Петрова рассмотрена проблема происхождения военно-топографических описаний Украины 30–60-х гг. XIX в., проанализированы исторические условия, повлиявшие на формирование данной группы документов (Петрова, 2008; Петрова, Петров, 2009), а также изучена история упорядочения топографических описаний Киевского, Харьковского и Одесского военных округов в конце 60-х гг. – начале 70-х гг. XIX в., проанализированы методы сбора, систематизации и обработки исторических источников участниками обследования военных округов Российской империи (Петрова, Петров, 2017).

Вопросы, связанные со статистическими исследованиями особенностей создания военных поселений, административно-территориального устройства, количественного, этнического и социального состава населения Киевской и Подольской губерний, рассмотрены в работах В. Цубенко (Цубенко, 2011).

В трудах А. Карпинца и А. Клейтмана изучены история создания и содержание основных источников справочно-статистической информации по истории социально-экономического развития Кузбасса и Нижнего Поволжья (Карпинец, 2015; Клейтман, 2017); вопросы становления и организационно-структурного оформления статистической деятельности в Оренбургской губернии были исследованы З. Сираевой (Сираева, 2016).

Т. Савиновой был изучен вклад офицеров Оренбургского гарнизона и Оренбургского казачьего войска в естественно-географические, статистические, исторические научные исследования по картографированию и составлению описаний изучаемых территорий. (Савинова, 2015). Н. Бринюк рассмотрены работы российских военных специалистов по военной географии и военной статистике второй половины XIX – начала XX вв., посвященные Галиции (Бринюк и др., 2018).

Еще один блок работ посвящен проблемам статистического анализа функционирования системы образования и деятельности педагогических чиновников. Среди прочих, эти вопросы были рассмотрены А. Черкасовым, исследовавшим аспекты зарождения и развития системы школьного образования Вологодской губернии в период 1725–1917 гг. (Cherkasov et al., 2019a; Cherkasov et al., 2019b; Cherkasov et al., 2019c; Cherkasov et al., 2019d). С. Дегтяревым произведен обзор развития публичного образования на территории Северо-Восточной Украины в XVIII – первой половине XIX веков (Degtyarev et al., 2019), а также проанализированы некоторые аспекты деятельности педагогических чиновников на украинских землях в первой половине XIX в., исследован вопрос их социального происхождения, предпринята попытка определить соотношение количества представителей различных социальных групп на преподавательской службе (Degtyarev et al., 2020). Отдельно следует отметить актуальное и мало разработанное направление, посвященное исследованию аспектов социальной истории и повседневности, основанное на материалах военно-топографических описаний. В этом контексте следует обозначить работы И. Петровой, проанализировавшей повседневную жизнь украинского крестьянства Черниговской и Херсонской губерний XIX в. (Петрова, 2010); Т. Колосовской, исследовавшей военно-статистическое описание левого фланга Кавказской укрепленной линии, составленное в 1834 г. штабс-капитаном российского Генерального штаба Г.К. Калмбергом (Колосовская, 2014); И. Лейман, изучавшей аспекты повседневной жизни купечества Вологодской губернии по материалам Военно-статистического обозрения Российской империи (Лейман, 2019b), и других ученых.

Таким образом, очевидна недостаточно разработанная научная проблема, связанная с анализом военно-статистических описаний украинских губерний в контексте формирования социального портрета местного населения. Ввиду этого целесообразным представляется проанализировать указанное Обзорение в определенном выше ракурсе, сформировав тем самым комплексный социальный портрет населения украинских губерний, ссылаясь на статистическую информацию, содержащуюся в этом военно-топографическом описании.

4. Результаты

Военно-топографические описания украинских губерний в XIX в. по заказу Генерального штаба проводились в несколько этапов: к примеру, в 1806 г. была подготовлена «Ведомость о статистическом описании Екатеринославского уезда», в 1808 г. – «Описание Екатеринославской губернии, с добавлением мнения гражданского губернатора и описания квартир», в 1821 – «Военно-топографо-статистическое описание Екатеринославской губернии», содержащее 4 отделения: Военно-топографическое обозрение; Статистические сведения; Описание рек; Описание дорог ([Военно-топографо-статистическое описание..., 1821](#)).

Описание содержит 2 позиции, относящиеся к рассматриваемому нами вопросу: «Таблицу о числе жителей, дворов, лошадей и рогатого скота в каждом уезде и во всей губернии» и раздел «О жителях в губернии и их состоянии». Эти описания еще не обладали такой полнотой, которую они приобрели позднее с подачи основателя российской военной статистики Д.А. Милютина; не были настолько информативными, чтобы позволить определить особенности быта, повседневности и характера местного населения.

Необходимость более подробных и информативных описаний в 30-х гг. XIX в. была инициирована Ф. Шубертом – почетным членом Санкт-Петербургской академии наук, занимавшим на то время пост генерал-квартирмейстера Генерального штаба, ведавшего вопросами изучения местности, размещения и передвижения войск, их боевой подготовки, мобилизационной готовности, обеспечения тыловой инфраструктуры. В период с 1837 г. по 1841 г. были подготовлены описания Екатеринославской, Черниговской, Киевской, Харьковской, Херсонской, Таврической, Подольской, Полтавской губерний и других не украинских губерний.

Потребность в подготовке новых описаний была вызвана несколькими факторами: во-первых, многочисленный несистематизированный материал устаревал и более не являлся актуальным; во-вторых, в 1832 г. была открыта Военная академия, в которой преподавались курсы военной географии и военной статистики, что вызвало необходимость подготовки соответствующих кадров, как говорится «в полевых условиях»; в-третьих, в 1847 г. была принята «Программа для военно-статистических обозрений губерний и областей Российской империи», предполагавшая изучение территорий с точки зрения их общей и военно-специальной статистики.

Помимо этого, Высочайшим повелением 1836 г. было предписано каждые 3 года перепроверять и исправлять военно-статистические данные по губерниям и областям Российской империи. В связи с этим уже с 1848 г. результаты работы офицеров Генерального штаба стали публиковаться в «Военно-статистическом обозрении Российской империи».

В 1857 г. новый военный министр Н.О. Сухозанет утвердил положение о четвертом издании военно-статистического обозрения Российской империи. С 1859 по 1868 гг. выходили «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба», вмещавшие архивные документы, географические описания, карты и планы, статистические сведения по регионам Российской империи. В каждом томе рассматриваются история описываемого региона, строительства и заселения городов, этнографические вопросы, исследуются проблемы образования и религии местного населения. Всесторонне описаны административная, хозяйственная и духовная жизнь каждой губернии.

Следует отметить, что при подготовке Обозрений использовался экспедиционный метод, когда ответственные офицеры лично выезжали в описываемую ими губернию и непосредственно готовили описание региона – «по рекогносцировкам и материалам, собранным на месте». При подготовке Обозрений использовались различные группы официальных источников (губернские отчеты, городская и уездная документация, предыдущие военно-топографические описания), а также частные источники (периодическая печать, метрические книги, материалы ревизий, картографические материалы, мемуары, дневники и прочее).

«Военно-статистическое обозрение Российской империи» издавалось с 1848 по 1853 год в количестве 18 томов, посвященных военно-топографическому описанию отдельных регионов Российской империи, и 77 частей, которые описывают отдельно взятые губернии и области империи:

- Том 1 – Великое княжество Финляндское (8 частей);
- Том 2 – Северо-Восточные губернии (4 части);
- Том 3 – Северо-Западные губернии (3 части);
- Том 4 – Верховые Приволжские губернии (4 части);
- Том 5 – Губернии Нижневолжской области (5 частей);
- Том 6 – Великороссийские губернии (6 частей);

- Том 7 – Остзейские губернии (3 части);
- Том 8 – Белорусские губернии (3 части);
- Том 9 – Западные губернии (4 части);
- Том 10 – Юго-Западные губернии (3 части);
- Том 11 – Новороссийские губернии, Бессарабская область и Земля войска Донского (5 частей);
- Том 12 – Малороссийские губернии (3 части);
- Том 13 – Средние (черноземные) губернии (4 части);
- Том 14 – Оренбургский край, губернии Приуральской группы (3 части);
- Том 15 – Царство Польское (5 частей);
- Том 16 – Кавказский край (издано 4 части, не издано – 3 части);
- Том 17 – Западная Сибирь (4 части);
- Том 18 – Восточная Сибирь (не изданы 3 части).

Отдельно было издано «Военно-статистическое обозрение государств и земель, прилежащих к Российской империи» – Княжество Молдавия (1 часть).

Каждая часть тома имела план изложения:

- I. Общая характеристика губернии.
- II. Характер местности.
- III. Характеристика населения губернии.
- IV. Промышленный потенциал губернии.
- V. Образованность населения: «религиозная» и «умственная».
- VI. Специальные сведения, содержащие информацию об особенностях дислокации военных подразделений на местности.

В контексте нашего исследования из всего комплекса Обозрений мы проанализировали Тома 10–12, содержащие описание украинских губерний.

Том 10 – «Юго-Западные губернии» (губернии Правобережной Украины) – содержит 3 части:

Часть 1. Описание Киевской губернии (1848 г.) – 350 страниц текста. Составитель – капитан П.К. Меньков (1814–1875). Известный военный журналист и писатель, главный редактор «Военного сборника» и «Русского инвалида», участник обороны Севастополя; в 1867 г. произведен в генерал-лейтенанты.

Часть 2. Описание Подольской губернии (1849 г.) – 282 страницы текста. Составитель – капитан Д.В. Тверитинов.

Часть 3. Описание Волынской губернии (1850 г.) – 239 страниц текста. Составитель – штабс-капитан М.И. Фритче – выпускник 1-го кадетского корпуса, в 1844 г. поступил в Императорскую военную академию, позднее причислен к Генеральному штабу.

Том 11 – «Новороссийские губернии» (Южно-Украинские губернии). «Бессарабская область». «Земли войска Донского» – содержит 5 частей:

Часть 1. Описание Херсонской губернии (1849 г.) – 339 страниц текста. Составители – капитан Рогалев, штабс-капитан фон-Витте, штабс-капитан Пестов.

А.Я. Рогалев – выпускник Харьковского университета, корнет Украинского уланского полка, участник венгерской кампании 1849 г. А.К. фон-Витте – подполковник 4-й артиллерийской бригады, командир 113-го пехотного Старорусского полка, с 1870 г. генерал-майор. Г.С. Пестов – из юнкеров. В 1843 г. поступил в Императорскую военную академию, позднее числился по Генеральному штабу, участник обороны Севастополя.

Часть 2. Описание Таврической губернии (1849 г.) – 305 страниц текста. Составитель – подполковник Н.Б. Герсеванов – публицист и писатель, окончил Ришельевский лицей и Императорскую военную академию, с 1855 г. генерал-майор «за боевые отличия».

Часть 3. Описание Бессарабской области.

Часть 4. Описание Екатеринославской губернии (1850 г.) – 207 страниц текста. Составитель – штабс-капитан В.Д. Драчевский – участник венгерской кампании 1849 г., Крымской войны и кампаний на Кавказе, с 1872 г. – генерал-лейтенант.

Часть 5. Описание Земель войска Донского.

Том 12 – «Малороссийские губернии» (губернии Левобережной Украины) – содержит 3 части:

Часть 1. Описание Харьковской губернии (1850 г.) – 175 страниц текста. Составитель – капитан В.И. Мочульский (1810–1875) – энтомолог, член Общества испытателей природы в Москве; исследователь фауны Сибири, Аляски, Калифорнии, Европы и Азии; автор более 40 научных работ.

Часть 2. Описание Черниговской губернии (1851 г.) – 194 страницы текста. Составитель – подполковник О.С. Мицевич – учился в Военной академии одновременно с будущими военным министром Д.А. Милютиным, военным цензором, генерал-лейтенантом бароном Л.Л. Штюрмером. Числился по Генеральному штабу, в 1862 г. уволен в отставку в чине генерал-майора.

Часть 3. Описание Полтавской губернии (1848 г.) – 123 страницы текста. Составитель – подполковник Н.Н. Облеухов – генерал-майор с 1862 г., имел орден Святого Георгия IV степени.

Социальный портрет населения украинских губерний нами был составлен на основании анализа III и V разделов указанных томов и частей Обозрения. Оба раздела, как и все остальные,

имели стандартный перечень информации, подаваемой составителем Обзорения. Раздел III составляли данные об общей численности населения губернии; его этнический, религиозный, социальный состав; сведения о быте и нравах местного населения; информация о расселении; данные демографии. Раздел V включал в себя информацию о «религиозной и умственной образованности» жителей губернии и содержал данные о численности религиозных общин региона; количестве и расположении духовных сооружений; перечень учебных заведений как духовного, так и гражданского ведомства; количестве учителей и учащихся в них, а также сведения об образовательных ресурсах (библиотеках, лабораториях, книжных лавках и проч.).

Следует отметить, что, хотя каждая часть тома и предполагала стандартную форму и структуру, тем не менее в реальности она содержала субъективные оценки и предпочтения их составителей. В частности, составителями не всегда приводились данные по гендерной дифференциации учителей и учащихся в той или иной губернии, что можно видеть из Таблицы 4. К примеру, описания Харьковской, Черниговской и Полтавской губерний содержат более подробные (по сравнению с другими) сравнительные таблицы народонаселения губерний, где указаны не только данные по количеству жителей, но и представлена информация по сословиям, а также их количественное соотношение ко всему народонаселению региона.

Некоторые составители Обзорений в большей степени освещали те или иные исторические аспекты развития регионов (как, например, обзорение Таврической губернии, Подольской губернии, Волынской губернии и др.). Разнятся Обзорения и в части характеристик местного населения: отдельные составители сделали упор на его сословных особенностях, исходя из чего описывали уже быт и нравы этих социальных групп, другие данный вопрос проанализировали с точки зрения национального состава населения губернии, третьи – с позиции религиозной специфики региона и т.д.

Таким образом, видим довольно пеструю картину, в некотором роде усложняющую исследование социальной истории регионов Российской губернии, что можно объяснить, как думается, несколькими факторами: во-первых, субъективным отношением составителей обзорений, личными их предпочтениями; во-вторых, наличием и доступностью необходимой для составления обзорения информации, а также возможностью ее верификации.

В этом контексте следует указать на отсутствие некоторых данных в обзорениях: количество учителей обоих полов – в обзорениях Подольской, Волынской, Таврической, Черниговской и Полтавской губерний; общая численность учителей – в обзорении Полтавской губернии; количество учащихся обоих полов – в обзорениях Подольской, Волынской и Черниговской губерний. Отдельно следует отметить обзорение Харьковской губернии, полноценный анализ которого не представляется возможным, поскольку в нем не обнаружены необходимые для нашего исследования данные.

Чтобы восполнить этот пробел, нами были взяты сведения из «Статистических таблиц о состоянии городов Российской империи, Великого княжества Финляндского и Царства Польского» от 1842 г., где приводятся такие данные по Харьковской губернии: количество учебных заведений – 8 духовных и 29 светских, в которых обучается 5713 учащихся ([Статистические таблицы о состоянии..., 1842: 40-41](#)).

Одной из особенностей Обзорений является описание ментальностей и повседневности местных жителей. В этом вопросе составители Обзорений также не были последовательны, по-разному описывая особенности психологии и быта населения украинских губерний, исходя из специфики его социальной, этнической или же религиозной принадлежности.

По данным анализируемого нами источника, большинство населения украинских губерний составляло крестьянство. Что касается этнического и религиозного состава населения, то он отличался в зависимости от губернии. В частности, в губерниях Правобережной Украины велика была доля еврейского населения, а также поляков, россиян, молдаван, немцев и др. С точки зрения религиозной принадлежности преобладали православные, иудеи, католики, старообрядцы.

Местное население составители Обзорений описывают как «флегматичных, равнодушных, ленивых, угрюмых и неразговорчивых людей». Они «бессознательно набожны» и богобоязненны, «следуют религиозному и гражданскому долгу». В то же самое время они простодушны, хитры и непостоянны (особенно в отношении к власти). Положительным их качеством была названа исполнительность.

Как было отмечено составителем Обзорения, среди крестьян широко распространено пьянство, даже среди женщин и детей, что играет на руку местным евреям, использующим этот фактор для своей корысти. Предельная бедность – характерная черта местного крестьянства, причиной которой составители Обзорений называют непомерно тяжелую панцину и долги (опять-таки как следствие повсеместного пьянства).

Дворянское сословие, как правило, – польского происхождения, «самолюбиво и хвастливо», любит жить не по средствам. Охота и развозы по ярмаркам – их любимое времяпрепровождение. Мелкие помещики настолько беспечны, что весь наличный хлеб перегоняют в водку, и это при том, что в дальнейшем им придется его покупать. Но и все же, по сравнению с внутренними губерниями Российской империи, местные помещики живут скромнее и всегда без денег. Как отмечают составители Обзорений, «чем беднее помещик, тем быстрее разоряются крестьянские хозяйства».

Как отмечается, поляки более образованны по сравнению с другим населением Правобережных губерний, «даже женщины». Среди них распространенным явлением выступает заключение брачного контракта между супругами. Незнание ни права, ни языка не вызывает у поляков желания государственной службы, максимум, на что они готовы и согласны, – занимать выборные должности. Склонны к преувеличениям и воровству, особенно лошадей (в сговоре с евреями).

Наибольшее число преступлений совершили помещичьи крестьяне и мещане-евреи. В основном многочисленны мошенничество и воровство, высока степень самоубийств, что опять-таки является следствием непомерного пьянства среди населения.

Таблица 1. Учебные заведения губерний Правобережной Украины (Военно-статистическое обозрение..., 1848. X (1): 134-140; Военно-статистическое обозрение..., 1849. X (2): 142-159; Военно-статистическое обозрение..., 1850. X (3): 124-127)

	Киевская губерния	Подольская губерния	Волынская губерния	Всего по губерниям Правобережной Украины
Университеты	1	-	-	1
Уездные училища	5	9	6	20
Гимназии, лицеи	2	2	3	7
Приходские училища	15	15	19	49
Сельские школы	82	-	-	82
Семинарии	1	2	3	6

Как отмечается, «для умственного образования жителей Киевская губерния имеет значительные средства» как в части наличных учебных заведений (университет св. Владимира, 1-я и 2-я Киевские гимназии и др.), так и других источников и средств для обучения (физический, технический, минералогический, фармакологический кабинеты, астрономическая лаборатория, кабинет сравнительной анатомии при университете, библиотеки, книжные лавки и проч.).

Образование в Подольской губернии во многом было предопределено влиянием католичества и проводимой польскими властями политики колонизации в регионе. При установлении в этой местности российских властей назрела необходимость реформирования системы образования и открытия новых учебных заведений. По сведению составителя Обозрения, средств к образованию недостаточное количество: музеев нет, хотя помещики в своих владениях и имеют коллекции картин; учебные классы оснащены скудно, библиотек и книжных лавок мало, а цена на книги непомерно высокая.

По части образования Волынская губерния входит в Киевский учебный округ. Число учебных заведений незначительно, многие из объективных соображений были закрыты, но с 1837 г. в губернии для крестьянских детей при приходских церквях были открыты 1064 школы. Средства к обучению представлены в виде библиотек и музеев при дворянских училищах и гимназиях, а также библиотеки Дерманского Свято-Троицкого монастыря, библиотеки графа Хоткевича и графа Мнишека. В крупных городах – Житомире, Луцке, Ровно, Остроге и др. – имеются книжные лавки. Бывший в г. Кременец ботанический сад был переведен в г. Киев для нужд местного университета.

Таким образом, в плане образования губернии Правобережной Украины развиты неравномерно. В большей степени оно лучше выражено в Киевской губернии, несколько слабее – в Волынской и Подольской губерниях, что можно связать с процессом медленного, но стабильного расширения уровня образованности среди низших сословий, в том числе – и с открытием широкой сети учебных заведений.

В Южно-Украинских губерниях этнический состав также довольно разнообразен: татары, русские, украинцы, греки, евреи, немцы, болгары и др. Немцы – предусмотрительны, трудолюбивы, образованны, любят порядок и чистоту, умеренны во всем, очень сильно развит дух равенства. Греки сильно подверглись татарскому влиянию, собственно греческого у них осталось очень мало – только вера. В отличие от славян – «не гостеприимны, дома их закрыты и гостей они не принимают». Татары – просты в быту, «тунеядцы, лишаи и болезненные наросты Крыма» – как говорили о них южные помещики. Обучаются хоть и с трудом, медленно, но обучаются.

Как резюмирует составитель Описания Таврической губернии подполковник Н.Б. Герсеванов: было бы меньше татарского населения – Таврическая губерния зажила бы куда лучше. Богатство и образованность, как говорится в Обозрениях, максимально присущи немецким колонистам и караимам, минимально – евреям и татарам; это же касается и уровня нравственности.

Таблица 2. Учебные заведения Южно-Украинских губерний (Военно-статистическое обозрение..., 1849. XI (1): 176-184; Военно-статистическое обозрение..., 1849. XI (2): 205-210; Военно-статистическое обозрение..., 1850. XI (4): 152-154)

	Таврическая губерния	Екатеринославская губерния	Херсонская губерния	Всего по Южно-украинским губерниям
Военные учебные заведения	2	-	31	33
Частные школы	9	10	29	48
Уездные училища	8	8	14	30
Гимназии, лицеи	3	2	3	8
Приходские училища	14	11	13	38
Учебные заведения религиозных общин	488	-	272	760

Особенностью образования в Южно-Украинских губерниях является наличие значительного числа военных учебных заведений: школы кавалерийских кантонистских эскадронов и артиллерийских кантонистских батарей, школа при Черноморской штурманской роте в Николаеве, 2-й учебный морской экипаж в Николаеве, флотское училище в Николаеве и Севастополе, училище торгового мореплавания в Херсоне и др. Дворянство, духовенство и купечество образованы хорошо, остальные же – слабо, но имеют такую возможность в сельских школах военных поселений и казенных селениях.

Образовательные учреждения, как правило, – государственные, лишь малая часть их находится в частных руках. В отчетах таврического губернатора идет речь о том, что вопросы образования и воспитания в управляемой им губернии оставляют желать лучшего, но он преисполнен надежды, что в скором времени они найдут свое положительное решение и жители губернии по достоинству оценят усилия властей по повышению уровня образованности в регионе.

Как отмечается, наиболее высокий уровень образованности наблюдается среди немецкого населения губернии, которое в своей массе склонно к повсеместному его повышению. Наиболее плачевно обстоят дела с духовным образованием, учреждений для которого в регионе достаточно мало.

Характер и уровень образования в Екатеринославской губернии отличались благоприятными условиями, среди которых можно назвать выход к морю и наличие портов, что стимулирует развитие промышленного и мануфактурного производства, а также тесные торговые и деловые отношения с иностранцами.

По оценке составителя обозрения, в губернии имеется достаточное количество учебных заведений, соответствующих потребностям населения и повышающих общий уровень образованности, в частности 36 восточных училищ, подведомственных Министерству государственных имуществ.

В Херсонской губернии образование имеют лишь высшие слои общества: дворяне и купечество; для остальных открыты школы при военных поселениях и селениях Министерства государственных имуществ в количестве 184. Также в губернии открывались школы колонистов, в частности немецких и болгарских, которых на момент составления Обозрения насчитывалось 47.

Таким образом, для образования Южно-Украинских губерний, по данным Обозрения, характерным является несколько факторов: во-первых, это большое количество военных учебных заведений, что можно объяснить специфическим военно-политическим статусом региона. Во-вторых, наличие достаточно большого числа школ при военных поселениях, педагогическую деятельность в которых очень часто вели военные офицеры. В-третьих, наличие в регионе, особенно в Херсонской и Таврической губерниях, школ религиозных общин: мусульманских, еврейских, христианских, армянских и др., среди которых наиболее высокий уровень образованности наблюдался у немецких колонистов и караимов.

В Левобережных украинских губерниях местное население, «изнеженное климатом и изобилием продукции сельского производства», не очень охотно берется за работу, но «если уже начинает работать, то с пристрастием и до конца». Честны, кротки, флегматичны, скрытны и упрямы, богобоязненны и законопослушны. Лень, беспечность и неповоротливость вкупе с условиями хлебопашества лишают местных крестьян пользоваться богатствами местной земли, что затрудняет

сбор налогов и исполнение повинностей. Предметы быта дешевы, но не потому, что их достаточное количество, а по причине бедности местного населения. Повсеместно встречается неприятие местным населением переселенцев из великороссийских губерний.

Дворяне склонны к непомерной роскоши и живут не по средствам, многие – в долг. Увлекаясь всем иностранным, они тем не менее в некотором роде остаются консерваторами, сохраняя традиции. В этническом отношении преобладающее население губерний – украинцы, русские, евреи, белорусы.

Для «умственного образования» Левобережные губернии имеют достаточно возможностей: Харьковский национальный университет, Нежинский юридический лицей князя Безбородько, Черниговская и Новгород-Северская гимназия, Петро-Павловский кадетский корпус в Полтаве, школа военных кантонистов при Шосткинском пороховом заводе и др. При гимназиях и уездных училищах имеются библиотеки. Отмечая, что в образовательном плане «Черниговская губерния богаче всех других губерний», составитель обозрения указывает на факт отсутствия в регионе публичной библиотеки, ботанического сада, зоологического кабинета, музеев, книжных лавок.

Таблица 3. Учебные заведения губерний Левобережной Украины (Военно-статистическое обозрение..., 1850. XII (1); Военно-статистическое обозрение..., 1851. XII (2): 111-112; Военно-статистическое обозрение..., 1848. XII (3): 74-80)

	Харьковская губерния	Полтавская губерния	Черниговская губерния	Всего по губерниям Левобережной Украины
Уездные училища	-	19	16	35
Гимназии, лицеи	-	1	4	5
Приходские училища	-	123	79	202
Военные учебные заведения	-	1	1	2

В целом же, составители обозрений Левобережных губерний Украины оставили достаточно скудные описания «религиозной и умственной образованности» местного населения, ограничившись подчас лишь указанием общего числа учебных заведений в регионе без каких-либо пояснений и инструкций к ним. По Харьковской же губернии, как было указано выше, данные вообще не обнаружены.

С учетом всего вышесказанного приводим обобщающие расчеты (где это представляется возможным в силу наличия необходимых сведений из оригинального источника), характеризующие уровень развития образования в украинских губерниях середины XIX в. (Таблицы 4, 5).

Таблица 4. Система образования в украинских губерниях в середине XIX в. (Военно-статистическое обозрение..., 1848. X (1): 76, 134-140; Военно-статистическое обозрение..., 1849. X (2): 75, 142-159; Военно-статистическое обозрение..., 1850. X (3): 63, 124-127; Военно-статистическое обозрение..., 1849. XI (1): 76, 176-184; Военно-статистическое обозрение..., 1849. XI (2): 92-93, 205-210; Военно-статистическое обозрение..., 1850. XI (4): 95, 152-154; Военно-статистическое обозрение..., 1850. XII (1): 74; Военно-статистическое обозрение..., 1851. XII (2): 62, 111-112; Военно-статистическое обозрение..., 1848. XII (3): 35, 74-80)

Критерии	Общая численность населения, чел.			Количество учителей, чел.			Количество учащихся, чел.		
	муж.	жен.	Всего	муж.	жен.	Всего	муж.	жен.	Всего
Киевская губерния	864285	872048	1736333	497	8	505	5656	368	6024
Подольская губерния	766013	764308	1530321	-	-	1545	-	-	12823
Волынская губерния	722650	709500	1432150	-	-	128	-	-	2826
Всего по Юго-Западным (Правобережным) губерниям	2352948	2345856	4698804	-	-	2178	-	-	21673
Херсонская губерния	500164	467159	967323	726	106	832	21042	1198	22240

Таврическая губерния	359440	279658	639098	-	-	699	16413	74	16487
Екатеринославская губерния	461797	460721	922518	193	18	211	3643	112	3755
Всего по Новороссийским (Южно-Украинским) губерниям	1321401	1207538	2528939	-	-	1742	41098	1384	42482
Харьковская губерния	815732	830539	1646271	-	-	-	-	-	-
Черниговская губерния	692832	699542	1392374	-	-	479	-	-	8368
Полтавская губерния	807876	830587	1638464	-	-	-	8928	291	9219
Всего по Малороссийским (Левобережным) губерниям	2316440	2360668	4677108	-	-	-	-	-	17587
Всего по украинским губерниям	5990789	5914062	11904851	-	-	≈4399	-	-	≈81742

Проанализировав имеющуюся у нас информацию, можно констатировать тот факт, что соотношение количества учащихся к общей численности населения в Киевской губернии составляет 1:288; в Подольской губернии – 1:119; Волынской губернии – 1:506 (в целом по Правобережным губерниям – 1:216); Херсонской губернии – 1:43; Таврической губернии – 1:39; Екатеринославской губернии – 1:246 (в целом по Южно-Украинским губерниям – 1:59); Харьковской губернии – данные отсутствуют; Черниговской губернии – 1:166; Полтавской губернии – 1:178 (в целом по Левобережным губерниям – 1:266 без учета Харьковской губернии). В целом по украинским губерниям – ≈1:145.

На 1 учителя приходилось учащихся: в Киевской губернии – 12; Подольской губернии – 8; Волынской губернии – 22 (в целом по Правобережным губерниям – 1:10); в Херсонской губернии – 27; Таврической губернии – 23; Екатеринославской губернии – 18 (в целом по Южно-Украинским губерниям – 1:24); в Харьковской губернии – данные не обнаружены; Черниговской губернии – 17; Полтавской губернии – данные отсутствуют (в целом по Левобережным губерниям невозможно просчитать ввиду недостаточности данных). В целом по украинским губерниям – ≈18. Подсчитанные и обобщенные нами данные представлены в [Таблице 5](#).

Таблица 5. Качественно-количественная характеристика системы образования в украинских губерниях (середина XIX в.)

Критерии	Соотношение количества учащихся к общей численности населения	Соотношение количества учителей к общей численности населения	Количество учащихся, приходящихся на 1 учителя
Киевская губерния	1:288	1:3438	12
Подольская губерния	1:119	1:990	8
Волынская губерния	1:506	1:11,188	22
В целом по Правобережным губерниям	1:216	1:2157	10
Екатеринославская губерния	1:246	1:4372	18
Херсонская губерния	1:43	1:1162	27
Таврическая губерния	1:39	1:914	23
В целом по Южно-Украинским губерниям	1:59	1:1451	24
Харьковская губерния	-	-	-
Черниговская губерния	1:166	1:2906	17
Полтавская губерния	1:178	-	-
В целом по Левобережным губерниям	≈1:266	-	-
В целом по украинским губерниям	≈1:146	≈1:2706	≈18

Подытоживая информацию из Таблицы 5, следует отметить невозможность дать целостную оценку по всем украинским губерниям ввиду нехватки данных по некоторым губерниям, в частности по Харьковской и Полтавской. Исходя из этого, нами были даны приблизительные качественно-количественные характеристики системы образования в украинских губерниях (середина XIX в.).

5. Заключение

Результат анализа военно-статистических обзрений украинских губерний, подготовленных офицерами Генерального штаба, показал определенную неоднородность образовательного потенциала и уровня образованности местного населения. И если в плане этнически-религиозных и социальных характеристик населения 9 украинских губерний составители в той или иной степени приходили к общему знаменателю (это, в особенности, касается их быта, ментальности, повседневности), то на примере уровня «умственной образованности» видим некоторые расхождения по губерниям.

Следует отметить, что сами Обозрения были составлены по-разному, что и не удивительно, учитывая и субъективный, и объективный факторы их составления. Во-первых, губернские обозрения разнятся по количеству страниц: от наиболее полнотекстовых (описания Киевской, Херсонской и Таврической губернии) до менее полнотекстовых (описания Левобережных губерний Украины). И действительно, анализ источника свидетельствует и о характере, и о полноте наличной в нем информации, что в свою очередь делает возможным системный его анализ и описываемых им событий и процессов по губерниям.

Это можно видеть, в частности, по приведенным в Обозрениях данным гендерного распределения учителей и учащихся по губерниям (это оказался самым недоработанным аспектом описаний), а также общей численности учащихся и учительско-преподавательского состава (в этом аспекте «отличились» описания Левобережных губерний Украины, практически не содержащие подобного рода сведения).

Составители «Военно-статистических обзрений Российской империи» в целом высоко оценивали образовательный потенциал украинских губерний и склонность местного населения (в большей его части) к образованию. Тем не менее наблюдаются некоторые различия в этом вопросе в контексте губернских особенностей.

Как следует из анализа наличных данных по Обозрениям, наиболее благоприятными в этом аспекте являются Южно-Украинские губернии, особенно Херсонская и Таврическая, где наблюдается большая доля учащихся и учителей по отношению к общей численности жителей губерний (Таблица 5), что подтверждается и уровнем «нагрузки» на учителя, измеряемой количеством учащихся, приходящимся на 1 учителя, а также количеством самих учителей: в Южно-Украинских губерниях – это один из самых высоких показателей по украинским губерниям.

Можно предположить, что подобные сведения являются следствием нескольких факторов: это и развитие капиталистических отношений, наращивание промышленного потенциала, развитие торговли, в том числе и международной через азовско-черноморские порты, и проч. Еще одним фактором могло быть стратегическое азовско-черноморское направление политики российских властей. Кроме того, большое количество школ было организовано представителями местных этнических и религиозных групп, а также переселенцами и другие факторы.

В целом же, «Военно-статистические обозрения Российской империи» представляют собой ценный источник по социально-экономической истории губерний и областей Российской империи. В качестве такового он может быть использован и для анализа других аспектов (не представленных в этом исследовании) развития регионов российского государства: промышленности, торговли, социальных отношений, демографии и др. В контексте же предложенной в данной работе проблематики, перспективным видится исследование в этом ракурсе и других губерний империи с последующим обобщением полученных результатов в общеимперском масштабе.

Литература

Бережок, 2010 – Бережок Е.В. Издания по военной топографии побережья Черного моря в книжном собрании графа Александра Григорьевича Строганова // *Вісник Одеського національного університету. Серія: Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство.* № 21 (15). С. 145-158.

Бринюк и др., 2018 – Бринюк Н.Ю., Михайлов А.А., Кузнецова И.В. Российские военно-географические и военно-статистические издания второй половины XIX – начала XX вв. о Галиции. Комплексный анализ потенциального театра военных действий // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2 «Искусствоведение. Филологические науки».* № 2. С. 149-156.

Военно-статистическое обозрение..., 1848 – Военно-статистическое обозрение Российской империи. Том X. Часть 1. Киевская губерния. СПб.: Типография Департамента Генерального штаба, 1848.

[Военно-статистическое обозрение..., 1849](#) – Военно-статистическое обозрение Российской империи. Том X. Часть 2. Подольская губерния. СПб.: Типография Департамента Генерального штаба, 1849.

[Военно-статистическое обозрение..., 1850](#) – Военно-статистическое обозрение Российской империи. Том X. Часть 3. Волынская губерния. СПб.: Типография Департамента Генерального штаба, 1850.

[Военно-статистическое обозрение..., 1849](#) – Военно-статистическое обозрение Российской империи. Том XI. Часть 1. Херсонская губерния. СПб.: Типография Департамента Генерального штаба, 1849.

[Военно-статистическое обозрение..., 1849](#) – Военно-статистическое обозрение Российской империи. Том XI. Часть 2. Таврическая губерния. СПб.: Типография Департамента Генерального штаба, 1849.

[Военно-статистическое обозрение..., 1850](#) – Военно-статистическое обозрение Российской империи. Том XI. Часть 4. Екатеринославская губерния. СПб.: Типография Департамента Генерального штаба, 1850.

[Военно-статистическое обозрение..., 1850](#) – Военно-статистическое обозрение Российской империи. Том XII. Часть 1. Харьковская губерния. СПб.: Типография Департамента Генерального штаба, 1850.

[Военно-статистическое обозрение..., 1851](#) – Военно-статистическое обозрение Российской империи. Том XII. Часть 2. Черниговская губерния. СПб.: Типография Департамента Генерального штаба, 1851.

[Военно-статистическое обозрение..., 1848](#) – Военно-статистическое обозрение Российской империи. Том XII. Часть 3. Полтавская губерния. СПб.: Типография Департамента Генерального штаба, 1848.

[Военно-топографо-статистическое описание..., 1821](#) – Военно-топографо-статистическое описание Екатеринославской губернии // *Описи Степової України останьої чверті XVIII – початку XIX століття. Джерела з історії Південної України*. Т. 10. Запоріжжя, 2009. С. 280-394.

[Глиноецкий, 1882](#) – *Глиноецкий Н.П.* Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб.: Типография штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1882. 711 с.

[Зайцев, 2015](#) – *Зайцев М.В.* Основные статистические источники для изучения развития российского города в XIX в // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения»*. 2015. № 15 (3). С. 11-18.

[Карпинец, 2015](#) – *Карпинец А.Ю.* Источники справочно-статистической информации по истории социально-экономического развития Кузбасса периода конца 1850-х – начала 1890-х годов // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 61 (3). С. 171-176.

[Клейтман, 2017](#) – *Клейтман А.Л.* Топографические описания Нижнего Поволжья как памятники научного изучения региона в 1770-х – начале 1800-х гг. // *Oriental Studies*. 2017. № 2 (2). С. 2-13.

[Колесникова, 2011](#) – *Колесникова М.Е.* Краеведческие и топографические описания как историографический источник // *Вестник Ставропольского государственного университета*. 2011. № 72 (1). С. 16-25.

[Колосовская, 2014](#) – *Колосовская Т.А.* Боевая и хозяйственная повседневность казаков кавказского пограничья в освещении офицера Генштаба Г.К. Калмберга (1834 г.) // *Новый исторический вестник*. 2014. № 1 (39). С. 6-20.

[Коршунов и др., 2019](#) – *Коршунов Э.Л., Михайлов А.А., Бринюк Н.Ю.* Изучение России офицерами Генерального штаба в XIX в. / *Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность*. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург: Издательство ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2019. С. 122-127.

[Лейман, 2019a](#) – *Лейман И.И.* К вопросу об истории создания Военно-статистического обозрения Российской империи / *Жизнедеятельность человека на севере: история, историография и источники исследования (на материалах Республики Коми)*. Сборник статей. Сыктывкар, 2019. С. 25-40.

[Лейман, 2019b](#) – *Лейман И.И.* Повседневная жизнь купечества Вологодской губернии в середине XIX в. (по материалам Военно-статистического обозрения Российской империи) / *История повседневности и образ жизни россиян в XIX–XXI веках*. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 80-летию Шадринского государственного педагогического университета. Шадринский государственный педагогический университет, 2019. С. 129-133.

[Миронов, 2000](#) – *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. Т. 1–2. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. 548 с. + 568 с.

[Миронов, 2014](#) – *Миронов Б.Н.* Российская империя от традиции к модерну: В 3 т. Т. 1–3. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. 896 с. + 912 с. + 992 с.

- [Нікічук, 2019](#) – Нікічук В. Історична географія та картографія Південної України у матеріалах військової періодики XIX ст. // *Чорноморська минувшина*. 2019. № 14. С. 55-66.
- [Перетяцько, 2020](#) – Перетяцько А.Ю. Статистические исследования Российского военного министерства конца 1860–1870-х гг. о военной границе // *Славянский альманах*. 2020. № 1 (2). С. 105-122.
- [Петрова, 2008](#) – Петрова І. Військово-топографічні описи XIX ст. як джерело з історії матеріальної та духовної культури українського народу // *Науковий часопис НІГУ імені М.П. Драгоманова. Серія 6. Історичні науки*. 2008. С. 172-181.
- [Петрова, 2010](#) – Петрова І. Повсякденне життя українських селян за матеріалами військово-топографічних описів XIX ст. // *Краєзнавство*. 2010. 3: 123-131.
- [Петрова, 2013](#) – Петрова І. Реконструкція джерельної бази військово-топографічних описів України кінця 40-х - початку 50-х рр. XIX ст. // *Схід*. 2013. 5: 158-164.
- [Петрова, Петров, 2009](#) – Петрова І., Петров О. Методика упорядкування військово-топографічних описів України та їх джерельна база (30 – 60-ті рр. XIX ст.) // *Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів*. 2009. 19(1): 563-576.
- [Петрова, Петров, 2017](#) – Петрова І., Петров О. (2017). Описи Київського (1869 р.), Одеського (1871 р.) та Харківського (1871 р.) військових округів: історія створення та джерельна основа документів // *Історичні і політологічні дослідження*. 1: 153-185.
- [Савинова, 2015](#) – Савинова Т.Н. Научно-исследовательская деятельность офицеров русской армии и Казачьего войска на территории Оренбургского края // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2015. № 13 (188). С. 82-86.
- [Сираева, 2016](#) – Сираева З.В. Статистическая деятельность Министерства внутренних дел в Оренбургской губернии в 30–50-е гг. XIX в. // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2016. № 2 (38). С. 46-54.
- [Статистические таблицы..., 1842](#) – Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, Великого княжества Финляндского и Царства Польского: составлены в Статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел. СПб.: Типография Карла Крайя, 1842. 74 с.
- [Цубенко, 2011](#) – Цубенко В. Огляд історії військового поселення кавалерії на території Київської і Подільської губерній (1836-1857) // *Історичний архів. Наукові студії*. 2011. 6: 58-62.
- [Cherkasov et al., 2019a](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(1): 208-214.
- [Cherkasov et al., 2019b](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(2): 418-424.
- [Cherkasov et al., 2019c](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(3): 627-637.
- [Cherkasov et al., 2019d](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G. Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 4 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(4): 973-983.
- [Degtyarev et al., 2019](#) – Degtyarev S.I., Plotnikova M.V., Polyakova L.G., Gut J. The development of the public education system in northeastern Ukraine in the period spanning the 18 and the first half of the 19th centuries // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(4): 931-942.
- [Degtyarev et al., 2020](#) – Degtyarev S., Polyakova P., Gut J. (2020). The Social Background of Functionaries in the Russian Empire's Public Education Sector in the First Half of the 19th century: The Case of the Ukrainian Governorates // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 212-220.
- [Lebid et al., 2020a](#) – Lebid A., Shevchenko N., Chuikov O., Svechnikov V. The Officialdom of the Russian Empire: A Modern Historiography of the Issue. Part II. *Bylye Gody*. 55(1): 115-129.
- [Lebid et al., 2020b](#) – Lebid A., Shevchenko N., Volkov A., Ponomareva M. A Modern Ukrainian Historiography. Part II // *Bylye Gody*. 2020. 56(2): 495-507.
- [Potkina, 2016](#) – Potkina I. The Phenomenon of Russian Modernization: Research Approaches, Problems of Lawful Government, Administration, and Human Capital // *Bylye Gody*. 2016. 41-1(3-1): 882-889.
- [Shkuratov, 2016](#) – Shkuratov V. Historical Psychology in Boris Mironov's «Russian Empire» // *Bylye Gody*. 2016. 41-1(3-1): 973-980.
- [Verniaev, 2016](#) – Verniaev I. Russian Imperial Principles and Technologies of the Management of EthnoConfessional Diversity and of the Integration of Traditional Socio-Cultural Systems // *Bylye Gody*. 2016. 41-1(3-1): 965-972.

References

- [Berezhok, 2010](#) – Berezhok E.V. (2010). Izdaniya po voennoj topografii poberezh'ya Chernogo morya v knizhnom sobranii grafa Aleksandra Grigor'evicha Stroganova. [Military and topographical descriptions of

- the Black Sea coast in the book collection of count Alexander Stroganov]. *Visnyk Odeskoho natsionalnoho universytetu. Seriya: Bibliotekoznavstvo, bibliohrafoznauvstvo, knyhoznauvstvo*. 21(15): 145-158. [in Russian]
- Brinyuk i dr., 2018** – Brinyuk N.Yu., Mikhajlov A.A., Kuznecova I.V. (2018). Rossijskie voenno-geograficheskie i voenno-statisticheskie izdaniya vtoroj poloviny` XIX – nachala XX vv. o Galiczii. Kompleksny`j analiz potencial`nogo teatra voenny`kh dejstvij. [Russian military-geographical and military-statistical editions of the second half of the 19th – early 20th centuries about Galicia. Comprehensive analysis of a potential theater of military operations]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizajna. Seriya 2: Iskusstvovedenie. Filologicheskie nauki*. 2: 149-156. [in Russian]
- Cherkasov et al., 2019a** – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G. (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(1): 208-214.
- Cherkasov et al., 2019b** – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G. (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 8(2): 418-424.
- Cherkasov et al., 2019c** – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G. (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 8(3): 627-637.
- Cherkasov et al., 2019d** – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G. (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 4. *European Journal of Contemporary Education*. 8(4): 973-983.
- Degtyarev et al., 2019** – Degtyarev, S.I. Plotnikova, M.V. Polyakova, L.G. Gut, J. (2019). The development of the public education system in northeastern ukraine in the period spanning the 18 and the first half of the 19 th th centuries. *European Journal of Contemporary Education*. 8(4): 931-942.
- Degtyarev et al., 2020** – Degtyarev S., Polyakova P., Gut J. (2020). The Social Background of Functionaries in the Russian Empire's Public Education Sector in the First Half of the 19th century: The Case of the Ukrainian Governorates. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 212-220.
- Glinoeczkij, 1882** – Glinoeczkij N. P. (1882). Istoricheskij ocherk Nikolaevskoj akademii General`nogo shtaba. [Historical essay of the Nikolaev Academy of the General Staff]. SPb.: Tipografiya shtaba vojsk gvardii i Peterburgskogo voennogo okruga, 1882. 711 p. [in Russian]
- Karpinecz, 2015** – Karpinecz A.Yu. (2015). Istochniki spravocno-statisticheskoy informaczii po istorii social`no-e`konomicheskogo razvitiya Kuzbassa perioda koncza 1850-kh nachala 1890-kh godov. [Statistical sources on the history of social and economic development of Kuzbass in the late 1850s-early 1890s]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 61(3): 171-176. [in Russian]
- Klejtman, 2017** – Klejtman A.L. (2017). Topograficheskie opisaniya Nizhnego Povolzh`ya kak pamyatniki nauchnogo izucheniya regiona v 1770-kh – nachale 1800-kh gg. [Topographic Descriptions of the Lower Volga Region as a Milestone in the History of Scientific Studies of the Territory: the 1770s – early 1800s]. *Oriental Studies*. 2(2): 2-13. [in Russian]
- Kolesnikova, 2011** – Kolesnikova M.E. (2011). Kraevedcheskie i topograficheskie opisaniya kak istoriograficheskij istochnik. [Local-historical and topographic descriptions as a historiographic source]. *Vestnik Stavropol`skogo gosudarstvennogo universiteta*. 72 (1): 16-25. [in Russian]
- Kolosovskaya, 2014** – Kolosovskaya T.A. (2014). Boevaya i khozyajstvennaya povsednevnost` kazakov kavkazskogo pogranich`ya v osveshhenii oficera Genshtaba G.K. Kalmberga (1834 g.). [The Cossacks' Military and Economic Daily Life on the Caucasus Frontier as Described by G.K. Kalmberg, A Russian General Staff Officer (1834)]. *Novy`j istoricheskij vestnik*. 1(39): 6-20. [in Russian]
- Korshunov i dr., 2019** – Korshunov E.L., Mikhajlov A.A., Brinyuk N.Yu. (2019). Izuchenie Rossii oficerami General`nogo shtaba v XIX v. [Study of Russia by General Staff Officers in the 19th Century]. *Prirodno-geograficheskie faktory` v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost`*. *Materialy` mezhdunarodnoj nauchnoj konferenczii*. Sankt-Peterburg: Izdatel`stvo: LGU im. A.S. Pushkina. Pp. 122-127. [in Russian]
- Lebid et al., 2020a** – Lebid A., Shevchenko N., Chuikov O., Svechnikov V. (2020). The Officialdom of the Russian Empire: A Modern Historiography of the Issue. Part II. *Bylye Gody*. 55(1): 115-129.
- Lebid et al., 2020b** – Lebid A., Shevchenko N., Volkov A., Ponomareva M. A Modern Ukrainian Historiography. Part II. *Bylye Gody*. 56(2): 495-507.
- Lejman, 2019a** – Lejman I.I. (2019). K voprosu ob istorii sozdaniya Voенно-statisticheskogo obozreniya Rossijskoj imperii. [On the history of the creation of the Military Statistical Review of the Russian Empire]. *Zhiznedeyatel`nost` cheloveka na severe: istoriya, istoriografiya i istochniki issledovaniya (na materialakh Respubliki Komi)*. *Sbornik statej*. Sy`kty`vkar. Pp. 25-40. [in Russian]
- Lejman, 2019b** – Lejman I.I. (2019). Povsednevnyaya zhizn` kupechestva Vologodskoj gubernii v seredine XIX v. (po materialam Voенно-statisticheskogo obozreniya Rossijskoj imperii). [Everyday life of the merchants of the Vologda province in the middle of the 19th century. (based on the materials of the Military Statistical Review of the Russian Empire)]. *Istoriya povsednevnosti i obraz zhizni rossijan v XIX-XXI vekakh*. *Materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferenczii s mezhdunarodny`m uchastiem*,

posvyashhyonnoj 80-letiyu Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Shadrinskij gosudarstvennyi pedagogicheskij universitet. Pp. 129-133. [in Russian]

Mironov, 2000 – *Mironov B.N.* (2000). *Soczial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): v 2 t. T. 1-2*. [Social history of Russia during the period of the empire (XVIII - early XX century)]. SPb.: Izd-vo «Dmitrij Bulanin». 548 p. + 568 p. [in Russian]

Mironov, 2014 – *Mironov B.N.* (2014). *Rossijskaya imperiya ot tradicii k modernu: v 3 t. T. 1-3*. [Russian empire from Tradition to Modern]. SPb.: Izd-vo «Dmitrij Bulanin». 896 p. + 912 p. + 992 p. [in Russian]

Nikichuk, 2019 – *Nikichuk V.* (2019). *Istorychna heohrafiia ta kartohrafiia Pivdennoi Ukrainy u materialakh viiskovoi periodyky XIX st.* [Historical geography and cartography of Southern Ukraine in the materials of military periodicals of the XIX century]. *Chornomorska mynuvshyna*. 14: 55-66. [in Ukrainian]

Peretyat'ko, 2020 – *Peretyat'ko A.Yu.* (2020). *Statisticheskie issledovaniya Rossijskogo voennogo ministerstva konca 1860 - 1870-kh gg. o voennoj granitse*. [Statistical studies of the Russian War Ministry in the late 1860s - 1870s. About the Military Border]. *Slavyanskij al'manakh*. 1(2): 105-122. [in Russian]

Petrova, 2008 – *Petrova I.* (2008). *Viiskovo-topografichni opysy XIX st. yak dzherelo z istorii materialnoi ta dukhovnoi kultury ukrainskoho narodu*. [Military topographic review of the XIX century as a source on the history of material and nonmaterial culture of the Ukrainian people]. *Naukovyi chasopys NIHU imeni M. P. Drahomanova. Seriya 6. Istorychni nauky*: 172-181. [in Ukrainian]

Petrova, 2010 – *Petrova I.* (2010). *Povsiakdenne zhyttia ukrainskykh selian za materialamy viiskovo-topografichnykh opysiv XIX st.* [Daily life of the Ukrainian peasants according to materials of military-topographical descriptions of the XIX century]. *Kraieznavstvo*. 3: 123-131. [in Ukrainian]

Petrova, 2013 – *Petrova I.* (2013). *Rekonstruktsiia dzherelnoi bazy viiskovo-topografichnykh opysiv Ukrainy kintsia 40-kh – pochatku 50-kh rr. XIX st.* [The reconstruction of the source base of military and topographical descriptions of Ukraine in the late 40th – early 50th of XIX century]. *Skhid*. 5: 158-164. [in Ukrainian]

Petrova, Petrov, 2009 – *Petrova I., Petrov O.* (2009). *Metodyka uporiadkuvannia viiskovo-topografichnykh opysiv Ukrainy ta yikh dzherelna baza (30 – 60-ti rr. XIX st.)*. [The method of preparation of the military-topographical descriptions of the 19th century and their source base]. *Naukovi zapysky. Zbirnyk prats molodykh vchenykh ta aspirantiv*. 19(1): 563-576. [in Ukrainian]

Petrova, Petrov, 2017 – *Petrova I., Petrov O.* (2017). *Opysy Kyivskoho (1869 r.), Odeskoho (1871 r.) ta Kharkivskoho (1871 r.) viiskovykh okruhiv: istoriia stvorenna ta dzherelna osnova dokumentiv*. [Descriptions of Kyiv (1869), Odessa (1871) and Kharkiv (1871) military districts: history of creation and source basis of documents]. *Istorychni i politolohichni doslidzhennia*. 1: 153-185. [in Ukrainian]

Potkina, 2016 – *Potkina I.* (2016). *The Phenomenon of Russian Modernization: Research Approaches, Problems of Lawful Government, Administration, and Human Capital*. *Bylye Gody*. 41-1(3-1): 882-889.

Savinova, 2015 – *Savinova T.N.* *Nauchno-issledovatel'skaya deyatel'nost' oficerov russkoj armii i Kazach'ego vojska na territorii Orenburgskogo kraja*. [Research activities of officers of the Russian army and the Cossack army on the territory of the Orenburg region]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 13(188): 82-86. [in Russian]

Shkuratov, 2016 – *Shkuratov V.* (2016). *Historical Psychology in Boris Mironov's «Russian Empire»*. *Bylye Gody*. 41-1(3-1): 973-980.

Siraeva, 2016 – *Siraeva Z.V.* (2016). *Statisticheskaya deyatel'nost' Ministerstva vnutrennikh del v Orenburgskoj gubernii v 30-50-e gg. XIX v.* [Statistical activities of the Interior ministry in the Southern Urals in 1830s-1850s]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarny'e nauki*. 2(38): 46-54. [in Russian]

Statisticheskie tablicy..., 1842 – *Statisticheskie tablicy` o sostoyanii gorodov Rossijskoj imperii, Velikogo knyazhestva Finlyandskogo i Czarstva Pol'skogo: sost. v Stat. otd. Soveta Ministerstva vnutrennikh del*. [Statistical tables on the state of the cities of the Russian Empire, the Grand Duchy of Finland and the Kingdom of Poland]. SPb.: Tipografiya Karla Kraja, 1842. 74 p. [in Russian]

Tsubenko, 2011 – *Tsubenko V.* (2011). *Ohliad istorii viiskovoho poselennia kavalerii na terytorii Kyivskoi i Podil'skoi hubernii (1836-1857)*. [The review of history of military settlement of a cavalry in territory of the Kiev and Podolsk provinces (1836-1857)]. *Istorychni arkhiv. Naukovi studii*. 6: 58-62. [in Russian]

Verniaev, 2016 – *Verniaev I.* (2016). *Russian Imperial Principles and Technologies of the Management of EthnoConfessional Diversity and of the Integration of Traditional Socio-Cultural Systems*. *Bylye Gody*. 41-1(3-1): 965-972.

Voенно-topografo-statisticheskoe opisanie..., 1821 – *Voенно-topografo-statisticheskoe opisanie Ekaterinoslavskoj gubernii. 1821 g. Opysy Stepovoi Ukrainy ostanoi chverti XVIII – pochatku XIX stolittia. Dzherela z istorii Pivdennoi Ukrainy*. T.10. [[Military-topographic-statistical review of the Yekaterinoslav province]. Zaporizhzhya, 2009. S. 280-394. [in Russian]

Voенно-statisticheskoe obozrenie..., 1848 – *Voенно-statisticheskoe obozrenie Rossijskoj imperii. Tom X. Chast' 1. Kievskaya guberniya*. [Military Statistical Review of the Russian Empire. Volume X. Part 1. Kiev province]. SPb.: Tipografiya Departamenta General'nogo Shtaba, 1848. [in Russian]

[Voенно-статистическое обозрение..., 1848](#) – Voенно-статистическое обозрение Rossijskoj imperii. Tom XI`I. Chast' 3. Poltavskaya guberniya. [Military Statistical Review of the Russian Empire. Volume XII. Part 3. Poltava province]. SPb.: Tipografiya Departamenta General`nogo Shtaba, 1848. [in Russian]

[Voенно-статистическое обозрение..., 1849](#) – Voенно-статистическое обозрение Rossijskoj imperii. Tom X. Chast' 2. Podol`skaya guberniya. [Military Statistical Review of the Russian Empire. Volume X. Part 2. Podolsk province]. SPb.: Tipografiya Departamenta General`nogo Shtaba, 1849. [in Russian]

[Voенно-статистическое обозрение..., 1849](#) – Voенно-статистическое обозрение Rossijskoj imperii. Tom XI. Chast' 1. Khersonskaya guberniya. [Military Statistical Review of the Russian Empire. Volume XI. Part 1. Kherson province]. SPb.: Tipografiya Departamenta General`nogo Shtaba, 1849. [in Russian]

[Voенно-статистическое обозрение..., 1849](#) – Voенно-статистическое обозрение Rossijskoj imperii. Tom XI. Chast' 2. Tavricheskaya guberniya. [Military Statistical Review of the Russian Empire. Volume XI. Part 2. Taurida province]. SPb.: Tipografiya Departamenta General`nogo Shtaba, 1849. [in Russian]

[Voенно-статистическое обозрение..., 1850](#) – Voенно-статистическое обозрение Rossijskoj imperii. Tom X. Chast' 3. Voly`nskaya guberniya. [Military Statistical Review of the Russian Empire. Volume X. Part 3. Volyn province]. SPb.: Tipografiya Departamenta General`nogo Shtaba, 1850. [in Russian]

[Voенно-статистическое обозрение..., 1850](#) – Voенно-статистическое обозрение Rossijskoj imperii. Tom XI. Chast' 4. Ekaterinoslavskaya guberniya. [Military Statistical Review of the Russian Empire. Volume XI. Part 4. Yekaterinoslav province]. SPb.: Tipografiya Departamenta General`nogo Shtaba, 1850. [in Russian]

[Voенно-статистическое обозрение..., 1850](#) – Voенно-статистическое обозрение Rossijskoj imperii. Tom XII. Chast' 1. Khar`kovskaya guberniya. [Military Statistical Review of the Russian Empire. Volume XII. Part 1. Kharkov province]. SPb.: Tipografiya Departamenta General`nogo Shtaba, 1850. [in Russian]

[Voенно-статистическое обозрение..., 1851](#) – Voенно-статистическое обозрение Rossijskoj imperii. Tom XII. Chast' 2. Chernigovskaya guberniya. [Military Statistical Review of the Russian Empire. Volume X. Part 2. Chernihov province]. SPb.: Tipografiya Departamenta General`nogo Shtaba, 1851. [in Russian]

[Zajczev, 2015](#) – *Zajczev M.V. (2015). Osnovny`e statisticheskie istochniki dlya izucheniya razvitiya rossijskogo goroda v XIX v. [The Main Statistical Sources for Studying the Development of the Russian Cities in the XIX Century]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodny`e otnosheniya. 15(3): 11-18. [in Russian]*

Социальный портрет населения украинских губерний в середине XIX в. (на материалах «Военно-статистического обозрения Российской империи»)

Андрей Е. Лебедь ^{a, b, *}, Анатолий В. Гончаренко ^c, Наталья Александровна Шевченко ^{b, d}

^a Сумской государственный университет, Украина

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Сумской национальный аграрный университет, Украина

^d Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье проанализировано «Военно-статистическое обозрение Российской империи» как источник по социально-экономической истории украинских губерний середины XIX века. Рассмотрены история создания, структура, план изложения и характер информации, представленной в Обозрениях. Обозначены их составители с указанием краткой исторической справки о них.

На основании анализа обозрений украинских губерний составлен социальный портрет местного населения с учетом его этнической, религиозной, социальной принадлежности.

Социальный портрет населения украинских губерний составлен на основании описаний в «Военно-статистических обозрениях Российской империи» быта и нравов местного населения, а также уровня его «умственной» образованности посредством анализа данных о количестве и типах учебных заведений, имеющих в губерниях, численности учащихся в них, их соотношении к общей численности населения губерний, а также численности учительско-преподавательского состава. Подсчитано количество учащихся, приходящихся на одного педагогического работника. Все данные обобщены как по губерниям (Правобережным, Левобережным и Южно-Украинским), так и в целом по Украине.

Ключевые слова: военно-статистическое описание, украинские губернии, социальный портрет, система образования, образованность.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: schwarzschwanenreich@gmail.com (A. Lebid)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1158-1167. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1158
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Natural Resource Potential of the Central Asian Outskirts Regional Development in the Plans of Russian Imperial Political Elite (second half of the 19th – early 20th centuries)

Yuliya A. Lysenko ^{a, b, c, *}

^a Altai State University, Russian Federation

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the plans of the imperial political elite regarding the use of the natural resource potential of the Central Asian outskirts in the post-reform period on the basis of regulatory legal acts and office documentation. It was revealed that the political leadership of Russia was faced with the need to revise the traditional principles of imperial politics related to the satisfaction of exclusively geopolitical interests by the 60s 19th century. Increasing the profitability of regional economies was recognized as more rational. In the context of the multinationality of the country, the civilizational and socio-economic asymmetry of ethnoregions, the transition to solving internal problems aimed at integrating and unifying the imperial space. The state followed the path of using exclusively land spaces during the period of modernization and the creation of grain and cotton farms, while having an objective idea of the natural resource potential of the Steppe Territory and Turkestan, a significant number of copper, oil, gold and coal deposits.

An obstacle to the full-scale industrialization of the Central Asian outskirts was a number of circumstances: the frontier of the territory and, as a consequence, the dilemma of the central and regional authorities regarding the priority of external expansion or internal development; a difficult ethno-confessional situation associated with the "Islamic factor" and the possibility of threats to Russia's presence in the region; artificial containment by imperial circles of modernization processes to prevent the growth of national ideologies; lack of financial opportunities for the state and entrepreneurs for active investment.

Keywords: Russian Empire, Steppe Territory, Turkestan, frontier, region, modernization, industry, agricultural production, resettlement.

1. Введение

В 60–70 гг. XIX в. в Российской империи начался очередной этап реформ, нацеленный на преодоление отставания от европейских держав в социально-экономическом развитии. Преобразования осуществлялись в условиях господства архаичной системы землевладения, принудительного труда и низкого уровня развития производительных сил в сельском хозяйстве (Гершенкрон, 2004: 420-447). Это исключало возможность эволюционного формирования необходимых условий модернизации и предопределило неизбежность осуществления реформ верховной властью (Сенявский, 2008; Лапина, Лелюхина, 2001: 219, 220-221). Центральной проблемой пореформенного периода являлся «аграрный вопрос». Параллельно осуществляя задачи промышленной и аграрной (отмена крепостного права) революций, государство было вынуждено решать проблему землеустройства сельского населения. В 80–90-е гг. XIX в. оно возложило на себя функции по организации и регулированию миграционных потоков крестьян в Азиатскую Россию.

* Corresponding author

E-mail addresses: iulia_199674@mail.ru (Yu.A. Lysenko)

Центральноазиатские окраины России, завершение присоединения которых в состав империи совпало по времени с началом модернизации Александра II, объективно подключались к общегосударственным процессам. Регион значительно отличался по структуре экономического производства. В Степном крае, в условиях аридной зоны у коренного казахского населения преобладало кочевое скотоводство с присущими ему архаическими признаками. В оазисах Туркестанского генерал-губернаторства оседлое население занималось экстенсивным поливным земледелием, обеспечивая исключительно внутренний региональный рынок (Масанов, 1984: 123; Центральная Азия..., 2008: 145).

Восприятие экономики центральноазиатских окраин России имперской политической элитой как архаической оказывало существенное влияние на оценку, подходы и конкретное содержание планов регионального развития. С началом реформ 60–70 гг. XIX в. демографические ресурсы Степного края и Туркестана стали рассматриваться как основной региональный субъект налоговой политики государства (Lysenko, 2020: 709–720). Активно стали обсуждаться вопросы введения в экономический оборот природных богатств Центральной Азии, прежде всего земельных. Оценка властными структурами их потенциала, стратегий использования представляет значительный научный интерес и позволит существенно расширить знания об имперском измерении истории России.

2. Материалы и методы

Материалами исследования выступили документы делопроизводства властных структур Российской империи – всеподданнейшие отчеты генерал-губернаторов и военных губернаторов областей Степного и Туркестанского генерал-губернаторств, их переписка с центральными правительственными учреждениями и т.д. Данный тип источников позволяет проследить дискуссию центральных и региональных органов власти о перспективах экономического развития центральноазиатских окраин в пореформенный период, выявить факторы, оказывавшие влияние на принятие тех или иных решений. Основной массив делопроизводственной документации отложился в Российском государственном историческом архиве.

Для анализа оценок российской политической элитой ресурсной базы центральноазиатских окраин и перспектив ее освоения применяется пространственно-региональный подход, предложенный И.В. Побережниковым. Как отмечает исследователь, в исторических условиях той эпохи на модернизационную динамику в Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. колоссальное влияние оказывал ряд факторов: пограничное расположение между Востоком и Западом, огромная территория, разнообразие природных условий, сложный исторический характер формирования странового пространства и т.д. Все это оказывало существенное влияние на цивилизационную специфику, внутренний строй империи и определяло особенности развития отдельных регионов. Поэтому при анализе процессов модернизации И.В. Побережников предлагает не ограничиваться использованием национально-странового уровня (когда страна выступает в качестве основной аналитической единицы), но и активно применять пространственно-региональный уровень (Побережников, 2006).

Степной край и Туркестан в рамках пространственно-регионального уровня модернизации предлагается рассматривать как особый фронтальный регион с характерным для него цивилизационным ландшафтом. Последний определялся геополитическим положением центральноазиатских окраин, историческим наследием, уровнем развития производительных сил. Это делало неизбежной реализацию автономного регионального проекта преобразований, определившего специфику протекания модернизационных процессов (Побережников, 2011: 47–62). При подготовке статьи использовались историко-генетический и историко-сравнительный методы.

3. Обсуждение

В отечественном имперском дискурсе проблема осмысления исторического опыта модернизации центральноазиатских окраин Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв., выявления акторов и субъектов данного процесса, его последствий и значения для интеграции этнорегиона в общеимперское пространство является одной из центральных. В 20–80 гг. XX в. широкий спектр экономических реформ в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах оценивался советскими историками как политика, направленная на превращение региона в колонию Российской империи (Лаврентьев, 1930: 9–10; Вяткин, 1974). В то же время ими отмечалась «реакционность экономической политики самодержавного правительства» в Степном крае и Туркестане, проявляющаяся в сдерживании процесса создания промышленного сектора экономики. В результате целенаправленно регион превращался в аграрно-сырьевой придаток Российской метрополии, что выразилось, по мнению советской историографии, в приоритетном развитии зерновых переселенческих хозяйств в Степном крае и хлопководческих – в Туркестане (Аминов, 1959; Суворов, 1962; Галузо, 1965; Фридман, 1960).

В новейшей отечественной империологии российская модернизация второй половины XIX – начала XX вв. оценивается как попытка социокультурной, экономико-финансовой централизации

империи, сглаживания региональной асимметрии и в конечном итоге создания «единой и неделимой России» (Правилова, 2006). В отношении Степного края и Туркестана Д.Ю. Арапов и ряд других исследователей отмечают, что политика России в пореформенный период позволила «вывести регион из состояния глубокого экономического и общественного застоя, создала здесь важнейшие компоненты инфраструктуры, организовала систему научного исследования материальных ресурсов края и культуры среднеазиатских народов» (Мусульманская средняя Азия..., 2004: 8). Имперская аграрная политика и крестьянское переселение в центральноазиатские окраины оценивается российскими учеными как важный цивилизационный аспект их интеграции в общеимперское пространство (Чуркин, Токмурзаев, 2015: 196-207).

В зарубежной империологии отмечается, что для революционного преобразования традиционных производительных сил в Степном крае и Туркестане у Российской империи не хватало финансовых возможностей. Этим объясняется ее невмешательство в существовавшие здесь производственные отношения и приоритетность ее политики в направлении «замирения» региона и фиска (Morrison, 2011: 292). В современной центральноазиатской историографии экономическая политика Российской империи в Степном крае и Туркестане расценивается как «национальная трагедия», повлекшая превращение региона в колониально-сырьевой придаток метрополии. Столь разная оценочная палитра мнений о судьбе центральноазиатских окраин делает актуальным анализ взглядов российской политической элиты на природно-ресурсный потенциал региона в контексте перспектив его экономического развития в пореформенный период.

4. Результаты

Изучение Россией природно-ресурсного потенциала Степного края и Туркестана осуществлялось с момента присоединения их к Российской империи. Уже в 1734 г. была учреждена Оренбургская пограничная экспедиция, в задачи которой, помимо военно-политического закрепления в Казахской степи, ставился поиск месторождений полезных ископаемых. В составе дипломатических миссий России в Казахскую степь в 40–50-х гг. XVIII в.¹ всегда находились геодезисты и топографы, призванные составлять физико-географические карты степи и исследовать ее земельные ресурсы (Моисеев, 1991). Значительный вклад в изучение природно-ресурсного потенциала Центральной Азии внесли Первая (1733–1743 гг.) и Вторая (1768–1774 гг.) академические экспедиции. Они носили комплексный характер и, наряду с изучением природных ресурсов и биоразнообразия, были посвящены исследованию истории и этнографии коренных народов региона. (Shayakhmetov et al., 2019: 1439-1450).

Отдельные рекогносцировки полезных ископаемых степной зоны Урало-Иртышского междуречья, производившиеся в XVIII в., были неудачны. Только в первой половине XIX в. разведка месторождения полезных ископаемых приняла массовый и профессиональный характер. На карте Центрально-Азиатского региона появились месторождения полиметаллических руд, каменного угля и золота. По данным П. Красовского, к концу 50-х гг. XIX в. в Степном крае велась разработка на 24 золотых, 44 серебро-свинцово-медных, 106 медных и 4 железорудных приисках (Красовский, 1868: 498).

Таким образом, к началу пореформенного периода и завершению присоединения Степного края и Туркестана к Российской империи правящие круги имели достаточно объективное представление о природных ресурсах края. Его полезные ископаемые открывали возможности для формирования отдельного промышленного анклава, тем более что успешный опыт в данном направлении демонстрировали Урал и юг Западной Сибири, Алтай, где на протяжении XVIII – первой половины XIX вв. активно развивалась крупная заводская промышленность. Но правительство не стремилось использовать имевшиеся возможности.

Во многом ситуация объяснялась фронтирностью региона с присущим ему так называемым «освоенческим синдромом». Как известно, важным признаком фронтирности является ярко выраженная милитаризация (Побережников, 2011: 56). В степных областях в XVIII – первой половине XIX вв. она проявилась в повсеместном строительстве укрепленных линий, формировании регулярных и иррегулярных воинских частей (Уральское, Оренбургское, Сибирское и Семиреченское казачьи войска). Не менее важным признаком фронтирности Центрально-Азиатского региона выступала нестабильная региональная геополитическая ситуация, связанная с перманентным выдвиганием границ Российской империи в глубь Туркестана за счет аннексии территорий Кокандского и Хивинского ханств, Бухарского эмирата. Ситуацию усугубляло российско-британское соперничество за влияние на Среднем Востоке.

Поэтому экономический фактор не мог являться определяющим в политике Российской империи в центральноазиатских окраинах. Их колонизация не могла проводиться ускоренными

¹ В 1740–1742 гг. в Казахскую степь было направлено посольство Д. Гладышева и И. Муравина, которое проследовало от Оренбурга до Хивы через Сыр-Дарью и Аральское море. В 1742–1743 гг. состоялось посольство К. Миллера в пределы Джунгарского ханства. Маршрут экспедиции проходил через Казахскую степь, Семиречье и Сары-су. В 1745 г. в Средний жуз выехала дипломатическая миссия Р. Уразина, несколькими годами спустя – посольство Л.Д. Угримова.

темпами и оказалась сильно растянутой по времени, поэтому до середины XIX в. регион оставался слабо заселен «русским элементом». Практика административного переселения крестьян первой половины XIX столетия решала исключительно задачи стратегического плана: развитие земледелия было связано с необходимостью продовольственного обеспечения региональных вооруженных сил Российской империи и пополнения военного сословия за счет крестьян-переселенцев. Переселявшиеся крестьяне, как правило, зачислялись в казачье сословие Сибирского, а позднее Семиреченского казачьих войск, но воинской службы не несли (Токмурзаев, 2015: 6).

Завершение присоединения Центральной Азии в состав Российской империи в 60–70 гг. XIX в. и последовавшие реформы ускорили создание административной морфологии региона и его интеграцию в общеимперское политико-правовое и социально-экономическое пространство. На фоне этих процессов в стране развернулся общественно-политический дискурс о целях имперской политики, приоритетности внешней экспансии или внутреннего развития. Он основывался на понимании, что «имперские амбиции» – приобретение новых, в том числе центральноазиатских территорий и контроль над ними – слишком дорого обходятся казне. Так, в 1880 г. из общей суммы государственных расходов на содержание Туркестанского генерал-губернаторства в 13505951,28 руб. войскам Туркестанского военного округа было выделено 9799826,9 руб. (т.е. около 80 %!), в 1895 г. – 10619018,85 руб. и 7455130,49 руб. соответственно (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 179. Л. 11-14 об.).

Новые политические и экономические реалии, складывавшиеся в Российской империи в пореформенный период, вызывали необходимость изменения концептуальных подходов к региональной политике. Как отмечает Е. Правилова, «социальное и экономическое развитие «ядра» – внутренних российских губерний – требовало значительных инвестиций. Геополитическое могущество империи, часто выражавшееся в квадратных верстах, контрастировало с разреженностью власти и недостатком ресурсов во «внутренней» России, ее социальной и экономической отсталостью» (Правилова, 2006: 4). Выход из сложившейся ситуации виделся в институциональной организации экономического управления, повышении экономической рентабельности регионов и рациональном выстраивании их бюджетов.

Дискуссия между Военным министерством, МВД, Министерством промышленности и торговли о приоритетности имперской политики завершилась поворотом в сторону более эффективного использования природных ресурсов центральноазиатских окраин Российской империи. При этом, несмотря на наличие богатейших месторождений полезных ископаемых в Степном крае и Туркестане, правящие круги сделали ставку на аграрное освоение огромных земельных ресурсов региона. Это нашло отражение в наращивании с 80-х гг. XIX в. темпов крестьянской колонизации центральноазиатских окраин, регулировании и стимулировании государством на законодательном уровне данного процесса (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 179. Л. 17 об.-24 об.).

Выбор аграрной колонизации Степного края и позже Туркестана как основной движущей силы регионального экономического развития не являлся случайным. К этому периоду Россия оформилась как полиэтничное и поликонфессиональное государство с ярко выраженной асимметрией экономического и социального развития территорий. Как известно, Царство Польское, Финляндия демонстрировали достаточно высокие темпы экономического развития по сравнению с центральными губерниями, и тем более Азиатской Россией. Это давало основания для их соперничества с политическим центром страны, роста националистических концепций, идеологий экономического национализма и регионализма (Капеллер, 2000: 176).

Кризис русско-польских отношений, рост украинофильства и сепаратистских настроений на западных окраинах России ставил на повестку дня вопрос о территориальной целостности империи. «На этой основе, – как отмечает Б.С. Токмурзаев, – формировалось мнение, что именно Сибирь может выступить своеобразным «полигоном», в системе координат которого преодоление локальных этнографических особенностей, а также сословных различий откроет возможности для успешной реализации проекта создания единой нации и единого российского гражданства» (Токмурзаев, 2015: 7). Русскому крестьянину-переселенцу, на генетическом уровне способному к колонизации, была отведена роль не только аграрно-экономического покорителя огромных пространств Сибири и Степного края, но и миссия культуртрегера – носителя и распространителя идеологии российского православия, призванного цивилизовать и привести к оседлому состоянию и христианству коренные народы региона.

В 60-е гг. XIX дискуссия центральных и региональных властных структур о перспективах аграрной колонизации Степного края и Туркестана сводилась к пониманию необходимости юридического обоснования изъятия земель у коренных народов в Переселенческий фонд для землеустройства крестьян-переселенцев. Поэтому, как известно, по Временным положениям об управлении Туркестанским (1867 г.), Оренбургским и Западно-Сибирским генерал-губернаторствами (1868 г.) все природные и земельные ресурсы Центрально-Азиатского региона были объявлены собственностью государства. Кочевникам-казахам пастбища передавались в общинное пользование, причем государству предоставлялось право изымать «лишние» пастбищные угодья у скотоводов. Таким образом, верховная власть создала юридический механизм для массовой экспроприации земель у коренного казахского населения (Лысенко, 2019: 48-49).

Региональные органы власти первоначально поддерживали идею аграрной колонизации Степного края. Однако на рубеже XIX–XX вв. они стали выступать за сокращение крестьянской миграции в регион, главным образом, из-за ограниченности земельных ресурсов, пригодных для занятия земледелием. В ходе Частного совещания, состоявшегося в мае 1907 г. при степном генерал-губернаторе И.П. Надарове, представители региональной власти поддерживали уполномоченных от казахов в вопросе о необходимости прекращения крестьянского переселения в регион и признали неправомочными многочисленные факты земельных изъятий у кочевников без учета их потребностей в землепользовании (*Труды Частного совещания...*, 1908). В то же время следует отметить, что данная позиция региональной власти объяснялась не столько желанием защитить экономические интересы коренного населения, сколько опасением роста межэтнической напряженности между русскими и казахами, связанной с перераспределением земельных ресурсов. Канцелярия степного генерал-губернатора была буквально «завалена» многочисленными жалобами казахского населения о незаконных изъятиях у них земель, что и послужило поводом для созыва упомянутого выше Частного совещания.

Иная ситуация складывалась с землепользованием в Туркестане. По Положению об управлении Туркестанским краем 1886 г. за коренным оседлым населением признавалось право пользования землей и право ее наследования. Таким образом, политические круги не решились пойти по пути признания за государством юридических прав на землю. Состоявшееся в 80–90 гг. XIX в. землеустройство дехкан привело к тому, что все земли, пригодные для земледелия, оказались распределены между ними.

Проблема юридической нерешенности вопроса о земле и формах владения землей коренным населением выступала серьезным препятствием для решения как геополитических, так и экономических задач. Отсутствие правового механизма изъятия земель у дехкан сдерживало освоение региона «русским элементом». Вплоть до начала XX в. Туркестан официально был закрыт для крестьянского переселения. Кроме этого, отсутствие свободной земли сдерживало развитие крупного частного хлопководческого хозяйства (*Вяткин, 1974: 26-27*).

Тем не менее ни у региональных, ни у центральных органов государственной власти не было четкого плана решения проблемы. Большинство предлагаемых на рубеже XIX–XX вв. проектов не вносило конструктивизма, однако всем было очевидно, что решение проблемы видится только в развитии ирригационного дела в регионе (*РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 50. Л. 148*). После поездки в 1912 г. по областям Туркестана главного управляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина началось строительство нескольких оросительных каналов. Это позволило в начале XX в. значительно расширить посевы хлопка сырца, снизив тем самым зависимость российской текстильной промышленности от поставок американского хлопка.

Приоритет в аграрном развитии центральноазиатских окраин обусловил появление юридических сдержек на пути формирования промышленных отраслей производства. Так, Положение 1886 г. ограничивало возможность приобретения недвижимости, прежде всего земли, в Туркестане иностранным подданным и всем нехристианам. Это выступало препятствием к разработке месторождений полезных ископаемых и строительству промышленных объектов в регионе. Ставка была сделана на развитие предприятий, занимавшихся переработкой сельскохозяйственной продукции; промышленные производства, например нефтеперерабатывающие заводы или ткацкие фабрики, в регионе не создавались. Таким образом, можно согласиться с мнением ряда исследователей, подчеркивавшего, что политические круги России стремились к ограничению частной земельной собственности и сохранению за Центрально-Азиатским регионом статуса аграрной окраины, населенной истинно «русскими людьми» (*Вяткин, 1974: 129-130*).

В то же время нельзя не отметить, что, делая ставку на аграрное развитие региона, государственные органы всячески стремились диверсифицировать его экономику за счет освоения других природных ресурсов. На протяжении пореформенного периода продолжалась активная геологоразведывательная работа. С 1855 по 1894 гг. в Семипалатинской области Степного края было открыто 456 рудных месторождений меди, свинца и цинка, каменного угля, в Акмолинской области – 106 месторождений (*Бекмаханов, 1964: 164-165*). В Туркестане активные геологические изыскания подтвердили возможность промышленной добычи нефти, к началу Первой мировой войны на долю которой приходилось около 10 % российской нефтедобычи (*Шайдулов, Лысенко, 2020: 115-129*). Такое положение вполне отвечало геополитическому императиву российской модернизации, коренящемуся в «недостаточной зрелости экономических и культурных предпосылок масштабной модернизации». Последние компенсировались опорой государственных программ модернизации на использование естественных природных богатств, вовлечение в хозяйственный оборот новых прогрессивных видов ресурсов, как правило за счет создания новых территориальных ресурсных баз (*Зубков, 2011: 38*).

Государство осуществляло тщательный контроль за эксплуатацией природных ресурсов центральноазиатских окраин. Для этого здесь был сформирован ряд региональных комитетов Министерства земледелия и государственных имуществ, Министерства промышленности и торговли. По Туркестанскому положению 1886 г. и Степному положению 1891 г. в ведении генерал-

губернаторов находились все земельные ресурсы, «дико растущие леса и заросли», водные системы, оброчные статьи, рыбные промыслы. В структуре областных и губернских правлений состояли чиновники особых поручений по сельскому хозяйству, по лесной части, по горной части, в Туркестане с 1891 г. – по ирригации (РГИА. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 428. Л. 34-35 об.).

Слабое инвестирование в промышленный сектор экономики Степного края и Туркестана мотивировано рядом факторов. Как указывалось выше, при отсутствии необходимых предпосылок модернизации и ее догоняющем характере Россия не имела финансовых возможностей для активного вложения в региональное экономическое развитие. Еще в советской историографии отмечалась зависимость экономики страны от иностранного капитала. В коммерческих кампаниях, созданных в Степном крае и Туркестане для разработки месторождений полезных ископаемых, преобладали иностранные инвесторы (Фридман, 1960). Кроме этого, на протяжении всего пореформенного периода Центрально-Азиатский регион сохранял признаки фронтирности. Так, вплоть до конца правления династии Романовых в административной системе управления Степным краем и Туркестаном сохранялась должность генерал-губернатора, который был наделен неограниченными полномочиями, в значительной степени опирался на личное доверие императора и «в определенном смысле возвышался над существовавшей чиновничьей иерархией» (Ремнев, 2001: 200-212).

Генерал-губернаторы Степного края и Туркестана являлись верховными главнокомандующими всех вооруженных сил в регионе, что подтверждало приверженность политического центра страны геополитическим приоритетам в регионе и, как следствие, курсу на сохранение системы военно-гражданского управления им. Милитаризация существенно влияла на социально-экономическое региональное развитие. В структуре бюджетирования на военные расходы по-прежнему отводилось до 60%. Как отмечает И. Бочкарева, даже развитие «железнодорожного строительства, его темпы, характер финансирования, маршруты дорог – было обусловлено приоритетами политики России в регионе, среди которых военно-стратегические соображения явно доминировали над экономическим развитием»¹. И только построив Закаспийскую, а затем Ташкентскую железные дороги, государство стало использовать железнодорожную сеть «для развития хлопководческой отрасли региона, его превращения в базу хлопководства для нужд российской промышленности» (Бочкарева, 2019: 33-38).

В принятии имперским центром во второй половине XIX – начале XX вв. тех или иных решений, связанных с преобразованиями традиционной системы социокультурных или экономических отношений центральноазиатских окраин всегда учитывался этноконфессиональный фактор. Национально-культурная неоднородность Степного края и Туркестана, преобладание мусульманского населения, близость исламских идеологических центров – Бухарского эмирата и Хивинского ханства, а также пограничье с Сибирью и его бесконечными мусульманскими восстаниями делали их малопривлекательными для российского бизнеса. Только выравнивание этнорелигиозной ситуации в регионе за счет крестьянской аграрной колонизации и увеличения численности русского православного населения могло снять проблему безопасности и устранить у политических кругов ощущение его фронтирности и «далекой национальной окраины».

Необходимо так же отметить, что политическая элита России осознавала асимметричность социально-экономического развития национальных регионов. На пути их выравнивания объективно происходило формирование национальных и региональных экономических сообществ (национальной буржуазии, интеллигенции), которые выступали с собственными проектами развития региона, часто не совпадавшими с планами центра. Как только окраина начинала проявлять признаки роста, одновременно возникали и признаки центробежных тенденций (Правилова, 2006: 4-6). Это противоречило концепции модернизации рубежа XIX–XX вв., направленной на интеграцию российского социума и создание российской нации. Искусственно сдерживая экономическое развитие Степного края и Туркестана, поддерживая архаичность их экономики, империя устраняла угрозу распада страны.

5. Заключение

Таким образом, в пореформенный период политическое руководство России оказалось перед необходимостью пересмотра традиционных принципов имперской политики, связанных с удовлетворением исключительно геополитических интересов. В условиях многонациональности страны, цивилизационной и социально-экономической асимметричности этнорегионов более рациональным признавался переход к решению внутренних задач, направленных на интеграцию и унификацию имперского пространства, повышение экономической рентабельности региональных экономик.

¹ При финансовой поддержке государства в 70–80-е гг. XIX в. в регионе была проложена первая Оренбургская железная дорога, связавшая Тургайскую область и Оренбург с Центральной Россией. В 1891–1893 гг. началось строительство линии Покровская слобода – Уральск, в 1897 г. – линии Урбах – Астрахань. В этот же период была введена в эксплуатацию Закаспийская железная дорога, а в начале XX в. – Транссибирская магистраль и Оренбургско-Ташкентская железная дорога.

Восприятие экономики центральноазиатских окраин России имперской политической элитой как архаической оказывало существенное влияние на оценку, подходы и конкретное содержание планов регионального развития. Степной край и Туркестан в силу особенностей цивилизационного развития и связанного с ним низкого развития производительных сил в пореформенный период выступили как регионы, экономика которых оказалась нацеленной на использование исключительно земельных ресурсов и создание зерновых и хлопководческих хозяйств.

Тем не менее, государство прилагало значительные усилия к изучению месторождений полезных ископаемых центральноазиатских окраин, вводу в эксплуатацию некоторых из них. В результате экономика региона стала диверсифицированной, получили развитие новые отрасли добывающей и перерабатывающей промышленности. Препятствием на пути полномасштабной индустриализации Степного края и Туркестана выступал ряд обстоятельств: фронтирность территории и, как следствие, дилемма центральных и региональных органов власти в вопросе о приоритетности внешней экспансии или внутреннего развития; сложная этноконфессиональная ситуация, связанная с «исламским фактором» и возможностью угроз присутствию России в регионе; искусственное сдерживание имперскими кругами модернизационных процессов для предотвращения роста национальных идеологий; отсутствие у государства и предпринимателей финансовых возможностей для активного инвестирования.

Литература

- Аминов, 1959** – Аминов А.М. Экономическое развитие Средней Азии. Ташкент, 1959. 298 с.
- Бекмаханов, 1964** – Бекмаханов Е.Б. Цветная металлургия и горное дело дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1964. 378 с.
- Бочкарева, 2019** – Бочкарева И.Б. Железнодорожное строительство в стратегии Российской империи по освоению Туркестана // *Известия Алтайского государственного университета*. 2019. № 5 (109). С. 33-38.
- Галузо, 1965** – Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. Алма-Ата, 1965. 344 с.
- Гершенкрон, 2015** – Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. М., 2015. 534 с.
- Вяткин, 1974** – Вяткин М.П. Социально-экономическое развитие Средней Азии. Историко-географический очерк. Фрунзе, 1974. 262 с.
- Зубков, 2011** – Зубков К.И. Геополитическая арена российской модернизации XVIII–XX вв. // *Модернизация в цивилизационном контексте: российский опыт перехода от традиционного к современному обществу*. Екатеринбург, 2011. С. 29-47.
- Каппелер, 2000** – Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000. 342 с.
- Красовский, 1868** – Красовский П.Н. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. Часть 2. СПб., 1868. 498 с.
- Лаврентьев, 1930** – Лаврентьев В. Капитализм в Туркестане. М., 1930. 160 с.
- Лапина, Лелюхина, 2001** – Лапина С.Н., Лелюхина Н.Д. Государственная собственность России: некоторые исторические уроки // *Собственность в XX столетии: К 80-летию акад. В.А. Виноградова*. М., 2001. С. 216-233.
- Лысенко, 2019** – Лысенко Ю.А. Акторы социально-экономической модернизации Центрально-Азиатского региона Российской империи (вторая половина XIX – начало XX вв.) / *Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв.: Сборник научных трудов международного семинара*. Алма-Ата, 2019. С. 40-57.
- Масанов, 1984** – Масанов Н.Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX веков. Алма-Ата, 1984. 176 с.
- Моисеев, 1991** – Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи. XVII–XVIII вв. Алма-Ата, 1991. 238 с.
- Мусульманская Средняя Азия..., 2004** – Мусульманская Средняя Азия. Традиционализм и XX век. М., 2004. 281 с.
- Побережников, 2006** – Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006. 237 с.
- Побережников, 2011** – Побережников И.В. Фронтальная модернизация в контексте российской цивилизации // *Модернизация в цивилизационном контексте: российский опыт перехода от традиционного к современному обществу*. Екатеринбург, 2011. С. 47-62.
- Правилова, 2006** – Правилова Е.А. Финансы империи: деньги и власть в политике России на нац. окраинах, 1801–1917. М., 2006. 453 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Ремнев, 2001** – Ремнев А.В. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // *Эволюция административного устройства и управления в России: историческая ретроспектива и современность*. Екатеринбург. 2001. С. 200-212.

[Сенявский, 2008](#) – *Сенявский А.С.* Российский исторический процесс во второй половине XIX–XX вв.: проблемы концептуального осмысления // *Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития.* Екатеринбург, 2008. С. 594–602.

[Суворов, 1962](#) – *Суворов В.А.* Историко-экономический очерк развития Туркестана. Ташкент, 1962. 172 с.

[Токмурзаев, 2015](#) – *Токмурзаев Б.С.* Аграрная колонизация Степного края в контексте государственной переселенческой политики второй половины XIX – начала XX вв. // *Вестник Томского государственного университета.* 2015. № 1(33). С. 5–8.

[Труды Частного совещания..., 1908](#) – Труды Частного совещания, созванного 20 мая 1907 года степным генерал-губернатором по вопросам о нуждах киргизов Степного края. Омск, 1908. 93 с.

[Фридман, 1960](#) – *Фридман Ц.Я.* Иностраный капитал в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1960. 144 с.

[Центральная Азия..., 2008](#) – Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. 451 с.

[Чуркин, Токмурзаев, 2015](#) – *Чуркин М.К., Токмурзаев Б.С.* Перспективы аграрного освоения территорий степного края в колонизационных планах российской власти во второй половине XIX – начале XX вв. // *Вестник Томского государственного университета.* 2015. № 401. С. 196–207.

[Шайдулов, Лысенко, 2020](#) – *Шайдулов В.Н., Лысенко Ю.А.* Нефть Ферганы: из истории новой отрасли в конце XIX – начале XX в. // *Вопросы истории.* 2020. № 6. С. 115–129.

[Lysenko, 2020](#) – *Lysenko Yu. A.* Taxation System of the Indigenous Population of the Central Asian Suburbs of the Russian Empire and the Problem of Profitability of the Region (70 years of the XIX – early XX century) // *Bylye Gody.* 2020. Vol. 56. Is. 2. Pp. 709–720.

[Morrison, 2011](#) – *Morrison A.S.* Russian Rule in Samarkand 1868–1910. A Comparison with British India. N.Y., 2011. 292 p.

[Shayakhmetov et al., 2019](#) – *Shayakhmetov Nurbek U., Mominova Gulnar T., Omirbekova Janagul M., Maibalaeva Aizhan A.* Kazakh Steppe as a Historical Geographic Phenomenon in the Works of Russian Scientists of the XVIII century // *Bylye Gody.* 2019 Vol. 54. Is. 4. pp. 1439–1450.

References

[Aminov, 1959](#) – *Aminov A.M.* (1959). Ekonomicheskoe razvitie Srednej Azii. [Economic development of Central Asia]. Tashkent. P. 298. [in Russian]

[Bekmahanov, 1964](#) – *Bekmahanov E.B.* (1964). Cvetnaya metallurgiya i gornoe delo dorevolucionnogo Kazakhstana. [Non-ferrous metallurgy and mining of pre-revolutionary Kazakhstan]. Alma-Ata. P. 378. [in Russian]

[Bochkareva, 2019](#) – *Bochkareva I.B.* (2019). Zheleznodorozhnoe stroitel'stvo v strategii Rossijskoj imperii po osvoeniyu Turkestana. [Railway construction in the strategy of the Russian Empire for the development of Turkestan]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta.* № 5(109). Pp. 33–38. [in Russian]

[Central'naya Aziya ..., 2008](#) – Central'naya Aziya v sostave Rossijskoj imperii. [Central Asia within the Russian Empire]. Moscow, 2008. P. 451. [in Russian]

[Churkin, Tokmurzaev, 2015](#) – *Churkin M.K., Tokmurzaev B.S.* (2015). Perspektivy agrarnogo osvoeniya territorij stepnogo kraja v kolonizacionnyh planah rossijskoj vlasti vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Prospects for the agrarian development of the territories of the steppe region in the colonization plans of the Russian government in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.* № 401. Pp. 196–207. [in Russian]

[Fridman, 1960](#) – *Fridman C.Ya.* (1960). Inostrannyj kapital v dorevolucionnom Kazakhstane [Foreign capital in pre-revolutionary Kazakhstan]. Alma-Ata. P. 144. [in Russian]

[Galuzo, 1965](#) – *Galuzo P.G.* (1965). Agrarnye otnosheniya na yuge Kazakhstana v 1867–1914 gg. [Agrarian relations in the south of Kazakhstan in 1867–1914]. Alma-Ata. P. 344. [in Russian]

[Gershenkron, 2015](#) – *Gershenkron A.* (2015). Ekonomicheskaya otstalost' v istoricheskoy perspektive. [Economic backwardness in historical perspective]. Moscow. P. 534. [in Russian]

[Kappeler, 2000](#) – *Kappeler A.* (2000). Rossiya – mnogonacional'naya imperiya. [Russia is a multinational empire. Occurrence. History. Decay]. *Vozniknovenie. Istoriya. Raspad.* Moscow. P. 342. [in Russian]

[Krasovskij, 1868](#) – *Krasovskij P.N.* (1868). Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Oblast' sibirskih kirgizov. [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Region of Siberian Kirghiz]. *Chast' 2.* Sant-Peterburg. P. 498. [in Russian]

[Lapina, Lelyuhina, 2001](#) – *Lapina S.N., Lelyuhina N.D.* (2001). Gosudarstvennaya sobstvennost' Rossii: nekotorye istoricheskie uroki. [State Property of Russia: Some Historical Lessons]. *Sobstvennost' v XX stoletii: K 80-letiyu akad. V. A. Vinogradova.* Moscow. Pp. 216–233. [in Russian]

[Lavrent'ev, 1930](#) – *Lavrent'ev V.* (1930). Kapitalizm v Turkestane. [Capitalism in Turkestan]. Moscow. P. 160. [in Russian]

Lysenko, 2019 – *Lysenko Yu.A.* (2019). Aktory social'no-ekonomicheskoy modernizacii central'no-aziatskogo regiona Rossijskoj imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). [Actors of the socio-economic modernization of the Central Asian region of the Russian Empire (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Central'naya Aziya na perekrestke evropejskih i aziatskih politicheskikh interesov: XVIII–XIX vv.: Sbornik nauchnyh trudov mezhdunarodnogo seminaru.* Alma-Ata, 2019. Pp. 40-57. [in Russian]

Lysenko, 2020 – *Lysenko Yu.A.* (2020). Taxation System of the Indigenous Population of the Central Asian Suburbs of the Russian Empire and the Problem of Profitability of the Region (70 years of the XIX – early XX century). *Bylye Gody.* Vol. 56. Is. 2. Pp. 709-720.

Masanov, 1984 – *Masanov N.E.* (1984). Problemy social'no-ekonomicheskoy istorii Kazakhstana na rubezhe XVIII–XIX vekov. [Problems of the socio-economic history of Kazakhstan at the turn of the XVIII–XIX centuries]. Alma-Ata. P. 176. [in Russian]

Moiseev, 1991 – *Moiseev V.A.* (1991). Dzhungarskoe hanstvo i kazahi. XVII–XVIII v. [Dzungar Khanate and Kazakhs. XVII – XVIII centuries]. Alma-Ata. P. 238. [in Russian]

Morrison, 2011 – *Morrison A.S.* (2011). Russian Rule in Samarkand 1868–1910. A Comparison with British India. N.Y. P. 292.

Musul'manskaya Srednyaya Aziya..., 2004 – *Musul'manskaya Srednyaya Aziya.* Tradicionalizm i XX vek [Muslim Central Asia. Traditionalism and the 20th century]. Moskva, 2004. P. 281. [in Russian]

Poberezhnikov, 2006 – *Poberezhnikov I.V.* (2006). Perehodka ot tradicionnogo k industrial'nomu obshchestvu: teoretiko-metodologicheskie problemy modernizacii. [Transition from traditional to industrial society: theoretical and methodological problems of modernization]. Moskva. P. 237. [in Russian]

Poberezhnikov, 2011 – *Poberezhnikov I.V.* (2011). Frontir'naya modernizaciya v kontekste rossijskoj civilizacii. [Front-line modernization in the context of Russian civilization]. Modernizaciya v civilizacionnom kontekste: rossijskij opyt perekhoda ot tradicionnogo k sovremennomu obshchestvu. Ekaterinburg. Pp. 47-62. [in Russian]

Pravilova, 2006 – *Pravilova E.A.* (2006). Finansy imperii: den'gi i vlast' v politike Rossii na nac. Okrainah, 1801–1917. [Empire Finance: Money and Power in Russian Politics outskirts, 1801–1917]. Moskva. P. 453. [in Russian]

Remnev, 2001 – *Remnev A.V.* (2001). General-gubernatorskaya vlast' v XIX stoletii. K probleme organizacii regional'nogo upravleniya Rossijskoj imperii. [Governor-General in the 19th century. On the problem of organizing regional administration of the Russian Empire]. Evolyuciya administrativnogo ustrojstva i upravleniya v Rossii: istoricheskaya retrospektiva i sovremennost'. Ekaterinburg. Pp. 200-212. [in Russian]

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archives]. [in Russian]

Senyavskij, 2008 – *Senyavskij A.S.* (2008). Rossijskij istoricheskij process vo vtoroj polovine XIX–XX vv.: problemy konceptual'nogo osmysleniya. [Russian historical process in the second half of the XIX–XX centuries: problems of conceptual comprehension]. Rossiya mezhdru proshlym i budushchim: istoricheskij opyt nacional'nogo razvitiya. Ekaterinburg. Pp. 594-602. [in Russian]

Shajdurov, Lysenko, 2020 – *Shajdurov V.N., Lysenko Yu.A.* (2020). Neft' Fergany: iz istorii novoj otrasli v konce XIX – nachale XX v. [Fergana oil: from the history of a new industry in the late 19th – early 20th centuries]. *Voprosy istorii.* № 6. Pp. 115-129. [in Russian]

Shayakhmetov et al., 2019 – *Shayakhmetov N.U., Mominova G.T., Omirbekova J.M., Maibalaeva A.A.* (2019). Kazakh Steppe as a Historical Geographic Phenomenon in the Works of Russian Scientists of the XVIII century. *Bylye Gody.* Vol. 54. Is. 4. Pp. 1439-1450.

Suvorov, 1962 – *Suvorov V.A.* (1962). Istoriko-ekonomicheskij ocherk razvitiya Turkestana. [Historical and economic sketch of the development of Turkestan]. Tashkent. P. 172. [in Russian]

Tokmurzaev, 2015 – *Tokmurzaev B.S.* (2016). Agrarnaya kolonizaciya Stepnogo kraja v kontekste gosudarstvennoj pereselencheskoj politiki vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. [Agrarian colonization of the Steppe region in the context of the state resettlement policy of the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2015. № 1(33). Pp. 5–8. [in Russian]

Trudy Chastnogo soveshchaniya ..., 1908 – *Trudy Chastnogo soveshchaniya, sozvannogo 20 maya 1907 goda stepnym general-gubernatorom po voprosam o nuzhdah kirgizov Stepnogo kraja.* [Proceedings of a Private Meeting convened on May 20, 1907 by the Steppe Governor-General on the needs of the Kyrgyz of the Steppe Territory]. Omsk. P. 93. [in Russian]

Vyatkin, 1974 – *Vyatkin M.P.* (1974). Social'no-ekonomicheskoe razvitie Srednej Azii. Istoriograficheskij ocherk. [Social and economic development of Central Asia. Historiographic sketch]. Frunze. P. 262. [in Russian]

Zubkov, 2011 – *Zubkov K.I.* (2011). Geopoliticheskaya arena rossijskoj modernizacii XVIII–XX vv. [The geopolitical arena of Russian modernization in the 18th – 20th centuries]. Modernizaciya v civilizacionnom kontekste: rossijskij opyt perekhoda ot tradicionnogo k sovremennomu obshchestvu. Ekaterinburg. Pp. 29-47. [in Russian]

Природно-ресурсный потенциал регионального развития центральноазиатских окраин в планах имперской политической элиты России (вторая половина XIX – начало XX вв.)Юлия Александровна Лысенко ^{a, b, c, *}^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе нормативно-правовых актов и делопроизводственной документации анализируются планы имперской политической элиты в вопросе использования природно-ресурсного потенциала центральноазиатских окраин в пореформенный период. Выявлено, что к 60 гг. XIX в. политическое руководство России оказалось перед необходимостью пересмотра традиционных принципов имперской политики, связанных с удовлетворением исключительно геополитических интересов. В условиях многонациональности страны, цивилизационной и социально-экономической асимметричности этнорегионов, более рациональным признавался переход к решению внутренних задач, направленных на интеграцию и унификацию имперского пространства, повышение рентабельности региональных экономик. Имея объективные представления о природно-ресурсном потенциале Степного края и Туркестана, значительном количестве меднорудных, нефтяных, золотоносных и угольных месторождений, государство пошло по пути использования в период модернизации исключительно земельных пространств и создания зерновых и хлопководческих хозяйств.

Препятствием на пути полномасштабной индустриализации центральноазиатских окраин выступал ряд обстоятельств: фронтирность территории и, как следствие, дилемма центральных и региональных органов власти в вопросе о приоритетности внешней экспансии или внутреннего развития; сложная этноконфессиональная ситуация, связанная с «исламским фактором» и возможностью угроз присутствию России в регионе; искусственное сдерживание имперскими кругами модернизационных процессов для предотвращения роста национальных идеологий; отсутствие у государства и предпринимателей финансовых возможностей для активного инвестирования.

Ключевые слова: Российская империя, Степной край, Туркестан, фронтир, регион, модернизация, промышленность, аграрное производство, переселение.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iulia_199674@mail.ru (Ю.А. Лысенко)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1168-1177. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1168
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

“Turned the Ruble over the Entire Cossack Economy”: the Evolution of the Don Cossack Households in 1860–1890

Artyom Yu. Peretyatko ^{a,*}

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

Questions about the social status of the Cossacks attracted serious attention of authoritative historians from the Soviet era (only for the Don Host we can distinguish the works of V.A. Zolotov, A.I. Kozlov, V.P. Trut). However, only the period that immediately preceded the 1917 revolution was deeply studied, and the researchers were not able to develop a generally accepted classification system for Cossack households. This article attempts to analyze the previous stage of the evolution of Cossack farms in the years 1860-1890, relying on the methods and approaches proposed by contemporaries (V.Ya. Biryukov, P.G. Mordvintsev, N.A. Maslakovets). The article is based on the works of these authors and materials of the State Archive of the Rostov Region (GARO). The article concluded that the dynamics of the development of Cossack households were determined not by the economic indicators of these farms themselves, but by the policy of the Russian Empire in relation to the Cossacks and the development of military affairs. It was a sharp increase in the cost of equipment and a reduction in the subsidies to Cossacks from military sums in 1870 predetermined the transition of the Cossacks from cattle breeding to agriculture as the main employment. In 1890 these same factors led to the beginning of the depletion of Cossack lands and a serious crisis of the average Cossack households. And the main conclusion of the article is that the classification system of Cossack households cannot be created without taking into account non-economic factors.

Keywords: economic history of the Don, Cossack cattle breeding, Cossack agriculture, N.A. Maslakovets, P.G. Mordvintsev, V.Ya. Biryukov.

1. Введение

Социальное положение российского казачества накануне 1917 г. привлекало внимание многих историков. Современный исследователь В.П. Трут в монографии «Дорогой славы и утрат: казацьи войска в период войн и революций» приводит более десяти оценок социальной дифференциации казаков, предложенных советскими и российскими авторами (Трут, 2007: 84-88). Однако полученные ими результаты совершенно не согласуются между собой, что В.П. Трут связывает с тем, что «различные, подчас противоречивые и спорные выводы по проблеме социальной дифференциации казачества являются прямым следствием не столько ее сложности, хотя она сама по себе достаточно непростая, сколько отсутствием среди исследователей какого-либо общепризнанного подхода к ее разрешению» (Трут, 2007: 87). Действительно, даже если брать только Донское Войско, то доля бедняков в нем будет колебаться от 24,6 % у А.И. Козлова до 57 % у Д.С. Бабичева, а доля кулаков – от 10–15 % у И.П. Борисенко до 30 % у В.А. Золотова (Трут, 2007: 84-88). Отдельного внимания заслуживает то, что историки до сих пор рассматривают социальное положение казачьих хозяйств в статике, а не в динамике. Так, из всех приведенных В.П. Трутом авторов только Д.С. Бабичев обращался к концу XIX в., а все остальные в своих оценках социальной дифференциации казачества заглядывали в прошлое не дальше 1900 гг. (Трут, 2007:

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatto@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

84-88). С нашей точки зрения, попытка изучить экономическое положение казачьих хозяйств в более ранний период давно назрела, причем представляется перспективным сделать это на достаточно длительном хронологическом отрезке, чтобы проследить именно эволюцию социальной дифференциации казачества и выявить влияющие на нее внеэкономические факторы.

Именно подобную попытку мы и планируем предпринять в своей статье, избрав для изучения одно из казачьих войск, Донское Войско второй половины XIX в.

2. Материалы и методы

К сожалению, как раз статистические источники по истории Донского края, на которые сейчас обычно опираются, исследуя социальное положение казачества, не вызвали особого доверия у современников. Вот как отзывались о них члены специальной комиссии, изучавшей в 1899 г. причины обеднения донского казачества, так называемой комиссии Н.А. Маслаковца: «Всякого рода цифровые сведения, собираемые станичными и хуторскими правлениями по приказанию начальства, в особенности, если срок для их представления не велик, не имеют действительной статистической ценности и во всяком случае не могут служить основанием для решающих выводов серьезных экономических вопросов» (*Протоколы...*, 1899: 156). Поэтому мы в своей статье будем обращаться не к официальным статистическим сведениям, но к авторским исследованиям и личным наблюдениям конкретных лиц. Конечно, может возникнуть вопрос о том, насколько допустимо распространять сделанные на основании такой информации выводы на все донское казачество. Однако крупнейший донской статистик второй половины XIX в., Н.И. Краснов, был сторонником как раз подобного метода статистического исследования. Указывая на невозможность собрать сколько-либо удовлетворительные статистические данные по всему Донскому Войску, он предлагал вместо этого «собирать данные <...> в наиболее видных пунктах и, выведя из них процентные содержания, применять их ко всей области» (*ГАРО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 1. Л. 303 об.*). И, независимо от Н.И. Краснова, комиссия Н.А. Маслаковца в своих исследованиях пошла именно этим путем: вместо изучения положения казачьих хозяйств по всему войску, были выбраны 10 наиболее репрезентативных станиц, и на их основании сделана оценка социального положения донских казаков (*Протоколы...*, 1899: 106).

Заслуживает внимания и еще одна идея комиссии. Дело в том, что само понятие «бедных», «средних» и «богатых» казачьих хозяйств трактовалось разными авторами совершенно по-разному. Здесь уместно снова сослаться на В.П. Трута, отмечавшего, что исследователи обычно оценивали богатство казачьего хозяйства по количеству скота и сельскохозяйственного инвентаря, хотя даже их полное отсутствие не мешало «заниматься садоводством или виноградарством и получать доходы, превосходящие средний уровень» (*Трут, 2007: 87-88*). Между тем Н.А. Маслаковец, опытный чиновник, всю жизнь прослуживший в гражданском управлении казачьих войск, предложил принципиально иной способ деления казачьих хозяйств, хотя самих слов «бедные», «средние» и «богатые» он не использовал. Вместо этого он предлагал разделить казачество на три группы, причем в первую группу хозяйств должны были относиться те, которые могли «выставлять в совершенно исправном виде одного из своих членов на действительную службу», не разоряясь от этого; во вторую – те, которые «теряли хозяйственную устойчивость при всяком обстоятельстве, выходящем из среды обыкновенных житейских потребностей»; а в третью – те, которые «за редкими лишь исключениями являлись постоянными должниками станичного общества за снаряжение их при выходе на действительную службу» (*Маслаковец, 1899а: 46*). Таким образом, Н.А. Маслаковец предлагал оценивать не абсолютную зажиточность казачьего хозяйства, но его относительную дееспособность к отбытию важнейшей государственной повинности, военной службы. При этом следовало учитывать, что стоимость этой службы не была величиной постоянной, и только прямые расходы на покупку казаком амуниции и строевого коня в 1860–1890 гг. выросли примерно втрое, с 70–100 руб. до 250–300 руб. (*Перетяцько, 2018: 164*)! Нетрудно понять, что условное казачье хозяйство, способное выделить около 100 руб. на снаряжение на службу, в 1860 гг. было бы отнесено по классификации Н.А. Маслаковца к первой группе, а в 1890 гг. безнадежно скатилось бы к третьей. Но с учетом специфики казачьего быта эта относительность результатов кажется нам большим плюсом данной классификации, поскольку очевидно, что, по мере удорожания казачьей службы, абсолютные критерии «бедности» и «богатства» казачьих хозяйств пришлось бы корректировать. Поэтому в мы будем использовать именно классификацию Н.А. Маслаковца, для краткости именуя хозяйства его первой группы богатыми, второй группы – средними и третьей группы – бедными.

Основу данного исследования составят работы трех авторов, в конце XIX в. не только пытавшихся понять, как выглядит среднее казачье хозяйство, но и предложивших первые модели такого хозяйства: работы В.Я. Бирюкова, П.Г. Мордвинцева и Н.А. Маслаковца. Нами так же будут использоваться более общие работы по донской статистике (Н.И. Краснова и С.Ф. Номикосова) и архивные материалы Государственного архива Ростовской области (ГАРО). Применяя к этим источникам историко-описательный и историко-сравнительный методы, можно проследить эволюцию казачьих хозяйств в 1860–1890 гг.

3. Результаты

До 1870 гг., исходя из классификации Н.А. Маслаковца, бедных хозяйств на Дону не было вовсе. О казачьих семьях, не способных снарядиться на службу самостоятельно, писали уже в начале XIX в., однако их снаряжали не в долг, а под условие исполнения натуральных повинностей в пользу станицы (Захаревич, 2005: 64). Позже вообще было введено специальное вспомоществование неисправным (т.е. неспособным самостоятельно снарядиться на службу) казакам из специально созданного для этого военного капитала и других средств Донского Войска (Маслаковец, 1899а: 41-42; Протоколы..., 1899: 115). Таким образом, еще в середине XIX в. неисправные казаки, по существу, снаряжались за государственный счет, причем либо безвозмездно, либо под условие натуральных повинностей. При этом общая стоимость лошади и снаряжения, как указано выше, не превышала 70–100 руб., а возможность использования вещей, бывших в употреблении и сделанных в собственном хозяйстве, дополнительно сокращала денежные траты. Члены комиссии Н.А. Маслаковца описывали это время следующим образом: «Казак <...> вел типичное натуральное хозяйство. Не имел он повода и не знал нужды в рубле и все существенные потребности как свои, так и основной повинности своей – службы, удовлетворял натуральными средствами своего хозяйства: шел на коне, дома выращенном, с сбруей на нем самодельковой, одетым шел в неприхотливый наряд» (Протоколы, 1899: 100). Поэтому нет ничего удивительного, что еще в 1870 г. Военное министерство так характеризовало положение донского казачества: «Казак живет зажиточно, собственные их постройки, так же как и общественные – в хорошем состоянии, храмы Божии благолепны, вообще нужды в станице не замечается и нищенства не существует» (Протоколы..., 1899: 104). Подобное положение признавали даже оппозиционные правительству авторы, например, донской общественный деятель Х.И. Попов, в 1863 г. сопоставляя казачье население Земли Войска Донского и крестьянское население российских губерний, подчеркивал: «Мы кругом видим у себя общее благосостояние жителей, в большей или меньшей мере для всех равное; если мы не слишком богаты, то и не бедны в сравнении с русскими поселянами» (Х.П., 1863: 3).

Основным занятием донских казаков в это время все еще оставалось скотоводство. В 1863 г. депутаты хоперских станиц прямо писали, что «для пользы целого общества (станичного – А.П.) прежде всего нужны пастбища для табунов» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 15). При этом, по оценке современников, как раз в Хоперском (и Устье-Медведицком) округах Донского Войска было наиболее развито земледелие (Краснов, 1863: 248). Прямо указывал на скотоводство как основной источник благосостояния казачьих станиц и Н.И. Краснов: «И теперь еще скотоводство составляет первенствующую отрасль донского хозяйства, и для простых казаков и небогатых чиновников оно более важно, чем земледелие; ибо от продажи скота получают они главный доход. Казак, снаряжаясь на службу, продает часть воспитанных им животных и за вырученные деньги покупает амуницию, оружие, сбрую, а коня обыкновенно имеет собственного» (Краснов, 1863: 292). Хлебопашеством казаки занимались мало не только из-за отсутствия острой необходимости в этом, но и из презрения к занятию, которое они сами называли «хамским» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 24. Л. 11).

Ситуация начала стремительно меняться в 1870 гг. под воздействием целого ряда факторов. Прежде всего, начала стремительно расти стоимость снаряжения. Из-за повышения требований к нему к началу русско-турецкой войны 1877–1878 гг. выход на службу обходился донскому казаку уже в 150–180 руб. (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 46). При этом было запрещено использовать самодельное и бывшее в употреблении снаряжение (Протоколы, 1899: 34). Казакам срочно потребовались деньги, о чем в протоколах комиссии Н.А. Маслаковца также рассказывалось очень красноречиво: «Но вот просвистел свисток паровоза. Просвистел и новую, могучую струю внес в жизнь и весь уклад казака: в короткий период сознательной жизни человека, его из условий жизни почти номада вдвинул в условия, где с могучей властью командует и все регулирует рубль, к которому нынешний казак в начале своей сознательной жизни относился почти презрительно и который теперь все собой в его жизни определяет. Перевернул этот рубль все казачье хозяйство; заставил его отделиться от соседа, строго ограничить свое от чужого, заставил и землю разделить, и все помыслы направить к одному себе – рублю. Прежде показателем богатства казачьего служило количество скирд хлеба и скота, теперь же – количество рублей» (Протоколы..., 1899: 100-101). Иными словами, из-за необходимости покупки снаряжения на смену натуральному хозяйству у казаков стало быстро приходиться хозяйство денежное.

С другой стороны, с 1872 г. все денежные средства Донского Войска были слиты в единый войсковой капитал, из которого пособия неисправным казакам могли выдаваться только «с разрешения войскового наказного атамана или войскового штаба, по представлениям атаманов отделов» (О войсковом капитале..., 1871: 56-57). Между тем войсковой штаб все чаще получал сообщения такого, например, содержания: «В недавнем времени Михайловской станицы казак Дмитрий Хоперсков, по состоянию в очередной маршевой команде, был исправлен на станичную сумму, на что затрачено 66 руб.; казак этот, воспользовавшись поездкой в другую станицу, продал и коня, и все воинское снаряжение, деньги растратил, и теперь, к объявленному на днях походу на службу, он явится ни с чем. По здравому смыслу и по желанию общества следовало бы его предать военному суду, но подобное преступление законом не предусмотрено, и казака этого, по неимению

более станичных сумм, придется: или перевести в заднюю очередь, что составит вопиющую несправедливость, или исправить на счет войска. Случай этот не единственный» (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 208 об.-209 об.). Понятно, что в таких условиях войсковые власти все меньше хотели снаряжать казаков за войсковой счет, и выплаты вспомоществований из войскового капитала при выходе на службу сперва были ограничены, а с 1885 г. прекращены вовсе (Маслаковец, 1899а: 41-42; Протоколы..., 1899: 115). Станичные правления к этому времени тоже перешли от натурального хозяйства к денежному и снаряжали казаков в долг, а не под натуральную отработку. Поэтому не удивительно, что именно в 1870 гг. в Донском Войске появилось множество экономически недееспособных казаков, «постоянных должников станичного общества за снаряжение их при выходе на действительную службу».

В ходе мобилизации во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. из 17 659 казаков второй очереди финансовая помощь потребовалась 6 013, или 34 % (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 46). Любопытно, что о 35 % неспособных самостоятельно снарядиться на службу казаков в это время говорил и атаман 2 отдела области Войска Донского (он же относил к богатым 25 % казачьего населения) (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 185 об.-186 об.). От станиц и войска неисправные казаки получили 214 386 руб. 23 коп. (ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85. Л. 46). Таким образом, уже к концу 1870 гг. больше 1/3 казаков были бедными по классификации Н.А. Маслаковца! Кстати, именно он, занимавший в конце 1870 гг. должность помощника донского атамана, первым обратил внимание на один важный феномен: благосостояние донских казаков и их готовность самостоятельно снарядиться на службу напрямую зависели от «сельскохозяйственной производительности», соотношения в казачьем хозяйстве скотоводства и более экономически эффективного земледелия (Маслаковец, 1880: 84). Эту мысль Н.А. Маслаковец иллюстрировал следующей красноречивой таблицей:

Таблица 1. Соотношение финансовой помощи на душу мобилизуемого казака с некоторыми экономико-статистическими показателями в военных отделах области Войска Донского (1877–1878 гг.)

Отдел	Средняя цифра пособий	Душевой надел	Размер запасек на среднюю семью
1 военный отдел	24 руб. 33 коп. на казака	До 23 десятин	До 2 1/2 десятин
2 военный отдел	5 руб. 9 коп. на казака	До 16,6 десятин	До 6 1/2 десятин
3 военный отдел	5 руб. 6 коп. на казака	До 19,9 десятин	До 5 десятин
4 военный отдел	2 руб. 80 коп. на казака	До 19,3 десятин	До 6 1/2 десятин
5 военный отдел	3 руб. 55 коп. на казака	До 17,6 десятин	До 8 десятин

Источник: Маслаковец Н.А. Объяснительная записка к вопросу о применении к области Войска Донского земской реформы на основаниях, соответствующих местным условиям края и бытовым особенностям главной (казачьей) массы ее населения. Новочеркасск, 1880. С. 83-84.

Как нетрудно заметить, непропорционально большая задолженность за помощь при снаряжении на службу была характерна для 1 военного отдела области Войска Донского, на территории которого земледелие было развито слабее всего. Н.А. Маслаковец пошел еще дальше и попытался сопоставить эффективность земледелия казачьих хозяйств нескольких округов, в том числе преимущественно скотоводческого Черкасского округа (1 военный отдел) и Хоперского округа (5 военный отдел), в котором было сильнее всего развито земледелие из всех казачьих территорий области Войска Донского.

Разумеется, помимо земледелия, казаки занимались и другими промыслами, в частности, в Черкасском округе были наиболее развиты «рыболовство, прасольство, горный промысел, торговля, писарство и др.» (Маслаковец, 1880: 21). Как мы увидим ниже, скотоводство как подсобный вид занятий донских казаков сохранило значение до самого конца XIX в. Однако Н.А. Маслаковец вполне резонно отмечал, что именно земледелие в перспективе могло принести донским казакам наибольший доход. По его мнению, если бы семейство указанного им состава качественно обрабатывало 12 десятин земли, его доход в среднеурожайный год достигал бы 160 руб. (Маслаковец, 1880: 27)! Каждая дополнительно запаханная десятина резко повышала доходность казачьего хозяйства, и, соответственно, для того, чтобы остановить обеднение казачества, было необходимо, чтобы сами казаки перешли от скотоводства к земледелию как к основному источнику своего благосостояния.

Таблица 2. Среднее казачье хозяйство 1880 г., по: Н.А. Маслаковцу (с дифференциацией по округам)

	Черкасский	Усть-Медведицкий	Хоперский
Состав	2 взрослых казаков, 2 подростков, 2 детей		
Площадь надела	72 дес.	50 дес.	58 дес.
Площадь запашки	2,5 дес.	6,5 дес.	8 дес.
Лошадей	0,8	1,3	1,4
Пар волов	1,1	1,7	1,3
Годовая потребность в зерне	24 четв.		
Годовой урожай зерна	11,5 четв. (48 % от потребности)	29,25 четв. (121,9 % от потребности)	36 четв. (150 от потребности)
Годовой доход от земледелия (рассчетный)	- 125 руб.	52 руб. 50 коп.	120 руб.

Источник: Маслаковец Н.А. Объяснительная записка к вопросу о применении к области Войска Донского земской реформы на основаниях, соответствующих местным условиям края и бытовым особенностям главной (казачьей) массы ее населения. Новочеркасск, 1880. С. 17-27.

И этот переход действительно произошел. В комиссии Н.А. Маслаковца доклад о экономическом состоянии казачества готовил П.Г. Мордвинцев, оппозиционно настроенный по отношению к председателю и даже выступавший с его персональной критикой ([Протоколы.., 1899: 173-177](#)). Тем не менее и он писал о 1870 гг. дословно следующее: «В 70 году размер посевов хлеба на семью равнялся 5 десятинам, а в настоящее время размер этого посева поднялся до 12 десятин на семью. Это увеличение количества посевной площади только подтверждает свидетельствованный членами комиссии факт еще не завершившегося перехода в 70 годах в системе казачьего хозяйства – от скотоводственной к форме, в основу которой легла зерновая система хозяйства» ([Протоколы..., 1899: 174](#)). Существуют и иные источники, подтверждающие, что переход от скотоводства к земледелию как основному занятию казачьих хозяйств действительно приходился на 1870 гг. Во всяком случае секретарь Новочеркасского статистического комитета С.Ф. Номикосов в 1884 г. уже писал, что на Дону «земледелие есть господствующее занятие жителей» ([Номикосов, 1884: 370](#)). По его сведениям, в станицах под пашни отводилось 14–20 % земли ([Номикосов, 1884: 371](#)). Однако скотоводство все еще играло важную роль, которую С.Ф. Номикосов характеризовал так: «На счет доходов со скота казак снаряжается на службу, и эти же доходы помогают всему населению области переживать бедствия неурожайных лет. Домашний скот – это запасной капитал земледельца области, капитал, увеличивающийся, то уменьшающийся, смотря по степени урожайности хлебов» ([Номикосов, 1884: 432](#)). Более того, доля земель, использовавшихся под пастбища, в казачьих хозяйствах превышала 40 % и была больше доли, отведенной под пашни ([Номикосов, 1884: 371-372](#)). Судя по всему, если в 1860 гг. скотоводство кормило казаков, то в 1870–1890 гг. хлеб насыщенный им уже давало земледелие, но скот оставался основным источником денежного заработка.

Между тем стоимость коня и снаряжения продолжала расти, и к концу 1890 гг. выход на службу обходился донскому казаку в 250–300 руб., еще дороже, чем в 1870 гг. При этом была существенно усовершенствована система контроля над готовящимися к службе казаками. Администрация донского атамана Н.А. Святополк-Мирского даже ставила себе в заслугу то, что ей удалось добиться «добавления к комплекту офицеров донских казачьих полков потребного числа офицеров для формирования в военное время казачьих дивизий из льготных полков» ([ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3216. Л. 40б.](#)). По мнению донского общественного деятеля В.Я. Бирюкова, на практике это привело к тому, что на Дону появилось «89 человек, главная и почти исключительная обязанность которых – наблюдать за исправным снаряжением казаков на службу и проверять боевую готовность льготных частей» ([Протоколы..., 1899: 119](#)). При этом не только были прекращены выплаты вспомоществований бедным казакам из войсковых сумм, но и изыскивались новые и новые способы заставить их каким-то образом компенсировать станичные расходы по снаряжению на службу. Апофеоза подобная правительственная политика достигла с принятием «Положения об общественном управлении станиц казачьих войск, Высочайше утвержденного 3 июня 1891 года», одна из статей которого формулировалась следующим образом: «В отношении отдельных членов станичного общества, замеченных в расточительности и неисправно отбывающих воинскую, земскую и станичные повинности или являющихся неисправными плательщиками лежащих на них долгов в войсковые и общественные суммы станичный сбор имеет право принимать следующие меры: 1) распоряжаться доходом с принадлежащего сим лицам недвижимого имущества; 2) отдавать их в посторонние заработки и распоряжаться выработанными ими суммами; 3) назначать к ним опекунов; 4) продавать движимое и недвижимое их имущество, согласно статьям 92–96; 5) лишить таких лиц на

известный срок права распоряжения предоставленными им поземельными паями, принимая эти пай в свое распоряжение» (*Положение...*, 1891: 47-48).

«Нередко сводится со двора и продается с аукциона последняя корова или лошадь, отбирается шуба, полости, самовары», – так описывал В.Я. Бирюков деятельность властей по взысканию долгов с казаков, снаряженных на службу за станичный счет (*Протоколы...*, 1899: 119). В этой ситуации казачьи хозяйства, лишённые прежней защиты и поддержки сверху, или адаптировались к новым условиям товарной экономики и земледелия, или разорялись. Ситуацию хорошо понимали уже современники, Н.А. Маслаковец, например, утверждал: донской казак часто разоряется потому, что «не успел как бы следовало ориентироваться в целой массе нахлынувших на него новых нравственных, культурных и служебных условий, с серьезным влиянием которых, как в данном случае и не совсем благоприятных, казаку с его устаревшим мировоззрением и не вполне отвечающим современным обстоятельствам собственным приемам справиться уже очень затруднительно» (*Маслаковец, 1899b: 4*). Соглашался с ним и П.Г. Мордвинцев, сообщавший на этот счет следующее: «Очевидно, казак запутался; очевидно, произошел какой-то резкий перелом в его жизни, который не дал ему ни времени, ни возможности разобраться в новых, надвинувшихся на него условиях, разобраться и последовательно перейти от одной формы хозяйства к другой, логически за ней следующей» (*Протоколы, 1899: 100*).

Как раз П.Г. Мордвинцев и В.Я. Бирюков в 1899 г. разработали собственные модели средних казачьих хозяйств, некоторые их показатели приведены ниже.

Таблица 3. Среднее казачье хозяйство 1899 г., по: П.Г. Мордвинцеву

Состав	4 взрослых казака, 1 подросток, 2 детей
Площадь надела	Более 30 дес.
Площадь запашки	18 дес.
Лошадей	1,88
Пар быков	2
Годовая потребность в зерне	204 пуда
Годовой урожай зерна	330 пудов (161,8 % от потребности)
Годовой доход от земледелия	69 руб. 30 коп.

Источник: Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области. Б.м., 1899. С. 106-109.

Таблица 4. Среднее казачье хозяйство 1899 г., по: В.Я. Бирюкову

Состав	2 взрослых казака, 6 подростков и детей
Площадь надела	-
Площадь запашки	13,39 дес.
Лошадей	2
Пар быков	2
Годовая потребность в зерне	255 пудов
Годовой урожай зерна	366 пудов (143,5 % от потребности)
Годовой доход от земледелия	48 руб. 50 коп.

Источник: Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области. Б.м., 1899. С. 116-117.

Нетрудно заметить, что, если в 1880 г. даже в самом земледельческом Хоперском округе семья запахивала в среднем не более 8 десятин, то к 1899 г. средняя запашка на семью по Донскому Войску превысила 10 десятин, а по оценке П.Г. Мордвинцева, даже простиралась до 18 десятин (впрочем, возможно, здесь он несколько преувеличивал; выше мы приводили другую его цитату, где он утверждал, что семьи донских казаков запахивали в среднем по 12 десятин). Выросла и товарность зерна: если в 1880 г. только в самом земледельческом Хоперском округе производство зерна в среднем хозяйстве достигало 150 % от его собственных потребностей, то к 1899 г. тот же показатель был характерен для всего Донского Войска в целом. Переход от скотоводства к земледелию произошел даже в Черкасском округе, в котором к 1899 г. на казачью душу мужского пола засеивалось 4 десятины (*Протоколы...*, 1899: 144). Таким образом, с карты области Войска Донского быстро исчезали районы, не обеспечивающие себя зерном и вынужденные закупать его на стороне, тратя на это столь необходимые деньги. Вероятно, если бы стоимость снаряжения стабилизировалась на уровне 1870 гг., этого оказалось бы достаточно, и большая часть казачьих хозяйств постепенно вернулась к прежней зажиточности. Подобный вариант развития событий был тем более вероятен, что скотоводство по-прежнему оставалось важной подсобной сферой казачьего хозяйства, и даже в 1899 г. оно играло большую роль в получении казаками денежных доходов, чем земледелие. Так,

по оценке П.Г. Мордвинцева, за продажу скота среднее казачье хозяйство ежегодно получало 95 руб. (Протоколы..., 1899: 109), а по оценке В.Я. Бирюкова – 70 руб. (Протоколы..., 1899: 116). Однако снаряжение, как мы помним, стремительно дорожало, а казачьи хозяйства нуждались в деньгах и для собственных нужд.

Любопытно, что, судя по всему, урезать свои траты в связи с ростом расходов на военную службу казаки не собирались. По данным известного донского статистика И.В. Тимощенко, в 1870 г. в Урюпинской станице благополучнейшего Хоперского округа бедные и средние хозяйства тратили около 150 руб. на 10 человек в год (при этом чистая прибыль среднего хозяйства в этой станице составляла целых 118 руб.) (Луночкин, 2000: 153). В 1899 г. разоряющиеся и впадающие в нищету казачьи хозяйства тратили примерно столько же. Так, средняя казачья семья (в интерпретации П.Г. Мордвинцева) расходовала в год 142 руб. 19 коп. на 7 человек, причем раз в два года покупались три пары праздничных сапог, женщинам ежегодно заказывались новые платья, а 17 руб. 60 коп. вообще шли на «чай, сахар, водку, угощения» (Протоколы..., 1899: 109). Средняя казачья семья (в интерпретации В.Я. Бирюкова) на 8 человек тратила 158 руб. 50 коп., причем 11 руб. 50 коп. отводилось на праздники, а 20 руб. на покупку чая, меда и прочих лакомств (Протоколы..., 1899: 117). В итоге складывалась парадоксальная ситуация: по внешним признакам, по площади запахаиваемых земель и количеству голов скота средние казачьи хозяйства конца XIX в. выглядели достаточно зажиточно, да и жили они, не стесняя себя в расходах. Однако, снаряжая на службу даже одного казака, эти хозяйства «теряли хозяйственную устойчивость», поскольку обеспечить сколько-либо серьезных накоплений им обычно не удавалось (что в общем-то было не удивительно при столь непроизводительных тратах) (Протоколы..., 1899: 109-110, 117).

И в итоге, когда тот же П.Г. Мордвинцев попытался разделить казачьи хозяйства на богатые, средние и бедные, исходя из собственной оригинальной классификации (он ставил во главу угла способность хозяйства к самостоятельной обработке земли), богатыми оказалось 21,6 % хозяйств, средними – 45 % хозяйств, а бедными – 33,4 % хозяйств (Протоколы..., 1899: 108). Н.А. Маслаковец позже совершенно некорректно использовал те же числовые показатели при делении казачества по трем предложенным им группам (Маслаковец, 1899а: 46). Понятно, что из-за неспособности столь значительной части казаков самостоятельно снарядиться на службу, их долги станичным правлениям с каждым годом возрастали и к 1898 г. достигли огромной суммы в 1 141 249 руб. (Протоколы..., 1899: 99). Тем не менее, если просто сравнить доли богатых, средних и бедных хозяйств в 1870 в 1890 гг., может показаться, что значительных изменений не произошло и жалобы донских авторов на обеднение казачества были сильно преувеличены.

Однако на самом деле принятие упомянутого выше «Положения об общественном управлении станиц казачьих войск, Высочайше утвержденного 3 июня 1891 года» значительно ухудшило положение средних хозяйств. Вот как описывал В.Я. Бирюков положение подобного хозяйства, вынужденного выставлять на службу молодого казака: «Громадные затраты даже от среднезажиточной семьи неминуемо потребуют не только особенного напряжения сил семьи, не только сокращения расходов на питание, обувь, одежду, на ремонт сельскохозяйственного инвентаря, но вызывают необходимость в сбыте рабочего скота, быков и лошадей: в счастливом случае обыкновенно после снаряжения казака в полк от четырех рабочих сил останется две, пара быков и одна лошадь» (Протоколы..., 1899: 117). П.Г. Мордвинцев, вполне соглашаясь с этим описанием, напоминал, что от количества рабочего скота зависела площадь обрабатываемой земли, и, с его точки зрения, хозяйство, имеющее меньше трех рабочих сил, неизбежно скатывалось из самостоятельной хозяйственной единицы в «группу чужих работников, выделяющих из себя нищенствующим» (Протоколы..., 1899: 110). Таким образом, после того, как казаки перестали получать вспомоществования при снаряжении на службу, процесс их разорения, очевидно, ускорился, и для адаптации к изменившимся условиям необходимы были новые трансформации казачьих хозяйств.

Между тем даже предыдущая трансформация – переход от скотоводству к земледелию – к концу 1890 гг. не приняла устойчивых форм. Казаки многих станиц впали в крайность: как показала инспекция военного министра А.Н. Куропаткина в 1900 г., они «распахивали под хлеб, без удобрения почвы и не применяя никакой системы севооборота, весь или большую часть своего паевого надела, отчего земля сильно истощалась (курсив А.Н. Куропаткина)» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 23 об.). Страх перед истощением земель быстро принял даже у образованных казаков совершенно фантастические формы: так, В.Я. Бирюков считал, что еще в первой половине XIX в. средние урожаи на Дону составляли сам-20 и сам-30, однако затем началось стремительное падение урожайности (Протоколы..., 1899: 115). На самом же деле, с 1820 гг., когда средние донские урожаи не превышали сам-4 и сам-5 (Сухоруков, 1891: 201-202), до конца столетия ситуация почти не изменилась: в 1893–1898 гг. донские казаки, по данным П.Г. Мордвинцева, все еще собирали урожаи в сам-4,2 для озимых и сам-4,9 для яровых (Протоколы..., 1899: 108). Таким образом, земля еще оставалась достаточно плодородной (по крайней мере, прогресс в методах землепользования не отставал от истощения земли), но было неизвестно, сколько времени она останется таковой при все более хищнической эксплуатации.

Впрочем, и власти, и либеральные донские деятели хорошо понимали, за счет чего можно было помочь казакам улучшить свое материальное положение. Как писал В.Я. Бирюков, «если прежде главным залогом прочного благосостояния казаков было – обилие и плодородие земли (а не питейный доход, удовлетворявший тогда только незатейливые общественные и земские повинности и выручавший казака в несчастных случаях), то теперь таковым может быть только личный, постоянно-упорный и свободный труд казака и усовершенствование этого труда» (Бирюков, 1899: 13). Н.А. Маслаковец, совершенно иначе расставляя акценты, по существу, говорил о том же самом: «Пора же наконец казакам, особенно южных округов области, оставить легкий, пассивный образ косного существования, поддерживаемый сдачей земель в арендное содержание, вступить на серьезный, освященный знанием и опытом путь личной инициативы и активной деятельности в сфере эксплуатации окружающих их естественных богатств природы. <...>. Но казаку до всего этого самому не додуматься и не достигнуть. Ему необходимы: пример, нравственная и экономическая помощь и надлежащие указания начальства» (Протоколы..., 1899: 153). Если в 1870–1890 гг. власти надеялись, что казаки каким-то образом сами адаптируются к экономическим изменениям, к переходу от скотоводства к земледелию и от натуральной экономики к экономике товарной, то с 1899 г. положение изменилось, и государство решило активно вмешиваться в адаптацию казачьих хозяйств к изменившимся условиям.

4. Заключение

Настало время подвести некоторые итоги. Мы должны констатировать, что степень зажиточности донских казачьих хозяйств определялась целым комплексом факторов, в числе которых экономические показатели самого хозяйства играли важную, но далеко не определяющую роль. Как минимум, не менее значимым фактором была финансовая поддержка сверху, сначала из войсковых, а затем из станичных сумм: до 1870 гг. неисправные казаки фактически снаряжались за счет войска или станицы, безвозмездно или за натуральную отработку, что в условиях гарантированного наделения казаков землей способствовало поддержанию даже беднейшими из них минимального уровня благосостояния. В результате, несмотря на то, что социальная дифференциация в станицах к этому времени зашла уже достаточно далеко, о настоящей «бедности» отдельных казачьих хозяйств в ту эпоху можно было говорить только с большими оговорками.

Подобная ситуация сравнительного благополучия была разрушена не столько естественными экономическими причинами, сколько как раз тем, что по мере роста стоимости казачьей службы войсковые власти попытались максимально переложить покупку коня и амуниции на счет простых казаков. После того как безвозвратные вспомоществования для выхода на службу были ограничены, очень быстро выяснилось, что около 1/3 казаков не способны снарядиться полностью за свой счет. И снова мы сталкиваемся с любопытной ситуацией: и в 1870 гг., и в 1890 гг. донские авторы говорили примерно об одинаковой доле безусловно бедных казачьих хозяйств (35 % и 33,4 % соответственно). Судя по всему, в эту долю входили, главным образом, батраки («чужие работники» и «нищенствующие», по определению П.Г. Мордвинцева). Не слишком изменилась и доля безусловно богатых хозяйств, способных себе позволить большие траты, связанные с военной службой (25 % и 21,6 % соответственно). Относительная экономическая стабильность была обеспечена адаптацией казаков к изменившимся условиям: фактически за несколько десятилетий скотоводство как преобладающая отрасль экономики было вытеснено земледелием, что позволило получать с меньших земельных наделов большую прибыль. Мобилизация казаков в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. четко показала, что наименьшие долги на покупку снаряжения брались в тех округах, где казаки запахивали больше земли, даже если общая площадь их наделов при этом была относительно небольшой. Первая попытка смоделировать среднее казачье хозяйство, предпринятая в 1880 г. Н.А. Маслаковцем, показала те же результаты: в обычных случаях прибыльными могли быть только казачьи хозяйства, активно занимающиеся земледелием.

Однако к середине 1890 гг. возможности для развития казачьего сельского хозяйства в этом направлении были исчерпаны, поскольку рост запахиваемых площадей начал приводить к истощению земли. С другой стороны, все возрастающая стоимость казачьего снаряжения (другой фактор, влияющий на зажиточность казачества) стала приводить к полному разорению уже не только изначально бедных, но и средних казачьих хозяйств. Новые модели подобных хозяйств, предложенные П.Г. Мордвинцевым и В.Я. Бирюковым, ясно показали причины этого: их годовая прибыль никак не соответствовала стоимости амуниции и боевого коня, и снарядить казака на службу эти хозяйства могли только за счет массовой продажи необходимого в хозяйстве скота и предметов сельхозинвентаря, что неизбежно вело к их обеднению. Окончательный коллапс казачьей экономики сдерживала возможность снарядиться в долг, за счет станичных правлений, однако к 1899 г. финансовые ресурсы этих правлений оказались в значительной степени исчерпаны, а долги им за снаряжение достигли 1 141 249 руб.

И на рубеже XIX–XX вв. чиновники Военного министерства наконец осознали, хотя бы частично, специфику казачьей экономики и поняли, что самостоятельно, без поддержки государства, казакам становится все сложнее сохранять стабильность своих хозяйств в изменившихся условиях.

Именно государственная политика, определявшая объемы финансовой помощи простым казакам и стоимость казачьего снаряжения, оказалась важнее экономической эволюции казачьих хозяйств и не позволила в полной мере проявиться позитивным результатам перехода донских казаков от скотоводства к земледелию. И, вероятно, выработать «общепризнанный подход» к проблеме социальной дифференциации казачества, на отсутствие которого указывал В.П. Трут, удастся не раньше того момента, когда проблемы изменения благосостояния казачьих хозяйств будут рассматриваться историками не только в связи с экономическими факторами, но и с особенностями государственной политики Российской империи и с развитием военного дела.

Литература

Бирюков, 1899 – *Бирюков В.Я.* Доклад члена Комиссии В.Я. Бирюкова о влиянии воинской службы донских казаков на их хозяйственный быт. Новочеркасск, 1899. 13 с.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

Захаревич, 2005 – *Захаревич А.В.* Донские казаки в боях с горцами на Северном Кавказе на начальной фазе оборонительного периода Кавказской войны. Ростов-на-Дону, 2005. 220 с.

Краснов, 1863 – *Краснов Н.И.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. 596 с.

Луночкин, 2000 – *Луночкин А.В.* Хозяйство Хоперского округа в пореформенный период // Казачество: прошлое и настоящее. Волгоград, 2000. С. 146-164.

Маслаковец, 1880 – *Маслаковец Н.А.* Объяснительная записка к вопросу о применении к области Войска Донского земской реформы на основаниях, соответствующих местным условиям края и бытовым особенностям главной (казачьей) массы ее населения. Новочеркасск: Областная Войска Донского типография, 1880. 124 с.

Маслаковец, 1899а – *Маслаковец Н.А.* О занятиях высочайше учрежденной 16-го июня 1898 года Комиссии в области Войска Донского и о достигнутых ею результатах: Доклад состоящего в распоряжении военного министра Генерального штаба генерал-лейтенанта Маслаковца 23 авг. 1899 г. СПб., 1899. 123 с.

Маслаковец, 1899б – *Маслаковец Н.А.* Представленные г. Председателем комиссии соображения по поводу докладов гг. Мордвинцева, Бирюкова и Донцова. Новочеркасск, 1899. 11 с.

Номикосов, 1884 – *Номикосов С.Ф.* Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. 774 с.

О войсковом капитале..., 1871 – О войсковом капитале Войска Донского. СПб., 1871. 92 с.

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

Перетяцько, 2018 – *Перетяцько А.Ю.* О причинах экономического кризиса казачества накануне XX в.: динамика цен на казачье снаряжение в 1860–1890 гг. // Новое прошлое/The New Past. 2018. № 3. С. 156-167.

Положение..., 1891 – Положение об общественном управлении станиц казачьих войск, Высочайше утвержденное 3 июня 1891 года. Новочеркасск, 1891. 51 с.

Протоколы..., 1899 – Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области. Б.м., 1899. 289 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Сухоруков, 1891 – *Сухоруков В.Д.* Статистическое описание Земли Донских казаков, составленное в 1822–1832 годах. Новочеркасск, 1891. 302 с.

Трут, 2007 – *Трут В.П.* Дорогой славы и утрат: казачьи войска в период войн и революций. М., 2007. 539 с.

Х.П., 1863 – *Х.П.* Мысли казака о казачестве по поводу современных слухов // *Донские войсковые ведомости*. 1863. № 20. С. 2-3.

References

Biryukov, 1899 – *Biryukov V.Ya.* (1899). Doklad chlena Komissii V.Ya. Biryukova o vliyaniy voinskoi sluzhby donskikh kazakov na ikh khozyaistvennyi byt [Report of the Commission member V. Ya. Biryukov about the impact of military service of the Don Cossacks to their economic life]. Novocherkassk. P. 13. [in Russian]

ГАРО – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State archive of the Rostov region]. [in Russian]

H.P., 1863 – H.P. Mysli kazaka o kazachestve po povodu sovremennykh sluhov [Thoughts about the Cossacks by Cossack about contemporary rumors]. *Donskie voyskovye vedomosti*. № 20. Pp. 2-3. [in Russian]

Krasnov, 1863 – *Krasnov N.I.* (1863). Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Zemlja vojska Donskogo [Materials for geography and statistics of Russia collected by officers of the General staff. Don Host Oblast]. SPb. P. 596. [in Russian]

Lunochkin, 2000 – *Lunochkin A.V.* (2000). Khozyaistvo Khoperskogo okruga v poreformennyi period [The economy of the Khopersky district in the post-reform period]. Kazachestvo: proshloe i nastoyashchee. Volgograd. Pp. 146-164. [in Russian]

Maslakovets, 1880 – *Maslakovets N.A.* (1880). Ob'yasnitel'naya zapiska k voprosu o primenении k oblasti voiska Donskogo zemskoi reformy na osnovaniyakh, sootvetstvuyushchikh mestnym usloviyam kraya i bytovym osobennostyam glavnoi (kazach'ei) massy ee naseleniya [Explanatory Note about the Question of the Application of the Reform of Zemstvo to the Don Host Oblast on the Grounds Corresponding to the Local Conditions of the Region and the Everyday Peculiarities of the Main (Cossack) Mass of its Population]. Novocherkassk. P. 124. [in Russian]

Maslakovets, 1899a – *Maslakovets N.A.* (1899). O zanyatiyakh vysochaishe uchrezhdennoi 16-go iyunya 1898 goda Komissii v oblasti voiska Donskogo i o dostignutykh eyu rezul'tatakh: Doklad sostoyashchego v rasporyazhenii voennogo ministra General'nogo shtaba general-leitenanta Maslakovtsa 23 avg. 1899 g. [About the activity of the Commission in Don Cossack Hosts which was supreme approved on June 16 1898 and about its results: Report of the Lieutenant-General of the General Staff Maslakovets, which is the order of the War Minister. Aug. 23 1899]. SPb. P. 123. [in Russian]

Maslakovets, 1899b – *Maslakovets N.A.* (1899). Predstavlennye g. Predsedatelem komissii soobrazheniya po povodu dokladov gg. Mordvintseva, Biryukova i Dontsova. [Submitted by the Chairman of the Commission considerations of reports of Mordvintsev, Biryukov and Dontsov]. Novocherkassk. P. 11. [in Russian]

Nomikosov, 1884 – *Nomikosov S.F.* (1884). Statisticheskoe opisanie Oblasti Voiska Donskogo [Statistical description of the Don Host Oblast]. Novocherkassk. P. 774. [in Russian]

O voiskovom..., 1871 – O voiskovom kapitale Voiska Donskogo [About the military capital of the Don Host]. SPb. P. 92. [in Russian]

OR RNB – Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki [Department of manuscripts of Russian national library].

Peretyatko, 2018 – *Peretyatko A.Y.* (2018). O prichinakh ekonomicheskogo krizisa kazachestva nakanune XX v.: dinamika tsen na kazach'e snaryazhenie v 1860-1890 gg. [About the causes of the economic crisis of the Cossacks on the eve of the XX century: the dynamics of prices for Cossack equipment in the 1860-1890]. *The New Past*. № 3. Pp. 156-167. [in Russian]

Polozhenie..., 1891 – Polozhenie ob obshchestvennom upravlenii stanits kazach'ikh voisk, Vysochaishe utverzhdennoe 3 iyunya 1891 goda [Regulations about the public administration of the villages of Cossack Hosts, Highest approved on June 3, 1891]. Novocherkassk. P. 51. [in Russian]

Protokoly..., 1899 – Protokoly Komissii po issledovaniyu nuzhd kazach'ego naseleniya Donskoi oblasti [Logs of the Commission for the Study of needs of the Cossack Population of the Don Region]. Bez mesta. 1899. P. 289 [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive]. [in Russian]

Sukhorukov, 1891 – *Sukhorukov V.D.* (1891). Statisticheskoe opisanie Zemli Donskikh kazakov, sostavlennoe v 1822-1832 godakh [Statistical description of the Don Host Oblast, compiled in 1822-1832]. Novocherkassk. P. 302 [in Russian]

Trut, 2007 – *Trut V.P.* (2007). Dorogoi slavy i utrat: kazach'i voiska v period voin i revolyutsii [The road of glory and loss: Cossack Hosts in the period of wars and revolutions]. M. P. 593. [in Russian]

Zakharevich, 2005 – *Zakharevich A.V.* (2005). Donskie kazaki v boyakh s gortsami na Severnom Kavkaze na nachal'noi faze oboronitel'nogo perioda Kavkazskoi voiny [Don Cossacks in battles with mountaineers in the North Caucasus during the initial phase of the defensive period of the Caucasian War]. Rostov-on-Don. P. 220. [in Russian]

«Перевернул этот рубль все казачье хозяйство»: эволюция донских казачьих хозяйств в 1860–1890 гг.

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, *}

^a Международнyй сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственнyй университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. С советских времен вопросы социального положения казачества привлекали серьезное внимание авторитетных историков (только для Донского Войска можно выделить работы В.А. Золотова, А.И. Козлова, В.П. Трута). Однако рассматривался преимущественно период, непосредственно предшествовавший революции 1917 г., причем исследователям не удалось разработать даже общепринятой системы классификации казачьих хозяйств. В данной статье предпринимается попытка проанализировать предыдущий этап эволюции казачьих хозяйств, пришедшийся на 1860–1890 гг., причем с опорой на методики и подходы, предложенные современниками (В.Я. Бирюковым, П.Г. Мордвинцевым, Н.А. Маслаковцем). На основании работ

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)

этих авторов и материалов Государственного архива Ростовской области (ГАРО) в статье сделан вывод, что на динамику развития казачьих хозяйств определяющее влияние оказывали не экономические показатели самих этих хозяйств, но политика Российской империи по отношению к казачеству и развитие военного дела. Именно резкий рост стоимости снаряжения и сокращение вспомоществований казакам из войсковых сумм в 1870-е гг. предопределили переход казаков от скотоводства к земледелию как к основному занятию. В 1890-х гг. эти же факторы привели к началу истощения казачьих земель и серьезному кризису средних казачьих хозяйств. И основной вывод статьи заключается в том, что сама система классификации казачьих хозяйств не может быть создана без учета внеэкономических факторов.

Ключевые слова: экономическая история Дона, казачье скотоводство, казачье земледелие, Н.А. Маслаковец, П.Г. Мордвинцев, В.Я. Бирюков.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1179-1185. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1179
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Literary Enlightenment in the Russian Province in the second half of the 19th century (the Examples of the Don Cossack Host and the Kamishin Region)

Andrey A. Solovyev ^{a, *}, Aleksandr V. Zakharov ^a, Nadezhda L. Vinogradova ^a, Lyubov S. Solovyeva ^b

^a Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The Russian Empire was a complex socio-political phenomenon in the second half of the 19th century, thus the study of the history of the period should include a wide spectrum of subjects. The problem of the attitude of Russian intelligentsia and different state agencies towards the cultural development and public education of the population of the country deserves special scientific investigation. Rapid cultural progress of the Russian society of the time provoked the emergence of different self-defence forms of traditional society. One of them was a strict state control of education. Almost all cultural changes were hindered by rules and regulation imposed by state officials. New books were often immediately banned. The paper studies various ways of comprehension of several literary texts, which were considered illegal by the Russian state institutions of the time. The questions raised in the paper may contribute not only to scientific research but also into solving social problems. The study of the history of the educational sphere allows us to expand knowledge about the Volgograd region and Russia in general and outlines guidelines for the development of modern teaching and educational projects, since many of the tasks facing education today were relevant in the Russian province already in the pre-revolutionary period.

Keywords: education, Kamyshinsky region, The Province of the Don Cossack Host, literature.

1. Введение

Российская империя второй половины XIX века представляла собой довольно сложное социально-политическое образование, изучение которого должно включать в себя самые разные стороны. Особый интерес вызывает при этом проблема отношения интеллигенции и властных структур к культурному развитию населения. В условиях зарождавшихся форм образовательной деятельности возможности культурного прогресса, с одной стороны, появлялись, с другой – самозащита традиционных форм социальных отношений не позволяла проникать в культурную область чему-то принципиально новому, причем это новое зачастую сразу же становилось в той или иной форме запрещенным. Подобные процессы не обошли стороной и образовательную сферу.

Данная статья касается, прежде всего, процессов, связанных с освоением учащимися разного рода литературных текстов, которые не всегда одобрялись государственными институтами и руководством учебных заведений. При этом вопросы, поднимаемые в работе, могут вызывать интерес как с научной точки зрения, так и в отношении практики решения социальных проблем. Изучение истории образовательной сферы позволяет расширять знания о Волгоградском регионе и России в целом и намечает ориентиры для разработки современных учебно-воспитательных проектов, поскольку многие задачи, стоящие перед образованием сегодня, были актуальны в российской провинции уже в дореволюционный период.

* Corresponding author

E-mail addresses: lokotigr@mail.ru (A.A. Solovyev), ulysses1@yandex.ru (A.V. Zakharov), NVinogradova@yandex.ru (N.L. Vinogradova), solovieva_ls@volsu.ru (L.S. Solovyeva)

2. Материалы и методы

Мы полагаем, что отношение к культурному просвещению населения может быть неодинаковым в разных регионах. При этом считаем, что исследования по этому вопросу учебных заведений области Войска Донского и Саратовской губернии открывают возможности для последующего сравнения их с другими областями страны. Кроме того, возможен поиск некоторых основополагающих факторов, которые с необходимостью должны присутствовать и в образовании других регионов – в этом смысле нахождение основ культурно-просветительской деятельности на юге России имеет уже значение общегосударственного масштаба.

Специфика образования опирается на исследование документов, которые оформляли правила и конкретные моменты жизни отдельно взятых учебных заведений области Войска Донского и Саратовской губернии. Следует сказать, что в этих документах нет противоречий с программами народного просвещения, существовавшими в России на тот момент. Однако они могут внести некоторую ясность в понимание хронологического развития рассматриваемой сферы.

Среди главных источников, которыми авторы воспользовались для аргументации положений статьи, назовем выписки из требовательных ведомостей, протоколы заседаний педагогических советов, шаровые книги и годовые отчеты Усть-Медведицкой мужской гимназии (1872–1875), Камышинского реального училища (1891), Усть-Медведицкого четырехклассного женского училища (1890), Урюпинского реального училища (1895).

Методология исследования ориентируется на выявление как зависимости изучаемого института от социальных изменений, так и на обратное влияние его на общество в целом. Кроме того, особое внимание уделяется демонстрации специфических событий на целостный исторический процесс, а также поиску объективных предпосылок индивидуальных явлений. При этом авторы стремятся установить общие причины ряда особенных фактов.

3. Обсуждение

Если говорить об изучении специфики образования рассматриваемого периода (вторая половина XIX века), то следует обратить внимание на ряд работ, посвященных (прямо или косвенно) изучаемым вопросам. Среди них важно отметить авторов, исследовавших образование в представленном регионе (территория современной Волгоградской области): Е.Н. Акентьеву, С.В. Куликову, В.В. Мельникову, изучавших народное образование в регионе в целом ([Куликова, 2019](#); [Мельникова, 2001](#)); Н.Ф. Бичехвоста, Д.В. Пополитова, Л.В. Шадрину, касавшихся отдельных важных фактов из истории образования в регионе ([Бичехвост, 2012](#); [Пополитов, 2009](#); [Шадрина, 2014](#)); Т.Э. Зульфугарзаде и А.Ю. Перетяtko, рассматривавших особенности образования в среде казачества ([Peretyatko, Zulfugarzade, 2017](#)).

Среди исследователей, обращавших внимание на образование в России указанного периода, назовем таких ученых, как С.И. Беленцов и О.Н. Малыхина, поднимавших вопросы, связанные с ученическим движением ([Belentsov et. al., 2015](#); [Беленцов, Малыхина, 2016](#)), а также И.В. Побережникова и Э.Д. Днепров, отдельные работы которых посвящены проблемам образования разных периодов ([Poberezhnikov, 2016](#); [Днепров, 2015](#)).

4. Результаты

Образование часто ориентируется на ценности, исторически себя зарекомендовавшие, в некотором смысле это – консервативный институт. Сохранение существующих традиций не является в данном случае чем-то исключительным. Скорее, наоборот – исключительной становится та или иная, говоря современным языком, инновационная деятельность, определяющаяся в том числе и личностными интересами участников процесса. В то же время заявленные официально цели часто не совпадают с происходящим на практике, поскольку реализация задач, ее особенности все равно зависят от тех механизмов, которые будут задействованы на региональном уровне ([Poberegnikov, 2016: 871](#)). Это значит, что образование в разных регионах может быть разным, то есть от специфики места будет зависеть сущность учебно-воспитательного процесса. Из этого в свою очередь вытекает, что образование не полностью определяется формальными установками.

В этом отношении интересно рассмотреть области учебно-воспитательной деятельности, которые могут иметь отношение как к форме, так и к содержанию. Такой областью, на наш взгляд, является читательская активность учащихся. Она имеет отношение к форме обучения и воспитания, поскольку закрепляет навык чтения, а значит, и возможность получения сведений разного характера через письменные источники. Чтение обладает и своеобразным содержанием, влияние которого на сознание учащихся ни в коем случае нельзя умалять.

Применительно к рассматриваемой нами эпохе читательская активность может иметь специфические причины и особенности. Например, С. Беленцов и О. Малыхина выделяют следующие факторы, влияющие на характер читательской активности:

- конкретные исторические реалии во всем многообразии их социальных и культурных взаимосвязей;

– уровень развития личности или общества, по отношению к которому данное понятие применяется;

– качество литературы, по отношению к которой возникает читательская активность (Беленцов, Мальхина, 2016: 115-125).

Одновременно исследование нашего вопроса невозможно без указания на участие учащихся в той или иной внеурочной деятельности, возможные формы которой мы условно разделим на две группы:

– направленные на поддержку официально заявленных целей;

– ненаправленные на поддержку официально заявленного, в том числе выступающие против тех или иных установлений.

В разных областях России второй половины XIX века цели образовательной деятельности были примерно одинаковыми. Если ее формы могли отличаться, то задачи сводились к наполнению определенного культурного уровня и воспитания определенного типа поведения. Здесь трудно говорить о формировании некоторого «типа человека», но система норм и предписаний для юношества была приблизительно понятна. В общем виде цель учебных заведений можно свести к тому, что было прописано в постановлении одного из педагогических советов Александровской мужской прогимназии в Царицыне и сводилось к развитию «чести и правды», уважению к закону и патриотическому воспитанию «при религиозно-нравственном направлении» (Колесниченко, 1993: 10-14).

Но каким образом эти цели реализовывались? Согласно учебному плану, в гимназиях до 40 % всего времени уходило на «мертвые языки» – латынь и древнегреческий, большое внимание уделялось французскому и немецкому языкам (Куликова, 2019: 18). Таким образом, более половины всего учебного времени отводилось языкам иностранным, как древним, так и современным. Если учесть, что в программу еще входило значительное количество предметов естественно-математического цикла, то получается, что содержанию, напрямую связанному с национальной идентичностью, отводилась сравнительно незначительная часть часов. Дополнительной иллюстрацией к примерному соотношению дисциплин могут служить документы, связанные с деятельностью различных учебных заведений Донского региона, например, шаровая книга Усть-Медведицкой мужской гимназии за 1874–1875 уч. год (ГАВО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 19. Л. 1-6); требовательная ведомость жалованья чинам Усть-Медведицкого четырехклассного женского училища за 1890 год (ГАВО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 22. Л. 1-5); список преподавателей Урюпинского реального училища 1895 г. (ГАВО. Ф. 98. Оп. 1. Д. 99. Л. 1).

В данном отношении нас интересует прежде всего место русского языка и русской литературы, причем не только в рамках аудиторной деятельности, но и в той части работы учащихся, которую сейчас принято называть самостоятельной. Начнем с рассмотрения двух видов образовательной деятельности: испытания при приеме в гимназию и аудиторных форм проверки знаний и умений.

После подачи прошения в гимназию потенциальные учащиеся должны были выдержать вступительный экзамен. Необходимо было владеть правилами арифметики, знать главнейшие события священной истории Ветхого и Нового завета, а также «бегло и со смыслом читать и пересказывать прочитанное, писать под диктовку, не искажая слов...» (Куликова, 2019: 20). Получается, что умение читать уже предполагалось, но никаких указаний на знание светской литературы, даже в минимальном количестве, нет.

Если говорить об аудиторной работе, то отметим, что учебный план предусматривал классные упражнения, проводимые еженедельно в виде диктанта, изложений, а также и сочинений, в том числе на темы, заимствованные из произведений классической и отечественной литературы: «Изображение событий из отечественной истории 1812 года русскими писателями Жуковским, Крыловым, Лермонтовым», «Неуважение к предкам есть первый признак невежественности» (Пушкин), «Что такое патриотизм и почему его не всякий имеет?», «Чем русский человек может гордиться в своей истории?» (Куликова, 2019: 19).

Здесь уже можно говорить о каком-то влиянии литературного наследия, хотя задания, требующие определенного владения литературным содержанием, перемежаются с так называемыми «свободными темами». Кроме того, среди классных упражнений присутствуют изложения и диктанты, и поскольку такие формы занятий были еженедельными, то трудно предположить, как часто проводились проверки, предполагающие знание определенного литературного канона.

Отдельное внимание в данной работе мы отводим вопросу о чтении учащихся вне аудиторий и вне предусмотренных учебных программ. Если литературе в рамках образовательных учреждений уделяется мало внимания, то логично, что решение вопроса о том, что и как читать, принимается учащимися исходя из их личных пристрастий и мотивов. Часто это происходит в формах, не рекомендуемых, а иногда и просто запрещенных.

Рассмотрим Усть-Медведицкую мужскую гимназию. Учебное заведение было открыто в 1862 году, причем по инициативе местного дворянства (РГИА. Ф. 733. Оп. 162. Д. 30. Л. 2-2 об.). Но уже в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX века произошло нечто не совсем типичное для подобного рода заведений: в гимназии фактически создается нелегальная библиотека. Основным ее учредителем стал студент Селиванов, хотя ему активно помогали учащиеся пятых-седьмых классов.

Из Санкт-Петербурга присылались произведения, например, Н. Добролюбова, П. Лаврова, Д. Писарева (Крылов, Прошечкин, 2005).

Одновременно нужно указать на связь данного события с внешними факторами. Работавший тогда директор А.В. Протопопов считался строгим и стремился «оградить» образование от любого стороннего влияния. Но, даже несмотря на это, учащиеся проявили свободомыслие (в том числе и запрещенное чтение), обратив тем самым на себя внимание шефа жандармов России графа Шувалова (Бичехвост, 2012: 54).

Также интересен опыт Камышинского реального училища. Обратимся к заседаниям его педагогического совета, которые частично уже изучались нами (Ryazanov et al., 2018). Не рассматривая подробно это исследование, добавим, что интерес у контролирующих органов вызвало опять же чтение литературы, которую можно считать запрещенной.

Обратим внимание на заседание педсовета училища, состоявшееся 9 января 1891 г., на котором обсуждалось «странное поведение ученика IV класса Васильева». Судя по содержанию протокола, Васильев значительную часть времени уделял чтению таких, казалось бы, «легальных» произведений, как «жития святых», «акафист», одновременно намереваясь отправиться в Киево-Печерскую лавру и принять монашеский постриг. Несмотря на то, что учащегося признали вполне здоровым, можно было обнаружить значительное воздействие на него литературы, что говорит о рациональном ее понимании, и, поскольку требования к ученикам были достаточно высокими, трудно представить, что он не понимал читаемого. С другой стороны, интерес к указанным произведениям не запрещался, но негласно не приветствовался (ГАВО. Ф. 291. Оп. 1. Д. 22. Л. 18).

Предположим, что само по себе желание познакомиться с литературными произведениями, конечно, привязано и к другим «особенностям» данного ученика: уединенности, излишней религиозности (ГАВО. Ф. 291. Оп. 1. Д. 22. Л. 18). Но объяснить эти качества как запретные трудно, а чтение возможно. Если же обратиться к протоколу заседания педсовета, то можно заключить, что Васильев принимал решения самостоятельно, не обращаясь к духовнику, преподавателям или воспитателям, но именно это качество – самостоятельность – вызывает ряд споров.

Применительно к исследуемому нами вопросу, самостоятельность в образовании может рассматриваться и как способ его, и как результат, а также одновременно как способ и результат. Факты показывают, что учащиеся проявляли гражданскую позицию, что, несомненно, следует считать проявлением одновременно и самостоятельности в суждении. Укажем, например, на патриотическое настроение в условиях Первой мировой войны, когда ученики жертвовали в пользу раненых (Leontyeva et al., 2017: 658-659), а также сами стремились на фронт, даже участвовали в реальных боевых действиях, причем несмотря на противодействие властей (Cherkasov et al., 2016).

Выходит, что самостоятельные решения негласно классифицируются. В одних случаях они рекомендуются: способность выполнять некоторую профессиональную функцию, принимать специальные решения в инженерной, медицинской, юридической или даже педагогической деятельности. Второй пример самостоятельности – стремление на фронт – представлял собой «самостоятельность запрещенную», но «молчаливо» желаемую и впоследствии объявляемую «патриотической», то есть правильной с точки зрения системы управления. Наконец, «самостоятельность нежелательная»: разного рода «кружки по интересам», а фактически участие в молодежных и разнообразных других общественных организациях и объединениях, причем зачастую запрещенных властями.

Почему подобная ситуация возможна? С одной стороны, образование как социальный институт зависит от социальных изменений, с другой – образование является все-таки институтом консервативным, часто вынужденным транслировать системы ценностей уходящей эпохи. При этом патриотизм в общем смысле как идея почти не меняется. Участие же в разного рода кружках может рассматриваться как способ противопоставления себя существующей системе ценностей, пусть и уходящих. К такому протесту, как правило, имеет отношение и чтение. Часто там выпускается собственная литература или распространяется имеющаяся. Обычно ее авторы в той или иной степени запрещены, в противном случае она либо не соответствует «бунтарскому» духу кружка, либо малоинтересна в силу своей «разрешенности».

В этом контексте важно учитывать и специфику региона. С одной стороны, южные российские земли далеки от столицы, считаются «вольным краем», с другой – этому «вольному краю» и внимание особое, отсюда желание многих участников образовательного процесса «подстраховаться», исключить совсем уж вопиющую вольность. Вообще, на юге России среди населения доминировало казачество, значительная часть образовательных проектов была направлена на эту общность (Peretyatko, Zulfugarzade, 2017: 819-826) с ее системой ценностей. И хотя в целом педагоги руководствовались, конечно, своими представлениями о потребностях российского общества, но учитывали вероятные последствия самостоятельного принятия решений, о чем свидетельствует опыт упоминавшейся выше Усть-Медведицкой гимназии (Бичехвост, 2012). Когда вокруг преимущественно люди, в своих действиях ориентирующиеся на иерархию и традицию, трудно что-то противопоставить запретам не только в организационном, но даже в идеологическом смысле. Местное население, на которое так или иначе направлена миссионерская деятельность пионеров образования на Волге и Дону, могла и не понять «новых веяний» и отказаться от такого вольного обучения, в котором допускалось чтение запрещенной

сверху литературы, особенно учитывая то, что большая часть населения страны до конца XIX века, с большой степенью вероятности, была вообще неграмотной, так как даже всеобщее начальное образование не было в этот период введено (Клевцова, Жиров, 2016: 1229). Поэтому трудно предположить, что чтение было основной формой досуга населения юга России. Профессионально же увязана с художественной литературой была, вероятно, совсем ничтожная его часть. Зависимость же успеха в какой-либо деятельности от знания литературы не так очевидна и уж тем более не очевидна необходимость изучения чего-то помимо школьной программы.

Если снова обратиться к протоколу заседания педсовета Камышинского училища от 1 марта 1891 года, то выясняется, что не особенно приветствовалось чтение не только книг, но и журналов. Приводится список изданий, приобретаемых обучающимися вскладчину. Среди них и те, которые можно считать вполне умеренными: «Северный вестник», «Русская мысль», журнал умеренных либералов. Данные архива показывают некоторое стремление педагогов предотвратить уклонение молодых людей от учебного процесса, связанное с выбором самостоятельных занятий, в том числе чтения (ГАВО. Ф. 291. Оп. 1. Д. 22. Л. 24). То есть выходит, что положительное влияние чтения на учебный процесс не рассматривалось, более того, допускалась вероятность отрицательного его влияния. Подобное состояние пересекалось с милитаристскими настроениями южной России, вступая в противоречие с курсом, целью которого является строго определенное воспитание черт человека.

Литература в строгом смысле является общеобразовательной дисциплиной, ее изучение воспитывает интерес к чтению, увеличивает словарный запас, прививает любознательность в целом. С одной стороны, существует вероятность, что, во-первых, все это требовалось, но желательно с меньшими социальными затратами. С другой – есть вероятность, что власти, промышленности, да и самому образованию необходимы были юноши, в науках разбирающиеся специфически, то есть владеющие прежде всего основами документации и новыми достижениями техники, любознательность «вообще» могла считаться и «вредным» качеством, общий словарный запас вряд ли был необходим в практической жизни – там нужно было уметь разбираться в специальных терминах.

Одновременно мы приведем два косвенных аргумента в отношении значимости литературы в школьном образовании того времени:

– отсутствие отдельного предмета, обозначаемого как «литература»; чтение преимущественно в пределах дисциплины «русский язык и словесность», но нельзя утверждать, что в программу этой дисциплины входило значительное количество литературных произведений;

– в отдельно взятых работах и идеях того времени особо подчеркивалось значение воспитания, при этом о литературе там почти ничего не говорится, хотя, казалось бы, именно чтение имеет решающее воспитательное значение, например, в работе С.И. Беленцова прописаны разные авторы того времени, такие как Вахтеров, Вентцель, Игнатьев, Ильин, Каптерев, Роков, Синицкий. Они рассуждают о разных факторах, касающихся воспитания: и правовом просвещении, и трудовой деятельности, и религиозной, и духе товарищества (Беленцов: 2015) – но практически ничего о «воспитании чтением», как будто таковое вовсе не предполагалось.

5. Заключение

Хотелось бы отметить в качестве вывода данной работы значительное внимание, уделяемое вопросу о свободном времяпрепровождении учащихся в Камышинском и Донском регионах второй половины XIX века, в том числе и проблеме самостоятельного чтения. Отсутствие такого предмета, как «литература», вкупе с ограниченностью внеклассного чтения приводит к отсутствию управляемости содержанием читаемого. Это в свою очередь повышает вероятность того, что к учащимся попадет литература опасная, в некоторых случаях запрещенная. Нельзя однозначно говорить об отрицательном влиянии таких процессов, но сама по себе эта ситуация достаточно противоречива.

Литература

Беленцов, Мальхина, 2016 – Беленцов С.И., Мальхина О.Н. Читательская активность как социально-педагогический феномен // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «Лингвистика и педагогика»*. 2016. 3 (20). С. 115-125.

Беленцов, 2015 – Беленцов С.И. Теоретические основы гражданского воспитания в русской педагогической литературе конца XIX – начала XX вв. // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «Лингвистика и педагогика»*. 2015. 1 (14). С. 115-122.

Бичехвост, 2012 – Бичехвост Н.Ф. Тайны старых архивов. Волгоград, 2012.

ГАВО – Государственный архив Волгоградской области.

Днепров, 2015 – Днепров Э.Д. Российская образовательная политика XIX – начала XX вв. в зеркале законодательных актов (Фрагменты из книги Э.Д. Днепров) // *Вопросы образования*. 2015. № 2. С. 279-288.

Колесниченко, 1993 – Колесниченко В.С. Царицынские школы: история и опыт (1773–1917). Волгоград, 1993.

Крылов, Прошечкин, 2005 – Крылов Н.Б., Прошечкин С.Е. Нелегальная библиотека в станице Усть-Медведицкой в 1870 году // *Вопросы краеведения*. № 8. 2005. С. 87-89.

Куликова и др., 2019 – Куликова С.В., Аментьева Е.Н., Кузибецкий А.Н., Святин М.А. Путь длиною в 100 лет: историко-педагогическое наследие волгоградской системы образования: практико-ориентированная монография. Волгоград, 2019.

Мельникова, 2001 – Мельникова В.В. Народное образование края в XIX – начале XX вв. Волгоград, 2001.

Пополитов, 2009 – Пополитов Д.В. Развитие системы образования в Донской епархии во второй половине XIX – начале XX века (на примере Хоперского округа) // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. 32 (170). История. 35. С. 100-104.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Шадрина, 2014 – Шадрина Л.В. Общественная деятельность духовенства Донской епархии конца XIX – начала XX века // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Ч. 1. 2014. 1 (39). С. 212-215.

Belentsov et al., 2014 – Belentsov S.I., Douger O.P., Kuznetsova A.A., Agronina N.J., Barkova V.L. Educational Congress and Teachers' Courses as a Means of Methodical Education Teachers Second Half of the XIX – Beginning XX Centuries: Regional Dimension // *Bylye Gody*. 38 (4). pp. 940-947.

Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Smigel M., Molchanova V.S. The Glorification of Underage Volunteers in Russian Military Service during World War I // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2016. 1: 4-11.

Klevtsova, Zhirov, 2016 – Klevtsova O.V., Zhirov N.A. The Primary Education in Post-reform Russian Village (on Materials of Eletski County Orel Province) // *Bylye Gody*. 2016. 42 (4): 1224-1231.

Leontyeva et al., 2017 – Leontyev A.N., Leontyeva E.Ju., Bogdanova I.N. The Russian Provincial Press at the Beginning of the First World War as the Most Important Means of Forming and Maintaining Patriotic Feelings // *Bylye Gody*. 2017. 44 (2): 653-662.

Peretyatko, Zulfugarzade, 2017 – Peretyatko A.Yu., Zulfugarzade T.E. Project of Reforms Proposed for the Don Public Education in the first half of 1860: A. M. Dondukov-Korsakov, Kh. I. Popov, N. I. Krasnov // *European Journal of Contemporary Education*. 2017. 6 (4): 817-829.

Poberezhnikov, 2016 – Poberezhnikov I. V. Russian Imperial Modernization: The General and the Specific. // *Bylye Gody*. 2016. 41-1 (3-1): 867-673.

Ryazanov et al., 2019 – Ryazanov A.V., Solovyev A.A., Zakharov A.V., Solovyeva L.S. Specifics of Popular Education in Russian Province at the Turn of the 20th Century (Based on the Materials of Volgograd State Archive) // *Bylye Gody*. 2019. 2 (52): 792-799.

Shevchenko et al., 2018 – Shevchenko N.A., Kucherov I.A., Shirev D.A. Public Education in the Russian Empire at the end of the 19th century // *European Journal of Contemporary Education*. 2018. 7 (1): 226-231.

References

Belentsov, 2015 – Belentsov S.I. (2015). Teoreticheskie osnovy grazhdanskogo vospitaniya v russkoi pedagogicheskoi literature kontsa XIX – nachala XX vv. [Theoretical backgrounds of civic upbringing in Russian pedagogical literature at the end of the 19th century and beginning of the 20th century]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika*. 1 (14): 115-122. [in Russian]

Belentsov, Malykhina, 2016 – Belentsov S.I., Malykhina O.N. (2016). Chitatel'skaya aktivnost' kak sotsial'no-pedagogicheskii fenomen [Reading activity as a socio-pedagogical phenomenon]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika*. 3 (20): 115-125. [in Russian]

Bichekhvost, 2012 – Bichekhvost N.F. (2012). Tainy starykh arkhivov [The secrets of old archives]. Volgograd. [in Russian]

Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Smigel M., Molchanova V.S. (2016). The Glorification of Underage Volunteers in Russian Military Service during World War I. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 1: 4-11.

Dneprov, 2015 – Dneprov E.D. (2015). Rossiiskaya obrazovatel'naya politika XIX nachala XX vv. v zerkale zakonodatel'nykh aktov. (Fragments from the book E. D. Dneprova) [Russian legislation on educational politics at the end of the 19th century and in beginning of the 20th century]. *Voprosy obrazovaniya*. 2: 279-288. [in Russian]

GAVO – Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoi oblasti [State archive of Volgograd region].

Klevtsova, Zhirov, 2016 – Klevtsova O.V., Zhirov N.A. (2016). The Primary Education in Post-reform Russian Village (on the Materials of Eletski County Orel Province). *Bylye Gody*. 42 (4): 1224-1231.

Kolesnichenko, 1993 – Kolesnichenko V.S. (1993). Tsaritsynskie shkoly: istoriya i opyt (1773–1917). [Tsaritsin schools. History and experience (1773–1917)]. Volgograd. [in Russian]

Krylov, Proshechkin, 2005 – Krylov N.B., Proshechkin S.E. (2005). Nelegal'naya biblioteka v stanitse Ust'-Medveditskoi v 1870 godu. [Illegal library in stanitsa Ust'-Medveditskaya in 1870]. *Voprosy kraevedeniya*. 8: 87-89. [in Russian]

Kulikova et al., 2019 – Kulikova S.V., Akent'eva E.N., Kuzibetskii A.N., Svyatin M.A. (2019). Put' dlinoyu v 100 let: istoriko-pedagogicheskoe nasledie volgogradskoi sistemy obrazovaniya: praktiko-orientirovannaya monografiya [The way one hundred years long. Historical-pedagogical heritage of Volgogradian system of education. Practical monography]. Volgograd. [in Russian]

Leontyeva et al., 2017 – Leontyev A.N., Leontyeva E.Ju., Bogdanova I.N. (2017). The Russian Provincial Press at the Beginning of the First World War as the Most Important Means of Forming and Maintaining Patriotic Feelings. *Bylye Gody*. 44 (2): 653-662.

Melnikova, 2001 – Melnikova V.V. (2001). Narodnoe obrazovanie v XIX – nachale XX vv. [People's education at the end of the 19th century and in beginning of the 20th century]. Volgograd. [in Russian]

Peretyatko, Zulfugarzade, 2017 – Peretyatko A.Yu., Zulfugarzade T.E. (2017). Project of Reforms Proposed for the Don Public Education in the first half of 1860: A.M. Dondukov-Korsakov, Kh.I. Popov, N.I. Krasnov. *European Journal of Contemporary Education*. 6 (4): 817-829.

Poberezhnikov, 2016 – Poberezhnikov I.V. (2016). Russian Imperial Modernization: The General and the Specific. *Bylye Gody*. 41–1 (3–1): 867-673.

Popolitov, 2009 – Popolitov D.V. (2009). Razvitie sistemy obrazovaniya v donskoj eparhii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka (na primere Hoperskogo okruga) [The development of the educational system in the Don diocese at the end of the 19th century and in beginning of the 20th century. (The experience of Khoper region)]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 32 (170). Istorija. 35. pp. 100-104. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].

Ryazanov et al., 2019 – Ryazanov A.V., Solovyev A.A., Zakharov A.V., Solovyeva L.S. (2019). Specifics of Popular Education in Russian Province at the Turn of the 20th Century (Based on the Materials of Volgograd State Archive). *Bylye Gody*. 2 (52): 792-799.

Shadrina, 2014 – Shadrina L.V. (2014). Obshhestvennaja dejatel'nost' duhovenstva Donskoj eparhii konca XIX – nachala XX veka. [Social activity of the Don diocese clergy at the end of the 19th century and in beginning of the 20th century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 1 (39): 212-215. [in Russian]

Shevchenko et al., 2018 – Shevchenko N.A., Kucherkov I.A., Shirev D.A. (2018). Public Education in the Russian Empire at the end of the 19th century. *European Journal of Contemporary Education*. 7 (1): 226-231.

Литературное просвещение учащихся в российской провинции второй половины XIX века (на примере области Войска Донского и Камышинского уезда)

Андрей Александрович Соловьев ^{a, *}, Александр Владимирович Захаров ^a,
Надежда Леонидовна Виноградова ^a, Любовь Сергеевна Соловьева ^b

^a Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Российская Федерация

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Российская империя второй половины XIX века представляла собой довольно сложное социально-политическое образование, изучение которого должно включать в себя самые разные стороны. Особый интерес вызывает при этом проблема отношения интеллигенции и властных структур к культурному развитию населения. В условиях зарождавшихся форм образовательной деятельности возможности культурного прогресса, с одной стороны, появлялись, с другой – самозащита традиционных форм социальных отношений не позволяла проникать в культурную область чему-то принципиально новому, причем это новое зачастую сразу же становилось в той или иной форме запрещенным. Подобные процессы не обошли стороной и образовательную сферу. Одним из самых распространенных средств защиты традиционного общества и его социальных институтов стал строгий контроль государственных органов над изданием и распространением литературных произведений. Создавались списки произведений, запрещенных для чтения в школах.

Данная статья касается, прежде всего, процессов, связанных с освоением учащимися разного рода литературных текстов, которые не всегда одобрялись государственными институтами и руководством учебных заведений. При этом вопросы, поднимаемые в работе, могут вызывать интерес как с научной точки зрения, так и в отношении практики решения социальных проблем. Изучение истории образовательной сферы позволяет расширять знания о Волгоградском регионе и России в целом и намечает ориентиры для разработки современных учебно-воспитательных проектов, поскольку многие задачи, стоящие перед образованием сегодня, были актуальны в российской провинции уже в дореволюционный период.

Ключевые слова: народное образование, Камышинский уезд, область Войска Донского, литература, чтение.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: lokotigr@mail.ru (А.А. Соловьев), ulysses1@yandex.ru (А.В. Захаров), NVinogradova@yandex.ru (Н.Л. Виноградова), solovieva_ls@volsu.ru (Л.С. Соловьева)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1186-1193. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1186
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Prostitution and Russian Society in the second half of the XIX and early XX centuries

Ekaterina M. Berestova ^a, Anna M. Subbotina ^{b, *}

^a Udmurt State University, Russian Federation

^b Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article discusses the problem of the prostitution spread in Russia and the attitude of different strata of Russian society to it in the second half of the XIX and early XX centuries. The authors focus on state policy, Zemstvo doctors activities, and women's charities position. The complex of published and archived sources became the basis of the research. The article pays great attention to the data of the First General population census of 1897 and special statistical surveys. Legal documents of the studied period represent the state approach. Materials of congresses of doctors and public organizations, meetings of Zemstvo assemblies, periodicals, and literary works show the spectrum of public opinion. The authors conduct a comparative analysis of all-Russian and regional data on Vyatka Province and Saint Petersburg. They conclude that prostitution was widespread in the country in the second half of the XIX and early XX centuries. One of the reasons for this was the migration of men and women to cities and industrial centers, where they lost their usual social ties and restrictions. The article proves that Russian society considered prostitution and its negative consequences to be the fault of prostitutes themselves. The government controlled the growth of sexually transmitted diseases and criminal cases by regulating the brothels activities. Doctors and local authorities supervised prostitution for the sake of public health and morals. Representatives of public and charitable organizations in the early XX century began to actively promote the idea of solving the problem in the context of the struggle for women's rights and social transformation.

Keywords: brothel, prostitute, prostitution, syphilis, venereal diseases, Zemstvo doctors, women's rights, Vyatka province, Saint Petersburg.

1. Введение

В российском обществе во второй половине XIX – начале XX веков на фоне экономических и политических процессов, способствовавших миграциям населения из сельской местности в города и обратно, проституция стала осознаваться как социальная проблема, «социальное зло». Ее начали изучать с помощью статистических обследований. На проститутках, с одной стороны, стремились распространить полицейский и врачебный контроль, с другой – получили развитие формы поддержки женщин, оказавшихся в сложных жизненных обстоятельствах. В статье на основе общероссийских и региональных данных проблема развития проституции исследуется комплексно, с учетом ее восприятия в разных слоях российского общества. В сфере внимания находятся государственный подход, взгляды местной (земской) и врачебной общественности, позиция представителей женского движения и женских организаций, а также самих проститутток.

* Corresponding author

E-mail addresses: annnamisu@gmail.com (A.M. Subbotina)

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования включает в себя комплекс опубликованных и архивных материалов, некоторые из них впервые вводятся в научный оборот. Позиция государственных органов и законодательные нормы существования публичных домов в России исследуются по дореволюционным правовым изданиям (СПР, 188?; Положение, 1904). Общероссийскую картину распространения проституции раскрывают данные статистического обследования Министерства внутренних дел 1889 года (Проституция, 1890). Региональная ситуация выявляется на основе материалов по публичным домам города Сарапула Вятской губернии, собранных в ходе Первой всеобщей переписи населения 1897 г. (ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 176; ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 177). Взгляды местной администрации и общественности на вопросы профилактики и борьбы с венерическими заболеваниями в связи с распространением в регионе проституции раскрывают обзоры Вятской губернии (ОВГ, 1911), материалы заседаний земских собраний (СПВГЗ, 1895), доклады управ (ЦГАКО. Ф. 616. Оп. 6. Д. 41; ЦГА УР. Ф. 246. Оп. 1. Д. 55), протоколы губернских съездов врачей (Протоколы, 1897). Выявить позицию представителей общественных и благотворительных организаций на примере Санкт-Петербурга, где проституция была особенно развита, позволяют материалы съезда 1910 года по борьбе с торгом женщин (Труды, 1911–1912). Обращение к литературным произведениям (Толстой, 1900), материалам журналов «Женский вестник» (Покровская, 1914: 33-34) и «Трудовая помощь» (Международный конгресс, 1899: 171-184) помогает лучше понять отношение российского общества изучаемого периода к женщинам «вольного поведения».

Основываясь на имеющихся источниках, данное исследование направлено на изучение проституции в России во второй половине XIX – начале XX веков как комплексного, волновавшего разные слои общества явления, с учетом социальных, экономических, медицинских, нравственных аспектов. Такой подход является достаточно новым для отечественной историографии. Использование общероссийских и региональных материалов позволяет лучше оценить масштаб этого явления и круг проблем, с ним связанных.

3. Обсуждение

Термин «проституция» в России появился при Екатерине II. Само явление обратило на себя внимание гораздо раньше (Мартыненко, 2009: 270-277). Об этом свидетельствует «Наказ о градском благочинии» царя Алексея Михайловича 1649 года. Российское законодательство XVIII века содержит примеры запретительных мер по отношению к сводничеству и проституции.

В XIX веке в российском обществе, с одной стороны, начали распространяться идеи терпимости к проституткам, с другой – усилились меры по правовому регулированию проституции с целью контроля венерических заболеваний. В этот период проституция и связанные с ней проблемы стали предметом статистических и научных исследований. Сторонники регламентации видели роль государства в рациональной организации публичных домов и надзоре. Против легализации этого явления выступали аболиционисты, утверждая, что с развитием просвещения и нравственности в обществе оно исчезнет само собой (Тарновский, 1888).

В советский период проблемы проституции практически полностью ушли из предметного поля отечественных исследователей, и только в конце 1980 – начале 1990-х годов интерес к ним возродился (Лебина, Шкаровский, 1994). По мнению И.А. Тарасовой, во второй половине XIX – начале XX веков государство одновременно поддерживало такие противоположные линии, как запрет половой распущенности и регламентация легальной проституции (Тарасова, 2016: 61). Н.С. Нижник приходит к выводу, что деятельность врачебно-полицейских комитетов даже в столице не всегда отвечала надзорным задачам (Нижник, 2012: 17). В работах по истории медицины рассматриваются вопросы профилактики и борьбы с венерическими заболеваниями как в масштабах России (Щукина, 2006: 197-202), так и на региональном материале (Кузьмин и др., 2019: 381-385).

Исследователи отмечают, что в XIX – начале XX веков проституция стала частью повседневной жизни горожан далеко за пределами столицы (Burlutskaya, Kurenkova, 2019: 1153-1166; Петров, 2019: 86-92). Русские писатели в произведениях характеризовали проституцию с позиции нравственных норм своего времени, доверяя героям передавать их собственную оценку общественной морали (Синова, 2019: 21). О проникновении идей регулирования проституции в российское общество, по мнению С. Хеарне, свидетельствуют обращения в полицейские органы с просьбами о регистрации или исключении из списков проститутток (Hearne, 2018: 714-744).

Как показывает анализ, в научной литературе проституция часто рассматривается под каким-то определенным углом зрения: правовым, социальным, медицинским и т.д. Данное исследование предлагает комплексный и целостный подход к этому сложному явлению.

4. Результаты

Русская классическая литература сохранила разные образы проститутток. Героиня романа Л.Н. Толстова «Воскресение» Екатерина Маслова, оказавшись в качестве подсудимой по делу об убийстве своего клиента, так характеризует себя:

«– Звание?

– Мещанка.

– Веры православной?

– Православной.

– Занятие? Чем занимались?

Маслова молчала.

– Чем занимались? – повторил председатель.

– В заведении была, – сказала она.

– В каком заведении? – спросил строго член в очках.

– Вы сами знаете, в каком, – сказала Маслова, улыбнулась и тотчас же, быстро оглянувшись, опять прямо уставилась на председателя» (Толстой, 1900: 40).

В романе Л.Н. Толстова род занятий Екатерины Масловой и предубеждения общества в отношении его представительниц во многом сыграли негативную роль в принятом судебном решении. Из трех подозреваемых в убийстве именно она была признана виновной и осуждена. По мнению медика К.И. Бабикова, участвовавшего в осмотрах публичных домов, «общество привыкло смотреть на проститутку как на совершенно погибших, отверженных, до мозга костей пропитавшихся пороком женщин» (Бабиков, 1870: 51). Несмотря на это, бордели были востребованы.

Дома терпимости как форма легальной проституции появились в Российской империи после утверждения министром внутренних дел 29 мая 1844 года «Правил для содержательниц домов терпимости». Бордели должны были открываться с разрешения полиции женщинами в возрасте от 30 до 60 лет. Запрещено было содержать проститутку моложе 16 лет. На каждую заводилась «медицинский билет» в качестве удостоверения состояния здоровья клиентам (СПР, 188?: 35–9). Появление правил было вызвано необходимостью борьбы с распространением венерических заболеваний и стремлением правительства наладить врачебный контроль за проститутками.

Позже Министерство внутренних дел несколько раз пересматривало правила, изменяя требования к содержательницам, местам размещения борделей и к самим проституткам. В правилах от 28 июля 1861 года были ужесточены требования к порядку открытия и местам размещения домов терпимости: они должны были быть удалены от церквей, училищ, школ и других заведений не менее чем на 150 сажень. Возрастной ценз для содержательниц борделей теперь составлял 35–55 лет (ЦГСПР, 188?: 48-49). В 1903 году вышли новые правила, регламентировавшие как содержательниц публичных домов, так и поднадзорные полиции притоны. Возраст начала занятия проституцией повышен до 21 года (Положение, 1904: 6-8).

В 1889 году МВД провело перепись всех легальных публичных домов на территории Российской империи, исключая Финляндию. Обследование выявило в стране 1216 домов терпимости и свиданий: первых – 1164 (95,7 %), вторых – 52 (4,3 %). Публичные дома имелись почти во всех регионах, главным образом в губернских (областных) городах, а также во многих уездных центрах. Обыкновенно число проституток в притоне составляло от 5 до 10, а возраст – до 25 лет (Проституция, 1890: XVI–XVIII).

Статистическим источником, позволяющим проанализировать социально-демографический состав проституток и содержательниц борделей, являются материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 года. В переписных листах Сарапульской уездной переписной комиссии сохранились описания двух домов терпимости Сарапула, располагавшихся на Рождественской улице, с 25 проститутками. Содержательницами домов были уроженки Сарапула и Сарапульского уезда, женщины от 33 до 39 лет, все православные и неграмотные, проститутками – молодые женщины в возрасте от 17 до 23 лет (ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 176. Л. 137-138, 155-156; ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 177. Л. 65-67). Эти данные согласуются с общероссийской ситуацией. 80% проституток были неграмотными, что также соответствовало общероссийским показателям. Максимальное образование – это начальное училище.

В переписных листах отмечалось, что часть женщин (62 %) имела какое-либо ремесло. Чаще всего это горничные (36 %), несколько швей, портних, кухарок и одна прачка. Только 24 % не имело никакого ремесла. Большая часть женщин происходила из крестьян (44 %), семей сельских обывателей (преимущественно находящихся рядом Ижевского и Воткинского заводов) – 24 %, мещан – 12 %. Одна была из солдатской семьи, еще одна – из оренбургских казаков (ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 176. Л. 137-138, 155-156; ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 177. Л. 65-67). В материалах общероссийского обследования 1889 года также большинство крестьянок (48 %), но гораздо больше мещанок (37 %). Отличие от общероссийских данных объясняется спецификой Сарапула – небольшого уездного города, находящегося в окружении деревень и заводских поселков.

Большая часть женщин сарапульских домов терпимости являлась уроженками сел и городов Вятской губернии (48 %). По данным общероссийского обследования 1889 года, 50,5 % происходило также из близлежащих к борделям мест. Из соседних Казанской и Пермской губерний в сарапульские дома терпимости прибыло 16 % и 12 %, по одной из Уфимской и Оренбургской губерний и только одна из Гродно (ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 176. Л. 137-138, 155-156; ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 177.

Л. 65-67). Насколько правдивы были женщины, чье ремесло осуждалось обществом, в предоставлении информации о себе, остается лишь предполагать.

Представленные данные свидетельствуют о том, что проституция затрагивала разные слои российского общества. Несмотря на это, во второй половине XIX – начале XX веков проблема воспринималась в большей степени как нравственная и медицинская, нежели социальная. Моральный аспект рассматривался в контексте половой культуры населения и нравственного облика самих проституток. Медицинская проблема заключалась в распространении венерических заболеваний, в частности сифилиса, борьба с которым в это время приобрела достаточно организованный характер.

Имеющиеся документы показывают, что в Вятской губернии постоянное внимание к сифилису наблюдалось со стороны врачей, органов управления и самоуправления. Неоднократно вопрос о мерах борьбы с сифилисом обсуждался на съездах врачей Вятской губернии. По данным, представленным на VII съезде в 1897 году, количество стационарных и амбулаторных больных сифилисом в губернии составило 12348 человек. Наибольшее число было зафиксировано в Сарапульском уезде – 4495. Больше 1000 заболевших было в Орловском, Малмыжском и Елабужском уездах. Больные сифилисом составляли в разных уездах от 15 до 48 % всех стационарных пациентов (Протоколы, 1897: 207). На съезде приводились данные за предыдущие годы, которые были в десятки раз ниже. Среди причин такого существенного роста можно отметить активизацию работы по выявлению заболевания. Методологические аспекты в ряду других были определены на Съезде по обсуждению мер против сифилиса в России, прошедшем в 1897 году в Санкт-Петербурге.

Ситуация с распространением сифилиса в крае обсуждалась на заседаниях земских собраний среди других вопросов развития здравоохранения. Более того, между земствами разных регионов осуществлялся обмен опытом. В 1889 году Симбирская губернская земская управа в связи с разработкой мер борьбы с сифилисом запросила у Вятской губернской земской управы сведения о сборе статистических данных, методах выявления, лечения и предотвращения распространения заболевания, необходимости особого медицинского персонала, объеме расходов, участии земства в надзоре за проституцией и фабричными рабочими (ЦГАКО. Ф.616. Оп. 6. Д. 41. Л. 25-25 об.).

В конце XIX – начале XX веков рост числа заболевших в Вятской губернии объяснялся земскими врачами недостаточной половой и нравственной культурой местного населения, которая отличалась в зависимости от этнической и социальной принадлежности. Земскими врачами отмечалось, что особое распространение сифилис имел среди рабочих, мастеровых, отходников. Возвратившиеся домой из городов и заводских поселков крестьяне способствовали всплеску заболеваемости и в деревнях. В меньшей степени эта проблема коснулась татарского населения, что, возможно, было связано с влиянием ислама на традиции отношений между полами. Среди применявшихся в это время мер профилактики и борьбы с сифилисом были информирование жителей с помощью специальных популярных изданий, осмотр определенных категорий населения (проституток, солдат, заключенных, школьников и др.), организация постоянных и временных больничных сифилисных отделений. Важной мерой было предоставление бесплатного лечения как в губернской, так и в уездных больницах. Губернское земство в целях контроля ситуации даже предпринимало попытки финансировать эту статью расходов полностью из своих средств, но столкнулось с проблемой дороговизны такого шага (СПВГЗ, 1895: 18).

Для предотвращения распространения заболевания большое значение имело своевременное его выявление. Этой цели служил врачебно-санитарный надзор за проституцией. Отслеживались не только проститутки, содержащиеся в публичных домах, но и предлагавшие подобные услуги нелегально. По данным Сарапульской земской управы, в 1910 году в уезде действовало два дома терпимости с 43 женщинами. Еще 12 было задержано по подозрению в тайной проституции (ЦГА УР. Ф. 246. Оп. 1. Д. 55. Л. 22). Всего в 1910 году в городах Вятской губернии было осмотрено 510 женщин «вольного поведения», из которых выявлено 245 (48 %) зараженных венерическими заболеваниями (ОВГ, 1911: 99).

В начале XX века более широкое публичное обсуждение получил социально-экономический аспект проституции, что было связано с развитием общественно-политического движения, в котором вопрос о правах женщин как незащищенной категории населения занял определенное место, появлением благотворительных организаций, осуществлявших помощь одиноким матерям и другим, оказавшимся в сложной жизненной ситуации.

Вопрос о проституции стал предметом обсуждения на уровне общественных организаций, созываемых по их инициативе съездов и конгрессов, издаваемых периодических изданий. Женские журналы феминистского толка выступали с критикой врачебно-полицейского надзора за проституцией с позиций аболиционизма и призывали к гуманизму в отношении самих проституток (Громова, 2015: 73-76). Редактор «Женского вестника» и врач М.И. Покровская требовала по примеру Англии отменить регламентацию, считая, что народная совесть «не может не протестовать против открытой торговли женским телом» (Покровская, 1914: 33-34).

Зарубежный опыт вызывал у этой части российской общественности активный интерес. В 1899 году в журнале «Трудовая помощь», издававшемся Попечительством о домах трудолюбия и работных домах, был опубликован материал о прошедшем 9–11 июня в Лондоне Международном

конгрессе по вопросу о торговле женщинами в целях разврата. Отмечалось, что российские делегаты поддержали решения конгресса о международном сотрудничестве, в том числе благотворительных организаций, но имели свою позицию в вопросе об уголовном характере действий против женщин. Они предложили в качестве признаков преступности считать насилие, обман и эксплуатацию как при сводничестве, так и для удержания «уже падшей женщины против ее воли в развратной жизни» (*Международный конгресс, 1899: 179*).

В 1910 году в Санкт-Петербурге прошел съезд по борьбе с торгом женщинами и его причинами, на котором проблема проституции рассматривалась вместе с тяжелыми условиями женского труда на разных предприятиях, организацией помощи женщинам и детям. Интересные данные были представлены в докладе Р.Л. Депп на основе 600 анкет проституток, собранных в 1910 году попечительным комитетом Санкт-Петербургского дома милосердия по инициативе Международного союза аболиционистов. Из 600 опрошенных 528 (88 %) до занятия проституцией работали в разных сферах, остальные 72 (12 %) – не осуществляли трудовую деятельность, проживая с мужьями, родными, в приютах. Средний трудовой стаж работавших женщин составлял чуть меньше трех лет при среднем заработке в 17 руб. в месяц. Средний возраст начала занятия проституцией составил восемнадцать с половиной лет, продолжительность – чуть больше пяти лет. Значительная часть опрошенных женщин объясняла свой выбор необходимостью содержать себя или близких. Нужду и голод отметили 27,5 %, потерю места – 5 %, необходимость содержания ребенка и родителей – 2,5 %. У некоторых не было выбора: 2,3 % были проданы родными или чужими людьми. Многие связывали свое новое положение с нравственной ошибкой, которая не позволила потом вернуться к нормальной жизни: 11 % назвали причиной то, что были обмануты и остались с ребенком, 9 % поддались уговорам подруг, 6 % – согласились на уговоры сводни, 3 % – увлек барин, 2,5 % – соблазнили. Были и те, кто честно признался в том, что проституция привлекательнее тяжелой работы: 3 % двигало желание свободы и веселой жизни, 2,5 % – лень работать и собственное желание, 0,8 % – желание отдохнуть и влечение к развратной жизни. По результатам анкетирования Р.Л. Депп сформулировала для участников съезда ряд тезисов, в которых сделала акцент на социально-экономических проблемах. Среди них были названы тяжелое экономическое, правовое и бытовое положение работающих женщин, низкий уровень образованности, двойная мораль для мужчин и женщин, коммерческая выгода содержателей публичных домов. Решение этих проблем, по мнению докладчика, должно было способствовать уменьшению распространения проституции (*Труды, 1911–1912: 145-148*).

5. Заключение

Проведенное исследование показывает, что в конце XIX – начале XX веков легальная и нелегальная проституция стала привычным явлением не только в Санкт-Петербурге и Москве, но и уездных городах, каким был Сарапул. Ее развитие стимулировалось миграцией населения, в том числе женского, в поисках заработка, размыванием социальных связей со своей средой. До перехода в новый статус проститутки занимались трудовой деятельностью в разных областях либо находились на содержании своих семей. Причины, по которым женщины оказывались в публичных домах, имели как социально-экономическое, так и моральное происхождение. Для одних это был осознанный выбор в пользу быстрого дохода и красивой жизни. Другие попали в эту ситуацию вынужденно, потеряв возможность зарабатывать на жизнь другим способом, будучи обманутыми, покинутыми, проданными, осуждаемыми за совершенные нравственные ошибки.

Отношение государства и общества к проблеме проституции в изучаемый период не было однозначным. Разрешение публичных домов при соблюдении ограничительных мер свидетельствовало о стремлении контролировать социальные последствия развития проституции, в частности распространение венерических заболеваний. Опыт Вятской губернии показывает, что в центре внимания местной, особенно врачебной, общественности находились медицинский и моральный аспекты. Предпринятые усилия по профилактике и лечению сифилиса и других венерических заболеваний способствовали формированию негативного отношения, по крайней мере части общества к этому аспекту проституции. Сложнее было решить вопрос о существующей культуре взаимоотношений между полами, которая определялась как этническими традициями, так и меняющимися условиями жизни в городе, утратой привычных социальных связей.

В целом российское общество обвиняло в негативных проявлениях проституции исключительно самих женщин «вольного поведения». И только отдельные его представители, как это видно из романа Л.Н. Толстого, работы медика К.И. Бабилова, публичных выступлений представителей женского движения, смотрели на проблему более широко, в контексте всего общества. В начале XX века, когда благодаря развитию общественного движения и деятельности благотворительных организаций женский вопрос вышел на уровень публичного обсуждения, активно стала пропагандироваться идея социальных истоков проституции и необходимости ее решения совместно с другими значимыми проблемами.

6. Благодарности

Статья подготовлена при поддержке Комплексной программы фундаментальных научных исследований УрО РАН, проект № 18-6-6-38 «Цивилизационное пространство Урало-Поволжья: социально-демографические характеристики, политико-экономический статус, этнокультурные традиции».

Литература

- Бабилов, 1870** – Бабилов К.И. Продажные женщины: (Проституция). М: Тип. И. Смирнова и И.Е. Шюман, 1870. Х+242+ 57 с.
- Громова, 2015** – Громова А.И. Освещение проблемы проституции в отечественных женских журналах начала XX века // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2015. Т. 4. № 3. С. 70-81.
- Кузьмин и др., 2019** – Кузьмин В.Ю., Серебряный Р.С., Яремчук О.В. О борьбе с венерическими заболеваниями в Самарской губернии в конце XIX века и первой трети XX века // *Клиническая дерматология и венерология*. 2019. Т. 18. № 3. С. 381-385.
- Лебина, Шкаровский, 1994** – Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е годы XIX века – 40-е годы XX века). М.: Прогресс-Академия, 1994. 219 с.
- Мартыненко, 2009** – Мартыненко Н.К. К вопросу об истории проституции в России // *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. 2009. Вып. 1. С. 270-277.
- Международный конгресс, 1899** – Международный конгресс в Лондоне по вопросу о торговле женщинами // *Трудовая помощь*. 1899. № 7. С. 171-184.
- Нижник, 2012** – Нижник Н.С. Деятельность врачебно-полицейских комитетов Министерства внутренних дел по осуществлению социального контроля над девиантным поведением в российском обществе // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2012. № 2 (54). С. 11-18.
- ОВГ, 1911** – Обзор Вятской губернии за 1910 год. Вятка: Губернская тип., 1911. II+144+87 с.
- Петров, 2019** – Петров А.С. Причины распространения проституции в начале XX века в отдаленных регионах Российской империи (на примере Забайкальской области) // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2019. С. 86-92.
- Покровская, 1914** – Покровская М.И. Министерство внутренних дел о борьбе с проституцией // *Женский вестник*. 1914. № 2. С. 33-34.
- Положение, 1904** – Положение об организации надзора за городской проституцией в империи. Одесса, 1904. 8+2 с.
- Проституция, 1890** – Проституция по обследованию 1 августа 1889 года / Под ред. А. Дубровского. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1890. XXXVI+86+39 с.
- Протоколы, 1897** – Протоколы заседаний VII съезда врачей Вятской губернии при участии представителей от губернского и уездных земств. Вятка: Тип. и хромолит. Майшеева, 1897. 268 с.
- Синова, 2019** – Синова И.В. Русская литература о «блеске и нищете куртизанок» // *История повседневности*. 2019. № 3 (11). С. 8-25.
- СПВГЗ, 1895** – Сборник постановлений Вятского губернского земства за 25-летие (1867–1892). Вятка: Тип. Майшеева, 1895. Т. 5. II+364+26 с.
- СПР, 188?** – Сборник правительственных распоряжений, касающихся мер предупреждения распространения любово-страстной болезни / Сост. Д. Чичинадзе. СПб.: Книжная мануфактура юридической литературы Чичинадзе, [188?] VIII, 155 с.
- Тарасова, 2016** – Тарасова И.А. Эволюция форм государственного контроля за проституцией в российской империи (XVIII – начала XX вв.) // *Евразийское научное объединение*. 2016. Т. 1. № 4 (16). С. 58-62.
- Тарновский, 1888** – Тарновский В.М. Проституция и аболиционизм. СПб.: Изд-во К. Риккера, 1888. XVI+261 с.
- Татарникова, 2016** – Татарникова А.И. «Продажная любовь» как явление повседневной жизни городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX веков // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2016. № 11-1 (73). С. 158-162.
- Толстой, 1900** – Толстой Л.Н. Воскресение. СПб.: Тип. А.Ф. Маркса, 1900. 518 с.
- Труды, 1911–1912** – Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с торговлей женщинами и его причинами, происходившего в Санкт-Петербурге с 21 по 25 апреля 1910 года: Т. 1–2. СПб.: Типолит. Санкт-Петербургской одиночной тюрьмы, 1911–1912. Т. 1. 334 с.
- ЦГА УР** – Центральный государственный архив Удмуртской Республики.
- ЦГАКО** – Центральный государственный архив Кировской области.
- Щукина, 2006** – Щукина И.В. К вопросу об истории выявления больных сифилисом в Европе и России (по данным литературы) // *Прикладные информационные аспекты медицины*. 2006. Т. 9. № 1. С. 197-202.

[Burlutskaya, Kurenkova, 2019](#) – *Burlutskaya (Bannikova) E.V., Kurenkova Yu.O. (2019). Casual Clandestine. Female Sex Workers in Towns of Orenburg Governorate in the Second half of the XIX century // Bylye Gody. Vol. 3. Is. 53. Pp. 1153-1166.*

[Hearne, 2018](#) – *Hearne S. To denounce or defend? Public participation in the policing of prostitution in late imperial Russia // Kritika. 2018. Vol. 18. № 4. Pp. 714-744.*

References

[Babikov, 1870](#) – *Babikov K.I. (1870). Prodazhnye zhenshchiny: (Prostitutsiya) [Selling Women: (Prostitutes)]. Moscow: Tip. I. Smirnova i I.E. Shyuman. X+242+57 p. [in Russian]*

[Burlutskaya, Kurenkova, 2019](#) – *Burlutskaya (Bannikova) E.V., Kurenkova Yu.O. (2019). Casual Clandestine. Female Sex Workers in Towns of Orenburg Governorate in the Second half of the XIX century. Bylye Gody, Vol. 3, Is. 53, pp. 1153-1166.*

[Gromova, 2015](#) – *Gromova A.I. (2015). Osveshchenie problemy prostitutsii v otechestvennykh zhenskikh zhurnalakh nachala XX veka [Coverage of the Problem of Prostitution in Domestic Women's Magazines of the beginning of the XX century]. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina, Vol. 4, Nr 3, pp. 70-81. [in Russian]*

[Hearne, 2018](#) – *Hearne S. (2018). To denounce or defend? Public participation in the policing of prostitution in late imperial Russia. Kritika, Vol. 18, Nr. 4, pp. 714-744.*

[Kuz'min i dr., 2019](#) – *Kuz'min V.Yu., Serebryanyi R.S., Yaremchuk O.V. (2019). O bor'be s venericheskimi zabolevaniyami v Samarskoi gubernii v kontse XIX veka i pervoi treti XX veka [About the Fight against Venereal Diseases in the Samara Province at the end of the XIX century and in the first third of the XX century]. Klinicheskaya dermatologiya i venerologiya (The Russian Journal of Dermatology and Venereology), Vol. 18, Nr 3, pp. 381-385. [in Russian]*

[Lebina, Shkarovskii, 1994, 1994](#) – *Lebina N.B., Shkarovskii M.V. (1994). Prostitutsiya v Peterburge (40-e gody XIX veka – 40-e gody XX veka) [Prostitution in St. Petersburg (40s of the XIX century – 40s of the XX century)]. Moscow: Progress-Akademiya. 219 p. [in Russian]*

[Martynenko, 2009](#) – *Martynenko N.K. (2009). K voprosu ob istorii prostitutsii v Rossii [Martynenko N. K. On the history of prostitution in Russia]. Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva, Is. 1, pp. 270-277. [in Russian]*

[Mezhdunarodnyi congress, 1899](#) – *Mezhdunarodnyi kongress v Londone po voprosu o trgovle zhenshchinami [International Congress in London on the Issue of Trafficking in Women]. Trudovaya pomoshch', 1899, Nr 7, pp. 171-184. [in Russian]*

[Nizhnik, 2012](#) – *Nizhnik N.S. (2012). Deyatel'nost' vrachebno-politseiskikh komitetov Ministerstva vnutrennikh del po osushchestvleniyu sotsial'nogo kontrolya nad deviantnym povedeniem v rossiiskom obshchestve [The Activities of the Medical and Police Committees of the Ministry of the Interior for the Implementation of Social Control over Deviant Behavior in the Russian Society]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, Nr 2 (54), pp. 11-18. [in Russian]*

[OVG, 1911](#) – *Obzor Vyatskoi gubernii za 1910 god [Review of the Vyatka Province in 1910]. Vyatka: Gubernskaya tip., 1911. II+144+87 p. [in Russian]*

[Petrov, 2019](#) – *Petrov A.S. (2019). Prichiny rasprostraneniya prostitutsii v nachale XX veka v otdalennykh regionakh Rossiiskoi imperii (na primere Zabaikal'skoi oblasti) [The reasons for the spread of prostitution in remote regions of the Russian Empire in the early XX century (on the example of the Transbaikal region)]. Ojkumena. Regional researches, Nr 3, pp. 86-92. [in Russian]*

[Pokrovskaya, 1914](#) – *Pokrovskaya M.I. (1914). Ministerstvo vnutrennikh del o bor'be s prostitutsiei [Ministry of the Interior on Combating Prostitution]. Zhenskii vestnik, Nr 2, pp. 33-34. [in Russian]*

[Polozhenie, 1904](#) – *Polozhenie ob organizatsii nadzora za gorodskoi prostitutsiei v imperii [Regulation on the Organization of Supervision of Urban Prostitution in the Empire]. Odessa, 1904. 8+2 p. [in Russian]*

[Prostitutsiya, 1890](#) – *Prostitutsiya po obsledovaniyu 1 avgusta 1889 goda [Prostitution by Survey 1st August 1889]. Pod red. A. Dubrovskogo. St. Petersburg: Tip. Ministerstva vnutrennikh del, 1890. XXXVI+86+39 p. [in Russian]*

[Protokoly, 1897](#) – *Protokoly zasedanii VII s"ezda vrachei Vyatskoi gubernii pri uchastii predstavitelei ot gubernskogo i uezdnykh zemstvo [Minutes of Meetings of the VII Congress of Doctors of the Vyatka Province with the Participation of Representatives from the Provincial and District Zemstvos]. Vyatka: Tip. i khromolit. Maisheeva, 1897. 268 p. [in Russian]*

[Shchukina, 2006](#) – *Shchukina I.V. (2006). K voprosu ob istorii vyavleniya bol'nykh sifilisom v Evrope i Rossii (po dannym literatury) [On the history of detection of syphilis patients in Europe and Russia (according to the literature)]. Prikladnye informatsionnye aspekty meditsiny, vol. 9, Nr 1, pp. 197-202. [in Russian]*

[Sinova, 2019](#) – *Sinova I.V. (2019). Russkaya literatura o «bleske i nishchete kurtizanok» [Russian literature about the "splendor and poverty of courtesans"]. Istoriya pousednevnosti, Nr 3 (11), pp. 8-25 [in Russian]*

[SPR, 188?](#) – *Sbornik pravitel'stvennykh rasporyazhenii, kasayushchikhsya mer preduprezhdeniya rasprostraneniya lyubostrastnoi bolezni [Collection of government regulations concerning measures to prevent the spread of sexual diseases]. Sost. D. Chichinadze. St. Petersburg: Knizhnaya manufaktura yuridicheskoi literatury Chichinadze, 188?. VIII+155 p. [in Russian]*

SPVGZ, 1895 – Sbornik postanovlenii Vyatskogo gubernskogo zemstva za 25-letie (1867–1892) [Collection of resolutions of the Vyatka provincial Zemstvo for the 25th anniversary (1867–1892)]. Vyatka: Tip. Maisheeva, 1895. Vol. 5. II+364+26 p. [in Russian]

Tarasova, 2016 – *Tarasova I.A.* (2016). Evolyutsiya form gosudarstvennogo kontrolya za prostitutsiei v rossiiskoi imperii (XVIII – nachala KhKh v.) [Evolution of Forms of State Control over Prostitution in the Russian Empire (XVIII – early XX century)]. *Evraziiskoe Nauchnoe Ob"edinenie*, vol. 1, Nr 4 (16), pp. 58–62. [in Russian]

Tarnovskii, 1888 – *Tarnovskii V.M.* (1888). Prostitutsiya i abolitsionizm [Prostitution and abolitionism]. St. Petersburg: Izd-vo K. Rikera. XVI+261 p. [in Russian]

Tatarnikova, 2016 – *Tatarnikova A.I.* (2016). «Prodazhnaya lyubov'» kak yavlenie povsednevnoi zhizni gorodov Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov ["Venal love" as a Phenomenon of Everyday Life of West Siberian Towns in the Second half of the XIX – at the Beginning of the XX century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, Nr 11-1 (73), pp. 158–162. [in Russian]

Tolstoi, 1900 – *Tolstoi L.N.* (1900). Voskresenie [Resurrection]. St. Petersburg: Tip. A.F. Marksa, 1900. 518 p. [in Russian]

Trudy, 1911–1912 – Trudy Pervogo Vserossiiskogo s"ezda po bor'be s torgom zhenshchinami i ego prichinami, proiskhodivshego v Sankt-Peterburge s 21 po 25 aprelya 1910 goda [Proceedings of the First all-Russian Congress on combating trafficking in women and its causes, which took place in St. Petersburg from April 21 to 25, 1910:]. St. Petersburg: Tipolit. Sankt-Peterburgskoi odinochnoi tyur'my, 1911–1912. Vol. 1. 334 p. [in Russian]

TsGA UR – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki [Central State archive of the Kirov Region].

TsGAKO – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Kirovskoi oblasti [Central state archive of the Udmurt Republic].

Проституция и российское общество во второй половине XIX – начале XX веков

Екатерина Михайловна Берестова ^a, Анна Михайловна Субботина ^{b, *}

^a Удмуртский государственный университет, Российская Федерация

^b Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается проблема распространения проституции в России и отношения к ней разных слоев российского общества во второй половине XIX – начале XX веков. Акцент делается на государственной политике, деятельности земских врачей, позиции представителей женских благотворительных организаций. Исследование основано на комплексе опубликованных и архивных источников. Особое внимание уделяется статистическим данным Первой всеобщей переписи населения 1897 года и специальным обследованиям. Государственный подход представлен в правовых документах изучаемого периода. Спектр общественного мнения показан на основе привлечения к исследованию материалов съездов врачей и общественных организаций, заседаний земских собраний, периодических изданий, литературных произведений. На основе сравнительного анализа общероссийских и региональных данных авторы делают вывод о достаточно широком распространении проституции в стране в изучаемый период. В качестве одной из причин называется миграция не только мужского, но женского населения в города и промышленные центры, где утрачивались привычные социальные связи и ограничения. Показывается, что, по мнению большинства российского общества, проституция и связанные с ней негативные последствия являлись виной самих проституток. Регламентация деятельности публичных домов со стороны государства должна была сдерживать рост венерических заболеваний и криминальных случаев. Осуществлявшие меры надзора на местах врачи и органы управления оценивали проституцию с позиции поддержания здоровья и нравственности населения. Идея решения проблемы в контексте общего улучшения положения женщин и социальных преобразований стала активно пропагандироваться в начале XX века благодаря развитию общественного движения и деятельности благотворительных организаций.

Ключевые слова: публичный дом, проститутка, проституция, сифилис, венерические заболевания, земские врачи, благотворительные организации, права женщин, Вятская губерния, Санкт-Петербург.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: annnamisu@gmail.com (А.М. Субботина)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1194-1201. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1194
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Organizational Potential of the Societies of Agricultural Colonies and Craft Shelters at the Stage of Formation (on the Example of Siberia at the end of the 19th – beginning of the 20th century)

Natalya V. Pashina ^a, Tatiana A. Kattsina ^{a, b, *}, Ludmila E. Mezit ^b, Valery I. Fedorchenko ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafev, Russian Federation

Abstract

Societies of agricultural colonies and craft shelters have a short (1895–1917), but unique history in Siberia. For more than 20 years, they created and operated correctional institutions where children and adolescents were kept isolated from adult criminals, and the prison regime was replaced by educational and combined with labor and spiritual and moral influence on the personality of the pupil. The author's analysis focuses on the activities of preparatory commissions that provide organizational and legal measures from the development of constituent documents to the attraction of resources (material and financial resources, organizational abilities of actors) of future companies. The study of such societies has shown that the prosperity of any of them depends on the level of organizational potential, defined as the ability to attract all those organizations and those people who can make a positive contribution to this process. These materials showed that, despite the significance of the social project, its implementation in Siberia was hindered by the lack of support from the population, which did not show active sympathy for teenagers caught in committing offenses and the inertia of the administrative and managerial apparatus. The article verifies the claim of a number of Russian researchers that membership and collection of donations in favor of charitable organizations operating in Siberia were not always voluntary.

Keywords: Society of Agricultural Colonies and craft shelters, resources, organizational capacity, preparatory commission.

1. Введение

Гуманизация российской пенитенциарной системы, обусловленная проведением судебной реформы 1864 г., выступила катализатором активности населения в сфере помощи лицам, вступившим в конфликт с законом. В этом направлении общественно-филантропическую деятельность возглавили Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов (сокращенно – Общества), которым в 1866 г. на законодательном уровне была предоставлена возможность учреждать специализированные воспитательно-исправительные заведения с целью избавления детей и подростков от пагубного воздействия тюрьмы. Процесс создания таких Обществ был сложным и ресурсозатратным. Значимую роль в мобилизации средств выполняли так называемые подготовительные комиссии, которые создавались на стадии проектирования Обществ и действовали до их открытия. Именно им предстояло получить поддержку со стороны заинтересованных организаций и целевых групп, наладить взаимодействие с обществом и властями. Статья преследует цель аналитической реконструкции опыта деятельности таких комиссий, содержит материалы о сдерживающих факторах, способах их преодоления. В сферу анализа включены общества земледельческих колоний и ремесленных приютов, Томской, Иркутской и Енисейской губерний.

* Corresponding author

E-mail addresses: tkatsina@sfu-kras.ru (T.A. Kattsina)

2. Материалы и методы

Характеристика организационного потенциала обществ, формы и масштабы работы их подготовительных комиссий даны с опорой на делопроизводственные документы архивного характера (фонд 595 «Енисейское губернское управление», 516 «Прокурор Красноярского окружного суда», 216 «Губернский комитет Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов в Енисейской губернии» государственного архива Красноярского края), опубликованную отчетно-распорядительную документацию Обществ, статьи и заметки из газет «Тобольские губернские ведомости», «Иркутские губернские ведомости», «Восточное обозрение». Решению исследовательских задач способствовало сочетание общенаучных (анализа, синтеза) и конкретно-исторических методов (синхронного, сравнительного), опора на основные принципы научного исторического познания (объективности, историзма). Организационный потенциал Обществ определен как способность привлечь к достижению поставленной цели те организации и тех людей, которые могут внести в этот процесс положительный вклад. Под ресурсами Общества понимаются наличные или необходимые средства, возможности, обеспечивающие его стабильную работу для достижения основных целей; главное место здесь занимают человеческий фактор и финансовый капитал.

3. Обсуждение

Интерес исследователей к организации и деятельности Обществ земледельческих колоний и ремесленных приютов обозначился во второй половине XIX в. после принятия Устава о наказаниях (1864 г.), содержащего идею создания в Российской империи исправительно-воспитательных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей. Первыми к разработке темы приступили ученые-правоведы, многие из которых занимались преподавательской деятельностью. Их труды были направлены на популяризацию в России системы исправительного воспитания, уже зарекомендовавшей себя в ряде стран западной Европы и США. Работы освещали процесс создания Обществ земледельческих колоний и ремесленных приютов (Тальберг, 1882), содержали подробное описание внутреннего устройства воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних, постановку в них трудового обучения и религиозно-нравственного воспитания (Богдановский, 1871; Кистяковский, 1878). Подробному анализу подверглась возможность применения европейского опыта пенитенциарной педагогики в российской уголовной практике (Альбицкий, Ширген, 1893). Материалы малотиражных изданий отражали деятельность отдельных Обществ, открытых в разных уголках страны, а именно в Санкт-Петербурге (Чаславский, 1868), Москве (Тальберг, 1882), Вильне (Бейтгилель, 1889) и др.

В начале 1990-х гг. в связи с ростом детской беспризорности и преступности в России данная тема пережила свое второе рождение. После появления первых обобщающих работ (Беляева, 1995; Mill, 2010), освещающих общие вопросы теории и практики профилактики преступности несовершеннолетних в имперский период, исследователи сосредоточились на детальной разработке отдельных аспектов обозначенной проблемы. В научных публикациях внимания удостоились организационно-правовой (Синова, 2014), педагогический (Белянкова, 2010), финансово-хозяйственный (Иваняков, 2015) и другие сферы деятельности Обществ земледельческих колоний и ремесленных приютов. Вместе с тем рассматриваемая в данной статье деятельность подготовительных комиссий, возглавивших процесс создания самих Обществ, еще не стала объектом специального научного изучения.

4. Результаты

Организация Обществ земледельческих колоний и ремесленных приютов в Сибири проходила по типичному «сценарию»: по приглашению генерал-губернатора или губернатора созывались заинтересованные лица и те, кто мог обеспечивать организационно-правовое сопровождение проектируемого Общества (преимущественно представители судебного и тюремного ведомств, губернской администрации и органов городского самоуправления); купечество привлекалось как финансовый донор. Из его числа формировалась комиссия для подготовительных действий по устройству Общества. Она действовала до избрания Комитета Общества на первом собрании его учредителей, что представлялось возможным только после утверждения устава организации министром юстиции. При комплектовании комиссии, в первую очередь, учитывались профессиональные характеристики и степень общественного влияния входивших в нее членов. Среди прочих критериев – знакомство с деятельностью заведений исправительного воспитания и, что крайне важно, доступ к ресурсам (административным, материальным, финансовым), а также наличие связей в деловой среде. В качестве примера можно привести состав подготовительной комиссии, организованной при Иркутском тюремном комитете его же постановлением от 8 октября 1897 г. Комиссия не имела формальной структуры и представляла собой объединение узкого круга лиц, состоящего из товарища прокурора судебной палаты А.В. Витте, губернского тюремного инспектора А.П. Синягина, исполняющего дела врачебного инспектора Г.И. Губкина, почетного мирового судьи В.Ф. Колыгина и Иркутского городского головы В.П. Сукачева (Иркутские губернские ведомости, 1898: 6). Все они, наряду с председателем комиссии А.А. Кобылиным (прокурором иркутской

судебной палаты), являлись учредителями Иркутского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов.

Усилия подготовительных комиссий были направлены на установление контактов с окружающей социально-экономической средой, важнейшими из которых выступали следующие: распространение среди местного населения идеи о необходимости и пользе исправительно-воспитательных приютов и колоний для несовершеннолетних; привлечение пожертвований; ходатайства в общественные и правительственные учреждения с целью получения разного рода субсидий и пособий; подбор административного и учебного персонала; поиск пригодных для устройства колоний земельных участков и зданий для приютов; сбор статистических данных о количестве осужденных несовершеннолетних и числе ежегодно заключаемых несовершеннолетних осужденных арестантов с разделением тех и других по возрасту и полу. Центральная задача комиссий – аккумуляирование ресурсов, так как первичное обустройство исправительных учреждений требовало существенных затрат. Например, весьма скромное обустройство Саратовского приюта обошлось организаторам в 9 592 руб., Киевской колонии – 46 тыс. руб., Казанской – 12 тыс. руб. (Бейтгилель, 1889: 43).

Надо заметить, что комиссии не могли производить какие-либо денежные расходы самостоятельно, а после избрания Комитета Общества обязаны были передать ему по описи свое делопроизводство, счетоводство с собранными на приюты и колонии пожертвованиями и субсидиями. Уже на плечи Комитетов Обществ возлагалась основная нагрузка по устройству и поддержанию жизнедеятельности воспитательно-исправительных учреждений. Выступая в роли казначея, Комитеты распоряжались имуществом (капиталом) Общества на основе траста – принципа общественного доверия в соответствии с целями Общества и его уставом, не получая от своей деятельности каких-либо экономических выгод.

Успешность деятельности подготовительных комиссий во многом определялась степенью общественного влияния ее руководителя. Жизнеспособность будущей организации во многом зависела от способности руководителя налаживать социальные связи, вести переговоры, мобилизовать человеческие ресурсы, брать на себя определенные обязательства. Решающую роль при этом имели личная преданность делу и убежденность в его успешной реализации. Ярким примером такой категории руководителей является фигура А.В. Витте, возглавившего в 1896 г. подготовительную комиссию Томского Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов, а затем принявшего пост председателя его Комитета. Только за один неполный год нахождения в этой должности он собрал по подписным книжкам рекордную сумму членских взносов (7 880 руб.), во много раз превысившую объем поступлений от других членов Комитета общества. Для этого он собственноручно написал и разослал известным людям, общественным союзам и бюрократическим структурам около восьмидесяти обращений (сибирские благотворители обычно не откликались на воззвания в прессе, как, впрочем, и на отправленные им лично печатные и тектографированные письма). Адресная рассылка и персональное прошение высокопоставленного чиновника принесли в кассу Общества первые крупные пожертвования, в том числе от получивших известность за пределами Сибири благотворителей Ю.И. Базановой и В.П. Кельх, выделивших на организацию Томской колонии по 1 тыс. руб. (Томское общество..., 1897: 6). Индивидуальный подход к каждому адресату позволил А.В. Витте привлечь к пожертвованиям проживающих в Томской губернии староверов, обыкновенно избегавших какого-либо общения с православными даже в делах общественного благоволения (Томское общество..., 1897: 4, 6).

Концентрация участников Общества вокруг идейного вдохновителя на начальном этапе деятельности объясняет их высокую чувствительность к смене руководства, которая нередко сопровождалась застоєм в деятельности общественной организации и даже приводила к ее гибели. Так, например, после перевода А.В. Витте летом 1897 г. на службу в г. Иркутск, процесс создания земледельческой колонии в г. Томске приостановился на несколько лет. На новом месте службы чиновник вошел в состав подготовительной комиссии Иркутского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов, а его опыт и знания, полученные за время работы в Томске, способствовали тому, что работа от утверждения устава Общества до открытия воспитательно-исправительного приюта заняла всего около полугода. Печальная участь постигла Общество земледельческих колоний и ремесленных приютов Енисейской губернии. Его устав был утвержден еще 15 декабря 1901 г., но уже в мае 1903 г., после отъезда из Красноярска инициатора и лидера Общества – М.И. Плец (супруги начальника края), произошло резкое снижение интереса к Обществу со стороны городского обывателя. С мая 1903 г. по октябрь 1907 г. членских взносов было уплачено всего 50 руб. (ГАКК: Ф. 216. Д. 1а. Л. 6 об., 25 об., 27), так как из состава Общества выбыло более 80 % участников.

На организационном этапе учредителям Обществ земледельческих колоний и ремесленных приютов пришлось испытать сопротивление общественного мнения. Дискуссии о необходимости организации исправительного воспитания для несовершеннолетних правонарушителей развернулись в широких кругах общественности и отразились на страницах местных периодических изданий. Так, газета «Восточное обозрение» опубликовала 16 января 1898 г. открытое письмо Н. Скрынникова по

вопросу устройства в Иркутске воспитательно-исправительного приюта следующего содержания: «Как уроженцу Восточной Сибири, прослужившему 18 лет в различных учреждениях, близко стоявшему у дела заключения в тюрьмы, мне положительно известно, что в Сибири несовершеннолетних преступников в мое время не было. Был случай заключения в тюрьму несовершеннолетней девочки за поджог в с. Кабанском, но ее земский заседатель заключил в тюрьму потому, что она была круглая сирота, и никто из жителей не брал ее на свое попечение. Девочка оказалась больной, ей место было не в тюрьме, а в больнице. Из подсудимых ссыльных арестантов большая часть бродяги, не имеющие ни роду, ни племени, следовательно, детей опять-таки нет. Между якутами преступность редкость. В трех известных мне приютах арестантских детей воспитывались дети подсудимых, пересыльных и срочных арестантов, и я не знаю ни одного случая преступлений между детьми; даже о ловких кражах не слыхал...» (*Восточное обозрение*, 1898: 2).

Вместе с тем охвативший Россию процесс модернизации, сопровождавшийся углублением социальной дифференциации и разрушением традиционных институтов, увеличивал число беспризорных и безнадзорных детей. Согласно данным Министерства юстиции, в 1865 г. число осужденных в возрасте от 10 до 17 лет достигло 1 035 человек, от 17 до 21 года – 7 342, что составило около 9 % от общего числа осужденных за совершение преступлений в стране за указанный год (*Чаславский*, 1868: 24). Рост числа преступлений с участием несовершеннолетних наблюдался и на территории Восточной Сибири (*Томское общество...*, 1897: 33).

Несмотря на неутешительные данные статистики, позиции Н. Скрынникова придерживались и некоторые местные чиновники, что создало дополнительные препятствия в работе подготовительных комиссий и комитетов Обществ. Так, действия тобольского губернского тюремного инспектора П. Почтарева спровоцировали срыв сбора пожертвований, инициированного Томским обществом. Выступая с ответом на призыв поддержать своими средствами начинания Общества, П. Почтарев в открытом письме, напечатанном в *Тобольских губернских ведомостях* 25 апреля 1896 г., обосновал отказ в материальной поддержке значительными для Тобольской губернии финансовыми потерями, «которые могли бы быть использованы на организацию собственного исправительного приюта» (*Тобольские губернские ведомости*, 1896: 473). Не углубившись в суть проблемы, тюремный инспектор обратил внимание читателей на «весьма малое по Тобольской губернии количество малолетних, осужденных за преступления», а потому предложил объединить под одной крышей уже действующий в губернии сиропитательный дом с его подопечными и будущий исправительный приют, разместить данное заведение за городом, где дети смогли бы свободно дышать свежим воздухом и обучаться полевым и сельскохозяйственным работам, что, очевидно, считал основным при создании учреждения исправительного воспитания. В конце своего письма Почтарев предложил всем сочувствующим данной идее объединиться для возбуждения ходатайства об образовании в Тобольске самостоятельного Общества и приюта (*Тобольские губернские ведомости*, 1896: 473). Он не оценил всю сложность затеваемого проекта и вскоре, ссылаясь на отсутствие единомышленников, а также загруженность другой работой, отложил его реализацию на неопределенный срок (*Томское общество...*, 1897: 22).

Тем не менее мнение, высказанное П. Почтаревым, повлияло на решение тобольского губернатора отклонить прошение комитета Томского общества об отчислении ему, согласно ст. 155 Устава о содержании под стражей, 10 % пособия из земского капитала на устройство мест заключения. Столь же категоричный отказ незамедлительно последовал и от начальника Акмолинской области, а губернатор Семипалатинской области определил отпуск данного пособия на условии устройством Томским обществом отдельного приюта для малолетних правонарушителей на территории подконтрольной ему области. Но выполнение этого требования оказалось для Томского общества невыполнимо в силу неоправданно больших затрат. Вместе с тем, отказавшись от сотрудничества, эти области оказались неспособными каждая в отдельности создать и содержать собственный исправительный приют, и, как показало время, ни в одной из них к этому даже не было предпринято попыток. Более того, сама идея организации мелких воспитательно-исправительных заведений не выдерживала критики ввиду чрезмерной дороговизны их содержания. Расходы на административный и учебный персонал были почти равные как в крупных, так и в мелких приютах, в последних падали на меньшее число питомцев, а потому были значительно ощутимее для бюджета заведения. К тому же в мелких приютах было невозможно дифференцировать детей на отдельные группы по степени их нравственной испорченности и полового развития, без чего исправление детей с порочными наклонностями во многом осложнялось (*Томское общество...*, 1897: 7).

В то время как от жителей Томской губернии в кассу Общества поступило 15 151 руб., русской колонии в Китае – 3 155, из европейской части России – 2 230 руб., от Тобольской губернии, Семипалатинской и Акмолинской областей было получено всего 295, 85 и 15 руб. соответственно (*Томское общество*, 1897: 6).

Настоящим испытанием на выдержку для учредителей Обществ было утверждение уставов как самих благотворительных организаций, так и опекаемых ими исправительных заведений. Эта процедура была многоступенчатой, сопровождалась длительной перепиской с различными ведомствами. Из-за множества бюрократических проволочек и сложности процесса образования

первоначального капитала (Kattsina, 2017: 536-537) открытие Обществ и их воспитательно-исправительных заведений значительно расходилось во времени. Так, с 1870 по 1873 гг. в Российской империи открылось три воспитательно-исправительных заведения для несовершеннолетних (Обществ было значительно больше), за 1874–1883 гг. – 7, 1884–1893 гг. – 10, 1894–1901 гг. – 22. Большинство заведений было «крайне необеспеченно» материально. К 1902 г. некоторые общества (сумское, кременчугское, рыбинское) закрылись, не достигнув своей основной цели. Такие общества, как могилевское (1891 г.), бессарабское (1895 г.), томское (1895 г.), енисейское (1901 г.), существовали по несколько лет, не открывая заведений (Русское уголовное право, 1902: 1091-1093).

За время почти десятилетней переписки подготовительной комиссии Томского общества с различными инстанциями по вопросу утверждения устава был практически полностью утрачен первоначальный состав учредителей Общества: из 22 человек осталось девять (Томское общество..., 1897: 2, 19). Это весьма затруднило образование первого Комитета Общества, в который, согласно уставу, должны были войти шесть человек, избираемых на год общим собранием учредителей, и четыре кандидата для замещения выбывших или отсутствующих членов, а также представителей тюремного ведомства и епархии, назначенных в состав данного органа по должности (Устав..., 1896). С большим трудом Комитет был сформирован из следующих лиц: П.И. Макушина (редактор-издатель «Томского листка», видный деятель народного просвещения в Сибири), И.Г. Гадалова (гласный Томской городской думы в 1894–1897 гг., благотворитель), В.К. Сальмановича (товарища председателя Томского губернского суда), барона А.Л. Бруннова (старшего советника Томского губернского управления), А.А. Грацианова, Ф.Ю. Маткевича (все шестеро по избранию), Г.В. Юркевича (по должности председателя губернского суда), А.В. Витте (по должности губернского прокурора), П.К. Вихмана (по должности губернского тюремного инспектора) и кандидата богословия иероманаха отца Григория (по назначению епархиального начальства). Комитет избрал своим председателем А.В. Витте, товарищем председателя П.И. Макушина, казначеем П.К. Вахмана и секретарем В.К. Сальмановича (Томское общество..., 1897: 2-3). При отсутствии альтернативных кандидатов во время избрания Комитета Томского общества некоторые лица вошли в его состав, сами того не желая, из-за чего их срок пребывания в составе благотворительной организации и вклад в ее работу были незначительными.

В первый состав Комитета Общества Енисейской губернии (1902 г.) вошел почти весь костяк подготовительного комитета: М.И. Плец, А.Ф. Духович (надворный советник), золотопромышленник П.К. Гудков, красноярский городской голова Н.А. Шепетковский, горный инженер Г.Ю. Стемшневский, товарищ председателя Красноярского окружного суда В.С. Могучий, а по «должности» – исполняющий должность прокурора Красноярского окружного суда Ф.И. Подольков, губернский тюремный инспектор Н.А. Ласкарев, священник отец И. Рязанский, непременный член губернского по крестьянским делам присутствия В.И. Новаков, частный поверенный Ф.Ф. Филимонов (ГАКК. Ф. 216. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1-1 об., 11; Ф. 595. Оп. 8. Д. 5051. Л. 57-57 об.; Kattsina, 2017: 535-536). Во всех случаях лица по «должности» получали статус непременных членов Общества, который освобождал их от уплаты обязательных взносов.

Важной задачей подготовительных комиссий было привлечение максимального количества членов, от числа которых зависело финансовое благополучие Общества. Еще на этапе разработки устава учредители Томского Общества сочли необходимым убрать какие-либо социальные ограничения, препятствующие вступлению в Общество широким социальным слоем, с тем, чтобы привлечь в его состав как можно больше людей. С этой же целью была установлена градация членских взносов (в 5 руб., 3 руб., 2 руб. и 1 руб.), которая дала возможность всем сочувствующим целям Общества вступать в его ряды, несмотря на разность своего имущественного состояния (Томское общество..., 1897: 6). На наращивание членской массы также было направлено проведение подготовительными комиссиями широкой информационной кампании с использованием местных газет, в которых с определенной периодичностью размещались статьи о причинах возникновения и состоянии решения проблем детской преступности в Сибири, о важности извлечения несовершеннолетних из тюрем, целях и возможностях исправительного воспитания.

Несмотря на активную агитацию в прессе, воззвания с просьбой об оказании материальной и(или) денежной поддержки, не получили живого отклика со стороны общественности. Объяснялось это тем, что для большинства населения Сибири печатное слово оставалось недоступным. Важное значение также имела специфика опекаемого Обществами контингента, который традиционно не пользовался большим сочувствием среди населения. По этой причине привлечение новых членов в ряды Обществ проходило с опорой на административный ресурс. Так, учредители Обществ, пользуясь собственным должностным положением, активно распространяли членские билеты Общества среди своих коллег и подчиненных (преимущественно представителей судебного и тюремного ведомств) (Отчет о действиях комитета, 1901: 2). Данный способ расширения рядов членов благотворительной организации выглядел весьма эффективным. Желание угодить руководству, как и боязнь потерять его расположение, способствовали быстрому росту членов Общества. Так, например, только за первый год своего существования количество членов Томского общества достигло 422 человек (подсчитано по: Томское общество, 1897: 34-41). В него записался почти весь личный состав местного

судебного и тюремного ведомств, некоторые чины губернской и городской администраций (Д., 1897: 232), а кроме того – прокурор Красноярского окружного суда и шесть служащих по Министерству юстиции в Енисейской губернии (ГАКК. Ф. 516. Оп. 1. Д. 1845. Л. 2-2 об., 9-10). Обратной стороной выбранной стратегии были сужение социальной базы и индифферентное отношение новоиспеченных членов Общества к его деятельности. В результате во всех сибирских Обществах уже спустя два-три года со времени утверждения уставов наблюдался резкий отток участников, который сопровождался финансовым кризисом Обществ.

5. Заключение

Включение Обществ земледельческих колоний и ремесленных приютов в российскую пенитенциарную систему стало результатом победы ученых-криминалистов над архаичными представлениями о «первородной греховности» и моральной испорченности подростка, совершившего правонарушение, а также принятия обществом ответственности за его порочное поведение. Несмотря на заинтересованность государства в организации подобных Обществ, на практике их учредителям на местах пришлось приложить немалые усилия для преодоления неповоротливости и узости интересов бюрократической системы, ставших реальными препятствиями при реализации данного социального проекта. Успех таких Обществ в создании исправительных учреждений для несовершеннолетних во многом определялся степенью приверженности его руководства общему делу, его возможности задействовать достаточное количество материальных и людских ресурсов, наладить диалог и сотрудничество с властями, мобилизовать средства благотворителей. Ввиду отсутствия возможности привлечь к участию в реализации социального проекта широкие слои населения формирование сибирских Обществ проходило с опорой на кадровый ресурс тюремного и судебного ведомств, служащие которых составляли абсолютное большинство их членов. Однако по причине полупринудительного характера формирования Обществ большинство их членов оставалось совершенно безразличным к судьбе благотворительной организации и состояло в ней лишь с целью воспользоваться известными выгодами в виде получения социального статуса, почетных званий, приобретения связей в деловой среде, улучшения служебного положения. В результате этого более или менее деятельное участие в жизни Обществ принимало лишь очень незначительное меньшинство, благодаря которому поддерживалось их существование.

Литература

Альбицкий, Ширген, 1893 – Альбицкий Е.И., Ширген А. Исправительно-воспитательные заведения для несовершеннолетних преступников и детей брошенных в связи с законодательством о принудительном воспитании. Саратов, 1893. 302 с.

Бейтгилель, 1889 – Бейтгилель Д.Л. Популярные этюды об исправительных колониях для несовершеннолетних преступников. Вильна, 1889. 77 с.

Беляева, 1995 – Беляева Л.И. Становление и развитие исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России (середина XIX – начало XX вв.). М., 1995. 100 с.

Белянкова, 2010 – Белянкова Е.И. (2010). Роль общественности в педагогической профилактике преступности несовершеннолетних в Российской империи в конце XIX – начале XX в. // *Вопросы образования*. № 1. С. 236-246.

Богдановский, 1871 – Богдановский А.М. Молодые преступники. Вопрос уголовного права и уголовной политики. 2-е изд., испр. и доп., с приложением Регламента Метрейской колонии и проекта Устава Одесского исправительного приюта. СПб., 1871. 301 с.

Восточное обозрение – *Восточное обозрение*. 1898. 16 января. 4 с.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Д., 1897 – Д. Томское общество земледельческих колоний и ремесленных приютов // *Журнал министерства юстиции*. 1897. № 6. С. 231-233.

Иваняков, 2010 – Иваняков Р.И. (2010). Финансовое обеспечение воспитательно-исправительных учреждений для несовершеннолетних преступников и правонарушителей в дореволюционной России // *Вестник Владимирского юридического института*. № 2 (15). С. 158-161.

Иркутские губернские ведомости, 1898 – *Иркутские губернские ведомости* 1898. 1 апреля. 10 с.

Кистяковский, 1878 – Кистяковский А.Ф. Молодые преступники и учреждения для их исправления, с обзором русских учреждений. Киев, 1878. 213 с.

Отчет о действиях Комитета, 1901 – Отчет о действиях Комитета томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за время с 1897 по 31 декабря 1899 г. Томск, 1901. 17 с.

Русское уголовное право, 1902 – Русское уголовное право. Лекции Н.С. Таганцева. Т. II. СПб., 1902. С. 822-1460.

Синова, 2014 – Синова И.В. Дети в городском российском социуме во второй половине XIX – начале XX вв.: проблема социализации, девиантности и жестокого обращения. СПб., 2014. 287 с.

Тальберг, 1882 – Тальберг Д. Исправительные приюты и колонии в России. СПб., 1882. 63 с.

- Тобольские губернские ведомости** – *Тобольские губернские ведомости*, 1896. № 16. 25 апреля. 478 с.
- Томское общество...**, 1897 – Томское общество земледельческих колоний и ремесленных приютов за первый (1896–1897) год своего существования. Томск, 1897. 47 с.
- Устав...**, 1896 – Устав Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов. Томск, 1896. 22 с.
- Чаславский, 1868** – *Чаславский В.И.* О земледельческих колониях и ремесленных приютах. СПб., 1868. 31 с.
- Kattsina, 2017** – *Kattsina T.A.* Societies of Agricultural Colonies and Craft Shelters in Siberia (the end of XIX – the beginning of the XXth century): Realization of Social Expectations // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 44., Is. 2, pp. 533–541.
- Mill, 2010** – *Mill T.* Zur Erziehung verurteilt. Die Entwicklung des Jugendstrafrechts im zaristischen Russland 1864–1917. Frankfurt am M., 2010.

References

- Al'bitskii, Shirgen, 1893** – *Al'bitskii E.I., Shirgen A.* (1893). Ispravitel'no-vospitatel'nye zavedeniya dlya nesovershennoletnikh prestupnikov i detei zabroshennykh v svyazi s zakonodatel'stvom o prinuditel'nom vospitanii [Correctional and educational institutions for juvenile criminals and children abandoned in connection with the legislation on forced education]. Saratov. 302 p. [in Russian]
- Beitgilel', 1889** – *Beitgilel' D.L.* (1889). Populyarnye etyudy ob ispravitel'nykh koloniyakh dlya nesovershennoletnikh prestupnikov [Popular sketches about correctional colonies for juvenile offenders]. Vil'na. 77 p. [in Russian]
- Belyaeva, 1995** – *Belyaeva L.I.* (1995). Stanovlenie i razvitie ispravitel'nykh zavedenii dlya nesovershennoletnikh pravonarushitelei v Rossii (seredina XIX – nachalo XX vv.) [The formation and development of correctional institutions for minor offenders in Russia (the middle of XIX – early 20th centuries)]. Moskva. 100 p. [in Russian]
- Belyankova, 2010** – *Belyankova E.I.* (2010). Rol' obshchestvennosti v pedagogicheskoi profilaktike prestupnosti nesovershennoletnikh v Rossiiskoi imperii v kontse XIX – nachale XX v. [Role of the public in pedagogical prevention of crime of minors in the Russian Empire at the end of XIX – the beginning of the 20th century]. *Voprosy obrazovaniya*. № 1. Pp. 236–246. [in Russian]
- Bogdanovskii, 1871** – *Bogdanovskii A.M.* (1871). Molodye prestupniki. Vopros ugovornogo prava i ugovornoj politiki. 2-e izd., ispr. i dop., s prilozheniem Reglamenta Metreiskoi kolonii i proekta Ustava Odesskogo ispravitel'nogo priyuta [Young criminals. The issue of criminal law and criminal policy]. SPb. 301 p. [in Russian]
- Vostochnoe obozrenie** – *Vostochnoe obozrenie* [Eastern Review]. 1898. 16 yanvarya. 4 p. [in Russian]
- GAKK** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of the Krasnoyarsk Krai].
- D., 1897** – D. (1897) Tomskoe obshchestvo zemledel'cheskikh kolonii i remeslennykh priyutov [Tomsk Society of Agricultural Colonies and Craft Shelters]. *Zhurnal ministerstva yustitsii*. № 6. Pp. 231–233. [in Russian]
- Ivanyakov, 2010** – *Ivanyakov R.I.* (2010). Finansovoe obespechenie vospitatel'no-ispravitel'nykh uchrezhdenii dlya nesovershennoletnikh prestupnikov i pravonarushitelei v dorevolyutsionnoi Rossii [Financial support of educational and correctional institutions for juvenile criminals and offenders in pre-revolutionary Russia]. *Bulletin of the Vladimir Institute*. № 2 (15), pp. 158–161. [in Russian]
- Irkutskie gubernskie vedomosti, 1898** – *Irkutskie gubernskie vedomosti* [Irkutsk Provincial Gazette], 1898. 1 aprelya. 10 p. [in Russian]
- Kistyakovskii, 1878** – *Kistyakovskii A.F.* (1878). Molodye prestupniki i uchrezhdeniya dlya ikh ispravleniya, s obozreniem russkikh uchrezhdenii [Young criminals and institutions for their correction, with an overview of Russian institutions]. Kiev. 213 p. [in Russian]
- Otchet o deistviyakh Komiteta, 1901** – Otchet o deistviyakh Komiteta tomskogo obshchestva zemledel'cheskikh kolonii i remeslennykh priyutov za vremya s 1897 po 31 dekabrya 1899 g. [Report on the actions of the Committee of the Tomsk Society of Agricultural Colonies and Craft Shelters for the period from 1897 to December 31, 1899]. Tomsk, 1901. 17 p. [in Russian]
- Russkoe ugovolnoe pravo, 1902** – Russkoe ugovolnoe pravo. Lektsii N.S. Tagantseva [Russian criminal law. Lectures by N. S. Tagantsev]. T. II. SPb. 1902. p. 822–1460. [in Russian]
- Sinova, 2014** – *Sinova I.V.* (2014). Deti v gorodskom rossiiskom sotsiume vo vtoroi polovine XIX – nachale KhKh vv.: problema sotsializatsii, deviantnosti i zhestokogo obrashcheniya [Children in urban russian socium in the second half of XIX – early 20th centuries: the problem of socialization, deviance and abuse]. SPb. 287 p. [in Russian]
- Tal'berg, 1882** – *Tal'berg D.* (1882). Ispravitel'nye priyuty i kolonii v Rossii [Penitentiary shelters and colonies in Russia]. SPb. 63 p. [in Russian]
- Tobol'skie gubernskie vedomosti** – *Tobol'skie gubernskie vedomosti* [Tobolsk Provincial Gazette], 1896. №16. 25 aprelya. 478 p. [in Russian]

[Tomskoe obshchestvo..., 1897](#) – Tomskoe obshchestvo zemledel'cheskikh kolonii i remeslennykh priyutov za pervyi (1896–1897) god svoego sushchestvovaniya. Tomsk, 1897 [Tomsk society of agricultural colonies and craft shelters for the first (1896–1897) year of its existence]. 47 p. [in Russian]

[Ustav..., 1896](#) – Ustav Tomskogo obshchestva zemledel'cheskikh kolonii i remeslennykh priyutov [Charter of the Tomsk Society of agricultural colonies and craft shelters]. Tomsk, 1896. 22 p. [in Russian]

[Chaslavskii, 1868](#) – *Chaslavskii V.I.* (1868). O zemledel'cheskikh koloniyakh i remeslennykh priyutakh [About agricultural colonies and craft shelters]. SPb. 31 p. [in Russian]

[Shimanovskii, 1884](#) – *Shimanovskii M.V.* (1884). Ocherk vozniknoveniya ispravitel'no-vospitatel'nykh zavedenii dlya maloletnikh prestupnikov v Rossii [Essay on the emergence of correctional and educational institutions for juvenile delinquents in Russia]. Odessa. 33 p. [in Russian]

[Kattsina, 2017](#) – *Kattsina T.A.* (2017). Societies of Agricultural Colonies and Craft Shelters in Siberia (the end of XIX – the beginning of the XXth century): Realization of Social Expectations. *Bylye Gody*. Vol. 44, Is. 2, pp. 533-541.

[Mill, 2010](#) – *Mill T.* (2010). Zur Erziehung verurteilt. Die Entwicklung des Jugendstrafrechts im zaristischen Russland 1864–1917. Frankfurt am M. [in German]

Организационный потенциал Обществ земледельческих колоний и ремесленных приютов на стадии формирования (на примере Сибири конца XIX – начала XX вв.)

Наталья Васильевна Пашина ^a, Татьяна Анатольевна Катцина ^{a, b, *}, Людмила Эдгаровна Мезит ^b, Валерий Иванович Федорченко ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Красноярский государственный педагогический университет имени В.П. Астафьева, Российская Федерация

Аннотация. Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов имеют в Сибири короткую (1895–1917 гг.), но уникальную историю. На протяжении немного более 20 лет они создавали и обеспечивали функционирование исправительных заведений, где дети и подростки содержались изолированно от взрослых преступников, а тюремный режим заменялся воспитательным и сочетался с трудовым и духовно-нравственным воздействием на личность воспитанника. В центре авторского анализа – деятельность подготовительных комиссий, обеспечивающих организационно-правовые мероприятия от разработки учредительных документов до привлечения ресурсов (материальных и финансовых средств, организационных способностей действующих лиц) будущих обществ. Изучение таких Обществ показало, что процветание любого из них зависело от уровня организационного потенциала, определяемого как способность привлечь к достижению поставленной цели те организации и тех людей, которые могут внести в этот процесс положительный вклад. Несмотря на значимость социального проекта, его реализации в Сибири препятствовали отсутствие поддержки со стороны населения, не проявлявшего деятельного сочувствия подросткам, уличенным в совершении правонарушений, и косность административно-управленческого аппарата. Статья верифицирует утверждение ряда российских исследователей о том, что членство и сбор пожертвований в пользу благотворительных организаций, действующих на территории Сибири, не всегда носили добровольный характер.

Ключевые слова: Общество земледельческих колоний и ремесленных приютов, ресурсы, организационный потенциал, подготовительная комиссия.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tkatsina@sfu-kras.ru (Т.А. Kattsina)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1202-1217. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1202
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Women in the Service of Russian Ministry of Internal Affairs (second half of the XIX – early XX centuries)

Valentina A. Veremenko ^{a, *}

^a Pushkin Leningrad State University, Russian Federation

Abstract

The article, based on a wide range of sources, primarily archival ones, examines the status and working conditions of women who served in Russian Ministry of Internal Affairs during the post-reform period.

The attention is drawn to the fact that despite the official prohibition of admitting women to work in state institutions, thousands of them served in the structure of this department during the period under study.

Telegraph and prison attendants during the 1860–1890s have risen from working as an experiment or on the local administration initiative to full equality in rights with their male colleagues.

Clerical female officials at the beginning of the XX century continued to perform their functions outside the legal framework. In need of qualified workers, but unable to find the required number of educated, disciplined and low maintenance employees among men, the heads of both central and local structures of the Ministry of Internal Affairs hired women for various, sometimes full-time, positions. But, receiving the same salary as men, women working “illegally” did not have any rights in the context of service. Attempts to give their activities an official status were not realized.

Female servants were the latest to appear in the Ministry of Internal Affairs. The image of ministerial “barmaid”, which had become familiar by the First World War beginning, was an important sign of radical changes in the views of various strata of Russian society on the female employment.

Keywords: Russian Empire, Ministry of Internal Affairs, post-reform period, women employees, telegraph operators, chancellery, prison attendants, servants of institutions.

1. Введение

Пореформенный период в истории России стал временем активного привлечения женщин к работе по найму в различных секторах отечественного хозяйства. Наибольшее их число трудилось в домашнем услужении, на фабриках и заводах, в ремесленных мастерских, наконец, выполняя обязанности поденщиц (см. подр. Вахромеева, 2014; Веремченко, 2013а; Веремченко, 2013b; Веремченко, 2020; Залунаева, 2005; Северцева, 2016; Северцева, 2017). Получившие среднее и высшее образование чаще всего находили применение своим силам в педагогической и медицинской сферах (см. подр. Вахромеева, 2009; Казакова, 2009; Косетченкова, 2010; Котлова, 2003; Морозова и др., 2019). Несмотря на действовавшей в России до начала XX в. запрет на привлечение женщин к государственной службе, как подчеркивалось, даже по найму (кроме медицинской, педагогической и, с ограничениями, телеграфной деятельности) (*Устав о службе, 1897: 50; ст. 156-157*), в пореформенный период тысячи женщин зарабатывали свой нелегкий хлеб, работая в различных государственных структурах империи. Они занимали самые разные должности – от буфетчиц до переводчиц, от телеграфисток до фотографов...

Целью данной статьи является характеристика применения женского труда в Министерстве внутренних дел России во второй половине XIX – начале XX вв. Исследованию подвергается

* Corresponding author

E-mail addresses: v.a.veremenko@ya.ru (V.A. Veremenko)

положение телеграфисток, конторских и низших служащих в системе МВД, требования, предъявляемые к соискательницам этих должностей, а также условия их работы.

2. Материалы и методы

Источниками для написания статьи явились многочисленные делопроизводственные документы государственных органов и структур различного уровня, данные статистики, публицистические произведения и материалы периодических изданий, наконец, художественная литература. Значительная часть архивных документов впервые вводится в научный оборот.

В статье использован методологический подход, сочетающий в себе исследовательские приемы, характерные для истории повседневности (прежде всего, метод исторической реконструкции) и гендерной истории. Исследование базируется на основных идеях и принципах теории модернизации, что предопределяет значимость изучения адаптации различных социальных групп к серьезным изменениям социально-экономического характера, происходившим в России во второй половине XIX – начале XX вв. Эти направления дополняют друг друга и дают возможность всесторонне рассмотреть требования, которые предъявляли к службе женщин в различных подразделениях МВД, условия их работы, выявить различие в положении женщин и мужчин, занимавших одну и ту же должность и выполнявших одинаковую работу.

3. Обсуждение

Вопрос о привлечении женщин к службе в различных государственных структурах в пореформенный период стал активно разрабатываться в историографии в последнее десятилетие. Благодаря серии работ В.А. Сердюка, значительно расширилось представление о роли женщин в функционировании казенных и частных железных дорог (Сердюк, 2015; Сердюк, 2018а; Сердюк, 2018б). Условия использования женского труда Морским министерством рассмотрела И.В. Синова (Синова, 2019). Причины привлечения женщин на службу в Министерство внутренних дел в начале XX в. и суть возникшей в этой связи в ведомстве дискуссии наиболее полно осветил Г.В. Гарбуз (Гарбуз, 2009). Во многом дублируют его положения С.Н. Жаров и Е.П. Татарина (Жаров, 2015; Татарина, 2017). Есть несколько статей, в которых характеризуется положение работников почтово-телеграфного ведомства, низших муниципальных и тюремных служащих, значительную часть которых составляли женщины (Егорова, 2018; Желтов, 2016; Лосич, 2006; Полянина, 2017; Толстогузов, 2018). Интересные сведения из биографий отдельных известных женщин, трудившихся в российских научных организациях в конце XIX – начале XX вв., представлены в коллективной монографии «Российские женщины-ученые: наследие» (Российские женщины-ученые, 2017).

Однако на сегодняшний день отсутствует исследование, в котором дается комплексный анализ тех сфер деятельности (кроме педагогической и медицинской), которые были доступны для занятия женщинами в различных структурах Министерства внутренних дел в пореформенный период, несмотря на существовавшие в законе запреты и ограничения, тех требований, которые выдвигались соискательницам, и тех условий, в которых служащим-женщинам приходилось трудиться.

4. Результаты

Вопрос о допуске женщин на государственную службу

Вопрос о возможности допуска женщин на государственную службу был впервые поднят во властных структурах империи в декабре 1870 г. Инициатором его обсуждения выступил главноуправляющий III отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии П.А. Шувалов. Тему это он предложил вынести на заседание Совета министров, так как считал крайне опасным то, что значительное число женщин под воздействием активного обсуждения в печати вопроса о женской эмансипации стремилось проявить себя за пределами «домашнего очага». Их приток на службу, указывал главноуправляющий, с одной стороны, станет ударом по семейной жизни, а с другой – привлечет в систему управления лиц, в большей степени руководствующихся чувством, а не разумом, т.е. значительно менее приспособленных к службе, чем мужчины. Вместе с тем, по мнению П.А. Шувалова, российская женщина могла бы достойно зарабатывать свой хлеб и послужить и своей семье, и обществу на педагогическом или медицинском поприщах (РГИА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 1127. Л. 16-18; Сердюк, 2018б: 201-202).

Совет министров поддержал предложения главноуправляющего III отделением, и уже 14 января 1871 г. последовал именной указ Александра II Правительствующему сенату, определивший «круг полезной для государства и общества служебной деятельности лиц женского пола» (РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 43. Л. 8; ПСЗ РИ. Собр. 2. 1871, № 49137). Указ нашел отражение в «Уставе о службе гражданской». Так, ст. 156 утверждала: «На канцелярские и другие должности во всех правительственных и общественных учреждениях, где места предоставляются по назначению от начальства или по выборам, воспрещен прием женщин даже и по найму». В то же время уже следующая, 157-я статья Устава, несколько смягчала данное положение, допуская привлечение женщин на службу в благотворительные, медицинские и образовательные учреждения, а также в некоторые учреждения «по счетной части» и почтово-телеграфного ведомства. В 1890 г. официально

к этому списку добавились еще и адресные столы полицейских подразделений. При этом оговаривалось, что женщины могут занимать канцелярские, врачебные, преподавательские должности исключительно по вольному найму «без предоставления им каких-либо прав и преимуществ, государственной службой приобретаемых, а равно и права замещения штатных должностей» (Устав о службе, 1897: 50, ст. 156-157; ПСЗ РИ. Собр. 3. 1890. № 7264).

Как утверждалось, император Александр II даровал это, хотя и ограниченное, право женщинам поступать на оплачиваемую службу, чтобы спасти разорившихся дворянок от полной нищеты (Кузнецова, 2016: 28).

Вопрос о более широком привлечении женщин к службе в Министерстве внутренних дел был снова актуализирован в 1909 г. Как справедливо отмечает Г.В. Гарбуз, главным стимулом к этому стало стремление обеспечить государственный аппарат достаточным количеством квалифицированных специалистов с высшим и средним образованием без радикального увеличения должностных окладов служащих. Проблема особенно обострилась в период первой русской революции, когда, с одной стороны, исполнение обязанностей чиновников, особенно мелких, стало в значительной степени опасным, да и малопривлекательным для либерально настроенной образованной публики, а с другой – представители бывших податных сословий получили возможность свободно поступать на государственную службу. В результате многие занимавшие вакансии соискатели с трудом могли исполнять свои обязанности, да и нередко отличались «халатным отношением к службе». В такой ситуации активное привлечение в различные учреждения МВД женщин могло в определенной степени решить вопрос кадрового голода (Гарбуз, 2009: 23-24).

Вместе с тем для руководства ведомства не было секретом то, что в значительном числе структур МВД «лица женского пола занимают до сего времени, вопреки прямому запрещению 156 ст. Уст. Сл. Прав., и несут обязанности не только переписчиков, но и во многих случаях по серьезным и ответственным должностям без всяких прав и ответственности» (РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 43. Л. 8об.). Поэтому, прежде чем принять решение об официальном закреплении сложившейся практики и подготовке «законопроекта о допущении женщин на службу по ведомству Министерства», руководителям всех учреждений МВД были направлены официальные письма, в которых предлагалось дать подробные сведения о служащих в соответствующей структуре женщинах и ответить на следующие вопросы: «1) признаете ли Вы полезным допущение женщин во вверенное Вам учреждение; 2) необходимо ли установить для приема их на службу какой-либо образовательный или иной ценз; 3) какого рода служебные обязанности возможно возложить на них и какие штатные должности можно замещать женщинами (по найму или со служебными правами); 4) какие служебные преимущества (в том числе право на пенсию) возможно им предоставить и при каких условиях и 5) не следует ли ограничить число служащих женского пола определенной нормой и в утвердительном случае, какой именно» (РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 43. Л. 1-10б.).

Отзывы, полученные от 94 губернаторов и руководителей 15 центральных учреждений Министерства показали, что «женский труд получил применение в 85 губерниях и областях и во всех центральных установлениях, кроме Главного управления почт и телеграфов». На вопросы ответили 92 губернатора, из которых 56 признали доступ женщин в «правительствующие учреждения» МВД не только желательным, но и «полезным»; 26 назвали их труд только «допустимым», притом с некоторыми ограничениями (возраст, семейное положение, «круг учреждений» и проч.), и только 11 «высказались за нежелательность замещения канцелярских должностей лицами женского пола ввиду создаваемой этим конкуренции мужчинам». В отношении образовательного ценза большинство руководителей высказалось за необходимость наличия у соискательницы среднего образования. 3/4 приславших отзыв посчитали «лиц женского пола пригодными к замещению не только канцелярских, но и штатных должностей». Правда, только 26 губернаторов считали возможным повышать женщин-служащих до должностей столоначальников, остальные же предлагали ограничить карьерный рост соискательниц низкими ступенями или давать им такие занятия, чтобы «женщины не имели подчиненных». По вопросу «объема служебных преимуществ» 28 губернаторов предложили «приравнять лиц женского пола во всех служебных правах к мужчинам», большинство же было склонно в той или иной степени ограничить права женщин. Наибольшее разнообразие в ответах руководителей было по вопросу о возможной численности или процентной норме женщин в учреждении. Варианты ответов колебались от равного количеству мужского контингента до 5 % от штата. Но все же большинство предложило не ограничивать в этом вопросе «начальство», предоставив ему самому решать, насколько стоит «пополнять состав канцелярии женским элементом» (РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 43. Л. 8об.-10).

По итогам обсуждения осенью 1911 г. был разработан и направлен в Совет министров проект правил службы женщин в МВД. Согласно данному документу, допущение женщин к служебным занятиям должно было ограничиваться рядом обстоятельств. Во-первых, предполагалось закрыть доступ в канцелярию ведомства женщинам – иностранным подданным и лицам иудейского вероисповедания. Во-вторых, женщины не могли получать классный чин и награждаться орденами. В-третьих, «полагалось положить предел служебному повышению женщин» должностями столоначальников и делопроизводителей, относящихся к VII классу. При этом повышение «до этих

пределов» предполагалось обусловить образовательным цензом не ниже средних учебных заведений. Наконец, количество служащих в учреждении женщин не должно было превышать 1/5 всех штатных должностей. Наиболее существенным было право на получение пенсии, приобретенной личной службой женщины, «хотя бы ей причиталась и пенсия за службу мужа». Дети же могли получать только одну пенсию – либо за отца, либо за мать – более для них выгодную. Служившим до издания этих правил женщинам предполагалось предоставить право учитывать свой уже выработанный стаж для получения пенсии или пособия (РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 43. Л. 14-150б.). Однако намеченного обсуждения в законодательных органах данного проекта так и не произошло.

В очередной раз руководство Министерства вернулось к этой теме в июле 1916 г., когда департамент общих дел МВД издал циркуляр № 52, в котором снова анонсировал подготовку законопроекта о допущении женщин на службу в различные структуры ведомства на тех же основаниях, которые были определены за пять лет до этого. И опять в различные подразделения Министерства полетели требования сообщить об имевшемся опыте применения женского труда и ответить на вопросы об условиях его официального использования... (Жаров, 2015: 85).

Таким образом, в течение всего исследуемого периода значительное число трудившихся в Министерстве внутренних дел женщин осуществляло свою деятельность нелегально, вопреки четко прописанному в законе запрету. Попытки придать деятельности тружениц официальный статус и обеспечить их определенными правами так и не были реализованы.

Рассмотрим же, какие должности (помимо врачебных) занимали женщины в структуре Министерства внутренних дел имперской России.

Телеграфистки

Служащие телеграфного, а затем почтово-телеграфного отделения принадлежали к той группе трудившихся в структуре МВД женщин, которые выполняли свои обязанности вполне официально и были наделены не только обязанностями, но и правами...

Впервые, «в качестве пробы», МВД разрешило женщинам работать на телеграфе в Великом княжестве Финляндском в 1865 г. Первоначально планировалось ограничить этот эксперимент только данной территорией и 3 годами (Лосич, 2006: 80). Главной причиной такого допуска стала невозможность найти среди мужчин необходимого числа кандидатов, обладавших достаточным образованием, но готовых трудиться за незначительное вознаграждение (Пик, 1922: 13).

Для желающих поступить на службу женщин были установлены особые требования, распространенные в дальнейшем и на другие регионы. На должности телеграфистки могли претендовать вдовы; девицы не моложе 18 лет и не старше 25 лет; замужние женщины, только в том случае, если их мужьями были чиновники телеграфного ведомства (Вязигина, Лебедев, 1987: 17). За 1865–1871 гг. вышло замуж 30 телеграфисток, из них – 26 сочетались браком со своими коллегами по службе, а 4 – с представителями других профессий. Этим четырех женщин уволили со службы (Базилевич, 1925: 32).

Оклад первых служащих женщин составлял не более 300 рублей в год. Они могли дослужиться только до 3 разряда, не имели права руководить телеграфными станциями. Также они были лишены премий и прочих материальных поощрений (Пик, 1922: 13; Базилевич, 1925: 32).

На постоянной основе женщин-телеграфисток стали брать на службу только с 1871 г., после выхода рассмотренного выше именного указа Александра II Правительствующему сенату. А когда в 1884 г. Почтовый департамент был объединен с Телеграфным и было образовано Главное управление почт и телеграфов в составе Министерства внутренних дел, женщины стали принимать и на службу в почтовые учреждения (Базилевич, 1925: 35; Марченков, 2002: 108).

В 1883 г. правила поступления на службу для женщин и их права были несколько изменены и расширены: теперь женщины-телеграфистки могли рассчитывать на повышение до второго разряда. Официально суммарное число служащих в телеграфном (почтово-телеграфном) ведомстве женщин не должно было превышать 25 % от штатных мест, но для столиц и Финляндии делалось исключение. Там женщины подчас составляли до половины состава учреждений (Циркуляр от 30 декабря 1883: 6; Базилевич, 1925: 33). В то же время в провинции число их, как правило, не доходило и до разрешенной процентной нормы, составляя менее 10 % контингента. Так, по данным всеобщей переписи населения в Архангельской губернии на 1897 г., в почтово-телеграфном ведомстве служило 12 сотрудниц, а в Смоленской – 30, что составляло 5 и 8 % штата учреждения (Архангельская губ.: 94; Смоленская губ.: 154-155).

Кардинально статус женщин, служащих в почтово-телеграфном ведомстве, изменился весной 1904 г. В соответствии с новыми правилами, высочайше утвержденными 17 мая 1904 г., они получали права государственной службы и возможность занимать должности вплоть до начальников-чиновников почтово-телеграфных ведомств. Серьезное ограничение оставалось только одно – невозможность для служащих-женщин, сохраняя работу, вступить в брак с кем-либо, кроме коллег. Но для служащих на Петербургском телеграфе и эта норма была отменена уже на следующий год (ПСЗ. Собр. 3. Т. XXIV. 1904. № 7928; Пик, 1922: 14; Известия и факты, 1905).

К 80-м гг. XIX в. в России сложились определенные требования к поступающим в телеграфистки, мало изменившиеся в последующие годы. Вместе с прошением о принятии на службу

необходимо было предоставить следующие документы: метрическое свидетельство, вид на жительство, свидетельство об образовании (или воспитании), удостоверение гражданского начальства о безупречном поведении. Преимущество, как и ранее, предоставлялось незамужним девушкам до 25-ти лет. Женщин старше этого возраста брали только в исключительных случаях, с разрешения директора телеграфа, который и рассматривал их прошение (Полянский, 1901: 66-69).

Формально на службу разрешалось принимать специалистов, имевших «для того необходимые познания», независимо от происхождения и подданства (Бугаева, 2008: 5). Однако большинство женщин, трудившихся в почтово-телеграфном ведомстве, по своему происхождению были дворянками или дочерьми чиновников. Анализ формулярных списков служащих в столице Российской империи показывает, что, помимо представительниц дворянско-чиновничьей среды, встречались еще мещанки и выходцы из духовного сословия, вместе с тем ни одной женщины крестьянского происхождения в данных документах не было обнаружено (ЦГИА СПб. Ф. 1209. Оп. 16).

Образовательный ценз включал наличие свидетельства о прохождении учебного курса не ниже четырех первых классов женских гимназий, епархиальных женских училищ или других соответствующих им учебных заведений (ПСЗ. Собр. 3. Т. XXIV. 1904. № 7928).

Отвечающие всем необходимым параметрам соискательницы должны были пройти обязательное обучение в телеграфных школах. Наибольшей популярностью пользовалась Телеграфная школа при Управлении городских телеграфов в Санкт-Петербурге, существовавшая с 1874 г. (Б.А., 1906).

После обучения проходил экзамен, который назначал сам начальник телеграфного управления или округа. В зависимости от будущей должности экзамен включал в себя такие предметы, как русский язык, арифметика, физика, а для претендующих на более высокий разряд – знание не менее чем двух иностранных языков (Цукор, 2008).

Окончательно женщина считалась принятой после того как по прохождении экзамена и собеседований являлась на принятие присяги на верность службе и присяги на верность царю и отечеству, что фиксировалось в ее формулярном списке (ЦГИА СПб. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 555. Л. 10). Уже на это мероприятие служащая почтово-телеграфного ведомства должна была явиться в приготовленной ею за свой счет форменной одежде, обязательно соответствовавшей всем требованиям, которые были максимально расписаны (ЦГИА СПб. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 555. Л. 10).

Верхняя одежда состояла из пальто, сшитого из ткани драдедам (или плотной непрозрачной ткани) черного цвета, на пальто должны были быть белые пуговицы, по бортам пальто и обшлагам рукавов отделка желтой выпушкой, на воротнике две бархатные петлицы с пуговицами и желтой выпушкой кругом (Полянский, 1901: 76). Пояс должен быть из лакированной кожи «с пряжкой и телеграфным на ней знаком» (ЦГИА СПб. Ф. 1543. Оп. 6. Д. 770. Л. 16). Платье должно было быть простого покроя темного цвета (здесь разрешалось использовать ткани коричневых, серых и черных тонов), однообразного фасона в пол, с длинными рукавами – то есть платья должны были быть полностью закрытыми и скромными (Лосич, 2006).

Жалованье женщины-чиновницы почтово-телеграфной службы зависело от разряда, к которому она принадлежала. Разряды строились в порядке убывания: от шестого – к первому. Причем 6 разряд делился по оплате на низший и высший оклады. С 1889 г. было установлено правило, по которому служащие в почтово-телеграфном ведомстве женщины получали равное с мужчинами, имевшими одинаковый с ними служебный статус, денежное содержание (Циркуляр. 10 июля 1889, № 47: 3)

Основная масса телеграфисток имела пятый (равный мужскому третьему) разряд с жалованьем в 360 руб. в год. Для его получения необходимо было владеть иностранными языками. Очевидно, что за такую сумму практически невозможно было взять на работу (особенно в столицах) образованного мужчину (ЦГИА СПб. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 555. Л. 24).

Помимо жалованья, денежное содержание служащих включало еще «столовые деньги». В уже упомянутом пятом разряде сумма их составляла 90 руб. в год (ЦГИА СПб. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 49. Л. 1). Однако право на доплату надо было еще заслужить. Прибавку в виде «столовых» денег предоставляли только после 6 месяцев безупречной службы, в течение которых руководство могло убедиться в «твердых знаниях телеграфной службы» и «исправном исполнении служебных обязанностей» новичка (Полянский, 1901: 68).

Почтово-телеграфное ведомство предоставляло части своих сотрудников либо бесплатное казенное жилье, либо так называемые «квартирные деньги» для съема жилых помещений. Размер их также зависел от занимаемого разряда и не должен был превышать 30 % от жалованья. Так, для пятого разряда он, как правило, составлял 80–100 руб. в год (Базилевич, 1925: 23; ЦГИА СПб. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 555. Л. 32). Но квартирных денег и казенных квартир хватало не на всех, и поэтому около половины работников не получали ни того, ни другого...

К праздникам и в тяжелой жизненной ситуации (в связи с болезнью, смертью близких и т.д.) женщинам, как и их коллегам мужчинам, полагались денежные выплаты. Но суммы, как правило, были очень небольшие – от 3 до 10 р. одновременно, хотя в отдельных, особо уважительных случаях

«денежная выдача» могла достигать и 50–60 р. (РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 367. Л. 27 об.; Ф. 1284. Оп. 250. Д. 114. Л. 418).

В течение 13 лет – с 1888 по 1901 гг. – для служащих в почтово-телеграфном ведомстве женщин действовал обязательный 6 % взнос в эмеритальный фонд, за счет которого предполагалось покрывать расходы на пенсии участников. Отмена этого платежа с 1 января 1901 г. и полный перевод обеспечения престарелых и потерявших на службе здоровье чиновников на плечи государства способствовали улучшению материального положения служащих. По выслуге лет женщинам-телеграфисткам и их семьям выдавались пенсии и пособия из государственного казначейства. Выплаты производились из окладов, которые соответствовали занимаемой должности (ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. XXI. 1900. СПб, 1901. № 8567).

Помимо пенсии, важным преимуществом служащих в почтово-телеграфном ведомстве женщин было право на отпуск для поправки своего здоровья. Они имели право брать до 28 отпускных дней в год (ЦГИА СПб. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 555. Л. 20).

Как правило, в почтово-телеграфном ведомстве служило две категории женщин – одинокие (незамужние или вдовы) и супруги телеграфистов. В последнем случае супружеские пары и работали вместе. При этом муж и жена либо принадлежали к одному разряду, либо мужчина был начальником своей супруги. Так, оба родителя знаменитого генерала Андрея Медардовича Зайончковского служили на Орловской телеграфной станции, причем отец был ее начальником, а мать – телеграфисткой (Проваленкова, 2008:30-31). Если же супруги принадлежали к одному разряду, то им, как правило, поручали одно дело для совместного выполнения (ЦГИА СПб. Ф. 1209. Оп. 24. Д. 30. Л. 5).

В конце XIX – начале XX вв. статус женщины, служащей в почтово-телеграфном ведомстве, считался достаточно уважаемым. Этот труд рассматривался как вполне приличный для вынужденной зарабатывать свой хлеб девушки из дворянско-чиновничьей среды. Недаром подобную невесту вполне мог представить своим сослуживцам офицер и получить разрешение начальства на такой достаточно благопристойный брак (РГИА. Ф. 1412. Оп. 213. Д. 87. Л. 1; Веремченко, Каминский, 2018). В художественной литературе того времени образ телеграфистки, во многом трагический, мужественно переносящей свою тяжелую долю, ярко контрастировал с карикатурными изображениями телеграфистов-мужчин. И если у Н. Ашешева бывшая институтка, а ныне телеграфистка Маруся прекрасна, чиста и несчастна, то герой Н.А. Лейкина из рассказа «Приехал!!!» – просто «шут гороховый» (Ашешев, 1914; Лейкин, 1879; Толстогузов, 2018: 113).

То, что основная масса телеграфисток была из дворянско-интеллигентской среды, а мужской персонал почтово-телеграфного ведомства в большинстве своем был представлен мещанами, создавало в коллективе определенные сложности. И если в литературе «сословный» характер этого конфликта был выявлен достаточно быстро, и еще П.Д. Боборыкин отмечал, что «все телеграфистки из „благородных“ или с воспитанием, знающие языки» смотрят на своих коллег «немного лучше, чем на курьеров», то сами руководители ведомства видели в нем прежде всего гендерные противоречия (Боборыкин, 1889; Толстогузов, 2018:113).

Как уже отмечалось, к 1909 г. единственным центральным учреждением в системе МВД, где среди служащих не было ни одной женщины, было как раз Главное управление почт и телеграфов. Управляющий отделением принял это решение не только потому, что в законе существовал подобный запрет (других руководителей это ни коем образом не останавливало), а, как он сам отмечал, учитывая долговременный опыт службы женщин в почтово-телеграфном ведомстве. Объясняя свое нежелание видеть женщин на государственной службе, глава учреждения – тайный советник Севостьянов – на трех! страницах машинописного текста выделил основные сложности функционирования разнополого коллектива. Прежде всего, он обратил внимание на то, что так как наиболее пригодными к службе являются «молодые девицы, как более выносливые, здоровые и свободные от семейных обязанностей», то за счет них, с одной стороны, увеличивается число служащих, которые «посвящают большую часть служебного времени на болтовню, чтение романов и т.п.», а с другой – так как невозможно изолировать женщин-служащих от мужчин, то «наблюдаются неуместные для правительственных мест совместные прогулки по коридорам и времяпровождение в чайном буфете». Далее он отметил то, что в отношении с подчиненными-женщинами у руководителя-мужчины значительную роль играет «личная симпатия», что «вредит делу» и «нарушает условия общественной нравственности». Наконец, «женщина-чиновник гораздо чаще мужчин манкирует службой по болезни или по каким другим причинам, она теряет способность к службе гораздо скорее, чем мужчина». Да и в качественном отношении, по мнению тайного советника Севастьянова, подкрепленного ссылками на его иностранных коллег, «женская работа ... значительно ниже мужской». Причины столь критической оценки деятельности руководителя почты и телеграфа империи раскрывалась в конце его отзыва. Управляющий ведомством возражал против допуска в свою канцелярию женщин-служащих ввиду «избытка кандидатов мужчин, желающих получить должности канцелярских чиновников». Вместе с тем, опять-таки учитывая опыт почтово-телеграфного ведомства, Севастьянов предлагал в случае, если женщинам все же разрешат официально служить в МВД, предоставлять им в материальном и пенсионном плане равные права с мужчинами, занимающими те же должности (РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 43. Л. 30-31; 46-47).

Таким образом, начавшийся как кратковременный эксперимент в автономной Финляндии допуск женщин на работу на телеграф эволюционировал в общеимперскую практику, а сами служащие-женщины уже в начале XX в. практически полностью сравнялись в правах с мужчинами, выполнявшими одинаковую с ними работу. Однако главной, а если верить главе ведомства Севастьянову, и единственной причиной широкого распространения женского труда в почтово-телеграфном ведомстве, особенно в столицах, была невозможность заполнить значительное число имеющихся вакансий обладающими необходимой квалификацией и при этом готовыми работать за незначительное вознаграждение мужчинами.

Канторско-канцелярские служащие

Как уже отмечалось, несмотря на прямое запрещение в законе, служба женщин на канцелярских должностях в Министерстве внутренних дел началась еще в 1873 г., однако активное использование женского труда в данном ведомстве приходится на начало XX в. (РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 43. Л. 8об.). К «1910 г. общее число лиц женского пола, служащих в 85 губерниях и областях России по учреждениям ведомства Министерства Внутренних Дел, кроме почтово-телеграфных установлений, достигло почетной цифры – 1459» (РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 43. Л. 10). Наибольший размах привлечения женщин на канцелярскую службу имел место «в столицах и центральных губерниях Империи, но и отдаленнейшие окраины государства, как Сибирь (не исключая Якутской области), Приамурский край, Привислинские губернии и даже Кавказские области давно открыли двери правительственных канцелярий для женщин». Женщин не было «только в канцелярии Варшавского генерал-губернатора, в трех областях казачьего ведомства – Уральской, Кубанской и Терской, да в двух горных областях Закавказья – Карской и Батумской» (РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 43. Л. 9).

В центральных учреждениях Министерства женщины впервые появились в 1894 г. Их взяли на «сдельную работу» в Центральный статистический комитет, в котором они сыграли значительную роль в подготовке, а затем в обработке и издании данных Первой всеобщей переписи населения страны. Данный опыт постепенно стал использоваться и в других центральных учреждениях МВД, так что к 1910 г. на канцелярских должностях в них служило 110 женщин (еще 23 работало в этих учреждениях «по врачебной части») (РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 43. Л. 29об.).

Немногим более половины служивших в канцеляриях МВД женщин занималось переписыванием бумаг на русском или иностранном языках (РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 43. Л. 3). Но почти столько же выполняло работы «штатных чинов в качестве переводчиц, составительниц обзоров печати, цензоров, библиотекарей, счетных чиновников, бухгалтеров, регистраторов и проч., не вызывая нарекания, но в большинстве случаев заслуживая достойного поощрения медалями, подарками и денежными выдачами». Что характерно, последнее обстоятельство вызывало определенные сложности: в связи с «нелегальным их служебным положением», «испрошение медалей и подарков» женщинам за отличия по службе происходило за «отличия неслужебные» (РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 45. Л. 29об.).

Содержание женщин (без наградных денег) в среднем составляло 400–600 руб. в год. Такие суммы жалования, в целом, соответствовали окладам штатных чиновников, работавших на аналогичных должностях. Больше всех получала переводчица Департамента полиции, жалование которой доходило 1800 р. в год. Переписчицы же из провинциальных канцелярий подчас могли рассчитывать только на 240 р. в год (РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 43. Л. 29об.).

В отличие от нерегулярных наградных «за особые отличия», постоянные дополнительные денежные выплаты полагались к праздникам. Суммы их существенно варьировались (от 5 до 50 р.) в зависимости от выполняемой работы и «благоусмотрения» начальства (РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 367. Л. 27б.; Ф. 1284. Оп. 250. Д. 114. Л. 418). Вместе с тем ни пенсий, ни пособий за выслугу, ни «столовых» и «квартирных» выплат женщинам не полагалось.

Возраст служащих-женщин колебался от 16 до 53 лет, но, как правило, это были незамужние девицы и «в небольшом числе» замужние женщины 20–35 лет. Как в центральных, так и в провинциальных учреждениях около половины канцеляристок обладало средним образованием, больше трети – имело высшее и специальное, и только оставшиеся ок. 15 % «были с образованием домашним и ниже среднего» (РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 43. Л. 29-29об.).

Количество женщин в общем составе канцелярии могло быть самым разным. Так, в Департаменте общих дел их была почти половина, а в IV отделении этого департамента (бухгалтерии) практически весь штат состоял из женщин, которые занимались ведением кассовых книг, выдачей талонов, подсчетом сумм и разнообразными «сверхурочными работами». В составе редакции и канцелярии правительственного издания «Русское Государство» числилось 103 чел., из которых 7 женщин, занимавших должности переводчиц, корректорш и стенографисток. В других же канцеляриях могло быть по одной–две сотрудницы. В департаменте полиции, например, было две женщины – переводчица и фотограф (РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 367. Л. 61-61 об.; Ф. 776. Оп. 23. Д. 43. Л. 29; 32; 43; 45об.).

Практически все в служебном положении женщин зависело от «благорасположения» начальства соответствующей канцелярии, которое одно могло в нарушение правил взять их на работу, определить им содержание, давать или не давать наградные, наконец, уволить без каких-либо

оснований. Вместе с тем в 1910-х гг., когда время службы части из них превышало десятилетие, так просто отказать служащей в премии, а тем более уволить, было уже крайне затруднительно.

Достаточно показательная история произошла в 1911 г. с Анной Тимофеевной (Брауде) Джонсон. Эта женщина, «будучи девицей и русской подданной», была принята 20 июня 1907 г. на службу в отдел Иностранной печати Главного управления по делам печати. Занималась она составлением обзоров иностранной и русской прессы для министра внутренних дел, а описание работы звучало так: «Читала газеты (провинциальная печать)/Читала газеты (иностранные) немецкие, французские и английские». За свой труд она получала 70 р. в месяц. В 1911 г. А.Т. Брауде вышла замуж и перешла в иностранное подданство. Но продолжала работать, так как проект правил о допущении женщин на службу в МВД, который, как было сказано выше, запрещал допуск на эту службу женщин – иностранных подданных, так и оставался проектом. В декабре 1911 г., после рождения ребенка, она сама перестала ходить на службу, но место за собой сохранила, так как ее обязанности выполняла сестра мужа – «англичанка по происхождению». Летом 1912 г. А.Д. Джонсон было сообщено об увольнении в связи с реорганизацией отдела, после чего она вновь появилась на службе и смогла упротить руководство перевести ее на другую работу. Ее определили в библиотеку повременных изданий на три месяца, где за те же деньги она должна была вести карточный каталог и записывать входящие журналы и газеты. За эти «льготные месяца» она обещала найти себе новую работу и уйти. Но по окончании установленного срока Джонсон попросила руководство о новой отсрочке, и только ее третье прошение о предоставлении очередных «льготных месяцев» было признано «некорректным», и ей все же пришлось покинуть службу (РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 45. Л. 219-220; 222-225).

В связи с увольнением она обратилась к начальству с просьбой выдать ей «свидетельство о службе». Просьба эта вызвала определенные вопросы: может ли руководство выдать «своего рода аттестат о службе» женщине, работавшей, вопреки закону, в МВД на канцелярской должности. Но в конце концов подобное удостоверение было подготовлено (РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 45. Л. 220; 224).

В период Первой мировой войны, в условиях еще более обострившейся нехватки специалистов-мужчин, доступ женщин как в провинциальные, так и центральные структуры МВД значительно расширился (Гарбуз, 2009; Жаров, 2015). А к февралю 1917 г. женщина-служащая стала настолько типичным явлением, что именно такой персонаж был выбран автором фельетона для иллюстрации отношения чиновничьей среды к свержению самодержавия:

«Наступила революция. В квартире «ход из-под ворот, одиннадцатый поворот» она проявилась в том, что ушедшая было на службу Липочка вернулась через полчаса совсем расстроенная и рассказала, что трамваи не ходят, а вместо трамваев ходят люди и так далее. И что кто-то говорил, что через Невский не пропускают и кто-то в кого-то стрелял. Справились в конторе по телефону, чтобы не было для Липочки неприятностей за манкирование службой. Ответ вышел утвердительный: – Сидеть три дня дома... Через три дня трамваи все еще не ходили. Липочка снова справлялась по телефону и снова получила отсрочку. Наконец, трамваи пошли, и Липочка отправилась на службу» (Солнце России, 1917: 10).

Таким образом, то самое ведомство, которое должно было контролировать соблюдение в стране порядка и закона, само его активно нарушало, принимая женщин на службу в свои канцелярии. Женский труд применялся не только для переписывания бумаг. Значительная часть служащих выполняла работу по штатным должностям, получая равное с мужчинами жалование, но не имея права ни на какие привилегии, связанные с государственной службой. Отсутствие каких-либо норм и правил по их назначению и деятельности, с одной стороны, ставило канцеляристок в полную зависимость от начальства, а с другой – давало значительно большую, чем для официально служащих женщин, свободу в личной жизни.

Низшие служащие: прислуга, надзирательницы

В соответствии с данными Всеобщей переписи населения всего в империи к прислуге учреждений (административных, судебных, общественных и сословных) было отнесено 24 538 женщин (Распределение рабочих и прислуги, 1905: 14-15). Основная их масса приходилась на земства и городские установления, а также железные дороги, где в относящихся к этим структурам учреждениях женщины трудились прачками, кухарками, сиделками, поломойками, сторожками, горничными и т.д. (Полянина, 2017; Сердюк, 2015: 128).

В государственных учреждениях женский труд на низших должностях до начала XX в. использовался крайне редко, только в особых случаях, когда заменить его на мужской не представлялось возможным. Так, во всех административных учреждениях столицы Российской империи, по данным городской переписи 1900 г., работало 94 женщины-служительницы (Санкт-Петербург по переписи 15-го декабря 1900 г.: 36-37).

В системе МВД такой специфической группой низших служащих были женщины-надзирательницы, которые в обязательном порядке должны были входить в штат женских отделений тюрем с 1887 г., но и до этого служили в большинстве подобных структур по инициативе тюремной администрации или благотворительных организаций.

В 1870-е гг. в столичных тюрьмах женского персонала было достаточно много, так как обеспечение его большей частью брал на себя Дамский попечительный о тюрьмах комитет. Так, например, в Санкт-Петербургском доме предварительного заключения уже в 1875 г. трудились 12 младших надзирательниц и одна помощница по женскому отделению (Желтов, 2016: 6). В женском же отделении Тюремного замка в 1877 г. штат состоял из старшей надзирательницы, которая получала 50 р. в месяц, ее помощницы (20 руб. в месяц), четырех младших помощниц (15 руб. в месяц), двух приставниц (10 руб. в месяц), одной экономки (30 руб. в месяц) и одной чернорабочей, жалованье которой составляло 6 руб. в месяц. Помимо этого, Комитет дважды в год выдавал служащим наградное жалованье в размере месячного вознаграждения. Обязанности женского персонала были распределены следующим образом: «старшая надзирательница осуществляла общий надзор за правильным содержанием всех арестанток, следила за точным исполнением служащими своих обязанностей, отдавала распоряжения по приему заказов и выдаче работ». Часть своих обязанностей старшая перепоручала помощнице, которая к тому же имела право временно замещать начальницу во время ее болезни. Младшим надзирательницам был поручен надзор непосредственно за арестантскими камерами, в их обязанности входило сопровождение арестанток к столу, раздача им кипятка, вывод заключенных на прогулки. Также они должны были нести ночное дежурство по всему женскому отделению раз в три дня (ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 3. Д. 1051. Л. 41).

В провинциальной тюрьме на подобное содержание не могли рассчитывать и низшие служащие – мужчины. В среднем по империи оклад надзорного состава колебался в пределах 8–20 рублей в месяц, служители же получали еще меньше. Так, в Азовском арестном доме в 1875 г. сторож получал 120, а служанка 39 р. 96 к. в год (Отчеты по Главному тюремному управлению, 1883: 51; Отчеты Ростовской-на-Дону управы, 1876: 119).

Дополнительной льготой для низших служащих провинциальных тюрем было предоставление им казенного жилья (или «квартирных денег»). Помещения для жилья смотрителей, надзирателей и надзирательниц должны были устраиваться таким образом, чтобы «не было никакой связи с тюремными помещениями», либо в лучшем случае – для них полагалось выделять особое отдельно стоящее здание, либо при его отсутствии – помещения, расположенные в самой тюрьме, но имеющие вход лишь с улицы (Отчеты по Главному тюремному управлению, 1883: 81).

Имели право низшие служащие тюрем (как мужчины, так и женщины) и на столовые деньги, а также на добавочное содержание за выслугу лет. При этом «столовые деньги» можно было получить натуральным образом, а размер добавочного содержания не регламентировался и зависел от помощи благотворительных организаций и имеющихся в наличии средств, распоряжением которых занималась тюремная администрация (Отчеты по Главному тюремному управлению, 1883: 86; Михеенков, Уйманов, 2012: 66). Четкий порядок назначения надбавок низшим служащим был установлен Главным тюремным управлением только в марте 1886 г. С этого времени работавшие по найму непрерывно и не подвергавшиеся взысканиям в течение пяти лет получали доплату за выслугу в размере 1/3 оклада, за 10 лет – 2/3 оклада и дополнительный оклад после 15 лет службы (Петренко, 2014: 41).

В октябре 1885 г. для надзирательниц была введена форма, состоящая из платья черного цвета с укороченной юбкой и одеваемой поверх него кофты «из черного сукна или кашемира», двубортной, «сшитой в талию», застегивающейся на крючках, без пуговиц. «Кофта имеет стоячий округленный спереди воротник ... по верхнему его краю и на обшлагах рукавов нашивается золотой галун... На левой стороне груди старшими и младшими надзирательницами носятся медные бляхи с наименованием тюрьмы, одинаковые, установленные для тюремных надзирателей» (Вахромеева, 2006: 181-182).

Обязательный женский персонал тюрем в составе помощниц начальников тюрем или смотрительниц, заведующих женским отделением, фельдшерниц, а также старших и младших надзирательниц был введен во всех местах заключения страны с 15 июня 1887 г. Помощницам начальников тюрем и надзирательницам предоставлялись те же служебные права, что и мужчинам, исполнявшим аналогичные обязанности, включая право на пенсию. Причем для помощниц начальника так же, как и для самих начальников тюрем и их помощников, вводилась сокращенная выслуга, не в 35, а в 25 лет службы (ПСЗ РИ. Собр. 3. 1887. № 4595).

13 декабря 1895 г. Главное тюремное управление было передано из Министерства внутренних дел в ведение Министерства юстиции (Болгоева, 2016: 107). Соответственно значительная категория женского персонала перешла под патронаж другого ведомства...

Как уже отмечалось, как правило, в качестве прислуги в государственные учреждения нанимали мужчин, но к началу XX в. стали все чаще появляться и женщины, сложились определенные «женские профессии» низших служащих.

В 1905–1910-х гг. практически в каждой канцелярии Министерства была своя «буфетчица», официально должность которой называлась «прислуга при чайном кубе» (ранее эти обязанности по очереди выполняли сторожа). В ее обязанности входило постоянное поддержание самоваров и так называемых «кубов» в горячем состоянии, с тем чтобы обеспечивать персонал учреждения и отдельных посетителей напитками по первому требованию. Помимо этого, они должны были

сервировать подносы с чаем (кофе) и мыть посуду. Собственно, подачу подносов осуществляли уже мужчины-сторожа (РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 205. Л. 286; Д. 288. Л. 1-4; Д. 367. Л. 190б.).

За свою работу женщина-прислуга в канцеляриях МВД получала в среднем 12–16 р. в месяц, что было больше, чем то, на что могла рассчитывать трудящаяся в частном услужении (квалифицированная кухарка зарабатывала около 12 р. в месяц). Вместе с тем низшие служащие мужчины, правда, фронт работы которых не ограничивался только «чайным кубом», зарабатывали не менее 20 р. в месяц. Помимо жалованья, женщины могли рассчитывать на небольшие (1–5 р.) денежные подарки к праздникам и пособие в размере месячного жалованья при увольнении (РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 205. Л. 7, 296; Д. 286. Л. 1-2; Д. 294. Л. 1, 2; Д. 305. Л. 2; Веремченко, 2013а).

При поступлении на службу женщины, как и их коллеги-мужчины, должны были принять полагающееся им для работы «оборудование» по списку и в дальнейшем нести за него материальную ответственность. А увольняясь, сдать его также по списку. Вот, например, что передала служившая при чайном кубе редакции газеты «Правительственный вестник» Мария Бородкина своей сменщице Ольге Воскресенской (Орфография сохранена):

«Опись чяново буф
Кубоф 2
Самоваров 2
Труба 1
Вазы для мы посу 2
Ведро для воды 1
Жестянка для. сах 1
Жестянка для. чяя 1
Сутки плночь приб. 1
Ложок чяных 31
Подносов 6
Чяников болшы 2
Тарелок болшы 42
Тарелок маленкх 10
Стаканы гуаных 31
Блюдичок чяных 30
Ножык 1 (РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 288. Л. 3).

На должности женской прислуги чаще всего принимались родственницы (жены и дочери, реже вдовы) низших служащих – мужчин, также служивших в этой же канцелярии. С одной стороны, это являлось своего рода рекомендацией и должно было гарантировать качество труда и старательность работницы, а с другой – решало вопрос с квартирой (эти члены семьи уже и так жили в комнате, выделенной мужчинам – министерской прислуге) (РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 288; Д. 289; Д. 298).

Таким образом, во второй половине XIX в. большинство женской прислуги, трудившейся в Министерстве внутренних дел, составляли тюремные служительницы, статус и права которых к 1880-м гг. практически полностью сравнялись с правами их коллег-мужчин. Однако новое столетие данный контингент встретил уже в составе другого ведомства. В начале же XX в. по мере того как канцелярии МВД стали наполняться сотрудницами и среди прислуги учреждения начали появляться женщины. Жалованье их было ниже оклада мужчин, но связано это было как с ограниченным объемом работы, так и с отсутствием доплат за выслугу.

5. Заключение

Пореформенная модернизация российского общества способствовала росту заинтересованности женщин различных сословий в самостоятельном заработке. Одновременно расширение и усложнение государственного аппарата вызывало необходимость в притоке в управленческие структуры страны новых квалифицированных кадров. Вместе с тем опасение, что предоставление женщинам прав государственной службы может негативно отразиться на семье, вызвало принятие в 1871 г. специального указа, запрещающего им доступ к такого рода деятельности. В последующие десятилетия, постоянно ощущая нехватку специалистов-мужчин, готовых работать за невысокую заработную плату, многие правительственные учреждения допустили в свои стены женщин. Частично это происходило официально, через внесение в закон соответствующих уточнений, частично фактически – вопреки прямо выраженному запрету. Последнее очевидно демонстрировало, что для многих руководителей, даже служивших в системе МВД, решение конкретных задач было значительно важнее соблюдения установленных процедур.

Телеграфистки и тюремные служительницы, труд которых начал использоваться ведомством в 1860–1870-е гг. временно, постепенно расширяли сферы своей деятельности, приобретали равные с мужчинами материальные и пенсионные права, получали свою обязательную форму, возможность карьерного роста и к концу столетия окончательно закрепили свой статус в официальных документах.

Канцелярские служащие и прислуга учреждений так до конца имперского периода и продолжали осуществлять свои обязанности вне законодательного поля. Женщины-служащие

выполняли равные с мужчинами обязанности, получали аналогичное жалование, но не могли рассчитывать на многие доплаты и пенсию, серьезное повышение по службе. Будучи полностью зависимы от начальства, они в то же время не подлежали в своей деятельности никакой регламентации, недаром одной из веских причин неоформления их статуса было отсутствие у исполнительниц «какой-либо ответственности».

Удивительно, но активное использование женщин в качестве прислуги учреждения произошло только тогда, когда женщина-служащая в МВД стала вполне привычным явлением и новые сотрудницы уже никого не могли шокировать. Наоборот, привлечение женского труда в данной области должно было способствовать более рациональному использованию мужских трудовых ресурсов, которые могли не отвлекаться на выполнение достаточно легкой работы, да и служило поддержкой для семей добросовестных работников. Превращение «прислуги у чайного куба» в сугубо женскую работу означало, что учреждения МВД уже не могли рассматриваться как вотчина мужчин и окончательное оформление статуса всех сотрудниц было только делом времени, времени которого у империи уже не было...

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00297.

Литература

- Архангельская губ., 1904 – Архангельская губерния // Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Изд. Центр. Стат. Комитета М-ва вн. Дел; Под ред. Н.А. Тройницкого. Вып. 1. Тетрадь 3. СПб., 1904. 157 с.
- Апешев, 1914 – Апешев Н. Телеграфистка / Раны любви. СПб.: Прометей, 1914. С. 65-83.
- Б.А., 1906 – Б.А. Подготовка кандидатов на должности почтово-телеграфных чиновников и механиков в Главной Телеграфной Конторе // *Почтово-телеграфный журнал*. Отдел неофициальный. 1906. № 6. С. 418.
- Базилевич, 1925 – Базилевич К.В. Очерки по истории профессионального движения работников связи 1905–1906 гг. СПб., М.: Политиздат, 1925. 259 с.
- Боборыкин, 1889 – Боборыкин П.Д. «Морз» и «Юз». [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/boborykin_p_d/text_1889_morz_i_yuz.shtm
- Болгова, 2016 – Болгова Е.И. Состояние и правовое развитие уголовно-исполнительной системы России в XIX – начале XX века // *Вестник Удмуртского университета*. 2016. № 4. С. 102-108.
- Бугаева, 2008 – Бугаева С.Я. Устав о службе: к истории формирования профессий в России. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2008. 138 с.
- Вахромеева, 2006 – Вахромеева О.Б. Положение женщин в правовом поле Российской Империи на рубеже XIX–XX вв.: публикация законодательных актов. СПб., 2006. 341 с.
- Вахромеева, 2009 – Вахромеева О.Б. Женщины в системе трудовых ресурсов в России на рубеже XIX–XX вв. СПб.: Издательство «Знаменитые универсанты», 2009. 249 с.
- Вахромеева, 2014 – Вахромеева О.Б. Петербургская ремесленница в конце XIX – начале XX века // *Петербургские исследования*. 2014. № 5. С. 40-50.
- Веретенко, 2013а – Веретенко В.А. Домашняя прислуга в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // *Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина*. 2013. Т. 4. История. № 1. С. 181-191.
- Веретенко, 2013б – Веретенко В.А. «Дура в доме» – женская домашняя прислуга в дворянских семьях России второй половины XIX – начала XX вв. // *Альманах гендерной истории «Адам и Ева»*. 2013. (21). С. 241-273.
- Веретенко, Каминский, 2018 – Веретенко В.А., Каминский В.В. М.Д. Бонч-Бруевич – один из основателей Красной Армии: страницы биографии // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 1. С. 57-69.
- Веретенко, 2020 – Веретенко В.А. Городские прачки в России во второй половине XIX – начале XX в.: организация деятельности и условия труда / *Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: Материалы XI Всероссийской научной конференции с международным участием* / Отв. ред. В.В. Карпова. Вып. 11. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. С. 133-138.
- Вязигина, Лебедев, 1987 – Вязигина Е.В., Лебедев, В.Н. В едином строю // *Вестник связи*. 1987. № 11. С. 16-17.
- Гарбуз, 2009 – Гарбуз Г.В. Женщины на государственной службе в России в начале XX в. // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2009. № 2. С. 22-28.
- Егорова, 2018 – Егорова П.В. Семейное положение и возрастной ценз женщин-чиновников как один из факторов допуска к государственной службе в почтово-телеграфном ведомстве в конце XIX – начале XX века / *Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность: Материалы Международной научной конференции*. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2018. Т. 1. С. 355-359.

- Жаров, 2015** – Жаров С.Н. Особенности кадровой политики правительства Российской империи в конце XIX – начале XX вв. // *Правопорядок: история, теория, практика*. 2015. № 3 (6). С. 83-86.
- Желтов, 2016** – Желтов А.А. Становление женской форменной одежды в тюремной системе Российской империи // *Ведомости уголовно-исполнительной системы*. 2016. № 1. С. 5-8.
- Залунаева, 2005** – Залунаева Е.А. Повседневная жизнь рабочих Ярославля во второй половине XIX – начале XX вв.: дисс. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2005.
- Известия и факты, 1905** – Известия и факты, касающиеся женщин // *Женский вестник*. 1905. № 7. С. 222.
- Казакова, 2009** – Казакова О.М. Провинциальное учительство в XIX – начале XX веков: на материалах Вятской губернии: дисс. ... канд. ист. наук. Киров, 2009.
- Косетченкова, 2010** – Косетченкова Е.А. Кадровый состав в женских профессиональных учебных заведениях России в конце XIX – начале XX века // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2010. № 3-1. С. 75-81.
- Котлова, 2003** – Котлова Т.Б. Российская женщина в провинциальном городе на рубеже XIX–XX веков. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. 167 с.
- Кузнецова, 2016** – Кузнецова С.И. Кандидаток – бесконечное количество // *Коммерсантъ*. 2016. № 45. С. 26-28.
- Лейкин, 1879** – Лейкин Н.А. Приехал!!! // Шуты гороховые. Картинки с натуры. СПб., 1879. [Электронный ресурс]. URL: <https://bibra.ru/composition/priehal/>
- Лосич, 2006** – Лосич Н.И. Как это было (Первые женщины-телеграфистки в Российской империи) // *Вестник связи*. 2006. № 3. С. 80.
- Марченков, 2002** – Марченков В.К. История почтовой связи. СПб.: Александр Принт. 2002. 387 с.
- Михеенков, Уйманов, 2012** – Михеенков Е.Г., Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Томской губернии 1879–1930-х годов: историко-правовые аспекты. Томск, 2012.
- Морозова и др., 2019** – Морозова О.М., Трошина Т.И., Ялозина Е.А. «Труд как свобода, труд как бремя»: о ранних страницах женской занятости в России // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «История России»*. Т. 18. № 2. С. 374-411.
- Отчет по Главному тюремному управлению, 1883** – Отчет по Главному тюремному управлению за время с 16 июня 1880 г. по 1 января 1882 г. СПб., 1883. 404 с.
- Отчеты Ростовской-на-Дону управы, 1876** – Отчеты Ростовской-на-Дону уездной земской управы по денежной части за 1875 год. Ростов-на-Дону: печат. в типогр. С.Х. Арутюнова, 1876. 149 с.
- Петренко, 2014** – Петренко Н.И. Порядок стимулирования персонала пенитенциарной системы России во второй половине XIX века // *Марийский юридический вестник*. 2014. № 11.
- Пик, 1922** – Пик Ц. К истории женского труда в п.-т. деле // *Пролетарий связи. Орган центрального комитета всероссийского союза рабочих и служащих связи*. 1922. № 18. С. 13-14.
- Полянина, 2017** – Полянина О.А. Правовой статус низших муниципальных служащих пореформенной России (на материалах Уфимской губернии) // *Манускрипт*. 2017. №12-1 (86). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-nizshih-munitsipalnyh-sluzhaschih-poreformennoy-rossii-na-materialah-ufimskoy-gubernii> (дата обращения: 03.11.2019).
- Полянский, 1901** – Полянский А. Русская женщина на государственной и общественной службе (сборник постановлений и распоряжений). Издание неофициальное. М.: Труд, 1901. 711 с.
- ПСЗ РИ** – Полное собрание законов Российской империи.
- Проваленкова, 2008** – Проваленкова И.В. Русский военачальник и военный ученый А.М. Зайончковский // *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»*. 2008. № 1. С. 30-33.
- Распределение рабочих и прислуги, 1905** – Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 года. СПб.: Паровая типо-литография Н.Л. Ныркина, 1905. 49 с.
- Российские женщины-ученые, 2017** – Российские женщины-ученые: наследие // Ответ. ред. О.А. Валькова / Г.П. Аксенов, А.Г. Аллахвердян, Н.А. Алтыбекова и др. М.: Янус-К, 2017. 440 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Санкт-Петербург по переписи 15-го декабря 1900 г.** – *Санкт-Петербург по переписи 15-го декабря 1900 года. Население* / Ред. и предис. Н. Федулова. Вып. 2. Распределение населения по занятиям. СПб., 1903. 215 с.
- Северцева, 2016** – Северцева О.В. Женщины в системе штрафования на фабриках и заводах Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX в. // *История повседневности*. 2016. № 1 (1). С. 77-85.
- Северцева, 2017** – Северцева О.В. Повседневная жизнь российской работницы во второй половине XIX – начале XX в. в контексте «женского» и «рабочего» вопросов (по материалам периодической печати дореволюционного периода) // *История повседневности*. 2017. № 2 (4). С. 52-61.
- Сердюк, 2015** – Сердюк В.А. «Женщина – начальница станции»: общественная дискуссия по вопросам женского труда на железных дорогах России в начале XX в. / *Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Сб. матер. Четвертой Всероссийской молодежной научной конференции*. 2015. С. 125-133.

Сердюк, 2018a – Сердюк В.А. Женский труд на Царскосельской железной дороге / *Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность. Материалы Международной научной конференции*. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2018. Т. 1. С. 359-365.

Сердюк, 2018b – Сердюк В.А. Использование женского труда на железных дорогах Российской империи в 1860-е–1880-е годы: социально-правовые аспекты / *Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Сб. матер. Всероссийской молодежной научной школы-конференции с международным участием*. 2018. С. 193-206.

Синова, 2019 – Синова И.В. Использование женского труда Морским министерством Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // *Вестник Российского университет дружбы народов. Серия «История России»*. 2019. Т. 18. № 2. С. 355-373.

Смоленская губ., 1904 – Смоленская губерния // Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Изд. Центр. Стат. Комитета М-ва вн. Дел; Под ред. Н.А. Тройницкого. Вып. 40. СПб.: 1904. 258 с.

Солнце России, 1917 – Солнце России. Пг., 1917. № 370.

Татарина, 2017 – Татаринова Е.П. Женщины-полицейские в дореволюционной России: миф или реальность? / *Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию Российской полиции). Материалы Международной научно-теоретической конференции*. СПб.: СПбУМВД, 2017. С. 50-52.

Толстогузов, 2018 – Толстогузов П.Н. Чеховское свидетельство об одном из вариантов эмансипации: «поступлю у телеграфистки» // *Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом Алейхема*. 2018. № 2. С. 111-115.

Устав о службе, 1897 – Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный: Изд. 1896 года. Т. 3: Уставы о службе гражданской. СПб., 1897. 768 с.

ЦГИА СПб. – Центральный государственный исторический архив г. С.-Петербурга.

Циркуляр, 30 дек. 1883 – Циркуляр телефонного департамента 30 декабря 1883. №15.

Циркуляр, 10 июля 1889 – Циркуляр начальника главного управления почт и телеграфов. 10 июля 1889. № 47.

Цукор, 2008 – Цукор В.Д. Прикосновение к истории // *Электросвязь: история и современность*. 2008. № 1. С. 32.

References

Arhangel'skaja gub., 1904 – Arhangel'skaja gubernija [Arkhangelsk Gubernia]. *Pervaja vseobshhaja perepis' naselenija Rossijskoj imperii 1897 goda*. Ed. N.A. Trojnickij. Iss. 1. Notebook 3. St. Petersburg. 157 p. [in Russian]

Asheshev, 1914 – Asheshev N. (1914). *Telegrafistka* [Telegraphist]. Rany ljubvi. St. Petersburg: Prometej. pp. 65-83. [in Russian]

В.А., 1906 – В.А. (1906). Podgotovka kandidatov na dolzhnosti pochtovo-telegrafnyh chinovnikov i mehanikov v Glavnoj Telegrafnoj Kontore [Preparation of candidates for the posts of postal and telegraph officials and mechanics in the Main Telegraph Office]. *Pochtovo-telegrafnyj zhurnal. Otdel neoficial'nyj*. № 6. P. 418. [in Russian]

Bazilevich, 1925 – Bazilevich K.V. (1925). Oчерки po istorii professional'nogo dvizhenija rabotnikov svjazi 1905-1906 gg. [Essays on the history of communication workers professional movement 1905-1906]. St. Petersburg, Moscow: Politizdat. 259 p. [in Russian]

Boborykin, 1889 – Boborykin P.D. (1889). «Morz» i «Juz» ["Morse" and "Yuz"]. [Electronic resource]. URL: http://az.lib.ru/b/boborykin_p_d/text_1889_morz_i_yuz.shtm

Bolgova, 2016 – Bolgova E.I. (2016). Sostojanie i pravovoe razvitie ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossii v XIX – nachale XX veka [The state and legal development of Russian penal system in the XIX – early XX centuries]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. № 4. Pp. 102-108. [in Russian]

Bugaeva, 2008 – Bugaeva S.Ja. (2008). Ustav o sluzhbe: k istorii formirovanija professij v Rossii [Service charter: on the history of professions formation in Russia]. Ekaterinburg: izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 138 p. [in Russian]

CGIA SPb. – Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv g. S.-Peterburga [Central State Historical Archive of St. Petersburg].

Циркуляр, 10 июля 1889 – Циркуляр началь'ника главного управления почт и телеграфов. 10 июля 1889 [Circular of the Chief of the Main Directorate of Posts and Telegraphs. July 10, 1889]. 47. [in Russian]

Циркуляр, 30 дек. 1883 – Циркуляр телефонного департамента 30 дек. 1883 [Circular of the Telephone Department, December 30, 1883]. 15. [in Russian]

Цукор, 2008 – Цукор В.Д. (2008). Прикосновение к истории [A Touch of History]. *Электросвязь: история и современность*. 1. pp. 32. [in Russian]

Egorova, 2018 – Egorova P.V. (2018). Semejnoe polozenie i vozrastnoj cenz zhenshhin-chinovnikov kak odin iz faktorov dopuska k gosudarstvennoj sluzhbe v pochtovo-telegrafnom vedomstve v konce XIX – nachale XX veka [Marital status and age qualification of women officials as one of the factors of admission to public service in the postal and telegraph department in the late XIX – early XX century]. *Chastnoe i*

obshhestvennoe v pousednevnoj zhizni naselenija Rossii: istorija i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf. St. Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina. Vol. 1. Pp. 355-359. [in Russian]

Garbuz, 2009 – *Garbuz G.V.* (2009). Zhenshhiny na gosudarstvennoj sluzhbe v Rossii v nachale XX v. [Women in public service in Russia at the beginning of the XX century]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki.* № 2. pp. 22-28. [in Russian]

Izvestija i fakty, 1905 – *Izvestija i fakty, kasajushiesja zhenshhin* [News and facts, concerning women]. *Zhenskij vestnik.* № 7. P. 222. [in Russian]

Kazakova, 2009 – *Kazakova O.M.* (2009). Provincial'noe uchitel'stvo v XIX – nachale XX vekov: na materialah Vjatskoj gubernii [Provincial teaching in the XIX – early XX centuries: on the Vyatka province materials]: dis. ... kand. ist. nauk. Kirov. [in Russian]

Kosetchenkova, 2010 – *Kosetchenkova E.A.* (2010). Kadrovij sostav v zhenskih professional'nyh uchebnyh zavedenijah Rossii v konce XIX – nachale XX veka [Personnel of the female vocational educational institutions of Russia in the late XIX – early XX century]. *Uchenye zapiski. Jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta.* № 3-1. Pp. 75-81. [in Russian]

Kotlova, 2003 – *Kotlova T.B.* (2003). Rossijskaja zhenshhina v provincial'nom gorode na rubezhe XIX–XX vekov [Russian woman in a provincial town at the turn of the XIX – XX century]. Ivanovo: Ivan. gos. un-t. 167 p. [in Russian]

Kuznecova, 2016 – *Kuznecova S.I.* (2016). Kandidatok – beskonechnoe kolichestvo [An infinite number of candidates]. *Kommersant.* № 45. Pp. 26-28. [in Russian]

Lejkin, 1879 – *Lejkin N.A.* (1879). Priehal!!! [Arrived!!!]. Shuty gorohovye. Kartinki s natury. St. Petersburg. [Electronic resource]. URL: <https://bibra.ru/composition/priehal/>

Losich, 2006 – *Losich N.I.* (2006). Kak jeto bylo (Pervye zhenshhiny-telegrafistki v Rossijskoj imperii) [How it was (The first female telegraph operators in Russian Empire)]. *Vestnik svjazi.* № 3. P. 80. [in Russian]

Marchenkov, 2002 – *Marchenkov V.K.* (2002). Istorija pochtovoj svjazi [The history of postal services]. St. Petersburg: Aleksandr Print. 387 p. [in Russian]

Miheenkov, Ujmanov, 2012 – *Miheenkov E.G., Ujmanov V.N.* (2012). Penitenciarnaja sistema Tomskoj gubernii 1879-1930-yh godov: istoriko-pravovye aspekty [Penitentiary system of the Tomsk province in 1879-1930s: historical and legal aspects]. Tomsk. [in Russian]

Morozova i dr., 2019 – *Morozova O.M., Troshina T.I., Jalozina E.A.* (2019). «Trud kak svoboda, trud kak brejma»: o rannih stranichah zhenskoj zanjatosti v Rossii [“Labor as freedom, labor as burden”: on the early pages of women's employment in Russia]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Ser. «Istorija Rossii».* Vol. 18. 2. Pp. 374-411. [in Russian]

Otchety Rostovskoj-na-Donu upravy, 1876 – *Otchety Rostovskoj-na-Donu uezdnoj zemskoj upravy po denezhnoj chasti za 1875 god* [Reports of the Rostov-on-Don county council on the monetary part for 1875]. Rostov-on-Don: pechat. v tipogr. S.H. Arutjunova. 149 p. [in Russian]

Otchjot po Glavnomu tjuremnomu upravleniju, 1883 – *Otchjot po Glavnomu tjuremnomu upravleniju za vremja s 16 ijunja 1880 g. po 1 janvarja 1882 g.* [Report on the Main Prison Administration for the period from June 16, 1880 to January 1, 1882]. St. Petersburg. 404 p. [in Russian]

Petrenko, 2014 – *Petrenko N.I.* (2014). Porjadok stimulirovanija personala penitenciarnoj sistemy Rossii vo vtoroj polovine XIX veka [The procedure of stimulating of the penitentiary system personnel in Russia in the second half of the XIX century]. *Marijskij juridicheskij vestnik.* № 11. [in Russian]

Pik, 1922 – *Pik C.* (1922). K istorii zhenskogo truda v p.-t. dele [To the history of women's labor in the p.-t. case]. *Proletarij svjazi. Organ central'nogo komiteta vserossijskogo sojuza rabochih i sluzhashchih svjazi.* № 18. Pp. 13-14. [in Russian]

Poljanina, 2017 – *Poljanina O.A.* (2017). Pravovoj status nizshih municipal'nyh sluzhashchih poreformennoj Rossii (na materialah Ufimskoj gubernii) [The legal status of the lower municipal employees of post-reform Russia (based on the materials of the Ufa province)]. *Manuskript.* 12-1 (86). [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-nizshih-munitsipal'nyh-sluzhaschih-poreformennoj-rossii-na-materialah-ufimskoj-gubernii> (date of access: 03.11.2019).

Poljanskij, 1901 – *Poljanskij A.* (1901). Russkaja zhenshhina na gosudarstvennoj i obshhestvennoj sluzhbe (sbornik postanovlenij i rasporzazhenij). Izdanie neoficial'noe [Russian woman in state and public service (collection of acts and orders). Unofficial edition]. Moskva: Trud. 711 p. [in Russian]

Provalenkova, 2008 – *Provalenkova I.V.* (2008). Russkij voennonachal'nik i voennyj uchenyj A.M. Zajonchkovskij [Russian military leader and military scientist A.M. Zayonchkovsky]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki.* № 1. Pp. 30-33. [in Russian]

PSZ RI – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire].

Raspredelenie rabochih i prislugi, 1905 – *Raspredelenie rabochih i prislugi po gruppam zanjatij i po mestu rozhdenija na osnovanii dannyh pervoj vseobshhej perepisi naselenija Rossijskoj imperii 28 janvarja 1897 goda* [Distribution of workers and servants by occupation groups and by place of birth based on data from the first general population census of the Russian Empire on January 28, 1897]. St. Petersburg: Parovaja tipo-litografija N.L. Nyrkina, 49 p. [in Russian]

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian state historical archive].

- Rossijskie zhenshhiny-uchenye, 2017** – Rossijskie zhenshhiny-uchenye: nasledie [Russian Women Scientists: Heritage]. Ed. O.A. Val'kova. Moscow: Janus-K, 440 p. [in Russian]
- Sankt-Peterburg po perepisi 15-go dekabnja 1900 g.** – Sankt-Peterburg po perepisi 15-go dekabnja 1900 goda. Naselenie [St. Petersburg according to the census on December 15, 1900. Population]. Ed. N. Fedulova. Iss. 2. Raspredelenie naselenija po zanjatijam [Distribution of the population by occupation]. St. Petersburg, 215 p. [in Russian]
- Serdjuk, 2015** – *Serdjuk V.A.* (2015). «Zhenshhina – nachal'nica stancii»: obshhestvennaja diskussija po voprosam zhenskogo truda na zheleznyh dorogah Rossii v nachale XX v. [“Woman – Stationmaster”: public discussion on the women's labor on Russian railways in the early XX century]. *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovanij: vzgljad molodyh uchenyh. Sb. mater. Chetvortoj Vserossijskoj molodezhnoj nauchnoj konferencii*. Pp. 125-133. [in Russian]
- Serdjuk, 2018a** – *Serdjuk V.A.* (2018). Zhenskij trud na Carskosel'skoj zheleznoj doroge [Women's labor on the Tsarskoye Selo railway]. *Chastnoe i obshhestvennoe v povsednevnoj zhizni naselenija Rossii: istorija i souremennost'*. Mater. mezhdunar. nauch. konf. St. Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina. Vol. 1. Pp. 359-365. [in Russian]
- Serdjuk, 2018b** – *Serdjuk V.A.* (2018). Ispol'zovanie zhenskogo truda na zheleznyh dorogah Rossijskoj imperii v 1860-e – 1880-e gody: social'no-pravovye aspekty [Use of female labor on the Russian Empire railways in the 1860s – 1880s: social and legal aspects]. *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovanij: vzgljad molodyh uchenyh. Sb. mater. Vserossijskoj molodezhnoj nauchnoj shkoly-konf. S mezhdunarodnym uchastiem*. Pp. 193-206. [in Russian]
- Severceva, 2016** – *Severceva O.V.* (2016). Zhenshhiny v sisteme shtrafovanija na fabrikah i zavodah Sankt-Peterburga vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [Women in the charging scheme at the factories and plants of St. Petersburg in the second half of the XIX – early XX century]. *Istorija povsednevnosti*. № 1 (1). pp. 77-85. [in Russian]
- Severceva, 2017** – *Severceva O.V.* (2017). Povsednevnaia zhizn' rossijskoj rabotnicy vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. v kontekste «zhenskogo» i «rabocheho» voprosov (po materialam periodicheskoi pečati dorevoljucionnogo perioda) [Everyday life of a Russian worker in the second half of the XIX – early XX century in the context of "female" and "working" issues (based on periodical materials of the pre-revolutionary period)]. *Istorija povsednevnosti*. № 2 (4). Pp. 52-61. [in Russian]
- Sinova, 2019** – *Sinova I.V.* (2019). Ispol'zovanie zhenskogo truda Morskim ministerstvom Rossijskoj imperii na rubezhe XIX – XX vv. [Use of female labor by the Naval Ministry of the Russian Empire at the turn of the XIX – XX centuries]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Ser. Istorija Rossii*. Vol. 18. 2. Pp. 355-373. [in Russian]
- Smolenskaja gub., 1904** – Smolenskaja gubernija [Smolensk province]. Pervaja vseobshhaja perepis' naselenija Rossijskoj imperii 1897 goda. Ed. N.A. Trojnickij. Is. 40. St. Petersburg, 258 p. [in Russian]
- Solnce Rossii, 1917** – Solnce Rossii [Sun of Russia]. Petrograd, 370 p. [in Russian]
- Tatarinova, 2017** – *Tatarinova E.P.* (2017). Zhenshhiny-policejskie v dorevoljucionnoj Rossii: mif ili real'nost'? [Police women in pre-revolutionary Russia: myth or reality?]. *Gosudarstvo i pravo: jevoljucija, souremennoe sostojanie, perspektivy razvitija (navstrechu 300-letija Rossijskoj policii). Materialy mezhdunar. nauch.-teor. konf.* St. Petersburg: SPbUMVD. Pp. 50-52. [in Russian]
- Tolstoguzov, 2018** – *Tolstoguzov P.N.* (2018). Chehovskoe svidetel'stvo ob odnom iz variantov jemansipacii: «postuplju u telegrafistki» [Chekhov's evidence of one of the options for emancipation: "I will go to the telegraph operator"]. *Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sholom Alejhem*. № 2. Pp. 111-115. [in Russian]
- Ustav o sluzhbe, 1897** – Svod zakonov Rossijskoj imperii, povelieniem gosudarja imperatora Nikolaja Pervogo sostavlennyj: Izd. 1896 goda. T. 3: Ustavy o sluzhbe grazhdanskoj [Code of Laws of the Russian Empire, compiled by order of the Emperor Nicholas I: Ed. 1896. Vol. 3: Charters on the civil service]. St. Petersburg, 768 p. [in Russian]
- Vahromeeva, 2006** – *Vahromeeva O.B.* (2006). Polozhenie zhenshhin v pravovom pole Rossijskoj Imperii na rubezhe XIX – XX vv.: publikacija zakonodatel'nyh aktov [The position of women in the legal field of Russian Empire at the turn of the XIX – XX centuries: publication of legislative acts]. St. Petersburg, 341 p. [in Russian]
- Vahromeeva, 2009** – *Vahromeeva O.B.* (2009). Zhenshhiny v sisteme trudovyh resursov v Rossii na rubezhe XIX – XX vv. [Women in the labor force in Russia at the turn of the XIX – XX centuries]. St. Petersburg: Izdatel'stvo «Znamenitye universanty». 249 p. [in Russian]
- Vahromeeva, 2014** – *Vahromeeva O.B.* (2014). Peterburgskaja remeslennica v konce XIX – nachale XX veka [Petersburg artisan in the late XIX – early XX centuries]. *Peterburgskie issledovanija*. 5. pp. 40-50. [in Russian]
- Veremenko, 2013a** – *Veremenko V.A.* (2013 a). Domashnjaja prisluga v dvorjanskikh sem'jah Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [Domestic servants in the noble families of Russia in the second half of the XIX – early XX century]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina*. Vol. 4. History. 1. pp. 181-191. [in Russian]

Veremenko, 2013b – Veremenko V.A. (2013). «Dura v dome» – zhenskaja domashnjaja prisluga v dvorjanskijh sem'jah Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv. ["Fool in the house" – female domestic servant in the noble families of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Al'manah gendernoj istorii «Adam i Eva»*. № 21. Pp. 241-273. [in Russian]

Veremenko, 2020 – Veremenko V.A. (2020). Gorodskie prachki v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.: organizacija dejatel'nosti i uslovija truda [Urban laundresses in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries: organization of activities and working conditions]. *Stolica i provincii: vzaimootnoshenija centra i regionov v istorii Rossii: materialy XI Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem*. Iss. 11. St. Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina. pp. 133-138. [in Russian]

Veremenko, Kaminskij, 2018 – Veremenko V.A., Kaminskij V.V. (2018). M.D. Bonch-Bruevich – odin iz osnovatelej Krasnoj armii: stranicy biografii [M.D. Bonch-Bruevich – one of the founders of the Red Army: pages of a biography]. *Novejshaja istorija Rossii*. Vol. 8. 1. Pp. 57-69. [in Russian]

Vjazigina, Lebedev, 1987 – Vjazigina E.V., Lebedev V.N. (1987). V edinom stroju [In a single formation]. *Vestnik svjazi*. № 11. Pp. 16-17. [in Russian]

Zalunaeva, 2005 – Zalunaeva E.A. (2005). Povsednevnaia zhizn' rabochih Jaroslavlja vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Everyday life of the Yaroslavl workers in the second half of the XIX – early XX centuries]: dis. ... kand. ist. nauk. Jaroslavl. [in Russian]

Zharov, 2015 – Zharov S.N. (2015). Osobennosti kadrovoj politiki pravitel'stva Rossijskoj imperii v konce XIX – nachale XX vv. [Features of the personnel policy of the government of Russian Empire in the late XIX – early XX centuries]. *Pravoporjadok: istorija, teorija, praktika*. № 3 (6). Pp. 83-86. [in Russian]

Zhel'tov, 2016 – Zhel'tov A.A. (2016). Stanovlenie zhenskoj formennoj odezhdy v tjuremnoj sisteme Rossijskoj imperii [Formation of women's uniforms in the prison system of Russian Empire]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy*. № 1. Pp. 5-8. [in Russian]

Женщины на службе в Министерстве внутренних дел России (вторая половина XIX – начало XX вв.)

Валентина Александровна Вереманко^{a, *}

^a Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основании широкого круга источников, прежде всего архивных, исследуется статус и условия работы женщин, трудившихся в Министерстве внутренних дел России в пореформенный период.

Обращается внимание, что, несмотря на официальное запрещение допуска женщин к работе в государственных учреждениях, тысячи их служили в структуре данного ведомства в исследуемый период.

Телеграфистки и тюремные служительницы в течение 1860–1890 гг. прошли путь от работавших в качестве эксперимента или по инициативе местной администрации до полного уравнивания в правах со своими коллегами-мужчинами.

Канцелярские служащие-женщины и в начале XX в. продолжали выполнять свои функции вне правового поля. Нуждающиеся в квалифицированных работниках, но не имевшие возможности найти нужное количество образованных, дисциплинированных и не особо притязательных сотрудников среди мужчин, руководители как центральных, так и местных структур МВД нанимали женщин на различные, подчас штатные, должности. Но, получая равный с мужчинами оклад, работавшие «нелегально» женщины не имели никаких связанных со службой прав. Попытки же придать их деятельности официальный статус так и не были реализованы.

Позже всех появились женщины среди прислуги учреждений МВД. Ставший же к началу Первой мировой войны привычным образ министерской «буфетчицы» был важным сигналом кардинальных изменений взглядов самых разных страт российского общества на характер женской занятости.

Ключевые слова: Российская империя, Министерство внутренних дел, пореформенный период, женщины-служащие, телеграфистки, канцелярия, тюремные служительницы, прислуга учреждений.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: v.a.veremenko@ya.ru (В.А. Вереманко)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1218-1231. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1218
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Beginning of the “Big Game” (“Shadow Games”) in Central Asia through the Prism of the Fate of Individual Residents of Orenburg in the nineteenth century

Elena I. Mayorova ^a, Rosalina V. Shagieva ^{a, *}, Maria A. Khvatova ^b, Albina M. Fathutdinova ^c

^a State University of Management, Moscow, Russian Federation

^b Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russian Federation

^c Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

Based on the disclosure of the history of the Timashev family, influential in the Orenburg Territory, the article substantiates the concept of the relationship of specific events with the most important geopolitical processes based on the ecological principle of holism on the southern borders of Russia on the eve of the Great Game with Britain. A wide palette of retrospective, illustrative, personal-biographical methods was used to achieve the said purpose. Considering and analyzing the life of real historical characters, the author has managed to obtain convincing confirmation of the Russian avant-gardes' progressive expansion on the south, to the distant India borders already at the beginning of the 19th century, as a result. The research made in the article was focused on the destinies of the head of the Timashev family, a pioneer Ivan Timashev, who skillfully managed the customs service of the Orenburg Territory, which was a “passive reconnaissance” in fact, and his children and grandchildren, who played a certain role in Russian expansion. Thanks to the wife of one of the Timashevs, the poetess and fair woman Ekaterina, a good friend of A.S. Pushkin, there have arisen bonds between this family and the creative work of the great poet. An analysis of the life of a gifted woman contributed to the description of the extraordinary personality of a forgotten scientist E.A. Eversmann, who combined his beloved natural sciences activities and finding out reconnaissance information for his new homeland of Russia amid the confrontation of the two nations.

People create history, and without knowing the character and fate of these creators, one risks remaining in the field of speculative reflections. Biographical search, not being a goal in itself, is presented in any study of the past, allowing to make the necessary accents of content or adjust its scope.

Keywords: Russia, Britain, Central Asian Khanates, “The Big Game”, Timashevs family, A.S. Pushkin, E.A. Eversmann.

1. Введение

Изучение жизни и творчества одной из светских знакомых А.С. Пушкина, поэтессы Е.А. Тимашевой, неожиданно способствовало установлению ряда деталей событий, ставших прелюдией «Большой игры» между Российской и Британской империями, и роли в них недостаточно изученной исторической наукой и мало известного (не только современникам, но и в современной историографии) персонажа – естествоиспытателя, врача и разведчика Э. Эверсмана. А это, в свою очередь, позволило обозначить авторское видение исследуемого вопроса. На примере его деятельности показано, что, вопреки мнению отдельных историков (Сергеев, 2012), Россию весьма интересовало в рассматриваемый период «индийское» направление. Несмотря на сопротивление, оказываемое среднеазиатскими государственными образованиями (Халфин, 1974), расширение от

* Corresponding author

E-mail addresses: trol003@mail.ru (Е.И. Майорова), shagsas@mail.ru (Р.В. Шагиева), Xvatovama@rambler.ru (М.А. Хватова), fam2510@mail.ru (А.М. Фатхутдинова)

Урала и Южной Сибири в сторону Средней Азии и Афганистана российским правительством планировалось и считалось перспективным.

Целью работы является исследование сквозь призму судеб некоторых жителей Оренбурга противостояния двух мощных государств, происходившего в 20-х годах XIX в. в пограничных областях Средней Азии, на территории современных Туркменистана, Узбекистана, Казахстана и Таджикистана, что не потеряло и ныне своего значения в геополитическом смысле.

2. Материалы и методы

«Все связано со всем» – первый из экологических принципов холизма (целостности) Барри Коммонера (1917–2012), основанный на законе больших чисел, справедлив не только для биологии. В других отраслях науки, в частности истории, он также исправно работает и позволяет выявить цепочку прямых и опосредованных, часто неочевидных связей. В полном соответствии с этим принципом значительное место в нашей работе, помимо осмысления кратких упоминаний имени Е.А. Тимашевой в обширной Пушкиниане, послужили библиографические справочники о государственных деятелях Российской империи (Шилов, 2002), в которых приводится история семьи и биография главы МВД России в 1868–1878 гг. Основой исследования явился анализ публикации В.Г. Гептнера о научных изысканиях Э.А. Эверсмманна в издании МОИП еще 1940 г. (Гептнер, 1940), а также повторяющих и несколько дополняющих предыдущую работу статей Г.П. Матвиевской (Матвиевская, 2001) и В.И. Гаранина в юбилейном сборнике Казанского университета (Гаранин, 2002). Углублению темы способствовало рассмотрение архивных данных Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея и Музея истории Оренбурга, публикаций в периодических изданиях, рассказов краеведов, а также ряда работ российских авторов, в той или иной мере касающихся рассматриваемого вопроса. Все перечисленное позволило заполнить некоторые лакуны в биографии исследователя, в частности касающиеся его отношений с Е.А. Тимашевой и участия в начале «Большой игры».

Методической основой работы послужили принципы историзма, научной объективности и достоверности. Как приемы историческо-политического исследования использовались ретроспективный, иллюстративный, персонально-биографический методы, которые успешно применялись авторами ранее (Правкин и др., 2020). Концепция представленной статьи заключается в обосновании неразрывности связи реалий времени с судьбами, казалось бы, далеких от политики исторических личностей.

3. Обсуждение

Любые исторические расследования многое теряют в своей убедительности без знаний о людях, участвовавших в значительных событиях прошлого. История творится людьми, и, не зная характера и судеб этих творцов, мы рискуем остаться в области умозрительных построений. Биографическое разыскание, не являясь самоцелью, присутствует в любом исследовании прошлого, позволяя сделать необходимые акценты содержания или скорректировать его рамки.

Знакомство с трудами исследователей творчества Пушкина в ряде случаев приводит к неожиданным результатам. Поездка по местам пугачевского восстания для написания «Истории Пугачевского бунта» и собиране рассказов живых очевидцев тех событий, знакомство с поэтессой-любительницей Е.А. Тимашевой связали великого поэта с далеким Оренбургом. В свою очередь, изучение жизни Тимашевой способствовало возвращению из забвения имени Э.А. Эверсмманна, ученого и разведчика, ныне мало кому известного. Рассмотрение личности и особенностей деятельности этого яркого человека раскрыли подробности некоторых событий геополитического значения, происходивших на южных рубежах России в преддверии «Большой игры» с Британией.

Екатерина Александровна Тимашева (Загряжская) (1798–1881) приобрела определенную известность вследствие розысков пушкиноведов, любовно и тщательно собирающих мельчайшие подробности жизни и творчества великого поэта. Никаких сенсаций эти сведения не вызвали. Тимашева практически незнакома широкому кругу любителей литературы прошлых веков; научные разыскания посвящали ей лишь отдельные специалисты-литературоведы (Прокофьева, 2006: 96-100).

Среди многочисленных женщин, питавших вдохновение А.С. Пушкина, Екатерина Тимашева – далеко не самый известный персонаж. «Писательница пушкинской поры», «известная поэтесса пушкинского времени», одна из «спутников Пушкина», адресат стихотворных посланий властителей дум эпохи – Баратынского, Языкова, Вяземского; женщина, принадлежавшая к московскому большому свету, обладавшая обширным кругом знакомств, наконец, мать будущего российского министра внутренних дел (Фомичев, 1989: 152-158) в мемуарах современников упоминается редко и случайно.

Относительно развернуто о Тимашевой писали немногие (Прийма, 1953: 11-22; Файнштейн, 1989: 114-116; Фомичев, 1989: 152-157; Прокофьева, 2006: 96-100) и совсем кратко ряд других исследователей. Но всегда знакомство с ней рассматривалось исключительно как незначительный эпизод светской жизни А.С. Пушкина. Между тем в Оренбургском крае, который авторы посетили в 2018 г., до настоящего времени признают значительную роль семьи Тимашевых в общественной и

политической жизни Оренбуржья, сохраняют память о круге общения поэтессы, в т.ч. дружбе с известными деятелями культурной и политической сфер своего времени. Среди них личность Э. Эверсманна не занимала какого-либо выдающегося места, но ряд совпадений с жизнью Е. Тимашевой заставил более внимательно всмотреться в судьбу этого незаурядного человека.

На первый взгляд московская светская дама, посредственная поэтесса Е.А. Тимашева не может иметь никакого отношения к событиям 20-х годов XIX в., происходивших на границах России и Средней Азии. Однако это не так. Она была связана с ними посредством родственников со стороны мужа и через Э. Эверсманна. Дефицит сведений об Эверсманне «оренбургского» периода, скорее всего, объясняется особенностями его деятельности как разведчика; по-видимому, завеса тайны коснулась и его личных обстоятельств. Выявление данных, ранее не привлекавших внимание исследователей, могло способствовать установлению роли Эверсманна не только в жизни поэтессы, но и в русско-британской «Большой игре».

Это и побудило наш исследовательский интерес к выявлению сложного переплетения судеб названных жителей Оренбурга, до настоящего времени не попадавшего в поле зрения научного сообщества. Чтобы как-то восполнить этот пробел, нами проведено данное исследование, в котором с холистских позиций предпринята попытка дать целостную событийную характеристику жизни и деятельности некоторых представителей семьи Тимашевых. Сквозь призму прямых и опосредованных личностных отношений проступают очертания важнейших исторических реалий, относящихся к рассматриваемому периоду. Анализ этих связей представляется весьма результативным в контексте раскрытия малоизвестных деталей начального этапа «Большой игры», в которую вступили две мировые державы – Российская и Британская империи.

4. Результаты

Корни фамилии Тимашевых уходили в глубь веков. Тимэш¹, внук Тамерлана и правнук Чингисхана, с ослаблением и распадом государства Чингизидов в 1528 году перешел на службу к великому князю Московскому Василию III. Тимэш и его потомки органично вписались в русский быт и под именем Тимашовых верно служили русским государям. Они принимали православие, женились на русских девушках из служилых родов и перенимали обычаи и мировоззрение русского человека. Со временем род Тимашовых разросся и разделился на несколько ветвей, одна из которых удачно привилась в Оренбургской губернии.

Основоположником оренбургской ветви стал поручик Иван Лаврентьевич Тимашев (1717–1790), который с небольшим отрядом отправился осваивать ранее не исследованные, но перспективные земли. Их трудами было обозначено и утверждено российское присутствие на крайнем юго-востоке: по берегам рек Урала, Самары, Сакмары выросли укрепленные пограничные линии, впоследствии ставшие основой городов Кокчетав, Павлодар, Акмолинск, Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Алма-Ата и др. (Алаев, 2004: 403-410).

Благодаря деятельности первопроходцев возник и город Оренбург – первоначально сторожевой пункт, охранявший юго-восточные рубежи Российской империи и рассчитанный на отражение молниеносных кавалерийских наскоков воинственных местных племен. Вскоре, не утратив своего значения как грозный оплот российской силы, поселение превратилось в торговый городок, жители которого промышляли мелкими сделками с аборигенами, посредничеством, меной. Разрастаясь, Оренбург из порубежной крепости стал крупнейшим торговым посредником между Россией и соседними феодальными государствами Средней Азии – Бухарским и Хивинским ханствами, Кокандом, а через них – с богатыми государствами Ближнего Востока, Афганистаном и Индией. Здесь возникали и вращались крупные капиталы. Значение Оренбурга было признано русским правительством присвоением ему статуса столицы края, раскинувшегося от Волги до Сибири, от Камы до Каспия. Этот военно-торговый город стал окном России на Юго-восток.

Среди обширных замыслов Петра I виделось проникновение в Индию и другие, пока неизвестные ему страны, и установление над ними протектората. Царя завораживали рассказы о золоте, якобы в большом количестве скопившемся в русле реки Аму-Дарья. Согласно его указу от 2 июня 1714 года «О посылке преображенского полка капитан поручика кн. Алекс. Бековича-Черкасского для отыскания устьев реки Дарья...», и направляется военизированный отряд, замаскированный под посольство и торговый караван, в так называемый Хивинский поход 1717 года князя Бековича-Черкасского. Появление в Хорезме четырехтысячного русского отряда вызвало острую тревогу только что захватившего престол хана Ширгазы. Он пытался преградить русским путь к Хиве, но после неудачи вступил с А. Бековичем-Черкасским в переговоры и убедил его в необходимости из-за затруднений с продовольствием рассредоточить русских солдат небольшими группами по разным населенным пунктам. Добившись этого, он уничтожил русских почти поголовно (Голосов, 1861: 361).

¹ Тимэш – мурза (титул феодальной знати, равный хану).

Зато экспедиция Ивана Бухгольца в Малую Бухарию (1716) для устройства русско-китайской границы оказалась более успешной и способствовала развитию торговли России с восточными странами.

Следующей попыткой поиска новых торговых путей стал Персидский поход (1722–1723) Петра I. Повышенный интерес императора к Средней Азии объяснялся тем, что «всем азиатским странам и землям, оная Орда ключь и врата» (Ханыков, 1851: 7). Однако перспективному общению и торговле с азиатскими ханствами мешали разбойничьи набеги воинственных степняков-кочевников. Хотя считается, что в первой половине XIX в. решительных внешнеполитических действий Россия не вела, она всегда стремилась навести порядок в сопредельных землях и преодолеть природно-географическую изоляцию на юго-восточном направлении. Как положено империи, Россия нередко действовала силовыми методами, что представлялось единственно возможным в условиях постоянных нападений кочевников. Постепенное продвижение русских авангардов на юг, к дальним подступам к Индии, еще в XVIII веке вызвало настороженность английского кабинета министров. Британия рассматривала эти территории как стратегически важные. Английские купцы и, скорее всего, разведчики, Томпсон и Гогг прошли вдоль восточного чинка Усть-Юрта в 1740 г. Их записи приведены Дж. Ханвэем (Hanway, 1754: 73-78). Англия тогда с помощью Британской Ост-Индской кампании уже практически колонизировала Индию и ряд стран Востока и всеми доступными средствами выдавливала прямых соперников (французов, португальцев, голландцев). Началом британского владычества в восточной части Индии, которое впоследствии распространилось на территорию всего Индостана, считается 23 июня 1757 года (Антонова, 1958: 147).

Реальность российской угрозы английским колониям стала очевидной после выхода России из второй антифранцузской коалиции из-за неразрешимых противоречий между союзниками. Император Павел желал прославить свое царствование завоеванием Индии. Предложенный Наполеоном проект совместного российско-французского похода на Индию был спланирован по образцу его египетского похода. 12 января 1801 года приказом Павла I через Центральную Азию в Индию было брошено Войско Донское. Однако уже 23 марта курьер из Петербурга, догнавший казаков в Саратовской губернии, привез новый указ, объявивший о смерти Павла I и повелении нового монарха Александра I возвращаться домой (Митрофанов, 2006: 138). Но Россия не отказалась от планов расширения в юго-восточном направлении, что показало присоединение в 1801–1803 годах к империи Каргли-Кахетинского царства, становившегося Грузинской губернией, а затем Мегрелии и Имеретии.

Английский Форин-офис мало верил в декларируемую Россией цель – защиту закавказских христиан – и принимал меры предосторожности. Грузинская политика России послужила причиной Русско-персидской войны 1804–1813 годов. Противника готовили английские военные инструкторы, но устоять против русского оружия персы не смогли. 12 (24) октября 1813 года состоялось подписание Гюлистанского мира. Персия вынуждена была признать вхождение в состав Российской империи Восточной Грузии, Северной части Персии и Восточной Армении.

Англичане, в тот момент союзники России в борьбе против Наполеона, дипломатическим путем помогли ей приобрести часть западного побережья Каспийского моря вплоть до расположенной на границе с Ираном Астары и добиться исключительного права держать военный флот на Каспии.

В ряде исторических источников утверждается, что Русско-персидская война стала началом «Большой игры» («Игры теней») между Британской и Российской империями в Азии (Рохмистров, 2018: 137). Однако другие полагают, что ни эта война, ни убийство в 1829 году в Тегеране русского посла А.С. Грибоедова еще не были эпизодами «Большой игры». Так, Е.Ю. Сергеев утверждает: «Как показывают документы, царские стратеги, занятые планированием военных операций на Кавказе, игнорировали индийское направление вплоть до Крымской войны» (Сергеев, 2012: 213). Однако этому противоречит отправка в 1807 году с личным посланием Александра I к бухарскому эмиру из династии Мангытов поручика Абдулнасыра Субханкулова. Бухарское считалось самым сильным среди других ханств – Кокандского и Хивинского. Путешествие поручика оказалось весьма плодотворным. Ему удалось добыть ценные сведения о Бухаре, других владениях эмира, личности этого хитрого восточного деспота. Кроме того, он сумел заметить и описать некоторые географические особенности государства, состав его населения и наличие русских пленников, вникнуть в сущность внутренней политической борьбы. Особое внимание в докладе уделялось эпизодам английской торговой экспансии – прибытии в Бухару водным путем английских купцов «с немалым коварным умыслом» (Демезон, 2013: 74).

Интерес Александра I к Индии очевиден: он направил с личным письмом к правителю Пенджаба, расположенного на северо-западной границе государства, кашмирского купца Ага Мехди. Золото или беспечность посланца позволили англичанам раздобыть копию этого письма, из содержания которого можно было сделать вывод о стремлении русского царя расширить свое влияние в регионе (Хлобустов, 2018). Русское правительство постепенно включало Бухарское ханство в сферу своего влияния. В то же время его интерес распространялся далее – на афганский Кабул, Кандагар, Кашмир, Тибет и Пенджаб.

На основании письма западно-сибирского генерал-губернатора управляющему МИД Карлу Нессельроде по вопросу присоединения крупной группы казахских родов Старшего жуза к России от 1 августа 1822 г. был издан указ императора Александра I о введении «Устава о сибирских киргизах», которым была ликвидирована ханская власть (Сатенова, Шалабаева, 2019).

Таким образом, нельзя утверждать, что Россию не интересовало «индийское» направление: российское расширение от Урала и Южной Сибири в сторону Средней Азии и Афганистана правительством планировалось и считалось перспективным. Однако на этом пути возникало слишком много болевых точек в отношениях Российской империи и среднеазиатских государственных образований. Казахские степи обе стороны рассматривали как собственное достояние, правитель Хивы (Хорезма) Мухаммад Рахим-хан I (1806–1825) недостаточно энергично препятствовал своим подданным грабить российские торговые караваны, захватывать в плен российских купцов и военных. Торговля невольниками была едва ли не главной отраслью экономики среднеазиатских ханств (Халфин, 1974: 102, 104).

Таможенная служба Оренбургского края входила в систему Министерства финансов Российской империи. Служба имела подразделения во многих крупных поселениях и занималась сбором самой разнообразной информации. Как правило, она аккумулировала сведения о маршрутах караванов, об особенностях дорожных условий, наличии фуража, нападениях степных разбойников и т.п. Таможенники в беседах с караван-баши и купцами фиксировали, казалось бы, незначительные подробности положения дел в соседних государственных и племенных образованиях, обсуждали насыщенность рынка английскими товарами, поступавшими из Афганистана и Ост-Индии, оценивали их качество. Деятельность таможенной службы являлась видом «пассивной разведки», когда для получения важных сведений не затрачивались особые силы и средства, и информация поступала без специально организованного активного поиска путей ее целенаправленного добывания. Полученные сведения немедленно в письменном виде докладывались генерал-губернатору.

Службой умело руководил первопроходец Иван Тимашев, затем на этом поприще трудился его сын Николай Иванович, позитивные черты личности которого отмечались всеми современниками. Женатый на внучке руководителя трагического похода 1717 года княжне Федосье Петровне Бекович-Черкасской, он являлся одним из самых уважаемых представителей элиты края. Сын Николая Ивановича Егор отличился храбростью в войне 1812 года. Доблесть, принадлежность к знаменитому роду, а также особенности характера позволили ему занять должность атамана организованной ударной военной силы края – Оренбургского казачьего войска, указ об учреждении которого последовал еще в 1755 году. К основным кадрам войска стали добавлять служивых казаков из западносибирских городов, с Верхнего Дона и из Тамбовской провинции. В 1803 году было утверждено Положение об Оренбургском казачьем войске, которое устанавливало его внутреннюю организацию и определяло единую форму одежды.

Егор Тимашев встретил в европейской России Екатерину Александровну Загряжскую, женился на ней и привез в Оренбург. Если Екатерина тревожилась, что на родине мужа, в пограничном крае, ей придется столкнуться с темнотой и дикостью, действительность приятно ее удивила (Сорокина, 2012: 213). Первый издатель «Отечественных записок» Павел Свиньин, попавший в эти места, тоже отмечал это: «Не стану говорить о той приятной ошибке, в которую введен я был, найдя Оренбург во всех отношениях несравненно выше, превосходнее, чем я представлял его себе, – скажу только, что я встретил здесь, на краю киргизской степи, общество людей самых образованных, лучшего тона, обладающих отличными талантами, а потому проводящих время как нельзя приятнее» (Свиньин, 1828: 58).

Таково все семейство Рычковых и Петр Иванович Рычков (1712–1777), «оренбургский Ломоносов», выдающийся исследователь, основоположник экономической географии в России. Он получил известность как первый историк Южного Урала и первый член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук. Его сын Николай Петрович (1746–1784) – участник экспедиции П.С. Палласа в 1769–1770 годах, первым сделавший геоботаническое описание западной части Оренбуржья. Богатые дарования, разносторонняя ученость и необыкновенная энергия при редком остроумии и веселости характера доставили ему всеобщую известность и уважение. Это и Григорий Силыч Карелин (1801–1872), сын музыканта-самородка, в юности отправленного в Италию для обучения музыке. Григорий унаследовал дарования отца, хотя проявились они на другом поприще. Известный путешественник и исследователь Каспийского моря, собравший обширнейший материал по натуральной истории Оренбургского края, он отличался необыкновенной научной вдумчивостью и добросовестностью. Его достоинства обратили на себя внимание не только ближайшего начальства, но и всего городка (Блюмин, 1982: 98).

Но Оренбург – в первую очередь военный форпост России. Особое расположение края, особые обычаи и менталитет окружающих его соседей предъявляли соответствующие требования к личности главы Оренбургского края. Поэтому правительство с пристальным вниманием относилось к выбору оренбургских военных губернаторов, назначаемых только «по высочайшему повелению» (Семенов, Семенова, 1999: 18). В рассматриваемый период пост генерал-губернатора и одновременно командира

Отдельного Оренбургского корпуса занимали князь Г.С. Волконский (прототип старого князя Болконского в «Войне и мире», родственник Тимашевых, отец будущего декабриста); Петр Кириллович Эссен, генерал от инфантерии, высокообразованный человек, представитель старинного дворянского рода; позднее – Василий Перовский, сын графа Алексея Разумовского, брат писателя Антония Погорельского и министра внутренних дел Льва Перовского. При этом государственном деятеле уже в начале «Большой игры», разведывательная деятельность сопредельных государств достигла высшего уровня своего развития.

Должность атамана Оренбургского казачьего войска заставляла супруга Екатерины, Егора Николаевича, много времени проводить в разъездах (Годовая, 2014: 68), и он нередко оставлял супругу в одиночестве. После долгих командировок Егор Тимашев возвращался отчужденным, а вскоре завел побочную семью. Супруги по взаимному согласию «разъехались», но не развелись, и Екатерина с двумя сыновьями отправилась в Москву.

Появление в московском свете красавицы Тимашевой вызвало фурор. Ей было посвящено множество восхвалений в прозе и стихах. На московском небосклоне засияла новая звезда. Она была так хороша, что даже признанная поэтесса Евдокия Петровна Ростопчина выразила свое восхищение в стихотворении «Белая дама» (Владиславлев, 1838).

Красивая, элегантная, поэтически одаренная Екатерина Тимашева стала желанной гостьей многих литературных гостиных и салонов, предметом восхищения и поклонения. При этом ни одна сплетня ее не коснулась. Верность вкуса помогала Тимашевой не мельчить с публикацией своих стихов: они появлялись редко, но все – в журналах Дельвига–Пушкина. Два стихотворения вышли в свет лишь в последнем издании «Северных цветов», подготовленном Пушкиным в память о А.А. Дельвиге. Все отмечали какую-то романтическую грусть красавицы-поэтессы. «Печаль», «томность», «мечтательность» – эти слова неразрывно связаны с Екатериной Тимашевой. Ей был присущ некий магнетизм, какая-то тайна, томление души, прятавшиеся за «живой любезностью и нежной приветливостью». Возможно, это – внутренняя неудовлетворенность, стремление к идеалу, делающие Екатерину загадочной, столь чувствительной к чужим эмоциям и столь привлекательной (Файнштейн, 1989: 115).

Исследователи творчества А.С. Пушкина высказывают различные мнения о степени близости Пушкина и Тимашевой. Одни не могут избавиться от искушения считать ее «Екатериной IV» в так называемом донжуанском списке поэта. Другие полагают, что Пушкин и Тимашева никогда не встречались. Но, как минимум, на одном из чтений «Бориса Годунова» (самим поэтом) Тимашева присутствовала (Прийма, 1953: 17). Кроме того, факт знакомства подтвердил и сам Пушкин, написавший в ее альбом следующие лестные строки:

Я видел вас, я их читал,
Сии прелестные созданья,
Где ваши томные желанья
Боготворяют свой идеал.
Я пил отраву в вашем взоре,
В душой исполненных чертах,
И в вашем милом разговоре,
И в ваших пламенных стихах.

Они, конечно, встречались, но в число «трофеев» поэта красавица не вошла. Пушкин подтверждал это в письме к Вяземскому от 9.11.1826: «Что Тимашева? Как жаль, что я не успел с ней завести благородную интригу! Но и это не ушло» (Пушкин, 2015: 62). Но это «ушло». И поэта скоро увлекли новые впечатления, и Екатерина тосковала по другому человеку. В ее дневниковых записях встречается имя Эдуард. Это он нанес ей «неисцелимую сердечную рану»:

Не спрашивай, мой друг, кто был мой идеал,
Кто сердце озарил минутною красою,
Кто все прекрасное в себе соединял,
Кем жизнь любила я, гордилась в ком собою.
Бесценный друг, не отвергай любви,
Прочти в душе моей, она полна тобою,
И счастье дивное – любимым быть – лови,
Лови, и дар небес не заменяй тоскою...

Кому посвящены стихи, можно только гадать. Многие пушкинисты пытались отнести эти строки к Александру Сергеевичу. Могла ли любая красавица не ответить его, даже мимолетному, интересу! Но при всем преклонении перед гением поэта все-таки никак не удается «привязать» к нему пламенные чувства Тимашевой.

Может быть, Эдуард – это всего лишь вымышленный, идеальный образ? Но если внимательно рассмотреть окружение Екатерины в Оренбурге, нельзя не заметить такую выдающуюся личность, как Эдуард Александрович Эверсманн (1794–1860). Немец по национальности, в Вестфалии он сдал экзамен на звание «доктора философии и свободных искусств», а затем в Дерптском университете – и на степень доктора медицины. Натуралист, ботаник, зоолог, энтомолог, врач и путешественник,

он изучил множество языков, в том числе персидский и татарский. Его товарищ по учебе в Дерпте так описывал Эверсмана: «Густые темно-русые волосы падали на затылок и были едва прикрыты задорно посаженным маленьким черным бархатным беретом. Почти женская шея была открыта, сильная грудь украшалась белоснежным широким отложным воротничком сорочки. Черный бархатный казакин плотно облегал стройную фигуру. Белые, немного слишком широкие, штаны дополняли фантастический костюм, который сразу выдавал заядлого бурша-корпоранта. К этому нужно вообразить себе, правда бледное, но настолько красивое и правильное лицо, что оно казалось вышедшим из-под резца ваятеля. Совершенный греческий профиль с голубыми глазами – глазами, которые были прекрасны, однако по выражению серьезности и твердости в них казались принадлежащими не юноше, но зрелому мужу... Он был прекрасным стрелком и фехтовальщиком, фехтовал левой рукой с такой же уверенностью, как и правой, и в этом превосходил всех своих корпорантов; кроме того, у него были очень ловкие пальцы, и он обладал талантом механика, великолепно рисовал, что ему как зоологу впоследствии было очень полезно, и был вообще очень практичный человек... В верховой езде ему не было равных не только среди дерптских студентов, но и местных офицеров-кавалеристов» (Гаранин, 2002: 19).

В конце 1816 года Эверсманн приехал в Златоуст, где его отец служил горным начальником и директором «оружейных изделий». Здесь началась его врачебная практика, и скоро он приобрел известность как хирург и офтальмолог. Слава об умелом докторе дошла до Оренбурга. Молодой врач был представлен оренбургскому губернатору П.К. Эссену. К этому времени Эдуард в совершенстве освоил русский и арабский языки, а также основы мусульманской культуры. Его увлечением в свободные часы стало изучение флоры, фауны и географических особенностей окрестных районов. Интерес представляли его научные дневники, которые регулярно и скрупулезно им заполнялись всю оставшуюся жизнь.

Генерал Эссен пригласил Эверсманна на житье в Оренбург и весьма заинтересовался его намерением с исследовательской целью посетить Бухару, Коканд и Индию (Семенов и др., 1999: 78). Данный поход планировался исследователем по договору с прусской академией наук. Его намерения как нельзя лучше вписывались в планы российской дипломатии.

В начале 20-х годов XIX века деятельность британцев в Средней Азии активизировалась. Воинственные и вероломные среднеазиатские ханства постоянно тревожили разбойничьими набегами российские рубежи. В немалой степени активность радикально настроенных кругов исламских государств взвинчивалась окопавшимися в Афганистане англичанами. Они возбуждали вражду туземных правителей к российской пограничной администрации, сулили помощь в случае вооруженных конфликтов, поставляли оружие и советников. Продвижение России в сторону Афганистана, по умолчанию считавшегося сферой английского влияния, весьма беспокоило Форин офис. Но и российское МИД испытывало немалую тревогу. «Закрепившись в Туркестанские оазисах на пока еще нейтральном пространстве, недружественная Англия могла бы броском сипайской армии отсечь Сибирь от старых губерний России – ведь их соединяла между собой лишь тонкая «пуповина» Сибирского тракта» (Горанин, 2017).

Россия не могла не реагировать на эту пока еще воображаемую, но вполне реальную в будущем угрозу. Для принятия решительных мер требовались точные сведения о действиях противника.

Генерал Эссен решил поручить сбор разведанных Эверсманну. Информирова о своем выборе российский МИД, оренбургский правитель отмечал: «Нравственность его во всех отношениях похвальна: он правил самых честных и прямых, и можно быть уверена, что никогда не позволит себе изменить истине, справедливости и чести; следовательно, сохранит и вверенные ему тайны, и по возможности будет стараться выполнять данные ему поручения. В мыслях он не переменчив, но напротив характера твердого и постоянного, и если за какое дело взялся, то никакими препятствиями и затруднениями в преследовании одного до конца не удерживается. Здоровья он хотя и не самого твердого, но тем не менее, по молодости лет и рвению своему, способен к перенесению трудностей, сопряженных с путешествиями такого рода, к коему он назначает себя» (Гаранин, 2002: 24).

Александр I одобрил выбор генерала и повелел ассигновать на предприятие 3 тыс. рублей серебром. Инструкция Эверсманну была разработана Азиатским департаментом МИД России и утверждена лично царем. Осенью 1820 года Эверсманн отправился в Бухару, не имея дипломатического статуса, но в караване российской дипломатической миссии. Его целью было разведать обстановку в ханстве «на пользу наших торговых сношений с соседними нам азиатскими областями» и нащупать наиболее удобный маршрут в Индию. Предприятие было сопряжено с большим риском: европейцам путь в Среднюю Азию был заказан; любого «неверного» ждала там неминуемая расправа.

Опасность не помешала Эверсманну составить обстоятельный доклад с описанием Бухары, личности эмира, его деловых качеств и наклонностей, а также дать характеристику его приближенным. Он сообщал об антироссийских действиях бухарского купца Н. Байкишева: «...Он доносит куш-беги обо всем, что происходит в миссии, прибавляет от себя...». Уже в январе 1821 года доклад с оказией был передан в Оренбург.

Когда миссия готовилась к возвращению в Оренбург, Байкишев донес, что немец является «подкупленным Россией лазутчиком». Отважный ученый едва не попал в руки «блюстителей чистоты» ислама и чудом избежал смерти. Эмир распорядился тайно умертвить Эверсмана, как только тот покинет Бухару, но разведчика предупредил доброжелатель. Подвергшись нападению киргизов при переправе через Сыр-Дарью, едва ускользнув от хивинцев у горы Биштубе, Эверсманн успел укрыться в Оренбурге.

Об особом внимании к деятельности разведчика свидетельствует «высочайше утвержденная» специальным указом Александра I инструкция по поводу Эверсмана оренбургскому губернатору. Содержание ее неизвестно, о ней не упоминалось в секретной переписке губернатора Эссена со своим агентом. По-видимому, речь шла о планах освоения Российской империей степей Казахстана и Средней Азии, что было закономерно после закрепления за русскими Приуралья и Сибири.

Продвигаясь в Среднюю Азию, первопроходцы должны были учитывать особенности этого сложного в ландшафтно-географическом отношении региона: наличие караванных путей, стойбищ, водных источников и пр. (Дубовицкий, 2010: 87). Проводя интересующие его научные изыскания, Эверсманн в то же время фиксировал характеристики территории и тем самым вел разведывательную деятельность на благо своей новой родины. Но столь активная жизнь не могла не сказаться на здоровье ученого. В результате лишений, перенесенных при путешествии в Бухару, у него развилась болезнь сердца.

В Оренбурге он не мог не встречаться в свете с молодой супругой атамана. Вполне вероятно, что они познакомились, когда он только прибыл в Оренбург по приглашению Эссена. Можно предположить, что на молодую женщину он произвел глубокое впечатление; она, пренебрегаемая мужем, нашла в нем свой идеал. Действительно, красивый, романтический, образованный и храбрый Эдуард имел европейское воспитание и выгодно выделялся на общем фоне. Вероятно, он не прошел мимо восхищения царицы общества. Эверсманн и ранее имел успех у женщин, но ничего не известно об его увлечениях – разведчик умел скрывать свою личную жизнь; их отношения оставались для всех тайной. Екатерина же готова была на все. Она «любила, ее душа была полна» Эдуардом. Но практичный немец «отверг любовь» замужней женщины – скандал мог помешать его карьере и научным занятиям.

Он обратил внимание на дочь генерала А.П. Мансурова (1751 – до 1810), соратника генералиссимуса А.В. Суворова в его Итальянском и Швейцарском походах. Семье генерал оставил крупный капитал и значительные владения в Оренбургской губернии. Уже осенью 1821 года Эверсманн был помолвлен с Софьей Мансуровой и благодаря женитьбе выдвинулся в первые ряды оренбургского истеблишмента. «По-видимому, этот выскочка, этот homo novus сначала был для аристократического семейства несколько неудобен. Эти неблагоприятные обстоятельства скоро сгладились силой высокой интеллигентности и приятности его характера, и он вскоре стал не только любимцем всей семьи, но и высшим авторитетом в ней и как бы патриархом ее», – писал осведомленный современник (Гаранин, 2002: 53). Однако в немногочисленных жизнеописаниях этого незаурядного человека легким намеком проходит сожаление, что супруга не вполне оценила его достоинства.

Женитьба не прервала деятельности Эверсмана. Он принял участие во вновь организованной научно-военной экспедиции в Киргиз-кайсацкую степь (три отряда в 2220 человек и 6 орудий). Вылазка была предпринята с целью сбора топографических и статистических сведений, а также противостояния набегам и грабежам киргизов и казахов. Экспедиция действовала с 24 февраля по 29 марта 1824 года. В это время Эверсманн сделал первое описание геологического строения плато Усть-Юрт.

Весной 1825 года Эдуард Эверсманн покинул Оренбург в качестве врача (и, скорее всего, разведчика) вместе с отрядом полковника Ф.Ф. Берга, руководителя Арало-Каспийских военно-топографических экспедиций (1823, 1824, 1825–1826 годы) (Чичагов, 2017: 4-10).

Характерно, что именно в это время Екатерина Тимашева с сыновьями оставила Оренбург и отправилась в Москву.

По распоряжению оренбургского генерал-губернатора экспедиции были приданы опытные военные топографы и картографы: им надлежало сделать ряд предварительных обследований местности и рекогносцировок в некоторых частях Киргиз-кайсацкой (казахской) степи и окрестностях Каспийского моря. Главная цель – исследование Аральского перешейка и разведка путей в Хиву. Во время картографо-геодезических работ военные топографы постоянно подвергались разбойным нападениям и вынуждены были вернуться в Уральск. Тем не менее именно тогда Эверсманну удалось доказать полную изоляцию Каспийского бассейна от Арала, положив конец представлению о связи Уральских гор с Усть-Юртом (Гептнер, 1940: 32).

Это было время, когда Англия осознала реальность опасности потерять колониальную Индию, питавшую британское благополучие на протяжении двух с лишним веков. Именно этот страх заставил Форин офис начать «Большую игру» – защиту своих сфер влияния в Центральной Азии.

На фоне противостояния двух держав Эверсманн продолжал совмещать любимые занятия биологией с добычей разведывательно-военных сведений. Эта активная деятельность, руководство

все увеличивавшейся семьей (у него было пятеро детей) и проблемы со здоровьем оставляли ему мало возможностей для сердечных увлечений. Встречи Эверсмана и Тимашевой не исключены. Семейные связи Тимашевых не были порваны окончательно. Егор Николаевич изредка навещал семью в Москве, его супруга не раз приезжала в Оренбург, жила в городе и в любимом имении Ташла. Может быть, ее грела надежда увидеться с отвергшим ее чувства, но еще любимым Эдуардом? Может быть, она даже виделась с ним, когда, отправляясь из Оренбурга в рискованные путешествия, он проверял и свое оренбургское имение Спасское. Однако и поэзия, и альбомные записи Екатерины о подобных встречах молчат. Но имеется такое стихотворное свидетельство:

С к а ж и

Скажи, что выражал вчера твой нежный взор?

Кому был обращен? Или воспоминанья

Давно минувших дней, судьбе наперекор,

Опять в душе твоей зажгли очарованья?

Тайну имени «Эдуард», наверно, уже не раскрыть. Слишком мало фактических данных о жизни Екатерины Александровны, чтобы дать простор воображению и допустить какие-либо утверждения. Но отвергнутыми чувствами, разлукой с любимым можно объяснить ее «томность», всегдашнюю скрываемую грусть при природной живости характера и приветливости.

В 1827 году Эверсманн обследовал совместно с Г.С. Карелиным и Кариным земли Внутренней Букеевской орды (междуречье низовий Волги и Урала) и в том же году подал прошение о принятии на службу в качестве экстраординарного профессора на кафедру ботаники и зоологии Казанского университета. В ознаменование заслуг и в связи с огромным научным потенциалом ему была предложена должность не экстраординарного, а сразу ординарного профессора, то есть высшая по сравнению с искомой. В 1828 году Эверсманн покинул Оренбург, но связи с Оренбургским краем не потерял. Уже с весны 1829 года началась подготовка к экспедиции в Оренбургскую и Астраханскую губернии, в Волго-Уральские степи вместе с А.Я. Людвигом, К.К. Клаусом и Ф.А. Истоминым. Участники прибыли в Оренбург и после короткой остановки двинулись вниз по Уралу. Экспедиция, продлившаяся до осени, оказалась нелегкой и рискованной, поскольку как раз в этом году вспыхнуло большое восстание казахов под руководством хана Кайбалы. И именно рядом с обследуемыми участками произошла стычка отряда атамана Бороздина с 15 тысячами казахских всадников, пытавшихся прорваться через Урал ([Матвиевская, 2001: 13-50](#)).

Это была последняя научно-военная экспедиция Эверсмана. Лишения походной жизни, смертельный риск, которому он подвергался, добывая важные разведывательные данные, спровоцировали болезнь сердца. Слабость здоровья стала «главной помехой в личной и научной жизни этого удачливого человека». Недомогания начались вскоре после женитьбы. Врачи даже считали, что долго прожить ему не суждено.

Однако «в 1837 году ученый представил губернатору В.А. Перовскому, который и был инициатором написания «Естественной истории Оренбургского края», рукопись своего труда». На Перовского, одного из учредителей Русского географического общества, работа произвела прекрасное впечатление. Он писал Эверсманну: «С большим удовольствием прочитал я первую часть Вашего ученого и основательного труда. Я поставил себе в особую заслугу, что подал повод к сочинению Вами этой полезной и единственной у нас в своем роде книги и что могу способствовать к скорейшему ее распространению в отечестве нашем... Надеюсь, ... что вы не откажетесь от продолжения и скорого окончания важного труда Вашего, собственно из любви к науке, которой Вы, на поприще своем, успели уже принести столько существенной пользы» ([Семенов, Семенова, 1999](#)). Умный и дальновидный Перовский высоко оценил заслуги Эверсмана, который своим описанием географических особенностей Уст-Юрта облегчил продвижение русских первопроходцев в глубь Средней Азии.

«За умелые труды во время экспедиции к Каспийскому морю и хивинской границе» Э.А. Эверсманн был произведен в надворные советники, что соответствовало воинскому званию подполковника. Его книга была издана Перовским в Оренбурге в 1840 года тиражом 1200 экземпляров. Перевод с немецкого языка на русский сделал знаменитый В.И. Даль. Лексикограф провел в Оренбурге лучшие годы своей жизни, полюбил этот край, пробудил интерес русского общества к степной природе и людям, населяющим восточные окраины России. Как писатель и как ученый Даль определился именно в Оренбуржье, так как здесь произошло основное пополнение языковых запасов, возникла и укрепилась мысль о создании «Словаря» ([Прокофьева, 2015: 50-54](#)). С согласия автора Владимир Иванович снабдил книгу Эверсмана примечаниями, имеющими большую ценность.

Очевидно, что В.А. Перовский и следующие губернаторы Оренбургского края поддерживали тесную связь с Эверсманном. Его консультации в отношении определения границ на местности и на картах, информация о водных источниках и укрытиях в степях были незаменимы в условиях все более обостряющейся «Большой игры».

К концу XIX в. это противостояние закончилась компромиссом: российское и британское правительства пришли к соглашению относительно окончательного установления линии

прохождения границы, существующей до наших дней – от берегов реки Кушка до горных хребтов Памира. При этом российская сторона во многом руководствовалась сведениями, полученными в результате изысканий Э.А. Эверсмманна.

В настоящее время проблема границ снова дает о себе знать. Границы, проходящие по рекам, меняются вместе с ее руслом, появляются или исчезают острова или пастбища по берегам. Благодаря современным средствам геолокации топографические работы стали проще и точнее. Но исследования, проведенные в начале XIX в. Э.А. Эверсманном, не потеряли былой актуальности.

Особый исторический интерес представляют разнообразные официальные, дружеские и личные связи участников рассматриваемых событий, которые, причудливо переплетаясь, в целом создают картину общественной жизни Оренбурга, аванпоста России в степях Казахстана.

А.С. Пушкин, собирая материалы для своей рукописи «История Пугачевского бунта», приезжал в Оренбург и жил в знаменитом доме Тимашевых на главной улице города. В его работе неоднократно упоминается имя основателя имения в Ташле Ивана Лаврентьевича Тимашева – тот являлся членом военного совета по защите Оренбурга. Старый Тимашев узнается и на страницах повести «Капитанская дочка» – как отец Петруши Гринева. Прообразом героя послужил его сын Николай, который, будучи молодым офицером, вместе с отцом защищал Оренбург от осаждавших его пугачевцев.

Ни в записках Пушкина, ни в его письмах не встречается упоминаний о Егоре Николаевиче Тимашеве. Поэт проигнорировал существование одного из первых лиц в крае. Однако однозначно считается, что имеются параллели между помещиком Троекуровым – персонажем романа «Дубровский» – и Егором Тимашевым: тот тоже держал большую псарню, где разводил борзых собак, и отличался своенравным, властным характером – утверждает современная исследовательница Т.А. Образкова.

Вспоминал ли поэт свою московскую знакомую, останавливаясь в доме, принадлежавшем ее семье? Может быть, он подчеркнуто не заметил человека, доставившего столько страданий милой женщине?

После смерти Эверсманна в 1860 году существование Екатерины Тимашевой разнообразили поездки в Ташлу, которые превратились в волнующую цель жизни. Кроме того, что путешествия пробуждали романтические воспоминания, Оренбургский край был родиной ее сыновей. Старший сын Николай много сделал для восстановления фамильного имения Ташла, но умер от тифа во время пребывания в Висбадене, где и был похоронен.

Престиж фамилии Тимашевых поднял на новую высоту младший сын Александр. Адъютант двух императоров – Николая I и Александра II – он исправлял должность начальника штаба 3-го резервного кавалерийского и 3-го армейского корпусов. В 37 лет Тимашев был произведен в генерал-майоры, а через год, в 1856-м, назначен начальником штаба Корпуса жандармов и управляющим III отделением Собственной Его Величества канцелярии. Эти должности считались крайне одиозными, поскольку сами по себе жандармские функции не пользовались уважением. В это же время Тимашев стал членом Главного управления цензуры. Это сделало его удобной мишенью для критики революционно настроенной части общественности. «Ловкий, хитрый и сметливый сын оренбургских степей гонялся за властью» – это самая лояльная характеристика, которой он удостоился (Шилов, 2002: 231).

Около двух лет, с 1861 года, Тимашев был Казанским, Пермским и Вятским временным военным генерал-губернатором. Известно, что ему удалось за столь небольшой, но тяжелый для населения губерний период принести большую пользу, за что был произведен в высокий чин генерал-лейтенанта, а затем назначен министром внутренних дел. Он руководил этим Министерством десять лет. За это время ему удалось воплотить в жизнь ряд важных и необходимых инициатив. Именно Тимашев в 1872 году вооружил всю полицию империи револьверами системы «Смит–Вессон» и драгунскими шашками. Он произвел реорганизацию московской полиции и подготовил почву для создания по примеру Санкт-Петербурга самостоятельного органа по уголовному сыску, получившего под управлением Ивана Путилина¹ дальнейшее развитие. Генерал Тимашев всячески стимулировал борьбу с преступностью в стране (Мулукаев и др., 2005: 121).

Александр Егорович своей «эстетически развитой натурой» противоречил привычному представлению о чиновнике. Он любил танцевать «и танцевал так ловко и красиво, что иной приезжал на бал с определенной целью, посмотреть, как танцует Тимашев». Он был отличным портретистом, а также одним из первых фотографов в России. Но ярче всего его художественные

¹ Путилин Иван Дмитриевич (1830–1893), выходец из семьи провинциального мелкого чиновника. Начав с должности младшего помощника квартального надзирателя Толкучего рынка, Путилин стал знаменитым после громкого дела «Братьев фальшивомонетчиков Пуговкиных». Для того, чтобы выйти на след преступников, Путилину пришлось пять раз переодеваться и менять образ. Благодаря выдающимся способностям, в 1867 году назначен начальником только что созданной Сысской полиции. Широкую известность ему принесла борьба с уголовным миром. Оставил биографическую книгу «Сорок лет среди грабителей и убийц».

дарования проявились в скульптуре. За бюст Александра II и статуэтки из терракоты и мрамора Тимашеву присвоили звание академика (1889). Его работы экспонировались на академических выставках и до сих пор хранятся в Русском музее в Петербурге. При этом он много жертвовал на нужды просвещения и здравоохранения.

О смерти Е.А. Тимашевой, «скончавшейся в своем имении в селе Ташла», сообщалось в одном из номеров газеты «Оренбургский листок» за 1881 год. Но похоронена она была в Москве, на Новодевичьем кладбище. Могила Екатерины Александровны не сохранилась.

Зимой 1893 года умер и А.Е. Тимашев. Он был погребен в Ташле, родовом имении предков, в очень красивой, специально возведенной часовне. Ныне усыпальница Тимашевых полностью разрушена, уничтожена и часовня над ней.

5. Заключение

В контексте проведенного исследования можно констатировать следующее. Обаяние имени Пушкина до сих пор осеняет даже его мимолетных знакомых. Приятельство с Е.А. Тимашевой, пугачевские розыски связали великого поэта с далеким Оренбургом. Касательство к незначительному эпизоду его жизни – прекрасной Екатерине – вывело из забвения яркую фигуру Эверсмана, ученого и разведчика, о котором, не будь этого, быть может, никто, кроме узких специалистов, и не вспомнил бы. От личности этого человека ниточка потянулась к событиям геополитического значения, происходившим в преддверии «Большой игры» между Россией и Британией.

Наше исследование еще раз подтверждает тот факт, что, кроме ординарных причинно-следственных связей между событиями и людьми, существуют иные, глубинные, объединяющие скрытыми и непостижимыми скрепами происходящие социальные процессы. Политические явления, исторические события совершаются в немалой степени человеческой волей, человеческими страстями, питаются явными и сокровенными побуждениями участников. Реальность всегда переплетена куда более прочными нитями человеческих судеб, чем это кажется на первый взгляд. Разгадать побуждения, потаенные причины действий людей, лежащие в основе исторических преобразований, – перспективное и интереснейшее направление исторической науки.

Литература

Алаев, 2004 – История Востока. В 6 т. Т. 4. Восток в новое время (конец XVIII – начало XX вв.): Кн. 1 / Гл. редкол.: Р.Б. Рыбаков (пред.) и др.; [Отв. ред. Л.Б. Алаев и др.]. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2004. 576 с.

Антонова, 1958 – Антонова К.А. Английское завоевание Индии в XVIII веке. М.: Изд-во «Восточная литература», 1958. 327 с.

Блюмин, 1982 – Блюмин Г.З. В дали неизведанной земли: труды и жизнь Григория Карелина. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1982. 254 с.

Владиславлев, 1838 – Альманах на 1838 год / Сост.: В.А.Владиславлев. Санкт-Петербург: Изд. В. Владиславлева, 1838; [в Воен. тип.]. 349, [9] с. : 5 вкл.л. ил. – 17,5×10,5 см. Источник: [Электронный ресурс]. URL: https://omskmark.moy.su/publ/essayclub/noobliblion/0000011_b_almanahvvladislavleva_1838/111-1-0-2805

Гаранин, 2002 – Гаранин В.И. Жизнь и деятельность Э.А. Эверсмана. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2002. 64 с.

Гептнер, 1940 – Гептнер В.Г. Эдуард Александрович Эверсманн (Eduard Friedrich Eversmann). Зоолог и путешественник (1794–1860). М.: Изд-во МОИП, 1940. 79 с.

Годовая, 2014 – Годовая Е.В. Личность наказного атамана как субъект повседневности (на примере жизнеописания наказного атамана Оренбургского казачьего войска И.В. Падурова // *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина*. 2014. Том 4. № 3. С. 66–73.

Голосов, 1864 – Голосов Д. Поход в Хиву в 1717 г. отряда под начальством лейб-гвардии Преображенского полка капитана князя Александра Бековича-Черкасского // *Военный Сборник*. 1861. Том XXI. № 10. Отд. II. С. 303–364.

Горянин, 2017 – Горянин А. Соперничество и искусство компромисса: «Большая игра» Англии и России. [Электронный ресурс]. URL: <https://rusevr.asia/sopernichestvo-i-iskusstvo-kompromissabolshaya-igra-anglii-i-rossii/>

Демезон, 1983 – Демезон П.И. Записки о Бухарском ханстве. М.: Наука, 1983. 149 с.

Дубовицкий, 2010 – Дубовицкий В.В. Мотивы присоединения Средней Азии к России: от идеологических домыслов и эмоциональных оценок к геополитическому анализу // *История и современность*. 2010. Выпуск № 2 (12). С. 86–111.

Матвиевская, 2001 – Матвиевская Г.П. Э.А. Эверсманн и Оренбургский край // Эверсманн Э. Естественная история Оренбургского края. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2001. С. 13–50.

Митрофанов, 2006 – Митрофанов А.А. Русско-французские отношения в зеркале бонапартистской пропаганды 1800–1801 гг. // Французский ежегодник 2006. М.: КомКнига, 2006. С. 130–145.

- Мулукаев и др., 2005 – Мулукаев Р.С., Малыгин А.Я., Епифанов А.Е. История отечественных органов внутренних дел. Учебник для вузов. М.: NOTA VENE Медиа Трейд Компания, 2005. 336 с.
- Прийма, 1953 – Прийма Ф.Я. Стихотворение «Я видел вас, я их читал» (новонайденный автограф А.С. Пушкина) // *Литературный архив*. 1953. № 4. С. 11-22.
- Прокофьева, 2006 – Прокофьева А.Г. Тимашева Екатерина Александровна // Литературное Оренбуржье: Биобиблиографический словарь / А.Г. Прокофьева, В.Ю. Прокофьева, О.В. Федосова, Г.Ф. Хомутов. Оренбург, 2006. 120 с.
- Прокофьева, 2015 – Прокофьева А.Г. Даль В.И. // Оренбургский край в русской литературе: Монография / А.Г. Прокофьева, В.Ю. Прокофьева, С.М. Скибин; Рос. акад. естествознания. М.: Академия естествознания, 2015. 276 с.
- Пушкин, 2015 – Пушкин А.С. Переписка 1826–1837 документально-художественная. М.: Директ-Медиа, 2015. 1057 с.
- Рохмистров, 2018 – Рохмистров В.Г. Большая игра: Столетняя дуэль спецслужб. М.: Издательство «Пальмира», 2018. 490 с.
- Сатенова, Шалабаева, 2019 – Сатенова М.Р., Шалабаева А.Б. Из истории принятия российского подданства казаками Старшего жуза // *Электронный научный журнал «edu.e-history.kz»*. 2019. № 2 (18).
- Свиньин, 1828 – Свиньин П.П. Картины Оренбурга и его окрестностей // *Отечественные записки*. 1828. Ч. 35 (Кн. 1–3). № 99–101. 465 с.
- Семенов, Семенова, 1999 – Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1999. 400 с.
- Сергеев, 2012 – Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Издательство Товарищество научных изданий КМК, 2012. 454 с.
- Сорокина, 2012 – Сорокина С.Е. Оренбургский Парнас (Поэты пушкинской поры): очерки литературного краеведа. Оренбург: Димур, 2012. 418 с.
- Файнштейн, 1989 – Файнштейн М.Ш. Писательницы пушкинской поры. Л.: Наука, 1989. 175 с.
- Фомичев, 1989 – Фомичев С.А. Екатерина Тимашева – поэтесса пушкинской плеяды // *Временник пушкинской комиссии*. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. Вып. 23. С. 152-157.
- Халфин, 1974 – Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии. Первая половина XIX в. М.: Наука, 1974. 406 с.
- Ханыков, 1851 – Ханыков Я.В. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с ее окрестностями // *Зап. ИРГО*. Кн. 5. СПб. 1851. 91 с.
- Хлобустов, 2018 – Хлобустов О.М. Госбезопасность России от Александра 1 до Путина. Неизвестная разведка: на задворках великой империи. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rum-museum.ru/portal/node/2537>
- Чичагов, 2017 – Чичагов В.П. Знания о природе Устюрта к началу XIX века и организация экспедиции Ф.Ф. Берга // *Астраханский вестник экологического образования*. 2017. Т. 2. № 40. С. 4-10.
- Шилов, 2002 – Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений, 1802–1917: Биобиблиографический справочник. 2-е изд. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 936 с.
- Hanway, 1751 – Hanway J. An Historical account of the British trade over the Caspian sea. V. 1. London: Osborne, 1754. 583 p.
- Pravkin et al., 2020 – Pravkin S.A., Smirnova V.V., Shagieva R.V., Khvatova M.A. The Significance of the Principle of Legality in the System of Legitimacy of N.M. Karamzin // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 55. Is. 1. Pp. 67-77.

References

- Alaev, 2004 – Istorija Vostoka (2004). V 6 t. T. 4. Vostok v novoe vremja (konec XVIII – nachalo XX v.) [East in modern times (late XVIII – early XX century)]: Kn. 1. Gl. redkol.: R.B. Rybakov (pred.) i dr.; [Otv. red. L.B. Alaev i dr.]. M.: Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN, 576 p. [in Russian]
- Antonova, 1958 – Antonova K.A. (1958). Anglijskoe zavoevanie Indii v XVIII veke [English conquest of India in the XVII century]. M.: Izd-vo «Vostochnaja literatura», 327 p.
- Bljumin, 1982 – Bljumin G.Z. (1982). Bljumin G.Z. V dali neizvedannoj zemli: trudy i zhizn' Grigorija Karelina [In the distance of unknown land: the works and life of Grigory Karelin]. Cheljabinsk: Juzh.-Ural. kn. izd-vo, 254 p. [in Russian]
- Vladislavlev, 1838 – Al'manah na 1838 god [Almanac for 1838]. Sost.: V.A. Vladislavlev. Sankt-Peterburg: Izd. V. Vladislavleva, 1838; [v Voen. tip.]. 349, [9] p. : 5 vkl..l. il. – 17.5×10.5 sm. Istochnik: [Electronic resource]. URL: https://omskmark.moy.su/publ/essayclub/noobiblion/0000011_b_almanahvladislavleva_1838/111-1-0-2805 [in Russian]
- Garanin, 2002 – Garanin V.I. (2002). Zhizn' i dejatel'nost' Je.A. Jeversmanna [The life and work of E.A. Eversmann]. Kazan': Izd-vo Kazansk. un-ta, 64 p. [in Russian]

- Geptner, 1940** – *Geptner V.G.* (1940). Jeduard Aleksandrovich Jeversmann (Eduard Friedrich Eversmann). Zoolog i puteshestvennik (1794 – 1860). [Eduard Alexandrovich Eversmann (Eduard Friedrich Eversmann). Zoologist and traveler (1794 - 1860)]. M.: Izd-vo MOIP, 79 p. [in Russian]
- Godovaja, 2014** – *Godovaja E.V.* (2014). Lichnost' nakaznogo atamana kak sub#ekt povsednevnosti (na primere zhizneopisaniya nakaznogo atamana Orenburgskogo kazach'ego vojska I.V. Padurova [The personality of the order ataman as a subject of everyday life (on the example of the biography of the order ataman of the Orenburg Cossack army I.V. Padurov)]. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina*. T. 4. № 3, pp. 66-73. [in Russian]
- Golosov, 1864** – *Golosov D.* (1861) Pohod v Hivu v 1717 g. otrjada, pod nachal'stvom lejbgvardii Preobrazhenskago polka kapitana knjazja Aleksandra Bekovicha-Cherkasskago [Hike to Khiva in 1717 of the detachment, under the command of the Life Guards of the Preobrazhensk Regiment, Captain Prince Alexander Bekovich-Cherkassk]. *Voennyj Sbornik*. 1861. Tom XXI. № 10. otd. II, pp. 303-364. [in Russian]
- Gorjanin, 2017** – *Gorjanin A.* (2017). Sopernichestvo i iskusstvo kompromissa: «Bol'shaja igra» Anglii i Rossii [Rivalry and the Art of Compromise: The Great Game of England and Russia]. [Electronic resource]. URL: <https://rusevr.asia/sopernichestvo-i-iskusstvo-kompromissa-bolshaya-igra-anglii-i-rossii/> [in Russian]
- Demezov, 1983** – *Demezov P.I.* (1983). Zapiski o Buharskom hanstve [Notes on the Bukhara Khanate]. M.: Nauka, 149 p. [in Russian]
- Dubovickij, 2010** – *Dubovickij V.V.* (2010). Motivy prisoedineniya Srednej Azii k Rossii: ideologicheskikh domyslov i jemocional'nyh ocenok k geopoliticheskomu analizu [Motives for the accession of Central Asia to Russia: ideological conjectures and emotional assessments to geopolitical analysis]. Vypusk. №2(12), pp. 86-111. [in Russian]
- Matvievskaja, 2001** – *Matvievskaja G.P.* (2001). Je.A. Jeversmann i Orenburgskij kraj [E.A. Eversmann and the Orenburg region]. Jeversmann Je. Estestvennaja istorija Orenburgskogo kraja. Orenburg: Izd-vo OGPU, pp. 13-50. [in Russian]
- Mitrofanov, 2006** – *Mitrofanov A.A.* (2006). Russko-francuzskie otnoshenija v zerkale bonapartistskoj propagandy 1800-1801 gg. [Russian-French relations in the mirror of Bonapartist propaganda 1800-1801]. Francuzskij ezhegodnik. M.: KomKniga, pp. 130-145. [in Russian]
- Mulukaev i dr., 2005** – *Mulukaev R.S., Malygin A.Ja., Epifanov A.E.* (2005). Istoriya otechestvennyh organov vnutrennih del. Uchebnik dlja vuzov. [History of domestic law enforcement bodies. Textbook for universities]. M.: NOTA BENE Media Trejd Kompanija, 336 p. [in Russian]
- Prijma, 1953** – *Prijma F.Ja.* (1953). Stihotvorenije «Ja videl vas, ja ih chital» (novonajdennyj avtograf A. S. Pushkina) [The poem "I saw you, I read them" (newly found autograph of Alexander Pushkin)]. *Literaturnyj arhiv*. № 4, pp. 11-22. [in Russian]
- Prokof'eva, 2006** – *Prokof'eva A.G.* (2006). Timasheva Ekaterina Aleksandrovna [Timasheva Ekaterina Alexandrovna]. Literaturnoe Orenburzh'e: biobibliogr. slov. A.G. Prokof'eva, V.Ju. Prokof'eva, O.V. Fedosova, G. F. Homutov. Orenburg, 120 p. [in Russian]
- Prokof'eva, 2015** – *Prokof'eva A.G.* (2015). Dal' V.I. [Dal' V.I.]. Orenburgskij kraj v russkoj literature: monografija, A.G. Prokof'eva, V.Ju. Prokof'eva, S.M. Skibin; Ros. Akad. Estestvoznaniya. M.: Akademija Estestvoznaniya, 276 p. [in Russian]
- Pushkin, 2015** – *Pushkin A.S.* (2015). Perepiska 1826-1837: dokumental'no hudozhestvennaja [Correspondence 1826-1837: documentary and artistic]. M.: Direkt-Media, 1057 p. [in Russian]
- Rohmistrov, 2018** – *Rohmistrov V.G.* (2018). Bol'shaja igra: Stoletnjaja dujel' specslužhb [The Big Game: A Hundred Years Duel of Special Services]. M., Izdatel'stvo: Pal'mira, 490 p. [in Russian]
- Satenova, Shalabaeva, 2019** – *Satenova M.R., Shalabaeva A.B.* (2019). Iz istorii prinjatija rossijskogo poddanstvam kazahami starshego zhuza [From the history of the adoption of Russian citizenship by Kazakhs of the senior zhuz]. *Elektronnyj nauchnyj zhurnal «edu.e-history.kz»*. № 2(18). [in Russian]
- Svin'in, 1828** – *Svin'in P.P.* (1828). Kartiny Orenburga i ego okrestnostej [Pictures of Orenburg and its surroundings]. *Otechestvennyje zapiski*. Ch. 35 (Kn.1-3). № 99-101. 465 p. [in Russian]
- Semenov, Semenova, 1999** – *Semenov V.G., Semenova V.P.* (1999). Gubernatory Orenburgskogo kraja [Governors of the Orenburg Territory]. Orenburg: Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo. 400 p. [in Russian]
- Sergeev, 2012** – *Sergeev E.Ju.* (2012). Bol'shaja igra, 1856–1907: mify i realii rossijsko-britanskih otnoshenij v Central'noj i Vostočnoj Azii. [The Great Game, 1856-1907: Myths and Realities of Russian-British Relations in Central and East Asia]. M.: Izdatel'stvo Tovarishhestvo nauchnyh izdanij KMK, 454 p. [in Russian]
- Sorokina, 2012** – *Sorokina S.E.* (2012). Orenburgskij Parnas (Poety pushkinskoj pory): ocherki literaturnogo kraevedy [Orenburg Parnas (Poets of the Pushkin Period): Essays by a Literary Local History]. Orenburg: Dimur, 418 p. [in Russian]
- Fajnshtejn, 1989** – *Fajnshtejn M.Sh.* (1989). Pisatel'nicy pushkinskoj pory [Writers of the Pushkin era]. L.: Nauka, 175 p. [in Russian]
- Fomichev, 1989** – *Fomichev S.A.* (1989) Ekaterina Timasheva – pojetessa pushkinskoj plejady [Ekaterina Timasheva - poetess of the Pushkin galaxy]. Vremennik pushkinskoj komissii. L.: Nauka. Leningr. otd-nie. Vyp. 23. pp. 152-157. [in Russian]

[Halfin, 1974](#) – *Halfin N.A.* (1974). Rossiya i hanstva Srednej Azii. Pervaja polovina XIX v. [Russia and the Khanates of Central Asia. First half of the 19th century]. M.: Nauka, 406 p. [in Russian]

[Hanykov, 1851](#) – *Hanykov Ja.V.* (1851). Pojasnitel'naja zapiska k karte Aral'skogo morja i Hivinskogo hanstva s ee okrestnostjami [Explanatory note to the map of the Aral Sea and the Khiva Khanate and its surroundings]. *Zap. IRGO*. Kn. 5. SPb., 91 p. [in Russian]

[Hlobustov, 2018](#) – *Hlobustov O.M.* (2018). Gosbezopasnost' Rossii ot Aleksandra 1 do Putina. Neizvestnaja razvedka: na zadvorkah velikoj imperii [State security of Russia from Alexander 1 to Putin. Unknown Intelligence: On the outskirts of a great empire]. [Electronic resource]. URL: <http://www.rummuseum.ru/portal/node/2537> [in Russian]

[Chichagov, 2017](#) – *Chichagov V.P.* (2017). Znanija o prirode Ustjurta k nachalu XIX veka i organizacija jekspedicii F.F. Berga [Knowledge about the nature of Ustyurt by the beginning of the 19th century and the organization of the expedition by F.F. Berg]. *Astrahanskij vestnik jekologicheskogo obrazovanija*. T. 2. № 40, pp. 4-10. [in Russian]

[Shilov, 2002](#) – *Shilov D.N.* (2002). Gosudarstvennye dejateli Rossijskoj imperii. Glavy vysshih i central'nyh uchrezhdenij, 1802–1917: Biobibliograficheskij spravocnik [Statesmen of the Russian Empire. Heads of Higher and Central Institutions, 1802-1917: Biobibliographic Reference]. 2-e izd. SPb.: Dmitrij Bulanin, 936 p. [in Russian]

[Hanway, 1751](#) – *Hanway J.* (1751). An Historical account of the British trade over the Caspian sea. V. 1. London: Osborne, 1754. 583 p.

[Pravkin et al., 2020](#) – *Pravkin S.A., Smirnova V.V., Shagieva R.V., Khvatova M.A.* (2020). The Significance of the Principle of Legality in the System of Legitimacy of N.M. Karamzin. *Bylye Gody*. Vol. 55. Is. 1. Pp. 67-77.

Начало «Большой игры» («Игры теней») в Средней Азии сквозь призму судеб отдельных жителей Оренбурга в XIX в.

Елена Ивановна Майорова ^a, Розалина Васильевна Шагиева ^{a, *}, Мария Алексеевна Хватова ^b, Альбина Мансуровна Фатхутдинова ^c

^a Государственный университет управления, Москва, Российская Федерация

^b Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)» (МГТУ им. Н.Э. Баумана), Москва, Российская Федерация

^c Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе раскрытия истории влиятельной в Оренбургском крае семьи Тимашевых предпринята попытка обосновать базирующуюся на экологическом принципе холизма концепцию взаимосвязи конкретной событийности с важнейшими геополитическими процессами, происходившими на южных рубежах России в преддверии «Большой игры» с Британией. Для этого применялась широкая палитра ретроспективных, иллюстративных, персональнобиографических методов. В итоге, рассматривая и анализируя жизнь реальных исторических персонажей, удалось получить убедительное подтверждение фактам постепенного продвижения русских авангардов на юг, к дальним подступам к Индии уже в начале XIX в. В орбиту исследования вошли глава семейства Тимашевых – первопроходец Иван Тимашев, умело руководивший таможенной службой Оренбургского края, деятельность которой являлась «пассивной разведкой»; его дети и внуки, игравшие определенную роль в расширении российской экспансии. Благодаря супруге одного из Тимашевых, поэтессе и красавице Екатерине, хорошей знакомой А.С. Пушкина, протянулась нить между этой семьей и творчеством великого поэта. Анализ жизни одаренной женщины способствовал обрисовке неординарной личности забытого ученого Э.А. Эверсманна, совмещавшего на фоне противостояния двух держав любимые ученые занятия естественными науками с добыванием разведывательно-военных сведений для своей новой родины России.

История творится людьми, и, не зная характера и судеб этих творцов, мы рискуем остаться в области умозрительных построений. Биографическое разыскание, не являясь самоцелью, присутствует в любом исследовании прошлого, позволяя сделать необходимые акценты содержания или скорректировать его рамки.

Ключевые слова: Россия, Британия, среднеазиатские ханства, «Большая игра», семейство Тимашевых, А.С. Пушкин, Э.А. Эверсманн.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: trolo03@mail.ru (Е.И. Майорова), shagsas@mail.ru (Р.В. Шагиева), Xvatovama@rambler.ru (М.А. Хватова), fam2510@mail.ru (А.М. Фатхутдинова)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1232-1244. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1232
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Russian Spiritual Mission in Japan and the Role of Nikolai Kasatkin

Kalkaman T. Zhumagulov ^a, Raikhan O. Sadykova ^{a,*}

^a Al Farabi Kazakh National university, Almaty, Kazakhstan

Abstract

Spiritual religious relations among states and peoples are one of the most relevant topics for modern researchers since these relations become a unifying factor among states and nations even under conditions of armed conflict. A vivid example would be the activities of the Russian Ecclesiastical Mission in Japan that have become an illustration of successful activity of the Orthodox Church. Especially it must be mentioned that this religious mission can't be successful without the fruitful activity of such historical persons as Nikolai Kasatkin. The multifaceted activity of Archbishop Nicholas deserves study at once for many reasons. Firstly, Nikolai Kasatkin was not only the spiritual representative of Russia in Japan, but an educator. He made a huge contribution through his translations of religious books. Nikolai Kasatkin began his translation activity from the study of Japan itself, its culture, religious literature and society. Secondly, he devoted an important role to pedagogical activity. Under his leadership the Catechetical College, Theological seminary, Seminary for Girls and other institutions were opened. Thirdly, despite the prohibition of Christianity in the initial period of the formation of missionary activity and further on the Russo-Japanese war, Nikolai Kasatkin continued to persistently explain to the Japanese people the attitude of the Orthodox religion. He found new ways to finance the activities of the spiritual mission in Japan persistently describing in detail all the necessary information to the Russian government in his telegrams. With the enormous support of the Japanese people and the Russian government, and through other sources of funding, Nikolai Kasatkin founded several churches that serve as spiritual centers in Japan to this day.

Keywords: Russia, Japan, history of missionary activity, Orthodoxy, religious relations, history of building of churches.

1. Introduction

Relevance of the research topic is currently determined both by complete lack of knowledge and lack of developed document and actual material, the major part of which has remained and remain to be inaccessible to researchers in Kazakhstani historiography. Many materials on the history of the Japanese Orthodox Church were lost during the dramatic events of the XXth century; therefore the most rapid introduction of preserved material into scientific use is of particular importance and necessity. Research on the Russian spiritual mission in Japan has also become more relevant since the collapse of the Soviet Union. Of course, there were studies on this subject in Soviet historiography, but due to the closed world of the Western world, Russian researchers did not have access to important documents and research in Japan itself.

Relevance of the research topic is also determined by the fact that the stable relations of the Russian Federation as our nearest neighbor with one of the leading states of the Asia-Pacific Region, Japan may affect Kazakhstan security. The Orthodox Church, orthodox tradition and orthodox spiritual culture are a living phenomenon and continue to have some impact on spiritual, cultural and social life not only in Japan but also in Kazakhstan. In addition, Kazakhstan as Russia in the foreign policy concept pays considerable attention to the Eurasian idea. In the Eurasian project of the President of the Russian Federation V. Putin,

* Corresponding author

E-mail addresses: raikhan.sadykova@gmail.com (R.O. Sadykova)

the Asia-Pacific region was defined by the Russian leadership as a necessary direction in the implementation of the Eurasian concept. Of course, now, in the context of a pandemic and differences in the national interests of these states, Eurasian cooperation in the trade and economic sphere is not fully realized. But the positive tendencies of spiritual and cultural rapprochement between Russia and Japan can further serve as a basis for this cooperation to implement the Eurasian concept. In this regard, this problem is not only of academic interest.

The development of the Russian ecclesiastical mission in Japan represented by Nikolai Kasatkin and his followers greatly contributed to the development of the Russian-Japanese relations particularly in the field of education and culture, facilitated by its varied works the spiritual rapprochement of the two nations with such different civilizations and cultures.

2. Materials and methods

The main sources on the topic of the work were the diaries of Nikolai Kasatkin and many other Russian researchers published in the form of research papers and monographs.

By now, a complete scientifically prepared and thoroughly commented publication of these lengthy diaries edited by the most prominent specialists on the history of Russian culture and Japanese Orthodoxy M. Naganawa, Y. Nakamura, K. Nakamura and R. Yasui was published in Japan. The first volume containing the notes for 1870–1876, 1879–1882, 1903–1905 was published by the press of Hokkaido university ([Dnevniky Svyatogo Nikolaya Yaponskogo, 1994](#)). Also the authors of this article used in the work the diaries of Nikolai Kasatkin published in 2003 ([Dnevniky Svyatogo Nikolaya Yaponskogo, 2003](#)) and in 2004 ([Dnevniky Svyatogo Nikolaya Yaponskogo, 2004](#)) years.

Periodicals of the Japanese Orthodox Church represent a special group of the sources. Archbishop Nikolai was also a creator of orthodox periodicals and orthodox book publishing in Japan. Materials on advancement of Orthodoxy in Japan during establishment of the Japanese Orthodox Church published in *The Moscow News* should be considered as an important source ([Gavrikov, 2011](#)).

After the death of Nikolai Kasatkin, appeared the works in the form of memoirs and obituaries, which also play a significant role as sources. This is the for example, the work of Arkhimandrit Sergii ([Arkhimandrit Sergii, 2013](#)).

Also these are, for example, the works by D.M. Pozdneev ([Pozdneev, 1912](#)) and S.V. Nedachin ([Nedachin, 1911](#)).

When solving the research problems, both general scientific methods (analysis and synthesis, specifications, generalization) and traditional methods of historical analysis were used. In studying the role and contribution of Nikolai Kasatkin to the development of the Russian Ecclesiastical Mission a comparative historical, statistical research methods were used.

Analysis of the works by both the researchers before the XXIth century and modern researches, such as A. B. Efimov ([Efimov, 2007](#)), L.M. Ermakova ([Ermakova, 2005](#)), N. Sukhanova ([Sukhanova, 2013](#)) and others, forms the basis for the work.

Contribution of Nikolai Kasatkin and his activity in Japan is covered in the works by G.D. Ivanova ([Ivanova, 1996](#)), E.B. Sablina ([Sablina, 2006](#)), A.N. Khokhlov ([Khokhlov, 1994](#)), O.V. Shatalov ([Shatalov, 2000](#)).

3. Discussion

The problem of Russian missionary activity in Japan has been a closed topic for a long time in Russia. There were a few works after the decease of Nikolai Kasatkin, e.g. the works by D.M. Pozdneev ([Pozdneev, 1912](#)) and S.V. Nedachin ([Nedachin, 1911](#)). The importance of these works is that though the authors had no archive documents, they were able to receive information directly from the witnesses of that period, first of all, from Nikolai Kasatkin.

The works of Japanese authors, who like Archimandrite Sergius were in direct contact with Nikolai Kasatkin, should be noted as very significant sources. Japanese followers and successors of Archbishop Nikolai leaved evangelical works for Orthodox Japanese way back in 90s of XIXth – early XXth century. It stands to mention such authors as Ishikava Kindzaburo ([Kindzaburo, 1892](#); [Kindzaburo, 1893](#)), Midzushima Koe ([Koe, 1904](#)), Morita Re ([Re, 1904](#)).

After 1917, there was a long break in studying the history of the Japanese Orthodox Church. It was related to political changes in Russia. Small publications of that time of the Soviet print were dominated by a more critical view. According to this view the Japanese Orthodox Church served the interests of the Russian and Japanese imperialism. Studying of Orthodoxy was not encouraged in Japan either: in the pre-war years – under the impact of hardcore nationalist ideas, in the post-war years – under the impact of Marxist and Communist ideas. A change took place only by the late 1960s, which was due to preparation of Archbishop Nikolai for canonization by the Russian Orthodox Church and granting self-rule to the Japanese Orthodox Church in 1970. However, Japanese scientists confidently had the lead here because the history of Orthodoxy in Japan remained to be a closed topic for the Soviet academic science until the late 1980s.

Nevertheless, certain issues considered in our work, were touched upon by researchers to varying degrees. But these works were more bibliographic and reference literature, also in the form of textbooks on the history of Japan.

In the *Soviet period of Russian history*, certain problems related to the activities of the Orthodox Mission in Japan, were considered in the publications of the Moscow Patriarchate. Their appearance is directly related to the canonization of Archbishop Nicholas of Japan in 1970. In connection with this event, the "Journal of the Moscow Patriarchate" published a number of reference articles, in which attention is paid to first of all to the spiritual biography of St. Nicholas ([O kanonizatsii arkhiepiskopa Nikolaya Yaponskogo, 1970](#)).

It should also be noted that the very first scientific article where were considered the activities of St. Nicholas was published in 1977 in the magazine "Narody Azii i Afriki". This article deserves the most highly appreciated. In this article, the author described St. Nicholas as one of pioneers of Russian Japanese studies ([Sherbina, 1977](#)).

A more detailed description of the main stages in the life and work of St. Nicholas was developed by Antonii ([Antonii, 1976](#)).

From the late 1980s the history of Orthodoxy attracts increasingly greater attention of the Russian scientists. Informative historiographical works about Orthodoxy in Japan, life and activity of Archbishop Nikolai were published in recent years: "Life and work of Saint Nikolai of Japan" by G.D. Ivanova ([Ivanova, 1996](#)), "The Role of the Tokyo Orthodox Seminary in training of translators, specialists on Japan" by A.N. Khokhlov ([Khokhlov, 1994](#)) and others. These articles were included in the second issue of collection of works "Orthodoxy in the Far East" ([Pravoslavie na Dal'nem Vostoke, 1996](#)) dedicated to the memory of Archbishop Nikolai was the result of cooperation between the Saint Petersburg State University and the Saint Petersburg Theological Academy. The collection of works contains several articles about the activity of Nikolai Kasatkin, opinions of the Japanese authors about the Russian Ecclesiastic Mission in Japan and so on.

Cooperation of historians of the two countries in Japan is represented by the activities of the scientific society "The Russians in Japan", which mainly deals with the history of Russian Diaspora in the Far East but also pays a great deal of attention to the history of Orthodoxy in Japan. Meanwhile, it should be noted that more recently in Russia, the life and works of Archbishop Nikolai attract increasingly greater attention not only of scientists-historians but also of writers and journalists. The articles of the history of orthodoxy in Japan are published not only in academic but also in widely read periodicals (*Moscow Journal, Japan Today* and others), however, their scientific and authentic level quite often leaves room for improvement.

As the chronological scope for this research was the period of religious activity of Kasatkin in Japan. The researchers turn to an important stage in the history and evolution of the Ecclesiastical Mission covering the period from 1870 to 1912. The thing is that at this particular time the approval of the Ecclesiastic Mission took place, the main forms of its activity were generated, directions of cultural exchanges were outlined, its main institutes were established.

The period from 1870 to 1912 is characterized with the vigorous activity of Saint Nikolai (Ivan Dmitrievich Kasatkin, 1834–1912), who was the founder of the Ecclesiastic Mission. Certainly, the stage of the Mission's history during the Russian-Japanese war is somewhat different from previous years by its objectives. Nonetheless, it is, by all means, important and makes it possible to consider the problem of the Ecclesiastic Mission's activities in the war period (1904–1905). Since, despite the presence of a military conflict between Japan and Russia, the Russian spiritual mission in Japan, represented by Nikolai Kasatkin, continued its religious activities, providing all kinds of support in the spiritual enlightenment of the Japanese people. This experience is particularly relevant today and may be viewed as an example of successful activity of the Orthodox Church in the difficult years of the history.

Overview of the aforesaid publications makes it possible to state with confidence that there is a lack of special research dedicated directly to the subject of thesis, analysis of the activities of the Russian Ecclesiastic Mission in Japan from 1868 to 1912 before the XXIth century.

In the early XXIth century, the works which look at certain issues reviewed in our article saw the light. These are complex research works of E.B. Sablina and N. Sukhanova. The researcher E.B. Sablina in her work was the first to attempt to make a complex research of the history of the Japanese Orthodox Church based on achievements of various scientific disciplines, which had never been consolidated before. The scientific novelty of the work is primarily determined by field studies of the author who personally visited almost all Orthodox churches within Japan, interviewed their priests and parishioners, and prepared a collection of documents and photo materials based on the results of her trips. This is the first time in the history of the Russian Japanese studies when such work was done. And she also defended the candidate dissertation on this topic ([Sablina, 2006](#)).

It should also be noted the work of N. Sukhanova on the Orthodox mission of Russia in Japan. As noted by the author in her book for the first time, a detailed analysis of the historical legacy passed by the Japanese Orthodox Church in search of an adequate canonical status is offered. She reveals the influence of the external and internal political factors to the internal church situation of, as well as processes that have taken place in the modern history of the Russian Church. The work was carried out on a large volume of diverse, often inaccessible sources, accompanied by unique illustrative material ([Sukhanova, 2013](#)).

Of particular value are the publications relating to the history of the Russian Ecclesiastic Mission and activity of Nikolai of Japan, the authors of which are European and American specialists. Let us note that we references to the Ecclesiastical Mission can be found only in general works directly dedicated to the problems of contacts between Russia and Japan, the religious situation in Japan. These are the works of such authors as Anesaki (Anesaki, 1980), Hideo (Hideo, 1969), Bojanowska (Bojanowska, 2018), Wolff (Wolff, 2006), Chaplin (Chaplin, 2012). The authors of these publications limit themselves by brief information about the activities of the Mission.

The assessment of the activities of the Ecclesiastical Mission in Japan by European and American specialists, in our view, were, first of all, influenced by a certain tradition dating back to the late XIXth – early XXth century. Despite the seeming agreement among the Orthodox, Catholic, Protestant Churches in Japan, one cannot underestimate the existence of apparent or hidden competition which was proved by the life of the Orthodox community in the Japanese islands, of which Saint Nikolai wrote in his publications.

The issues related to the history of establishment of the Ecclesiastical Mission in Japan are most consistently and comprehensively covered in the works of the Japanese researchers who notably contributed to the studying the history of Orthodoxy in Japan and the Russian Ecclesiastical Mission. For Japanese scientists of different fields and scientific qualification, Orthodoxy at the modern stage as well as its history is daily reality.

Strengthening of Orthodox faith in Japanese environment was evidenced by construction of new cathedrals, improvements pertaining to publishing and pedagogical activities. These events were amply covered in the works of Japanese authors as Ushimaru Yasuo (Yasuo, 1988).

Of the above listed publications by the Japanese authors, only chronological table and part of materials contained in the book by Naganawa Mitsuo were translated into Russian. Translation was made by L.V. Zenina (Zenina, 1996).

4. Results

The Christian religion in Japan began to establish not only with arrival of Nikolai Kasatkin in this country. Before the end of the XIXth century the Europeans also made attempts to advance the Christian religion in Japan.

The Christian religion reached the coast of Japan in the XIXth century. In 1494, Portugal and Spain signed an agreement according to which the whole world was divided into two by these maritime states. With the approval of the Pope they gained a monopoly for conquering the territories and trade in all seas and islands of their parts. Catholics were called for missionary sermon among pagans in the new lands. For that purpose, a priest or a monk was present on each ship.

The Portuguese arrived in Japan in 1542, and Jesuits missionaries showed up soon after that in 1549, the monks of the French order – only in 1593, and Protestants in 1600 (Efimov, 2007: 273).

For the first time, the proclamation of Gospel was started in Japan back in 1549 by the catholic monk Francis Xavier. In 1551, by the time of Francis's travel to China, Japan already had over three thousands of new Christians. Francis dreamt to start Christianization of China so that Christianity could then be adopted all over Japan. However, he was never able to implement this endeavor. In 1552, Francis passed away in the islands near China, and his companion Fernandez stayed in Japan (Bestremyannaya, 2006: 6).

Russian cosmographies of the XVIIth century report about the success of the catholic mission in Japan as follows: "Children are christened. For the sake of repentance they dry their bodies with fasting. Like us, they are christened against demoniacal temptations and obviously they will follow Christian morals and faith" (Ermakova, 2005: 183).

By the XVIIth century the number of people who adopted Christianity went up. By 1640 there were about 700 thousand Christians in Japan according to Western sources, about 300 thousand Christians according to Japanese ones. These data indicate the successful activity of Jesuits in Japan (Bestremyannaya, 2006: 275).

However, advancement of Christianity among Japanese population was not so smooth. Colonial competition of Spain and Portugal, arrivals of the Dutch and the English promoted the undermining of the authority of missionaries in eyes of the Japanese powers even more. Anti-Christian orders were adopted, as a result of which all Jesuits left Japan.

Japan became a closed country. In 1638, Japan was closed for foreigners legislatively under a threat of death penalty. Thus, the first attempts of the missionary activities failed. This situation lasted until the XIXth century, when Japan had already undergone significant changes. This time "opening" of Japan attracted the attention of not only European countries but Russia as well.

In the late XIXth century, both Russia and Japan went through major reforms in all directions and spheres of social and political life, which became a prerequisite for establishing the Russian missionary activity. Overall, the development of relationship between Russia and Japan in various spheres was influenced by the international situation.

The Japanese leadership under conditions of the country's "forced opening" was faced with the task of preservation the national independence. It was necessary to make reforms in the country.

The events of 1868–1869 known as “Meiji Restoration” opened the way of capitalist development and rapid modernization for Japan, drastically changed the structure of Japanese society and defined the further path of the country’s development. To preserve themselves as an independent nation the Japanese had to master the achievements of the Europeans not only in the field of processes and technology but also in the modern state building. This implied apprehension of new political, economic and other ideas, ideas in the field of culture, unusual or even strange to the Japanese mind. Social reorganization was based on the new ideology. Western ideas – democracy, liberalism, personal rights and freedom of individual came into collision with the Confucian code of subordination to elders, with a shogun on top of the social pyramid and masses of people at its base approved by Tokugawa rulers. Christianity was the religion of the West, and it was thought that it would help Japan to join the ranks of civilized countries.

Japan’s seclusion policy, called *sakoku*, lasted for more than two centuries. Once it ended, the humiliation of western intrusion would create pressure for ongoing change in Japanese society. This ultimately would lead, in 1868, to the abolition of the Tokugawa shogunate and the reconfiguration of power in favor of a new generation of oligarchs, centered on the emperor Meiji. The Meiji Restoration would markedly increase the pace of Japan’s modernization, ushering in rapid industrialization and the transition to a modern centralized state. One of the new government’s first orders of business would be the attempt to renegotiate the “unequal treaties”. Japan was forced to sign with the United States, Russia, and Western European powers in the 1850s (Edyta, 2018: 110).

Commodore Perry’s squadron reached Japan on July 14, 1853, and Putiatin arrived five weeks later, on August 22, 1853. Numerous and lengthy repairs to the rickety *Pallada*, required on most stopovers, had caused significant delays. After a hurricane on the Indian Ocean loosened the main mast, Putiatin had requested a new frigate from St. Petersburg. The steam-powered American squadron also enjoyed a technological edge over the Russian sailing ships (with the one exception of the steam-engine schooner *Vostok*, purchased by Putiatin in England).

A religious factor may have also disadvantaged the Russians. According to some reports not mentioned by Goncharov, Putiatin, known to be devout in his Russian Orthodox faith chose the aging *Pallada* over available newer vessels because it contained a chapel (Shklovskii, 1983: 379).

In 1871, the government of Meiji proclaimed the policy of “civilization and enlightenment” (*bunmei kaika*) directed at overcoming the country’s feudal backwardness and comprehensive transformation of Japanese society in accordance with the contemporary European style.

As noted by professor Togawa Tsuguo, Japanese government “classified the countries by five categories: civilized, enlightened, semi-enlightened, uncivilized and barbarian” (Tsuguo, 1990: 33). Russia was attributed to the second group according to this classification, therefore, from the ample experience of America and England fewer students were sent to this country.

In the XIXth century, changes also took place in Russia. More and more Russia began to present itself as an actor interested in the expansion of its territories.

Russia sought such a treaty in order to restore its edge in the imperial contest for Asia. Having been reduced in China to hitchhiking on British gains, the Russians and the Americans were determined to lead the way in Japan. Both countries, by mid-century, had compelling interests there. For the United States, the development of California following the discovery of gold in 1848, and expansion into the Pacific Northwest, increased the importance of Asia’s Pacific Rim. American whalers and traders bound for Asia needed coal-refueling bases for their steamships. The safety of shipwrecks and crews was also a key concern. Russia, for its part, had colonies in eastern Siberia and Alaska that faced considerable provisioning problems, due to mostly impassable, frozen northern seas and the hardships of crossing Siberia. Trade with Japan could alleviate this problem.

Political considerations added to the commercial imperatives. While Western Europe dominated the Atlantic, the Russians and the Americans increasingly felt that their respective manifest destinies bound them to the Pacific. Britain’s 1842 victory in the First Opium War had opened a new chapter in Russia’s Asian politics. The Russian government resolved that Japan could not go the way of China – that is, become a sphere of British influence that would weaken Russia’s position in East Asia. Conceived as early as 1843, the Russian expedition to Japan had been postponed. The widely publicized news of the Americans’ impending expedition propelled the project (Wolff, 2006; Chaplin, 2012).

In the Synodical period, at gaining access to the Far East boundaries and emergence of the Russian interests in the region, the Russian Orthodox Church established three Asian missions – in 1713 in China, in 1870 in Japan and in 1879 in Korea. The Russian missionary activities developed primarily within its own state: serving of the missionaries was parallel to development of the new territories included in it – the North, Siberia, the Pacific coast, Russian Alaska, was carried out mostly among local small peoples, going hand in hand with civilizing activities and in vast majority of cases led to natural expansion of own canonical territory of the Russian Church, while establishment of foreign parishes was driven by the objectives of the spiritual direction of the Russian congregate living outside of the home country (Sukhanova, 2013: 5).

Activity of the Russian Ecclesiastical Mission in Japan under charismatic leadership of its head, Saint Nikolai (Kasatkin), Equal of the Apostles was unprecedented in terms of its scale and outcomes. Nikolai

Kasatkin made a great contribution to the development of the Russian Ecclesiastical Mission in Japan, preaching Christ even under conditions of war.

It all started when Nikolai Kasatkin saw an announcement. One fine day, a student of ecclesiastical academy Ivan Kasatkin, who had an inexplicable craving for Japan, saw a poster in the classroom calling for a priest for Russian consulate in Hakodate in the island of Ezo (Hokkaido) in Japan. It happened in June 1860, in the final year of his studies at the academy. “One day passing through academic circles I absolutely without thinking gazed at a lying white sheet of paper which read as follows: “Would anyone wish to go to Japan to take the position of a senior priest at the ambassador’s church in Hakodate and start preaching Orthodoxy in this country. Why wouldn’t I go, I thought, and on the same day after the night service I already belonged to Japan” (*Dnevnik Svyatogo Nikolaya Yaponskogo, 2004: 18*).

On July 2, 1861, Hieromonk Nikolai arrived in Hakodate on board the Russian ship “Amur”. By that time, the city became a port city open for external relations, one of the small centers of international culture along with Nagasaki and Kanagawa. Nikolai had high hopes in respect of Japan and under the influence of his youthhood dream pictured it in all its glory. But he got disappointed when he came to Japan. He wrote about his feelings and disappointment as follows: “When I was going there, I dreamt a lot about my Japan. It appeared in my imagination as a bride with a bouquet in her hands waiting for my arrival. Once the news of Christ wakes up in her darkness, everything will be renewed. I arrived and saw that my bride was sleeping in the most prosaic sense and did not even think about me. I was young at that time and did not lack imagination which painted for me crowds of the congregation flowing from all over, and the future followers of the Word of God, since it would sound in the country of Japan. What was my disappointment when upon arrival in Japan I saw quite the opposite of what I dreamt of ... I was bullied and thrown with stones” (*Arkhimandrit Sergii (Stragorodskii, 1897: 96)*).

As argued by historian of religion Anesaki Masaharu, success of this second generation of missionaries is, first of all, attributed to all the noble motives, with which the converts perceived their sermons. Among these enthusiasts, the majority was composed of the young people from the environment of samurais, and their intentions to adopt Christianity were to a great extent provoked by the noble aims to create a new spiritual basis for revival of the nation, renew political life in the country. Christianity most of all attracted them not by the doctrine of sin and atonement but by Christ’s strength of character and persistence of his apostles. Their faith was more ethical than religious and fit in the ideas of the Confucianism about honor and persistence in pursuing a goal; their samurai spirit was inspired and revived by Christian ideas (*Anesaki, 1980: 18*).

An assistance of the Mission to prisoners of war in 1904-1905 years during the Japanese-Russian war was highly appreciated in lots of Japanese researchers. Usimaru Yasuo, professor at Tokyo Orthodox Seminary, mentioned: “Assistance expanded to level of national organization, was movable and controlled by law-glorious priests. It has been very useful for strengthening of moral spirit of Russian prisoners of war. It must not be forgotten in Japan, nor in Russia.” (*Yasuo, 1988: 231*)

What kind of important actions were taken by Nikolai Kasatkin in order to strengthen the influence of the Christian religion on the Japanese land? Why is it him who we should consider as the main founder of the Russian Ecclesiastical Mission in Japan?

First of all, one must note his great outreach activities. This work was carried out in two directions: translation of religious books and publishing activity.

Nikolai Kasatkin was among the first who translated religious books into Japanese. He started with the studies of Japan. Nikolai began to learn the language, literature, history, religion of Japan, trying to penetrate the innermost feelings of Japanese people, the spirit of its history, its worldview. He gained surprising mastery of this language, both conversational and literary, and according to a well-known scholar of Japan D. Pozdnev who personally knew the Metropolitan he spoke Japanese not only fluently and easily but also beautifully and strongly, though with an accent typical of the inhabitants of northern Akita prefecture (*Pozdnev, 1912: 4*). Consul Goshkevich, the pioneer of the Russian Japanese studies and the author of the first Japanese-Russian dictionary helped him to study the language and the country.

“During this time he mastered all sciences so well that later some Japanese newspapers wrote that he knew Japan better than the Japanese” (*Nakamura, 1979: 112*).

Once he learned to speak and write in the Japanese language that was used for original and translated academic works, Nikolai Kasatkin proceeded to the translation of the New Testament from Chinese into Japanese. He checked and corrected the translation with one Japanese scientist. Here is Nikolai Kasatkin wrote about this tremendous translation work: “The work progressed very rapidly until I, while gradually reading the Chinese text, got completely disappointed in its trustworthiness. I requested another translation of the New Testament from China. It turns out that one text was so literal that it results in language irregularity and often obscurity, the other one is so flamboyant – very often resulting in perfect rephrasing and up to omission or insertion of many words. It made me to thoroughly compare the text with the Russian and Slavic translations. Rarely found inconsistencies between one and the other (always, as far I noticed, against the first one) prompted me look into the Vulgate and the English text, finally, I got the Greek New Testament as well. Looking through each verse in all these readings, and reading the complicated parts in the translation of Chrysostom, at last I reached such slowness in translation that I translated not more than

15 verses within 5 hours which were spent on this work per day” ([Dnevniky Svyatogo Nikolaya Yaponskogo, 1994: 709](#)).

Nikolai Kasatkin also translated the Catholic Epistles, the Epistles of Paul the Apostle to the Galatians, Ephesians, Philippians and Colossians, half of the Epistle to the Romans as well as Orthodox Confession of Saint Demetrius of Rostov, Chatechism for the Catechumens, Brief History of the Old Testament, morning and evening prayers, unorthodoxies’ conversion and christening ceremony.

The primary role in the mission was played by the translation of theological literature. Not a single day without translation - such an order was established by Kasatkin from the first years of his living in Japan and remained until the last days of his life ([Justin, 1988: 36](#)).

One of the first endeavors of father Nikolai was establishing the library attached to the Mission. Despite the obvious financial constraints of the Ecclesiastical Mission, he managed to replenish the library book stock. Its basis was formed by the books donated by I.A. Goshkevich, own publications and books sent from Russia.

In exchange to the Mission’s publications, the library received, for example, duplicates of the books from the Rumyantsev library. The Mission library made exchange with the libraries of Moscow and Saint Petersburg Theological Academies, the Imperial Public Library. In 1904, the book stock of the Mission library included more than 10 thousand volumes. It contained religious, secular, scientific and popular literature ([Paichadze, 1995](#)).

Saint Nikolai placed great emphasis on publication of the Russian classic works. On the pages of the journals issued by the Mission, many popular works of the Russian writers who helped the Japanese to come to know Russia better and get to like it were published.

Own periodical of the Russian mission were published. *The Orthodox News* (Seikyo simpo) was published twice a month, partly in Russian, partly in Japanese; *The Orthodox Talks* (Seikyo yova) monthly journals, “Uranisiki” women’s journal (Modesty) were published. There were shorter publications as well: *Sinkai* (Spiritual Sea), *Niva* (Garden), *Simei* (Purpose). The students translated the religious moral literature from Russian: lives of the saints, extracts from *The Sunday Reading* journal, “Abridged Restatement of Dogmas of the Orthodox Church”.

Secondly, one of the main merits of Nikolai Kasatkin was that the number of believers in Japan increased during his vigorous activity. Only in the fourth year Nikolai Kasatkin managed to convert the first Japanese to Orthodox Christianity. It was the Buddhist priest Sawabe. In 1868, Saint Nikolai converted the first Japanese man Sawabe Takuma to Orthodox Christianity, who assumed the name Paul. Samurai, shinshoku-kannushi (meaning “god’s employee”) Sawabe at first was wary of strangers, however, after Nikolai’s patient explanations got a burning desire come over to the Russian faith.

As described by one of the most prominent Russian researchers, Japan also had its own Saul, antichristian. One day shinshoku Sawabe Takuma broke into the house of Nikolai the Apostle in Hakodate to kill the harbinger of Orthodoxy. With his eyes sparkling with anger, breathing with menace and murder on God’s disciples, Saul-Sawabe shouted wrathfully: “All of you, foreigners, should be killed. You came here to look out for our land. And you with your preaching will harm Japan most of all”.

God made the miracle of conversion of this antichristian. “Is it fair to judge, and especially judge someone without listening to him?” – responded God out of the Saint Nikolai’s mouth. “Speak up!” said the priest ([Platonova, 1916: 21-22](#)). Having listened to Nikolai, Sawabe became Christian with the name Paul.

Following his example, Hakodate doctor Sakai, christened John, as well as Jacob Urano were secretly baptized. After they started sharing their new views with their co-citizens, they were sent to imprisonment. To get them out, father Nikolai had to turn to the capital – to the progressive representatives of the new authority Iwakura Tomomi and Kido Takayoshi ([Ivanova, 1996: 10](#)).

By 1868, 20 Japanese were ready to adopt Orthodox Christianity. Paul Sawabe and two Japanese brought by him, doctors John Sakai and Jacob Urano were christened the first on May 18. That is how the foundation of Orthodox community in Japan was laid.

Seeing that many years of work finally began to yield fruit, in 1869, Nikolai went to Russia to ask the Holy Synod to establish the Russian ecclesiastical mission in Japan. On March 22, 1871 he returned to Hakodate as its head (Sukhanova, Tsvetushchaya vetka Sakury).

Activity of the Russian Ecclesiastical Mission in Japan on the cusp of the XIXth-XXth centuries is quite broadly covered on the pages of domestic periodic press. Since the mid 1870s information about the activity of Russian missionaries in the Land of the Rising Sun regularly appeared on the pages of the oldest Russian newspaper – *Moscow Gazette*. The fact that “Nikolai secretly carries out preaching activity in Hakodate under conditions of prohibition of Christianity” was, for the first time, reported by *the Moscow Gazette* in the editorial paragraph “The Russian Orthodox missionary in Japan” in the issue dated October 8, 1867 ([Sablina, 2006: 44](#)). It should be pointed out that the item by M. Katkova and P. Leontieva was put in Sunday issue (No. 219) of the newspaper with the reference to Saint Petersburg’s newspaper *Severnaya Pochta*, where in No. 215 dated October 4 (16), 1867 an editorial article “The Orthodox Missionary in Japan” was put. In the reviewed article, in particular, it was reported that despite the “extremely unfavorable conditions” father Nikolai had the chance to involve two Japanese, which the more they come to know Christianity, the more they got attached to him, and now help father Nikolai in the field chosen by him” ([Gavrikov, 2011: 228](#)).

Huge amount of work by Nikolai Kasatkin on increasing in the number of believers in Japan was appreciated by the Russian government as well. This appreciation was received thanks to application of the prince Konstantin Nikolaevich Romanov to the Holy Synod. He informed of the need of archimandrite Nikolai to be consecrated bishop as follows: “The Ecclesiastical Mission in Japan... by its success of converting quite a number of Japanese into Orthodox Christianity ... cannot but draw attention and full compassion of the whole Orthodox Russia”. This application had an effect, and the chief prosecutor of Synod mentioned in the note for the Ministry of Internal Affairs of Russian Empire: “It would seem useful to elevate the head of the Japanese Mission to the rank of bishop” (Bestremyannaya, 2006: 18).

In March 1880, archimandrite Nikolai was consecrated bishop of Revel in the Saint Petersburg Alexander Nevsky Monastery. From that time on the Metropolitan was able consecrate clergy for the young Japanese Church.

In the year of Archbishop Nikolai’s decease, in 1912, there were 34,111 Orthodox Christians and 276 churches in Japan. All Japanese Christians numbered 150 000 people, among which were 62,000 Catholics and 45,000 Protestants. Although all missions (Orthodox, Catholic and Protestant) started their activity in Japan in almost at the same time in 1860s, the figures themselves do not reflect a real situation with each type of Christianity (Sablina, 2006: 122).

Thirdly, the pedagogical activity. Nikolai Kasatkin paid great attention to enlightenment of the people of Japan. With the cancellation of anti-Christian legislation in 1873, massive opportunities were offered for missionary activities. The private school of Saint Nikolai was reorganized into Catechetical College. From 1875 the Theological Seminary (Seikyo shingakko) with a seven-year program was opened. Classes were held according to curricula of secondary educational institutions. Along with the theological education it provided the knowledge of languages, history (Russian and Japanese), and Chinese classic authors essential for the Japanese. The best alumni of the seminary taught in junior school, teachers with academic qualification taught in senior school. The first graduation of the men’s seminary was in 1882.

The Mission’s academic program was exceptionally extensive. As stated by a well-known researcher of Christianity in Japan Kisimoto Hideo, the goals of advancement of Orthodoxy in Japan were linked with the language study. The first converted Japanese studied Russian (Hideo, 1969: 183).

As a spiritual educator Nikolai Kasatkin gave classes himself in senior school. Classes in the Theological Seminary were taught in Japanese.

As noted by one of the students of the Theological Seminary: “The students from the eldest to the youngest strongly realize that they study to be the preachers of the teachings of Christ in their country covered by the darkness of paganism and that they should deserve the future rank. There is not a shadow of that spiritual stagnation and routines which bloom so profusely in our Russian seminaries. Vice versa, Tokyo’s seminary has an aroma of life, energy and awareness of importance and dignity of the upcoming activity after graduation from an educational institution” (Prokhorenko, 1906: 348).

Later, the women’s seminary appeared where the female students were trained housekeeping and sewing, drawing and singing skills. Prestige of the female seminary enhanced from year to year, and by right it was recognized as one of the best schools in Japan.

In addition to the Theological Seminary and Seminary for girls, other educational institutions were opened as well: catechetical college, women’s college, college of psalm readers, and college for children in Hakodate. It should also be noted that many Japanese people by the assignment of the Mission got the opportunity to go onto further study in Russia.

The Mission directly owes its educational success to Saint Nikolai who monitored curricular of educational institutions, took care of their teaching staff, truly supported his students, and took their concerns close to heart. Also, he tried to solve financial problems of the educational institutions in every way. He thought about assignments and necessary activities for the development of the Mission all the time. Thus, in his diary Nikolai Kasatkin wrote in more details what the mission needed by that time. “*September 25, 1879. Tuesday.* It was boring and sad in the morning. I could not write the article. I am all the time worried by the thought on the essence of the matter, constant amount on the Mission. Absorbed in thinking, I wrote the following scheme in the form of memoranda to be provided and shown to the right persons. The ecclesiastical mission in Japan needs:

Bishop

7 missionaries

3 singing men and at the same time singing teachers at the Seminary and catechesis (catechetical college) and teacher assistants at the Seminary...” (Dnevniky Svyatogo Nikolaya Yaponskogo, 2003: 91). Further, he wrote everything in more details about the numbers on choir expenses and sources from which it should be taken.

Thanks to the efforts of father Nikolai, educational success of Ecclesiastical Mission was obvious. Thus, by 1904 the number of converted Christians made up 28597 people, the number of communities went up to 260. There were 28 priests, 7 deacons, 151 catechists, 12 psalm readers (Prokhorenko, 1907: 347).

Nikolai Kasatkin contributed to the development of teaching while also training specialists for Russia. With his support translators from among young Russians were trained at the Theological Seminary. The idea of teaching Japanese to the employees of the Russian consulate was given to vice admiral E. V. Putiatin and

the first consular I.A. Goshkevich. The Russian government needed specialists who would promote further development of relationship with Japan (Khokhlov, 1994: 64-66).

This task was addressed using the ecclesiastical mission in Japan. The first students from Russia – Fedor Legasov and Andrey Romanovsky were assigned to the Mission in 1902. They both spent more than four years in Japan. From the diary of Saint Nikolai we learn that they coped with this task quite well. At least, when these young men came back to Vladivostok, Saint Nikolai wrote down in his diary that they “started speaking Japanese just like the Japanese”, “learned the written language as well” including “reading of newspapers and easy books” (Dnevnik Svyatogo Nikolaya Yaponskogo, 1994: 84).

Sixthly, the next important direction of the Nikolai Kasatkin’s activity was construction of cathedrals. Orthodox Christianity in the islands of Japan was advanced, strengthened by construction of cathedrals. Nikolai Kasatkin greatly contributed to the construction of cathedrals in Japan. He sought necessary funding for construction in every way. Despite the government bans in the early 70s of XIXth century he continued his work on establishment of ecclesiastical mission in Tokyo and cathedral construction. One of the oldest Orthodox cathedrals in Japan is the Resurrection Church in Hakodate. Its construction dates back to the initial period of establishing the Russian Japanese diplomatic relationship. The church was built in 1859 on the initiative of Consul I.A. Goshkevich. It was the church where missionary work of hieromonk Nikolai started in 1861. This church was the initial founding development center for the Russian ecclesiastical mission in Japan.

In 1868, Japanese adopted Christianity by orthodox style in the churches in Hakodate. This church also became the initial base for teaching activity of the missionary efforts of Nikolai Kasatkin. In 1869, a missionary school was opened at the church. When in 1872 the Russian consulate was temporarily closed in Hakodate and moved to Tokyo, the consular church became the parish church. Two years later, father Anatoly, the student of Saint Nikolai established the first orthodox gymnasium attached to the church.

“The Orthodox church in Hakodate”, said Metropolitan Veniamin – “by its inner beauty is the best one in the entire Kamchatka eparchy after the Cathedral Church of the Annunciation. It is wooden on a stone foundation; built in Russian-Byzantium style on the highest spot in the city as if it rules the whole city making it look like an Orthodox Russian city from a distance. The interior of the church is decorated with elegance worthy of the Church of God; cornices and dome are embellished with golden baguettes, gold plated iconostasis with the icons of academic painting, sacristy is quite decent, the cathedral is clean at all times because Japanese do not walk into a cathedral other than leaving their shoes behind the doors. And the Hakodate church owes such accomplishment mainly to the efforts of archimandrite Nikolai, who not only collected donations for it and monitored all works but put his personal labor in the works” (Shatalov, 2000: 9).

In 1907, a big fire occurred in Hakodate, as a result of which the church was burnt down. Construction of the new church was continued in 1916 by Kawamura Idzo, a well-known Japanese architect who built several orthodox cathedrals in Japan.

A great number of cathedrals were built in Japan under Nikolai Kasatkin, such as the Church of the Annunciation in Hakodate (in 1891), the church in Morioka city (1897), etc. Both cathedrals survived and serve the development of ecclesiastical mission in Japan.

One of the main cathedrals in Japan upon which Nikolai Kasatkin put great hopes became the cathedral in Tokyo. Construction of this cathedral took place in harsh conditions. Nikolai Kasatkin also had to seek necessary funding for its construction.

It all started when Nikolai Kasatkin came to Tokyo. On February 28, 1872 the archimandrite arrived in Tokyo. At that time, Tokyo was still closed for foreigners. They were allowed to live in the small designated district Tsukiji. Officially, the Japanese were not allowed to adopt Christianity. In his small house Nikolai managed to prepare and christen twelve people, almost all of them came from Sendai. In August 1872, a relatively large land plot was bought on top of Surugadai hill for construction of the cathedral and new building of the mission. Later, it accommodated not only the building of the orthodox mission and cathedral but also the buildings of theological colleges – catechist men’s and (at a later time) women’s college, apartments of employees and auxiliary rooms, orphan home, library, icon workshop and shortly afterwards the seminary (1875) (Efimov, 2007: 284)

In 1873, the old orders against Christianity were cancelled and only since that time it became possible to develop the missionary activity in Tokyo. Thanks to this, the number of Orthodox Christians grew not only in terms of quantity but also in terms of quality. Cancellation of the old orders promoted further construction of the cathedral in Tokyo.

In 1872, on the frigate *Svetlana* under the command of Admiral K.N. Posyet, who had earlier been on Putiatin’s mission in Japan, the Grand Prince Aleksei Aleksandrovich visited a number of Japanese ports and had meetings with the emperor and senior representatives of the Japanese government. The Grand Prince donated 3,5 thousand dollars to the mission’s needs in Tokyo and 1,5 thousand dollars in Hakodate. The value of these amounts can be measured by the fact that back then US dollar cost one ruble and fifty kopecks (Sablina, 2006: 68).

In 1884, on the purchased high hill Surugadai in Tokyo, which affords a view of the whole city, near the emperor’s palace, the foundation was laid and construction of the Cathedral of the Savior on Blood under the project of a well-known architect Mikhail Arefievich Schurupov. The cathedral was made in Russian-

Byzantine style, similar to Vladimir Cathedral in Kiev, the dome and the Cross were seen at 20 km distance. Donations to construction of the cathedral came from all over Russia. Moscow alone collected 200 thousand rubles. The Orthodox Missionary Society increased an annual subsidy for the Japanese mission from 17 thousand rubles to 23 800 rubles (Dnevniky Svyatogo Nikolaya Yaponskogo, 2004: 94).

Nikolai Kasatkin wrote: “The cathedral is positively most remarkable building in the capital of Japan, which fame spread over Europe and the US even before its completion and which, has been completed by now, in all fairness, draws the attention, curiosity and surprise of all those who stay or visit Tokyo” (Levitsky, 1911: 16).

Consecration of the church took place 7 years later, on February 24, 1891. For the first time, the Orthodox Church bells rang full force over the city and attracted both Christians and pagans to the divine service. The festivity was attended by more than 4000 Christians, Metropolitan Nikolai was concelebrated by 19 priests and 6 deacons, the choir consisted of 150 singing men out of the seminarians and students of theological schools. The choir-master of the cathedral was deacon. Dmitriy Lvovsky brought by the Metropolitan from Russia and served in Japan until his death (Efimov, 2007: 289).

5. Conclusion

Thus, having examined the activities of Nikolai Kasatkin in Japan, we came to the following conclusions.

First, the establishment of the Russian spiritual mission in Japan was facilitated by socio-political and economic changes in both countries. The Meiji reforms changed the political character of Japanese development. From a once closed country, this state has turned into a country that has embarked on the path of “opening” to the Western world, including Russia. The Meiji era (1868–1912) was characterized by a number of important reforms in political, social and cultural life in Japan. These changes were reflected in relations with Russia, which was also interested in establishing good-neighborly relations in all spheres.

In Russia, this time was marked by extensive reforms in all areas and spheres of public and political life. Russia also became an active in foreign policy, since during this period there was a stubborn struggle for spheres of influence. The rivalry between England and France, the formation of a new united Empire as Germany, which began military operations in Europe, did not leave Russia aside from this geopolitical game. The intensive development of the Far Eastern territories by Russia, its desire to establish goodwill relations with its immediate neighbor prompted the development of cultural dialogue, to direct contacts with Japan. This was facilitated by the conclusion of an agreement between Russia and Japan in 1855 and the opening of the Russian General Consulate in Hakodate. Under Nikolai Kasatkin, the Orthodox Church was consecrated, which became the first step towards the spread of the Orthodox faith in Japan.

Secondly, the spiritual mission in Japan under the leadership of Nikolai Kasatkin was not easy. Upon arrival in Japan, he was disappointed. Since this country seemed to him “in the form of a bride waiting for his arrival with a bouquet in her hands”. As he recalled this bride was asleep and did not even think about him. But despite this, Nikolai Kasatkin with all his heart began to introduce the first seeds of the Orthodox religion in Japanese land. Of course, before Kasatkin, there were attempts to establish the Christian religion in the country, but they were not long and not so successful.

Thirdly, Nikolai Kasatkin began precisely with a huge educational activity, which was carried out in two directions as translation and publishing. Nikolai Kasatkin, with the aim of understanding “the Japanese themselves”, began precisely with the study of the Japanese language, history, culture and religion. He achieved an amazing knowledge of this language, both spoken and literary. Having learned to speak and write in Japanese, which was used for original and translated scholarly works, Nikolai began translating the New Testament from Chinese into Japanese. In addition, he translated the Catholic Epistles, the Epistles of Paul the Apostle to the Galatians, Ephesians, Philippians and Colossians, half of the Epistle to the Romans as well as Orthodox Confession of Saint Demetrius of Rostov, Chatechism for the Catechumens, Brief History of the Old Testament, morning and evening prayers, unorthodoxies’ conversion and christening ceremony, the rite of unification of the Gentiles and baptism.

Fourth, thanks to Nikolai Kasatkin, the number of believers has increased. But these results were not easy for him. Only in the fourth year Nikolai Kasatkin assured to convert the first Japanese Savabe to Orthodoxy. And this number increased from year to year. Nikolai Kasatkin laid the foundations of the “huge school of Orthodoxy” in Japan. His followers continued his work. Also, the fact that in 1912, the year when he died, the number of believers in Japan reached 34111 and 276 churches shows of his great contribution.

Fifthly, the pedagogical activity of Nikolai Kasatkin played an important role. He can undoubtedly be called a versatile personality. With his support, the Catechetical College, Theological Seminary and the Seminary for Girls were opened. He paid great attention to teaching in these institutions not only the Russian language, but also to the development of the work program itself. As the “main organizer” Nikolai Kasatkin did not leave the slightest question regarding the educational process from curricula to minor concerns of his students. Also, Nikolai Kasatkin prepared his followers for his country. With his support and the initiative of Vice Admiral E.A. Putyatin and the first consul Russian translators were studied and directed to work.

Sixth, after his arrival in Japan, Nikolai Kasatkin initially thought about the “centers” of Christians in Japan, about churches and temples. And in this way it was not easy for him. Restrictions of the Japanese

government, the earthquake in Japan and the Russo-Japanese War of 1904-1905 did not become a hindrance for Nikolai Kasatkin. Russian missionary work in Japan became an architectural and construction committee. The highest achievement of the Mission during this period was the construction of an Orthodox church in the center of Tokyo, the Cathedral of Nikorai-do, forever becoming the center of Orthodoxy in Japan, keeping the name its founder Nikolai Kasatkin.

The construction of Orthodox churches in Japan is undoubtedly possible belong to the most important area of the Mission's activities. Churches that have served Japanese believers through the centuries convincingly demonstrate the successes of Nikolai Kasatkin's Orthodox mission. Their architectural design so unusual in local conditions introduced parishioners with the history of Russian architecture, the most significant periods of glorious culture of Russia.

Thus, we can state that undoubtedly Nikolai Kasatkin is a versatile person who made a huge contribution to the establishment and strengthening of the Russian spiritual mission in Japan. With his pedagogic, publishing, translation activities and the construction of churches, he contributed to the spiritual and cultural rapprochement between Russia and Japan. It should also be noted that the spiritual mission headed by Nikolai Kasatkin became the basis of modern Russian-Japanese relations. On the other hand, it thus contributed to the implementation of the Eurasian concept defined by the leadership of Russia and Kazakhstan in the early 2000s (Sadykova, 2013; Zhumagulov, 2014; Zhumagulov, Sadykova, 2015; Sadykova, 2017). According to the speech of the President of the Russian Federation V.N. Putin in 2011, the Asia-Pacific region is a necessary and significant direction in the implementation of the Eurasian concept. At the same time, he admitted that it was Kazakhstan, on the initiative of N.A. Nazarbayev was the first to put forward Eurasian cooperation in the post-Soviet space already in the early 90s, immediately after the collapse of the USSR. In this regard, it should be noted that Kazakhstan initially and before independence tried to act as conductors of the Eurasian concept. A vivid example is the history of the Hun Empire, the Sheba state, the Avar Kaganate and the Altin Horde when our ancestors became a bridge between Europe and Asia.

6. Acknowledgements

This article was carried out at the expense of program-targeted funding of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (MES RK) (BR05233709 "History and Culture of the Great Steppe").

References

- Antonii, 1976 – Antonii arkhiepiskop Minskii i Belorusskii (1976). Svyatoi Ravnoapostol'nyi Arkhiepiskop Yaponskii Nikolai [Archbishop of St Nicholas Japanese]. *Bogoslovskie trudy*. XIV. Moskva, Pp. 5-61. [in Russian]
- Arkhimandrit Sergii (Stragorodskii), 2013 - *Arkhimandrit Sergii (Stragorodskii)* (2013). Na Dal'nem Vostoke. [Arkhimandrite Sergius (Stragorodsky). On the Far East]. Pis'ma yaponskogo missionera. Arzamas. 384 p. [in Russian]
- Anesaki, 1980 – *Anesaki Masaharu* (1980). History of Japanese Religion. Tokyo.
- Bestremyannaya, 2006 – *Bestremyannaya G.E.* (2006). Yaponskaya pravoslav'naya tserkov'. Istoriya i sovremennost' [Japanese orthodox church. History and contemporary]. Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra. [in Russian]
- Chaplin, 2012 – *Joyce E. Chaplin* (2012). Round about the Earth: Circumnavigation from Magellan to Orbit. New York: Simon and Schuster. 560 p.
- Dnevniky Svyatogo Nikolaya Yaponskogo, 1994 – *Dnevniky Svyatogo Nikolaya Yaponskogo* (1994). [The Diaries of Saint Nikolai of Japan]. Sapporo, Izdatel'stvo Hokkajidskogo Universiteta. [in Russian]
- Dnevniky Svyatogo Nikolaya Yaponskogo, 2004 – *Dnevniky Svyatogo Nikolaya Yaponskogo*. Dnevnik v Sankt-Peterburge i v Khakodate (S 1870 goda po 1880e gody) (2003) [Diaries of Saint Nikolai of Japan. Diary in Saint Petersburg and in Hakodate (from 1870 to 1880s)]. Tom I. Pod redaktsiei Kennoske Nakamura. [in Russian]
- Dnevniky Svyatogo Nikolaya Yaponskogo, 2004 – *Dnevniky Svyatogo Nikolaya Yaponskogo* (2004). [The Diaries of Saint Nikolai of Japan]. Collective work. T.1. (s 1870 po 1880 gody). Sankt-Petersburg: Giperion. 464 p. [in Russian]
- Efimov, 2007 – *Efimov A.B.* (2007). Ocherki po istorii missionerstva russkoi pravoslavnoi tserkvi. [Essays on The History of Missionary Work of the Russian Orthodox Church]. Moskva, 688 p. [in Russian]
- Ermakova, 2005 – *Ermakova L.M.* (2005). Vesti o Yapan-ostrove v starodavnei Rossii [Data on the island of Japan in the ancient Russia]. Moskva, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 272 p. [in Russian]
- Edyta, 2018 – *Edyta M. Bojanowska* (2018). A World of Empires. The Russian Voyage of the Frigate Pallada. Cambridge, Harvard University press. 374 p.
- Zenina, 1996 – *Zenina L.V.* (1996). Yaponskie uchenye o Rossiiskoi Dukhovnoi Missii v Yaponii [Japanese Scientists about the Russian Ecclesiastical Mission in Japan]. V knige *Pravoslavie na Dal'nem Vostoke*. Vypusk 2. SPb., pp. 21-30. [in Russian]

I v Yaponii zhatva mnoga – I v Yaponii zhatva mnoga. ...Pis'mo russkogo iz Khakodate. (Dalee sm. I v Yaponii zhatva mnoga). V kn. *Dnevniky Svyatogo Nikolaya Yaponskogo* (1994). [The Diaries of Saint Nikolai of Japan]. Sapporo. [in Russian]

Ivanova, 1996 – *Ivanova G.D.* (1996). Zhizn' i deyatel'nost' svyatitelya Nikolaya Yaponskogo [Life and work of Saint Nikolai of Japan]. V kn. *Pravoslavie na Dal'nem Vostoke. Pamyati Svyatitelya Nikolaya, Apostola Yaponii. 1836-1912*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-peterburgskogo universiteta. [in Russian]

Iustin, 1988 – *Iustin Yamaguti* (1988). Yaponskii svyatitel' Nikolai i Pavel Nakai – svyatye Kirill i Mefodii Dal'nego Vostoka [Japanese Saint Nicholas and Paul Nakai – Saints Cyril and Methodius of the Far East]. *Doklad na III Mezhdunarodnoi tserkovnoi konferentsii, posvyashchennoi 1000-letiyu Kreshcheniya Rusi*. Leningrad. 31 yanvar – 5 fevralya 1988 g. P. 36. [in Russian]

Gavrikov, 2011 – *Gavrikov A.A.* (2011). «Moskovskie vedomosti» o rasprostraneni pravoslaviya v Yaponii v period stanovleniya Yaponskoi pravoslavnoi tserkvi (1860-1880-e gg.) [«The Moscow News» on advancement of Orthodoxy in Japan during establishment of the Japanese Orthodox Church (1860-1880)]. V kn. *Istoriya i kul'tura traditsionnoi Yaponii*. Moskva: Institut Vostochnykh kul'tur. [in Russian]

Khokhlov, 1994 – *Khokhlov A.N.* (1994). Podgotovka russkikh perevodchikov-yaponistov v Yaponii i deyatel'nost' I.D. Kasatkina [Training of Russian translators-specialists on Japan and activity of I.D. Kasatkin]. *Vostok*. № 5, pp. 64-66. [in Russian]

Kindzaburo, 1892 – *Isikava Kindzaburo* (1892). Pravoslavie i gosudarstvo [Orthodoxy and State]. Tokio. [in Russian]

Kindzaburo, 1893 – *Isikava Kindzaburo* (1893). Tolkovanie imperatorskogo edikta v dukhe Pravoslaviya. [Interpretation of the Imperial Edict in the spirit of Orthodoxy]. Tokio. [in Russian]

Koe, 1904 – *Midzusima Koe* (1904). Imperatorskii dom i religiya: Sbornik. [Imperial House and Religion]. Tokio. [in Russian]

Levitskii, 1911 – *Levitskii N.* (1911). Pravoslavie i Pravoslavnaya missiya v Yaponii [Orthodoxy and Orthodox Mission in Japan]. *Blagovestnik*. T.3. №20. Okt. Kn.2. [in Russian]

Nakamura, 1979 – *Nakamura Kennosuke* (1979). Yaponiya perioda Bakumatsu, kakoi ee uvidel Nikolai [Japan of Bakumatsu period as it was seen by Nikolai]. Tokio. [in Russian]

Nakamura, 1983 – *Nakamura S.* (1983). Yaponcy i russkie. Iz istorii kontaktov [Japanese and Russian. The history of relations]. Moskva. [in Russian]

Nedachin, 1910 – *Nedachin S.V.* (1910). Pravoslavnaya tserkov' v Yaponii. [Orthodox Church in Japan]. *Missionerskoe obozrenie*, Peterburg, №7-8, pp. 1241-1242. [in Russian]

O kanonizatsii arkhiepiskopa Nikolaya Yaponskogo, 1970 – O kanonizatsii arkhiepiskopa Nikolaya Yaponskogo [On the canonization of Archbishop Nicholas]. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii*. 1970. № 7. Pp. 4-5. [in Russian]

Paichadze, 1995 – *Paichadze S.* (1995). Russkaya kniga v stranakh Aziatsko-Tikhoookeanskogo regiona [Russian book in the countries of the Asia-Pacific region]. Novosibirsk, P. 138. [in Russian]

Perry, 1994 – *Perry John Curtis* (1994). Facing West: Americans and the Opening of the Pacific. London: Praeger.

Platonova, 1916 – *Platonova A.F.* (1916). Apostol Yaponii [The Apostle of Japan]. Peterburg. [in Russian]

Pozdneev, 1912 – *Pozdneev D-M.* (1912). Arkhiepiskop Nikolai Yaponskii. Vospominaniya i kharakteristika [Archbishop Nikolai of Japan. Recollections and characteristics]. Sankt-Peterburg. [in Russian]

Prokhorenko, 1907 – *Prokhorenko F.* (1907). Russkaya dukhovnaya missiya v Yaponii [The Russian Ecclesiastical Mission in Japan]. *Vera i Razum*. №7, pp. 347-366. [in Russian]

Pravoslavie na Dal'nem Vostoke, 1996 – Pravoslavie na Dal'nem Vostoke. Pamyati Svyatitelya Nikolaya, Apostola Yaponii. 1836-1912, 1996 [Orthodoxy in the Far East. Devoted to the memory of Saint Nikolai, Apostol of Japan. 1836-1912]. Sankt-Peterburg, izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. Red. kollegiya akademik M.N. Bogolyubova. [in Russian]

Re, 1904 – *Morita Re* (1904). Imperatorskii dom i Pravoslavie [Imperial House and Orthodoxy]. V sborn. *Midzusima Koe. O polozhenii Yaponskoi Pravoslavnoi Tserkvi*. Tokio [in Russian]

Sablina, 2006 – *Sablina E.B.* (2006). 150 let Pravoslaviya v Yaponii. Istoriya Yaponskoi pravoslavnoi tserkvi i ee osnovatel' Svyatitel' Nikolai. [The 150th anniversary of Orthodoxy in Japan. The History of the Japanese Orthodox Church and its founder Saint Nikolai]. Moskva, Sankt-Peterburg.

Sadykova, 2013 – *Sadykova R.O.* (2013). Eurasian idea of N.A. Nazarbayev as the basis of modern integration. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2nd Cyprus International Conference on Educational Research. Vol. 89, pp. 377-386. [Electronic resource]. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042813029947>

Sadykova, Baigondin, 2017 – *Sadykova R.O., Baigondin R.T.* (2017). The Concept of S.M. Solovyev on the Interaction of Society and Nature and its Further Development in Historiography. *Bylye Gody*. Vol. 45. Is. 3, pp. 903-914.

Sukhanova – *Sukhanova N.A.* Tsvetushchaya vetka Sakury. Istoriya pravoslavnoi tserkvi v Yaponii. [Blooming Sakura Branch. The history of the Orthodox Church in Japan]. [Electronic resource]. URL: <https://predanie.ru/book/175368-cvetuschaya-vetka-sakury-istoriya-pravoslavnoy-cerkvi-v-yaponii/> [in Russian]

[Sukhanova, 2013](#) – *Sukhanova N.* (2013). *Istoriya Yaponskoi Pravoslavnoi Tserkvi v XX veke. Put' k avtonomii* [The History of the Japanese Orthodox Church in the XXth century. A Way to Autonomy]. Moskva, Sankt-Peterburg: Aleteiya. 376 p. [in Russian]

[Tsuguo, 1990](#) – *Togava Tsuguo* (1990). *Meidzi isin dzengo-ni okeru nikhondzin-no rosiakan* [Vzglyady yapontsev na Rossiyu do i posle restavratsii Meidzi]. *Rosia to Nihon*, 2. Tokio. [in Russian]

[Wolff, 2006](#) – *Larry Wolff* (2006). *The Global Perspective of Enlightened Travelers: Philosophic Geography from Siberia to the Pacific Ocean. European Review of History – Revue Europeenne d'Histoire*. № 13.3. Pp. 437-453.

[Shatalov, 2000](#) – *Shatalov O.V.* (2000). *Svyatitel' Nikolai (Kasatkin) v pervyi period deyatel'nosti Rossiiskoi Pravoslavnoi Missii v Yaponii (1861-1875 gg.)* [Saint Nikolai (Kasatkin) in the first period of the activity of the Russian Orthodox Mission in Japan]. *Istoricheskii vestnik*. №3-4, pp. 63-94. [in Russian]

[Shcherbina, 1977](#) – *Sherbina A.* (1977). *Nikolai Kasatkin – odin iz pervykh russkikh yaponovedov* [Nikolai Kasatkin is one of the first Russian Japanese scholars]. *Narody Azii i Afriki*. № 4. Pp. 154-163. [in Russian]

[Shklovskii, 1983](#) – *Shklovskii V.B.* (1983). “I.A. Goncharov, avtor ‘Fregata Pallada,’” in his *Izbrannoe v dvukh tomakh*, vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. [in Russian]

[Yasuo, 1988](#) – *Usimaro Yasuo* (1988). *Yaponskoe Pravoslavie i kul'tura perioda Meidzi. Materialy mezhdunarodnoi tserkovno-istoricheskoi konferentsii «Tysyacheletie kreshcheniya Rusi»* [The Japanese Orthodoxy and Culture of the Meiji Era]. Moskva. [in Russian]

[Zhumagulov, 2014](#) – *Zhumagulov K.T.* (2014). *Contemporary Kazakhstan medieval studies of the periodization of the history of early medieval Europe. Life Science Journal*. Vol. 11. Number 11 (Cumulated № 46), 25. Pp. 223-226.

[Zhumagulov, Sadykova, 2015](#) – *Zhumagulov K.T., Sadykova R.O.* (2015). *Problems in the Study of the Huns and Eurasian History in Relation to World History. Asian Social Science*. Vol. 11. No. 19. Pp. 306-315.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1245-1254. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1245
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Russo-Turkish War of 1877–1878: the Hostilities in the Black Sea Region

Konstantin V. Taran ^{a, b, *}, Sergey D. Ludwig ^c

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract

The paper considers the hostilities on the secondary area of the fighting during the Russo-Turkish war of 1877–1878, namely, on the territory of the Black sea region. The authors' attention is drawn to the aspect ratio, disposition, as well as some characteristic features of warfare.

A whole range of different sources were used as materials: 1. The archival sources – the Archive of the Sochi city; 2. The sources of personal origin – memories of participants of events, for example, B.M. Kolyubakin; 3. The periodical press (used newspapers “Russkii invalid” and “Kavkaz”, as well as the journal “Morskoi sbornik”); 4. Reference literature.

In solving research problems, we applied the principle of historicism, which allowed us to make a comprehensive analysis of pre-revolutionary sources and historiography related to the hostilities on the territory of the Black sea region during the Russo-Turkish war of 1877–1878. This also implies the use of other methods in their totality and relationship, namely the problem-chronological, system-structural, and comparative-historical ones.

The authors conclude that in the Russo-Turkish war of 1877–1878 on the Black sea theater of military operations, the Ottoman Empire's main hope was to use Circassian and Abkhazian mahajirs on its side. It was assumed that the arrival of the mahajirs as part of the Turkish landing force would cause a general uprising of the mountain population, which would lead to the overthrow of the russian military presence in the region. There was an increased activity of the mountain population in the turkish fleet coverage area. However, the uprising could not spread to the trans-kuban territory thanks to the actions taken in advance by the russian command. Despite some successes (the capture of almost the entire coastal territory of Abkhazia), the fate of the turkish landing was sealed, and the defeat of the landing at Sochi had a demoralizing effect on the rebels and their offensive momentum began to fall.

Keywords: The Russo-Turkish War of 1877-1878, Black Sea region, military operations, Sochi, Abkhazia, landing.

1. Введение

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. была очередным этапом внешней политики Российской империи второй половины XIX в., связанным с решением Восточного вопроса. Война оказала глубокое влияние на народы восточной Европы и внешнюю политику ведущих мировых держав. Кавказский театр боевых действий для России и Турции являлся второстепенным, так как на Балканах решалась главная задача – выход к Босфору и овладение Константинополем.

В данной работе рассматриваются боевые действия на одном из второстепенных участков, а именно на территории Черноморского округа, который к 1877 г. (в составе трех участков –

* Corresponding author

E-mail addresses: taran.constantin@yandex.ru (K.V. Taran), ludwig08@rambler.ru (S.D. Ludwig)

Новороссийского, Сочинского и Вельяминовского) входил в Закавказский край ([Очерки истории, 2006: 22-23](#)).

2. Материалы и методы

В качестве материалов применялся целый комплекс разнообразных источников:

1) архивные источники – Архив города Сочи;

2) источники личного происхождения – воспоминания участников событий, например Б.М. Коллюбакина ([Коллюбакин, 1906](#));

3) периодическая печать – газеты «Русский инвалид» и «Кавказ», журнал «Морской сборник»;

4) справочная литература – Л.И. Гизетти «Хроника Кавказских войск» ([Гизетти, 1896](#)).

В решении исследовательских задач нами применялся принцип историзма, который позволил сделать комплексный анализ дореволюционных источников и историографии, относящихся к боевым действиям на территории Черноморского округа в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Это предполагает применение также и других методов в их совокупности и взаимосвязи, а именно проблемно-хронологического, системно-структурного и сравнительно-исторического.

3. Результаты

После окончания Кавказской войны в 1864 г. и выселения черкесского населения с Черноморского побережья Северного Кавказа в Турцию охрана побережья и перевалов Главного Кавказского хребта была возложена на Кавказские линейные батальоны, которые в 1868 г. расположились следующим образом:

2-й батальон – долины рек Сочи и Мзымта;

3-й батальон – верховья рек Большая и Малая Лаба, Пшеха и Белая;

4-й батальон – верховья рек Пшиш, Псекупс и Шебш;

1-й батальон – долины рек Псезуапс, Аше и Шахе;

21-й батальон – Гагра;

17-й и 18-й батальоны – Сухум ([Гизетти, 1896: 148-149](#)).

В 1874 г. произошло переформирование нескольких линейных батальонов. Так, 38-я и 39-я пехотные дивизии были сформированы из личного состава 3-го и 4-го линейных батальонов, а 2-й линейный батальон был и вовсе упразднен. При этом новый 2-й линейный батальон сформирован из бывшего 17-го линейного батальона (Сухум), 3-й линейный батальон – из бывшего 21-го линейного батальона (Гагра), а 1-й линейный батальон – из бывшего 1-го батальона. 1-й, 2-й и 3-й линейные батальоны были расположены в горах и по восточному берегу Черного моря. Дислоцирующийся в Сухуме 18-й линейный батальон был переименован в 4-й линейный батальон ([Гизетти, 1896: 161](#)).

Кроме этого, в 1874 г. вновь были сформированы Вельяминовская и Новороссийская местные команды, а также 9 местных команд в соседней Кубанской области: Баталпашинская, Армавирская, Майкопская, Елисаветпольская, Усть-Лабинская, Таманская, Темрюкская, Куцевская и Ейская ([Гизетти, 1896: 163](#)).

Черноморский округ представлял собой длинную 350-километровую полосу вдоль берега Черного моря, которая далеко не везде допускала возможность десантных операций неприятеля вследствие строения самого берега (большой частью состоявшего из крутых и обрывистых скал), недоступного для пешеходов. Анапский рейд замыкался опасными подводными рифами, а Цемесская и Геленджикская бухты нередко подвергались действиям страшной боты. Территория Черноморского округа изобиловала множеством крепких горных позиций, на которых с малыми силами можно было весьма успешно бороться с большими силами противника ([Материалы для описания..., 1909: 308](#)).

Население Черноморского округа состояло в основном из представителей славянской национальности, за исключением шапсугов, проживавших в трех аулах (Карповка – Вельяминовский отдел, Красно-Александровский и Кичмай – Сочинский отдел). Начальник Черноморского округа полковник Борис Мартынович Шелковников ([Ходоров, 2017: 121-130](#)) незадолго до начала боевых действий с Турцией сформировал из жителей шапсугских аулов горскую сотню, по факту состоящую из сорока всадников. Б.М. Шелковников полагал, что наличие в войсках Черноморского округа горской сотни обеспечит лояльность шапсугского и черкесского населения в войне с Османской Портой ([Ходоров, 2020: 134-135](#)).

От Анапы до Туапсе имелось много удобных перевалов через Главный Кавказский хребет, за который можно было увести население округа с Черноморского побережья в случае угрозы высадки десанта или бомбардирования населенных пунктов судами турецкого флота. Удаление жителей лишало неприятеля местных средств – продовольствия и т.п. К югу от Туапсе передвижение за хребет сопряжено было с большими затруднениями, но при существовании некоторых околных путей русское командование имело возможность отвести войска и поселян южного отдела сначала к Сочи, а потом и к Туапсе, откуда за хребет вела дорога через лучший из перевалов – Гойтхский. В Кубанской области население было в безопасности, несмотря на 100-тысячное горское население, вторжение на территорию Кубани было очевидно не по силам Турции. Весь вред, который могли

причинить турецкие войска на берегах Черноморского округа, не мог простираться далее бомбардирования таких пунктов, как Анапа, Новороссийск, Туапсе и Сочи, и высадки на берег небольших партий черкесских выходцев с целью грабежа, поджога и разбоя. Таким образом, для обороны Черноморского округа в силу его топографических условий и наиболее вероятных действия турецких войск достаточно было во время зимней компании 6 батальонов и 4 орудий, необходимых для защиты Анапы, Новороссийска, Туапсе и Сочи ([Материалы для описания..., 1909: 308-309](#)).

К 12 апреля 1877 г. на театре боевых действий было сосредоточено 3,5 армейских батальона, 11 местных команд, 34 конных сотни и 20 орудий ([Материалы для описания..., 1909: 309-310](#)). Общая численность войск в Черноморском округе составляла 4 тыс. человек, с резервом 1-й линии Кубанской области 12,6 тыс. человек, соседний Сухумский отряд насчитывал 5 тыс. человек ([Колобакин, 1906: 148-149](#)).

С началом боевых действий были предприняты шаги по усилению армейской группировки. Так, для сохранения стабильной ситуации на территории Кубанской области были дополнительно сформированы 5 конных полков и 5 пеших пластунских батальонов. Эти подразделения в случае необходимости могли стать резервом для ведения боевых действий на Черноморье. Были усилены части в гарнизоне Новороссийска двумя сотнями 7-го пешего пластунского батальона и в долине Дюрсо – двумя сотнями 2-го Полтавского конного полка ([Материалы для описания..., 1909: 310-311](#)).

Необходимо отметить, что Черноморский флот в период военных действий располагал одним броненосцем, отвечающим современным требованиям и несколькими панцирными крейсерами, 5 вооруженными коммерческими пароходами, принадлежащими «Русскому обществу пароходства и торговли» ([Покровский, 1923: 292, 296](#)).

Русским морякам, кроме отваги и доблести в морском бою, пришлось в годы русско-турецкой войны переделывать купеческие суда под боевые. В ходе боевых действий на море, используя первый опыт крейсерской войны, военно-морские силы России уничтожили суда противника и оказали содействие сухопутным войскам ([Литвинов, 1881: 104-105](#)).

В качественном и количественном отношении военно-морские силы Турции в разы превосходили русский флот на Черном море. Турецкий броненосный флот состоял из 7 броненосцев 1-го ранга («Месудиэ», «Нусретиэ», «Асизиэ», «Орхханиэ», «Махмудиэ», «Османиэ» и «Ассари-Тэвфик»), 7 броненосцев 2-го ранга («Мукадеми-Хаир», «Фехти-Буленд», «Идждадиэ», «Ассари-Шевкет», «Муини-Зафр» и «Авни-Иллах»). Для береговой охраны турки располагали монитором «Хизер», двумя канонерскими лодками и одной мореходной башенной лодкой ([Литвинов, 1881: 199](#)).

Турецкая броненосная эскадра, по сути, доминировала на Черном море, так как русский Черноморский флот ввиду своей слабости не был в состоянии вести борьбу с военно-морскими силами Турции. Это связано с тем, что за 6 лет после отмены Парижского договора для усиления Черноморского флота российскими властями ничего не было сделано. Вследствие господства на Черном море турецкого флота беззащитными оказались порты на Черноморском побережье северо-западного Кавказа ([Дзидзария, 1982: 322, 326](#)).

Русские военно-морские силы на Черном море фактически располагали следующими судами: 2 броненосцами (поповками), 2 речными мониторами, 4 корветами, 7 морскими пароходами, 14 миноносками, одним минным судном («Батум»), 14 шхунами, двумя яхтами, 27 паровыми и до 40 парусными и портовыми судами ([Литвинов, 1881: 197](#)).

В Абхазии еще накануне русско-турецкой войны назревало восстание, связанное с национально-освободительной борьбой абхазского населения против царского самодержавия. В апреле 1877 г., за два дня до объявления войны, большими массами восставших абхазов были отрезаны все пути сообщения с Сухумским отрядом ([Дзидзария, 1982: 314, 320](#)).

Численность населения Абхазии в 1876 г. составляла 78785 человек, а накануне боевых действий в апреле 1877 г. она достигла 80 тыс. человек ([Цвижба, 2000: 81](#)).

После объявления войны Сухум был оставлен местными жителями, в городе остался немногочисленный (5 тыс. человек) Сухумский отряд ([Дзидзария, 1982: 326](#)), который был сформирован во второй половине декабря 1876 г. Командовать этим отрядом, предназначенным для поддержания порядка в Абхазии и противодействия неприятельским десантам, был назначен начальник Сухумского военного отдела генерал П.П. Кравченко ([Материалы для описания..., 1909: 256](#)).

С момента объявления войны с Турцией в Черноморский округ стали поступать из Абхазии тревожные сведения о действиях неприятельского флота в восточной части Черного моря. 19 апреля 1877 г. мимо Сочи проследовали турецкие военные суда в сторону Туапсе. На следующий день, 20 апреля 1877 г., поступила информация о том, что группа абхазов совершила вооруженное нападение на пластунский обход с целью ворваться в Хашупсе. В перестрелке один абхаз был убит ([Материалы для описания..., 1909: 209](#)).

19 апреля 1877 г. два больших турецких парохода появились с моря и встали напротив Адлера. Военные суда неприятеля активных действий не производили ([Материалы для описания..., 1909: 212](#)).

В ночь с 29 на 30 апреля 1877 г. на территории Пицундского округа в районе Гудауты были высажены на берег 30 абхазских эмигрантов, среди которых были известные и влиятельные лица, например, Камбулат Маргания, Хаджи Лакербая и Узбек Маршани ([Желобов, 2017: 167](#)).

Вслед за этим с 6 пароходов высадился десант в количестве до 1,5 тыс. махаджиров. К 1 мая 1877 г. в Гудауте было собрано до 10 тыс. абхазов. С броненосцев на берег было доставлено 400 человек регулярных турецких войск во главе с Махмуд-пашой, который объявил, что Абхазия с этого момента находится под турецким начальством. Абхазы приняли присягу на верность султану, и им было роздано около 45 тыс. ружей и по 250 патронов на каждое ружье. Кроме этого, 1 мая турецкие военные корабли бомбардировали Сухум и Очамчиру ([Дзидзария, 1982: 331](#)).

2 мая 1877 г. турецкая эскадра, состоящая из 6 броненосцев, держалась в море напротив Сухума. В 17.00 5 судов встали на Сухумском рейде и произвели бомбардировку Сухума, которая продолжалась до 19 час. 30 мин., после чего была предотвращена попытка высадить турецкий десант. Из других источников известно, что бомбардировка осуществлялась с 9 турецких судов. Телеграфное сообщение с Сухумом было прервано ([Цвижба, 2000: 3](#)).

С наступлением темноты в ночь с 2 на 3 мая 1877 г. в Сухуме собралось до 5 тыс. восставших абхазов, которые рассеялись по городу и занимались грабежами. Части 3-го батальона 162-го Ахалцыхского полка с двумя орудиями 6-й батареи 20-й артиллерийской бригады открыли огонь по грабителям, которые разбежались из Сухума ([Абхазия..., 2005: 506](#)).

2 мая 1877 г. Шелковников получил депеши от генерала Кравченко, извещавшие его о высадке в Гудауте турецкого десанта, против которого были выдвинуты 3 казачьих и 2 милиционных сотен, а также о бомбардировании Очамчиры и вторичном приближении турецкого флота к Сухуму. На другой день получены были телеграммы от генерала Павлова и начальника Кубанской области Кармалина. Первый уведомлял, что гудаутский десант не превышает 1 тыс. человек и что просимые полковником Шелковниковым подкрепления не могут быть направлены из Кубанской области в Черноморский округ ранее определения пункта новой высадки турецкого десанта, а второй извещал об образовании резерва для Новороссийска в станице Крымской, куда придут батальон с горной полубатареей, а также об охране Белореченского перевала 2-м пластунским батальоном и перевала Мало-Лабинского двумя конными сотнями. В тот же день Шелковникову донесли, что турки предпринимают усилия к разрастанию абхазского восстания. С этой целью турецкий паша начал раздавать абхазам оружие ([Материалы для описания..., 1909: 311-312](#)).

3 мая 1877 г. из Константинополя поступили тревожные сообщения, касающиеся боевых действий в Абхазии: *«Вчера адмирал Гусейн-паша, офицер, получивший воспитание в Англии, командуя тремя броненосцами, бомбардировал Сухум. Затем были высажены войска, к которым присоединилось 3000 местных жителей. Начался жестокий бой, и русские были вытеснены из Сухума. Сухум горит, окрестное население восстает на помощь туркам»* ([Морской сборник, 1877: 51](#)).

Следующее официальное известие от 4 мая 1877 г., полученное из Константинополя, подтверждало сдачу Сухума русскими войсками: *«атакованный с моря и суши Сухум попал под нашу власть. Неприятель в полном поражении бежал в беспорядке. Население всюду встречает нас с открытыми объятиями. Восстание против русских началось в Абхазии и в нескольких пунктах Кавказа»* ([Морской сборник, 1877: 52](#)).

Прежде чем сделалось возможным для турецких броненосцев произвести высадку в Сухуме и других портах, туркам пришлось выловить мины при помощи специально обученных для этого водолазов. Они входили в гавань на рассвете и успевали обрезать веревки и отбуксировать мины в безопасное место. Вследствие этого русские береговые укрепления лишались своей последней защиты. Для овладения Сухумом турецкая эскадра произвела 12–13 ложных атак против деревень в 30 км южнее, высаживая каждый раз черкесов, которые возбуждали население к восстанию. Вследствие этого начальник Сухумского гарнизона отправил в этом направлении большую часть своих сил. В ночь с 2 на 3 мая 1877 г., перед взятием Сухума, русский гарнизон был ослаблен, поэтому генерал-майор П.П. Кравченко отвел отряд из Сухума с целью прикрыть склады, расположенные в Цебелье ([Морской сборник, 1877: 51](#)).

Взятие Сухума в Турции было встречено с восторгом, а для российских властей высадка десанта и боевые действия в Абхазии стали полной неожиданностью ([Абхазия..., 2005: 509](#)).

4 мая 1877 г. начальник штаба Кавказского военного округа сообщил полковнику Шелковникову, находившемуся в Туапсе, что генералу Кравченко приказано при первой возможности выбить неприятеля из Гудауты, а генерал Кармалин к тому же сообщению присоединил приказание приготовить войска, находившиеся в Адлере, к движению для совместных действий с Сухумским отрядом ([Материалы для описания..., 1909: 312](#)).

Газета «Times» в номере от 22 мая 1877 г. сообщала, что 5 мая из Константинополя вышли четыре больших транспортных судна с десантом в количестве 10 тыс. человек, пятью батареями, боевыми припасами и 50 тыс. штуцеров для раздачи восставшим абхазам ([Морской сборник, 1877: 52](#)).

6 мая 1877 г. на территории Очамчирского округа был высажен очередной десант неприятеля. Практически все население Абхазии перешло на сторону неприятеля ([Материалы для описания..., 1909: 220](#)).

В этой обстановке наказной атаман Кубанского казачьего войска генерал-лейтенант Н.Н. Кармалин дал следующее распоряжение: *«Весьма вероятно неприятель будет высаживать десант. В связи с этим создать сеть постов, чтобы ни одно место не осталось без наблюдения. Сотням*

мелкие партии десанта уничтожить. При высадке крупных сил, не упускать их из виду и, отступая, наносить возможный вред» (Желобов, 2017: 168).

7 мая 1877 г. турецкие суда открыли огонь по Адлеру, а партии абхазов направились в тыл Черноморского округа горными тропами. Полковник Шелковников, оценив обстановку, отправил имеющиеся резервы (3-й пластунский батальон и роту 2-го линейного батальона) в Адлер. При этом отдельные команды 3-го пластунского батальона должны были блокировать горные тропы от проникновения противника в тыл. Одновременно с этим 7 мая 1877 г. население Адлера было эвакуировано в Сочи (Материалы для описания..., 1909: 312-313). Важно отметить, что в это время все население Сочинского отдела не было многочисленным и насчитывало от 1914 до 2350 человек (Кузьмин-Короваев, 1894: 95; Кавказ, 1879: 13 октября).

10 мая 1877 г. вблизи Адлера появилась турецкая эскадра из трех броненосных судов. Приблизившись, она начала бомбардировку Адлера, а после двухчасового обстрела предприняла неудачную попытку высадиться на берег. Десант попал под огонь и вынужден был вернуться на корабли (Материалы для описания..., 1909: 313-314).

В то же время третий броненосец, отойдя на 3 км от Адлера к р. Херота, беспрепятственно спустил там десант, который немедленно направился берегом моря во фланг стрелковой роте 2-го линейного батальона. Против высадившегося десанта подполковник Малов послал 38 конных милиционеров, которые перешли на сторону противника (Ходоров, 2020: 134).

Русские войска (стрелковая рота и полувзвод пластунов), поражаемые с фронта броненосцами, а с фланга – наступающим десантом, отступили с береговых позиций. Пользуясь этим, броненосцы снова приблизились к берегу и начали высаживать десант (около 2 тыс. человек) в адлерской долине, обстреливая берег усиленным картечным огнем. С новой высадкой неприятель перешел в решительное наступление с фронта и с правого фланга. Находя невозможным держаться против многочисленного противника, подполковник Малов отдал приказ к отступлению, а т.к. десант, высаженный у Хероты, пересек береговую дорогу, то он двинул колонну заброшенными тропами на Ахштырь. На пути к колонне присоединились две пластунские сотни, постепенно вступающие в дело, а у с. Ахштырь 4-я сотня прикрыла отступление всей колонны. Отсюда подполковник Малов, уже не преследуемый неприятелем, направился через Псаго труднопроходимыми тропами к Сочи (МКУ «Архив г. Сочи». Ф. Р-279. Оп. 1. Д. 13. Л. 1).

В деле у Адлера русские войска потеряли 11 нижних чинов стрелковой роты 2-го линейного батальона убитыми и 5 ранеными. Пластуны потерь не имели. Раненые были подобраны, но тела убитых остались на месте. Силы турецкого десанта, действовавшего против Адлера, определить было сложно, но несомненно, что они во много раз превосходили потери русских войска. Потери неприятеля были большими, особенно при отбитии первого десанта стрелками, действовавшими по фелюгам (Материалы для описания..., 1909: 315).

В рапорте от 16 мая подполковник Малов упоминает о 12 погибших и 5 раненых в боях под Адлером. Кроме этого, есть упоминания еще о двух умерших от ран и одном казаке Урупского полка, утонувшем при переправе через р. Мзымта (Ходоров, 2020: 132-133).

В день адлерского дела генерал Кармалин был извещен начальником штаба о направлении турецкого десанта из Константинополя к Сухуму. Он тотчас же уведомил об этом по телеграфу Шелковникова, советуя ему не сталкиваться с неприятелем, если бы он наступал из Адлера, допуская высадку наперерез его сообщений с Вельяминовским отделом. При этом доводилось до сведения Шелковникова, что в Хамышки и Хадыженскую направлено по одному батальону. В телеграмме от 11 мая 1877 г. рекомендовалось 2-й Кавказский линейный и 3-й пеший пластунский батальоны отвести на Кичмай, откуда существовал путь в Кубанскую область через Тубинский перевал, на случай отступления. Вторично генерал Кармалин рекомендовал Шелковникову вести осторожный образ боевых действий, т.к. после отвода населения из Сочи защищать уже было некого. Войска предлагалось вывести через Лабинский и Белореченский перевалы. В случае их закрытия направить войска из Кичмая в Божьи Воды и с. Георгиевское, куда уже были отправлены резервы (5 пластунских сотен). Излишние запасы при отступлении приказывалось уничтожить. Телеграммой от 13 мая 1877 г. предписывалось население Сочинского попечительства отправить из Сочи в Хадыженское, где были приготовлены помещения и продовольствие для эвакуируемых. В то же время началось усиление отряда Черноморского округа войсками Кубанской области: 12 мая 1877 г. в Туапсе прибыла сотня Урупского конного полка, 13 мая 1877 г. в Туапсе выступила полубатарея 6-й горной батареи 20-й артиллерийской бригады с сотней 4-го пластунского батальона, а 18 мая 1877 г. войска Вельяминовского отдела усилены были 8-м пластунским батальоном (Материалы для описания..., 1909: 316-317).

15 мая 1877 г. колонна подполковника Малова прибыла в Сочи, проделав 70-километровый марш по трудным горным тропам при крайне ненастной погоде. Десант недолго держался в Адлере. Уничтожив это селение и ближайшие к нему населенные пункты, абхазы и махаджиры через два дня удалились в Абхазию. Небольшие группы абхазов разбрелись по окрестностям в поисках добычи (Материалы для описания..., 1909: 316).

Вследствие предательства и перехода на сторону противника горской сотни последовали репрессивные меры со стороны русского командования. По приказу генерал-лейтенанта Н.Н. Кармалина были окружены и сожжены Красно-Александровский и Кичмайский аулы, скот захвачен, съестные запасы уничтожены. В первом ауле из 45 горских семей 6 семьям удалось бежать в горы, а остальные были отправлены в Екатеринодар. По данным русского командования, в горах скрывались 65 семейств из неблагонадежных аулов. Многие семьи горными тропами смогли перебраться в Абхазию, а затем в Турцию. После долгого скитания в горах 20 семей попросили о помиловании и разрешении возвратиться в свои бывшие аулы (Желобов, 2017: 169).

Оттоманская Порта прилагала усилия к распространению восстания среди населения Кавказа. После проведения десантных операций на территории Абхазии и Черноморского округа, в которых приняли участие 7–8 тыс. черкесских переселенцев, перевезенных из Трапезунда на Черноморское побережье Северного Кавказа, правительство Турции сформировало новый экспедиционный корпус в количестве 14 тыс. человек с 8 батареями позиционных и горных орудий. Отряд этот был отправлен 18 мая 1877 г. на пяти больших транспортных пароходах в Сухум под прикрытием броненосцев «Месудиэ», «Орхханиэ» и «Ассари-Тэвфик», которые взяли с собой несколько черкесских вождей, 50 тыс. ружей Генри-Мартини и значительное количество боевых припасов для снабжения ими населения Кавказа. Многие гражданские чиновники и несколько телеграфистов отправились с экспедиционным отрядом, часть которого предназначалась к высадке у Сухума, а другая – должна была следовать вместе с флотом к Анапе, чтобы предпринять атаку этого пункта. Кроме этого, поступали сведения, что 17 мая происходила посадка на суда восьми турецких батальонов, численностью каждого до 600 человек, отправляемых в Абхазию. Батальоны были укомплектованы большей частью пожилыми людьми, набранными в Сирии, Аравии, и снабжены всем необходимым для боевых действий (Русский инвалид, 1877: 24 мая).

Главное внимание военной администрации было обращено на оборону Сочи, войскам которого была отдана диспозиция, а также на Туапсе, откуда вели пути через Гойтхский перевал в Кубанскую область. К 21 мая 1877 г. в Сочи были сосредоточены 2 батальона, 2 роты, 3 отдельные сотни и полубатарея горных орудий (Ходоров, 2020: 137-139).

Отступление адлерской колонны к Сочи и Сухумского отряда за Кодор отдавало в руки неприятеля третью часть восточного берега Черного моря. Не довольствуясь таким результатом, достигнутым при помощи восставших абхазов и без пролития турецкой крови, турки еще раз попытались перенести свои действия на берега Черноморского округа. Переселенные в 1864 г. горские народы были использованы Османской Портой в боевых действиях на Черноморском побережье северо-западного Кавказа и Балканах. Изначально, после переселения горских народов, Турция рассматривала горцев как дополнительные вооруженные силы и планировала их использовать в возможных конфликтах с Российской империей. Османские десанты для высадки в Абхазии были сформированы из адыгов, абхазов и убыхов, которых возглавляли Хасан Чачба и Маан Камлат (Бэрзэдж, 2012: 174-176).

Очередная высадка десанта не представляла для русских войск опасности, тем более что жители Адлера и Сочи были эвакуированы. Все операции турок сводились к намерению где бы то ни было нанести поражение русским войскам в надежде, что кратковременный успех неблагоприятно для русских отразится на горском населении Кавказа, а также с целью отвлечь часть русских войск от главного театра действий (Материалы для описания..., 1909: 317-318).

21 мая 1877 г. к Сочи подошли два турецких броненосца и, остановившись в 300 м от берега, открыли артиллерийский огонь. После 4-часового бомбардирования, во время которого русские войска оставались не замеченными на своих позициях, неприятель спустил 5 больших гребных судов, имея на некоторых из них небольшие орудия, и направил к берегу против посады первый эшелон десанта. Стрелковая рота 2-го линейного батальона, находившаяся в траншее, расположенной напротив подходившего десанта, подпустила к себе неприятеля на 200 м, затем внезапно открыла сильный огонь, направив его сначала на гребцов и рулевых, и в течение нескольких минут перебила весь эшелон десанта. Несколько человек, уцелевших от этого огня, пытались вернуться назад, но не смогли совладеть с баркасами. Тогда броненосцы быстро подошли к судам и, зацепив их, немедленно удалились к Гаграм, не предпринимая повторной высадки и даже не обстреляв траншею, из которых был перебит десант (Русский инвалид, 1877: 29 июля). Боевыми действиями русских войск в Сочи руководил полковник князь Александр Иванович Аргутинский-Долгоруков.

Войска наши настолько хорошо были скрыты, что в течение 4-часового бомбардирования был убит только один стрелок и контужен прапорщик Ахвледяни, взвод которого принимал участие в деле. От неприятельских выстрелов в посаде не пострадало здание новой штаб-квартиры (МКУ «Архив г. Сочи». Ф. Р-279. Оп. 1. Д. 61. Л. 24).

В начале 1880-х гг. на территории посады Сочи было не более 17 жилых домов, имелся базар с 5–6 торговыми лавками, над посадом возвышался недостроенный собор Михаила Архангела (МКУ «Архив г. Сочи». Ф. Р-279. Оп. 1. Д. 61. Л. 21-22). В результате бомбардировки многие здания и храм были повреждены (МКУ «Архив г. Сочи». Ф. Р-279. Оп. 1. Д. 13. Л. 1).

После успешного отражения десанта полковник Шелковников послал донесение наместнику Кавказа и главнокомандующему Кавказской армией Великому князю Михаилу, который в своей телеграмме ответил: «*Поздравляю с блестящим отражением десанта у Сочи. Спасибо молодецкому отряду. Жалую стрелковой роте четыре креста, прочим по два на роту. Спасибо за толковые распоряжения. Михаил*» ([Материалы для описания..., 1909: 319](#)).

За успешные боевые действия 20 нижним чинам и 4 офицерам сочинского отряда были вручены ордена, а также следующие чины получили 4 офицера, участвовавших в сочинском деле ([Ходоров, 2020: 139-141](#)).

6 января 1879 г. стрелковой роте Кавказского линейного батальона был пожалован георгиевский сигнальный рожок с надписью: «За отражение турецкого десанта 21-го мая 1877 года у Сочи» ([Гизетти, 1896: 2](#)).

Территория от Адлера по долине р. Мзымта стала границей Черноморского округа с восставшей Абхазией. Большинство махаджиров из абхазов не собиралось наступать на северо-запад, так как Адлер и верховья р. Мзымта (местность, населенная до 1864 г. племенем ахчипсуйцев с аулом Гбаадбу, – современная Красная Поляна) они считали своей исторической территорией Абхазии ([Ачугба, 2010: 97](#)).

Напряженной обстановка оставалась в соседней Абхазии, где 21 мая 1877 г. была бомбардировка и высадка турецкого десанта в районе Очамчиры, которыми османские войска и овладели ([Морской сборник, 1877: 54](#)). Необходимо отметить, что турецкое командование пыталось проводить десантные операции не только на север от Сухума, но и южном направлении.

После Сочинской неудачи турецкие войска прекратили боевые действия у берегов Черноморского округа. Небольшие партии абхазов продолжали появляться в окрестностях Адлера, но так как они не пытались проникать в Сочи, то русские войска ограничивались наблюдением. 1 июня 1877 г. 12 казаков 6-й сотни Урупского конного полка под командой урядника Савина сделали засаду на адлерском болоте и атакой отбросили в море партию из 40 абхазов, причем казаки овладели двумя простреленными фелюгами, с которых абхазы спаслись вплавь к своим фелюгам. Их потери были значительными, а казаки потерь не имели, при этом они испортили одну из фелюг, которая не подлежала ремонту, а другую использовали для доставки груза по возвращению в Сочи ([Желобов, 2017: 169](#)).

Во второй половине дня 1 июня 1877 г. из Сочи было послано 40 казаков 6-й сотни Урупского конного полка под командой урядника Барбашова на рекогносцировку к р. Мзымта, где была обнаружена высадка абхазов на берег. Поэтому полковник князь Аргутинский-Долгоруков дополнительно отправил в Адлер 20 человек под командой войскового старшины Ткаченко. На следующий день, 2 июня 1877 г., отряд Барбашова попал в засаду, после чего казаки залегли в развалинах дома. Войсковой старшина Ткаченко приказал прапорщику Пшизову и 12 казакам занять высоту напротив правого фланга абхазов, а уряднику Барбашову обогнуть левый фланг неприятеля и зайти ему в тыл. Урядник Барбашов с отрядом выбил противника с занимаемой позиции, а прапорщик Пшизов со своим отрядом атаковал правый фланг, вследствие чего абхазы отступили. В бою у неприятеля было убито 8 человек, много ранено, в русских войсках тяжело ранен прапорщик милиции Пшизов ([Русский инвалид, 1877: 7 июня](#)).

Тем временем в Абхазии 1 июня 1877 г. происходили активные боевые действия. Три турецких корабля подошли к Илори (южнее Очамчиры) и открыли артиллерийский огонь. После бомбардировки отряд, созданный из абхазских махаджир, произвел атаку на русские позиции. В результате скоротечного боя абхазы понесли значительные потери и отступили, потеряв 70 человек убитыми и ранеными. Потери русских войск составили: четыре убитых и 24 раненых нижних чинов ([Абхазия..., 2005: 512-513; Морской сборник, 1877: 55](#)).

Поражение турецких войск под Илори произвело впечатление на население Абхазии. 7 июня 1877 г. отряд генерала Алхазова, произведя рекогносцировку Очамчиры и Моквы, не встретил неприятеля ([Морской сборник, 1877: 55](#)).

Главнокомандующий турецкими войсками в Сухуме Фазли-паша требовал присылки 24 батальонов, чтобы получить возможность двинуться на Кутаис. Турецкие власти не собирались выделять регулярные войска для активизации боевых действий в Абхазии и Грузии ([Морской сборник, 1877: 54-55](#)). Нужно полагать, что высшие военные чины Турции ждали активных действий со стороны восставших абхазов, для чего посылали десанты с махаджирами и вооружением, но далее Абхазии местное население боевые действия не предпринимало, за исключением Адлера и его окрестностей.

Таким образом, следует отметить, что рассматривать боевые действия в Сочинском отделе Черноморского округа следует в совокупности с событиями в соседней Абхазии, где незадолго до начала войны имели место антироссийские настроения. Турецкое правительство планировало использовать в возможных боевых действиях с Россией горские племена, переселившиеся с территории Черноморского побережья северо-западного Кавказа в Турцию в 1864 г.

4. Заключение

После объявления войны (12 апреля 1877 г.) сформированные из горских племен военные десанты спровоцировали местное население Абхазии к восстанию против Российской империи. В состав десантов входили влиятельные фамилии абхазов, убыхов, адыгов и черкесов, которые возбуждали население Абхазии к военным действиям против русских войск. Поставки оружия восставшим также благоприятно отразились на воинственном настроении абхазов в восстании. Все это способствовало устранению в Абхазии русских войск, а также намерению турецкого командования произвести высадку десантов на территории Сочинского отдела Черноморского округа и в южном направлении от Сухума. Турецкое военное командование также полагало, что после восстания в Абхазии многочисленные народы Северного Кавказа присоединятся к восстанию против российских властей и весь Кавказ попадет под влияние Османской Порты, а далее Россия столкнется с боевыми действиями на юге в своем тылу.

Успешным боевым действиям турецких десантов способствовало отсутствие у русских на Черном море боеспособного флота, поэтому Черноморское побережье северо-западного Кавказа оставалось совершенно открытым и беззащитным со стороны судов турецкого флота, которые могли действовать безнаказанно, производить бомбардирование населенных пунктов и беспрепятственно высаживать на берег морские десанты.

Командование русских войск на Кавказе полагало, что боевые действия на Черноморском побережье северо-западного Кавказа являются второстепенным театром боевых действий. Даже в случае захвата этой территории турецкие войска не смогут развить крупномасштабные боевые действия против русских, так как перевалы через Главный Кавказский хребет будут для турок труднопроходимыми и этот вариант Османская Порта рассматривать не будет, а усиленные гарнизоны в Закавказье также предотвратят угрозу со стороны Турции.

Захваченный плацдарм в Абхазии не дал туркам ожидаемого результата. Абхазы при содействии турецкого флота и во главе с турецкими командирами захватили Адлер и верховья р. Мзымта, т.е. территорию, которую абхазы исторически считали своей. Попытка высадки десанта в Сочи обернулась для турецких войск полным провалом, благодаря утвержденной диспозиции и умелым распорядительным приказам командира Сочинского гарнизона полковника князя Долгорукова-Аргутинского.

Высадка турецких десантов в Абхазии не принесла Османской Порте многообещающих положительных результатов. В Абхазии, как и предполагалось, вспыхнуло восстание, и русские войска были удалены генерал-майором Кравченко из Сухума в Цебельду. Высадка десанта и захват Адлера не дал дальнейших результатов для турок. Успешные боевые действия русских войск в Сочи и Абхазии (Илори, Очамчира) отразились на настроении жителей Кавказа, что способствовало дальнейшему устранению турецких войск с Черноморского побережья северо-западного Кавказа.

Литература

- [Абхазия...](#), 2005 – Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX –нач. XX вв.). Книга I // Сост. Р.Х. Ачугжба, Т.А. Ачугба. Сухум, 2005.
- [Ачугба, 2010](#) – *Ачугба Т.А.* Этническая история абхазов XIX–XX вв. Сухум, 2010.
- [Бэрзэддж, 2012](#) – *Бэрзэддж У.Н.* Изгнание черкесов. Причины и последствия. Нальчик, 2012.
- [Гизетти, 1896](#) – *Гизетти Л.И.* Хроника Кавказских войск. Часть I. Тифлис, 1896.
- [Дзидзария, 1982](#) – *Дзидзария Г.А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982.
- [Желобов, 2017](#) – *Желобов В.Н.* Кубанское казачье войско в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2017.
- [История...](#), 1914 – История Черноморского флота 1696–1912 гг. СПб., 1914.
- [Кавказ, 1879](#) – Кавказ. 13 окт. 1879.
- [Колюбакин, 1906](#) – *Колюбакин Б.М.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. на Кавказе и в Малой Азии. Ч. 1. СПб., 1906.
- [Кузьмин-Короваев, 1894](#) – *Кузьмин-Короваев А.Н.* Черноморский округ. Военно-статистическое описание. Ч. 1. Тифлис, 1894.
- [Литвинов, 1881](#) – *Литвинов М.М.* Черное море: Роль моря в разные ист. эпохи: Соврем. экон. и воен. значение Черного моря. Воен.-стат. обзор: Рассуждение, напис. по предложению Конференции Николаев. акад. Ген. штаба на получение степ. адъюнкт-проф. по предмету воен. статистики М. Литвиновым. СПб., 1881.
- [Материалы для описания...](#), 1909 – Материалы для описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на кавказско-малоазиатском театре с планами. Т. V. Тифлис, 1909.
- [МКУ «Архив г. Сочи»](#) – МКУ «Архив г. Сочи».
- [Морской сборник, 1877](#) – Морской сборник. Т. CLXI. № 7. Июль. 1877.
- [Очерки истории, 2006](#) – Очерки истории Большого Сочи. Т. 1. Сочи, 2006.
- [Покровский, 1923](#) – *Покровский М.Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии: Сборник статей. М., 1923.

[Русский инвалид, 1877](#) – Русский инвалид. 1877.

[Ходоров, 2017](#) – *Ходоров О.И.* Б.М. Шелковников и его роль в истории Сочинского Причерноморья // *Голос Минувшего*. 2017. № 3–4. С. 121–130.

[Ходоров, 2020](#) – *Ходоров О.И.* События кампании 1877 г. на территории Большого Сочи: одна малоизвестная страница русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // *Исторический журнал: научные исследования*. 2020. № 1. С. 134–135.

[Цвижба, 2000](#) – *Цвижба Л.И.* Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX в. Сухум, 2000.

References

[Abkhaziya., 2005](#) – Abkhaziya i abkhazy v rossiiskoi periodike (XIX-nach. KhKh vv.). Kniga I [Abkhazia and Abkhazians in Russian periodicals (XIX-early XX centuries). Book I]. Sost. R.Kh. Achugzha, T.A. Achugba, Sukhum. [in Russian]

[Achugba, 2010](#) – *Achugba T.A.* (2010). Etnicheskaya istoriya abkhazov XIX-XX vv. [Ethnic history of Abkhazians of the XIX-XX centuries]. Sukhum. [in Russian]

[Berzedzh, 2012](#) – *Berzedzh U.N.* (2012). Izgnanie cherkesov. Prichiny i posledstviya [Expulsion of the Circassians. Causes and consequences]. Nal'chik. [in Russian]

[Dzidzariya, 1982](#) – *Dzidzariya G.A.* (1982). Makhadzhestvo i problemy istorii Abkhazii XIX stoletiya [Mahajirism and the problems of the history of Abkhazia in the 19th century]. Sukhumi. [in Russian]

[Gizetti, 1896](#) – *Gizetti L.I.* (1896). Khronika Kavkazskikh voisk. Chast' I [The chronicle of the Caucasian troops. Part I]. Tiflis. [in Russian]

[Istoriya..., 1914](#) – Istoriya Chernomorskogo flota 1696-1912 gg. [History of the Black Sea Fleet 1696-1912]. SPb. [in Russian]

[Kavkaz, 1879](#) – Kavkaz [Caucasus]. 13 okt. 1879. [in Russian]

[Khodorov, 2017](#) – *Khodorov O.I.* (2017). Б.М. Шелковников и его роль в истории Сочинского Причерноморья [B.M. Shelkovnikov and his role in the history of the Sochi Black Sea region]. *Golos Minuvshogo*. № 3-4. Pp. 121-130. [in Russian]

[Khodorov, 2020](#) – *Khodorov O.I.* (2020). Sobytiya kampanii 1877 g. na territorii Bol'shogo Sochi: odna maloizvestnaya stranitsa rusko-turetskoi voiny 1877-1878 gg. [The events of the 1877 campaign on the territory of Greater Sochi: one little-known page of the Russo-Turkish war of 1877-1878]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*. № 1. Pp. 134-135. [in Russian]

[Kolyubakin, 1906](#) – *Kolyubakin B.M.* (1906). Russko-turetskaya voina 1877-1878 gg. na Kavkaze i v Maloi Azii. Ch. 1. [Russo-Turkish war of 1877-1878 in the Caucasus and Asia Minor. Part 1]. SPb. [in Russian]

[Kuz'min-Korovaev, 1894](#) – *Kuz'min-Korovaev A.N.* (1894). Chernomorskii okrug. Voennostatisticheskoe opisanie [Black Sea District. Military statistical description]. Ch. 1. Tiflis. [in Russian]

[Litvinov, 1881](#) – *Litvinov M.M.* (1881). Chernoe more: Rol' morya v raznye ist. epokhi: Sovrem. ekon. i voen. znachenie Chernogo moraya [Black Sea: the role of the sea in different historical epochs: Modern econom. and military significance of the Black sea]. Voен.-stat. obzor: Rassuzhdenie, napis. po predlozheniyu Konferentsii Nikolaev. akad. Gen. shtaba na poluchenie step. ad'yunkt-prof. po predmetu voen. statistiki M. Litvinovym. SPb. [in Russian]

[Materialy dlya opisaniya..., 1909](#) – Materialy dlya opisaniya rusko-turetskoi voiny 1877-1878 gg. na kavkazsko-maloaziatskom teatre s planami [Materials for the description of the Russo-Turkish war of 1877-1878 at the Caucasus-Asia Minor theater with plans]. T. V. Tiflis, 1909. [in Russian]

[MKU «Arkhiv g. Sochi»](#) – MKU «Arkhiv g. Sochi» [Archive of Sochi city]. [in Russian]

[Morskoi sbornik, 1877](#) – *Morskoi sbornik*. T. CLXI, № 7, iyul'. 1877. [in Russian]

[Ocherki istorii, 2006](#) – Ocherki istorii Bol'shogo Sochi [Essays on the history of Greater Sochi]. T. 1. Sochi, 2006. [in Russian]

[Pokrovskii, 1923](#) – *Pokrovskii M.N.* (1923). Diplomatiya i voiny tsarskoi Rossii v XIX stoletii: Sbornik statei [Diplomacy and wars of tsarist Russia in the 19th century: collection of articles.]. M. [in Russian]

[Russkii invalid, 1877](#) – *Russkii invalid*. 1877. [in Russian]

[Tsvizhba, 2000](#) – *Tsvizhba L.I.* (2000). Etno-demograficheskie protsessy v Abkhazii v XIX v. [Ethno-demographic processes in Abkhazia in the 19th century]. Sukhum. [in Russian]

[Zhelobov, 2017](#) – *Zhelobov V.N.* (2017). Kubanskoe kazach'e voisko v Rusko-Turetskoi voine 1877-1878 gg. [Kuban Cossack army in the Russo-Turkish war of 1877-1878]. Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Krasnodar. [in Russian]

Русско-турецкая война 1877–1878 гг.: боевые действия на территории Черноморского округа

Константин Викторович Таран ^{a, b, *}, Сергей Давыдович Людвиг ^c

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматриваются боевые действия на второстепенном участке боевых действий в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг., а именно на территории Черноморского округа. Обращено внимание авторов на соотношение сторон, диспозицию, а также некоторые характерные особенности ведения боевых действий.

В качестве материалов применялся целый комплекс разнообразных источников: архивные источники, источники личного происхождения – воспоминания участников событий, периодическая печать, справочная литература.

В решении исследовательских задач применялся принцип историзма, который позволил сделать комплексный анализ дореволюционных источников и историографии, относящихся к боевым действиям на территории Черноморского округа в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг., что предполагает применение также и других методов в их совокупности и взаимосвязи, а именно проблемно-хронологического, системно-структурного и сравнительно-исторического.

В заключении авторы приходят к выводу, что в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Черноморском театре военных действий Османская империя основную надежду возлагала на применение на своей стороне черкесских и абхазских махаджиров. Предполагалось, что их прибытие в составе турецкого десанта вызовет всеобщее восстание горского населения, что приведет к свержению русского военного присутствия в регионе. В зоне действия турецкого флота действительно наблюдалась повышенная активность горского населения. Однако распространиться на закубанскую территорию восстание не смогло, благодаря заблаговременно принятым мерам русского командования. Несмотря на достигнутые некоторые успехи (захват практически всей прибрежной территории Абхазии), судьба турецкого десанта была предрешена, а поражение десанта под Сочи оказало деморализующее влияние на восставших, и их наступательный порыв начал падать.

Ключевые слова: русско-турецкая война 1877–1878 гг., Черноморский округ, боевые действия, Сочи, Абхазия, десант.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: taran.constantin@yandex.ru (К.В. Таран),
ludwigo8@rambler.ru (С.Д. Людвиг)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1255-1263. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1255
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Locking Device of the Kalita Moneybag at the Late Middle Ages (According to the Materials of the Settlement Isker – the Capital of the Siberian Khanate)

Aleksandr A. Adamov ^{a, *}

^aTobolsk Complex Scientific State of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

In the 1880s, a Tobol artist and local historian M.S. Znamensky discovered an attachable lock and a buckle made of a non-ferrous metal. They came from the Isker settlement, the ancient capital of the Khanate of Siberia, near the mouth of the Tobol River.

Belts with attachable pouches substituting pockets were common elements of the medieval East-European attire. This leather purse was called either “kalita” or “moshna”. Attachable locks and buckles were essential elements of the moneybag. They would go to the bottom of the bag, with a pad with a hook or buckle attached to the outer flap. The Isker lock included a pad with a hook, a cast square case riveted to the purse, a deadbolt and a brass V-shaped spring. The lock would open by rotating a key rested against the lock plate and pushing the deadbolt with the key bit.

The buckle included a punched near-square case and a rectangular staple which was lost. The case had a slot for the staple attached to the outer flap. The deadbolt was connected to the button on the outer side of the buckle. To prevent rotation, the deadbolt was restrained by a perpendicular plate with a slot for a latch inside the case. The latch would open and close by simply pushing the button. To prevent random opening, a V-shaped spring was holding the deadbolt in its extreme position. The Isker latch had a secret mechanism, and nobody could open it without knowing it. The stops on both sides of the deadbolt were connected to the buttons. When the buckle was closed, rotating the stops to the deadbolt would get them stuck in its cuts, making it impossible to move the deadlock and open the buckle.

Surely, similar items were quite common in Eastern Europe and were exported to the capital of the Khanate of Siberia, either with merchants or by trading. Moneybags were attributes of wealthy citizens who had to protect their savings from thieves.

Keywords: Settlement of Kuchum, Isker, attachable lock, buckle with a secret, kalita moneybag.

1. Введение

Важным элементом одежды в средневековой Руси был пояс, к которому крепили различные необходимые вещи. Одним из таких аксессуаров являлись сумочки, которые заменяли карман. Кожаные сумки назывались калитой или мошной. У русских, в отличие, например, от немцев, такие сумочки часто богато украшались (Рабинович, 1986: 85). Подробно изучить средневековые кошельки и сумки стало возможно после начала работ по археологическому изучению Новгорода. При рассмотрении кожевенного и сапожного ремесла Новгорода Великого С.А Изюмова выделила несколько видов кошельков и отличающихся от них большими размерами сумок (Изюмова, 1959: 218-220). Позднее такое же деление кошельков и сумок на новых материалах было подтверждено Е.А. Рыбиной (Рыбина, 1997: 46). Новгородским средневековым изделиям из кожи – чехлам, футлярам и сумкам были посвящены статьи и кандидатская диссертация Т.С. Матехиной (Варфоломеевой) (Варфоломеева, 1997; Матехина, 2003; Матехина, 2009). При рассмотрении сумок

* Corresponding author

E-mail addresses: adamowaa@yandex.ru (A.A. Adamov)

ею было выделено несколько форм: «сумки малые», украшенные с передней стороны тулова и клапана стилизованным растительным орнаментом; «сумки большие» с богато украшенными тисненными клапанами»; «сумки из толстой кожи, с вшивными боковинами; «сумки с широкими петлями для подвешивания на поясе» (Матехина, 2009: 19). Исследователь опубликовала и краткие данные о случайно найденной сумке, внутри которой находились монеты первой пол. XVI в. и письменный прибор (Варфоломеева, 1997: 109). Клапан сумки, украшенный бронзовыми накладками, закрывался на бронзовый замочек (Варфоломеева, 1997: 110, рис. 2, 4). К сожалению, устройство накладного замочка в статье не рассмотрено. Кожаная сумка XVI в., на которой сохранились остатки запорного устройства, была обнаружена в Московском Кремле. Однако по опубликованному фото невозможно понять, что из себя представляло запорное устройство (Макаров, Панова, 2010: 253, ил. 6).

Достаточно подробно была рассмотрена кожаная сумка, обнаруженная при археологических исследованиях в Пскове в слое первой половины XVII в. (Васильев, 2014). Однако на сумке отсутствовал запорный механизм, но на коже остались следы от четырех заклепок (Васильев, 2014: 78, рис. 3, 2). Исследователь в поисках аналогий запорному устройству обратился к материалам Прибалтики, где в погребениях сохранились остатки близких по форме кошельков-сумок с запорным механизмом, застегивающихся круговым движением (Васильев, 2014: 79, рис. 4), тем более что в Пскове была найдена литейная форма от подобной застежки (Васильев, 2014: 80, рис. 5). Кроме Пскова, детали запорного механизма подобного типа были обнаружены в Москве (Археология Романова двора, 2009: 388, рис. 142, 14), Московской области (Пронин, Прошкин, 2017а: 145, рис. 4, 2; Пронин, Прошкин, 2017б: 136, рис. 10, 11), Твери, где датируется XVI в. (Солдатенкова, 2008: 158, рис. 4, 8; Рудников, 2018: 143, рис. 3), в Переяславле Рязанском (Фатюнина, 2013: 194, рис. 1, 17; Фатюнина, Судаков, 2013: 233, рис. 5, 20), в Звенигороде (Гапуло, 2012: 283, рис. 1; 2), в Белоруссии (Археалагічныя знаходкі, 2010: 146, № 253, с. 151, №263, с. 155, № 270).

Находки поясных сумок в погребениях из Прибалтики достаточно часты и опубликованы в ряде работ. Запорные механизмы на таких сумках представлены как застежками, закрывающимися круговым движением (Берга, 2001: 426, 427, рис. 6; 7; Rickevičiūtė, 2003: 184, pav. 62, 68, 69, 73, 84-86; Svetikas, 2003: 250, pav. 13,4; 15,3; 16,2; 20,5; 22,2; 24,2; 26,2; 27,2; 29,4), так и на булавку (Svetikas, 2003: 241, pav. 1).

В докторской диссертации А.В. Курбатов, посвященной кожевенному ремеслу в средневековой России, были выделены кошельки, к которым были отнесены вместилища для хранения торгового инвентаря и денег, для которых единым признаком является закрывающийся вверх – при помощи клапана или металлического замка. Из выделенных групп обращают на себя внимание кошельки-калита – сравнительно крупные сумки с клапаном, носимые на поясе (Курбатов, 2012: 32). Нужно отметить, что распространенные в Восточной Европе и Прибалтике застежки от кожаных сумок существенно отличаются от распространенных в Западной Европе сумок-омоньеров, не имевших подобных запоров и изредка попадавших и в русские города (Курбатов, 2015).

2. Материалы и методы

Городище Искер (Кучумово городище) – столица Сибирского ханства – расположено на р. Иртыш в 17 км выше по течению от устья р. Тобол. В 80-х годах XIX в. в основном из находок на городище сформировал свою коллекцию тобольский художник-краевед М.С. Знаменский. Эта коллекция хранится в Финляндии (Адамов и др., 2008: 10, 18), а в Тобольском музее-заповеднике – его альбом с акварельными рисунками собранных им предметов. Огромная коллекция, насчитывающая около 2500 предметов, происходящих с Искера, долгие годы очень слабо использовалась для изучения материальной культуры сибирских татар. А ведь если судить, только по акварельным рисункам М.С. Знаменского, которые охватывают чуть более 20 % собранных им артефактов, в коллекции представлены уникальные находки, не имеющие аналогий в коллекциях, хранящихся в Тобольске, Омске, Казани. В работе рассмотрены изготовленные из цветного металла запоры от кожаных сумок, представленных в альбоме рисунков.

Методологическим основанием научных исследований стали принципы историзма, объективности, системный подход. При анализе и интерпретации находок применялись следующие методы: классификационный, типологический, сравнительно-типологический, датированных аналогий.

3. Обсуждение

Как мы видим, в научно-исследовательской литературе были охарактеризованы только два вида застежек от кожаных сумок, в то же время замки какого-либо описания не получили, хотя они были распространены в землях восточных славян в позднем средневековье. К сожалению, в публикациях подобные находки представлены единичными случаями (Варфоломеева, 1997: 110, рис. 2, 4; Харлашов, 2015: 431, рис. 7, 21). Постараемся заполнить образовавшийся пробел в специализированной литературе на основании замка и застежки с городища Искер.

Не так давно вышла монография, посвященная столице Сибирского ханства, в которой охарактеризован материал, хранящийся в Тобольском музее-заповеднике и собранный в конце XIX–

XX вв. Один из авторов монографии – А.П. Зыков – так охарактеризовал выделенный им третий тип неподвижных (нутряных) замков: «Цельнометаллические нутряные замки с железным пружинным механизмом, встроенным в бронзовый или железный корпус, склепанный из двух створок и прикрытый с лицевой стороны замочной металлической личиной-накладкой» (Зыков и др., 2017: 255). Исследователь так охарактеризовал назначение замков этого типа: «Абсолютное большинство искерских нутряных металлических замков и ключей были небольших размеров и годились для запираания сундуков и ларцов» (Зыков и др., 2017: 255). В тип 3 А.П. Зыковым были включены и два запорных устройства, изготовленных из цветного металла, известных по рисункам М.С. Знаменского (Зыков и др., 2017: рис. 27, 35-38) и публикации А.М. Таллгрена (Tallgren, 1922: pl, III, 14), которые являются не чем иным, как накладными запорными устройствами от кожаных сумок.

Далее подробно разберем устройство двух запоров с городища Искер, которые по своим конструктивным особенностям и назначению существенно отличаются от описания А.П. Зыкова. Для подробной характеристики находок с городища Искер мы привлечем два аналогичных запора, хранящихся в коллекции Тобольской комплексной научной станции и происходящих из случайных находок в Московском регионе. Рисунки и реальные находки, дополняя друг друга, позволяют тщательным образом описать устройство запоров для кожаных сумок, тем более что какое-либо описание устройств, подобных обнаруженным на Искере, в научно-исследовательской литературе отсутствует.

4. Результаты

Два металлических запора из цветного металла, обнаруженных на Искере, несмотря на их внешнее сходство и принадлежность к запорным устройствам от кожаных сумок, можно отнести к разным типам устройств. Первый тип представляет собой цельнометаллический замок, ригель которого перемещается с помощью ключа. Именно ключ и позволяет называть такой запор замком (по С.И. Ожегову). Второй тип представлен застежкой, ригель которой перемещается вручную. К этому же типу, но к другим вариантам относятся и описанные в литературе застежки – закрывающиеся как движением по кругу запорной кнопки, прикрепленной к внешнему карману сумки (Берга, 2001: 426, рис. 6), так и закрывающиеся на булавку (Svetikas, 2003: 241, pav. 1,3).

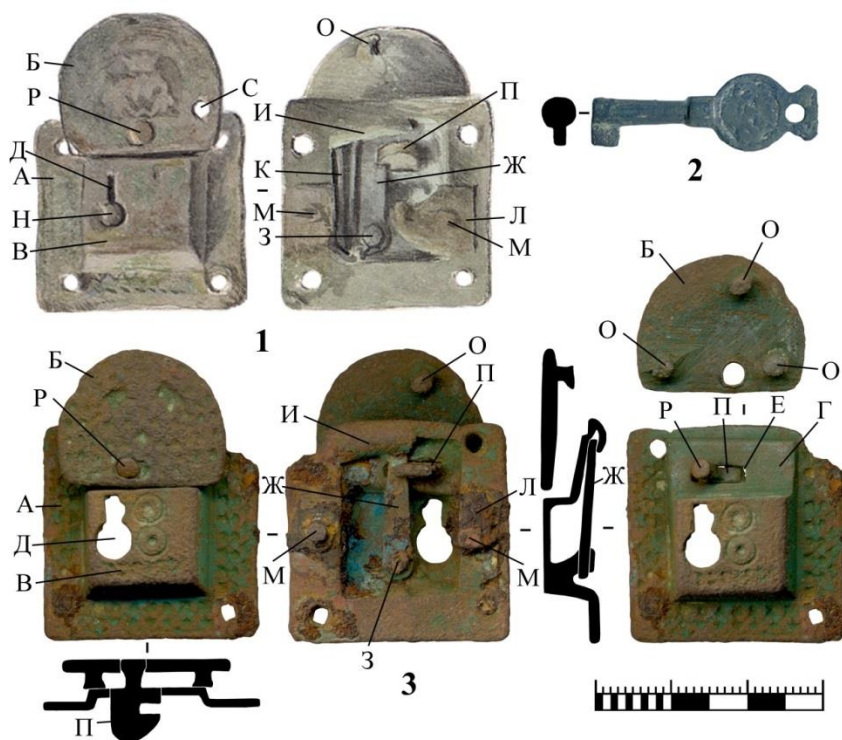

Рис. 1. Поворотный ключ и замки для кожаных сумок.

1, 2 – Искер, 3 – Московский регион

а – корпус замка, б – накладка на крышку сумки, в – большой выступ на корпусе, г – малый выступ на корпусе, д – замочная скважина, е – отверстие для запорного крюка, ж – ригель, з – заклепка для ригеля, и – ниша для ригеля, к – пружина, л – пластина, м – заклепка для пластины, н – штырь для ключа, о – штифты для крепления, п – запорный крюк, р – заклепка запорного крюка, с – отверстие от заклепок.

Тип 1 – медный (скорее всего латунный) замок с ригелем, латунной V-образной пружиной и поворотным ключом. Известен по рисунку М.С. Знаменского (Зыков и др., 2017: рис. 27, 35, 36). Замок сохранился полностью (Рис. 1, 1). Состоит из корпуса квадратной формы размером 2,8 x 2,8 см (рис. 1, 1, а) и полуовальной накладке с запорным крючком (Рис. 1, 1, б). Аналогичный замок, обнаруженный в Московском регионе, имеет квадратный корпус размером 2,9 x 2,9 см (Рис. 1, 3, а). Оба замка крепились к сумке на четыре заклепки, о чем свидетельствуют отверстия в корпусе. Замок из Подмосковья крепился на железные заклепки. Корпуса замков литые, с разноразмерным выступом по центру. Высота наибольшего выступа составляет 6,17 мм (Рис. 1, в), наименьшего – до 3,49 мм (Рис. 1, г). Соответственно выступам с обратной стороны замка имеются углубления. В большем углублении находится отверстие для поворотного ключа (Рис. 1, д), в меньшем – прямоугольное отверстие для запорного крючка (Рис. 1, е).

Ригель в замках представляет собой подпрямоугольную пластину с отверстием на одном из концов (Рис. 1, ж), закрепленную на заклепку (Рис. 1, з). Другой конец ригеля находится в нише, созданной за счет загибания пластины (Рис. 1, и). При отливке в форме с этого края должен был отливаться перпендикулярный выступ, который затем загибался, за счет чего и образовывалась ниша. С правой стороны от ригеля в замке с Искера находится латунная V-образная пружина (Рис. 1, к). Загнутым концом она свободно лежит рядом с ригелем, а разведенные пружинистые концы входят в ту же нишу, что и ригель. За счет пружины ригель всегда отклоняется в правую сторону. В замке из Подмосковья пружина отсутствовала.

Еще одной деталью таких замков является пластина, закрывающая часть замка с внутренней стороны. На замке с Искера она была латунная, частично обломанная (Рис. 1, 1, л), крепившаяся на две заклепки с разных сторон (Рис. 1, 1, м). На замке из Подмосковья на латунных заклепках (Рис. 1, 3, м) крепилась железная пластина, от которой сохранился небольшой фрагмент и окислы (Рис. 1, 3, л). Пластины служили упором для поворотного ключа. При этом на пластину с Искера был приклепан штырек (Рис. 1, 1, н), свидетельствующий о том, что ключ к замку имел полый стержень.

Еще одной составляющей частью подобных замков являлись полуовальные накладки с запорным крючком, крепившиеся к внешнему клапану сумки (Рис. 1, а). Накладка из Подмосковья крепилась к клапану с помощью трех штифтов (Рис. 1, 3, о). Запорный крючок (рис. 1, п), как и на замке с Искера, крепился к накладке с помощью заклепки (Рис. 1, р). Запорный крючок на замках имел овальный или подтреугольный конец (Рис. 1, п), который помогал при закрытии смещать ригель влево, сжимая пружину. Затем ригель попадал в уступ крючка и за счет пружины сдвигался вправо, осуществляя тем самым закрытие сумочки. Открыть замок можно было ключом, который упирался в пластину и при повороте ключа направо бородок, давя на ригель, заставлял последний отклониться, освобождая запорный крючок.

Замки, фотографии которых опубликованы, отличаются рядом деталей от замка с Искера. Замок из Пскова (Харлашов, 2015: 431, Рис. 7, 21) по своему внутреннему устройству полностью аналогичен рассмотренным нами замкам, но отличается наличием устройства с секретом, с помощью которого перекрывалась замочная скважина. Это достигалось тем, что большой выступ на корпусе отливался с замочной скважиной и дополнительными высокими стенками по краю, а затем выступ закрывали дополнительной крышкой, крепившейся на заклепках. В крышке имелись замочная скважина и еще одно отверстие (иногда их было несколько). Таким образом, в большом выступе образовывалась полость, в которую помещали плоскую медную пластинку (или несколько) с нанесенными на нее углублениями. Дополнительное отверстие давало возможность передвигать пластину так, что она, сдвигаясь, перекрывала замочную скважину. Поэтому, чтобы открыть замок, нужно было предварительно сдвинуть пластинку и открыть отверстие. Исследователи, опубликовавшие рисунок псковского замка, и не подозревали о внутренней полости с подвижными пластинами (Салмина и др., 2016: 126, Рис. 2, 7).

Замок из Новгорода, судя по форме замочной скважины (Варфоломеева, 1997: 110, рис. 2, 4), имел два ригеля и две пружины, расположенные с разных сторон замочной скважины. Он открывался ключом с двумя бородками. Кроме того, два дополнительных отверстия на крышке свидетельствуют о наличии секрета, с помощью которого перекрывали замочную скважину. И чтобы открыть отверстие для ключа, нужно было знать последовательность передвижения пластин в полости большого выступа замка.

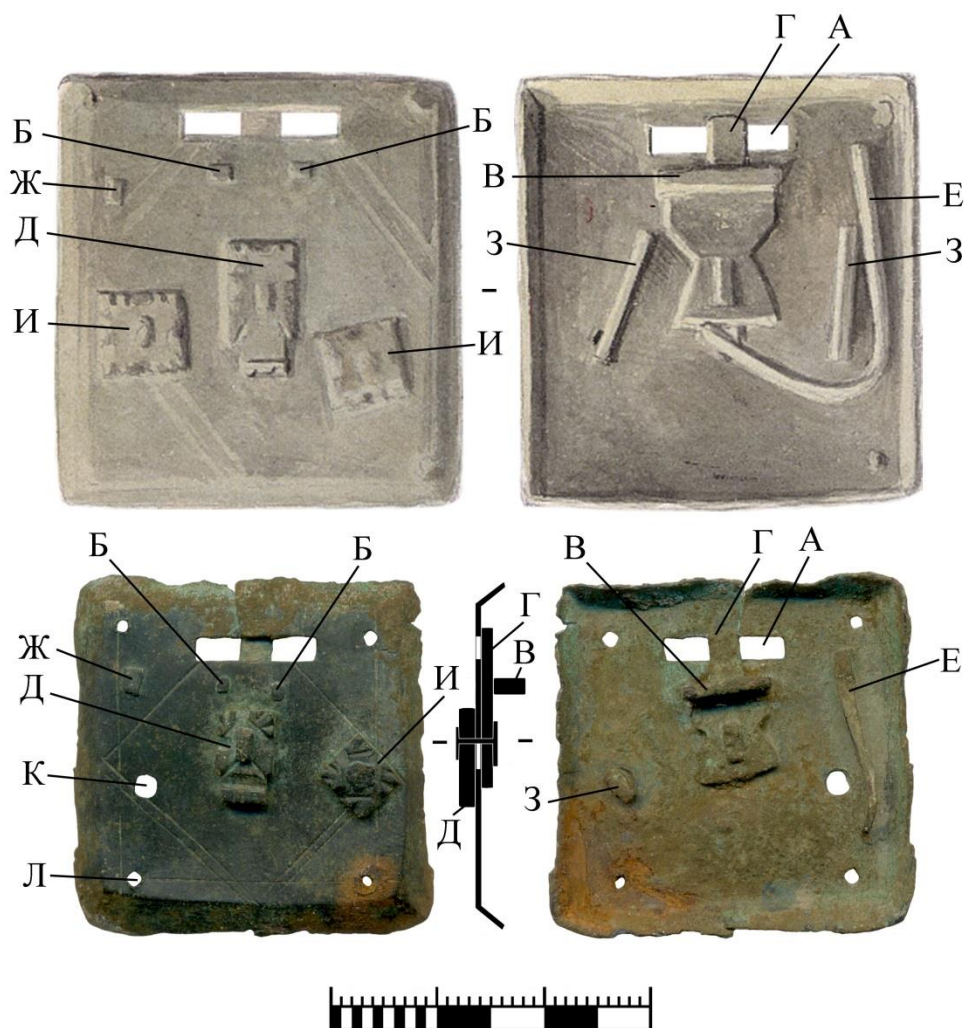

Рис. 2. Застежки для кожаных сумок

1 – городище Искер, 2 – Коломенский район Московской области.

а – прорезь для запорной скобки, б – заклепки для крепления пластины с отверстием для ригеля, в – пластина с прорезью для ригеля, г – ригель, д – кнопка ригеля, е – пружина, ж – заклепка для крепления пружины, з – упоры, и – кнопки упоров, к – отверстие для крепления упора к кнопке, л – отверстия для крепления корпуса на заклепки.

Кроме замка, на Искере был обнаружен и поворотный ключ к замкам первого типа (Адамов и др., 2006: 243, рис. 1, 5). Его размеры 3 x 1 см, и он изготовлен из цветного металла (Рис. 1, 2). Интересно, что замочная скважина на рассмотренных нами замках ориентирована отверстием для бородка вверх (если смотреть на замок с лицевой стороны), тогда как на врезных замках она обычно ориентирована наоборот. Мастера учитывали, что сумка висела на поясе и открывал замок хозяин, смотря на него сверху вниз, держа при этом ключ по привычке бородком вниз. Аналогичные ключи от замков обнаружены в Белоруссии (Археалагічныя знаходкі, 2010: 157-159, № 275-278).

Тип 2 – медная (скорее всего латунная) застежка с секретом (Зыков и др., 2017: рис. 27, 37, 38; Tallgren, 1922: pl, III, 14). На Искере обнаружен корпус размером 3,8 x 4,1 см с абсолютно целым механизмом застежки от сумки-калиты (Рис. 2, 1). Аналогичный запор из Коломенского района Московской области имеет квадратный корпус размером 3,4 x 3,4 см и толщиной пластины 0,83 мм (рис. 2, 2). Корпуса застежек с Искера и из-под Коломны изготовлены штамповкой. Оба корпуса крепились к сумке на четыре штифта, расположенных по углам корпусов. В корпусах имелась прорезь (рис. 2, а), в которую вставлялась прямоугольная скобка, крепившаяся на внешнем клапане сумки. С внутренней стороны корпуса застежки, вдоль прорези, перпендикулярно к корпусу, на заклепках (Рис. 2, б) крепилась прямоугольная пластина с прорезью для ригеля (Рис. 2, в). Ригель сложной формы (Рис. 2, г), с длинным языком, скреплен с помощью заклепки с прямоугольной формы кнопкой (Рис. 2, д), расположенной на внешней стороне застежки. Открытие и закрытие защелки

осуществлялось давлением, возвратно поступательными движениями, на кнопку. Кнопкой сдвигали язычок ригеля, который не позволял вытащить прямоугольную скобку на клапане сумки из прорези защелки. Для того чтобы защелка не открывалась произвольно, ригель в крайнем положении удерживает V-образная латунная пружина (Рис. 2, е), приклепанная к корпусу с помощью заклепки (рис. 2, ж) с левой стороны. Часть пружины сохранилась и на защелке из Коломенского района (Рис. 2, зе).

У застежек с Искера и Коломенского района в конструкции предусмотрен механизм, без знания о котором невозможно открыть застежку. Этот секрет хорошо прослеживается на застежке из Искера. Он представлен двумя прямоугольными отрезками латунной проволоки – упорами (Рис. 2, з), скрепленными с двумя прямоугольными кнопками (Рис. 2, и) на лицевой стороне застежки с помощью заклепок. Поворачивая кнопки, вращаются по часовой оси и упоры. Поворот упоров к ригелю приводил к тому, что они попадали в вырезы на ригеле, и это не позволяло его сдвинуть и открыть застежку. Только развернув упоры в обратные стороны, было возможно открыть подобную застежку. Опубликованные аналогии подобной застежки отсутствуют.

5. Заключение

Таким образом, находки с Искера свидетельствуют о том, что население города использовало кожаные сумки, снабженные замками и застежками. Подобные сумки являлись атрибутом зажиточного горожанина или купца. Безусловно, аналогичные изделия были распространены в Восточной Европе, откуда кожаные сумки и доставлялись в столицу Сибирского ханства. Сумки с замками и застежками попадали в Искер в результате торговых операций или вместе с купцами как непереносимые атрибуты зажиточных горожан, вынужденных предохранять свои сбережения от быстрого и незаметного проникновения. Обнаруженные на Искере замок, ключ и застежку можно датировать в пределах XVI века. Эта датировка хорошо согласуется с датировкой началом XVI в. сумки, обнаруженной в Новгороде (Ворфоломеева, 1997: 110, рис. 2, 4). Судя по всему, сумки с подобными запорами прекращают свое бытование в XVII в. Обнаруженные на Искере замок и застежка по устройству запорного механизма являются самыми простыми в ряду нам известных механизмов для закрывания кожаных сумок, имевших широкое хождение в Восточной Европе.

Литература

- Адамов и др., 2006 – Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Разведочные работы в устье реки Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. XII. Ч. 1. С. 242-248.
- Адамов и др., 2008 – Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск, 2008. 114 с.
- Археологічні знахідки, 2010 – Археологічні знахідки з асабістай калекції С. Л. Міхейкі. Каталог. Національний Полацький історико-культурний музей-заповідник. Полоцьк, 2010. 176 с.
- Археология Романова двора, 2009 – Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках. М.: ИА РАН, 2009 (Материалы охранных археологических исследований. Т. 12. 524 с.
- Берга, 2001 – Берга Т. Литовские элементы в кладбищах Августинишки и Слутишки XIV – начала XVII века // *Lietuvos archeologija*. 2001. Т. 21. Р. 421-430.
- Ворфоломеева, 1997 – Ворфоломеева Т.С. Средневековые кожаные футляры для торгового инвентаря / *Новгород и Новгородская земля: История и археология: (Материалы научной конференции. Новгород, 26–30 января 1997 г.)*. Новгород, 1997. Вып. 11. С. 105-114.
- Васильев, 2014 – Васильев М.А. Кожаная сумка из Петровского XI раскопа в Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 29. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 75-81.
- Гупало, 2012 – Гупало В. Один різновид застібок до шкіряної сумки з літописного Звенигорода // Фортеця: збірник заповідника “Тустань”. Львів. Колір ПРО, 2012. С. 427-436.
- Зыков и др., 2017 – Зыков А.П., Косинцев П.А., Трепавлов В.В. Город Сибирь – городище Искер (историко-археологическое исследование). Москва: Издательство Наука–Восточная литература, 2017. 559 с.
- Изюмова, 1959 – Изюмова С.А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // *Материалы и исследования по археологии СССР*. 1959. № 65. С. 192-222.
- Курбатов, 2012 – Курбатов А.В. Кожевенное ремесло в средневековой России. Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 2012. 53 с.
- Курбатов, 2015 – Курбатов А.В. Сумки-омоньеры в русских средневековых городах // *Археологические вести*. 2015. Вып. 21. С. 283-291.
- Макаров, Панова, 2010 – Макаров Н.А., Панова Т.Д. Археологические исследования на территории Московского Кремля в 2007 году // *Материалы и исследования. Федеральное гос. учреждение культуры «Гос. ист.-культур. музей-заповедник Московский Кремль»*. М., 2010. С. 247-255.
- Матехина, 2003 – Матехина Т.С. Средневековые кожаные кошельки // *Нумизматика*. М., 2003. Октябрь. С. 7-16.

- Матехина, 2009** – Матехина Т.С. Кожаные изделия средневекового Новгорода: чехлы, футляры, сумки. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009. 24 с.
- Пронин, Прошкин, 2017а** – Пронин Г.Н., Прошкин О.Л. Селище 3 «Аэропорт Домодедово» (Московская область) // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016. Материалы спасательных археологических исследований. Том 19. М.: Институт археологии РАН, 2017а. С. 144-151.
- Пронин, Прошкин, 2017б** – Пронин Г.Н., Прошкин О.Л. Селище Микулино 7 (предварительные итоги) (Московская область, Лотошинский район) // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016. Материалы спасательных археологических исследований. Том 19. М.: Институт археологии РАН, 2017б. С. 132-137.
- Рабинович, 1986** – Рабинович М.Г. Одежда русских XIII–XVIII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., Наука, 1986. С. 63-111.
- Рудников, 2018** – Рудников С.А. О находках монет XVI в. из средневековой постройки на территории Затьмацкого посада г. Твери (по материалам раскопок 2014 г.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 11. Тверь, 2018. С. 141-147.
- Рыбина, 1997** – Рыбина Е.А. Изделия из кожи // Древняя Русь. Быт и культура. Москва: Изд-во «Наука», 1997. С. 46-47.
- Салмина и др., 2016** – Салмина Е.В., Салмин С.А., Подгорная Р.Г., Михайлов А.В. Особенности состава вещевого комплекса с территории Нового Тогра Пскова (по материалам раскопок 2005–2013 гг.) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова: Материалы 61-го заседания. Вып. 31. М.: ИА РАН, 2016. С. 123-124.
- Солдатенкова, 2008** – Солдатенкова В.В. Металлические детали одежды и украшения в городском костюме XV–XVI вв. (По материалам раскопа 56 на территории Затьмацкого посада г. Твери) // КСИА, Вып. 222, 2008. С. 153-169.
- Фатюнина, 2013** – Фатюнина О.И. Изделия из цветных металлов Житного раскопа Переяславля Рязанского (2004–2011) // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 2. Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2013. С. 189-225.
- Фатюнина, Судаков, 2013** – Фатюнина О.И., Судаков В.В. Изделия из цветных металлов на Верхнем посаде г. Переяславля Рязанского // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 2. Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2013. С. 226-242.
- Харлашов, 2015** – Харлашов Б.Н. Археологические раскопки возле церкви Георгия со Взвоза в Пскове в 2013 году // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова: Материалы 60-го заседания. Вып. 30. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2015. С. 29-39.
- Svetikas, 2003** – Svetikas E. Tretininkų odiniai kapšeliai: jų apkalų tipologija, chronologija ir simbolika // Lietuvos archeologija. 2003. T. 24. P. 241-266.
- Rickevičiūtė, 2003** – Rickevičiūtė K. Karmelavos senkapis (1998–2000 m. tyrinėjimai) // Lietuvos archeologija. 2003. T. 24. P. 161-228.
- Tallgren, 1922** – Tallgren A.M. Catalogue de la collection de M. Znamenski: Antiquités de la Sibéria occidentale conservées au Musée national de Finlande. Suomen Muinais muistoyhdistyksen aikakauskirja. XXIX: 4. Helsinki – Helsingfors, 1922. P. 2-29. Pl. I-VI.

References

- Adamov et al., 2006** – Adamov A.A., Balyunov I.V., Danilov P.G. (2006) Razvedochnye raboty v ust'e reki Sibirki [Mouth of the Sibirka River exploration]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii. Novosibirsk. Vol. 12(1). pp. 242-248. [in Russian]
- Adamov et al., 2008** – Adamov A.A., Balyunov I.V., Danilov P.G. (2008) Gorod Tobol'sk. Arkheologicheskii ocherk [Tobolsk: the Archaeological essay]. Tobol'sk. 114 p. [in Russian]
- Arkhealagichnyya znakhodki, 2010** – Arkhealagichnyya znakhodki z asabistai kalektsyi S. L. Mikheiki (2010). [Archaeological artifacts from the private collection S.L. Mikheiki]. Katalog. Natsyonal'ny Polatski gistoryka-kul'turny muzei-zapavednik. Polotsk. 176 p. [in Russian]
- Arkheologiya Romanova dvora, 2009** – Arkheologiya Romanova dvora: predystoriya i istoriya tsentra Moskvyy v XII–XIX vekakh (2009) [Archaeology of Romanov Yard: Prehistory and history of Moscow center in 12th – 19th centuries]. Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy. Vol. 12. M. 524 p. [in Russian]
- Berga, 2001** – Berga T. (2001). Litovskie elementy v kladbishchakh Avgustinishki i Slutishki XIV – nachala XVII veka [Lithuanian elements in graveyards of Augustiniški and Slutiški of the 16th – early 17th centuries]. Lietuvos archeologija. Vol. 21. p. 421-430. [in Russian]
- Fatiunina, 2013** – Fatiunina O.I. (2013). Izdeliya iz tsvetnykh metallov Zhitnogo raskopa Pereyaslavlya Ryazanskogo (2004-2011) [Non-ferrous metal artefacts found in the Zhitnoye excavations in Pereyaslavl Ryazansky (2004-2011)]. Materialy po arkheologii Pereyaslavlya Ryazanskogo. Vyp. 2. Ryazan'. pp. 189-225. [in Russian]
- Fatyunina, Sudakov, 2013** – Fatyunina O.I., Sudakov V.V. (2013). Izdeliya iz tsvetnykh metallov na Verkhnem posade g. Pereyaslavlya Ryazanskogo [Non-ferrous metal artefacts from Verkhny Posad in

- Pereyasavl Ryazansky]. *Materialy po arkheologii Pereyaslavlya Ryazanskogo*. Vyp. 2. Ryazan'. pp. 226-242. [in Russian]
- Gupalo, 2012** – *Gupalo V.* (2012). *Odin riznovid zastibok do shkirianoï sumki z litopisnogo Zvenigoroda* [A type of leather bag buckles from the annalistic Zvenigorod]. *Fortetsya: zbirnik zapovidnika "Tustan"*. L'viv. pp. 427-436.
- Izyumova, 1959** – *Izyumova S.A.* (1959). *K istorii kozhevennogo i sapozhnogo remesel Novgoroda Velikogo* [On the *history of leather-working* and shoe-making in Veliky Novgorod] *MIA*. № 65. pp. 192-222. [in Russian]
- Kharlashov, 2015** – *Kharlashov B.N.* (2015). *Arkheologicheskie raskopki vozle tserkvi Georgiya so Vzvoza v Pskove v 2013 godu* [Archaeological Excavations near the Church of St. George "On the Vzvoz" in Pskov in 2013]. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoi zemli*. Seminar imeni akademika V.V. Sedova: *Materialy 60-go zasedaniya*. Vyp. 30. M. pp. 29-39. [in Russian]
- Kurbatov, 2012** – *Kurbatov A.V.* (2012) *Kozhevennoe remeslo v srednevekovoi Rossii* [*Leather-working craft in medieval Russi*]. Abstract of thesis on competition of a scientific degree of the doctor of historical Sciences. SPb. 53 p. [in Russian]
- Kurbatov, 2015** – *Kurbatov A.V.* (2015). *Sumki-omon'ery v russkikh srednevekovykh gorodakh* [Bags-mongery in Russian medieval cities]. *Arkheologicheskie vesti*. Vyp. 21. pp. 283-291. [in Russian]
- Makarov, Panova, 2010** – *Makarov N.A., Panova T.D.* (2010) *Arkheologicheskie issledovaniya na territorii Moskovskogo Kremlya v 2007 godu* [Archaeological explorations on the territory of the Moscow Kremlin in 2007]. *Materialy i issledovaniya*. Federal'noe gos. uchrezhdenie kul'tury «Gos. ist.-kul'tur. muzei-zapovednik Moskovskii Kreml'» M. pp. 247-255. [in Russian]
- Matekhina, 2003** – *Matekhina T.S.* (2003) *Srednevekovye kozhanye koshel'ki* [Medieval leather wallets]. *Numizmatika*. Oktyabr'. pp. 7-16. [in Russian]
- Matekhina, 2009** – *Matekhina T.S.* (2009). *Kozhanye izdeliya srednevekovogo Novgoroda: chekhly, futlyary, sumki* [*Leather products of medieval Novgorod: cases, cases, bags*]: dis. ... kand. ist.nauk. M. 24 p. [in Russian]
- Pronin, Proshkin, 2017a** – *Pronin G.N., Proshkin O.L.* (2017a) *Selishche 3 «Aeroport Domodedovo» (Moskovskaya oblast')* [Settlement 3 at Domodedovo Airport (Moscow Region)]. *Goroda, poseleniya, nekropoli*. *Raskopki 2016*. *Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy*. Vol. 19. M. pp. 144-151. [in Russian]
- Pronin, Proshkin, 2017b** – *Pronin G.N., Proshkin O.L.* (2017b). *Selishche Mikulino 7 (predvaritel'nye itogi) (Moskovskaya oblast', Lotoshinskii raion)* [The settlement of Mikulino 7 (preliminary findings) (Moscow Region, Lotoshinsky District)]. *Goroda, poseleniya, nekropoli*. *Raskopki 2016*. *Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy*. Vol. 19. M. pp. 132-137. [in Russian]
- Rabinovich, 1986** – *Rabinovich M.G.* (1986). *Odezhda russkikh XIII–XVIII vv.* [Clothing of Russians of the 13th -17th centuries]. *Drevnyaya odezhda narodov Vostochnoi Evropy*. M. pp. 63-111. [in Russian]
- Rickevičiūtė, 2003** – *Rickevičiūtė K.* (2003). *Karmelavos senkapis (1998–2000 m. tyrinejimai)*. *Lietuvos archeologija*. Vol. 24. pp. 161-228.
- Rudnikov, 2018** – *Rudnikov S.A.* (2018). *O nakhodkakh monet XVI v. iz srednevekovoi postroiki na territorii Zat'matskogo posada g. Tveri (po materialam raskopok 2014 g.)* [Coins of the XVI Century Found in a Medieval Building on the Territory of Tver Zatmatsky Suburb (Based on Excavation Materials of 2014)]. *Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ya*. Vyp. 11. Tver'. pp. 141-147. [in Russian]
- Rybina, 1997** – *Rybina E.A.* (1997). *Izdeliya iz kozhi* [Leather products]. *Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura*. M. pp. 46,47. [in Russian]
- Salmina et al., 2016** – *Salmina E.V., Salmin S.A., Podgornaya R.G., Mikhailov A.V.* (2016). *Osobennosti sostava veshchevogo kompleksa s territorii Novogo Togra Pskova (po materialam raskopov 2005–2013 gg.)* [Characteristics of the composition of the ware complex from the territory of New Torg Pskov (on materials of excavations 2005-2013)]. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoi zemli*. Seminar imeni akademika V.V. Sedova: *Materialy 61-go zasedaniya*. Vyp. 31. M. pp. 123-124. [in Russian]
- Soldatenkova, 2008** – *Soldatenkova V.V.* (2008) *Metallicheskie detali odezhdy i ukrasheniya v gorodskom kostyume XV–XVI vv. (Po materialam raskopa 56 na territorii Zat'matskogo posada g. Tveri)* [Metal details and jewelry items of urban costume in the 15th – 16th cc. (based on materials from excavations of Dig No. 56 in the Zatmatsky suburb in Tver)]. *KSIA*, Vyp. 222. pp. 153-169. [in Russian]
- Svetikas, 2003** – *Svetikas E.* (2003) *Tretininkų odiniai kapšeliai: jų apkalų tipologija, chronologija ir simbolika*. *Lietuvos archeologija*. Vol. 24. pp. 241-266.
- Tallgren, 1922** – *Tallgren A.M.* (1922). *Catalogue de la collection de M. Znamenski: Antiquités de la Sibéria occidentale conservées au Musée national de Finlande*. *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja*. Helsinki – Helsingfors. Vol. 29, no. 4, pp. 1-29.
- Varfolomeeva, 1997** – *Varfolomeeva T.S.* (1997). *Srednevekovye kozhanye futlyary dlya torgovogo inventarya* [Medieval leather cases for the stock-in-trade]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya: Istoriya i arkheologiya: (materialy nauch. konf., Novgorod, 26 – 30 yanv. 1997 g.)*. Novgorod. Vyp. 11. pp. 105-114. [in Russian]

Vasil'ev, 2014 – Vasil'ev M.A. (2014). Kozhanaya sumka iz Petrovskogo XI raskopa v Pskove [Leather bag from Petrovsky XI dig in Pskov]. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoi zemli. Vyp. 29. M. pp. 75-81.* [in Russian]

Zykov et al., 2017 – Zykov A.P., Kosintsev P.A., Trepavlov V.V. (2017). Gorod Sibir – gorodishche Isker (istoriko-arkheologicheskoe issledovanie) [The City of Siberia – Isker Settlement (historical and archaeological research)]. M. 559 p.

Запорные устройства сумки-калиты в эпоху позднего средневековья (по материалам городища Искер – столицы Сибирского ханства)

Александр Александрович Адамов ^{a, *}

^aТобольская комплексная научная станция УрО РАН, Российская Федерация

Аннотация. В восьмидесятых годах XIX в. на городище Искер (столица Сибирского ханства), расположенного недалеко от устья реки Тобол, тобольским художником-краеведом М.С. Знаменским были обнаружены накладные замок и застежка из цветного металла. В публикации подробно рассмотрены их назначение и устройство.

Одним из элементов одежды в средневековой Восточной Европе были пояса, к которым крепили сумки, заменявшие карман. Кожаные сумки назывались калитой или мошной. Непременным атрибутом подобных изделий являлись накладные замки и застежки. Корпуса замков и застежек крепились к низу сумки, а накладка с запорным крюком или скобкой – к внешнему клапану сумки. Замок с Искера состоял из накладки с запорным крюком, литого квадратного корпуса, крепившегося к сумке на заклепках, ригеля, латунной V-образной пружины. Открывался замок поворотным ключом, который упирался в пластину с внутренней стороны замка и своим бородком надавливал на ригель.

Застежка состояла из штампованного подквадратной формы корпуса и прямоугольной скобки, которая не сохранилась. На корпусе имеется прорезь, в которую вставлялась прямоугольная скобка, крепившаяся на внешнем клапане сумки. Ригель был скреплен с кнопкой, находящейся на внешней стороне застежки. Чтобы ригель не поворачивался в разные стороны, он ограничивался перпендикулярной пластиной с отверстием для язычка, расположенной с внутренней стороны корпуса. Открытие и закрытие защелки осуществлялись простым давлением на внешнюю кнопку. Для того чтобы защелка не открывалась произвольно, ригель в крайнем положении удерживает V-образная латунная пружина. Застежка с Искера обладала секретом, без знания которого было невозможно ее открыть. С двух сторон от ригеля располагались упоры, скрепленные с кнопками, находящимися на внешней стороне застежки. Поворот упоров к ригелю (при закрытой застежке) приводил к тому, что они попадали в вырезы на ригеле, и это не позволяло его сдвинуть и открыть застежку.

Безусловно, аналогичные изделия были распространены в Восточной Европе, откуда кожаные сумки и доставлялись в столицу Сибирского ханства. Сумки с замками и застежками попадали в Искер в результате торговых операций или вместе с купцами. Они являлись атрибутом зажиточных горожан, вынужденных предохранять свои сбережения от кражи.

Ключевые слова: Кучумово городище, Искер, накладной замок, застежка с секретом, сумка-калита.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: adamowaa@yandex.ru (А.А. Адамов)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1264-1271. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1264
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Influence of Railways on the Development of the Settlement Network in Astrakhan Province (the last quarter of the XIX – beginning of the XX century)

Sergey S. Belousov ^{a, *}

^a Kalmyk scientific center of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the impact of railroads on the development of the settlement network in the Astrakhan province in the late XIX – early XX century. The article reveals the content of the process shown by the results described composition of immigrants, analysed the policy of the authorities in relation to rail migration, the peculiarities of the influence of railway's on the settlement network in different districts of the Astrakhan province.

The author notes that the appearance of railway transport introduced new features in the settlement process of Astrakhan province, while the formation of a settlement network along the railway tracks was a continuation of the previous policy of priority development of communication routes.

The influence that the railways had on the settlement network of the province, in different parts of it, was not the same. In the Kyrgyz inner horde, the settlement network expanded and new commercial and industrial centers appeared due to the railway, the same was observed in the area of salt fields on the Baskunchak and Elton lakes, in other areas of the road's passage, its influence was not so significant, or even almost unnoticeable. The degree of influence depended on the natural conditions, socio-economic level of development of a particular area and its density of settlement.

The population of railway stations was formed both by immigrants from other provinces and local residents. Among the settlers were many sectarians who spread propaganda of their teachings and managed to involve part of the Orthodox population in their societies, which in some localities led to their numerical dominance.

The construction of railways played a positive role in the development of the settlement structure. It contributed both to the expansion of the settlement network and to the influx of population to old-time settlements through or near which the railway lines passed.

Keywords: Astrakhan province, Railways, station settlements, late XIX – early XX century.

1. Введение

В 1881 г. в Астраханской губернии началось строительство железных дорог, в результате которого к 1917 г. были проложены 3 железнодорожные линии. Это событие имело положительное значение для развития губернии и затронуло различные сферы ее жизни.

В Астраханской губернии в силу обширности ее территории пути сообщения находились в зоне особого внимания властей и влияли на характер, тип и географию расселения, что в целом придавало своеобразию губернской поселенческой структуре.

Появление нового вида транспорта (железнодорожного) внесло новые черты в процесс заселения Астраханской губернии (торгово-промышленный характер новых поселений, увеличение среди переселенцев групп населения, не связанных с сельским хозяйством, крестьянской культурой и менталитетом), вместе с тем формирование поселенческой сети вдоль железных дорог являлось

* Corresponding author

E-mail addresses: sbelousovelista@mail.ru (S.S. Belousov)

продолжением традиционной для властей политики приоритетного освоения путей сообщения. Все это, безусловно, требует научного изучения и осмысления.

Помимо научного значения, исследование процесса влияния строительства железных дорог на развитие поселенческой сети важно в плане осмысления накопленного опыта в данном вопросе, который при определенной его корректировке может быть востребован властями при разработке проектов проведения железных дорог. Материалы, полученные в ходе исследования, также могут использоваться в сфере образования и в краеведческой работе.

Основной целью статьи является показать вклад железных дорог в развитие поселенческой сети в Астраханской губернии. В этой связи ставятся задачи: раскрыть содержание данного процесса, показать его результаты и оценить степень влияния на поселенческую сеть, дать характеристику состава переселенцев, проанализировать политику властей по отношению к железнодорожным миграциям, выявить особенности протекания данного процесса в разных районах Астраханской губернии.

2. Материалы и методы

Основными источниками написания статьи послужили материалы Астраханского губернского статистического комитета, опубликованные на страницах ежегодных памятных книжек и в специальных сборниках научных трудов. В них содержится богатый статистический материал, позволяющий проследить динамику численности населения железнодорожных поселков и ознакомиться с информацией об их инфраструктуре и роде занятий жителей.

В статье использованы материалы фонда № 794 (Астраханского управления земледелия и государственных имуществ), хранящиеся в Государственном архиве Астраханской области (ГААО). Архивные источники данного фонда содержат сведения о политике властей в отношении переселенцев, поселившихся в железнодорожных поселках, и об их административном, земельном и хозяйственном устройстве.

При проведении исследования автор опирался на принципы историзма, научного объективизма и системности, а методологической основой послужили историко-сравнительный, историко-генетический и историко-описательные методы исследования. Использование историко-сравнительного метода дало возможность выявить особенности влияния железных дорог на поселенческую сеть Астраханской губернии в сравнении с другими регионами и в то же время выявить общие черты данного процесса, а историко-генетический метод позволил установить преемственность в государственной переселенческой политике, основой которой на всем протяжении имперского периода являлась приверженность к заселению сухопутных путей сообщения.

3. Обсуждение

Историография становления и развития железнодорожного транспорта достаточно обширна и отражает различные аспекты их прошлого. Вопросы влияния железных дорог на развитие России затрагивались в работах обобщающего характера по истории железнодорожного транспорта (Верховский, 1899; Соловьева, 1975; История железнодорожного..., 1994) и исследовались отдельно (Радциг, 1896).

Поскольку Астраханская и Баскунчакская дороги являлись частью Урало-Рязанской железной дороги, то большой интерес для исследователя представляют работы, написанные по ее истории. В этой связи необходимо отметить книгу «Рязано-Уральская железная дорога и ее район», в которой описаны все станции дороги и приводятся сведения об их роли в местной жизни (Урало-Рязанская железная..., 1913).

В 1899 г. Астраханский губернский статистический комитет опубликовал в отдельном сборнике материалы обсуждения в астраханском обществе проекта строительства Астраханской железной дороги (Сборник материалов..., 1899). В нем содержатся интересные сведения о месте переселенческого вопроса в разрабатываемых проектах.

В советский период история железных дорог в Астраханской губернии, построенных в имперский период, не являлась объектом исследования; положительные сдвиги в историографии наметились лишь в первые годы XXI в. Из работ последнего времени отметим приуроченную к юбилею начала строительства Приволжской (Урало-Рязанской) железной дороги коллективную монографию, в которой содержится краткая история Астраханской и Баскунчакской железных дорог (Нелипа и др., 2011).

Из краткого обзора историографии видно, что вопрос влияния железных дорог на поселенческую сеть Астраханской губернии специально не изучался, поэтому данная статья призвана восполнить этот пробел.

4. Результаты

Появление первой железной дороги в Астраханской губернии было связано с развитием соляной промышленности на озере Баскунчак. Она была построена в 1881 г. с целью увеличить объем перевозок соли и ускорить ее доставку с о. Баскунчак до волжских пристаней, находившихся около

слободы Владимировка Царевского уезда. Дорога имела протяженность 72 версты, вдоль которых располагались железнодорожные станции Баскунчак, Кочевая, Солончак, Пристань Мамаевка, Владимировская Пристань и Ахтуба. По этой линии соль доставлялась с озера к пристаням, затем перегружалась на транспортные суда и по р. Волге отправлялась в места назначения.

Начальной станцией являлась станция Баскунчак, построенная в период прокладки железнодорожной линии в 1881 г. на территории п. Старая Будка, переименованного в советский период в п. Нижний Баскунчак.

История поселка Старая Будка связана с началом соледобычи на озере Баскунчак в середине XVIII в. Работы на озере носили сезонный характер, к тому же разработка месторождения по распоряжению властей несколько раз прекращалась и возобновлялась, что препятствовало закреплению населения на постоянное место жительства (Головащенко, 1879: 20).

В 1887 г. п. Средняя Будка посетил известный этнограф и государственный деятель А.Н. Харузин, который оставил об этом событии свои воспоминания. В поселке он увидел несколько лавок татар-торговцев, небольшую, нуждавшуюся в ремонте православную церковь, маленькое здание вокзала железнодорожной станции, а также «тут и там стоящие старые кибитки и разбросанные землянки киргизов (казахов), работающих на соляном промысле...» (Харузин, 1888: 159). На фоне всего этого железнодорожная станция выглядела необычным явлением – это и «опрятное», с хорошим внутренним убранством здание вокзала, и маневрирующий на путях в пустынной степи паровоз, и служащие «в одинаковых синих блузах и круглых шапках, с выдержкой, не свойственной степному человеку...» (Харузин, 1888: 160).

По данным Первой Всероссийской переписи 1897 г. в п. Средняя Будка числилось 79 дворов, имевших в своем составе 432 чел. (207 муж. и 225 жен.) (Вся Астрахань..., 1897: 39). Более половины постоянных жителей поселка Средняя Будка составляли торговцы, а остальную часть – лица, занимавшиеся в основном мелочной торговлей без документов, перевозкой грузов и воды для поселения (ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 1466. Л. 130). Все эти люди поселились самовольно, поэтому поселок не имел собственных органов управления, а также административных и иного назначения общественных зданий, не был благоустроен. За места, занятые под торговые и жилые помещения, жители п. Средняя Будка платили арендную плату, которую администрация и служащие Баскунчакского соляного промысла считали очень низкой и просили вышестоящие власти ее поднять (ГА АО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 1466. Л. 95, Л. 129 об.). За Баскунчаком следовали станции Кочевая, Солончак, Мамайская Пристань, Ахтуба и Владимировская Пристань, среди которых самой крупной была станция Ахтуба: в 1897 г. в ней имелось 38 дворов и 533 жителей (264 муж. и 269 жен.) (Вся Астрахань..., 1897: 76). Быстрое ее развитие стало возможным во многом благодаря тому, что в ней разместили управление Баскунчакской железной дороги и депо, построили школу и больницу. На станцию Ахтуба переехало жить много железнодорожников из различных мест России, а с начала XX в., после преобразования ахтубинской двухклассной школы в пятиклассную, в поселке стали готовить свои кадры для обслуживания железной дороги.

В начале второго десятилетия XX в. у властей начало вызывать серьезное опасение религиозно-нравственное состояние жителей п. Ахтуба. В отчете Астраханского епархиального православного Кирилло-Мефодиевского братства за 1911 г. говорилось: «Условия службы, отдаленность от приходского храма и примеры окружающего неверия и толстовство ослабили религиозно-нравственные понятия насельников станции Ахтубы и подорвали веру и нравственность у многих» (Отчет Астраханского..., 1912: 61).

Во второй половине 1890-х гг. северо-западную часть Астраханской губернии пересекала железнодорожная линия станция Тихорецкая – г. Царицын, связавшая юг Нижнего Поволжья с Северным Кавказом. Ее строительство имело огромное значение для развития г. Царицына и прилегающих к нему территорий, однако на Астраханскую губернию она оказала достаточно ограниченное влияние. Сооружение железной дороги негативно отразилось на чумацком промысле, который обеспечивал дополнительные заработки жителям ряда поволжских и ергенинских сел, перевозивших грузы с р. Волги на Северный Кавказ и обратно. Притоку населения и созданию новых населенных пунктов в Астраханской губернии эта дорога не способствовала, за исключением территорий, которые непосредственно пересекала железная дорога. В районе ее проведения у обществ сел Аксай, Большие и Малые Чапурники, Абганерово Черноярского уезда и калмыков северной части Малодербетовского улуса были выкуплены отдельные участки, на которых были возведены железнодорожные станции и другая необходимая инфраструктура. На отчужденных у бывших ее владельцев землях возникли станции Абганерово, Гнилоаксайская, Тингута и Червленая, при которых со временем образовались пристанционные поселки.

В 1903–1907 гг. в Астраханской губернии была построена железная дорога Астрахань – Саратов, которая связала административные центры двух губерний и соединила левобережную часть Астраханской губернии с железнодорожной сетью юго-востока России. Строительство железной дороги активно поддержал Временный совет по управлению Внутренней Киргизской ордою. По его мнению, проведение железной дороги по территории Внутренней Киргизской орды было выгодно как в экономическом, так и в политическом отношении. Вдоль железной дороги образовались бы

новые стационарные поселения, появились новые виды заработков, дальнейшее развитие получили соляные промыслы, на которых было задействовано много казахов, в торговле ослабли бы позиции татар, державших ее в своих руках и сильно влиявших в религиозном отношении на казахов.

Руководство Временного совета особо подчеркивало политико-религиозное значение строительства железной дороги, прямо заявляя, что она «послужит к скорейшему водворению среди кочевников начал русской гражданственности и культуры и ослабит влияние татар, которые теперь являются проводниками идей исламизма» (*Сборник материалов...*, 1899: 204). В постановлении Временного совета по управлению Внутренней Киргизской ордой говорилось: «Проектируемая железная дорога, открывая путь в орду, вызовет прилив в киргизскую степь русского населения, которое сблизится с киргизами и явится, таким образом, противовесом нежелательного влияния татар на ордынцев» (*Сборник материалов...*, 1899: 206).

Астраханская железная дорога была сооружена в течение 1903–1907 гг., ее длина составила 517 в.; вдоль нее были построены 20 железнодорожных станций, некоторые из них дали основание новым населенным пунктам.

От р. Волги железная дорога шла через Новоузенский уезд Самарской губернии, затем вступала в пределы Внутренней Киргизской орды Астраханской губернии. На данном отрезке пути было образовано 4 железнодорожные станции – Красный Кут, Лепехинская, Гмелинская и Палласовка. Самарский участок пути был наиболее удобным для строителей, поскольку проходил по обжитой и достаточно благоприятной в природном отношении местности. Вдоль железной дороги и недалеко от нее располагались многолюдные, с хорошо налаженной экономикой населенные пункты, которые с проведением железнодорожной линии получили дополнительный импульс для своего развития.

В пределах Астраханской губернии железная дорога проходила в более худших природных условиях: через полупустынную зону, летучие барханные пески и затопляемую во время разливов р. Волги дельту. Астраханский участок пути начинался на землях Внутренней Киргизской орды, где были построены железнодорожные станции Кайсацкая, Джаныбек, Сайхин и Шунгай. Все они возникли в местности, где не было стационарных поселений, а основное население составляли казахи-кочевники. Через несколько лет при железнодорожных станциях Внутренней Киргизской орды в результате притока русского населения и казахов из окрестных аулов образовались поселки, в которых открылись небольшие торгово-промышленные заведения, базары, школы, стало культивироваться земледелие. Успешное развитие железнодорожных поселков сделало их центрами притяжения для местного и пришлого населения, которое постоянно возрастало в численности. С 1910 по 1915 гг. число дворов в железнодорожных поселках Внутренней Киргизской орды выросло: в Джаныбеке с 63 (чел.) до 297 (1416 чел.), в п. Сайхин с 16 (53 чел.) до 57 (207 чел.), в п. Шунгай с 11 (61 чел.) (*Вся Астрахань...*, 1910: 48) до 12 (55 чел.) (*Вся Астрахань...*, 1916: 68).

Среди железнодорожных поселков Внутренней Киргизской орды наивысшие темпы развития демонстрировал п. Джаныбек. В 1914 г. автор заметки «Скромное торжество в поселке Джаныбек» удивлялся, что «всего лишь каких-нибудь 7–8 лет тому назад на том месте, где теперь раскинулся поселок, была пустынная киргизская степь, на которой кочевали киргизы со своими стадами; но вот прошла через степь железная дорога, и степь оживилась, появился приличный поселок «Джаныбек» с русским населением, в котором имеются очень хорошие дома, магазины, паровая мельница с электрическим освещением и во главе поселка, на площади, возвышается православная церковь-школа, увенчанная святым крестом, символом того, что здесь живут христиане, что здесь Русь, что здесь Русью пахнет» (*Скромное торжество...*, 1914: 171).

По соседству с Джаныбеком размещалась железнодорожная станция Кайсацкая, при которой также возник и успешно развивался новый поселок. До его появления в районе будущей станции Кайсацкой имелось лишь несколько мелких хуторов русских крестьян и казахов, однако все изменилось после постройки железной дороги. Всего через несколько лет после сдачи в эксплуатацию станции при Кайсацкой образовался поселок из 50 дворов, открылись магазины и базары. Современники того времени отмечали благотворное влияние железнодорожного поселка на окрестные хутора, которые благодаря усилившемуся притоку населения и близости к железной дороге стали быстро увеличиваться в населении и постепенно превращаться в селения. Их жители, помимо скотоводства, стали заниматься также выращиванием пшеницы и гречихи.

На пересекавшем Киргизскую Внутреннюю орду отрезке Астраханской железной дороги возникли еще 2 железнодорожные станции: Сайхин и Шунгай, однако по темпам своего развития они уступали двум предшествующим им станциям, и селились в них в основном казахи.

Сооружение железной дороги привело к появлению на казахских землях Астраханской губернии 4 населенных пунктов и анклава русского населения в районе станций Джаныбек и Кайсацкая. Их верующие жители в массе своей не являлись адептами Русской православной церкви, что можно объяснить рядом факторов: удаленностью поселков, не позволявшей осуществлять за ними эффективный надзор со стороны духовных властей, отсутствием православных церковных структур и священников, активной пропагандой сектантов, наличием среди переселенцев значительного количества сектантов и, безусловно, географической близостью поселков к сильно зараженному сектантством Царевскому уезду Астраханской губернии.

В распространении своего учения среди православных особенно преуспели баптисты: их лидеры вели пропаганду на базарах, устраивали собрания в дни религиозных праздников и в базарные дни, часто посещали окрестные хутора с целью пропаганды. В 1911 г. Астраханское епархиальное православное Кирилло-Мефодиевское братство вынуждено было констатировать, что большинство верующих в п. Джаныбек и Кайсацкий не являются православными, более того, и среди православных наблюдалось сильное колебание в сторону вероисповедания баптистов. Численный перевес религиозных противников Русской православной церкви привел к тому, что в п. Джаныбек ими оказались заняты все выборные административные должности (*Отчет Астраханского..., 1912: 42*). По данным епархиальных властей, в 1914 г. в п. Джаныбек и в ближайших к нему хуторах проживало 500 душ православных, в то время как сектантов (баптисты, молокане, субботники и др.) было вдвое больше – около 1 тыс. душ (*Скромное торжество..., 1914: 171*).

Быстрое увеличение численности жителей в п. Джаныбек, укрепление его экономики сделали возможным поселковым властям поставить уже в 1913 г. вопрос о придании ему статуса города, однако быстро решить этот вопрос помешала начавшаяся война. Просьбу джаныбековцев удовлетворило Временное правительство, которое своим постановлением от 3 июня 1917 г. преобразовало п. Джаныбек в город, одновременно переименовав его в Степной. Вскоре власти поселка получили от губернской администрации распоряжение ввести в действие положение о городском управлении и согласно ему учредить городскую думу и провести в нее выборы гласных. Их также известили о том, что Временное правительство выделит для этих целей ссуды.

По поводу изменения административного статуса Джаныбека корреспондент журнала «Сельское хозяйство Астраханского края» в те дни писал: «Городу Степному, по-видимому, предстоит сделаться центром, к которому потянутся оседлые поселения значительного района, где расположены не только многочисленные хутора, тяготеющие к железной дороге, но и ряд поселков вдоль дорог» (*Город Степной, 1917: 246*). Вскоре эти предположения подтвердились. В первых числах июля в п. Джаныбек был созван съезд представителей поселков Киргизской Внутренней орды, на котором делегаты признали необходимым для защиты интересов жителей поселков учредить в Джаныбеке «центральный объединяющий орган» под названием «Союз поселков Киргизской степи» и назначили на 23 июля 1917 г. съезд для выборов органов правления и совета союза новой административной структуры (*Объединение поселков..., 1917: 253*).

Астраханская железная дорога прошла через Баскунчакский и Эльтонский соляные промыслы, возле которых возвели две новые железнодорожные станции: Верхний Баскунчак и Новый Эльтон. В связи с завершением строительства 13 декабря 1907 г. товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием утвердил условия сдачи в аренду земель под торгово-промышленные поселки при Астраханской железной дороге. Земли на местах будущих поселков разбивались на участки (по 150 кв. саж. каждый) и сдавались в аренду отдельным лицам на 24 года с правом ее продления при условии соблюдения в точности контракта. По истечении каждых 12 лет арендная плата поднималась; первый раз – на 10 %, затем – на 15 %, 20 %, 25 % и т.д. Участок мог сдаваться только одному лицу (*ГА АО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 193. Л. 100*).

К моменту выхода распоряжения товарища главноуправляющего при станциях Верхний Баскунчак и Новый Эльтон уже существовали поселки, которые образовались в 1905–1907 гг., т.е. еще в период строительства Астраханской железной дороги. Проживавшие в них лица водворились без разрешения властей, поэтому считались самовольными поселенцами. В 1909 г. п. Верхний Баскунчак насчитывал 78 дворов и 493 чел. (*Вся Астрахань..., 1909: 35*), Новый Эльтон – 10 дворов и 48 чел. (*Вся Астрахань..., 1909: 44*). В 1911 г. жителям обоих поселков предписали заключить контракт на аренду мест и оплатить суммы за предшествующие годы, а с тех, кто откажется это сделать, власти грозили взыскать по суду деньги за причиненные казне убытки (*ГА АО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 193. Л. 15*).

Предъявленные властями поселенцам достаточно жесткие условия аренды заставили часть самовольных жителей выселиться, однако в целом эти меры не приостановили рост численности населения и экономическое развитие поселков. К 1917 г. в п. Верхний Баскунчак проживало уже около 700 чел., а в п. Новый Эльтон – около 2000 чел. Появление данных населенных пунктов оживило торговую и экономическую жизнь в их окрестностях и способствовало возникновению новых хуторов. В п. Новый Эльтон дополнительным фактором привлечения населения стало открытие на озере санаторного лечения. На средства управления Рязанско-Уральской железной дороги здесь в 1910 г. был построен санаторий, где целебными минеральными грязями лечились семьи железнодорожников, а также частными лицами были открыты заведение по лечению кумысом и аптека. Постройка санатория и лечение за счет железной дороги ее рабочих и служащих было уникальным случаем в имперской России (*Опалев, 2013: 146*).

После Верхнего Баскунчака линия железной дороги уходила в сторону р. Ахтубы и, не доходя до нее, сворачивала и шла параллельно этой реке в направлении г. Астрахани. Этот участок дороги изобилдовал песками, а в дельте р. Волги строителям пришлось еще преодолевать и множество мелких рек и речушек, которые сильно осложняли строительство дороги. В то же время необходимо отметить и то, что дорога в этом районе проходила недалеко от старых населенных пунктов Ахтубинской поймы с развитой поселенческой сетью, многочисленным населением и со сложившейся структурой

экономики. Этими обстоятельствами можно, по-видимому, объяснить тот факт, что все 9 построенных железнодорожных станций на отрезке пути от ст. Богдо до ст. Дельта, так и остались мелкими населенными пунктами и не оказали сколь-нибудь заметного влияния на расширение поселенческой сети. Они имели значение для старых поселений, жители которых получили возможность доставлять по железной дороге на рынки городов свою продукцию.

5. Заключение

В досоветский период Астраханская губерния не входила в число регионов России, занимавших ведущие позиции по темпам создания железнодорожной сети. Первая железная дорога по ее территории была проложена в 1881 г. и предназначалась для увеличения объемов и скорости вывоза соли с промысла на озере Баскунчак к волжским пристаням, т.е. власти придавали ей сугубо экономическое значение. Во второй половине 1890-х гг. часть территории Астраханской губернии пересекла железная дорога Тихорецк – Царицын, а в 1903–1907 гг. была построена железная дорога Саратов – Астрахань. Из трех железных дорог, проложенных по территории Астраханской губернии, наибольшее влияние на поселенческую сеть оказали Баскунчакская и Астраханская. Вдоль первой было построено 6 станций, второй (астраханской части) – 16, на астраханском отрезке железной дороги Тихорецк – Царицын – 4.

Необходимо отметить, что, приступая к строительству железных дорог по территории Астраханской губернии, власти руководствовались прежде всего экономическими и административными соображениями, задача создания поселений вдоль дорог непосредственно в целях расширения сети поселений и увеличения численности населения, как это, например, имело место в планах при прокладке Транссибирской железнодорожной магистрали, не ставилась.

К моменту начала строительства железных дорог свободный колонизационный фонд казенных земель в Астраханской губернии был практически исчерпан, а огромный массив земель кочевников, с одной стороны, был вследствие тяжелых природных условий малопригоден для создания поселений, а с другой – он охранялся от использования его посторонними лицами специальными законами. Единственное исключение было сделано для Киргизской Внутренней орды, прокладка железной дороги по землям которой и создание при станциях поселков должны были привести к расширению стационарной поселенческой сети и привлечь русское население на казахские земли. Железнодорожное отводилась цивилизационная и одновременно интеграционная роль в отношении казахского населения.

Влияние, которое оказали железные дороги на поселенческую сеть губернии, в разных ее частях было неодинаковым. В Киргизской Внутренней орде, благодаря железной дороге, поселенческая сеть расширилась и появились новые торгово-промышленные очаги, то же самое наблюдалось в районе соляных промыслов на озерах Баскунчак и Эльтон, в других районах прохождения дороги ее влияние было не столь значительным, а то и вообще почти незаметным. Многие зависело от природных условий, социально-экономического уровня развития конкретной местности и плотности ее заселения. Из 26 построенных в Астраханской губернии вдоль железных дорог станций только 9 превратились в крупные и средние населенные пункты, все остальные так и остались мелкими придорожными станциями.

Население железнодорожных станций формировалось как за счет переселенцев из других губерний, так и местных жителей. В числе переселенцев было немало сектантов, которые развернули пропаганду своих учений и сумели вовлечь в свои общества часть православного населения, что в некоторых населенных пунктах привело к их численному доминированию.

Строительство железных дорог сыграло положительную роль не только в социально-экономическом и административном развитии Астраханской губернии, но и в развитии поселенческой структуры. Оно способствовало как расширению поселенческой сети (создание новых поселений), так и притоку населения в старожильческие населенные пункты, через которые или вблизи которых прошли железные линии. Все это привело к увеличению численности населения губернии и улучшению ее демографических показателей.

6. Благодарности

Исследование проведено при поддержке государственной субсидии: проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (AAAA – А – 19 – 119011490038 – 5).

Литература

Верховский, 1899 – *Верховский В.М.* Исторический очерк развития железных дорог в России с их основания по 1897 г. СПб., 1899.

Вся Астрахань..., 1897 – *Вся Астрахань и весь Астраханский край.* Памятная книжка Астраханской губернии на 1897 г. Астрахань, 1897.

Вся Астрахань..., 1909 – *Вся Астрахань и весь Астраханский край.* Памятная книжка Астраханской губернии на 1909 г. Астрахань, 1909.

- Вся Астрахань..., 1910** – Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии на 1910 г. Астрахань, 1910.
- Вся Астрахань..., 1916** – Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии на 1916–1917 гг. Астрахань, 1916.
- Головащенко, 1877** – Головащенко А. Соляной промысел в Астраханской губернии // *Труды Астраханского губернского статистического комитета*. Астрахань, 1877. Вып. 5. С. 1-46.
- Город Степной, 1917** – Город Степной // *Сельское хозяйство Астраханского края*. 1917. № 7. С. 246.
- ГА АО** – Государственный архив Астраханской области.
- История железнодорожного..., 1994** – История железнодорожного транспорта России. Т. 1. 1836–1917 гг. / Под общей редакцией Е.А. Красковского, М.М. Уздина. СПб., 1994.
- Нелипа и др., 2011** – Нелипа Г.Н., Фирсов А.Б., Гришин С.Е., Елашова Л.И. Годы созидания. Приволжская железная дорога. 140 лет в документах. Т. 1. Саратов, 2011.
- Объединение поселков..., 1917** – Объединение поселков Киргизской степи // *Сельское хозяйство Астраханского края*. 1917. № 7. С. 253.
- Опалев, 2013** – Опалев М.Н. Особенности работы Астраханской железной дороги в условиях заволжских степей и пустынь (начало XX в.) // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2013. № 10 (36). Ч. 2. С. 142-147.
- Отчет Астраханского..., 1912** – Отчет Астраханского епархиального православного Кирилло-Мефодиевского братства за 1911 г. Астрахань, 1912.
- Радциг, 1896** – Радциг А.А. Влияние железных дорог на сельское хозяйство, промышленность и торговлю. СПб., 1896.
- Рязано-Уральская железная..., 1913** – Рязано-Уральская железная дорога и ея район. СПб., 1913.
- Сборник материалов..., 1899** – Сборник материалов по вопросу Астраханской железной дороги. Астрахань, 1899.
- Скромное торжество..., 1914** – Скромное торжество в поселке Джаныбек // *Астраханские епархиальные ведомости*. 1914. № 7. С. 170-172.
- Соловьева, 1975** – Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975.
- Харузин, 1888** – Харузин А.Н. Степные очерки (Киргизская Букеевская орда). Странички из записной книжки. М., 1888.

References

- GA AO** – Gosudarstvennyi arkhiv Astrakhanskoi oblasti [State archive of the Astrakhan region]. [in Russian]
- Golovashchenko, 1877** – Golovashchenko A. (1877). Solyanoi promysel v Astrakhanskoi gubernii [Salt fishing in Astrakhan province]. *Trudy Astrakhanskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta*. Astrakhan'. Вып. 5. Pp. 1-46. [in Russian]
- Gorod Stepnoi, 1917** – Gorod Stepnoi [City of the Steppe]. *Sel'skoe khozyaistvo Astrakhanskogo kraya*. 1917. № 7. [in Russian]
- Istoriya zheleznodorozhnogo ..., 1994** – Istoriya zheleznodorozhnogo transporta Rossii. 1836–1917 gg. [History of railway transport in Russia. 1836– 1917]. 1994. Т. 1. 1836–1917 gg. Pod obshchei redaktsiei E.A. Kraskovskogo, M.M. Uzдина. SPb. [In Russian]
- Kharuzin, 1888** – Kharuzin A.N. (1888). Stepnye ocherki (Kirgizskaya Bukeevskaya orda). Stranichki iz zapisnoi knizhki [Steppe essays (Kyrgyz Bukeev Horde). Pages from a notebook]. М. [in Russian]
- Nelipa i dr., 2011** – Nelipa G.N., Firsov A.B., Grishin S.E., Elashova L.I. (2011). Gody sozidaniya. Privolzhskaya zheleznaya doroga. 140 let v dokumentakh [Years of creation. Volga railway. 140 years in documents]. Т. 1. Saratov. [in Russian]
- Ob"edinenie poselkov..., 1917** – Ob"edinenie poselkov Kirgizskoi stepi [Association of settlements of the Kyrgyz steppe]. *Sel'skoe khozyaistvo Astrakhanskogo kraya*. 1917. № 7. [in Russian]
- Opalev, 2013** – Opalev M.N. (2013). Osobennosti raboty Astrakhanskoi zheleznoi dorogi v usloviyakh zavolzhskikh stepei i pustyn' (nachalo XX v.) [Features of the Astrakhan railway in the conditions of the Volga steppes and deserts (early XX century)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. № 10 (36). Ch. 2. Pp. 142-147. [in Russian]
- Otchet Astrakhanskogo..., 1912** – Otchet Astrakhanskogo eparkhial'nogo pravoslavnogo Kirillo-Mefodievskogo Bratstva za 1911 g. [Report of the Astrakhan diocesan Orthodox Cyril and Methodius Brotherhood for 1911]. Astrakhan. 1912. [in Russian]
- Radtsig, 1896** – Radtsig A.A. (1896). Vliyanie zheleznykh dorog na sel'skoe khozyaistvo, promyshlennost' i torgovlyu [Influence of Railways on agriculture, industry and trade]. SPb. [in Russian]
- Ryazano-Ural'skaya zheleznaya..., 1913** – Ryazano-Ural'skaya zheleznaya doroga i eya raion [Ryazan-Ural railway and its district]. SPb. 1913. [in Russian]

- [Sbornik materialov..., 1899](#) – Sbornik materialov po voprosu Astrakhanskoi zheleznoi dorogi [Collection of materials on the issue of the Astrakhan railway]. Astrakhan'. 1899. [in Russian]
- [Skromnoe torzhestvo..., 1914](#) – Skromnoe torzhestvo v poselke Dzhanybek [A modest celebration in the village of Janybek]. *Astrakhanskie eparkhial'nye vedomosti*. 1914. № 7. Pp. 170-172. [in Russian]
- [Solov'eva, 1975](#) – *Solov'eva A. M.* (1975). Zheleznodorozhnyi transport Rossii vo vtoroi polovine XIX v. [Railway transport in Russia in the second half of the XIX century]. M. 1975. [in Russian]
- [Verkhovskii, 1899](#) – *Verkhovskii V. M.* (1899). Istoricheskii ocherk razvitiya zheleznykh dorog v Rossii s ikh osnovaniya po 1897 g. [Historical sketch of the development of Railways in Russia since their foundation]. SPb. [in Russian]
- [VsyA Astrakhan'..., 1897](#) – VsyA Astrakhan' i ves' Astrakhanskii krai. Pamyatnaya knizhka Astrakhanskoi gubernii na 1897 g. [All of Astrakhan and the entire Astrakhan region. Memorial book of the Astrakhan province for 1897]. Astrakhan, 1897. [in Russian]
- [VsyA Astrakhan'..., 1909](#) – VsyA Astrakhan' i ves' Astrakhanskii krai. Pamyatnaya knizhka Astrakhanskoi gubernii na 1909 g. [All of Astrakhan and the entire Astrakhan region. Memorial book of the Astrakhan province for 1909]. Astrakhan, 1909. [in Russian]
- [VsyA Astrakhan'..., 1910](#) – VsyA Astrakhan' i ves' Astrakhanskii krai. Pamyatnaya knizhka Astrakhanskoi gubernii na 1910 g. [All of Astrakhan and the entire Astrakhan region. Memorial book of the Astrakhan province for 1910]. Astrakhan, 1910. [in Russian]
- [VsyA Astrakhan'..., 1916](#) – VsyA Astrakhan' i ves' Astrakhanskii krai Pamyatnaya knizhka Astrakhanskoi gubernii na 1916–1917 gg. [All of Astrakhan and the entire Astrakhan region. Memorial book of the Astrakhan province for 1910]. Astrakhan, 1916. [in Russian]

Влияние железных дорог на развитие поселенческой сети в Астраханской губернии (последняя четверть XIX – начало XX вв.)

Сергей Степанович Белоусов ^{a,*}

^a Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется влияние железных дорог на развитие поселенческой сети Астраханской губернии в конце XIX – начале XX вв. Раскрыто содержание данного процесса, показаны его результаты, охарактеризован состав переселенцев, проанализирована политика властей по отношению к железнодорожным миграциям, рассмотрены особенности влияния железных дорог на поселенческую сеть в разных районах Астраханской губернии.

Автор отмечает, что появление железнодорожного транспорта внесло новые черты в процесс заселения Астраханской губернии, в то же время формирование поселенческой сети вдоль железнодорожных путей стало продолжением предшествующей политики приоритетного освоения путей сообщения.

Влияние, которое оказали железные дороги на поселенческую сеть губернии, в разных ее частях было неодинаковым. В Киргизской Внутренней орде, благодаря железной дороге, поселенческая сеть расширилась и появились новые торгово-промышленные очаги, то же самое наблюдалось в районе соляных промыслов на озерах Баскунчак и Эльтон, в других районах прохождения дороги ее влияние было не столь значительным, а то и вообще почти незаметным. Степень влияния зависела от природных условий, социально-экономического уровня развития конкретной местности и плотности ее заселения.

Население железнодорожных станций формировалось как за счет переселенцев из других губерний, так и местных жителей. В числе переселенцев было немало сектантов, которые развернули пропаганду своих учений и сумели вовлечь в свои общества часть православного населения, что в некоторых населенных пунктах привело к их численному доминированию.

Строительство железных дорог сыграло положительную роль в развитии поселенческой структуры. Оно способствовало как расширению поселенческой сети, так и притоку населения в старожильческие населенные пункты, через которые или вблизи которых прошли железные линии.

Ключевые слова: Астраханская губерния, железные дороги, станционные поселки, конец XIX – начало XX вв.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sbelousovelista@mail.ru (С.С. Белоусов)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1272-1280. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1272
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

National Policy of Alexander III: an Attempt to Form an “Imperial Identity”

Viktor V. Titov ^{a, *}

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

This study focuses on the formation of a common "imperial identity" in the framework of the national policy of Alexander III. The aim of the present work is to assess the effectiveness of the "identity policy" of Alexander III and, in particular, its influence on the domestic political situation and the foreign policy position of the Russian Empire. The research methodology is based on a combination of case study elements, descriptive, structural and comparative analysis. The author comes to the conclusion that Alexander III, following the current trend of building a national state at that time, tried to form a single "imperial identity" through language expansion and the elimination of the elements of autonomy of individual parts of the empire. These measures were accompanied by the introduction of discriminatory practices in relation to specific ethnic groups. The latter was partly justified by the emergence of new external threats, partly by the spread of xenophobic stereotypes among representatives of the political establishment. It is also emphasized that in his policy the emperor often underestimated the extent of the spread of nationalism among individual peoples of the Russian Empire. Not given due attention and the role of foreign economic factors in the development of separatism. The policy of Russification was not accompanied by the development of the mass education system in Russian, which minimized its effectiveness. At the same time, the authorities failed to sufficiently smooth out social conflicts that arose as a side effect of the process of industrialization and the development of capitalist relations. The consequence of the latter was the erosion of the identity of the titular nation of the empire. Discrimination against specific ethnic groups contributed to the influx of its representatives into the revolutionary movement. This process contributed to the strengthening of xenophobic stereotypes, which provoked the expansion of repression by the authorities and public organizations affiliated with them. The latter naturally exacerbated the "national question" and strengthened the attractiveness of the revolutionary movement for "foreigners." Under these conditions, the efforts of the central authorities to strengthen the "imperial identity" gave only the opposite result. The national policy of Alexander III also contributed to the growth of anti-Russian sentiments within Europe and the United States.

Keywords: Alexander III, national politics, “national question”, identity, Poland, Finland, Jews.

1. Введение

«Национальный вопрос» в Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. традиционно является одним из наиболее живо обсуждаемых сюжетов в историографии данного периода. Используемые для его интерпретации объяснительные модели служат не только основой для реконструирования национальной политики соответствующей эпохи, но и выступают в качестве теоретического фундамента, на основе которого выстраивается описание процессов революционной борьбы, развития парламентаризма, миграционных процессов, образовательной политики и т.д. В силу данных обстоятельств национальная политика в обозначенный период приобретает парадигмальный характер: вне ее контекста невозможно полноценно интерпретировать ни один из аспектов развития империи.

* Corresponding author

E-mail addresses: VVTitov@fa.ru (V.V. Titov)

При этом ключевое значение в рамках данного направления в историографии национальной политики империи Романовых приобретает оценка курса национальной политики, реализованного Александром III. Причины повышенного интереса к данному аспекту темы вполне понятны: данный монарх не только произвел ревизию национальной политики своего предшественника, но и сумел во многом обеспечить преемственность выбранного курса. Фактически по большому числу параметров Николай II воспроизвел курс своего отца в сфере национальной политики (Сосновских, 2016а: 206; Зайончковский, 1970: 129-131). Таким образом, представления Александра III о целях и методах реализации национальной политики определили ее специфику и на последовавший за его смертью период.

При этом необходимо отметить, что анализ национальной политики Александра III в научной литературе чаще всего осуществляется сквозь призму различных систем моральных или идеологических ценностей, что придает итоговым оценкам необъективный характер. В равной степени большинство исследователей игнорируют теорию политики идентичности, которая так или иначе лежит в основе любой концептуальной модели национальной политики.

Естественным следствием этого стало отсутствие объективной, неполитизированной и теоретически фундированной оценки национальной политики Александра III.

Целью представленного исследования является ликвидация данной лакуны посредством проведения концептуальной оценки национальной политики Александра III с позиций современной теории идентичности.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования сформирована за счет привлечения источников законодательного и публицистического характера (статья М.Н. Каткова). Равным образом при написании работы использовался широкий круг ранее не опубликованных и не введенных в научный оборот архивных материалов. Автором были привлечены документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ): материалы 2-го (законодательного) и 3-го (секретного) делопроизводств Департамента полиции Министерства внутренних дел. Также при подготовке исследования использовались документы Российского государственного исторического архива (РГИА), хранящиеся в фондах Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел и Комитета о евреях под председательством сенатора Д.В. Готовцева.

При подготовке исследования также широко использовалась дореволюционная литература, связанная с темой национальной политики властей Российской империи.

Методология исследования построена на комбинации элементов психологического, социологического и макрополитического подходов к интерпретации феномена идентичности.

Дескриптивный анализ позволяет комплексно осветить и проанализировать национальную политику Александра III с точки зрения закономерностей развития процесса формирования национально-государственной идентичности. Обращение к структурному анализу дает возможность выделить факторы, влиявшие на формирование имперской идентичности, и оценить их взаимовлияние. Сравнительный анализ выступает в роли инструмента, позволяющего выявить специфику политики идентичности при изучении действий властей в отношении интеграции конкретных этносов.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии заявленная тема получила фрагментарное освещение в рамках изучения национальной политики в отношении конкретных этносов империи (Гильфердинг, 2009а; Липранди, 1909). В советский период в научный оборот было введено большое количество новых источников, а сама национальная политика Александра III получила комплексное освещение. Однако исследователи были вынуждены придерживаться в своих оценках положений официальной идеологии, демонизировавшей фигуру императора (Дякин, 1995; Зайончковский, 1970). В современный период была произведена переоценка национальной политики Александра III на основе принципа объективности, однако она рассматривается преимущественно вне контекста современных теорий идентичности (Боханов, 2006; Горизонтов, 1999; Майорова, 2012). Последнее закономерно предполагает необходимость заполнить соответствующую лакуну в степени изученности темы.

4. Результаты

Обращаясь к обозначенной теме, в первую очередь необходимо дать пояснения относительно функционирования механизма создания национально-государственной идентичности. Соответствующий процесс обладает комплексной структурой. В сознании общности, выступающей в качестве объекта воздействия, необходимо выработать систему взаимосвязанных образов. Последняя должна включать в себя образ коллективного прошлого, образ общего будущего, систему представлений о маркерах, отличающих представителей данной общности (в виде ценностей, моделей повседневного поведения, стереотипов и т.д.), и комплекс установок, определяющих

идентификацию «значимых других» – представителей иных сообществ, напрямую или косвенно оказывающих существенное влияние на носителей данной идентичности.

За счет этого процесс формирования идентичности протекает во многом на поле политики памяти и в целом символической политики. Представления об общем прошлом, желанном будущем, специфике собственной общности и отличительных чертах других макросоциальных групп кодируются в символах, обладающих насыщенной эмоциональной окраской и распространенных на поле массовой культуры. Символы, будучи включенными в различные социальные ритуалы (например, празднование мемориальных дат), выступают в качестве основы воспроизводства национально-государственной идентичности.

При этом политику идентичности нельзя сводить только лишь к конструированию символики. Внедрение последней в сознание масс требует интеграции культурного и, в первую очередь, образовательного пространства, сближения хозяйственных укладов, выравнивания уровня социально-экономического развития различных территорий, престижного позиционирования культуры и языка общности. В то же время необходимо подчеркнуть, что административно-командные методы продвижения идентичности, как правило, демонстрируют низкую степень эффективности. Причина последнего заключается в том, что они подразумевают не столько популяризацию новой культуры, сколько запрет на применение привычных и удобных для использования традиционных форм (наиболее ярко это проявляется посредством языковых запретов в сфере образования и делопроизводства). Это автоматически начинает интерпретироваться как дискриминация носителей идентичности конкретной макросоциальной (в том числе политической, этнической) общности. Как следствие, инициаторы подобной «интеграции» начинали восприниматься в качестве «врага» (Кудряшев, 2013: 59-60).

В начале своего правления Александр III был поставлен перед необходимостью выработать ответы на целый ряд вызовов на поле национальной политики. Часть из них досталась ему в наследство от предыдущего царствования, а часть носила принципиально новый характер.

С одной стороны, по-прежнему сохраняла остроту проблема интеграции в общее пространство имперской идентичности ряда западных территорий, в первую очередь – Польши и Финляндии. Как показала практика, политика предоставления им льгот и преференций автономистского плана (в первую очередь это касалось великого княжества Финляндского) не способствует снижению уровня национализма и сепаратизма, а, напротив, подпитывает их. В то же время активное развитие местной промышленности способствовало укреплению экономических связей между ними и крупными европейскими государствами, в первую очередь – Германией. Последнее вызвало еще большее ослабление российской имперской идентичности в соответствующих регионах (Высочайший Его Императорского..., 1913: 130-158; ГАРФ. Ф. 102. Оп 1. Д. 214. Л. 35-37; Липранди, 1909: 27; Сосновских, 2016б: 127; Уикс, 2015: 70).

Появление на западных границах Российской государства империи Гогенцоллернов закономерно поставило на повестку дня вопрос о пересмотре национальной политики на буферных территориях между Германией и условной «метрополией». В первую очередь это касалось Прибалтики, а конкретнее – остзейских губерний, в политической жизни которых определяющую роль играло немецкое дворянство (ГАРФ. Ф. 102. Оп 77. Д. 197. Л. 28-29; Свод местных узаконений..., 1845: 1-7; Катков, 1897а: 293-294). Несмотря на традиционную лояльность прибалтийских немцев, в Санкт-Петербурге опасались распространения среди них идей пангерманизма.

В то же время серьезные трансформации наблюдались и внутри титульной нации империи. Реформы Александра II способствовали активному развитию процессов индустриализации и урбанизации. При этом промышленное развитие России достаточно быстро обрело ряд специфических черт, одной из которых стала высокая степень концентрации работников на предприятиях. Последнее катализировало быстрое оформление промышленных рабочих в качестве отдельной социальной группы. Наряду с тяжелыми условиями труда на большинстве предприятий, это стимулировало развитие борьбы рабочих за свои права, что в совокупности привело к существенным изменениям в социальной структуре населения и, соответственно, системе его самоидентификации.

Одновременно процесс проникновения капиталистических отношений в сельское хозяйство стал импульсом усиления социально-экономической дифференциации в деревне, что в условиях сохраняющего остроту «земельного вопроса» способствовало усилению социальных конфликтов. В силу многоуровневого и пластичного характера идентичности это влекло за собой смену приоритетов в сфере социальной самоидентификации различных групп подданных империи. В частности, все чаще промышленные рабочие и часть крестьян начинали воспринимать себя в первую очередь в качестве выходцев из соответствующих социальных групп и лишь затем – представителей определенной нации. И прежде всего это касалось этнических русских, поскольку вопрос о сохранении своей национальной идентичности не обладал для них особой актуальностью (Баглай, 2016: 799; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 4. Д. 121. Л. 50-53; Дякин, 1995: 135; Миллер, 2007: 337).

В то же время интенсификация процесса встраивания Российской империи в мировой рынок способствовала развитию этнического национализма в приграничных районах, экономика которых была выстроена преимущественно на основе экспорта местной продукции за рубеж. При этом

ключевую роль в рамках данного процесса играли как выходцы из деловых кругов, в понимании которых национализм был тесным образом связан с расширением политических и экономических прав, так и представители интеллигенции. Среди основной массы населения была относительно широко распространена бытовая ксенофобия, однако ей в целом не были свойственны сепаратистские настроения (Вортман, 1999: 238).

Ситуацию усугублял фрагментарный характер общего культурного пространства империи. В стране отсутствовала единая система начального массового образования, которая охватывала бы большую часть населения (к ее созданию власти приступили уже в правление Николая II). В результате потенциал распространения русского языка в большинстве национальных регионов был ограничен. Их жители не имели возможности приобщиться к общей культуре империи, воспринять ее символические основы, воспроизводство которых в конечном счете обеспечивало выработку и сохранение общей имперской идентичности. В то же время в районах компактного проживания «инородцев» отсутствие массового образования на русском языке способствовало сохранению монолингвистического характера языкового пространства. Низкий уровень языковых навыков в совокупности со сравнительно низким качеством транспортной инфраструктуры содействовали закреплению обособленности национальных регионов. Их жители могли воспринимать себя как подданные «русского царя», но при этом они не рассматривали себя в качестве части единой политической нации, в состав которой входят прочие народы империи. Отсутствие единого культурного и образовательного пространства закономерно подпитывало этнический национализм и сепаратизм (Катков, 1897с: 25; Катков, 1897б: 423; Миронов, 2003: 325).

Отдельно необходимо отметить влияние такого фактора, как неравномерность развития конкретных регионов империи. Политика правительства не предполагала применение такого инструмента, как выравнивание благосостояния конкретных территорий. Как результат, между отдельными регионами возникли существенные диспропорции в плане социально-экономического благосостояния. При этом Привисленский край, Прибалтику и Финляндию в целом отмечал более высокий уровень жизни, чем, например, губернии Центральной России. В частности, в прибалтийских губерниях уровень грамотности населения превышал 70 %, в то время как в большинстве прочих регионов он не достигал и 30 % (Гильфердинг, 2009б: 285; Горизонтов, 1999: 87-91; Мессарош, 1897: 35-37; Погодин, Рябова, 2016: 339).

Аналогичные диспропорции наблюдались, например, при сопоставлении особенностей быта жителей казачьих регионов юга России и крестьян и мещан из сопредельных губерний (в последнем случае большую роль также играло наличие у казаков сословных привилегий).

В результате у этнических финнов и поляков, например, формировалось представление о собственном превосходстве над русскими. Аналогичные тенденции по отношению к крестьянам и мещанам наблюдались и в казачьей среде (что закрепляло осознание как наследственных привилегий, так и сословного воинского долга) (Морозов, 1895: 29; Мюллер и др., 2017: 202).

В перспективе развитие национализма и сепаратизма серьезным образом угрожало стабильности империи, в особенности – на фоне нарастающей угрозы «большой войны» в Европе. Александру III удавалось частично купировать эти риски, однако монарх прекрасно осознавал, что ему удалось скорее получить длительную отсрочку начала конфликта. Выигранное время Александр III планировал использовать в том числе для решения проблем, накопившихся во внутривластной сфере. Так, императором была предпринята попытка укрепления имперской идентичности за счет реализации курса на «форсированную интеграцию» внутривластного пространства империи. Ее основным элементом выступили усилия по подавлению этнонационализма среди «инородцев» и полноценное вовлечение национальных окраин в единое правовое и «управленческое» пространство империи (ГАРФ. Ф. 102. Оп 77. Д. 153. Л. 44-48; Мюллер и др., 2017: 202).

Первые шаги в данном направлении были предприняты в 1882–1883 гг. Формальным основанием для этого стала сенатская ревизия Лифляндской и Курляндской губерний. В рамках последней был официально сделан вывод о тотальном доминировании немецкого дворянства в местных административных структурах, отказе от практики использования русского языка в официальном делопроизводстве и систематическом злоупотреблении «остзейцами» своим исключительным положением. На основании этого было решение изъять исполнительную и судебную власть у местного дворянства, провести реформу местной полицейской системы и радикально изменить кадровую политику. На ключевые позиции в местной администрации назначались этнические русские либо русскоязычные подданные, не имевшие местных или в целом немецких корней. Делопроизводство в губерниях с 1885 г. было переведено на русский язык. Одновременно был произведен переход к преподаванию на русском языке в государственных и частных образовательных учреждениях (Боханов, 2006: 96, 101-102; ГАРФ. Ф. 102. Оп 77. Д. 178. Л. 81-82).

Данные мероприятия способствовали усилению интеграции балтийского региона в империю, однако с точки зрения решения задачи выработки общей идентичности они носили спорный характер. Не были разработаны программы, ориентированные на полноценную экономическую интеграцию региона (на Балтике в рассматриваемое время фактически отсутствовало собственно «русское» торговое судоходство) и появление на его территории крупных русскоязычных общин.

Также имела место недооценка значимости такого фактора, как латышское национальное движение. Ослабление власти остзейских немцев закономерно способствовало его развитию. Латышские националисты с неприязнью воспринимали представителей немецкого меньшинства, но в то же время многие из них не связывали будущее своего народа с Россией, которое они видели в рамках обретения независимости и заключения альянса с государствами Европы. Роль значимого раздражающего фактора играла образовательная политика. Внедрение русского языка в учебных заведениях сопровождалось применением санкций за использование национального языка, в том числе – вне рамок занятий, что естественным образом провоцировало рост недовольства. Таким образом, устранение «немецкой угрозы» в Прибалтике, в свою очередь, породило проблему латышского национализма. При этом в отсутствие полноценной экономической интеграции в имперское пространство русификация на административном уровне, сопровождавшаяся внедрением избыточных репрессивных механизмов, провоцировала лишь рост раздражения среди националистов (Мюллер и др., 2017: 203; Майорова, 2012: 112).

Также Александр III предпринял ряд шагов, ориентированных на ограничение финского национализма и сепаратизма. В 1890 г. император принял решение о приведении таможенной и монетной системы Финляндии в соответствие с общим законодательством империи. В том же году почтовая система Финляндии была передана Министерству внутренних дел, а ее сотрудников обязали свободно владеть русским языком. Одновременно государственные учреждения и коммерческие структуры великого княжества обязали принимать в качестве средства расчетов валюту империи (Погодин, 2015: 349; РГИА. Ф. 1287. Оп. 35. Д. 1385. Л. 17-19).

При этом важно подчеркнуть, что действия императора не были направлены исключительно на ликвидацию местных прав и свобод. Так, в 1887 г. Александр III предоставил сейму великого княжества право законодательной инициативы (Боханов, 2006: 117).

Следует отметить и то, что император так и не предпринял существенных мер, направленных на прекращение масштабной неофициальной дискриминации русскоязычных и православных подданных, наблюдавшейся на территории Финляндии. Равным образом не наблюдалось попыток культурной экспансии (в том числе – в форме «мягкой силы») или усиления экономической интеграции великого княжества в пространство империи (Симонов, 2003: 24-25).

В отношении Польши Александр III проводил ту же политику, что и в Прибалтике и Финляндии. На важнейшие административные посты назначались преимущественно этнические русские. В образовательных учреждениях действовала система санкций за использование польского языка. В 1885 г. был упразднен Польский банк, что положило конец обращению особой монеты Привисленского края. В делопроизводстве доминирующим языком также стал русский (Гильфердинг, 2009а: 170; Кудряшев, 2018).

Отдельное внимание необходимо уделить решению «еврейского вопроса». Его значимость для государства обусловили следующие обстоятельства. С одной стороны, для ряда территорий России были традиционно характерны антисемитские настроения, связанные с проникновением бытовой ксенофобии в массовую культуру. В частности, такого рода тенденции проявлялись на западе и юге Украины, западе Белоруссии, юге и юго-западе России, в Прибалтике. В 1881–1882 гг. произошел очередной всплеск антисемитских настроений, что привело к серии погромов. С другой стороны, многие представители политического руководства империи усматривали угрозу в расширении присутствия этнических евреев в сфере экономики, наблюдавшемся в связи с развитием системы высшего образования, промышленного производства и банковской системы. Свою роль играло и то, что многим политикам-консерваторам были присущи крайние формы религиозного фундаментализма, что порождало у них неприязнь к иудаизму и его носителям (Бирюкович, 1883: 672-675; Платонов, 2005: 88-89; РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 4. Л. 28-30).

В результате в отношении этнических евреев, исповедующих иудаизм, были приняты новые дискриминационные меры, которые, как ни парадоксально, даже частично обеспечили им рост личной безопасности, пусть и ценой социальной дисквалификации (Левин, 2017: 29; РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 17. Л. 72-73; Толстой, Гессен, 1907: 18).

«Временные правила о евреях» от 3 мая 1882 г. ограничили право свободы проживания евреев-иудаистов уже в рамках самой территории «черты оседлости». В 1887 г. были введены ограничения на прием евреев в учреждения среднего и высшего образования. В 1889 г. был прекращен прием евреев в число присяжных поверенных – адвокатов при окружных судах или судебных палатах. Одновременно начались административные акции выселения евреев с ряда территорий. Так, в 1891 г. из Москвы были выселены 17 тыс. евреев, прежде занятых в ремесленном производстве (Гессен: 1906: 41-42; Платонов, 2005: 93-97).

Таким образом, политика в отношении еврейского меньшинства очевидно препятствовала интеграции евреев в структуру имперской идентичности. Напротив, она провоцировала рост их отчужденности как национальной корпорации и в то же время подпитывала антисемитские установки в широких слоях населения. На фоне эмансипации евреев в Западной Европе и Соединенных Штатах это приводило к формированию в общественном мнении соответствующих государств негативного образа России (Левин, 2017: 30; РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 21. Л. 44).

В царствование Александра III были заложены основы «рабочего законодательства»: ограничены условия эксплуатации труда женщин и несовершеннолетних работников, сформирована фабричная инспекция. Правительство ограничило права нанимателей в отношении наложения штрафов и т.д. Однако в то же время ужесточалась уголовная ответственность за организацию забастовок. Равным образом государством был установлен ряд новых штрафов для работников: за производство недоброкачественной продукции, порчу имущества нанимателя, нарушение правил внутреннего распорядка. В результате острота «рабочего вопроса» продолжала нарастать по мере расширения масштабов индустриализации. Как следствие, национально-государственная идентичность титульной нации продолжала изменяться: принадлежность к социальной страте начала играть все большую роль, в то время как значение национальной и конфессиональной идентичности продолжало падать (Боханов, 2006: 129-133).

5. Заключение

Таким образом, Александром III были предприняты существенные усилия в отношении борьбы с этнонационализмом и сепаратизмом. В том числе им был реализован ряд мер, направленных на укрепление единой имперской идентичности. Однако соответствующие шаги носили ограниченный характер и не приводили к выстраиванию полномасштабной «политики идентичности».

Не были предприняты меры для выработки единой, равно привлекательной для всех этносов системы представлений о коллективном прошлом, а также образе будущего, в который были бы гармонично вписаны интересы большинства этносов империи. В сфере массовой культуры не был выработан комплекс маркеров, который бы отличал и объединял условных «россиян». В рамках системы представлений о «значимых других» не было достигнуто сближение титульной нации и прочих народов империи.

Отсутствие полноценной системы массового образования, сравнительно низкий уровень развития коммуникаций и СМИ минимизировали потенциал проведения эффективной символической политики.

Политическое руководство империи не разработало программ экономической интеграции национальных окраин в социальное и макрополитическое пространство империи. Имперская политика пространственного развития не включала в себя проектов выравнивания развития отдельных территорий. Также власти сохраняли систему сословных привилегий и обязанностей, что само по себе препятствовало выработке национально-государственной идентичности политического типа.

В то же время русификация образования и делопроизводства носила излишне жесткий характер: насаждалась практика тотального использования русского языка вместо билингвальности, что в совокупности с санкциями за использование национального языка лишь провоцировало конфликты. Ситуацию усугубляло отсутствие попыток престижного позиционирования русского языка и культуры, продвижения ее передовых достижений.

Литература

Баглай, 2016 – Баглай С.С. Особенности национальной политики в период правления Александра III и Николая II / *Молодежь третьего тысячелетия*. Сборник научных статей. 2016. С. 798-801.

Боханов, 2006 – Боханов А.Н. Император Александр III. 4-е изд. М., 2006. 509 с.

Бирюкович, 1883 – Бирюкович В.В. Политическое и экономическое положение евреев в России // *Русское богатство*. 1883. № 12. С. 655-690.

Вортман, 1999 – Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // *Россия/Russia*. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. М.: ОГИ, 1999. С. 233-244.

Высочайший Его Императорского..., 1913 – Высочайший Его Императорского Величества Сеймовый Устав для Великого Княжества Финляндского Дан в С.-Петербурге 15 (3) Апреля 1869 года // Корево Н.Н. Сеймовый устав для Великого Княжества Финляндского высочайше утвержденный 20 июля 1906 года. С приложением и алфавитным указателем. СПб., 1913. С.130-158.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Гессен, 1906 – Гессен Ю.И. Евреи в России. Очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев. СПб., 1906. 471 с.

Гильфердинг, 2009a – Гильфердинг А.Ф. Польский вопрос // *Россия и славянство*. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 168-251.

Гильфердинг, 2009b – Гильфердинг А.Ф. Россия и ее инородческие окраины на западе // *Россия и славянство*. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 278-295.

Горизонтов, 1999 – Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999. 270 с.

Дякин, 1995 – Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // *Вопросы истории*. 1995. № 9. С. 130-142.

- Зайончковский, 1970** – Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. 444 с.
- Катков, 1897a** – Катков М.Н. О германизации Эстов и Латышей. Московские Ведомости. 1864. 16 мая // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1864 г. М., 1897. С. 292-295.
- Катков, 1897b** – Катков М.Н. Права и положение русского языка в Прибалтийском крае. Московские Ведомости. 1865. 10 июля // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1865 г. М., 1897. С. 421-426.
- Катков, 1897c** – Катков М.Н. Русские купцы и русский язык в Риге. Московские Ведомости. 1865. 13 января // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1865 г. М., 1897. С. 24-27.
- Кудряшев, 2018** – Кудряшев В.Н. «Польский вопрос» в русской либеральной публицистике 1860–1880-х гг. // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 431. С. 97-103.
- Кудряшев, 2013** – Кудряшев В.Н. Идея русской нации в общественно-политической мысли России второй половины XIX в.: проблемы национальной идентичности // *Сибирские исторические исследования*. 2013. № 1. С. 58-66.
- Левин, 2017** – Левин В.И. Октябрьская революция и евреи России // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2017. Т. 9. № 6–2. С. 29-32.
- Липранди, 1909** – Липранди А.П. Финляндский вопрос. СПб., 1909.
- Майорова, 2012** – Майорова Е.И. Александр III – богатырь на русском троне. М., 2012. 284 с.
- Мессарош, 1897** – Мессарош П.И. Финляндия – Государство или Русская Оккраина? СПб., 1897.
- Миллер, 2007** – Миллер А.И. Русский национализм в империи Романовых // *Национализм в мировой истории*. М., 2007. С. 332-350.
- Миронов, 2003** – Миронов Б.Н. Социальная история периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2003. Т. 1. 547 с.
- Морозов, 1895** – Морозов П. Финляндия в торгово-промышленном отношении. СПб., 1895.
- Мюллер и др., 2017** – Мюллер А.М., Рябова А.Л., Саблина М.А. Национальная политика Александра III // *Россия в глобальном мире*. 2017. № 11 (34). С. 201-208.
- Платонов, 2005** – Платонов О.А. Еврейский вопрос в России. М., 2005. 286 с.
- Погодин, 2015** – Погодин С.Н. Фенномания и процесс становления национального самосознания в Российской империи в XIX веке // *Международные отношения и диалог культур*. 2015. № 3 (2014). С. 347-356.
- Погодин, Рябова, 2016** – Погодин С.Н., Рябова А.Л. Первый период русификации Финляндии (1899–1905 гг.) // *Россия в глобальном мире*. 2016. № 9 (32). С. 338-348.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Свод местных узаконений..., 1845** – Свод местных узаконений губерний остзейских. Часть первая. Учреждения. // Свод местных узаконений губерний остзейских повелением государя императора Николая Павловича составленный. СПб., 1845. Ч. 1. С. 1-26.
- Симонов, 2003** – Симонов В.А. Национальная политика Российской империи на территории Великого княжества Финляндского и реформирование власти в субъектах Российской Федерации // *Региональная и местная власть: проблемы реформирования*. Омск, 2003. С. 6-53.
- Сосновских, 2016a** – Сосновских А.В. Национальная политика к началу XX века и ее влияние на развитие кризисной ситуации в Российской империи // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2016. Т. 5. № 1 (14). С. 205-207.
- Сосновских, 2016** – Сосновских А.В. Национальная политика Российской империи в отношении Финляндии в период конца XIX – начала XX века и ее влияние на развитие кризисной ситуации в государстве // *Социально-экономические науки и гуманитарные исследования*. 2016. № 11. С. 125-129.
- Толстой, Гессен, 1907** – Толстой И.И., Гессен Ю.И. Факты и мысли. Еврейский вопрос в России. СПб., 1907.
- Уикс, 2015** – Уикс Т.Р. Затишье между бурями // *Родина*. 2015. № 2. С. 69-71.

References

- Baglai, 2016** – Baglai S.S. (2016). Osobennosti natsional'noi politiki v period pravleniya Aleksandra III i Nikolaya II [Features of national policy during the reign of Alexander III and Nicholay II]. *Molodezh' tret'ego tysyacheletiya. Sbornik nauchnykh statei*. Pp. 798-801. [in Russian]
- Biryukovich, 1883** – Biryukovich V.V. (1883). Politicheskoe i ekonomicheskoe polozhenie evreev v Rossii [The political and economic situation of Jews in Russia]. *Russkoe bogatstvo*. № 12. Pp. 655-690. [in Russian]
- Bokhanov, 2016** – Bokhanov A.N. (2006). Imperator Aleksandr III [Emperor Alexander III]. 4–e izd. M., 509 p. [in Russian]
- Dyakin, 1995** – Dyakin V.S. (1995). Natsional'nyi vopros vo vnutrennei politike tsarizma (XIX v.) [The national question in the internal politics of tsarism (XIX century)]. *Voprosy istorii*. № 9. Pp. 130-142. [in Russian]
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [GARF – State Archive of the Russian Federation]. [in Russian]

Gessen, 1906 – *Gessen Yu.I.* (1906). Evrei v Rossii. Ocherki obshchestvennoi, pravovoi i ekonomicheskoi zhizni russkikh evreev [Jews in Russia. Essays on the social, legal and economic life of Russian Jews]. SPb. 471 p. [in Russian]

Gil'ferding, 2009a – *Gil'ferding A.F.* (2009) Pol'skii vopros [The Polish Question]. *Rossiya i slavyanstvo*. M., Pp. 168-251. [in Russian]

Gil'ferding, 2009b – *Gil'ferding A.F.* (2009). Rossiya i ee inorodcheskie okrainy na zapade (Russia and its foreign suburbs in the west). *Rossiya i slavyanstvo*. M., Pp. 278-295. [in Russian]

Gorizontov, 1999 – *Gorizontov L.E.* (1999). Paradoksy imperskoi politiki: polyaki v Rossii i russkie v Pol'she (XIX – nachalo XX v.) [Paradoxes of imperial politics: Poles in Russia and Russians in Poland (XIX – beginning of XX century)]. M., 270 p. [in Russian]

Katkov, 1897a – *Katkov M.N.* (1897). O germanizatsii Estov i Latyshei. *Moskovskie Vedomosti*. 1864. – 16 maya. [On the Germanization of Estons and Latvians. *Moscow Gazette*. 1864. – May 16]. *Peredovye stat'i iz Moskovskikh Vedomostei za 1864 g. M.*, Pp. 292-295. [in Russian]

Katkov, 1897b – *Katkov M.N.* (1865). Prava i polozhenie russkogo yazyka v Pribaltiiskom krae. *Moskovskie Vedomosti*. 10 iyulya [Rights and position of the Russian language in the Baltic region. *Moscow Gazette*. 1865. July 10]. *Peredovye stat'i iz Moskovskikh Vedomostei za 1865 g. M., 1897*. Pp. 421-426. [in Russian]

Katkov, 1897c – *Katkov M.N.* (1897). Russkie kuptsy i russkii yazyk v Rige. *Moskovskie Vedomosti*. –1865. 13 yanvarya [Russian merchants and Russian in Riga [Russian merchants and Russian in Riga. *Moscow Gazette*. – 1865. 13th of January]. *Peredovye stat'i iz Moskovskikh Vedomostei za 1865 g. M.*, Pp. 24-27. [in Russian]

Kudryashev, 2013 – *Kudryashev V.N.* (2013). Ideya russkoi natsii v obshchestvenno-politicheskoi mysli Rossii vtoroi poloviny XIX v.: problemy natsional'noi identichnosti [The idea of the Russian nation in the socio-political thought of Russia in the second half of the 19th century: problems of national identity]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. Nr 1. Pp. 58-66. [in Russian]

Kudryashev, 2018 – *Kudryashev V.N.* (2018). "Pol'skii vopros" v russkoi liberal'noi publitsistike 1860–1880–Kh gg. ["The Polish Question" in Russian liberal journalism of the 1860–1880s] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 431. Pp. 97-103. [in Russian]

Levin, 2017 – *Levin V.I.* (2017). Oktyabr'skaya revolyutsiya i evrei Rossii [The October Revolution and the Jews of Russia]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. Vol. 9. № 6–2. Pp. 29-32. [in Russian]

Liprandi, 1909 – *Liprandi A.P.* (1909). Finlyandskii vopros [Finnish question]. SPb. [in Russian]

Maierova, 2012 – *Maierova E.I.* (2012). Aleksandr III – bogatyr' na russkom trone [Alexander III is a bogatyr on the Russian throne]. M., 284 p. [in Russian]

Messarosh, 1897 – *Messarosh P.I.* (1897). Finlyandiya – Gosudarstvo ili Russkaya Okraina? [Finland – State or Russian Outskirts?] SPb. [in Russian]

Miller, 2007 – *Miller A.I.* (2007). Russkii natsionalizm v imperii Romanovykh. Natsionalizm v mirovoi istorii. [Russian nationalism in the Romanov empire] M., pp. 332-350. [in Russian]

Mironov, 2003 – *Mironov B.N.* (2003). Sotsial'naya istoriya perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [The social history of the period of the empire (XVIII – beginning of the twentieth century)]. V 2 t. 3–e izd., ispr. i dop. SPb., Vol. 1. 547 p. [in Russian]

Morozov, 1895 – *Morozov P.* (1895). Finlyandiya v torgovo-promyshlennom otnoshenii [Finland in trade and industry]. SPb. [in Russian]

Myuller et al., 2017 – *Myuller A.M., Ryabova A.L., Sablina M.A.* (2017). Natsional'naya politika Aleksandra III [National policy of Alexander III]. *Rossiya v global'nom mire*. № 11 (34). Pp. 201-208. [in Russian]

Platonov, 2005 – *Platonov O.A.* (2005). Evreiskii vopros v Rossii [The Jewish Question in Russia]. M., 286 p. [in Russian]

Pogodin, 2015 – *Pogodin S.N.* (2015). Fennomaniya i protsess stanovleniya natsional'nogo samosoznaniya v Rossiiskoi Imperii v XIX veke [Fennomania and the process of formation of national identity in the Russian Empire in the XIX century]. *Mezhdunarodnye otnosheniya i dialog kul'tur*. № 3. Pp. 347-356. [in Russian]

Pogodin, Ryabova, 2016 – *Pogodin S.N., Ryabova A.L.* (2016). Pervyi period rusifikatsii Finlyandii (1899–1905 gg.) [The first period of Russification of Finland (1899–1905)]. *Rossiya v global'nom mire*. № 9 (32). Pp. 338-348. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [RGIA – Russian State Historical Archive]. [in Russian]

Simonov, 2003 – *Simonov V.A.* (2003). Natsional'naya politika Rossiiskoi imperii na territorii Velikogo knyazhestva Finlyandskogo i reformirovanie vlasti v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii [National policy of the Russian Empire on the territory of the Grand Duchy of Finland and the reform of power in the constituent entities of the Russian Federation]. *Regional'naya i mestnaya vlast': problemy reformirovaniya*. Omsk, Pp. 6-53. [in Russian]

Sosnovskikh, 2016a – *Sosnovskikh A.V.* (2016). Natsional'naya politika k nachalu XX veka i ee vliyanie na razvitie krizisnoi situatsii v Rossiiskoi imperii [National policy by the beginning of the 20th century and

its impact on the development of the crisis in the Russian Empire]. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*. T. 5. № 1 (14). Pp. 205-207. [in Russian]

Sosnovskikh, 2016b – *Sosnovskikh A.V.* (2016). Natsional'naya politika Rossiiskoi imperii v otnoshenii Finlyandii v period kontsa XIX – nachala XX veka i ee vliyanie na razvitie krizisnoi situatsii v gosudarstve [The national policy of the Russian Empire in relation to Finland during the late XIX – early XX centuries and its influence on the development of the crisis in the state]. *Sotsial'no-ekonomicheskie nauki i gumanitarnye issledovaniya*. № 11. Pp. 125-129. [in Russian]

Svod mestnykh uzakonenii..., 1845 – Svod mestnykh uzakonenii gubernii ostzeiskikh. Chast' pervaya. Uchrezhdeniya [Code of local legalizations of the provinces of Ostsee. Part one. Institutions]. *Svod mestnykh uzakonenii gubernii ostzeiskikh povelaniem gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennyi*. SPb., 1845. P. 1. Pp. 1-26. [in Russian]

Tolstoi, Gessen, 1907 – *Tolstoi I.I., Gessen Yu.I.* (1907). Fakty i mysli. Evreiskii vopros v Rossii [Facts and thoughts. Jewish Question in Russia]. SPb. [in Russian]

Uiks, 2015 – *Uiks T.R.* (2015) Zatish'e mezhdru buryami [The lull between storms]. *Rodina*. № 2. Pp. 69-71. [in Russian]

Vortman, 1999 – *Vortman R.* (1999). «Ofitsial'naya narodnost'» i natsional'nyi mif rossiiskoi monarkhii XIX veka [Political and economic situation of Jews in Russia]. *ROSSIYA/RUSSIA*. Vyp. 3 (11): Kul'turnye praktiki v ideologicheskoi perspektive. M., Pp. 233-244. [in Russian]

Vysochaishii Ego Imperatorskogo..., 1913 – Vysochaishii Ego Imperatorskogo Velichestva Seimovyi Ustav dlya Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo Dan v S.–Peterburge 15 (3) Aprelya 1869 goda [The Supreme of His Imperial Majesty the Sejm Charter for the Grand Duchy of Finland, Dan in St. Petersburg on April 15 (3), 1869]. Korevo H.H. (1913). Seimovyi ustav dlya Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo vysochaishe utverzhdenyi 20 iyulya 1906 goda. S prilozheniem i alfavitnym ukazatelem. SPb., Pp. 130-158. [in Russian]

Zaionchkovskii, 1970 – *Zaionchkovskii P.A.* (1970). Rossiiskoe samodержavie v kontse XIX stoletiya [Russian autocracy at the end of the XIX century]. M., 444 p. [in Russian]

Национальная политика Александра III: попытка сформировать «имперскую идентичность»

Виктор Валериевич Титов^{а, *}

^а Финансовый университет при Правительстве РФ, Российская Федерация

Аннотация. Данное исследование посвящено теме формирования общей «имперской идентичности» в рамках национальной политики Александра III. Целью представленной работы является оценка эффективности «политики идентичности» Александра III и, в частности, ее влияние на внутривластную ситуацию в Российской империи. Методология исследования построена за счет комбинирования элементов кейс-стади и дескриптивного, структурного и сравнительного анализа. Автор приходит к выводу, что Александр III, следуя актуальному на тот момент тренду построения национального государства, попытался сформировать единую «имперскую идентичность» посредством языковой экспансии и ликвидации элементов автономии отдельных частей империи. Данные меры сопровождались внедрением дискриминационных практик в отношении конкретных этносов, что отчасти обосновывалось появлением новых внешних угроз, отчасти – актуализацией ксенофобских стереотипов среди представителей правящей элиты. Также подчеркивается, что в своей политике император зачастую недооценивал масштабы распространения этнонационализма среди отдельных народов Российской империи. Не уделялось должного внимания и роли экономических факторов в развитии сепаратизма. Политика русификации не сопровождалась развитием системы массового образования на русском языке, что минимизировало ее эффективность. Одновременно власти не сумели в достаточной степени сгладить социальные конфликты, возникшие в качестве побочного эффекта процесса индустриализации и развития капиталистических отношений. Следствием последнего стало размывание идентичности русских как «титупольной нации» империи.

Подобная политика способствовала укреплению ксенофобских стереотипов, что провоцировало расширение репрессий со стороны властей. Последнее закономерно еще больше обостряло «национальный вопрос» и усиливало привлекательность революционного движения для «иностранцев». В этих условиях усилия центральных властей по укреплению «имперской идентичности» давали лишь результат, обратный желаемому.

Ключевые слова: Александр III, национальная политика, «национальный вопрос», идентичность, Польша, Финляндия, евреи.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: VVTitov@fa.ru (В.В. Титов)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1281-1289. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1281
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Russian Collections in the Museum of Russian Studies of the Imperial Kazan University

Elena G. Guschina ^{a, *}, Tatiana T. Titova ^a, Adelia I. Khairullina ^a, Arslan Kh. Mingaliev ^a

^a Kazan (Volga region) Federal University, Russian Federation

Abstract

The article reconstructs the process of forming the collection on the Ethnography of the Russian people in the Museum of Russian studies of the Imperial Kazan University. The features of the collection at different historical stages are identified, and the composition of the collections is analyzed. The authors pay special attention to the role of the individual in the acquisition of funds and determining the trajectory of development of this collection. The materials used are extracts from reports on the state and functioning of the Imperial Kazan University, the Museum archive, inventories and the exhibits of the Ethnographic Museum of Kazan University.

The authors come to the conclusion that this collection was actually disconnected from the research and educational process and did not have a scientific logic of formation. The main declared task of the collections was not solved: purposeful acquisition for a full and comprehensive representation of the peoples of the Volga region. These problems are explained by the peculiarities of scientific interest of Museum directors, who did not attach much importance to the specifics of ethnographic collections, and the lack of a tradition of keeping records. The authors were able to use museum and archive sources to identify the ownership of one collection (collector – N.L. Shabel'skaya), which in Soviet times was designated as "a collection of unknown origin".

Keywords: collection, museum, ethnography, Russian, traditional culture, museum collection, material culture.

1. Введение

Музей отечествоведения Императорского Казанского университета являлся уникальным музеем гуманитарного профиля в России XIX в. – он не был предусмотрен Уставом университета, но естественным образом сформировался в ходе развития науки и не имел аналогов в других российских университетах. Данный музей был образован в 1885 г. путем реорганизации Музея этнографии, древности и изящных искусств, в основе которого, в свою очередь, лежали коллекции Кабинета редкостей (первого музея этнографического профиля в Казанском университете и первого гуманитарного музея Поволжья в целом). Просуществовал Музей отечествоведения до 30-х гг. XX в., но все его этнографические коллекции в 1913 г. по решению Совета университета передали в Этнографический музей. Этот новый музей был организован по инициативе и проекту российского этнографа, музейного деятеля, географа Б.Ф. Адлера. Основой музея стали коллекции Кабинета географии, который возглавлял Б.Ф. Адлер. Помимо коллекций Музея отечествоведения, в состав нового музея вошли коллекции музея Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ) (Гущина, 2011: 233).

Музей отечествоведения создавался как специализированный музей по презентации прошлого (археологии) и настоящего (этнографии) «местного Отечества». Вместе с тем коллекции, которые

* Corresponding author

E-mail addresses: egguschina@mail.ru (E.G. Guschina), tatiana.titova@rambler.ru (T.A. Titova), aikhayrullina@mail.ru (A.I. Khairullina), arслан.mingaliev@yandex.ru (A.Kh. Mingaliev)

хранились в нем, были достаточно разноплановыми. Например, из собранных в первой половине XIX в. коллекций Кабинета редкостей в Музей отечествоведения перешло богатое собрание по народам Восточной и Северной Азии, Океании и Америки.

Для того чтобы сформировать фонды по народам северо-восточной части Российской империи, в том числе и по народам Волго-Уралья, сотрудники Музея отечествоведения закупали специальные профильные коллекции. Также фонды этнографических музеев Казанского университета пополнялись благодаря экспедициям и дарам этнографов и специалистов, занимавшихся вопросами народной культуры. Несмотря на то, что на протяжении XIX в. в Казанском университете функционировало несколько музеев с разными научными, учебными и культурно-просветительскими целями, в собрании всех трех музеев имелись коллекции по народам Поволжья, в том числе и поволжским великороссам. Однако специфика развития этнографии в Казанском университете в XIX – первой четверти XX вв. (изучение преимущественно финно-угорских и тюркских народов Волго-Уралья, народов Сибири и Дальнего Востока, а также народов сопредельных с Российской империей восточных стран) не способствовала формированию качественных коллекций по традиционной культуре русских регионов. Тем не менее анализ описей Этнографического музея показывает, что в нем хранится достаточно большое репрезентативное собрание по традиционной культуре разных русских областей России. При этом русские коллекции, как и история их формирования, до настоящего времени не становились объектом исследования ученых: нет не только комплексного описания, но и атрибуции некоторых предметов.

Изучение истории формирования означенного собрания позволяет более полно представить картину развития этнографии и музейного дела в дореволюционной России. Также введение в научный оборот информации о коллекциях университетских музеев, часто недоступных и неизвестных широкому кругу исследователей, способствует расширению исследовательских возможностей по изучению традиционной культуры.

2. Материалы и методы

В качестве материалов для работы нами использованы архивные источники и описи Этнографического музея Казанского университета. В настоящее время в его собрании хранится 43 коллекции (разные по составу и количеству экспонатов), характеризующие традиционную материальную и духовную культуру русского народа (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Русские). Большая часть предметов поступила в Казанский университет в конце XIX – начале XX вв. и хранилась в Музее отечествоведения. Следует отметить, что сами описи содержат минимальные сведения: в лучшем случае – данные, из какого музея университета были переданы, название экспоната, место бытования. Установить более детальную картину пополнения музея коллекциями и рассмотреть особенности изучения этнографии русских помогают отчеты о состоянии Императорского Казанского университета, которые ежегодно издавались в печатном виде. Архивный материал по теме исследования сосредоточен в Национальном архиве Республики Татарстан (ГА РТ; фонд № 977 «Казанский университет», описи «Совет», «Историко-филологический факультет»/«Истфилфак») и архиве Этнографического музея Казанского (Приволжского) федерального университета (АФ ЭМУ). Важным источником, раскрывающим общую логику функционирования Музея отечествоведения и его научную концептуальную основу, является статья И.Н. Смирнова «Музей Отечествоведения» (Смирнов, 1892). В ней автор достаточно подробно описывает состав фондов и экспозицию музея.

Методологической основой работы стал историко-системный подход, при помощи которого мы смогли реконструировать историю формирования коллекций по русской этнографии в контексте развития этнографии в Казанском университете. В ходе работы нами были использованы как общенаучные методы (анализ, синтез, обобщение), так и специальные исторические методы (проблемно-хронологический, сравнительно-исторический), которые являются необходимыми при рассмотрении в хронологической последовательности особенностей комплектования Музея отечествоведения, его функционирования и вклада отдельных ученых Казанского университета. Применение комплекса вышеназванных методов позволяет всесторонне реконструировать процесс формирования коллекций по этнографии русского народа в собрании Музея отечествоведения в контексте развития этнографии в Казанском университете.

3. Обсуждение

Специфика темы предполагает обращение к литературе как по истории музея и музейного собрания, так и истории этнографии в Казанском университете. Изучением этих вопросов этнологи и историки Казанского университета начали заниматься в советский период и планомерно продолжают данную работу до настоящего времени. Например, в советское время была подробно описана и атрибутирована океанийская коллекция, привезенная в 1821 г. И.М. Смирновым из Первой русской антарктической экспедиции (Кабо, Бондарева, 1974). В настоящее время коллекции Этнографического музея также являются объектом пристального интереса исследователей. Так, в 2012 г. вышла статья О.А. Масаловой и Е.Г. Гущиной «Этнографические наблюдения в Южной Америке профессора В.Ф. Берви» (Масалова, Гущина, 2012). В ней авторы описывают

латиноамериканскую коллекцию, реконструируют жизненный и научный путь ее собирателя и приводят интересные архивные материалы об экспедиции. Стоит отдельно отметить монографию Е.Г. Гущиной, в которой достаточно подробно в контексте развития этнографии в Императорском университете описываются особенности функционирования разных этнографических музеев университета (Гущина, 2019).

Русское население в местах своего основного расселения уже в XIX в. становится объектом этнографического изучения. Но планомерное этнографическое исследование русского населения Волго-Уралья начинается только в советское время и связано с именами этнографов Казанского университета Е.П. Бусыгина, Н.В. Зорина и Л.С. Токсубаевой (Титова, 2019). Они же первыми обратились к описанию русских коллекций Этнографического музея Казанского университета. Отдельного внимания заслуживает статья Е.П. Бусыгина и Н.В. Зорина «Русские коллекции в Этнографическом музее Казанского университета» (Бусыгин, Зорин, 1958), в которой ученые приводят общие сведения о составе русских коллекций, собранных в дореволюционное время, выделяя предметы кустарных промыслов, быта, одежды и головные уборы. Также авторы дают общий обзор коллекции, которую они собрали в экспедиции в 1957 г. и передали в Этнографический музей Казанского университета, однако при этом не описывая исторический контекст формирования данного собрания и не указывая «опознавательных» номеров коллекций и отдельных предметов. Так, Е.П. Бусыгин и Н.В. Зорин ограничились лишь коротким упоминанием о полученных из Музея отечествоведения женских головных уборах, не имевших точной датировки, и небольшим перечислением разновидностей этих уборов (Бусыгин, Зорин, 1958: 112).

История развития этнографии, в том числе и процесс формирования музейных коллекций, является одним из направлений научных исследований этнологов Казанского университета в настоящее время. Например, достаточно подробно рассмотрены процесс формирования коллекций по народам Сибири и особенности этнографического изучения этого региона в статье «К исследованию в естественно-историческом отношении восточного края России и Сибири: роль Общества естествоиспытателей при Казанском университете в развитии этнографии в первой четверти XX в.» (Titova et al., 2015). В статьях этнологов Казанского университета рассматриваются особенности развития этнографии как науки и этнографического музея как материально-технической базы в Поволжье в XIX – XX вв. (Титова и др., 2018; Гущина, 2014).

Таким образом, история функционирования как Этнографического музея и вошедших в его состав музеев, так и отдельных коллекций на сегодняшний день достаточно хорошо изучена. Вместе с тем именно русские коллекции Этнографического музея, в том числе и коллекции, вошедшие в его состав из фондов Музея отечествоведения, не получили должного внимания и заслуживают детального рассмотрения.

4. Результаты

Музей отечествоведения Казанского университета был образован в 1885 г. путем реорганизации Музея древностей и этнографии, изящных искусств, собрания монет и медалей (созданного на базе коллекций Кабинета редкостей – первого этнографического музея Казанского университета). Как можно понять из названия, это был достаточно большой и разноплановый по составу коллекций музей. До реорганизации его возглавлял Н.А. Фирсов, который затем стал заведующим Музеем отечествоведения. Его основой стали коллекции Кабинета редкостей, дополненные собранными за тридцать лет существования Музея древностей и этнографии археологическими и этнографическими коллекциями народов России. При музее функционировала большая библиотека, в которой были книги по истории, этнографии и географии «отечествоведения вообще», и северо-востока России в частности. Отметим, что Н.А. Фирсов ратовал за создание особого самостоятельного «русского отдела» (ГА РГ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 7716. Л. 5-6).

Сложно точно определить, что представлял собой этот «русский отдел», поскольку никакая дореволюционная учетная документация не сохранилась, даже при наличии подобной в некоторых музеях Императорского Казанского университета, имеющих этнографический профиль. При этом мы точно знаем, что в Музее отечествоведения была инвентарная книга – «каталог документальный», выданный в 1887 г. для записи имущества (ГА РГ. Ф. 977. Оп. Истфилфак. Д. 1884. Л. 5). Но сложно даже предположить, какая именно информация и в какой форме туда вносилась. Уже на момент объединения этнографических собраний университета в 1913 г. в Этнографический музей невозможно было восстановить многие описи и атрибутировать предметы и коллекции, авторство которых было сомнительно или неизвестно (Гущина, 2019: 167). В описях Этнографического музея Казанского университета коллекции, переданные из Музея отечествоведения, имеют соответствующую пометку, но практически не содержат никаких «паспортных» сведений. Например, про коллекции Музея отечествоведения Е.П. Бусыгин и Н.В. Зорин написали один абзац: «Очень много женских головных уборов получено Этнографическом музеем Казанского университета из ранее существовавшего здесь Музея отечествоведения в начале XX в. Они, к сожалению, не имеют точной датировки...», и далее в тексте приводится перечисление некоторых их разновидностей (Бусыгин, Зорин, 1958: 112).

Действительно, учетную документацию на коллекции, а именно описи, которые явились исторической формой учета предметов Этнографического музея Казанского университета и номера которых приводятся при обращении к коллекциям, стали составлять только по инициативе Б.Ф. Адлера в 1915–1920 гг. после окончательного объединения всех этнографических коллекций университета. Причем процесс создания инвентарных книг и описей Этнографического музея Казанского университета в XX в. проходил непланово. Следует отметить, что в силу специфики развития этнографии в Казанском университете в 30–40-е гг. XX в. (сложные условия работы, репрессии, директивное назначение тем, закрытие кафедры и музея) в период, когда составлялась основная учетная документация – коллекционные описи, в музее не было специалистов, знающих историю поступлений и/или комплексно этнографию конкретных народов.

Вместе с тем, привлекая к работе архивные материалы, источники, в которых содержится информация о пополнении Музея отечествоведения коллекциями (отчеты, протоколы), нам удалось достаточно полно реконструировать историю формирования его русских коллекций. Прежде всего, следует отметить, что при создании Музея отечествоведения его собрания в большей степени иллюстрировали культуру народов Австралии, Океании, Америки, Китая, Монголии и других стран, но не «местного отечества». Однако именно презентация культуры народов многонационального Волго-Уралья провозглашалась миссией этого музея и основным направлением его развития. При Музее отечествоведения было создано два отдела: собственно музей и библиотека ([Извлечение..., 1888: 72](#)). На протяжении истории своего развития музей пополнялся археологическими, историческими и этнографическими коллекциями. Как отмечают исследователи, в процессе формирования его коллекционного собрания отсутствовала плановость и четко сформированная траектория развития, именно этнографические коллекции собирались с большими сложностями. Это объясняется, прежде всего, тем, что в музее работали историки, которые не воспринимали этнографическое собрание как самостоятельный и информативный источник, этнография не входила в сферу их научных интересов ([Гущина, 2019: 87](#)). Музей отечествоведения возглавляли два профессора кафедры русской истории: до 1896 г. – Н.А. Фирсов (1831–1896), после – Д.А. Корсаков (1843–1920).

Достаточно полное представление о том, что представлял собой Музей отечествоведения в 90-е гг. XIX в. нам дает заметка о нем историка, этнографа И.Н. Смирнова в «Известиях» ОАИЭ. Подчеркнем, что в своем описании музея он не приводит подробной информации о коллекциях по народам мира, которые хранились в музее, но довольно подробно описывает коллекции по народам Поволжья. Это еще раз подтверждает тот факт, что музей планировали развивать именно как специализирующийся на культуре народов «местного Отечества». И сам И.Н. Смирнов занимался этнографическим изучением и сбором коллекций для данного музея по народам края; ему же во многом принадлежит концепция развития данного музея ([Титова и др., 2018: 63](#)).

Предметы и коллекции по народам Волго-Уралья в Музее отечествоведения размещались таким образом, что на основе их сравнительно-сопоставительного анализа можно было делать выводы о развитии культуры местных народов, их взаимовлиянии. Например, описывая отдел фотографий, И.Н. Смирнов отмечал, что «посетитель музея имеет, прежде всего, возможность ознакомиться с историей развития инородческого жилища. Начиная с конического овина, который является остовом былого чума, переходя через курную избу с открытым ходом (пермяцкая изба), инородец постепенно доходит до русского дома, идеал которого имеется тут же в виде модели дома, какой строят раскольники-бегуны, к дому с крытым крыльцом, сенями и т.д.» ([Смирнов, 1892: 442-443](#)).

Таким образом, русские коллекции стали «венцом» в такой своего рода «эволюционной цепочке», являя собой, по мнению составителей, более «совершенную модель». При этом И.Н. Смирнов отмечал, что как в изучении русского населения края, так и в формировании коллекций были определенные сложности. В своем очерке о Музее отечествоведения И.Н. Смирнов отмечает, что русский отдел был «беднее других отделов». При описании коллекций по традиционной культуре русского населения, которые хранились в Музее отечествоведения, он упоминает несколько групп предметов ([Смирнов, 1892: 446](#)):

1) фотографии, запечатлевшие этнотерриториальную группу русских Поволжья, проживающих с XVII в. среди низовых чувашей в окрестностях Мариинского посада Чебоксарского уезда Казанской губернии;

2) фотографии, «знакомящие с формами народной архитектуры Нижегородской, Вятской и Костромской губерний, перенесенными на З. Казанской губернии»;

3) модели северорусского дома;

4) манекен в костюме русской женщины Казанской губернии первой половины XIX в., изготовленный г. Нелидовой;

5) женские «костюмы»: один – Вятской губернии, два – Нижегородской, а также несколько образцов головных женских уборов Казанской, Вятской, Нижегородской, Симбирской и Пензенской губерний;

6) отдельные элементы женского костюма Тульской и Рязанской губерний, с кружевами и вышивками, пожертвованные Н.Л. Шабельской.

Сложно определить, что представляло собой большинство из этих коллекций и кто был собирателем и/или дарителем (помимо тех, в которых упомянуты Нелидова и Шабельская), как и то, когда именно они поступили в музей. Нигде в отчетах мы не нашли подробной информации, предметы не сопровождаются бирками/описанием, не сохранилось никаких описей Музея отечествоведения. Более того, в современном Этнографическом музее хранится только пара портретных дореволюционных фотографий русских и не определено, где находится (и сохранился ли вообще) указанный в описании И.Н. Смирнова массив фотографий. Все коллекции, собранные в данном музее в 1880–1890 гг., вообще сложно атрибутировать, что свидетельствует о незаинтересованности или, возможно, простом неумении работать с этнографическими предметами и с музейным собранием в целом людей, возглавлявших музей.

Не установлена и судьба манекена, «дающего понятие о костюме, который носился в Казанской губернии» (Смирнов, 1892: 446). Его автор – Раиса Александровна Нелидова, преподаватель истории казанской Мариинской женской гимназии, член Общества археологии, истории и этнографии. Она занималась изучением и репрезентацией традиционного русского костюма и создавала авторские манекены, одетые в авторские репродукции традиционных костюмных комплексов разных эпох и разных этнотерриториальных групп русских. Р.А. Нелидова позиционировала свои работы как наглядные пособия для преподавания русской истории и презентовала их 27 апреля 1890 г. на одном из заседаний Общества (Титова, Гуцина, 2018: 218). Это были несколько манекенов в русских костюмах XI–XVII вв. и рисунки, среди которых особо выделялся манекен русской девушки Казанской губернии первой четверти XIX в. в «полном наряде» (Протоколы заседаний..., 1891: 3-4). В настоящее время ни один из манекенов Р.А. Нелидовой не был обнаружен ни в одном из музеев г. Казани.

В 1890–1891 гг. в Музей отечествоведения Н.Л. Шабельская пожертвовала интересную коллекцию отдельных принадлежностей женского костюма Тульской и Рязанской губерний, а также кружева и вышивки (Смирнов, 1892: 446). С ее именем связано существование одного из самых больших собраний по декоративно-прикладному искусству русского народа. Меценат, коллекционер, любительница старины и народного искусства, Н.Л. Шабельская организовала в своем имении мастерскую по изготовлению вышивок и вышитой продукции. Она много путешествовала по центральной России, изучала подлинники в разных музейных собраниях, посещала ярмарки. Энергичная собирательская деятельность, создание реплик и вариаций элементов русского народного костюма ее мастерицами способствовали открытию в Москве частного «Музея старины» (Глебушкин, 2018). Свои коллекции Н.Л. Шабельская неоднократно презентовала на выставках в музеях, на всероссийских и всемирных выставках в Западной Европе и Америке, где часто ее экспонаты отмечали высокими наградами (Агапова, 2010).

Коллекция головных уборов Н.Л. Шабельской не была зарегистрирована отдельно, как и большинство коллекций Музея отечествоведения. В отчетах мы не встречали информацию о составе этой коллекции и даже простого указания количества предметов. Несколько головных уборов из собрания Этнографического музея Казанского университета имеют печать синей краской на внутренней стороне предмета: «Собрание русской старины Н.Л. Шабельской». Все они зарегистрированы под учетным номером ЭМУ 200. Всего в этой коллекции 24 предмета, и только данная коллекция среди всех русских коллекций Этнографического музея Казанского университета имеет подпись «из музея отечествоведения». Все девичьи и женские головные уборы, представленные в указанной коллекции, «богатые»: с золотным шитьем, из парчи, с украшением бисером и т.п. Несмотря на то, что все головные уборы соответствуют собирательским ориентирам Н.Л. Шабельской и наглядно демонстрируют отдельные направления русского декоративно-прикладного искусства, мы не можем утверждать, что они были собраны именно ею, так как мы точно знаем, что в собрании Музея отечествоведения хранились и другие головные уборы. Поэтому как о переданных в дар именно Н.Л. Шабельской мы можем говорить только о тех экспонатах, которые имеют соответствующее клеймо. Как было обозначено ранее, она передала в музей отдельные предметы женского костюма Тульской и Рязанской губерний, а также коллекцию образцов кружева и вышивок (Смирнов, 1892: 446). Эти коллекции зарегистрированы под учетными номерами ЭМУ 171 и ЭМУ 258 соответственно. Причем коллекция ЭМУ 171 имеет обозначение – «куплено у Шабельской», а коллекция образцов вышивок и кружев не была атрибутирована до настоящего времени. Сопоставив описание всех русских коллекций Этнографического музея Казанского университета с описями и архивными материалами, сами образцы вышивок, кружева и способ их презентации с каталогом «Собрание русской старины» (Сидамон-Эристова, 1910), а также аналогичными музейными собраниями России, мы пришли к выводу, что коллекция ЭМУ 258 является именно той коллекцией, которую пожертвовала Музею отечествоведения Н.Л. Шабельская.

Рассматривая пятую группу экспонатов – «женские костюмы», по ее обобщенной формулировке (характеристике) сложно заключить, были ли это полные костюмные комплексы или отдельные элементы. Анализ описей и коллекций Этнографического музея Казанского университета показал, что эти предметы являются коллекцией, зарегистрированной под учетным номером ЭМУ 170. В коллекции было 48 номеров: сарафаны, душегреи и холодники, платки и полотенца

(АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 170. № 1–48). В описи отсутствует какая-либо информация о месте бытования или собирателе предметов, поэтому невозможно сформировать представление о целостности коллекции, ее репрезентативности в части географических особенностей традиционного костюма русского народа. Визуальный анализ экспонатов показал, что большая часть предметов костюма (сарафаны и верхняя одежда) выполнена из дорогих фабричных тканей – парчи, бархата, шелка, богато декорирована и относится праздничной одежде.

Именно такие же праздничные «богатые» предметы одежды русских продолжили в дальнейшем закупать для Музея отечествоведения и при новом директоре Д.А. Корсакове. Он планировал, как и Н.А. Фирсов, развивать музей в рамках истории, археологии и этнографии Волго-Уралья, где особое место отводилось русской истории, что соответствовало профилю историко-филологического факультета и кафедры, при которой был Музей отечествоведения. Бытовые предметы поступали только за счет единичных пожертвований, а ритуальные предметы или образцы ремесленных промыслов не поступали вовсе. Так, в начале XX в. в дар от студента Казанского университета В.В. Лобанова передана коллекция пастушьих бироков (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 7. № 1), а от неизвестного лица была получена коллекция бытовой утвари в 6 предметов (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 8. № 1–7).

Сведения о закупках русских коллекций Д.А. Корсаковым более информативны: в отчетах встречаются сведения о дате покупки и месте бытования, что отразилось в описях. На протяжении пяти лет (1903–1908 гг.) у крестьянина Костромской губернии Владимира Михайловича Богомолова Д.А. Корсаков ежегодно приобретал одну коллекцию. Больше мы не встречаем информации о пополнении Музея отечествоведения новыми предметами по «прошлому и настоящему» русского народа. В отчетах о состоянии музея за 1904 г. есть только одна запись про закупку предметов у В.М. Богомолова, приобретенных за 91 рубль: «... куплено 90 малых медных образков», «коллекция головных уборов (кокошников, кичек, косынок)», «крестьянских парчовых сарафанов» и «штофный холодильник» (Отчет..., 1905: 31).

При составлении описей предметов из этих собраний в середине XX в. их разбили по нескольким коллекциям (например, в одной коллекции значится только один сарафан). С определением некоторых предметов в коллекции возникла, судя по всему, путаница. Например, в одном из отчетов мы встречаем информацию, что в 1906 г. у В.М. Богомолова был приобретен деревянный «расписанный травами» свечник (светец) из Архангельской губернии (Отчет..., 1907: 28). Но такой светец в собрании музея был только один и при составлении описей его зарегистрировали как купленный у В.М. Богомолова в 1905 г. (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 10. № 8).

Всего в настоящее время в Этнографическом музее зарегистрировано 16 коллекций (58 предметов), приобретенных у В.М. Богомолова для Музея отечествоведения. В большей степени в его собраниях представлены предметы традиционного женского костюмного комплекса Нижегородской, Костромской, Архангельской, Вологодской, Пензенской, Ярославской, Рязанской и Тамбовской губерний. Можно предположить, что в результате покупки этих коллекций в музее были собраны основные костюмные комплексы разных этнографических групп русского народа. Но это не совсем так. Анализ коллекций показал, что там нет ни одного полного целостного костюмного комплекса, представлен только женский праздничный богатый костюм из дорогих покупных тканей.

5. Заключение

В целом, можно заключить, что согласно концепции Музея отечествоведения были предприняты усилия по целенаправленному формированию русской коллекции. В то же время это собрание было оторвано от научного и образовательного процесса, что отразилось на его качественном пополнении. В большей степени это были «нарядные» и «богатые» предметы, а не научные цельные коллекции, способные в полной мере представить региональную специфику русского населения разных частей Волго-Уралья или России в целом, а также половозрастную специфику. Отсутствовала научная логика в формировании данного собрания. Возможно, это связано с тем, что руководившие музеем историки Н.А. Фирсов и Д.А. Корсаков не рассматривали этнографические коллекции как самостоятельный информативный научный источник, а воспринимали их только как вспомогательный иллюстративный материал. Более того, рассмотрение вопросов этнографии не входило в их научный интерес.

Исключение составляет группа предметов, переданных в дар Р.А. Нелидовой и Н.Л. Шабельской. Пожертвованные ими в Музей отечествоведения коллекции отвечали их исследовательскому интересу и были комплексными. Созданный Р.А. Нелидовой манекен показывал особенности костюма крестьянки Казанской губернии первой четверти XIX в., но на данный момент нам не удалось его обнаружить ни в одном музее г. Казани. Коллекция образцов декоративно-прикладного искусства русских Н.Л. Шабельской содержит образцы вышивок, золотного шитья и кружева разных губерний России.

Отсутствие каталогов, учетной документации Музея отечествоведения существенно затрудняет работу с коллекциями. Но при привлечении архивных источников и проведении сравнительно-сопоставительного анализа с авторскими музейными собраниями можно атрибутировать как

отдельные предметы, так и коллекции. Примером этого может служить коллекция Этнографического музея Казанского университета под учетным номером ЭМУ 258, долгое время обозначенная как «неизвестного происхождения». Нам удалось с высокой степенью достоверности установить, что это могла быть только коллекция, переданная Н.Л. Шабельской. Проведение подобного анализа и атрибуции предметов расширяет исследовательское поле по изучению и репрезентации русской традиционной культуры, а также дает более глубокое представление о развитии этнографии и музейной собирательской работе.

Литература

Агапова, 2010 – Агапова М.Ю. Перспективы создания сводного каталога коллекции Н.Л. Шабельской // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2010. № 120. С. 7-11.

АФ ЭМУ – Архивный фонд Этнографического музея Казанского университета.

Бусыгин, Зорин, 1958 – Бусыгин Е.П., Зорин Н.В. Русские коллекции в Этнографическом музее Казанского университета // *Советская этнография*. 1958. № 5. С. 107-112.

ГА РТ – Государственный архив Республики Татарстан.

Глебушкин, 2018 – Глебушкин С.А. История собирательства русского традиционного костюма в России // *Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА*. 2018. № 2–2. С. 69-85.

Гущина, 2011 – Гущина Е.Г. Этнографическое собрание Казанского университета в первой четверти XX века // *Ученые записки Казанского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2011. Т. 153. Кн. 3. С. 233-240.

Гущина, 2014 – Гущина Е.Г. «Познай самого себя»: кафедра географии и этнографии Казанского Императорского университета // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2014. № 11 (49). Ч. 2. С. 72-75.

Гущина, 2019 – Гущина Е.Г. Этнографическое собрание Императорского Казанского университета: история формирования и развития // *Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*. 2019. Т. 39. № 1–2. 255 с.

Извлечение..., 1888 – Извлечение из отчета Казанского университета за 1887 академический год. Казань: Казанский ун-т, 1888.

Кабо, Бондарева, 1974 – Кабо В.Р., Бондарева Н.М. Океанийская коллекция И.М. Симонова // *Культура народов Австралии и Океании: Сборник музея антропологии и этнографии*. 1974. Т. 30. С. 101-111.

Масалова, Гущина, 2012 – Масалова О.А., Гущина Е.Г. Этнографические наблюдения в Южной Америке профессора В.Ф. Берви // *Латинская Америка*. 2012. № 6. С. 64-73.

Отчет..., 1905 – Отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1904 год. Казань: Казанский ун-т, 1905. 145 с.

Отчет..., 1907 – Отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1906 год. Казань: Казанский ун-т, 1907. 147 с.

Протоколы заседаний..., 1891 – Протоколы заседаний Совета и Общих собраний за 1890–1891 г. // *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете*. 1891. Т. IX. Вып. 3.

Сидамон-Эристов, 1910 – Собрание русской старины. [Соч.] Кн. В.П. Сидамон-Эристовой и Н.П. Шабельской. Вып. 1. Москва: Тип. П.П. Рябушинского, 1910.

Смирнов, 1892 – Смирнов И.Н. Музей Отечества // *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*. 1892. Т. X. Вып. 4. С. 442-446.

Titova et al., 2015 – Titova T.A., Kozlov V.E., Guschina E.G. "Research in Natural Historical Value of East Region of Russia and Siberia": a Role of Society of Scientists at the Kazan University in Development of Ethnography in the First Quarter of the XX Century // *Bylye gody*. Vol. 37. Is. 3. pp. 689-696.

Титова и др., 2018 – Титова Т.А., Гущина Е.Г., Козлов В.Е. Этнографические исследования и этнографические коллекции по народам Среднего Поволжья ученых Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете // *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*. 2018. № 2. С. 61-66.

Титова, 2019 – Титова Т.А. «Свое и чужое мы должны судить по высшим человеческим принципам»: история развития этнографии в Казанском университете / *Сборник материалов XIII Конгресса антропологов и этнологов России*. Москва, Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани, АН РТ. 2019. XXVII–XXX.

Титова, Гущина, 2018 – Титова Т.А., Гущина Е.Г. Женщины-этнографы дореволюционной Казани / *Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков. Материалы XI международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН*. М.: ИЭА РАН, 2018. Т. 2. С. 217-219.

References

- Agapova, 2010** – Agapova M.Y. (2010). Perspektivy sozdaniya svodnogo kataloga kollektzii N.L. Shabel'skoi [Prospects for creating a consolidated catalog of the N. L. Shabel'skaya collection]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. № 120. pp. 7-11. [in Russian]
- AF EMU** – Arkhivnyi fond Etnograficheskogo muzeya Kazanskogo universiteta [Archive Fund of the Ethnographic Museum of Kazan University].
- Busygin, Zorin, 1958** – Busygin E.P., Zorin N.V. (1958). Russkie kollektzii v Etnograficheskom muzee Kazanskogo universiteta. [Russian collections in the Ethnographic Museum of Kazan University]. *Sovetskaya etnografiya*. № 5. pp. 107-112. [in Russian]
- GA RT** – Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan. [State archive of the Republic of Tatarstan].
- Glebushkin, 2018** – Glebushkin S.A. (2018). Istoriya sobiratel'stva russkogo traditsionnogo kostyuma v Rossii [History of collecting Russian traditional costume in Russia]. *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda. Vestnik MGKhPA*. № 2-2. pp. 69-85. [in Russian]
- Gushchina, 2011** – Gushchina E.G. (2011). Etnograficheskoe sobranie Kazanskogo universiteta v pervoi chetverti XX veka. [Ethnographic collection of Kazan University in the first quarter of the XX century]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitar. nauki*. Vol. 153, Is. 3. pp. 233-240. [in Russian]
- Gushchina, 2014** – Gushchina E.G. (2014). "Poznaj samogo sebya": kafedra geografii i etnografii Kazanskogo Imperatorskogo universiteta ["Know thyself": Department of Geography and Ethnography of the Kazan Imperial University]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Vol. 11 (49). Part 2. pp. 72-75. [in Russian]
- Gushchina, 2019** – Gushchina E.G. (2019). Etnograficheskoe sobranie Imperatorskogo Kazanskogo universiteta: istoriya formirovaniya i razvitiya. [Ethnographic collection of the Imperial Kazan University: history of formation and development]. *Izvestiya obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskogo universitete*. Vol. 39. № 1-2. 255 p. [in Russian]
- Iz vlechenie..., 1888** – Iz vlechenie iz otcheta Kazanskogo universiteta za 1887 akademicheskii god. [Extract from the report of Kazan University for the academic year 1887]. Kazan: Kazan University, 1888. [in Russian]
- Kabo, Bondareva, 1974** – Kabo V.R., Bondareva N.M. (1974). Okeaniiskaya kollektsiya I.M. Simonova. [The Oceanic collection of I. M. Simonov]. *Kul'tura narodov Avstralii i Okeanii: sbornik muzeya antropologii i etnografii*. Vol. 30. pp. 101-111. [in Russian]
- Masalova, Gushchina, 2012** – Masalova O.A., Gushchina E.G. (2012). Etnograficheskie nablyudeniya v Yuzhnoi Amerike professora V.F. Bervi. [Ethnographic observations in South America by Professor V.F. Bervi]. *Latinskaya Amerika*. № 6. pp. 64-73. [in Russian]
- Otchet..., 1905** – Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Kazanskogo universiteta za 1904 god. [Report on the state of the Imperial Kazan University for 1904]. Kazan: Kazan University, 1905. 145 p. [in Russian]
- Otchet..., 1907** – Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Kazanskogo universiteta za 1906 god. [Report on the state of the Imperial Kazan University for 1906]. Kazan: Kazan University, 1907. 147 p. [in Russian]
- Protokoly zasedanii..., 1891** – Protokoly zasedanii Soveta i Obshchikh sobranii za 1890-1891 g. [Minutes of meetings of the Council and General meetings for 1890-1891]. *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete*. 1891. Vol. IX. Is. 3. [in Russian]
- Sidamon-Eristova, 1910** – Sobranie russkoi stariny. [Soch.] Kn. V.P. Sidamon-Eristovoi i N.P. Shabel'skoi. Vyp. 1. [Collection of Russian antiquities. [Op.] By V.P. Sidamon-Eristova and N.P. Shabel'skaya, Is. 1]. Moscow: tip. P.P. Ryabushinskogo, 1910. [in Russian]
- Smirnov, 1892** – Smirnov I.N. (1892). Muzei Otechestvovedeniya. [Museum of Russian Studies]. *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete*. Vol. X. Is. 4. pp. 442-446. [in Russian]
- Titova, 2019** – Titova T.A. (2019). «Svoe i chuzhoe my dolzhny sudit' po vysshim chelovecheskim printsipam»: istoriya razvitiya etnografii v Kazanskom universitete. ["Our Own and others we must judge by the highest human principles": history of Ethnography development at Kazan University]. *Sbornik materialov XIII Kongressa antropologov i etnologov Rossii*. Moscow, Kazan: IEA RAS, KFU, Mardzhani Institute of history, AS RT. 2019. XXVII-XXX. [in Russian]
- Titova, Gushchina, 2018** – Titova T.A., Gushchina E.G. (2018). Zhenshchiny-ethnografy dorevolutsionnoi Kazani. [Women-ethnographers of pre-revolutionary Kazan]. *Gorozhanki i gorozhane v politicheskikh, ekonomicheskikh i kul'turnykh protsessakh rossiiskoi urbanizatsii XIV-XXI vekov. Materialy XI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii RAIZhI i IEA RAN*. Moscow: IEA RAS, 2018. Vol. 2. pp. 217-219. [in Russian]
- Titova et al., 2015** – Titova T.A., Kozlov V.E., Gushchina E.G. (2015). "Research in Natural Historical Value of East Region of Russia and Siberia": A Role of Society of Scientists at the Kazan University in Development of Ethnography in the First Quarter of the XX Century. *Bylye gody*. Vol. 37. Is. 3. pp. 689-696.
- Titova i dr., 2018** – Titova T.A., Gushchina E.G., Kozlov V.E. (2018). Etnograficheskie issledovaniya i etnograficheskie kollektzii po narodam Srednego Povolzh'ya uchenykh Obshchestva arkheologii, istorii i

etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete. [Ethnographic research and ethnographic collections on the peoples of the Middle Volga region by scientists of the Society of archeology, history and Ethnography at the Imperial Kazan University]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv.* № 2. pp. 61-66. [in Russian]

Русские коллекции в собрании Музея отечествоведения Императорского Казанского университета

Елена Геннадьевна Гущина ^{а, *}, Татьяна Алексеевна Титова ^а, Аделя Ильмировна Хайруллина ^а, Арслан Хайрутдинович Мингалиев ^а

^а Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье реконструирован процесс формирования собрания по этнографии русского народа в Музее отечествоведения Императорского Казанского университета. Также выявлены особенности собрания на разных исторических этапах, проанализирован состав коллекций. Авторы уделяют отдельное внимание роли личности в комплектовании фондов и определении траектории развития данного собрания. В качестве материалов использованы извлечения из отчетов о состоянии и функционировании Императорского Казанского университета, музейный архив, описи и экспонаты Этнографического музея Казанского университета.

Авторы приходят к выводам, что данное собрание было фактически оторвано от исследовательского и образовательного процесса и не обладало научной логикой формирования. Не была решена основная декларировавшаяся задача коллекций – целенаправленное комплектование для полной и всесторонней репрезентации народов Поволжья. Указанные проблемы объясняются особенностями научного интереса музейных руководителей, не придававших большого значения специфике этнографических коллекций, отсутствием традиции ведения учетной документации. Вместе с тем авторам удалось с помощью музейных и архивных источников выявить принадлежность одной из коллекций Н.Л. Шабельской, которая в советское время обозначалась как «коллекция неизвестного происхождения».

Ключевые слова: коллекция, музей, этнография, русские, традиционная культура, музейное собрание, материальная культура.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: egguschina@mail.ru (Е.Г. Гущина), tatiana.titova@rambler.ru (Т.А. Титова), aikhayrullina@mail.ru (А.И. Хайруллина), arслан.mingaliev@yandex.ru (А.Х. Мингалиев)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1290-1298. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1290
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

From the History of the Alexander Nevsky Cathedral in Tsaritsyn City (1888–1932)

Irina N. Litvinova ^{a, *}

^a Volgograd State University, Russian Federation

Abstract

The article presents factual material about the creation and fate of the largest and most magnificent Cathedral in the Volga region, made in the Russian-Byzantine style, named after the Holy Prince Alexander Nevsky. The author analyze documentary sources related to important milestones in the construction of the main temple in Tsaritsyn—from the idea of creating it at the end of the XIX century to its destruction during the heyday of anti-religious principles of life in the country of the Soviets. The main Trustees – donors for the improvement of the temple were identified. A copy of the Cathedral, which was a fine example of the tradition of Byzantine architecture, is being re-erected in Volgograd today, as before, using public funds, and its history arouses considerable interest in society. The reconstruction of a relatively complete picture of the short-lived and complex fate of the temple, which was built for more than 15 years and remained the best architectural decoration of the city at the beginning of the twentieth century, is impossible without new research. Researchers-authors of the article cannot do without new "smart technologies" of the XXI century – three-dimensional reconstruction of this historical object. The materials of this article will be the historical basis for the reconstruction of the Cathedral using 3D models.

Keywords: Cathedral, Emperor, construction, square, Tsaritsyn, Commission, Trustees, people's funds.

1. Введение

Судьба крупнейшего в Поволжье православного собора, как и народа, на чьи пожертвования он строился в переломную эпоху российской истории, была сложной и во многом трагичной. Идея возведения храма возникла в марте 1881 г. после гибели Александра II и связана с увековечением его имени. Однако сбор средств и организационные работы по его сооружению начались после события, связанного со спасением другого императора и его семьи во время крушения поезда в октябре 1888 г. Возведение здания закончено в 1915 г., в период царствования Николая II, но продолжались внутренние отделочные работы в разгар Мировой войны. Не хватало средств. Полностью закончились работы по убранству собора и начались регулярные общественные богослужения в мае 1918 г. – ровно за два месяца до расстрела Николая II и царской семьи. Вскоре наступила эпоха жесткой атеистической пропаганды, когда в стране и крае закрывались, уничтожались многие храмы. В общей сложности собор действовал 14 лет, а в 1932 г. его взорвали, т.е. уничтожили полностью.

У историков и специалистов компьютерных технологий Волгоградского госуниверситета в век «умных технологий» имеется собственный интерес к знаковым для города местам и зданиям, к которым, бесспорно, относится данный собор. В частности, предстоит работа по виртуальной исторической 3D реконструкции важных для региона объектов, которых его жители лишились навсегда в период непримиримого атеизма в 1930-х и уличных боев за Сталинград в 1942 г.

Следовательно, 3D моделирование собора в честь Святого князя Александра Невского и других знаковых зданий и сооружений – это не только дань социальной памяти потомков, но также научная

* Corresponding author

E-mail addresses: litvinova@volsu.ru (I.N. Litvinova)

необходимость для исследовательских целей культурного наследия, утраченного в период трагических для города и страны событий. Материалы данной статьи послужат основой для создания аналитической справки по проекту 3D исторической реконструкции главного Собора Царицына.

2. Материалы и методы

В ходе исследования применялся документальный анализ материалов печатных изданий, архивных источников, в т.ч. научной литературы методом сбора фактологических данных по истории собора. Сами документы использовались в качестве главного источника информации. Прежде всего, это местные газеты «Царицынский вестник», «Волго-Донской край», «Волжско-Донской листок», отражающие хронику событий создания собора, информирующие о деятельности его попечительской комиссии, о денежных поступлениях и подарках храму от граждан разных сословий. Из архивных документов использовались дела фондов Саратовского госархива: фонда 1 – «Канцелярия Саратовского губернатора», фонда 25 – «Саратовское губернское по земским и городским делам присутствие» и другие.

Статья, посвященная судьбе Александро-Невского собора Царицына, как историческое исследование опирается на принципы объективности, историзма и системности, предполагающие анализ широкого круга источников, сопоставление фактов и различной информации по изучаемой проблеме. Социокультурный подход на базе системного анализа церковно-исторического наследия края основывается на единстве культуры и социальности, включает оценку этического, религиозного и правового характера, влиявших на духовную жизнь православной части царицынского общества в мирное время и в годы тяжелых испытаний начала XX в.

3. Обсуждение

В связи с популярностью темы возведения нового собора в Волгограде, представляющего копию действовавшего ранее в Царицыне, данной проблематике посвящено немало количество заметок на историко-краеведческих интернет-сайтах. Обычно, знакомя читателей с информацией и просвещая молодежь по краеведческой тематике, т.е. занимаясь благим делом, разработчики сайтов не имеют привычки ссылаться на оригиналы авторских статей, перепечатывая их содержание. Наиболее ценными в данном отношении являются рубрики сайта «Царицынское генеалогическое общество», проекты Общества и фотогалерея, содержащая снимки царицынской эпохи, представляющие научный интерес для исследователей края ([Царицынское...](#)) и авторские статьи сайта «Волгоград Православный» ([Разрушенные храмы](#)). Ввиду специфики рассмотрения локального географического ареала – города Царицына, являвшегося в начале XX в. крупным торгово-промышленным центром Нижнего Поволжья – изучением церковной тематики, памятниками городского зодчества и провинциального социума занимались в основном региональные авторы. Анализу проблемы утраченных храмов в регионе, восстановлению работы на православных приходах посвящены труды С.М. Иванова и В.И. Супруна. Отметим, что первой в крае издана, но является актуальной и сегодня по тематике РПЦ монография авторов, из которой мы приводим выдержки в данной статье ([Иванов, 2003](#)). Историк, пресс-секретарь Волгоградской епархии С.М. Иванов и филолог, проф. В.И. Супрун продолжительное время занимались сбором архивных материалов, фотоснимков об утраченных храмах Царицына-Сталинграда. Помимо научных публикаций, они ведут авторскую рубрику по краеведению на сайте «Волгоград Православный» ([Разрушенные храмы](#)).

Отдельные аспекты работы царицынской думы, и в частности деятельность попечительской комиссии по строительству собора, вопросы финансирования и кредитования проекта, являются объектом исследования А.В. Материкина ([Материкин, 2006](#)). В.В. Серебряная уделяет значительное внимание истории культового зодчества с позиции культурного достояния Волгоградской области ([Серебряная, 2002](#)). Исследователь выявила, систематизировала и охарактеризовала типы и стили постройки православных каменных храмов как византийского наследия, так и классицизма, имевшихся ранее и действующих ныне в регионе ([Серебряная, 2018](#)).

4. Результаты

Именем Царя-Освободителя Александра II, пользовавшегося народной любовью и при жизни, и после смерти, были названы многие учебные учреждения, улицы, площади в российских городах. В Астрахани, Саратове, Царицыне памятен был приезд самого императора в 1871 г. Например, в Саратове к этому приезду было приурочено открытие Александровского ремесленного училища. В Царицыне – крупном уездном центре губернии – уже после визита в честь императора были названы центральная улица и площадь города, а также классическая мужская гимназия, открывшаяся в 1875 г. ([Весь Царицын, 1911: 32](#)).

Трагедия, связанная с гибелью Александра II 1 марта 1881 г., отозвалась в сердцах подданных империи. Впоследствии в память о скорбном событии на народные средства было воздвигнуто множество памятников, храмов и часовен. По этой же причине в апреле 1882 г. на Базарной площади Царицына было освящено строительство каменной Александровской часовни, а в марте 1883 г.

состоялось ее торжественное открытие (Иванов, 2003: 178). Часовня находилась в заведовании причта Успенского храма, находившегося неподалеку, на верхнем ярусе набережной Волги.

Именно тогда по инициативе городского клуба «Общественное собрание» и купечества города предлагалось построить рядом с часовней Александро-Невский собор. Тем не менее прошло долгих 18 лет, прежде чем торжественно освятили закладку нового собора. За это время значительно пополнились и обновились события, относившиеся к истории храма.

По большому счету, возведение собора исторически было связано с увековечением памяти о событии 17 октября 1888 г. – чудесном спасении Александра III и его семьи во время крушения поезда. В частности, городская дума уже 22 октября 1888 г. приняла решение о строительстве собора во имя Святого благоверного князя Александра Невского – небесного покровителя императора (Материкин, 2006: 171). Александр III трижды посещал Царицын. Местом строительства выбрана Базарная площадь, впоследствии территория для храма была приближена к центральной Александровской улице. Собор должен был иметь еще два придельных престола – во имя Марии Магдалины и святых бессребренников Космы и Дамиана. Первоначально дума выдвинула на организацию строительных работ небольшие средства в 5 тыс. руб., а вскоре вынесла постановление о выборе членов попечительства по сооружению храма. Состав попечителей являл собой внушительный список из 106 солидных горожан, имевших движимое и недвижимое имущество в пределах города. Они взяли на себя ответственность по сбору пожертвований на строительство по выданным подписным листам, подлежащим отчетности (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4610. Л. 296-297об.). При всем том на строительство нового кафедрального собора долгое время не находилось денег, несмотря на начавшиеся пожертвования горожан и несколько решений гласных думы по выделению средств для этих целей.

В 1889 г. при мужской гимназии открылась Александро-Невская церковь, что осуществилось благодаря заботам директора гимназии Д.Т. Третьякова. В штате церкви состоял лишь один священник с положенным жалованьем в 300 руб. в год (Справочная книга..., 1912: 426). Как правило, в городских приходских храмах жалованья причту не полагалось, но имелся церковный капитал для нужд церкви.

В начале XX в. всего в Царицыне действовали 16 православных храмов – приходских, соборных, а включая больничную, домовые и заводскую – 20 церквей и 2 монастыря (Государство..., 2002: 412-413). Несколько храмов были старинными, намоленными веками – это каменные Иоанно-Предтеченская церковь (1664 г.), Свято-Троицкая (1720 г.), Спасо-Преображенская церковь (1771 г.) и уже упоминавшийся ранее – храм Успения Пресвятой Богородицы (1718 г.) (Справочная книга..., 1912: 426-427). Данное количество церквей приходилось на 70 тыс. жителей в 1901 г., однако Царицын – быстро развивающийся торгово-промышленный и железнодорожный центр Нижней Волги – также быстро прирастал населением, в т.ч. за счет миграции из сел. Например, в 1909 г. в городе уже проживало 100 тыс. человек, а в начале 1914 г. количество жителей составляло 117675 человек (Весь Царицын, 1911: 32). Подавляющее большинство населения было православного вероисповедания – 101546 человек (86,3 %) (Семенова, 2012: 65). В начале 1930-х гг. из 20 православных храмов в городе осталась только прикладбищенская церковь, освященная во имя Казанской иконы Божией Матери, причем единственная не уничтоженная в период атеистической борьбы, но также непригодная под склад, гараж или культурное учреждение.

Предполагалось, что новый православный собор во имя благоверного князя Александра Невского станет кафедральным, т.е. главным в Царицыне. Данная позиция отцов города – потомственных почетных граждан и купцов – не устраивала царицынское духовенство двух центральных храмов, боявшихся потерять своих прихожан. Новый собор планировалось возвести на территории между Успенской соборной церковью и Скорбященской церковью, расстояние между ними составляло менее одного километра. Стоит отметить, что главным в городе около 200 лет являлся Успенский храм, хотя его приход, составлявший 438 домов, нельзя охарактеризовать как большой. Приход Скорбященской церкви – более крупный – включал 1011 домов и свыше 5700 прихожан (Справочная книга..., 1912: 426, 429). При двух этих храмах действовали четыре церковно-приходских школы, два мужских и два женских начальных училища.

До 1896 г., когда образовалась комиссия по строительству собора, практических действий не было. Более того, не было какого-либо проекта и кандидатур на его разработку. Исследователь А.В. Материкин отмечает, что гласный думы купец А.М. Шлыков выступил с инициативой выбрать подготовительную попечительную комиссию из числа гласных для разработки проекта собора и наблюдения за его сооружением (Материкин, 2006: 174). Так, по результатам закрытой баллотировки в октябре 1896 г. в Комиссию были избраны 12 человек, в т.ч. А.М. Шлыков, А.А. Репников, Г.Н. Серебряков, К.В. Воронин, Я.А. Пирогов, И.Г. Никонов, В.Ф. Лапшин, Я. Докучаев, С.А. Иванов и др. (ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 481. Л. 11-11 об., 21). Возглавил Комиссию городской голова Ф.С. Семенов. Однако и через два года вопрос об изготовлении проекта оставался открытым.

С особым интересом Комиссия отнеслась к проектам двух соборов – в г. Оренбурге и г. Глухове (ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 624. Л. 231 об.-232). Однако обсуждался как вариант и проект Воскресенского собора в Санкт-Петербурге архитектора А.И. Томишко. Прежде всего, гласных и попечителей

интересовали сведения о вместимости и стоимости сооруженных в этих городах соборных церквей, о чем была заметка в царицынской газете, «по планам и фасадам коих предполагается построить и местный собор» (*Волжско-Донской листок*, 1897). В итоге прений остановились на проекте Оренбургского кафедрального собора во имя Казанской иконы Богоматери, построенного в 1895 г. и рассчитанного на 2,5 тыс. молящихся. В состав комиссии попечителей был избран купец А.Н. Рысин, активно продвигавший в думе планы по сооружению собора, в т.ч. вопрос о получении кредита на изготовление проекта. Гласные думы А.Н. Рысин и А.М. Шлыкков посетили Оренбург в 1897 г. и получили чертежи и рабочий план от епископа Оренбургского Владимира. Согласно данным проекта, размеры собора были грандиозными для Царицына, застроенного двух-, трехэтажными зданиями. Так, высота собора составляла 57,5 м, длина – 51 м, ширина – 47,5 м (*Иванов, 2003: 184*). Со временем, когда собор поднялся ввысь, соответствуя высоте 18-этажного здания, его облик был виден за 2 десятка верст, особенно с парходов и судов, подплывающих к Царицыну с северной и южной стороны.

Наконец, появляется ответственное лицо, которое должно отвечать за строительство и корректуру проекта в местных условиях. В июльском «Вестнике» 1899 г. появляется заметка о том, что на постройку нового собора в городе было подписано соглашение с саратовским архитектором Ю.Н. Терликовым из губернского строительного отделения, а также согласована деятельность с архитектором А.А. Яценко – епархиальным архитектором Оренбурга, затем переведенным на кафедру в Новочеркасск (*Царицынский вестник*, 1899а). Именно А. Яценко был разработчиком проекта Оренбургского собора.

Как сообщалось в «Вестнике», составление чертежей (или доработка к местным условиям), также наблюдение за работами поручались архитектору Ю. Терликову, за что ему полагалась оплатить городской управой 600 руб. Он же являлся надзирающим лицом за ходом строительства, т.к. в соглашении оговаривались его приезды в Царицын, не менее 32 раз в процессе возведения собора. За поездки и надзор дума и городская управа обязались заплатить ему 5040 руб. (*Царицынский вестник*, 1899b).

Вновь необходимо было активизировать сбор средств. Августовские газеты 1900 г. поместили обращение попечительской комиссии по сооружению главного храма г. Царицына ко всем гражданам, «ревнующим о благолепии храмов Божиих», с просьбой оказать посильную помощь на сооружение собора. Газеты упомянули, что попечителями строительства являются именитые горожане, от которых неоднократно поступали пожертвования на храм: В.Ф. Лапшин, Г.Н. Серебряков, А.А. Репников, А.М. Шлыкков, П.И. Сивяков, Н.Я. Докучаев, М.С. Митрофанов, А.Ф. Туркин, С.П. Артамонов, К.Я. Иванов, Я.А. Пирогов, М.С. Майоров (*Волжско-Донской листок*, 1901).

В то же время разгорелись и споры как в городской думе, так и в обществе о целесообразности строительства в этом месте храма. Полемика с подачи гласного Н.С. Розанова (врача и активного общественного деятеля) перешла на страницы местной прессы, он выступал против возведения собора на Александровской площади. Его поддержала немногочисленная часть горожан и думцев, обеспокоенных тем обстоятельством, что грандиозное сооружение загорудит двух- трехэтажные здания, красивую гостиницу «Столичные номера» и центральную площадь, тем самым нарушится вся архитектурная планировка центра города. Автор, архитектор П.П. Олейников, отмечает, что вокруг Александровской площади сформировалось своего рода сити, где располагались крупные здания магазинов В. Лапшина, Губанова, Репникова, Сивякова, здания городской управы, гостиниц (*Олейников, 212: 12*). Рядом с площадью и ул. Александровской находились особняки, среди которых своей пышностью выделялся дворец А.К. Воронина, дом В.М. Миллера, построенный в виде замка, здание Волжско-Камского банка и гостиниц «Люкс», «Франция» и «Столичные номера». Впоследствии выяснилось, что крупнейший собор занял лишь 1/17 часть центральной площади города, и в газетах по этому поводу было кратко сообщено, что «малюверы посрамлены».

Другую же часть общества беспокоили вопросы неустойчивости грунта, его сыпучести, т.к. в данном месте три десятка лет назад находился овраг, тянувшийся через всю площадь от р. Царицы до центральной базара. Овраг был засыпан за 30 лет до строительства, когда благоустраивалась центральная часть города, но опасения у горожан по поводу зыбкости грунта и его провалов и оползней оставались вплоть до освящения здания. Неоднократно об опасениях писали в городской прессе, приводился также пример неудачной постройки Новочеркасского собора, до того, как был приглашен архитектор А. Яценко (*Царицынский вестник*, 1901b). В той ситуации не выдержал фундамент, и собор в бывшей столице донского казачества обрушился.

Наконец, в сентябре 1900 г. было получено разрешение на строительство, однако собранных средств не хватало. Строительную комиссию возглавил г-н Рысин, который весьма энергично взялся за дело и добился начала работ по постройке нового собора.

Освятили отведенное под строительство место на Александровской площади 31 января 1901 г. На этом торжественном историческом для города событии присутствовали городской голова Ф.С. Семенов, В.Н. Рысин, некоторые члены городской думы и немногочисленная публика. Молебствие совершал протоиерей Волковский (*Царицынский вестник*, 1901a). Организационный подготовительный этап был закончен, начинался главный – по возведению храма. На городской

площади у магазина Г. Сивякова был установлен ящик для сбора пожертвований, которые поступали регулярно от горожан разных сословий.

Почти в каждом церковном приходе города имелся подобный ящик для сбора средств. Православный уклад жизни в основном и сохранялся на уровне семьи и прихода, где прихожане именуются братьями своего Святого храма, считая его домом Божиим, а все православные люди прихода – духовные дети пастыря. Из заповедей Ветхого завета, чаще из проповедей и бесед пастырей (священников), прихожанам было известно, что отдается в храм десятая часть от доходов. Эти средства и денежные поступления от продажи свечей, ладанок и прочей церковной утвари шли на содержание храма и клира, приходских школ и семинарий, на ремонты монастырей. Особая миссия выпадала обеспеченным христианам, ведь «богатым трудно войти в Царствие небесное», и не прийти на помощь в благоустройстве на приходе или в строительстве нового собора расценивалось уже как грех. Более того, творить милостыню необходимо «в тайне», не афишируя о благих поступках. Православные разделяли взгляды о том, что улучшение внешнего и внутреннего вида храма, тем более строительство и обретение нового прихода – это благое дело.

Среди зажиточных и деятельных жертвователей храма можно отметить несколько попечителей – А.М. Шлыкова, В.Н. Рысина и И.Н. Рысина, Г.Н. Серебрякова. Купец второй гильдии Шлыков Александр Михайлович, будучи владельцем крупного лесопильного завода, активно занимался общественной деятельностью, причем дважды избирался городским головой – в конце 1880-х и 1890-х гг. (ГАСО. Ф. 28. Д. 9925. Л. 91 об.). Более того, долгий процесс возведения главного храма Царицына побудил городского голову А.М. Шлыкова в августе 1894 г. заложить и на собственные средства построить в 1903 г. новую Крестовоздвиженскую церковь в Зацарицынской части города. Это был относительно крупный приход для Царицына, включавший 1080 домов (свыше 2180 чел.). (Справочная книга..., 1912: 429-430).

Рысины Василий Никанорович и Иван Никанорович также состояли во второй гильдии купечества, являлись совладельцами торгового дома по изготовлению и продаже церковной утвари. При одном из магазинов имелась иконописная мастерская. В период внутреннего обустройства храма они регулярно жертвовали денежные суммы, краски, кисти, лаки, готовые иконы и др. О содействии храму Г.Н. Серебряковым остановимся в дальнейшем.

В воскресенье, 22 апреля 1901 г., после поздней литургии в Успенском соборе епископ Вольский Гермоген совершил закладку нового собора. Места под алтарем и стенами будущего собора были ороплены святой водой, а после под местом нахождения будущего престола заложена закладная металлическая доска с вырезанной на ней надписью. Надпись содержала дату закладки и причину основания церкви: «...в ознаменование чудесного избавления императора Александра III и его семьи во время правления царя Николая II и епископа Саратовского и Царицынского Иоанна». Место строительства было огорожено забором со всех сторон (Царицынский вестник, 1901с). На 1902 г. комиссии удалось собрать 23 тыс. руб., но только для работ, намечавшихся на тот год, не хватало еще 12 тыс. руб. Как отмечает волгоградский исследователь В.В. Серебряная, для возведения собора было заготовлено 8 тыс. пудов извести, 34 оконные решетки, 55 тыс. шт. кирпичей (Серебряная, 2002: 115). Заказы кирпича шли местным заводчикам. В этом году строители закончили лишь подвальный этаж, и из-за отсутствия средств стройка опять остановилась. Пресса отражала негативное общественное мнение по поводу затягивания строительства.

Крупные пожертвования от жителей города поступали в 1904 и 1908 гг. Кирпичная кладка шла по ярусам, строительные леса вокруг храма росли. В 1908 г. здание собора уже хорошо просматривалось. Тем не менее, его стоимость по проекту оценивалась «вчерне» более 213,5 тыс. руб. (Казанский кафедральный собор). Ежегодное же ассигнование стройки думой составляло лишь 10 тыс. руб. В октябрь 1908 г. общая стоимость совершенных работ составляла 140 тыс. руб., и для завершения строительства необходимо было изыскать более 77 тыс. руб. (Иванов, 2003: 179)

Во время Пасхального крестного хода 1910 г., совершенного от Успенского собора к строящемуся Александро-Невскому, у стен последнего благочинный собора протоиерей И. Каверзнев горячо призвал «граждан к пожертвованию на неотложную достройку собора, т.к. по его мнению, возведенным стенам грозит опасность разрушения».

Трудно и долго, но собор строился, горожане оказывали поддержку и моральную, и материальную, особенно 23 ноября (старый стиль), в главный день памяти Святого. Ситуация осложнилась с началом Первой мировой войны, когда в тыловом Царицыне все государственные средства и большинство частных пожертвований шли на организацию лазаретов для раненых, в т.ч. при монастырях и церквях. В данный период духовные и социальные практики РПЦ, наряду с благотворительными обществами, представляли собой основу гуманитарной деятельности в Царицынском уезде. Пожалуй, с 1914 г. строительство собора (Рис. 1) шло лишь на народные деньги, а к концу года один из приделов собора решено было наименовать во имя св. Николая Чудотворца, одного из самых почитаемых в крае святых.

Рис. 1. Александр-Невский собор (Примерно 1914 г.)

Для внутреннего убранства были заказаны иконы в греко-византийском стиле на общую сумму 4445 р.; потомственным почетным гражданином Серебряковым Г.Н. подарены хрустальные кресты (Волго-Донской край, 1914). Им же в 1914 г. пожертвованы шесть зеркальных крестов с гранью и никелированными шарами для шести глав собора, а для главной двери – 12 листов шлифованных стекол в медной пайке (Иванов, 2003: 181).

Впоследствии появилась легенда о хрустальных крестах на куполах, а не внутри храма, «сияние которых видно было далеко из Заволжья». Легенда существует среди краеведов и сегодня. По имевшимся в то время технологиям в металл креста были вделаны полоски зеркал, что и представляло собой подобный эффект хрустального блеска.

Наконец, 27 сентября 1915 г., когда Православная церковь отмечает Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня, состоялось поднятие крестов на купола собора. Эта торжественная процедура включала Крестный ход к новому Александр-Невскому собору, в котором участвовало духовенство всех городских церквей, и молебен перед поднятием крестов на главы собора. В торжестве поднятия крестов принимали участие благочинный церквей Царицына, протоиерей Александр Строков, городской голова В.В. Кленов, казначей Соборной комиссии И.Н. Рысин (Царицынский вестник, 1915). Данное событие ознаменовало окончание основного этапа в возведении храма и начало завершающего – по внутренней отделке и его благоустройству.

Окончательно строительные работы завершились в начале 1916 г. В это время, когда объект приняла комиссия, в разгаре была отделка храма, росписи стен. Интерес с позиции художественной ценности представляли росписи стен, выполненные по эскизам В.М. Васнецова – мастера исторической и фольклорной живописи. Работу выполняли ученики его мастерской.

Освящение кафедрального собора с самыми высокими в Поволжье куполами состоялось 19 мая 1918 г. Это было поистине народное торжество. Главная черта православного собора – он должен был производить яркое сильное впечатление на любого человека не только своим колоссальным масштабом, великолепием, но и роскошью, изяществом внутреннего убранства. Одна из особенностей византийского строения заключается в том, что внешний облик храма всегда скромнее, чем его внутреннее убранство.

Александр-Невский собор стал единственным в городе, построенном в русско-византийском стиле, и являлся основной достопримечательностью уездного центра. Архитектура его отличалась большим количеством декоративных деталей и тонких орнаментов. Фасад собора, построенного из красного кирпича, украшала полосатая и узорчатая кладка, причем сами стены выстраивались толщиной в четыре кирпича, а стены фундамента из тесаного камня достигали двух метров. При возведении храма характерна была та основательность в расчетах и прочность в технологиях, с которыми его строили на века. Купола по завершению строительных работ были покрыты золотом. Одной из особенностей византийского стиля является куполообразная крыша и крестово-купольный тип собора. Еще специфике византийских церквей свойственно отсутствие формального карниза между куполом и его опорой, также никогда не использовались луковичные купола и шатровые крыши традиционной русской архитектуры, т.к. были тяжелее и дороже византийского аналога

такого же размера. При этом эффектно выглядели суженные сдвоенные и строенные арочные окна с округленным верхом. Размещение по два или три окна рядом также является важной чертой поствизантийской модели храма на рубеже XIX–XX вв. Византийский стиль с середины XIX ст. становится ведущим в храмовой архитектуре: например, в Петербурге – это Храм Божьей Матери «Милующей», в Кронштадте – Никольский военно-морской собор, в Москве – Храм Христа Спасителя и др. (*Отражения византийского...*).

Можно отметить тот факт, что данный храм в Царицыне был одним из первых в России, где использовалась новая технология смешения цемента с металлом (*Ландина*). Применение железобетона как технологии в начале прошлого столетия было крайне редким по причине дороговизны, и применяли его только в несущих конструкциях.

Конечно, не передовые технологии и стиль церковного строительства были главными в судьбе храма. Вехи истории отражаются на внешнем мире института Веры. Октябрь 1917 г. стал точкой отсчета новых взаимоотношений государства и религиозных организаций, изменившей политическое и социально-экономическое положение всех конфессий. Январским Декретом 1918 г. было закреплено разграничение религиозной и светской сфер общества, установлен контроль над имуществом церкви, фактически лишивший религиозные общины права юридического лица.

Регулярные общественные богослужения в соборе еще продолжались (вплоть до 1927 г.). Когда Царицын заняли белые войска, настоятель собора Иаков Горохов отслужил 19 июня 1919 г. благодарственный молебен об освобождении города от красных. На следующий день по площади перед храмом прошел торжественный парад войск барона П.Н. Врангеля и генерала А.И. Деникина. Сам Врангель в Царицын в этот же день прямо с вокзала проехал в собор, из его воспоминаний: «Огромная толпа народа заполнила храм, площадь и прилегающие к ней улицы. Служил настоятель собора, освобожденный из тюрьмы нашими войсками. Во время службы и он, и большинство присутствующих плакали» (цит. по *Иванов, 2003: 179*). В августе православное духовенство даже смогло провести церковный съезд «для залечивания язв, нанесенных церкви большевиками».

А в августе 1921 г. у городских храмов и общин были конфискованы все капиталы и имущество (*Государство..., 2002: 14*). Немного позднее запретили колокольный звон и крестный ход. Тем удивительнее странное информационное сообщение от 26 января 1924 г., отправленное губернским епархиальным управлением в Царицынский губотдел управления: «Настоятелям церквей г. Царицына ... распоряжение о том, чтобы 27 января в храмах по случаю смерти Великого учителя и вождя трудящихся всего мира Владимира Ильича Ленина производился похоронный колокольный перезвон с момента первого салюта частей ... в течение получаса» (*Государство..., 2002: 140*). Собор был взорван 21 марта 1932 г.

5. Заключение

Социокультурная и духовная жизнь досоветского периода истории Волгограда на фоне существующего научного интереса к событиям, связанным с возрождением православных храмов, и в частности Александро-Невского собора, строящегося в центре города, была бы неполной без воссоздания истории, а лучше назвать – судьбы главного храма Царицына. Возводился он долго, на народные средства, дары и пожертвования в честь Святого князя Александра Невского – небесного покровителя императоров Александров – одноименников Святого.

Этапы продолжительного, но добротного строительства храма «на века», его внешний облик и внутреннее убранство, выполненное в русско-византийском стиле, освещение собора и богослужения в течение всего лишь 14 лет, а впоследствии его уничтожение – все эти вопросы сегодня волнуют научное сообщество города, краеведов и обычных волгоградцев.

Началась работа и по виртуальной 3D реконструкции собора и других историко-культурных объектов края для исследования, использования в экспозиционной работе краеведческого музея и проведения виртуальных экскурсий.

Стоит отметить, что и после взрыва «собор» смог послужить людям в военном Сталинграде, т.к. использовались кирпичи, щебень и каменная крошка при строительстве уличных баррикад. Все эти осколки в значительном количестве оставались в качестве подушки для дороги на окружающую площадь улиц и скверах.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках научного проекта № 0633-2020-0004 «Развитие методики виртуальной 3D реконструкции исторических объектов».

Литература

- Весь Царицын, 1911* – Весь Царицын. Справочник по гор. Царицыну и Царицынскому уезду. Царицын: Царицынская мысль, 1911. 113 с.
Волго-Донской край, 1914 – Волго-Донской край. 19 декабря 1914 г.
Волжско-Донской листок, 1897 – Волжско-Донской листок (Царицын). № 1911. 13 июня 1897 г.

Волжско-Донской листок, 1901 – Волго-Донской листок. № 16. 4 февраля 1901 г.

ГАСО – Государственный архив Саратовской области.

Государство..., 2002 – Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX веке: Сборник документов и материалов. Волгоград, 2002. 532 с.

Иванов, 2003 – *Иванов С.М., Супрун В.И.* Православие на волгоградской земле: храмы Царицына – Сталинграда – Волгограда. Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2003. 240 с.

Казанский кафедральный собор – Казанский кафедральный собор / Оренбург [Электронный ресурс]. URL: <http://baklykov.info/pravoslavie/kazanskij-kafedralnyj-sobor.html> (дата обращения: 19.07.2020)

Ландина – *Ландина Е.* Собор святого князя Александра Невского как повод вспомнить историю / Волгоградская епархия [Электронный ресурс]. URL: <http://volgearhia.ru/2016/05/18/sobor-svyatogo-knyazya-aleksandra-nevskogo-kak-povod-vspomnit-istoriyu/> (дата обращения: 17.07.2020).

Материкин, 2006 – *Материкин А.В.* Очерки истории Царицынской Городской Думы: в 2-х ч. Ч. 2. Кн. 1: 1887–1897 гг. / Под ред. Ю.Д. Гражданова. Волгоград: Офсет, 2006. 336 с.

Олейников, 2012 – *Олейников П.П.* Архитектурное наследие Сталинграда. Волгоград: Издатель. 212. 560 с.

Отражения византийского... – Отражения византийского стиля в русской архитектуре 19-го века [Электронный ресурс]. URL: <https://fb.ru/article/246801/vizantiyskiy-stil-v-arhitekture-rossii> (дата обращения: 16.07.2020).

Разрушенные храмы – Разрушенные храмы / Волгоград Православный [Электронный ресурс]. URL: <http://www.volgaprav.ru/kraevedenie/razrushennye-hramy/#.XxH9zNLQIFo> (дата обращения: 17.07.2020).

Семенова, 2012 – *Семенова Е.Ю.* Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны: социальный, экономический, политический аспекты: Монография. Самара, 2012. 887 с.

Серебряная, 2002 – *Серебряная В.В.* Культовое зодчество Волгоградской области: Монография. Волгоград: Изд-во ВолгГАСА, 2002. 336 с.

Серебряная, 2018 – *Серебряная В.В.* Православные храмы классицизма первой половины XIX в. в Нижнем Поволжье (на примере Саратовской губернии) // *Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета*. 2018. № 4 (46). С. 45-56.

Справочная книга..., 1912 – Справочная книга Саратовской Епархии. Саратов: Типография Союза Печатного Дела. 1912. 706 с.

Царицынский вестник, 1899a – Царицынский вестник. 17 июля 1899 г.

Царицынский вестник, 1899b – Царицынский вестник. № 467. 24 июля 1899 г.

Царицынский вестник, 1901a – Царицынский вестник. № 905. 1 февраля 1901 г.

Царицынский вестник, 1901b – Царицынский вестник. № 907. 4 февраля 1901 г.

Царицынский вестник, 1901c – Царицынский вестник. № 969. 25 апреля 1901 г.

Царицынский вестник, 1915 – Царицынский вестник. № 4988. 28 сентября 1915 г.

Царицынское... – Царицынское генеалогическое общество // Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gen-volga.ru/gallery/tso66.htm> (дата обращения: 17.07.2020).

References

ГАСО – Gosudarstvennyi arkhiv Saratovskoi oblasti [State archive of Saratov region]. [in Russian]

Gosudarstvo..., 2002 – Gosudarstvo i religioznye organizatsii Nizhnei Volgi i Dona v XX veke: sbornik dokumentov i materialov [State and religious organizations of the Lower Volga and the Don in the twentieth century: a collection of documents and materials]. Volgograd, 2002. 532 p. [in Russian]

Ivanov, 2003 – *Ivanov S.M., Suprun V.I.* (2003). Pravoslavie na volgogradskoi zemle: khramy Tsaritsyna – Stalingrada – Volgograda [Orthodoxy on Volgograd land: churches of Tsaritsyn – Stalingrad – Volgograd]. Volgograd: Izd-vo VGIPK RO. 240 p. [in Russian]

Kazanskii kafedral'nyi sobor – Kazanskii kafedral'nyi sobor [Kazan – Kazan Cathedral]. Orenburg [Electronic resource]. URL: <http://baklykov.info/pravoslavie/kazanskij-kafedralnyj-sobor.html> [in Russian]

Landina – *Landina E.* Sobor svyatogo knyazya Aleksandra Nevskogo kak povod vspomnit' istoriyu [Cathedral of St. Prince Alexander Nevsky as an occasion to recall history]. Volgograd diocese [Electronic resource]. URL: <http://volgearhia.ru/2016/05/18/sobor-svyatogo-knyazya-aleksandra-nevskogo-kak-povod-vspomnit-istoriyu/> [in Russian]

Materikin, 2006 – *Materikin A.V.* (2006). Ocherki istorii Tsaritsynskoi Gorodskoi Dumy: v 2-kh ch. Ch. 2. Kn. 1: 1887–1897 gg. [Essays on the history of the Tsaritsyn City Duma: in 2 h. C. 2. Prince. 1: 1887–1897]. Pod red. Yu. D. Grazhdanova. Volgograd: Ofset, 2006. 336 p. [in Russian]

Oleinikov, 2012 – *Oleinikov P.P.* (2012). Arkhitekturnoe nasledie Stalingrada [Architectural heritage of Stalingrad]. Volgograd: Izdatel'. 560 p. [in Russian]

Otrazheniya vizantiiskogo... – Otrazheniya vizantiiskogo stilya v russkoi arkhitekture 19-go veka [Reflections of the Byzantine style in Russian architecture of the 19th century]. [Electronic resource]. URL: <https://fb.ru/article/246801/vizantiyskiy-stil-v-arhitekture-rossii> [in Russian]

- [Razrushennye khramy](http://www.volgprav.ru/kraevedenie/razrushennye-xramy/#.XxH9zNLQlFo) – Razrushennye khramy [Destroyed temples]. Volgograd Orthodox [Electronic resource]. URL: <http://www.volgprav.ru/kraevedenie/razrushennye-xramy/#.XxH9zNLQlFo> [in Russian]
- [Semenova, 2012](#) – *Semenova E.Y.* (2012). Mirovozzrenie gorodskogo naseleniya Povolzh'ya v gody Pervoi mirovoi voyny: sotsial'nyi, ekonomicheskii, politicheskii aspekty [Worldview of the urban population of the Volga region during the First World War: social, economic, political aspects]: monograph. Samara. 887 p. [in Russian]
- [Serebryanaya, 2002](#) – *Serebryanaya V.V.* (2002). Kul'tovoe zodchestvo Volgogradskoi oblasti [Cult architecture of the Volgograd region]: monograph. Volgograd: Izd-vo VolgGASA. 336 p. [in Russian]
- [Serebryanaya, 2018](#) – *Serebryanaya V.V.* (2018). Pravoslavnye khramy klassitsizma pervoi poloviny XIX v. v Nizhnem Povolzh'e (na primere Saratovskoi gubernii) [Orthodox churches of classicism of the first half of the XIX century in the Lower Volga region (using the example of the Saratov province)]. *Izvestiya Kazanskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*. № 4 (46). Pp. 45-56 [in Russian]
- [Spravochnaya kniga, 1912](#) – Spravochnaya kniga Saratovskoi Eparkhii [Spravochnaya kniga Saratovskoi Eparkhii]. Saratov: Tipografiya Soyuz Pechatnogo Dela. 1912. 706 p. [in Russian]
- [Tsaritsynskii vestnik, 1899a](#) – Tsaritsynskii vestnik [Tsaritsynsky Bulletin]. 17 jule 1899. [in Russian]
- [Tsaritsynskii vestnik, 1899b](#) – Tsaritsynskii vestnik [Tsaritsynsky Bulletin]. № 467. 24 jule 1899. [in Russian]
- [Tsaritsynskii vestnik, 1901a](#) – Tsaritsynskii vestnik [Tsaritsynsky Bulletin]. № 905. 1 february 1901. [in Russian]
- [Tsaritsynskii vestnik, 1901b](#) – Tsaritsynskii vestnik [Tsaritsynsky Bulletin]. № 907. 4 february 1901. [in Russian]
- [Tsaritsynskii vestnik, 1901c](#) – Tsaritsynskii vestnik [Tsaritsynsky Bulletin]. № 969. 25 april 1901. [in Russian]
- [Tsaritsynskii vestnik, 1915](#) – Tsaritsynskii vestnik [Tsaritsynsky Bulletin]. № 4988. 28 september. [in Russian]
- [Tsaritsynskoe...](#) – Tsaritsynskoe genealogicheskoe obshchestvo [Tsaritsyn Genealogical Society]. Official site [Electronic resource]. URL: <http://www.gen-volga.ru/gallery/tso66.htm> [in Russian]
- [Ves' Tsaritsyn, 1911](#) – Ves' Caricyn. Spravochnik po gor. Caricynu i Caricynskomu uezdu na 1911 god [All Tsaritsyn. Reference book on the city of Tsaritsyn and Tsaritsyn county for 1911]. Tsaritsyn: Tsaritsyn thought. 1911. 113 p. [in Russian]
- [Volgo-Donskoi krai, 1914](#) – Volgo-Donskoi krai [Volga-Don Territory]. 19 dectmber 1914. [in Russian]
- [Volzhsko-Donskoi listok, 1897](#) – Volzhsko-Donskoi listok (Tsaritsyn) [Volga-Don leaf]. № 1911. 13 june 1897. [in Russian]
- [Volzhsko-Donskoi listok, 1901](#) – Volgo-Donskoi listok [Volga-Don leaf]. № 16. 4 february 1901. [in Russian]

Из истории Александро-Невского собора города Царицына (1888–1932 гг.)

Ирина Николаевна Литвинова ^{a, *}

^a Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен фактологический материал о создании и дальнейшей судьбе самого крупного и величественного собора в Поволжье, выполненного в русско-византийском стиле и названного в честь св. благоверного князя Александра Невского. Автор анализирует документальные источники, связанные с важными историческими вехами главного храма Царицына – от идеи сооружения в конце XIX в. до его уничтожения в период укрепления в стране Советов антирелигиозных принципов жизни. Выявлены этапы основания и главные попечители, жертвовавшие крупные суммы на благоустройство храма. Копия одноименного собора, представлявшего прекрасный образец традиции византийского зодчества, сегодня вновь возводится в Волгограде на народные средства, его история вызывает значительный интерес в обществе. Воссоздание же относительно полной картины недолгой и сложной судьбы храма, строившегося более 15 лет и остававшегося лучшим архитектурным украшением города вплоть до его утраты после взрыва, невозможно без новых исследований. У авторов статьи появилась возможность для применения «умных технологий» XXI в. – трехмерной реконструкции этого знакового объекта. Материалы данной статьи станут исторической основой для реконструкции собора с помощью 3D модели.

Ключевые слова: собор, император, строительство, площадь, Царицын, комиссия, попечители, народные средства.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: litvinova@volsu.ru (И.Н. Литвинова)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1299-1308. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1299
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Practice of Office Work in the Semirechensk Region in the late XIX – early XX centuries

Fyalka N. Miymanbaeva^{a, *}, Nurzipa K. Alpysbayeva^a, Erke T. Kartabaeva^a, Gulzagira Zh. Oten^b

^a Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

^b National Center of Excellence «Orleu», Kazakhstan

Abstract

The purpose of this article is to study the practice of clerical work in the Semirechye region in the late XIX – early XX centuries. In the presented article on the basis of archival materials that are introduced into scientific circulation for the first time, normative regulation and clerical work of local government bodies were considered: county governors, volost managers (both Russian and Kyrgyz volosts), the structure of district and district offices was established; a list of paperwork required in the work; the storage periods of individual documents that ensure the adoption and implementation of management decisions are identified, the staff of the office staff is determined. Archival materials show that in the “Kyrgyz” volosts of Semirechye, the volost governors were Kazakhs, and the clerks under them consisted mainly of Russians; the documentation was conducted in two languages – Russian and “native”, i.e. Kazakh or Uigur on the Arabic chart; when checking the county and volost clerical work, the regional leadership relied on the Regulation on Public Administration of 1870 and circulars of the Military Governor of the Semirechensk Region and the Punishment Ataman of the Semirechensk Region. The region’s leadership not only carefully monitored the documentation, but also trained the not very competent heads of volosts in the management of paperwork, including and accounting. An analysis of the organization and conduct of office work on the example of the Semirechensk region fills the gap in the study of office work on the outskirts of the Russian Empire.

Keywords: Turkestan Territory, Semirechensk Region, Chancellery of county governors and rural municipality governors, record keeping, documentation, prescriptions, shelf life of documents, biys books, metric books, financial records, receipt books.

1. Введение

История пишется по документам, отложившимся в архивах. Если нет документов, то нет и истории. Документы сохраняют для потомков факты, передают информацию о прошедших событиях. Созданные в процессе управления документы нуждаются в организации и обработке для того, чтобы стать основой принятия решения. В связи с этим представляется особенно важным знание истории ведения делопроизводства в Российской империи, особенно на ее окраинах, хотя оно было непосредственно связано с системой центрального управления; истории подготовки документов, являющихся источником фундаментом исследований. Однако следует отметить, что история делопроизводства на местах исследована сравнительно мало. В научной литературе не получил достаточного освещения вопрос о ведении делопроизводства в уездных и волостных учреждениях. Изучение практики его ведения на местах позволяет проследить исторический путь и эволюцию всех составляющих отдельного документа, его преобразование и совершенствование во времени.

* Corresponding author

E-mail addresses: m.fialka58@mail.ru (F.N. Miymanbaeva), nurzipakz@mail.ru (N.K. Alpysbayeva), erke_66@mail.ru (E.T. Kartabaeva), uten63@bk.ru (G.Zh. Oten)

2. Материалы и методы

Источники по истории организации делопроизводства в Семиречье конца XIX – начала XX вв. весьма разнообразны и сосредоточены в Центральном государственном архиве Республики Казахстан (ЦГА РК), который является одним из крупнейших архивов страны. Архивные фонды ЦГА РК, относящиеся к данной проблеме, до 1917 года представляли собой ведомственные архивы. Они существовали при своих фондообразователях – местных учреждениях, организациях, которые, как могли, обеспечивали их сохранность и использование, руководствуясь ведомственными инструкциями или возможностями владельцев.

Значение архивных документов в раскрытии данной темы весьма важно, т.к. «...архивный документ превращается в исторический источник только тогда, когда он становится публичным, т.е. равнодоступным» (Козлов, 1999: 247). Значимость документов учреждений Семиреченской области как исторического источника определяется тем, что в область входило шесть уездов: Верненский, Пишпекский, Пржевальский, Джаркентский, Лепсинский, Копальский, что позволяет воссоздать общую картину ведения делопроизводства в области. В г. Верном находилась областная администрация в лице военного губернатора Семиреченской области, а также военного начальника Верненского уезда с уездной администрацией, которые реализовывали свои типовые управленческие функции на основе использования документов, относящихся к различным системам документации.

В ЦГА РК сосредоточены фонды, содержание которых характеризует состояние делопроизводства в Семиреченской области: Ф. 44 – Семиреченское областное правление, Ф. 41 – Верненское уездное управление, Ф. 120 – Джаркентское уездное управление, Ф. 123 – Сергиопольское уездное управление и др. Здесь отложились приказы, письменные отчеты военного губернатора Семиреченской области, Верненского, Джаркентского уездных начальников по вопросам ревизии делопроизводства и ведения документации в волостях и участках уездов. Методологическую основу исследования составили принцип историзма и системный подход, которые актуальны для понимания управления как целостной системы, находящейся в постоянном развитии. Руководствуясь системным подходом, возможно привести в систему большое количество разрозненных источников, фактов по данной исторической проблеме. Для воссоздания полной достоверности изучаемых событий использовались общенаучные методы (обобщение, анализ, синтез), которые позволяют представить исследуемую проблему как единый процесс в контексте исторической обстановки рассматриваемого периода, собрать и систематизировать различные исторические материалы; описательный, источниковедческий методы способствуют тщательному изучению источника, позволяют определить кто, когда и зачем сочинил текст и составил документ.

3. Обсуждение

Состоянию делопроизводства в Семиреченской области Туркестанского края в конце XIX – начале XX вв. не было уделено большого внимания в научной литературе. Дореволюционные архивисты Н.В. Калачев и Д.Я. Самоквасов предлагали проекты реформ против «архивного нестроения» в России, в конце XIX в. начали действовать ученые архивные комиссии, способствовавшие сохранению архивных документов. Д.Я. Самоквасов в работе «Архивное дело в России: Современное русское архивное нестроение» исследовал делопроизводство административных учреждений в России (Голиков, 2012: 15).

В советской и постсоветской литературе системе делопроизводства в дореволюционной России посвящен ряд работ, в котором анализируются методические стороны оформления и использования документов. В трудах К.Г. Митяева (Митяев, 1956) и Н.П. Ерошкина (Ерошкин, 1997) рассматриваются вопросы работы с документами в государственном аппарате управления. Однако не получил достаточного освещения в литературе вопрос об организации уездного делопроизводства. К.Г. Митяев понимал под делопроизводством производство документов по какому-либо вопросу, делу, включая все этапы такого производства: изготовление, движение, исполнение документов и организацию первичного комплекса (дела) (Митяев, 1956: 25).

М.П. Ильющенко, характеризуя дореволюционную систему делопроизводства, говорит о строгой регламентации всех процессов документирования, обрядности делопроизводства, прочно вошедших в быт канцелярий государственных учреждений (Ильющенко, 1993: 40).

В работе М.В. Ларина рассмотрено развитие делопроизводства, начиная от появления первых традиционных навыков работы с документами. Он считает, что делопроизводственная документация рассматривается, прежде всего, как исторический источник (Ларин, 1998).

Истории делопроизводства в Казахстане посвящено небольшое количество работ. Исследованию данной проблемы в XIX – начале XXI вв. посвящена докторская диссертация А.С. Ыскак (Ыскак, 2010). О.Х. Мухатова (Мухатова, 2012: 3-6) раскрывает формирование делопроизводства на казахском языке, видовой состав документов в XVIII–XIX вв., характеризует аппарат управления при хане Жангире, деятельность чиновников, работу канцелярии ханства и систему делопроизводства.

Т.Т. Далаева (Далаева, 2016: 31-37) в статье рассматривает особенности организации делопроизводства в волостной системе управления во внешних округах Западно-Сибирского генерал-губернаторства в 1820–1860-е гг. Автор уделяет особое внимание проблемам подбора и подготовки

кадров писемоводителей и толмачей, характеристике видов документов, организации процесса ревизии делопроизводства во внешних округах, указывает на использование татарского языка в делопроизводственной сфере в Казахской степи. Исследователь отмечает, что если в 20–60-е годы XIX века происходило становление и развитие системы делопроизводства на уровне волостной системы управления, то после введения Положения об управлении Степными областями от 25 марта 1891 года произошла уже унификация в организации делопроизводства с остальными регионами Российской империи.

4. Результаты

В 1867 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство, в состав которого вошла и Семиреченская область с шестью уездами. Властные полномочия генерал-губернатора Туркестанского края предполагали широкую самостоятельность в пределах своей компетенции. Генерал-губернатор назначал военных губернаторов областей, а те, в свою очередь, уездных начальников, которые опирались на подчиненный им аппарат управления и проводили распорядительно-исполнительную деятельность на подведомственной территории, в том числе контролировали и ведение делопроизводства.

Документы, отложившиеся в фонде 123 ЦГА РК – Сергиопольское уездное управление – показывают, что уездный начальник провел ревизию станиц Сергиопольского уезда: 22 октября, 23 ноября 1885 г. и 8 марта 1886 г. в станице Сергиопольской; в станице Урджарской – 3–4 декабря и 5 марта; в Сарканской станице – 27 ноября и 11 марта; в Лепсинской станице – 28 ноября, 10 января и 28 марта. Руководством при ревизии служили Положение об общественном управлении 1870 г. и циркуляр военного губернатора и наказного атамана Семиреченской области от 7 марта 1884 г. за №4773. «Найденные мною ошибки истекают главным образом от неустройства станичными атаманами пп. 25 и 26 Положения и от допущения своеволия и беспорядков на станичных и поселковых сходах», – отмечал проверяющий (ЦГА РК. Ф.123. Оп. 1. Д. 10. Л. 1).

Опись фонда 120 ЦГА РК – Джаркентское уездное управление – показывает, что канцелярия Джаркентского уездного управления состояла из нескольких отделов: распорядительная часть, документация в которой начала вестись еще с 1883 г.; стол хозяйственный, где дела велись с 1885 г.; стол пристава – с 1894 г.; стол пограничный – с 1895 г. и тюремное отделение, которое открылось в 1914 г.

В 1892 г. военный губернатор Семиреченской области Г.И. Иванов произвел ревизию делопроизводства Джаркентского участкового управления. Им были рассмотрены следующие книги:

- 1) журналы исходящих и входящих бумаг за 1890–1891 гг.;
- 2) журналы на записку секретных бумаг;
- 3) описи дел:
 - а) распорядительный стол;
 - б) хозяйственный стол.

Для просмотра были потребованы «бумаги, помеченные исполненными по входящему журналу, а именно: № 862 – о доставлении в Туркестанскую казенную палату отчетности по кормовому довольствию арестантов, во время ревизии не был рассмотрен за неразысканием бумаги» (подпись губернатора от 25 января 1891 г. № 1388) (ЦГА РК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 23. Л. 1, 3-30б., 4).

Также было подсчитано, что по распорядительному столу с 1890 по 25 июля 1892 гг. не было исполнено 242 документа. По хозяйственному столу не было исполнено предписание военного губернатора от 11 июля 1892 г. № 11744;

4) книги:

а) книга приказов по уездному управлению. Было отмечено, что в течение 1890 г. было отдано 102 приказа, в 1891 г. – 86, за 1892 по 24 июля – 42 приказа;

б) книга на записку приказаний волостным управителям;

в) книга на записку должностных лиц участка – нет;

г) книга на записку должностных лиц участка, подвергнувшихся взысканиям;

д) бийские книги (бий – народный «третейский судья», представитель господствующего класса, действующий на основе обычного права казахов, к подсудности которого относились все гражданские дела и категории уголовных дел, за исключением подсудных общеимперским судам; решающий межродовые взаимоотношения, сношения с другими народами и выносящий решения. Со второй половины XIX в. были введены бийские книги, в которые записывалось краткое содержание приговоров или решений биев. Приговоры суда биев иногда оформлялись отдельно в виде письменного документа. Решения суда биев подлежали утверждению уездным начальником, а иногда военным губернатором и даже генерал-губернатором. Исполнение приговора суда возлагалось на волостных управителей) (Вареникова, 2016: 168-175).

По итогам просмотра бийских книг губернатор отметил, что они ведутся, или, вернее, решения записываются небрежно, безграмотно, разными лицами, «без соблюдения тех необходимых условий и формальностей, какие установлены по сему делу». Он писал, что решения записываются, не доканчиваются, перечеркиваются, добавляются и т.д. «Должностные лица киргиз до сих пор не знают, как обращаться с этими книгами. Решения пишутся кратко, без мотивов, не свидетельствуются

должностными лицами или посторонними, вследствие чего масса жалоб на заочность; понятие третейского суда или единомышленных биев, съездов смешиваются, отметок о неудовольствиях, выдачах копий с решений не делается. Книг чрезвычайных съездов не предъявлено»;

е) книги заявок о кражах и находках. Проверяющий отметил, что книги эти велись не в участковой канцелярии, а почему-то у старшего полицейского при зиндане, т.е. тюрьме. Далее губернатор пишет, что особого журнала в участковой канцелярии по этому важному предмету за 1890 и 1891 гг. заведено не было;

ж) книга по выдаче паспортов и билетов. Проверяющий записал в отчете, что поступление (приход) бланков записывается правильно. «Было бы лучше, если бы число паспортов и бланков сначала записывались бы прописью, а потом уже в надлежащих графах цифрою. В расходе не прописывается – кому, когда выданы какие паспорта, а пишется только общая цифра за целый месяц. Свидетельств не делается; под какие квитанции казначейства и за каким номером сданы деньги, не отмечают, что тоже необходимо». Губернатор записал, что итоги по месяцам подводятся не везде, а квитанции о сдаче денег налицо (ЦГА РК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 23. Л. 8 об., 14, 17-17 об., 21 об.-22 об., 24 об.);

з) книга для записки секвестрованного леса и лесных продуктов за 1892 г. – ведется правильно;

и) книга на записку прихода и расхода лесных сумм Джаркентского управления за 1892 г. – книга ведется правильно;

й) книга на записку лесорубочных билетов за 1892 г.;

к) книга на записку секвестрованного леса за 1890 и 1891 гг.;

л) алфавит постоянно проживающих в Джаркентском участке запасных нижних чинов с 1875 по 1891 гг. – Алфавит ведется по форме № 3 на основании п. 9 руководства для участка;

м) книга для записывания запасных нижних чинов, временно проживающих в Джаркентском участке, прибывших из других уездов;

н) книга для записывания запасных нижних чинов, проживающих временно в Джаркентском участке;

о) книга о временно отлучившихся из постоянных местожительств (ЦГА РК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 23. Л. 25, 26 об., 27 об., 28 об.).

Далее военным губернатором Семиречья были рассмотрены дела распорядительного, хозяйственного и городского столов. Обнаружилось, что в делах городского стола нет описи.

Проведя ревизию бухгалтерских книг и документов, губернатор отметил следующее:

1) бухгалтерские журналы за три года вовсе не велись, а велась одна общая тетрадь, не переплетенная, составленная не по установленной форме и неправильно: «В тетрадь эту записаны только расходные статьи, приходные же и статьи удержаний, сделанных по ассигновкам, не занесены»;

2) главная книга сметных расходов велась не на печатных бланках и не по установленной форме, указанной кассовыми правилами;

3) главная книга партикулярных сумм, начиная с 1886 по 1892 гг. включительно, совсем не велась, что является важным упущением со стороны участкового управления по части счетоводства;

4) книга об авансовых выдачах за 1890–1892 годы не велась;

5) памятные реестры на записку прихода и расхода бланков ассигновок за 1890, 1891 и 1892 гг., хотя и велись, но крайне неправильно;

6) книга на записку почтовых повесток на получение с почты денежной и документальной корреспонденции за 1892 г. заведена не по форме – в ней нет граф для проставления порядковых номеров и номеров почтовых повесток, нет графы, в которой должна обозначаться доверенность на получение корреспонденции;

7) книга на записку приходно-расходных гербовых марок и вексельной бумаги;

8) книга на записку городских сумм (ЦГА РК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 23. Л. 56 об., 65 об., 73-75, 81 об., 88 об.-89).

Прямой обязанностью начальников уездов было следить за ведением делопроизводства и документацией и исполнением на местах указаний вышестоящих органов. Так, 15 июня 1905 г. и.о. начальника Джаркентского уезда ротмистр Т. Иванов разослал всем волостным управителям циркулярное предписание № 5518, в котором говорилось, что казначейство обратилось к нему с жалобой на неисполнение волостными управителями (и русских, и киргизских волостей) ст. 201 Инструкции казначейства:

1) приходные и расходные документы по переводу денег в казначейство должны заключать в себе краткое и ясное изложение всех существенных обстоятельств приема или отпуска, а именно, кто вносит или получает, сколько и на какой предмет;

2) сумма означенного в документе капитала должна быть написана словесно, а не цифрами. Он настоятельно просил волостных управителей исполнения инструкции в точности (ЦГА РК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 31. Л. 19). Сам факт столь подробного разъяснения по заполнению денежных переводов свидетельствует, что руководство уездов не только тщательно следило за ведением документации, но еще и обучало не очень грамотных руководителей волостей ведению делопроизводства, в т.ч. и бухгалтерского.

По результатам проверки делопроизводства волостных канцелярий и.д. Джаркентского уездного начальника издает приказ № 318 от 25 октября 1905 года, в котором указывает на неисправности и недостатки ведения документации волостных канцелярий, причем по каждой волости отдельно. Так, он отметил, что в Конурбургской волости, где волостным управителем был Кенебай Байсембин, а писарем Конуркульджинов, во входящем журнале в п. 6 не проставляется время исполнения бумаги (ЦГА РК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 31. Л. 29). Книга переходящих сумм не закончена к 1 января 1905 г., это означало, что волостной управитель и писарь не вели записи практически около года. В них не сделаны были подсчеты прихода и расхода (вероятно, должны были указываться суммы налогов, штрафов и различных выплат). Вся эта финансовая документация не была засвидетельствована подписями волостного управителя и писаря. Также указывалось, что не берется расписок в выдаче квитанций плательщикам, перенос из квитанционной книги волостным управителем не был сделан в такую же книгу за 1905 г., а остаток в сумме 588 руб. 8 коп. прошел через книгу переходящих сумм.

Также было отмечено, что особого дела приказов и циркуляров уездного начальника не заведено. Метрические книги продолжают вестись не помесечно и не поаульно, хотя сведения для них от аульных старшин за апрель, май и июнь поступили, но писарь их в книги еще не занес. Книги приговоров для аульного съезда еще не заведены, в аульных книгах еще не обозначено число присутствующих кибитковладельцев и по чьему предложению созван съезд. Уездный начальник также отмечает, что волостные управители своей властью взысканий на аульных начальников не налагают. Остается подумать, почему? Либо волостной управитель состоял в дружеских отношениях с аульными старшинами и не хотел с ними ссориться, либо вообще не уделял внимания ведению делопроизводства и в аулах, и у себя в канцелярии, т.е. работал, что называется, «спустя рукава».

В Кегенской волости, где волостным управителем являлся Талдыбай Маметеков, а писарем Щербаков, дела велись практически также. Дополнительно было указано, что ответчикам не объявляется под расписку вызов их на съезд судей.

В Альджановской волости уездным начальником указано волостному управителю Балясару Бахтиярову и писарю Калмакову на то, что предписания за №№ 268 и 270 не исполнены в течение более двух месяцев без уважительных причин. Также указывалось, что в графе 6 журнала не обозначается время исполнения бумаги, а в графе 3 исходящего журнала «кроме цифры входящего журнала, проставляется номер и время, что совершенно лишнее». В Книге приговоров волостного съезда «нет отметки о представлении копий и утверждении таковых уездным начальником».

Просмотрев книгу приговоров волостного съезда, уездный начальник увидел явную ошибку, он говорит, что «приговор № 4 составлен на отвод участка земли под постоялый двор Шады Баратбаеву, т.к. под постоянные дворы не отводятся без согласия киргиз, то копию этого приговора следует представлять на отмену в Семиреченское областное правление через меня». Далее уездный начальник указывает, что предписание участкового начальника о производстве дознания о краже лошадей не исполнено и к производству дознания не приступали. Причина – «недоставление требуемых людей старшиною № 8 аула. Дознание волостным управителем должно производиться на месте, а потому недоставление людей старшиной не может быть оправданием» (ЦГА РК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 31. Л. 29об.).

Рассматривая дела в Сарытогайской волости, где волостным управителем был Есым Абыкеев и писарем – Вишняков, уездный начальник указал на неисполнение дел в течение 4–6 месяцев: переданное дело из Кегенской волости ввиду перечисления истца и ответчика в течение 6 месяцев не исполнено и не передано на решение в народный суд; №№ 105 и 127 прошения киргиз Таубалды Буйканова и Даусабая Дыйканова об отводе земли под пашню в течение четырех месяцев не исполняется; приговор о раскладке составлен поздно, только в июле месяце. Журналы, как входящий, так и исходящий, по замечанию уездного начальника, ведутся небрежно, с помарками; в книге заявок не сделаны отметки о том, как поступили с найденным скотом.

В Курмановской волости волостной управитель Алдбар Байгелеев и писарь Колодкин не только вели дела небрежно, но и практически не исполняли указаний своего начальства: проверяющий пишет, что «предписания участкового начальника за № 546, 597, 522 и 525 о розыске лошадей не исполнены в течение месяца; некоторые бумаги, полученные 9 июня, не были записаны в журнал; предписание участкового начальника № 322 не было внесено в журнал и не исполненное подшито к делу; предписание № 2825 об аресте не исполнялось в течение 4 месяцев; некоторые приговоры не были представлены на утверждение с мая месяца. Уездный начальник пишет, что книга аульных сходов ведется очень грязно; в приговорах не проставляется количество всех присутствовавших на съезде кибитковладельцев; в раскладочных приговорах цифры – рубли и копейки – записаны карандашом. «Из книги о приходе и расходе за 1904 г. видно, что в ст. 2 записано 137 руб. 88 коп., полученных от бывшего волостного управителя Сагынбая Баннекова, которых волостной не предъявил и не мог объяснить, куда таковые поступили. Для выяснения предписано участковому начальнику произвести дознание. Квитанционные книги за прошлый год, вопреки приказу уездного начальника, не сданы в уездное управление, не закончены и не сделаны из переносов новые. В квитанционной книге волостного управителя за 1904 г. заприходовано в ст. 9 за «Семиреченские

ведомости» 5 руб., в ст. 10 за книги в Семиреченскую областную типографию 8 руб. 85 коп. и ст. 11 за квитанционные книги 5 руб.30 коп.». Далее он пишет, что «метрические книги продолжают вестись неправильно. Сведений о родившихся за март, апрель, май и июнь месяц не представлено старшинами и в июле месяце. Об умерших и бракосочетавшихся сведений нет за весь год». Он поручил проверить приведение этих книг в исполнение участковому начальнику (ЦГА РК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 31. Л. 30).

В Ивановской волости, где управителем был Нурбек Мамбетов, а писарем Остяков, уездный начальник отметил, что медленно производятся взыскания по постановлениям лесничего и также медленно разбираются прошения киргиз. Предписание мирового судьи за № 604 записано в журнале два раза. В приговорах волостного съезда не проставляется общее число выборных, а только число присутствующих. В посемейных книгах-списках соответствующих отметок из метрических книг не делается.

В Черкинской волости управителем был Бачан Качеганов, а писарем – Михаил Васильев. Уездный начальник отметил, что в 6-й графе входящего журнала, кроме цифр исходящего журнала, есть еще и разные отметки: «к делу», «расписка в получении повесток», «для розыска», «объявлено старшинам». К 1 января 1905 г. «находились на руках по квитанционной книге волостного 243 руб. 61 коп., которые при подсчете книги не были показаны, хотя сданы в казначейство только 21 января 1905 г. Расход этих денег выведен по книге 1904 г. Подсчет книги 1904 г. сделан неверно, показано в остатке на 2 руб. более, почему и сдано на эту сумму в казначейство лишнего. Денежные книги по окончании года не подписаны волостным и писарем» (ЦГА РК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 31. Л. 30об.).

В Турайгырской волости волостным управителем являлся Ураза Кожагельдинов, а писарем Красноусов. Уездный начальник отметил, что входящий журнал ведется грязно, в графах делаются неположенные отметки; исходящий журнал также ведется грязно. «Помарок не следует делать. Неправильно вписанное следует зачеркнуть и написать вновь красными чернилами, а в конце страницы оговорить. Бумаги за № 1570 и 262 по входящему журналу, отмеченные в деле № 1, в таковом не оказались. Приказы об охоте не объявлены под расписки старшинам. Одревонасаждениях тоже не объявлено. Предписание участкового пристава за № 5090 о доставлении киргиз подшито к делу неисполненным. Расход денег в квитанционной книге не ведется. Книги волостного съезда и третейского суда не записаны в опись» (ЦГА РК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 31. Л. 32).

В Чиликской волости управитель Селикпай Канаев и писарь Георгий Васильев практически не выполняли свои обязанности. Уездный начальник пишет, что к предписанию участкового пристава за № 1206 от 27 января к исполнению не приступали. Предписание уездного начальника от 15 января не доложено волостным управителям, его распоряжения на прошения киргиз просителям не объявлены. Медленно исполняются взыскания с киргиз по надписям лесничества. Далее уездный начальник пишет, что киргиз Чиликской волости 2-го аула Батетай Тамекеев просил обжаловать состоявшееся неправильно решение судьи 2-го аула Казакпая Канаева, но судья отказался выдать копию этого решения, хотя вопрос решался уже через волостного управителя. Приказ о штрафовании волостного управителя не приведен в исполнение. «Квитанционная книга за 1904 г. не была подсчитана и закончена, и перенос оставшихся на руках денег не сделан в книгу 1905 г. Квитанции в получении денег от старшин волостным управителем выдаются без номеров».

По делам Айтовской волости, где волостным управителем был Турлуходжа Джансеркин и писарем Гертнер, уездный начальник отмечает, что заметна медленность исполнения бумаг без всяких уважительных причин. «Книга приговоров аульного съезда не заведена. В книге постановлений было записано, что волостным управителем арестован старшина на двое суток, но отметки о приведении в исполнение нет. Деньги, сданные на почту, не выведены в книге в расходе, дожидаясь квитанции казначейства. Старшинами не доставляются сведения для метрических книг. Книги волостного съезда и третейского суда не внесены в опись. Книги старшин расписаны небрежно, не сходятся с раскладочными приговорами (имеется в виду раскладка налогов на население). № 4 аула старшина получил в подать 3 рубля, а квитанции не выдал» (ЦГА РК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 31. Л. 32об.).

По проверке Кетменской волости (волостной управитель Сасык Тогулаков, писарь Знамеровский) уездным начальником было отмечено, что во входящем журнале в графах 6, 7 пишутся лишние слова «к делу», «исполнено», «исходящ.» и т.д., в исходящем журнале в графах 3, 4 тоже. «Приговоры не составляются согласно преподанной мною форме. Протоколы санитарной комиссии все экземпляры подшиты к делу, а не розданы по селениям. Дел с квитанциями казначейства в сдаче денег вопреки моего приказа не одно, а два. Паспорты проживающих в волости не предъявляются волостному управителю. Книга о запасных не ведется. Книги хлебозапасных магазинов не расписаны» (ЦГА РК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 31. Л. 33).

В Аксу-Чарынской волости волостной управитель Мамыр Абдразаков и писарь Пауль также, как и в других уездах, недобросовестно выполняли свои обязанности. Уездный начальник записал, что книга хлебозапасных магазинов ведется неаккуратно, многие сдатчики не внесены в нее, не проставлено количество внесенного зерна. Не сделаны в начале года подсчеты: сколько в селении всего зерна по годам, сколько недоимок и сколько взято ссуды. В расчетных книжках нет отметки смотрителя магазина о времени приема зерна, а также расписок ответчиков. Также указывается, что в

книге о поднадзорных преступниках не указывается, с какого времени состоят под надзором, на какой срок, получают ли от казны содержание, не проставляется аттестация, по окончании срока ареста не делается представление о снятии надзора. Квитанции о сдаче денег в казначейство подшиты не по порядку. Книга приговоров сельского схода не заведена. Не имеется книга на записку взыскиваемых штрафов, налагаемых постановлениями волостного управителя. Посемейных списков при канцелярии не имеется. Список недоимщиков не внесен в новые книги, и продолжаются сборы по старым книгам (ЦГА РК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 31. Л. 33об.).

Рассмотрев положение дел в канцеляриях всех волостных управителей, уездный начальник «для приведения в порядок всех указанных неисправностей» предложил:

- 1) метрические книги вести каждый месяц на отдельных листах;
- 2) сведения вносить поаульно;

3) делать подсчеты ежемесячно, что должно свидетельствоваться подписями старшин своих аулов и общее – волостным управителем. Согласно данным сведениям писари должны были делать отметки в посемейных списках.

По итогам проверки и.д. начальника Джаркентского уезда за исправное состояние делопроизводства канцелярии объявил волостному Будетинской волости Имамбеку Кутелеву и писарю Лебединскому благодарность.

За неисправное ведение денежных и метрических книг, а также медленное производство переписки объявил выговор писарям все волостей, а писаря Аксу-Чарынской волости Пауля предупредил, что при малейшей последующей неисправности уволит его.

За недоставление своевременно сведений для метрических книг все старшины Альджановской, Курмановской и Айтвской волостей были оштрафованы по 3 рубля каждый (ЦГА РК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 31. Л. 31). Это было довольно суровое в денежном выражении наказание.

Необходимо сказать, что все книги для ведения делопроизводства печатались в типографии газеты «Семиреченские областные ведомости». Об этом свидетельствует небольшая записка редактора газеты от 12 января 1909 года Верненскому уездному начальнику: «Препровождаю для скрепы и припечатывания изготовленную для Николаевского сельского старосты приходо-расходную книгу на 1909 г. По скрепе книгу эту благоволите приказать отослать по принадлежности» (ЦГА РК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 264. Л. 3).

Документы показывают, что существовали определенные сроки хранения документации. 22 апреля 1909 г. управляющий Омской контрольной палаты Платонов писал в Верненское уездное полицейское управление, что отправляет «три обревизованные шнуровые книги на записку переходящих сумм за 1907 г. Контрольная палата просит уездное управление разослать таковые по принадлежности для хранения их в течение 10 лет, считая с 31 декабря 1908 г., т.е. со дня заключения ревизии Общим присутствием Контрольной Палаты» (ЦГА РК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 264. Л. 51).

Изучение книги приговоров сельского схода Аксу-Чарынской волости, которая была начата 9 марта 1906 г., показывает, что она велась в период с 1906–1907 гг. на двух языках: арабской графикой на уйгурском (таранчи) языке и на русском языке, а также – какие вопросы рассматривались на сельском сходе. На сельском сходе присутствовал Аксу-Чарынский волостной управитель Мамыр Абдразаков, рассматривался вопрос раскладки таких налогов, как оброчная подать, земский сбор, волостной сбор. Там же имелись списки недоимщиков с указанием суммы задолженности (ЦГА РК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 36. Л. 2).

Выше уже говорилось о беспорядочном ведении документации в волостях и аулах области. Дело дошло до того, что военный губернатор Семиреченской области отправил 31 мая 1909 г. уездным начальникам циркуляр, в котором говорил о вопиющем происшествии в ведении документации в одном из уездов области, когда некий чиновник, встретив затруднение, «как вписать в денежную книгу документы за предыдущий месяц, когда в нее уже были вписаны документы за последующий, позволил себе вырвать лист из денежной книги». Военный губернатор связывал такой поступок с незнанием чиновником порядка делопроизводства. Во избежание подобного рода недоразумений и прямых злоупотреблений он обязывал уездных начальников следить за подготовкой назначаемых в канцелярии уездных управлений чиновников и канцелярских служащих, подробно знакомя их с порядком делопроизводства и ответственностью за нарушение этого порядка (ЦГА РК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 264. Л. 45).

Чуть позже, 18 июля 1909 г., военный губернатор Семиреченской области разослал уездным начальникам циркуляр, в котором обращал их внимание на то, что должностные лица туземной администрации одного из уездов области настолько небрежно и беспорядочно ведут денежные книги, что таковые не могут иметь никакого документального значения, на что обратила внимание еще комиссия ревизирующего Туркестанский край сенатора графа Палена. В связи с этим он предписывал уездным начальникам принять меры к устранению беспорядков в денежной отчетности у волостных управителей, аульных старшин и в волостных и сельских правлениях русских поселений, «дав надлежащие указания о ведении денежных книг и вообще денежной отчетности должностным лицам» (ЦГА РК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 264. Л. 67).

Джаркентский уездный начальник 31 июля 1909 г. отправил военному губернатору Семиреченской области рапорт, в котором эмоционально писал о наблевшем: о том, что с самого начала службы в настоящей должности обратил внимание не только на неправильное ведение денежных книг, особенно туземной администрацией, но и на растрату общественных денег. Он докладывал, что денежная отчетность должна вестись на русском языке волостными писарями, которые вследствие крайне низкой заработной платы «набираются большей частью из людей, которым нечего терять, т.е. из людей, отнюдь не удовлетворяющих своему назначению». Также уездный начальник в нелецеприятных выражениях и жестких оценочных суждениях говорит о том, что низкий уровень волостных писарей понизился «еще более с того времени, как местная переселенческая организация, расширившаяся до огромных размеров, оттянула в свои ряды за двойное и тройное вознаграждение всех сколько-нибудь способных и дельных людей, служивших в волостях уезда... Волостные писари набираются в настоящее время из подонков общества. Таковой состав волостных писарей не может не отразиться губительно не только на ведении денежной отчетности, как в случае частном, но и на всем делопроизводстве волостных канцелярий. Смещение негодных писарей не приводит ни к чему, т.к. смещенные заменяются сплошь и рядом еще более худшими» (ЦГА РК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 264. Л.70-70об.).

Джаркентский уездный начальник далее писал, что вопрос о необходимости упорядочения ведения отчетности в туземных волостях находится в тесной связи с вопросом упорядочения постановки всего делопроизводства в них. Поэтому он предложил для правильного ведения делопроизводства в волостных канцеляриях проведение следующих мер:

- 1) при назначении на избрание волостных управителей в «туземных» волостях обусловить их обязательным знанием русского языка, вначале разговорного, а затем и русской грамоты;
- 2) увеличить заработную плату волостным писарям до 50 рублей в месяц, с назначением на канцелярию особо по 60 рублей в год;
- 3) распространить право наложения административных взысканий на писарей (ЦГА РК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 264. Л. 71).

О том, что уездные начальники периодически выезжали в селения и аулы волостей уезда свидетельствует приказ начальника Верненского уезда № 14 от 17 января 1910 г. о выезде его 19 января в восточную часть Верненского уезда «для ревизии дел, касающихся полицейской части». Здесь он расписывает, где, когда и во сколько будет в том или ином селении, станице, ауле, кому следует его встретить и какие документы подготовить. Например, в станице Надеждинской он следовал проверить дела станичного правления по полицейской части, Тургенскому волостному управителю было приказано доставить «для обревизования» все дела волостной канцелярии за 1909 и 1910 годы; Бакайскому волостному управителю необходимо было доставить все дела волостной канцелярии за тот же период в селение Маловодное, а также Кызылбургскому, Сюгатинскому и Малыбаевскому волостным управителям доставить в сел. Зайцевское все дела за этот же период (ЦГА РК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 272. Л. 6-6об., 7).

По результатам проверки Верненским уездным начальником был издан приказ № 21 от 28 января 1910 г., в котором он отметил, что в русских селениях и туземных волостях Карасуйской, Сюгатинской и Кызылбургской делопроизводство ведется удовлетворительно, в Карамской, Малыбаевской и в Тургенской – запущено по вине бывших писарей и волостных управителей, но «заметно исправление при новом составе». В то же время он обратил внимание на то, что податная отчетность ведется удовлетворительно (ЦГА РК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 272. Л. 9об.).

Верненский уездный начальник в приказе № 51 от 30 марта 1910 г. писал, что при вступлении в занимаемую должность нашел делопроизводство 1 стола в совершенно запущенном состоянии, поэтому он приказал губернскому секретарю Петрову под наблюдением помощника уездного начальника ротмистра Лиханова в срок до 1 июля привести в полный порядок делопроизводство 1 стола. В этом документе впервые встречается термин «архив»: «в предупреждение беспорядка и запущенности в архивах... предлагаю принять на себя заведование архивом словесного переводчика Окопишников» (ЦГА РК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 272. Л. 32-32об., 33).

Еще до революции состояние архивов признавалось неудовлетворительным. Не существовало специально приспособленных хранилищ, плохо соблюдались условия, которые бы обеспечивали сохранность документов; практически отсутствовал научно-справочный аппарат, что затрудняло их использование.

Вопросы ведения делопроизводства периодически заслушивались на заседаниях городской думы. Так, 9 ноября 1912 г. в г. Верном на заседании городской думы заслушивали доклад Верненской городской управы на тему «Об избрании комиссии по выработке формы описи к имущественному инвентарю, а также выработке формы самого инвентаря». Постановили: признать нужным выписать «Руководство к инвентарю имущества» А.Д. Ковердовского, заключающее указания по учету городского имущества для рассмотрения и окончательной выработки форм к составлению и ведению городского имущественного инвентаря (ЦГА РК. Ф. 55. Оп. 1. Д. 45а. Л. 327-327об.).

5. Заключение

Анализ организации и ведения делопроизводства в конце XIX – начале XX вв. на примере уездов Семиреченской области Туркестанского края позволяет понять роль и место военного губернатора области или начальника уезда в системе местного управления и делопроизводства, их функциональные обязанности.

Изучение ведения делопроизводства в канцеляриях уездных начальников и волостных управителей Семиреченской области позволило выявить перечень документов, с которыми работали чиновники, установить сроки хранения документов; определить штатный состав данного аппарата. Так, волостными управителями в Семиречье являлись казахи, а писари при них состояли в основном из русских – для грамотного и правильного ведения документации, которая велась на двух языках – русском и «туземном», т.е. казахском или уйгурском на арабской графике. В структуре делопроизводственной документации можно выделить виды документов, обеспечивающих принятие и реализацию управленческих решений (протоколы и журналы заседаний, докладные записки), и виды документов, обеспечивающих документооборот (реестры и журналы для регистрации входящих и исходящих документов, бийские книги). Подробное знакомство с документами текущего делопроизводства давало возможность областному руководству представить точную картину состояния управления казахским населением на местном уровне.

Архивные материалы позволили проследить этапы организации работы с документами: получение и первичную обработку, регистрацию, распределение, рассмотрение и решение, исполнение, отправку в канцеляриях местных чиновников. Иногда эта работа была нерадивой в силу различных причин, но постоянный контроль со стороны руководства области способствовал улучшению практики ведения делопроизводства в Семиречье.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Министерства образования и науки Республики Казахстан (МОН РК) «Совершенствование методов архивного хранения документов в условиях информатизации: внедрение международного опыта в государственные архивы Казахстана» (АР05135746).

Литература

Вареникова, 2016 – Вареникова С.П. Казахское обычное право и судопроизводство биев // *Lex russika (Русский закон)*. № 8 (117), август 2016. С. 168-175.

Голиков, 2012 – Голиков А.Г. Архивоведение отечественной истории. М.: Академия, 2012. 176 с.

Далаева, 2016 – Далаева Т.Т. Особенности организации делопроизводства в волостной системе управления во внешних округах Западно-Сибирского генерал-губернаторства в 20–60-е гг. XIX в. // *Вестник КазНПУ*. № 2 (49). 2016. С. 31-37.

Ерошкин, 1997 – Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России: Учебное пособие. М.: «Третий Рим», 1997. 357 с.

Ильющенко, 1993 – Ильющенко М.П. История делопроизводства в дореволюционной России. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1993. 46 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://reshebniki-online.com/node/181671>

Козлов, 1999 – Козлов В.П. Российское архивное дело: архивно-источниковедческие исследования. М.: РОССПЭН, 1999. 334 с.

Ларин, 1998 – Ларин М.В. Управление документацией и новые информационные технологии. М.: Научная книга, 1998. 136 с.

Митяев, 1956 – Митяев Г.К. История и организация делопроизводства в дореволюционной России: Учебное пособие. М.: МГИАИ, 1956. 359 с.

Мухатова, 2012 – Мухатова О.Х. Қазақстандағы іс жүргізу тарихынан (XVIII-XIX ғғ.). // Тарих сериясы. № 2 (65). 2012.3-6 б.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Ыскак, 2010 – Ыскак А.С. Қазақстанда іс жүргізу және құжаттану: тарихы мен зерттеу әдістері (XIX ғ. – XXI ғ. басы) // АДД. Алматы, 2010. 44 с.

References

Dalaeva, 2016 – Dalaeva T.T. (2016). Osobennosry oeganyzaczii deloproizvodstva v volosrnoy sisteme upravleniya vo vneshnyh okrugah Zapadnosibirskogo general-gubernatorstva v 20-60-e gg. XIX v. [Features of the organization of office work in the volost management system in the external districts of the West Siberian Governor General in the 20-60s. XIX century]. *Vestnik KazNPU*. №2 (49). Pp. 31-37. [in Russian]

Eroshkin, 1997 – Eroshkin N.P. (1997). Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevoljutsionnoy Rossii: Ucheb. posobiye. [History of state institutions of pre-revolutionary Russia: Textbook. Allowance]. М.: «Tretiy Rim». 357 p. [in Russian]

Golikov, 2012 – Golikov A.G. (2012). Arhivovedenie otechestvennoy istorii [Archival studies of domestic history]. М.: Akademiya. 176 p. [in Russian]

Iyushenko, 1993 – *Iyushenko M.P.* (1993). *Istoriya deloproizvodstva v dorevolyutsionnoy Rossii* [History of office work in pre-revolutionary Russia]. M.: Rossiyskiy Gosudarstvennyy Gumanitarnyy Universitet. 46 p. [Electronic resource]. URL: <http://reshebniki-online.com/node/181671> [in Russian]

Iskak, 2010 – *Iskak A.S.* (2010). *Qazaqstanda is zhurgizu zhane qujattanu: tarihy men zertteu adisteri* (XIX g. – XXI g. basy) [Office work and documentation in Kazakhstan: History and research methods (XIX century – early XXI century)]. ADD. Almaty. 44 p. [in Kazakh]

Kozlov, 1999 – *Kozlov V.P.* (1999). *Rossiyskoye arkhivnoe delo: arkhivno-istochnikovedcheskiye issledovaniya* [Russian archival work: archival source research.]. Moscow: ROSSPEN. 334 p. [in Russian]

Larin, 1998 – *Larin M.B.* (1998). *Upravleniye dokumentatsiyey i novyye informatsionnyye tekhnologii* [Document management and new information technologies]. M.: Nauchnaya kniga. 136 p. [in Russian]

Mityaev, 1956 – *Mityaev K.G.* (1956). *Istoriya i organizatsiya deloproizvodstva v dorevolyutsionnoy Rossii: Ucheb. Posobiye* [The history and organization of office work in pre-revolutionary Russia: Textbook. Allowance]. M.: MGIAI. 359 p. [in Russian]

Mukhatova, 2012 – *Muxamova O.X.* (2012). *Qazaqstanda is zhurgizu tarihy (XVIII-XIX gg.)* [From the history of office work in Kazakhstan (XVIII-XIX centuries)]. QazUU khabarshysy. Tarih seriyasy. № 2 (65). 3-6 b. [in Kazakh]

TsGA RK – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. [in Russian]

Varenikova, 2016 – *Varenikova S.P.* (2016). *Kazakhskoe obychnoe pravo I sudoproizvodstvo biev* [Kazakh customary law and court proceedings]. *Lex russika (Russkiy zakon)*. № 8 (117), avgust 2016. Pp. 168-175. [in Russian]

Практика ведения делопроизводства в Семиреченской области в конце XIX – начале XX вв.

Фиалка Нуруевна Мийманбаева^{a, *}, Нурзипа Кумешбаевна Алпысбаева^a,
Ерке Тамабековна Картабаева^a, Гулзагира Жаксылыковна Отен^b

^a Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан

^b Национальный центр повышения квалификации «Өрлеу», Казахстан

Аннотация. Целью данной статьи является изучение практики ведения делопроизводства в Семиреченской области в конце XIX – начале XX вв. В представленной статье на базе архивных материалов, которые вводятся в научный оборот впервые, рассмотрено нормативное регулирование и ведение делопроизводства местных органов управления: уездных начальников, волостных управителей (и русских, и киргизский волостей), установлена структура уездных и участковых канцелярий; определен перечень делопроизводственной документации, необходимой в работе; выявлены сроки хранения отдельных документов, обеспечивающих принятие и реализацию управленческих решений, определен штат сотрудников канцелярий. Архивные материалы показывают, что в «киргизских» волостях Семиречья волостными управителями являлись казахи, а писари при них состояли в основном из русских; документация велась на двух языках – русском и «туземном», т.е. казахском или уйгурском на арабской графике; при проверке уездного и волостного делопроизводства руководство области опиралось на Положение об общественном управлении 1870 г. и циркуляры военного губернатора и наказного атамана Семиреченской области. Руководство области не только тщательно следило за ведением документации на местах, но еще и обучало не очень грамотных руководителей волостей ведению делопроизводства, в т.ч. и бухгалтерского. Анализ организации и ведения делопроизводства на примере Семиреченской области восполняет пробел в изучении делопроизводства на окраинах Российской империи.

Ключевые слова: Туркестанский край, Семиреченская область, канцелярии уездных начальников и волостных управителей, делопроизводство, документация, предписания, сроки хранения документов, бийские книги, метрические книги, финансовая документация, квитанционные книги.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: m.fialka58@mail.ru (Ф.Н. Мийманбаева),
nurzipakz@mail.ru (Н.К. Алпысбаева), erke_66@mail.ru (Е.Т. Картабаева), uten63@bk.ru (Г.Ж. Отен)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1309-1316. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1309
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Galilee School District of the Imperial Orthodox Palestine Society in the 1892–1914: Russian Employees of Inspectorate

Petr V. Fedotov^{a, *}

^aThe State Museum of the History of Religion, Russian Federation

Abstract

The article examines the activities of Russian employees of the inspectorate of the Galilee School District of the Imperial Orthodox Palestine Society (IOPS) in the 1892-1914s. The inspectorate became the first structure to coordinate the activities of various schools of IOPS in the Middle East. To a large extent, this structure was created by the efforts of the teacher of the Nazareth male boarding school, Alexander Ivanovich Yakubovich, an intelligent and active person. IOPS Secretary Vasily Khitrovo fully supported this activity. As part of a private charity, a bunch of these enthusiasts was extremely effective at first. In 1898, Russian employees of IOPS inspectorates received civil service rights, which helped to attract ambitious and well-educated people. The enthusiasm that contributed to the development of the IOPS inspectorates at the initial stage was reinforced by favorable institutional foundations. The activities of the Russian employees of the IOPS inspectorate of the Galilee School District in 1898-1914 was relatively successful, however, not very simple. The study of the motivation of these people and their real achievements allow us to obtain abundant empirical material about activities of Russians in the Middle East for a long time and evaluate the human capital that was invested in this project. The article is based on unpublished materials from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire – in particular, documents from the personal files of employees of the IOPS Galilee Inspectorate. The research methodology has an interdisciplinary nature – historical and psychological. The history of certain structure (inspectorate of the Galilee School District) is described in terms of the psychological motivation of employees.

Keywords: Imperial Orthodox Palestine Society (IOPS), educational institutions IOPS, the Middle East, Orthodoxy, Palestine, Russian inspectors, schools, education, motivation, achievements.

1. Введение

Первой структурой, объединившей деятельность различных школ Императорского православного палестинского общества (ИППО) на Ближнем Востоке, стала инспекция Галилейского учебного округа. В значительной степени эта инспекция была создана усилиями учителя Назаретского мужского пансиона Александра Ивановича Якубовича, деятельность которого всецело поддерживал секретарь ИППО Василий Николаевич Хитрово. В конце 1890-х – 1900-х гг. Палестинское общество сумело привлечь в галилейскую инспекцию хорошо образованных русских сотрудников. Исследование мотивации и реальных достижений этих людей позволяет получить ценный эмпирический материал о повседневной деятельности русских на Ближнем Востоке в течение продолжительного времени и оценить человеческий капитал, вложенный в этот проект. Результаты исследования могут быть востребованы в связи с реализацией Россией стратегических проектов гуманитарного характера на Ближнем Востоке.

* Corresponding author

E-mail addresses: fedotovpetr@mail.ru (P.V. Fedotov)

2. Материалы и методы

2.1. Подавляющая часть материалов о деятельности школьных инспекций ИППО хранится в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) в фонде Палестинского общества, в частности 43 дела галилейских школ и Назаретской учительской семинарии (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 319–361), каждое из них состоит примерно из 200 листов. Личные дела служащих учебных заведений ИППО (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 458–472) отчасти дополняют, отчасти дублируют материалы «инспекционных дел». Различные документы, связанные с деятельностью сотрудников инспекций, имеются в десятках дел других описей фонда ИППО (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1–13), а также среди материалов российского консульства в Бейруте (АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 273–295) и российского посольства в Константинополе (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 7686). Огромный массив документов по данной теме, насчитывающий более ста дел с десятками тысяч листов, оказался практически не изучен: во время работы в АВПРИ в 2019 году автор данной публикации обнаружил чистые вкладыши практически во всех просмотренных делах.

2.2. При реализации исследования было принято решение сосредоточиться на изучении личных дел сотрудников учебных заведений, привлекая отдельные документы из архива инспекций. Особый интерес представляли документы, связанные с подробным описанием появления (и решения) различных проблем, возникавших перед сотрудниками учебных заведений ИППО. Методика исследования имеет междисциплинарный, историко-психологический характер: история определенных структур (школьных инспекций ИППО на Ближнем Востоке) описывается с точки зрения психологической мотивации сотрудников.

3. Обсуждение

Начальный период деятельности учебных заведений Императорского православного палестинского общества подробно описал председатель Отделения поддержания православия в Святой Земле, член Совета и куратор школьной деятельности ИППО Н.М. Аничков, опубликовавший в 1901 и 1910 гг. объемный отчет в двух частях (374 и 264 страницы соответственно) о результатах инспекционной поездки на Ближний Восток в 1899 году (Аничков, 1901; Аничков, 1910). В этом отчете он уделил много внимания работе сотрудников инспекций, упомянул различные сведения из их биографии (на основании документов из архива ИППО), дал оценку их деятельности. Этот кропотливый труд тем не менее ограничен хронологически (тексты 1-й части написаны до 1901 года, 2-й – в основном до 1903 г.) и тематически (описываются преимущественно педагогические проблемы). До 1990-х гг. изучением деятельности ИППО занимались зарубежные исследователи. Д. Хопвуд, Т. Ставру (Hopwood, 1969; Stavrou, 1963) и Ш.Ш. Нехуштай упоминали в своих работах отчет Н.М. Аничкова в качестве одного из основных источников о деятельности учебных заведений Палестинского общества. Основательное исследование деятельности ИППО провел российский историк Н.Н. Лисовой (Лисовой, 2006). Однако в его монографии глава о школьной деятельности ИППО ограничена территорией Палестины и основана преимущественно на «Сообщениях ИППО» (периодическом печатном издании), отчете Н.М. Аничкова и работах вышеупомянутых зарубежных историков. Обширные источники из архива ИППО он практически не использовал. Школьная деятельность ИППО упоминается также в работах Б.Ф. Ямилинецца, О. Махамида, К.Н. Юзбашьяна, Р.Б. Бутовой. Наиболее развернутое исследование учебной деятельности ИППО в настоящий момент проведено Н.А. Лагузовой (Лагузова, 2012). Однако ее статья хронологически ограничена 1905–1914 гг. и основана, главным образом, на «Сообщениях ИППО». Значимые публикации (на основе различных архивных источников) подготовили по данной тематике А.Г. Грушевой (Грушевой, 2016) и П.В. Федотов (Федотов, 2016). Следует констатировать, что подробных исследований, посвященных работе инспекций (наиболее значимых структур учебных заведений ИППО, наряду с учительскими семинариями и бейрутскими школами М.А. Черкасовой), ранее не проводилось, обширные архивные материалы практически не использовались.

4. Результаты

4.1. А.И. Якубович – первый инспектор учебных заведений ИППО

Предыстория формирования школьных инспекций ИППО как отдельного института такова: с 1882 по 1886 гг. Палестинское общество открыло первые три школы (в Галилее), в 1886 году в Назарете был устроен мужской пансион (учительская семинария), а в 1890 году – женский пансион в Бейт-Джале (Аничков, 1901: 2). Отправной точкой для создания инспекций стал 1892 год, когда учительская семинария в Назарете выпустила первых учителей, прошедших полный курс обучения. В письме от 20 августа 1892 года руководителя ИППО М.П. Степанов и В.Н. Хитрово сообщили учителю Назаретского пансиона Александру Ивановичу Якубовичу об учреждении должности «инспектора мужских учебных заведений Общества» и назначении его на этот пост (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 472. Л. 153).

А.И. Якубович заслужил эту должность благодаря качествам, проявленным им во время службы в Назарете в 1888–1892 гг.: трудолюбию, уму, увлеченностью школьными делами и стратегическому подходу к образованию православных арабов. В 1890–1892 гг. Палестинское

общество опубликовало выписки из его писем (Якубович, 1891: 63-85; Якубович, 1892: 168-192) и путевые заметки (Якубович, 1890), а в апреле 1892 года наградило орденом Станислава 3-й степени (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/4. Д. 2941. Л. 3), выразив тем самым свою признательность. Для человека скромного социального положения (сына крестьянина, фельдшера на пароходе), без чинов, без законченного высшего образования (курс гимназии и несколько лет учебы в Военно-медицинской академии (Аничков, 1910: 12) школьная работа в ИППО на Ближнем Востоке стала подходящим полем деятельности для раскрытия его талантов и способностей. Он добился успеха, несмотря на поведение, нарушавшее местные социальные нормы: романы с разными женщинами (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 328. Л. 13-13 об; РНБ ОР. Ф. 253. Д. 43. Л. 310б.).

Количество учебных заведений, находящихся под инспекторским надзором, в 1892–1894 гг. изменилось незначительно: в Галилее их число возросло с шести до девяти (они были относительно немногочисленны, отдельные мужские и женские школы в некоторых селениях позднее были объединены).

Настоящий прорыв в школьной деятельности ИППО произошел в 1895 году: в первом полугодии А.И. Якубович принял под свое заведование 6 новых школ в Галилее, во втором полугодии – 15 сирийских школ.

Свои действия инспектор А.И. Якубович координировал с секретарем ИППО Василием Николаевичем Хитрово. В Архиве внешней политики Российской империи выявлена обширная переписка между В.Н. Хитрово и А.И. Якубовичем, связанная с деятельностью школьной инспекции ИППО в 1892–1898 гг.: только в двух делах обнаружено более 80 писем. В них В.Н. Хитрово выказывает полную поддержку деятельности А.И. Якубовича, откровенно и подробно обсуждает проблемы инспекций и перспективы их развития (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 393; АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/13. Д. 66. Л. 1-209).

К середине 1898 года А.И. Якубович числился единственным инспектором более 55 учебных заведений ИППО. Однако напряженная деятельность сказалась на его здоровье: в донесениях руководителям Палестинского общества он упоминает о недомогании (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 393. Л. 147). На страницах «Сообщений ИППО» он констатирует, что не способен контролировать деятельность школ на должном уровне: «Слишком много работы навалилось на нас за последнее время, а работников и работниц нет. При всем желании следить за школьным делом я должен с сожалением сказать, что в этом году мне это еще меньше удалось, чем в прошлом году» (Якубович: 1897: 516-517). Первые срывы и крайняя резкость А.И. Якубовича в разговорах со служащими привели к тому, что начальница бейрутских школ М.А. Черкасова и начальница женской учительской семинарии и иудейских школ Е.М. Тараканова отказались ему подчиняться (Аничков, 1910: 13). Структуры, которые они возглавляли, были поставлены в независимое от инспекции положение. В 1898 году А.И. Якубович вернулся в Россию, поселившись в Тифлисе (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 472. Л. 178-195). К сожалению, в России он не смог найти себе достойное применение. Персональная пенсия (900 рублей в год), назначенная ИППО, избавила его от нужды, однако попытки найти достойную работу, не имея чина, не увенчались успехом. В 1904 году он обратился к ИППО с просьбой направить Николаю II ходатайство об утверждении его в чине коллежского советника и получил ответ – «невозможно» (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 472. Л. 190-192). Безрезультатной оказалась его попытка поступить на государственную службу и в 1910 году (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 472. Л. 193-195).

В 1898 году, после ухода А.И. Якубовича, сформировалась следующая структура учебных заведений ИППО: три инспекции – галилейская, сирийская (позднее – южносирийская) и северосирийская, а также иудейские учебные заведения и бейрутские школы.

За каждую инспекцию отвечал определенный русский служащий (иногда занимавший должность «помощника инспектора» или «исполняющего дел инспектора»), который взаимодействовал с учебным персоналом, местными духовными и светскими властями, дипломатами и руководителями ИППО. Сфера деятельности инспекций охватывала обширные территории современного Сирии, Ливана и Израиля. Для качественного управления каждой инспекции требовалось несколько русских служащих, однако из-за организационных и финансовых проблем ИППО инспекторы часто оказывались без помощников. Бейрутские школы М.А. Черкасовой из-за характера их начальницы оказались практически независимы от инспекторского контроля, что вызывало у Палестинского общества серьезное беспокойство. Значительную автономию имели учительские семинарии ИППО в Назарете и Бейт-Джале, возглавляемые А.Г. Кезмой и Е.М. Таракановой (до ее ухода в 1903 году).

Центр инспекции галилейских учебных заведений до 1910 года находился в Назарете (к этому времени в ведении инспекции было уже 20 школ). После переезда инспектора в Иерусалим основная работа в Галилейском учебном округе была возложена на его помощника, оставшегося в Назарете.

4.2. Галилейский учебный округ: русские сотрудники инспекции

В учебный период 1897/1898 гг. галилейскую инспекцию возглавлял А.Н. Малинин, бывший инспектор-учитель городского училища в Петербурге (Аничков, 1910: 14). Большую часть галилейских школ А.Н. Малинин называл «ненормальными» (из-за того, что в одном классе

одновременно занимались дети разных возрастов – от 3 лет). В статье, опубликованной в «Сообщениях ИППО», он задавался вопросом: «Какую программу можно было бы предъявить такой школе и можно ли с утвержденной программой в руках оценивать труд учителя в такой школе?» (Малинин, 1899: 93). Итоги его деятельности были разочаровывающими: проболев долгое время и мало чего добившись, в середине 1898 года он попросил об отставке и вернулся в Россию.

Благодаря влиятельному члену Совета ИППО, товарищу министра Народного просвещения, Н.М. Аничкову в 1898–1899 гг. Палестинское общество добилось предоставления инспекторам ИППО и русским учителям Назаретского пансиона прав, аналогичных должностям в российских учительских семинариях (Мнение Госсовета, 1901 (1902): 17-19), что позволило привлечь на службу способных и честолюбивых людей.

По решению руководства ИППО инспектором мог стать только человек с высшим образованием, окончивший, в частности, академию или университет (выпускники же педагогических институтов могли быть помощниками или «исполняющими дел» инспектора).

Одним из главных приобретений Палестинского общества в этот период стал Павел Павлович Николаевский, выпускник Санкт-Петербургского университета, несколько лет проработавший воспитателем в Гатчинском сиротском институте. Пять лет (1898–1903) он занимал должность инспектора галилейских школ, старательно и ответственно исполняя свои обязанности. Несмотря на относительные успехи в работе, устройство семейной жизни (в Палестине он женился на русской учительнице М.М. Дмитриевой, в 1903 году у пары родился сын) и добрые отношения с руководителями ИППО Н.М. Аничковым и В.Н. Хитрово (с которым он переписывался) (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 465. Л. 128, 131-132, 156), П.П. Николаевский в сентябре 1903 года написал прошение об отставке, ссылаясь на расстроенное здоровье. Очевидно, это не было отговоркой: на переутомление он жаловался еще в 1900 году, а после ухода из ИППО несколько месяцев не состоял ни на какой службе – пока в апреле 1905 года не был назначен на должность инспектора народных училищ Малмалыжского уезда, Вятской губернии (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 465. Л. 189). В личном деле П.П. Николаевского хранится адресованное ему очень информативное письмо куратора школьной деятельности ИППО Н.М. Аничкова, в котором даются подробные ответы на претензии инспектора к руководству ИППО. По большей части эти претензии касались выполнения П.П. Николаевским различных дополнительных работ, которые, по его мнению, были недостаточно вознаграждены: поручения, не предусмотренные инструкцией, ведение педагогического съезда, подготовка арабского букваря, организация строительства паломнического подворья в Назарете. Н.М. Аничков замечает, что об оплате сверхурочных работ нужно было говорить раньше (тем не менее обещая выплатить некоторое вознаграждение), уверяет П.П. Николаевского, что ИППО делает все возможное для ускоренного получения инспектором нового чина, не соглашается с обвинением в несправедливом отношении к его жене, бывшей учительницей М.М. Дмитриевой, выражает готовность пересчитать размер путевых денег и объясняет, что имело место не «уменьшение жалованья» (по словам П.П. Николаевского), а перераспределение так называемых «разъездных денег» после того, как к инспектору был прикомандирован помощник (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 465. Л. 157-168об.). Информация о дальнейшей судьбе П.П. Николаевского была собрана его родственником Б.А. Прохоровым и размещена на сайте «Всероссийское генеалогическое древо»: Николаевские осели в Карелии, у пары было девять детей, в 1918 году, вскоре после рождения дочери, М.М. Николаевская (Дмитриева) умерла. П.П. Николаевский занимал должность инспектора народных училищ Олонецкой губернии, похоронен в Медвежьегорске в 1951 г.

Некоторое время обязанности помощника П.П. Николаевского исполнял Василий Маркович Нетованный, кандидат богословия Санкт-Петербургской духовной академии, выразивший желание поработать в учебных заведениях ИППО на Ближнем Востоке (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 465. Л. 18-22). Эта деятельность, однако, не принесла ему успеха. В письме от 19 июля 1902 г., адресованном, вероятно, В.Н. Хитрово, он выражал неудовлетворение своим положением: «Я... 1-го ноября освобожден от занятий по семинарии и отдан в распоряжение инспектора Павла Павловича Николаевского, т.е. назначен неофициально помощником инспектора, продолжая числиться учителем семинарии... Ваше Высокопревосходительство! Будьте добры, верните меня в семинарию. Павел Павлович прекрасно может и без моей помощи управиться с постройками и с инспекцией, как управлялся до моего приезда. Желание большей определенности своего положения – единственная моя просьба...» (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 465. Л. 35-36). Несмотря на обращение, ему не удалось избавиться от надзора за строительными работами, у него также возникли проблемы с освобождением от отбытия воинской повинности (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 465. Л. 37). В 1903 году он вернулся в Россию (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 465. Л. 53-62). Согласно документу, полученному канцелярией ИППО летом 1915 года, В.М. Нетованный стал священником Екатеринбургского собора в Херсоне (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 465. Л. 65).

Новым помощником П.П. Николаевского стал Алексей Андреевич Стасевич, выпускник Глуховского учительского института, один из «долгожителей» Палестинского общества на Ближнем Востоке, прослуживший там 14 лет. Подобно П.П. Николаевскому и некоторым другим сотрудникам инспекций он женился на русской учительнице – Анне Михайловне Бобровской, преподававшей в

Латакии (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 469. Л. 107). Проблемы со здоровьем не обошли стороной и его: во время объездов в дождливое время года он «заработал» ревматизм, о котором упоминал в письмах 1904 г. (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 469. Л. 108-108об.) и 1910 г. Большую часть времени А.А. Стасевич проработал на должности помощника инспектора галилейских учебных заведений. В 1908 г. Н.М. Аничков уговорил его возглавить южносирийский школьный район в качестве «исполняющего дел» инспектора (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 469. Л. 116-116об). Несмотря на недовольство названием своей должности (по правилам ИППО инспектором мог быть только человек с высшим образованием) и серьезными опасениями, что в его дела будут вмешиваться консульство и иерархи Антиохийской церкви, А.А. Стасевич согласился (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 469. Л. 124). Работа в Сирии не принесла ему удовлетворения: в письме в Совет ИППО, отправленном 5 января 1910 года, он жалуется на то, что его семья не приурочилась к местным условиям, а его мучает ревматизм (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 469. Л. 125). А.А. Стасевич начинает поиски места в России, не скрывая этого от ИППО (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 469. Л. 127-132). Чувствуя, что Палестинское общество в нем заинтересовано, в 1910 году он предъявляет различные претензии (отсутствие помощников, не выплаченное полностью, по его мнению, содержание) и выдвигает требования (получение нового чина – «статского советника» и избрание его в действительные члены ИППО) (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 469. Л. 133-137). По решению Совета Палестинского общества в декабре 1910 года А.А. Стасевич был переведен из Дамаска в Назарет в качестве помощника инспектора галилейских учебных заведений (под начальство П.И. Рязжского, совмещавшего должность инспектора и управляющего русскими подворьями в Иерусалиме). В сентябре 1912 года ИППО смогло предложить А.А. Стасевичу полноценную должность инспектора (не «исполняющего дел») южносирийских школ, однако он ответил отказом (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 469. Л. 167-168), так как получил подходящее место в России: в октябре этого же года он был назначен инспектором народных училищ Митавского района Курляндской губернии (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 469. Л. 179). В знак признательности за его многолетний труд в январе 1913 года Палестинское общество выплатило ему 1125 рублей (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 469. Л. 194).

Павел Иванович Рязжский, инспектор галилейских школ в 1904–1914 гг., стал одним из самых влиятельных сотрудников ИППО на Ближнем Востоке. В его личном деле имеются два формулярных списка, содержащие основные сведения о нем: сын священника, холост, выпускник Московской духовной академии в 1891 году, тринадцать лет работы на разных должностях в Тамбовской и Таврической духовных семинариях (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/13. Д. 143. Л. 1-23). После смерти секретаря ИППО А.П. Беляева в 1906 году П.И. Рязжский рассматривался в качестве одного из основных кандидатов на освободившуюся должность, однако Н.М. Аничков выступил против такого перемещения. «П.И. Рязжский очень нужен на месте, и он в будущем необходим для объединения деятельности школ различных инспекторских районов, становясь пока если не де-юре, то де-факто директором училищ в Палестине и Сирии. На него возлагаются и другие щекотливые поручения, требующие известного такта, сметливости и находчивости» (РНБ ОР. Ф. 253. Д. 43. Л. 63), – писал Н.М. Аничков помощнику председателя ИППО М.П. Степанову 20 июля 1906 года. Позднее Н.М. Аничков предлагал П.И. Рязжскому возглавить непростую южносирийскую инспекцию, однако тот посчитал условия работы и зарплату недостаточно привлекательными (РНБ ОР. Ф. 253. Д. 43. Л. 102об.).

Исполняя обязанности инспектора галилейских школ, П.И. Рязжский принял деятельное участие в организации строительства Николаевского подворья в Иерусалиме (совместно с управляющим подворьями ИППО Н.Г. Михайловым, отличавшимся деспотичным характером). После увольнения Н.Г. Михайлова в 1910 году П.И. Рязжский стал управляющим русскими подворьями в Иерусалиме, оставаясь инспектором галилейских школ (Летопись..., 1911: 89). Согласно формулярному списку 1909 года (с правками 1914 г.), его жалованье и выплаты составляли солидные 5775 рублей в год (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/13. Д. 143). Под руководством П.И. Рязжского был усилен контроль инспекции над женской учительской семинарией в Бейт-Джале (особенно после окончательного переезда инспектора из Назарета в Иерусалим). Новый секретарь ИППО А.А. Дмитриевский упрекал П.И. Рязжского в том, что тот не уделял внимания отчетам (РНБ ОР. Ф. 253. Д. 316. Л. 1-2), что, вероятно, объясняет и то, что в личном деле этого инспектора оказалось немного документов. Руководство Палестинского общества в целом было довольно его работой. Одним из доказательств интеллектуальных способностей и стратегического мышления П.И. Рязжского служит обстоятельное письмо 1907 года, написанное им вице-председателю ИППО Н.М. Аничкову (намеревавшемуся в связи с различными проблемами передать сирийские школы Палестинского общества в ведение Антиохийского патриархата). П.И. Рязжский обратил внимание Н.М. Аничкова на потенциально большую заинтересованность МИДа в успешной деятельности учебных заведений ИППО: «Я лично думаю, что нашему Министерству иностранных дел было бы выгодно с точки зрения реальных интересов в Сирии закрыть Дамасское консульство, отдав нас под покровительство Бейрутского консула, чем отказывать нам в помощи и индифферентно отнестись к критическому положению большого, несомненно, полезного дела, созданного десятком лет упорного труда и являющегося без всяких сомнений самой реальной и беспорной опорой для широкого

влияния России на местное население» (АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 435. Л. 21). Ревизия сирийских школ ИППО, проведенная в 1910 году при участии сотрудников ИППО и МИДа, подтвердила правоту П.И. Рязжского: благодаря протекции Министерства иностранных дел, школы Палестинского общества в Сирии (признанные полезными для внешней политики России) получили масштабное финансирование из государственного бюджета. Еще одним доказательством стратегического мышления П.И. Рязжского является его докладная записка «О восстановлении деятельности Палестинских и Сирийских учреждений по окончании войны с Турцией» (СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. Л. 146-167), опубликованная ИППО в начале 1915 года.

Уже в советское время, в 1926 году, Совет Российской палестинского общества (РПО) обсуждал возможность отправить в Палестину и Сирию научную экспедицию с участием бывшего инспектора (ИВР РАН. Ф. 120. Оп. 1. Д. 42. Л. 26). Последний раз в протоколах Совета РПО имя П.И. Рязжского упоминается в 1929 году, когда было объявлено о его смерти (ИВР РАН. Ф. 120. Оп. 1. Д. 42. Л. 62).

5. Заключение

У истоков создания учебных инспекций на Ближнем Востоке стоит А.И. Якубович – один из самых деятельных сотрудников ИППО. Благодаря своей инициативности и сметливости, он сумел завоевать полное доверие секретаря ИППО В.Н. Хитрово. В рамках частного благотворительного общества сотрудничество двух энтузиастов (В.Н. Хитрово и А.И. Якубовича) оказалось на первых порах существования инспекций крайне эффективным. После значительного расширения школьной деятельности ИППО в 1895 году потребовалось создать благоприятные институциональные условия для русских сотрудников инспекций: с этой целью в 1898 году для них были получены права государственной службы.

Выпускник Санкт-Петербургского университета П.П. Николаевский, сын чиновника, монархист, верный идее служения России, пользовался особым расположением Н.М. Аничкова, разделявшего его ценности. Однако столкновение с реальными повседневными проблемами привело П.П. Николаевского к сильному переутомлению и «выгоранию» после пяти лет работы.

Серьезного успеха добился П.И. Рязжский – практичный, проницательный и умный человек со стратегическим мышлением. Под его руководством значительно вырос как профессионал его помощник – А.А. Стасевич (позднее назначенный инспектором в России). Очевидной неудачей закончилась карьера в ИППО В.П. Нетованного, выпускника Санкт-Петербургской духовной академии, а также А.Н. Малинина.

Как показывает исследование деятельности русских сотрудников инспекции Галилейского учебного округа, мотивированные люди были способны добиваться серьезных достижений на Ближнем Востоке в течение продолжительного времени, несмотря на различные трудности.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-41006 Палестина.

Литература

- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.
- Аничков, 1901 – Учебные и врачебные заведения Императорского православного палестинского общества в Сирии и Палестине. Отчет члена Совета Общества Н.М. Аничкова. Т. 1. СПб., 1901. 374 с.
- Аничков, 1910 – Учебные и врачебные заведения Императорского православного палестинского общества в Сирии и Палестине. Отчет члена Совета Общества Н.М. Аничкова. Т. 2. СПб., 1910. 264 с.
- Грушевой, 2016 – Грушевой А.Г. Из истории русских школ на Ближнем Востоке / Публикация архивных материалов, предисловие, статья, комментарии и указатели А.Г. Грушевой. СПб.: Контраст, 2016. 288 с.
- Дмитриевский, 2014 – Дмитриевский А.А. Палестинское общество и русские школы на Востоке. Статьи, очерки, отчеты. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2014. 416 с.
- ИВР РАН – Институт восточных рукописей Российской академии наук.
- Лагузова, 2012 – Лагузова Н.А. Школьная деятельность Императорского православного палестинского общества в 1905–1914 гг. // *Иерусалимский православный семинар*. 2012. № 3. С. 121-158.
- Летопись..., 1911 – Летопись Палестинского общества // *Сообщения ИППО*. 1911. Т. 22. С. 88-94.
- Лисовой, 2006 – Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX вв. М. 2006. 510 с.
- Малинин, 1899 – Малинин А.Н. Отчет помощника инспектора А.Н. Малинина по галилейским учебным заведениям Императорского православного палестинского общества за второе полугодие 1897–1898 учебного года // *Сообщения ИППО*. 1899. Т. 10. С. 91-106.
- Мнение Госсовета, 1901 (1902) – Высочайше утвержденное 9 марта 1898 г. мнение Государственного Совета о предоставлении лицам, приглашаемым ИППО на службу в Назаретский пансион и для инспекторского надзора над школами Общества в Палестине и Сирии, льготы по

воинской повинности и прав учебной службы по Министерству Народного Просвещения // *Сообщения ИППО*. 1901 (1902). Т. 12: Прил. С. 17-19.

РНБ ОР – Российская национальная библиотека. Отдел рукописей.

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.

Федотов, 2016 – *Федотов П.В.* Русские сотрудники учебных заведений Императорского Православного Палестинского общества на Ближнем Востоке. Двенадцать писем (1892–1914 гг.) из архива А.А. Дмитриевского в ОР РНБ // *Петербургский исторический журнал*. 2016. № 2 (10). С. 174-190.

Якубович, 1890 – *Якубович А.И.* Прогулки по Палестине с учениками Назаретского мужского пансиона 1889 г. // *Православный палестинский сборник*. 1890. Т. 8. Вып. 1 (22). 131 с.

Якубович, 1891 – *Якубович А.И.* Выписки из писем старшего учителя Назаретского мужского пансиона А.И. Якубовича от 15 янв. и 21 февр. 1891 г. // *Сообщения ИППО*. 1891. Т. 2. С. 63-85.

Якубович, 1892 – *Якубович А.И.* Выписки из писем старшего учителя Назаретского мужского пансиона А.И. Якубовича от 28 июня, 5, 15, 26 авг., 1 сент., 1 окт. и 26 дек. 1891 г. // *Сообщения ИППО*. 1892. Т. 3. С. 168-192.

Якубович, 1897 – *Якубович А.И.* Учебные заведения Императорского Православного Палестинского Общества во второй половине 1896–1897 учебного года (из отчета инспектора школ Общества А.И. Якубовича) // *Сообщения ИППО*. 1897. Т. 8. С. 513-552.

Hopwood, 1969 – *Hopwood Derek.* The Russian Presence in Syria and Palestine, 1843–1914: Church and Politics in the Near East. New York: Oxford University Press. 1969. Pp. 143-157

Stavrou, 1963 – *Stavrou Theofanis G.* Russian interests in Palestine, 1882–1914. A study of religious and educational enterprise. Institute for Balkan Studies, Thessaloniki 1963. 249 p.

References

AVPRI – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire].

Anichkov, 1901 – Uchebnye i vrachebnye zavedeniya Imperatorskogo pravoslavnogo palestinskogo obshchestva v Sirii i Palestine. Otchet chlena Soveta Obshchestva N. M. Anichkova (1901). [Educational and medical institutions of the Imperial Orthodox Palestine Society in Syria and Palestine. Report of the member of the Board of the Society N. M. Anichkov]. Т. 1. St. Petersburg, 374 p. [in Russian]

Anichkov, 1910 – Uchebnye i vrachebnye zavedeniya Imperatorskogo pravoslavnogo palestinskogo obshchestva v Sirii i Palestine. Otchet chlena Soveta Obshchestva N. M. Anichkova (1910). [Educational and medical institutions of the Imperial Orthodox Palestine Society in Syria and Palestine. Report of the member of the Board of the Society N. M. Anichkov]. Т. 2. St. Petersburg, 264 p. [in Russian]

Grushevoi, 2016 – *Grushevoi A.G.* (2016). Iz istorii russkikh shkol na Blizhnem Vostoke [From the history of Russian schools in the Middle East]. St. Petersburg: Kontrast, 288 p. [in Russian]

Dmitrievskii, 2014 – *Dmitrievskii A.A.* (2014). Palestinskoe obshchestvo i russkie shkoly na Vostoke. Stat'i, ocherki, otchety [Palestine society and Russian schools in the East. Articles, essays, reports]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko. 416 p. [in Russian]

Fedotov, 2016 – *Fedotov P.V.* (2016). Russkie sotrudniki uchebnykh zavedenii Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva na Blizhnem Vostoke. Dvenadtsat' pisem (1892-1914 gg.) iz arkhiva A.A.Dmitrievskogo v OR RNB [Russian educational staff of the IOPS in the Middle East. Twelve letters from the archive of A.A.Dmitrievsky]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. № 2 (10). Pp. 174-190. [in Russian]

Hopwood, 1969 – *Hopwood Derek* (1969). The Russian Presence in Syria and Palestine, 1843–1914: Church and Politics in the Near East. New York: Oxford University Press. pp. 143-157.

IVR RAN – Institut vostochnykh rukopisei Rossiiskoi akademii nauk [The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences].

Laguzova, 2012 – *Laguzova N.A.* (2012). Shkol'naya deyatelnost' Imperatorskogo pravoslavnogo palestinskogo obshchestva v 1905-1914 gg. [School activities of the Imperial Orthodox Palestine Society in 1905-1914]. *Ierusalimskii pravoslavnyi seminar*. Vol. 3. pp. 121-158. [in Russian]

Letopis'..., 1911 – Letopis' Palestinskogo obshchestva (1911). [Annals of the Palestine Society]. Soobshcheniya IPPO. Т. 22, pp. 88-94. [in Russian]

Lisovoi, 2006 – *Lisovoi N.N.* (2006). Russkoe dukhovnoe i politicheskoe prisutstvie v Svyatoi Zemle i na Blizhnem Vostoke v XIX – nachale XX vv. [Russian spiritual and political presence in the Holy Land and the Middle East in the 19th - early 20th centuries]. Moscow. 510 p. [in Russian]

Malinin, 1899 – *Malinin A.N.* (1899). Otchet pomoshchnika inspektora A. N. Malinina po Galileiskim uchebnym zavedeniyam Imperatorskogo pravoslavnogo palestinskogo obshchestva za vtoree polugodie 1897–1898 uchebnogo goda. [Report of the Assistant Inspector A. N. Malinin on the Galilean schools of the Imperial Orthodox Palestine Society for the second half of the school year 1897-1898]. Soobshcheniya IPPO. Т. 10. pp. 91-106 [in Russian]

Mnenie Gossoвета, 1901 (1902) – Vysochaishe utverzhdennoe 9 marta 1898 g. mnenie Gosudarstvennogo Soveta o predostavlenii litsam, priglashaemym IPPO na sluzhbu v Nazaretskii pansion i dlya inspektorskogo nadzora nad shkolami Obshchestva v Palestine i Sirii, l'goty po voinskoi povinnosti i

prav uchebnoi sluzhby po Ministerstvu Narodnogo Prosveshcheniya (1901 (1902)). [The highest opinion of the State Council approved on March 9, 1898 on the provision of persons invited by the IOPS to serve in the Nazareth seminary and to supervise the schools of the Society in Palestine and Syria, the benefits of military service and the rights of the service of the Ministry of Public Education]. Soobshcheniya IPPO. T. 12: Pril. Pp. 17-19. [in Russian]

RNB OR – Rossiiskaya natsional'naya biblioteka. Otdel rukopisei [The Manuscripts Department of the National Library of Russia].

SPbF ARAN – Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva Rossiiskoi akademii nauk [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences].

Stavrou, 1963 – Stavrou Theofanis G. (1963). Russian interests in Palestine, 1882–1914. A study of religious and educational enterprise. Institute for Balkan Studies, Thessaloniki. 249 p.

Yakubovich, 1890 – *Yakubovich A.I.* (1890). Progulki po Palestine s uchenikami Nazaretskogo muzhskogo pansiona 1889 g. [Walking in Palestine with students of the Nazareth male boarding school 1889]. Pravoslavnyi palestinskii sbornik. T. 8. Vol. 1 (22). 131 p. [in Russian]

Yakubovich, 1891 – *Yakubovich A.I.* (1891). Vypiski iz pisem starshego uchitelya Nazaretskogo muzhskogo pansiona A. I. Yakubovicha ot 15 yanv. i 21 fevr. 1891 g. [Extracts from the letters of the senior teacher of the Nazareth male boarding school A. I. Yakubovich dated Jan 15. and Feb 21. 1891]. Soobshcheniya IPPO. T. 2. Pp. 63-85 [in Russian]

Yakubovich, 1892 – *Yakubovich A.I.* (1892). Vypiski iz pisem starshego uchitelya Nazaretskogo muzhskogo pansiona A. I. Yakubovicha ot 28 iyunya, 5, 15, 26 avg., 1 sent., 1 okt. i 26 dek. 1891 g. [Extracts from the letters of the senior teacher of the Nazareth male boarding school A. I. Yakubovich dated June 28, August 5, 15, 26, 1 Sept., 1 Oct. and Dec 26 1891]. Soobshcheniya IPPO. T. 3. Pp. 168-192 [in Russian]

Yakubovich, 1897 – *Yakubovich A.I.* (1897). Uchebnye zavedeniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva vo vtoroi polovine 1896–1897 uchebnogo goda: (iz otcheta inspektora shkol Obshchestva A. I. Yakubovicha). [Educational institutions of the Imperial Orthodox Palestine Society in the second half of the school year 1896-1897: (from the report of the inspector of schools of the Society A.I. Yakubovich)]. Soobshcheniya IPPO. T.8. Pp. 513-552 [in Russian]

Галилейский учебный округ Императорского православного палестинского общества в 1892–1914-х гг.: русские сотрудники школьной инспекции

Петр Викторович Федотов^{а, *}

^а Государственный музей истории религии, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется деятельность русских сотрудников инспекции Галилейского учебного округа Императорского православного палестинского общества (ИППО) в 1892–1914-х гг. Галилейская инспекция стала первой структурой, координировавшей деятельность различных школ ИППО на Ближнем Востоке. В значительной степени это структурное подразделение было создано усилиями Александра Ивановича Якубовича, учителя Назаретского мужского пансиона – умного и деятельного человека. Полную поддержку деятельности А.И. Якубовича оказывал секретарь ИППО Василий Николаевич Хитрово. В рамках частного благотворительного общества сотрудничество этих энтузиастов оказалась на первых порах существования инспекций очень эффективной. В 1898 году русские сотрудники школьных инспекций ИППО получили права государственной службы, что позволило привлечь на работу честолюбивых и хорошо образованных людей. Энтузиазм, способствовавший развитию деятельности школьных инспекций ИППО на начальном этапе, был подкреплен благоприятными институциональными основаниями. Несмотря на все сложности, деятельность русских сотрудников галилейской инспекции в 1898–1914 гг. была относительно успешной. Исследование мотивации и реальных достижений этих людей позволяет получить обильный эмпирический материал о повседневной деятельности русских на Ближнем Востоке в течение продолжительного времени и оценить человеческий капитал, вложенный в этот проект.

Статья основана на неопубликованных материалах из Архива внешней политики Российской империи, в частности документах из личных дел сотрудников инспекции Галилейского учебного округа. Методика исследования имеет междисциплинарный, историко-психологический характер: история определенной структуры (инспекции Галилейского учебного округа) описывается с точки зрения психологической мотивации и достижений сотрудников.

Ключевые слова: Императорское православное палестинское общество (ИППО), учебные заведения ИППО, Ближний Восток, Палестина, русские инспекторы, школы, православие, образование, мотивация, достижения.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: fedotovpetr@mail.ru (П.В. Федотов)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1317-1326. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1317
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Russian Empire's Scientific Heritage: V.V. Bartold and Central Asia

Arnabai A. Nurzhanov ^{a, *}, Gaukhar A. Kaldybaeva ^a, Igor V. Krupko ^a

^a A.Kh. Margulan Institute of archaeology, Almaty, Kazakhstan

Abstract

The stage of gaining the cultural heritage of the steppe civilization was the study of archaeological sites in Kazakhstan by scientists of the Russian Empire. Important for national historiographies of the post-imperial space is the placement of specific personalities in the pantheon of historical memory. Of lasting importance in the study of medieval history and archeology of the South-Southeast Kazakhstan was the trip to this region of V.V. Bartold in 1893–1894. Based on numerous written sources the researcher gave the localization of cities, identifying them with specific monitored sites. He noted the ancient origins of urban culture in the area of the city of Almaty. This work is adjoined by the proximity of the topic "Essay on the history of the Seven Rivers", which retains its scientific significance, remaining the most complete and systematic review of the political history of the Seven Rivers from ancient times to the late Middle Ages. His fundamental research became the basis of numerous subsequent studies in the field of studying the historical topography of cities, their localization, their role in the historical events of antiquity and the Middle Ages, the history of the emergence and development of the cities themselves in the light of Turkic-Sogdian interactions. The organization of the Turkestan circle of archeology lovers in Tashkent in 1895, uniting representatives of the local intelligentsia, military men, and officials interested in the past, its history, monuments of architecture and art, is associated with the name of V.V. Bartold. In addition, even now, in the 21st century, modern researchers, in their attempts to conceptually develop the scientific environment of archaeological science, rely on empirically fundamental foundations laid down by academician V.V. Bartold.

Keywords: V.V. Bartold, Central Asia, XIX century, Russian Empire.

1. Introduction

Among the Russian and Soviet scientists who stood at the origins of the formation and development of the history of science in Kazakhstan, undoubtedly, the figure of an outstanding orientalist, the creator of the Russian oriental school, the largest historian of the East, academician V.V. Bartold stands out. An extremely wide range of scientific interests of the scientist covers all periods of the history of the peoples of Central Asia. V.V. Bartold's brilliant talent and extraordinary erudition, along with his exceptional energy and ability to work, allowed him to create a huge number of scientific works in various fields of history and oriental studies.

Under new historical conditions, the interest of researchers in studying the works of V.V. Bartold, identifying its role and place in the study of the history and culture of the region, in the formation and development of historical science in the state, which also determines the relevance of the development of the chosen topic, is growing.

The vast majority of the works of V.V. Bartold and in our time are as necessary for science, as in the years of their publication. His works have become indispensable tools for researchers, handbooks, which should be addressed to anyone who studies the history of the Middle Ages and, especially, Central Asia.

Many of the work of V.V. Bartold translated into foreign languages. He is known as one of the best experts on the ancient history of Turkic peoples, to whom he devoted a number of studies and special lectures.

* Corresponding author

E-mail addresses: arnabai@mail.ru (A.A. Nurzhanov)

His views cause discussion, a contradictory attitude. At the same time, the works of the academician remain valuable sources for the study of Islam, Arab and Muslim countries, the relationship between the West and the East, interreligious relations, and many others. A verified source study base, rich theoretical and factual material, and the operation of scientific tools distinguish them.

All the works of V.V. Bartold in 1963–1977 was systematized and reprinted in nine volumes, which have become a bibliographic rarity today (in the library of the National Academy of Sciences – in a rare collection).

Bartold's works on the history of the peoples of Central Asia and the Middle East have not lost their relevance and significance today.

2. Materials and methods

The main materials and sources in the study of Bartold's research on the territory of Southeast Kazakhstan were the works and writings of V.V. Bartold, Masson, Umnyakov, V.V., Lunin, T.N. Senigova, K.M. Baipakov and other prominent scientists, whose activities formed the foundation and the basis for evaluating and the role of the personality of V.V. Bartold in the historical, archaeological sciences. The legacy of scientists in the context of this article is updated by modern historiographic discourse. The methods of this historiographic study are descriptive, comparative and analogy methods of retrospective analysis, as well as the theory of modernization. A descriptive method was used to characterize the historical reality of that period.

In the era of modernity, the nation was constructed by three interdependent discursive fields, emerging one after another: scientific, legal and political. In the case of Kazakhstan, scientific discourse began to form in the process of implementing the imperial project of ethnographic classification, which includes the categorization of the population according to religious, ritual, social and other characteristics. One of the key issues was the question of the genealogy of the population (territorial legitimacy) – its autochthonousness or migratory origin.

3. Discussion

Scientific heritage of V.V. Bartold is unusual in their thematic diversity and chronological range, the heritage is an example of scientific insight into the essence of the studied scientific problems, based on the analysis of the primary sources. However, "The Historical Worldview of V.V. Bartold" and its relation to the historiographical schools of its time is not well understood. His scientific work is considered the foundation of humanitarian thought. He became the first major specialist in oriental studies to study the Arabic-language cultural heritage. The scientist belongs to the most important era of the end of the XIX – the beginning of the XX centuries, which are considered a lullaby of source thought. During this period, those research methods were developed thanks to which these branches of knowledge for the first time acquired the character of a scientific discipline. The conditions for scientific work were determined, in particular, the creation of a number of scientific societies, sub-departments of the Russian Geographical Society, which contributed to the organization of local scientific forces.

Many scientists are studying the scientific heritage of Vasily Vladimirovich Bartold, collections of jubilee dates have been published. A large number of studies on his scientific activities were published in the twentieth century – N.M. Akramov (Akramov, 1965), Bernshtam (Bernshtam, 1943), I.N. Klyashtorny (Klyashtorny, 1967), A.N. Kononov (Kononov, 1989), B.V. Lunin, (Lunin, 1987). N.N. Tumanovich (Tumanovich, 1976), I.I. Umnyakov (Umnyakov, 1976).

Acquaintance V.V. Bartold with a Turkologist Academician V.V. Radlov, who belongs to the Berlin school of science, greatly benefited his scientific studies. He influenced the younger generation with a living word. The peculiarity of this scientist was that he collected the material himself, during long trips. He studied the modern life of nomads, their traditions (oral and written) about their past and better than most other researchers, could understand their life in past centuries and the process of formation of nomadic states, he witnessed many political events in Central Asia conducted by the Russian government. For example, S.I. Weinstein and S.G. Klyashtorny note the influence of the school of historian Karl Ritter on Radlov, who was interested in the ethnogenesis of the peoples of Central Asia and Siberia. In contrast to the tradition that prevailed in Germany, which defeated the romanticism of the 19th century, the historical school of law, in which the essentialism of history was declared primordially, depending on the "spiritual structure of the people" (which is explained by the transition of historical subjectivity in the New Age from the ruling dynasties, which for centuries have personified the state, to the people, which became the main actor in history), Ritter's historical school gravitated toward geographical determinism, sharing a variety of constructivist trends in theories of ethnicity and ethnogenesis.

4. Results

V.V. Bartold was born on November 3 (15), 1869 in St. Petersburg in a «bourgeois» in his words, family.

In 1887 V.V. Bartold graduated from the 8th St. Petersburg Gymnasium with a gold medal. Now it is difficult, and perhaps completely impossible, to determine under whose influence or due to what specific motivating reasons V.V. Bartold had an interest in the history and culture of the countries of the East.

The fact that interest arose even during the gymnasium is evidenced by a compendium on the history of the Mongols discovered in the personal archive.

This fact is confirmed by the instructions of S.F., Oldenburg, that Bartold "prepared himself for scientific work from the school bench ...".

In the fall of 1887, Bartold entered the St. Petersburg University of Oriental Languages in the Arabic-Persian-Tatar-Turkish category, where he attended lectures by N.I. Veselovsky, V.A. Zhukovsky, K.P. Patkanov, V.L. Smirnov, V.R. Rozen and many others.

The breadth of horizons and encyclopedic knowledge is evidenced by the lists of books read and extracts from them in Greek, Latin, Persian, French, Syriac, Turkic and other languages. He was familiar with the works of Ascelin, Socrates, Strabo, was interested in travel descriptions of Plano Karpini, Marco Polo, Xuan-Qian, maps on the history of Samanids, Mongols, Ilkhans, the Eastern Church (including Islam), etc.

At the university, Bartold's interests focused mainly on the medieval history of the Near and Middle East. In this connection, N.I. Veselovsky became his scientific mentor.

However, Bartold's closest teacher was destined not to be N.I. Veselovsky, but the Arabist Rosen, an outstanding expert in oriental languages who masterfully mastered the techniques of in-depth analysis of monuments of oriental writing of the Middle Ages.

Already at that time, the young scientist became interested in the history of the Turkestan Territory. Later, in his "Autobiography" V.V. Bartold wrote about his aspiration: "... It seemed quite natural to me that Russian oriental historians are attracted by a region that is geographically and historically closer to Russia than other Eastern countries, an area where a Russian scientist has material that is much less accessible to Western European ..." (Bartold, 1977: 789-790).

In 1893, under the influence of V.V. Radlov and on behalf of the Academy of Sciences and the Faculty of Oriental Languages of St. Petersburg University, the first scientific trip of V.V. Bartold to Central Asia, made by him together with the visual anthropologist of his time S.M. Dudin (1863–1929). Before V.V. Bartold was given the task "in addition to written news about the country's past, to collect on-site information about the traces left by its former inhabitants, and if possible give a brief description of the ruins of cities, fortifications, etc." (Bartold, 1966b: 21-91).

As you can see, this task gave the trip of V.V. Bartold, first of all, the archaeological character, and in this respect it occupies a special place among his scientific trips to Central Asia, not so characteristic of the interests and kind of activity of V.V. Bartold, although as far as possible he was engaged in "collecting various manuscripts, traditions, etc.". In 1904, another trip of V.V. Bartold to Central Asia for archaeological excavations in Samarkand will take place, but this will be the last trip of this kind.

The trip of 1893, according to N.I. Veselovsky, was supposed to help V.V. Bartold to study, interested in his question, the ways of movement of nomadic peoples from East Asia to Central Asia (Akramov, 1965: 29). Thus, in the center of attention of V.V. Bartold should have been, in particular, the Chui and Ili valleys. However, "this time, the study of the monuments of the ancient cultural sedentary Transoxiana was not part of the expedition's tasks", therefore, it was proposed to begin "research from the vicinity of Chimkent, where the possessions of nomads usually began" (Mednikov, 1909: 2).

Upon arrival in Tashkent, V.V. Bartold went along the route Chimkent-Aulie-Ata and further along the Talas River (north of the Okhrum tract, south of the village of Dmitrievsky), where a number of ancient settlements and other ancient monuments were examined and recorded.

V.V. Bartold was extremely diligent in fulfilling his task, despite the fact that the trips of scientists in Central Asia were then very difficult, requiring some skill, physical endurance, and the ability to overcome the many and varied difficulties of the journey. However, an accident (falling from a horse and a broken leg) (Krachkovsky, 1974: 7-8) forced V.V. Bartold to stay in Auliye-Ata and then return to Tashkent, where he was placed in a military hospital.

Having recovered from an accident, V.V. Bartold in 1884 continued his trip to Central Asia. He visited Khojent, Ak-Tepe, Nau, Ura-Tyube, Shakhristan and other points on the territory of modern Tajikistan, examined ancient monuments in the Chu and Ili river valleys (Archive of the RAS, f. 68, op. 1, d. 3227, l. 66-67).

Later, V.V. Bartold with his inherent modesty and self-criticism states that the expedition of 1893–1894. "Did not belong to the number of successful ones" (Bartold, 1977: 14). This assessment, however, requires some comments. It reflected more than once expressed V.V. Bartold was convinced that archeological studies were not his element and that he "was deprived of the necessary qualities for the so-called works" in the field "on material historical monuments" (Krachkovsky, 1958: 429). Nevertheless, for its time this trip was undoubtedly very fruitful and enriched domestic archeology and history with extensive material of actual observations and descriptions of ancient monuments (the latter were carried out mainly by S.M. Dudin), as well as a large amount of historical, geographical and other data on the areas that entered the orbit of attention of B. B. Bartold and his companions (Bartold, 1966: 19-91).

In the first decades of the VII century on the Great Silk Road, which moved to South Kazakhstan and Zhetysay, cities appeared.

The ancient settlement Kulan, located at the eastern edge of the modern village of Kulan on the banks of the Karakat River (a tributary of the Shu River), is an elevated platform of almost square shape with steep slopes, oriented by angles to the countries of the world.

This is a fortification at the end of the XIX century. Tomashek, and somewhat later, V.V. Bartold was identified with the ancient city of Kulan.

The artist S.M. Dudin, who participated in the expedition of V.V. Bartold, wrote that when passing through Tarty (Kulan) "one cannot help but notice a long (about half a mile) low shaft crossing a somewhat oblique road and ending at a large two-story hill. To the east of the village and the shaft, at a distance greater than the vertices, there are traces of the second shaft, apparently parallel to the first."

The report on a trip to Central Asia with a scientific purpose in 1893–1894. V.V. Bartold writes about his visit to the Ili Valley that even before the trip he had heard that "in the neighborhood of Verny are the ruins of some old city. For more detailed information, he turned to the city architect P.V. Gourde, who, with the greatest willingness, agreed to visit the ruins together: upon examination, the instructions of a person familiar with building art were, of course, very useful."

The ruins are located southwest of Verny, against the gorge of Big Almaty. According to P.V. Gourde, "here until recently, the remains of brick buildings were visible and the direction of all streets could be determined with accuracy, now all solid bricks have been removed, and only traces of buildings visible on the surface indicate the location of buildings and rooms." In one place, there is an elevation in the form of a horseshoe, which, according to P.V. Gourde, probably indicates the location of the tower that belonged to the wall of the citadel.

"We could not precisely determine the space occupied by the ancient settlement," writes V.V. Bartold, "since its entire area was seeded with bread plants, which during our stay in Verny (June 21-23) were already in the ripening period.

For a long time it was not possible to determine the exact location of the settlement described by V.V. Bartold, and only in 2009 it was found. This became possible after collecting fragments of ceramics made by archaeologist S.A. Berdenov. Now it is a flat platform on a cone of removal of mountain rivers or streams at the exit of Almarasan gorge.

Currently, the territory of the settlement is located in the zone of active agricultural development: crops of grain and corn, the rest – by the orchard, occupy part of the area.

Thus, not becoming a specialist archaeologist, V.V. Bartold, nevertheless, highly valued the role and importance of archaeological research throughout his life, carefully monitored the latest archaeological literature, used archeology data in his research, helped organize excavation work and held on a firm belief about the mutually necessary relationship between the data of archeology and written sources ("without material traces it is impossible to understand written news and vice versa") (Bartold, 1963: 308).

It is worth noting that V.V. Bartold never opposed one to the other: history and archeology. He emphasized that archeology, as a discipline devoted to the study of one of the categories of historical sources – material monuments, is an inextricable part of historical science. Only by studying the sources of all categories can the historian's task be accomplished, and this study, of course, can be the result of not only individual but also collective work (ZVORAO, 192: 352).

It was V.V. Bartold's high exactingness in the field of archaeological research that prompted him to refrain from carrying out any excavations on the monuments along the travel routes of 1893-1894. In this respect, the incident that took place between N.I. Veselovsky (with his excavation practice, which did not always meet strictly scientific requirements) and V.V. Bartold on the latter's return to St. Petersburg is very characteristic. N.I. Veselovsky was very dissatisfied with the results of the expedition, saying that V.V. Bartold "traveled too soon, which should have stopped and excavated in some places." According to V.V. Bartold, he "proved (to Veselovsky) that he had no right to do this, that he had no money, no knowledge, no experience (and) for the excavations, that before he left (he) he waited for the full willingness to wait a year or two to get better prepared.

Such a cautious attitude to the excavation was not a manifestation of the timidity of the novice researcher. V.V., Bartold will continue to be adamant in that view that excavation can only be carried out by specially trained people and according to a carefully thought-out plan, also emphasizing that excavations on the site of historical cities undertaken without knowledge of the history of the country do not lead to significant results" (ZVORAO, 1907: 96).

V.V. Bartold believed, – says I.P. Petrushevsky, – "that without a solid philological basis, painstaking textological study of sources, the introduction of new sources and new factual material into scientific usage and without their critical analysis, the study of history is impossible. These scientific techniques, bequeathed to Bartold, were accepted by historians-orientalists of the Soviet period" (Petrushevsky, 1960: 205).

The first part of the fundamental work of V.V. Bartold "Turkestan in the era of the Mongol invasion", which includes selected passages, mainly from historical works of 24 manuscripts stored in London, Oxford, Paris and Russian libraries, is very valuable for studying the history of Kazakhstan. Many extracts are known from rather rare and sometimes unique copies of manuscripts.

The extensive source study base served as a reliable basis for the scientist in developing a large number of special issues in the field of political, social and cultural history of medieval Kazakhstan.

Moreover, the works of V.V. Bartold are an unsurpassed example of a critical analysis of fragmentary and often opposing information from written sources.

An essay on the history of Zhetysu, published for the first time in 1898 in Verny (now Almaty, retains its scientific significance, remaining a concise systematic example of Zhetysu's political history, starting with the history of Usuns (II century BC) to fall of the Kalmyk empire (1758).

A broad-minded scientist, V.V. Bartold paid much attention to the methodology of careful study of cultural heritage. Clearly representing the value of archaeological material, he repeatedly emphasized its historical value and essence, thus considering archeology as part of a unified historical science. In the preface to the "Essay on the History of Zhetysu," this remarkable orientalist wrote about the role of archaeological research: "The written sources that have reached us are often fragmentary and incomplete, and need to be supplemented with archaeological material ..." (Bartold, 1963: 23). At the same time, he rightly remarked that "like any other thing. The case study of local antiquities can be carried out successfully only with proper organization" (Bartold, 1963: 24).

V.V. Bartold twice directly participated in field archaeological work. His first expedition was connected with Kazakhstan. In 1893-1894 he was sent here by St. Petersburg University to study the topography of ancient monuments, mainly in the south of Kazakhstan, in the Issyk-Kul valley and in Zhetysu (Bartold, 1966b: 21). Thorough analysis of archaeological material, meticulous extraction of data from their written sources served as the basis for raising the question of the historical geography of the cities of Kazakhstan in the Middle Ages.

In the 20s of the XX century V.V. Bartold was one of the first to come close to considering the history of Turkic-speaking peoples as a complex process in which peoples related in language, but often different in their economic life, for at least two millennia passed the path of independent social, political and cultural development. This direction of his research was reflected primarily in the work "Twelve Lectures on the History of the Turkish Peoples of Central Asia", where the thesis that "the history of the East can only be explained by applying the same scientific methods as the history of Europe" was most clearly and clearly revealed.

A number of important sources have been introduced into science thanks to numerous reports on scientific trips of V.V. Bartold to Central Asia, the Caucasus and abroad.

The scientist paid much attention to the search and study of written sources.

He vividly responded to any research or publication of the primary source related to the field of his scientific interests. Therefore, V.V. Bartold drew attention to the mention in the magazine "Die Islamische Welt" of the Turkic-Arabic dictionary of Mahmoud Kashgar. This early monument of Turkic lexicography was discovered and published in Istanbul, in 1915-1917, and was not available for Russian science of that time.

Soon, the scientist made a report at the Institute of Oriental Studies on the work of Mahmoud of Kashgar. Having appreciated it, he stated, "the newly opened monument is of primary interest not only for Turkologists-linguists, but also for Central Asian specialists." Later on, based on the work of Kashgar, the scientist showed a complete picture of the resettlement of peoples and tribes in Kazakhstan and carefully used ethnographic, geographical and historical data "Divan-Lugat-at-Turk" in the well-known work "Twelve Lectures on the History of the Turkish Peoples of Central Asia".

Speaking about the merits of V.V. Bartold in the field of source study, one cannot but mention his publication of the anonymous geographical work "Khudud al-Alam", regarded by him as "a duty that has long been on Russian science: to make accessible to the scientific world a precious monument of Muslim geography." "Khudud al-Alam" helps to better illuminate the history of the Kazakh Middle Ages, it contains exceptional valuable information about Kimaks, Kypchaks, Oguzes, Chigils, Tukhsi, Karluks and other Turkic tribes.

Bartold's trip constituted "a large and important stage in the study of the history and archeology of Kyrgyzstan and the south of Kazakhstan," and the scientist's extremely detailed and conscientious report continues to "remain exemplary and retains its knowledge from the numerous historical data contained in it, extracted from written sources ... A careful selection information on the historical geography of the region and their meticulous analysis led to the fact that the "Report ..." by V.V. Bartold remained for many years and, to a certain extent, remains the source study base of all subsequent studies in the field of historical topography of these areas for the time of the Middle Ages" (Masson, 1966: 9-10).

The route of the trip was as follows: from Shymkent to Aulie-Ata to the Talas valley, from there to the Chu valley and the Naryn basin, then to the banks of Issyk-Kul and through the Santash pass to the Ili valley and further to the city of Verny (Almaty). On the way, the most remarkable antiquities, mainly medieval fortifications, were examined and described. Following the results of the expedition, a report was compiled. A thorough analysis of archaeological material, meticulous extraction of data from written sources served as the basis for raising the question of the historical geography of the cities of Kazakhstan in the Middle Ages.

Until now, this work of V.V. Bartold remains a source study base for research in the field of localization of medieval geographical points. Moreover, it should be emphasized that many of the identifications proposed by him were confirmed by archaeological research that unfolded on the territory of the republic in the post-revolutionary years. Therefore, I.I. Umnyakov, based on an analysis of written information, confidently concluded that medieval Taraz was in place of Aulie-Ata (Umnyakov, 1976: 268-269).

Subsequently, the excavations carried out by the Semirechensky archaeological expedition led by A.N. Bernshtam revealed the topography and stratigraphy of the ancient settlement, the main periods of its life (Bernshtam, 1941: 14).

Intensive archaeological work on the territory of the settlement was carried out in the years 50-60. archaeological units of the Academy of Sciences of the USSR, headed by E.A. Ageeva, T.N. Senigova, M.S. Mershchiev.

It was possible to determine the initial stage of the existence of the settlement, to clarify the stratigraphy and periodization of material culture (Senigova, 1972: 25). Now Taraz, whose location was once precisely determined by V.V. Bartold, is one of the most well studied medieval cities in Kazakhstan.

Of great interest are the identifications of the ancient settlements of Chu valley with the cities known from written sources, proposed by V.V. Bartold in the "Report ..." and in the work "On Christianity in Turkestan in the Pre-Mongol Period". Based on a comparison of the medieval Arab "road workers" with the Chinese "minibuses", he compiled a register of the most important shopping centers on the section of the Great Silk Road, passing through the Chu Valley. Subsequently, A.N. Bernshtam worked a lot and fruitfully in the same aspect (Bernshtam, 1940: 181-198). However, the problem of localization of Chuysky settlements, posed by V.V. Bartold, is still far from a final solution (Karaev, 1970: 58-61).

When examining the medieval hillforts of the Chu Valley, V.V. Bartold noticed the most characteristic topographic features of some of them. Therefore, he drew attention to the long walls that surrounded large sections of the territory adjacent to the fortifications. Subsequently, it became clear that they constitute one of the specific features of the topography of medieval cities in the named region (Kozhemyako, 1959: 65).

Not finding in the Ili Valley the ruins of grandiose fortifications so characteristic of the landscape of Southern Kazakhstan, V.V. Bartold wrote: "In general, we did not meet any remarkable monuments of antiquity in the Dzharkent district and therefore paid great attention to the current situation of this extremely interesting area".

Until 1970, a minaret was located in the southeastern part of the Shu Valley, located at the foot of the Kyrgyz Range, well known to the entire surrounding population as "Burana" in historical literature.

The central ruins of the fortification look like an irregular quadrilateral oriented to the cardinal points. Its northern and western walls are 570 m, southern – 600 m, eastern – about 500 m. Around the central ruins is an area with traces of buildings, surrounded by two ring walls. The total length of the outer shaft is 15 km. Archaeological research near the Burana tower revealed the construction of the foundation of the minaret dated to the second half of the tenth century. Three mausoleums have been excavated nearby, two of which date back to the 11th – 12th centuries, and the third to the end of the 12th century (Goryacheva, 1983: 101).

V.V. Bartold reflected monuments of the Burana in a number of works after his trip to Central Asia in 1893-1894. Having examined the central ruins of the ancient settlement, he first determined the purpose of the tower as a minaret and attributed its construction to the Karakhanid era (Bartold, 1966b: 44).

V.V. Bartold suggested the identity of the ancient settlement of Buran with the historical Balasagun, although in another place of his "Report" this point of view was revised in favor of Ak-Beshim, and the significance of the suburbs was left behind Burana. (Bartold, 1966b: 54-57). Because of almost a century-long discussion, the predominant part of researchers have established the opinion that the city of Balasagun was located in the area of Burana settlement, 6 km southeast of Ak-Beshim settlement. V.V. Bartold believed that the city was named after the material from which its buildings were erected ("Balyk" in Turkic "clay") (Bartold, 1968: 73). V.V. Bartold provides a detailed summary of historical information about the eastern capital of Karakhanids and Khitan up to the 16th century.

The central ruins of the settlement consist of two parts. Of these, the main (western) – Shakhristan is a "quadrangular" mound, oriented by the parties around the world. The length of the walls is different: the western wall has a length of 400 m, the north is 600 m, the east is 500 m, the south is 700 m, and some of the walls are not even. Accordingly, the shape of the central ruins is perceived in the configuration of the trapezoid. The walls are equipped with several towers and entrances. There is no entry in the western wall. In the southwest corner is the citadel. The size of the citadel at the base is 60 × 60 m, on the top 30 × 30 m. The citadel rises above the walls and the interior of Shakhristan to 8 m. Initially, the citadel had powerful towers at four corners. In total, the area of Shakhristan is about 35 hectares.

On the east side, Shakhristan adjoins a walled territory of over 60 hectares. This part of the fortification has the shape of an irregular pentahedron. The length of its walls is 870 × 850 × 500 × 850 × 900 m. The remains of the towers are traced on the walls. Currently, the walls are only partially preserved. Around the central ruins there are several hillocks, mounds and a space with traces of buildings, surrounded on three sides by a rampart, about 11 km long. Its height is 1.2-1.5 m; the width at the base is up to 12 m. In the east, a wide ravine was used, with steep banks, a depth of 4-5 m with steep banks. The central ruins and the space outside them are surrounded by a rampart and moat with a length of about 16 km. The walls of the shaft have a formwork made of liquid divorced clay mixed with fine pebbles.

After the discovery of a fragment of a Chinese inscription in Ak-Beshim in 1982, which mentions the garrison of the Sue fortress, there was increased confidence that the remains of this settlement can be considered Suyab – the capital of the Western Turkic Kaganate (Semenov, 2002: 9). However, V.V. Bartold did not refuse the first assumption, referring to the absence of any significant evidence in this matter (Nurzhanov, 2011: 72).

Another example of localization of cities is the city of Kayalyk. Bartold wrote that the city of Kayalyk is the capital center in the Karluk state, a large city in the Chagataid ulus that was located on the Great Silk Road. It is compared with the Antonovsky settlement, the largest in the Ili Valley.

In 1894, an article by V.V. Bartold “On Christianity in Turkestan in the Pre-Mongol Period” was published in ZVORAO notes, in which the scientist paid much attention to the analysis of materials on the historical topography of Aulie-Ata district. Therefore, he cited a detailed translation from the road workers Ibn Khordarbeh and Kudama, where there is data on the names of cities located east of Taraz and the distances between them.

In addition, V.V. Bartold in his work gives interesting excerpts from Tomaszek’s review of De Gus’s article “De Miit van Ciog en Magag”, where there is an interesting comparison of the route of Arab road workers with the Chinese route from the History of the Tang Dynasty. Set out his views on the problem of localization and identification of cities located on the above route.

Later, in his extensive report on the results of this trip in 1897, V.V. Bartold published translated and previously unpublished fragments from the works of ibn Khordadbeh, Kudama, Makdisi and others, in which there were data on the location of cities and settlements on ancient caravan routes. In addition, the scientist described the distance traveled from Chimkent to Aulie-Ata, cautiously remarked “in terms of Kara-Bulak approximately corresponds to Sharab ibn Khordadbeh, Tulkyu-Bashi – Tamdaj (Bartold, 1966a: 21-91).

V.V. Bartold identified Abardsharz, mentioned in written sources, with the settlement of Chakpyak in Auliye-Ata district.

It is curious that VV Bartold himself believed that the activity of local amateur historians is of great importance in the matter of localization of ancient settlements.

November 11, 1893, speaking at a meeting of the Turkestan department of the Imperial Society of Lovers of Natural History, Anthropology and Ethnography, V.V. Bartold said that “when developing the material, local figures are in much more favorable conditions: when they are directly acquainted with the region, it is much easier for them to determine the location of old cities, check the description of the trade route, etc. (Bartold, 1966b: 95-109).

There is a settlement on the territory of Western Zhetysu, 40 km east of modern Taraz, 6 km south of the Akchulak railway station, identified with the medieval city of Kasribas.

In the literature, there are different versions about the time of construction of the complex and its significance. Researchers call the VII–VIII, IX and XII centuries. Defining Akyrtas either as a caravanserai, then as a castle. The main building of the fortification is a monumental building, rectangular in plan, with the remains of the towers in the corners, oriented by long sides with a slight north-south shift.

The construction was unfinished: when the walls of the complex were brought to a height of 1-1.5 m, all construction work suddenly stopped. Until now, the complex remains the feeling of a frozen construction site: huge blocks, hewn or semi-hewn stone blocks are scattered randomly.

The ability of builders to extrude semi-curved stone blocks of large dimensions indicates a very high level of construction business of that period. It is noteworthy that all the researchers who saw or studied the Akyrtas complex had their own version of the purpose of this monumental structure.

V.V. Bartold explains it as the construction of Christians – a monastery of Nestorians (Bartold, 1966: 111). Such a hypothesis was made possible thanks to the stories of some eyewitnesses who allegedly saw a stone block from Akyrtas with a picture of a fish, one of the symbols of Christianity. The question was raised about identifying Akyrtas with a specific settlement mentioned in written sources, in particular, from Ibn-Khordadbeh and Kutama. They are the ones who give in their roads the most detailed register of cities on a section of the trade route from Taraz to Kulan. This is Nizhny Barskhan in 3 farsakhs from Taraz, then through 2 farces of Kasra-Bars (Kasribas), then in 2 farces of Kul-Shub, then in 4 farsakhs of Dzhul-Shub and Kulan, to which there was a path of 4 farsakhs. V.V. Bartold compared Kasribas with the Turkic fortress of Kagarbashi, twice mentioned in Shahnam, and placed it on the site of Aulie-Ata (Bartold, 1964: 180-182).

Archaeological work begun in the Ili Valley in 1939 detachment led by A.N. Bernshtam, continue to this day. As a result, several dozen monuments of settled life were revealed. Their topography is peculiar – this is the so-called “tortkuli” – a hillfort, which in terms of appearance looks like square or rectangular areas surrounded by a swollen, as a rule, low shaft. To date, more than 70 fortifications in the Ili Valley have been recorded. Topographic Tortkuli made it possible to single out their cities, rural settlements, refuge settlements, caravanserais in the total mass. Archaeological excavations on the hillforts allowed a more thorough approach to the issues of localization of Equius and Kayalyk, Ilibalyk, which were once posed by V.V. Barthold.

Almalyk in Muslim sources, according to V.V. Bartold, mentioned shortly before the Mongol rule. It was the capital of the nomadic ruler of Ozar (Buzar) and a number of neighboring cities.

Later, he voluntarily submitted to Genghis Khan: his dynasty, for at least two generations, continued to own the Kuldzhin Territory. The location of Almalyk was determined thanks to Getum 1 route and according to Chinese sources, which put the city at the distance of one path to the west of the Talki Pass. As the main city of the Chagatai possessions, Almalyk was one of the centers of activity of medieval European missionaries spreading Nestorianism, Catholicism in the Mongol possessions. In the 30s of the 14th century, under Khan Jenksha, Catholics in Almalyk had a bloody persecution against Christians, instituted in 1339 or 1340 by Ali Sultan (Lunin, 1981: 35).

In 1894, V.V. Bartold visited the ruins of Almalyk, where the mausoleum of Tukluk Timur, who died in 1362–1363, was preserved, who was the first of the owners of the eastern part of the Chagataid ulus who converted to Islam. V.V. Bartold characterized the mausoleum of Almalyk and noted that he repeats the style of similar structures in Central Asia. Nearby was another smaller mausoleum, which, according to residents, belonged to the son of Tukluk-Timur Shir-ilkhan.

V.V. Barthold wrote that since the eleventh century. In East Turkestan, Christianity was subordinate to Islam. Only in the country north of the Tien Shan were Christians less affected by the religious wars of Bogra Khan and his successors. In Christian sources, there is no information about the oppression of Christians in the possessions of the Karakhanids. In Samarkand, the Nestorian metropolis continued to exist.

On the territory of Western Zhetysu, 40 km east of modern Taraz, 6 km south of the Akchulak railway station, identified with the medieval city of Kasribas.

In the Mongol period, Nestorians, unlike Catholics, showed tolerance towards representatives of other Christian faiths. Chagatai is the Mongol ruler, the second son of Genghis Khan and Borte, probably because of rivalry; he was considered a friend of Islam to Christians. According to a legend known from Marco Polo, he allegedly received baptism, but this is not corroborated by any other news.

V.V. Bartold suggested that the seven-Christian Christians could be their Uyghurs. This is indicated by the number system, as in the Orkhon inscriptions and Uyghur texts. The center of the Uyghur Christians was probably the village of Bulaik east of Turfan, where they found only Christian fragments, moreover, in various languages – Syriac, Sogdian and Turkish.

Christians were in Talas (Taraz) among the Jikil tribes, VV Bartold wrote.

Regarding Islam, VV Bartold emphasized the connection of religious missionary work with international trade. This thesis is proved by examples from different periods of the history of Islam on the continent. It is recognized that the caravan routes were also the ways of religions, and the Great Silk Road is especially important in the context of the study of the Islamization of medieval Turks ... The thesis about the connection between trade and missionary work was used by V.V. Bartold and to criticize the opinion of the exclusively violent conversion of Islam to many peoples.

In a work published in 1927, "The History of the Cultural Life of Turkestan," V.V. Bartold expressed his opinion about the Sogdians as follows: "the development of urban life in Central Asia was associated with the colonial activity of the Sogdians, as in modern times, in the era of the Kokand Khanate a number of such villages were formed in the steppe by their Muslim descendants." The emergence of Sogdian colonies, the researcher attributed to the VI century. ([Bartold, 1963a: 190-191](#)).

Retelling the translations of the travels and biographies of Xuan Zang made by S. Julien (who, as is well known, in 629 proceeded through Aksu in East Turkestan, Issyk-Kul, the Chu valley to Samarkand and further to India), V.V. Bartold, following a Chinese source, notes the presence of several cities, and thus gives the exact, earliest and uncontested date of the existence of a settled culture in the region. He connects its emergence with the movement of trade routes from Ferghana to the north as the most convenient routes to Turkic rates in Altai and in the "former Usun land", as well as in connection with the unrest in Ferghana ([Bartold, 1964, 256](#)). The Chinese source retold by him contrasts the inhabitants of cities and Turks: "To the west of it there were several separately lying cities, each of which had a special, independent from the others boss, but all obeyed the Turks" ([Bartold, 1964: 257](#)). Then follows an important passage for our subject: "From the city on the Chu River to the kingdom of Geshuann, the country was called Suli, the inhabitants bore the same name, which was also attached to their letters and language ...", as well as a description of the inhabitants' appearance and characteristics of activities: "... tall, their clothes consisted of cotton paper, wool and leather, for the most part they combined their hair and left the crown open, sometimes they shaved their heads completely and covered their forehead with a piece of silk. ... Half of the inhabitants were engaged in agriculture, the other half was engaged in trade" ([Bartold, 1964: 257](#)). Five years later, as if summarizing the above messages from sources of V.V. Bartold writes: "... the data give us the opportunity to assert that, at least in the Chuy valley already in the 7th century, there undoubtedly existed an agricultural culture and that this culture was brought here by immigrants from Maverannahr (i.e. the cultural area between Amu-Darya and Syr-Darya), just as in recent times the same colonies were founded by residents of the Kokand khanate" ([Bartold, 1947: 103](#)). We emphasize his introduction of the concept of "colony" (but not "colonization") and the fact that V.V. Bartold does not use the term "Sogd", preferring the broader "Maverannahr" and "Transoxian". Moreover, V.V. Barthold first introduced another aspect of the "Sogdian" issue into scientific circulation. He points to the legend about the founding of Jamuket in Talas by "immigrants from Bukhara." According to V.V. Bartold's legend was recorded by al-Nishapuri and later inserted by al-Kubavi, the translator of Ner Shahi, into the text of the latter ([Bartold, 1966: 384](#)).

V.V. Bartold outlined in his works a chronology of the involvement of the Turks in the orbit of a new religion. According to her, the Turkic acquaintance with Islam begins in the 7th-8th centuries. In the era of the Samanids, a truly successful conversion of the Turks to Islam took place.

The scientist associated the mass Islamization of the Turks from 960, when, according to Ibn al-Asir, there was a fact of the adoption of Islam by the Turkic nomads, the number of which is estimated at 200 thousand tents, but the exact location of these tribes and ethnic attribution are not known exactly. Analyzing this fact, V.V. Bartold suggested that this event occurred, rather, in the Karakhanid Kaganate in

Semirechye (Zhetysu). At the beginning of the X century Islam was accepted by the founder of the Karakhanid dynasty Satuk, and his son Bogra Khan Harum Musa in 960 declared Islam the state religion (Bartold, 1963a: 315-311). He is interested in his assessment of Yusuf Balasaguni's poem "Kutadgu Bilig", which, according to him, is completely "imbued with the spirit of Islam" and testifies to the Islamization of Karakhanid culture" (Bartold, 1947: 41-47).

V.V. Bartold based his provisions on the Sogdian colonization of Zhetysu on these written sources – reports by Xuan-Jiang (VII century), Khudud-Alam (X century) and the dictionary of Mahmud of Kashgar (XI century).

However, it was clear that the presence of Sogdian colonization was impossible without archaeological research. He wrote that the lack of archaeological material caused dissatisfaction with his work from V.V. Radlov and N.I. Veselovsky (Bernshtam, 1943: 3-4).

V.V. Bartold convincingly showed that the conquest of Central Asia by the Arabs brought with it new social relations, a new tax system along with Islam and Arabic writing.

One of the most important discoveries is the establishment by the scientist of the nature of the migratory and aggressive movement of the united Turkic nomadic tribes of Kashgar and Semirechye, under the rule of the Karakhanids.

He outlined the political history of the Karakhanids, revealed some trends in the social and cultural development of the Karakhanid state, the formation of which was considered as a new stage in the development of medieval society.

The successes and achievements of Kazakhstan's medieval studies and archeology are well known (Akishev, 1967: 62-78). Each year, the scope of research expands, publications, articles, monographs appear, and many of them use materials introduced by B.B. Barthold, hypotheses developed by him are developed, and this is vivid evidence of the contribution of an outstanding Russian scholar to the development of historical science Kazakhstan (Baipakov, Kumekov, 1974: 88).

5. Conclusion

It is difficult to overestimate the contribution of imperial scientific thought to the development and formation of national historiographies of the former colonies. With the integration of the territories of the Kazakh steppe into the legal and socio-cultural space of the Russian Empire, historical memory began to form here at the scientific level. The scientific heritage of the scientists of the empire for a long time determined the vectors of development of the humanities, indicating the emergence of original concepts on local material.

V.V. Bartold rightfully holds an important place in the study of the past of Kazakhstan. He was the first to create the scientific history of Kazakhstan in the Middle Ages, based on a huge amount of factual material, scrupulously and critically extracted from Arab, Persian and Turkic sources and often first introduced into scientific circulation. He laid a solid foundation for the reconstruction of the medieval history of Kazakhstan.

References

- Akishev, 1967 – Akishev K.A. (1967). Arkheologiya Kazakhstana za sovetskii period [Archeology of Kazakhstan during the Soviet period]. Archeology of Kazakhstan during the Soviet period. *Soviet Archeology*. № 4. Pp. 62-78. [in Russian]
- Akramov, 1965 – Akramov N.M. (1965). Tavarikh-i guzide, nusrat-name. Sochinenie anonimnogo avtora XVI veka [Tavarikh-i guzide, nusrat-name. The work of an anonymous author of the XVI century]. Abstract of the candidate's dissertation. Tashkent. [in Russian]
- Archive of RAS – Archive of Russian Academy of Science. [in Russian]
- Baipakov, Kumekov, 1974 – Baipakov K.M., Kumekov B.E. (1974). V.V. Bartol'd kak istorik i arkheolog srednevekovogo Kazakhstana [V.V. Bartold as a historian and archaeologist of medieval Kazakhstan]. *Izv. AN KazSSR. Ser. obshch. nauk.* № 6. Pp. 84-87. [in Russian]
- Bartold, 1947 – Bartold V.V. (1947). Ocherk istorii Semirech'ya [An Essay on the History of the Seven Rivers]. Frunze: Kyrgyz State Publishing House. 104 p. [in Russian]
- Bartold, 1963 – Bartold V.V. (1963). Sochineniya [Compositions]. Vol. II, part 1. Moscow, 1024 p. [in Russian]
- Bartold, 1963a – Bartold V.V. (1963). Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya [Turkestan in the era of the Mongol invasion]. Compositions. Volume 1. Moscow, 763 p. [in Russian]
- Bartold, 1964 – Bartold V.V. (1964). O khristianstve v Turkestane v domongol'skii period (po povodu semirechenskikh nadpisei) [On Christianity in Turkestan in the pre-Mongol period (regarding the Semirechye inscriptions)]. Vol. 2. Part 2, Moscow, pp. 180-182. [in Russian]
- Bartold, 1966 – Bartold V.V. (1966). Sochineniya [Compositions]. Vol. VI., Moscow. 780 p. [in Russian]
- Bartold, 1966a – Bartold V.V. (1966). K voprosu ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Turkestane [To the question of archaeological research in Turkestan]. Compositions, Vol. 4. Moscow, pp. 95-109. [in Russian]
- Bartold, 1966b – Bartold V.V. (1966). Otchet o poezdke v Srednyuyu Aziyu s nauchnoi tsel'yu [Report on a Trip to Central Asia for Scientific Purpose, 1893-1894]. Volume IV. 198 p. [in Russian]

- Bartold, 1968** – *Bartold V.V.* (1968). Dvenadtsat' lektzii po istorii turetskikh narodov Srednei Azii. [Twelve lectures on the history of the Turkish peoples of Central Asia]. Moscow, 230 p. [in Russian]
- Bartold, 1973** – *Bartold V.V.* (1973). Sochineniya [Compositions]. Vol. VIII. Moscow. 711 p. [in Russian]
- Bartold, 1977** – *Bartold V.V.* (1977). Avtobiografiya [Autobiography]. Works. Moscow, Vol. IX. 957 p. [in Russian]
- Bernshtam, 1940** – *Bernshtam A.N.* (1940). K istoricheskoi topografii Chuiskoi doliny [To the historical topography of the Chui valley]. VDI. № 2. Pp. 191-198. [in Russian]
- Bernshtam, 1941** – *Bernshtam A.N.* (1941). Pamyatniki stariny Talasskoi doliny [Ancient monuments of Talas valley]. Alma-Ata. 66 p. [in Russian]
- Bernshtam, 1943** – *Bernshtam A.N.* (1943). Akademik V.V. Bartol'd kak istorik Kyrgyzstana [Academician V.V., Bartold as a historian of Kyrgyzstan]. Preface to the publication. B.V., Bartold. Essay on the history of Zhetysu. Frunze. Pp. 3-4. [in Russian]
- Goryacheva, 1983** – *Goryacheva V.D.* (1983). Srednevekoveye gorodskie tsentra i rkhitekturnye ansambli Kirgizii [Medieval urban centers and architectural ensembles of Kyrgyzstan]. Publishing House: Ilim, Frunze. 144 p. [in Russian]
- Karaev, 1970** – *Karaev O.* (1970). O mestonakhozhdenii goroda Balasaguna [On the whereabouts of the city of Balasagun]. In the book: Medieval cities in Central Asia and Kazakhstan. Moscow-Leningrad. [in Russian]
- Klyashtorny, 1967** – *Klyashtorny S.G.* (1967). V.V. Bartol'd i istoriya turkskikh narodov. [V.V. Bartold and the history of the Turkic peoples]. Written monuments and problems of the history of culture of the peoples of the East. Abstracts of the III Annual Scientific Session of LO INA. Leningrad. Pp. 52-54.
- Kononov, 1989** – *Kononov A.N.* (1989). Bartol'd V.V. [Bartold V.V.]. Biographical Dictionary of Russian Türkologists: Pre-October Period. Moscow. [in Russian]
- Kozhemyako, 1959** – *Kozhemyako P.N.* (1959). Rannesrednevekoveye goroda i poseleniya Chuiskoi doliny [Early medieval cities and settlements of the Chuy valley]. Academy of Sciences of the Kyrgyz SSR, 183 p. [in Russian]
- Krachkovsky, 1958** – *Krachkovsky I.Yu.* (1958). Arabskaya poeziya: Izbrannye sochineniya [Arabic Poetry: Selected Works]. Vol. II. Moscow-Leningrad. 712 p. [in Russian]
- Lunin, 1981** – *Lunin B.V.* (1981). Zhizn' i deyatel'nost' akademika V. V. Bartol'da: Sred. Aziya v otech. vostokovedenii. [Life and work of academician V.V. Bartold: Central Asia in Russian oriental studies] Tashkent, 223 p. [in Russian]
- Masson, 1966** – *Masson V.M.* (1966). Predislovie k IV tomu sochinenii Bartol'da [Preface to the fourth volume of the works of Bartold]. In the book: Bartold V.V., Works. Vol. IV. Moscow. [in Russian]
- Mednikov, 1909** – *Mednikov N.A.* (1909). V.R. Rozen kak arabist [V.R. Rosen as an Arabist]. ZVORAO. Vol. XVIII. St. Petersburg. [in Russian]
- Nurzhanov, 2011** – *Nurzhanov A.A.* (2011). Bartol'd – issledovatel' srednevekovykh gorodov Zhetysu. [V.V. Bartold is a researcher of the medieval cities of Zhetysu]. Collection. Issues of archeology of Kazakhstan. Vol. 3. Almaty. Pp. 70-74. [in Russian]
- Petrushevsky, 1960** – *Petrushevsky I.P.* (1960). Derevnia i krest'yane srednevekovogo Blizhnego Vostoka v trudakh leningradskikh vostokovedov [The village and peasants of the medieval Middle East in the works of Leningrad orientalists]. Scientists notes of the Institute of Oriental Studies, USSR Academy of Sciences, Vol. 25, Moscow. Pp. 204-217. [in Russian]
- Semenov, 2002** – *Semenov* (2002). Istoriya arkheologicheskogo izucheniya Ak-Beshima [History of the archaeological study of Ak-Beshim]. Saint-Petersburg. Pp. 4-11. [in Russian]
- Senigova, 1972** – *Senigova T.N.* (1972). Srednevekovi Taraz [Medieval Taraz]. Alma-Ata. 218 p. [in Russian]
- Struve, 1960** – *Struve V.V.* (1960). Sovetskoe vostokovedenie za sorok let [Soviet Oriental Studies for Forty Years]. UZIVAN. Vol. XXV. [in Russian]
- Tumanovich, 1976** – *Tumanovich N.N.* (1976). Opisanie arhiva akademika V. V. Bartol'da [Description of the archive of academician V. V. Bartold]. USSR Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies, Archive of the USSR Academy of Sciences. Moscow, 467 p. [in Russian]
- Umnyakov, 1976** – *Umnyakov I.I.* (1976). Annotirovannaya bibliografiya trudov akademika V.V. Bartol'da [Annotated bibliography of the works of Academician V.V. Bartold]. USSR Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies, Archive of the USSR Academy of Sciences. Moscow: Nauka, 467 p. [in Russian]
- ZVORAO, 1887-1921** – Zapiski Vostochnogo otdeleniya Rossiiskogo arkheologicheskogo obshchestva (1887-1921). [Notes of the East Division of the Russian Archaeological Society (ZVORAO)]. St. Petersburg. Vol. I-XXV. [in Russian]
- ZVORAO, 1917-1921** – Zapiski Vostochnogo otdeleniya Rossiiskogo arkheologicheskogo obshchestva (1917-1921) [Notes of the East Division of the Russian Archaeological Society (ZVORAO)]. Volume XXV (1917-1921). Is. 1-4. [in Russian]

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1327-1339. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1327
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Evolution of Robert Vipper's Opinion of Early Christian History during his First Professorship in Moscow (1897–1922)

Dimitri A. Bratkin ^{a, *}, Dmitriy I. Weber ^a, Valentin A. Perestoronin ^a

^a Saint Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The article discusses the development of the opinion of R.Yu. Vipper (1854–1954) on early Christianity. The historian Robert Vipper was an eminent member of the scholarly community of pre-revolutionary Russia and the professor of universal history in Moscow university. He spent the years from 1924 till 1940 in the emigration in Riga, and upon his return to Moscow in 1940 he published a few books and articles on Early Christianity. These would show the clear adherence to the Soviet views on the subject and sometimes this is taken as a manifestation of Vipper's change of opinion. Whatever may be the case in any other subject of his diverse field of his scholarly interests, Vipper's views on early Christian history show little, if any, change from the opinions he had professed before his exile. However, if one looks at his previous works that had been published in 1906–1918, it becomes perfectly obvious that key points of Vipper's view of early Christianity were already present in this earlier stage of his scholarly career. The essence of these views is highly polemical. It presents a rather awkward construction, loosely based upon the concept of 'Panbabylonism', that makes Vipper a public anticlerical critic of religion, rather than a scholar of it that would use conventional historical-critical approaches.

Keywords: Robert Vipper, early Christianity, Calvinism, history of the scholarship, Celsus, 1900–1918.

1. Введение

Наша цель – показать, что общие взгляды Р.Ю. Виппера (1859–1954) на историю раннего христианства сложились в последние три десятилетия существования царской России, и их он придерживался в почти неизменном виде вплоть до своей смерти. Основной массив публикаций на эту тему относится к наиболее позднему, советскому периоду жизни Виппера (Виппер, 1946; Виппер, 1954 и др.). Эти опубликованные им после возвращения в Москву в 1940 году статьи и монографии демонстрируют марксистский тон и характерную советскую интонацию, но вывод о том, что они обозначают некую новую стадию в научном творчестве Виппера будет поспешным и ошибочным. Анализ его ранних работ 1900–1918 гг. показывает, что ядро его концепции сформировалось еще в период его первого профессорства в Императорском Московском университете и оставалось в ключевых своих пунктах практически неизменным. В публикациях советского времени оно, разумеется, приобретает стандартное советское обрамление (контуры которого в данном случае не так важны), но в целом сохраняет и структуру, и наполнение, сформулированные Виппером в начале XX века.

В этой статье введение, разделы 1–3, 4.1–4.2, 4.4–4.5, 5–6 написаны Д.А. Браткиным, раздел 4.3 – Д.И. Вебером, раздел 4.6 – В.А. Пересторониным.

* Corresponding author

E-mail addresses: d.bratkin@spbu.ru (D.A. Bratkin), d.veber@spbu.ru (D.I. Weber), perestoroninvalentin@yandex.ru (V.A. Perestoronin)

2. Материалы и методы

Статья написана в рамках проекта по истории отечественного религиоведения, который осуществляется на кафедре философии религии и религиоведения СПбГУ. В этом качестве мы следуем общим методологическим установкам проекта, предусматривающим применение методов интеллектуальной истории и дисциплинарной истории как ее составной части, а также метод историографического описания в сочетании с методами интеллектуальной истории и социокультурного контекстуального анализа. Объектом изучения становятся тексты Р.Ю. Виппера, объединенные общей темой, а именно историей религии, и отражающие эволюцию его взглядов. Мы с вниманием относимся к историко-культурному и историко-политическому контексту и применяем принципы историзма и научной объективности. Работа построена на источниковедческом анализе и комплексном подходе, который позволяет увидеть изменение изучаемого феномена в его динамике.

Доступные источники по данной теме в основном сводятся к опубликованным работам Р.Ю. Виппера. В силу особенностей биографии и отношения самого Виппера к сохранению своего архива его личный фонд (ф. 1562 АРАН) содержит в основном документы, относящиеся к последнему московскому периоду его жизни (1940–1954). В этом фонде отсутствуют эго-документы, к составлению которых Виппер, насколько можно судить, не имел склонности. Тем не менее, по косвенным данным нам известно о существовании рукописи под названием «Кому и чем обязан я тем, что стал историком», которая неоднократно цитируется Б.Г. Сафоновым (Сафонов, 1976: 11) и упоминается как находящаяся в личном архиве рижского профессора М.Х. Степерманиса, нынешнее ее местонахождение не известно. В качестве источников, следовательно, мы вынуждены опираться на опубликованные тексты работ Р.Ю. Виппера, его письма, отложившиеся в фондах его адресатов, а также на сохранившиеся цитаты из указанной рукописи, сделанные Сафоновым.

3. Обсуждение

Несмотря на масштаб личности Р.Ю. Виппера в истории отечественной науки, его взгляды на историю раннего христианства не получили пока должного освещения. Существует относительно небольшой список трудов, которые в той или иной форме затрагивают этот сюжет. Это либо работы, сохраняющие свое фактологическое значение, но опубликованные в советское время (Шахнович, 1961: 405–412; Данилова, 1984), либо тексты, где интересующая нас тема затрагивается лишь вскользь (Graham, 1986; Журавлев, 1995), либо современные работы, авторы которых вписывают Виппера в контекст советской историографии раннего христианства (Метель, 2012: 29–31, 71–79; Weber, 2017). Что собой представляют эти работы? М.И. Шахнович, опираясь на доступные к рубежу 1950–1960 гг. материалы, освещает реакцию В.И. Ленина на опубликованную в 1918 г. книгу Виппера; эта критика относится к 1922 году и находится за рамками настоящей статьи. Статья А.П. Даниловой трактует взгляды Виппера на античность и темы раннего христианства подробно не касается. Хью Грэм, единственный западный автор, развернуто писавший о Виппере, дает с опорой на русскоязычные источники обзор его биографии и ввиду краткости своего очерка не касается подробно трудов Виппера о религии, хотя вскользь и отмечает преемственность между работами 1940–1950 гг. и более ранними трудами, 1918 и 1921 гг. (Graham, 1986: 35). Грэм в данном случае совершенно прав, и если его можно в чем-то упрекнуть, то лишь в том, что, проанализировав всю массу дооктябрьских публикаций ученого, он не заметил, что упоминаемая им преемственность уходит глубже, в более ранние этапы жизни Виппера. И наконец, из авторов, писавших после 1991 года, О.В. Метель и Д.И. Вебер (один из авторов настоящей статьи) сосредотачиваются на советском периоде.

Развитие же взглядов Виппера на данный предмет в досоветскую эпоху – в значительной мере до сих пор является лакуной, заполнить которую мы и ставим своей целью.

4. Результаты

4.1. Жизнь Р.Ю. Виппера (1859–1954) распадается на четыре явно разграниченных периода, соотносящихся с разными стадиями его ученой карьеры. Первый период простирается до 1894 года, охватывая юность будущего историка, время его студенчества в Москве и последующей стажировки в Европе. Кульминацией этого периода является защита Виппером диссертации, посвященной Жану Кальвину. Второй период – это время самостоятельной научной и преподавательской деятельности, сперва экстраординарным профессором Новороссийского университета в Одессе (1894–1897), а затем, после нового старта, в Москве, где Виппер последовательно прошел через должности приват-доцента, а затем экстраординарного, ординарного и заслуженного профессора. Этот период заканчивается его добровольным уходом в отставку (ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 60. Д. 273. Л. 32). Третья стадия – это время его профессорства в Латвийском университете, в Риге (1924–1940), откуда после аннексии Латвии он возвращается в Москву и становится сотрудником МГУ и АН СССР (1940–1954). Последние четырнадцать лет жизни и составляют последний, четвертый период в биографии Виппера.

Такая жизнь (а лучше, наверное, сказать – три жизни в одной – полна очевидных нестыковок и различий, которые иногда оказываются столь же радикальными, как различие между патриархальной Москвой Александра II, в которой прошло его детство, и позднесталинской Москвой,

в которой он провел последние четырнадцать лет жизни. В своей научной деятельности и в выражаемых взглядах Виппер совершает резкие повороты, которые, на первый взгляд, обнуляют его собственный выбор и его собственные суждения, сделанные ранее. Эти повороты могут быть, разумеется, объяснены и меняющимися временами, и сложностью противоречивой личности ученого. Придерживаясь такого подхода, в каждом конкретном случае можно будет подыскать вполне убедительное обоснование для каждого отдельного поворота. Ключевой недостаток подобных объяснений, однако, состоит в том, что при внешней убедительности они на деле оказываются лишь предположениями *ad hoc*, подтвердить которые, в силу состояния личных архивных фондов Виппера и отсутствия эго-документов, мы не можем. Другая фундаментальная проблема состоит в том, что такие объяснения акцентируют внутренние различия, в то время как было бы, пожалуй, интереснее ответить на вопрос: стояло ли за резкими поворотами что-то, что мы могли бы назвать неизменным ядром взглядов Виппера, инвариантом его концепции. И действительно, такое ядро существовало, и наиболее легко его обнаружить во взглядах Виппера на раннее христианство.

4.2. История христианства была одной из тем, к которым Виппер возвращался с регулярностью. В 1886 г. его отец, Георг Франц Виппер (в русской традиции, Юрий Францевич, 1824–1891), опубликовал описание Иерусалима времен Иисуса Христа (Виппер, 1886). Много позже, в конце 1930-х гг., Р.Ю. Виппер признавал, сколь многим он был обязан своему отцу в профессиональном росте (Сафронов, 1976: 9-10), и интерес к раннему христианству тоже мог быть одним из проявлений отцовского влияния. В том же 1886 г. Роберт Виппер писал профессору Герье о своих планах в выборе темы для диссертации: «Я думал об эпохе и личности Юлиана (здесь можно было бы взять уже – писателей-эллинистов последней эпохи язычества)». В том же письме дает список читаемых им книг, посвященных позднеримской истории, временам Диоклетиана и Константина, а также борьбе христианства с язычеством (главным образом это немецкие труды по IV веку). Наконец, возвращаясь непосредственно к христианству, Виппер пишет: «Для эпохи преследуемой церкви я думал прочитать Aubé и Renan'a <...> и познакомиться с выдающимися апологетами. В. Constant'a я непременно прочту. Этот вопрос меня особенно интересовал и, кроме того, я не знал хорошенько, на каких сочинениях остановиться» (НИОР РГБ. Ф. 70. К. 38. Ед. хр. 117. Л. 14 об., 322-323). Это письмо в целом очень ярко характеризует круг чтения, интересов и занятий как самого Виппера, так и его наставника.

Имя известного французского свободомыслящего ученого Эрнеста Ренана (1823–1892) здесь, вероятно, подразумевает его многотомную *Histoire des Origines du Christianisme*. Эта серия началась «Жизнью Иисуса» (*Vie de Jésus*) в 1863 году и завершилась книгой «Марк Аврелий и конец античного мира» (*Marc-Aurèle et la Fin du Monde Antique*) в 1882 г. В момент, когда Виппер писал о ней своему учителю, работа Ренана оставалась свежим словом, критикуемым за радикализм.

Бенжамен Обэ (Benjamin Aubé, 1826–1887) был пионером в историческом изучении мученических актов ранней церкви, занимался раннехристианской историей II–III вв., и в частности ранними апологетами. Можно предположить, что если бы Виппер продолжил разрабатывать эту тему, то его диссертация была бы посвящена раннему христианству, его письменным источникам, христианской апологетике и реакции позднеантичного мира на новую религию – здесь вполне предугадываются и контуры его монографий 1946–1954 гг., и континуитет между самым ранним и самым поздним периодом его творчества. Как явствует из текста письма, книга Бенжамена Констана была рекомендована Випперу профессором Герье, собственные взгляды которого на церковную историю были вполне консервативны. Констан (Benjamin Constant, 1767–1830), хоть и был католиком, но прославился многочисленными публикациями, в которых он поддерживал принципы политического либерализма и христианской свободы совести, а также писал о свободе в античном мире и страстно выступал против самой идеи государственной религии. Здесь тоже можно увидеть определенную перекличку с позднейшими трудами Виппера, но значительно более близкими по времени – его публичными лекциями 1900–1910 гг. Кальвин и Швейцария как будто бы в этом письме отсутствуют, но приглядевшись, можно все же различить их тень. В самом начале своего профессорства, в 1868 г., В.И. Герье опубликовал биографию Виллигиза, архиепископа Майнцского, но затем в списке трудов Герье тема церковной истории отсутствует вплоть до начала 1890-х гг., когда он начинает публиковать многочисленные работы по средневековому христианству. В 1892 г., примерно около того времени, когда Виппер начал свои архивные штудии в Женеве, Герье публикует статью о западноевропейской теократии (Герье, 1892), и весьма заманчиво предположить, что назначение кальвинисткой Женевы темой диссертации для своего ученика было продиктовано собственным интересом Герье к теократическим режимам.

4.3. Тем не менее не времена Юлиана и не раннехристианские апологеты стали темой диссертации Виппера. Первое исследование, с которого началась его подлинная научная карьера, было посвящено изучению церкви и государства в эпоху кальвинизма. В чем же состояла новизна его исследования?

Прежде в научной литературе Кальвин нередко изображался протестантским инквизитором, который пользовался практически неограниченной властью для преследования инакомыслящих. В качестве примера приводилось, прежде всего, «дело Сервета» 1553 г. Подобный образ Кальвина был характерен и для российской историографии XIX в. Например, Т.Н. Грановский, один из основателей

российской медиевистики, в своих лекциях по истории Западной Европы XV–XVI вв. писал о Кальвине как примере религиозной нетерпимости. Кальвин, как человек воли, а не чувства, был ближе Лойоле, нежели Лютеру, и идея подчинения государства церкви, по мысли Грановского, сближала Кальвина скорее с католицизмом, нежели с протестантизмом. Ученик Грановского, В.И. Герье считал кальвинизм формой протестантизма, отличающейся духом религиозной исключительности и нетерпимости. В целом образ Кальвина в сочинениях Грановского, Петрова, Бауера, Герье отличается однотипностью. Объясняется это, скорее всего, тем, что он формировался на основе анализа не источников, а определенного круга западной литературы, что, конечно, говорит о вторичности подобных характеристик. Впрочем, сам характер работ 1850-х – начала 1880-х гг. подразумевал подобную вторичность: это были не исследовательские труды по кальвинизму, а обобщающие обзоры и лекционные курсы.

Первым, кто обратился непосредственно к теме кальвинизма, был И.В. Лучицкий. Он рассмотрел не только взгляды Кальвина, но и вписал их в контекст религиозных войн во Франции. В качестве источников Лучицкий использовал биографии Кальвина, написанные Т. де Безом и И. Бользекком. Несмотря на диаметрально противоположное отношение этих авторов к реформатору, исследователь обратил внимание, что они отразили одинаково основные черты характера Кальвина – это гордыня и упрямство, нетерпимость к другим мнениям и стремление уничтожать все препятствия, которые мешают на пути к цели. Надо сказать, это был достаточно хрестоматийный, хотя и сдержанный образ. Нельзя исключать влияния популярного французского историка Мишле, видевшего в Кальвине вовсе воинственного и кровожадного фанатика. Идеалом правления Кальвина, по мнению Лучицкого, выступает аристократия – только в этом случае государством руководят достойнейшие люди. Симпатии к аристократии Лучицкий довольно типично для литературы того времени объяснял воспитанием Кальвина в аристократической среде. По его мнению, Кальвин сделал все, чтобы ввести в Женеве аристократическое правление и ослабить тамошние демократические учреждения. Также у Лучицкого встречается традиционная оценка роли Кальвина в управлении Женевой и формировании в этом городе теократии. Отметим, что, хотя в трудах И.В. Лучицкого транслировался довольно уже устоявшийся к тому времени образ Кальвина, его работы важны не только тем, что фигура этого реформатора была вписана в контекст социально-политической борьбы, но и инициированным интересом к данной проблематике.

В отличие от многих своих коллег Вишпер постарался взглянуть на фигуру Кальвина и кальвинизм в Женеве с разных точек зрения. Характеризуя европейскую историографию, исследователь отметил односторонность в оценке Кальвина и его роли в истории Женевы: реформатор оценивался либо как «злой гений», погубивший свободную республику, либо как «святой» и «творец» Женевы.

Вишпер высоко оценивал сочинение А. Лефрана, связанного с идеями Э. Ренана (*Lefranc, 1888: IX*), поскольку в нем дается «достаточно верная и беспристрастная оценка» фигуры Кальвина. Как и Лефран, Вишпер опирался на работы Ф.В. Кампшульте. Положительно оценивая в целом работу немецкого ученого, Вишпер критиковал отсутствие серьезного анализа женевских институций, тем не менее оправдывая это отсутствием в распоряжении Кампшульте ряда важных источников, которые были введены в оборот позднее.

Вишпер столкнулся с тем, что многие исследования, посвященные фигуре Жана Кальвина, были политически ангажированы, поскольку некоторые из авторов, писавших о женевском реформаторе, были не только историками, но и политическими деятелями. Во введении к диссертации Вишпер выделяет несколько самых крупных работ, связанных с темой связи политической и церковной организации Женевы в период наибольшего влияния Кальвина в городе, и сама работа Вишпера написана в духе полемики против этих сочинений, в особенности против работ Фази и Галиффа, которые он критикует за политическую ангажированность (*Вишпер, 1894: 5*) и за то, что им присущи невнимание к ходу внутреннего развития женевской республики и преувеличение реформаторской роли Кальвина, которые отличали и предыдущие направления в исследовании этого вопроса («панегирическая протестантская школа»). При этом Вишпер подчеркивал влияние политической ситуации в Женеве XIX в. на воспроизводство искаженного образа реформатора, в том числе и путем весьма вольного обращения с источниками. Вишпер отмечал, что «беспристрастная оценка» фигуры Кальвина характерна для немногих европейских историков, вроде Ф.В. Кампшульте или А. Роже. По его словам, именно эти исследователи впервые поставили научный вопрос о политической и церковной роли Кальвина в Женеве. Кампшульте характеризовался ученым как историк «умеренно-католического направления», в отличие от «рьяных католических историков нового времени», беспристрастный в оценке протестантских деятелей, а Роже – как «трезвый и осторожный» исследователь, критически подходящий к традиционным представлениям о кальвиновской Женеве.

Отмечая наличие «легендарных» представлений о Кальвине и Женеве, Вишпер не ставил цель непосредственно развенчивать мифы. Однако, поскольку взаимоотношения церкви и государства в Женеве XVI в. были основной проблемой исследования, Вишпер не мог не высказать своего мнения по вопросу о характере установившегося при Кальвине режима.

Распространенный тезис о диктатуре Кальвина в Женеве, по мнению Виппера, не соответствовал действительности, хотя влияние реформатора на дела республики было значительным. Виппер отмечал, что наибольшее политическое влияние Кальвин приобрел в последние годы жизни (1555–1564), когда во многом благодаря его обширным связям и авторитету Женева превратилась в признанный центр протестантской Европы. Однако преувеличивать роль Кальвина на этом «внешнеполитическом» поприще не стоит: его мнением пренебрегали, если оно не попадало «в тон правительственной политике» или не «увлекало за собой большинство» в магистрате. Еще меньшее воздействие, по мнению Виппера, Кальвин оказывал на внутренние дела Женевской республики.

В Женеве задолго до Кальвина сложилась система городского са-моуправления, состоявшая из Большого и Малого городских советов и общего собрания граждан. В научной литературе XIX в. бытовало мнение о решающем влиянии Кальвина на изменение этого порядка управления в сторону урезания прав народного собрания и усиления роли олигархического Малого совета: в частности, есть мнения, что именно Кальвин был автором и/или вдохновителем так называемой женевской конституции 1543 г., закрепившей эти реформы. Как показал Виппер, Кальвин, во-первых, только в 1541 г. вернулся из «изгнания», которому его подвергли женевацы тремя годами ранее, и положение его все еще было недостаточно устойчивым, во-вторых, он никогда не выступал против женевского народного собрания; в-третьих, усиление магистрата скорее противоречило планам Кальвина в отношении церкви; наконец, какая бы то ни было «религиозная окраска» в документе отсутствует, так что влияние Кальвина даже как его редактора распознать весьма трудно, не говоря уже о том, чтобы приписывать ему роль законодателя. Записки и наброски, сделанные рукой Кальвина, свидетельствуют о том, что он нередко выступал как консультант или редактор эдиктов, или кодексов, однако в этом не было ничего исключительного: к подобной деятельности привлекались и другие пасторы, имевшие, как и Кальвин, юридическое образование.

В церковной сфере руководящая роль Кальвина была более очевидной. Виппер замечал, что уже в 1540-х гг. в его компетенции находились назначение и смещение священнослужителей, забота о дисциплине горожан, составление эдиктов, касающихся религиозной и нравственной жизни Женевы. Однако и здесь Кальвин – не повелевающий или «распоряжающийся», и даже в этой сфере огромную роль играло мнение светской власти Женевы. Например, разработанный Кальвином в 1541 г. проект женевской церковной организации («Ордонансы») был реализован только в исправленном и отредактированном представителями магистрата варианте. Сравнив теорию устройства церкви, представленную в главном труде Кальвина «Наставление в христианской вере» (первая редакция 1536 г.), и окончательный вариант «Ордонансов», Виппер констатировал отсутствие точек соприкосновения по таким вопросам, как церковная организация, роль духовенства, отношения его с общиной, взаимоотношения церкви и государства.

Попытка Кальвина реформировать женевскую церковную систему в 1560–1561 гг. была неудачной, поскольку предложения «диктатора» не были одобрены городскими властями. Женевская консистория, которая, по мысли Кальвина, должна была стать центром церковного контроля, превратилась в «наблюдательно-полицейский орган» магистрата. При этом «нравственная дисциплина направлялась не духовенством при поддержке светской власти, а светскою властью при посредстве представителей церкви». Исходя из этого, нельзя «отыскивать государство Кальвина в Женеве» не только в смысле личной диктатуры реформатора, но в смысле теократии как главенства кальвинистской церкви.

Виппер признавал, что благодаря кальвиновской реформации религиозная идея в Женевской республике была выражена ярче, чем где-либо. Он констатировал глубокое взаимопроникновение религиозной и политической жизни, особенно в последние годы деятельности Кальвина в Женеве, когда дело доходило до того, что в протоколы городского совета заносились проповеди, а пасторы восхваляли «благодарное для церкви значение республиканских учреждений». Церковь и магистрат взаимовыгодно сотрудничали в достижении своих целей, например в создании женевской Академии в 1559 г. или руководстве французскими кальвинистскими общинами. Тем не менее возглавляемая Кальвином церковь до известной степени играла роль «служебного органа», и если понимать под теократией подчинение государства церкви, то к Женеве это не имело отношения. Согласно Випперу, исключительность Женевы была преувеличена, а установившийся там во времена Кальвина режим соответствовал общей для швейцарских городов модели отношений церкви и магистрата, в которой доминировала светская власть.

По мысли Виппера, легенда о теократии в Женеве родилась от недостаточного разделения теории и «фактов действительности». Выраженный в трудах реформатора идеал явно имел теократическую окраску (церковь должна располагать поддержкой государства, которое она направляет, вдохновляет и имеет право «свободно критиковать, громить и карать»), но на практике он так и не был реализован, встретив сопротивление магистрата и большинства населения, а женевская церковь не стала самостоятельной и независимой, поскольку магистрат мог вмешиваться в ее дела и даже распоряжаться церковной жизнью.

Историк отмечал, что Кальвин вынужден был подстраиваться под условия Женевы, идти на компромисс, «сдерживать себя», «подвигаться осторожно, выжидая», отстаивая свой идеал только в теоретических работах. В целом, с точки зрения Виппера, реформатор был очень осторожен в изменениях и «забеганию вперед». Все это достаточно нетипичные характеристики Кальвина, легендарный образ которого отмечен чертами нетерпимого, жестокого, непоколебимого фанатика.

Виппер нарисовал картину политической жизни Женевы при Кальвине в ее хронологическом развитии, показывая далеко не идеальные взаимоотношения церкви и государства, уделяя большое внимание теме оппозиции Кальвину, различные течения которой противостояли реформатору с конца 1530-х до середины 1550-х гг. Тем самым историк развенчивал легенду о Женеве как «святом городе», где духовный вождь и паства живут в мире, а магистрат и народ в едином порыве преклоняются перед гением реформатора.

Легенда о кальвиновской Женеве также была скорректирована Виппером, по сравнению с другими исследователями. Он показал, что строгость нравов и наказаний в Женеве была вполне сравнима с тем, что происходило в других странах того времени. Знаменитая казнь Сервета была на совести не только Кальвина, поскольку судьбу «еретика» решал в том числе женевский магистрат, который был крайне отрицательно настроен по отношению к испанскому антитринитарию, а поддержку решению властей Женевы оказали реформаторы других швейцарских городов.

Таким образом, Виппер во многом пересмотрел образ женевского реформатора Жана Кальвина. Исследование Виппера, посвященное кальвинизму, не прошло незамеченным: он был автором статей о Кальвине и кальвинизме в знаменитом 86-томном «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, а также учебников по новой истории, которые неоднократно переиздавались с начала XX в. по 1920-е гг. Важность описанных выше идей Виппера признана не только российскими, но и европейскими исследователями кальвинизма, что подтверждается внесением его диссертации в специализированное библиографическое издание.

4.4. Виппер, очевидно, вдохновлялся позитивистской историографией его учителей и применял стандартный для XIX века метод, а именно – написание исторической работы по архивным документам с критикой источников и взглядов предшественников. Диссертация имеет объем в 656 страниц, к которому примыкает отдельным приложением подборка впервые публикуемых архивных документов. Позже, в конце 1930-х, Виппер признается, что это была единственная работа, написанная им в качестве историка-исследователя (Сафронов, 1976: 19). Однако при всем различии между диссертацией и последующими работами – различии, которое признает и сам их автор, – в диссертации уже заметны основные черты будущего Випперовского труда над раннехристианскими темами.

Во-первых, эта работа построена на деконструкции, она разбирает существующие мнения на их составные части, каждая из которых затем ставится под сомнение и опровергается либо новым прочтением исходных архивных источников, либо критикой тех предпосылок, на которые эти мнения опираются. Во-вторых, Виппер сосредоточивается на выявлении и критике тех *Tendenzen*, которые стоят за источниками и взглядами ученых. В-третьих, автор диссертации особенно яростно противостоит укоренившимся понятиям и общепринятым взглядам. В-четвертых, церковные и религиозные феномены рассматриваются без отрыва от породившего их социального и политического контекста.

К 1890-м годам относится и выработка характерного випперовского стиля и формата. Репутация Виппера как историка в основном покоится на лекционных курсах, как правило, очень подробных и детализированных, посвященных всеобщей истории. Читать такие лекции, по-видимому, впервые от Виппера потребовало в Одессе состояние тамошнего студенчества: на низкую подготовку слушателей историк жалуется в письмах. Отсутствие необходимых книг в университетской библиотеке не позволяло проводить исследовательские семинары в стиле Ранке и Герье (Цыганков, 2014: 334-335) – именно к таким семинарам Виппер привык в Москве. Таким образом, в Одессе ученому, пусть и по необходимости, пришлось перейти к формату лекций, в которых источниковедческая и историографическая работа оставалась в тени, а выводы преподносились в готовом, чтобы не сказать ультимативном виде (Иванова, 2011). Подобный формат экстенсивного лекционного курса стал весьма удачной находкой, между 1900-ми и 1940-ми годами его лекции и учебники выдержали, без преувеличения, десятки различных изданий. Эти лекции читались по готовому конспекту, который затем отправлялся в печать, так что разница между устным и письменным текстом Виппера оказывалась несущественно мала. Тематически эти курсы охватывали периоды от ранней минойской Греции до Европы XIX века и трактовали предметы, столь далекие друг от друга, как педагогика, теория прогресса, философия истории и социализм.

Но простота и ясность випперовских лекций достигались весьма дорогой ценой – почти полным изгнанием из них всего, что можно было бы назвать лабораторией историка. Виппер демонстрирует отсутствие интереса к технической источниковедческой дискуссии и к ознакомлению слушателей с проблемами интерпретации источников, то есть именно к тому, что в мейнстримной науке XIX века и в особенности в позитивистской *wissenschaftliche Geschichte* считалось первейшей задачей историка и главной составной частью его ремесла. Источниковедческие процедуры словно

бы растушевываются и уходят из поля зрения слушателей, виPPERовские лекции оказываются изысканным сплавом, в котором очень трудно проследить обратный путь ко всем его составным частям. Его повествовательный синтез ориентирован на студентов или интересующую широкую публику, нежели на равных ему историков-профессионалов, и тем заметнее отступления от этого типично «виPPERианского» стиля лекционных курсов. Два блока явно выделяются: это, во-первых, труды ВиPPERа по средневековой истории Ливонии и Прибалтики, в которых он опирается на изучение архивных материалов и вводит в оборот новые источники, и его работы по истории раннего христианства, напечатанные после 1940 года. В обоих случаях мы видим обращение к первоисточникам и попытку непосредственной работы с ними, в том числе попытку отыскать ответы на вопросы об их датировке и авторстве, об условиях, в которых они возникли. Иными словами, в межвоенной Риге и сталинской Москве ВиPPER возвращается, пусть и на новом уровне, к той же источниковедческой работе, какой он занимается в своей диссертации.

В 1897 году ВиPPER публикует популярный очерк, посвященный святым Франциску и Доминику (ВиPPER, 1897), воспроизводящий свойственные его учителю, В.И. Герье, консервативные подходы. Но менее чем через десять лет после этого мы видим полный разрыв с подобным подходом. Ему предшествовали некоторые предвестники, такие как, например, очерк 1900 года, в котором ВиPPER провозглашал вторичность фактов по отношению к мировоззрению, создающему эти факты (ВиPPER, 1900). Но 2 ноября 1906 года ВиPPER прочел публичную лекцию под названием «С Востока свет», опубликованную в следующем году (ВиPPER, 1907). Некоторые выводы, упоминаемые в этой лекции (например, вавилонское происхождение всего, в том числе и христианского, символизма) уже находили отражение в предшествующих виPPERовских лекционных курсах. Специфика же данной лекции состоит в том, что ВиPPER здесь доводит до крайней степени популярную и в 1907 году весьма обсуждаемую теорию панвавилонизма. Отталкиваясь от идей Фридриха Делича и отбросив все оговорки, ВиPPER – не ассириолог и не специалист по месопотамской истории – поступает с этой теорией так же, как прежде поступал с другими в своих лекционных курсах. Он инкорпорирует новую, и для него бесспорную, концепцию в амальгаму из текстов, общих рассуждений и описания археологических находок, и выводит оттуда широчайшие обобщения. По ВиPPERу, любой прогресс, совершаемый на Западе, начиная от каменного века и позднее, был всего лишь эхом значительно более великих предшествующих революций на древнем Ближнем Востоке. Вавилоняне изучали небеса, их наблюдения дали начало астрономии, а астрономические знания были переосмыслены как мифы. Всякий мифологический мотив может быть возведен к этим ранним астрономическим наблюдениям, включая иудейский и христианский миф о божественном суде и наказании, об искуплении и небесном спасителе. Разные мифологические мотивы проникали на запад в разное время, так, Царица небесная (будущая христианская Дева Мария) попала в Рим прежде своего будущего сына-искупителя. Пока Европа воспринимала разрозненные восточные влияния, сложившиеся затем в религии спасения, Вавилония пережила собственную реформацию, или пуританскую революцию, которая обрела форму в этической религии библейских пророков. Вавилоняне, будучи не в силах выжить в земле, опустошенной многими агрессорами, отправились на запад колонизовать новые земли, подобно тому как европейские эмигранты отправлялись за океан в Америку. В поисках нового счастья на Западе эти вавилонские эмигранты несли с собой и различные варианты мифа о спасении. Позднее евреи диаспоры, будучи более развитыми, чем их компатриоты, оставшиеся в аграрной Палестине, колонизовали Запад и принесли туда обновленные, лучшие версии этой реформированной, пуританской вавилонской религии. Ею и стало христианство. Его связь с Палестиной была слабой и возникшей из случайного отождествления мифического Спасителя с литературным персонажем новеллы, герои которой действовали в палестинских декорациях. Литература, дошедшая до нас, не отражает и малой части того, что существовало когда-то и пало жертвой фальсифицирующей и цензурирующей целенаправленной политики. Для ВиPPERа бесспорно, что эта исходная литература была порождением того, что можно назвать Просвещением того времени. Ее позднейшие и видоизмененные варианты породили апокалиптику, мистицизм и ислам. Потребовалась европейская наука, чтобы отделить внешнюю религиозную окраску от исходных идей, но и сама европейская наука была всего лишь еще одним порождением вавилонской культуры. В том же году те же самые выводы были повторены в очерке, темой которого стали новые горизонты в исторической науке (ВиPPER, 1906). Стиль этого очерка был подчеркнута виPPERовским, и аудитория вполне благосклонно приняла его.

С точки зрения содержания, эти выкладки, даже по весьма оптимистическим стандартам начала XX века, представляются весьма натянутыми и фантастическими. Базовые презумпции здесь идут от Делича, некоторые отдельные тезисы – от солярной теории и от построений геттингенской «Школы истории религии» (*Religionsgeschichtliche Schule*), однако у ВиPPERа отсутствовали те оговорки и ограничивающие условия, которые считали необходимым ввести даже самые радикальные сторонники этой школы. С другой стороны, в этой концепции уже *in nuce* содержатся базовые положения поздних работ ВиPPERа по раннему христианству, напечатанных в советское время, а именно: календарные и астрономические интерпретации христианского мифа, внепалестинское происхождение христианства, но самое важное – тезис о том, что христианская литература представляет

собой отцензурированный и вторичный вариант исходного корпуса текстов; задачей исследователя, таким образом, является не конвенциональная историко-филологическая критика текстов, а применение иных процедур, которые позволяют увидеть исходные формы и смыслы.

По прошествии двух лет Виппер развил свой тезис. Теперь из Вавилонии приходили не только мифология и символика. Месопотамское происхождение обрета и «церковь», перенесенная туда, где прежде о ней содержание этого понятия нигде Виппером не раскрывается, но из интуитивистских описаний можно понять, что под нею понимается некая социологическая категория, синонимичная одновременно и религии, и теократии (Виппер, 1909). В 1912 году очерк о происхождении церкви был включен в сборник, который открывался специально написанной статьей «Две интеллигенции» с подзаголовком «Историческая фантазия». Эта «фантазия» с первых строк вступала в полемику с некоей неназванной книгой, «в которой собраны жестокие обвинения и нападки на русскую интеллигенцию» (Виппер, 1912), иными словами, со сборником «Вехи» (1909). Подзаголовок извещал Виппера от необходимости прибегать к доказательствам и освобождал его для восторженного беллетризованного повествования из древнегреческой истории. Это повествование рисовало картину двух интеллигенций: одна была настроена демократически, симпатизировала просвещению и служила общему делу, другая, пришедшая на смену первой, состояла из «порядочных людей» и осмеивала своих предшественников. Первая «зажигает свечку знания для всех и отдает свои силы делу необозримой массы безвестных работников жизни», другая же «прячет свою струйку света только для себя, только для самоусовершенствования, только для выработки внутренних сокровищ своей души и в остальном человечестве видит бруски эстрады, нужной для того, чтобы возглашать высокомерную проповедь о божественности собственного духа» (Виппер, 1912: 24-25). Тезис о наличии этих двух интеллигенций также найдет отражение в последующих работах Виппера о раннем христианстве, написанных в советское время.

4.5. Великая война 1914 отвлекла Виппера от рассуждения на темы, связанные с историей христианства, но в 1918 году он опубликовал наиболее значимую свою работу по данной проблеме (Виппер, 1918). Здесь Виппер начинает с замечания о том, что все наши знания о раннем христианстве основаны на результатах отбора и цензуры, которую осуществляли те, кто создал новозаветный канон. В качестве образцового примера такой цензуры Виппер рассматривает истребление татиановского «Диатессарона» Феодоритом в начале V в. или маргинализацию Маркиона тремя столетиями раньше. В результате к началу IV в. христианские писатели практически ничего не знали о происхождении новозаветных текстов и свободно прибегали к редактированию и интерполяциям. Некоторые важные анонимные тексты были приписаны некоему «апостолу Павлу», персонажу Деяний. В XIX веке либеральные и рационалистические протестантские богословы пытались разрешить загадку Нового завета, однако им в этом помешала их собственная религиозная тенденциозность. Именно она и заставила их считать евангелия чем-то вроде биографий и упрямо видеть в Иисусе и Павле реально существовавшие фигуры, подобные героям книг Ренана и Штрауса. Но евангелия, по Випперу, не имеют никакой исторической ценности, они были всего лишь литературной оболочкой для мифологического рассказа о божественном страдающем спасителе. Этот миф родился как сплав многих других мотивов, происходящих главным образом из иудейского круга. После того как иудаизм претерпел катастрофу 70 года, эти мифы стали всеобщим достоянием, и первые попытки выразить их письменно породили апокалиптическую литературу. Греки и римляне, принявшие в том или ином виде иудейскую мифологию, сперва слышали о божественном страдальце, а затем, естественно, хотели увидеть его в пролом, а точнее – распознать его черты среди знаков времени. Они расспрашивали беглецов, наводили справки среди беженцев и переселенцев, и таким вот образом в общественном сознании произошло соединение двух фигур – славного и великого Христа и смиренного и доброго Иисуса, который в свою очередь был всего лишь литературным персонажем. За этим персонажем не стоит ничего, а следовательно, все усилия либеральных богословов по определению тщетны. Наконец, чтение новозаветных текстов показывает и отсутствие в них социалистических идей. Виппер видит в рассказе об Анании и Сапфире указание на то, что изначальная христианская община была коммуна, созданной богатыми горожанами, которые стремились спасти свое имущество, внеся его в общий фонд. Тяжелейшим прегрешением против такой общины была попытка утаить часть вносимой суммы, поэтому нечестные пайщики и были немедленно убиты, но не гневом бога, как пишет автор Деяний, а сотрудниками особой службы безопасности, оберегавшей общий денежный фонд секты.

Чтение этой брошюры вызывает смешанные чувства. Виппер тратит много страниц, чтобы воспроизвести общие места либеральной теологии (например, невозможность буквального толкования евангельских текстов, ненадежность евангелий как источника, фундаментальное различие между «Христом веры» и «Иисусом истории» и пр.), преподнося их как новые, а по сути его собственные открытия. Книга лишена научного аппарата, так как носит популярный характер и отражает характерный випперовский стиль, поэтому для читателя остается неизвестным, в какой мере автор был знаком с обширной исследовательской литературой по избранной теме – литературой, которую он с такой легкостью пытается дискредитировать *in cogroge*. С другой стороны, в этой брошюре собраны в единый пучок все предшествующие мотивы випперовских штудий по

истории христианства – от склонности к деконструкции общепринятых взглядов и представлений о тотальной зависимости фактов от мировоззрения до более частных деталей и сюжетов. И наконец, для читателя, знакомого с более поздним творчеством Виппера, очевидно, что все составные части того подхода к раннему христианству, который характеризует его работы, напечатанные в 1940–1950-х годах, уже присутствуют в его брошюре 1918 года. Смена приоритетов, введение марксистской терминологии и стандартного набора цитат – короче говоря, все то, что отличает его сочинения 1940–1954 гг., оказывается лишь обрамлением системы взглядов, которая окончательно сложилась к 1918 году.

4.6. Хотя работы Виппера по раннему христианству, написанные после 1918 года, находятся вне хронологических рамок нашей статьи, существует один тематический блок, о котором здесь также необходимо сказать. Это штудии Виппера, посвященные Цельсу. Здесь ученый максимально возвращается к тому методологическому подходу, которым отмечена его диссертация (иными словами, к изучению личности заметного деятеля с опорой на его собственные тексты и свидетельства о нем), и было бы очень заманчиво посмотреть, невзирая на позднюю дату публикации, в какой мере он этому подходу в ней следует.

Цельсу, антихристианскому автору, писавшему во II в. на греческом языке, и его произведению «Истинное слово» посвящена статья Виппера, опубликованная в сборнике «Вопросы истории религии и атеизма» (Виппер, 1950). В разделении этого труда ученый следует более раннему советскому изданию, подготовленному А.Б. Рановичем (Ранович, 1935). Виппер не упоминает критическое издание единственного источника фрагментов Цельса – текста Оригена Кетшау (Koetschau, 1899), как и реконструкции греческого текста «Истинного учения» Глокнера (Glöckner, 1924) и Бадера (Bader, 1940), он опирается на немецкое и французское переводные издания Кайма (Keim, 1873) и Ружье (Rougier, 1925). Указывая на издание Рановича как на наиболее удовлетворительное с научной точки зрения, Виппер, однако, ни в одном месте не цитирует перевод, сделанный Рановичем; вместо этого он дает свои переводы, которые всегда представляют собой значительную переработку оригинальных фрагментов.

Кавычки в тексте могут указывать на цитирование; однако уже первый фрагмент Цельса (I, 1) на стр. 286 приводится в сильно измененном виде. Как выясняется, это калька с довольно вольного перевода Ружье (Rougier, 1925: 37), но не с гораздо более точного Кайма (Keim, 1873: 4). Можно было бы подумать, что все фрагменты, отмеченные кавычками, являются русским переводом французского текста, однако в действительности это не совсем так. Изложение содержания фрагментов I, 8 – I, 12, отмеченное редактором как перевод автора, отличается от соответствующего фрагмента у Ружье (Rougier, 1925: 39-40) настолько, что можно было бы предположить, что действительные авторские переводы с греческого отмечены специально. Но приводимая далее на стр. 288 цитата о рождении от девы, вкладываемая Цельсом в уста иудея, также отмеченная в качестве авторского перевода, тем не менее довольно последовательно копирует текст Ружье (Rougier, 1925: 45-46). Как оказывается в дальнейшем, даже те переводы, которые имеют сходство с французским изданием, обнаруживают значительные отступления: фрагменты из разных частей соединяются без указания на пропуск, имеются иные формулировки, а также дополнения. Уже следующая цитата со стр. 289-290 изменяет, значительно сокращает и дополняет параграфы 16–20 в издании Ружье (Rougier, 1925: 51-55), соответствующие фр. II, 1 – II, 27. Таким образом, можно сделать общий вывод, что кавычки в статье Виппера указывают не на цитату (тем более что никогда не указывается место в источнике), а на прямую речь, написанную автором от лица обвинителей христианства с частым использованием лексики, фразеологии и синтаксиса издания Ружье.

Говоря о личности Цельса, Виппер справедливо отмечает отсутствие научного консенсуса в вопросе о тождестве этого Цельса и его тезки, упомянутого Лукианом (Виппер, 1950: 284). Тем не менее, приводя мнение Ружье в качестве одной из сторон в дискуссии, он, никак не отмечая этого, солидаризируется с ним, утверждая и в дальнейшем, что Цельс является наследником эпикурейской теоретико-философской традиции (разумея под ней материализм). В то же время для Виппера очевидным выступает положение (обоснований которому он не приводит, но обозначает позицию Ружье), что Цельс был причастен к государственной службе в том или ином качестве – он называет его политиком (Виппер, 1950: 282), «человеком, близким к правительственным кругам» (Виппер, 1950: 285). По всей видимости, здесь автор посчитал необходимым акцентировать связь «языческой идеологии» с государством.

Во вступительной части Виппер делает замечание, что позиции Кайма и Ружье представляют собой противоположности, не удовлетворительные для современной исторической науки. По его замечанию, «они применяют в своем анализе и в своей конструкции слишком широкие категории, берут христианство и язычество как цельные, сплоченные, неподвижные системы, отвлекаются от обстоятельств ближайшего исторического момента» (Виппер, 1950: 283). Однако далее он отмечает, что христианство и язычество – это две идеологии (Виппер, 1950: 284), а Цельс и прочие критики христианства просто позволяют определить то, как эти идеологии связаны с исторической ситуацией II века. В дальнейшем при обсуждении антропологических споров (о природе души и тела) он также называет язычество и христианство двумя «мировоззрениями» (Виппер, 1950: 295). Приводя такие

определения, автор сам принимает наличие двух независимых идеологических систем, которые, хоть и имеют взаимовлияние, обладают неким сущностным ядром, независимым от исторического контекста.

В своей статье о Цельсе Виппер пересказывает положения из фрагментов сочинения «Истинное слово», написав на их основе собственный текст речей Цельса, мало соответствующий оригиналу, немецкому переводу Кайма и русскому – Рановича, но использующий изложение Ружье. Вместе с тем он дополняет текст комментариями, излагая свою точку зрения на историю текста, его автора и значение для исследователей раннего христианства. Выделив некоторые аргументы Цельса, автор связал их в цельное повествование, которое должно привести читателя к заключительному вопросу о том, почему, несмотря на все достоинства антихристианской полемики, победителем в этом споре оказалась «противоречивая, наивная идеология христианства». При этом Виппер в данной статье не говорит об историческом развитии христианского учения и не уделяет внимания самому тексту Оригена (только из которого нам и доступны фрагменты Цельса), являвшемуся одним из этапов к тому времени еще далеко не завершеного противостояния христианства и официального римского культа. Так или иначе, Виппер делает акцент не на когнитивном аспекте восприятия христианского учения, а на социальном и психологическом: он называет главной причиной победы христианства то, что оно приняло роль идеологии социальных «низов»: бедняков, простых людей, рабов, «задавленных горем и нуждой». По мнению Виппера, для последних трактат Цельса не имел особой силы, поскольку, в отличие от христианства, он не предлагает альтернативы существующему миропорядку.

Доклад Виппера о Цельсе может служить одним из характерных примеров его творчества: в нем он представляет свое видение исторических процессов, пытаясь объединить исторические сюжеты, современную ему литературу и собственную интерпретацию – на сей раз уже в советском идеологическом контексте. В качестве исследования по раннему христианству данная статья (доклад) производит впечатление отсутствия у автора интереса к филологическим и текстологическим проблемам, пренебрежения к точности перевода текста источника и большой концептуальной зависимости от западной литературы, нежели заявляет сам Виппер. Иными словами, работа о Цельсе – это возврат к Випперу 1906–1918 гг., а не к Випперу – автору диссертации о Кальвине.

5. Заключение

Радикальные взгляды на историю раннего христианства не проникли в труды Виппера внезапно, и их появление не было уступкой советскому марксизму в 1940-е гг. Напротив, эти взгляды вызревали постепенно, с рубежа XIX–XX вв., и достигли окончательного оформления к 1918 г. В первый период жизни Виппер находился под влиянием отца, консервативного лютеранина, воспитанного в пиетистском духе. Первый импульс к исследованию Библии, вероятно, был преподан Випперу именно отцом. Вторая отцовская фигура – В.И. Герье – также оказала влияние на молодого исследователя. Выше мы видели, что неформившиеся тематические поиски Виппера вращались вокруг истории античного христианства, и в итоге же христианская история, хоть и многожды более позднего времени, стала темой для его диссертации. Последующие три десятилетия, от начала 1890-х до 1918 года, показывают эволюцию взглядов Виппера. Вплоть до середины 1900-х годов он, в целом, следует пути своего руководителя, но переломным годом оказывается 1906. С этого времени тональность Виппера меняется навсегда. Хотя он в этот период, как кажется, не провозглашал себя атеистом, его позиция тем не менее вполне очевидна. После 1917 года в текстах Виппера появляется и прямая полемика против христианской теологии как таковой. Следовательно, переход к тому, что мы встречаем в его работах 1940–1954 гг., предвосхищался уже в 1900-е годы и стал свершившимся фактом к 1918 г. С другой стороны, этот свершившийся переворот был сродни обращению в новую веру, которая не требует ни дополнительных доказательств, ни углубленного чтения. Критический тон Виппера – это в значительной степени тон человека, который судит и обобщает в области, в которой он не является ни профессионалом, ни даже начитанным любителем. За двенадцать лет, прошедших от публичной лекции 1906 года до брошюры о происхождении христианства, Виппер, по-видимому, не увеличил свою эрудицию в описываемом предмете. Его постоянные отсылки к дихотомии между свободным исследованием (образцом которого он, естественно, считает собственную работу) и теологическим подходом конструируют по сути ложную дилемму: в начале XX века существовали и поныне существуют иные причины для скептического отношения к богословской картине возникновения христианства, которые тем не менее не требуют принять в качестве достоверных явно ошибочные построения Виппера. Отказавшись от позитивистского подхода, Виппер надеялся обрести свободу научного поиска, но, по крайней мере, в области занятий ранним христианством, его урожаем стала голая схема, натянутая теория и дилетантизм.

6. Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 16-18-10083 «Изучение религии в социокультурном контексте эпохи: история религиоведения и интеллектуальная история России XIX – первой половины XX вв.» и гранта РФФИ № 18-011-01123 «Проблема сопряжения морали и

религии в эпикурейской и стоической философии: сравнительный анализ полемического дискурса» (раздел 4.6.)

Литература

- Вишпер, 1886** – *Vipper Ю.Ф.* Иерусалим и его окрестности времен Иисуса Христа. Ист.-геогр. описание с пл. Иерусалима, вновь сост. сообразно с новейш. рис. храма де-Вогюе и архит. Шика. 2-е изд., испр. и доп. М.: Типо-лит. И.Н. Кушнерев и К°. 1886. 86 с.
- Вишпер, 1894** – *Vipper Р.Ю.* Церковь и государство в Женеве в XVI веке в эпоху кальвинизма. М.: Печатня С.П. Яковлева, 1894.
- Вишпер, 1897** – *Vipper Р.Ю.* Франциск и Доминик. Возникновение нищенствующих орденов // Книга для чтения по истории средних веков. СПб: Тип. Кушнерева, 1897. Т. 2. С. 531-643.
- Вишпер, 1900** – *Vipper Р.Ю.* Несколько замечаний о теории исторического познания // *Вопросы истории и психологии.* № 53 (III), 1900. С. 450-480.
- Вишпер, 1906** – *Vipper Р.Ю.* Новые горизонты в исторической науке // *Современный мир.* 1906. № 11. С. 257-274.
- Вишпер, 1907** – *Vipper Р.Ю.* «С Востока свет»: Публичная лекция, прочитанная в Москве 2 ноября 1906 г. // Москва: Типолит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°. 1907. 29 с.
- Вишпер, 1909** – *Vipper Р.Ю.* Несколько замечаний о происхождении церкви // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете (5 декабря 1879 – 5 декабря 1909 года). Ч. 1. Москва: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1909. С. 640-650.
- Вишпер, 1912** – *Vipper Р.Ю.* Две интеллигенции (Историческая фантазия) // Две интеллигенции и другие очерки: Сборник статей и публичных лекций, 1900–1912. Москва: Склад в книжном магазине В.С. Спиридонова и А.М. Михайлова, 1912.
- Вишпер, 1918** – *Vipper Р.Ю.* Возникновение христианства. М.: Фарос, 1918. 118 с.
- Вишпер, 1946** – *Vipper Р.Ю.* Возникновение христианской литературы. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1946. 287 с.
- Вишпер, 1950** – *Vipper Р.Ю.* Цельс – обличитель христианства // *Вопросы истории религии и атеизма.* 1950. № 1. С. 282-303.
- Вишпер, 1954** – *Vipper Р.Ю.* Рим и раннее христианство. М.: Издательство АН СССР, 1954. 268 с.
- Герье, 1892** – *Герье В.И.* Торжество теократического начала на Западе // *Вестник Европы.* 1892. № 1. С. 5-48. № 2. С. 461-493.
- Данилова, 1984** – *Данилова А.П.* Р.Ю. Вишпер как историк античности // *Вестник древней истории.* 1984. № 1. С. 160-174.
- Журавлев, 1995** – *Журавлев Ю.А.* Античность и современность в трудах Р.Ю. Вишпера // Вишпер Р.Ю. Лекции по истории Греции. Очерки истории Римской империи (начало). Избранное сочинение в двух томах. Том I. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. С. 5-16.
- Иванова, 2011** – *Иванова Т.* Два неизвестных письма Р.Ю. Вишпера к В.И. Герье. М.: Вестник РГГУ, 2011. № 12. С. 281-290.
- Метель, 2012** – *Метель О.В.* Советская модель изучения первоначального христианства (1920–1990-е гг.) Омск: Полиграфический центр КАН, 2012. 170 с.
- НИОР РГБ** – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
- Ранович, 1935** – *Ранович А.Б.* Античные критики христианства (Фрагменты из Лукиана, Цельса, Порфирия и др.). М.: ГАИЗ, 1935. 259 с.
- Сафронов, 1976** – *Сафронов Б.Г.* Историческое мировоззрение Р.Ю. Вишпера и его время. М.: Издательство Московского университета, 1976. 224 с.
- ЦГАМ** – Центральный государственный архив Москвы.
- Цыганков, 2014** – *Цыганков Д.А.* Профессор В.И. Герье и его ученики. М.: РОССПЭН, 2014.
- Шахнович, 1961** – *Шахнович М.И.* Ленин и проблемы атеизма. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1961. 472 с.
- Bader, 1940** – *Der Αληθής λόγος des Kelsos von Robert Bader.* Tübinger Beiträge zur Altertumswissenschaft 33. Stuttgart-Berlin: 1940.
- Glöckner, 1924** – *Glöckner O.* Celsi Alethes Logos. Kleine Texte 151. Bonn: 1924.
- Graham, 1986** – *Graham Hugh.* R.Iu. Vipper: A Russian Historian in Three Worlds // *Revue Canadienne des slavistes.* 1986. Vol. 28, No 1. Pp. 22-35.
- Keim, 1873** – *Keim T.* Celsus, Alethes logos. Wahres Wort. Älteste Streitschrift antiker Weltanschauung gegen das Christentum vom Jahr 178 n. Chr. Wiederhergestellt. Zürich: 1873.
- Koetschau, 1899** – *Origenes Werke, Buch I-VIII gegen Celsus, Bande 1-11, herausgegeben von Paul Koetschau.* Leipzig: 1899.
- Lefranc, 1888** – *Lefranc A.* La jeunesse de Calvin. Paris: 1888.
- Rougier, 1925** – *Rougier L.* Celse contre les chrétiens (Discours vrai, 178). Éditions du siècle. Paris, 1925.

Weber, 2017 – Weber, D.R. Wipper's religious myth theory // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2017. Том 33, № 1. С. 127-133.

References

- Bader, 1940** – Der Αληθής λόγος des Kelsos von Robert Bader. Tübinger Beiträge zur Altertumswissenschaft 33. Stuttgart-Berlin: 1940.
- Danilova, 1984** – *Danilova A.P. (1984)*. R.Yu. Vipper kak istorik antichnosti [R.Yu. Vipper as a historian of antiquity]. *Vestnik drevney istorii*. № 1. Pp. 160-174. [in Russian]
- Ger'e, 1892** – *Ger'e V.I. (1892)*. Torzhestvo teokraticheskogo nachala na Zapade [The triumph of theocratic principle in the West]. *Vestnik Evropy*. № 1. Pp. 5-48. № 2. Pp. 461-493. [in Russian]
- Glöckner, 1924** – *Glöckner O. (1924)*. Celsi Alethes Logos. Kleine Texte 151. Bonn.
- Graham, 1986** – *Graham H. (1986)*. R.Iu. Vipper: A Russian Historian in Three Worlds. *Revue Canadienne des slavistes*. Vol. 28, № 1. Pp. 22-35.
- Ivanova, 2011** – *Ivanova T. (2011)*. Dva neizvestnykh pis'ma R.Yu. Vippera k V.I. Ger'e [Two unknown letters of R.Yu. Vipper to V.I. Ger'e]. M.: Vestnik RGGU. № 12. Pp. 281-290. [in Russian]
- Keim, 1873** – *Keim T. (1873)*. Celsus, Alethes logos. Wahres Wort. Älteste Streitschrift antiker Weltanschauung gegen das Christentum vom Jahr 178 n. Chr. Wiederhergestellt. Zürich.
- Koetschau, 1899** – Origenes Werke, Buch I-VIII gegen Celsus, Bande 1-11, herausgegeben von Paul Koetschau. Leipzig: 1899.
- Lefranc, 1888** – *Lefranc A. (1888)*. La jeunesse de Calvin. Paris.
- Metel', 2012** – *Metel' O.V. (2012)*. Sovetskaya model' izucheniya pervonachal'nogo khristianstva (1920–1990-e gg.) [The Soviet model of the study of the origins of Christianity (1920–1990s)]. Omsk: Poligraficheskiy tsentr KAN. 170 p. [in Russian]
- NIOR RGB** – Nauchno-issledovatel'skii otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki [Research department of manuscripts of the Russian state library].
- Ranovich, 1935** – *Ranovich A.B. (1935)*. Antichnye kritiki khristianstva (Fragmenty iz Lukiana, Tsel'sa, Porfiriya i dr.) [Ancient opponents of Christianity (fragments of Lucian, Celsus, Porphyry and others)]. M.: GAIZ. 259 p. [in Russian]
- Rougier, 1925** – *Rougier L. (1925)*. Celse contre les chrétiens (Discours vrai, 178). Éditions du siècle. Paris, 1925.
- Safronov, 1976** – *Safronov B.G. (1976)*. Istoricheskoe mirovozzrenie R.Yu. Vippera i ego vremya [Historical worldview of R.Yu. Vipper and his time]. M.: izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 224 p. [in Russian]
- Shakhnovich, 1961** – *Shakhnovich M.I. (1961)*. Lenin i problem ateizma [Lenin and the problems of atheism] Moskva, Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. 472 p. [in Russian]
- TsGAM** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvy [Central state archive of Moscow].
- Tsigankov, 2014** – *Tsygankov D.A. (2014)*. Professor V. I. Ger'e i ego ucheniki [Professor V.I. Ger'e and his students]. M.: ROSSPEN. [in Russian]
- Vipper, 1886** – *Vipper Yu.F. (1886)*. Ierusalim i ego okrestnosti vremen Iisusa Khrista [Jerusalem and its vicinity in the age of Jesus Christ] M.: tipo-lit. I. N. Kushnerev i K°. 86 p. [in Russian]
- Vipper, 1894** – *Vipper R.Yu. (1894)*. Tserkov' i gosudarstvo v Zheneve v XVI veke v epokhu kal'vinizma [The church and state in the XVI century during the age of Calvinism]. M.: Pechatnya S.P. Yakovleva. [in Russian]
- Vipper, 1897** – *Vipper R.Yu. (1897)*. Frantsisk i Dominik. Vozniknovenie nishchenstvuyushchikh ordenov [Francis and Dominic. The emergence of mendicant orders]. Kniga dlya chteniya po istorii srednikh vekov. SPb: Tip. Kushnereva. T. 2. Pp. 531-643. [in Russian]
- Vipper, 1900** – *Vipper R.Yu. (1900)*. Neskol'ko zamechaniy o teorii istoricheskogo poznaniya [Some remarks on the theory of historical knowledge]. *Voprosy istorii i psikhologii*. № 53 (III). Pp. 450-480. [in Russian]
- Vipper, 1906** – *Vipper R.Yu. (1906)*. Novye gorizonty v istoricheskoi nauke [New horizons for historical science]. *Sovremenniy mir*. № 11. Pp. 257-274. [in Russian]
- Vipper, 1907** – *Vipper R.Yu. (1907)*. “S Vostoka svet”: Publichnaya lektsiya, pročitannaya v Moskve 2 noyabrya 1906 g. [“Light from the East”: Public lecture delivered in Moscow 2nd November 1906]. Moskva: tipolit. t-va I.N. Kushnerev i K°. 29 p. [in Russian]
- Vipper, 1909** – *Vipper R.Yu. (1909)*. Neskol'ko zamechaniy o proiskhozhdenii tserkvi [Some remarks on the genesis of the church]. *Sbornik statei, posvyashchennykh Vasiliyu Osipovichu Klyuchevskomu ego uchenikami, druz'yami i pochitatel'yami ko dnyu tridtsatiletiya ego professorskoi deyatel'nosti v Moskovskom universitete (5 dekabrya 1879 – 5 dekabrya 1909 goda)*. Ch. 1. Moskva: Tovarishchestvo «Pechatnya S.P. Yakovleva». Pp. 640-650. [in Russian]
- Vipper, 1912** – *Vipper R.Yu. (1912)*. Dve intelligentsii. (Istoricheskaya fantaziya) [Two intelligentsias. A historical phantasy]. Dve intelligentsii i drugie ocherki: Sbornik statei i publichnykh lektsii, 1900–1912. Moskva: Sklad v knizhnom magazine V.S. Spiridonova i A.M. Mikhailova. [in Russian]

- Vipper, 1918 – *Vipper R.Yu.* (1918). Vozniknovenie khristianstva [The uprise of christianity]. M.: Faros. 118 p. [in Russian]
- Vipper, 1946 – *Vipper R.Yu.* (1946). Vozniknovenie khristianskoy literatury [The origin of the Christian literature]. Moskva, Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. 287 p. [in Russian]
- Vipper, 1950 – *Vipper R.Yu.* (1950). Tsel's – oblichitel' khristianstva [Celsus the accuser of christianity]. *Voprosy istorii religii i ateizma*. №1. Pp. 282-303. [in Russian]
- Vipper, 1954 – *Vipper R.Yu.* (1954). Rim i rannee khristianstvo [Rome and the early Christianity] Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR. 268 p. [in Russian]
- Weber, 2017 – *Weber D.R.* (2017). Wipper's religious myth theory. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*. Т. 33, № 1. Pp. 127-133.
- Zhuravlev, 1995 – *Zhuravlev Yu.A.* (1995). Antichnost' i sovremennost' v trudakh R. Yu. Vippera [Antiquity and contemporary period in the works of R. Yu. Vipper]. Vipper R.Yu. Lektsii po istorii Gretsii. Ocherki istorii Rimskoy imperii (nachalo). Izbrannoe sochinenie v dvukh tomakh. Т. I. Rostov-na-Donu: Feniks. Pp. 5-16. [in Russian]

Эволюция взглядов Р.Ю. Виппера на историю раннего христианства в первый московский период его жизни (1897–1922 г.)

Дмитрий Александрович Браткин ^{a, *}, Дмитрий Иванович Вебер ^a,
Валентин Александрович Пересторонин ^a

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье обсуждается развитие взглядов Р.Ю. Виппера (1859–1954) на раннее христианство. Историк Р.Ю. Виппер был выдающимся ученым дореволюционной России и профессором всеобщей истории в Императорском Московском университете. Период с 1924 по 1940 г. он провел в эмиграции в Риге, а после возвращения в Москву в 1940 году опубликовал несколько монографий и статей о раннем христианстве. Эти монографии демонстрируют типологические черты советской модели истории раннего христианства и иногда рассматриваются как подтверждение того, что возвращение Виппера в СССР привело к пересмотру его позиций и взглядов. Но если отстраниться от стандартного советского обрамления (цитаты из классиков марксизма, традиционные полемические эпитеты и т.п.) этих книг, картина будет иной. Сколь сложной бы ни была ситуация в любом другом сюжете из многих, когда-либо интересовавших Виппера как исследователя, его трактовка истории раннего христианства при ближайшем рассмотрении оказывается той же, что высказывалась им прежде, в дореволюционных его работах, опубликованных в период с 1906 по 1918 годы. Следовательно, авторы приходят к выводу о том, что эволюция взглядов Виппера на историю раннего христианства в общих чертах завершилась к 1918 году. По содержанию эти взгляды восходят к распространенной в начале XX века теории «панвавилонизма», расширенной за счет других инсайтов ученого, и в целом характеризуют Виппера как антиклерикально настроенного критика религии, нежели как ее исследователя, опирающегося на общепринятую историко-критическую методологию.

Ключевые слова: Р.Ю. Виппер, раннее христианство, кальвинизм, Цельс, история науки, период 1900–1918.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: d.bratkin@spbu.ru (Д.А. Браткин), d.veber@spbu.ru (Д.И. Вебер), perestoroninvalentin@yandex.ru (В.А. Пересторонин)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1340-1358. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1340
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Russian Concessions on the Yalu River, 1897–1903: Who and How Formed the Opinion of Nicholas II about the "Korean Vector" of Imperial Politics in the Far East on the Eve of the Russo-Japanese War

Pavel N. Dudin ^{a,*}

^a East-Siberian State University and Technology and Management, Russian Federation

Abstract

The article explores the process of changing the emperor's opinion regarding Russian policy on the Korean Peninsula, which led to the war with Japan in 1904, based on previously unpublished documents of the Russian State Historical Archive addressed to Nicholas II. The main goal of the article is the historical and political characterization of the reasoning for securing Russian strategic interests on the Korean Peninsula and East Asia, presented to Nicholas II by representatives of "Bezobazov Circle" between the time of N.G. Matyunin was the first charge d'affaires with Korea and the creation of vicerealty in the Far East. A related goal was the introduction into the scientific circulation of new documents containing the reflection of events that were turning points for Russia and entailed irreversible social and political processes that led to the disaster of 1917. Having regard the poor amount of scientific material and research positions on this issue, and a number of clichés formed in the Soviet period in relation to the events and personalities studied, the scientific novelty of the work presented are an attempt to rethink the arguments and actions of the participants of the "Korean project" is not from the perspective of court intrigues and struggle for influence and in the light of the imperial ideology and the natural needs of the process of expansion of the Russian empire in the Far East. For the first time in Russian historiography, not extracts from documents are presented, but parts of them that allow the reader to independently conclude the validity of the author's judgment. Particular attention is paid to arguments calling for the strengthening of Russia's position in the region and the mechanisms for their support, since, after a century, this task has not lost its relevance. In the end, conclusions are drawn that differ from the position established in science about the reasons for the failure of the investigated project and the role of each of its participants. The main conclusion is that Nicholas II often received "refined" information during active attempts to manipulate his consciousness and beliefs, which led to a change in his opinion about Russia's foreign policy in this direction but did not ensure the success of the project.

Keywords: concessions on the Yalu River, A.M. Bezobrazov, Nicholas II, S.Yu. Witte, V.M. Vonlyarlyarscy, empire, East Asia, Far East, Korea, Japan.

1. Введение

Современное состояние внешней политики России на Дальнем Востоке и в Восточной Азии в целом свидетельствует, что задачи, которые ставила перед собой наша страна на рубеже XIX–XX – в середине XX вв. не утратили своей значимости: безопасность восточных границ и ограничение китайского влияния в их пределах (Пешков, 2014: 46), незамерзающие порты (Дацышен, 2016: 26), воплощение концепции «Русского Мира» и т.д. Любопытно, но вся дальневосточная политика в конце XIX – начале XX вв., используя современную терминологию, строилась по проектному принципу. В результате практически все начинания в этом направлении закончились успехом, будь

* Corresponding author

E-mail addresses: dudin2pavel@gmail.com (P.N. Dudin)

то «проект КВЖД», вынужденно завершившийся в 1935 г. (Дацышен, 2018: 38-52), «монгольский проект» по созданию буфера из автономной Халхи между Россией и молодой Китайской Республикой, «тувинский проект» или «баргинский проект» (Цыбенков, 2017: 65-76) с аналогичной целью в Танну-Туве и Хулунбуире (Барге). Лишь два из них – «корейский проект», о котором речь пойдет в настоящей статье, и «проект Желтороссия» (Курас и др., 2018: 54-66) – окончились неудачей для имперских амбиций, и два – Кудунская (Цыремпилов, 2015: 61-70) и Даурская (Курас, 2015: 84-96) – для теократии, после крушения Российской империи. Но, несмотря на это, каждый из проектов имел целью формирование институтов, которые успешно создавала и включала Россия в механизм своего стратегического (невоенного) присутствия в регионе Восточной Азии.

Исходя из сказанного, в рамках нашего исследования под формулировкой «корейский проект» мы понимаем стратегический план и тактическое видение его воплощения в жизнь по консолидации всех концессий (как единственной существующей (Романов, 1928: 385), так и потенциально возможных) и прочих коммерческих и общественных ресурсов и усилий в виде единой официально созданной и функционирующей организации, способной эффективно обеспечить российское стратегическое присутствие на Корейском полуострове и части Дальнего Востока в 1898–1903 гг. Достижение обозначенной «проектом» цели взялись обеспечить люди разного происхождения, профессиональной принадлежности, взглядов на внешнюю политику и своих устремлений, но все они на протяжении более чем вековой истории нашего государства объединены по фамилии одного из главных стяжателей – «безобразовцы».

Клише «безобразовцы» или «безобразовская клика», благодаря в, первую очередь, советской пропаганде, прочно и надолго вошло в обиход научной и околонуучной общественности при упоминании о российской политике в Корее в преддверии Русско-японской войны. Вместе с тем С.Ю. Витте, будучи сам участником этих событий, также не стеснялся в клише и хлестких выражениях в отношении как Александра Михайловича Безобразова, так и его окружения. В своих мемуарах он характеризовал его как представителя «целой плеяды авантюристов, проявивших себя в последнее время в России, как-то: Вонлярлярский, Матюнин, ротмистр Санин и другие» (Витте, 1924: 148). Б.А. Романов писал, что «от этого проекта пахло «священной дружиной» (Романов, 1928: 387), а сами «безобразовцы» называли себя «штабом» (по В.М. Вонлярлярскому, «мы – штаб») (Романов, 1928: 388). «Большая советская энциклопедия» пишет о А.М. Безобразове как об одном из инициаторов «авантюристской политики царского правительства на Дальнем Востоке в период с 1896 по 1904. ... Выдвинулся своими проектами экономического захвата Кореи и юж. Маньчжурии, к-рые он проводил, благодаря своим связям при царском дворе...» (БСЭ, 1927: 208-209). И хотя, безусловно, поводов к войне хватало и без него (об этом – несколько слов в заключении настоящей статьи), Александр Михайлович внес свой «посильный вклад» в это дело.

Имея и рядовых, и высокопоставленных сторонников, он сумел повлиять на позицию императора в отношении как «корейского вектора» дальневосточной политики, так и учреждения наместничества, в связи с чем нам было бы интересно ознакомиться с той официальной аргументацией, которая поступала непосредственно Николаю II от А.М. Безобразова и его сподвижников, называвших себя «беспокойными мечтателями» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 86).

Безусловно, вокруг императора всегда присутствовало множество личностей с сомнительной репутацией и целями, и в современных условиях очень сложно с предельной достоверностью сказать, кто, в каком объеме и с каким результатом действительно влиял на Николая II. Однако в нашем случае это сделать относительно несложно: аргументы и самого А.М. Безобразова, и его идейного вдохновителя В.М. Вонлярлярского, во-первых, задокументированы, а во-вторых, имеют конкретные результаты воплощения в действительность, поскольку у них получилось в значительной мере убедить императора начать активные действия на Корейском полуострове и противостоять монополии С.В. Витте на фактическое управление российской внешней политикой в регионе. Фоном же показаны и оформленные в представляемых императору документах аргументы и мнения других участников этого процесса: великого князя Александра Михайловича, графа И.И. Воронцова-Дашкова и барона В.Б. Фредерикса.

2. Материалы и методы

2.1. Источники и степень научной разработанности темы. Необходимо констатировать, что имеющаяся научная литература отличается схожими и зачастую дублирующими друг друга позициями и выводами. В процессе изучения материалов, относящихся к предмету исследования, нами использованы:

1) теоретические работы отечественных и зарубежных ученых – для облегчения понимания общеизвестных, но по-разному воспринимаемых категорий. Так, крайне важным в нашем исследовании является категория империи, поскольку именно имперские амбиции, прямо или косвенно, толкали как основных участников исследуемых событий, так и руководство страны к расширению сферы влияния России и установлению контроля над новыми территориями, даже находящимися за пределами юридически определенной государственной границы;

2) труды современных ученых в отношении политики России на Дальнем Востоке и персонала;

3) труды советских ученых, которые хоть и страдают однобокостью и классовым подходом, но содержат важный фактологический материал и отличаются широким использованием первоисточников.

Источниками исследования выступили неопубликованные материалы Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург) в составе нескольких дел: №№ 100 – Документы, касающиеся лесной концессии на Ялу, экспедиций для исследования лесных богатств Кореи, учреждения Восточно-Азиатской компании и др., [собранные В.М. Вонлярлярским] (*Каталог, 2010: 61-65*); 262 – О поездке министра финансов на Дальний Восток с целью инспекции Китайской Восточной железной дороги (*Каталог, 2010: 101-102*), Дело 272 – О переговорах Маньчжурского горнопромышленного товарищества с Бушем относительно экспедиции для исследования золотоносного района реки Ялу-цзян. Часть II (*Каталог, 2010: 102*), 275 – О пребывании на Дальнем Востоке д. ст. сов. Безобразова с целью получения концессии на эксплуатацию лесов на Ялу-цзяне. Часть I (*Каталог, 2010: 102-104*), 275: О пребывании на Дальнем Востоке д. ст. сов. Безобразова с целью получения концессии на эксплуатацию лесов на Ялу-цзяне. Часть II (*Каталог, 2010: 104*). Но нам в рамках заявленной темы интересно прежде всего дело № 100: (далее – Дело № 100), поскольку именно в нем содержатся письма, записки и другие документы, которые докладывались непосредственно Николаю II, тогда как другие коллекции располагают лишь внутренней перепиской участников описываемых событий между собой или с третьими лицами, исключая участие императора. Их оценка – задача будущих наших исследований. Коллекция Дела № 100 состоит из трех условных частей, первая располагает 24 документами за авторством следующих лиц: 1 документ Н.Г. Матюнина, 5 документов В.М. Вонлярлярского, 14 документов А.М. Безобразова и между ними вкрапленные позиции великого князя Александра Михайловича, барона В.Б. Фредерикса и графа И.И. Воронцова-Дашкова, а именно:

По материалам Н.Г. Матюнина: (1) записка от 1.12.1897 г.

По материалам В.М. Вонлярлярского: записки (2) от 26.02.1898 г. и (3) от 2 августа 1899 г.; (4) письмо от 12 февраля 1903 г. и (5) всеподданнейший доклад от 12.02.1903 г., а также (6) справка от 31 мая 1903 г.

По материалам А.М. Безобразова: записки (7) от 28 февраля 1898 г., (8) от 30.04.1898 г., (9) от 13 июня 1898 г., (10) от 22 июля 1898 г., (11) недатированная записка (предположительно, март 1899 г.); (12) письмо от 17 апреля 1901 г., (13) письмо и (14) схема проекта от 24 апреля 1901 г., (15) письмо и (16) проект высочайшего повеления от 24 апреля 1901 г., (17) письмо и (18) меморандум от 31.01.1902 г., а также доклады (19) от 17.06.1901 г. и (20) от 20.01.1902 г.

По материалам других лиц: (21) записка великого князя Александра Михайловича от 30 мая 1898 г., (22) всеподданнейший доклад барона В.Б. Фредерикса от 6 мая 1898 г. и (23) его записка от 2.06.1900 г., а также (24) письмо на нее графа И.И. Воронцова-Дашкова.

Вторая часть представляет собой единый документ под названием «Исторический очерк, составленный В.М. Вонлярлярским: «Корейское дело. I часть. Экспедиция в Сев. Корею в 1898–99 гг.», состоит из трех глав (I–III) (*РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 46-59*) с изложением автором собственной точки зрения на исследуемые события. Несмотря на субъективный характер многих суждений и явно прослеживаемое предубеждение в отношении С.Ю. Вите и его окружения, является очень ценным источником данных о процессе создания Восточно-Азиатской промышленной компании, с нюансами и результатами, весьма детальными, большая часть которых пока не нашла свое отражение на страницах трудов современных ученых.

И, наконец, третья часть Дела № 100, состоящая из 8 глав (IV–XI), составленная неизвестным лицом, но в том же стиле, что и предыдущие главы, уделяет пристальное внимание деталям исследуемых событий и другим, служащим фоном создания Восточно-Азиатской промышленной компании, предпринимая попытку объяснить многие позиции, шаги и действия «безобразовцев» (*РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 60-103*).

Б.А. Романов поясняет природу создания этого ценного для нас материала: «...В начале декабря 1904 г. царь поручил Вл. М. Вонлярлярскому (одному из «концессионеров») составить исторический очерк всего дела, с 1898 г. начиная, и посвящать, при случае, «благонадежных лиц в истинные задания концессий» (*Романов, 1922: 443*). Такой очерк Вонлярлярским вчерне был составлен, но, насколько нам известно, опубликован не был и лишь в маленькой части своей включен был автором в изданную им ... брошюру о чукотском эпизоде. Сохранилась копия этого очерка и части документов, которые «имелось в виду к нему приложить» (*Романов, 1922: 444*). Поскольку некоторые документы из приведенного перечня находятся в Архиве внешней политики Российской империи, это позволило гарантировать достоверность текстов исследуемых документов, часть из которых была копиями, а часть – копиями копий оригиналов.

Как говорилось выше относительно русских концессий в Корею, в фондах Российского государственного исторического архива имеется несколько дел, информация о которых содержится в «Каталоге документов РГИА по истории Кореи и русско-корейских отношений. Вторая половина XIX

– начало XX века. Выпуск 1» ([Каталог, 2010](#)). Каталог ценен тем, что в нем в аннотированном виде имеется перечень всех упомянутых документов, а также отдельные биографические данные участников исследуемых событий.

Значительный интерес в качестве источника представляют мемуары С.Ю. Витте ([Витте, 1924](#)), занимавшего в тот период пост министра финансов и фактически руководившего внешней политикой России на дальневосточном направлении. Также в числе источников использованы сборники договоров и других документов, в том числе нормативно-правового характера.

2.2. Методика исследования

Методика исследования включала общие методы: сбор данных, предполагающий поиск архивного материала, использование трудов ученых, погруженных в заявленную проблематику; тематический мониторинг научных изданий, современных исследуемому периоду, с целью выявления сведений, относящихся к предмету исследования; метод анализа документов, позволивший точно и объективно осуществить формализованный анализ позиций, содержащихся в исследуемых документах; системный подход позволил оценить внешнеполитическую ситуацию в регионе Восточной Азии в русле российских национальных интересов, а также имело место обращение к ситуационному анализу, который позволил сопоставить стратегии и действия основных участников исследуемых процессов в изучаемый период и результатов их претворения в жизнь.

Поскольку в ходе исследования мы опирались на концепцию империи, уместно упомянуть позицию М. Хардта и А. Негри, которые ведут речь об имперском влиянии и имперском сознании, распространяющемся «на все уровни социального порядка, достигая самых глубин социального мира» ([Хардт, Негри, 2004: 14](#)). Именно имперское сознание и представляет для нас существенный интерес. Еще одну интересную особенность подсказывает британский социолог Кришан Кумар, аргументирующий отграничение империй от просто больших государств его транснациональным характером общественных отношений, экспортом своих институтов на периферию, «тем самым выстраивая мост между ними и создавая общую культуру, которая гарантирует, что институты и идеи метрополии всегда занимают доминирующее положение» ([Kumar et al., 2017: 16-17](#)). Данная позиция очень ярко проявила себя в вопросе создания и обеспечения существования иностранных, в том числе и русских, концессий в Китае, она же должна была быть воплощена и в концессионных отношениях в Корее. В схожем ракурсе рассуждает и Г. Мюнклер, выделяя характеристику имперского, которое не допускает даже формального равенства между центром и периферией, низводя подчиненных до статуса зависимых государств или же сателлитов, которые находятся в более или менее очевидной зависимости ([Мюнклер, 2015: 27](#)). В этом ключе категория суверенитета нивелируется, а положение, которое заняла Корея после 1897 г., приобретя статус империи формально, фактически выводило ее из-под зависимости империи Цин и ставило ее в зависимость от двух других империй – Российской и Японской. Британский историк Доминик Ливен среди прочих признаков выделяет региональное могущество ([Ливен, 2007](#)), раскрывая его как способность играть ключевую роль в региональной или глобальной политике своего времени ([Ливен, 2010: 298-299](#)). Рассуждения в этом ключе приводят нас к промежуточному выводу об ошибочности утверждения тех, кто полагал и полагает, что поводом к войне с Японией в 1904 г. стали корейские концессии. Более романтическая картина представлена позицией Н.К.Д. Фергюсона, придающего этой категории политики миссионерский характер, ставя во главу угла распространение языка, различного рода общественных отношений, характерных для родительского государства, права, религии, культуры ([Фергюсон, 2013: 28](#)), приверженность высшим идеалам без экономической выгоды (политический альтруизм) и стремление привить определенную систему ценностей другим народам при наличии достаточных финансовых и военных ресурсов ([Фергюсон, 2013: 479-491](#)). Данный посыл будет часто встречаться в представленной переписке, подчеркивая «мирный характер» наступательной политики и стремление сделать нецивилизованные народы цивилизованными. В целом же набор характеристик империй составляет упоминаемую выше особую социальную систему и специфическую имперскую политическую форму, которая стремится к постоянному расширению ([Курас и др., 2018](#)) и при достижении своих пределов разрушается.

Здесь же следует добавить, что в данном исследовании мы не анализируем исторические события, фактаж и их фон и не комментируем процессы, которые послужили причиной, условиями или следствием приводимых в документах аргументов. Равным образом мы не даем характеристик личностям – только их взгляды и позиция. И наконец, важно отметить, что под собирательным названием «русские концессии на реке Ялу» присутствуют самые разнообразные предприятия и идеи их создания. Однако мы рассматриваем процесс влияния на мнение императора посредством концессии Ю.И. Бриннера в качестве основы будущей структуры и Восточно-Азиатской промышленной компании в качестве единой организации по контролю за регионом и в своем исследовании используем только документы, имеющие к ним отношение и адресованные императору, исключая внутреннюю переписку между собой указанных выше лиц («безобразовцев»). В текстах же этих документов нас интересуют только те аргументы, которые были направлены на обеспечение стратегического присутствия нашей страны на Корейском полуострове и в регионе, тем самым исключаются технические, экономические, статистические и прочие аспекты, служащие «аргументами для аргументов».

3. Обсуждение

Историография заявленного направления обширна и представлена как научными публикациями и диссертациями в области гуманитарных наук, так и учебными и справочными изданиями, однако весьма неоднородна в хронологии. Так, преобладающий объем материала охватывает послевоенный период и касается международных вопросов и внутренней политики двух Корей. В отношении же интересующего нас периода научных работ крайне мало, и их условно можно поделить на четыре группы. Первую составляют корееведческие исследования, к числу которых можно отнести работы, содержащие очерки «поставщиков» информации о Корее. Например, работа А.Н. Хохлова (Хохлов, 2006) содержит ценные сведения относительно властных структур, фигуры короля, Сеула, военной организации и участия российской стороны в обеспечении своего присутствия посредством военных инструкторов, учителей и другие вопросы, характеризующиеся как объективные и во многих случаях подтверждаемые консульскими донесениями и другими материалами, или труд Е.А. Ключевой об известном путешественнике Н.Г. Гарине-Михайловском (Ключева, 2019). Небольшой, но содержательный контент включает и работа С.О. Курбанова по истории Корейского государства (Курбанов, 2009).

Вторая группа представлена работами, освещающими взаимоотношения в геополитическом треугольнике Корея – Россия – Япония. Так, П.С. Пименов (Пименов, 2007) рассматривал один из базовых договоров в отношении Кореи своего времени – протокол Ниси-Розена – как временную и весьма эффективную меру защиты своих рубежей от Японии и обеспечения своего присутствия в регионе. Выгоды сотрудничества с Россией и ее роль в противостоянии японской агрессии исследует Бан Бен Юль (Бан Бен Юль, 2011). Попытка поразмышлять в этом направлении была предпринята З.А. Закировой (Закирова, 2016), рассуждающей о причинах столь сложных и напряженных отношений между корейским и японским народами.

Распространению в Корее христианства вообще, и православия в частности, посвящены труды третьей группы, представленные диссертацией Ли Сун Чула «Социокультурные особенности распространения христианства в Корее» (Ли Сун Чул, 2002), а также научными статьями К.В. Бирюковой (Бирюкова, 2012), П.Г. Ким (Домбаевой) (Ким, 2013), В.Ю. Ларченко (Ларченко, 2016) и др.

И наконец, среди иностранной литературы присутствуют как научные издания (Armstrong et al., 2005), в большинстве из которых в одной–двух главах/разделах вскользь упоминают, преимущественно в снисходительно-ехидном тоне, о «корейской авантюре» императорского правительства, так и справочный материал (Kowner, 2006; Kowner, 2009), описывающий или переписывающий в самых общих чертах события, факты, данные и имена, нашедшие свое отражение в отечественной научной литературе.

Исходя из приведенных данных, видно, что исследуемый нами период и охватываемые предметные области относительно русского стратегического присутствия в Корее, русско-корейских отношений вокруг единственной концессии Бриннера и потенциально других объектов экономических и политических (геополитических) интересов выпадают из научного поля как отечественных, так и зарубежных ученых и требуют восполнения.

4. Результаты

Ответ на вопрос: почему мнение Николая II в дальневосточной политике играло такую значительную роль (помимо того, что он объективно был главой государства), Сергей Юльевич дает в своих воспоминаниях: «Государь император желал вообще распространить влияние России на Дальний Восток и увлекался этой идеей именно потому, что в первый раз он вышел, так сказать, на свободу поездкою на Дальний Восток» (Витте, 1924: 35). Таким образом, помимо того, что император был натурой увлекающейся, Дальний Восток был для него чем-то очень личным, в связи с этим все вопросы, касающиеся данного направления, Николай II и решал лично.

У российского императора имелось собственное мнение и насчет политики на Корейском полуострове, изложенное в записке от 1 декабря 1897 г., составленной, судя по ее содержанию, поверенным в делах в Корее Н.Г. Матюниным. В ней Николай II высказывается о заинтересованности России в Корее как независимом государстве, подтверждая позицию о том, что «...мы не стремимся ни к завоеванию ее, ни даже к протекторату. Для России желательно видеть ее самостоятельную, почему должно пока ограничиваться достигнутым, именно инструкторскою частью и назначением Алексея советником по финансовой части» (АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 53. Л. 16; РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 1) и далее: «Усиленные вооружения Японии, видимо, направленные исключительно против нас, могут, к сожалению, повести через несколько лет к кровавому столкновению, вынести которое, так далеко отсюда, в вероятном одиночестве, будет нелегко; а пока нам надо поддерживать с ними, по возможности, добрые отношения» (АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 53. Л. 16; РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 1). История показывает, что все так и произошло, но было ли это неотвратимостью – вопрос, требующий отдельного исследования.

Несмотря на то, что «двигателем» «корейского проекта» был А.М. Безобразов, его взгляды, позицию и приемы, используемые им для формирования мнения Николая II на заявленную

проблему, мы исследуем ниже. Сначала же необходимо обратиться с аналогичным аспектам В.М. Вонлярлярского, который не только сохранил документы, являющиеся источником настоящего исследования, но и с заслуживающей благодарности скрупулезностью вел хронику событий и процессов, имеющих целью консолидировать все концессии и прочие ресурсы и усилия по обеспечению российского присутствия на Корейском полуострове. В нашем распоряжении имеется 5 документов, которые упоминаются в Деле № 100. Само дело хранит 3 из них, 2 документа – письмо и записка – упоминаются, но отсутствуют, а наибольший интерес представляет именно первый документ.

Итак, начало всему «корейскому проекту» было положено поименованной в собрании документов Владимира Михайловича «Запиской, поданной Государю Императору через графа И.И. Воронцова-Дашкова, и на которую воспоследовало высочайшее соизволение на покупку Лесной концессии купца Бриннера как средства для начала насаждения в Корее несомненных русских интересов», датированной 26 февраля 1898 г. Объемный восьмистраничный труд представляет собой проект программы по обеспечению русского присутствия на Корейском полуострове, преисполненный имперских мотивов в лучших их проявлениях, перемежающийся с прикладными рекомендациями «под ключ» и содержащий при этом вдохновляющие послы даже для современного читателя.

В качестве вводной документ погружает читателя во внутриполитическое положение Кореи с противоборством партий или групп влияния, экономическое состояние и потребность в деньгах, ситуацию с природными богатствами и претензиями на них иностранного элемента. Далее следует разъяснение, что имеющиеся иностранные «концессии и договоры, мало напоминают обыкновенные промышленные и коммерческие контракты в других государствах: ...в них сплошь и рядом выговаривается особое привилегированное положение в Корее для представителей компаний, которые являются руководителями целых отраслей промышленности и бесконтрольными распорядителями отдельных частей государственного управления Кореи» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 206.), предполагая при этом, что за контролем над экономикой и промышленностью последует военный и политический контроль над страной, создающий опасность для нашего государства и его интересов, которую необходимо предотвратить. В.М. Вонлярлярский заводит речь о «мирном завоевании малокультурных стран и народов», сравнивая явно провальную в этом направлении политику России, где нет единого координирующего центра, а «редкие предприниматели действуют враздробь, без всякой определенной системы, преследуя пока исключительно цели материальной наживы», с британской политикой в Трансваале.

Затем автор выводит мысль на «сложный и опасный восточноазиатский вопрос и далее вводит всегда безупречно работающий козырь внешнего врага, говоря о том, что «не пора ли проснуться и русским людям и, пока еще не поздно, парализовать хитроумную политику наших врагов и начать бороться в Корее за свои собственные, «чисто русские» интересы» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 3). Здесь Владимир Михайлович намеренно и, совершенно не лукавя, подчеркивает ненасильственные способы проникновения в другие страны, которыми всегда пользовались наши соотечественники, чем «завоевывали себе всеобщие симпатии и приобретали вес и положение» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 3 об.).

Апеллируя и к географической близости, и к сохранившемуся расположению к России внутри страны, он подводит читателя к мысли о том, что первым шагом должно стать «образование в России большой компании под названием Восточно-Азиатской с целью эксплуатации природных богатств Кореи и Восточной Азии» с детальным изложением состава учредителей, органов управления, механизмов правительственного контроля и гарантий равного удаления министерств, чьи интересы она может затронуть, от принятия решений ее руководством (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 4). Далее следовал пространный перечень рекомендаций по тому, кто и в какой мере должен быть допущен к процессу управления и распределения ресурсов и рекомендации относительно необходимости адекватного отношения к корейскому правительству, «которое в этом направлении, теперь крайне стесненное в средствах, отдаст львиную часть своих доходов предпринимателям» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 4 об.). И затем записка вновь приобретает имперский тон, обрисовывающий общий итог предприятия в виде получения «не только имущественных прав, но прав на влияние и руководство в стране». Заканчивается записка почти гимном будущей компании и всей политике в этой части региона: «Труден только первый шаг, а затем Русские люди пойдут охотно по проторенной дороге и сами охотно понесут свои капиталы и свои труды на достижение намеченных компанией целей» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 506.).

Содержание исследуемого документа позволяет предположить, что его автор неплохо был знаком с ситуацией внутри страны, однако слабо представлял международную обстановку относительно Корейского государства и тот факт, что в его отношении имелось почти два десятка международных договоров, 6 из которых были с участием России и весьма четко определяли и положение Кореи на международной арене, и пределы участия в ее жизни третьих стран. К тому же в текст очень подробно вплетены предложения о создании так или иначе коммерческого предприятия (хоть бы и с предложением придать ему «официозный» статус). Это наталкивает на мысль о том, что

именно эта затея и главенствовала при составлении записки, и все зависело от того, сработают прочие аргументы или нет. И они сработали. Заинтересованность императора «корейским проектом» активизировала работу всей команды, о чем речь пойдет в части анализа документов за авторством А.М. Безобразова. Следующие полтора года именно его рукой составлялось большинство документов, из которых император получал основную часть информации о «корейском проекте».

В.М. Вонлярлярский в качестве источника информации проявляется лишь 2 августа 1899 г. с запиской (под №№ 87, 88 и 89 в Деле, но отсутствующей в числе собранных им документов) о представлении членов экспедиции по исследованию Северной Кореи с очерком всей деятельности (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 58об.-59). Помимо полученных сведений об исследуемой территории, записка ценна тем, что содержит информацию о том, что «население Северной Кореи симпатизирует русским и ждет их прихода, а также, что японцы еще туда не проникли» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 59). Таким образом, имперские амбиции подпитывались миссионерской составляющей о необходимости избавления корейского населения от японской угрозы. И после этого Владимир Михайлович исходит из орбиты «корейского проекта» ввиду его заморозки и возвращается в него лишь в 1903 г.

12 февраля 1903 г. на имя императора он направляет письмо (под № 166 в Деле, но отсутствующее в числе собранных им документов) с просьбой о разрешении лично представить доклад о Маньчжурском горнопромышленном товариществе, однако получает отказ в этом и распоряжение представить информацию письменно, «что и было сделано в краткой записке» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 91), датированной тем же числом. Забегая вперед, отметим, что данное Товарищество было делом рук их противника С.Ю. Витте с целью не допустить в регион конкурентов в лице Восточно-Азиатской промышленной компании. Поэтому тон записки – соответствующий. Ни планов, направлений или проектов, ни отчетов по ним записка не содержит, составлена сухим языком бюрократа и, в отличие от документов, исходящих в этот же период от А.М. Безобразова, о чем речь пойдет ниже, не содержит умозаключений и предположений, однако имеет легкий выпад в адрес министра финансов или его приближенных: «...Министр Финансов изъявил готовность сообщить мне те мероприятия, которые были им приняты для захвата возможно большего количества концессии в Маньчжурии и предложил передать их мне для оборудования при помощи иностранных капиталов» и далее «... для этой цели весной минувшего 1902 г. было образовано Министерством Финансов фиктивное Горнопромышленное Товарищество из следующих лиц...» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 42). Акцентируется внимание на расходовании товариществом не частных, а государственных средств: «Означенное Товарищество черпало необходимые денежные средства непосредственно из Государственного банка, Русско-Китайский банк в денежных выдачах или ссудах не участвовал...» и далее «На средства Товарищества, или иначе, на средства Государственная банка...» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 42) с описанием происходивших процессов. В-третьих, разыгрывается русофильская карта: «Политический результат деятельности Товарищества мог быть только отрицательный, ввиду участия Ротштейна, за которым стоит Ротшильд. Товарищество явилось на казенные деньги лишь неудачным конкурентом той организации, которая имеет счастье работать уже 6-й год под непосредственным руководством Вашего Императорского Величества». (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 42об.). В заключении Владимир Михайлович признается, что в своих переговорах не был в достаточной мере откровенным с С.Ю. Витте относительно своего проекта, «... дабы он не воспользовался им и снова при содействии Ротштейна не испортил моей идеи, подобно тому, как он сделал с образованием Горнопромышленного Товарищества в противовес идеи образования Восточно-Азиатской промышленной компании» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 43).

И наконец, пятый документ – это справка, подготовленная Владимиром Михайловичем на себя в третьем лице и датированная 31 мая 1903 г. Объемный документ на 4 листах нам интересен в части характеристики «корейского проекта», которому уделено не очень большое внимание по сравнению с организованным им в 1902 г. «Северо-Восточным Сибирским Обществом», о котором обмолвимся ниже. Обозначая свою роль как «крупного деятеля по образованию большой русской Компании, по образцу английских Chartered Co, для мирного завоевания Кореи» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 44), он упоминает об экспедиции в эту страну и приобретении на средства Кабинета Его Императорского Величества лесной концессии Ю.И. Бриннера. Позиция министра Императорского двора В.Б. Фредерикса по поводу участия Кабинета будет отражена ниже. Далее В.М. Вонлярлярский констатирует провал создания Компании и свой выход из дела в 1899 г., на чем повествование относительно предмета нашего исследования прекращается.

В целом же роль Владимира Михайловича можно констатировать, во-первых, как здравомыслящего и объективного человека, видящего собственную выгоду и не прикрывающегося при этом напускным патриотизмом и заботой о государственных интересах. Об этом же пишет, правда в более язвительном ключе, и С.Ю. Витте: «Некоторые же, из-за узконациональной точки зрения, были не особенно склонны к притоку иностранных капиталов в Россию и только тогда оказывали этому содействие, когда лично, в той или другой форме, были заинтересованы в создании этого или другого завода или в той или другой эксплуатации наших натуральных богатств. Эта заинтересованность большею частью выражалась в том, что эти господа получали места в правлениях

частных обществ или получали выгоду в других формах», далее следовал краткий рассказ о «Чукотском деле» В.М. Вонлярлярского и вывод о том, что он «как истинно-русский человек, который должен разрабатывать национальные богатства руками русских людей и посредством русских капиталов, получил, в конце концов, по желанию его величества, концессию на разработку золотых приисков на Чукотском полуострове. Через несколько месяцев после того, как эта концессия была дана Вонлярлярскому, он ее продал иностранцам, получив таким образом в свой карман совершенно незаслуженную прибыль» (Витте, 1924: 206).

Во-вторых, его роль можно характеризовать как роль идеолога, основательно и аргументированно подошедшего к своей задаче, результатом которой стало высочайшее одобрение идеи и последующие события, описанные в характеристике документов А.М. Безобразова. Ему удалось сформировать положительное мнение императора о «корейском проекте», а уже реализация была возложена на других людей, которые эту задачу провалили. Вместе с тем нельзя не отметить его манипуляторных способностей, в частности при выработке термина «мирное завоевание»: рассудительный Владимир Михайлович прекрасно понимал, что подобное воплотить в действительности невозможно и даже при наличии достаточного количества экономических и политических рычагов японцы будут готовы перейти к более радикальным действиям, поэтому и России, ввязываясь в проекты в данном направлении, необходимо было уделять значительное внимание военной стороне вопроса. Однако этот аспект В.М. Вонлярлярский, будучи сам военным человеком, вниманием обошел.

Отношение А.М. Безобразова к происходящему и позиции, доносимые до императора, а значит и аргументы влияния на него, позволяют узнать 14 документов, которые упоминаются в Деле № 100. Само дело хранит 11 из них, 3 записки упоминаются, но отсутствуют. Так, первая из них, фигурирующая в «Историческом очерке», составленном В.М. Вонлярлярским (под № 13 и 14 в Деле № 100, дата неизвестна, отсутствующая в числе собранных им документов) (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 52), содержала принципиальные соображения Александра Михайловича о планируемом предприятии, которые были доложены императору 28 февраля 1898 г. графом И.И. Воронцовым-Дашковым на основе записки В.М. Вонлярлярского. В ней Александр Михайлович Безобразов высказывал соображения относительно возможности заключения соглашения с американцами и другими иностранными капиталистами «на частной коммерческой почве», по поводу чего великий князь Александр Михайлович, ставший в качестве доверенного лица императора на первых порах во главе предприятия, представил 30 мая 1898 г. собственную записку. В ней, по словам В.М. Вонлярлярского, «указывалось на невозможность пользоваться услугами банковских элементов (т.е. Ротштейна) для создания «реальных» русских интересов на Дальнем Востоке и на необходимость создания для активной деятельности другой организации, более надежной и отнюдь не интернациональной» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 54). Далее А.М. Безобразов высказывал предложения о предоставлении Японии «некоторых материальных выгод в Корее», которые бы дали возможность избежать с ней военного столкновения. Сам же граф от себя добавлял, что существование концессии Ю.И. Бриннера давало возможность высылки экспедиций «под прикрытием», которые, демонстрируя лишь частный интерес, могли бы собирать и предоставлять необходимую стратегическую информацию.

Информация В.М. Вонлярлярского и аргументы А.М. Безобразова, лично имевшего доступ к императору, оказались настолько убедительными, что Николай II «признал государственную важность затронутого вопроса» и, мотивируя это тем, что поскольку предприятие преследует государственные цели, то «было бы неправильно заставлять частных лиц тратить свои деньги на эту экспедицию» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 52), исходя из чего отдал распоряжение обсудить выделение на нее денежных средств с министром императорского двора, должность которого занимал В.Б. Фредерикс, с последующим представлением нового доклада.

Таким образом, первый из безобразовских документов Дела № 100 очертил контуры имперских амбиций одного из главных действующих лиц «корейского проекта». Контуры же эти были весьма своеобразными: безусловно, они вписывались в общую концепцию имперского мышления о расширении сферы своего влияния; безусловно, они имели государственный (а не частный) характер и государственное участие; однако специфичности добавляла убежденность в мирном характере и исходе дела, вера в то, что [японскую] державу [читай – империю-контрагента/конкурента] можно было бы «вывести из игры» материальными преференциями (а мы помним, что империя во многом потому и империя, что цель для нее не всегда или в большинстве случаев не оправдывает средства), а также готовности [на первых порах] делиться выгодами с иностранными партнерами. Подобное же видение, как мы убедимся ниже, демонстрировали и другие участники т.н. «безобразовской клики».

Спустя два месяца, 30 апреля 1898 г., императору была представлена вторая записка (№ 16 в Деле № 100), касающаяся в основе своей юридической стороны вопроса. Составленная из 8 пунктов, первым из них записка констатирует существование в Корейском государстве обычного права, «на основании которого в стране частной собственности нет и все принадлежит Королю или Императору Кореи». Это своеобразие существенно облегчало доступ иностранцев к природным

богатствам страны, поскольку не предполагала сложных юридических процедур, о чем и говорил пункт 2 записки: «Пользуясь этой особенностью Страны, частная предприимчивость иностранных капиталов захватывает постепенно в виде концессий естественные богатства страны и имеет возможность владеть этою собственностью на вполне обоснованном юридическом праве». Пункт 6 излагается в имперском ключе и разъясняет экономические, геополитические и военные преференции «корейского проекта». Удобное расположение корейских и наших дальневосточных лесов, с одной стороны, гарантирует спрос на него со стороны иностранного капитала, а с другой – завладение Кореей предоставляло возможность «лишить строевого материала все неблагонадежное для наших государственных целей – неприятеля» и далее «..под Флагом этого чисто торгового предприятия свободно могут быть произведены все военные работы по исследованию местности, устройству сообщений, продовольственных организаций, опорных пунктов и, наконец, может быть выдвинут вперед наш боевой авангард, переодетый в платье лесных рабочих, стражников и вообще служащих по лесному делу, где площадь больше 5000 кв. верст. Число этих служащих может свободно дойти до 20 и более тысяч человек ввиду тех таксационных работ, которые по концессии обязательны. Эти силы можно растянуть в любом направлении по всей Северной Корее» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 6 об.), а пункт 7 гарантировал анонимность участия императора в задуманном предприятии (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 7). Таким образом, «мирное завоевание» Кореи предполагало существенное увеличение русского военного контингента в регионе в нарушение положений русско-японского (Сеульского) меморандума (более известного как Меморандум Вебера–Комуры), подписанного 14 (по ст. ст. 2) мая 1896 г. (Гримм, 1927: 106-107), по условиям которого численность военных как с японской, так и с российской стороны не могла превышать полутысячи человек.

Третья записка от 13 июня 1898 г. (под № 37 в Деле № 100, но также отсутствующая в числе собранных В.М. Вонлярлярским документов) и предлагала усиление экспедиционной группы четырьмя людьми (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 54 об.), что было связано с намерением прокладки железнодорожной ветки на полуостров, то есть с расширением имперского пространства, поэтому она и присутствует в нашем исследовании.

Следующий, четвертый документ, датированный 22 июля 1898 г. и доложенный 25 июля того же года, представляет собой подробный геополитический военно-тактический план-аргументацию с перечислением проектов транспортно-логистических сетей, географических объектов, локаций и их преимущества, тех или иных шагов для решения определенных, прежде всего – военных, далее – политических и экономических задач и т.п. (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 54 об.). Текст преисполнен имперской риторики, и уже в первом пункте (из шести) важность происходящих событий обуславливается обеспечением «самоустойчивости государства», а следующим пунктом разъясняется, что «наша будущая естественная гегемония в Азии и спокойное ею обладание зависит от занятых нами государственных стратегических позиций», уязвимость которых наиболее болезненно ощутимой окажется на тихоокеанском направлении, тогда как «владея этим [Корейским] полуостровом и спорными пунктами на его флангах, Владивостоком и Порт-Артуром, мы занимаем центральное и командующее положение относительно Японии и всего северного Китая» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 15-15 об.). В конце документа автор характеризует представленную программу «естественным путем, по которому ведет Россию Провидение для того, чтобы она могла исполнить свое призвание и быть державою мирового посредничества» и далее «практический вывод из всего вышесказанного есть следующий»: 1) России нужна Корея; 2) на реализацию плана нужны деньги для постройки транспортных путей; 3) деньги можно получить из международных источников (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 170б.). Таким образом, документ, пестрящий повторами и сумятицей, представлял собой и не инструкцию (или ее изложение), и не программу, а, за отсутствием в окружении императора в момент его передачи великого князя Александра Михайловича и И.И. Воронцова-Дашкова в качестве «рационального звена» проекта, еще один инструмент убеждения Николая II в правильности выбранного внешнеполитического курса на Дальнем Востоке. И, несмотря на высказанный в первой записке от 28 февраля 1898 г. «мирный характер завоевания Кореи», данная записка от 22 июля 1898 г. явно изобиловала военными механизмами и подспудно допускала использование концессии Ю.И. Бриннера в не совсем-таки мирных целях.

В пятой записке (под № 76 в Деле № 100, отсутствующей в числе собранных В.М. Вонлярлярским документов), представленной императору А.М. Безобразовым с подачи В.М. Вонлярлярского в марте 1899 г., содержалась идея выделения в структуре Добровольного флота отдельного самостоятельного подразделения во главе с великим князем Александром Михайловичем в виде особого коммерческого отдела, под чьим покровительством предполагалось вести работу и осуществлять деятельность Восточно-Азиатской промышленной компании. Аргументацией подобного решения служило убеждение В.М. Вонлярлярского в различии государственных и частных интересов и невозможности «заставить частных людей работать на пользу Правительства и в ущерб иногда себе» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 570б.). Данный документ является во многом определяющим судьбу «корейского проекта», поскольку на обозначенную в нем просьбу, при участии генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича, был получен однозначный отказ, в результате чего И.И. Воронцов-Дашков и А.М. Безобразов временно отошли от дел, великий князь

Александр Михайлович также высказал желание выйти из него, а В.М. Вонлярлярскому было поручено составить окончательный доклад и закончить дело (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 58), чем завершался первый этап «корейского проекта» и образовывался перерыв сроком в два года, в течение которого А.М. Безобразов и его окружение пытались создать Восточно-Азиатскую промышленную компанию, затем снабдить ее статусными учредителями, когда это не вышло, найти состоятельных партнеров, когда и это не вышло, снова выйти на императора и его волей активизировать процесс.

В промежутке между первым и вторым этапами активной деятельности по созданию в отношении «корейского проекта» единой централизованной структуры шла «кабинетная борьба», яркой иллюстрацией которой являются два документа – записка министра Императорского двора В.Б. Фредерикса и письмо его предшественника на этом посту – И.И. Воронцова-Дашкова. Первый документ явился ответом на предложение А.М. Безобразова по «денежному участию Кабинета Его Величества» (в лице министерства Императорского двора) в деятельности Восточно-Азиатской промышленной компании. Очевидно, не вникая в детали и подробности, Николай «соизволил одобрить предположение Безобразова образовать подобные образом Восточно-Азиатскую промышленную компанию, причем повелено было переговорить с Министрами Финансов, Иностранных Дел и Императорского Двора и поставить их в известность, «что выгоды Кабинета желательно ограничить законным процентом на действительно затраченный капитал, всю же остальную денежную пользу употребить на нужды отдаленной окраины, в деле народного образования, постройки православных храмов» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 75-76). Записку можно условно разделить на экономическую и политическую части, в каждой из которых министр высказывает опасения относительно целесообразности участия возглавляемой им структуры в проекте.

Первый же абзац записки демонстрирует ту рациональность, с которой Владимир Борисович подходил к делу, в связи с чем следует воспроизвести этот абзац полностью: «В предположениях об образовании товарищества на паях «Восточно-Азиатская Промышленная Компания», учредители говорят о необходимости предоставить Кабинету Его Величества доминирующее значение (в тексте записки подчеркнуты последние четыре слова) в названном предприятии. При этом не указано, должна ли преобладающая роль Кабинета выражаться в затрате капитала (подчеркнуты два слова) или же, ввиду, быть может, признаваемого государственного значения предприятия, оно должно находиться под руководством Правительственного органа (подчеркнуты четыре слова), близко стоящего к Верховной Власти» с высказыванием сомнений относительно рентабельности предприятия, а «Экспедиция 1898 года, снаряженная для всестороннего уяснения дела и стоившая Кабинету 250 т. руб., дала лишь скудные сведения и никаких точных исследований, на которых возможно было бы обосновываться в решениях» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 230б.). Практическая же роль Кабинета такова, что, поскольку этот государственный орган был призван решать другие задачи и не имел соответствующих уровню компетенции должностных лиц в своем штате для осуществления управления или какой бы то ни было координации им, то, как иронично подмечает барон, «роль Кабинета Его Величества низводится до степени исполнительного органа учреждаемого товарищества, когда по ходу дел потребуются денежные содействие Кабинета», и далее следует, по нашему мнению, шедевр министерской риторики: «Переходя к предположению о зачислении за Кабинетом Его Величества безденежных паев (подчеркнуты два слова), необходимо иметь в виду, что этот способ участия Кабинета в предприятии представляется совершенно несоответствующим положению и достоинству Кабинета и не может даже считаться допустимым по закону. Материальное участие Кабинета уже определилось произведением расходов в 250 т. руб., что равняется пятидесяти паям учреждаемого товарищества. Выдача же даровой премии в 250 т. руб. или фиктивных паев на ту же сумму, представляясь совершенно неприемлемою в нравственном порядке, вместе с тем уменьшает на ту же сумму капитал товарищества, и без того далеко несоразмерный с обширностью задач, принимаемых на себя товариществом.

Что касается предоставлению Кабинета Его Величества еще 100 паев для размещения по своему усмотрению или для сохранения за собою (подчеркнуты двенадцать слов), то Кабинет, не имея в виду лиц, которых он мог бы привлечь к участию в этом деле, и не имея права пользоваться своим высоким в ряду Государственных учреждений положением для размещения паев в публике, будет поставлен в необходимость сохранить и эти паи за собою, что равносильно новой затрате капитала в 500 т. руб.

Если учредители желают укрепить за Правительством руководящее начало в предприятии, то казалось бы наиболее Надежным привлечь к этому Министерство Финансов (подчеркнуто название), которое обладает многочисленными средствами как для обеспечения материального успеха дела, путем приискания безусловно благонадежных капиталистов, так и для необходимого надзора и руководства, и вместе с тем, конечно, может испрашивать и получать указания относительно государственных задач предприятия» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 23 об.).

И в заключение следует резюмировать о том, что участие Кабинета нецелесообразно и по политическим мотивам, поскольку сохранить это в тайне не получится, а пресса, прежде всего зарубежная, воспользуется этим для нагнетания слухов, что только навредит делу.

На этот документ имеется письмо И.И. Воронцова-Дашкова от 4 июня 1900 г., в котором он уверяет Николая II в безопасности намеченного предприятия: «Фредериксу пугаться нечего. Капитал должен быть возвращен из первых прибылей, последующие могли бы идти, согласно резолюции Вашего Величества» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 25), представляя ситуацию так, как будто бы возврат вложенных средств был гарантирован сам собой. Да и на политическую составляющую Илларион Иванович не обращал или не хотел обращать внимания, продолжая оказывать легкое убеждение в необходимости создания общества: «От решения Вашего Величества зависит формирование Общества» и далее следует преисполненная раболепства теза о том, что участники «корейского проекта» «идут в дело идейно, чтобы сослужить службу Вам и России; ежели нам не будет ясно, что мы работаем для Вас и под Вашим покровительством, то, вероятно, большинство от дела откажется, не желая, потеряв свое знамя, отдать время и труд на увеличение средств X-а, Z-а или Y-а при могущих измениться взглядах Г.Г. Министров» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 25). Очевидно, без покровительства императора и при вероятности обогащения на задуманном посторонних лиц патриотизм и интересы страны не работали и их защита утрачивала актуальность. Как известно, ни аргументы, ни подобные манипуляции результата не дали и Компания на исследуемый период времени создана не была.

В очередную активную фазу конкретных предложений и действий «корейский проект» перешел в 1901 г. Так, шестая записка А.М. Безобразова (под № 129 в Деле № 100, отсутствующая в числе собранных В.М. Вонлярлярским документов), датированная 17 апреля 1901 г., имела целью организацию совместной работы с министром финансов по «выполнению тех государственных задач, которые на нее надлежало возложить» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 83). Имперские амбиции Александра Михайловича предполагали решении двух задач, первой из которых было заручиться поддержкой той государственной структуры, которая в целом обеспечивала присутствие в Восточной Азии, фактически управляя т.н. «восточным проектом»: контроль над Русско-Китайским банком, КВЖД и сопутствующими структурами. Второй задачей было склонить на свою сторону самого влиятельного государственного деятеля империи – С.Ю. Витте, ярого противника А.М. Безобразова и его окружения. На записку был дан положительный ответ императора, в результате чего участники «корейского проекта» посчитали возможным (как оказалось – преждевременно) совместную работу с министром финансов, однако различие видения внешней политики на Дальнем Востоке сделало вопрос совместной деятельности невозможным.

А далее Александр Михайлович шагнул еще шире, и спустя неделю, 24 апреля 1901 г., на имя Николая II было подано письмо с приложением Схемы проекта для урегулирования т.н. «маньчжурского вопроса». Пикантности ситуации придавал тот факт, что процесс происходил на фоне выработки Заключительного протокола, подписанного 7 сентября 1901 года между Китаем и 11 державами и определяющего позиции держав и в Китае, и в регионе после подавления восстания ихэтуаней. Проект состоял из семи пунктов. Так, пункт 1 был призван закрепить за Маньчжурией статус «зарубежного края, находящегося в исключительном положении как относительно нас, так и относительно Китайской Империи». Данная и следующие формулировки напоминали те, которые присутствовали в Конвенции о Ляодунском полуострове, подписанной в Пекине 15 марта 1898 г. (*Сборник договоров, 1952: 309*) и во «Временном Положении об управлении Квантунской областью» от 16 августа 1899 г. (*Полное собрание законов, 1902: 948-960*), сформировавшие правовую основу системы гражданского управления территорией (*Дацышен, 2014: 271*) и выстраивающие универсальную систему управления восточными окраинами (*Казанцев, Салогуб, 2012: 133*), которую и воспроизводил пункт 3 проекта Схемы (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 32-32 об.). Предложенная А.М. Безобразовым схема могла служить «разменной монетой» в большом «восточном проекте»: С.Ю. Витте и его ведомство получали контроль не только над полосой отчуждения КВЖД, но и фактически над всей Маньчжурией с соответствующими статусами и полномочиями, аналогичными статусу и полномочию Е.И. Алексеева, а А.М. Безобразов и его сторонники – поддержку Министерства финансов и относительную свободу действий. Следующие документы вселяли надежду на возможность эффективного взаимодействия.

Так, 17 июня 1901 г. А.М. Безобразов представил Николаю II доклад о переговорах его с министрами финансов и государственных имуществ и его результатах. Первым абзацем автор сообщает о предполагаемом рассмотрении Комитетом министров Устава Восточно-Азиатской промышленной компании. Далее, приняв характер изложения личных впечатлений, доклад тем не менее содержит ряд интересных положений. Так, в третьем абзаце при изложении беседы с министром государственных имуществ А.С. Ермоловым речь шла о государственном (паевом) участии в деятельности Восточно-Азиатской компании в Корее и влиянии его на российские интересы в Маньчжурии. Любопытной выглядит фраза, касающаяся финансовой стороны проекта: «Вообще, безденежное оборудование денежного дела, опираясь на штыки и наш престиж победителя, я старался противопоставить тем рутинным нашим приемам, когда наши победы служили только поводом для экономических поражений» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 33). В данном случае А.М. Безобразов, судя по всему, пытался убедить собеседника (или использовать данный прием для убеждения императора, что более вероятно) в том, что «корейский проект», кроме экономических,

не несет в себе военных рисков и угроз. Это было особенно важно в связи с позицией императора, изложенной выше.

Девятый и десятый документы представляют собой датированные 24 июня 1901 г. «Проект высочайшего повеления на имя г. министра земледелия и государственных имуществ» и поясняющее его суть письмо. Для большего понимания ситуации сначала необходимо ознакомиться с содержанием проекта повеления, а затем – с его комментарием. Трехстраничный документ начинался с восторженной апелляции к памяти Александра III и его политики в отношении Дальнего Востока – региона, который нуждался «в мирном развитии промышленных и торговых выгод России и в их разумном и справедливом согласовании с интересами наших соседей и других культурных народов», и далее следовало подтверждение миролюбивой политики действующего императора: «Таковы же мысли и чувства составляют основу и Наши радетельных помышлений о мероприятиях, полезных для этой отдаленной окраины русской земли, которой долженствует стоять на высоте современных условий международной, промышленной жизни» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 36). Таким образом, геополитическое положение русского Дальнего Востока объективными обстоятельствами было вынуждено стремиться к своему экономическому развитию и вплетению в систему международных отношений в Восточной Азии.

Второй строкой предполагалось установить в отношении шести российских подданных монопольные права на осуществление разведки и добычи «всех без исключения полезных ископаемых, эксплуатации лесов, рыбных и других морских промыслов во всей Приморской области с островами и на о. Сахалин с предоставлением означенным лицам означенной Компании пользования сказанными правами на особо льготных условиях, подробную разработку коих, для последующего представления на Мое утверждение, возложить на Министра Земледелия и Государственных Имуществ» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 36). К числу таковых относились участники т.н. «безобразовской клики» – И.И. Воронцов-Дашков, В.М. Вонлярлярский, А.М. Абаза, а также, для усиления позиций Восточно-Азиатской промышленной компании, чьими учредителями объявлялись и первые, и вторые, будущий убийца Г.Е. Распутин князь Ф.Ф. Юсупов, граф Сумароков-Эльстон, обер-церемониймейстер при императрице Александре Федоровне и отец расстрелянной в Перми фрейлины А.В. Гендриковой граф В.А. Гендриков, а также «шталмистер Двора Его Императорского Величества полковник Лейб-Гвардии Кавалергардского Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка» М.А. Серебряков, состоявший при великом князе Владимире Александровиче, отце будущего самоназванного в эмиграции российского императора Кирилла I. Столь высокие чины должны были вознести статус создаваемой компании на недостижимую для министров финансов высоту. Забегая вперед, скажем, что усилиями С.Ю. Витте ни одна из этих персон в число учредителей не вошла (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 84).

Переходя к самому письму, отметим, что оно имеет жесткий и весьма откровенный характер как в отношении намеченного дела, так и в отношении самого С.Ю. Витте: имеет место обвинение Сергея Юльевича в исключении «первоначально намеченных учредителей для лишения начинающегося дела даже имен известных и кредитных и обращения его в полный аноним. Этот прием мог отнять у меня возможность образовать лично серьезное общество, так как по существу моей главной поддержки я обязан молчать. Тогда являлась возможность или обезличить дело окончательно, или его лишить должного делового интереса» с предложением радикальных мер: «Этот план нужно в корне разрушить приемом неожиданным и корректным, иначе дело вынуждено остановиться вперед до того времени, когда у нас будет новый Министр Финансов. Это мое глубокое убеждение» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 34). И уже затем следует аргументация по консолидации ресурсов [а-г]), управлять которыми и призвана создаваемая Компания.

Помимо сетования на «хищнически спекулятивный характер» концессионеров и биржевиков, их «вред государству и народу» [а]) и безответственность «за неправильно направленные концессионные дела», следует предложение возложить эту ответственность на «сотню-другую состоятельных и именитых людей, серьезно выбранных и вразумленных», имея под этим собирательным образом, скорее всего, себя и своих сторонников и противопоставляя их «ординарному Министру и сотне-другой чиновников его ведомства» [б]) (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 34 об.), что фактически звучало как обвинение одного из влиятельнейших людей империи и его окружения в ограниченности и посредственности.

И, наконец, следовал безапелляционно работающий в отношении императора аргумент мирного характера предпринимаемой кампании, к которому, как мы могли видеть из предыдущих документов и увидим из текста последующих, А.М. Безобразов и его сторонники прибегали регулярно. При этом пункт г) содержал еще один прием, успешность которого оказалась проверена временем и который и по сей день «включается» всякий раз, когда заканчиваются рациональные аргументы – это «образ врага»: «В политическом же отношении – это новый шанс для мирного согласования интересов, направленных в такую точку, где в настоящую минуту, скорее всего, можно бояться недоразумений и ожидать искусственно созданную нашими врагами непонятливость: раз с нашей стороны делаются серьезные шаги в торгово-промышленном отношении, то очевидно, что мы

воевать не желаем...» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 340б.). Таким образом А.М. Безобразов, предполагая обеспечить за министром финансов Маньчжурию, отводил своей Компании место фактического владельца не только приграничных с Кореей пространств с потенциальной возможностью влияния на ее политику, но и территории значительной части русского Дальнего Востока с выдворением оттуда конкурентов как из числа иностранцев, так и соотечественников.

Ради справедливости надо отметить, что как раз в это время его главный партнер В.М. Вонлярлярский отказался входить в число учредителей Восточно-Азиатской промышленной компании, однако оказался в числе таковых при создании другой организации под наименованием «Северо-Восточное сибирское общество», председателем правления которого он и стал. Годом ранее, 15 июня 1901 г., на арену выходит английское Общество изысканий в Северо-Восточной Сибири (*Об утверждении...*, 1901: 12), в пользу которого 1 июля 1901 г. состоялся запрет на ведение любой деятельности, связанной с полезными ископаемыми и другими природными богатствами Приморской области, исключая Чукотский полуостров (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 86), что Александр Михайлович воспринял как посягательства конкурентов на собственные интересы, о чем не преминул сообщить императору в одиннадцатом документе – недатированном письме (предположительно – июль того же года), в котором он характеризует ситуацию с английской компанией как «колоссальный подвох, на основании которого разыгрывается огромная биржевая игра, для которой Россия, в лице ее высших правительственных учреждений, дает материал и обстановку» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 37). В довершение всех неприятностей 5 июля 1902 г. (Лукоянов, 2008: 154) с подачи С.Ю. Витте и при участии А.Ю. Ротштейна создается Маньчжурское горнопромышленное товарищество (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 89), также впоследствии ставшее провальным дальневосточным проектом (Романов, 1947: 387-389).

В начале 1902 г. А.М. Безобразов предпринимает очередную попытку реанимации «корейского проекта». 20 января 1902 г. он направляет на имя императора доклад. Двенадцатый из исследуемых документов представлял собой своеобразный план консолидации усилий. Во-первых, предлагалось консолидировать усилия между отечественными и «франко-американскими интересами около большой Кабинетской концессии и эту коалицию противопоставить японскому искательству» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 39). Во-вторых, предлагалось консолидировать усилия по освоению лесных богатств посредством объединения корейских и маньчжурских концессий, «чтобы владеть правом во всем бассейне реки Ялу; это право и деятельность проявляются сперва в устройстве заставы у устья р. Ялу..., а затем уже пойдет естественный рост лесного дела и нашего влияния с устройством полицейской охраны...» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 39). Спустя 10 дней, 31 января 1902 г., императору был представлен Меморандум, в котором в русофильском стиле раскрывались цели создания и формат деятельности Восточно-Азиатской промышленной компании, а также в обличительном тоне давалась оценка роли и значения Русско-Китайского банка. Заявленная цель образования Восточно-Азиатской промышленной компании, дословно – «создание вполне благонадежного русского общества как склад для концессий Дальнего Востока с тем, чтобы эксплуатация этих концессий преимущественно служила для русских государственных и частных интересов, а биржевая их ценность не подвергалась невыгодным колебаниям от временного не соотношения спроса с предложением» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 40) – выглядела слабо, и даже при первом знакомстве становилось понятно, что речь идет о степени влияния и участия, контроля и присутствия. Прямо заявляя о противодействии «со стороны г. Витте», Александр Михайлович начинает «давить на болевые точки» императорского самолюбия и переходит к противопоставлению Компании Русско-Китайскому (в тексте документа – Русско-Корейскому, от руки надпись «Китайский» и знак вопроса) банку. И далее следует череда умозаключений относительно неясности и смешения видов его деятельности, ущербности официального государственного статуса и показной зависимости «в интимно-финансовом же отношении», связи с иностранным капиталом и «основанием предполагать, что мы главным образом этим банком работаем для иностранных интересов», [потенциальной] возможностью «творить массу злоупотреблений, которые никогда нельзя будет вывести на чистую воду», и вывод о том, что «очень желательно – ввести Русско-Китайский банк в его чисто банкирские рамки, предоставив ответственную манипуляцию с концессиями другому частно-официозному обществу с вполне русским и благонадежным персоналом» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 40 об.). Вкупе большинство аргументов строилось на предположениях и сводилось к известным «дуракам и дорогам»: неудовлетворительному управлению на местах, злоупотреблениям, спекуляциям и намекам на казнокрадство, засилью иностранного элемента и прочим исконно русским бедам, актуальным и по сей день, равно как и предлагаемые меры для борьбы с ними.

И, наконец, четырнадцатым документом выступает сопроводительное к Меморандуму письмо А.М. Безобразова Николаю II тем же числом, в котором Александр Михайлович, используя приемы противопоставления, предстает «бессильным» борцом и проигравшей стороной с «всесильным» С.Ю. Витте, используя в отношении министра финансов и его окружения нелицеприятные выражения: «он так ловко пользуется этим оптическим обманом, что никакая борьба невозможна»; «Витте, беспорочно, создал себе доминирующее положение в среде своих коллег на почве служебной

эквilibристики»; открыто высказывая свою неприязнь – «глубоко ненавижу и презираю г. Витте и его систему», выставляя Сергея Юльевича человеком, преследующим личные амбиции, равно как и его окружение (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 100. Л. 41-41 об.). Пораженческий дух и роль жертвы были явно на руку Александру Михайловичу, поскольку параллельно шла работа над консолидацией уже не экономических, а политических ресурсов в форме наместничества, что завершило собой идею Восточно-Азиатской промышленной компании, но открывало новый проект, закончившийся поражением в грядущей войне.

В целом же роль А.М. Безобразова можно характеризовать в качестве тактика, преследующего при этом, скорее, личные, чем государственные выгоды, в отличие от В.М. Вонлярлярского, который никогда не скрывал того, что он – предприниматель и безвыгодные (безденежные) дела ему не интересны. Динамика риторики, как и динамика аргументов, с помощью которых Александр Михайлович пытался сформировать мнение императора Николая II в отношении всего «корейского проекта», равно как и в отношении его составных частей, подтверждают эту позицию. Демонстративен отход от патриотических устремлений, сквозящих в документах до 1899 г., требующих защиты русских интересов на Дальнем Востоке, призывающих к борьбе с врагами государства, и в первую очередь с Японией, побуждающих к формированию коалиций и т.д. Начиная с 1901 г., наблюдается переход к прагматичному выстраиванию «кабинетной игры» и противостоянию с оппонентами в лице тех или иных государственных деятелей, перетекающий в откровенную борьбу за ресурсы и влияние, заканчивающийся мелочностью взглядов и суждений, клеветой и клеветами, также попытками сведения личных счетов. В результате прав был С.Ю. Витте, называя эти действия интригой или «позорно погибшей авантюрой Безобразова и компании» (Витте, 1924: 319), завершившейся присвоением А.М. Безобразову статуса статс-секретаря императора и утверждением наместничества на Дальнем Востоке (Витте, 1924: 195).

5. Заключение

Переходя к выводам, оговоримся, что, на наш взгляд, в доведении ситуации до состояния войны был виноват не только и не столько А.М. Безобразов, сколько общее состояние государственного управления и государственного механизма на начало XX в. как в целом в России, так и в его дальневосточном воплощении – в частности. Вместе с тем не стоит снимать с него и его сторонников ответственность полностью. Безусловно, император принимал решения самостоятельно, однако, как и всякое мнение, оно формировалось при условии не только внутренней убежденности, но и под воздействием его окружения. В результате Николай II получал итоговый информационный продукт в виде тщательно выверенной и зачастую «рафинированной» позиции или ее антитезы, что весьма затрудняло адекватность восприятия действительности в связи с объективным отсутствием альтернативных источников информации. Этим и пользовался А.М. Безобразов, выступая главным «технологом» «корейского проекта». Сочувствующий подвижникам государственного дела и патриотам, царь был вовлечен в «корейский проект» его имперскими амбициями и государственными задачами. Из представленных документов видно, с каким упорством «безобразовцы» «эксплуатировали» национальные интересы, мирный характер своей инициативы, его высоко миссионерскую задачу, бескорыстное служение Родине и прочие возвышенные категории. И лишь между строк читались суммы, проглядывал потенциал экономических и финансовых выгод, стремление к политическому влиянию как в регионе, так и в империи в целом. Именно поэтому представляемая едва ли не как единственно действенный механизм обеспечения наших интересов в Корее Восточно-Азиатская промышленная компания так относительно легко забывается в 1903 г. после раздачи должностей и статусов. А манипуляция сознанием императора, приемы которой, например, обращение к патриотическим чувствам и противопоставление «нашего, русского» «их, иностранному», использовалась и далее, что привело страну к губительной революции 1917 г. и ее кровавым последствиям.

Вместе с тем не стоит переоценивать и степень влияния А.М. Безобразова и его сторонников, поскольку ни у него не получилось полностью реализовать свой план, ни у его противников – «обезвредить» Александра Михайловича и его «дружину» и не допустить до дел Дальнего Востока. Как результат – пострадали национальные интересы страны, которые не всегда были в приоритете в кабинетной борьбе. Исходя из этого, можно предположить, что в выстраивании международных отношений и внешней политики, равно как и в медицине при спасении человеческой жизни, а в юриспруденции – при защите прав и свобод, цель не должна оправдывать средства.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00502 «Институты российского/советского стратегического присутствия в Восточной Азии в XX в.».

Литература

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.

Бан Бен Юль, 2011 – Бан Бен Юль. Национально-освободительное движение Кореи и российский Дальний Восток (1905–1910 гг.) // *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*. № 2 (55). 2011. С. 110–117.

Бирюкова, 2012 – Бирюкова К.В. Начало православия в Корее // *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»*. № 1 (45). 2012. С. 442–446.

БСЭ – Большая советская энциклопедия. В 66 томах / Гл. ред. О. Ю. Шмидт. 1-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1927. Т. V. 1927. Словник: Барыкова – Бессалько. 832 стб.

Витте, 1924 – Витте С.Ю. Воспоминания: Царствование Николая II. 2-е изд. Л.: Гос. изд-во, 1924. Т. 1. 471 с.

Гримм, 1927 – Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925) / Проф. Э.Д. Гримм. М.: Издание Института востоковедения им. Н.Н. Нариманова, 1927. 219 с.

Дацышен, 2014 – Дацышен В.Г. История российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX вв. М.: Директ-Медиа, 2014. 593 с.

Дацышен, 2016 – Дацышен В.Г. Конфликт на КВЖД. Из опыта использования силового давления для разрешения межгосударственных противоречий // *Statum et legem*. № 6. 2016. С. 25–37.

Дацышен, 2018 – Дацышен В.Г. СССР и Маньчжоу-Го: проблемы советского признания квазигосударства // *Statum et legem*. № 10. 2018. С. 38–52.

Закирова, 2016 – Закирова З.А. Насильственное открытие Кореи как причина антияпонизма в Корее / *Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность (Материалы международной научно-практической конференции молодых ученых)*. 2016. С. 63–65.

Казанцев, Салогуб, 2012 – Казанцев В.П., Салогуб Я.Л. Высшие чиновники Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX века (к вопросу о статусе Приамурских военных губернаторов и Главного начальника Квантунской области) // *Вестник Академии права и управления*. № 2. 2012. С. 126–137.

Каталог, 2010 – Каталог документов РГИА по истории Кореи и русско-корейских отношений. Вторая половина XIX – начало XX века. Выпуск 1 / Под ред. Б.Б. Пак. М.: Восточная литература, 2010. 255 с.

Ким, 2013 – Ким П.Г. Истоки христианизации Кореи на рубеже XIX–XX веков // *Преподавание истории в школе*. № 1. 2013. С. 76–78.

Клюйкова, 2019 – Клюйкова Е.А. Образ Кореи в путевом дневнике Н.Г. Гарина-Михайловского «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову» // *Казанская наука*. № 2. 2019. С. 18–21.

Курас, 2015 – Курас Л.В. «Великое Монгольское государство» атамана Семенова: государство, которого не было // *Statum et legem*. № 1 (4). 2015. С. 84–96.

Курас и др., 2018 – Курас Л.В., Кальмина Л.В., Михалев А.В. Капитаны российской восточной политики: рубеж XIX–XX вв. Рук. проекта, отв. ред. Б.В. Базаров / Науч. ред. Л.М. Дамешек. Иркутск: Изд-во «Отгиск», 2018. 112 с.

Курбанов, 2009 – Курбанов С.О. История Кореи с древности до начала XXI в. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2009. 680 с.

Ларченко, 2016 – Ларченко В.Ю. Установление христианства в Корее: религиозные взаимоотношения России и Кореи // *Вестник Международного центра азиатских исследований (Материалы научно-практической конференция «Народы России, Сибири и стран Востока: история и современность»)*: Иркутск, 2016. С. 29–33.

Ли Сун Чул, 2002 – Ли Сун Чул. Социокультурные особенности распространения христианства в Корее. Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии. Кемерово, 2002. 157 с.

Ливен, 2010 – Ливен Д. Империя, история и современный мировой порядок / Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство, журнал «Ab Imperio», 2010. 428 с.

Ливен, 2007 – Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007. 688 с.

Лукоянов, 2008 – Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Нестор-История, 2008. 116 с.

Мюнклер, 2015 – Мюнклер Г. Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США / Герфрид Мюнклер; пер. с нем. Л.В. Ланника // Под ред. Т.А. Граблевской; коммент. и вступ. ст. Л.В. Ланника. М.: Кучково поле, 2015. 400 с.

Об утверждении..., 1901 – Об утверждении условий деятельности в России английского акционерного общества под наименованием «Общество изысканий в Северо-Восточной Сибири», с ограниченной ответственностью // *Горный журнал*. № 7 (июль). 1901. С. 12.

Пешков, 2014 – Пешков И.О. Следы российской Маньчжурии в приграничных городах России и Китая // *Statum et legem*. № 1. 2014. С. 44–57.

Пименов, 2007 – Пименов П.С. Русско-японское соперничество в Корее в конце XIX века и «Протокол Ниси-Розена» // *Альманах современной науки и образования*. № 2. 2007. С. 74–78.

- [Полное собрание законов, 1902](#) – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том XIX. Отделение 1. 1899 г. Государственная типография: СПб, 1902. 1347 с.
- [Романов, 1922](#) – Романов Б.А. Витте и концессия на Ялу. Документальный комментарий к «Воспоминаниям» Витте. В кн. «Сборник статей по русской истории», посвященный С.Ф. Платонову. Пг. 1922. С. 425-459.
- [Романов, 1947](#) – Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895–1907). М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1947. 496 с.
- [Романов, 1928](#) – Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма / Л.: Изд. Восточного института, 1928. 605 с.
- [РГИА](#) – Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 560 (Общая канцелярия министра финансов). Оп. 28. III отделение, 1887–1917 гг. Д. 100.
- [Сборник договоров, 1952](#) – Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / Под ред. Е.А. Адамова // Сост. И.В. Козьменко. М.: Госполитиздат, 1952. 464 с.
- [Фергюсон, 2004](#) – Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии / М.: АСТ: CORPUS, 2013. 560 с.
- [Хардт, Негри, 2004](#) – Хардт М., Негри А. Империя / Пер. с англ., под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. М.: Праксис, 2004. 440 с.
- [Хохлов, 2006](#) – Хохлов А.Н. Журналист-востоковед С.Н. Сыромятников и его материалы о Корее конца XIX – начала XX века // *Восточный архив*. № 14-15. 2006. С. 52-64.
- [Цыбенков, 2017](#) – Цыбенков Б.Д. Дауры на пути к национальной автономии. Очерки истории (1912–1958 гг.) // *Statum et legem*. № 7. 2017. С. 65-76.
- [Цыремпилов, 2015](#) – Цыремпилов Н.В. Конституционная буддийская теократия Лубсан-Самдана Цыденова (1918–1922): основной закон и структура государства // *Statum et legem*. № 1 (4). 2015. С. 61-70.
- [Armstrong et al, 2005](#) – Armstrong Ch.K., Rozman G., Kim S.S., Kotkin St. Korea at the Center: Dynamics of Regionalism in Northeast Asia/ Ch.K. Armstrong, G. Rozman, S.S. Kim, St. Kotkin. London: Routledge Pub., 2005. 344 p.
- [Kowner, 2006](#) – Kowner R. Historical Dictionary of the Russo-Japanese War. Lanham, Maryland, US: Scarecrow Press Pub., 2006. 567 p.
- [Kowner, 2009](#) – Kowner R. The A to Z of the Russo-Japanese War. Lanham, Maryland, US: Scarecrow Press Pub., 2009. 344 p.
- [Kumar, 2017](#) – Kumar K. Visions of Empire: How Five Imperial Regimes Shaped the World. Princeton: Princeton University Press, 2017. 576 p.

References

- [Armstrong et al, 2005](#) – Armstrong Ch.K., Rozman G., Kim S.S., Kotkin St. (2005). Korea at the Center: Dynamics of Regionalism in Northeast Asia. London: Routledge Pub, 344 p.
- [AVPRI](#) – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive of the foreign policy of the Russian Empire]. [in Russian]
- [Ban Ben Yul', 2011](#) – Ban Ben Yul'. (2011). Natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie Korei i rossiiskii Dal'nii Vostok (1905–1910 gg.) [The National Liberation Movement of Korea and the Russian Far East (1905–1910)]. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke*. №2 (55), pp. 110-117. [in Russian]
- [Biryukova, 2012](#) – Biryukova K.V. (2012). Nachalo pravoslaviya v Koree [The beginning of Orthodoxy in Korea]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. № 1 (45), pp. 442-446. [in Russian]
- [BRE](#) – Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya. V 66 tomakh [Great Soviet Encyclopedia. In 66 volumes]. Soviet encyclopedia, T. V, Slovník: Barykova – Bessal'ko. 832 stb. [in Russian]
- [Datsyshen, 2014](#) – Datsyshen V.G. (2014). Istoriya rossiisko-kitaiskikh otnoshenii v kontse XIX – nachale XX vv. [History of Russian-Chinese relations in the late XIX – early XX centuries]. Direkt-Media, pp. 593. [in Russian]
- [Datsyshen, 2016](#) – Datsyshen V.G. (2016). Konflikt na KVZhD. Iz opyta ispol'zovaniya silovogo davleniya dlya razresheniya mezhgosudarstvennykh protivorechii [Conflict on the CER. From the experience of using force pressure to resolve interstate contradictions]. *Statum et legem*. № 6, pp. 25-37. [in Russian]
- [Datsyshen, 2018](#) – Datsyshen V.G. (2018). SSSR i Man'chzhou-Go: problemy sovetskogo priznaniya kvazigosudarstva [USSR and Manzhou-Go: problems of Soviet recognition of a quasi-state]. *Statum et legem*. № 10, pp. 38-52. [in Russian]
- [Fergyuson, 2004](#) – Fergyuson N. (2004). Imperiya: chem sovremenniy mir obyazan Britanii [Empire: what the modern world owes to Britain]. AST: CORPUS, 560 p. [in Russian]
- [Grimm, 1927](#) – Grimm E.D. (1927). Sbornik dogovorov i drugikh dokumentov po istorii mezhdunarodnykh otnoshenii na Dal'nem Vostoke (1842–1925) [Grimm E.D. Collection of treaties and other documents on the history of international relations in the Far East (1842–1925)]. Prof. E.D. Grimm. M.: Izdanie Instituta vostokovedeniya im. N.N. Narimanova, 219 p. [in Russian]

Katalog, 2010 – Katalog dokumentov RGIA po istorii Korei i rusko-koreiskikh otnoshenii. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka. Vypusk 1 [Catalog of documents of the Russian State Property Agency on the History of Korea and Russian-Korean Relations. The second half of the XIX – the beginning of the XX century. Issue 1]. Pod red. B.B. Pak. M.: Vostochnaya literatura, 2010, 255 p. [in Russian]

Kazantsev, Salogub, 2012 – *Kazantsev V.P., Salogub Ya.L.* (2012). Vysshie chinovniki Dal'nego Vostoka vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka (k voprosu o statuse Priamurskikh voennykh gubernatorov i Glavnogo nachal'nika Kvantunskoi oblasti) [Top officials of the Far East in the second half of the XIX – early XX centuries (on the status of the Amur military governors and the Chief of the Kwantung region)]. *Vestnik Akademii prava i upravleniya*. № 28, pp. 126-137. [in Russian]

Khardt, Negri, 2004 – *Khardt M., Negri A.* (2004). Imperiya [Empire]. Praksis, 440 p. [in Russian]

Khokhlov, 2006 – *Khokhlov A.N.* (2006). Zhurnalists-vostokoved S.N. Syromyatnikov i ego materialy o Koree kontsa XX – nachala XX veka [Journalist-orientalist S.N. Syromyatnikov and his materials about Korea at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries]. *Vostochnyi arkhiv*. №14-15, pp. 52-64. [in Russian]

Kim, 2013 – *Kim P.G.* (2013). Istoki khristianizatsii Korei na rubezhe XIX–XX vekov [The origins of Christianization of Korea at the turn of the XIX – XX centuries]. *Prepodavanie istorii v shkole*. № 1, pp. 76-78. [in Russian]

Klyuikova, 2019 – *Klyuikova E.A.* (2019). Obraz Korei v putevom dnevnike N.G. Garina-Mikhailovskogo «Po Koree, Man'chzhurii i Lyaodunskomu poluostrovu» [The image of Korea in the travel diary of N.G. Garina-Mikhailovsky "On Korea, Manchuria and the Liaodong Peninsula"]. *Kazanskaya nauka*, № 2, pp. 18-21. [in Russian]

Kowner, 2006 – *Kowner R.* (2006). Historical Dictionary of the Russo-Japanese War. Lanham, Maryland, US: Scarecrow Press Pub., 567 p.

Kowner, 2009 – *Kowner R.* (2009). The A to Z of the Russo-Japanese War. Lanham, Maryland, US: Scarecrow Press Pub., 344 p.

Kumar, 2017 – *Kumar K.* (2017). Visions of Empire: How Five Imperial Regimes Shaped the World. Princeton: Princeton University Press, 576 p.

Kuras, 2015 – *Kuras L.V.* (2015). «Velikoe Mongol'skoe gosudarstvo» atamana Semenova: gosudarstvo, kotorogo ne bylo [“The Great Mongolian State” by Ataman Semenov: a state that did not exist]. *Statum et legem*. № 1(4), pp. 84-96. [in Russian]

Kuras et al, 2018 – *Kuras L.V., Kal'mina L.V., Mikhalev A.V.* (2018). Kapitany rossiiskoi vostochnoi politiki: rubezh XIX – XX vv. [Captains of Russian Eastern Policy: The Turn of the 19th – 20th Centuries]. «Ottisk», 112 p. [in Russian]

Kurbanov, 2009 – *Kurbanov S.O.* (2009). Istoriya Korei s drevnosti do nachala XXI v. [The history of Korea from antiquity to the beginning of the 21st century]. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pp. 680 [in Russian].

Larchenko, 2016 – *Larchenko V.Yu.* (2016). Ustanovlenie khristianstva v Koree: religioznye vzaimootnosheniya Rossii i Korei [The establishment of Christianity in Korea: religious relations between Russia and Korea]. *Vestnik Mezhdunarodnogo tsentra aziatskikh issledovaniy (Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsiya «Narody Rossii, Sibiri i stran Vostoka: istoriya i sovremennost'»)*, Irkutsk, pp. 29-33. [in Russian]

Li Sun Chul, 2002 – *Li Sun Chul.* (2002). Sotsiokul'turnye osobennosti rasprostraneniya khristianstva v Koree. Dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata kul'turologii [Sociocultural features of the spread of Christianity in Korea. The dissertation for the degree of candidate of cultural science]. Kemerovo, 157 p. [in Russian]

Liven, 2007 – *Liven D.* (2007). Rossiiskaya imperiya i ee vragi s XVI veka do nashikh dnei [The Russian Empire and its enemies from the 16th century to the present]. Evropa, 688 p. [in Russian]

Liven, 2010 – *Liven D.* (2010). Imperiya, istoriya i sovremenniy mirovoi poryadok [Empire, history and modern world order]. M.: Novoe izdatel'stvo, zhurnal «Ab Imperio», 428 p. [in Russian]

Lukoyanov, 2008 – *Lukoyanov I.V.* (2008). «Ne otstat' ot derzhav...» Rossiya na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX vv. [“Keep up with the Powers ...” Russia in the Far East at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. *Nestor-Istoriya*. 116 p. [in Russian]

Myunkler, 2015 – *Myunkler G.* (2015). Imperii. Logika gospodstva nad mirom: ot Drevnego Rima do SSHA [The logic of world domination: from Ancient Rome to the USA]. Kuchkovo pole. 400 p. [in Russian]

Ob utverzhenii..., 1901 – Ob utverzhenii uslovii deyatelnosti v Rossii angliiskogo aktsioner-nogo Obshchestva, pod naimenovaniem: «Obshchestvo izyskanii v Severo-Vostochnoi Sibiri», s ogranichennoyu otvetstvennost'yu [On approval of the conditions for the activities of an English joint-stock company in Russia, under the name: "Society for Surveys in North-Eastern Siberia", with limited liability]. *Gornyi zhurnal*. № 7 (July), 1901. P. 12. [in Russian]

Peshkov, 2014 – *Peshkov I.O.* (2014). Sledy rossiiskoi Man'chzhurii v prigranichnykh gorodakh Rossii i Kitaya [Traces of Russian Manchuria in the Border Cities of Russia and China]. *Statum et legem*. № 1, pp. 44-57. [in Russian]

Pimenov, 2007 – *Pimenov P.S.* (2007). Russko-yaponskoe sopernichestvo v Koree v kontse XIX veka i «Protokol Nisi-Rozena» [Russian-Japanese rivalry in Korea at the end of the 19th century and the “Nishi-Rosen Protocol”]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*. № 2, pp. 74-78. [in Russian]

Polnoe sobranie zakonov, 1902 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie Tret'e. Tom XIX. Otdelenie 1. 1899 g. [Complete collection of laws of the Russian Empire. Assembly Third. Volume XIX. Branch 1. 1899]. Gosudarstvennaya tipografiya: SPb. 1902, pp. 1347. [in Russian]

Romanov, 1922 – *Romanov B.A.* (1922). Vitte i kontsessiya na Yalu. Dokumental'nyi kommentarii k «Vospominaniyam» Vitte. V kn. «Sbornik statei po russkoi istorii», posvyashchennyi S. F. Platonovu [Witte and the concession to Yala. Documentary commentary on Witte's Memoirs. In the book. "Collection of articles on Russian history" dedicated to S. F. Platonov]. Pp. 425-459. [in Russian]

Romanov, 1947 – *Romanov B.A.* (1947). Oчерki diplomaticheskoi istorii russko-yaponskoi voiny (1895–1907) [Essays on the Diplomatic History of the Russo-Japanese War (1895–1907)]. M.-L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 496 p. [in Russian]

Romanov, 1928 – *Romanov B.A.* (1928). Rossiya v Man'chzhurii (1892 -1906). Oчерki po istorii vneshnei politiki samodержaviya v epokhu imperializma [Russia in Manchuria (1892-1906). Essays on the history of the foreign policy of autocracy in the era of imperialism]. Ed. Oriental Institute, 605 p. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. F. 560 (Obshchaya kantselyariya ministra finansov). Op. 28. III otdelenie, 1887-1917 gg. D. 100. [in Russian]

Sbornik dogovorov..., 1952 – Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856–1917 [Collection of treaties of Russia with other states. 1856–1917]. Gospolitizdat, 1952, 464 p. [in Russian]

Tsybenov, 2017 – *Tsybenov B.D.* (2017). Daury na puti k natsional'noi avtonomii. Oчерki istorii (1912-1958 gg.) [Daur on the way to national autonomy. Essays on History (1912-1958)]. *Statum et legem*, № 7, pp. 65-76 [in Russian].

Tsyrempilov, 2015 – *Tsyrempilov N.V.* (2015). Konstitutsionnaya buddiiskaya teokratiya Lubsan-Samdana Tsydenova (1918–1922): osnovnoi zakon i struktura gosudarstva [Constitutional Buddhist theocracy of Lubsan-Samdans Tsydenov (1918–1922): the basic law and state structure]. *Statum et legem*, № 1(4), pp. 61-70. [in Russian]

Vitte, 1924 – *Vitte S.Yu.* (1924). Vospominaniya : Tsarstvovanie Nikolaya II [Memoirs: The reign of Nicholas II]. 2-e izd. L.: Gos. izd-vo. T. 1, 471 p. [in Russian]

Zakirova, 2016 – *Zakirova Z.A.* (2016). Nasil'stvennoe otkrytie Korei kak prichina antiyaponizma v Koree [The violent discovery of Korea as a cause of anti-Japaneseism in Korea]. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: istoriya i sovremennost' (Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh)*. Ulan-Ude, pp. 63-65. [in Russian]

Русские концессии на реке Ялу, 1897–1903 гг.: кто и как формировал мнение Николая II о «корейском векторе» имперской политики на Дальнем Востоке в преддверии Русско-японской войны

Павел Николаевич Дудин ^{a, *}

^a Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основании ранее не опубликованных документов Российского государственного исторического архива, адресованных Николаю II, исследуется процесс изменения мнения императора относительно политики России на Корейском полуострове, которая привела в 1904 г. к войне с Японией. Основной целью статьи явилась историко-политическая характеристика аргументации по обеспечению российских стратегических интересов на Корейском полуострове и в Восточной Азии, представленная Николаю II «безобразовцами» в период между назначением Н.Г. Матюнина первым поверенным в делах с Кореей и созданием наместничества на Дальнем Востоке. Сопутствующей целью явилось введение в научный оборот новых документов, содержащих в себе отражение событий, явившихся поворотными для нашей страны и повлекшими за собой необратимые социальные и политические процессы, приведшие к катастрофе 1917 г. Учитывая скудный багаж научного материала и исследовательских позиций по этому вопросу, а также целый ряд клише, сформированных в советский период в отношении исследуемых событий и персоналий, научная новизна представленной работы заключается в попытке переосмысления аргументов и действий участников «корейского проекта» не в ракурсе придворных интриг и борьбы за влияние, а в свете имперской идеологии и естественной потребности процесса расширения Российской империи на Дальний Восток. Впервые в отечественной историографии приводятся не выжимки из

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dudin2pavel@gmail.com (П.Н. Дудин)

документов, а их части, позволяющие читателю самостоятельно сделать вывод о состоятельности авторского суждения. Особое внимание уделяется аргументам, призывающим к укреплению позиций России в регионе и к механизмам их обеспечения, поскольку по прошествии века данная задача не утратила своей актуальности. В заключении приводятся выводы, отличающиеся от устоявшейся в науке позиции о причинах провала исследуемого проекта и роли каждого из его участников. Основной вывод состоит в том, что Николай II получал зачастую «рафинированную» информацию при активных попытках манипуляции его сознанием и убеждениями, что и привело к изменению его мнения о внешней политике России в этом направлении, но не обеспечило успех задуманного проекта.

Ключевые слова: концессии на реке Ялу, А.М. Безобразов, Николай II, С.Ю. Витте, В.М. Вонлярлярский, империя, Восточная Азия, Дальний Восток, Корея, Япония.

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1359-1366. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1359
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Steamers of the Merchant I.I. Bodalev: the Arguments for the Shipbuilding And His Shipping Company on the Izhevsk Pond

Nicholas W. Mitiukov ^{a, b, c, *}, Svetlana L. Bautina ^d

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^d Kama's Institute of Humanitarian Engineering Technologies, Izhevsk, Russian Federation

Abstract

Available in the registers and ship lists of the early XX century, the indication of the place of construction of some of the steamers “Izhevsk’s Plant”, although noted by some authors, but so far remained without proper comments. Based on the analysis of the office documentation of Izhevsk’s Plants, it was concluded that it is impossible at this enterprise to shipbuilding not reflected in the documentation. In this regard, it was concluded that the existing indications of the construction site of the “Izhevsk’s Plant” do not refer to the “Izhevsk’s Arms and Steel Plants”, but to the settlement – the village of Izhevsk’s Plant. The most likely candidate for the Izhevsk private steamer is the merchant I.I. Bodalev (senior). Earlier, analyzing his activities at the brewery, N.P. Ligenko concluded that Bodalev gradually began to take control of all technological chains, from the production of raw materials to the transportation of finished products. And since at the end of the 19th century, Bodalev also began to actively take contracts for the supply of firewood, other raw materials and components to the Izhevsk’s plants, his failed attempt to monopolize water transport and shipbuilding on the Izhevsk pond seems logical. Izhevsk’s plants entered into a competitive struggle with Bodalev and as a result, by the beginning of the 20th century, ousted him to the Kama. Based on the analysis of photographs, archival documentation and information from periodicals, it was concluded that it is possible to build at least three steamers by Bodalev on the Izhevsk pond: “Izhevsk”, “Maria” and “Pchelka”. A comparative analysis of the ship architecture of the available photographs showed that all the steamers were built according to a standard design, although, judging by the office documentation, they differed in dimensions. All ships had a rather dubious innovation in the form of removable machines and boilers that could be used outside of navigation ashore. Shortly before, or soon after, the death of I.I. Bodalev (senior), two steamers were transported to the Kama and sold. “Pchelka” was owned by the “Izhevsk trade and industrial partnership”, which belonged to the son of I.I. Bodalev – I.I. Bodalev (junior), and in 1915 it was sold to the Izhevsk’s plants. Thus, Izhevsk’s plants became a monopoly of river transportation on the Izhevsk Pond.

Keywords: Izhevsk plants, shipbuilding, merchants, I.I. Bodalev, shipping, Russia, history of technology, history of transport.

1. Введение

Купцы Бодалевы стали одной из крупнейших предпринимательских династий Волго-Камского региона дореволюционного периода. На пике своего успеха несколько представителей этой семьи одновременно вели свой отдельный бизнес. Вероятно, наибольших успехов в нем достиг Иван

* Corresponding author

E-mail addresses: nico02@mail.ru (N.W. Mitiukov)

Иванович Бодалев (старший) (1831–1906). Первоначально основав в поселке Ижевский завод пивомедоваренный завод, он начал постепенно брать под свой контроль все производственные цепочки от производства сырья до транспорта для поставки готовой продукции. А в 1899 г. он даже открыл в поселке свой лесопильный завод (Лигенко, 2015: 33).

Еще одной немаловажной статьей доходов И.И. Бодалева (здесь и далее без особой отметки имеется в виду И.И. Бодалев-старший, упоминание его сына – И.И. Бодалева-младшего – будет отмечаться особо) стали постоянные подряды Ижевских заводов на поставку дров и прочего сырья. Вероятно, так же, как попытка взять под свой контроль одну из производственных цепочек, в поселке Ижевский завод появилось купеческое пароходство И.И. Бодалева. Однако многочисленные исследователи его бизнеса лишь вскользь упоминают, что он занимался водными перевозками, полностью игнорируя его судостроительную деятельность.

Вообще, выявление сфер приложения купеческих капиталов является одной из актуальных проблем отечественной исторической науки. Сложность изучения данного вопроса признавал, например, В.П. Бойко, констатировавший: «Что касается отраслевого состава..., трудно определить достаточно точно, кто чем тогда занимался» (Бойко, 1996: 33). Трудность поиска прямых свидетельств состоит в том, что, как правило, купцы либо совсем не вели делопроизводственной документации, либо вели ее в крайне ограниченном объеме. Бухгалтерская документация также либо не сохранилась, либо имеет крайне эклектичный характер. Конечно, существуют официальные статистические сборники, в которых, выражаясь современными терминами, купцы «декларировали» свои производственные мощности. Но, как правило, в них указывалась лишь основная продукция предприятия, обходя молчанием вспомогательное и разовое производство.

В связи с этим для выявления областей приложения купеческих капиталов, поскольку, кроме них, других свидетельств просто не сохранилось, большое значение приобретают косвенные свидетельства, например личная переписка (Дамешек, Кушнарера, 2016), сведения периодической печати (Комлева, 2018), история строений купцов, семейных преданий и т.д.

Именно путем анализа таких косвенных свидетельств, обобщенных в данной работе, можно сделать вывод, что купец И.И. Бодалев занимался судостроением.

2. Материалы и методы

Основными материалами для данного исследования послужили документы Центрального государственного архива Удмуртской республики (ЦГА УР). К сожалению, специального фонда, посвященного И.И. Бодалеву, там нет, но фрагменты его переписки сохранились в делопроизводственной документации Воткинского (ЦГА УР. Ф. 212) и Ижевских (ЦГА УР. Ф. 4) заводов. Оба упомянутых фонда включают лишь заводскую документацию дореволюционного периода, что не является существенным ограничением, поскольку сын И.И. Бодалева (И.И. Бодалев-младший) фактически свернул свою деятельность «пароходчика» еще в 1915 г.

Второй массив материалов, использованных в работе, составили статистические сборники, изданные Министерством путей сообщения. Наибольшую ценность среди них представляли регистровые книги и списки судов. Но использование этого источника имело существенное ограничение, поскольку в нем упоминаются лишь застрахованные суда. Между тем И.И. Бодалев работал на замкнутой акватории, каковой является Ижевский пруд, и страховка имевшихся там пароходов просто теряла смысл. В связи с этим особое внимание уделялось поиску не новых пароходов, которые внезапно появлялись в списках. Это как раз и могло означать, что их перевезли на Каму, где впервые зарегистрировали и застраховали. И если год первого появления в регистрах сильно разнится с годом постройки, это может свидетельствовать о том, что судно до этого находилось на замкнутой акватории.

Большое значение имело также привлечение информации из немногочисленной периодической печати дореволюционного периода (газеты «Волжский вестник» и «Вятский край»). При всей своей ангажированности и субъективности этих средств массовой информации, а также их явно публицистический характер, они тем не менее позволяют уточнить информацию о пароходстве И.И. Бодалева.

В связи с разрозненностью и некоторой эклектичностью имеющихся фактов, большое значение для их анализа и проведения реконструкции событий, имел гипотетико-дедуктивный метод анализа информации. Он заключался в том, что выдвигались гипотезы о возможной принадлежности имевшихся на Ижевском пруду пароходов и месте их постройки, способные увязать располагаемые разрозненные факты. После их всестороннего анализа осталась наиболее вероятная гипотеза, связавшая имевшиеся суда с именем И.И. Бодалева. Далее велся поиск косвенных фактов, способных подтвердить существование пароходства И.И. Бодалева на Ижевском пруду и его активность в области судостроения.

Большое значение имел также исторический метод, заключающийся в мысленном воссоздании исторического процесса с выделением логических закономерностей его развития. Это позволило

высказать предположение, что судостроение и водный транспорт заинтересовал И.И. Бодалева для того, чтобы замкнуть на себя технологическую цепочку перевозки грузов по подрядам Ижевских заводов.

3. Обсуждение

При анализе деятельности пароходства И.И. Бодалева и его судостроительной активности вполне логичным видится использование литературы о самом купце. Но в работах его ведущих библиографов, например Н.П. Лигенко, об этом ничего не сообщается. Между тем Н.П. Лигенко досконально изучила фонды ЦГА УР, Государственных архивов Кировской и Свердловской областей, Национального музея Удмуртской Республики и других архивов. И, судя по отсутствию в ее работах упоминаний о купеческом пароходстве Бодалева, документов об этом она не обнаружила (Лигенко, 2018).

Обширная краеведческая литература о Бодалева также немногословна относительно его пароходов. Но, среди прочего, она упоминает: *«По Каме ходил специальный пароход Бодалева. Пиво перевозилось и хранилось обязательно лежа. Его транспортировали в специальных сумках-пестерях из плотной бересты. Эту идею Бодалев перенял у удмуртов, хранивших так квас и молоко»* (В Ижевске..., 2015).

Однако факт строительства пароходов на Ижевском заводе отразился в речных регистрах и судовых списках, но до определенного момента ему не придавали значения. Так, еще в 2014 г. это отмечал А.С. Павлов в своей работе «Пароходы Сибири» (Павлов, 2014). Не вдаваясь в подробности, он неверно интерпретировал регистровую запись о месте постройки пароходов «Александр» и «Николай» (Ижевский завод Сарапульского уезда), посчитав, что их соорудили хозяйственным способом в Сарапуле силами Ижевского завода (Павлов, 2014: 29, 36). Он же, вероятно, впервые напечатал одну из двух известных в настоящее время фотографий парохода «Услуга». Несколько ранее, в 2007 г., появилась работа с еще одной фотографией парохода «Услуга» (бывший «Ижевск», «Александр»), но факт постройки судна в Ижевске там никак не комментировался (Клименко, 2007).

В 2015 г. при анализе речных регистров нами, независимо от А.С. Павлова, были обнаружены те же самые пароходы, местом постройки которых значился Ижевский завод (Митюков, 2015). Но нами также ошибочно был интерпретирован факт наличия судостроения на Ижевских сталелитейном и оружейном заводах.

Всего удалось обнаружить указания о постройке как минимум двух судов, которые в 1915 г. перевезли на Обь:

- в 1898 г. построен пароход «Ижевск», впоследствии «Александр», «Ново-Николаевск», «Услуга», № 66;
- в 1902 г. – пароход «Мария», потом переименованный в «Николай».

Регистровые данные о размерениях обоих судов сведены в [Таблицу 1](#).

Наконец, при анализе записей журнала заседаний Хозяйственного комитета Ижевских заводов обнаружилось прямые свидетельства наличия на Ижевском пруду пароходов, построенных купцом И.И. Бодалевым (Mitiukov et al., 2019). И в этом случае получалось, что в регистре под «Ижевским заводом» понималось не промышленное предприятие, в одноименный поселок.

Фонды Ижевских заводов, имеющиеся в ЦГА УР, довольно подробные, хотя и обладают множеством пробелов. Вероятность того, что на казенном предприятии, отчитывавшемся за каждый потраченный рубль, смогли бы организовать не отраженную в документации постройку даже единичного парохода, близка к нулю (Mitiukov et al., 2018). Завод не располагал своими денежными фондами, которые можно было бы на это потратить, он лишь мог имевшиеся расходы записать на один из счетов. Именно так он поступал при приобретении пароходов для своих нужд: сначала шло обоснование необходимости покупки, после чего расходы относились на тот или иной счет. Так, пароход «Шрапнель» приобрели после начала русско-японской войны по программе Главного артиллерийского управления (ГАУ) доведения объема производства шрапнели до 550 тыс. штук в год. А расходы на покупку парохода отнесли на счет ГАУ. Аналогично проводилось оприходование и по внеплановым ремонтам. Например, такие затраты перед навигацией 1906 г. также отнесли на счет ГАУ (Mitiukov et al., 2018).

Строгая бухгалтерия Ижевских заводов, исключая неоприходованную постройку пароходов, зафиксировала приобретение в 1915 г. парохода, не внесенного в речные регистры, а значит, всю карьеру проведенного на Ижевском пруду. Судно купили у Ижевского торгово-промышленного товарищества, принадлежавшего И.И. Бодалева (младшему). Из-за ликвидации пивоваренного завода в поселке ему стал не нужен пароход «Пчелка», имевшийся на Ижевском пруду. А завод как раз искал способ организации подачи воды в баки кирпичного завода, которые обычно наполнялись с помощью пароходных паровых машин. Слабая машина «Пчелки» вполне подходила для этой цели. В результате судно приобрели за 1200 руб., 24 июня 1915 г. осуществив приемку парохода в казну (Mitiukov et al., 2018). Размерения парохода по приемному акту приведены в [Таблице 1](#). Из этого же документа следует, что габариты котла составляли: диаметр 1,04 м (3'5"), длина с топкой 1,90 м (6'3"), поверхность нагрева 1,64 м² (17,7 кв. ф.). Видно, что котел относительно небольшой и, вероятно, мог быть легко демонтирован для установки на берегу. Относительно паровой машины тот же документ указывает, что она одноцилиндровая (sic!) с диаметром

единственного цилиндра 152 мм (6"), совпадающим с ходом поршня, что также делало ее удобным и простым для демонтажа (Mitiukov et al., 2018).

4. Результаты

Ижевское торгово-промышленное общество, которому принадлежала «Пчелка», это предприятие И.И. Бодалева (младшего), отец которого И.И. Бодалев (старший) был также первым владельцем парохода «Ижевск», что вряд ли является случайным совпадением. Из приведенных размерений «Пчелки» видно, что это довольно крупный пароход, совсем немного уступающий габаритами заводскому пароходу «Иж». Но история доставки «Ижа» из Гольяны в Ижевск достаточно широко освещалась в периодике и документах того времени как довольно трудоемкая и уникальная операция. Она даже попала на страницы художественной литературы (Новиков, 1998: 31-32). Для транспортировки были построены специальные железные сани, которые потом также успешно применялись для доставки более крупного парохода «Шрапнель». Однако какой-либо информации, что подобным образом тащили «Пчелку» с Камы в поселок Ижевский завод, обнаружить пока не удалось. Зато имеется газетная публикация, что И.И. Бодалев транспортировал свой пароход обратно: из поселка на Каму в Гольяны (Вятский край). Из анализа текста заметки понятно, что это произошло 6 (19) декабря 1897 г. (Митюков, Баутина, 2019). Все это наводит на мысль, что пароходы строились И.И. Бодалевым хозяйственным способом прямо на Ижевском пруду.

Благодаря любезно предоставленным Е.Ф. Шумиловым материалам, гипотеза о постройке И.И. Бодалевым пароходов нашла подтверждение в периодических изданиях. В частности, в газете «Волжский вестник» за 4 марта 1897 г. им была обнаружена запись: «*Говорят, местный благодетель намерен с весны пожертвовать свой пароход, по крайней мере, на часы наиюжизненного движения*» (Волжский вестник, 4.03.1897). Под «местным благодетелем» имеется в виду И.И. Бодалев. «Часы наиюжизненного движения» – это пересменок, чтобы возить рабочих через пруд от заводской проходной в район Колтомы и обратно.

Еще одна запись в той же газете от 26 апреля 1897 г. говорит: «*Прошлым летом Бодалев выстроил малый пароход для перевозки дров. Он вышел неуклюжим, но зато машину с паровым котлом можно было вынимать и использовать для лесопилки*». Снова повторяется информация о съемной машине, так что сомнений, что это именно «Пчелка», не возникает. Таким образом, этот пароход был построен в 1896 г. Получается, что каждые два года И.И. Бодалев строил по пароходу: 1896 г. – «Пчелка», 1898 г. – «Ижевск», 1902 г. – «Мария».

В работе С.Н. Селивановского (Селивановский, 2014) имеется фотография завода Бодалева. На [Рисунке 1](#) приведен ее левый нижний фрагмент, на котором запечатлен некий пароход. Своей архитектурой он не походит ни на «Иж», ни на «Шрапнель» (в этот период пароходы, принадлежавшие Ижевским заводам). Хотя фрагмент не очень четкий, но создается впечатление, что это винтовой пароход, а вышеперечисленные пароходы Ижевских заводов были колесные. Судя по низкорасположенным окнам пассажирского салона, это беспалубный пароход, как «Иж». Сравнивая пропорции, видно, что высота рубки примерно пять раз укладывается на длину корпуса, а поскольку оконечности судна на фотографии проступают нечетко, возможно и шесть раз. Принимая высоту рубки в 2 м (чтобы туда мог свободно войти человек даже высокого роста), получается, что длина корпуса парохода составляет 10–12 м, что примерно соответствует «Пчелке».

На [Рисунках 2, 3](#) приведен пароход «Услуга» (бывший бодалевский пароход «Ижевск»), обладающий чрезвычайно похожей архитектурой. Судно также беспалубное, носовой салон имеет условия для размещения на крыше дополнительных пассажиров. Сход осуществляется с пассажирской палубы по трапу, идущему от рубки. Далее в корму идет, вероятно, совмещенные, машинное и котельное отделения. На корме видны буксировочные устройства. Создается ощущение, что если «Услуга» и «Пчелка» не однотипные, то, по крайней мере, очень похожей конструкции.

Для сравнения в [Таблице 2](#) сведены размерения всех трех пароходов: данные «Пчелки» даны по приемному акту 24 июня 1915 г., «Марии» и «Ижевска» по регистрам (Митюков и др., 2018). Видно, что характеристики «Пчелки» занимают промежуточную величину между «Марией» и «Ижевском». Однако, казалось бы, явно меньшие размеры «Марии» по сравнению с «Пчелкой», скорее всего, просто следствие разных способов замера. Ширина у обоих судов практически идентичная, осадка у «Марии» даже больше, чем у «Пчелки». Так что, возможно, оба судна однотипны, но в приемном акте на «Пчелку» дается максимальная габаритная длина, а в регистрах данных на «Марию» могла быть указана, например, длина по ватерлинии. Аналогично высота борта – в одном случае она могла быть дана по корпусу, во втором – по надстройке, как и осадка (в полном водоизмещении, в стандартном, или пустом). Если способ замера в регистрах иногда указывался, то как его осуществляли при составлении приемного акта можно лишь догадываться. В этом случае ширина является более универсальной характеристикой: хотя ее тоже можно замерять как максимальную, а можно по мидель-шпангоуту, но оба замера будут не сильно отличаться.

Рис. 1. Пивоваренный завод Бодалева. Виден пароход, для которого Бодалев построил пристань (Селивановский, 2014: 38, фото № 40, фрагмент)

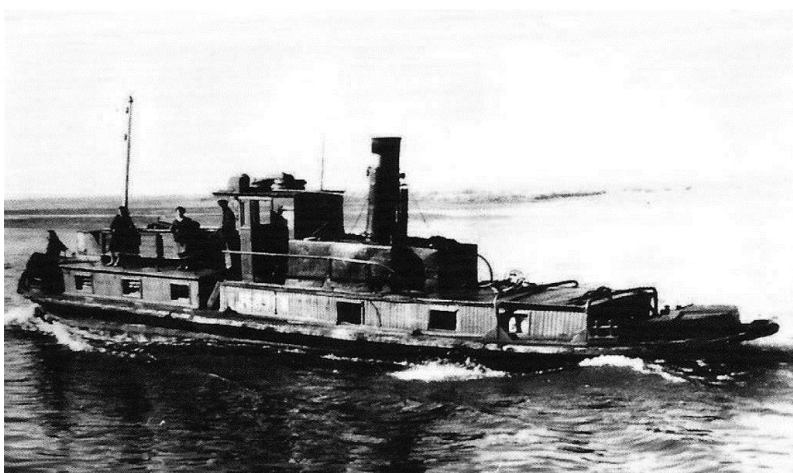

Рис. 2. Пароход «Услуга» на реке Томь (Клименко, 2007)

Рис. 3. Пароход «Услуга» (Павлов, 2014: 29)

Логично предположить, что, если И.И. Бодалев решил открыть производство своих пароходов, это, скорее, был один и тот же проект, который в зависимости от задач делается то крупнее, то мельче.

Сам факт, что предприятие Бодалева было способно на строительство корпусов, доказывается подрядами на Ижевских заводах на самые разнообразные работы. Но вот факт постройки Бодалевым своими силами машин и котлов вызывает сомнения. В ЦГА УР имеется дело об изготовлении на Воткинском заводе по заказу Бодалева котла (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10302). В нем речь идет о довольно крупном котле, необходимом для приведения в действие динамо-машины, мощности

которой хватало бы для запитки свыше двух сотен электрических ламп. Причем этот котел был построен в 1899–1900 г., когда пароход «Ижевск» уже начал эксплуатироваться.

Между тем имеется информация регистров о наличии котла и машины производства Ижевского завода лишь применительно к «Ижевску». Причем сразу после продажи парохода в 1902 г. П.А. Панову он уже на следующий год проходит капитальный ремонт с заменой «родных» ижевских машин и котлов. Причины этого следует искать в сомнительной «инновации» Бодалева применить съемную машину и котел для использования их в зимнее время. Как явствует из приемного акта Ижевских заводов, машина была одноцилиндровая, поэтому, кроме низкой массы, других преимуществ у нее, скорее всего, не было. А поскольку паровая машина не может работать без котла, возможно, съемным был и котел (как сообщается в газете «Волжский вестник»). Поэтому П.А. Панов и поставил на судно стационарную машину традиционной конструкции. Однозначно, что новая машина требовала большего количества пара, поэтому заодно пришлось заменить и котел.

Кстати, факт постройки на Ижевских заводах паровой машины для Бодалева подтверждается архивной информацией (Mitiukov et al., 2019), хотя в документе речь идет о якобы новой машине, взамен поломанной на «Пчелке», возможно, «Пчелка» осталась со старой машиной, а вновь изготовленная пошла на «Ижевск».

Что касается «Марии» 1902 г. постройки, регистры не доносят никакой информации относительно участия Бодалева в ее судьбе. У нее изначально значится другой собственник. Известно также, что в 1908–1909 гг. судно проходит ремонт с заменой машины и котла (аналогично «Ижевску»). В Списке судов 1906 г. (Список..., 1908) имеется запись об «Ижевске», но отсутствует о «Марии». Причем нет не только самой «Марии», но и любого другого судна, которое можно было бы интерпретировать как «Марию» под другим именем. В связи с этим можно сделать вывод, что до 1906 г. судно, возможно, под другим именем эксплуатировалось на Ижевском пруду. В этом случае в регистр ее можно было не вносить и не страховать. Возможно, на судне также стояла аналогичная одноцилиндровая съемная машина, но уже не ижевского производства (указаний на место ее изготовления нет, поэтому она могла быть построена там же, где и машина «Пчелки»). После перевозки судна на Каму его продали, но не понятно, с машиной или без.

В 1906 г. И.И. Бодалев (старший) умер, а чуть раньше он передал свои дела сыновьям. Так что версия, что незадолго до его смерти или сразу после нее были проданы оба камских парохода (один – эксплуатировавшийся уже несколько лет, а второй – только что построенный), выглядит вполне вероятной. Таким образом, с определенной долей уверенности можно предполагать, что именно И.И. Бодалев и организовал в Ижевске изготовление частей для корпусов пароходов.

5. Заключение

Исходя из приведенного анализа, можно утверждать, что судостроение в поселке Ижевский завод было организовано и осуществлялось купцом И.И. Бодалевым, строившим суда для своих целей. Вероятной причиной этого шага стало его желание взять под контроль технологическую цепочку речных перевозок по Ижевскому пруду по подрядам Ижевских заводов. Им построено как минимум три парохода: «Ижевск», «Мария» и «Пчелка». Пароходство И.И. Бодалева вступило в конкурентную борьбу с казенным перевозчиком в лице Ижевских заводов и ее проиграло. В результате уже в 1897 г. второй построенный в Ижевске пароход «Ижевск» был перевезен на Каму, а незадолго до смерти И.И. Бодалева или сразу после нее в 1906 г. на Каму отправился третий пароход «Мария», где оба были проданы. А в 1915 г. при ликвидации пивоваренного завода на Ижевском пруду продана и «Пчелка».

Таким образом, история судостроения и речных перевозок пароходством И.И. Бодалева по Ижевскому пруду представляет собой уникальный феномен, когда частное лицо пыталось составить конкуренцию казенному предприятию на казенные перевозки.

6. Благодарности

Статья подготовлена при поддержке Комплексной программы фундаментальных научных исследований УрО РАН, № 18-6-6-38.

Авторы выражают благодарности проф. Е.Ф. Шумилову, который предоставил информацию, касающуюся И.И. Бодалева, обнаруженную им при работе с казанской газетой «Волжский вестник», и краеведу С.А. Жилину за информацию из кировской газеты «Вятский край».

Литература

ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской республики.

Бойко, 1996 – Бойко В.Л. Томское купечество в конце XVIII–XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск, 1996. 320 с.

В Ижевске..., 2015 – Исторические прогулки по Ижевску: Завод Бодалева // В Ижевске. [Электронный ресурс]. URL: <http://vizhevske.ru/blog/vizhevske-foto/12754.html>

Волжский вестник, 26.04.1897 – Волжский вестник. 26 апреля 1897 г.

Волжский вестник, 4.03.1897 – Волжский вестник. 4 марта 1897 г.

Вятский край – Вятский край. 28 мая 1898 г.

Дамешек, Кушнарева, 2016 – Дамешек Л.М., Кушнарева М.Д. Купеческая переписка как источник изучения проблем развития пушной торговли крупным капиталом в Северо-Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 403. С. 43-48.

Клименко, 2007 – Мы служим России: 110-летию ордена Трудового Красного Знамени Западно-Сибирского речного пароходства / Под ред. Н. Клименко. Новосибирск: Издательский дом «Вояж», 2007.

Комлева, 2018 – Комлева Е.В. «Тузы-капиталисты»: образ сибирского купца в региональной периодической печати второй половины XIX в. // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «История»*. 2018. Т. 24. С. 36-45.

Лигенко, 2015 – Лигенко Н.П. История жизнедеятельности династии Бодалевых – крупных предпринимателей Камско-Вятского региона в пищевой отрасли промышленности // *Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология»*. 2015. Т. 25. № 4. С. 29-38.

Лигенко, 2018 – Предпринимательские династии Камско-Вятского региона XVIII–XX вв. Кн. 2 / Ред. и сост. Н.П. Лигенко. Ижевск, 2018. 352 с.

Mitiukov et al., 2018 – Mitiukov N.W., Bautina S.L., Adinyaev S.I. Steamers of the Izhevsk's Plants on the 1910-s // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 49. Is. 3: 1307-1320. DOI: 10.13187/bg.2018.3.1307

Mitiukov et al., 2019 – Mitiukov N.W., Bautina S.L., Mitrofanov A.F., Makarov Yu.N. Merchant Shipping Company I.I. Bodalev on the Meeting's Journals of the Economic Committee of Izhevsk Plants 1895–1900 // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 53. Is. 3: 1301-1309. DOI: 10.13187/bg.2019.3.1301

Митюков, 2015 – Митюков Н.В. Пароходы постройки Ижевских заводов // *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2015. № 2. С. 95-99.

Митюков, Баутина, 2019 – Митюков Н.В., Баутина С.Л. Заметка в газете «Вятский край» о транспортировке купцом Бодалевым парохода из Ижевского завода в Гольяны // *Восточно-Европейский научный вестник*. 2019. № 15. С. 22-24.

Новиков, 1998 – Новиков А.В. Золотой ларец. Ижевск, 1998. 500 с.

Павлов, 2014 – Павлов А.С. Пароходы Сибири 1844–1918. Якутск, 2014. 168 с.

Селивановский, 2014 – Селивановский С.Н. Старый Ижевск. События и люди в объективе фотоаграфов. Ижевск: Киноград, 2014. 292 с.

Список..., 1908 – Список речных паровых судов Европейской России по переписи 1906 г. Вып. V. СПб., 1908.

References

CGA UR – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Udmurtskoj respubliki [Central state archive of the Udmurt Republic].

Bojko, 1996 – Bojko V.P. (1996). Tomskoe kupechestvo v konce XVIII–XIX vv. Iz istorii formirovanija sibirskoj burzhuzii [Tomsk merchants at the end of the 18th – 19th centuries From the history of the formation of the Siberian bourgeoisie]. Tomsk. 320 p. [in Russian]

V Izhevsk..., 2015 – Istoricheskie progulki po Izhevsku: Zavod Bodaleva [Historical walks in Izhevsk: Bodalev Plant]. V Izhevsk. [Electronic resource]. URL: <http://vizhevsk.ru/blog/vizhevsk-foto/12754.html> [in Russian]

Volzhskij vestnik, 26.04.1897 – Volzhskij vestnik. April 26, 1897. [in Russian]

Volzhskij vestnik, 4.03.1897 – Volzhskij vestnik. March 4, 1897. ([in Russian]

Vjatskij kraj – Vjatskij kraj. May 28, 1898. (In Russian).

Dameshek, Kushnareva, 2016 – Dameshek L.M., Kushnareva M.D. (2016). Kupecheskaja perepiska kak istochnik izuchenija problem razvitija pushnoj trgovli krupnym kapitalom v Severo-Vostochnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Merchant correspondence as a source of studying the problems of the development of the fur trade by large capital in North-Eastern Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 403. Pp. 43-48. [in Russian]

Klimenko, 2007 – Мы служим России: 110-летию ордена Трудового Красного Знамени Западно-Сибирского речного пароходства [We Serve Russia: 110th Anniversary of the Order of the Red Banner of Labor of the West Siberian River Shipping Company]. Ed. by N. Klimenko. Novosibirsk: Izdatel'skij dom «Vojazh». [in Russian]

Komleva, 2018 – Komleva E.V. (2018). "Tuzy-kapitalisty": obraz sibirskogo kupca v regional'noj periodicheskoj pechati vtoroj poloviny XIX v ["Aces-capitalists": the image of a Siberian merchant in the regional periodicals of the second half of the 19th century]. *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija*. Т. 24. Pp. 36-45. [in Russian]

Ligenko, 2015 – Ligenko N.P. (2015). Istorija zhiznedejatel'nosti dinastii Bodal'jovyh – krupnyh predprinimatelej Kamsko-Vjatskogo regiona v pishhevoj otrasli promyshlennosti [The history of the life of the Bodalev dynasty – large entrepreneurs of the Kama-Vyatka region in the food industry]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija Istorija i filologija*. Т. 25. № 4. Pp. 29-38. [in Russian]

Ligenko, 2018 – Predprinimatelskie dinastii Kamsko-Vyatskogo regiona XVIII–XX vv. [Entrepreneurial dynasties of the Kama-Vyatka region of the 18th – 20th centuries]. Book 2. Ed. and cont. by N.P. Ligenko. Izhevsk, 2018. 352 p. [in Russian]

Mitiukov et al., 2018 – Mitiukov N.W., Bautina S.L., Adinyaev S.I. (2018). Steamers of the Izhevsk's Plants on the 1910-s. *Bylye Gody*. Vol. 49. Is. 3: 1307-1320. DOI: 10.13187/bg.2018.3.1307

Mitiukov et al., 2019 – Mitiukov N.W., Bautina S.L., Mitrofanov A.F., Makarov Yu.N. (2019). Merchant Shipping Company I.I. Bodalev on the Meeting's Journals of the Economic Committee of Izhevsk Plants 1895–1900. *Bylye Gody*. Vol. 53. Is. 3: 1301-1309. DOI: 10.13187/bg.2019.3.1301

Mitiukov, 2015 – Mitiukov N.V. (2015). Parohody postrojki Izhevskih zavodov [Steamers built by Izhevsk factories]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij*. 2015. № 2. S. 95-99. [in Russian]

Mitiukov, Bautina, 2019 – Mitiukov N.V., Bautina S.L. (2019). Zametka v gazete "Vjatskij kraj" o transportirovke kupcom Bodalevym parohoda iz Izhevskogo zavoda v Gol'jany [A note in the newspaper "Vyatka Krai" about the transportation of a steamer by the merchant Bodalev from the Izhevsk plant to Golyany]. *Vostochno-Evropejskij nauchnyj vestnik*. № 15. Pp. 22-24. [in Russian]

Novikov, 1998 – Novikov A.V. (1998). Zolotoj larec [Gold box]. Izhevsk. 500 p. [in Russian]

Pavlov, 2014 – Pavlov A.S. (2014). Parohody Sibiri 1844–1918 [Siberian steamships 1844–1918]. Yakutsk. 168 p. [in Russian]

Selivanovskij, 2014 – Selivanovskij S.N. (2014). Staryj Izhevsk. Sobytiya i ljudi v ob'ekte fotografirovanija [Old Izhevsk. Events and people in the lens of photographers]. Izhevsk: Kinograd. 292 p. [in Russian]

Spisok..., 1908 – Spisok rechnyh parovyh sudov Evropejskoj Rossii po perepisi 1906 g. [List of river steam vessels in European Russia according to the 1906 census]. Vyp. V. SPb., 1908. [in Russian]

Пароходы купца И.И. Бодалева: доводы за судостроение и его пароморство на Ижевском пруду

Николай Витальевич Митюков ^{a, b, c, *}, Светлана Леонидовна Баутина ^d

^a Международнй сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения

Российской академии наук, Российская Федерация

^c Волгоградский государственнй университет, Волгоград, Российская Федерация

^d Камский институт гуманитарных инженерных технологий, Российская Федерация

Аннотация. Имеющееся в регистрах и судовых списках начала XX века указание места постройки некоторых судов – «Ижевский завод», хоть и отмечалось некоторыми авторами, но пока оставалось без должных комментариев. На основе анализа делопроизводственной документации Ижевских заводов сделан вывод о невозможности на этом предприятии не отраженного в документации судостроения. В связи с этим сделан вывод, что имеющееся указание места постройки – «Ижевский завод» – относится не к предприятию «Ижевские оружейный и сталелитейный заводы», а к населенному пункту – поселку Ижевский завод. Наиболее вероятная кандидатура ижевского частнго пароморстроителя – купец И.И. Бодалев (старший). Ранее, анализируя его деятельность по пивомедоваренному заводу, Н.П. Лигенко сделала вывод, что Бодалев постепенно стал брать под свой контроль все технологические цепочки, начиная от производства сырья и заканчивая транспортировкой готовой продукции. А поскольку в конце XIX века Бодалев также начал активно брать подряды на поставку Ижевским заводам дров, прочего сырья и комплектующих, логичным видится его неудавшаяся попытка монополизации водных перевозок и пароморстроения на Ижевском пруду. Ижевские заводы вступили в конкурентную борьбу с Бодалевым и в итоге к началу XX века вытеснили его на Каму. На основе анализа фотографий, архивной документации и сведений периодической печати сделан вывод о возможности строительства как минимум трех пароморстроителей Бодалевым на Ижевском пруду: «Ижевск», «Мария» и «Пчелка». Сравнительный анализ корабельной архитектуры имеющихся фотографий показал, что все пароморстроители строились по типовому проекту, хотя, судя по делопроизводственной документации, и различались размерениями. Все суда имели довольно сомнительную инновацию в виде съемных машин и котлов, которые можно было использовать вне навигации на берегу. Незадолго до смерти И.И. Бодалева (старшего) или вскоре после нее два пароморстроителя были перевезены на Каму и проданы. «Пчелка» находилась в собственности у Ижевского торгово-промышленного товарищества, принадлежавшего сыну И.И. Бодалева – И.И. Бодалеву (младшему), и в 1915 г. продана Ижевским заводам. Таким образом, Ижевские заводы превратились в монополиста речных перевозок на Ижевском пруду.

Ключевые слова: Ижевские заводы, судостроение, купечество, И.И. Бодалев, судоморстроение, Россия, история техники, история транспорта.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nico02@mail.ru (Н.В. Митюков)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1367-1377. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1367
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Russian Neo-Populists the First Quarter of the XXth century in Inter-Party Relation and Interpersonal Relationships

Olga L. Protasova ^{a, *}

^aTambov State Technical University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the political and «human» relations between the two neo-national parties of Russia in the first quarter of the XX century – socialists-revolutionaries and people's socialists. The relevance of its subject is due to the usefulness of studying the experience of civilized, although not always quite constructive, political cooperation of democratic forces in the conditions of socio-economic and political-cultural modernization of the country in the early XX century and the epoch of the Great Russian revolution (1917). The novelty of the problem posed in this paper consists in applying not only a purely historical, but also a socio-psychological approach to the analysis of inter-party and interpersonal relations, which in fact turn out to be much more complex and unpredictable than the gradation on formal party grounds. The subject of the research is attempts at political cooperation of parties that are similar in ideological spirit, but different in political temperament. Analyzes the approaches of both organizations to major – moderate and radical methods of political struggle, the attitude to the possibilities for illegal activities, to find potential allies in the political arena; identified underlying contradictions between the parties on these issues. Considerable attention is paid to the socio-psychological characteristics of the leaders and leading ideologists of the parties – V. Chernov and A. Peshekhonov. It is shown how and why, with similar views on socialism – in their opinion, the progressive system of the future, a common adherence to the ideas of democracy, almost equally strict observance of moral principles in politics, and orientation to a common social platform («working people»), these organizations missed the opportunity to create a single party that would implement the ideals of democratic socialism.

Keywords: neo-populism, political parties, social revolutionaries, people's socialists, revolution, state.

1. Введение

Актуальность проблемы, затронутой в данной статье, обусловлена полезностью изучения опыта конкуренции политических сил, стоявших у истоков формирования в России начала XX века демократической, гражданской культуры, – Партии социалистов-революционеров (ПСР) и Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП). Обе партии относятся к направлению, сущность которого можно выразить формулой «демократический социализм». С момента окончания II Мировой войны и по настоящее время политические организации, стоящие на позициях демократического социализма, пользуются бесспорным влиянием в большинстве стран Западной и Центральной Европы. Достаточно сильны позиции демократического социализма и в общемировом масштабе, поскольку в его программе гармонично сочетаются лучшие «завоевания» как либеральной, так и социалистической мысли: провозглашение неприкосновенности индивидуальных прав и свобод, уважение к суверенитету личности и при этом – требование социально ответственного правового государства. В программных платформах и ПСР, и ТНСП содержались компоненты,

* Corresponding author

E-mail addresses: olia.protasowa2011@yandex.ru (O.L. Protasova)

предвосхищавшие базовые представления современной демократии о характере государства и права при социализме, об оптимальных формах взаимодействия государства, общества и личности. Крупнейшие российские неонароднические партии на всем протяжении своего существования занимали соседние политические позиции; помимо верности идеям социализма, у них было сходным довольно многое: строгое отношение к моральной стороне политики (беспринципность во имя достижения цели не оправдывала ни одна из них), внутрипартийный демократизм, самая искренняя забота о своей «целевой аудитории» – трудящихся массах города, и особенно деревни. Однако политический темперамент народнических организаций был совершенно разным, и это, помимо прочих факторов, затрудняло возможность создания единой политической организации социалистов-народников, которая гипотетически могла бы, выступая легально, завоевать авторитет в Государственной Думе межреволюционной поры, а в 1917 году – способствовать повороту революционной стихии в более контролируемое, демократическое русло. Новизна исследуемой проблематики состоит в применении не только чисто исторического, но и социально-психологического подхода к анализу межпартийных и межличностных отношений, которые на поверку оказываются гораздо сложнее и непредсказуемее, чем градация по формально-партийному признаку.

Целью настоящей работы является анализ возможностей интеграции народнических сил в начале XX века и причин, по которым эта интеграция не состоялась.

2. Материалы и методы

В качестве источниковой базы привлечены дореволюционные и послереволюционные архивные материалы – воспоминания современников, активных политиков и членов их семей, а также публицистика участников описываемых событий и процессов.

Основные методы данного исследования:

- системно-структурный (в общем контексте рассматриваются вопросы, связанные с характеристиками неонародничества как значимой части демократического социализма в России);
- компаративный (сопоставлены взгляды партий эсеров и народных социалистов на основные вопросы программы и тактики, проводится сравнение их отношения к радикализму в политической борьбе и, в частности, к террористическим методам);
- обобщение (выявлены общие принципы этих взглядов, в том числе подчеркнута единство воззрений на характер социальной платформы неонароднических партий – единый «трудовой народ» – и на проблему формирования гражданского сознания у трудящихся);
- метод исторической персонализации (выделены неонароднические деятели, принимавшие наиболее активное участие в рассматриваемых событиях и процессах).

3. Обсуждение

Советская историография по отношению к непролетарским и немарксистским партиям была, как известно, весьма сурова и рассматривала их деятельность как контрреволюционную, следовательно, заслуживающую исключительно осуждения. Социалистов-революционеров именовали «мелкобуржуазной» партией и разоблачали ошибочность ее программы и тактики. О народных социалистах даже среди профессиональных историков очень мало кто знал что-либо существенное; эта партия лишь изредка упоминалась в контексте работ об эсерах и трудовиках, а ее самостоятельная позиция на политической арене почти не рассматривалась. В советской академической литературе, если и упоминалось об энесах, то предельно скупо и с позиции убежденности в том, что народно-социалистическая партия – это «бывшее правое крыло эсеров» (*Советская историческая энциклопедия, 1976: 597*), отколовшееся от партии на ее учредительном съезде в декабре 1905 г. Данное утверждение, впрочем, особого удивления не вызывает: установка к восприятию энесов как вторичной, несамостоятельной политической организации была задана еще В.И. Лениным, который в свойственной ему резкой афористичной манере называл их «эсерствующими меньшевиками», «социал-кадетами», «переряженными кадетами», «оппортунистами народничества», «народническими ликвидаторами» (*Ленин, 1973: 334-337*) и пр. Ситуация коренным образом изменилась с конца 1980-х гг., когда стало возможным анализировать события и явления революционной поры в более объективном формате. Неонароднические партии как крупнейшие политические акторы переломной эпохи сразу привлекли внимание исследователей; проявился особый интерес и к персоналиям – было издано множество биографий лидеров и идеологов этих партий. Значительный вклад в изучение данной проблематики внесли К.Н. Морозов, создавший большое количество трудов, посвященных партии социалистов-революционеров, ее славе и трагической судьбе (*Морозов, 1998; Морозов, 2013; Морозов, 2014*); К.Г. Гусев (*Гусев, 1999*), известный еще с советских времен своими трудами по истории социалистических партий небольшевистского толка; М.И. Леонов (*Леонов, 2019*); Н.Д. Ерофеев (*Ерофеев, 1979*), первым взявшийся за изучение народно-социалистической тематики; О.В. Коновалова, систематизировавшая политические воззрения и этапы творческого пути В.М. Чернова (*Коновалова, 2009*); специалист по истории Трудовой народно-социалистической партии А.В. Сыпченко (*Сыпченко, 1999*); исследователь социализма как теории со всеми ее ответвлениями А.В. Шубин (*Шубин, 2007*) и др. Автору данной

статьи также принадлежит ряд работ политико-биографического и комплексного характера (Протасова, 2004; Протасова, 2019), в которых рассматриваются сосуществование и взаимодействие в политическом пространстве революционной России партий демократического социализма, включая неонароднические.

Огромную ценность представляют источники, авторы которых принимали непосредственное участие в описываемых ими событиях. Особо следует отметить блестящую публицистику В.М. Чернова (по общему признанию, главного идеолога социалистов-революционеров), многочисленные серьезные публикации на самые разнообразные темы, в том числе «на злобу дня»; А.В. Пешехонова, который, спустя десятилетие после первой неудачной попытки объединения народников, первым проанализировал основные межпартийные несогласия в журнальной статье (Пешехонов, 1917). Несомненный интерес представляют воспоминания М.В. Вишняка (Вишняк, 1954) – одного из долгожителей этого поколения политиков. Из его мемуаров можно почерпнуть многое не только о политических, но и о межличностных, человеческих связях, симпатиях и антипатиях, сотрудничестве и конфликтах в социалистической среде России, а затем и русской эмиграции.

4. Результаты

В российских социально-экономических условиях последней четверти XIX века, характеризовавшихся запоздалой по сравнению с передовыми странами Европы модернизацией, все еще крайне низким уровнем общей культуры населения страны и большой идейной сегментированностью просвещенной его части, заметное место в общественно-политической жизни приобрели представители народничества. Народничество – движение идейно пестрое и плюралистичное – имело общую платформу: в качестве объекта своей политической заботы оно выделяло «трудовой народ» – рабочих, трудовое крестьянство и трудовую интеллигенцию. Пролетариат по показателю потенциальной революционности оценивался народниками выше прочих категорий трудящихся масс, однако и все остальные, живущие собственным трудом, считались достаточно перспективным «материалом» для участия в построении общества социального прогресса. Крестьянство народники начала XX века отказывались квалифицировать как «мелкобуржуазный» класс (Леонов, 2019: 156). Было ясно, что развивающаяся работа, которую необходимо проделать в деревне, требует колоссальных усилий и терпения, однако к этому оказались готовы те, кто предпочел в 1890-х гг. старое доброе народничество марксизму – новомодному, пришедшему из Европы направлению, набиравшему в России все большую популярность и чрезвычайно привлекавшему молодежь.

В последнее десятилетие XIX века народничество, начавшее было сдавать марксизму свои позиции, возродилось и активизировалось, отчасти обновив идейный арсенал, пересмотрев ряд программных установок, например признав факт развития капитализма в России. Новое поколение народников получило впоследствии наименование «неонародничество». Этот термин был одобрен не всеми отечественными историками – специалистами в данной области, но мы считаем обоснованным его использование, хотя бы с целью отделить от старого поколения новую генерацию народников. В те же 1890-е гг. происходила знаменитая марксистско-народническая полемика, победу в которой не одержал никто, хотя советская историческая наука по понятным причинам объявляла победителем марксизм. По сути, каждая сторона осталась при своем: и в понимании идеалов будущего социалистического устройства, и в отношении путей к нему, и в определении своей «целевой аудитории». Тем не менее, именно эта дискуссия, по признанию некоторых видных адептов неонародничества, помогла им отточить полемические навыки, консолидировать силы, определить более или менее четкую политическую цель и наметить пути к ее осуществлению. Неонародники, в отличие от своих предтеч-единомышленников, продвигали свои идеи не только в науке, публицистике и «малых делах», но и вплотную занялись публичной политической и общественной деятельностью, причем весьма успешно. Ими были организованы две политические партии – социалистов-революционеров и народных социалистов. Первая из них со временем стала самой массовой в России и, по разделяемому многими современными исследователями убеждению германского историка М. Хильдемайера, «партией, которая по своей социальной структуре и фактически модифицированной программе могла служить как форум выражения интересов всех основных групп... за исключением крайне левых» (Морозов, 2014: 52). Вторая – народно-социалистическая – стремилась не к расширению своих рядов, а к отстаиванию своих базовых принципов твердо и незыблемо. При этом обе партии, несмотря на разный масштаб и неодинаковую политическую «успешность», многое сделали для формирования в дореволюционной и революционной России зачатков гражданской культуры, популяризации социалистической доктрины именно в отечественном объективном «контексте», применительно к реалиям страны. И одна, и другая неонароднические партии позиционировали себя как приверженцы этики в политике (на это счет, особенно у эсеров, был целый ряд философских работ, обосновывающих необходимость морального подхода к политической деятельности). И хотя возможно возражение по поводу террора, практиковавшегося эсерами довольно широко в 1900-е годы, как ни странно, в целом террор не должен дискредитировать революционных радикалов-народников как поборников

моральной чистоты в политической сфере. Для них это была крайняя и, по их искреннему убеждению, неизбежная мера по искоренению зла – самодержавия, идущая в ход, поскольку прочие, менее экстремальные средства на русский царизм с его «свинцовыми мерзостями» не имеют, увы, никакого воздействия. В рядах обеих партий были замечательные идеологи и блестящие публицисты, занявшие видное место в управленческой элите недолгого, к сожалению, периода демократической республики после Февральской революции. Можно сказать, что в понимании неонародников социализм становился идеей общества, живущего по законам общечеловеческой культуры (а не классовых приоритетов!), «в котором организация производства и управления вторична по отношению к интересам и целям бытия человека как самодостаточной, свободной индивидуальности» (Межуев, 1991: 10). Воспитание в «трудовом народе» осознания такой внутренней свободы и человеческого достоинства вместе с интересом к политическим и общественным, а не только собственным бытовым делам, и эсеры, и народные социалисты почитали важнейшей насущной задачей, без решения которой путь к социализму будет закрыт. Итак, народничество в полной мере зарекомендовало себя как неотъемлемая часть отечественного (да и, пожалуй, европейского) демократического социализма.

На самом старте у неонародников была возможность создать единую партию, но эта идея не была реализована по целому ряду причин и обстоятельств. Сами лидеры народных социалистов заверяли, что ни по формальному членству, ни по духу никогда не принадлежали к ПСР. Некоторым основанием для убедительности выводов советской историографии служит идейная и организационная близость, которая, несомненно, была у правых и левых народников в первые годы XX века. Между представителями двух будущих партий шло активное сотрудничество в одних и тех же периодических изданиях; до полного размежевания случалось, что умеренные народники даже оказывали конспиративные услуги эсеровским боевикам. Следует принимать во внимание, что окончательное организационное оформление обеих партий (особенно это касается эсеров) произошло значительно позже, чем началась фактическая деятельность под знаменем народнической идеологии. В первые годы XX в. у эсеров не было фиксированного членства, партийных списков, партия еще не стала массовой – и ее лидеры со спокойной совестью могли относить к ней всех, кто когда-то содействовал или хотя бы в чем-то просто симпатизировал ей. Показатель «партийности» в раннеэсерский период можно проиллюстрировать словами М.А. Натансона: «Как принимались члены? Кого считали хорошим человеком, того и принимали» (Леонов, 2019: 147). Партийная статистика на тот момент еще не велась; недостаточно репрезентативны на сей счет и полицейские сведения. Однако идеологи правого народничества впоследствии принципиально отрицали свою принадлежность к эсерам, имея свой политический резон, и при отсутствии формальных документов, говорящих обратное, их заявление в данном случае – по сути, самый авторитетный источник.

Годы, предшествовавшие Первой русской революции, были настолько насыщены настроением созидания общественных и политических организаций всевозможных течений и толков, что разобраться в том, кто остался верен раз и навсегда выбранному пути, а кто не сразу определил свой политический идеал, иногда довольно трудно. Старт политической карьеры у лидеров обеих партий был, можно сказать, общий: первой серьезной политической организацией, к которой имели непосредственное отношение будущий эсер В.М. Чернов, будущие энесы А.В. Пешехонов, Н.Ф. Анненский и др., была «Социально-революционная партия Народного права» (1893–1894), возглавляемая бывшими народовольцами М.А. Натансоном и Н.С. Тютчевым и объединившая Саратовский, Орловский и Московский кружки народников. По завершении раннего, провинциального периода общественной деятельности (большинство неонароднических идеологов начинали именно в провинции, находясь в ссылке и/или работая в составе так называемого «третьего элемента» в земских учреждениях) будущие «звезды» народнического социализма, обосновавшись в столице, стали активно развивать свои публицистические дарования, и журналистика служила им площадкой популяризации идей. Будущие народные социалисты сотрудничали в эсеровских изданиях (что было, то было!): основанном А.А. Аргуновым центральном органе ПСР «Революционная Россия» и позже в журнале «Сын Отечества». В структуре «Революционной России» были заложены основные принципы, которым затем следовали популярные, рассчитанные на «простой» контингент читателей народнические издания: каждый номер содержал разделы типа «Из общественной жизни», «Хроника рабочего движения», «Из провинциальной хроники», «Что делается в крестьянстве» и т.п. На составлении материалов данной тематики было весьма удобно и полезно развивать не только концептуальные взгляды, но и навыки общения с демократической аудиторией, что и делали будущие главные идеологи эволюционного социализма А.В. Пешехонов и В.А. Мякотин, написавшие множество статей для «Революционной России». Эсеры, в свою очередь, не упускали случая опубликоваться в знаменитом журнале «Русское богатство», который считался и был «универсальным», общекультурным изданием и позиционировался как беспартийный, но по существу стал колыбелью народно-социалистической партии. По сравнению с ежедневными и даже еженедельными эсеровскими газетами и журналами там требовалась публицистика иного, более научно-аналитического характера; в создании текстов такого рода у эсеров был особенно силен В.М. Чернов.

Отношение к некоторым вопросам (чаще тактики, чем программы) могло подвергаться и трансформациям со временем – это уже дело политического темперамента, который, как правило, с возрастом ведет человека от «сердца» к «уму» и постепенно избавляет, соответственно, от радикализма. В самом начале 1900-х гг. некоторые будущие энесы (А.В. Пешехонов, В.А. Мякотин) нередко симпатизировали осуществляемым эсерами терактам. А.Ф. Пешехонова вспоминала, как, сообщив находившемуся тогда под арестом мужу об убийстве Великого князя Сергея Александровича, увидела радостную улыбку на его лице (НИОР РГБ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 65. Л. 25-26). Вполне достоверны сведения и о конспиративных услугах, оказанных А.В. Пешехоновым Б.В. Савинкову, И.П. Каляеву и даже Е.Ф. Азефу, с которым многие неонародники, не зная всех сторон его деятельности, были «на короткой ноге». В.М. Чернов, человек, как показало время, смелый, но в политике довольно рассудочный и осторожный, находился прямо-таки под обаянием личности знаменитого провокатора и был шокирован его разоблачением, до последнего защищал его и готов был судить как клеветника скорее самого В.Л. Бурцева, но только не Азефа (Гусев, 1999: 34). Постепенно взрослея человечески и политически, основная часть эсеров «первого поколения», не говоря уже о народных социалистах, ко второму десятилетию XX в. о терроре совершенно перестала помышлять.

Идея создания партии народных социалистов пришла сотрудникам редакции народнического журнала «Русское богатство» в 1905 г. Партия была официально зарегистрирована в сентябре 1906 г., но в действительности функционировала к этому времени уже около года. В декабре 1905 г. на о. Иматра (Финляндия) произошло знаковое для всех народников событие, прошедшее окончательный водораздел между «левыми» и «правыми», революционными и умеренными – учредительный съезд ПСР.

На съезд от «Русского богатства» получили приглашение А.В. Пешехонов, В.А. Мякотин, Н.Ф. Анненский и П.Ф. Якубович. То, что, по словам Пешехонова, у них не было права представительства на съезде (Пешехонов, 1917: 328), подтверждает формальную непринадлежность группы «Русского богатства» к партии. Тем не менее «богачи» были приняты как желанные гости и встречены с искренней теплотой; по этому можно судить об искреннем желании эсеров заполучить ярких и известных в общественных кругах людей в свою организацию, о надежде на тесное и постоянное сотрудничество. Однако вскоре стало ясно, что альянса не получится, так как по ряду принципиальных вопросов мнения «хозяев» и «гостей» пошли вразрез. Эсеры допускали возможность конспиративной партии, правые народники – нет, так как считали ее тупиком, из которого невозможны работа с широкой общественностью и борьба с правительственной реакцией. Эсеры отстаивали необходимость непременно вписать в программу требование республики, представители «Русского богатства» этот пункт как раз не считали существенным, предложив альтернативную формулировку – «народовластие», которая давала бы больше простора формам государства со справедливым, демократическим общественным строем. Эсеров возмутило пренебрежение гостей делением программы на «минимум» и «максимум». Последние же считали разумным не скачкообразность и надрыв, а последовательное, непрерывное движение, приводящее в результате к качественным изменениям, и называли это как раз той самой революционностью, которой эсеры не желают в них признавать.

По свидетельству правого эсера М.В. Вишняка, на первом партийном форуме как модератор блистал В.М. Чернов, показавший себя непревзойденным мастером компромиссов (Русское зарубежье, 1997: 686). Однако его дипломатического таланта оказалось недостаточно для того, чтобы заставить группу «Русского богатства» полностью принять линию эсеров и поступиться собственными принципами в вопросах, которые «богачи» считали основополагающими. В итоге правые народники ушли со съезда. Правда, нужно сказать, что, хотя известный писатель и поэт П.Ф. Якубович (Л. Мельшин) покинул съезд вместе со своими товарищами, в дальнейшем, единственный из них, присоединился не к народно-социалистической партии, а именно к ПСР, сочтя ее для себя более близкой по духу.

Пережив и осмыслив первый неудачный опыт единения с эсерами, умеренные народники занялись организационным самообразованием в политическую партию с руководящим ядром. Писатель и этнограф В.Г. Богораз-Тан, обратился к интеллигенции «левее кадетов» с призывом к объединению. «Мы могли бы создать великую народно-демократическую партию» (Ерофеев, 1979: 108), – убеждал народник, настаивая, что в период, когда политическое самосознание народа растет, интеллигенция не может оставаться беспартийной. Название партии – народные социалисты – оттеняло народническую преемственность, приверженность социалистическому идеалу и подчеркивало внеклассовый характер нового политического течения, противопоставляя его «узникам классового сознания» – марксистам с их поклонением «пролетарскому социализму». В обосновании программы особо подчеркивался ее принципиальный, а не компромиссный характер (Пешехонов, 1917: 46). Конечной целью провозглашался социализм. На пути к нему, говорилось в комментариях к программе, неизбежны некоторые временные и вынужденные уступки реалиям, но основная тенденция партийной работы – «возможно дальше отодвинуть жизнь в направлении, определенном конечной целью» (Пешехонов, 1917, 46).

Хотя народно-социалистическая партия позиционировала себя как внеклассовая, ее преимущественно интеллигентский состав еще более подчеркивал аналогичную черту российской партийно-политической системы. Чтобы получить известность как политическая организация,

необходимо было найти сторонников или, выражаясь современным политологическим языком, «последователей» во внешней среде. В поисках надежных контактов с крестьянской общественностью энтузиасты создания новой партии обратились к депутатскому корпусу I Государственной Думы и членам Всероссийского Крестьянского союза (ВКС). С ВКС сотрудничество народников к тому времени уже было налажено: А.В. Пешехонов, В.А. Мякотин, В.Г. Богораз-Тан, В.И. Чарнолуцкий входили в его руководящие органы (Ерофеев, 1979: 95). Аграрная программа этой организации была почти идентична программе народных социалистов. Получилось так, что ВКС стал первой ареной конкуренции социалистов-народников с разными аграрными программами. Эсеры стремились превратить Союз из массовой внепартийной организации в «филиал» своей партии; будущие народные социалисты старались отстоять его автономный характер и сблизить с трудовиками. В I Государственной Думе успехи интеллигентов-народников также были впечатляющими. С их помощью большинство крестьян-депутатов объединилось во фракцию, получившую название Трудовой группы. Аграрная программа (национализация земли, наделение ею земледельцев по трудовой норме), разработанная народными социалистами во главе с А.В. Пешехоновым, пришлась по вкусу депутатам-трудоикам, которые представляли в основном зажиточные слои крестьянства, крепких хозяев. Эсеровский проект социализации земли трудовиков не вдохновил. Первый «раунд» борьбы за сельскую общественность, представленную на официальном уровне, остался, таким образом, за правыми народниками. При организационном оформлении народно-социалистической партии ее актив делал ставку на то, что депутаты-трудоики непременно войдут в партийные ряды, однако неожиданно столкнулся с препятствием: трудоики берегли свой чисто фракционный статус, считая, что именно во внепартийности залог их успеха в деревне, и отмежевались от провозглашения ориентации на социализм. Слияния не получилось.

В межреволюционный период 1907–1914 гг. возможности показать себя на отечественной арене публичной политики у социалистов-народников было крайне мало. Эсеровский актив в основном находился в эмиграции. Народные социалисты оставались в России; их главной политической ареной стала публицистика, переживавшая подлинный расцвет, а партийная жизнь на время затихла («восстановительная конференция» партии прошла в Москве 22–25 марта 1917 г.). Осенью 1914 г. левая оппозиция начала осторожно нащупывать пути объединения своих сил. Инициаторами совместных собраний народников «различных оттенков» выступали историк-энес С.П. Мельгунов (Сыпченко, 1999: 169) и А.Ф. Керенский, энергично подключившийся к делу объединения с 1915 г. Будущий министр-председатель Временного революционного правительства возглавлял на тот момент думскую фракцию трудовиков и был уже очень популярен как юрист, оратор, общественный деятель. В середине июля 1915 г. на столичной квартире Керенского состоялось нелегальное общероссийское совещание народников из разных городов – всего собралось около 30 человек (Сыпченко, 1999: 172). Были эсеры, энесы и трудоики. Результатом этой встречи стало избрание «Центрального бюро объединенного народничества», объявившего своей ближайшей целью «восстановление различных народнических организаций и устройство периодических съездов по мере надобности» (Сыпченко, 1999: 174). Таким образом, хотя принципиальные разногласия по программно-тактическим вопросам между народниками разных направлений никуда не исчезли, наблюдалась положительная динамика по части желания их сотрудничества. Она была связана, судя по всему, с подспудными ожиданиями скорых политических изменений в стране, с накалявшейся атмосферой общественной среды, с брожением в массовом сознании и поведении населения империи, подстегиваемыми войной. Однако следует при этом отметить, что вплоть до весны 1917 г. наиболее видные эсеровские деятели по-прежнему находились вне России, и инициативы нового актива, совершавшего шаги по интеграции народников, не отражали настроения партийных «мастодонтов», державших собственную, обособленную линию. Впрочем, любое движение в сторону роста активизма, любые попытки налаживания конструктивных коммуникаций, кем бы из демократов они ни предпринимались, не могли не свидетельствовать о позитивных изменениях в отечественной политической культуре.

Хотя средний общепартийный уровень образованности энесов был заметно выше, чем у эсеров, – законченное высшее образование было у 56,7 % членов против 31,7 % в ПСР (Протасова, 2019: 64–65), в деле разработки собственной философской платформы социалисты-революционеры, главным образом стараниями В.М. Чернова, преуспели, пожалуй, больше своих правонароднических визави. Энесы вообще теоретизировали относительно мало, зато как можно детальнее старались разработать конкретные программные пункты в соответствии с российскими общественно-политическими реалиями. Обе партии немало сил отдавали разработке своего рода «раздаточного материала» для народа, составлению и изданию популярных брошюр, где простым языком излагались основные партийные требования и содержались призывы проявлять интерес к вопросам не только собственного хозяйства, но и общественной значимости. При этом сама «живая» народническая среда была не застывшей, а достаточно подвижной. Были переходы членов, иногда весьма заметных, из одной партии в другую. Так, старый народник Н.В. Чайковский, «дедушка русской революции», с начала 1900-х гг. был близок к эсерам, заняв должность секретаря основанной В.М. Черновым Аграрно-социалистической лиги (Всероссийское Учредительное собрание, 2014: 490).

С 1904 г. Чайковский вошел в Заграничный комитет ПСР, занимался доставкой литературы и оружия в Россию. В 1910 г. на суде он был оправдан после заявления о том, что никогда не принадлежал к партии социалистов-революционеров. После этого, действительно покинув партию, Чайковский переключился на кооперативное движение. В 1916–1917 гг. он уже входил в состав ЦК Трудовой группы, а в 1917 г. баллотировался от объединенной ТНСП во Всероссийское Учредительное собрание ([Всероссийское Учредительное собрание, 2014: 490-491](#)). А.А. Титов, впоследствии химик с мировым именем, располагая собственными средствами, оказывал поддержку эсерам-боевикам и, по некоторым данным, принадлежал к ПСР, но с 1906 г. активно включился в деятельность по организации народно-социалистической партии, став одним из основателей ее московской группы ([Всероссийское Учредительное собрание, 2014: 434](#)). Известный экономист и публицист Н.П. Огановский, напротив, в 1917 г. перешел в ПСР из народно-социалистической партии, так как считал последнюю недостаточно перспективной в условиях революции ([Всероссийское Учредительное собрание, 2014: 286](#)). По свидетельству М.В. Вишняка, Огановский, обратившийся к нему как члену технической Всероссийской комиссии по делам о выборах в Учредительное Собрание с просьбой о регистрации кандидатом от ПСР по Воронежскому избирательному округу, вполне искренне выразил убеждение, что на текущий момент «различия между эс-эрами и эн-эсами почти совсем стерлись» ([Вишняк, 1954: 300](#)). Вишняк, согласившийся с полезностью Огановского для эсеровской фракции, предоставил политической совести новоявленного эсера решать этический вопрос партийной верности. В результате Огановский был избран депутатом, участвовал в разработке эсеровского законопроекта о земле. Но, когда Учредительное собрание не сумело выполнить своего предназначения, первыми, кого обвинил в этом Огановский, оказались эсеры ([Вишняк, 1954: 300](#)). Были отдельные случаи перехода от народных социалистов к кадетам и наоборот. Впрочем, следует отметить, что подобные ротации массового характера не имели, и политическое самоопределение представителей неонароднических партий в подавляющем большинстве было осознанным и твердым.

По словам известного современного историка А.В. Шубина, «моментом расцвета российского гражданского общества стал 1917 год, но срыв революции в гражданскую войну, переход к жестким авторитарным режимам привели к постепенному разрушению его структур» ([Шубин, 2007: 238](#)). В постсоветские десятилетия как на теоретическом, так и на обыденном уровнях часто оценивается роль социалистических партий в этом деструктивном процессе. Обвинения в их адрес теперь следуют не из-за «мелкобуржуазного», а значит, реакционного характера народников начала XX века (в этом их обличала советская историография), а из-за недостаточной прозорливости, беспомощности, «рефлексирования» в переломный, знаковый для государства момент. Их «вина» не в злом умысле, а в бездействии и неопытности. Один из наиболее существенных, справедливых упреков в данном контексте – порицание за несогласованность, нежелание пренебречь частно-партийными интересами ради спасения страны и общего демократического (а в дальнейшем, возможно, и социалистического) будущего. Еще один достаточно обоснованный упрек может быть предъявлен в том, что ни одна из демократических сил в Российской Республике не разглядела угрозы демократии не справа, от поверженных монархистов, а слева, от большевиков, считавшихся республиканцами и социалистами.

С течением времени народнические партии уходили все дальше от возможности объединения – при том, что межпартийные и межличностные контакты были постоянными и очень тесными, особенно в 1917 году. Но к этой поре ПСР, ставшая настоящим гигантом на российской политической арене, не могла не воспринимать ТНСП несколько свысока, как, по их масштабам, организационно-карлика, который вряд ли смог бы принести эсеровской партии серьезный политический капитал. По нашему мнению, в неудаче интеграции не последнюю роль сыграла и психологическая несовместимость двух лидеров – Чернова и Пешехонова, занимавших в 1917 г. государственные должности. Хотя первый происходил из дворянской семьи, а второй был сыном сельского священника из провинциальной глуши, их политические старты оказались довольно похожи: оба начинали как земские служащие, но на этом сходство заканчивалось. Чернов много жил за границей, знал европейские языки и живо интересовался западной культурой, к тому же он поддерживал активные связи с социалистическими организациями европейских стран, особенно в период мировой войны в рамках циммервальдского формата; Пешехонов до 1922 года из России не выезжал (не считая Финляндии – тогда еще части Российской империи), иностранных языков практически не знал и подчеркивал свое пристрастие исключительно к русской, особенно народной, культуре. Чернов был не чужд артистизма и был, что называется, личностью демонстративного типа; Пешехонов, хотя не избегал по мере необходимости общественного внимания к себе, никогда сознательно не старался его привлечь. Чернов был трижды женат, Пешехонов всю жизнь был верен своей единственной супруге. В 1917 г. Пешехонов мог получить пост министра земледелия Временного правительства, но вынужден был смириться с тем, что портфель достался Чернову. Эсеры хотели видеть Пешехонова заместителем Чернова, «деловым министром»; Пешехонов наотрез отказался быть на вторых ролях у лидера эсеров. Однако главным объективным препятствием к созданию народнического тандема оказались разные взгляды на решение аграрного вопроса: Пешехонов был пропагандистом национализации земли, эсеры в соответствующем разделе своей программы намечали путь ее социализации (Е.К. Брешко-Брешковская говорила А.А. Демьянову о Пешехонове: «Хороший

человек, очень хороший, и министром пусть его назначат, но только пусть он переменит свою земельную программу» (цит. по: [Протасова, 2004: 106](#)). О непростых отношениях этих двух лидеров народнических партий прямых свидетельств до нас дошло немного, но косвенные доказательства дефицита симпатии между ними вполне красноречивы. Жене Пешехонова «не раз приходилось слышать, сколько неприятных диссонансов вносит «селянский министр» в трудную работу социалистов во Временном правительстве» ([НИОР РГБ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 65. Л. 42](#)). В эмиграции, в Чехии, семьи Черновых и Пешехоновых довольно продолжительное время жили по соседству, но, по словам А.Ф. Пешехоновой, главы семейств между собой почти не общались, словно совсем чужие, чуждые друг другу люди ([НИОР РГБ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 65. Л. 43](#)). Чернов вполне прижился в эмиграции; Пешехонов чувствовал себя там абсолютно потерянным человеком. Чернов оставался активным политическим деятелем и как эсер, мечтая создать международную организацию под знаменем эсеровской идеологии, и как социалист-демократ вообще – при всяких обстоятельствах, во все периоды своей жизни, до самых последних дней. Для него ностальгия по родине не заслонила убеждений, он, как и большинство «белоэмигрантов», безоговорочно отделял Россию от советской власти. Принципиальной позицией Пешехонова оказалось стремление жить и работать в России при любой власти – даже в ущерб политическим взглядам, которые со временем, надо сказать, несколько «размылись» под воздействием страстного желания вернуться во что бы то ни стало и доказать бывшим соратникам свою правоту. Из этих отдельных штрихов вырисовываются человеческие портреты, настолько разные, что различия сводили на нет идейную общность народнических вождей, не такую уж и малую. Очень вероятно, что прежде всего именно субъективные факторы в свое время исключили возможность достичь договоренности между эсерами и народными социалистами и создать единую неонародническую организацию.

В эсеровской среде в наиболее ответственный момент революции 1917 г., когда всем представителям этой набравшей феноменальную популярность партии необходимо было действовать в унисон, единения и слаженности не было. Речь идет не только о расколе на ПСР и ПЛСР, но и о серьезных расхождениях между так называемыми «правыми» и «центром» умеренного эсерства: правый фланг ПСР в 1917 г. фактически оформился в самостоятельную фракцию, и «центрист» Чернов в 1921 г. сказал им так: «Мы по отношению друг к другу варвары, говорящие на разных языках» ([Морозов, 2013: 140](#)). Основную причину неудач ПСР Виктор Михайлович видел не столько в объективных факторах, сколько в том, что другие внутрипартийные течения не желали следовать линии левого центра, руководимого им самим. М. Вишняк рассказывает, как, заявив Чернову при встрече в апреле 1917 г. о том, что не поддерживает циммервальдскую позицию, сразу почувствовал разочарование последнего. Чернов начал язвить, назвав Вишняка, не претендовавшего на первые роли в партии, но занимавшего в ней заметное место, «кандидатом в лидеры» ([Вишняк, 1954: 255](#)). Несмотря на то, что этим двум видным эсерам в 1917 – начале 1918 гг. приходилось довольно тесно сотрудничать, их политические пути расходились все дальше, пока снова не сошлись перед Второй мировой войной. Не чуждый политического тщеславия, Чернов «самокритично» отмечал, например, что «в противоположность хотя бы Ленину у большевиков, [он] никогда не хотел или не умел держать в своих руках партийный аппарат». В относительно спокойное время либеральный стиль руководства мог расцениваться как показатель внутрипартийной демократии с возможностями широкого плюрализма мнений, но в «мобилизационные» периоды оборачивался в глазах союзников и противников попустительством. Были и иные острые моменты в связи с лидерством в ПСР – партии в организационном плане довольно аморфной: весной–летом 1917 г. необычайно возросла популярность А.Ф. Керенского, которого многие давние члены партии, по-прежнему считавшие лидером В.М. Чернова, лишь условно признавали за «своего», снисходительно именуя «мартовским эсером». Такая мультиполярность также не могла не разобщать партию, ослабляя ее и порождая различные межличностные и межгрупповые конфликты, острота которых отягощалась накалом социально-политической обстановки.

В эмиграции, где с начала 1920-х гг. оказалась основная часть демосоциалистической элиты, еще раздавались голоса в пользу объединения партийных групп и даже предпринимались попытки собрать социалистические силы, но сделать этого никому не удалось. Правда, в середине 1920-х гг. в эмигрантской среде произошло событие, затронувшее не только социалистов-народников, но и представителей иных демократических течений, вызвавшее бурю дискуссий, не утихавших несколько лет и в немалой степени неформально консолидировавшее русскую эмиграцию, – заявление А.В. Пешехонова о намерении восстановить советское гражданство. Пешехонов, буквально одержимый тоской по родной земле и желанием вернуться в Россию, пусть даже советскую, в течение 1924–1927 гг. доказывал эмиграции ее политико-культурную ненужность для родины, неактуальность сохранения старых традиций в языке, отношении к жизни и миру, уверял, что по-настоящему приносить пользу своей стране можно, только будучи ее гражданином. За это демократическая эмиграция обвинила его в капикулянтстве перед большевиками. Осуждая Пешехонова, эсеры и народные социалисты были едины как никогда, и с ними солидарны были представители несоциалистической эмиграции – например, бывшие кадеты. Нужно отметить, что критический пафос у социалистов был гораздо выше, чем у либералов, причем народные социалисты клеймили

позицию своего однопартийца еще жестче, чем даже эсеры. Последних гораздо больше занимала их адаптация к местным социокультурным условиям, которые должны были стать для них теперь своими: после процесса над ПСР 1922 г. они отлично понимали, что безопасный путь на родину для них закрыт, а очертя голову рваться навстречу неизбежным тюрьме и смерти – не героизм, а авантюризм или, скорее, глупость. Народный социалист С.П. Мельгунов написал эсеру А.А. Аргунову о своем отношении к позиции Пешехонова: «Я антипод» (Протасова, 2019: 207). Даже дружеские связи Пешехонова с соратниками, длившиеся много десятилетий, как, например, с В.А. Мякотиним, рвались, не выдержав испытания политическими страстями. «Я мог бы возгордиться, – с горьким сарказмом говорил Пешехонов. – ...Я воссоздал единый фронт русской эмиграции... И весь этот фронт двинулся против меня» (Протасова, 2004: 201). В своей любви ко всему исконно русскому, простонародному, в упрямом нежелании встроиться в европейскую среду, Пешехонов стоял особняком среди эмигрантов-социалистов, смирившихся с необходимостью искать смысл своей деятельности в ином, по сравнению с российским прошлым, качестве – публицистов, пропагандистов универсальных основ демократического социализма.

Постепенно утрачивая в чужих политико-культурных реалиях актуальность, со временем, скорее, данью прошлому становились и различия по партийному признаку, хотя наиболее верные адепты той или иной идеологии (как, например, В.М. Чернов, С.П. Мельгунов, Ф.И. Дан и др.) вплоть до II Мировой войны подчеркивали свою политическую самоидентификацию. Неумолимый В.М. Чернов мечтал о превращении эсерства из национально-русского течения в международное (Письма В.М. Чернова, 2014: 225): по его мнению, именно эсеровские идеи способны объединить разочарованных большевистским вариантом марксизма социалистов всех стран. В послевоенные годы оставшиеся в живых эмигранты-социалисты (их оставались уже считанные десятки, а тех, кто не отошел от политических занятий, – еще меньше) уже практически не упоминали о своей партийной принадлежности. Многолетняя жизнь в Европе и особенно в Америке (туда вынуждены были перебраться многие российские эмигранты первой волны, спасаясь от нацизма) привела к осознанию того, что общая для всех них цель и ценность – демократия, без которой социализм невозможен; что в СССР – вовсе не социалистический строй, а государственный капитализм в самой худшей форме несвободы и беззакония. В.М. Чернов называл большевистский псевдосоциализм «социализмом роботов» (Чернов, 1947: 20), «русским самодержавием наизусть» (Чернов, 1947: 21). Однако по понятным причинам (преклонный возраст, географическая и хронологическая удаленность от родины, после Великой Победы не вызывавшая ни у кого сомнений крепость коммунистических позиций в СССР) о возможностях смены советской политической системы социалисты-эмигранты уже рассуждали, скорее, умозрительно, следуя инерции, в зарубежной периодике, а также в рамках своих воспоминаний, в большом количестве выходящих в 1950-е годы в США, Франции и других странах.

5. Заключение

В завершение дискурса следует уточнить время и стороны упущенных шансов консолидации неонародников: итак, эсеры и народные социалисты могли создать общую партию на учредительном съезде ПСР в декабре 1905 г., народные социалисты и трудовики могли стать единой организацией в 1906 г., все народники вместе (уже в качестве пусть не объединенной партии, но тесной коалиции) имели возможность максимально политически сблизиться в 1917 г.

Что этому помешало? В ряде вопросов между правыми и левыми народниками – энесами и эсерами – было сходства гораздо больше, чем различий: это и нацеленность на социализм как строй классовой солидарности, свободы и демократии; и общий взгляд на социальную базу прогресса («трудовой народ»), и родство мнений в отношении этики в политике. Однако все это была, если можно так выразиться, общность стратегическая, не устоявшая перед страстями политической конкуренции, как сейчас говорят, «в режиме реального времени», перед столкновениями политических амбиций, нравов и темпераментов. К коренным препятствиям созданию общей платформы можно, на наш взгляд, отнести разногласия по организационному вопросу, к частным – расхождению по вопросам тактики и методов борьбы, к принципиальным, но, вероятно, отчасти решаемым (при условии конструктивного сотрудничества) – вопросы программного характера. Здесь по ряду ключевых пунктов мог быть найден консенсус. Субъективный, психологический фактор дополнял, а нередко и обуславливал обоюдное отторжение позиций, разводя несостоявшихся политических партнеров со временем все дальше в разные стороны.

Намерения объединить социалистический фронт, время от времени высказывавшиеся отдельными представителями русской эмиграции, вряд ли правомерно рассматривать в ряду серьезных возможностей организационно-политической консолидации: даже в случае успеха *политические* потенции такого альянса были бы сильно ограничены, если не вовсе перечеркнуты, его фактической виртуальностью, оторванностью от отечественной почвы.

6. Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-09-00059А.

Литература

Всероссийское Учредительное собрание, 2014 – Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия / Автор-составитель Л.Г. Протасов. М., 2014.

Советская историческая энциклопедия, 1976 – Советская историческая энциклопедия. В 16 т. Т. 16. М., 1976.

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 225. Оп. 1. Д. 65. Л. 42.

Вишняк, 1954 – Вишняк М.В. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954.

Гусев, 1999 – Гусев К.В. В.М. Чернов. Штрихи к политическому портрету. М., 1999.

Ерофеев, 1979 – Ерофеев Н.Д. Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979.

Коновалова, 2009 – Коновалова О.В. В.М. Чернов о путях развития России. М., 2009.

Ленин, 1973 – Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание 5. В 55 т. Т. 24 (сентябрь 1913 – март 1914). М., 1973.

Леонов, 2019 – Леонов М.И. Народничество в партийных и общественных отношениях рубежа XIX–XX вв. // *Народники в истории России: Межвузовский сборник научных трудов*. Вып. 3 / Редкол.: Г.Н. Мокшин (отв. ред.) и др. Воронеж, 2019. С. 146–161.

Межуев, 1991 – Межуев В. Есть ли будущее у социализма? // *Свободная мысль*. 1991. № 14. С. 6–18.

Морозов, 1998 – Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998.

Морозов, 2014 – Морозов К.Н. «Партия трагической судьбы»: вклад партии социалистов-революционеров в концепцию демократического социализма и ее место в истории России // *Судьбы демократического социализма в России: Сборник материалов конференции* / Отв. ред. К.Н. Морозов; сост. К.Н. Морозов, А.Ю. Суслов. М., 2014. С. 37–56.

Морозов, 2013 – Морозов К.Н. Феномен субкультуры российского революционера начала XX в. // *Человек и личность в истории России, конец XIX–XX век: Материалы международного colloquiuma* (Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 года). СПб, 2013. С. 134–148.

Письма В.М. Чернова, 2014 – «Мы, русские, другие, мы созданы для испытаний». Письма В.М. Чернова. 1920–1941 / Публ., вступ. сл., подг. текста и коммент. Г.В. Лобачевой, А.П. Новикова. Саратов: 2014.

Пешехонов, 1917 – Пешехонов А.В. Почему мы тогда ушли? // *Русское богатство*. 1917. № 11–12. С. 325–340.

Протасова, 2004 – Протасова О.Л. А.В. Пешехонов: Человек и эпоха. М., 2004.

Протасова, 2019 – Протасова О.Л. Деятели российского демократического социализма первой четверти XX века на родине и в эмиграции. Рига, 2019.

Русское зарубежье, 1997 – Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. М., 1997.

Сыпченко, 1999 – Сыпченко А.В. Народно-социалистическая партия в 1907–1917 гг. М., 1999.

Чернов, 1947 – Чернов В.М. Истоки // *За свободу*. 1947. № 18. С. 13–24.

Шубин, 2007 – Шубин А.В. Гражданское общество в СССР // *Основные этапы формирования гражданского общества в странах Западной Европы и России в XIX–XX вв.* М., 2007. С. 237–257.

References

Chernov, 1947 – Chernov V.M. (1947). Istoki [Origins]. Za svobodu. № 18: 13–24. [in Russian]

Erofeev, 1979 – Erofeev N.D. (1979). Narodnye socialisty v pervoj russkoj revolyucii [People's socialists in the first Russian revolution]. M. [in Russian]

Gusev, 1999 – Gusev K.V. (1999). V.M. Chernov. Shtrihi k politicheskomu portretu [V.M. Chernov. Touches to the political portrait]. M. [in Russian]

Konovalova, 2009 – Konovalova O.V. (2009). V.M. Chernov o putyah razvitiya Rossii [V.M. Chernov on the ways of Russia's development]. M. [in Russian]

Lenin, 1973 – Lenin V.I. (1973). Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]. Izdanie 5. V. 55 t. T. 24 (sentyabr' 1913 – mart 1914). M. [in Russian]

Leonov, 2019 – Leonov M.I. (2019). Narodничество v partijnyh i obshchestvennyh otnosheniyah rubezha XIX – XX vv. [Narodничество in party and public relations of the turn of the XIX – XX centuries]. *Narodniki v istorii Rossii: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov*. Vyp. 3. Redkol.: G.N. Mokshin (otv. red.) i dr. Voronezh. Pp. 146–161. [in Russian]

Mezhuev, 1991 – Mezhuev V. (1991). Est' li budushchee u socializma? [Is there a future for socialism?]. *Svobodnaya mysl'*. №14: 6–18. [in Russian]

Morozov, 1998 – Morozov K.N. (1998). Partiya socialistov-revolucionerov v 1907–1914 gg [Party of socialists-revolutionaries in 1907–1914]. M. [in Russian]

Morozov, 2013 – Morozov K.N. (2013). Fenomen subkul'tury rossijskogo revolyucionera nachala XX v. [Phenomenon of subculture of the Russian revolutionary of the beginning of the XX century]. *Chelovek i lichnost' v istorii Rossii, konec XIX – XX*. SPb. Pp. 134–148. [in Russian]

Morozov, 2014 – Morozov K.N. (2014). «Partiya tragicheskoy sud'by»: vklad partii socialistov-revolucionerov v koncepciyu demokraticeskogo socializma i ee mesto v istorii Rossii [“The party of tragic

fate": the contribution of the socialist-revolutionary party to the concept of democratic socialism and its place in the history of Russia]. *Sud'by demokraticeskogo socializma v Rossii*. M. Pp. 37-56. [in Russian]

NIOR RGB – Nauchno-issledovatel'skij otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki [Research Department of manuscripts of the Russian state library]. F. 225. Op. 1. D. 65. L. 42. [in Russian]

Peshekhonor, 1917 – *Peshekhonor A.V.* (1917). Pochemu my togda ushli? [Why did we leave then?]. *Russkoe bogatstvo*. № 11-12: 325-340. [in Russian]

Pis'ma V.M. Chernova, 2014 – «Мы, русские, другие, мы созданы для испытаний» ["We, the Russians, are different, we are created for testing"]. Pis'ma V.M. Chernova. 1920–1941. Saratov, 2014. [in Russian]

Protasova, 2004 – *Protasova O.L.* (2004). A.V. Peshekhonor: Chelovek i epoha [A.V. Peshekhonor: the Man and the era]. M. [in Russian]

Protasova, 2019 – *Protasova O.L.* (2019). Deyateli rossijskogo demokraticeskogo socializma pervoj chetverti XX veka na rodine i v emigracii [Figures of Russian democratic socialism of the first quarter of the twentieth century at home and in exile]. Riga. [in Russian]

Russkoe zarubezh'e, 1997 – *Russkoe zarubezh'e* (1997). Zolotaya kniga emigracii. Pervaya tret' XX veka [Russian Diaspora. Golden book of emigration. First third of the twentieth century]. M. [in Russian]

Shubin, 2007 – *Shubin A.V.* (2007). Grazhdanskoe obshchestvo v SSSR [Civil society in the USSR]. Osnovnye etapy formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v stranah Zapadnoj Evropy i Rossii v XIX-XX vv. M. Pp. 237-257. [in Russian]

Sovetskaya istoricheskaya enciklopediya, 1976 – *Sovetskaya istoricheskaya enciklopediya* [Soviet historical encyclopedia]. V 16 t. T. 16. M., 1976. [in Russian]

Sypchenko, 1999 – *Sypchenko A.V.* (1999). Narodno-socialisticheskaya partiya v 1907-1917 gg. [People's socialist party in 1907-1917]. M. [in Russian]

Vishnyak, 1954 – *Vishnyak M.V.* (1954). Dan' proshlomu [A tribute to the past]. New-York. [in Russian]

Vserossijskoe Uchreditel'noe sobranie, 2014 – *Vserossijskoe Uchreditel'noe sobranie: Enciklopediya* [All-Russian Constituent Assembly: encyclopedia]. Avtor-sostavitel' L.G. Protasov. M., 2014. [in Russian]

Российские неонародники первой четверти XX века в межпартийных и межличностных отношениях

Ольга Львовна Протасова^{a, *}

^a Тамбовский государственный технический университет, Тамбов, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена политическим и «человеческим» взаимоотношениям двух неонароднических партий России первой четверти XX века – социалистов-революционеров и народных социалистов. Актуальность ее тематики обусловлена полезностью изучения опыта цивилизованного, хотя и не всегда достаточно конструктивного, политического сотрудничества демократических сил в условиях социально-экономической и политико-культурной модернизации страны начала XX в. и эпохи Великой Российской революции (1917 г.). Новизна поставленной в данной работе проблемы состоит в применении не только чисто исторического, но и социально-психологического подхода к анализу межпартийных и межличностных отношений, гораздо более сложных и непредсказуемых, чем градация по формально-партийному признаку. Предмет исследования – попытки политической кооперации партий, сходных по идеологическому духу, но различных по политическому темпераменту. Анализируются подходы обеих организаций к основным методам политической борьбы, отношение к возможности нелегальной деятельности, к вариантам поиска потенциальных союзников на внутривнутриполитической арене; выявлены базовые противоречия между партиями по данным вопросам. Значительное место уделено социально-психологическим характеристикам лидеров и ведущих идеологов партий – В. Чернова и А. Пешехонова. Показано, как и почему при сходстве взглядов на социализм – по их убеждению о прогрессивном строе будущего, общем следовании идеям демократии, практически в равной степени строгом соблюдении моральных принципов в политике, при ориентации на общую социальную платформу («трудовой народ») – эти организации упустили возможность создания единой партии, проводившей бы в жизнь идеалы демократического социализма.

Ключевые слова: неонародничество, политические партии, социалисты-революционеры, народные социалисты, революция, государство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: olia.protasowa2011@yandex.ru (О.Л. Протасова)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1378-1386. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1378
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The German Soldier in the “Enemy Image” in Russian Propaganda during the First World War (on the Proclamation Materials)

Olga A. Arshintseva ^{a, *}, Vyacheslav N. Kozulin ^a, Pavel V. Ulyanov ^a, Yury G. Chernyshov ^a

^a Altai State University, Russian Federation

Abstract

This article analyzes the factors of the formation and development of the image of a soldier of the German Empire in Russian propaganda during the First World War (1914–1917). The study is based on material from Russian leaflets and proclamations, both in archives and published. The author's approach to the study of texts from original, published and unpublished sources is based on the method of analysis and is associated with imagology and sociocultural history. The authors of the article highlight the key features of the development of the image of German soldiers loyal to the Kaiser in the official propaganda aimed at shaping the fighting spirit and hatred of the "enemy" in the mass consciousness of Russian soldiers. They underline the massive and targeted nature of Russian propaganda. In the patriotic discourse of war leaflets and proclamations, negative characteristics and stereotypes were used to “dehumanize” the image of a soldier of the Second Reich. In conclusion, the authors emphasize that as the war continued, anti-German propaganda gave way to general war weariness. This, in turn, neutralized efforts to promote the "enemy image" in relation to the German soldier in the mass consciousness of Russian troops, freeing it from the stereotypes formed by official propaganda.

Keywords: “enemy image”, German soldier, Russian patriotic propaganda, First World War.

1. Введение

Любой вооруженный конфликт зачастую связан с мобилизацией всех имеющихся ресурсов в государстве, начиная с людских и заканчивая информационными. Среди множества войн Первая мировая, или, как ее порой именуют в зарубежной историографии, Великая война, занимает особое место. Это связано с тем, что ее события наполнены разнообразными сюжетами, связанными не только с военно-техническими, но и информационными разработками и методами ведения войны. Наряду с мобилизацией всех ресурсов, в каждой воюющей стране-участнице активно шла пропаганда, которая была нацелена на объединение всех слоев общества перед лицом «внешней угрозы». В 20-х гг. XX века события этой войны стали предметом исследования, а после окончания Второй мировой войны приобрели еще большую актуальность. При этом в современной исторической науке, несмотря на высокую степень разработанности, тема Первой мировой продолжает сохранять свою актуальность. Об этом свидетельствует заметно возросший, особенно в связи со 100-летием войны 1914–1918 гг., интерес зарубежных и отечественных историков не только к традиционным сюжетам, но и к проблемам информационно-пропагандистского противоборства военного времени (Paddock, 2014: 360).

Современные исследователи зачастую пишут о войне 1914–1918 гг. как о масштабной трагедии. Данное представление о Первой мировой войне отражено, например, в работе итальянского историка Э. Джентиле. В ней автор описывает военные события с позиции дихотомии «прогресс в науке и

* Corresponding author

E-mail addresses: arol-s@yandex.ru (O.A. Arshintseva), capreanus@gmail.com (V.N. Kozulin), imperialnext@mail.ru (P.V. Ulyanov), ashpi@ya.ru (Yu.G. Chernyshov)

технике – регресс человеческой цивилизации». Он неоднократно отмечает целенаправленный характер действий всех стран-участниц вооруженного конфликта, в частности в сфере информационно-пропагандистского воздействия на массовое сознание. Именно в период Первой мировой войны, по мнению исследователя, использование всевозможных средств массовой коммуникации оказало огромное влияние на эффективность государственного аппарата в формировании и развитии в массовом сознании «образа врага». Этот «враг» зачастую воспринимался «зверем» и носил демонизированный характер (Джентиле, 2014: 121).

Для выявления универсальных тенденций и специфики национальных пропагандистских практик и таким образом расширения возможности комплексного сравнительного анализа в данной статье предпринимается попытка исследования российского опыта пропаганды – продвижения «образа врага» в листовках военного времени. Стоит отметить, что для русских именно немцы нередко выступали в роли собирательного образа «европейского Другого» – образа, отталкиваясь от которого можно было более рельефно выстроить свою собственную идентичность. За многие века взаимодействия двух народов в отношении немцев накопились два основных «набора» стереотипов, которые можно условно определить как «мирный» набор («хозяйственные», «любящие порядок» и т.д.) и «военный» («агрессивные», «жестокие» и т.д.) (Чернышов, 2009: 423).

2. Материалы и методы

В качестве основного исторического источника статьи взяты листовки, которые адресованы российской армии и населению. Представленные в печатном и рукописном варианте тексты некоторых листовок времен Первой мировой войны хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА). Все они написаны на русском языке и изготовлены в типографиях военного командования, государственных и общественных организаций. Большая часть материалов имеет конкретных авторов. В легенде листовок указаны место хранения (номер фонда, описи, дела, листов), место и обстоятельства обнаружения конкретной листовки.

Выбор листовок как источника обусловлен их особым характером как одного из самых популярных и массовых видов печатной пропагандистской продукции, выпускавшейся огромными тиражами. Учитывая техническую легкость создания листовок и их сравнительную дешевизну, все страны активно использовали этот способ распространения информации в массовых аудиториях, включая собственные армии и солдат противника. Листовки как жанр соединяли основные принципы пропагандистского текста: малый объем, простоту и выразительность, облеченные в лозунги, апелляцию к эмоционально-психологическому восприятию и стереотипическим образам массового сознания, включая «образ врага».

Тема статьи лежит в русле популярной в настоящее время в исторической науке культурно-антропологической проблематики. Одним из наиболее разрабатываемых направлений в сфере «культурно-антропологической истории» является имагология – направление, специализирующееся на изучении представлений народов друг о друге (Папилова, 2011: 31-40). Методология этого междисциплинарного направления во многом отличается от многих других подобных направлений в исторической науке, в частности этнопсихологии. В исследованиях по имагологии или имиджелогии огромное значение имеют источники, отражающие определенные представления, стереотипы, качественные характеристики и мнения о конкретном объекте восприятия (Козулин, 2015: 3-4, 8-10).

3. Обсуждение

Особую популярность у исследователей-гуманитариев имагологический подход приобрел на рубеже XX–XXI вв. (Поляков, 2008: 8-10; Поляков, Полякова, 2013: 251-253), а современная «имагологическая» историография насчитывает уже огромное количество работ на разных языках. Среди них особое место принадлежит многочисленным исследованиям, авторы которых рассматривают процессы и механизмы конструирования «образа врага» в мировой традиции (Keen, 1986; Neumann, 1994: 63-69; Malcolm, 2019: 502; Robin, 2001: 294; Гасанов, 1998: 187-208; Сенявская, 2006). В 2004 году была предпринята попытка обобщения отечественного опыта изучения «образа врага» в изданном под редакцией известного социолога Л.Д. Гудкова сборнике «Образ врага» (Гудков, 2005: 12). Во вступительной статье к нему Лев Гудков подчеркивает специфику «образа врага», делает акцент на его отличии от «образа другого» и других сопредельных образов. По его мнению, главная функция «образа врага» заключается в том, чтобы нести представления о том, что является угрозой самому существованию определенной группы, с которой идентифицирует себя субъект, а также ее ключевым ценностям.

В реальной политике значимый «Другой» является полифункциональным объектом; реальная политика задает множество вариаций «Других», в диапазоне от образа «союзника» (на эту тему существует специальная литература, например монография А.В. Голубева и О.С. Поршневой (Голубев, Поршнева, 2012: 392), где, кроме «образа союзника», рассматриваются и другие градации (как, например, «враги второй очереди») – до абсолютного образа «врага». В кризисных условиях масштабного конфликта, как показывает опыт Первой мировой войны, политические элиты воюющих государств в своей информационно-пропагандистской политике использовали четкую

универсальную модель бинарной оппозиции с позитивными («мы») и негативными («они – враги») образцами. Она позволяла транслировать основополагающие принципы официальной позиции и ответы на базовые вопросы: цели войны (за что воюем?), противники (против кого воюем?) и союзники (кто сражается на нашей стороне?). Примечательно, что каждая из сторон вооруженного конфликта считала, что она ведет оборонительную, а значит, справедливую войну. И все же в пропаганде подчеркивалась главная цель. Так, для Австрии и Германии война велась против славянской угрозы. Для русских война шла против прусского милитаризма. Во Франции были широко распространены идеи возвращения Эльзаса и Лотарингии, потерянных в результате франко-прусской войны (1870–1871 гг.). В Великобритании война была оборонительной и велась против Германии, стремившейся стать величайшей державой мира (Уолтер Лакер) (Горянин, 1997).

Изучение специфических пропагандистских приемов, целей и эффективности пропаганды невозможно без исторически достоверной реконструкции коллективного (массового) сознания аудитории, на которую рассчитано пропагандистское воздействие. В современной историографии проблема морально-психологического состояния европейского общества в 1914 году остается дискуссионной. В частности, далеко не все исследователи разделяют популярный тезис о всеобщем патриотическом подъеме, охватившем население воюющих стран, подчеркивая факт неизбежной смены общественного настроения по мере того, как война приобретала затяжной характер (Юдин, 2012). Стоит отметить, что от начала войны и до ее окончания актуальными и злободневными для государств-участников вооруженного конфликта были вопросы, связанные с самоидентификацией. В связи с разнородностью масс (от солдат на фронтах до гражданских в тылу, от командования до рядовых, от «простого народа» до правительств) как объекта официальной пропаганды она неизбежно приобретала социально-психологический характер. Кроме «своих», другими объектами информационно-пропагандистского воздействия в условиях войны были противники, союзники и нейтральные страны. В исследованиях, посвященных пропагандистской практике периода Первой мировой войны, они занимают самостоятельное место и выходят за тематические рамки данной статьи.

Мировая война (1914–1918 гг.) стала, по выражению британского историка Н. Фергюсона, «первой медийной войной»; по его мнению, было две войны – та, на которой сражались, и та, о которой говорили (Фергюсон, 2019: 261, 278). Прибегая к еще более популярному определению Первой мировой войны как «первой войны масс», следует признать, что поиск новых эффективных способов воздействия на массовое сознание оказался самостоятельной задачей и важным условием достижения победы. При этом оказался востребованным предвоенный опыт массовой политической мобилизации стран Запада в связи с демократизацией и либерализацией избирательных систем и увеличением электората, включая практику авторитарных режимов будущих военных противников – Германии и России. Таким универсальным инструментом воздействия на массовое сознание стала апелляция к устойчивым стереотипам, включая исторически сложившиеся представления о своей стране, внешнем мире и других народах.

На общем фоне примечательна активность отечественных исследователей А.Б. Асташова (Асташов, 2012: 400), Е.С. Сеньянской (Сеньянская, 2006: 288), В.Б. Миронова (Миронов, 2014: 304), М.В. Оськина (Оськин, 2010: 367) и Н.В. Юдина (Юдин, 2012: 50-58) по изучению антигерманской пропаганды 1914–1918 гг. в России и странах Антанты в целом. В зарубежной историографии попытка выявить особенности формирования «образа врага» в российской традиции предпринимается в работах британских историков Дж. Кигана (Keegan, 2013: 700) и Н. Стоуна (Стоун, 2010: 219), посвященных главным образом британским сюжетам. Эта тема затронута и в трудах французских исследователей Ж.-Ж. Беккера (Беккер, 2006: 157) и С. Монтана (Montant, 1990: 136-149), которые, в свою очередь, обобщают французский опыт пропаганды и агитации с использованием «образа врага». Одним из первых отметил значение пропаганды «образа врага» американский ученый Г. Лассуэлл, признанный авторитет в данной области (Lasswell, 1927: 233). В новейших работах, в частности немецкого историка С. Мюллера (Müller, 2002: 427), популярно сравнение пропагандистского опыта различных стран в военное время. Вместе с тем проблема эволюции «образа врага» как универсального пропагандистского инструмента остается малоизученной и поэтому перспективной для специальных разработок.

4. Результаты

Опираясь на выводы и наработки зарубежных и отечественных ученых, обратимся к содержанию текстов российских листовок, чтобы выявить черты и особенности образа немецкого солдата.

Начало Первой мировой войны воспринималось большинством населения Российской империи как внезапное событие и испытание перед Богом. О вынужденном объявлении войны Австро-Венгрии, а уж затем и ее союзнице – Германии было написано в манифестах царского правительства 2 и 8 августа 1914 г. В них же царская власть призывала население страны помочь «единокровным и единоверным» братьям-сербам, подвергшимся агрессии со стороны Австро-Венгрии. Призывы защитить Россию и Сербию от Австро-Венгрии и Германии способствовали росту патриотических настроений в российском обществе. Однако некоторые россияне не понимали, кто такие

сербы, и даже не имели представлений о политических мотивах Германской империи воевать с Российской империей из-за маленькой Сербии. Такая тенденция в восприятии «верного союзника» и «извечного врага» прослеживается в воспоминаниях генерала А.А. Брусилова (Брусилов, 2013: 74-75).

В условиях роста ура-патриотических настроений в российском обществе в первые годы войны царское правительство поставило задачу поддержать «оборонное сознание» населения страны и при содействии военного командования объяснить солдатам и призывникам, с каким «врагом» предстоит воевать, о чем свидетельствует одна из листовок.

Из приказа № 107 войскам I-го армейского корпуса от 25 июля 1914 года, подписанного генералом от инфантерии Артамоновым, можно выявить яркие и относительно объективные черты немца-солдата (РГВИА. Ф. 2110. Оп. 1. Д. 1434. Л. 40-41об.). Данная листовка в качестве текста содержит армейский приказ о начале войны, и в нем автор (генерал Артамонов) объясняет российским солдатам, почему с «врагом» необходимо грамотно воевать. Помимо призыва к борьбе с «внешней угрозой» в лице немцев и австрийцев, в тексте присутствуют черты германских солдат, которые «сильны в брани», «превосходно вооружены», «военное дело обратили в ремесло», «обучают войне явных и тайных недругов (России)». Итак, не указывая конкретно на немецкого солдата, автор подчеркивает, что немецкий солдат – это «опасный враг», который является профессионалом в военном деле, грамотно подходит к ведению войны и отличается дисциплинированностью, отчего не может восприниматься «нелепым воякой». Поэтому российских солдат предупреждали о столкновении с «педантичным противником». Далее в тексте выделяются сильные и слабые стороны германской армии, что было связано непосредственно с характеристикой солдат. Среди сильных сторон выделяются строгость системы, железная дисциплина, знания своих обязанностей, точность, аккуратность, исполнительность, уверенность в превосходстве. Слабые стороны – это жестокое обращение офицеров с солдатами, презрительное неуважение к российской армии, переоценка собственных сил, лень, неаккуратность и небрежность (последние, надо заметить, противоречат положениям сильных сторон). В целом можно увидеть очень подробное описание «немца-врага», в котором выделяются различные особенности его поведения, отчего образ его носит устойчивый и целостный характер.

В листовке 1915 года «Из святого града Киева», обращенной к российской армии, содержался призыв воевать с германским солдатом внимательно и относиться к исполнению долга со всей серьезностью (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3855. Л. 111). У нее нет автора, но по содержанию можно предположить, что она составлена представителями Русской православной церкви, которые также весьма активно занимались пропагандой во время войны. В самом тексте немец предстает как «жестокий», «злой», «коварный» и «хитрый» противник. В подтверждение характеристики приводились реальные действия противника на фронте. Забрасывая русских солдат листовками с призывами сдаваться в плен, к самим пленным он проявляет крайнюю жестокость. Создаваемый пропагандой образ «нечестивого тевтона» должен был служить для российских солдат оправданием применения физической силы по отношению к «чудовищу», которого можно и «надо уничтожать».

Другим способом донести до армейских частей мысль о допустимости «уничтожать зверей» были «письма» пленных солдат, адресованные нижним чинам действующей армии, напечатанные в форме листовок начальником разведывательного отделения Северного фронта полковником Н.С. Батюшиным (РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 632. Л. 4). В одном таком письме, согласно данным иностранных газет, развенчивается миф о «хорошем» обращении немцев (германских солдат) с пленными россиянами. В тексте Н.С. Батюшин пишет, что «солдаты Германии содержат пленных как скот в отвратительных условиях, кормят картофельными очистками не более раза в неделю». Похожие сюжеты можно встретить в воспоминаниях российских солдат, побывавших в немецком плену. Так, например, В.В. Корсак (Звадский) приводит речь русского солдата, ставшего очевидцем, как немец заколол штыком пленного, просившего поест, пишет, что пленных не кормили, давая лишь по мешочку с бисквитами, и порой протыкали штыками пленных (Корсак, 2011: 26, 36). Подобные сюжеты есть и у Ю. Кирша, описывающего, как тяжелораненых пленных закалывали штыками, оставшихся в живых хотели зарезать, морили голодом и относились как к «стаду свиней» (Кирш, 2014: 42, 53, 60). Здесь также можно выделить листовку без автора с названием «Братцы!» 1915 года, в которой отражен и оправдан призыв к уничтожению германских солдат как «зверь-человека», которому приписывались жестокость и злость, вымещающиеся на беззащитных пленных, отчего давался российским войскам совет: «умирать, но в плен не попадать (подразумевается в листовке, ибо в «немецком плену» будет хуже)». Для предотвращения попыток сдачи в плен или дезертирства создавался устойчивый по своему характеру «образ изверга» с самыми низменными и нечеловеческими качествами. Это была еще одна особенность «врага». Поэтому солдата Германии целенаправленно изображали «злом», демонизируя его образ, обособляя «немецкое чудовище» от всего «рода человеческого».

Подобные аргументы грамотно подкреплялись плакатами и рисунками. В качестве примера можно привести серию работ московской типолитографии Торгового дома «А.В. Крылов и Ко» 1914 года, изображающих германских солдат как «агрессивных зверей», убивающих мирных жителей,

насилующих женщин, занимающихся мародерствами и убийствами ([Великая европейская война, 2014: 70-71, 93, 104, 122](#)).

В качестве показательного примера можно привести листовку 1915 года комитета «Непобедимая Россия», адресованную его президентом Головиным российским войскам ([РГВИА. 2067. Оп. 1. Д. 2908. Ч. 2. Л. 475-4750б.](#)). В ней «германец» предстает в двойственном образе. С одной стороны, немец (германский солдат) – это «лютый враг», «забывший Бога, потерявший совесть, нарушивший международное право и вторгнувшийся в пределы *Нашего* Отечества». Германский солдат – «агрессор», совершающий на территории России военные преступления, наделенный чертами «тевтонского варвара». С другой стороны, в листовке германский солдат предстает как враг, которого можно и нужно победить «при желании без орудий и снарядов...» ([РГВИА. 2067. Оп. 1. Д. 2908. Ч. 2. Л. 475-4750б.](#)). Эта листовка относится к 30 августа 1915 года и связана с «Великим отступлением» российской армии, в результате которого были потеряны Польша, Литва и Галиция (Западная Украина), когда в тяжелых условиях 23 августа император Николай II принял на себя должность главнокомандующего. На фоне поражений авторы листовок нередко вынуждены были рисовать «образ врага» в более реалистичных красках, чтобы в условиях массовых потерь и военных поражений не вводить войска в заблуждение относительно возможностей противника.

По мере развития событий на фронте менялись и пропагандистские приемы в изображении противника. Накануне знаменитого «Брусиловского прорыва» генерал от инфантерии Р.Д. Радко-Дмитриев подготовил в форме листовки приказ № 376 от 25 апреля 1916 года для 12-й армии, который не подлежал оглашению вне войск, отчего заслуживает особого внимания ([РГВИА. Ф. 2030. Оп. 1. Д. 295. Л. 77-78](#)). В тексте отсутствовало упоминание о зверствах или жестоком обращении противника с пленными, а германскому солдату приписывались такие черты, как «хитрость», «дерзость», «подлость», наряду с состоянием «слабости» и «усталости», что должно было поднять боевой дух армии накануне наступления. Рисуя немецких солдат и офицеров «серьезным противником», автор подчеркивал, что германское командование по требованию кайзера Вильгельма II нацеливает свои войска на полный и окончательный разгром русских армий. Таким образом, автор явно стремился укрепить «оборонное сознание» подчиненных, что сыграло определенную роль в успехе военной операции на Юго-Западном фронте под командованием генерала А.А. Брусилова.

Февральская революция 1917 года привела к ослаблению «оборонного сознания» населения и к тому, что пропаганда практически перестала работать. Связано это было с тем, что 1 марта 1917 года Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов был издан и подписан Временным правительством «Приказ № 1», освобождавший войска от подчинения своим офицерам. Предназначенный для «успокоения» войсковых частей петроградского гарнизона документ по беспроволочному телеграфу был передан в армию, после чего в российской армии стали формироваться солдатские комитеты и началось братание с немцами ([Бубнов, 2014: 114](#)). После распространения «Приказа № 1» контрпропагандистские методы воздействия на массовое сознание были бесполезны.

И тем не менее временное правительство продолжало проводить агитационные кампании. Так, в листовке от 9 марта 1917 года, подписанной военным министром А.И. Гучковым и напечатанной в типографии Министерства внутренних дел, реанимируется «образ врага» ([РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 952. Л. 34](#)). Немец «не дремлет», а пользуется ситуацией и стягивает силы к Петрограду. Пропагандисты Временного правительства, как и предшественники, называют немцев «поработителями» и «захватчиками». Но этот ставший привычным пропагандистский шаблон утратил силу в условиях военно-политического кризиса февраля–марта 1917 г.

В связи с усталостью от войны, массовыми потерями на фронтах и материально-технологическим истощением страны и революцией Россия не могла продолжать Первую мировую войну. Вдобавок выступление вернувшегося в это время в Россию В.И. Ленина с «апрельскими тезисами», в которых был сформулирован призыв заключить мир с Германией, обесценило официальные пропагандистские усилия. Для противостояния «ленинской программе» по приказу штабс-капитана В. Пржевальского было подготовлено «воззвание к солдатам русской армии» от 24 апреля 1917 года, в котором опять возникает образ немецкого солдата как «зверя» и «завоевателя» ([РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1561. Л. 13-14](#)). Однако это не могло сработать в условиях начавшегося разложения в армии и растущего недовольства солдатских масс. Не оказало на них реального воздействия и «майское воззвание воинам земли русской», подготовленное делегатом временного комитета государственной думы Могилевской губернии и священником Никанором Разумовичем, несмотря на содержащийся в нем весьма яркий образ «немца-чужеземца» и «опасного врага Русских и Славян» ([РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1561. Л. 79-790б.](#)).

Вслед за военными и политиками деятели РПЦ, присягнувшие Временному правительству, также попытались «возродить» образ немецкого солдата как «извечного врага» и «нечестивого тевтона» Но ни призывы, ни «предречения завоевания России немецкими войсками» уже не могли достигнуть желаемых мобилизационных целей. Для солдатских масс, ядро которых составляли выходцы из деревни, гораздо привлекательнее были лозунги большевиков и эсеров, их призывы покончить с войной и обещания решить аграрный вопрос в пользу крестьян.

После Октябрьской революции антигерманская пропаганда в российском обществе не имела серьезного влияния. Советская власть 26 октября (8 ноября) 1917 года издала декрет о мире «без аннексий и контрибуций» и 9 (22 декабря) того же года заключила временное перемирие с Германией. При этом, как ни странно, до мая 1918 года, до начала гражданской войны, немецкий солдат рассматривался как «оккупант». В качестве примера можно привести декрет совнаркома «Социалистическое отечество в опасности» от 21 февраля 1918 г. (Вьюнова и др., 1969: 18-19). В нем говорится о том, что, несмотря на желание советского руководства подписать мирный договор, «германские генералы хотят установить свой «порядок» в Петрограде и в Киеве». Его авторы, члены СНК, предупреждают о начале наступления германской армии. Их опасение в отношении немцев подтвердилось в обращении начальника штаба Верховного главнокомандующего М.Д. Бонч-Бруевича. В нем автор призывает войска северного и западного фронтов остановить наступление немецких войск, в которых он видел угрозу «завоевания» (Вьюнова и др., 1969: 19-20). Именно наступление немецкой армии по всему Восточному фронту вынудило большевиков пойти на подписание Брест-Литовского мирного договора 3 марта 1918 года. И, несмотря на это, Германия по-прежнему для России представляла опасность, о чем говорится в директиве «о боеспособности в связи с военной опасностью со стороны Германии» от 31 мая 1918 года (Вьюнова и др., 1969: 46-47). Это последний документ, в котором еще сохраняется представление о том, что «в Германии существует крайняя партия, недовольная даже хищническим Брестским миром», и о германском солдате как о «серьезном» военном противнике, но в тексте документа видно, что он уступает место представлениям о «других врагах» (лидерах «белого движения» и др.).

5. Заключение

Сравнительный анализ материалов (текстов) листовок 1914–1917 гг. позволяет утверждать, что некий обобщенный портрет германского солдата стал основой конструирования «образа врага», растиражированного в российских военных листовках – одном из самых массовых и доступных видов пропагандистской продукции. Заметная эволюция образа – от сильного, опасного, отчасти демонизированного (в исключительно негативной коннотации) противника, наделенного «зверскими» (бесчеловечными) чертами в начальный период войны, до менее однозначного, более «человеческого» портрета была обусловлена постепенным изменением пропагандистских целей, а они, в свою очередь, подвергались пересмотру под влиянием меняющейся военно-политической и морально-психологической ситуации на фронтах и в стране в целом. На этом основании можно предположить, какие перемены происходили в настроениях солдатских масс на протяжении двух лет войны: яркий антигерманский настрой, создаваемый и поддерживаемый пропагандой, бытовал на фронте только в начале войны, постепенно уступая место антивоенным настроениям (в том числе, призывам к братанию). К концу 1916 г. солдаты перестают воспринимать стереотипные образы врага, создаваемые пропагандой, возникает недоверие к власти, приходит осознание ненужности, навязанности войны. Отсюда возникает вопрос об эффективности пропаганды, вполне уместный даже на ограниченном материале листовок, поскольку в них в наиболее концентрированном виде предстает не только образ противника, но и образ страны как участницы военного конфликта (Юдин, 2012: 57). Использование «образа врага», наряду с примитивной героизацией русского воина в качестве универсального инструмента пропаганды и поддержания «боевого духа», свидетельствовало, скорее, об ограниченном профессионализме российского командования. Архаизм мышления большинства политиков и военных, опиравшийся на веру в безграничную терпеливость русского солдата, был одной из причин, которые привели к тому, что предреволюционный момент в России был пропущен.

Литература

- Асташов, 2012 – Асташов А.Б. Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М.: Спецкнига, 2012. 400 с.
- Беккер, 2006 – Беккер Ж.-Ж. Первая мировая война // Пер. с франц. И.В. Меркуловой. М.: Астрель, 2006. 157 с.
- Брусилов, 2013 – Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: Вече, 2013. 288 с.
- Бубнов, 2014 – Бубнов А.Д. В царской ставке. СПб.: Облик, 1995. 172 с.
- Великая европейская война, 2014 – Великая европейская война. М.: Издательский дом Руденцовых, 2014. 288 с.
- Вьюнова и др., 1969 – Вьюнова Н.М., Деева Н.И., Каряева Т.Ф., составители. Директивы Главного командования Красной армии (1917–1920). Сборник документов. М.: Воениздат мин. обороны СССР, 1969. 882 с.
- Гасанов, 1998 – Гасанов И.Б. Национальные стереотипы и «образ врага» // Психология национальной нетерпимости / Сост. Ю.В. Чернявская. Минск: Харвест, 1998. С. 187-208.
- Голубев, Поршнева, 2012 – Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2012. 392 с.

Горянин, 1997 – Горянин А. О действительном характере Первой мировой войны: империалистическая или какая-то иная? (Материалы дискуссии) // Радио Свобода. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/24204573.html> (дата обращения: 05.05.2020).

Гудков, 2005 – Гудков Л. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага. М.: ОГИ, 2005. С. 7-79.

Джентиле, 2014 – Джентиле Э. Два пушечных выстрела, десять миллионов убитых, конец мира: Иллюстрированная история Великой войны. (Реферат) // Первая мировая война: Современная историография. М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 111-124.

Кириш, 2014 – Кириш Ю.И. Под сапогом Вильгельма II. Из записок рядового военнопленного № 4925. 1914–1918. М.: Гос. публ. ист. библиотека России, 2014. 160 с.

Козулин, 2015 – Козулин В.Н. Образ скифов в античной литературной традиции. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. 168 с.

Корсак, 2011 – Корсак В.В. Плен // Забытая война. М.: Посев, 2011. С. 5-226.

Миронов, 2014 – Миронов В.Б. Первая мировая война. Борьба миров. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. 304 с.

Оськин, 2010 – Оськин М.В. Первая мировая война. М.: Вече, 2010. 367 с.

Папилова, 2011 – Папилова Е.В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник МГТУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2011. № 4. С. 31-40.

Поляков, 2008 – Поляков О.Ю. Имагология в междисциплинарном научном пространстве // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. Т. 2. № 4. С. 8-10.

Поляков, Полякова, 2013 – Поляков О.Ю., Полякова О.А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров: Радуга-Пресс, 2013. 162 с.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Сенявская, 2006 – Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.

Стоун, 2010 – Стоун Н. Первая мировая война: краткая история. М.: АСТ, 2010. 219 с.

Фергюсон, 2019 – Фергюсон Н. Горечь войны // Пер. с англ. Е. Губницкого и И. Кригера. М.: АСТ CORPUS, 2019. 400 с.

Чернышов, 2009 – Чернышов Ю.Г. Имидж Германии и восприятие немецкой политической культуры в России // Политическая культура в истории Германии и России: Сборник научных статей. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. С. 422-430.

Юдин, 2012 – Юдин Н.В. Создание образа врага в пропаганде стран Антанты в начале Первой мировой войны (сентябрь–декабрь 1914 г.) // Известия Саратовского университета. 2012. № 3. Т. 12. С. 50-58.

Keegan, 2014 – Keegan J. The First World War. London: Bodley Head, 2014. 500 p.

Keen, 1986 – Keen S. Faces of the Enemy: Reflections on the Hostile Imagination. Ed. by S. Keen. San Francisco: Harper & Row, 1986.

Lasswell, 1927 – Lasswell H.D. Propaganda Technique in World War I. London: Kegan Paul, 1927. 233 p.

Malcolm, 2019 – Malcolm N. Useful Enemies. Islam and the Ottoman Empire in Western Political Thought, 1450–1750. Oxford: Oxford University Press, 2019. 502 p.

Montant, 1990 – Montant J.-C. L'organisation centrale des services d'informations et de propaganda du Quari d'Orsay pendant la Grande guerre // Les sociétés européennes et la guerre de 1914–1918. Paris: Université de Paris X–Nanterre, Centre d'Histoire de la France contemporaine, 1990. P. 136-149.

Müller, 2002 – Müller S.O. Die Nation als Waffe und Vorstellung: Nationalismus in Deutschland und Großbritannien im Ersten Weltkrieg. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2002. 427 S.

Neumann, 1994 – Neumann I.B. Central Europe and Its Enemy Image of Russia // *History of European Ideas*. 1994. Vol. 19. Nos.1-3. P. 63-69.

Paddock, 2014 – Paddock T. World War I and Propaganda (History of Warfare). Boston: Brill Academic Publishers, 2014. 360 p.

Robin, 2001 – Robin R.Th. The Making of the Cold War Enemy. Culture and Politics in the Military-Intellectual Complex. Princeton: Princeton University Press, 2001. 294 p.

References

Astashov, 2012 – Astashov A.B. (2012). Propaganda na Russkom fronte v gody Pervoy mirovoy voyny [Propaganda on the Russian front during the First World War]. Moscow: Spetskniga. [in Russian]

Bekker, 2006 – Bekker ZH-ZH. (2006). Pervaya mirovaya voyna [The First World War]. [per. s frants. I.V. Merkulovoy]. Moscow: Astrel'. [in Russian]

Brusilov, 2013 – Brusilov A.A. (2013). Moi vospominaniya [My memories]. Moscow: Vechе. [in Russian]

Bubnov, 1995 – Bubnov A.D. (1995). V tsarskoy stavke [At the royal headquarters]. Sankt-Peterburg: Oblik. [in Russian]

Chernyshov, 2009 – *Chernyshov Yu.G.* (2009). Imidzh Germanii i vospriyatiye nemetskoy politicheskoy kul'tury v Rossii [The image of Germany and the perception of German political culture in Russia] *Politicheskaya kul'tura v istorii Germanii i Rossii: sbornik nauchnykh statey*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. Pp. 422-430. [in Russian]

Dzhentile, 2014 – *Dzhentile E.* (2014). Dva pistoletnykh vystrela, desyat' millionov ubitykh, konets mira: Ilyustrirovannaya istoriya Velikoy voyny. (Referat) [Two pistol shots, ten million killed, the end of the world: An Illustrated History of the Great War. (Abstract)] *Pervaya mirovaya voyna: Sovremennaya istoriografiya*. Moskva: INION RAN. Pp. 111-124. [in Russian]

Gasanov, 1998 – *Gasanov I.B.* (1998). Natsional'nyye stereotipy i «obraz vraga» [National stereotypes and the "image of the enemy"] *Psikhologiya natsional'noy neterpimosti*. Sost. Yu.V. Chernyavskaya. Minsk: Kharvest. Pp. 187-208. [in Russian]

Golubev, Porshneva, 2012 – *Golubev A.V., Porshneva O.S.* (2012). Obraz soyuznika v soznanii rossiyskogo obshchestva v kontekste mirovykh voyn [The image of an ally in the minds of Russian society in the context of world wars]. Moskva: Novyy khronograf. [in Russian]

Goryanin, 1997 – *Goryanin A.* (1997). O deystvitel'nom kharaktere Pervoy mirovoy voyny: imperialisticheskaya ili kakaya-to inaya? [Materialy diskussii] (Материалы дискуссии) [On the real nature of the First World War: imperialist or some other? (Discussion materials)] *Radio Svoboda*. [Electronic resource]. URL: <https://www.svoboda.org/a/24204573.html> (data obrashcheniya: 05.05.2020). [in Russian]

Gudkov, 2005 – *Gudkov L.* (2005). Ideologema «vraga»: «Vragi» kak massovyy sindrom i mekhanizm sotsiokul'turnoy integratsii [Ideologeme of the "enemy": "Enemies" as a mass syndrome and a mechanism of sociocultural integration] *Obraz vraga*. Moskva: OGI. Pp. 7-79. [in Russian]

Keegan, 2014 – *Keegan J.* (2014). *The First World War*. London: Bodley Head.

Keen, 1986 – *Keen S.* (1986). *Faces of the Enemy: Reflections on the Hostile Imagination*. Ed. by S. Keen. San Francisco: Harper & Row.

Kirsh, 2014 – *Kirsh Yu.I.* (2014). Pod sapogom Vil'gel'ma II. Iz zapisok ryadovogo voyennoplennogo № 4925. 1914-1918 [Under the boot of Wilhelm II. From the notes of an ordinary prisoner of war No. 4925. 1914-1918]. Moskva: Gos. publ. ist. biblioteka Rossii, 2014. [in Russian]

Korsak, 2011 – *Korsak V.V.* (2011). Plen [Captivity] *Zabytaya voyna*. Moskva: Posev. Pp. 5-226. [in Russian]

Kozulin, 2015 – *Kozulin V.N.* (2015). Obraz skifov v antichnoy literaturnoy traditsii [The image of the Scythians in the ancient literary tradition]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. [in Russian]

Lasswell, 1927 – *Lasswell H.D.* (1927). *Propaganda Technique in World War I*. London: Kegan Paul.

Malcolm, 2019 – *Malcolm N.* (2019). *Useful Enemies. Islam and the Ottoman Empire in Western Political Thought, 1450–1750*. Oxford: Oxford University Press.

Mironov, 2014 – *Mironov V.B.* (2014). *Pervaya mirovaya voyna. Bor'ba mirov* [World War I. Struggle of the worlds]. Moskva: OLMA Media Grupp. [in Russian]

Montant, 1990 – *Montant J.-C.* (1990). L'organisation centrale des services d'informations et de propaganda du Quari d'Orsay pendant la Grande guerre // Les sociétés européennes et la guerre de 1914–1918. Paris: Université de Paris X–Nanterre, Centre d'Histoire de la France contemporaine. P. 136-149.

Müller, 2002 – *Müller S.O.* (2002). *Die Nation als Waffe und Vorstellung: Nationalismus in Deutschland und Großbritannien im Ersten Weltkrieg*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht.

Neumann, 1994 – *Neumann I.B.* (1994). Central Europe and Its Enemy Image of Russia // *History of European Ideas*. Vol. 19. Nos.1-3. P. 63-69.

Os'kin, 2010 – *Os'kin M.V.* (2010). *Pervaya mirovaya voyna* [World War I]. Moskva: Veche. [in Russian]

Paddock, 2014 – *Paddock T.* (2014). *World War I and Propaganda (History of Warfare)*. Boston: Brill Academic Publishers.

Papilova, 2011 – *Papilova Ye.V.* (2011). Imagologiya kak gumanitarnaya distsiplina [Imagology as a humanitarian discipline] *Vestnik MGGU im. M.A. Sholokhova. Filologicheskiye nauki*. №4. Pp. 31-40. [in Russian]

Polyakov, 2008 – *Polyakov O.Yu.* (2008). Imagologiya v mezhdistsiplinarnom nauchnom prostranstve [Polyakov O.Yu. Imagology in an interdisciplinary scientific space]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. T. 2. № 4. Pp. 8-10. [in Russian]

Polyakov, Polyakova, 2013 – *Polyakov O.Yu., Polyakova O.A.* (2013). Imagologiya: teoretiko-metodologicheskiye osnovy [Imagology: theoretical and methodological foundations]. Kirov: Raduga-Press. [in Russian]

RGVIA – Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv [Russian State Military Historical Archive]. [in Russian]

Robin, 2001 – *Robin R.Th.* (2001). *The Making of the Cold War Enemy. Culture and Politics in the Military-Intellectual Complex*. Princeton: Princeton University Press.

Senyavskaya, 2006 – *Senyavskaya Ye.S.* (2006). Protivniki Rossii v voynakh KHKH veka. Evolyutsiya «obraza vraga» v soznanii armii i obshchestva [Russia's opponents in the wars of the twentieth century. Evolution of the "enemy image" in the minds of the army and society]. Moskva: ROSSPEN. [in Russian]

[Stoun, 2010](#) – *Stoun N.* (2010). *Pervaya mirovaya voyna: kratkaya istoriya* [The First World War: A Brief History]. Moskva: AST. [in Russian]

[Fergyuson, 2019](#) – *Fergyuson N.* (2019). *Gorech' voyny* [The bitterness of war]. [Per. s angl. Ye. Gubnitskogo i I. Krigera]. Moskva: AST CORPUS. [in Russian]

[Velikaya yevropeyskaya voyna, 2014](#) – *Velikaya yevropeyskaya voyna* [The Great European War]. Moskva: Izdatel'skiy dom Rudentsovykh. [in Russian]

[V'yunova и др., 1969](#) – *V'yunova N.M., Deyeva N.I., Karyayeva T.F., sostaviteli.* (1969). *Direktivy Glavnogo komandovaniya Krasnoy armii (1917–1920). Sbornik dokumentov* [Directives of the High Command of the Red Army (1917-1920). Collection of documents]. Moskva: Voenizdat min. oborony SSSR. [in Russian]

[Yudin, 2012](#) – *Yudin N.V.* (2012). *Sozdaniye obraza vraga v propagande stran Antanty v nachale Pervoy mirovoy voyny (sentyabr' – dekabr' 1914 g.)* [Creation of the image of the enemy in the propaganda of the Entente countries at the beginning of the First World War (September – December 1914)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta.* № 3. Т. 12. Pp. 50-58. [in Russian]

Германский солдат в «образе врага» в российской пропаганде в период Первой мировой войны (на материалах листовок)

Ольга Алексеевна Аршинцева ^{a, *}, Вячеслав Николаевич Козулин ^a, Павел Владимирович Ульянов ^a, Юрий Георгиевич Чернышов ^a

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье анализируются факторы формирования и развития образа солдата Германской империи в российской пропаганде в период Первой мировой войны (1914–1917 гг.). Исследование основано на материале российских листовок и прокламаций как находящихся в архивах, так и опубликованных. Авторский подход к изучению текстов оригинальных, опубликованных и неопубликованных источников основывается на методе анализа и связан с имагологией и социокультурной историей. Авторы статьи выделяют ключевые особенности развития образа преданных кайзеру германских солдат в официальной пропаганде, направленной на формирование в массовом сознании российских солдат боевого духа и ненависти к «врагу». Они подчеркивают массовый и целенаправленный характер российской пропаганды. В патриотическом дискурсе военных листовок и прокламаций, чтобы «дегуманизировать» образ солдата Второго Рейха, применялись отрицательные характеристики и стереотипы. В заключении авторы подчеркивают, что по мере продолжения войны антигерманская пропаганда уступала место общей усталости от войны. Это, в свою очередь, нейтрализовало усилия по продвижению «образа врага» по отношению к солдату Германии в массовом сознании российских войск, освобождая его от стереотипов, сформированных официальной пропагандой.

Ключевые слова: «образ врага», германский солдат, российская патриотическая пропаганда, Первая мировая война.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: arol-s@yandex.ru (О.А. Аршинцева), capreanus@gmail.com (В.Н. Козулин), imperialnext@mail.ru (П.В. Ульянов), ashpi@ya.ru (Ю.Г. Чернышов)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1387-1399. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1387
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Charitable Activity in the Left Bank Ukrainian Provinces during the First World War

Lyudmila I. Rozhkova ^{a, *}, Svetlana A. Shestakova ^a, Inna I. Kharchenko ^a, Natalia N. Kuzmenko ^a

^a Sumy National Agrarian University, Ukraine

Abstract

The article highlights the main aspects of charitable activities in the Left-bank Ukrainian provinces during the First World War. The features of the activity and the interaction of local governments, public organizations, individual benefactors during the war are analyzed. Based on the study, the authors came to the conclusion that, compared to peacetime during the war years, charity took a variety of forms. The main manifestations of help were material and moral support for soldiers, custody of their families, the arrangement of hospitals, support for refugees and prisoners of war. The social, ethnic, and gender composition of benefactors has expanded significantly.

For the first time, women took an active part in charity work. This activity brought together representatives of various ethnic communities, took the form of mutual assistance, contributed to the strengthening of national identity and the development of social activity. The authors focus on the historical lessons of the First World War, the values of charity, mutual assistance and self-organization of society in modern conditions. A significant number of archival sources and newspaper materials, which were published during the First World War, were put into scientific circulation.

Keywords: World War I, Left-bank Ukrainian provinces, rear, charitable activities, aid, donations, zemstvos, refugees, NGOs, prisoners of war.

1. Введение

Мировая война, которая началась в 1914 году, стала не только первым военным конфликтом международного масштаба, но и временем невиданного ранее социального напряжения. Перед государством и обществом встали неотложные проблемы: снаряжение и содержание воинов, лечение огромного количества раненых и искалеченных, помощь семьям мобилизованных и военнопленных. Впоследствии к этим проблемам добавились потоки беженцев в результате перемещения жителей прифронтовых районов в тыловые губернии, массовое сиротство и нищета. Решение сложного комплекса социальных проблем требовало совместных усилий органов государственной и местной власти, общественности, церкви. В экстремальных условиях военного времени появились и получили развитие новые формы благотворительной деятельности, охватившие различные слои населения тыловых районов Российской империи, к которым относились и левобережные украинские губернии. Фактически речь идет о территории Харьковской, Полтавской и Черниговской губерний. В тексте употребляется термин «Сумщина», но относительно того времени он носит условный характер, поскольку современную территорию Сумской области составляют земли указанных выше губерний, а также части Курской губернии. Мы анализировали благотворительную деятельность также и в других украинских тыловых губерниях. Хронологические рамки исследования охватывают 1914–1918 гг.

* Corresponding author

E-mail addresses: aluda-6619@ukr.net (L.I. Rozhkova)

2. Материалы и методы

При изучении и освещении темы нами были использованы как опубликованные документы, отображающие повседневную жизнь в украинских губерниях Российской империи ([Велика війна, 2015](#)), так и архивные источники. Нами были использованы помещенные в указанном издании материалы «Полного собрания законов Российской империи», «Полного свода законов Российской империи», а также документы, опубликованные в «Собрании узаконений и распоряжений правительства, издаваемом при Правительствующем сенате». Значительный источниковый потенциал по освещению благотворительности в годы Первой мировой войны сохраняется в фондах земских управ, органов губернской и уездной власти. Эти документы дают представление о масштабах и формах благотворительной деятельности земства, а также о взаимодействии общественной и частной благотворительности, отдельных учреждений, в том числе жандармских. Это связано с тем, что жандармы осуществляли надзор за всеми сферами жизни общества и составляли соответствующие информационные материалы. Директивные документы, отчеты, переписка с учебными заведениями, которые принадлежали к Киевскому учебному округу Министерства народного образования, содержат широкий информативный материал о помощи педагогов и гимназистов раненым воинам и беженцам. Фонды местных органов государственного управления и отдельных организаций и учреждений раскрывают особенности благотворительной деятельности в тыловых украинских губерниях. Материалы печатных изданий, в частности газет «Южный край», «Известия Всероссийского Комитета для оказания помощи пострадавшим от военных действий», «Вера и разум», «Сумской вестник», дополняют широкую панораму благотворительной деятельности и повседневной жизни общества в условиях военного времени.

Среди эпистолярных источников особое место принадлежит воспоминаниям участников Первой мировой войны, авторов военных мемуаров. Н.Н. Головин поднял вопрос о роли общественных организаций в деле помощи воинам ([Головин, 2006](#)). В воспоминаниях А.А. Брусилова подчеркивается значение деятельности земств по организации госпиталей как в прифронтовых районах, так и в тылу ([Брусиллов, 1963](#)). Государственный деятель, убежденный монархист П.Г. Курлов охарактеризовал особенности деятельности благотворительных организаций ([Курлов, 1992](#)). В автобиографическом произведении А. Вараввы-Кобца подробно повествуется об участии солдат российской императорской армии в войне, пребывании в плену в лагерях Венгрии и Германии, а также о деятельности представителей царской семьи и благотворительных организаций по оказанию помощи военнопленным. Эти публикации несут отпечаток личного отношения к описанным процессам и в значительной степени имеют характер источника ([Кобец, 2010](#)).

По нашему мнению, информационный потенциал как архивных, так и опубликованных источников, достаточен для освещения темы, вместе с тем отдельные вопросы остаются открытыми. В процессе исследования нами были использованы как собственно исторические методы, в частности хронологический, синхронный, сравнительно-исторический, ретроспективный, так и специальные, в том числе метод исследования социальной психологии.

Авторы статьи ставят цель, опираясь на архивные документы, периодические издания времен Первой Мировой войны, мемуары и научные труды, исследовать основные направления и формы благотворительной деятельности в левобережных украинских губерниях, раскрыть механизмы взаимодействия между государством и обществом в условиях военного времени, выяснить, какие социальные и этнические группы участвовали в благотворительной деятельности, а также проанализировать изменения общественных настроений в условиях войны.

3. Обсуждение

Одной из ведущих тенденций современной историографии является усиление интереса к социальным аспектам, поскольку война – это не только боевые действия, но и жизнь социума в режиме экстремального времени, глубокие социальные, экономические, психологические, ментальные изменения ([Реент, Янишин, 2014: 20](#)). Одним из направлений современных российских исследований в области Первой мировой войны стало изучение истории благотворительности, и в частности благотворительности царской семьи ([Сейко, 2003: 164-167](#); [Матвеева, 2004](#); [Ульянова, 2005](#)). Е. Борщукова рассматривает частную благотворительность в условиях Первой мировой войны как элемент проявления патриотических настроений ([Борщукова, 2008: 59-65](#)). Работа И.В. Беловой дает целостное представление о повседневной жизни российской провинции в годы войны, одним из аспектов которой была благотворительность ([Белова, 2011](#)). В исторической литературе исследовались формирование и деятельность различных благотворительных организаций, возникших на волне патриотического подъема в первые месяцы войны ([Донік, 2005](#); [Загребельная, 2003](#)). А. Донік рассмотрел структуру российских общественных благотворительных организаций, уделив при этом особое внимание вопросу предоставления помощи военным и гражданскому населению городскими и земскими органами самоуправления на Украине – подразделениями ВЗС (Всероссийский земский союз) и ВСГ (Всероссийский союз городов) ([Велика війна, 2013: 536-562](#); [Донік, 2014: 22-37](#)). Внимание историков привлекает периодическая печать как источник изучения

деятельности тыла, в том числе благотворительности (Скорцов, Евтушенко, 2006: 233-243; Полякова, 2012: 42-51).

Существует опыт изучения благотворительности в региональном измерении (Хаустова, 2004: 68-77; Долидович, Федорова, 2007; Баженова, 2009: 34-40; Еремин, 2010; Сулейманова, 2014: 53-57; Рожкова, 2015а: 248-253).

Значительное внимание историки уделяют изучению беженства как одной из ключевых социальных проблем Первой мировой войны. В научный оборот термин «беженство» ввел А.Н. Курцев, определив это явление как реальность, охватывающая круг лиц, которые в годы Первой мировой войны попали в категорию «беженцы», совокупность всех действий власти в этом направлении, реакцию общества и отношение к окружающему миру самих беженцев (Курцев, 1999а: 129-146; Курцев, 1999b: 98-114). В ряде публикаций украинских историков рассмотрено положение беженцев в России в 1914–1917 гг., деятельность органов власти и общественных организаций по оказанию помощи этой категории жертв войны (Сердюк, 2002: 111-132; Лазанська, 2009: 196-240; Лихачова, 2010: 33-54; Лазанська, 2013: 481-511; Велика війна, 2013; Рожкова, 2016: 445-449). Результатом многолетней исследовательской работы Л.Н. Жванко стала публикация сборника документов и монографии по проблемам беженства (Жванко, 2010; Жванко, 2012). Автор осветила многие аспекты, касающиеся проблемы беженства, в том числе процесс самоорганизации этнических общин и формирования комитетов помощи беженцам на украинских землях. Отдельные публикации освещают деятельность общественных организаций, направленную на помощь военнопленным российской армии во время их пребывания в лагерях Германии и Австро-Венгрии (Рожкова, 2015b: 106-109).

В зарубежной историографии преобладают военные аспекты, исследование международных отношений. Вместе с тем многомерность событий и процессов Первой мировой войны обусловили интерес и к социальным проблемам. П. Грант проанализировал благотворительную деятельность в Великобритании в период Первой мировой войны, раскрыл ее характер и масштабы, участие различных социальных групп, в частности женщин (Grant, 2014; Grant, 2017: 37-51). Проблемы беженцев на территории Российской империи исследовал П. Гатрелл (Гатрелл, 2004: 46-72; Gattrell, 2005). Автор осветил деятельность различных благотворительных комитетов помощи беженцам. В работах польских историков, в частности М. Коженевского, рассматривается деятельность Центрального обывательского комитета Царства Польского (ЦОК) на белорусских и украинских землях (Korzeniowski, 2001; Mandzik et al, 2007).

Итак, можно констатировать, что в новейшей историографии уделяется значительное внимание благотворительности в годы Первой мировой войны, вместе с тем, учитывая широту и многоаспектность темы, остаются актуальными региональные исследования, выполненные на основе преимущественно местных архивных источников.

4. Результаты

Традиции частной благотворительной деятельности на Левобережной Украине были заложены семьями предпринимателей Харитоненко, Терещенко, Лещинский. Внезапная смерть Павла Харитоненко, которого при жизни называли «добрым гением города Сумы», в июне 1914 г. стала большой потерей для общественности. Выпуск газеты «Сумской вестник» за 16 июня был заполнен материалами о похоронах предпринимателя-мецената и его деятельности. Поэтому короткая заметка о покушении в Сараево на наследника австрийского престола, помещенная в том же номере газеты, почти не привлекла внимания. Однако уже вскоре в Киевском военном округе, к которому относилась территория Сумского уезда Харьковской губернии, началась мобилизация, газеты сообщали о военных действиях. На землях Сумщины квартировались несколько военных формирований, в частности, в Сумах – Новгородский драгунский полк, вошедший в состав восьмой армии Юго-Западного фронта под командованием генерала Алексея Брусилова.

«Европейская война» (обозначение, которое наряду с «Отечественной войной» употреблялось в начале Первой мировой войны) вошла в повседневную жизнь не только жителей западноукраинских земель, но и отдаленных от фронта тыловых губерний.

Одним из основных направлений деятельности местных органов управления стала забота о воинах-земляках. Опираясь на опыт организации помощи военным в период русско-японской войны, Сумское уездное земство развернуло системную работу, которая включала обустройство лазаретов, помощь семьям мобилизованных, сбор пожертвований, открытие приютов для детей-сирот и т.д. (Журнал заседания, 1914: 2-3). В июле 1914 несколько комитетов, действовавших в Сумах, объединились в единую благотворительную организацию, которая функционировала под руководством земства. Поскольку многие крестьянские семьи остались без кормильцев, земством было принято решение об оказании помощи семьям мобилизованных по уборке урожая, осуществлению озимого посева, содействию в сбыте избыточных запасов продуктов. Хозяйства обеспечивались сельскохозяйственной техникой, в частности молотилками. Весной следующего года 1485 семей воинов (приблизительно 15 %) получили помощь в форме ссуды в размере от 3 до 15 рублей на одно хозяйство для проведения сева, была засеяна площадь 1600 десятин. Земство

приняло решение об обеспечении 58 семей мобилизованных служащих управы (среди них – ветеринарные врачи, агрономы, учителя, фельдшеры, технические работники) ежемесячными выплатами, начиная с 1 августа 1914 г. по 1 января 1915 г. в размере $\frac{3}{4}$ оклада. Средства, ассигнованные Харьковским губернским земством с 18 июля 1914 г. по 1 октября 1914 г., предназначались 3226 семьям, 390 семей получили помощь в съеме и содержании жилья. Однако часть нуждающихся осталась недовольна, люди обращались к земству с призывом «Давать всем!» Для детей воинов Новгородского драгунского полка Сумской земской управой было введено десять стипендий (по две на каждое учебное заведение). На эти цели было ассигновано 2 тыс. рублей. Дополнительные стипендии предназначались детям, которые учились в Харьковской школе для глухонемых и слепых.

В тыловых украинских губерниях действовали общегосударственные благотворительные организации в форме отделений, отдельных представителей и тому подобное. Так, в состав Сумского отделения Романовского комитета (создан в июле 1914 с целью помощи сельским сиротам и детям низших чинов) вошли авторитетные деятели В.А. фон Лоретц Эблин, Г.В. Золотницкий, В.И. Краснянский. Комитет занимался устройством приютов для детей-сирот в возрасте от 2 до 17 лет. На территории Сумского уезда, как показало обследование, таких детей было 389, среди них сироты – 24, полусироты – 316, беспризорные – 49. В связи с этим земская управа приняла решение об открытии детского приюта в сельской местности. Другая благотворительная организация – Комитет ее императорского величества великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных действий (сокращенно – Татьянинский комитет) – имела разветвленную сеть местных отделений ([Доклады, 1915: 26](#)).

С началом военных действий на Юго-Западном фронте остро встала проблема организации медицинской помощи воинам. Вспоминая начало войны, А. Брусилов отмечал недостаточную организацию санитарного обеспечения тыла, недостаток лазаретов и врачей ([Брусилов, 126](#)). Устройство лазаретов, материальная и моральная поддержка раненых стала широким полем деятельности как для государственных органов, так и для благотворителей. В частности, в Сумах была открыта земская больница в помещении школы вблизи железнодорожной станции. На содержание госпиталя ассигновано 7 тыс. 700 рублей, а на его содержание в течение 5 месяцев (август–декабрь 1914 г.) – 9 тыс. рублей ([Журнал заседания, 1915: 11](#)). Значительную работу по помощи раненым воинам осуществляли учебные заведения. Ученики старших классов работали санитарями, помогали младшим ученикам – детям мобилизованных на военную службу. При учебных заведениях открывались курсы по уходу за больными и ранеными. В женских училищах на уроках шитья изготавливали белье для солдат, открывались пункты питания.

В ходе военных действий выявилась острая нехватка санитарных поездов для транспортировки раненых в крупные города на стационарное лечение. 18 октября 1914 г. состоялось освящение военно-санитарного поезда Киевского учебного округа за № 96, который отправился в свой первый рейс в Львов ([ГАСО. Ф. 820. Оп. 1. Д. 66](#)). Частные лазареты действовали как в городах, так и в селах Сумского уезда. В частности, в Сумах на средства семьи Лещинских был устроен госпиталь для раненых солдат. В селе Рогизном в собственном имении землевладелица А.И. Прянишникова организовала госпиталь на десять коек для солдат и на шесть коек для офицеров в селе Куяновке Сумского уезда. Оба лазареты были укомплектованы фельдшерским персоналом, однако не хватало врачей. Этот вопрос рассмотрело Сумское земское собрание, которое решило привлечь для работы в частных лазаретах врачей земства, а также ассигновать 5000 рублей на приобретение медикаментов, перевязочных материалов. С развертыванием военной кампании осенью 1914 г. войска все острее ощущали потребность в теплом обмундировании. А. Брусилов вспоминал: «...Ведя непрерывные бои в Карпатских горах, моя армия оказалась в ноябре неодоетой, летняя одежда потрепанной, сапог нет, и войска, находясь по колено в снегу в сильные морозы, еще не получили зимней одежды». Таким образом, сбор вещей и отправка их на передовые позиции стала одной из основных форм помощи военным. В декабре при Киевском университете Святого Князя Владимира была организована комиссия под руководством профессора А. Садовеня по сбору теплых вещей в учебных заведениях округа ([ГАСО. Ф. 820. Оп. 1. Д. 66](#)).

Одной из наиболее распространенных форм благотворительной деятельности в годы Первой мировой войны был сбор денежных пожертвований, который зачастую происходил во время культурных событий (представления, концерты, лотереи, религиозные или светские праздники). 3 декабря 1914 г. было утверждено Положение о проведении общегосударственной благотворительной лотереи в пользу раненых и больных воинов их семей, лиц, пострадавших от военного бедствия ([Велика війна, 2015: 405-407](#)). Кроме общероссийских, на местах проводились акции по инициативе общественных организаций, священнослужителей. 31 марта 1915 г. председатель Татьянинского комитета О.Б. Нейдгардт обратился к харьковскому архиепископу Антонию по поводу организации благотворительного сбора средств для беженцев. Упомянутый сбор проводился в духовных училищах, церковноприходских школах Харьковской губернии ([Велика війна, 2015: 418](#)).

Благотворительной деятельностью были охвачены разные социальные группы и сообщества, в частности члены религиозных общин. В отчете блюстительницы Крестовоздвиженского трудового братства, основанного в 1881 г. землевладельцем и просветителем Николаем Николаевичем Неплюевым в Глуховском уезде Черниговской губернии, М.Н. Уманец сообщалось о деятельности братчиков по оказанию помощи армии: «В то время как часть членов братства служила Родине, оставшиеся мирно трудились... Каждому приходилось работать за двух и за трех. Началась война, оказалось много раненых. Всем стало очевидно, что Красный Крест один не может справиться с этим, что общество должно прийти ему на помощь. Братство сердцем откликнулось на эту нужду и заявило о своем желании устроить лазарет. Красный Крест принял его под свой флаг и началась подготовка к приему раненых. Сестры и воспитанницы взялись шить все, что нужно. Прислали двадцать раненых. Братство приняло их с любовью, молитвой и благословением... Черниговский губернатор просил Братство сшить белье для армии. Сестры согласились и изготовили 616 пар белья. Началась зима. Было очень холодно, оказалась нужда в теплых вещах. Сестры, воспитанники, все дружно принялись за эту работу, сшили 1200 теплых ватных жилетов; в тоже время дети шили мешочки, которые потом наполнили табаком и разными подарками; вышло 1200 кисетов. Все это разделили поровну и послали в Глуховский и Батуринский полки. Перед Рождеством опять все принялись за работу: шили мешочки и вязали к ним шнурки. Кроме того, было связано много теплых шлемов и перчаток» (Мельник, 2018: 302-303).

Особой формой благотворительной деятельности и самоорганизации социума в начале войны, в условиях общего патриотического подъема, стало проведение «Дней флагов», когда члены общественных организаций, в частности Всероссийского земского союза, реализовывали сувенирные флажки с символикой России и других воюющих стран. В течение военных лет в государственных и частных благотворительных организациях, учебных заведениях осуществлялись «кружечные сборы». Изъятие содержания «кружки» происходило в присутствии комиссии из нескольких педагогов гимназии, которые составляли соответствующий акт и присылали собранные средства в главное управление Красного Креста. Участники акции получали специальные марки или жетоны, изготовленные из бумаги. Но в 1916 году поступления значительно сократились, что было связано со сложной ситуацией в государстве.

Значительную активность в деле помощи нуждающимся, как и в целом в благотворительной деятельности, проявляли женщины. В частности, в Сумах был организован Комитет по помощи воинам, который возглавила жена местного предводителя дворянства А. Траскина, в Полтаве – жена губернатора А. Моллова. При многих учреждениях действовали Женские комитеты. Например, при Государственном банке был создан женский кружок по оказанию помощи воинам и их семьям (ГАСО. Ф. Р. 213. Оп. 1. д. 22, 26).

Кроме того, подарки для воинов собирали представители местных органов управления, различных общественных организаций, учебных заведений. В соответствии с циркуляром попечителя Киевского учебного округа А.Н. Деревницкого начальникам средних и специальных учебных заведений и директорам народных училищ Киевской, Полтавской и Черниговской губерний к празднику Пасхи в 1915 г. в учебных заведениях Киевского округа был организован сбор вещей для отправки в действующую армию (Велика війна, 2015: 418). В апреле 1916 г. уполномоченные Полтавским губернатором волостные старосты участвовали в доставке подарков от крестьян губернии воинам-землякам на передовые позиции в Каменец-Подольскую губернию. Солдаты получили моральную поддержку от общения с земляками, интересовались состоянием озимых посевов и ходом сельскохозяйственных работ на малой родине. Как отмечалось в отчете уполномоченного от крестьян и казаков Полтавской губернии, который организовал благотворительную акцию, подарки получили 30000 воинов.

Летом 1915 года, когда началось активное движение населения из прифронтовой зоны, железнодорожные станции Конотоп, Хутор Михайловский, Ворожба стали важными транзитными пунктами на пути перемещения беженцев в тыловые губернии. В условиях «великого отступления» массовое беженство, по воспоминаниям министра сельского хозяйства А.В. Кривошеина, приобрело невиданные масштабы: «Из всех суровых испытаний войны движение беженцев является самым неожиданным, самым тяжелым и трудноизлечимым... Мудрые стратеги немцев создали этот поток, чтобы запугать противника... Болезни, печаль и нищета движутся вместе с беженцами на Россию. Они создают панику и уничтожают все, что осталось от порыва первых дней войны... Это тучи насекомых. Дороги разрушаются, и вскоре уже невозможно будет подвезти пищу... Будучи членом совета министров, я утверждаю, что следующая миграция населения приведет Россию в мрак революции» (Уткин, 2000: 149). По инициативе Татьянинского комитета было учреждено Центральное Всероссийское бюро регистрации беженцев. В тыловых губерниях опеку над беженцами осуществляли земские управы. Этому вопросу была посвящена, в частности, чрезвычайная сессия Глуховского уездного земского собрания в июле 1915 г. Сессия постановила, что в г. Глухове будет организован пункт приема беженцев (не более 100 человек за один раз), с обязательным медицинским осмотром и дезинфекцией одежды (Велика війна, 2015: 423-424).

В августе 1915 г. был принят закон, по которому помощь беженцам объявлялась обязанностью государства с участием общественных организаций. Законом было разрешено выделить 25 млн руб. из государственной казны в распоряжение Министерства внутренних дел (*Велика війна, 2013: 484*). Для контроля и общего руководства делами беженцев при МВД основывалось Особое совещание, в которое вошли и представители национальных благотворительных организаций. Зарегистрированные беженцы начали получать специальное удостоверение – «книжку беженца», по которой им выдавался паек.

Особенностью оказания помощи беженцам была самоорганизация по национальному признаку и создание этнических комитетов. Наибольшей активностью отличались местные общины поляков, литовцев, евреев. Разнообразной и наиболее эффективной, по мнению исследователей, была деятельность Польского общества помощи жертвам войны (ПОПЖВ) (*Жванко, 2014: 37-52*), созданного 29 августа 1914 г. в Петрограде. Отделения общества работали, в частности, в украинских городах Конотопе и Сумах, где были оборудованы приюты для беженцев. В ноябре 1914 г. с обращением к римско-католическому духовенству Российской империи о необходимости помощи пострадавшим от войны выступил управляющий Могилевской архиепархией епископ Ян (Иоанн) Феликс Цепляк (*Велика війна, 2015: 483*).

Следует отметить, что во второй половине XIX – начале XX веков польские семьи Лещинских, Сумовских, Миклашевских оказали существенное влияние на экономическое и культурное развитие Сумщины. Инженер Эдуард Кайдаинский в своем имении открыл первую в городе электростанцию. В Сумах действовала общественная организация «Польский дом» (располагался на Покровской площади), работала польская школа. По инициативе местной религиозной общины на улице Троицкой был возведен католический храм во имя Благовещения Пресвятой Девы Марии. В период войны эти учреждения активно включились в деятельность общегосударственных организаций помощи беженцам. В г. Сумы, где проживало наибольшее количество (1839) поляков среди уездных городов губернии, для организации им помощи из Петрограда прибыл представитель Центрального гражданского комитета губерний Царства Польского (*Жванко, 2014: 42*). Отделение Союза польских женщин в Сумах занималось столовой для беженцев, где предлагались обеды по ценам 1 руб. 50 коп., 1 руб. и 60 коп. (*Хроника событий, 1915*). Предпринимались попытки трудоустройства беженцев. Также в городе работало отделение Еврейского комитета помощи жертвам войны.

Регистрацию беженцев на местах осуществляли земские учреждения, а также отделения Всероссийского земского союза (ВЗС). Губернские и уездные комитеты ВЗС, кроме учета беженцев, устраивали пункты питания на маршрутах перемещения переселенцев (один из таких пунктов был открыт в Конотопе), осуществляли опеку над медицинскими учреждениями и тому подобное. Регистрационные документы, составленные местными представителями ВЗС, дают возможность оценить динамику беженского движения, проанализировать количество, а также этнический, социальный, возрастной состав беженцев. Так, по данным Харьковского губернского комитета ВЗС, в г. Лебедин в апреле–мае 1916 г. было зарегистрировано 69 семей переселенцев из Холмской, Сувалкской, Варшавской, Минской, Ковенской, Волынской, Гродненской, Виленской и Люблинской губерний (всего около 300 человек) (*ГАСО. Ф. 251. Оп. 1. Д. 10: 1-69*). По этнической принадлежности они были преимущественно поляками.

Организации помощи финансировались как за счет государственных дотаций, так и путем внесения добровольных пожертвований, организации концертов, спектаклей, лекций. Тематика этих мероприятий предусматривала, как правило, знакомство с творчеством русских писателей. В сентябре 1915 г. в помещении Сумского общественного собрания состоялась лекция «Последствия нарушения законов морали» по роману Л. Толстого «Анна Каренина». В театре Корепанова проходили представления с участием актеров-аматоров из числа польской общины в пользу Сумского отделения ПОПЖВ.

Кроме обеспечения материальных потребностей беженцев, благотворительные организации уделяли внимание обучению и национальному воспитанию детей, в частности изучению родного языка. По ходатайству съезда ПОПЖВ Министерство внутренних дел и народного просвещения в ноябре 1916 сочло возможным организовать в приютах и частных школах изучение детьми беженцев польского языка, но при обязательном условии изучения и русского языка детьми старше 9 лет. Кроме отделений ЦГК и ПОПЖВ, в тыловых губерниях действовали другие благотворительные организации. В частности, Польский Львовский вспомогательный комитет, который занимался беженцами из Австро-Венгрии, способствовал размещению части прибывших в четырех приютах Харьковского уезда и Сумах. Массовое прибытие беженцев обострило, среди прочего, жилищную проблему. «Сумской вестник» сообщал, что некоторые горожане добровольно размещали прибывших беженцев в своих жилищах.

В помещении римско-католического костела в годы войны проводились праздничные мероприятия для детей беженцев и неимущих польских учеников. В декабре 1917 г., обращаясь к горожанам, «Сумской вестник» призвал устроить прощальный рождественский праздник для детей беженцев: «В помещении Польского дома ежедневно, с второго до пятого часа, принимаются взносы игрушками и деньгами на проведение елки 26 декабря. В следующем году, когда эти дети будут дома,

они вспомнят сумскую елку и мысленно пошлют свою детскую благодарность благотворителям» (*Хроника событий, 1994*).

Массовая миграция беженцев, которая началась летом 1915 года, продолжалась до 1917 г. После Февральской революции и прихода к власти Украинской центральной рады началось реформирование местных ячеек помощи беженцам путем широкого привлечения в руководящие органы самих беженцев. В августе 1917 г. в Польском доме состоялось собрание беженцев с целью избрания руководителей организации (*ГАСО. Ф. 1066. Оп. 1. Д. 149: 2*).

Продолжая освещение вопроса организации этнических комитетов помощи беженцам, остановимся на деятельности еврейской общины. Положение представителей этого народа в условиях войны осложнялось из-за нагнетания антисемитских настроений, создания «образа врага» в лице евреев, за которым фактически стояло стремление властей переложить вину за военные поражения на представителей некоторых народов. В начале войны в отношении евреев применялись принудительные выселения (депортации) (*Белоус, 2011: 65-79*) из прифронтовых районов, продолжала действовать «черта оседлости», а также ограничения по выбору рода занятий. Депортированные евреи не причислялись к категории беженцев, на которых распространялось российское законодательство. При таких условиях еврей-беженцы могли рассчитывать преимущественно на помощь общественных организаций. В 1914 г. в Петрограде был создан Центральный еврейский комитет помощи жертвам войны, который руководил деятельностью нескольких благотворительных организаций. Комитет имел широкое представительство на местах. В Сумах инициатором открытия комитета помощи евреям-беженцам выступили раввин Эпштейн, купцы Гейдер, Гуревич и Шнейдер (возглавил деятельность организации). Деятельность еврейских благотворительных организаций можно проиллюстрировать на примере Роменского отделения Полтавского губернского комитета помощи жертвам войны. Целью создания общества, как отмечалось в проекте устава, было «оказание помощи раненым и больным воинам, семьям лиц, призванных на войну, беженцам из района военных действий и всем лицам, пострадавшим от войны» (*ГАСО. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 1: 186*).

Деятельность общества распространялась на Полтавскую губернию: в Ромнах, Лохвице, Пирятине, Кременчуге создавались местные ячейки. Членами общества могли быть лица независимо от пола и вероисповедания. Членские взносы составляли: для действительных членов общества – не менее 5 руб. в год, для почетных членов единовременный взнос должен составлять не менее 50 руб. Казна общества состояла как из членских взносов, так из пожертвований, поступлений от благотворительных мероприятий. Делами общества руководил губернский комитет в составе 18 членов, которые избирались ежегодно на общем собрании. Кроме председателя комитета, избирались два заместителя, казначей и секретарь. Отношения между правлением комитета и его местными ячейками осуществлялись с помощью писем, циркуляров, инструкций и личных посещений членами правления. Местные ячейки регулярно должны были регистрировать беженцев и отчитываться за потраченные средства. По данным Роменского комитета, в ноябре 1916 г. в Ромнах было взято на учет 40008 беженцев (*ГАСО. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 1: 190*).

Самой большой проблемой в деятельности Роменского общества, которым руководил раввин Троцкий, была нехватка средств. Стоимость питания беженцев в разрезе отдельных губерний существенно отличалась. Так, в Херсонской губернии продовольственный паек беженца составлял 6 руб. на месяц. Однако в Полтавской губернии стоимость беженского пайка устанавливалась ежемесячно. Если семья была многодетной, то четыре члена семьи получали по 20 коп. в день на продовольствие, другие члены семьи получали по 10 коп.; на оплату жилья – 1 руб. 40 коп.; на одежду и обувь для взрослых выделялось 15 руб., для детей до 5 лет – 7 руб. 50 коп. В своих обращениях в Центральный комитет местные ячейки общества помощи беженцам неоднократно жаловались на недостаток средств и просили увеличить финансирование. В ответ руководство требовало увеличить поступления из местных источников за счет сбора пожертвований (*Рожкова, 2016: 448*).

Основными направлениями деятельности организации были предоставление денежных ссуд беженцам, обустройство приютов для детей с дневным пребыванием и двухразовым питанием, перевозка вещей беженцев, распространение среди беженцев санитарных знаний и профилактика инфекционных заболеваний, предоставление беженцам юридической помощи, привлечение их к сельскохозяйственным работам, восстановление документов, семейных связей с лицами, которые остались на оккупированных территориях, устройство религиозных праздников и тому подобное. Несмотря на ограниченность финансирования, общество выделяло немалые суммы на содержание школ для детей беженцев. В частности, на занятия с девочками выделялось ежемесячно 245 руб., с мальчиками 130 руб. При синагоге работала еврейская школа (хедер), где изучались Талмуд и Тора. Комитет активно сотрудничал с другими еврейскими организациями, такими как Комитет общества ремесленного и земледельческого труда евреев России, Комитет здравоохранения еврейского населения, Общество распространения образования среди евреев и др. С помощью еврейского колонизационного общества осуществлялись денежные переводы от представителей диаспоры в США евреям-беженцам в украинские губернии.

Активная деятельность общества облегчала положение беженцев и их адаптацию в местах переселения, но к концу 1916 г., судя по публикациям в местной прессе, в обществе нарастала усталость, высказывалось недовольство дороговизной продуктов, общей бедностью. В общественном мнении вызревала мысль о виновниках войны и ее бессмысленности.

Наряду с ранеными, беженцами, сиротами, военнопленные оказались одной из самых уязвимых социальных групп. Наибольшее количество военнопленных русской армии была захвачено в течение весны – лета 1915 г., во время «Большого отступления». В том году военнопленными стали 750 тыс. человек (Уткин, 2000: 149). Среди них были и уроженцы Сумщины, служившие в Новгородском драгунском полку. Определенные попытки облегчить участь пленных осуществляли общественные гуманитарные организации, в том числе и международные. В середине 1915 г. в Петрограде было создано Всероссийское общество помощи военнопленным. Согласно уставу, основная задачей общества состояла в «сборе необходимых пленным предметов и отправке пожертвованных пленным русским воинам в немецкие лагеря» (ГАСО. Ф. 820. Оп. 1. Д. 148: 4-7). Доставка собранных вещей была налажена с помощью Красного Креста, притом к отправителям возвращались расписки о получении присланных вещей от воинов. В обращении Комитета содержался призыв: «Граждане! Ваша жертва спасает не менее как человеческую жизнь, может быть, жизнь близкого вам человека. Приготовьтесь к ряду жертв, к продолжительному служению ближнему». Обязательными условиями вступления в общество были совершеннолетний возраст, отсутствие судимости и членский взнос в размере 3 рублей. Крупное отделение общества (600 членов) работало в Петрограде, местные ячейки должны были состоять не менее как из 5 членов. Кроме сбора денежных пожертвований, члены общества устраивали концерты, спектакли, издавали литературные произведения с целью их распространения. Полученные от благотворительных мероприятий средства расходовались на подарки пленным. Важной функцией общества был сбор информации о местах пребывания пленных. При Российском обществе Красного Креста функционировал особый комитет помощи военнопленным. В воспоминаниях О. Варабвы-Кобца приводится описание посещения лагеря для русских военнопленных в Венгрии делегацией в составе представителей Красного Креста, военного командования, а также «русской княжны из царского двора» (Кобец, 2010: 76-78). Как свидетельствует автор, эта миссия имела формальный характер и существенно не улучшила нечеловеческих условий пребывания пленных.

Некоторую помощь семьям военнопленных русской армии оказывали местные органы управления. Например, в июне 1917 г. в Конотопскую городскую управу было подано заявление беженки Е. Войтюковой, муж которой, прапорщик, более 2 лет находился в плену. Просьба женщины о материальной помощи была удовлетворена (ГАСО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 168: 25).

В период Первой мировой войны земскими учреждениями предпринимались попытки реабилитации инвалидов войны, демобилизованных с фронта. В украинских губерниях для них проводились бесплатные курсы по основам садоводства, земледелия, отдельных ремесел. В ноябре 1916 г. на заседании Золотоношского земского уездного собрания (Полтавская губерния) был рассмотрен вопрос об учреждении приюта в форме музыкальной школы для воинов инвалидов. Выступая с докладом по этому вопросу, гласный М.О. Злобинцев акцентировал внимание земства не только на моральном значении заботы о жертвах войны, но и на интересах государства: «целостность и сила государства – в крепости и силе сынов его. Помогая искалеченным борцам, мы тем самым увеличиваем мужество оставшихся в рядах, увеличиваем силу нашей родной земли» (Велика війна, 2015: 502-504).

5. Заключение

Проведенное нами исследование позволяет сделать вывод о том, «Европейская война», впоследствии названная Великой или Первой мировой, повлияла на повседневную жизнь населения отдаленных от фронта местностей. В годы войны происходил значительный рост активности общества и развитие благотворительной деятельности в левобережных украинских губерниях Российской империи. В благотворительной деятельности участвовали органы местного самоуправления, общественные и религиозные организации, частные лица.

На территории Харьковской, Полтавской, Черниговской и других губерний получили развитие различные формы благотворительной деятельности и взаимопомощи: забота о воинах и их семьях, устройство лазаретов, материальная и моральная поддержка бойцов, забота о беженцах и военнопленных. По сравнению с мирным временем происходило совершенствование форм и методов оказания помощи, разнообразие социального, этнического и гендерного состава благотворителей. Впервые активное участие в общественной жизни, в частности благотворительной деятельности, приняли женщины. Эта деятельность объединяла представителей различных этнических общин, способствовала укреплению национальной идентичности и социальной сплоченности.

Усвоение исторических уроков Первой мировой войны будет способствовать утверждению в общественном сознании, международно-правовой и политической практике гуманистических ценностей, поможет избежать появления «потерянных поколений» в будущем. Опыт взаимопомощи и самоорганизации общества в условиях войны заслуживает внимания и в наше время.

Литература

- Баженова, 2009** – Баженова К.Е. Деятельность уездных комитетов Всероссийского земского союза помощи больным и раненым войнам Пермской губернии в начальный период Первой мировой войны (1914 – первая половина 1915 года) // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 41 (179). История. Вып. 38. С. 34-40.
- Белова, 2011** – Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. Монография. М.: АИРО–XXI, 2011. 288 с.
- Білоус, 2011** – Білоус Л.В. Депортації єврейського населення на території Російської імперії під час Першої світової війни // *Український історичний журнал*. 2011. № 2. С. 65-79.
- Борщук, 2012** – Борщук Е.Д. Частная благотворительность в России в условиях Первой мировой войны как элемент в выявлении патриотических настроений // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2008. С. 59-65.
- Брусилов, 1963** – Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: Воениздат, 1963. 432 с.
- Велика війна, 2013** – Велика війна 1914–1918 рр. і Україна / За ред. В.А. Смолія. Київ: Кліо, 2013. 784 с.
- Велика війна, 2015** – Велика війна 1914–1918 рр. і Україна: У 2-х кн. Кн. 2: Мовою документів і свідчень; Ред. кол.: В.А.Смолій (голова), Г.В. Боряк та ін.; відп. ред. О.П. Реєнт; авт. кол.: Ю.В. Берестень та ін. Київ: ТОВ «Видавництво» «Кліо», 2015. 800 с.
- ГАСО** – Государственный архив Сумской области.
- Гатрелл, 2004** – Гатрелл П. Беженцы в России в период Первой мировой войны // *Исторические записки*. 2004. № 4 (22). С. 46-72.
- Головин, 2006** – Головин Н. Военные усилия России в мировой войне. М.: Вече, 2006. 524 с.
- Доклады, 1915** – Доклады Сумской уездной земской управы уездному земскому собранию очередной сессии 1915 г. Ч. II. Сумы: Электропечатня А.Е. Чернобрывченко, 1915. 95 с.
- Долидович, Федорова, 2007** – Долидович О.М., Федорова В.И. Женщины Сибири во второй половине XIX – начале XX века (Демографический, социальный, профессиональный аспекты). Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2007. 232 с.
- Донік, 2005** – Донік О.М. Громадська благодійність в Україні в роки Першої світової війни // *Проблеми історії України XIX – початку XX ст.* Київ: Інститут історії України НАН України, 2005. Вип. 9. С. 61-86.
- Донік, 2014** – Донік О.М. Всеросійський земський союз в Україні: структура, напрями та результати діяльності // *Український історичний журнал*. 2014. № 3. С. 22-37.
- Еремін, 2010** – Еремін И.А. Западная Сибирь в период Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.). Барнаул: Алт ГПА, 2010. 293 с.
- Жванко, 2010** – Жванко Л.М. Біженство Першої світової війни в Україні: Документи і матеріали (1914 – 1918 рр.). Харків: ХНАМГ, 2010. 360 с.
- Жванко, 2012** – Жванко Л.М. Біженці Першої світової війни: український вимір (1914–1918 рр.). Харків: Віровець А.П. «Апостроф», 2012. 568 с.
- Жванко, 2014** – Жванко Л.М. Процес формування етнічних комітетів допомоги біженцям на українських землях у роки Першої світової війни // *Український історичний журнал*. 2014. № 3. С. 37-52.
- Журнал засідання, 1914** – Журнал засідання Сумського уездного собрания чрезвычайной сессии 30 июля 1914 г. Сумы: Т-во печатного дела И.Г. Ильченко и братья, 1914. 32 с.
- Журнал засідання, 1915** – Журнал засідання Сумського уездного земского собрания чрезвычайной сессии 21 июня 1915 г. Сумы: Электропечатня А.Е. Чернобрывченко, 1915. 60 с.
- Кобець, 2010** – Кобець О. Записки полоненого. Пригоди і вражіння учасника Першої світової війни // *Березіль*. 2010. № 7-8.
- Курлов, 1992** – Курлов П.Г. Гибель императорской России. М.: Современник, 1992. 255 с.
- Курцев, 1999а** – Курцев А.Н. Беженство // *Россия и Первая мировая война (материалы международного colloquium)*. Спб.: Дм. Буланин, 1999. С. 129-146.
- Курцев, 1999б** – Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917) // *Вопросы истории*. 1999. № 8. С. 98-114.
- Лазанська, 2009** – Лазанська Т.І. Становище біженців в роки Першої світової війни // *Проблеми історії України XIX – початку XX ст.* Київ: Інститут історії України НАН України, 2009. Вип. 16. С. 196-240.
- Лихачова, 2010** – Лихачова Т. Польські організації допомоги жертвам війни в системі державної та суспільної опіки над біженцями на Сході (1914 – 1921 рр.) // *Polska dyplomacjane Wschodziew XX – poczatkach XXI wieku. Praca zbiorowa pod redakcia H. Stronskiego i G. Seroczynskiego*. Olsztyn; Charkow: LITERA, 2010. Pp. 33-54.
- Матвеева, 2004** – Матвеева Н.Л. Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны. М.: Изд-во МГОУ, 2004. 124 с.
- Мельник, 2018** – Мельник Л.Г. «Машина времени» Н.Н. Неплюева (Социально-экономический анализ): Монография. Сумы: ЧФ «Издательство «Университетская книга», 2018. 368 с.

Полякова, 2012 – Полякова Л.Г. Периодическая печать как средство изучения деятельности тыла в годы Первой мировой войны (на примере Черноморской губернии) // *Былые годы*. 2012. № 3 (25). С. 42-51.

Реєнт, Янишин, 2014 – Янишин Б.М. Велика війна 1914–1918 рр. в сучасній українській історіографії // *Український історичний журнал*. 2014. № 3. С. 4-21.

Рожкова, 2015a – Рожкова Л.І. Благодійність в роки Першої світової війни (на матеріалах Сумщини) // *Сіверщина в історії України*. 2015. Вип. 8. С. 248-253.

Рожкова, 2015b – Рожкова Л.І. Сумщина та військовополонені Першої світової війни // *Гуржіївські історичні читання*. Черкаси, 2015. Вип. 10. С. 106-109.

Рожкова, 2016 – Рожкова Л.І. Діяльність етнічних організацій допомоги біженцям в роки Першої світової війни (на матеріалах Сумщини) // *Сіверщина в історії України*. 2016. Вип. 9. С. 445-449.

Сейко, 2003 – Сейко Н.А. Фундація Тетяни Миколаївни як доброчинна організація періоду I Світової війни // *Вісник Житомирського пед. ун-ту ім. І.Франка*. 2003. Вип. 13. С. 164-167.

Сердюк, 2002 – Сердюк О. Біженство в Україні під час першої світової війни // *Проблеми історії України XIX – початку XX ст.* Київ: Інститут історії України НАН України, 2002. Вип. 4. С. 111-132.

Скворцов, Евтушенко, 2006 – Скворцов И.Н., Евтушенко Н.И. Сумы и Сумской уезд в годы Первой мировой войны (1914–1917) // *Краеведческий сборник*. Сумы: ВТД «Університетська книга», 2006. 250 с.

Сулейманова, 2014 – Сулейманова Р.Н. Деятельность местных комитетов Всероссийского союза городов, Всероссийского земского союза, благотворительных организаций и населения Уфимской губернии в первые годы I Мировой войны // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2014. № 12 (341). История. Вып. 60. С. 53-57.

Ульянова, 2005 – Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX в. М.: Наука, 2005. 403 с.

Уткин, 2000 – Уткин А.И. Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. Смоленск: Русич, 2000. 640 с.

Хаустова, 2004 – Хаустова О.В. Організація благодійної діяльності в Харківській губернії з початком Першої світової війни // *Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. Серія «Історія»*. Вип. 36. Харків, 2004. С. 68-77.

Хроника событий, 1915 – Хроника событий // *Сумской вестник*. 1915. 4 сентября.

Хроника событий, 1994 – Хроника событий // *Сумской голос*. 1917. № 8–9. 19 августа / репринтн. изд. 1994.

Gatrell, 2005 – Gatrell P.A. *Whole Empire Walking: Refugees in Russia During World War I*. Bloomington: Indiana Univ. Press, 2005. 318 p.

Grant, 2014 – Grant P. *Philanthropy and Voluntary Action in the First World War: Mobilizing Charity*. Routledge, 2014. 270 p.

Grant, 2017 – Grant P. *Philanthropy in Britain during the First World War* // *The Tocqueville Review*. Vol. 38. № 2. 2017. Pp. 37-51.

Korzeniowski, 2001 – Korzeniowski M. *Na wygnanczym szlaku Działalność Centralnego Komitetu Obywatelskiego Królestwa Polskiego na Białorusi w latach (1915 – 1918)* Lublin: Lubelskie Towarzystwo Naukowe, 2001. 390 p.

Mandzik et al., 2007 – Mandzik M., Korzeniowski M., Latawiec K., Tarasiuk D. *Polacy na wschodniej Ukrainie w latach 1832–1921* Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2007. 238 p.

References

Bazhenova, 2009 – Bazhenova K.E. (2009). *Deyatel'nost' uездnykh komitetov Vserossiiskogo zemskogo soyuza pomoshchi bol'nym i ranenym voynam Permskoi gubernii v nachal'nyi period Pervoi mirovoi voyny (1914 – pervaya polovina 1915 goda)* [Activities of the county committees of the All-Russian Zemstvo Union for Aid to the Sick and Wounded Soldiers of the Perm Governorate in the initial period of the First World War (1914 – first half of 1915)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 41 (179). Istoriya. Vyp. 38. Pp. 34-40. [in Russian]

Belova, 2011 – Belova I.B. (2011). *Pervaya mirovaya voyna i rossiiskaya provintsiiya. 1914 – fevral' 1917 g.* [World War I and the Russian province. 1914 – February 1917]. *Monografiya*. M.: AIRO – XXI. 288 p. [in Russian]

Bilous, 2011 – Bilous L.V. (2011). *Deportacii' jevrejs'kogo naselennja na terytorii' Rosijs'koi' imperii' pid chas Pershoi' svitovoi' vijny* [Deportation of the Jewish population on the territory of the Russian Empire during the First World War]. *Ukrai'ns'kyj istorychnyj zhurnal*. № 2. Pp. 65-79. [in Ukrainian]

Borshhukova, 2008 – Borshhukova E.D. (2008). *Chastnaya blagotvoritel'nost' v Rossii v usloviyakh Pervoy mirovoy voyny kak element v vyavlenii patrioticheskikh nastroyeniy* [Private charity in Russia during the First World War as an element in revealing patriotic sentiments]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gerczena*. Pp. 59-65. [in Russian]

- Brusilov, 1963** – *Brusilov A. A.* (1963). *Moi vospominaniya* [My memories]. M.: Voenizdat. 432 p. [in Russian]
- Velyka viina, 2013** – *Velyka viina 1914–1918 rr. i Ukraina* (2013). Za red. Smoliia V.A. [The Great War of 1914–1918 and Ukraine]. Kyiv: Klio. 784 p. [in Ukrainian]
- Velyka viina, 2015** – *Velyka viina 1914–1918 rr. i Ukraina* (2015). [The Great War of 1914–1918 and Ukraine]. U dvokh knykh. Knyha 2: *Movoyu dokumentiv i svidchen`*; Red. kol.: V.A. Smoliiy (holova), H.V. Boryak ta in.; vidp. red. O.P. Reyent; avt. kol.: Yu.V. Beresten ta in. Kyiv: TOV «Vydavnytstvo» «Klio». 800 p. [in Ukrainian]
- GASO** – Gosudarstvennyi arkhiv Sumskoi oblasti [State Archives of Sumy Region].
- Gatrell, 2004** – *Gatrell P.* (2004). *Bezhency v Rossii v period Pervoy mirovoj vojny* [Refugees in Russia during the First World War]. *Istoricheskie zapiski*. №. 4(22). Pp. 46–72. [in Russian]
- Golovin, 2006** – *Golovin N.* (2006). *Voennye usiliya Rossii v mirovoi voine* [Russia's military efforts in the World war]. M.: Veche. 524 p. [in Russian]
- Doklady, 1915** – *Doklady Sumskoy uyezdnoy zemskoy upravy uyezdnomu zemskomu sobraniyu ocherednoy sessii 1915 g.* (1915). [Reports of the Sumy uyezd zemstvo council to the uyezd zemstvo assembly of the regular session of 1915]. P. II. Sumy: Elektropechatnya A.Ye. Chernobryvchenko. 95 p. [in Russian]
- Dolidovich, Fedorova, 2007** – *Dolidovich O.M., Fedorova V.I.* (2007). *Zhenshhiny Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* (Demograficheskij, soczialnyi, professional'nyi aspekty) [Women of Siberia in the second half of the 19th – early 20th century (Demographic, social, professional aspects)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskij gos. ped. un-t im. V.P. Astafeva. 232 p. [in Russian]
- Donik, 2005** – *Donik O.M.* (2005). *Gromads'ka blagodijnist' v Ukrayini v roky Pershoyi svitovoyi vijny* [Public charity in Ukraine during the First World War]. *Problemy istoriyi Ukrayiny XIX – pochatku XX st.* Kyiv: Instytut istoriyi Ukrayiny NAN Ukrayiny. Vyp. 9. Pp. 61–86. [in Ukrainian]
- Donik, 2014** – *Donik O.M.* (2014). *Vserosiys'kyy zems'kyy soyuz v Ukrayini: struktura, napryamy ta rezultaty diyal'nosti* [All-Russian Zemsky Union in Ukraine: structure, directions and results of activity]. *Ukrayins'kyy istorychnyy zhurnal*. № 3. Pp. 22–37. [in Ukrainian]
- Eremin, 2010** – *Eremin I.A.* (2010). *Zapadnaya Sibir' v period Pervoi mirovoi vojny (iyul' 1914 – mart 1918 gg.)* [Western Siberia during the First World War (July 1914 – March 1918)]. Barnaul: Alg GPA. 293 p. [in Russian]
- Zhvanko, 2010** – *Zhvanko L.M.* (2010). *Bizhenstvo Pershoyi svitovoyi vijny v Ukrayini: Dokumenty i materialy (1914–1918 rr.)* [Refugees of the First World War in Ukraine: Documents and Materials (1914–1918)]. Kharkiv: KHNAMG. 360 p. [in Ukrainian]
- Zhvanko, 2012** – *Zhvanko L.M.* (2012). *Bizhenci Pershoyi svitovoyi vijny: ukrayins'kyi vymir (1914–1918 rr.)* [Refugees of the First World War: the Ukrainian Dimension (1914–1918)]. Kharkiv: Virovecz A.P. «Apostrof». 568 p. [in Ukrainian]
- Zhvanko, 2014** – *Zhvanko L.M.* (2014). *Protses formuvannya etnichnykh komitetiv dopomohy bizhentsyam na ukrayins'kykh zemlyakh u roky Pershoyi svitovoyi vijny* [The process of forming ethnic committees to help refugees in Ukrainian lands during the First World War]. *Ukrayins'kyy istorychnyy zhurnal*. № 3. Pp. 37–52. [in Ukrainian]
- Zhurnal zasedaniya, 1914** – *Zhurnal zasedaniya Sumskogo uyezdnogo sobraniya chrezvychnoy sessii 30 iyulya 1914 g.* (1914). [Journal of the meeting of the Sumy district zemstvo assembly of the emergency session on July 30, 1914]. Sumy: T-vo pechatnogo dela I.G. Il'chenko i brat'ya. 32 p. [in Russian]
- Zhurnal zasedaniya, 1915** – *Zhurnal zasedaniya Sumskogo uyezdnogo zemskogo sobraniya chrezvychnoy sessii 21 iyunya 1915 g.* (1915). [Journal of the meeting of the Sumy district zemstvo assembly of the emergency session on June 21, 1915]. Sumy: Elektropechatnya A.Ye. Chernobryvchenko. 60 p. [in Russian]
- Kobets, 2010** – *Kobets O.* (2010). *Zapysky polonenooho. Pryhody i vrazhinnya uchasnyka Pershoyi svitovoyi vijny* [Notes of a prisoner. Adventures and impressions of a participant of the First World War]. *Berezil'*. № 7–8. [in Ukrainian]
- Kurlov, 1992** – *Kurlov P.H.* (1992). *Gibel' imperatorskoy Rossii*. [The death of imperial Russia]. M.: Sovremennyk. 255 p. [in Russian]
- Kurczev, 1999** – *Kurczev A.N.* (1999). *Bezhenstvo* [Asylum]. *Rossiya i Pervaya mirovaya vojna (materialy mezhdunarodnogo kollokviuma)*. SPb.: Dm. Bulanin. Pp. 129–146. [in Russian]
- Kurczev, 1999** – *Kurczev A.N.* (1999). *Bezhency Pervoy mirovoj vojny v Rossii (1914–1917)* [Refugees of the First World War in Russia (1914–1917)]. *Voprosy istorii*. № 8. Pp. 98–114. [in Russian]
- Lazanska, 2009** – *Lazanska T.I.* (2009). *Stanovyshhe bizhenciv v roky Pershoyi svitovoyi vijny* [The situation of refugees during the First World War]. *Problemy istoriyi Ukrayiny XIX – pochatku XX st.* Kyiv: Instytut istoriyi Ukrayiny NAN Ukrayiny. Vyp. 16. Pp. 196–240. [in Ukrainian]
- Lyhachova, 2010** – *Lyhachova T.* (2010). *Pol's'ki organizacii' dopomogy zhertvam vijny v systemi derzhavnoi' ta suspil'noi' opiky nad bizhencjamy na Shodi (1914–1921 rr.)* [Polish organizations of assistance to war victims in the system of state and public care for refugees in the East (1914–1921)]. *Polska dyplomacijane Wschodziej XX – poczatkach XXI wieku*. Praca zbiorowa pod redakcia H. Stronskiego i G. Seroczynskiego. Olsztyn; Kharkiv: LITERA. Pp. 33–54. [in Ukrainian]

Matveeva, 2004 – *Matveeva N.L.* (2004). Blagotvoritel'nost' i imperatorskaya sem'ya v gody Pervoy mirovoj vojny [Charity and the Imperial Family during the First World War]. M.: Izd-vo MGOU. 124 p. [in Russian]

Melnyk, 2018 – *Melnyk L.H.* (2018). «Mashina vremeni» N.N. Neplyuyeva (Sotsial'no-yeconomicheskii analiz): monografiya. ["Time Machine" N.N. Neplyuyeva (Socio-economic analysis): monograph]. Sumy: CHF «Izdatel'stvo «Universitetskaya kniga». 368 p. [in Russian]

Poliakova, 2012 – *Poliakova L.H.* (2012). Periodicheskaya pechat' kak sredstvo izucheniya deyatel'nosti tyla v gody Pervoy mirovoj vojny (na primere Chernomorskoj gubernii). [Periodicals as a means of studying the activities of the rear during the First World War (on the example of the Black Sea province)]. *Bylyye gody*. № 3 (25). Pp. 42-51. [in Russian]

Reyent, Yanyshyn, 2014 – *Yanyshyn B.M.* (2014). Velyka viyna 1914–1918 rr. v suchasniy ukrayins'kiiy istoriohrafiiy [The Great War of 1914–1918 in modern Ukrainian historiography]. *Ukrayins'kyy istorychnyy zhurnal*. № 3. Pp. 4-21. [in Ukrainian]

Rozhkova, 2015a – *Rozhkova L.I.* (2015). Blahodiynist' v roky Pershoyi svitovoyi viyny (na materialakh Sumshchyny) [Charity during the First World War (based on Sumy region)]. *Siversshchyna v istoriyi Ukrayiny*. Vyp. 8. Pp. 248-253. [in Ukrainian]

Rozhkova, 2015b – *Rozhkova L.I.* (2015). Sumshchyna ta viys'kovopoloneni Pershoyi svitovoyi viyny [Sumy region and prisoners of war of the First World War] *Hurzhiyiv'ski istorychni chytannya*. Cherkasy. Vyp. 10. Pp. 106-109. [in Ukrainian]

Rozhkova, 2016 – *Rozhkova L.I.* (2016). Diyal'nist' etnichnykh orhanizatsiy dopomohy bizhentsyam v roky Pershoyi svitovoyi viyny (na materialakh Sumshchyny) [Activities of ethnic organizations to help refugees during the First World War (based on Sumy region)]. *Siversshchyna v istoriyi Ukrayiny*. Vyp. 9. Pp. 445-449. [in Ukrainian]

Sejko, 2003 – *Sejko N.A.* (2003). Fundaciya Tetyany Mykolayivny yak dobrochynna organizaciya periodu I Svitovoyi vijny [Tatiana Nikolaevna Foundation as a charitable organization during the First World War]. *Visnyk Zhytomyr'skogo ped. un-tu im. I. Franka*. Vyp. 13. Pp. 164-167. [in Ukrainian]

Serdyuk, 2002 – *Serdyuk O.* (2002). Bizhenstvo v Ukrayini pid chas Pershoyi svitovoyi vijny [Refugees in Ukraine during the First World War]. *Problemy istoriyi Ukrayiny XIX – pochatku XX st.* Kyiv: Instytut istoriyi Ukrayiny NAN Ukrayiny. Vyp. 4. Pp. 111-132. [in Ukrainian]

Skvortsov, Evtushenko, 2006 – *Skvortsov Y.N., Evtushenko N. Y.* (2006). Sumy i Sums'koy uyezd v gody Pervoy mirovoj vojny (1914–1917) [Sumy and Sumy County during the First World War (1914–1917)]. *Krayeznavchyy zbirnyk*. Sumy: VTD «Universytets'ka knyha». 250 p. [in Ukrainian]

Sulejmanova, 2014 – *Sulejmanova R.N.* (2014). Deyatel'nost' mestnykh komitetov Vserossijskogo soyuza gorodov, Vserossijskogo zemskogo soyuza, blagotvoritel'nykh organizacij i naseleniya Ufimskoy gubernii v pervye gody Pervoy mirovoj vojny [Activities of local committees of the All-Russian Union of Cities, the All-Russian Zemstvo Union, charitable organizations and the population of the Ufa province in the early years of the First World War]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 12 (341). Istoriya. Vyp. 60. Pp. 53-57. [in Russian]

Ulyanova, 2005 – *Ulyanova G.N.* (2005). Blagotvoritel'nost' v Rossijskoj imperii. XIX – nachalo XX v. [Charity in the Russian Empire. XIX – early XX century]. M.: Nauka. 403 p. [in Russian]

Utbyn, 2000 – *Utbyn A.Y.* (2000). Zabytaya tragediya. Rossiya v Pervoy mirovoj voyne. [Forgotten tragedy. Russia in the First World War]. Smolensk: Rusich. 640 p. [in Russian]

Khaustova, 2004 – *Khaustova O.* (2004). Orhanizatsiya blahodiynoyi diyal'nosti v Kharkivs'kiiy huberniyi z pochatkom Pershoyi svitovoyi viyny [Organization of charitable activities in the Kharkiv province with the beginning of the First World War]. *Visnyk Kharkivs'koho natsional'noho universytetu im. V.N. Karazina. Seriya «Istoriya»*. Vyp. 36. Kharkiv. Pp. 68-77. [in Ukrainian]

Khronika sobytii, 1915 – *Khronika sobytii* (1915). [Chronicle of events]. Sums'koy vestnik. 4 sentyabrya. [in Russian]

Khronika sobytii, 1994 – *Khronika sobytii* (1994). [Chronicle of events]. *Sums'koy golos*. № 8-9. 19 avgusta 1917 / reprintn. izd. [in Russian]

Gatrell, 2005 – *Gatrell P.A.* (2005). Whole Empire Walking: Refugees in Russia During World War I. Bloomington: Indiana univ. press. 318 p. [in English]

Grant, 2014 – *Grant P.* (2014). Philanthropy and Voluntary Action in the First World War: Mobilizing Charity. Routledge. 270 p. [in English]

Grant, 2017 – *Grant P.* (2017). Philanthropy in Britain during the First World War // *The Tocqueville Review*. Vol. 38. № 2. Pp. 37-51. [in English]

Korzeniowski, 2001 – *Korzeniowski M.* (2001). Na wygnanczym szlaky Dzialalnose Centralnego Komitetu Obywatelskiego Krolestwa Polskiego na Bialorusi w latach (1915–1918) [On the exile trails the activity of the Central Civic Committee of the Polish Kingdom in Belarus in the years (1915–1918)]. Lublin: Lubelske Towarzystwo Naukowe. 390 p. [in Polish]

Mandzik et al., 2007 – *Mandzik M., Korzeniowski M., Latawieck K., Tarasiuk D.* (2007). Polacy na wschodniej Ukrainie w latach 1832–1921 [Poles in eastern Ukraine in the years 1832–1921]. Lublin: Wydawnictwo UMCS. 238 p. [in Polish]

Благотворительная деятельность в левобережных украинских губерниях в годы Первой мировой войны

Людмила Ивановна Рожкова ^{а,*}, Светлана Александровна Шестакова ^а,
Инна Ивановна Харченко ^а, Наталия Николаевна Кузьменко ^а

^а Сумский национальный аграрный университет, Украина

Аннотация. В статье освещены основные аспекты благотворительной деятельности в Левобережных украинских губерниях в годы Первой мировой войны. Проанализированы особенности деятельности и взаимодействие органов местного самоуправления, общественных организаций, отдельных благотворителей во время войны. На основе проведенного исследования авторы пришли к выводу о том, что по сравнению с мирным временем в годы войны благотворительность приобрела разнообразные формы. Основными проявлениями помощи стала материальная и моральная поддержка воинов, опека над их семьями, обустройство лазаретов, поддержка беженцев и военнопленных. Значительно расширился социальный, этнический и гендерный состав благотворителей. Впервые активное участие в благотворительной деятельности приняли женщины. Эта деятельность объединяла представителей различных этнических общин, приобрела форму взаимной помощи, способствовала укреплению национальной идентичности и развитию социальной активности. Авторы акцентируют внимание на исторических уроках Первой мировой войны, ценности благотворительной деятельности, взаимной помощи и самоорганизации общества в современных условиях. В научный оборот введено значительное количество архивных источников и материалов газет, которые издавались в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, Левобережные украинские губернии, тыл, благотворительная деятельность, помощь, пожертвования, земства, беженцы, общественные организации, военнопленные.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: aluda-6619@ukr.net (Л.И. Рожкова)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1400-1408. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1400
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Peasantry of the Altai Province and Cooperation (Based on the Materials of the All-Russian Agricultural Census of 1917)

Viktor N. Razgon ^{a, *}, Kseniya A. Pozharskaya ^a, Anton V. Razgon ^b

^a Altai State University, Russian Federation

^b Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation

Abstract

Based on the analysis of materials from the agricultural census of 1917, the article determines the level of participation in various types of cooperation of peasants of the Altai province, belonging to different settlement groups, and inside them – depending on the level of prosperity. The greatest level of involvement in butter-making cooperation was characteristic of old-time peasants, in the economy of which livestock farming has traditionally been the most profitable business. Less often than peasants of other settlement groups, Stolypin migrants participated in this type of cooperation, as they were at the initial stage of adaptation to new natural and sociocultural conditions. At the same time, migrants who were in dire need of credit for the purchase of agricultural implements and household items more often than old-timers became members of credit and consumer societies.

In all the settlement groups of the Altai peasantry, the participation of peasants in butter-making cooperatives expanded as the number of dairy cattle on their farms increased. Membership in consumer cooperatives was most widespread among the wealthy groups of the Altai peasantry who had more financial opportunities to satisfy their consumer needs. Peasants belonging to the group with an average level of prosperity were most actively registered in credit cooperatives. The aspirations to participate in this type of cooperation between the prosperous and entrepreneurial groups of the peasantry were constrained by the restrictive policies of the tsarist government, which reflected the position of Siberia as an economic colony and the cessation of agricultural exports since the First World War.

Keywords: peasantry, cooperation, agricultural census, agrarian migration, Siberia, Altai region.

1. Введение

Одной из особенностей кооперативного движения в Российской империи являлось его активное развитие на окраинных территориях, в частности в Сибири. Если в Европейской части страны с 1911 по 1914 гг. сеть кредитных кооперативов выросла на 58 %, то в Сибири – в 3,8 раза (Пахомчик, 2017: 181). Число кооперативных потребительских обществ в целом в стране с 1915 по 1918 г. увеличилось в 2,5 раза, а в Сибири – в 10 раз (Пивоваров, Рынков, 2012: 40). Рост спроса на сибирское масло на внешних рынках вызвал интенсивное развитие в регионе такого вида кооперации как маслодельческая. В 1914 г. в Сибири насчитывалось 2100 маслодельческих кооперативов.

Лидирующее положение в кооперативном движении в Сибири занимал один из важнейших сельскохозяйственных регионов на востоке страны – Алтайская губерния (образована в июне 1917 г. на основе Алтайского округа, входившего в территориально-административном отношении в состав Томской губернии) – в 1916 г. на Алтае действовало 1972 кооператива: 275 кредитных, 803 потребительских, 865 по сбыту и переработке сельскохозяйственной продукции (в основном

* Corresponding author

E-mail addresses: vrazgon@rambler.ru (V.N. Razgon)

маслодельческой), 29 прочих (Пахомчик, 2017: 181). К 1917 г. разными видами кооперации было охвачено более половины хозяйств алтайских крестьян.

Если во второй половине XIX века кооперативы создавались преимущественно по инициативе органов государственного и местного управления, то в начале XX столетия их образование стало результатом самостоятельности крестьян. Кооперация, посредством участия в которой крестьянские хозяйства удовлетворяли свои потребности в кредитных ресурсах, снабжении орудиями труда и потребительскими товарами, переработке и сбыте производимой продукции, являлась важнейшим средством включения крестьянских хозяйств региона в товарно-денежные, рыночные отношения, способствовала технологическому прогрессу в аграрном производстве.

2. Материалы и методы

Участие алтайского крестьянства в кооперации исследуется авторами статьи на основе анализа статистической информации, извлеченной из подворных анкет Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года. Структуризация информации, содержащейся в переписных анкетах, осуществлялась с использованием методов и технологий баз данных. Сформированная авторами база данных «Крестьянские хозяйства Алтайской губернии в 1917 г.» (Крестьянские хозяйства..., 2009) включает сведения о 13,1 тыс. хозяйств, отобранных с использованием 5-процентной выборки из общего числа сохранившихся подворных анкет крестьянских домохозяйств Алтайской губернии (фонд Алтайской губернской земской управы госархива Алтайского края). База данных содержит статистическую информацию о крестьянских хозяйствах, принадлежавших к трем основным поселенческим группам: старожилам (4072 хозяйства), переселенцам, водворившимся в регионе во второй половине XIX в. – 1906 г. (4850 хозяйств), и мигрантам периода столыпинских реформ (2714 хозяйств), что создает возможность для сравнительного анализа участия в кооперации крестьян различных поселенческих групп.

При проведении сельскохозяйственной переписи 1917 г. учитывалось участие крестьянских хозяйств в трех видах кооперации – кредитной, потребительской и маслодельческой. Помимо сведений об участии в кооперативах, база данных содержит и другую многоаспектную информацию о демографическом и экономическом состоянии крестьянских домохозяйств, извлеченную из переписных анкет. Ее взаимосвязанное использование позволяет выявить специфику участия в кооперации различных групп крестьянства, определяющуюся характером их хозяйственно-экономической деятельности. Для определения уровня вовлеченности в разные виды кооперации крестьян, принадлежавших к различным поселенческим группам (старожилов, достолыпинских переселенцев, мигрантов периода столыпинских реформ), а в рамках поселенческих групп – хозяйств с разным уровнем зажиточности, авторами использовались методы компьютеризованного статистического анализа.

3. Обсуждение

Дореволюционные исследователи народнической ориентации видели в кооперации не только форму экономической деятельности, но и возможность социального переустройства общества. В частности, М.И. Туган-Барановский, внесший существенный вклад в разработку теории кооперации, в своей работе «Социальные основы кооперации» рассматривал кооперацию в качестве организационного основания социалистического общества (Туган-Барановский, 1989). Экономисты «организационно-производственной школы» (А.В. Чайнов, Н.П. Макаров, А.Н. Челинцев и др.) связывали перспективы кооперативного движения с естественными процессами организационной эволюции крестьянского семейного производства (Чайнов, 1991; Челинцев, 1919).

Бурное развитие кооперативного движения в Сибири в начале XX столетия нашло отражение в работах Д.И. Илимского о кооперативных союзах (Илимский, 1919) и Д.Н. Махова о потребительской кооперации в регионе (Махов, 1923).

В советской историографии тема развития кооперации рассматривалась через призму реализации «ленинского кооперативного плана». Поэтому история отечественной дореволюционной кооперации исследователями практически не изучалась, хотя в рамках монографических работ по истории сельского хозяйства и крестьянства отдельных регионов страны вводились в научный оборот данные по истории кооперативного движения. В частности, развитию кооперации в Сибири был посвящен один из разделов фундаментальной монографии В.Г. Тюкавкина о сибирской деревне начала XX века (Тюкавкин, 1966).

В постсоветский период исследования по истории крестьянской кооперации значительно активизировались как на общероссийском (Болотова, 2003; Корелин, 2009; Лубков, 2019), так и на региональном уровне (Алексеева, 1993; Ломакина, Старин, 2000; Гузик, 2002; Сыщенко, Сыщенко, 2003; Запорожченко, 2006; Чедурова, 2014; Макеев, 2015). В современной сибирской историографии истории кооперации основное внимание уделялось изучению становления и развития организационных форм кооперации, деятельности региональных кооперативных союзов, роли кооперации в развитии экономики региона и аграрных технологий, ее влияния на социокультурную жизнь деревни и т.д.

Материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года практически не использовались историками для анализа участия сибирского крестьянства в кооперативном движении.

4. Результаты

В [Таблице 1](#) представлены данные об участии в основных видах кооперации крестьян разных поселенческих групп, полученные в результате компьютерной обработки статистических сведений, содержащихся в базе данных крестьянских хозяйств Алтайского округа, составленной по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г. Их анализ показывает, что алтайские старожилы превосходили переселенцев по уровню вовлеченности в маслодельческую (молочную) кооперацию (26,0 % хозяйств против 23,9 %), а переселенческие хозяйства, в свою очередь, демонстрировали более высокую степень участия в таких видах кооперации, как кредитная и потребительская (соответственно 36,3 и 30,0 % против 31,3 и 27,8 % у старожилов).

Таблица 1. Участие в кооперации различных поселенческих групп крестьян Алтайского округа в 1917 г. ([Крестьянские хозяйства..., 2009](#))

Поселенческие группы крестьян	Виды кооперации		
	Маслодельческая	Кредитная	Потребительская
в % от общего числа хозяйств			
Старожилы	26,0	31,3	27,8
Переселенцы, в т.ч. водворившиеся: во второй половине XIX в –1906 г. в столыпинский период	23,9	36,3	30,0
	25,1	39,0	32,7
	19,8	32,8	26,1

В хозяйственных занятиях сибирских старожилов, занимавших на праве первопосельщиков места с черноземными почвами, богатые сенокосными и пастбищными угодьями, животноводство занимало важнейшее место из-за его высокой доходности, которая обеспечивалась низким уровнем затрат на содержание скота. А в начале XX столетия молочное животноводство региона получило новый импульс к развитию, связанный с ростом спроса на сибирское сливочное масло на внешних рынках. Превосходство старожильческих хозяйств в обеспеченности скотом было зафиксировано и в ходе переписи 1917 г.: на одно старожильческое хозяйство в среднем приходилось голов крупного рогатого скота – 6,1, коров – 3,1, а на одно хозяйство мигрантов достолыпинского периода – соответственно 5,6 и 2,9 голов, столыпинских переселенцев – 4,0 и 2,0 голов ([Крестьянские хозяйства..., 2009](#)).

Среди крестьянских хозяйств сравниваемых поселенческих групп наименее вовлеченными в молочную кооперацию являлись переселенцы столыпинского периода (19,8 % хозяйств против 26,0 % у старожилов и 25,1 % у более ранних переселенцев ([Таблица 1](#)), находившиеся к моменту проведения переписи фактически еще на первоначальной стадии хозяйственного обустройства в новой природно-географической среде обитания. Вместе с тем, как следует из данных [Таблицы 2](#), в которой отражен уровень участия крестьян в маслодельческой кооперации в зависимости от обеспеченности их молочным скотом, в производственных группах многокоровных хозяйств (с 5-6 коровами и более) доля хозяйств, состоявших в маслодельческих кооперативах, у столыпинских переселенцев была даже большей, чем у мигрантов, водворившихся на Алтае в более ранний период. Вместе с тем 67,5 % мигрантов столыпинского периода содержали на своих подворьях не более 1–2 коров (в двух других сравниваемых поселенческих группах – переселенцев более раннего времени и старожилов – доля таких малокоровных хозяйств была значительно меньше – соответственно 50,9 и 48,7 %), что не только не давало им возможности регулярно продавать молоко на маслозаводы (членство в маслодельческих кооперативах имели лишь 17,4 % таких хозяйств), но и в больших семьях не гарантировало обеспечения потребительских нужд.

Таблица 2. Участие хозяйств различных поселенческих групп крестьян Алтайского округа в маслодельческой кооперации в зависимости от уровня обеспеченности молочным скотом (по данным с/х переписи 1917 г.) ([Крестьянские хозяйства..., 2009](#))

Группы хозяйств	Хозяйства, состоявшие в маслодельческих кооперативах, % об общего числа		
	Старожилы	Переселенцы второй пол. XIX в. – 1906 г.	Столыпинские переселенцы
с 1–2 коровами	20,9	19,3	17,4
с 3–4 коровами	33,1	33,6	31,9
с 5–6 коровами	36,4	36,5	39,6
с 7 и более	41,8	38,2	39,7
Всего:	28,6	27,5	23,3

Вместе с тем сравнение результатов переписи 1917 г. и более ранних статистических обследований показывает, что маслодельческая (молочная) кооперация довольно динамично развивалась и в местах водворения столыпинских мигрантов. Так, в результате выборочного обследования крестьянских хозяйств, проведенного в 1911 г. в одном из основных в Алтайском округе районов водворения переселенцев столыпинского периода – Кулундинской степи, было установлено, что в данной местности направляли на продажу часть производимого молока лишь 8 % всех обследованных хозяйств. Организаторы обследования объясняли столь низкий показатель главным образом малой заинтересованностью местных крестьян-переселенцев в производстве молока на продажу, определявшейся монополизацией рынка частными владельцами маслозаводов и сепараторов, которые в большинстве своем одновременно являлись держателями товарных лавок и принимали молоко на условия оплаты за него не деньгами, а товарами из своих лавок. При этом прогнозы на рост товарного производства молока связывались с возможным развитием здесь маслодельческой кооперации ([Сборник..., 1913: 171](#)). Как показывают материалы сельскохозяйственной переписи, к 1917 г. ситуация хотя и не кардинально, но во многом изменилась: к этому времени в районе Кулундинской степи действовало уже до двух десятков маслодельческих кооперативов, объединявших около 20 % всех переселенческих хозяйств.

Зафиксированное в [Таблице 1](#) более широкое участие переселенцев (как столыпинского периода, так и более раннего времени) в сравнении со старожилами в кредитной кооперации было обусловлено высокой потребностью мигрантских хозяйств в кредитных ресурсах, необходимых для покупки сельскохозяйственного инвентаря, скота, предметов бытового обустройства. Значительная часть инвентаря и потребительских товаров покупалась через торгово-закупочные пункты потребительской кооперации, по участию в которой, как следует из данных [Таблицы 1](#), переселенцы также превосходили старожилов.

Проведенное ранее авторами настоящей статьи исследование стратегии хозяйственной адаптации переселенцев, прибывавших на поселение в Алтайский округ в период столыпинских реформ, показало, что на начальном этапе она основывалась на приоритетности направления материальных и трудовых ресурсов переселенческих домохозяйств в занятия земледелием – отрасль сельскохозяйственного производства, обеспечивающую более быстрый оборот вкладываемых средств по сравнению с животноводством. Реализация такой хозяйственной стратегии позволяла недавним мигрантам в короткий срок прирастить вложенные средства и тем самым создать условия для дальнейшего роста материальной базы своих хозяйств, в том числе и наращивания поголовья скота ([Разгон и др., 2013: 242-246](#)). Предпочтение, отдаваемое переселенцами земледельческим занятиям, было зафиксировано переписью 1917 г.: средний посев на одно старожильческое хозяйство по округу составлял 5,9 десятин, тогда как в переселенческих хозяйствах этот показатель был существенно более высоким: у достолыпинских мигрантов – 9,0 дес., столыпинских – 7,8 дес. ([Крестьянские хозяйства..., 2009](#)).

Для освоения целинных и залежных земель, отводимых на переселенческих участках, крестьянам-мигрантам необходимы были производительные пахотные орудия – многолемешные плуги, буккера. Согласно результатам учета сельхозинвентаря, в хозяйствах переселенцев, водворившихся в Алтайском округе в течение 10 лет, предшествующих переписи 1917 г., практически не использовались такие примитивные орудия вспашки, как сохи, зато была сосредоточена половина (50,8 %) всех учтенных в ходе ее проведения наиболее производительных и усовершенствованных пропашных орудий того времени – буккеров ([Разгон и др., 2013: 248](#)), при том, что доля таких хозяйств в общей массе учтенных составляла около 20 %. Потребность переселенцев в сельхозинвентаре во многом удовлетворялась посредством участия в кредитной и потребительской кооперации, покупки его через пункты торгово-снабженческой сети, создаваемой кредитными и потребительскими кооперативами. С 1906 по 1911 годы сибирскими кооперативами было закуплено

для последующей реализации крестьянским хозяйствам усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря и машин на сумму 84 млн руб. Закупсбыт, объединявший 2700 потребительских кооперативов с общим оборотом 135 млн руб., в 1917 г. поставил на крестьянские подворья сельхозорудий на 40 млн золотых рублей, а объем аналогичных продаж Алтайского кредитного союза составил в этом году 2,4 млн руб. (Чедурова, 2014: 153, 159).

Сведения, представленные в Таблице 3, показывают уровень участия в кредитной и потребительской кооперации хозяйств разных посевных групп с разделным учетом внутри рассматриваемых поселенческих групп алтайского крестьянства (старожилов, достольпинских и столыпинских переселенцев).

Характерный для всех поселенческих групп крестьян низкий уровень участия в кредитных и потребительских кооперативах малопосевных хозяйств (с посевом до 4 дес.) обуславливался их малой экономической мощностью.

Вполне ожидаемыми являются зафиксированные в Таблице 3 более высокие показатели участия в потребительской кооперации крестьян крупнопосевных групп (с посевом от 12 до 25 и более 25 дес.), имевших больше финансовых возможностей для удовлетворения потребительских нужд и запросов своих семей, в том числе и за счет членства в потребительских обществах.

Что касается кредитной кооперации, то во всех поселенческих группах наиболее массовым было участие в ней хозяйств с посевом от 4 до 12 дес., которых в рамках устоявшейся в исторической литературе классификации социально-имущественной дифференциации крестьянства обычно относят к «середнякам». Степень вовлеченности в кредитную кооперацию середняцких хозяйств была более высокой, чем зажиточных (с посевом от 12 до 25 дес.) и крупнопосевных (с посевом более 25 дес.) хозяйств как в старожильском, так и переселенческом сегментах регионального крестьянского социума: среди старожилов она составляла 37,5 % против соответственно 28,2 % и 31,4 %, а среди переселенцев – 44,9 % против 42,5 % и 38,5 % (Таблица 3). С учетом того, что кредитные ресурсы кооперации были важнейшим источником заемных средств для сибирских крестьян, это может свидетельствовать о наличии у середняцких хозяйств потенциала к расширению производства и, наоборот, о сокращении таких возможностей и перспектив у зажиточной части деревни.

Таблица 3. Участие крестьянских хозяйств в кредитной и потребительской кооперации (с группировкой по размерам посева и поселенческим группам) (Крестьянские хозяйства..., 2009)

Поселенческие и посевные группы крестьян	Виды кооперации	
	Кредитная	Потребительская
С посевом	% от общего числа хозяйств	
до 4 дес.		
старожилы	30,8	25,2
переселенцы, в т.ч. водворившиеся:	30,8	25,3
во вт. пол. XIX в. – 1906 г.	33,0	25,1
в столыпинский период	28,7	24,7
от 4 до 12 дес.		
старожилы	37,8	32,2
переселенцы, в т.ч. водворившиеся:	44,9	32,6
во вт. пол. XIX в. – 1906 г.	45,7	34,7
в столыпинский период	42,8	28,2
от 12 до 25 дес.		
старожилы	28,2	34,8
переселенцы, в т.ч. водворившиеся:	42,5	38,2
во вт. пол. XIX в. – 1906 г.	43,5	41,6
в столыпинский период	39,4	31,3
свыше 25 дес.		
старожилы	31,4	42,9
переселенцы, в т.ч. водворившиеся:	38,5	41,8
во вт. пол. XIX в. – 1906 г.	43,2	45,7
в столыпинский период	27,6	33,1

Менее широкое участие зажиточных крестьянских хозяйств в кредитной кооперации отчасти может быть объяснено наличием у них собственных накопленных средств, которые могли

инвестироваться в расширение производства. Вместе с тем ограниченное обращение к кредитным ресурсам кооперации зажиточных крестьян – производителей товарного хлеба – может быть связано и с тем, что развитие крупного земледельческого производства в Сибири сдерживалось тарифной политикой государства (до 1913 г. действовал Челябинский тарифный перелом, значительно удорожавший вывоз зерновой продукции из Сибири), прекращением экспорта хлеба и сокращением трудовых ресурсов деревни с началом Первой мировой войны.

Похожая, хотя и несколько отличающаяся, ситуация с вовлеченностью хозяйств разного уровня зажиточности в кредитную и потребительскую кооперацию прослеживается и при группировке хозяйств по поголовью рогатого скота, учитывающей их животноводческую специализацию (Таблица 4). Как и в случае с группировкой по показателю, отражающему земледельческую специализацию, – размерам посева, самый высокий уровень участия в потребительской кооперации был характерен для наиболее экономически мощных групп животноводческих хозяйств (с числом КРС от 8 до 15 и свыше 15), во всех поселенческих группах беднейшие хозяйства (содержавшие не более 4 голов КРС) демонстрировали наименьший уровень участия в потребительской кооперации. Средняцкие хозяйства (5-7 голов КРС) превосходили более мощные в производственном отношении хозяйства по степени вовлеченности в кредитную кооперацию и более того – по этому показателю зажиточные хозяйства несколько отставали и от хозяйств низшей производственной группы (имевших не более 4 голов КРС). Вместе с тем, как было показано выше (Таблица 2), участие крестьянских хозяйств в маслодельческих кооперативах, обеспечивающих производство и сбыт продукции, находилось в прямо пропорциональной зависимости от уровня обеспеченности их молочным скотом. Снижение потребности зажиточных хозяйств с животноводческой специализацией в кредитных ресурсах могло быть связано с прекращением экспорта сибирского масла с началом войны.

Таблица 4. Участие крестьянских хозяйств в кредитной и потребительской кооперации (с группировкой по поголовью крупного рогатого скота и поселенческим группам) (Крестьянские хозяйства, 2009)

Группы крестьян	Виды кооперации	
	Кредитная	Потребительская
Крупного рогатого скота в хозяйстве	% от общего числа хозяйств	
от 1 до 4 голов		
старожилы	33,2	24,0
переселенцы, в т.ч. водворившиеся:	37,6	27,1
во вт. пол. XIX в.– 1906 г.	39,7	29,7
в столыпинский период	34,4	23,6
5–7 голов		
старожилы	35,4	33,3
переселенцы, в т.ч. водворившиеся:	43,4	36,5
во вт. пол. XIX в. – 1906 г.	45,5	37,5
в столыпинский период	39,1	34,5
8–15 голов		
старожилы	32,6	34,9
переселенцы, в т.ч. водворившиеся:	38,1	39,5
во вт. пол. XIX в. – 1906 г.	39,4	41,4
в столыпинский период	33,9	33,6
свыше 15 голов		
старожилы	23,0	36,6
переселенцы, в т.ч. водворившиеся:	35,2	37,4
во вт. пол. XIX в. – 1906 г.	36,2	36,2
в столыпинский период	30,6	42,9

5. Заключение

Таким образом, определение уровня участия в кооперации алтайских крестьян различных поселенческих групп на основе компьютеризированного статистического анализа сведений, содержащихся в базе данных, составленной по материалам с/х переписи 1917 г., показало, что наибольший уровень включенности в маслодельческую кооперацию был характерен для крестьян-

старожилов, в хозяйственных занятиях которых животноводство традиционно являлось наиболее доходной отраслью, а наименее охваченными этим видом кооперации были переселенцы столыпинского периода, находившиеся на начальной стадии приспособления к новым условиям хозяйствования. Вместе с тем переселенцы, испытывавшие острую нужду в заемных средствах, необходимых для покупки сельскохозяйственного инвентаря и предметов домашнего обустройства, чаще, чем старожилы, становились членами кредитных и потребительских обществ.

Анализ показателей, характеризующих взаимосвязь между уровнем участия в кооперации и степенью зажиточности крестьянских хозяйств, показывает, что во всех поселенческих группах алтайского крестьянства включенность крестьян в маслодельческую кооперацию повышалась с ростом обеспеченности хозяйств молочным скотом; в потребительские кооперативы наиболее активно вступали зажиточные слои алтайского крестьянства, имевшие больше финансовых возможностей для удовлетворения своих потребительских нужд; наибольшую степень вовлеченности в кредитную кооперацию демонстрировали хозяйства крестьян-середняков (как в районах с земледельческой, так и животноводческой специализацией), а устремления к участию в этой форме кооперации зажиточной и предпринимательской части алтайской деревни сдерживались ограничениями, накладываемыми экономической политикой правительства, отражавшими статус Сибири как экономической колонии, а также разрывом связей с мировыми рынками с началом Первой мировой войны.

Литература

- Алексеева, 1993** – Алексеева В.К. Кооперативное движение в Сибири. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. 120 с.
- Болотова, 2003** – Болотова Е.Ю. «В единении – сила». Потребительская кооперация в России в конце XIX – начале XX в. Волгоград: Перемена, 2003. 330 с.
- Гузик, 2002** – Гузик М.В. Культурно-просветительская деятельность кооперации Восточной Сибири в конце XIX – начале XX века // *Иркутский историко-экономический ежегодник*. 2002. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2002. С. 70-74.
- Запорожченко, 2006** – Запорожченко Г.М. Первые потребительские кооперативы в Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Кооперация Сибири: история и современное состояние. Вып. 5 / Под ред. А.А. Николаева. Новосибирск, 2006. С. 130-145.
- Илимский, 1919** – Илимский Д.И. Кооперативные союзы Сибири (1908–1918 гг.). М., 1919. 102 с.
- Корелин, 2009** – Корелин А.П. Кооперация и кооперативное движение в России, 1861–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 391 с.
- Крестьянские хозяйства..., 2009** – Крестьянские хозяйства Алтайской губернии в 1917 г. [Электронный ресурс]: база данных / Сост. В.Н. Разгон, Д.В. Колдаков, К.А. Пожарская. Электрон. дан. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2009. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). № госрегистрации 2009620044.
- Ломакина, Старин, 2000** – Ломакина И.Б., Старин Б.С. Кооперация в Забайкалье: исторический опыт: (60-е годы XIX в. – февр. 1917 г.). Улан-Удэ: ВСГТУ, 2000. 251 с.
- Лубков, 2019** – Лубков А.В. Солидарная экономика. Кооперативная модернизация России (1907–1914 гг.). М.: МПГУ, 2019. 272 с.
- Макеев, 2015** – Макеев А.Н. Становление и развитие кооперативных союзов в Енисейской и Иркутской губерниях в начале XX века // *Вестник Иркутского государственного технического университета*. 2015. № 6 (101). С. 377-382.
- Махов, 1923** – Махов В.Н. Потребительская кооперация Сибири в процессе ее развития (1898–1920 гг.). Новониколаевск, 1923. 217 с.
- Пахомчик, 2013** – Пахомчик С.А. Алтайская сельскохозяйственная кооперация на рубеже XIX–XX вв. и ее значение для современного этапа возрождения кооперации в региональном АПК // *Вестник Алтайского государственного аграрного университета*. 2013. № 4 (102). С. 180-188.
- Пивоваров, Рынков, 2013** – Пивоваров Н.Ю., Рынков В.М. Сибирская кооперация в системе властных отношений в эпоху войн и революций // *Власть и общество в Сибири в XX веке: Сборник научных трудов*. Вып. 3. Новосибирск, 2012. С. 35-58.
- Разгон и др., 2013** – Разгон В.Н., Храмков А.А., Пожарская К.А. Столыпинские мигранты в Алтайском округе: переселение, землеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адаптация. Барнаул: Азбука, 2013. 347 с.
- Сборник..., 1913** – Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Вып. 1. Томск, 1913. II, XXVIII, [2], 280, 29, [1].
- Сыщенко, Сыщенко, 2003** – Сыщенко А.Г., Сыщенко В.А. Золотые годы сибирской и алтайской кооперации. 1896–1919 гг. Изд. 2-е, испр. и доп. Барнаул, 2003. Т. 1. 295 с.
- Туган-Барановский, 1989** – Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М.: Экономика, 1989. 496 с.

Тюкавкин, 1966 – Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября (К вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции). Иркутск, 1966. 471 с.

Чаянов, 1993 – Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации // Избранные труды. М.: Изд-во «Колос», 1993. С. 247-574.

Чедурова, 2014 – Чедурова Е.М. Западносибирская кооперация в период реформ и революций начала XX в.: идеология, законотворчество, агротехнологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2014. 272 с.

Челинцев, 1919 – Челинцев А.Н. Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. Харьков: Харьк. О-во С. Х., 1919. 177 с.

References

Alekseeva, 1993 – Alekseeva V.K. (1993). Kooperativnoe dvizhenie v Sibiri. Konets XIX – nachalo XX v. [Cooperative movement in Siberia. The end of the 19th – the beginning of the 20th century]. Novosibirsk: Izd-vo NGU. 120 p. [in Russian]

Bolotova, 2003 – Bolotova E.Yu. (2003). «V edinenii – sila». Potrebitel'skaya kooperatsiya v Rossii v kontse XIX – nachale XX v. [“In unity is power”. Consumer cooperation in Russia in the late XIX – early XX century]. Volgograd: Peremena. 330 p. [in Russian]

Chayanov, 1993 – Chayanov A.V. (1993). Osnovnye idei i formy organizatsii sel'skokhozyaistvennoi kooperatsii [The main ideas and forms of organization of agricultural cooperation]. Izbrannye trudy. M.: Izd-vo «Kolos», pp. 247-574. [in Russian]

Chedurova, 2014 – Chedurova E.M. (2014). Zapadnosibirskaya kooperatsiya v period reform i revolyutsii nachala XX v.: ideologiya, zakonotvorchestvo, agrotekhnologii [West Siberian cooperation during the period of reforms and revolutions of the early twentieth century: ideology, lawmaking, agricultural technology]. Gorno-Altai: GAGU. 272 p. [in Russian]

Chelintsev, 1919 – Chelintsev A.N. (1919). Teoreticheskie osnovaniya organizatsii krest'yanskogo khozyaistva [Theoretical foundations of the organization of peasant farming]. Khar'kov. 177 p. [in Russian]

Guzik, 2002 – Guzik M.V. (2002). Kul'turno-prosvetitel'skaya deyatel'nost' kooperatsii Vostochnoi Sibiri v kontse XIX–nachale XX veka [Cultural and educational activities of the cooperation of Eastern Siberia in the late 19th–early 20th century]. Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik. Irkutsk: Publishing House of Irkutsk State Economic Academy, pp. 70-74. [in Russian]

Ilimskii, 1919 – Ilimskii D.I. (1919). Kooperativnye soyuzy Sibiri (1908–1918 gg.) [Cooperative Unions of Siberia (1908–1918)]. M. 102 p. [in Russian]

Korelin, 2009 – Korelin A.P. (2009). Kooperatsiya i kooperativnoe dvizhenie v Rossii, 1861–1917 gg. [Cooperation and the cooperative movement in Russia, 1861–1917]. M.: ROSSPEN. 391 p. [in Russian]

Krest'yanskie hozyajstva..., 2009 – Krest'yanskie hozyajstva Altajskoj gubernii v 1917 g. [Peasant farms in the Altai province in 1917] [Electronic resource]: baza dannykh. Sost. V.N. Razgon, D.V. Koldakov, K.A. Pozharskaya. – Elektron. dan. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 2009. 1 elektron. opt. disk (CD-ROM). № gosregistratsii 2009620044. [in Russian]

Lomakina, Starin, 2000 – Lomakina I.B., Starin B.S. (2000). Kooperatsiya v Zabaikal'e: istoricheskii opyt: (60-e gody XIX v.– fevr. 1917 g.) [Cooperation in Transbaikalia: historical experience: (60s of the 19th century – Feb. 1917)]. Ulan-Ude: VSGTU, 251 p. [in Russian]

Lubkov, 2019 – Lubkov A.V. (2019). Solidarnaya ekonomika. Kooperativnaya modernizatsiya Rossii (1907–1914) [Joint economy. Cooperative modernization of Russia (1907–1914)]. M.: MPGU. 272 p. [in Russian]

Makeev, 2015 – Makeev A.N. (2015). Stanovlenie i razvitie kooperativnykh soyuzov v Eniseiskoi i Irkutskoi guberniyakh v nachale XX veka [The formation and development of cooperative unions in the Yenisei and Irkutsk provinces in the early twentieth century]. Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. № 6 (101), pp. 377-382. [in Russian]

Makhov, 1923 – Makhov V.N. (1923). Potrebitel'skaya kooperatsiya Sibiri v protsesse ee razvitiya (1898–1920 gg.) [Consumer cooperation in Siberia in the process of its development (1898–1920)]. Novonikolaevsk. 217 p. [in Russian]

Pakhomchik, 2013 – Pakhomchik S.A. (2013). Altaiskaya sel'skokhozyaistvennaya kooperatsiya na rubezhe XIX–XX vv. i ee znachenie dlya sovremennogo etapa vozrozhdeniya kooperatsii v regional'nom APK [Altai agricultural cooperation at the turn of the XIX–XX centuries and its significance for the modern stage of the revival of cooperation in the regional agribusiness]. Vestnik Altaiskogo gos-udarstvennogo agrarnogo universiteta. № 4(102), pp. 180-188. [in Russian]

Pivovarov, Rynkov, 2013 – Pivovarov N.Yu., Rynkov V.M. (2013). Sibirskaya kooperatsiya v sisteme vlastnykh otnoshenii v epokhu vojn i revolyutsii [Siberian cooperation in the system of power relations in the era of wars and revolutions]. Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke. Is. 3. Novosibirsk, pp. 35-58. [in Russian]

Razgon et al., 2013 – Razgon V.N., Khramkov A.A., Pozharskaya K.A. (2013). Stolypinskie migranty v Altaiskom okruge: reseselenie, zemleobespechenie, khozyaistvennaya i sotsiokul'turnaya adaptatsiya [Stolypin migrants in the Altai region: resettlement, land provision, economic and socio-cultural adaptation]. Barnaul: Azbuka. 348 p. [in Russian]

Sbornik..., 1913 – Sbornik statisticheskikh svedenii ob ekonomicheskom polozhenii pereselentsev v Tomskoi gubernii [A collection of statistical information on the economic situation of migrants in the Tomsk province]. Is. 1. Tomsk. [in Russian]

Syshchenko, Syshchenko, 2003 – *Syshchenko A.G., Syshchenko V.A.* (2003). *Zolotyie gody sibirskoi i altaiskoi kooperatsii. 1896–1919 gg.* [Golden years of Siberian and Altai cooperation. 1896–1919]. Barnaul. Vol. 1. 295 p. [in Russian]

Tugan-Baranovskii, 1989 – *Tugan-Baranovskii M.I.* (1989). *Sotsial'nye osnovy koopeatsii* [Social foundations of cooperation]. M.: Ekonomika. 496 p. [in Russian]

Tyukavkin, 1966 – *Tyukavkin V.G.* (1966). *Sibirskaya derevnya nakanune Oktyabrya (K voprosu o formirovanii sotsial'no-ekonomicheskikh predposylok sotsialisticheskoi revolyutsii)* [Siberian village on the eve of October (on the formation of the socio-economic prerequisites of the socialist revolution)]. Irkutsk. 471 p. [in Russian]

Zaporozhchenko, 2006 – *Zaporozhchenko G.M.* (2006). *Pervye potrebitel'skie kooperativy v Sibiri (konets XIX – nachalo XX vv.)* [The first consumer cooperatives in Siberia (late XX – early XX centuries)]. *Kooperatsiya Sibiri: istoriya i sovremennoe sostoyanie*. Is. 5. Novosibirsk, pp. 130-145. [in Russian]

Крестьянство Алтайской губернии и кооперация (на материалах Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.)

Виктор Николаевич Разгон ^{a, *}, Ксения Александровна Пожарская ^a,
Антон Викторович Разгон ^b

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

^b Финансовый университет при правительстве РФ, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе анализа материалов сельскохозяйственной переписи 1917 г. определяется уровень вовлеченности в различные виды кооперации крестьян Алтайского округа, относящихся к разным поселенческим группам, а внутри них – в зависимости от уровня зажиточности. Наибольший уровень включенности в маслодельческую кооперацию был характерен для крестьян-старожилов, в хозяйстве которых животноводство традиционно являлось наиболее доходной отраслью, а наименее охваченными этим видом кооперации были переселенцы столыпинского периода, находившиеся на начальной стадии приспособления к новой природно-географической и социокультурной среде обитания. Вместе с тем переселенцы, испытывавшие острую нужду в кредитных средствах, необходимых для покупки сельскохозяйственного инвентаря и предметов домашнего обихода, чаще, чем старожилы, становились членами кредитных и потребительских обществ.

Во всех поселенческих группах алтайского крестьянства вовлеченность в маслодельческую кооперацию увеличивалась по мере роста обеспеченности крестьянских хозяйств молочным скотом, в потребительской кооперации наиболее активно участвовали зажиточные слои алтайского крестьянства, а в кредитные кооперативы наиболее массово вступали крестьяне-средняки, устремления же к участию в этом виде кооперации зажиточной и предпринимательских слоев деревни сдерживалось ограничительной политикой царского правительства, отражавшей положение Сибири как экономической колонии, и прекращением экспорта сельхозпродукции с началом Первой мировой войны.

Ключевые слова: крестьяне, кооперация, сельскохозяйственная перепись, аграрная миграция, Сибирь, Алтай.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vrazgon@rambler.ru (В.Н. Разгон)

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1409-1412. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1409
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

East European Historical Society (2015–2020): Foundation and Development

Olga V. Natolochnaya ^{a, b, f, *}, Yurii N. Makarov ^c, Ruslan M. Allalyev ^d, Vladimir A. Svechnikov ^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Sochi State University, Sochi, Russian Federation

^d Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^e Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

^f East European History Society, Russian Federation

Abstract

This paper examines the diverse activity of the East European Historical Society, in conjunction with the institution's fifth anniversary. A special focus is given to the Society's life in the period from 2015 to 2020.

The work's materials are grounded in some specialized literature and a body of research literature, as well as certain resources available on the Center's website. In working on this paper, the authors made wide use of the descriptive, statistical, and problem-historical methods, which helped put together a comprehensive picture of the relevant events in their historical sequence.

Drawing a conclusion, the authors point out that over the first five years of the Society's existence, its founders formulated regulatory documents, designed symbols, developed the organizational structure and identified key items on the agenda. The agenda primarily covers the following areas: supporting research projects on relevant topics (including organization of funded research competitions); ensuring wide publicity for the findings brought by studies in the history of Eastern Europe (engaging an information agency) and facilitating member publication activities (which is reflected in the Web of Science scientometric database).

Keywords: East European Historical Society (2015–2020), history, foundation, key areas of development.

1. Introduction

The East European Historical Society will celebrate 5 years of operation on September 6, 2020. Of course, the 5th anniversary is a trifling landmark comparing to the record of some of the historical societies in the world. For example, the American Historical Association (US) was established in 1884, the Royal Historical Society (UK) emerged even earlier – in 1868. Nevertheless, in this half-decade, the East European Historical Society has made considerable steps to define its place among international historical organizations and outlined its essential focus areas. The work is intended to highlight major milestones in the development of the East European Historical Society in the first 5 years of activity.

2. Materials and methods

The work's materials are grounded in the company's business documentation, certain resources available on its website (<http://www.easteuropeanhistory.org>), a set of international scientometric

* Corresponding author

E-mail addresses: incfar.natolochnaya@gmail.com (O.V. Natolochnaya)

databases, a set of journals run by Academic Publishing House Researcher s.r.o., some specialized literature, and a body of research literature.

In working on this paper, the authors made wide use of the descriptive, statistical, and problem-historical methods, which helped put together a comprehensive picture of the relevant events in their historical sequence.

3. Results

History and mission of the organization. The East European Historical Society was founded on September 6, 2015. The organization's website is <http://www.easteuropeanhistory.org/> The mission of the East European Historical Society is to promote the comprehensive study of the histories of the peoples of Eastern Europe, including Russia, as well as to further the development of effective contacts and collaboration between scholars specializing in the region.

Our objective is to support research of the highest quality in the East European historical field and related areas, with special emphasis given to the publication of archival materials, private documentary sources, and historiographical reviews.

The society membership criteria set forth that applicants should have at least 5 publications in academic journals indexed by Scopus and the Web of Science, as well as at least one recommendation from full members of the East European Historical Society. The minimum criterion of 5 Scopus and Web of Science publications represents quite a challenge for researchers in the humanities. The first constituent meeting, convened on September 6, 2015, elected¹ Aleksandr A. Cherkasov, Doctor of Historical Sciences and Director of the International Network Center for Fundamental and Applied Research, as President of the Society. The criterion was introduced by the President of the East European Historical Society.

Structure and symbols of the Society. The Society is managed by a small staff that comprises functions such as Chairman, General Editor, Treasurer, Secretary, as well as Committee Members.

Three problematic groups have been set up in the Society since it was created. These are the Archeology, Modern History and Contemporary History Groups. The Society members currently include researchers from Russia, Slovakia, Serbia, Romania, Bulgaria, Slovenia, Georgia, Moldova, Ukraine and Great Britain.

Fig. 1. The Society's symbols (a – logo, b – banner)

Focus areas of the Society. After it was established, the Society has played an active role in reviewing scholarly works for various academic periodicals. One example is Bylye Gody, a Russian historical journal. The corresponding information was announced on the international edition's home page: <http://ejournal52.com/en/index.html>

The East European Historical Society also set up its dedicated official bulletin in 2015 – the East European History journal. The journal's website can be visited at: <http://ejournal49.com/en/index.html> Artyom Peretyatko, PhD (History), of the International Network Center for Fundamental and Applied Research, is the journal's editor-in-chief.

The Society is now organizing and carrying out various events, including funded research competitions for the best scholarly publication on a wide range of relevant subjects of study.

For example, it announced a competition for the best scholarly publication on the occasion of the East European Historical Society's 5th anniversary. The purpose of the competition is to raise the level of discussion around research in the history of Eastern Europe. In addition, the Society established the 1st annual competition for the best research work on the issues related to slavery – Slavery in the Past and Present. The prize value in the Slavery in the Past and Present competition of \$ 2,250 has been provided by

¹ More information on the Center's projects is available here: (Tarakanov, Ponomareva, 2019).

Academic Publishing House Researcher s.r.o., Bratislava, Slovakia. Details of the current competitions is available on the official website of the East European Historical Society: <http://www.easteuropeanhistory.org/our-competitions.html>

The Society is also a participant in another project – Eastern European Scientific Information Agency. Its website can be visited at: <https://eesiag.com/>

With English as a working language, the project is being implemented in collaboration with the Department of Scientific Information of the International Network Center for Fundamental and Applied Research and seeks to raise awareness of scholars and academia of the works accomplished by researchers in the Eastern European history. The Center releases about 20 news items each month about the most remarkable studies on the history of Eastern Europe.

Publication activity of the Society. As the Society was created in the autumn of 2015, its first papers came out in the Web of Science indexed journals only in 2016. [Figure 1](#) shows data on the publication activity of society members from 2016 to 2020. It is important to note that the 2020 data is incomplete because as of the time of this piece, the year 2020 has not been over yet, and publication of several articles for this year is still pending. As of August 2020, the Society has 40 publications in the Web of Science, and its h-index in the resource is 5.

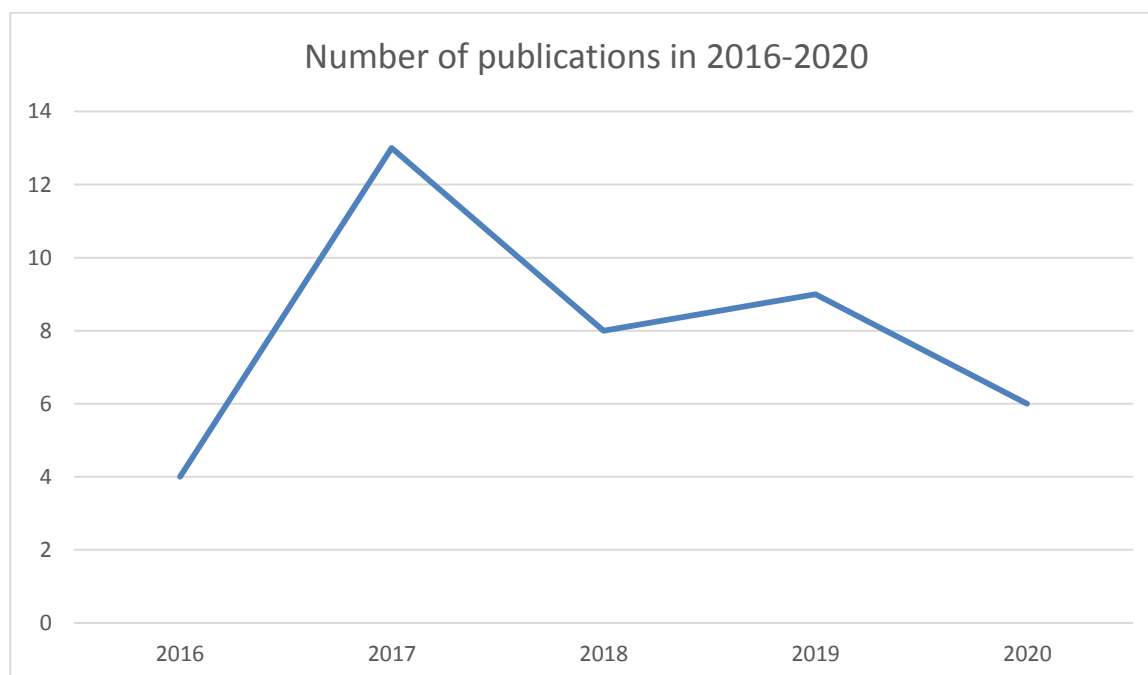

Fig. 1. Society's publications in the Web of Science in 2016–2020

Main lines of research interest, reflected in members' publication activity, include various aspects of the history of the Caucasus and the Caucasian War (1801-1864) ([Cherkasov et al., 2016](#); [Natolochnaya, 2017](#); [Cherkasov et al., 2017](#); [Peretyatko, 2019](#); [Cherkasov et al., 2017a](#); [Karataev et al., 2017](#); [Vodyasov, Zaitceva, 2018](#)), the history of the bureaucratic organization and government bodies in the Russian Empire ([Peretyatko, 2017](#); [Peretyatko, 2017a](#); [Degtyarev et al., 2018](#); [Degtyarev et al., 2018a](#); [Degtyarev, Polyakova, 2019](#); [Degtyarev et al., 2019](#)), specific facets of the history of minor peoples ([Shaidurov, 2017](#)), regional public education systems in the modern era ([Magsumov, Nizamova, 2016](#); [Natolochnaya et al., 2018](#); [Zavhorodnia et al., 2019](#)), as well as the issues of the revolution and wars between the 19th and early 20th centuries ([Taran et al., 2017](#); [Trut et al., 2017](#); [Cherkasov et al., 2017](#)).

It is also essential to point out that in writing their papers for publication, members of the East European Historical Society made extensive use of academic collaborations, and as a result, most of the publications were co-authored with representatives of various European universities.

4. Conclusion

Thus, over the first five years of the Society's existence, its founders formulated regulatory documents, designed symbols, developed the organizational structure and identified key items on the agenda. The agenda primarily covers the following areas: supporting research projects on relevant topics (including organization of funded research competitions); ensuring wide publicity for the findings brought by studies in the history of Eastern Europe (engaging an information agency) and facilitating member publication activities (which is reflected in the Web of Science scientometric database).

References

- Cherkasov et al., 2016** – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. (2016). The Evolution of Christianity in the Caucasus in the IV–XVIII Centuries. *Bylye Gody*. 41(3): 555-564.
- Cherkasov et al., 2017** – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Valleau A. (2017). The losses of the Russian army in Transcaucasia during the Russo-Turkish war (1828-1829): The historical-statistical study. *Rusin*. 50(4): 38-60.
- Cherkasov et al., 2017** – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. (2017). The list of captives from the Turkish vessel *belifte* as a source of information on the slave trade in the north-western caucasus in the early 19th century. *Annales-Anali za Istrske in Mediteranske Studije – Series Historia et Sociologia*. 27(4): 851-864.
- Cherkasov et al., 2017a** – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. (2017). The Losses of the Russian Army during the Caucasian War (1801–1864): Historical and Statistical Research. *Bylye Gody*. 43(1): 68-85.
- Degtyarev et al., 2018** – Degtyarev S.I., Zavhorodnia V.M., Polyakova L.G. (2018). The Contribution of Nikolai Vasilievich Varadinov to the Development of Russian Civil Law and Historical and Legal Research. *Bylye Gody*. 50(4): 1530-1537.
- Degtyarev et al., 2018a** – Degtyarev S.I., Zavhorodnia V.M., Polyakova L.G. (2018). On the Establishment of the Ruthenian (Ukrainian) University in Austria-Hungary and Its Coverage in “Kievskaya Starina” Journal. *European Journal of Contemporary Education*. 7(4): 911-917.
- Degtyarev et al., 2019** – Degtyarev S.I., Polyakova L.G., Balanyuk L.L., Gut J. (2019). Justice System of Northeastern Ukraine and the Influence of Russian Judicial Practice (middle XVII – XVIII centuries). *Bylye Gody*. 52(2): 491-501.
- Degtyarev, Polyakova, 2019** – Degtyarev S.I., Polyakova L.G. (2019). Orphan Courts in the System of State Institutions of the Russian Empire of the end of the XVIII – 60s of the XIX centuries: Personal Composition, Competence, Rights and Duties of Guardians. *Bylye Gody*. 51(1): 83-92.
- Karataev et al., 2017** – Karataev V.B., Belyalova A.M., Artemova S.F., Yakushev A.N. (2017). The Combatant of the Caucasian Army (1801–1864 years): Uniform, Equipment, Traditions. *Bylye Gody*. 45(3): 847-852.
- Krinko et al., 2017** – Krinko E.F., Suschiy S.J., Mamadaliev A.M. (2017). Demographic Consequences of the Caucasian War: on the Issue of Battle Losses of the Highlanders. *Bylye Gody*. 45(3): 821-835.
- Magsumov, Nizamova, 2016** – Magsumov T.A., Nizamova M.S. (2016). The Zemstvo's Activities to Guide the Primary School Teacher Resources Formation and Support. *Bylye Gody*. 41(3): 688-697.
- Natolochnaya et al., 2018** – Natolochnaya O.V., Bulgarova B.A., Bragina M.A. (2018). The Struggle for Literacy in the Russian Troops in the late 1850s – early 1860s. *Bylye Gody*. 47(1): 225-231.
- Natolochnaya, 2017** – Natolochnaya O.V., Chikhladze L.T., Yablochkina I.V., Gordeev I.A. (2017). Sports Training in Parts of the Active Army in the Period of the Caucasian War. *Bylye Gody*. 46(4): 1291-1296.
- Peretyatko, 2016** – Peretyatko A.Y. (2016). The reform of the military administration of the Don Cossacks in 1866–1874: realization of the project, which was never approved. *Bylye Gody*. 41(3): 744-752.
- Peretyatko, 2017** – Peretyatko A.Y. (2017). "Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order": the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. Part I. *Bylye Gody*. 45(3): 937-948.
- Peretyatko, 2017a** – Peretyatko A.Y. (2017). "Before Giving to the Nation or Tribe a New Order, One Must First Ask the People of this Nation Whether They Need This Order": the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 on the Don. Part II. *Bylye Gody*. 46(4): 1401-1415.
- Peretyatko, 2019** – Peretyatko A.Y. (2019). Forgotten Researcher of the Don Economy: Economic and Political Motives in the Late Books of N.I. Krasnov. *Bylye Gody*. 54(4): 1692-1703.
- Shaidurov, 2017** – Shaidurov V.N. (2017). On the History of the Roma in the Russian Empire (second half of the 18th – first quarter of the 19th century). *Bylye Gody*. 46(4): 1207-1218.
- Tarakanov, Ponomareva, 2019** – Tarakanov V.V., Ponomareva M.A. (2019). INCFAR: Characteristics and Challenges (A Fifth Anniversary Tribute). *European Journal of Contemporary Education*. 8(4): 984-992.
- Taran et al., 2017** – Taran K.V., Dyuzhov A.V., Rassolov I.M. (2017). The Activities of the Armenian parties Dashnaksutyun and Gnchak on the territory of the Black Sea Province at the beginning of the XX century. *Bylye Gody*. 43(1): 248-256.
- Trut et al., 2017** – Trut V.P., Borodin S.V., Tarakanov V.V. (2017). Position of the Cossacks of the Petrograd garrison during the October uprising in the Capital and Participation of Cossack Units in the Campaign of Kerensky-Krasnov. *Bylye Gody*. 46(4): 1572-1581.
- Vodyasov, Zaitceva, 2018** – Vodyasov E.V., Zaitceva O.V. (2018). Results of Interdisciplinary Research of Hillfort «Toyano Gorodok». *Bylye Gody*. 48(2): 456-464.
- Zavhorodnia et al., 2019** – Zavhorodnia V.M., Slavko A.S., Degtyarev S.I., Polyakova L.G. (2019). Implementing a Value-Oriented Approach to Training Law Students. *European Journal of Contemporary Education*. 8(3): 677-691.